ОТЪ РЕДАКЦІИ „БРАТСКОЙ ПОМОЩИ ПОСТРАДАВШИМЪ ВЪ ТУРЦІИ АРМЯНАМЪ“

Братская помощь
армянамъ

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

АРМЯНАМЪ.

2-ое изданіе.

БРАТСКАЯ ПОМОЩЬ

АРМЯНАМЪ.

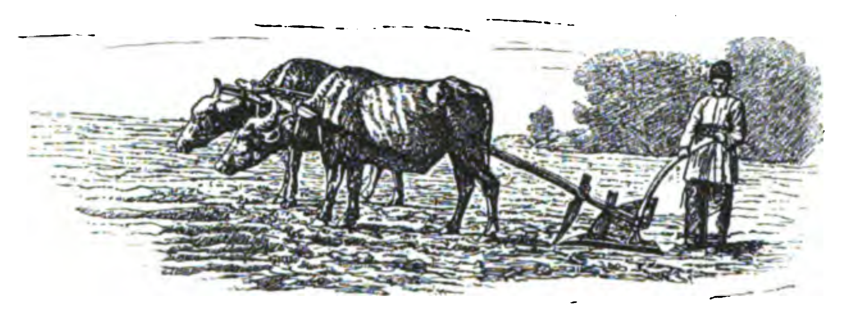
2-ое изданіе.

ПОСТРАДАВШИМЪ ВЪ ТУРЦІИ

АРМЯНАМЪ.

Литературно-научный сборникъ съ оригинальными рисунками И. К. Айвазовскаго, заставками В. Я. Суреньянца, съ двумя отдѣльными большими группами армянъ-переселенцевъ, съ автографами авторовъ и со множествомъ портретовъ, видовъ, типовъ Закавказья, Турецкой Арменіи и пр.—

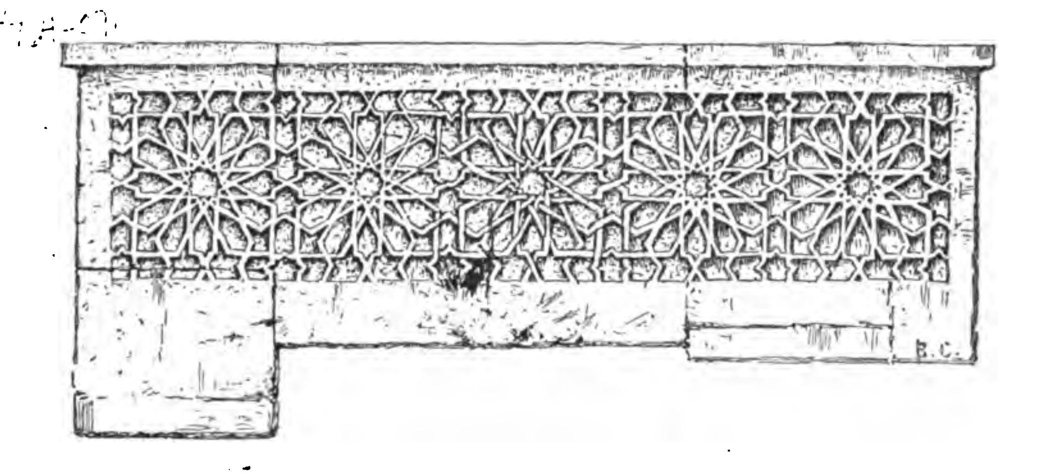
Доброта, доброта и... доброта!
Послѣднія слова Гладстона.



2-е вновь обработанное и дополненное изданіе.

МОСКВА.
Типо-литографія Высочайше утвержденнаго Т-ва **И. Н. Кушнеревъ и К°**,
Пименовская улица, собственный домъ.
1898.

Дозволено цензурою. Москва, 14 января 1898 г.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Bis dat qui cito dat.

Совокупный трудъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ, живо откликнувшихся на зовъ «Братской Помощи», увѣнчался полнымъ успѣхомъ. Не мало способствовало ему и сочувственное отношеніе къ сборнику со стороны нашей печати, проявленное съ рѣдкимъ единодушіемъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нижеслѣдующіе

Отзывы печати о „Братской помощи".

1. Петербургскія Вѣдомости. Какъ тяжеловѣсная надгробная плита, пишетъ г. Гольмстремъ въ статьѣ подъ заглавіемъ «Распятые», какъ камень гробовой, сокрывши подъ собою муки отлетѣвшихъ въ вѣчность, какъ надпись надъ могилой, сосредоточивая мысли и вызывая скорбныя думы, лежитъ предо мною сборникъ «Братская Помощь».

Съ обложки книги глядитъ группа, полная нѣмого трагизма [1])... Это—фотографическій снимокъ, взятый на русско-турецкой границѣ съ армянки-матери и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, бѣжавшихъ отъ турецкихъ избіеній. Какъ въ древнихъ классическихъ группахъ, какъ въ восхищающемъ васъ на первый взглядъ красотой линій и соразмѣрностью частей Лаокоонѣ, вы не видите въ этомъ снимкѣ никакихъ слѣдовъ искусственныхъ попытокъ разстроить ваши нервы кричащимъ изображеніемъ страданія. Но вглядитесь въ глаза матери, и—вы ихъ не забудете!.. Въ одномъ—застывшій ужасъ. Такъ и чудится тотъ протяжный, жалобный, молящій крикъ, который издавали беззащитныя жертвы турецкихъ извергов во время организованныхъ избіеній, когда уклонявшійся отъ ударовъ считался бунтовщикомъ. Другой глазъ выражаетъ животную энергію существа, свыкшагося со страданіями, инстинктивно понимающаго необходимость бѣжать, спасаться и готоваго на все, ибо нѣтъ ничего страшнѣе уже перенесеннаго. Это—взоръ забитой лошади, которая еще должна жить и работать, потому что еще есть силы. Вся группа—нѣмой укоръ... Она вліяетъ на васъ своею безыскусственностью, она—неприкрашенная дѣйствительность. Она—правда, горькая, скорбная!

---

[1]) Въ настоящемъ изданіи группа эта помѣщена на стр. XXVII введенія.

Таковъ же и характеръ сборника. Не думайте, что на всей тысячѣ его страницъ къ вамъ назойливо пристаютъ съ описаніемъ армянскихъ страданій и безчисленныхъ бѣдъ этого народа. Нѣтъ, только введеніе и послѣдняя сотня страницъ даютъ, на основаніи оффиціальныхъ документовъ (французская «Желтая Книга»), показаній и писемъ очевидцевъ, потрясающую картину армянскаго «крестнаго пути» на магометанскую Голгоѳу. Вся остальная громадная часть сборника—произведенія литературныя и научныя, русскихъ авторовъ, толкующихъ о Россіи и русскихъ дѣлахъ. Но... тихая грусть, великая скорбь, невыраженная печаль гдѣ-то скрываются въ этомъ сборникѣ. Это—грусть хоронящаяся, не назойливая, но проступающая наружу, какъ кровь армянскихъ мучениковъ, которую не замолчать... Тутъ слезы, горючія слезы, проѣдающія насквозь камень и западающія на сердце... Правда выступаетъ сама собой!

Кромѣ того, сборникъ составленъ такимъ путемъ, что всею суммой своихъ статей и каждой своей страницей онъ будитъ въ людяхъ *человѣка*. Съ каждой страницы вѣетъ разумною человѣчностью, рождаются добрыя чувства въ сердцѣ, свѣтлыя мысли западаютъ въ голову,—*пробуждается душа*... Сборникъ очень удачно начинается стихотвореніемъ:

Стучася у двери твоей Я стою:
Впусти меня въ келью свою!..
Кто гласъ Мой услышитъ, кто дверь отопретъ,
Къ себѣ кто Меня призоветъ,—
Къ тому Я войду и того возлюблю
И вечерю съ нимъ раздѣлю.

Эта книга—симфонія. Она полна поэзіи, красокъ, идей, добра, труда и человѣческаго достоинства. Она властно проникаетъ въ душу, звучитъ въ ней чудными аккордами и вызываетъ вдохновеніе. Этотъ сборникъ—одно изъ свѣтлыхъ явленій нашего времени, онъ—какъ бы энциклопедія, хрестоматія добра. Такая книга *воспитываетъ*. Въ минуту, когда усталая мысль не реагируетъ на внѣшнія впечатлѣнія, стоитъ взять въ руки этотъ сборникъ, чтобы зароились въ головѣ живыя идеи.

„Ничто такъ не способствуетъ междуплеменной розни, зависти и враждѣ, какъ невѣжество“, цитируются во введеніи къ сборнику слова Ламартина. Съ цѣлью ознакомить русское общество съ армянами въ книгѣ приведенъ цѣлый рядъ статей спеціально объ этомъ народѣ, о разныхъ сторонахъ его жизни, объ его исторіи, литературѣ, объ его значеніи для Россіи, которое прозрѣвалъ еще Петръ Великій. Упомянутыя статьи представляютъ высокій интересъ, заслуживаютъ подробнаго изслѣдованія и внимательнаго чтенія. Мы здѣсь укажемъ только вскользь, что культурное единеніе съ армянскимъ народомъ (съ его богатой исторіей, съ его цѣльнымъ и здоровымъ міровоззрѣніемъ, съ его испытанной духовной силой) является вкладомъ въ сокровищницу русскаго духовнаго бытія и самосознанія. Это живой и сильный потокъ, влившійся въ русское море, имъ надо дорожить и умѣть воспользоваться. Вообще, знакомясь съ этими элементами силы армянскаго духа, не удивляешься, что изъ подобнаго народа вышли Лазаревы, Тергукасовы и Шелковниковы.

Въ сборникѣ собраны письма изъ Малой Азіи, отъ чтенія которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. Это цѣлая гамма истязаній; когда убивали молодыхъ и старыхъ, предварительно ихъ обезоруживъ, когда насиловали женщинъ, отрывали имъ груди, четвертовали дѣтей на глазахъ у родителей, сожгли до 3.000 несчастныхъ, собравшихся въ соборѣ въ Урфѣ. При видѣ такого невообразимаго звѣрства надъ беззащитными, при сознаніи своего безсилія ограждать свою паству, архіепископъ Хоренъ Мхитаріанъ въ отчаяніи перерѣзалъ себѣ артеріи... И не передать всѣхъ звѣрствъ!!... Эти письма пишутъ люди всѣхъ состояній какъ армянской, такъ и другихъ національностей: купцы, учителя, священники, миссіо-

неры. Мусульмане показываютъ противъ мусульманъ... Всѣ такія данныя подтверждены оффиціальными документами, которые *слишкомъ* много говорятъ даже при своей обычной сдержанности и корректности.

2. **Нов. Время**. Сборникъ, озаглавленный «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ», который лежитъ предъ нами, вышелъ особенно объемистымъ. Тутъ и стихи, и проза, и научныя статьи, и даже фельетоны. Изданъ онъ прекрасно, съ рисунками и факсимиле авторовъ, а пятирублевая цѣна не остановитъ тѣхъ, кто не безучастно относится къ голоднымъ и холоднымъ, къ погорѣльцамъ и сиротамъ... Русское общество не станетъ равнодушно слушать стоны страдальцевъ чужихъ или своихъ, и у всякаго найдется нѣсколько рублей, которые онъ и отдастъ съ радостью, если только будетъ знать, что его трудовая лепта поможетъ накормить и одѣть хотя одного изъ безчисленной рати нищенствующихъ единовѣрцевъ. Вспомнимъ, что уже пятнадцать вѣковъ въ армянской церкви поются каноны и пѣсни, славящіе Христа!..

И, безъ сомнѣнія, среди болѣе или менѣе обычнаго для благотворительныхъ сборниковъ литературнаго матеріала, особый интересъ представляютъ помѣщенныя въ книгѣ мысли армянскаго католикоса Мкртича I, извлеченныя изъ его сочиненій.

Единство вѣры, единство идеаловъ, тотъ ликъ Христовъ, который бережетъ нашъ народъ въ сердцѣ своемъ, который сберегли въ теченіе вѣковъ и армяне, вотъ та почва, на которой прозябнетъ всего скорѣе ростокъ состраданія къ бѣдствующей нынѣ христіанской націи. Членъ тѣла Христова страждетъ. Неужели мы не поспѣшимъ омыть и перевязать его раны? Членъ тѣла Христова страждетъ. Съ нимъ сострадятъ и остальные члены...

Католикосъ, пользующійся большимъ уваженіемъ и популярностью въ средѣ своей паствы, обладаетъ тѣмъ «смиренномудріемъ», которое вообще характеризуетъ христіанскихъ духовныхъ писателей. Это прежде всего здравый смыслъ, глубокая простота слова. Вамъ подносятъ къ лицу зеркало. Вы можете дохнуть на него и замутить его чистую поверхность. Вамъ говорятъ истину. Вы можете спорить, чтобы закрыться отъ нея словопрительнымъ туманомъ. И вы чувствуете, что спорить тутъ нельзя...

Всесильный властелинъ морей обвелъ ихъ стѣною изъ мелкаго песку и поставилъ предѣлы бушующимъ волнамъ, чтобы онѣ не преступили ихъ и не затопили землю. О, если бъ Всемогущій Богъ поставилъ подобные же предѣлъ человѣку и въ границахъ его замкнулъ духъ завоеванія, чтобы морями крови не затоплялся бѣдный народъ...

Кто не присоединится къ этому пожеланію христіанина-пастыря!

3. **Вѣстникъ Европы**. Независимо отъ своей благотворительной цѣли, заслуживающей всякаго сочувствія, роскошно напечатанный литературно-научный сборникъ «Братская Помощь», почти въ тысячу страницъ, съ массою иллюстрацій, портретовъ и автографовъ, долженъ обратить на себя общее вниманіе читающей публики по богатству и разнообразію своего содержанія... Заключительная часть книги содержитъ въ себѣ потрясающій обзоръ турецкихъ звѣрствъ и насилій надъ армянами за послѣдніе три года, по свидѣтельствамъ очевидцевъ и по даннымъ дипломатическихъ документовъ. Точныя свѣдѣнія, собранныя представителями великихъ державъ и провѣренныя на мѣстѣ: убито до начала 1896 года въ Малой Азіи—37.085 ч., разорено домовъ—39.749, насильственно обращено въ магометанство—40.950, пущено по міру 290.300. Эти цифры говорятъ сами за себя; онѣ опредѣляютъ часть бѣдствій, для облегченія которыхъ русское общество призывается къ посильной матеріальной помощи. Успѣхъ изданнаго нынѣ сборника является во всѣхъ отношеніяхъ добрымъ дѣломъ.

4. **Міръ Божій**. «Братская Помощь» — таково заглавіе сборника въ пользу пострадавшихъ въ Турціи армянъ,—и горькое чувство начинаетъ шевелиться въ душѣ читателя, по мѣрѣ того, какъ на страницахъ этой книги предъ нимъ раз-

вертывается ужасающая картина бѣдствій, обрушившихся на тихій, трудолюбивый, родственный намъ по вѣрѣ народъ. Какіе мы братья? Братское чувство диктовало извѣстной части нашей печати тѣ инсинуаціи, клеветы и заподозриванія, которыми она отвѣчала на доносившіеся до нея вопли избиваемыхъ? Братское чувство руководило нами, когда на воззваніе о помощи страна въ 130 милл. отвѣтила жилкими грошами, цифру которыхъ лучше не приводить... Мы не сомнѣваемся, что не далекъ конецъ страданіямъ армянскаго народа. Хочется вѣрить, что это такъ и что не придется исторіи заносить въ свои кровавые счеты еще 120.000 новыхъ жертвъ... Пусть же «братская помощь» оправдается на дѣлѣ и то сочувствіе, которое таится къ несчастнымъ армянамъ въ душѣ нашихъ читателей, выразится не только на словахъ и въ платоническихъ пожеланіяхъ».

Недостатокъ мѣста заставляетъ опустить другіе, не менѣе сочувственные, отзывы. Само собою разумѣется, нѣкоторыя статьи Брат. Пом., несогласныя по направленію съ армянофобскими воззрѣніями, вызвали замѣчанія, и даже рѣзкія, въ части печати, но цѣль изданія была такъ ясна и свята и вопіющая нужда замученныхъ армянъ такъ очевидна и необъятна, что она обезоружила самую придирчивую критику и закоренѣлое армянофобство.

Дружной поддержкѣ печати слѣдуетъ приписать чрезвычайно быструю распродажу и значительный матеріальный успѣхъ 1-го изданія: 3.600 экземпляровъ разошлись въ 4 мѣсяца, давъ, благодаря щедрымъ взносамъ за почетные экземпляры, чистаго дохода болѣе 21.000 руб. [1]).

Сумма сравнительно большая,—особенно если принять во вниманіе неблагопріятное настроеніе, при которомъ начиналось настоящее изданіе,—но она кажется совсѣмъ незначительною, если сравнивать съ суммами, собранными въ другихъ странахъ (одна бѣдная Швейцарія въ одинъ годъ дала 1.000.000 франковъ), а главное если сравнивать съ тою необъятною армянскою нуждою, которая требуетъ еще немедленной помо-

---

[1]) Въ виду того, что не за всѣ почетные и комиссіонные экземпляры поступили деньги, счета еще окончательно не сведены. Отлагая печатаніе болѣе подробнаго отчета, приводимъ состояніе счетовъ редакціи на 1-е іюля 1898 г.: Поступило отъ продажи и пожертвованій 29.552 р. 13 к. (въ томъ числѣ отъ г. А. Ц. Цатурова 3.000 р.). Выслано въ Россійское посольство въ Константинополѣ 15.640 р. 65 к. Россійскому консулу въ Эрзерумѣ 200 р. А. І. Быковой, предсѣдательницѣ Дамскаго комитета въ Тифлисѣ, 500 р., итого 16.340 р. 65 к. Расходы изданія (печать, бумага, разсылка и пр.) 8.220 р. 94 к., а всего расхода 24.561 р. 59 к. Налицо остается 4.990 р. 54 к.

Редакція считаетъ долгомъ заявить, что по ходатайству ея журналы «Араксъ», «Землевѣдѣніе», «Историческій Вѣстникъ» и «Нива» уступили свои клише; многіе газеты и журналы напечатали объявленія безплатно, книгопродавцы согласились брать за коммиссію 10%, а Правленіемъ Товарищества Ярославской Большой мануфактуры было отправлено на Кавказъ въ канцелярію г. главноначальствующаго въ пользу бѣдствующихъ армянъ разной ткани въ количествѣ 4.890 аршинъ.

щи. Число однихъ круглыхъ сиротъ, какъ видно изъ сообщенія армянскаго патріархата въ редакцію «Б. П.» отъ 28 февраля 1898 г., достигаетъ теперь 50.000, а патріархатъ могъ дать пристанище въ армянскихъ монастыряхъ [1]) только 1.000 малюткамъ [2]). Въ одной только Байбуртской казѣ (уѣздѣ), какъ явствуетъ изъ письма въ редакцію Русскаго генеральнаго консула въ Эрзерумѣ отъ 10 марта 1898 г., насчитывается 1.000 сиротъ.

Приводимъ эти данныя не затѣмъ, чтобы у добрыхъ людей опускались въ безсиліи руки,—пусть каждый дѣлаетъ, что можетъ и долженъ, и будетъ правъ предъ совѣстью,—а затѣмъ чтобы указать фальшь завѣреній, будто армянскіе сироты и переселенцы нуждаются не болѣе другихъ.

Всякому своя слеза солона. Сущая правда! Но вѣдь и нужда, какъ и все на землѣ, подлежитъ сравнительной оцѣнкѣ. И не дико ли, что нищенское подаяніе, собираемое въ пользу бѣдствующихъ у себя и на чужбинѣ голодныхъ и больныхъ армянъ, могло вызвать косые завистливые взгляды и укоризны? Нужно потерять всякую мѣру безпристрастія и справедливости, чтобы положеніе ограбленныхъ, лишенныхъ крова и кормильцевъ, физически и морально истерзанныхъ, турецкихъ армянъ, бѣжавшихъ съ семьями въ Россію отъ ножа убійцъ, насланныхъ своимъ же правительствомъ,—приравнивать къ обычнымъ нашимъ рабочимъ партіямъ и переселенцамъ, страдающимъ отъ безработицы или другихъ экономическихъ условій современной жизни. Пусть эти, не по разуму усердствующіе, радѣтели о народѣ взглянутъ хоть въ послѣднія книги французскаго журнала *Oeuvre d'Orient*, рисующую наглядно доселѣ еще зіяющія раны измученной и изувѣченной мусульманами армян-

---

[1]) Изъ суммъ, поступившихъ въ редакцію «Братской Помощи», было отправлено въ Россійское Императорское посольство въ теченіе 1897 г. 23.000 франковъ. Изъ этой суммы, какъ сообщаетъ патріархъ Орманіанъ, имъ получено было изъ посольства 15.600 франковъ, остальная сумма была распредѣлена чрезъ приходское попечительство св. Троицы въ Перѣ и другія благотворительныя учрежденія. Въ теченіе 1898 было выслано въ распоряженіе нынѣшняго посла д. т. с. И. А. Зиновьева 12.000 фр., кои г. посолъ—какъ сообщаетъ онъ письмомъ отъ 23 апрѣля 1898 г., передалъ армянскому патріарху, «предоставивъ усмотрѣнію и заботамъ Его Блаженства дальнѣйшее ихъ распредѣленіе». Такимъ образомъ всего въ распоряженіе армянскаго патріархата поступило 27.600 франковъ.

[2]) По послѣднимъ извѣстіямъ германскіе миссіонеры содержатъ 1.055 сиротъ, въ томъ числѣ большіе пріюты въ Харбертѣ (300 чел.) и въ Едессѣ и Кесаріи по 200 чел. (*Мшакъ 27 мая 1898 г.*).

ской раи (злодѣи нарочно рѣзали армянамъ правую руку, чтобы навсегда лишить способности къ работѣ) и тогда имъ будетъ понятно, какую чудовищную клевету взводятъ они на свое отечество, приравнивая армянъ-переселенцевъ къ переселенцамъ изъ внутреннихъ губерній. «Нѣтъ семьи, которая не оплакивала бы своего сочлена... Онѣ [1]) (армянскіе вдовы и сироты), говорится въ хроникѣ O. d'O., мрутъ съ голода. У турокъ нельзя просить подаянія, а армяне всѣ впали въ страшную нищету».—Когда присоединятся къ нимъ спасшіяся въ Россіи ватаги тѣхъ 50.000 несчастныхъ армянъ, кои бѣжали въ Россію и кои къ веснѣ 1899 г. должны быть, по силѣ состоявшагося распоряженія, обратно «выдворены» въ Турцію, то необходимость въ *скорой* и *продолжительной* помощи благотворителей не только не уменьшится, но увеличится.

Правильно говоритъ латинская поговорка: вдвойнѣ даетъ, кто скоро подаетъ. Доказательство на лицо. Жители Сасуна, сдѣлавшіеся первыми жертвами турецкаго погрома, обратили на себя, благодаря могучему голосу Гладстона, особое вниманіе англійскаго и американскаго обществъ, поспѣшившихъ на помощь первымъ жертвамъ турецкихъ звѣрствъ. И что же? Оказанная своевременно помощь, какъ свидѣтельствуетъ послѣдній выпускъ *Синей Книги* [2]), дала возможность сасунскимъ крестьянамъ исправить разоренные дома и церкви, завести скотъ и приняться за земледѣліе.

Но когда началось въ концѣ 1895 года организованное Портою массовое систематическое избіеніе армянъ на пространствѣ всей Малой Азіи, когда безпримѣрные погромы оставили послѣ себя кровавые трофеи въ видѣ сотенъ тысячъ убитыхъ, десятковъ тысячъ разрушенныхъ домовъ, сотенъ тысячъ вдовъ, сиротъ, дѣвушекъ, захваченныхъ въ гаремы, сотенъ тысячъ армянъ, обнищавшихъ или насильно обращенныхъ въ магометанство,—словомъ, когда дьявольскій планъ истребленія древнѣйшаго христіанскаго народа казался близкимъ къ осуществленію и замученные, ограбленные армяне переживали мучительные дни агоніи, ни откуда не ожидая помощи,—тутъ-то въ качествѣ ангела-хранителя первые откликнулись христіанскія

---

[1]) Oeuvre d'Orient, Mars-Avril, Mai-Juin 1898, стр. 344. Подробности см. ниже въ статьѣ «Послѣднія извѣстія изъ разоренныхъ мѣстностей Турецкой Арменіи».

[2]) № 103 и др. Синей Книги, розданной въ февралѣ 1898 г.

миссіи и во главѣ ихъ американская евангелическая община. Безъ нея армяне погибли бы! Нужно было много вѣры, много самоотверженія, много ума и сердечности, чтобы не потерять голову и разобраться среди этой груды развалинъ, нагроможденныхъ яростью курдовъ, при содѣйствіи блюстителей общественнаго порядка. Къ чести человѣческой природы, къ чести, покрытаго позоромъ и армянскою кровью, «конца вѣка» нашлись близъ, покинутыхъ всѣми, армянъ христіане, достойные своего имени, люди большого практическаго умѣнія, твердаго характера и, главное, сострадательнаго, братски, безкорыстно любящаго сердца, и оно сдѣлало чудеса:

Не ты ли одно все свершило,
Святое, горячее сердце?!

Читатели найдутъ ниже въ статьѣ В. А. Гольмстрема «Сила вѣры Христовой»[1]), написанной съ обычною автору искреннею теплотою и изящною рельефностью, эпопею этихъ скромныхъ, но величавыхъ подвиговъ истинннаго человѣколюбія, безъ шума и рекламы вливавшихъ духъ жизни и надежды въ погибавшихъ за вѣру христіанскую страдальцевъ. Создать первые пріюты, накормить голодныхъ (въ одномъ Харпутѣ приходилось кормить 73.000 армянъ)[2]), возстановить дома, инвентарь для землепашцевъ и ремесленниковъ, окрылить надеждою возстановленіемъ церквей, гдѣ чередовались службы армянъ-григоріанъ и армянъ-протестантовъ,—таковы были первые, безкорыстные подвиги[3]) миссіонеровъ-подвижниковъ,

[1]) См. также въ введеніи статью «Какъ спасти дѣтей армянъ-мучениковъ».

[2]) См. Введеніе стр. XXXVI.

[3]) Въ послѣдующія времена это святое дѣло безкорыстной помощи голодающему ближнему, къ сожалѣнію, нѣсколько затемнилось привнесеніемъ вѣроисповѣднаго, боевого элемента пропаганды со стороны католическаго и протестантскаго миссіонеровъ, пользующихся бѣдствіями армянъ для склоненія ихъ въ свою вѣру.—Католическіе миссіонеры закупаютъ для армянъ рабочій скотъ и отдаютъ его внаймы, а не въ собственность, находя это болѣе цѣлесообразнымъ съ точки зрѣнія «католическихъ интересовъ» (см. стр. 309 назв. №. O. d'O.). Съ разныхъ концовъ Турціи (см. тамъ же, стр. 309, 322, 323, 343 и др.) миссіонеры рапортуютъ о своихъ усиліяхъ «вырвать армянъ изъ узъ схизмы (т.-е. армяно-григоріанской церкви), ереси (т.-е. лютеранства) и ислама».—Совсѣмъ иначе дѣйствовалъ о. Хриміанъ (нынѣшній каѳоликосъ Мкртичъ I), который, по словамъ *Церковн. Вѣстн.* (см. ниже отдѣлъ I, стр. 402), выдавая во время голода 1878 г. пособіе всѣмъ нуждающимся, безъ различія вѣроисповѣданія, рѣшительно отклонялъ всякіе разговоры о перемѣнѣ вѣроисповѣданія... Кто въ назв. книжкѣ O. d'O. производитъ чарующее впечатлѣніе, такъ это бѣдные жертвователи, дѣлающіе добро для добра: нищенствующія монахини послали армянамъ послѣднія деньги свои—100 франковъ; сироты Изерскаго пріюта просили сократить ихъ порціи и деньги послать армянскимъ сиротамъ; инвалиды Визильской богадѣльни пожертвовали имъ же стоимость бѣлаго хлѣба, раздаваемаго имъ по воскресеньямъ (стр. 313).

неожиданно заблиставшіе, какъ лучъ свѣта, на мѣстахъ, гдѣ только-что безнаказанно напотѣшился на всей своей вольной волѣ человѣкъ-звѣрь, и своимъ контрастомъ подчеркивавшіе двойственную природу человѣка: homini nihil est miserius, aut superbius. И дѣйствительно, что можетъ быть и гаже, и выше человѣка?

Своевременная, толково-организованная [1]) помощь, оказанная въ самое критическое время террора и общей растерянности, оказала несчастнымъ армянамъ неоцѣнимую услугу: оцѣпенѣвшіе отъ ужаса армяне начали приходить въ себя.

Выпавшіе на ихъ долю нечеловѣческія страданія и сближеніе ихъ съ миссіонерами имѣли еще одно косвенное послѣдствіе, давъ возможность многимъ европейцамъ и американцамъ ближе ознакомиться съ кореннымъ армянскимъ народомъ, т.-е. съ сельскимъ населеніемъ. Ограничиваясь двумя-тремя встрѣчами съ горожанами-армянами въ Турціи и у насъ, иногда съ худшими ихъ представителями, часто произносятъ поспѣшные огульные приговоры о цѣломъ армянскомъ народѣ, выставляя его всецѣло преданнымъ меркантильнымъ и эгоистическимъ интересамъ. Тяжкія испытанія, выпавшія на долю горемычнаго армянскаго народа, принесли новыя доказательства тому, какъ нелѣпы такія явно несообразныя обвиненія. Въ истекшіе ужасающіе четыре года (со времени Сасунской рѣзни 1894 года) турецкіе армяне проявили столько нравственной выдержки, терпѣнія, столько взаимной любви и твердости въ вѣрѣ, которыя сдѣлали бы честь любому европейскому народу, поставленному въ нормальныя условія существованія. Безконечный армянскій мартирологъ еще не написанъ!—И едва ли когда будетъ дано описаніе мученической кончины многихъ тысячъ армянъ, павшихъ за вѣрность вѣрѣ христіанской!..—Но и то не многое, что приводится въ настоящемъ сборникѣ, показываетъ, на какіе нравственные подвиги способны лучшіе представители этого «народа торгашей», какъ

---

[1]) Содержаніе сироты въ годъ обходится въ 50 р. Эта организація была усвоена потомъ и армянскимъ патріархатомъ.—Редакція «Братской Помощи» обратилась въ маѣ 1898 г. къ нашему послу въ Константинополѣ И. А. Зиновьеву съ просьбою учредить пріютъ имени ея жертвователей на 25 сиротъ. — Стоимость содержанія на 4 года опредѣляется въ 5.000 р. Половина этой суммы уже выслана г. послу. Само собою разумѣется, что если поступятъ новыя пожертвованія, число призрѣваемыхъ сиротъ можетъ быть увеличено.

иные, не въ мѣру строгіе къ другимъ, публицисты именуютъ армянъ. Дѣвушки сотнями бросаются въ колодцы и пропасти, чтобъ избѣжать гарема. Близъ Харпута 55 матерей съ дѣтьми бросаются въ Евфратъ, защищая свою честь отъ турокъ [1]; въ Байбуртѣ 50 [2] женщинъ и дѣвушекъ по той же причинѣ кончаютъ жизнь самоубійствомъ. Случалось, что отцы убивали своихъ дочерей [3]. Не мало было случаевъ, что сдирали кожу, сжигали священно-служителей, не желавшихъ принять магометанство [4]. Всего не перечтешь, но, какъ видно изъ статьи «Для крѣпкихъ нервовъ» (см. ниже II отдѣлъ), даже потерянъ счетъ мужчинамъ и женщинамъ, дѣвушкамъ и подросткамъ, умерщвленнымъ за вѣрность вѣрѣ христіанской! Констатируя, съ глубокимъ уваженіемъ, эту, являющуюся мало вѣроятной для XIX столѣтія и кровью запечатлѣнную вѣрность армянъ христіанской религіи, извѣстный публицистъ Лероа-Болье замѣчаетъ, «если бы французскимъ поселянамъ предоставленъ былъ выборъ между смертью и отреченіемъ, то едва ли могли бы они выдержать такое жестокое испытаніе вѣры».

Не меньшей похвалы и удивленія заслуживаетъ поведеніе армянъ послѣ разразившейся надъ ними катастрофы, такъ сильно поднявшее ихъ нравственный кредитъ въ глазахъ европейцевъ. «Отнесшись *безъ предубѣжденія къ армянамъ*, говоритъ г. Гольмстремъ, какъ къ людямъ и братьямъ въ Богѣ, супруги Harris вынесли прекрасное впечатлѣніе объ этомъ народѣ, стойкомъ въ несчастіи, отзывчивомъ на симпатіи (а какъ онѣ ему нужны!), готовомъ на всякую помощь для облегченія бѣдствующему брату. Въ Айнтабѣ главныя пожертвованія въ пользу пострадавшихъ поступали отъ богатыхъ армянскихъ купцовъ, избѣгшихъ смерти; они жертвовали деньгами и предметами своей торговли, и многіе изъ нихъ прямо-таки разорили себя невиданною щедростью. «*Это—драгоцѣнный народъ*,— восклицаетъ Гаррисъ,—*его терпѣніе безгранично и невыразимо, милосердіе армянъ другъ къ другу безмѣрно*». Пожертвованія шли не только отъ богатыхъ, но и отъ бѣдныхъ и разоренныхъ,

[1] См. отдѣлъ II, 149.
[2] См. отдѣлъ II, 147.
[3] См. введеніе, XXV.
[4] См. отдѣлъ II, 131 и 155.

помогавшихъ бѣднѣйшимъ, выплачивая за нихъ подати. Сколько тутъ было «лептъ вдовицы»; невѣсты приносили золотыя монеты со своихъ платьевъ, давали кольца, серьги; одна женщина принесла даже свадебный нарядъ! Такіе факты разбросаны по всей книгѣ. Профессоръ Harris постоянно указываетъ на интеллигентный характеръ армянъ, не закрывая, понятно, глазъ и на ихъ недостатки. Глядя на стойкость этого народа въ бѣдствіи, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что, повидимому, *въ самобытной цивилизаціи, какъ и въ дѣйствительно прогрессивной религіи* (а у армянъ есть и то, и другое), *внутреннія силы всегда устоятъ противъ внѣшнихъ, ей непріязненныхъ*. Онъ отмѣчаетъ серьезность, глубину, культурность армянскаго народнаго характера, въ то время какъ m-rs Harris заноситъ въ книгу замѣчанія о выдающейся чистоплотности армянскихъ домовъ a great delicacy of personal neatness среди населенія, о тонкой, интеллигентной красотѣ армянскихъ дѣвушекъ. «*Деликатныя, скромныя, кроткія дѣвушки!*» восклицаетъ она. И надъ ними-то турки продѣлывали свои звѣрства восточныхъ варваровъ! Угоняли ихъ, какъ и армянскихъ женщинъ, въ гаремы, точно скотъ на племя, творили всяческія насилія» [1]).

Не мало трогательныхъ чертъ истинной любви къ ближнему проявили и русскіе армяне, особенно поселяне, когда къ нимъ нагрянули толпы голодныхъ и оборванныхъ осиротѣлыхъ семьей ихъ единовѣрцевъ. Если принять во вниманіе скудость ихъ собственныхъ достатковъ, недородъ послѣднихъ лѣтъ и въ особенности тѣ непріятности и даже опасности, съ коими сопряжена было въ первое время помощь бѣжавшимъ армянамъ [2]), то нельзя не согласиться, что эти бѣдные и невѣжественные армянскіе крестьяне, дѣлившіеся въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ всѣмъ рѣшительно съ своими собратьями, вели себя такъ, какъ велитъ самая возвышенная мораль. «Эта громадная масса переселенцевъ (20.240 душъ) Карсской области, пишетъ одинъ наблюдатель, живетъ и питается главнымъ образомъ отъ стола своего односельчанина, ставшаго *героемъ* при видѣ несчастнаго положенія своего притѣсненнаго брата и какъ бы на

---

1) См. ниже введеніе стр. L и сл.
2) См. введеніе, стр. XXI.

время забывшаго понятіе о собственности» [1]). Словомъ, тутъ свершилось воочію чудо, о которомъ упоминаетъ поэтъ русской народной души:

Бываетъ невзначай,
Что тотъ, кто низокъ нонче,
Назавтра сталъ великъ:
То духъ любви, повѣявъ,
Избранника воздвигъ
Гигантомъ изъ пигмеевъ.

Эти внушительные и трогательные факты тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія всѣхъ уважающихъ истину людей, что они наблюдались въ армянской народной массѣ и въ теченіе продолжительнаго времени и, стало быть, могутъ служить болѣе надежнымъ источникомъ для распознанія армянскаго народнаго характера, нежели плутни того или другаго мелкаго торгаша-Колупаева или крупнаго ростовщика-Разуваева. Если справедливо мнѣніе, что истинный народный характеръ сказывается именно во время бѣдствій, то истекшее четырехлѣтіе, кажется, съ избыткомъ соотвѣтствовало этому условію наблюденія. Изъ этого безмѣрно тяжкаго испытанія армяне вышли съ честью! И если непозволительно и даже смѣшно ставить ихъ всѣхъ на пьедесталъ, то справедливость требуетъ отбросить прочь старинныя предубѣжденія противъ армянскаго народа.

Къ несчастію, междуплеменные предразсудки и вражда, привитые рутиною, невѣжествомъ, злобою и дурно направленнымъ національнымъ инстинктомъ, не легко поддаются вліянію просвѣщенія, дѣйствію слова и убѣжденія. Но какъ ни слабо это средство, какимъ же другимъ средствомъ можно бороться противъ вредныхъ, узко-племенныхъ тенденцій, представляющихся анахронизмомъ для нашего времени [2]) и руководящяхся этнографическимъ критеріемъ, годнымъ развѣ для эпохи Іоанна Калиты?

Для величайшей въ мірѣ имперіи, населенной всевозможными племенами, вопросъ о мирномъ сожитіи ихъ имѣетъ первостепенное жизненное значеніе. Немножко совѣстливаго безпристрастія, побольше знакомства съ исторіей Россіи и

---

[1]) Тамъ же, стр. XIX.

[2]) См. ниже статью К. Д. Кавелина „Объ инородцахъ и иновѣрцахъ Россіи (отд. I, стр. 609) и г. Сигмы о національнзмѣ (стр. 459).

обширными задачами [1]) ея на Востокѣ и всѣ недоразумѣнія по армянскому вопросу, навѣянныя травлею и неумѣніемъ разобраться даже въ несложныхъ междуплеменныхъ отношеніяхъ, разсѣются какъ дымъ. Древній христіанскій народъ, никогда не обладавшій политическимъ могуществомъ, призванный къ жизни Россіей послѣ мусульманскаго порабощенія, навсегда съ нею связанный и въ благодарной памяти своей [2]) хранящій имя своего освободителя,—жаждетъ только объ одномъ: о сохраненіи своей древней церкви и языка. Нѣсколько бóльшая дальновидность и широта взгляда, нѣсколько меньше заносчивости и запальчивости въ обобщеніяхъ и будетъ ясно, что армяне, бывшіе со временъ Петра В. самыми преданными друзьями Россіи [3]) и самыми искусными піонерами длл ея цивилизаторской миссіи на Востокѣ, и въ будущемъ могутъ сослужить ей полезную службу. Но для этого нужно, чтобы разсѣялся туманъ, напущенный на армянскія дѣла и нанесшій въ послѣдніе годы армянамъ столько вреда и страданій, для этого нужно знакомиться съ достовѣрными историческими данными и фактами современной жизни и отказаться отъ мимолетныхъ обобщеній, отъ систематической травли, выставляющей кавказскихъ армянъ въ видѣ враговъ Россіи и эксплуататоровъ крестьянскаго населенія.

Конечно, армяне слишкомъ малочисленный народъ, чтобы могли внушить страхъ, но развѣ и польза государственная и справедливость не подсказываютъ устранять поводы къ прискорбнымъ недоразумѣніямъ даже и съ маленькими народами?

Въ 1-мъ изданіи настоящаго сборника предложено было вниманію публики не мало оффиціальнаго матеріала [4]) для уясненія роли армянъ на Кавказѣ и въ прошломъ, и въ настоящемъ. Не безъ удивленія узнала читатели, что во всѣхъ войнахъ, веденныхъ съ начала XIX вѣка съ Персіею и Турціею, армяне всегда были самыми преданными друзьями и проявляли «*неимовѣрную преданность,* по выраженію историка Глинки, безкорыстно обрекая себя и все свое русской власти», и самыми

---

[1]) См. ниже статью проф. Герье, стр. 235, а также статью: «Роль армянъ въ всемірной исторіи» (стр. 617).

[2]) См. предисловіе къ 1-му изданію, стр. 615.

[3]) См. ниже статьи Кананова, Грева, Нерсесъ V, а также статью: «Армяне при присоединеніи Кавказа къ Россіи» (отд. I, стр. 617).

[4]) См. приводимые ниже (статья Грева) манифесты Александра I и Николая I.

вѣрными боевыми товарищами русскихъ воиновъ. Въ частности «при взятіи, напр., Эривани, неприступной крѣпости, главныя батареи, по выраженію того же Глинки, находились *въ сердцахъ армянъ*» [1]). Помимо этихъ недавнихъ, но давно забытыхъ данныхъ исторіи, читающая публика съ неменьшимъ удивленіемъ узнала, что среди кавказскихъ армянъ % земледѣльцевъ доходитъ до 80, а въ мѣстахъ ихъ древняго поселенія до 97,3!.. [2]).

Интересъ, возбужденный статьями, знакомящими съ прошлымъ и настоящимъ армянъ, побудилъ насъ расширить этотъ отдѣлъ.

Въ виду множества новыхъ статей явилась необходимость частью сократить нѣкоторыя несоразмѣрно большія статьи, появившіяся въ первомъ изданіи, частью, съ сожалѣніемъ, вовсе опустить. Настоящее, заново переработанное изданіе значительно дополнено статьями двухъ категорій: однѣ (статьи В. А. Гольмстрема, пастора Гельдерблома, доктора Лепсіуса проф. Камаровскаго, В. С. Соловьева и др.) даютъ новыя данныя объ ураганѣ, пронесшемся надъ многострадальными армянами Турціи, другія касаются разныхъ сторонъ армяновѣдѣнія и знакомятъ съ бытомъ армянъ, древнихъ и нынѣшнихъ (статьи проф. Д. Н. Анучина, В. И. Герье, Е. А. Егіазарова, Н. Я. Марра и др.). Кромѣ того, добавлено много новыхъ рисунковъ и въ томъ числѣ двѣ большія группы армянъ-переселенцевъ.

Принося глубокую благодарность жертвователямъ [3]) и читателямъ, оказавшимъ поддержку 1-му изданію, позволяемъ

---

1) См. ниже отд. I, стр. 508. Замѣчательно, что одинъ изъ героевъ этой знаменитой персидской кампаніи, архіепископъ Нерсесъ, былъ заподозрѣнъ въ измѣнѣ, удаленъ съ Кавказа главнокомандующимъ Паскевичемъ, благодаря навѣтамъ его приближенныхъ. Впослѣдствіи прискорбное недоразумѣніе разъяснилось, и Николай I пожаловалъ ему орденъ Александра Невскаго «за похвальные подвиги» во время войны, а затѣмъ утвердилъ въ санѣ каѳоликоса всѣхъ армянъ (см. ниже, I отд., стр. 529).

2) См. I отд., стр. 254.

3) А. Ц. Цатуровъ пожертвовалъ на первоначальные расходы изданія 3.000 руб.; В. И. Кананова внесла—600 р.; И. Е. Питоевъ и К°—500 р.; А. И. Манташевъ—300 р.; по 200 р.: князь С. С. Абамелекъ-Лазаревъ, Ю. И. Базанова, А. В. Бари, С. Н. и А. А. Карзинкины, Г. М. Ліанозовъ, бр. Миловы, Л. С. Поляковъ, Е. К. Попова, М. Л. Шоршоровъ; Т. С. Туманіанцъ—150 руб.; П. П. Боткинъ—125 руб.; правленіе Кондровскихъ писчебумажныхъ фабрикъ Говарда 350 р. въ лицѣ директоровъ гг. Г. Вогау, Марка, Катуаръ-Біонкуръ и Катуаръ; по 100 р.—о. Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій), княгиня Е. Х. Абамелека-Лазарева, Г. Г. Адельхановъ, К. М. Алихановъ, А. С. Анановъ, Ф. А. Вартазаровъ, О. М. Вогау, А. Гургеновъ, Е. А. Давыдовъ, А. И. Джамгаровъ, С. К. Джанумовъ, гг. Кара-

себѣ надѣяться, что и настоящее новое воззваніе къ ихъ добрымъ чувствамъ не останется безъ отклика. По справедливому замѣчанію о. Шарметана, разумно оказанная помощь ближнему служитъ источникомъ радости и утѣшенія не только для принимающаго, но и дающаго[2]). Если есть что заманчиваго въ богатствѣ, то это, конечно, возможность облегчить чужую бѣду, утереть слезы бѣдствующихъ.

Инымъ, положимъ, уже «надоѣли» эти, несмолкаемые въ теченіе четырехъ лѣтъ, вопли разоренныхъ армянъ, эти безостановочно льющіеся потоки слезъ армянскихъ вдовъ и сиротъ. Но пусть вспомнятъ, какихъ неслыханныхъ размѣровъ достигли ужасы, испытанные армянами, изъ коихъ болѣе 500.000 пущены по міру, многіе съ отрубленными руками, а умершіе оставили на попеченіе своихъ сородичей болѣе 50.000 сиротъ. Иныхъ именно эта необъятность армянскихъ бѣдствій обезкураживаетъ, разхолаживаетъ, представляя задачу помощи не выполнимою. Но противъ такого малодушнаго пессимизма, иногда служащаго лишь прикрытіемъ вялости чувства и недостаточности силы воли, громко говоритъ отмѣченная выше дѣятельность американскихъ миссіонеровъ, не потерявшихъ голову и способность спасать ближняго въ самый бурный періодъ катастрофы.

Велика сила зла, но сила добра, сила человѣка—безпредѣльна,

Когда любовь горитъ звѣздою
И всемогуща, и свѣтла.

Все дѣло въ этой дѣятельной любви, въ этомъ сердечномъ проникновеніи несчастіемъ ближняго. А какъ оно еще нужно армянамъ,—ибо едва ли есть теперь въ подлунномъ мірѣ страдальцы, заслуживающіе болѣе дѣятельнаго сострадания, нежели столь жестоко претерпѣвшіе отъ турокъ, армяне. При описаніи ихъ бѣдствій, какъ указалъ еще праведный

петовъ и Бережановъ, С. Т. Морозовъ, А. А. Меликъ-Азаріанъ, г-жа Надирова, Н. А. Найденовъ, г-жа Папаянъ, И. Д. Ротиновъ, К. Т. Солдатенковъ, Э. И. Соломонъ, В. Д. Спасовичъ, Е. П. Старицкій, И. А. Таировъ, З. Г. Тамамшевъ, Е. Г. Тарасовъ, бр. Тарасовы въ Армавирѣ, А. П. Теръ-Акоповъ, И. И. Цовьиновъ, М. С. Шахъ-Пароніанцъ, г-жа Т. Шмицъ, Д. Я. Экизлеръ. Остальныя пожертвованія были ниже 100 руб. и колебались между 10—50 р. Кромѣ того на расходы 2-го изд. пожертвовали: А. Н. Таировъ и А. Ц. Цатуровъ по 500 р. и князь Л. С. Голицынъ—100 руб.

Гладстонъ, преувеличеніе невозможно, такъ какъ дѣйствительность превзошла самое необузданное воображеніе.

Трудно заподозрить турчанку, жену турецкаго губернатора гор. Орфы, гдѣ было сожжено въ соборѣ до 3.000 женщинъ и дѣтей, въ чрезмѣрной чувствительности и пристрастіи въ пользу армянъ, и вотъ что она именно говорила г-жѣ Гаррисъ, явившейся первою къ нимъ на помощь:—«*надо имѣть каменное сердце, чтобы не быть тронутою тѣми страданіями, которыя испытали христіане*». (См. стр. LII, введ.). Такой свидѣтельницѣ-то ужъ можно повѣрить!..

Искупить хоть отчасти турецкія звѣрства въ Арменіи, этотъ позоръ дряблаго конца XIX вѣка, возможно только облегченіемъ нечеловѣческихъ страданій ихъ безчисленныхъ жертвъ:

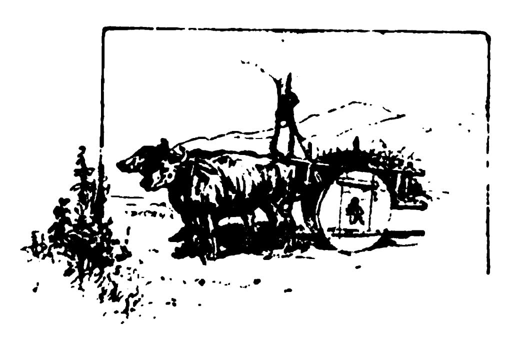
Борись со зломъ святой любовью,
Трудися рядомъ съ бѣднотой,
И Богъ за міръ, истекшій кровью,
Дастъ миръ душѣ твоей больной.

Г. Д.

Москва, іюль 1898.

Вдова-армянка съ сиротами.

Большой и Малый Араратъ и Араксъ.



Армянская арба.

Предисловіе къ 1-му изданію.

И въ жизни цѣль есть, цѣль святая:
Помочь слабѣйшему въ пути.

Скорбная своеобразность безпримѣрныхъ бѣдствій разразившихся въ послѣдніе (1894—1897) годы, надъ многострадальнымъ армянскимъ населеніемъ Турціи, заключалась, между прочимъ, въ томъ, что не сразу выяснились предъ общественнымъ мнѣніемъ ихъ истинная причина и характеръ, равно какъ ихъ ужасающіе размѣры.

Недовѣріе къ безкорыстію англійской политики, заслуженное ея прошлымъ; осложненія на крайнемъ Востокѣ; натянутое международное положеніе; отдаленность мѣста кровавыхъ событій и опасеніе вызвать призракъ грознаго Восточнаго вопроса,—все это, вмѣстѣ взятое, заставляло относиться скептически къ первымъ извѣстіямъ англійской печати о безчеловѣчномъ истребленіи въ 1894 г. турками въ Сасунѣ 10.000 мирныхъ армянъ подъ предлогомъ усмиренія мнимаго возстанія [1]. Искусная турецкая дипломатія, съ своей стороны, пользуясь благопріятными обстоятельствами, сначала отрицала общеизвѣстные факты, а потомъ оправдывалась предъ общественнымъ мнѣніемъ, превращая черное въ бѣлое и наоборотъ [1])—въ кровавой эпопеѣ Сасунскаго разгрома.

Ободренные безнаказанностью своего перваго варварскаго поступка въ Сасунѣ и желая свести къ нулю предложенныя для армянскихъ вилайетовъ реформы, турки, по утвержденіи

[1]) См. ниже извл. изъ Желтой Книги, въ отд. II.

этихъ реформъ Портою въ октябрѣ 1895 г., задумали и выполнили чудовищный планъ [2]) истребленія армянскаго населенія, именно, въ районѣ проектированныхъ рефомъ [3]). Разоряя, истребляя тысячами, десятками тысячъ мирное армянское населеніе, совершая невѣроятные акты насилія, утонченной жестокости и скотскаго разврата, акты поруганія христіанскихъ святынь и совращенія въ исламъ, турки, при помощи услужливыхъ органовъ печати, увѣряли Европу, что они только обороняются отъ армянскихъ «бунтовщиковъ», осмѣливающихся нападать на «правительственныя зданія» и даже «на молящихся въ мечети мусульманъ». И нашлись люди, которые искренно повѣрили или прикинулись повѣрившими этимъ побасенкамъ! Еще разъ оправдался грустный возгласъ Тютчева:

Опять Востокъ дымится свѣжей кровью,
Опять рѣзня, повсюду вой и плачъ!
И снова правъ пирующій палачъ,
А жертвы преданы злословью.

Но правда о неслыханныхъ звѣрствахъ, совершонныхъ турками, всплыла, наконецъ, наружу, когда, вслѣдъ за англійскою печатью, о нихъ заговорила далеко не солидарная съ нею американская, французская и нѣмецкая печать. Самые упорные скептики должны были убѣдиться, что турецкая орда осталась прежнею «ордою дикарей» [1]), усвоивъ себѣ лишь усовершенствованные способы истребленія христіанъ.

«Теперь,—писалъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» въ

---

[1]) Желтая Книга содержитъ массу тому доказательствъ. Вынужденная назначить слѣдственную комиссію для разслѣдованія Сасунской рѣзни, Порта въ своемъ органѣ *Тарикъ*, не стѣсняясь, печатала, что комиссія имѣетъ цѣлью разслѣдованіе «преступленій армянскихъ разбойниковъ» (см. Ж. К. № 12). Поспѣшно заключивъ, изъ боязни предъ опасностями зимней кампаніи (депеша № 72), съ Зейтунцами капитуляцію 11 февраля 1896 г., Порта открыто нарушила требованіе ея о назначеніи христіанскаго каймакама и только 4 мѣсяца спустя исполнила настойчивое домогательство державъ (депеши №№ 207, 208, 211).

[2]) См. ниже извлеченіе изъ Желтой Книги. Отд. II, стр. 101 и слѣд.

[3]) По офиціальнымъ даннымъ, сообщеннымъ Портѣ, въ нотѣ шести великихъ державъ, въ февралѣ 1896 г., значилось: въ шести армянскихъ вилайетахъ, гдѣ предположено ввести реформы (Эрзерумъ, Сивасъ, Харпутъ, Діарбекиръ, Битлисъ, Ванъ), разграблено домовъ 37.257, разграблено лавокъ 6.512, убито христіанъ 29.107, убито мусульманъ 897, насильственно обращено въ магометанство 36.300, пущено по міру 247.300. Всего же въ Малой Азіи разорено домовъ 39.749, разорено лавокъ 7.942, убито христіанъ 37.085, мусульманъ 938, насильственно обращено въ магометанство 40.950 армянъ, пущено по міру 290,300. См. Желтую Книгу, стр. 294. См. Макколь: «Султанъ и державы», 296 и слѣд.

1897 г. одинъ изъ такихъ скептиковъ-англофобовъ г. Гольмстремъ, ознакомившись съ положеніемъ горемычныхъ армянъ Турціи, — я *всему вѣрю*, хотя, видитъ Богъ, я былъ бы радъ не вѣрить, хотя отъ этой вѣры мнѣ больно, горько и позорно, хотя, желая оправдать свои прежніе взгляды, я вчитывался въ каждую строчку, напрягалъ всѣ силы своихъ критическихъ способностей, чтобы отыскать англійскую интригу, армянскую недобросовѣстность, чтобы почувствовать фальшь, преувеличеніе, передержку. Мои усилія оказались *тщетными*: строчки книги (*Положеніе Армянъ въ Турціи*) чистыя, какъ кристаллъ, проходили рядъ за рядомъ предъ моими глазами, западали мнѣ въ душу, леденили, давили сердце». Уяснивъ свою ошибку, почтенный публицистъ съ честнымъ мужествомъ сознается въ ней, и въ своей замѣчательной статьѣ [2]) рекомендуетъ ближе ознакомиться съ статьей Диллона, дабы убѣдиться, что «истребленіе армянъ направлено исключительно противъ Россіи» [3]).

Безстрастныя, но потрясающія страницы французской Желтой Книги, появившейся, къ сожалѣнію, только весною 1897 г., окончательно закрѣпили достовѣрность газетныхъ извѣстій о чудовищныхъ злодѣяніяхъ турокъ — съ разореніемъ цѣлыхъ городовъ, сотенъ деревень, съ сожженіемъ 3.000 женщинъ и дѣтей въ Орфѣ, съ насильственнымъ обращеніемъ десятковъ тысячъ христіанъ въ исламъ и о т. п. ужасахъ, которые не только нельзя преувеличить, но даже, какъ замѣчаетъ Гладстонъ, невозможно и въ точности передать, какъ нельзя въ точности указать цифру убитыхъ армянъ... Минимальная цифра (къ началу 1896 г.) была выставлена въ кол-

---

[1]) Офиціозный листокъ «Le Nord» въ іюлѣ 1897 г. писалъ: «Со времени взятія Константинополя протекло четыре съ половиной столѣтія, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда цивилизаціи на потомкахъ азіатскихъ кочевниковъ. Какими они были шесть вѣковъ назадъ въ Азіи, гдѣ жили грабежами, такими они остались и понынѣ, когда рѣжутъ и сушатъ тысячи христіанъ для того, чтобы овладѣть ихъ имуществомъ, предаваясь самому разнузданному разврату... Частые уроки, полученные Турціею отъ Россіи, могли бы, кажется, поднять до уровня европейской культуры самихъ антропофаговъ Океаніи, но на Турцію они, къ сожалѣнію, не подѣйствовали» (см. «С.-Петербург. Вѣд.» 1897 г. № 193 отъ 18 іюля).

[2]) Статья Гольмстрема перепечатывается ниже (стр. V—XIV).

[3]) Статья г. Диллона перепечатывается ниже (см. отд. II, стр. 9—47). — Вполнѣ правдивое освѣщеніе вопроса находимъ и въ только что вышедшей книгѣ «Султанъ и державы» Макколя, еще со времени турецкихъ звѣрствъ въ Болгаріи выступившаго защитникомъ христіанъ и сторонникомъ соглашенія Англіи съ Россіей.

лективной нотѣ пословъ 37.000 [1]), Макколь считаетъ въ 200.000, французы: Шарметанъ—въ 300.000, а Викторъ Берарь—въ 500.000.

Армянскій патріархатъ въ Константинополѣ поименно зарегистровалъ 30.000 сиротъ, а всѣхъ сиротъ-армянъ насчитывается до 100.000 и болѣе [2]).

Едва ли когда и будетъ приведена въ извѣстность точная цифра убитыхъ армянъ, такъ какъ многіе изъ нихъ нашли смерть въ пропастяхъ горъ Арменіи или въ волнахъ лазурнаго Босфора [3]).

Уцѣлѣвшее чудомъ армянское населеніе, лишенное всего, пущено по міру и не можетъ прожить безъ посторонней помощи [4]). Христіанскіе народы обоихъ полушарій спѣшатъ на помощь «погибающему старѣйшему христіанскому народу» [5]). Россія ли, связанная вѣковыми славными традиціями съ христіанами Турціи [6]), отстанетъ въ этомъ добромъ дѣлѣ?

Въ нашъ вѣкъ ипертрофіи личнаго и коллективнаго эгоизма [7]) трезвый, холодный разсудокъ и доктрина интересовъ «конца вѣка» рекомендуютъ держаться правилъ: «своя рубашка ближе къ тѣлу», «моя хата съ краю». Это правда, но правда и то, что, кромѣ мѣрки интересовъ, существуетъ и другая мѣра, «единая истинная и непреложная»—справедливость, провозглашенная еще въ «началѣ вѣка» [8]); правда и то,

Что жизнь бы холодомъ знобила,
Что жизнь бы мудростью томила,
Какъ скучной сказкой безъ конца,
Когда бъ не грѣли насъ лучами,

---

[1]) См. ниже введеніе.

[2]) По послѣднимъ свѣдѣніямъ число сиротъ достигаетъ 400.000 (см. «Петерб. Вѣд.» 1897 г., № 221).

[3]) См. ниже. Отд. II, стр. 79.

[4]) По исчисленію миссіонера Лепсіуса изъ оставшихся приблизительно 700.000 армянъ—546.000 нищіе (Europa und Armenien,—eine Anklageschrift. Berlin, 1896).

[5]) См. Oeuvre d'Orient Mai—Juin. Этотъ же органъ сообщаетъ, что въ нынѣшнемъ году Турецкой Арменіи грозитъ еще новый бичъ—голодъ.

[6]) См. ниже статьи Кананова и Грева. Отд. I, стр. 505, 512.

[7]) См. ниже статьи Сигмы и Буквы, 458, 469.

[8]) «Измѣряя существо его (присоединенія Грузіи) единственно по нашимъ выгодамъ,—писалъ Александръ I въ 1801 г.,—мы не можемъ не признать всей ихъ силы, но *пользамъ* царствъ земныхъ въ правилахъ вѣчныхъ предустановлена другая мѣра—единая *истинная и непреложная*: справедливость и неприкосновенность къ общенародному праву» (Выс. рескр. Александра I на имя Кноринга по поводу присоединенія Грузіи. См. стр. 219 Дубровина: «Георгій XII и присоединеніе Грузіи къ Россіи». Спб. 1897 г. изд. 2-ое).

Т

Когда бъ не бились рядомъ съ нами
Другія—*добрыя сердца*...

Живой сочувственный откликъ, который встрѣтилъ отовсюду призывъ къ участію въ «Братской Помощи», не служитъ ли тому доказательствомъ?

Принося глубочайшую благодарность всѣмъ участникамъ[1]), трудами коихъ создался настоящій громадный томъ, въ 950 страницъ, льстимъ себя надеждою, что примѣръ пишущей братіи найдетъ подражаніе въ читающей публикѣ.

—

Два слова о составѣ и порядкѣ расположенія статей.

Всѣмъ знакомымъ съ технической стороною изданія сборниковъ, подобныхъ настоящему, извѣстно, какъ трудно придерживаться строгой системы при размѣщеніи статей, поступленіе коихъ продолжается до конца печатанія. Для «Братской Помощи» принятъ былъ такой планъ:

Въ **введеніи** помѣщены статьи, имѣющія отношеніе къ помощи армянскимъ сиротамъ и переселенцамъ.

Затѣмъ слѣдуетъ большой **отдѣлъ**, распадающійся на двѣ половины: въ *первой* находятся собранныя въ нѣсколько группъ статьи общаго литературнаго и научнаго характера; во *второй*, главнымъ образомъ,—статьи, касающіяся прошлаго и настоящаго армянъ, незнакомство съ коими служило и служитъ источникомъ вредныхъ недоразумѣній.

Ничто, по справедливому замѣчанію Ламартина, такъ не способствуетъ междуплеменной розни, зависти и враждѣ, какъ невѣжество. До чего же у насъ слабо знакомство съ бытомъ и настроеніемъ армянскаго населенія Закавказья, можно видѣть на одномъ примѣрѣ. У насъ многіе привыкли думать и даже печатно утверждать, что армяне чуть не поголовно живутъ паразитами, занимаясь легкою и прибыльною торговлею и ростовщичествомъ. Непререкаемыя данныя статистики, приводимыя ниже въ статьѣ А. Н. Сазонова, показываютъ, какъ ошибочно это распространенное предубѣжденіе, основанное

---

[1]) Редакція армянскаго журнала «Араксъ» доставила значительное количество клише, портретовъ, видовъ и типовъ армянскихъ; редакція «Землевѣдѣнія» — клише видовъ о. Гокчи; типографія К. Ѳ. Александрова, фототипія Отто Ренара, писчебумажная фирма Говарда и корректорша О. М. А—а согласились сдѣлать значительныя скидки.

на мимолетныхъ и случайныхъ впечатлѣніяхъ. Не всякій этому повѣритъ, а между тѣмъ это безусловно достовѣрный фактъ, что *громадное большинство* армянъ изстари было и остается донынѣ *земледѣльческимъ*. Изъ милліона армянъ Россіи занимаются земледѣліемъ 80%. Въ мѣстахъ же исконнаго кореннаго поселенія армянскаго народа, въ бывшей Армянской области, гдѣ живутъ 845.667, т.-е. 69,6% этого народа, съ первобытныхъ временъ преданнаго этому излюбленному своему занятію и не даромъ стяжавшаго въ исторіи эпитетъ «трудолюбиваго» % *армянъ-земледѣльцевъ* достигаетъ 96 (*девяносто шести!*) и они производятъ больше половины общаго сбора хлѣбовъ [1]). Вотъ вамъ и «паразиты»! Ex uno disce...

По поводу же обвиненій въ неблагонадежности, съ легкимъ сердцемъ возводимыхъ на армянъ, распространяться тутъ неудобно, но невольно вспоминается характерная сцена, свидѣтелемъ которой недавно довелось быть, кромѣ пишущаго эти строки, еще нѣсколькимъ туристамъ. Это было на берегу Гокчайскаго озера осенью 1896 года, когда изъ Турціи нахлынули послѣ Ванской рѣзни тысячи обездоленныхъ армянъ и когда самое оказаніе имъ помощи, въ виду отсутствія офиціальнаго разрѣшенія, сопряжено было съ опасностью [2]). Разставшись съ партіею переселенцевъ [3]), мы вошли въ столовую станціи Еленовки. Вскорѣ вошелъ старый, загорѣлый, исхудалый армянинъ въ одной чухѣ, сильно озябшій. Буфетчикъ-имеретинъ попотчевалъ сосѣда водкою. Взявши водку дрожащими руками—этотъ живой памятникъ исторіи, быть можетъ видѣвшій въ дѣтствѣ русскія войска, шедшія съ архіепископомъ Нерсесомъ во главѣ на освобожденіе Эчміадзина—поклонился налѣво, поклонился направо и, прежде чѣмъ выпить водку, торжественно провозгласилъ по-армянски обычный среди здѣшнихъ крестьянъ тостъ. Въ буквальномъ переводѣ тостъ значитъ: «*да содѣлаетъ Господь острымъ мечъ русскаго Царя!*»—Комментаріи излишни...

Хорошо извѣстно, что самыя убѣдительныя свидѣтельства исторіи и статистики не въ силахъ разомъ уничтожить зако-

---

[1]) См. I отд. стр. 253—257, а также статью Сазонова въ №№ 8 и 9 «Русской Мысли» за 1896 г.

[2]) См. стр. XIX.

[3]) О нихъ см. ниже стр. XVIII.

ренѣлые національные предразсудки. Тѣмъ не менѣе истина, нужно надѣяться, въ концѣ концовъ возьметъ верхъ. Глубоко прискорбно было, что крайне несвоевременное воскрешеніе старыхъ предразсудковъ совпало какъ разъ съ послѣдними, столь горестными для армянъ, годами, когда не только чувство элементарной справедливости, но и простой житейскій тактъ, казалось, должны были воздержать отъ ожесточенной племенной травли...

Въ небольшомъ, но потрясающемъ **II отдѣлѣ** помѣщено нѣсколько страницъ изъ необъятнаго мартиролога горемычныхъ турецкихъ армянъ за послѣдніе три года—

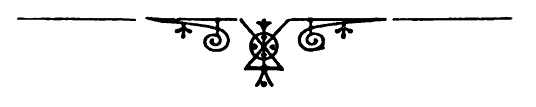
Мало словъ, но горя рѣченька,
Горя рѣченька бездонная.

Ознакомившійся съ этимъ неисчерпаемымъ горемъ многострадальныхъ армянъ не можетъ не почувствовать хоть капли жалости къ ихъ неимовѣрно бѣдственному положенію.

Нужды и горя вездѣ много. Безспорно! Но злополучные турецкіе армяне, надъ которыми разразился ураганъ неслыханныхъ бѣдствій, которые отъ собственнаго правительства претерпѣли ужасы, подобныхъ коимъ, какъ говоритъ академикъ Лероа-Болье, еще не видало праведное солнце,—такіе глубоко несчастные страдальцы въ правѣ разсчитывать на особое состраданіе отзывчивыхъ, добрыхъ людей. Ихъ ужасное положеніе невольно напоминаетъ,

Что въ жизни цѣль есть, цѣль святая:
Помочь слабѣйшему въ пути...
Кто съ болью личнаго несчастья
Не можетъ ближняго любить,
Въ комъ нѣтъ горячаго участья,
Тому... тому не стоитъ жить!

Г. Д.



Мармашенъ (Эрив. губ.).

ВВЕДЕНІЕ.

Гласъ стенаній, муки сердца,
Вопль души и воздыханья—
Лишь къ Тебѣ я возсылаю,
О, всевидящій Создатель!

Св. Григорій Нарекскій (X в.).

Гдѣ же мукамъ предѣлъ? и куда мы идемъ
Черезъ тьму этой ночи глубокой?
Боже, скоро ли день? Скоро ль свѣтъ обрѣтемъ,
Призываемый нами съ востока?

Жемчужниковъ.

Армянинъ на молитвѣ предъ могильнымъ крестомъ-камнемъ.

Еванг. отъ Матѳея 11, 28. — *В. Суреньянцъ.*

Изъ Апокалипсиса.

...Се̑ стою̀ при две́рехъ и толкꙋ̀: аще кто оуслы́шитъ гла́съ мой, и ѿве́рзетъ две́ри, вни́дꙋ къ немꙋ̀, и вечеря́ю съ нимъ, и той со мно́ю. III, 20.

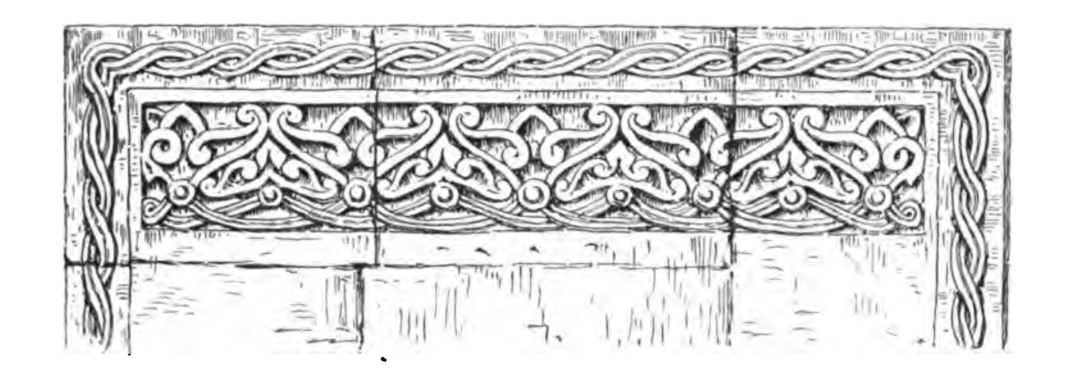
Стучася у двери твоей Я стою:
Впусти Меня въ келью свою!
Я немощенъ, нагъ, утомленъ и убогъ,
И труденъ Мой путь, и далекъ.
Скитаюсь Я по міру бѣденъ и нищъ,
Стучуся у многихъ жилищъ:
Кто гласъ Мой услышитъ, кто дверь отопретъ,
Къ себѣ кто меня призоветъ,—
Къ тому Я войду и того возлюблю
И вечерю съ нимъ раздѣлю.

II

Ты слабъ, изнемогъ ты въ трудѣ и борьбѣ,—
Я силы прибавлю тебѣ;
Ты плачешь,—послѣднія слезы съ очей
Сотру Я рукою Моей.
И буду въ печали тебя утѣшать,
И сяду съ тобой вечерять...
Стучася, у двери твоей Я стою,
Впусти Меня въ келью свою.

Усть-Нарова.
Августъ 1883.

Барельефъ Эчміадзин. стиля.



Братья-армяне.

„Христосъ средь насъ!“ поютъ во храмѣ.
Но грустно мнѣ. Душа молчитъ...
И этотъ гимнъ предъ алтарями
Такъ оскорбительно звучитъ.
Когда-бъ Онъ былъ средь насъ и видѣлъ,
Чего достигъ нашъ славный вѣкъ,
Какъ брата братъ возненавидѣлъ,
Какъ опозоренъ человѣкъ, —
И еслибъ здѣсь, въ блестящемъ храмѣ,
„Христосъ средь насъ!“ Онъ услыхалъ,
Какими-бъ *жгучими* слезами
Передъ толпой Онъ зарыдалъ...

Мережковскій.

I.

Неизъяснимой жалостью, мучительной, надрывающей душу болью сжалось бы сердце Спасителя при видѣ невысказанныхъ, неисчислимыхъ, невыносимыхъ, чудовищныхъ страданій, которыя вынесли, еще выносятъ и — о, ужасъ! — могутъ еще вынести наши бѣдные, слабые, беззащитные братья, ***современные мученики христіанства***, армяне.

Кровавыми слезами заплакалъ бы Богочеловѣкъ и вторично готовъ былъ бы пріять смерть, чтобы спасти несчастныхъ отъ дальнѣйшихъ мукъ, — какъ сдѣлалъ бы это всякій изъ насъ, кто вмѣстѣ со мною прочелъ бы армянскій мартирологъ, сжигающій душу огнемъ ***стыда, негодованія и печали...***

У меня есть сестра. Найдя у меня на столѣ брошюру и книгу объ армянахъ, которую я озаглавилъ бы: „Книга Крови и Слезъ“, она, безъ моего вѣдома, прочла первыя 20 страницъ... Съ широко раскрытыми глазами, почти въ столбнякѣ, съ нервами лица какъ бы сконцентрированными, охваченными чувствомъ ужаса, какъ судорогой, сестра пришла ко мнѣ и едва вымолвила:

1*

— Неужели это правда?... и, ***закрывъ лицо руками,*** поникла головой...

Я вскочилъ со стула. Еще раньше я мелькомъ прочелъ нѣсколько страницъ въ серединѣ книгѣ, почувствовалъ, что мнѣ ***заледенило кровь*** и отложилъ чтеніе до другого раза. Я боялся за свои нервы... Теперь мнѣ стало жаль сестру, я хотѣлъ прогнать напрасный и безсильный ужасъ, наполнявшій ея душу. Я разразился филиппикой противъ армянскихъ агитаторовъ, обвинялъ ихъ въ подкупности, въ работѣ „на руку" Англіи, въ извращеніи фактовъ, назвалъ всѣхъ армянъ революціонерами,—только для обрисовки ангельскихъ качествъ султана Абдулъ-Гамида у меня не нашлось подходящихъ словъ... Сестра ушла успокоенною...

... ***Теперь я вѣрю всему,*** — хотя видитъ Богъ, я былъ бы радъ не вѣрить... хотя отъ этой вѣры мнѣ больно, горько и позорно, хотя, желая оправдать свои ***прежніе*** взгляды, я вчитывался въ каждую строчку, напрягалъ всѣ силы своихъ критическихъ способностей, ломалъ голову, чтобы отыскать англійскую интригу, армянскую недобросовѣстность, чтобы почувствовать фальшь, преувеличеніе, передержку. Мои усилія оказались тщетными: строчки книги, чистыя какъ кристаллъ, проходили рядъ за рядомъ передъ моими глазами, западали мнѣ въ душу—леденили, давили сердце.

Еслибъ я былъ великимъ виртуозомъ-піанистомъ, я бы властной музыкой сковалъ, подчинилъ своей волѣ всю русскую публику и, держа ее, рабски послушную, въ высшемъ напряженіи, я бы чудовищными, жестокими, невыносимо тягостными, какъ кошмаръ, звуками измучилъ, разстроилъ, истомилъ слушателей до того, чтобъ

... змѣинаго цвѣта отливы
Волновали и мучили совѣсть,

пока слушатели, съ широко раскрытыми отъ страданія и ужаса глазами, не схватились бы съ крикомъ обѣими руками за сердце... Если бы я былъ великимъ трагикомъ, я бы вышелъ къ рампѣ и, сосредоточивъ на себѣ вниманіе всѣхъ зрителей, перегнувшись къ нимъ, я шопотомъ, раздающимся по всей залѣ и западающимъ въ душу, произнесъ бы фразу, словно, звукъ... но ***такъ***, чтобы ударить прямо въ сердца, уязвить ихъ, изранить до крови и на вѣки, чтобы пробудить къ страшной дѣйствительности сознаніе русской публики, чтобы пріобщить ее мучительною болью къ страданіямъ братьевъ-армянъ...

II.

„Читатель, вашъ голосъ и ваша помощь необходимы. Тотъ вѣренъ Богу, кто вѣренъ человѣку, и тѣ—самые презрѣнные рабы, кто любитъ справедливость только для себя, а не для всего человѣче-

ства“, говоритъ американецъ Lowell въ предисловіи къ одной изъ статей книги (стр. 226) [1]). Русскій читатель, повторю я, вашъ голосъ необходимъ, потому что всѣ наши голоса составятъ общественное мнѣніе, голосъ Россіи, который не долженъ быть лживымъ. Ваше содѣйствіе нужно не только для матеріальной помощи армянамъ, но и для направленія общественнаго мнѣнія Россіи на правую стезю съ его ложнаго пути. Въ этомъ отношеніи въ нашемъ отечествѣ много грѣшниковъ; ***„изъ нихъ же первый есмь азъ!“***

„Вы дерзайте публично выступать съ порицаніемъ общественнаго мнѣнія, такъ безошибочно понявшаго и оцѣнившаго армянскую смуту“, заявлялъ мнѣ какой-то анонимный авторъ, въ безграмотномъ посланіи. Когда общественное мнѣніе ограничивается чутьемъ, оно всегда направляется темными личностями; только, ставъ на твердую почву ***фактовъ***, можетъ оно претендовать на мѣсто въ общественномъ сознаніи и сдѣлаться осмысленнымъ. Съ этой цѣлью я рекомендую всякому, кто считаетъ себя въ правѣ руководить общественнымъ мнѣніемъ и тому, кто хочетъ самъ составить себѣ мнѣніе, прочесть упомянутую выше книгу, а также брошюру со статьей Диллона[2]). ***„Всякій, кто самъ познакомится съ фактами, убѣдится, что силъ человѣческаго языка едва хватитъ для описанія того, что дѣйствительно творилось и творится, и что преувеличеніе, даже еслибы мы были склонны къ нему, оказалось бы свыше нашихъ силъ. Я выражаю надежду, что каждый изъ васъ употребитъ стараніе, чтобы по мѣрѣ возможности ознакомиться съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ“,*** — вотъ, слова Гладстона, которыя должны относиться и къ русскимъ людямъ[3]). Узнайте факты, хотя бы за тѣмъ, чтобы ихъ опровергнуть,—хотя это будетъ свыше вашихъ силъ.

Если человѣчность и справедливость вамъ не дороги, прочтите, какимъ несмываемымъ позоромъ покрываетъ ирландецъ Диллонъ своихъ соотечественниковъ-англичанъ.

Если вы думаете, что въ интересахъ Россіи — политика laisser faire въ армянскихъ дѣлахъ, прочтите статью Диллона и узнайте, что истребленіе армянъ направлено ***исключительно противъ Россіи***, дипломаты и публицисты которой съ непонятнымъ ослѣпленіемъ только затягивали до сихъ поръ петлю, уготованную намъ Турціей.

„А англичане?“ скажете вы. — „Развѣ не они хотѣли создать у насъ подъ бокомъ очагъ революціонной пропаганды?“ — ***Англичане,*** отвѣтитъ вамъ Диллонъ, только ***старались предупредить русскихъ:*** они воспользовались въ своихъ цѣляхъ горючимъ матеріаломъ изъ армянъ, сложенныхъ въ костры, облитыхъ керосиномъ и сожженныхъ тур-

---

[1]) *Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 году,* съ предисловіемъ Гр. Л. А. Камаровскаго (цѣна 1 р.).

[2]) „Положеніе дѣлъ въ турецкой Арменіи и турецкія звѣрства въ Сасунѣ“ соч. Э. Диллона и Грина (ц. 25 коп.); статья г. Диллона перепечатана ниже въ II отдѣлѣ.

[3]) XVIII стр. книги.

ками[1]), чтобы, заступившись за армянъ, которыхъ сами же предали во власть магометанамъ уничтоженіемъ Санъ-Стефанскаго договора, заслужить ихъ благодарность и тѣмъ убить двухъ зайцевъ: и сохранить ореолъ человѣколюбія, и хорошо устроить свои дѣла, сдержавъ

Гладстонъ.

наше поступательное движеніе на югъ. Взявшись за святое дѣло помощи нечистыми руками и съ нечистыми цѣлями, англичане только обрекли армянъ на горшую бѣду и замарали въ глазахъ Европы

[1]) Сасунская рѣзня въ 1894 году, изслѣдованная европейской комиссіей въ составѣ русскаго, французскаго и англійскаго делегатовъ. (См. II отдѣлъ).

чистое дѣло этой націи, ждавшее и—горе намъ, жгучее горе!—не дождавшееся христіанскаго милосердія и отклика со стороны современныхъ цивилизованныхъ народовъ.

Я не оправдываю и не обвиняю дипломатовъ; я вижу, что мѣшало намъ дѣйствовать, и знаю, что ***каждое наше человѣчное движеніе было бы учтено Англіею въ свою пользу и къ нашему вящему вреду.*** Но это не избавляетъ Европу — и насъ въ томъ числѣ — отъ укора за бездѣйствіе.

Дѣйствовать могла и теперь въ состояніи фактически защитить армянъ только Россія, ***но Европа связала ее по рукамъ въ 1878 году и не гарантировала ей въ настоящемъ случаѣ безвредности для русскихъ интересовъ великодушнаго порыва съ нашей стороны.***

Однако, теперь, когда Англія должна была смириться, когда отношенія всѣхъ державъ къ восточному вопросу выяснились, а главное, когда совѣсть народовъ подъ тяжестью позора пробудилась, теперь и намъ, русскимъ, нужно отдѣлить въ своемъ представленіи ***святое*** армянское дѣло отъ нечистыхъ рукъ Англіи, нужно откликнуться на этотъ вопль о помощи, нужно принять подъ свою защиту измученныхъ братьевъ-христіанъ...

Русь святая, православная, развѣ изсякли въ тебѣ силы любви?

III.

Предпринимая систематическое, организованное, массовое избіеніе армянъ въ своей имперіи, съ цѣлью разрѣдить христіанское населеніе, турки съ ихъ точки зрѣнія, такъ сказать, укрѣпляли свои границы по сосѣдству съ Россіей противъ нашего движенія на югъ. Имѣй они финансовыя средства, они возводили бы укрѣпленія, создали бы пояса крѣпостей, довели бы вооруженіе войскъ до совершенства и сконцентрировали бы ихъ на своихъ границахъ, держа христіанъ своей имперіи въ почтеніи къ мусульманамъ. Но у турокъ денегъ нѣтъ, и они пускаютъ въ ходъ свои мѣры, чтобы остаться господами положенія.

Диллонъ говоритъ: „Въ 1891 году Блистательная Порта, опасаясь серьезныхъ затрудненій для себя отъ обѣщаннаго введенія реформъ въ Арменіи и возможной во время войны враждебности христіанъ, живущихъ въ провинціяхъ пограничныхъ съ Россіей, организовала, такъ-называемую, кавалерію гамидіэ, составленную исключительно изъ курдовъ. Планъ, предложенный нѣкоторыми высшими сановниками имперіи, заключался въ томъ, чтобы вытѣснить армянъ изъ пограничныхъ земель, какъ напр., Алашкертъ, и замѣнить ихъ магометанами, чтобы число ихъ во всѣхъ пяти провинціяхъ было со-

кращено до такихъ размѣровъ, при которыхъ *исчезла бы надобность въ спеціальныхъ реформахъ для армянскаго населенія* и чтобы въ случаѣ войны курды дѣйствовали какъ противовѣсъ казакамъ. Эта открытая политика истребленія была точно осуществлена, и она, безъ сомнѣнія, приведетъ къ окончательному разрѣшенію армянскаго вопроса; но это разрѣшеніе будетъ позоромъ для христіанства и презрительной насмѣшкой надъ цивилизаціей. Курды, записанные въ войска, были оставлены въ своихъ родныхъ мѣстахъ, освобождены отъ службы, снабжены оружіемъ, облечены неприкосновенностью посланниковъ и обезпечены жалованьемъ, которое уплачивалось съ регулярностью, характеризующею Блистательную Порту. И они исполнили свою миссію съ щепетильной точностью: грабили богатыхъ армянъ, разрушали дома, жгли хлѣбъ и кормъ, уничтожали деревни, рѣзали скотъ, уводили молодыхъ дѣвушекъ, позорили замужнихъ женщинъ, истребляли цѣлыя поселенія и убивали всѣхъ, кто былъ настолько мужественъ или безразсуденъ, что пытался оказать противодѣйствіе. Власти не только ожидали такихъ дѣйствій со стороны курдовъ, но содѣйствовали и помогали разбойникамъ, побуждали и вознаграждали ихъ, а жалующихся армянъ не только не слушали, но заключали въ грязныя тюрьмы, мучили и оскорбляли самымъ ужаснымъ образомъ. Теперь доказано, что сасунская рѣзня, поголовное трехдневное избіеніе армянъ курдами и регулярными войсками съ пушками, когда погибло 10,000 человѣкъ, когда согнанные, какъ стадо барановъ, въ кучу, оцѣпленные со всѣхъ сторонъ, беззащитные, безоружные люди прокалывались штыками, когда раненые сжигались облитые керосиномъ и закапывались живьемъ въ землю, когда женщинъ насиловали и вспарывали имъ, беременнымъ, животы, а дѣтей насаживали на штыки, разрѣзали пополамъ, ставили въ рядъ и однимъ выстрѣломъ клали наповалъ десятками, когда христіане отъ ужаса сходили съ ума, все это взывающее къ небу для отмщенія дѣло,—*въ сущности капля въ океанѣ армянскихъ страданій,*—все это дѣло было исполненіемъ *сознательнаго* плана представителей Блистательной Порты, было заботливо подготовлено и безпощадно выполнено въ день восшествія султана на престолъ, послѣ прочтенія фирмана объ истребленіи. При такихъ обстоятельствахъ странно жаловаться и дѣлать Портѣ представленія о необезпеченности жизни и имущества въ Арменіи, такъ какъ это и есть *цѣль,* къ которой стремятся турки".

Истребленіе армянъ направлено, между прочимъ, противъ Россіи. Изъ сотенъ примѣровъ, приводимыхъ авторомъ брошюры, видно, что турки прилагаютъ всѣ усилія изгнать изъ имперіи армянъ, особенно изъ пограничныхъ съ Россіей областей, но предварительно ограбивъ ихъ дочиста. Вотъ какъ приводится этотъ планъ въ осуществленіе, по словамъ Диллона:

«Планъ истребленія, очевидно, дѣйствуетъ регулярно и хорошо. Христіанское населеніе истребляется, деревни переходятъ въ другія

руки почти также быстро, какъ мѣняются декораціи въ оперѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ исходъ въ Россію и погребальное шествіе на кладбище возрастаютъ. Здѣсь не мѣсто давать списокъ деревень, перешедшихъ въ магометанство, но одинъ типическій примѣръ поможетъ составить представленіе о томъ процессѣ, который теперь совершается. Въ провинціи Алашкердъ, *граничащей съ Россіей*, существуютъ пять деревень на востокъ отъ Каракилисе, именно: Кедръ (или Кетэръ), Мангосаръ, Джаджанъ, Зиро и Кубкеранъ. Эйубъ-паша послалъ своихъ сыновей, чтобы занять эти деревни. Они - курды изъ племени Залаили, и всѣ состоятъ офицерами гамидіэ. Генералъ Эйубъ имѣетъ трехъ сыновей— Ресго-бея, Канидъ-бея и Юсуфъ-бея, и эти доблестные офицеры со своими солдатами выступили прошлой весной и заняли названныя деревни. Тамъ было въ то время около 400 армянскихъ домовъ, т.-е приблизительно около 3,000 жителей христіанъ. Теперь въ этой мѣстности не осталось *ни одного*. Только одинъ изъ прежнихъ жителей по имени Аведисъ-Аса остался въ странѣ, но и онъ живетъ въ другой деревнѣ, Юнджану. Онъ былъ богатымъ человѣкомъ, когда явились курды; теперь онъ нищій. Армяне были совершенно изгнаны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, при помощи такихъ мѣръ, которыя должны быть отнесены къ категоріи сильно дѣйствующихъ средствъ. Вотъ примѣръ: однажды курды встрѣтили Маркара, сына Гуго, везшаго съ поля домой свой хлѣбъ. Они потребовали, чтобы онъ далъ имъ свою арбу, но онъ отвѣчалъ, что онъ теперь занятъ, какъ они сами видятъ это, но позднѣе можетъ исполнить ихъ желаніе. Они убили его на мѣстѣ за непослушаніе и бросили его тѣло на повозку. Тридцать поселянъ отправились со своими дѣтьми въ Каракилисе, чтобы жаловаться каймакаму. Послѣдній заставилъ ихъ прождать на открытомъ воздухѣ одиннадцать дней; затѣмъ, выслушавъ ихъ, сказалъ имъ, *чтобы они отправлялись въ Россію*.

«Въ Битлисскомъ вилайетѣ (Буланикская каза и Мушскій санджакъ) находится деревня по имени Хачъ, что значитъ въ переводѣ— Деревня Креста. Теперь это—деревня полумѣсяца. Средства, при помощи которыхъ была произведена эта внезапная перемѣна, были тѣ же, какія описаны выше. Магометъ-Эминъ привелъ шайку курдовъ (изъ племенъ Джидракли и Каспакли) и занялъ деревню, т.-е. взялъ ее штурмомъ и, по ихъ собственному живописному выраженію, «сѣлъ въ ней». Къ счастью, она расположена всего въ разстояніи пяти миль отъ мѣстожительства турецкаго вице-губернатора; но къ несчастью для населенія онъ отказался двинуть пальцемъ, и всѣ жители были изгнаны, какъ бараны.

«Послѣ этого побѣдители принялись грабить сосѣднія деревни и въ особенности Пиранъ, расположенный на разстояніи одной мили. Эти деревни также перешли бы къ магометанамъ, еслибъ у одного изъ деревенскихъ старшинъ не явилась счастливая идея—предложить одному курду поселиться со своими людьми въ Пиранѣ; онъ получилъ

двадцать пахатныхъ полей, 10 луговъ и большой двухъ-этажный домъ, который былъ выстроенъ спеціально для него архитекторомъ изъ Битлиса; за это этотъ курдъ взялся защищать армянъ отъ Магомета Эмина и его веселыхъ молодцовъ.

«Когда я уѣзжалъ изъ Арменіи, триста шесть наиболѣе видныхъ представителей населенія Кнусскаго округа подали мнѣ за своею подписью петицію, которую они просили передать «гуманному и благородному народу Англіи.» Въ этомъ документѣ они справедливо говорятъ:

«Мы торжественно увѣряемъ васъ, что рѣзня, бывшая въ Сасунѣ, составляетъ только каплю въ томъ океанѣ армянской крови, которая постепенно и безмолвно проливается во всей имперіи послѣ русско-турецкой войны. Годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ невинныхъ людей, не исключая женщинъ и дѣтей, застрѣливаютъ, закалываютъ и убиваютъ въ ихъ домахъ и на поляхъ, пытаютъ варварскими способами въ грязныхъ тюрьмахъ или обрекаютъ на гибель въ изгнаніи подъ палящимъ солнцемъ Аравіи. Въ то время, какъ разыгрывалась эта длинная и страшная трагедія, не раздалось ни одного голоса во имя милосердія и не протянулась ни одна рука, чтобы помочь намъ. Эта трагедія продолжается до сихъ поръ, но теперь она вступила уже въ свою заключительную фазу, и армянскій народъ находится при послѣднемъ издыханіи. Неужели европейское сочувствіе должно выразиться только въ формѣ креста на нашихъ могилахъ?»

Эти печальныя заключительныя слова оказались мрачнымъ предзнаменованіемъ... Пока Европа торговалась, не зная, какъ раздѣлить ризы Оттоманской имперіи, турки до мельчайшихъ подробностей выполнили свой планъ: христіанскія души отлетѣли въ мукахъ! Вотъ что писали американцу Грину 11 января 1895 года (т. е. задолго до серіи убійствъ лѣтомъ и осенью 1895 года):

«Теперь, когда пришли извѣстія изъ Муша, тайна цѣлаго ряда кордоновъ между здѣшнею мѣстностью и Харпутомъ (Hargoot) объяснилась. Существуетъ серьезное основаніе предполагать, что мѣстныя власти задумали всеобщее избіеніе или рядъ избіеній христіанскаго населенія. Мало вѣроятія, чтобы опредѣленное приказаніе въ этомъ смыслѣ было дано изъ столицы, но цѣлый рядъ недавнихъ событій показываетъ, что нескончаемыя преслѣдованія и угнетеніе христіанъ и вообще способы, къ которымъ прибѣгали раньше, чтобы сокрушить христіанское населеніе, признаны теперь недостаточными. Всюду власти обнаруживаютъ теперь дѣятельность, бдительность и энергію въ своемъ стремленіи окружить христіанъ и уничтожить ихъ имя и существованіе. Это указываетъ на возникновеніе новаго плана, который предполагается привести въ исполненіе въ возможно скоромъ времени».

IV.

Диллонъ говоритъ, что «избіеніе—небесная милость въ сравненіи съ адскими *повседневными* дѣяніями турокъ, смерть отъ руки курда въ тысячу разъ легче тѣхъ мукъ, которымъ подвергаются армяне отъ руки турецкаго правительства и въ мрачныхъ тюрьмахъ съ чудовищной системой разнообразныхъ пытокъ».

Говорятъ, что турецкое правительство вынуждено прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, потому что власть его слаба. Диллонъ со словъ курдовъ и турокъ и на примѣрахъ доказываетъ, что это невѣрно, что турецкій законъ очень твердъ и сильно караетъ, если турокъ или курдъ провинится противъ турка. Но для христіанъ закона нѣтъ,—«райя» безправна: жалобщиковъ-армянъ, у которыхъ убили дѣтей, изнасиловали дочерей, увели женъ, турецкіе администраторы бьютъ плетьми, сажаютъ сгнивать въ тюрьмахъ или прямо гонятъ, какъ собакъ.

Нельзя не подписаться подъ словами профессора графа Л. Камаровскаго:

«Фактъ существованія Турціи—*позоръ для христіанскихъ народовъ и*, еслибы они рѣшились, какъ слѣдуетъ, сговориться между собой, ставъ на почву нравственности, права и человѣколюбія, они смогли бы быстро, безъ особыхъ потрясеній, положить конецъ этой державѣ, являющей изъ себя среди нихъ одинъ анахронизмъ и вопіющую общественную неправду».

Реформы для армянскихъ вилайетовъ, съ представительствомъ христіанъ наравнѣ съ турками, мнѣ кажутся вышедшимъ изъ министерскихъ канцелярій полнѣйшимъ *nonsens*, какъ съ турецкой, такъ и съ нашей точки зрѣнія здраваго смысла. Христіанская «райя», свидѣтельство которой не принимается, которая—внѣ законовъ не только человѣческихъ, но и природныхъ, потому что, безоружная, она даже не смѣетъ защищаться, когда ее убиваютъ,—эта презрѣнная, безправная «райя» будетъ засѣдать рядомъ съ туркомъ и дѣлить съ нимъ власть!!..

Говорятъ, надо вѣрить въ успѣхъ реформъ: онѣ выработаны въ соединенныхъ канцеляріяхъ разныхъ странъ. Готовъ *вѣрить!*

Credo, quia absurdum [1])...

Но разумъ говоритъ мнѣ, что все это только увеличитъ горючій матеріалъ. При такомъ взглядѣ на дѣло, я прося русское общество откинуть навязанное ему и въ сильной мѣрѣ совершенно превратное мнѣніе объ армянскомъ вопросѣ (во всей его цѣлокупности), граничащее съ *безотчетнымъ суевѣріемъ*, и, ознакомившись съ фактами,—*на нихъ*, а не на чутьѣ, обосновать окончательно свое мнѣніе; считаю

---

[1]) См. II отд. статью гр. Л. А. Камаровскаго *Ред.*

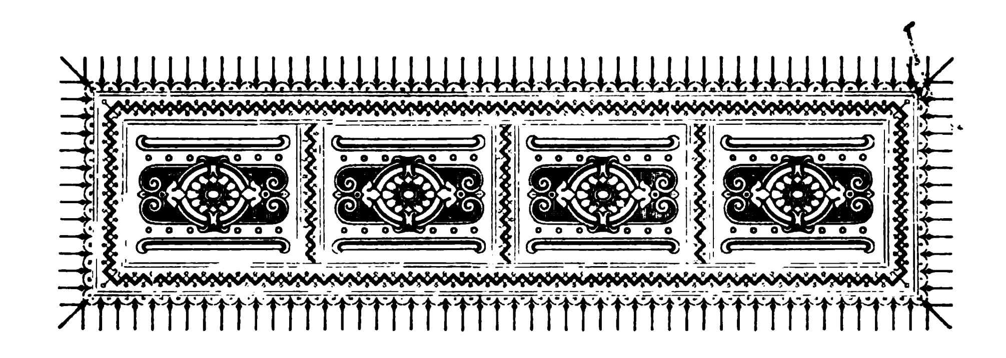
нужнымъ добавить, что русское сочувствіе измученнымъ армянамъ должно быть въ христіанскомъ смыслѣ *активно*. Имъ, израненымъ, ограбленнымъ, избитымъ, съ сожженнымъ хлѣбомъ и жилищами, имъ, нашимъ братьямъ-армянамъ, умирающимъ съ голоду, нужна теперь прежде всего заботливая помощь, матеріальная поддержка!

Нельзя утѣшать себя мыслью, что все спокойно въ Малой Азіи.

Этотъ покой заглушаетъ много стоновъ и мученій; сколько въ немъ таится смерти, сколько онъ похоронилъ въ себѣ ужасовъ!!...

В. Гольмстремъ

В. А. Гольмстремъ.



Письма въ редакцію „С.-Петерб. Вѣд."

I.

Письмо о. I. Кронштадтскаго.

Начитавшись въ газетныхъ извѣстіяхъ о страшныхъ бѣдствіяхъ, постигшихъ армянскій народъ, и о крайней нуждѣ армянъ, оставшихся въ живыхъ послѣ разгрома, я изъ горячаго сочувствія къ ихъ бѣдствію и ради посильной имъ матеріальной помощи, жертвую 200 рублей, въ примѣръ и поощреніе моихъ соотечественниковъ, чтобъ и они отозвались сочувственно къ своимъ братіямъ по вѣрѣ— христіанамъ. Прошу васъ, князь, оповѣстить объ этомъ въ вашей газетѣ ради добраго дѣла.

Кронштадтскій протоіерей
Іоаннъ Сергіевъ.

II.

Письмо архимандрита Мурадяна.

Въ передовой статьѣ „Новаго Времени" отъ 2-го января 1897 г. авторъ статьи, между прочимъ, говоря про армянъ, пишетъ слѣдующее:

„Армянскій народъ, главнымъ образомъ, земледѣльцы, будучи миролюбивыми христіанами, въ достаточной степени доказали свое тяготѣніе къ Россіи,—какъ тѣ, что съ давнихъ поръ находятся въ русскомъ подданствѣ, такъ и тѣ, которые до сихъ поръ находятся и томятся подъ турецкимъ владычествомъ. Но зародившіяся въ недавнемъ сравнительно прошломъ и на интернаціональной почвѣ несбыточныя мечтанія о великой и независимой Арменіи могутъ вліять на болѣе крайніе кружки армянъ и развивать въ нихъ вредный въ государственномъ смыслѣ сепаратизмъ, котораго среди грузинъ не существуетъ. Армяне сами должны отказаться отъ обособленности, которая въ концѣ концовъ ничего кромѣ вреда имъ не принесетъ,

тѣмъ болѣе, что эта обособленность въ значительной мѣрѣ поощрялась изъ Лондона во время недавнихъ безпорядковъ въ Малой Азіи“.

Въ отвѣтъ на упомянутую статью могу смѣло удостовѣрить, что тяготѣніе армянъ къ Россіи всегда и вездѣ было безграничнымъ и останется такимъ же, пока мозги армянъ способны работать нормально, чисто-армянскимъ духомъ и сердцемъ. Что армяне миролюбивы, доказала вѣковая исторія и то обстоятельство, что они безропотно жили подъ игомъ такого правительства, какимъ является Турція въ отношеніи къ христіанамъ со дня своего существованія. Къ несчастію, армянъ стали обвинять въ сепаратизмѣ, исключительно по пущеннымъ слухамъ и доносамъ такихъ лицъ, для которыхъ нѣтъ на свѣтѣ ничего святого, которыя изъ-за личныхъ интересовъ строчили доносы о томъ, будто армяне замышляютъ въ предѣлахъ Русскаго— нашего общаго государства избіеніе турокъ и цѣлое возстаніе. Чего только не было сдѣлано благодаря этимъ доносамъ?! Я лично знаю городъ, откуда ***турецкій консулъ три раза доносилъ*** въ упомянутомъ духѣ, зная хорошо, что этимъ можетъ вызвать извѣстное настроеніе противъ армянъ, что и было необходимо для турецкихъ интересовъ. Да, многіе стремились такимъ путемъ достичь недоброй цѣли, и это обстоятельство наполняло сердца наши горечью и удивленіемъ.

Армяне—народъ признательный и всегда съ распростертыми объятіями встрѣчали русскихъ побѣдоносныхъ солдатъ, видя въ нихъ своихъ спасителей. То же самое будетъ и въ будущемъ. Мы же просимъ лишь объ одномъ: когда раздается послѣдній вздохъ умирающаго армянина подъ ударами полудикаго курда, баши-бузука или турецкаго солдата, когда армянская колыбель орошается кровью невиннаго ребенка, когда оскверняется древнѣйшій алтарь возлюбленной церкви нашей, когда обезчещиваются армянскія дѣвушки и женщины, когда разгромляется и сжигается мирная хижина несчастныхъ братьевъ нашихъ, когда со всѣхъ концовъ свѣта раздаются голоса ужаса и отвращенія при видѣ упомянутыхъ звѣрствъ и когда и изъ нашихъ сердецъ вырывается стонъ и ручьями льются слезы, не думайте, что это— послѣдствіе сепаратическихъ идей... Когда, лишенные родного крова, близкихъ и имущества, полунагіе, голодные и измученные братья наши ищутъ у насъ пріюта, и сердце наше наполняется жалостью къ себѣ подобнымъ и ненавистью къ вѣковому врагу восточныхъ христіанъ, когда слышатся плачъ и рыданія собрата, лишеннаго возможности прійти на помощь умирающимъ (подъ звѣрскими пытками адской власти) братьямъ и сестрамъ и этимъ выполнить человѣческій долгъ,—не думайте, что это—плодъ антиправительственнаго направленія. Вѣдь сыны девятнадцатаго вѣка, не будучи въ состояніи хладнокровно видѣть грубое обращеніе съ животнымъ, основали же общества покровительства животныхъ! Неужели же мы, разумныя человѣческія существа, воспитываясь подъ всемогущимъ крыломъ Россіи, въ состояніи выносить ***молча и безропотно*** ужасное положеніе,

переживаемое нашими братьями и сестрами въ Турціи? Армяне, находящіеся подъ турецкимъ владычествомъ,—даже неграмотные крестьяне, никогда не теряли надежды, что великая освободительница восточныхъ христіанъ прійдетъ и имъ на помощь, что и ихъ участь она тоже облегчитъ, что они тоже будутъ жить свободно и безопасно, какъ и мы: съ особымъ увлеченіемъ распространяли и распространяютъ армяне портреты своихъ спасителей до самой Месопотаміи...

Да, господа читатели, надѣюсь, вы простите, когда слышится изъ нашихъ сердецъ глубокій *стонъ*, когда невольно льются *слезы* ручьемъ, изъ глазъ нашихъ, а иногда и слышится *скрежетъ зубовъ* противъ общечеловѣческаго врага, и вспомните, что въ груди нашей, къ несчастью нашему, вложена такая же душа, такое же сердце, какъ и у васъ, которое сколько ни старайся, не хочетъ и не можетъ превратиться въ камень. А насколько крѣпки вѣковыя нераздѣльныя узы, приковывающія къ нашей общей родинѣ, къ великой Россіи, мы неоднократно умѣли и сумѣемъ доказать также въ будущемъ, защищая всѣмъ нашимъ существомъ интересы общаго нашего отечества противъ враговъ, съ крестомъ въ одной рукѣ и саблей—въ другой, каковой примѣръ былъ намъ данъ возлюбленнымъ всѣмъ армянскимъ народомъ, покойнымъ патріархомъ-католикосомъ всѣхъ армянъ, Нерсесомъ V, еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, когда онъ съ русскими войсками, во главѣ армянъ-добровольцевъ, шелъ противъ Персіи подъ знаменемъ Великой Россіи.

Патріаршій викарій Карсской области
архимандритъ Егише Мурадянъ.

Въ дополненіе редакція „С.-Пб. Вѣд.“ сообщаетъ свѣдѣнія, дошедшія до нея на-дняхъ, о новыхъ мусульманскихъ злодѣяніяхъ: „Изъ Муша получены въ Эчміадзинѣ достовѣрныя извѣстія съ раздирающими душу подробностями о творящихся въ данную минуту возмутительнѣйшихъ насиліяхъ надъ армянами въ областяхъ Малоазіатской Турціи. Нѣтъ помина о какихъ-либо реформахъ; гоненія продолжаются съ большею интенсивностью, но по новой безшумной системѣ. Не проходитъ дня ни въ одномъ селеніи безъ убійствъ. Сборщиками податей опредѣлены жандармы, редифы, гамидіэ, безнаказанно совершающіе невообразимыя безчинства. Разрушаютъ дома для продажи за безцѣнокъ балокъ съ крышъ; забираютъ послѣдній скарбъ; уводятъ всѣхъ молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, обращаемыхъ насильно въ исламъ. Населеніе безъ крова, одежды, терпитъ голодъ. Тюрьмы переполнены несчастными безвинными жертвами насилія. Происходятъ сцены неслыханнаго святотатства, гнуснѣйшаго кощунства. Единственнымъ спасеніемъ турками открыто объявляется обращеніе въ исламъ. Вездѣ вопли отчаянія приведеннаго на край гибели многострадальнаго народа“.

---

* * *

Многотруденъ нашъ путь, насъ усталость томитъ.
Гдѣ прошли мы въ трудѣ и въ неволѣ,—
Рѣки слезъ тамъ текутъ, море крови стоитъ...
Сжалься, Боже, надъ нашею долей!

—

Гдѣ же мукамъ предѣлъ и куда мы идемъ
Черезъ тьму этой ночи глубокой?
Боже, скоро ли день? Скоро ль свѣтъ обрѣтемъ,
Призываемый нами съ Востока?

—

Хотя много ужъ силъ жизнь у насъ отняла,—
Нашихъ силъ и теперь не измѣримъ;
Хоть извѣдали мы много горя и зла,—
Все надѣемся, любимъ и вѣримъ.

—

Боже, насъ не оставь и намъ помощь пошли,
Когда злая насъ гонитъ невзгода,—
Дай намъ знать, что Тебѣ слышны стоны земли,
Что Ты видишь страданье народа.

Алексѣй Жемчужниковъ.

(Снято съ натуры фотогр. Энгелемъ).

Армянская осиротѣлая семья на Русско-Турецкой границѣ.

XVIII

Ветрѣча съ Армянами-переселенцами[1].

Въ только-что полученномъ *№ Русск. Вѣдом.* напечатано простое, но теплое воззваніе ярославской учительницы N, которая, обращая вниманіе русскаго общества на бѣдственное положеніе бѣжавшихъ изъ Турціи армянъ, жертвуетъ изъ своихъ, само собою разумѣется, скудныхъ средствъ 5 р. Всѣ, кому привелось въ послѣднее время посѣтить мѣстности, прилегающія къ турецкой границѣ, могли воочію убѣдиться, какъ велика нужда и какъ необходима помощь для этихъ многочисленныхъ жертвъ безчеловѣчнаго турецкаго режима́, потерявшихъ все и бѣжавшихъ изъ Турціи, чтобы спасти жизнь свою и своихъ близкихъ. Пришлось и мнѣ видѣть толпы армянъ-переселенцевъ во время недавней поѣздки своей въ Эриванскую губернію. Послѣдній разъ я видѣлъ ихъ предъ Дилижанскимъ переваломъ, недалеко отъ Гокчайскаго озера.

Я снова увидѣлъ уже знакомыя картины скитанія народа, безпомощно мятущагося и вотъ уже три года не знающаго куда преклонить голову отъ варварскихъ гоненій, поощряемыхъ равнодушіемъ Европы. Сбившись въ кучу, двигается пестрая толпа исхудалыхъ, одѣтыхъ въ лохмотья армянъ и армянокъ, робко озираясь кругомъ. Попадаются всѣ возрасты, начиная отъ грудного младенца и кончая старцами. Голодные, оцѣпенѣлые отъ морозной ночи, проведенной подъ открытымъ небомъ, шли они молча, плохо согрѣваемые лучами яркаго, но холоднаго зимняго солнца. Въ печальныхъ взглядахъ обезсилѣвшихъ путниковъ написано было столько безъисходнаго горя, столько безропотнаго отчаянія, что самые безчувственные люди не могли бы пройти мимо равнодушно. Не слышно было ни стоновъ, ни вздоховъ и воплей, даже ни одна рука не протягивалась за подаяніемъ. Да и что̀ бы могли прибавить слова и жесты, чего и такъ не говорили съ потрясающимъ реализмомъ эти впалые, потухшіе, глубоко-печальные глаза, видѣвшіе гибель всѣхъ и всего, что дорого человѣческому сердцу, эти побѣлѣвшія, сжатыя уста, долго, но напрасно взывавшія къ небу и людямъ о защитѣ.

Тысячами переходятъ они границу, направляясь въ Эчміадзинъ. По распоряженію каѳоликоса монастырь кормитъ до 1.000 переселенцевъ. Въ Тифлисѣ устроены безплатные обѣды; помогаютъ также единовѣрцы-поселяне. Но нужда очень велика, а средствъ нѣтъ.

Быть не можетъ, чтобы въ нашемъ обществѣ не нашлись люди, способные откликнуться на нужды этихъ жертвъ дикаго мусульманскаго изувѣрства и озвѣрѣлаго деспотизма.

Батумъ.
12-го ноября 1896 г.

---

[1]) Изъ письма Г. А. Джаншіева въ редакцію «Русск. Вѣдом.».

XIX

Армяне-переселенцы въ Россіи[1]).

После того, какъ 11 декабря 1896 г. послѣдовало Высочайшее повелѣніе о сборѣ денегъ въ пользу бѣжавшихъ изъ Турціи армянъ-переселенцевъ, всѣ тѣ, которые имѣютъ возможность помочь этимъ несчастнымъ, вѣроятно, пожелаютъ имѣть вѣрныя свѣдѣнія объ ихъ положеніи. Какъ бы ни было велико и тяжко ихъ несчастіе, все же для разумной дѣятельности и помощи имъ необходимо близкое знакомство съ ихъ положеніемъ.

Вотъ уже два года, какъ къ намъ начался наплывъ переселенцевъ изъ турецкой Арменіи, который продолжается безостановочно, но главное переселенческое движеніе началось съ сентября мѣсяца прошлаго 1896 года, когда невыносимо тяжкое положеніе заставило чуть ли не всѣхъ бѣжать изъ Малой Азіи. Убѣгали главнымъ образомъ мужчины, оставляя на мѣстѣ свои семейства, такъ какъ не могли надѣяться безопасно прибыть на границу, не будучи зарѣзанными курдами на дорогѣ.

Перейдя границу, земледѣльцы,— въ особенности семейные,— остались въ селахъ, найдя тамъ пріютъ у армянъ-крестьянъ; жители же городовъ (ремесленники, купцы и болѣе или менѣе интеллигентные, какъ-то: учителя, священники и приказчики) направились въ Тифлисъ, Баку, Батумъ или съ семействами, или одни, оставивъ ихъ въ селахъ. Часть же переселенцевъ направилась еще далѣе—въ Дербентъ, Кубу, Закаспійскій край, южную Россію, нѣкоторые дошли даже до Финляндіи; большая часть сконцентрировалась, однако, въ губерніяхъ Эриванской, Черноморской и въ Карсской области.

О числѣ и количествѣ переселенцевъ, находящихся въ Черноморскомъ округѣ, не имѣется точныхъ и подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что цифра переселенцевъ въ этой губерніи достигаетъ *17,000;* всѣ они большею частью служатъ чернорабочими въ прибрежныхъ городахъ и различныхъ имѣніяхъ. Въ Карсской области цыфра переселенцевъ доходитъ до *20,240.* Эта громадная масса живетъ и питается главнымъ образомъ отъ стола своего бѣднаго собрата-односельчанина, ставшаго *героемъ* при видѣ несчастнаго положенія своего притѣсненнаго брата и какъ бы на время забывшаго понятіе о собственности. Переселенческое движеніе все еще продолжается: извѣстны даже случаи, какъ богатыя семьи покидали на родинѣ свои жилища, оставляя свое имущество, и въ холодную зимнюю пору, ночью, бѣжали изъ своихъ родныхъ мѣстъ, чтобы скорѣе дойти до «благословенной русской земли».

Въ Эриванской губерніи около 1,000 переселенцевъ находятся въ Сурмалинскомъ уѣздѣ, 1,700—въ Эчміадзинскомъ. Если число на

[1]) Изъ „С.-Петерб. Вѣдом." 1897 г.

ходящихся въ другихъ уѣздахъ Эриванской губерніи и различныхъ мѣстностяхъ Закавказья приблизительно считать около 3,000, то увидимъ, что цыфра переселенцевъ въ Закавказьѣ достигаетъ 26,000. Вообще же цыфра армянъ-переселенцевъ (считая и Черноморскій округъ—съ его 19,000 перес.) колеблется отъ *43 до 50 тысячъ*.

Изъ всѣхъ главнѣйшихъ пунктовъ, гдѣ сконцентрированы несчастные переселенцы, вь одинъ голосъ сообщаютъ, что они приходятъ голодные, босые, больные, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, лишенные даже постелей, ежедневнаго сухого хлѣба и вообще въ крайне несчастномъ положеніи. Пока частная и общественная благотворительность приходитъ имъ на помощь, несчастные переселенцы принуждены жить въ сырыхъ темныхъ хлѣвахъ, подземельяхъ, въ холодныхъ „сакю", лежа на сырой землѣ безъ покрова и питаясь однимъ сухимъ хлѣбомъ. Какую же помощь оказала этимъ несчастнымъ частная и общественная благотворительность до изданія Высочайшаго указа отъ 11 декабря 1896 г. о сборѣ пожертвованій?

Нужно сказать, что помощь эта, въ сравненіи съ грандіозностью бѣдствія, ничтожна. Одежды, постели, медицинской помощи бѣдные крестьяне-армяне естественно сначала не могли дать! Затѣмъ подоспѣла помощь со стороны Армянскаго Благотворительнаго общества, которое, по мѣрѣ возможности, снабжало переселенцевъ теплымъ платьемъ, одѣялами, горячею пищею, хоть въ недѣлю разъ, и отчасти мидицинскою помощью. Но несмотря на то, что благотворительное общество израсходовало около 20,000 р. на облеченіе участи несчастныхъ голодныхъ и нагихъ переселенцевъ, роздавъ около 50 ящиковъ стараго платья и около 1,500 одѣялъ, тѣмъ не менѣе помощь эта, въ сравненіи съ численностью переселенцевъ (50,000) и размѣрами нужды, является ничтожною. Справедливость требуетъ сказать, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мѣстныя власти оказали тоже возможную помощь переселенцамъ, и въ этомъ отношеніи съ особою благодарностью нужно назвать эриванскаго губернатора *графа Тизенгаузена*, карсскаго—*Томича* и тифлисскаго—князя *Шервашидзе*. Но главная надежда переселенцевъ и публики въ дѣлѣ правильной организаціи помощи переселенцамъ возлагалась на распоряженіе центральнаго правительства объ открытіи подписки въ пользу переселенцевъ и широкой организаціи помощи, ибо не нужно забывать, что *происходившіе въ прошломъ году, по инсинуаціямъ турецкихъ консуловъ, многочисленные аресты иныхъ лицъ*, будто бы оказавшихъ такъ или иначе *сочувствіе судьбѣ турецкихъ армянъ*, погибавшихъ подъ кинжаломъ турокъ и курдовъ, до того напугали мѣстное общество, что многіе на Кавказѣ *остерегались дать что-либо даже во пользу бѣжавшихъ въ Россію переселенцевъ*. Вотъ почему Высочайшій указъ 11 декабря былъ встрѣченъ въ краю съ нескрываемою радостью и явнымъ облегченіемъ сердца.

Къ несчастію для переселенцевъ, какъ это часто бываетъ, самыя благія начинанія приносятся въ жертву порой бюрократиче-

скимъ и чиновничьимъ соображеніямъ, и дѣло сразу обставили невозможными и тяжелыми условіями. Вмѣсто того, чтобы привлечь мѣстныя общественныя силы, учрежденія и періодическую печать (какъ русскую, такъ и туземную) къ участію въ дѣлѣ пріема пожертвованій и раздачи ихъ переселенцамъ, вмѣсто того, чтобъ организовать губернскіе комитеты изъ вполнѣ надежныхъ и компетентныхъ, близко знакомыхъ съ положеніемъ переселенцевъ, лицъ, пользующихся всеобщимъ довѣріемъ общества (какъ, наприм., губернаторовъ, городскихъ головъ, членовъ судовъ, предсѣдателей благотворительныхъ учрежденій, представителей духовенства православнаго и армянскаго и т. д.), и возложить на эти комитеты пріемъ и раздачу пожертвованій, кавказское начальство (передъ пріѣздомъ въ край съ нетерпѣніемъ такъ ожидаемаго новаго главноначальствующаго кн. Голицына) почему-то нашло возможнымъ возложить такую трудную и отвѣтственную миссію исключительно на уѣздную, главнымъ образомъ низшую, ***полицію***, къ которой публика относится, вообще, съ недовѣріемъ, имѣя въ виду ея составъ, особенно же нравственный и умственный цензъ ея агентовъ въ уѣздныхъ городахъ и селахъ. Такое распоряженіе пагубно вліяетъ на количество пожертвованій, да и сама организація помощи врядъ ли будетъ цѣлесообразною. А между тѣмъ помощь нужна немедленная, дѣйствительная, хотя бы въ виду того, что всѣ эти несчастные 50.000 голодныхъ, истощенныхъ переселенцевъ представляютъ готовый матеріалъ для разныхъ эпидемическихъ болѣзней, да еще теперь, когда страшная гостья изъ Индіи почти стучитъ у нашихъ дверей.

Оффиціальныя данныя о турецкихъ звѣрствахъ.

(1895 г.)

Когда въ концѣ 1895 года въ газеты проникали отрывочныя извѣстія о звѣрствахъ въ Турецкой Арменіи, иные подвергали сомнѣнію не только число жертвъ рѣзни, но самый фактъ участія турецкаго правительства и войска въ звѣрскихъ поступкахъ. Появившійся теперь безусловно достовѣрный документъ не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія. Документъ этотъ—оффиціальная таблица, составленная представителями шести великихъ державъ въ Константинополѣ и врученная въ февралѣ 1896 года турецкому правительству. Текстъ этого документа отпечатанъ на французскомъ языкѣ въ брошюрѣ, появившейся недавно въ Парижѣ подъ заглавіемъ. „Армянскій мартирологъ" *). Для каждаго изъ 10 вилайетовъ, гдѣ просходили избіенія армянъ, составлена особая таблица съ точ-

---

[1]) Martyrologe Arménien par Charmetant. Paris. Au bureau des oeuvres d'Orient.

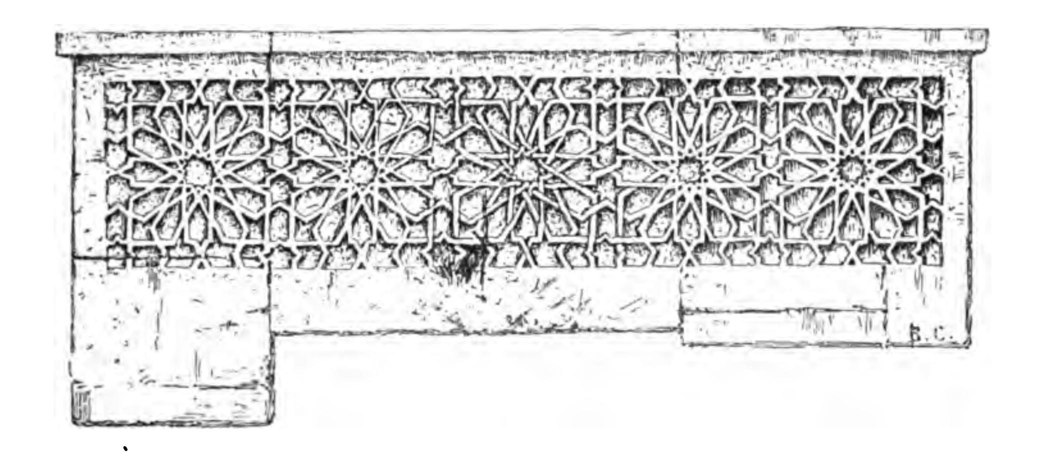
нымъ указаніемъ времени и мѣста рѣзни, числа жертвъ (гдѣ возможно было его опредѣленіе), матеріальнаго убытка, а также образа дѣйствій администраціи и войска и поведенія турецкаго населенія. Источникомъ для составленія таблицъ служили донесенія консуловъ, а также сообщенія протестантскихъ духовныхъ лицъ, причемъ, во избѣжаніе упрека въ преувеличеніи или въ пристрастіи, намѣренно были опущены свѣдѣнія, сообщенныя армянами. Число точно зарегистрованныхъ жертвъ, попавшихъ во время рѣзни 1895 г., опредѣляется въ 37.085 человѣкъ, но это лишь *небольшая часть* общей суммы жертвъ.

Считая неудобнымъ приводить подробныя свѣдѣнія о жестокостяхъ, совершенныхъ армянами въ каждомъ изъ вилайетовъ, сообщимъ для примѣра данныя объ эрзерумскомъ вилайетѣ. 6-го октября было разграблено сорокъ армянскихъ деревень. Дома сожжены, населеніе умерщвлено (точная цифра убитыхъ неизвѣстна). Населеніе, спасшееся отъ рѣзни, насильно обращено въ магометанство. 30-го октября погромъ начался въ самомъ городѣ Эрзерумѣ. Разграблено 1.500 лавокъ и болѣе 100 домовъ. Сверхъ 400 убитыхъ, точно опредѣленныхъ консулами, пропало безъ вѣсти множество армянъ. 27-го ноября разграблено 14 деревень, разграбленъ монастырь Гассанкале. Далѣе приводится списокъ 22 разграбленныхъ деревень. „Хотя въ началѣ октября и были усилены патрули, администрація, вопреки домогательства консуловъ, требовавшихъ принятія мѣръ къ успокоенію населенія и обезоруженію мусульманъ, только и дѣлала, что подвергала армянъ тюремному заключенію. Турки открыто готовились произвести рѣзню“. Прямое участіе офицеровъ и солдатъ въ рѣзнѣ и грабежѣ категорически удостовѣряется консулами [1]).

Изъ Ѳ. И. Тютчева.

Слезы людскія, слезы людскія,
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя,
Въ осень глухую порою ночной.

[1]) Общую таблицу, а также подробную таблицу о Мамуретскомъ вилайетѣ см. ниже во II отдѣлѣ. Стр. 124.



Гоненіе на христіанъ въ XIX столѣтіи [1]).

Въ послѣдніе годы надъ турецкой Арменіей нависли тяжелыя темныя тучи, а изъ-за нихъ все съ бо́льшею и бо́льшею ясностью вырисовывается призракъ, казалось бы давно уже погребенный подъ насажденіями столѣтней христіанской культуры: — призракъ ужаснаго, заранѣе обдуманнаго и хорошо обставленнаго гоненія христіанъ. Вышедшая недавно книга очевидца всѣхъ этихъ событій подобно яркому свѣту молніи озарила страшную картину. Изображая всѣ эти ужасныя происшествія, авторъ основывается на вполнѣ надежныхъ источникахъ, донесеніяхъ консуловъ и пословъ великихъ христіанскихъ державъ, письмахъ и сообщеніяхъ изъ самой Арменіи, и наконецъ на тѣхъ фактахъ, которымъ онъ самъ былъ свидѣтелемъ. Книга эта носитъ названіе: „Арменія и Европа. Обвинительный актъ", и издана евангелическимъ пасторомъ, д-ромъ Іоганномъ Лепсіусомъ (см. ниже II отд.).

Прежде всего приведемъ нѣсколько цифровыхъ данныхъ. Статистика, основанная на вполнѣ надежныхъ источникахъ, даетъ намъ предварительный набросокъ слѣдующей картины: гоненіемъ убито 88,000 [2]); раззорено городовъ и деревень почти 2,600; уничтожено церквей и монастырей 568; обращено посредствомъ принужденія въ магометанскую вѣру 559 деревень со всѣми уцѣлѣвшими жителями, и сотни семей въ городахъ, общимъ числомъ больше 100,000; церквей обращенныхъ въ мечети 328; умерщвлено 179 священниковъ и 27 евангелическихъ пасторовъ; въ результатѣ 546,000 женщинъ, дѣтей и старцевъ, либо павшихъ мучениками, либо потерявшихъ своихъ кормильцевъ и отданныхъ въ добычу страшной нуждѣ, голоду и наготѣ.

---

[1]) Изъ St.-Petersburger Zeitung, 1896 г.

[2]) По позднѣйшимъ свѣдѣніямъ число убитыхъ доходило до 300,000, а Викторъ Берaръ (см. Politique du sultan) считаетъ болѣе правдоподобною цифру 500,000. *Ред.*

Но, скажутъ намъ, «вѣдь армяне бунтовали». Это мнѣніе получитъ достаточное освѣщеніе въ виду того факта, что болѣе чѣмъ на 88,000 убитыхъ армянъ приходится по турецкой статистикѣ—только 1,293 убитыхъ магометанъ; и еще фактъ: убитые христіане могли спасать себѣ жизнь переходомъ въ исламъ. Эти факты не оставляютъ сомнѣнія, что мы имѣемъ дѣло съ правильнымъ преслѣдованіемъ христіанъ, жертвой котораго пали не только христіане армянской церкви, но также и греческой православной, римско-католической и евангелической.

Мысль о томъ, чтобы прослѣдить политическую связь этихъ событій, не можетъ входить теперь въ нашу задачу. Кто хочетъ лучше оріентироваться въ этомъ, тотъ можетъ обратиться къ общедоступной книгѣ д-ра Лепсіуса, которой мы придерживались въ нашемъ изложеніи: она дастъ ему цѣлый рядъ мыслей для размышленія. Теперь же на насъ лежитъ долгъ позаботиться о томъ, чтобы выростить каждаго взятаго въ отдѣльности христіанина изъ страждущей массы армянскаго народа.

Съ юности мы привыкли смотрѣть на мучениковъ христіанской церкви, освятившихъ въ первые вѣка свою вѣру во Христа мученическою смертью, какъ на героевъ и князей вѣры. Мы отводимъ имъ всѣмъ видное мѣсто въ исторіи царствія Божія на землѣ, отъ Стефана съ мученическимъ вѣнцомъ на окровавленномъ челѣ, который свидѣтельствовалъ своею кровью о юной церкви, и до Діоклетіановскаго массоваго преслѣдованія. Теперь же, въ наше время, мы видимъ христіанскій народъ, который ради Господа нашего Іисуса Христа претерпѣваетъ гоненіе, по звѣрству и изысканности мерзостей *превосходящее* даже и прежнія преслѣдованія язычниковъ; народъ, давшій одинъ изъ своей среды болѣе 100,000 мучениковъ, стариковъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей,— народъ, подвергшійся избіенію, безоружный и ужъ, разумѣется, большею частью ни въ чемъ неповинный и, несмотря на то, что могъ бы спастись путемъ отреченія отъ своей вѣры, предпочтившій умереть за своего Царя Небеснаго... И посмѣемъ ли мы послѣ этого сложить руки, видя эти сотни тысячъ несчастныхъ голодныхъ, жаждущихъ, дрожащихъ отъ холода и разслабленныхъ, оставленныхъ павшими мучениками?

Здѣсь умѣстно будетъ сдѣлать нѣсколько набросковъ изъ дней кровопролитія: булочникъ изъ Кессерика, который убилъ уже 97 человѣкъ армянъ, доказательствомъ чему служили отрѣзанные косы и уши убитыхъ, заявляетъ, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не отработаетъ всю сотню. Однако онъ долженъ признаться, что въ Хаджии Бегосѣ изъ Тадема онъ находитъ настоящаго мастера своего дѣла, перешагнувшаго уже черезъ сотню убійствъ; въ качествѣ трофея своихъ подвиговъ онъ изрубилъ женщину на части, а изрубивъ, воткнулъ ихъ на колья и разставилъ на показъ. Но и мясникъ изъ Аинтаба, втыкавшій на свой вертелъ по шести армянскихъ го-

Армянскіе сироты на Турецко-Персидской границѣ.

ловъ, также превзойденъ турками въ Субашигули, которые убиваютъ армянъ какъ барановъ и развѣшиваютъ ихъ кругомъ на крючкахъ для мяса... Въ Ябинъ-Кара-Хиссарь въ уваженіе къ святому мѣсту умерщвлено 2,000 человѣкъ спрятавшихся въ церкви мужчинъ, женщинъ и дѣтей, это только у входа... Другое дѣло въ Урфѣ. Здѣсь около 3,000 человѣкъ укрылось въ великолѣпномъ каѳедральномъ соборѣ. Ночью, какъ сообщаетъ сдѣланная на одной изъ колоннъ храма надпись, священникъ пріобщилъ Св. Таинъ болѣе 1,800 душъ, а на слѣдующее утро, это было воскресенье, 29-го декабря 1895 г., чернь уже нападаетъ на церковь, сначала стрѣляетъ въ окна, а потомъ разбиваетъ желѣзныя двери и убиваетъ всѣхъ находящихся въ храмѣ. Потомъ убійцы уничтожаютъ образа и мощи и язвительно приглашаютъ Іисуса Христа доказать, что онъ пророкъ выше Магомета. Крѣпкіе хоры, окаймляющіе верхнюю половину церкви, набиты толпою обезумѣвшихъ отъ страха женщинъ и дѣтей и лишь немногими мужчинами. Нѣкоторые изъ осаждающей черни взбираются на престолъ и начинаютъ стрѣлять въ нихъ. Но дѣло подвигается слишкомъ медленно. Тогда сносятся вмѣстѣ постели и церковные ковры, выливается на нихъ кружекъ тридцать керосину, сверху кладутся утварь изъ церкви, и все это вмѣстѣ зажигается. Проворно взбирается на верхъ пламя, и вся волнующая масса людей дѣлается его жертвой... Игумну Сахаку, настоятелю монастыря Сурпъ-Хачъ, и его молодому помощнику придуманъ особый родъ памятника, а именно—съ нихъ содрали кожу, набили ее соломой и повѣсили на деревья...Богачъ Оганесъ Аракіанъ изъ Трапезунда предлагаетъ нападающей черни все свое имущество за спасеніе своей жизни. На рукахъ онъ держитъ своего трехлѣтняго сына. Но имущество и такъ не уйдетъ отъ тирановъ, а потому они сначала убиваютъ мальчика, а потомъ добираются и до отца, и вотъ оба убиты на глазахъ матери и сестры. Душить младенцевъ на колѣняхъ ихъ матерей не безчеститъ храбраго турка, и солдаты Битлиса считаютъ не болѣе какъ веселой военной забавой на глазахъ у матери поиграть съ ея малюткой пулями въ мячикъ или же бросать его съ копья на копье... Мы можемъ насчитать 85,000 убитыхъ, и списокъ этотъ далеко еще не законченъ. Но какъ сосчитать всѣ гекатомбы растлѣній и потери добраго имени, какъ сосчитать слезы тысячъ, и болѣе того, завлеченныхъ въ горы, проданныхъ въ гаремы, или же... убитыхъ и зарытыхъ неизвѣстно гдѣ, въ какомъ-нибудь темномъ углу?.. (ср. Lepsius, стр. 21—31 и 135—136).

Но довольно ужасныхъ картинъ, отъ которыхъ мы не могли избавить нашихъ читателей. Вѣдь нервное потрясеніе читателя ничто въ сравненіи со всею кровью, стономъ, мученіями и слезами, которые образуютъ вопль, поднимающійся къ небу изъ среды этого несчастнѣйшаго изъ всѣхъ христіанскихъ народовъ.

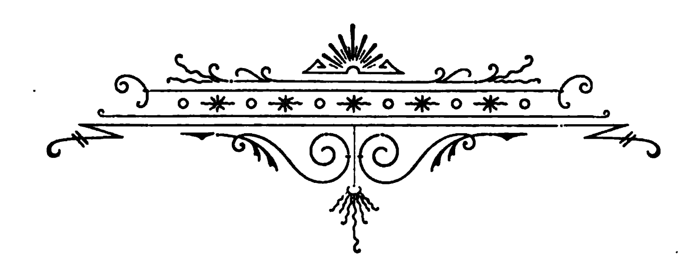
Что же намъ дѣлать? Послѣ убитыхъ остались ихъ вдовы и сироты, которыя при этомъ ужаснѣйшемъ кровопролитіи потеряли всѣ

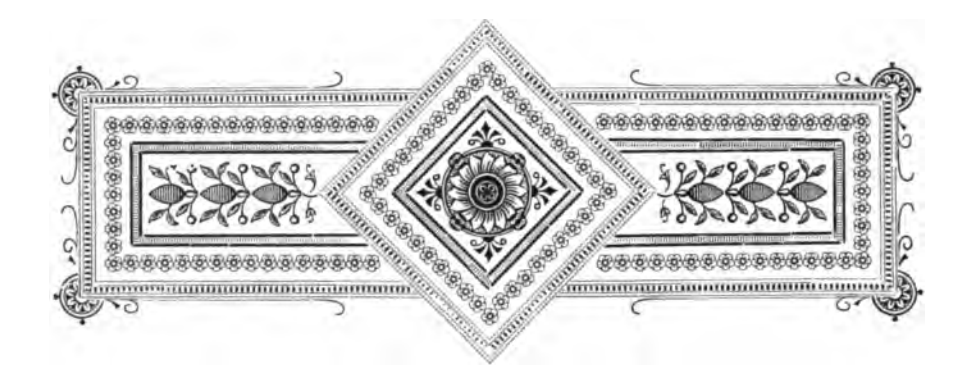
свои средства для существованія и могли спасти лишь собственную жизнь. Ужаснѣйшая нужда господствуетъ между этими оставщимися христіанскими мучениками. Изъ Вана пишутъ, что тысячи голодныхъ ежедневно приходятъ въ городъ въ состояніи, которое не поддается никакому описанію, и умоляютъ о хлѣбѣ и объ одеждѣ. Тысячи женщинъ и дѣвушекъ бродятъ по покрытымъ снѣгомъ улицамъ, голодныя и бездомныя, прикрытыя иногда лишь однимъ платкомъ, такъ какъ одежда ихъ вся разграблена. Въ Гурунѣ оставшійся въ живыхъ народъ набился, какъ стадо въ разрозненные хлѣва, въ лохмотьяхъ, не имѣя ни зерна хлѣба въ распоряженіи, питаясь кореньями и травой, уничтожаемый тифомъ; въ общемъ до 5,075 человѣкъ брошенныхъ на произволъ судьбы въ этомъ нѣкогда цвѣтущемъ селеніи... Словомъ, нужда, для точнаго описанія которой нѣтъ красокъ.

Въ настоящее время образованъ международный христіанскій комитетъ, принявшій на себя дѣло помощи несчастнымъ, а также заботу о томъ, чтобы собранныя деньги полностью попадали въ нуждающіеся округи.

Неужели мы останемся позади? Неужели мы поступимъ подобно священнику и левиту, прошедшимъ мимо человѣка павшаго подъ ножемъ убійцы? Неужеди мы подвергнемъ себя порицанію Судьи: „Я жаждалъ, и вы не напоили Меня! Я алкалъ, и вы не дали Мнѣ ѣсть! былъ боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня“! Истинно, здѣсь страждетъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ въ наименьшихъ изъ братьевъ Своихъ,—нѣтъ, въ дѣтяхъ и родныхъ, оставшихся послѣ смерти тѣхъ, которымъ Онъ Самъ надѣлъ вѣнцы мученическіе. Тотъ, кто отвернется отъ этого дѣла, сдѣлаетъ это за своею отвѣтственностью и за свой рискъ. Чтобы не насталъ день, когда дѣти нашихъ дѣтей скажутъ про насъ: «Они почитаютъ мучениковъ первыхъ вѣковъ, а дѣтей современныхъ имъ мучениковъ они оставляютъ умирать съ голоду“.

Пасторъ Э. Гельдербломъ.





Какъ спасти живыми дѣтей-сиротъ армянскихъ мучениковъ?

Hov to save alive the Orphan childern of Martyrs in Armenia. New-York.

(Изъ донесеній американскихъ миссіонеровъ).

„Да поступитъ Всевышній въ нашъ послѣдній часъ съ нами такъ, какъ мы поступаемъ съ нашими армянскими сестрами и братьями и ихъ малютками въ сей часъ безысходнаго горя".

Миссіонеръ Е. Уиллардъ.

Положеніе армянъ.

Уже болѣе двухъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ начались избіенія мирныхъ, трудолюбивыхъ армянъ, христіанъ, въ Турціи. Цѣлая область пространствомъ въ 500 миль въ длину и 300 миль въ ширину (территорія, равная Новой Англіи, Нью-Йоркскому штату и Пенсильваніи), съ сотнями деревень и городовъ подверглась ужасамъ убійствъ, насилій и грабежей. Число жертвъ достигаетъ 75.000 чел., преимущественно мужчинъ—кормильцевъ, торговцевъ, учителей, духовныхъ наставниковъ; въ живыхъ остались главнымъ образомъ женщины и дѣти, совершенно безъ средствъ къ жизни, обнищавшія, числомъ 300.000. Разграбленныхъ и сожженныхъ домовъ и лавокъ было до 50.000.

Одно изъ наиболѣе печальныхъ послѣдствій звѣрской рѣзни въ Арменіи—это жалкое, безпомощное положеніе тысячъ дѣтей-сиротъ, изъ коихъ многія потеряли обоихъ родителей зарѣзанными, а иныя, лишившись отцовъ, погибшихъ за вѣру Христову, имѣютъ матерей, томящихся плѣномъ въ турецкихъ гаремахъ.

Свидѣтельства очевидцевъ о неотложныхъ нуждахъ:

Оффиціальное заявленіе ***миссъ Клары Бартонъ.***

„Въ мѣстности между Архипелагомъ и Каспіемъ, Чернымъ и Средиземнымъ морями нынѣ проживаетъ населеніе, количествомъ

1.500.000, принадлежащее армянскому племени, находящееся на извѣстной степени полу-культуры и исповѣдующее религію Христа. Согласно вышеупомянутымъ показаніямъ людей образованныхъ, безпристрастныхъ наблюдателей различныхъ странъ, показанія коихъ согласуются съ сообщеніями нашихъ агентовъ безвозбранно собиравшихъ свѣдѣнія нынѣ около 200.000 человѣкъ этого населенія, мужчины, женщины и дѣти—лишены крова, остались безъ пристанища, безъ одежды, безъ огня, безъ пищи, безъ врачебной помощи и лѣкарствъ, безъ всѣхъ тѣхъ благъ цивилизаціи, которыя клонятся къ охраненію здоровья и продолженію жизни. Лишь человѣколюбіе и христіанская благотворительность остального міра могутъ дать этимъ страдальцамъ средства къ существованію. Вышеприведенныя показанія всѣ единогласно гласятъ, что безъ матеріальной помощи извнѣ 50.000 человѣкъ этихъ жертвъ безчинства умерли бы отъ голода или погибли бы вслѣдствіе всякихъ лишеній за время до мая мѣсяца 1897 г. Никто изъ насъ не нашелъ лучшихъ посредниковъ для раздачи собранныхъ пособій, чѣмъ преданныхъ дѣлу благотворенія миссіонеровъ, живущихъ въ странѣ, и чиновниковъ нашего правительства, дѣйствія коихъ доказываютъ, участіе, которое они приняли въ судьбѣ этого несчастнаго населенія".

Преп. К. Ф. Гэтсъ д-ръ, президентъ Евфратской коллегіи въ Харпутѣ, пишетъ:

„До сихъ поръ наша помощь ограничивалась лишь стараніями поддерживать жалкое существованіе оставшихся въ живыхъ жертвъ турецкихъ звѣрствъ. До чего близко несчастное населеніе находится къ голодной смерти, можно судить по тому, что̀ я видѣлъ сегодня въ деревнѣ, которую посѣтилъ. Прежде это было село въ 150 домовъ. Нынѣ ихъ осталось лишь около 15, всѣ остальные разрушены. Уцѣлѣли лишь стѣны, по коимъ можно судить, какое красивое село это прежде было. Жители ходятъ въ лохмотьяхъ; въ ихъ домахъ нѣтъ постелей, кромѣ развѣ домахъ въ 12-ти; всю зиму люди спали на голомъ полу, непокрытые. Вокругъ не видно ни овецъ, ни скота въ полѣ, остались лишь двѣ собаки. Я не нашелъ запасовъ зерна въ домахъ. Въ нѣкоторыхъ домахъ немного хлѣба. Вездѣ лишь небольшіе пучки ***травы***, которая теперь составляетъ ихъ ***главную пищу***. Лица женщинъ и дѣтей желты и измождены; я спросилъ одного маленькаго мальчика, ѣлъ ли онъ хлѣбъ сегодня,—и онъ отвѣтилъ: „нѣтъ, только траву". Нѣкоторыя дѣти говорили, что съѣли по кусочку хлѣба величиной въ ладонь. Когда мы усѣлись на землѣ, окруженные большинствомъ жителей этого села, въ это время дѣти вырывали траву и ѣли ея корни и стебли. Насколько я могу судить, лишь нѣсколько дней отдѣляютъ этихъ людей отъ ***голодной смерти***. Я надѣюсь, что въ состояніи буду помочь имъ раньше, чѣмъ они дойдутъ до этого. Я теперь покупаю зерно для отправки въ эту деревню и раздачи. Но меня приводитъ въ ужасъ мысль, что будетъ дальше.

Вы говорите намъ, что пожертвованія прекращаются. Это указываетъ, повидимому, на то, что населенію остается лишь ожидать медленной смерти. Эти страдальцы встрѣчаютъ насъ умоляющими взорами и спрашиваютъ: „Неужели намъ нельзя надѣяться на помощь?“ Цѣликомъ передаю вашему попеченію это горестное воззваніе. Неужели не пора приняться серьезно за этотъ вопросъ? У меня изныло сердце отъ этихъ сценъ страданія, отъ вида лишеній, которыхъ мы не въ силахъ предотвратить. Когда я проѣзжалъ одной деревней на дняхъ, то все населеніе выбѣжало на дорогу и съ плачемъ взывало къ намъ, пока мы ѣхали мимо: „Мы голодны!“ Эти вопли преслѣдуютъ меня“.

Эрзерумъ: „Въ этой области мы теперь раздаемъ помощь 50,000 челов., отказавъ тысячамъ просившихъ. Мы даже не стараемся уменьшить бѣдность вообще, мы можемъ лишь пытаться спасать населеніе отъ голодной смерти. Правительство не вмѣшивается въ наши дѣйствія и хлѣбъ дѣйствительно выдается нуждающимся. Выраженіе отчаянія, съ которымъ эти несчастные смотрятъ намъ въ глаза и спрашиваютъ: „что будетъ съ нами?“—способно разжалобить каменное сердце. Мольба, которая выражается въ ихъ глазахъ, когда они всматриваются въ наши лица, ища прочесть хотя бы тѣнь намека о возможности надѣяться на помощь, такъ ясна и трогательна, что иногда является потребность убѣжать и облегчить наболѣвшее сердце слезами. Одно лишь нѣсколько облегчаетъ мучительное напряженіе, въ которомъ мы постоянно находимся, а именно, очевидная искренняя благодарность этихъ страдальцевъ за малѣйшую милостыню. Милость Божія да будетъ съ тѣми, кто даетъ хотя бы чашу свѣжей воды для облегченія жаждущаго“.

Гурунъ: „Разрушенныя стѣны 1.500 или 1.600 домовъ, которые раньше такъ уютно расположены посреди роскошныхъ фруктовыхъ садовъ—вотъ все, что осталось на мѣстѣ, гдѣ раньше царило очевидное благосостояніе и довольство. По мѣрѣ того, какъ я посѣщалъ одно жилище за другимъ, я слышалъ лишь одинъ вопль страданія изъ устъ осиротѣвшихъ матерей, овдовѣвшихъ женъ. Оставшіеся отъ погрома ютились кучками въ стойлахъ или въ какой-нибудь единственной каморкѣ, оставшейся отъ общаго разрушенія,—вотъ все, что уцѣлѣло отъ нѣкогда уютныхъ жилищъ. Эти женщины были одѣты въ лохмотья, привязанныя къ тѣлу веревкой,—вотъ все, чѣмъ онѣ могли покрыть свои тѣла“.

Малатія: „Тутъ было убито около 1.500 человѣкъ, почти все населеніе города работники, кормильцы семей. 7.500 человѣкъ, лишившіеся всего имущества, нуждаются въ насущномъ хлѣбѣ. Между ними отъ 2.500 до 3.000—сироты. Женщины, бывшія прежде состоятельными, которыя лишились мужей и взрослыхъ сыновей, дома которыхъ были сожжены, а все имущество разграблено, живутъ теперь въ низкихъ землянкахъ или сырыхъ подвалахъ. Другія покрыты

лохмотьями и не имѣютъ ни куска хлѣба. Многія изъ этихъ несчастныхъ ходятъ просить милостыню изъ дома въ домъ, а иныя ходятъ за подаяніемъ даже на рынокъ. Тамъ, въ своихъ лавкахъ, сидятъ тѣ изверги, которые убили мужей и сыновей этихъ нищенокъ, ограбили все ихъ имущество и разрушили ихъ дома; теперь эти злодѣи бросаютъ несчастнымъ женщинамъ горсть мѣдныхъ монетъ или куски хлѣба и хохочутъ, глядя, какъ они бросаются на деньги и хлѣбъ,

Армянскія сироты въ Эрзерумѣ.

точно собаки. Со времени рѣзни люди спятъ на соломѣ или кучахъ тряпья, ютясь цѣлыми семьями въ повалку, ради тепла. За послѣдніе дни многіе ***умерли отъ голода, холода и лишеній.***

Арабкиръ: „Число нуждающихся такъ велико, а размѣръ наличной помощи такъ ничтоженъ, что несообразность ея съ потребностями приводитъ въ отчаяніе благотворителей. Если предоставить этихъ несчастныхъ вдовъ и сиротъ ихъ судьбѣ, то онѣ впадутъ въ крайнюю нищету и бѣдствіе и, наконецъ, умрутъ въ отчаяніи. Нѣтъ хлѣба, нѣтъ одежды, никакого имущества, никакой работы, и почти въ каждой семьѣ есть больные“.

Мардинъ: „Уже теперь очевидно, что на слѣдующую зиму большее число семействъ христіанъ будутъ нуждаться въ помощи благотворителей, чтобы прожить холодное время, нежели то быловъ прошломъ году. Здѣсь мы можемъ кормить ихъ, расходуя менѣе двухъ центовъ въ день на человѣка. Намъ неизвѣстны случаи, чтобы правительство или курдскіе вожди, или турецкіе чиновники непосредственно присвоивали бы себѣ посланные на дѣла благотворительности фонды“.

Габузи: „Въ этомъ селеніи около 40 сиротъ бродятъ безъ пристаница, живя какъ бездомныя собаки; они ѣдятъ, что найдутъ, и спятъ гдѣ придется. То же можно сказать и о многихъ другихъ деревняхъ“.

Миссъ Коринна Шаттукъ пишетъ:

Орфа: „У меня теперь пріютились 50 дѣтей сиротъ. Вотъ свѣдѣнія, которыя я могла собрать о ихъ роднѣ: пятнадцать человѣкъ родныхъ сожжены живыми въ церкви—родители, братья, сестры, бабушка, двое дядей, со всѣми ихъ семьями; о трехъ сестрахъ съ братомъ записано: отецъ убитъ, мать умерла въ горячкѣ, есть тетка, вдова съ четырьмя или пятью дѣтьми.—Объ одномъ ребенкѣ значится: мать, отецъ и дѣдушка съ бабушкой убиты. И у каждаго изъ этихъ сиротъ такая же скорбная повѣсть“.

Позднѣе миссъ Шаттукъ пишетъ:

„Мы теперь оказываемъ посильную помощь 2.500 членамъ семей такихъ вдовъ, у которыхъ нѣтъ ни сына, ни дочери, способныхъ къ труду. Я съ ужасомъ ожидаю зиму, которая, какъ мнѣ кажется, будетъ весьма суровая. У меня сейчасъ пріютились 70 сиротъ, а на этой недѣлѣ придется принять еще десять; эти послѣднія, взятыя въ трехъ домахъ, являются для меня источникомъ великихъ заботъ, хотя, слава Богу, я располагаю контингентомъ умѣлыхъ смотрительницъ и образованныхъ наставницъ, которыя живутъ въ пріютахъ и надзираютъ за порядкомъ въ столовыхъ, за религіозными обрядами и такими распорядками жизни пріюта, которыя смотрительницамъ не подъ силу. Намъ слѣдовало бы принять еще 300 сиротъ! Англичане и нѣмцы до сихъ поръ одни, которые посылаютъ намъ пособія. Для тѣхъ нашихъ вдовъ, которыя обременены пятью-семью дѣтьми, это большая помощь имѣть возможность сдать намъ хоть одного. Кромѣ того у насъ есть много круглыхъ сиротъ. Въ нашихъ спискахъ значатся около 3.325 сиротъ, которымъ мы помогали лѣкарствами, одеждой и т. п., а также 1.495 вдовъ“.

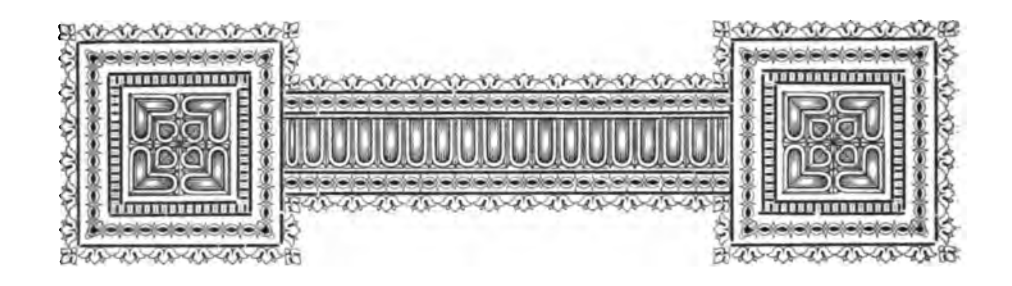
Преп. Г. О. Дуайтъ, д-ръ, пишетъ:

„Европейскія націи, наконецъ, убѣдились изъ произведенныхъ ихъ представителями разслѣдованій, что съ наступленіемъ зимы начнутся страшныя бѣдствія и страданія. Франція пробуждается, Германія собирается открыть убѣжища въ Харпутѣ, Орфѣ и Цезареѣ, подъ покровительствомъ германскаго правительства и подъ управленіемъ діакониссъ, принадлежащихъ имперскимъ братствамъ и обществамъ, Швейцарія учредила комитеты помощи въ Женевѣ, Цюрихѣ, Базелѣ и Бернѣ.

Гроссъ Н. Кимбаль, д-ръ мед. изъ Вана, въ Арменіи, пишетъ:

„Совершенно вѣрно будетъ, если сказать, что отъ Константинополя до Персіи, отъ Кавказа до Месопотаміи *девять десятыхъ* мѣстныхъ христіанъ, жителей каждаго города и селенія, вынуждены зависѣть для дневного пропитанія, одѣянія и топлива отъ помощи извнѣ...“

Вашингтонскій епископъ Генри Саттерлеиъ, пріѣзжавшій въ Европу для ходатайства за турецкихъ армянъ.



Отрывокъ изъ Клермонскаго собора

Майкова.

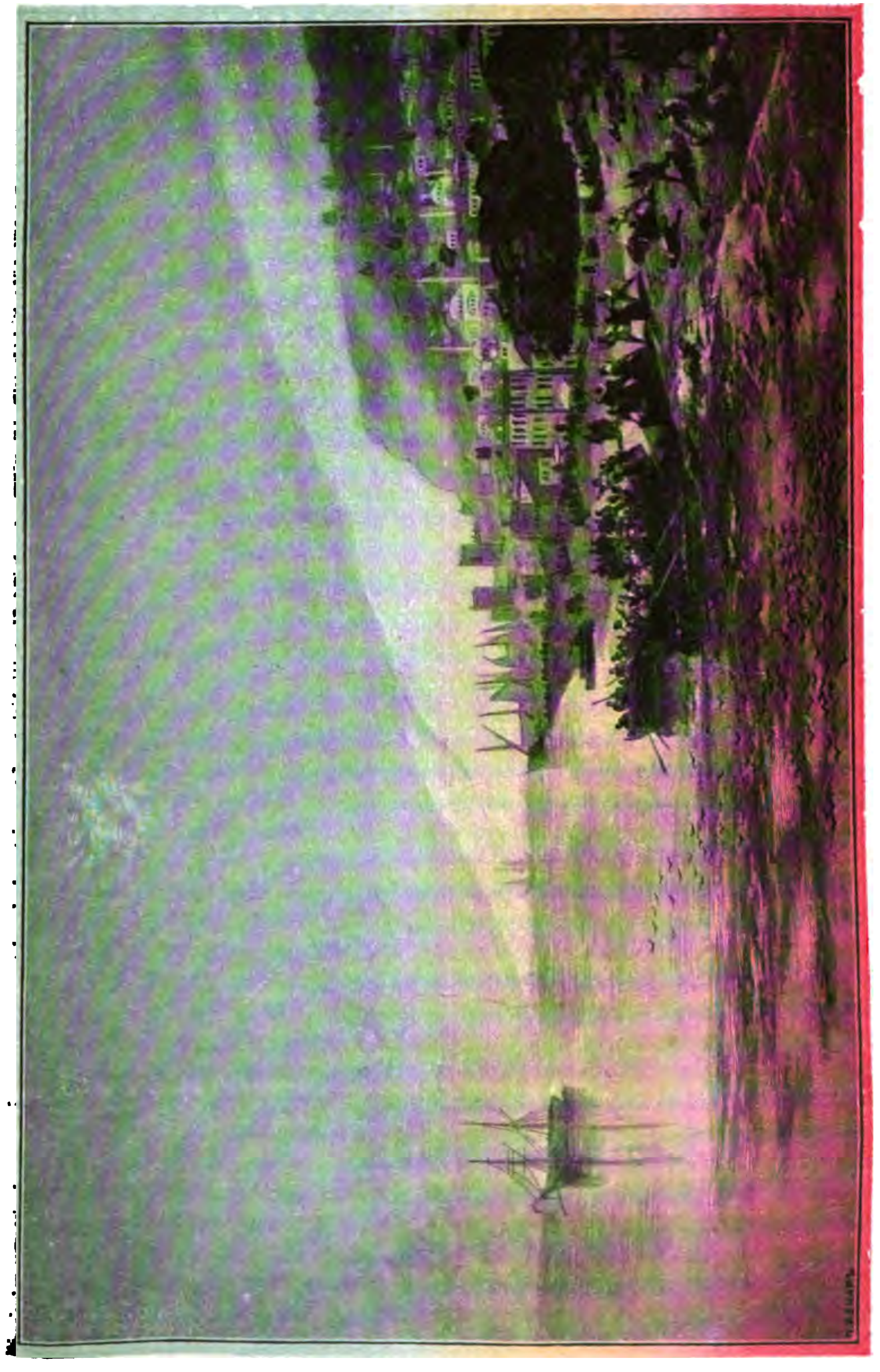
. . . .
Вдругъ звонъ затихъ—и на ступени
Престола папы преклонилъ
Убогій пилигримъ колѣни;
Его съ любовью осѣнилъ
Святымъ крестомъ первосвященникъ;
И, помоляся небесамъ,
Пустынникъ говорилъ къ толпамъ:
«Смиренный нищій, бѣглый плѣнникъ
Предъ вами, сильные земли!
Темна моя, ничтожна доля;
Но движетъ мной иная воля.
Не мнѣ внимайте, короли:
Самъ Богъ, державствующій нами,
Къ моей склонился нищетѣ
И повелѣлъ мнѣ стать предъ вами,
И вамъ въ сердечной простотѣ
Сказать про плѣнъ, про тѣ мученья,
Что испыталъ и видѣлъ я.
Вся плоть истерзана моя,
Спина хранитъ слѣды ремня,
И язвамъ нѣту исцѣленья!
Взгляните: на рукахъ моихъ
Оковъ кровавыя запястья.
Въ темницахъ душныхъ и сырыхъ,
Безъ утѣшенья, безъ участья,
Провелъ я юности лѣта;
Копалъ я рвы, бряцая цѣпью,
Влачилъ я камни знойной степью,
За то, что вѣровалъ въ Христа!
Вотъ эти руки... Но въ молчаньѣ
Вы потупляете глаза;

XXXV

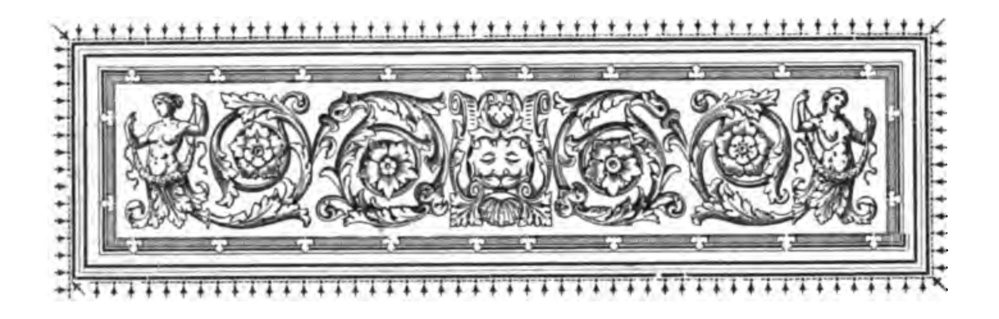
На грозныхъ лицахъ состраданья,
Я вижу, катится слеза...
О, люди, люди! язвы эти
Смутили васъ на краткій часъ!
О, впечатлительныя дѣти!
Какъ слезы дешевы у васъ!
Ужель, чтобъ тронуть васъ, страдальцамъ
Къ вамъ надо нищими предстать?
Чтобъ васъ увѣрить, надо дать
Ощупать язвы вашимъ пальцамъ!
Тогда лишь бѣдствіямъ земнымъ,
Тогда неслыханнымъ страданьямъ,
Безчеловѣчнымъ истязаньямъ
Вы сердцемъ внемлете своимъ!...
А тѣхъ страдальцевъ милліоны,
Которыхъ вамъ не слышны стоны,
Къ которымъ мусульманинъ злой,
Что къ агнцамъ трепетнымъ приходитъ,
И безпрепятственно уводитъ
Изъ нихъ рабовъ себѣ толпой;
Въ глазахъ у брата душитъ брата,
И неродившихся дѣтей
Во чревѣ рѣжетъ матерей,
И вырываетъ для разврата
Изъ ихъ объятій дочерей...
Я видѣлъ: блѣдныхъ, безоружныхъ,
Толпами гнали по пескамъ,
Отсталыхъ старцевъ, женъ недужныхъ
Бичомъ стегали по ногамъ;
И турокъ рыскалъ по пустынѣ,
Какъ передъ стадомъ гуртовщикъ.
. . . .
И грекъ намъ далъ примѣръ великій:
Ерея, пѣвшаго псаломъ,
Съ коня спрыгнувши, турокъ дикій
Ударилъ взвизгнувшимъ бичомъ:
Тотъ пѣлъ, и бровію не двинулъ!
Злодѣй страдальца опрокинулъ
И вырвалъ бороду его...
Рванули съ воплемъ мы цѣпями,—
А онъ Евангелья словами
Господне славилъ торжество!
Въ куски изрубленное тѣло
Злодѣи побросали въ насъ:
Мы сохранили ихъ всецѣло,

XXXVI

И, о душѣ его молясь,
Въ темницѣ, гдѣ страдали сами,
Могилу вырыли руками
И на груди святой земли
Его останки погребли.
«И онъ не встанетъ вѣдь предъ вами
Вамъ язвы обнажить свои
И выпросить у васъ слезами
Слезу участья и любви!
Увы, не разверзаютъ гробы
Святыя жертвы адской злобы!
Нѣтъ, и живое не пріидетъ
Къ вамъ одновѣрцевъ вашихъ племя—
Христу молящійся народъ;
Одинъ креста несетъ онъ бремя,
Одинъ онъ тернъ Христовъ несетъ!
Какъ рабъ евангельскій, израненъ,
Въ степи лежитъ, больной, безъ силъ...
Иль ждете вы, чтобъ напоилъ
Его чужой Самаритянинъ,
А вы, съ кошницей яствъ, бойцы,
Пройдете мимо, какъ слѣпцы?
О, нѣтъ, для васъ еще священны
Любовь и правда на землѣ!
Я вижу ужасъ вдохновенный
На вашемъ доблестномъ челѣ!
Возстань, о воинство Христово
На мусульманъ войной суровой!
Да съ громомъ рушится во прахъ—
Созданье злобы и коварства—
Ихъ тяготѣющее царство
На христіанскихъ раменахъ!
Разбейте съ чадъ Христа оковы,
Дохнуть имъ дайте жизнью новой;
Они васъ ждутъ, чтобъ васъ обнять,
Край вашихъ ризъ облобызать!
Идите! ангелами мщенья,
Изъ храма огненнымъ мечомъ
Изгнавъ невѣрныхъ поколѣнья,
Отдайте Богу Божій домъ!
Тамъ благодарственные псальмы
Для васъ народы воспоютъ,
А падшимъ—мучениковъ пальмы
Вѣнцами ангелы сплетутъ!...»



Избіеніе Армянъ въ Требизондѣ въ 1895 г. (съ карт. И. К. Айвазовскаго).



Сила свѣта Христова.

В. А. Гольмстрема.

«Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ не такъ, какъ міръ даетъ, Я даю вамъ. Да не смущается сердце ваше и да не устрашается».

«Въ мірѣ ждетъ васъ скорбь, но мужайтесь: Я побѣдилъ міръ!»

I.

Когда Христосъ готовился покинуть землю, Онъ, востосковавши, по человѣчеству Своему, о судьбѣ оставляемыхъ Имъ близкихъ людей и всего рода людского, въ агоніи сердечной тревоги воскликнулъ: *«миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ!»*...—и тутъ же рядомъ пояснилъ, что этотъ миръ будетъ не безмятежнымъ довольствомъ, не благодушною жизнью, а работой среди бездны горя, среди скорби, отъ которой подчасъ можетъ содрогнуться сердце...

«Мужайтесь!»—заповѣдалъ Богочеловѣкъ.

Но завѣты Спасителя потускнѣли въ нашей памяти. Его образъ заслонили въ нашей душѣ «преходящія» лица и учители, которые, возлагая на насъ бремена «тяжелыя и неудобь-носимыя», скрыли отъ насъ предвѣчныя истины дѣятельнаго мира, животворной любви и милосердія,—ими же только и живъ человѣкъ. Очерствѣли людскія сердца... Нынѣ, на порогѣ XX столѣтія, черезъ двѣ тысячи лѣтъ со времени рожденія Божественнаго Младенца, снова колыбель христіанства, Малая Азія, привлекла наши взоры: на этотъ разъ—*безпримѣрной агоніей христіанства*, — убіеніемъ армянъ. Но... мертвы оказались наши сердца. Вотъ уже два года ни отклика сочувствія, ни душевнаго движенія, ни попытки помочь: мы, православные, забыли Христа!.. Гдѣ найти звуки, гдѣ найти краски, чтобы провести въ души, устрашенныя яркой картиной бѣдствій, звуки отдаленной и тихой мольбы?... О, гдѣ найти слово, будящее сердце, пробуждающее его къ сознанію, что имя «христіанина» *обязываетъ?!*...

Все мертво... угасло... Но—живъ Христосъ! Онъ вѣчно воскресаетъ снова въ нашихъ душахъ...

Сила свѣта Христова никогда не угасала, согласно сказанному: «небо и земля прейдутъ, но слова Мои не прейдутъ!» Добрую, свѣтлую вѣсть Евангеліе мира, милосердія и христіанской доблести понесло страждущимъ армянамъ Малой Азіи протестантское, англійское «Общество друзей». Чуждаясь обычнаго у англичанъ стремленія смѣшивать благотворительныя цѣли съ политическими и вести подъ покровомъ филантропіи агитацію, не довѣряя газетнымъ извѣстіямъ о массовой организованной рѣзнѣ христіанъ въ турецкой имперіи, the Society of Friends раннею весною 1896 года (мартъ) послало въ малоазіатскія провинціи Турціи профессора палеонтологіи при кембриджскомъ университетѣ д-ра J. Rendell Harris и его жену, m-rs Helen B. Harris. Эти сильные христіанскимъ мужествомъ и религіозно-настроенные люди, съ большой эрудиціей, со свѣтскимъ умомъ и желѣзной энергіей добра поѣхали на мѣсто проявленія адскаго изувѣрства съ опасностью для собственной жизни, сразу послѣ чудовищныхъ избіеній христіанъ осенью 1895 и зимою 1896 года; они проѣхали по свѣжимъ слѣдамъ турецкихъ убійцъ, они пріобщились къ ужасамъ армянскаго существованія въ Малой Азіи, наконецъ, за время ихъ пребыванія тамъ грянули константинопольскія убійства (августа прошлаго года), а поголовное избіеніе христіанъ въ Эгинѣ произошло на разстояніи четырехъ дней пути отъ города Харпутъ, тогдашняго мѣстонахожденія жены профессора.

«Письма изъ Арменіи»—такъ называется книга, составленная мужемъ и женой Harris изъ писемъ, которыми они обмѣнялись съ друзьями въ Англіи и американскими миссіонерами въ Малой Азіи. «My rather prosy letters» скромно называетъ свою переписку г-жа H. Rendell Harris, благодаря своихъ читателей за удѣленное ей вниманіе. Такой взглядъ на значеніе разбираемаго труда слишкомъ скроменъ: это—литературное произведеніе, написанное прекраснымъ образнымъ языкомъ, объединенное мыслью. Но оно, понятно, не удовлетворитъ любителя легкаго чтенія и беллетристики.

Зато сейчасъ, принимаясь за перо, я право не знаю, удастся ли мнѣ передать впечатлѣніе, произведенное на меня этой книгой. Это что-то глубоко христіанское, что-то глубоко разумное, гдѣ усилія развитого и дѣловито-настроеннаго ума получаютъ могучую поддержку отъ возвышеннаго сердца. Житейская практика счастливо сочетается въ авторахъ переписки съ высокою религіозностью. Это—*дѣятельно добрые* люди... Можетъ быть, для насъ, русскихъ, покажется немного рѣжущимъ ухо постоянно высказываемое въ письмахъ сознаніе пишущими ихъ христіанскаго долга и высокой миссіи на этой землѣ; но подобное впечатлѣніе объясняется тѣмъ, что мы понимаемъ Бога только въ учебникахъ и молитвенникахъ, а по достиженіи зрѣлаго возраста—въ церкви; эти же люди носятъ Бога въ сердцахъ

своихъ, и такое вѣчно соприсутствующее сознаніе побуждаетъ ихъ къ христіанскимъ подвигамъ.

«*Мужайтесь*, ибо Христосъ побѣдилъ міръ!»...—вотъ что говорятъ своей книгою супруги Harris,—говорятъ не только измученнымъ армянамъ, на помощь которымъ они истратили крупныя суммы, и всѣмъ, кому дороги судьбы изстрадавшагося христіанства. Бѣды армянскаго народа произвели положительно удручающее впечатлѣніе на всѣхъ, кто далъ себѣ трудъ сознать чудовищные размѣры несчастія. Поэтому, если что можетъ подвинуть людей на помощь, это — единственно убѣжденіе, что положенныя на дѣло поддержки армянъ усилія не будутъ напрасны. Супруги Harris выработали совмѣстно съ американскими миссіонерами, первыми работниками на окровавленной нивѣ Малой Азіи, цѣлую *систему* помощи населенію. «Only those people who do nothing can despair», — говоритъ профессоръ. Дѣло поставлено такъ, что самая ограниченная помощь можетъ дать самые богатые результаты: такъ хороша система, постановка дѣла! Если даже такъ велико было бѣдствіе и такъ сильно разрослось, если даже многіе погибнутъ, то многіе будутъ спасены и, главное, спасены съ толкомъ...

Несмотря на чудовищное звѣрство турокъ, свѣтъ Христовъ не исчезнетъ среди армянскаго населенія Малой Азіи, если прочіе христіанскіе народы сознаютъ свою религіозную солидарность съ нимъ, свой нравственный долгъ предъ нимъ и предъ самими собой.

Наконецъ, особенно сильное впечатлѣніе производятъ письма супруговъ Harris тѣмъ, что, избѣгая сенсаціонныхъ извѣстій, они рисуютъ народный армянскій характеръ, вызывая къ этому народу симпатіи читателей, и кромѣ того, отличаются крайнею сдержанностью, недосказанностью. Писавшіе боялись, что письма ихъ будутъ перехвачены турецкимъ правительствомъ и постоянно недописывали... Два-три штриха, одинъ-два разсказа и—все... Никакой попытки произвести удручающее впечатлѣніе! Но именно эта недосказанность позволяетъ мыслящему читателю нарисовать себѣ картину бѣдствія и представить себѣ его размѣры на основаніи тѣхъ мѣръ помощи, которыя пишущими считаются необходимыми: требуются мѣры для возрожденія цѣлаго народа. Наконецъ, надо сознаться, что и спокойнымъ тономъ въ письмахъ высказано очень многое...

II.

Съ береговъ Средиземнаго моря, отъ залива Александретты, супруги Harris двинулись на сѣверо-востокъ, пересѣкли Евфратъ, достигли Тигра у Діарбекира и затѣмъ снова, переправившись черезъ Евфратъ, держали путь на сѣверъ и добрались до Чернаго моря около Самсуна (между Синопомъ и Требизондомъ). Цѣлью путеше-

ствія,—не только оффиціально заявленной, но и дѣйствительной — былъ розыскъ древнихъ рукописныхъ Евангелій. Эта-то главная цѣль и помогла имъ болѣе или менѣе безпрепятственно выполнить побочную: освѣдомиться о фактическомъ положеніи дѣлъ въ армянскихъ провинціяхъ. Не позволяя себѣ останавливаться на первыхъ попавшихся имъ на глаза образчикахъ турецкаго звѣрства, чтобы не возбудить турецкой подозрительности и недружелюбія къ себѣ, профессоръ и его жена поторопились попасть въ самый очагъ бѣдствія. Они убѣдились, что при истребленіи христіанъ работалъ, въ качествѣ первоначальной причины, не религіозной фанатизмъ турокъ, какъ думали многіе, а дѣйствовала просто *анархія*, вызванная гніеніемъ во всѣхъ слояхъ турецкаго народа подъ вліяніемъ долгой практики беззаконія. Эта анархія сказалась въ *высшихъ* слояхъ турецкаго населенія, въ его правительствѣ, сознаніемъ, что ему все дозволено, даже убійства, которыя организовали сами власти: въ *низшихъ* слояхъ она проявляется въ невѣжествѣ, въ ненависти на экономической подкладкѣ къ трудолюбивымъ и болѣе интеллигентнымъ по своему народному характеру армянамъ. Эта анархія даже воспитывается въ низшихъ слояхъ турецкаго и курдскаго населенія примѣрами полнѣйшей безнаказанности всѣхъ ихъ дикихъ проявленій, когда они направлены противъ безправной „райи". Армянское населеніе раздавлено между двумя жерновами: турками – сверху, курдами – снизу. Турокъ беретъ двойныя и тройныя подати, сажаетъ безъ причины въ тюрьмы и требуетъ взятокъ; курдъ отнимаетъ урожай, воловъ, орудія земледѣльческаго труда, скотъ. Который изъ этихъ двухъ хозяевъ хуже, трудно сказать... Первое, что бросилось въ глаза путешественникамъ, когда они попали въ центры армянскихъ избіеній, было то великое цивилизующее и просвѣтительное значеніе, которое имѣютъ въ армянскихъ провинціяхъ Турціи американскія миссіи. Окруженныя зданіями низшихъ школъ, семинарій для мальчиковъ и дѣвочекъ (иногда тутъ бываетъ и колледжъ), домами профессоровъ, всякими службами, иногда госпиталями, обширными дворами для физическихъ упражненій, обнесенными высокими стѣнами, эти миссіи представляютъ изъ себя какъ бы отдѣльные міры, оазисы христіанства, образованія, мира, культуры, а за ихъ стѣнами—пустыня, гдѣ господствуютъ мракъ, невѣжество, фанатизмъ, нищета, анархія и всяческій позоръ. Къ этимъ центрамъ стремилось все лучшее и здоровое въ мѣстномъ армянскомъ населеніи, все жаждущее истины и свѣта. Между отживающимъ варварствомъ и нараждающеюся христіанскою цивилизаціей шла до послѣднихъ кровавыхъ событій какая-то скрытая борьба. Побѣда оставалась, понятно, за свѣтомъ, ибо свѣтъ рядомъ съ мракомъ есть конецъ мрака; турецкое правительство, наконецъ, почувствовало, что его исключительное господство надъ жизнью и смертью населенія какъ бы ускользаетъ изъ турецкихъ рукъ въ пользу христіанъ, что старый порядокъ вещей умираетъ естественною смертью. Отсюда тревога

въ высшихъ турецкихъ сферахъ, отсюда зависть и жадность ближайшаго мѣстнаго турецкаго начальства: тревога съ одной стороны, зависть — съ другой воспользовались англійской пропагандой среди армянскихъ революціонеровъ и обрушились всею своею тяжестью на безобидное населеніе. Религіозный фанатизмъ былъ вызванъ искусственно сверху; сверху же главные удары его направлены были, главнымъ образомъ, противъ элементовъ армянскаго населенія, *исповѣдывавшихъ протестантизмъ*. Избивалось все мужское населеніе, всѣ видные представители армянскаго народа, всѣ его „водители": священники, учителя, нотабли. Одна и та же участь постигла католиковъ, грегоріанъ, протестантовъ, но особенно преслѣдовались послѣдніе. Ихъ никогда не щадили и даже приканчивали впослѣдствіи, если они успѣвали спастись во время общей рѣзни. Такъ, напримѣръ, въ Эгинѣ, гдѣ избіеніе произошло 15 сентября и куда m-rs Harris попала черезъ мѣсяцъ, 15 октября*), одинъ изъ самыхъ выдающихся протестантовъ успѣлъ скрыться и появился на улицѣ только черезъ нѣсколько дней по прекращеніи убійствъ. Турки сразу набросились на него. „Вы не смѣете меня убивать, — сказалъ несчастный. — Вѣдь отданъ приказъ прекратить убійства?".—„Мы не смѣемъ больше стрѣлять изъ ружей, — отвѣтили ему палачи, — но убивать камнями можно!" И ему раздробили черепъ тяжелыми камнями...

На ту же тенденцію косвенно, убійствами армянъ-протестантовъ подорвать американскія миссіи, указываетъ изданный въ Константинополѣ осенью прошлаго года эдиктъ для губернаторовъ Малой Азіи, съ приказаніемъ *препятствовать протестантской пропагандѣ*.

Такая ненависть турокъ къ американскимъ миссіямъ объясняется изложеннымъ выше просвѣтительнымъ характеромъ этихъ учрежденій, которыя *одни* поддержали гибнущее христіанство въ Малой Азіи и *пока* одни, въ ожиданіи лучшаго или болѣе ужаснаго будущаго, поддерживаютъ его нынѣ... Противъ американскихъ миссіонеровъ выставлялось турками обвиненіе, что они ведутъ антиправительственную пропаганду. Это едва ли не *клевета безсилія*... Но она, къ несчастію, черезъ *подкупленныя турками газеты*, получила большое распространеніе. Одно несомнѣнно, что турки никогда не могли доказать своего обвиненія. M-rs Harris приводитъ, напримѣръ, одинъ подобный случай, когда, на основаніи перехваченнаго письма ректора колледжа въ Айнтабѣ, доктора Fuller, турки жаловались консулу Соединенныхъ Штатовъ на агитацію, которую будто бы ведетъ докторъ среди населенія; даже двѣ петиціи въ этомъ смыслѣ были по-

---

*) Когда m-rs Harris послѣ кровавой катастрофы пожелала поѣхать въ Эгинъ, турецкія власти попросили ее подождать 10 дней: онѣ хотѣли хоть немного почистить городъ, гдѣ изъ 5,000 христіанъ въ два дня турки успѣли убить 2,000 ч., оставляя тѣла на улицѣ въ пищу собакамъ.

сланы султану: одну подписалъ губернаторъ области и главныя должностныя лица, другую—масса турецкихъ гражданъ. Наконецъ, послѣ многократныхъ требованій, инкриминируемое письмо было представлено консулу. M-rs Harris приводитъ въ подлинникѣ это зловредное посланіе. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ строкъ, въ которыхъ докторъ Fuller сообщаетъ miss Shattuck, члену американской миссіи въ городѣ Урфѣ, что до него уже дошли слухи объ избіеніи христіанъ въ этомъ городѣ, но что онъ, докторъ, сейчасъ не можетъ прибыть или прислать кого-либо для защиты ея, miss Shattuck; что надо ждать понедѣльника, а пока они всѣ будутъ за нее молиться. „Положеніе у насъ очень критическое, но катастрофы еще не произошло (so far there has been no outbreak)“. И только... Человѣкъ, пойманный съ этимъ письмомъ, былъ осужденъ, какъ шпіонъ!

Вообще, лживыя увѣренія турокъ, приведенныя въ книгѣ, свидѣтельствуютъ о чисто восточной фантазіи подданныхъ султана и варьируются какъ экзерсисы для рояля: во всемъ виноваты армяне, которые если не сами проламливали себѣ головы, то сами себя поджигали. Въ одномъ городѣ, послѣ трехдневной рѣзни, власти призвали какого-то армянина и потребовали отъ него подписать бумагу съ обвиненіемъ убитыхъ въ революціонной пропагандѣ; когда онъ отказался, ему заявили, что „вѣдь эти люди—мертвые! Если ты не подпишешь, то тебѣ придется плохо“. Въ Харпутѣ масса армянъ заключена была въ тюрьму по обвиненію въ революціонныхъ стремленіяхъ. Турки предложили миссіонерамъ и m-rs Harris выпустить за деньги всѣхъ, кромѣ пяти человѣкъ, которыхъ именно — турецкимъ властямъ было безразлично: имъ только надо былъ ***кого-нибудь*** повѣсить въ качествѣ виновныхъ...

III.

Нѣтъ ничего мудренаго, что въ такой атмосферѣ возмутительной лжи и безправія, среди темныхъ, невѣжественныхъ массъ населенія, готоваго на все и уступающаго только предъ страхомъ, вѣковое угнетеніе армянъ, при первомъ словѣ ***сверху***, получило страшную форму кровавой катастрофы. Мушъ, Ванъ, Битлисъ, Зейтунъ, Урфа... все это — извѣстныя всему міру печальныя имена. Но мало кому вѣдомо, что то же самое, только въ разныхъ размѣрахъ, происходило и по всей Малой Азіи и занесено только въ консульскіе отчеты, приводящіе цифры убитыхъ съ обычнымъ хладнокровіемъ оффиціальныхъ документовъ.

По мѣрѣ того какъ супруги Harris углублялись внутрь страны, размѣры армянскаго бѣдствія росли и росли въ ихъ глазахъ и по временамъ это бѣдствіе казалось имъ безбрежнымъ... Точно колоссальная волна шла предъ ними, постоянно расширяясь и подымаясь... Сильные люди были эти путешественники, но и они всячески стара-

лись не впадать въ унынie. — „harden my heart this way and it is necessary“, пишетъ профессоръ, когда ищетъ спасенiя отъ ужасающихъ картинъ въ вопросахъ палеонтологiи.

„*Вся армянская нацiя тонетъ въ крови*“, такъ изливаетъ путникамъ свое горе патрiархъ Измирлiанъ *), съ грустнымъ взоромъ человѣка „съ разбитымъ сердцемъ“. „Неужели Англiя, сумѣвшая спасти турокъ и разорвавшая санъ-стефанскiй договоръ, для армянъ ничего не можетъ сдѣлать?...“ „Въ Марашѣ турки послѣ рѣзни подрѣзали всѣ виноградныя лозы,—доходятъ до Harris извѣстiя,—унесли всѣ земледѣльческiя орудiя, всю домашнюю утварь, лишили оставшихся въ живыхъ всякихъ средствъ существованiя. Лихорадка, голодъ, тифъ свирѣпствуетъ безъ удержу“. Въ городѣ Киллисъ, первомъ на пути супруговъ Harris, за три недѣли до ихъ проѣзда была убита сотня мужчинъ и много было раненыхъ, причемъ турки старались *отрѣзать руки своимъ жертвамъ*. Такая форма уродованiя армянъ, лишающая ихъ возможности даже ручнымъ трудомъ зарабатывать себѣ пропитанie, обычная черта послѣднихъ турецкихъ звѣрствъ. Въ Айнтабѣ, гдѣ находится американскiй колледжъ, было убито около 300 чел., и множество изуродовано отрѣзанiемъ рукъ и выкалыванiемъ глазъ. Черезъ день послѣ рѣзни было просто ужасно видѣть этихъ несчастныхъ, со слезами молившихъ прикончить ихъ. Къ мученiямъ присоединилось издѣвательство. Армянамъ разрѣзали грудь крестъ-на-крестъ и вопрошали: «Гдѣ вашъ Христосъ? Гдѣ вашъ Iисусъ? Отчего Онъ не спасаетъ васъ?» Разоренie было такъ велико, что впереди... жителей ждетъ голодная смерть. Послѣ этой рѣзни турки почему-то вообразили, что англичане идутъ отмстить имъ, и стали искать убѣжища у оставшихся въ живыхъ армянъ. Когда же выяснилось, что англичане

Б. Константинопольскiй патрiархъ Измирлiанъ.

*) См. ниже II отдѣлъ.

не придутъ, турки привязали къ спинѣ осла истасканную собаченку и водили осла по городу, съ криками «*да здравствуетъ Англія!*»... Какъ сильно было у турокъ ожиданіе возмездія со стороны христіанскихъ народовъ, показываетъ, напримѣръ, ихъ мнѣніе, что артезіанскій колодезь, вырытый около того времени во дворѣ колледжа, устроенъ для доставки въ Турцію англійскихъ солдатъ.

Болѣе освѣдомленные турки поправляли, однако, такія ошибки въ географіи и объясняли, что это — дорога въ Америку. Переправляться черезъ Евфратъ англичанамъ пришлось у города Биреджика, гдѣ не было ни одного христіанина: всѣ были убиты или насильно обращены въ магометанство. Одно изъ самыхъ сильныхъ избіеній армянъ произошло въ Урфѣ· здѣсь на улицахъ было убито до 1,500 человѣкъ; столько же, если не больше, было сожжено въ церкви, куда несчастныхъ жертвъ заманили солдаты, ходившіе по домамъ съ увѣреніемъ, что спасшіеся въ церкви будутъ пощажены. При этомъ погибла масса духовенства и всѣ передовые люди армянскаго населенія. Богатые люди, съ многочисленными семьями, въ одинъ день становились нищими и одинокими. У одного армянина было убито 21 человѣкъ родни, и весь домъ оказался пустымъ...

Женщины и дѣвушки были угнаны въ гаремы. Избіеніе было организовано систематически: одна партія солдатъ убивала мужчинъ въ извѣстномъ кварталѣ города, другая партія толпами угоняла женщинъ и дѣтей, наконецъ, третья партія грабила опустѣвшіе дома. Турки старались убить всѣхъ лицъ мужского пола старше 10 лѣтъ. Всего убитыхъ, раненыхъ и изуродованныхъ въ Урфѣ насчитывается до 5,000 человѣкъ. Проѣздомъ черезъ городъ Северекъ супруги Harris собрали пострадавшихъ армянъ въ школѣ и сидѣли около стѣны со слѣдами мозга и крови убитаго здѣсь ударомъ топора протестантскаго пастора.

Въ городѣ Мардинѣ рѣзни не было, потому что его спасло одно курдское племя, дружившее съ миссіонерами; зато весь округъ былъ опустошенъ и сельское населеніе ждало голодной смерти. Почти на глазахъ у путешественниковъ турки угоняли армянскій скотъ. Всѣ священныя книги христіанъ были уничтожены курдами. Въ деревнѣ Кааби изъ ста домовъ восемьдесятъ было сожжено. Въ городѣ Діарбекирѣ рѣзня продолжалась три дня и была остановлена только энергіей французскаго консула, m. Meyrier, который съ рискомъ для своей жизни и семьи открылъ настежь двери консульства и спасъ такимъ образомъ 1,500 человѣкъ (ср. II отд.). Здѣсь все-таки убито до 3,000 человѣкъ, а сколько было искалѣченныхъ!... Одна женщина потеряла обѣ руки, стараясь укрыть голову отъ сабельныхъ ударовъ; ея мужъ убитъ у нея на глазахъ; вскорѣ послѣ этого она родила близнецовъ, которые погибли, потому что искалѣченная мать не могла ухаживать за ними.

Когда путешественники добрались до Харпута и пробыли въ

пути уже 4 мѣсяца, они, видимо, стали поддаваться своимъ тяжелымъ впечатлѣніямъ. 21 іюля m-rs Harris пишетъ въ Англію *съ подчеркиваніемъ* въ письмѣ выраженій: «J indicate a very clear and plain way of immediate and beautiful help», «the innumerable pressing needs all round», «you will let us know as soon as possible», «multitudes must perish», etc. etc. Въ Харпутѣ дерзость турокъ не имѣла границъ: они помѣстили пушку противъ протестантской миссіи и, какъ будто цѣля въ христіанскій кварталъ, осыпали выстрѣлами зданія миссіи. Изъ 12 зданій восемь были разрушены. Впослѣдствіи турецкія власти отдѣлались какой-то лживой отговоркой. Окружающая мѣстность страшно пострадала особенно отъ ограбленія, такъ что приходилось кормить болѣе 73,000 человѣкъ. Страшась ожидающей ихъ участи, 32 женщины нашли добровольную смерть въ волнахъ Евфрата. Случалось, что отцы убивали своихъ дочерей. Вотъ цифры, показывающія разореніе грегоріанскаго епископства только въ *одномъ* харпутскомъ округѣ съ его 73 селами.

Нуждающихся въ пропитаніи	26,990
Домовъ разграблено	6,029
» сожжено	1,861
Церквей разорено.	29
» сожжено.	15
Молитвенныхъ домовъ уничтожено. . .	5
» » испорчено . . .	18
Монастырей сожжено	2
» разорено	4
Вступленій противъ воли въ супружество съ турками	166
Похищеніе женъ и дѣвушекъ.	2,300
Насильно обращено въ исламъ:	
» » священниковъ . . .	12
» » мужчинъ и женщинъ.	7,664
Раненыхъ	1,315
Убито на большихъ дорогахъ.	280
Сожжено людей	56
Умерло отъ голода и холода	1,014
Самоубійствъ.	23
Пріяли мученическую смерть:	
» » епископовъ	1
» » священниковъ . . .	11
» » пасторовъ.	3
» » учителей	7
» » мужчинъ, женщинъ и дѣтей	1,903

И это въ одномъ только округѣ!

Вообще, число смертей опредѣляется въ Харпутскомъ округѣ въ 4,127 чел., а имущества разграблено на 1.651,956 турецкихъ фунтовъ. ***Относительно*** ограниченное число убитыхъ въ Харпутѣ, по сравненію съ массой обездоленныхъ и пущенныхъ по міру, сказалось очень невыгодно на операціяхъ комитета помощи: приходилось затрачивать на этотъ округъ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ убитые составляли большинство.

Являясь свидѣтелями такого систематическаго изувѣрства, поголовнаго и повсемѣстнаго разоренія, видя намѣренное опустошеніе страны, провѣряя всѣ факты съ большою добросовѣстностью, супруги Harris не могли сдержать своего негодованія, когда «The Society of Friends», въ письмѣ изъ Лондона, сочло нужнымъ предостеречь ихъ противъ «вымышленныхъ звѣрствъ». Профессоръ пишетъ отъ 25 іюля: «***Неужели вы хотите, чтобы я привезъ съ собою въ Лондонъ коллекцію людей съ разсѣченными головами и лицами, съ отрѣзанными руками и ушами? Или, можетъ быть, вы желаете, чтобы я выкопалъ обгорѣлыя кости изъ погребовъ и рвовъ, куда ихъ бросали цѣлыми мѣшками? Я полагаю, что мнѣ удалось бы это сдѣлать, но я не вижу, какимъ образомъ это придастъ вѣру и увеличитъ вѣскость показаній, уже сдѣланныхъ вамъ другими добросовѣстными свидѣтелями, въ томъ числѣ и нами.*** Дѣло въ томъ, что и половина ужасовъ за прошлую зиму неизвѣстна въ Европѣ, а сообщенія корреспондентовъ грѣшили скорѣе неполностью, недостаточностью свѣдѣній, чѣмъ преувеличеніемъ».

Приведенными выдержками изъ книги Harris я старался нарисовать общую картину положенія въ Малой Азіи. Мнѣ кажется, что фактовъ этой категоріи уже достаточно для указанной выше цѣли, хотя ихъ набралось бы и втрое больше. Можно только упомянуть, что на всемъ пути Средиземнаго моря къ Черному, изо дня въ день, въ теченіе шести мѣсяцевъ, путники наталкивались на одни и тѣ же явленія, и все же ужасъ каждаго отдѣльнаго случая былъ такъ великъ, что однообразіе этихъ явленій не давало себя чувствовать. Одни и тѣ же факты, однѣ и тѣ же причины и послѣдствія... Вотъ городъ Малатія. Мусульманское населеніе его дружило съ христіанами; ни о какой революціонной пропагандѣ не было слышно, какъ и вообще ея не существовало во внутреннихъ провинціяхъ Азіатской Турціи. Агитаторы могли пріѣзжать въ эти края, но революціонная пропаганда среди мѣстныхъ армянъ просто немыслима: они совсѣмъ забиты, составляютъ одну пятую, иногда одну десятую всего населенія, — точно беззащитныя овцы, сбиваются безоружные въ кучу при извѣстіи о готовящемся избіеніи. Не могутъ эти овцы угрожать волкамъ! Такъ было и въ городѣ Малатія.

Но телеграмма султана измѣнила дѣло: въ три дня было убито 2,000—3,000 чел., а выдающихся протестантовъ разрѣзали на куски и въ насмѣшку предлагали въ продажу въ мясныхъ лавкахъ... 27 августа, во время проѣзда черезъ столицу имперіи профессора Harris,

произошло побоище въ Константинополѣ; m-rs K. Harris, оставшаяся въ Харпутѣ, пишетъ, что утихавшія было мусульманскія страсти снова возгораются. Снова повсюду слышатся угрозы по адресу христіанъ. Броженіе разразилось рѣзней въ Эгинѣ 15 сентября, гдѣ власти заготовили заранѣе 100 топоровъ, разоружили армянъ, обѣщали имъ безопасность и... зарѣзали около 2,000 ч. Убійцами были не турецкіе солдаты и курды, а спеціально вооруженные *граждане.* Ни одинъ турокъ не былъ убитъ.

Не ясно ли отсюда, что армяне даже не сопротивлялись, что революціонная пропаганда здѣсь ни при чемъ? Армянское населеніе, запуганное идущими кругомъ убійствами, могло думать только о сохраненіи своей жизни, а никакъ не о революціи... M-rs Harris суждено было лично убѣдиться, какъ безсмысленно и безпричинно жестоки турки. Послѣ всѣхъ вынесенныхъ впечатлѣній это было просто нестерпимо. Къ этому времени m-rs Harris заболѣла лихорадкою и, поправившись, посѣтивъ Эгину черезъ мѣсяцъ послѣ побоища, направилась къ Черному морю, куда и прибыла 22-го ноября. Она провела въ Малой Азіи 8 мѣсяцевъ.

IV.

Всякій, кто вдумчиво отнесется къ фактамъ, сообщаемымъ авторами „Писемъ изъ Арменіи“ (съ такою боязнью утрировки, съ такими недоговариваніями и постоянно сдерживаемымъ негодованіемъ), всякій, кто на основаніи этихъ писемъ постарается нарисовать себѣ картину происходящаго въ Малой Азіи, почувствуетъ недоумѣніе, смѣшанное съ ужасомъ... Вѣдь тутъ на громадномъ пространствѣ, подъ прикрытіемъ мрака невѣжества, фанатизма и озвѣрѣлости, какая-то циничная и грубая сила, соединяя въ себѣ холодную жестокость слѣпой стихіи съ утонченностью пріемовъ европейской правительственной власти, давитъ, гонитъ людей, какъ стадо, уничтожаетъ цѣлый народъ, разоряетъ цѣлую страну! Будь это звѣри, они могли бы хоть растерзать гонителей, или спастись отъ нихъ въ лѣсахъ и трущобахъ. Но это — люди, слабые, обезоруженные мучителями. Отъ нихъ требуютъ повиновенія властямъ, какъ отъ гражданъ, и убиваютъ ихъ, какъ животныхъ... Ихъ судьба — гибель и мракъ... Спастись они не могутъ!

Въ это царство скорби, мученій и безумнаго гнѣва, гдѣ американскія миссіи являлись единственными свѣтлыми точками, грозившими исчезнуть подъ тяжестью несказаннаго бѣдствія, окружавшаго ихъ, гдѣ только изрѣдка появлялись агенты Краснаго Креста, раздавая помощь отъ комитета герцога Вестминстерскаго,—въ это царство мрака супруги Harris внесли лучъ Христова свѣта. Они явились не съ яркимъ, краснымъ факеломъ современныхъ искателей сенсаціонныхъ новостей; они разлили мягкій свѣтъ мира, христіанскаго

Осиротѣлыя Армянскія дѣти.

сочувствія и утѣшенія. Они несли съ собой молитву, облегчающую истерзанную душу, они оказали духовную поддержку гибнувшимъ христіанамъ, они оживили вѣру этихъ несчастныхъ во Христа и Его милосердіе, они исторгли первые звуки пѣснопѣнія у этихъ изстрадавшихся людей съ потухшими сердцами... Они вернули этимъ душамъ *пѣснь:* вернули имъ вѣру, молитву и жизнь...

„C'est à force d'aimer qu'on trouve", сказалъ поэтъ. Отнесшись безъ предубѣжденія къ армянамъ, какъ къ людямъ и братьямъ въ Богѣ, супруги Harris вынесли прекрасное впечатлѣніе объ этомъ народѣ, стойкомъ въ несчастіи, отзывчивомъ на симпатіи (а какъ онѣ ему нужны!), готовомъ на всякую помощь для облегченія бѣдствующему брату. Еще въ Константинополѣ, когда профессоръ предъ отправленіемъ въ путь ѣздилъ для разныхъ покупокъ, нищіе армяне старались всячески облегчить ему сношенія съ турецкими торговцами и, отказывались отъ платы, говоря: *„мы дѣлаемъ это ради нашего народа"*. Въ Айнтабѣ главныя пожертвованія въ пользу пострадавшихъ поступали отъ богатыхъ армянскихъ купцовъ, избѣгшихъ смерти; они жертвовали деньгами и предметами своей торговли, и многіе изъ нихъ прямо-таки разорили себя невиданною щедростью. *„Это — драгоцѣнный народъ,*—восклицаетъ профессоръ, — *его терпѣніе безгранично и невыразимо, милосердіе армянъ другъ къ другу безмѣрно"*. Пожертвованія шли не только отъ богатыхъ, но и отъ бѣдныхъ и разоренныхъ, помогавшихъ бѣднѣйшимъ, выплачивая за нихъ подати [1]). Сколько тутъ было „лептъ вдовицы"; невѣсты приносили золотыя монеты со своихъ платьевъ, давали кольца, серьги; одна женщина принесла даже свадебный нарядъ! Такіе факты разбросаны по всей книгѣ. Профессоръ Harris постоянно указываетъ на интеллигентный характеръ армянъ, не закрывая, понятно, глазъ и на ихъ недостатки. Глядя на стойкость этого народа въ бѣдствіи, онъ дѣлаетъ замѣчаніе, что, повидимому, *„въ самобытной цивилизаціи, какъ и въ дѣйствительно прогрессивной религіи* (а у армянъ есть и то, и другое), *внутреннія силы всегда устоятъ противъ внѣшнихъ, ей непріязненныхъ"*. Онъ отмѣчаетъ серьезность, глубину, культурность армянскаго народнаго характера, въ то время какъ m-rs Harris заноситъ въ книгу замѣчанія о выдающейся чистоплотности армянскихъ домовъ a great delicacy of personal neatness среди населенія, о тонкой, интеллигентной красотѣ армянскихъ дѣвушекъ. *„Деликатныя, скромныя, кроткія дѣвушки!"* восклицаетъ она. И надъ ними-то турки продѣлывали свои звѣрства восточныхъ варваровъ! Угоняли ихъ, какъ и армянскихъ женщинъ, въ гаремы, точно скотъ на племя, творили всяческія насилія...

---

[1]) Кстати: турецкое правительство, послѣ избіеній, стало взыскивать подати убитыхъ съ оставшихся въ живыхъ... Видно, мало было награблено! Теперь, можно понять, откуда у мусульманъ явились средства для внесенія военнаго налога... Понятно и желаніе властей получить свою часть награбленнаго.

Армяне, послѣ испытанныхъ волненій, униженій и страданій, нуждались въ утѣшеніи. Имъ нужна была молитва, нужно было участіе, потому что они даже потеряли способность плакать. Супруги Harris доставили то, въ чемъ армяне нуждались. Церкви и молитвенные дома были разорены, собираться для церковныхъ службъ народъ почти не смѣлъ. Съ пріѣздомъ супруговъ Harris начались повсемѣстно службы въ церквахъ, при чемъ протестанты и грегоріяне уступали другъ другу свои церкви: люди разныхъ вѣроисповѣданій молились въ одномъ и томъ же помѣщеніи попеременно. Богослуженіе отправлялось по два раза въ день и церкви были всегда переполнены. Армяне выказали большую религіозность: отказываясь вначалѣ строить себѣ жилища, изъ страха, что турки ихъ опять сожгутъ, они просили помочь имъ поправить церкви. Супруги Harris, испросивъ на это разрѣшеніе у „Общества друзей", подновляли имъ церкви, вставляли стекла въ выбитыя окна и т. п. Пріѣзжая въ какой-либо городъ, путешественники собирали народъ на церковныя службы и, по ихъ окончаніи, говорили проповѣди, читали посланія съ выраженіемъ сочувствія отъ христіанъ Европы и Америки; затѣмъ занимались разслѣдованіемъ степени нужды и организацией помощи. Ихъ слово имѣло большое вліяніе, поднимало упавшихъ духомъ людей. Въ церквахъ и на сборищахъ бывало отъ 3 до 10 тыс. молящихся. Только пѣть они не были въ силахъ!... Разъ какъ-то, въ городѣ Малатіи, Harris собралъ протестантовъ-армянъ въ саду, потому что церковь была разрушена. Имъ было предложено спѣть гимнъ, но они отказались, сказавъ, что не могутъ пѣть со времени пережитыхъ ужасовъ вотъ уже годъ. Кто-то изъ миссіонеровъ началъ, однако, гимнъ... Постепенно, одинъ за другимъ, стали вторить ему и присутствующіе, и апатія отчаянія исчезла... *). Разоренные и изуродованные армяне обыкновенно держались очень спокойно, но глубину ихъ горя могъ бы извѣдать одинъ Господь. Только изрѣдка, большею частью у женщинъ, можно было видѣть горячія слезы... M-rs Harris писала изъ Малатіи, послѣ 5 мѣсяцевъ пребыванія въ Малой Азіи: „О, если бы вы видѣли и слышали этихъ людей! Послѣ того, какъ скажешь нѣсколько словъ утѣшенія, глаза женщинъ наполняются слезами, и, подчасъ, это можно отгадать и въ глазахъ мужчинъ; женщины хватаются за мое платье, цѣлуютъ руки, платье, колѣни, ноги, а, между тѣмъ, видно, какъ имъ не хочется, какъ имъ совѣстно насъ тревожить, потому что онѣ — вовсе не обыкновенныя попрошайки. Но что же имъ дѣлать? Многія изъ нихъ еще недавно были на высотѣ счастія, богатства, были окружены семьей, дѣтьми, были женами зажиточныхъ купцовъ. Теперь имъ негдѣ преклонить головы; дѣти, братья, мужья убиты, даже некому ихъ про-

*) Кстати, о пресловутой вѣротерпимости турокъ: они запрещаютъ пѣть гимнъ „Jese's shall reign wheruer the sun".

кормить...“—„Вчера, послѣ моей рѣчи, по окончаніи церковной службы,—пишетъ m-rs Harris изъ Харпута, — женщины окружили меня плача и смѣясь, со словами благодарности и любви на устахъ“. Вотъ что мы читаемъ въ описаніи посѣщенія города Арабкира, черезъ мѣсяцъ послѣ бывшей тамъ рѣзни: „Каждая женщина входила въ нашу комнату съ покрываломъ на головѣ и лицѣ и садилась молча рядомъ со мной. Но при первыхъ же моихъ словахъ, при пожатіи ея руки, раздавались въ отвѣтъ истеричныя рыданія. Затѣмъ, прерываясь горючими слезами и поцѣлуями рукъ, развертывалась печальная повѣсть перенесенныхъ страданій. Безконечны были эти разсказы, какъ безконечно было горе!.. Послѣ словъ утѣшенія съ моей стороны и обѣщанія помощи, женщина удалялась такъ же неслышно, какъ и вошла. Но иногда она быстро возвращалась, обнимала меня, *тихо клала голову на мое плечо*, снова цѣловала руки и, наконецъ, разрыдавшись, надѣвала на голову покрывало и удалялась вся въ слезахъ“.

„Now for a change!“ сплошь да рядомъ, какъ бы подбадривая себя, пишетъ m-rs Harris, разсказавъ какой-нибудь возмутительный эпизодъ повседневной армянской жизни, и приводитъ, со свойственною ей правдивостью, доказательства, что турки — тоже люди. Въ этомъ-то и заключается особенная привлекательность мирной миссіи супруговъ Harris, что они никогда не отказывались, при случаѣ, отыскивать въ туркѣ человѣка. Не вина авторовъ писемъ, если добрыя черты характера турокъ теряются въ массѣ проявленій ихъ злой воли!

Самымъ лучшимъ признакомъ колоссальности размѣровъ звѣрства, жертвами котораго сдѣлались армяне, могутъ служить нерѣдкія попытки болѣе порядочныхъ турокъ спасти христіанъ отъ избіеній. Видно, что и у турокъ было—и есть, да только глубоко спрятано—сознаніе позора, которымъ покрывало себя ихъ правительство организаціей убійствъ. Въ Айнтабѣ, напримѣръ, жила мусульманка, пользовавшаяся большою извѣстностью за свою мудрость и чуть ли не святость. Послѣ убійствъ въ этомъ городѣ она пошла къ городскому головѣ и сообщила ему о бывшемъ ей видѣніи: въ сосудѣ съ водой росло дерево, но вдругъ вода стала прибывать, и въ связи съ этимъ дерево все больше и больше подымалось изъ воды, пока, наконецъ, не опрокинулось. Смыслъ видѣнія заключается въ томъ, что дерево означало магометанство или турецкую имперію, а вода—христіанскія слезы... . . .

Во время пребыванія m-rs Harris въ Урфѣ она вмѣстѣ съ учительницей миссіи пошла сдѣлать визитъ *женѣ* мѣстнаго паши. Разговоръ зашелъ объ армянахъ. Турчанка заявила, что ея мужъ заботится о христіанахъ, но пока ничего подѣлать не могъ. „У всѣхъ насъ при этомъ,—пишетъ m-rs Harris, — глаза были полны слезъ. Я взяла руку турчанки и просила ее, отъ имени христіанъ Англіи, охранять армянъ. Она горячо пожала мою руку и сказала: *„надо имѣть*

каменное сердце, чтобы не быть тронутой тѣми страданіями, которыя перенесли христіане". Затѣмъ пришло нѣсколько турецкихъ дамъ и одна изъ нихъ, жена капитана, разсказала, что ея мужъ спасъ 200 человѣкъ, укрывшихся отъ убійцъ. Въ Мадринѣ христіане были разорены, но не подверглись избіенію, благодаря защитѣ ихъ однимъ вліятельнымъ курдскимъ племенемъ. Когда французскій консулъ въ Діарбекирѣ, г. Meyrier, остановилъ убійства, онъ, будучи одинъ, бросился съ рыданіями на диванъ. Вдругъ въ комнату вошли четверо или пятеро мусульманъ. Французъ не могъ сразу сдержать слезы и сидѣлъ, закрывъ лицо руками. Тогда турки сѣли тихонько по угламъ и, одинъ за другимъ, заплакали, при чемъ въ искренности ихъ слезъ нельзя было сомнѣваться, по словамъ консула. Въ Малатіи m-rs Harris посѣтила жену одного турецкаго бея, дружественно расположеннаго къ христіанамъ, спасшаго многихъ отъ рѣзни. Тамъ же были: армянка съ изрѣзанной рукой, перевязку которой сдѣлала турчанка, и больной армянинъ съ армянкою, къ которымъ всѣ въ домѣ относились съ большимъ вниманіемъ. Въ Арабкирѣ протестантскую миссію спасъ отъ разоренія вліятельный турецкій полковникъ, дружившій съ христіанами.

Такія отрадныя явленія дали поводъ m-rs Harris замѣтить, что турокъ безчеловѣченъ потому, что онъ — рабъ людей, стоящихъ у *власти*, и дурныхъ сторонъ своей *религіи*, и эти двѣ темныя силы толкаютъ его на зло; при лучшихъ условіяхъ жизни турокъ способенъ былъ бы на много хорошаго.

Рядомъ съ отрадными фактами въ письмахъ попадаются возмутительныя извѣстія, что съ христіанъ взыскиваютъ двойныя подати, что турецкія власти въ Малатіи, лишивъ христіанъ всякихъ средствъ къ жизни, кромѣ того, еще запретили имъ пользоваться фруктами изъ ихъ же собственныхъ садовъ и приставили къ послѣднимъ сторожей! Какое это утонченное звѣрство: лишать средствъ къ жизни и требовать уплаты податей! Въ округѣ Чаршанджакъ все населеніе—въ рабствѣ у нѣсколькихъ феодальныхъ владѣльцевъ. Армянскія засѣянныя поля отдаются послѣдними для снятія урожая въ другія руки; тамъ же какой-то турокъ заставляетъ армянъ *даромъ* строить ему домъ. Когда консулъ пожаловался мѣстному вали на приравниваніе армянъ къ невольникамъ и назвалъ по именамъ виновныхъ турокъ, власти послали цѣлую комиссію для изслѣдованія дѣла, но обобранные армяне, въ страхѣ за свою жизнь, отвергли справедливость своихъ же собственныхъ показаній консулу.

V.

Внеся свѣтъ въ кромѣшную тьму Малой Азіи, преподавъ утѣшеніе страждущимъ, стараясь поднять ихъ духовныя силы, супруги

Harris, какъ видно изъ вышеизложеннаго, являлись дѣйствительными глашатаями мира, потому что не только не вызывали озлобленія турокъ безполезнымъ негодованіемъ, но даже стремились утишить ненависть ихъ къ христіанамъ, создать послѣднимъ друзей среди магометанъ. Насколько ихъ усилія въ послѣднемъ отношеніи увѣнчались успѣхомъ, остается, понятно, открытымъ вопросомъ...

Зато обнадеженные этими истинными христіанами армяне получили не только духовную поддержку, но и матеріальную. Положимъ, что послѣдняя, исчисляясь десятками тысячъ фун. ст., являлась каплей въ океанѣ армянской нужды. Но заслуга супруговъ Harris заключается въ томъ, что они, совмѣстно съ американскими миссіонерами, *выработали замѣчательно дѣльную систему помощи. Если бы, годъ тому назадъ, христіанскіе народы Европы и Америки, сознавая свою солидарность съ армянскими мучениками, дали средства для выполненія этой программы помощи, всѣ оставшіеся въ живыхъ армяне были бы спасены.* Теперь же, послѣ суровостей зимы прошлаго и нынѣшняго года, проведенныхъ безъ крова, безъ пищи, кромѣ случайныхъ подачекъ, безъ топлива, многихъ и многихъ несомнѣнно уже не досчитаются сердобольные христіане... Голодная смерть и тифъ уже пришли на помощь туркамъ и сдѣлали свое страшное дѣло. Но все же, если не будутъ спасены тысячи людей, уже отошедшихъ въ вѣчность, выработанная система помощи спасетъ армянскій *народъ*.

Этотъ народъ, какъ вѣрно выразился профессоръ Harris, получилъ *ударъ въ самую голову*, a blow at the head. Всѣ лучшіе его представители, всѣ духовные руководители, учителя, общественные дѣятели, купцы были заранѣе намѣчены властями въ качествѣ жертвъ и погибли отъ руки убійцъ. Дома были разорены, семьи разрушены, кормильцы семей зарѣзаны. У купцовъ былъ унесенъ товаръ, у мастеровъ унесены или уничтожены орудія производства, скотъ былъ угнанъ у земледѣльцевъ. Наконецъ, у многихъ и многихъ были отсѣчены руки, одна или обѣ. „All the social order had been smashed to pieces, like a clock", говоритъ профессоръ Harris. Другими словами, все общественное устройство, тѣ ячейки, которыя составляютъ общество, являются его задерживающими центрами, были уничтожены, разбиты, какъ разбиваются часы. Надо было снова собрать его составныя части, какъ собираютъ, составляютъ часы. Фокусами свѣта и спасенія въ такой работѣ являлись, по самому своему положенію и по почину въ дѣлѣ помощи и просвѣщенія, американскія миссіи. Какъ раньше онѣ привлекали къ себѣ людей свѣтомъ культуры, такъ теперь должны были струить этотъ свѣтъ по странѣ, гдѣ жизнь замирала, гдѣ цѣлый народъ находился въ предсмертной агоніи. Для возрожденія этого народа, послѣ укрѣпленія въ людяхъ упавшаго духа молитвой и религіей, нужно было коснуться самыхъ основъ жизни: пищи, одежды, условій ночного сна; затѣмъ нужно было найти людямъ кровъ, обновить и построить имъ жилища, дать

земледѣльцамъ средство обработывать землю, мастеровому—орудія мастерства, купцу—возможность начать свое ремесло снова; нужно было давать людямъ, послѣ первоначальной помощи, не подачки, а возможность самимъ поддерживать свое существованіе. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ насущною помощью настоящей минуты, дѣлалось бы дѣло будущаго.

Затѣмъ нужно было поддержать ростки, изъ которыхъ явилось бы слѣдующее поколѣніе: собрать, пріютить сиротъ, тысячами оставшихся безъ родителей, способныхъ забыть свою религію, остаться безъ духовнаго просвѣщенія. Наконецъ, необходимо было открыть школы, чтобы съ небольшими наличными силами учительскаго персонала приготовить будущихъ учителей.

За подобное-то христіански разумное дѣло и взялись супруги Harris сообща съ американскими миссіонерами. Они внесли свѣтъ Христовъ въ измученныя души, позаботились объ открытіи церквей. Христіанская любовь ихъ была дѣятельной и осмысленной и вполнѣ доказала силу истиннаго христіанства: одновременно съ духовнымъ утѣшеніемъ, они взялись за практическую помощь.

„We tried to construct a commonwealth out of ruins!" говоритъ профессоръ.

Главная денежная помощь, спасшая армянъ отъ голодной смерти, тотчасъ послѣ массовой повсемѣстной рѣзни, доставлена была комитетомъ герцога Вестминстерскаго. До 100 тыс. чел. поддерживалось его суммами. Эти деньги спасали только отъ голода, they kept body and soul together. Но армяне были безъ жилищъ, безъ носильнаго платья; оставшіеся отъ погрома дома представляли изъ себя однѣ голыя стѣны: убійцы уничтожали то, чего унести не могли. Поэтому въ американскихъ миссіяхъ стали раздавать женщинамъ прялки, взяли въ долгъ или получили въ видѣ пожертвованій пряжу и посадили женщинъ за выдѣлку тканей, чтобы одѣть населеніе, лишенное почти всякаго платья. Другихъ женщинъ заняли вышиваніями и выдѣлкой ковровъ. Мѣдникамъ, столярамъ и проч., если у нихъ оставались руки, добывали инструменты, занимали ихъ поправкою домовъ, церквей. Если же не хватало одной руки, то дѣло устраивалось такимъ образомъ: выбирали человѣка, настолько ослабѣвшаго отъ ранъ, что онъ былъ неспособенъ больше на тяжелый трудъ, и отдавали его въ науку къ однорукому мѣднику. Вдвоемъ, съ небольшимъ пособіемъ отъ миссіи, они открывали лавку. Денежной помощи приходилось вообще избѣгать, чтобы деньги не переходили путемъ вымогательствъ туркамъ; но если извѣстное пособіе могло поставить на ноги семейнаго человѣка и тѣмъ снять его семью со списковъ нуждающихся въ прямой помощи отъ миссіи, то дать деньги было выгоднѣе. Инструменты, орудія производства часто покупались ихъ хозяевами за бездѣлку у самихъ грабителей, не знавшихъ, что съ ними дѣлать.

Такимъ образомъ, мало-по-малу возобновлялась дѣятельность въ городахъ, люди принимались за ремесла, производства, торговлю.

Поручивъ однимъ жителялъ выдѣлку полотна, миссіонеры заказывали другимъ шитье платья на нихъ самихъ и на первую категорію работниковъ; третьи работники выдѣлывали на прочихъ тюфяки, которыхъ ни у кого не было послѣ погрома.

Особенно трудно было хоть нѣсколько обнадежить и дать увѣренность въ безопасности — и, главнымъ образомъ, добыть эту безопасность—для жителей *селеній*. Во-первыхъ, селеній слишкомъ много, они слишкомъ разбросаны по всѣмъ направленіямъ и отдалены отъ миссій. Систематическая работа по оказанію помощи должна вестись ощупью, наугадъ; во-вторыхъ, при малочисленности населенія въ томъ или другомъ селѣ, взаимная помощь односельчанъ другъ другу приноситъ мало пользы. Наконецъ, трудно отстоять скотъ жителей отъ угона его курдами. Несмотря на всѣ эти неблагопріятныя условія, супругамъ Harris и миссіонерамъ удалось уговорить сельскихъ жителей начать постройку жилищъ, обѣщавъ по 5 ф. ст. пособія на возведеніе каждыхъ первыхъ десяти или двадцати домовъ. До этого же времени жители согрѣвались отъ зимней стужи, скучиваясь гуртомъ въ полуразрушенной хижинѣ.

M-rs Harris обратила особенное вниманіе на армянскихъ дѣвушекъ, освобожденныхъ усиліями французскаго и англійскаго консуловъ послѣ долгихъ мѣсяцевъ позорной неволи въ турецкихъ и курдскихъ гаремахъ. Она старалась найти имъ пріютъ и занятіе, чтобы помочь имъ забыть тяжелое прошлое.

Наконецъ, половина положеннаго на дѣло возрожденія армянскаго народа труда имѣла цѣлью заботу о будущемъ поколѣніи. Этимъ супруги Harris занялись съ особеннымъ вниманіемъ, потому что сотни сиротъ всякихъ возрастовъ скитались по всѣмъ городамъ и селеніямъ и, какъ собаки, ѣли и спали, гдѣ и какъ могли. Многіе изъ нихъ играли *„въ рѣзню“* (they played at massacre!!..).

Усиліями англичанъ и американскихъ миссіонеровъ повсюду стали открываться закрытыя было школы. Всѣ письма изъ разныхъ мѣстъ, посѣщенныхъ супругами Harris, пестрятъ цифрами и вычисленіями о стоимости содержанія той или иной школы, семинаріи для дѣвочекъ или мальчиковъ, гдѣ, между прочимъ, ученикамъ давали иногда одежду и горячую пищу. Безъ церкви и школы армяне не понимаютъ, не желаютъ существованія,—нѣсколько разъ заявляютъ путешественники. Къ несчастію, султанъ увидѣлъ, что школа можетъ быть соломинкой для спасенія погибающаго армянскаго народа, и указомъ приказалъ губернаторамъ областей *„препятствовать протестантской пропагандѣ“*. Но еще оставалась послѣдняя надежда: пріюты для сиротъ. Путемъ долгихъ и трудныхъ вычисленій и комбинацій нашли, наконецъ, возможнымъ довести *стоимость годового содержанія сироты до 5 ф. ст.* Послѣ изслѣдованія, черезъ особый ко-

митетъ изъ грегоріанъ и протестантовъ, количества и положенія сиротъ въ каждой данной мѣстности для нихъ устраивался пріютъ, гдѣ, рядомъ съ обученіемъ ремесламъ—сапожному и портняжному, шло начальное школьное ученіе. При этомъ обращалось вниманіе на то, чтобы образъ жизни и характеръ пищи не отличался отъ обще-народнаго, съ цѣлью не отчуждить ребенка отъ его среды. Гдѣ это было удобно, сиротъ отдавали, подъ условіемъ контроля отъ мѣстнаго комитета, на руки матерямъ, потерявшимъ своихъ дѣтей; за каждаго ребенка полагалась ежегодная плата по 5 ф. ст. и требовалось, чтобы онъ ходилъ въ школу и посѣщалъ церковь своего вѣроисповѣданія...

Такимъ образомъ давалась помощь одновременно и *вдовамъ*, и *сиротамъ*, которыя въ Малой Азіи нуждаются въ главной поддержкѣ: безъ нея гибель ихъ неминуема...

Къ сожалѣнію, дѣло, поставленное такъ толково, можетъ погибнуть или не разрастись до необходимыхъ для успѣха предпріятія размѣровъ, благодаря отсутствію нужныхъ денежныхъ средствъ.

Авторы „Писемъ изъ Арменіи" приложили къ книгѣ отчетъ о числѣ дѣтей въ сиротскихъ и школьныхъ учрежденіяхъ Малой Азіи и о суммахъ, выданныхъ этимъ учрежденіямъ за 1896 г. Все, что явствуетъ изъ этого отчета, это — крайняя скудость матеріальныхъ средствъ и ограниченность примѣненія выработаннаго плана *спасенія сиротъ, т.-е. возрожденія армянскаго народа.* Такъ, напримѣръ, въ Урфѣ, гдѣ погибло болѣе 3,000 жителей, устроенъ пріютъ всего на *53 сироты* и выдано 150 ф. ст.; въ Малатіи, гдѣ число убитыхъ колеблется между 2,000 и 4,000, всего содержится *60 сиротъ,*—выдано 260 ф. ст.; въ Марсованѣ на сиротъ выдано 250 ф. ст.; въ Діарбекирѣ—800 ф. ст.; въ Ванѣ—500 ф. ст., содержится *160 сиротъ* (позднѣе 250); въ Эрзерумъ отправлено 500 ф. ст., содержится *60 сиротъ*, но бродитъ по мѣстности и не можетъ быть собрано изъ-за снѣжныхъ заваловъ около 2—3,000 сиротъ; въ Битлисъ послано 250 ф. ст., содержится *60 сиротъ;* въ Арабкиръ послано 225 ф. ст.; въ Егинъ—185 ф. ст.

Понятно, такая помощь крайне недостаточна, если сравнить ее съ размѣрами бѣдствія и числомъ убитыхъ, которое опредѣляется въ 300.000 и даже въ 500.000 чел. Вѣдь всего, значитъ, содержится въ сиротскихъ учрежденіяхъ около 500 сиротъ, число которыхъ можетъ быть увеличено только очень незначительно, въ виду того, что назначенныя на это дѣло средства не превышаютъ 3,120 ф. ст., т.-е. 28 тыс. р.

Между тѣмъ, армянскій патріархатъ въ Константинополѣ поименно зарегистрировалъ 50.000 сиротъ, а количество всѣхъ сиротъ-армянъ опредѣляется въ 100.000 и болѣе.

Другими словами, сообразуясь съ исчисленіями m-rs Harris, требуется отъ 2 до 4 милл. руб. Это немного для христіанъ Европы и Америки...

Въ Великобританіи, съ цѣлью облегчить людямъ исполненіе добраго дѣла, придумано очень удобное средство: каждый, желающій участвовать въ дѣлѣ помощи сиротамъ, *подписывается на 1, 2, 5 или 10 сиротъ* и вноситъ, сообразно съ этимъ, 5, 10, 25 или 50 фунт. стерл. Такъ какъ завѣдующіе сиротскими учрежденіями въ Малой Азіи, взявъ на свою отвѣтственность ребенка, въ извѣстномъ отношеніи нравственно обязываются предъ нимъ и собою, т.-е. не могутъ бросить сироту въ каждую данную минуту, хотя бы по причинѣ отсутствія средствъ, то лица, *подписывающіяся на сиротъ*, обязуются платить за нихъ ежегодно въ теченіе *пяти* лѣтъ. Понятно, основатели этого дѣла выражаютъ надежду, что по истеченіи этого срока, подписка будетъ возобновлена, но никто не мѣшаетъ желающему прекратить выдачу подписныхъ денегъ каждую минуту, равно какъ съ благодарностью принимаются всякіе случайные взносы. Въ Англіи, напримѣръ, нѣкто mr. F. Crossley единовременно пожертвовалъ на сиротъ 1.000 ф. ст., mr. W. Crossley и mr. W. A. Albright дали тоже съ большою щедростью по 100 ф. ст., а графиня Gertrude Pembroke подписалась на 2 года на 10 сиротъ.

Не откликнется ли на это доброе дѣло и Россія?...

Развѣ не ясно, какой страшный ударъ нанесенъ христіанству въ турецкой имперіи!...

Армяно-грегоріанское вѣроисповѣданіе принадлежитъ къ нашей же восточной Церкви; это—то же православіе, а армянскій народъ по своему духу сроденъ нашему. Кромѣ того, вниманіе русскихъ и православныхъ людей должно быть привлечено печальными событіями въ Малой Азіи, потому что они сказались на армянскомъ населеніи особымъ религіознымъ порывомъ и духовнымъ подъемомъ вѣрующихъ. Гоненіе на христіанъ, лишеніе ихъ всякихъ земныхъ благъ невольно убѣдило несчастныхъ, что религія—единственное неотъемлемое ихъ благо. Затѣмъ, общая печальная судьба, постигшая армянъ: протестантовъ, грегоріанъ, католиковъ, сблизила ихъ между собою и повела къ идеямъ мира, единенія, терпимости. Подобнымъ чувствамъ много помогло также то обстоятельство, что до послѣдняго времени единственная помощь страждущимъ армянамъ всѣхъ вѣроисповѣданій пришла отъ англиканскихъ нонконформистовъ. Наконецъ, въ дѣлѣ помощи населенію грегоріанскіе священники работали рядомъ съ протестантскими пасторами, и исповѣдная распря по самой силѣ вещей смѣнилась мыслями о солидарности и общемъ дѣлѣ на христіанской нивѣ. „Они—вовсе не еретики“, стали думать грегоріане о протестантахъ; еще во время пребыванія супруговъ Harris въ Константинополѣ, они узнали, что скутарійскій епископъ заявилъ пастору Капріоліану: *„мы превратно понимали васъ въ прошломъ, но теперь—мы братья и ничто не разъединитъ насъ снова“*. Такъ какъ православныхъ грегоріанъ до послѣдняго времени было въ Малой Азіи большинство, то супруги Harris часто принуждены были думать объ

ихъ нуждахъ предпочтительно предъ интересами протестантовъ и, въ концѣ-концовъ, сочли полезнымъ въ интересахъ дѣла предложить лицамъ обоихъ вѣроисповѣданій составлять общіе комитеты помощи, съ численнымъ превосходствомъ на сторонѣ членовъ — грегоріанъ. Братство во Христѣ стало настолько очевиднымъ среди армянъ, что, при нуждѣ, они даже уступали другъ другу свои церкви.

Это ли не истинный свѣтъ Христовъ, разлившійся по странѣ, которую Господь посѣтилъ Своимъ испытаніемъ?!.. Это ли не миръ Христовъ, воцарившійся среди скорби и безумнаго гнѣва?!..

И неужели вся честь этой славной работы выпадетъ на долю западныхъ нонконформистскихъ церквей? Неужели православные люди, наша Церковь не отзовутся на доброе дѣло? Не послужило бы дѣятельное участіе восточныхъ церквей въ живомъ и великомъ дѣлѣ христіанской помощи къ духовному подъему, ***къ очищенію черезъ добрыя дѣла***, безъ которыхъ „вѣра мертва есть", самихъ восточныхъ церквей?

Если бы, взявшись за положительную работу, онѣ преподали живой примѣръ учительства, онѣ, какъ живая вода, увлекли бы за собою въ возвышенномъ порывѣ сторонниковъ и противниковъ, побѣдили бы своей духовной красотой, развившейся на почвѣ тысячелѣтней исторической мощи... Потому что несомнѣнно, что примѣръ дѣятельнаго труда во Христѣ плодотворнѣе отвлеченной истины.

Пѣснь армянскаго переселенца.

Ужъ близокъ часъ;—скажу тебѣ:
«Прости», отчизна дорогая,
Страна, гдѣ лишь напасти мнѣ
Сулила рока воля злая!..
Гдѣ ласки и кровъ родной
Отравленъ съ самой колыбели,
Гдѣ безотрадною чредой
Дни юности моей летѣли,
Гдѣ только въ возрастъ я пришелъ,
Увидѣлъ гнетъ и силу злобы,
Гдѣ мракъ и грубый произволъ,
Гдѣ люди мрачны, словно гробы...
Прощай, родимая страна:
Тебя мнѣ не увидѣть болѣ,
Доколѣ ты осуждена
Въ сей рабской находиться долѣ!..

Ст.

Изъ А. В. Переводчиковой [1]).

Не говори, что слабы силы,
Не говори: «измученъ я,
Хоть самому бы до могилы
Донесть и горе и себя».
Не говори, что нѣтъ въ немъ цѣли,
Въ случайномъ бытіи земномъ,
Что силы мрака одолѣли
Живущихъ правдой и добромъ,
Что жизнь безсмысленна, ничтожна,
Что жить, не жить — тебѣ равно,
Когда все въ жизни кратко, ложно
И вкругъ царитъ лишь зло одно.
Ничтожна, правда, жизнь земная,
Страданья жизни велики!
И въ жизни цѣль есть, цѣль святая:
Помочь слабѣйшему въ пути.
Кто съ болью личнаго несчастья
Не можетъ ближняго любить,
Въ комъ нѣтъ горячаго участья,
Тому.... тому не стоитъ жить....
Зачѣмъ склоняться надъ душою
Подъ гнетомъ пошлости и зла,
Когда любовь горитъ звѣздою
И всемогуща, и свѣтла?
Нѣтъ, нѣтъ унынью малодушно
Ты мѣста не давай въ груди,
Иди за истиной послушно,
Борись и вѣрь—свѣтъ впереди,
Борись со зломъ святой любовью,
Трудися рядомъ съ бѣднотой—
И Богъ, за міръ истекшій кровью,
Дастъ миръ душѣ твоей больной.

---

1) «Осенніе мотивы». Саратовъ, 1897 г.

Б. Араратъ.

„Фалагъ-вургуни“ [1]).

Эскизъ А. Агароняна.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АРМЯНСКАГО).

Прекрасенъ видъ Бартогскихъ горъ [2])! Какъ группа беззаботныхъ дѣтей, рѣзво идущихъ за величественной старухой-матерью, гуськомъ тянутся эти горы къ сѣдому Арарату. Но равнодушіе холодной старухи, ея мрачный, величественный видъ и леденящій взоръ заставили ихъ остановиться на полпути и оцѣпенѣть, превратиться въ груду камней,—всѣ они точно застыли въ различныхъ позахъ: одинъ изъ дѣтей придвинулся плечомъ къ собрату, другой окаменѣлъ, поднявши руки кверху, третьи замерли, стоя вереницей и какъ бы хватаясь другъ за друга, въ ожиданіи милостивой, ободряющей улыбки суровой матери, чтобы встрепенуться и пуститься въ плясъ.

Но идутъ года, проходятъ года, они все стоятъ по-прежнему, а старуха-мать, поднявъ сѣдую голову къ небесамъ, на-встрѣчу молніи и грозамъ, все продолжаетъ хранить таинственное молчаніе.

Когда же улыбнется она?...

Зимою, когда многочисленныя раны и язвы Арарата покрываются бѣлымъ саваномъ, Бартогскія волнистыя вершины, слѣдуя примѣ-

---

1) «Фалагъ-вургуни» — турецкое выраженіе и означаетъ «Сраженная судьбой». Подъ этимъ заглавіемъ въ газ. «Мшакъ» помѣщенъ былъ разсказъ молодого армянскаго писателя Агароняна. Мы приводимъ въ переводѣ *Новаго Обозрѣнія.—Ред.*

2) Бартогскія горы—на границѣ Турціи.

ру престарѣлой матери, также покрываются толстымъ слоемъ снѣга. Нагроможденныя другъ на друга неправильными формами, какъ бѣлыя тучи, горы эти издали напоминаютъ уставшихъ верблюдовъ, расположившихся здѣсь на отдыхъ послѣ долгаго пути.

Цѣпь этихъ высотъ прорывается множествомъ проходовъ и ущелій, черезъ которыя проходятъ въ теплое время года одинокіе путники, шайки разбойниковъ и контрабандисты. Зимою проходы эти, занесенные глубокимъ снѣгомъ, становятся предательски ровными: скрывая подъ бѣлымъ снѣгомъ страшныя пропасти, они готовы каждую минуту поглотить въ свои нѣдра смѣлаго путника, рѣшившагося пробиться сквозь цѣпь горъ.

Ужасна зима въ Бартогскихъ горахъ! Сколько несчастныхъ погибло здѣсь! Одни окоченѣли, другіе провалились въ снѣжные сугробы и тамъ нашли свои холодныя могилы. А сколько уложила вражья пуля!...

Вотъ почему въ это время года ни одна душа не осмѣливается показаться на этихъ чудовищныхъ высотахъ,—всякій страшится вѣрной гибели.

Только голодные волки бродятъ по этимъ мѣстамъ, нарушая своимъ воемъ мертвую тишину, и далеко несутся ихъ голоса вмѣстѣ съ бушующимъ вѣтромъ.

А вотъ и Синакскія высоты. Лѣтомъ въ цѣпи Бартогскихъ горъ онѣ казались роскошнымъ раемъ, благодаря своей богатой растительности и множеству чудныхъ родниковъ, бьющихъ тамъ и сямъ, среди благоухающихъ горныхъ цвѣтовъ; теперь же и онѣ окутаны снѣгомъ. Послѣдніе лучи заходящаго зимняго солнца, какъ-то робко и безнадежно падая на бѣлыя вершины горъ, слабымъ блескомъ мерцаютъ на ихъ ледяной поверхности. Грустный, меркнущій блескъ! Это—печальная улыбка замирающей природы...

Вечерній вѣтеръ играетъ снѣгомъ. Морозъ крѣпчаетъ. На бѣлоснѣжной вершинѣ показалось нѣсколько движущихся тѣней. Не стая ли голодныхъ волковъ спускается съ горъ съ цѣлью напасть ночью на окрестныя деревни для утоленія мучительнаго голода?

Постепенно, хотя медленно, спускаются они внизъ.

Вотъ они уже на склонѣ горъ. Но странно, это, оказывается, не звѣри, а люди—жалкая, несчастная семья...

Кто бы подумалъ, что найдется смѣльчакъ, рискнувшій показаться въ этихъ горахъ въ такое время года и въ такую пору дня?

Спереди шла молодая женщина, держа за руки мальчика лѣтъ десяти; за ней слѣдомъ еле тащился мужчина: онъ былъ раненъ. Пуля варвара пробила ему правое плечо, и больная рука безсильно повисла; другой рукой онъ старался прикрыть рану, изъ которой сочилась кровь, но напрасно: отъ вершины горы, по блестящему снѣгу, тянулась вслѣдъ за нимъ алая лента изъ капель крови; это были остатки несчастной жизни раненаго, которые падали на бѣлую

грудь Синака... Но, несмотря на это, онъ все шелъ впередъ, употребляя сверхчеловѣческія усилія.

Солнце уже зашло. Скрылись съ вершинъ послѣдніе лучи его, и, наконецъ, вечерній мракъ покрылъ чернымъ саваномъ горы и ущелья, сдѣлавъ путь для несчастныхъ еще ужаснѣе.

Вѣтеръ усилился; холодъ былъ невыносимый.

Путники едва прикрыты, почти голы. Не одинъ уже разъ были они ограблены... Ихъ ноги не чувствовали уже холода, онѣ совсѣмъ окоченѣли и, передвигаясь слабо, какъ деревяшки, едва тащили свой жалкій грузъ.

Всѣ трое продолжали спускаться молча. Тихо кругомъ.

Только снѣгъ хруститъ подъ слабыми ногами.

Сколько мученій перенесли они, пока добрались до этого мѣста! Вотъ нога раненаго провалилась въ яму, покрытую снѣгомъ; онъ упалъ ницъ, издавъ глухой стонъ отъ боли, которую причинила ему рана.

Въ снѣгу безсильно бьется бѣдняга, напрасно стараясь подняться; наконецъ, съ помощью жены кое-какъ онъ становится на ноги и опять шагаетъ впередъ...

Небо заволокло тучами. Мракъ царитъ кругомъ. Путница остановилась, подняла глаза къ небу, гдѣ между тучами виднѣлись двѣ-три звѣздочки, осмотрѣлась вокругъ и испустила тяжелый вздохъ. Она искала ночлега, но не раздобыть имъ его! Гдѣ же однако провести ночь?...

— Карапетъ, что намъ дѣлать?—обратилась она къ мужу, съ отчаяніемъ въ голосѣ.—Темнѣетъ. Какъ бы не пошелъ еще снѣгъ; у малыша нѣтъ силъ итти дальше; да и сама я еле тащусь,—ноги подкашиваются.

Отвѣтомъ на это былъ протяжный, тяжелый вздохъ.

А вѣтеръ дулъ сильнѣе и сильнѣе; тучи сгущались; по всему видно было, что природа собирается разразиться ужасною бурей, отъ которой каждое живое существо спѣшитъ укрыться куда-нибудь.

— Какъ же намъ быть, Карапетъ?—повторила жена.

Безнадежное, ужасное положеніе выдавило нѣсколько капель слезъ изъ ея глазъ, давно уже потерявшихъ способность плакать; слезы эти повисли на ея рѣсницахъ и быстро засеребрились на морозѣ. Несчастная! Она знала, что мужъ ея безпомощенъ, слабъ, но все же обращалась къ разуму и силѣ мужчины.

— Что дѣлать, жена! — заговорилъ убитымъ голосомъ мужъ.— Попросимъ Бога, чтобъ Онъ далъ намъ умереть здѣсь, скорѣе бы конецъ... Чѣмъ я могу помочь? Куда мнѣ броситься? Ноги отказываются служить. Господи, помоги намъ!

Послѣднія слова были обращены къ небу. Но небо было непреклонно; на немъ не оставалось и тѣни привѣтливости. Суровыя тучи постепенно надвигались и заволакивали весь небосклонъ.

Изъ-за вершинъ Арарата на мигъ показалась стыдливая луна; она какъ будто намѣревалась освѣтить своими блѣдными лучами снѣжныя вершины горъ, но напрасно: холодные лучи ея затерялись, исчезли въ темныхъ лучахъ, и свѣтлый ликъ луны подернулся темнымъ флеромъ.

А вѣтеръ бушевалъ съ такою силой и злобой, точно поклялся сорвать эти скалы и сравнять ихъ съ землей.

Луна снова выглянула изъ-за разорванныхъ тучъ и, сдернувъ покровъ своего лица, печальнымъ свѣтомъ освѣтила замирающую природу и растерянныхъ бѣдняковъ; то заглядывая беззаботно, то прячась снова за тучи, она, наконецъ, совершенно скрылась, оставивъ во власти грозно бушевавшей стихіи несчастныхъ одинокихъ сыновъ земли, заброшенныхъ волею судебъ въ эту безлюдную мѣстность.

Началась хорошо знакомая Бартогскимъ горамъ мятель. Трое путниковъ находились въ лощинѣ, не имѣя возможности двигаться дальше. Дороги не было видно, и они, ввявшись за руки, пошли было впередъ, но мальчикъ не могъ итти,—онъ упалъ.

— Мама, ноги мои одеревенѣли! Мама, не могу я дальше итти!— заплакалъ онъ, прижавшись къ матери...

Путники стали. Раненый тоже не въ силахъ былъ ходить; онъ блуждающимъ взоромъ окинулъ лощину... Только вѣтеръ свирѣпо вылъ кругомъ, да видно было, какъ снѣгъ взвивался къ небесамъ.

Застигнутые мятелью обыкновенно садятся на землю, погребая себя подъ снѣгомъ, съ смутной надеждой на жизнь; такъ рѣшили поступить и наши путники.

Вдругъ они замѣтили большую скалу, которая какъ-то особенно выдавалась изъ-за снѣжныхъ сугробовъ. Лучъ надежды проснулся въ душѣ несчастныхъ. Какъ знать, „не удастся ли переждать тамъ до разсвѣта, укрывшись гдѣ-нибудь въ расщелинѣ?“ —подумали они.

Всѣ трое дѣлаютъ послѣднія усилія, чтобы дотащиться кое-какъ до этого мѣста. Вотъ, наконецъ, они у цѣли; осторожно обходятъ они скалу, чтобы спрятаться отъ вѣтра, и неожиданно останавливаются передъ входомъ въ пещеру.

Кто бы могъ ожидать этого? Казалось, само небо посылало имъ спасеніе. Молча входятъ они въ пещеру и совершенно обезсиленные падаютъ, не успѣвши пройти дальше отъ входа.

II.

Мрачно въ пещерѣ,—мрачно такъ, какъ на душѣ несчастныхъ, нашедшихъ здѣсь пріютъ.

Каждый звукъ, даже легкій шорохъ шаговъ отдается сильнымъ эхо въ глубинѣ пещеры, переливаясь на тысячу ладовъ, точно гдѣ-то тамъ, вдали, злые духи издѣваются надъ горькой участью несчастныхъ.

Бѣглецы забились въ уголъ, раненый лежалъ безъ силъ, а малышъ прижался къ матери. Всѣ они безмолвны, только изрѣдка тишина нарушается вздохами раненаго и всхлипываніемъ мальчика.

А въ горахъ по-прежнему бушуетъ буря; порывы вѣтра съ воемъ ударяютъ о скалу надъ пещерой и обдаютъ путниковъ снѣжной пылью. Въ грозномъ воѣ вѣтра бѣдняжку-женщину въ трепетъ приводитъ одинъ особенно грустный, душу раздирающій звукъ.

Ахъ, какъ ужасенъ этотъ стонъ!... Избавится ли она когда-нибудь отъ него? Много бы дала она, чтобы не слышать болѣе этого убійственнаго вопля...

Такъ стоналъ ея маленькій Сато́—пятилѣтній мальчикъ, котораго негодяи бросили въ колодезь и засыпали землей. Весь день ей слышались глухіе стоны изъ-подъ земли. Боже, какъ бился бѣдный мальчикъ, когда злодѣи, вырвавъ его изъ объятій матери, потащили къ колодцу!... Даже камни прослезились бы въ отвѣтъ на его отчаянные крики, но люди остались неумолимы...

Напрасно рвалась несчастная мать къ колодцу, напрасно бросилась она съ мольбой къ палачамъ, цѣлуя ихъ ноги! Родное дитя ея—часть ея сердца—погибло, заживо погребенное, и голосъ его раздается и сейчасъ въ ушахъ матери.

Холодно, страшно холодно! Дрожатъ бѣдняжки-путники. Постепенно утихаютъ вздохи раненаго и жалобы мальчика; одна только мать бодрствуетъ, охраняя ихъ, какъ зеницу ока своего. Она прислушивается къ ихъ голосамъ и напряженно слѣдитъ за ихъ дыханіемъ и малѣйшими движеніями.

Перевалило за полночь. Мятель принимаетъ чудовищные размѣры. Мальчика и раненаго, наконецъ, совсѣмъ уже не слышно. „Должно быть спятъ",—думаетъ мать и старается крѣпче прижать къ себѣ мальчика, желая согрѣть его похолодѣвшее тѣло.

Вдругъ ей приходитъ въ голову, что заснувшіе на морозѣ замерзаютъ легко. Мысль эта леденитъ ея сердце, и она, рѣшившись разбудить заснувшихъ, слегка толкаетъ мужа, но тотъ лишь вздрогнулъ и, издавъ едва слышный стонъ, замолкъ опять. Мать пробуетъ разбудить мальчика, но и онъ неподвиженъ.

— Господи, что дѣлать?

Въ отчаяніи она ощупываетъ въ темнотѣ замерзшія руки мальчика и, приблизивъ ихъ къ себѣ, старается согрѣть ихъ своимъ дыханіемъ; но, увы, она безсильна, морозъ сковываетъ ее самое, и руки мальчика остаются холодными, одеревенѣлыми. Несчастная хватаетъ за руки мужа,—и онѣ оледенѣли. Она падаетъ на дорогія тѣла, желая защитить ихъ собою отъ холодныхъ порывовъ вѣтра. Бѣдняжка въ отчаяніи силится спасти своихъ и, будучи поглощена этой мыслью, не чувствуетъ невыносимаго мороза, не слышитъ воя вѣтра; только одна жалобная нота въ немъ, напоминающая предсмертные вопли маленькаго Сато́, раздираютъ ея душу...

Она прижимается все сильнѣе и сильнѣе къ спящимъ. Но какъ

они похолодѣли, Господи! Она щупаетъ въ темнотѣ ихъ лица, грудь, ноги—вездѣ холодъ смерти... Зловѣщее чувство внезапно охватило ее.

Неужели дорогія ей существа умерли, замерзли!? Вѣдь бѣдный Карб всю дорогу истекалъ кровью, а маленькій Гркб еще при спускѣ съ вершины совсѣмъ замерзалъ! Несчастная была подавлена этой мыслью и оцѣпенѣла отъ ужаса. Ей казалось, что въ этотъ часъ она, оторванная отъ всего міра, осуждена на заключеніе въ эту пещеру. Суевѣріе рисуетъ въ ея возбужденномъ воображеніи рядъ чудовищныхъ картинъ.

Тамъ бѣснующійся вѣтеръ разсказываетъ ей о чемъ-то страшномъ и грозитъ ей, а тутъ изъ темной глубины таинственной пещеры слышатся шепотъ и движенія многочисленныхъ духовъ. Вотъ они приближаются, угрожаютъ. Уже видны... одинъ, другой, третій... много, много... ихъ не счесть... Женщина обезумѣла. Волосы у нея стали дыбомъ. Она открываетъ глаза, но призраки не исчезаютъ, они тутъ... окружили они ее, и началась дьявольская пляска, сопровождаемая визгомъ и отвратительными кривляніями. На головахъ у нихъ мотается окровавленное тряпье, а въ рукахъ блестятъ обнаженныя сабли. Вотъ ряды сомкнулись, невыносимый топотъ ихъ безобразныхъ ногъ усиливается, визгъ и крики становятся громче; всѣ, точно по командѣ, подняли сабли кверху. Боже мой, сколько ихъ!... Она узнаетъ ихъ. О, она помнитъ многихъ изъ нихъ... часто, очень часто видала она этихъ духовъ. „Да, да, это они... вотъ этотъ изъ нихъ бросилъ маленькаго Сато́ въ колодезь. Чего же ты хочешь еще, негодяй!... Отнять и Гркб? Нѣтъ, я не дамъ его, не дамъ, не дамъ... Убейте меня!...“

Отъ ужаснаго крика своего она очнулась: кошмаръ прошелъ.

— Господи Іисусе Христе, Господи Іисусе Христе!—повторила она два раза, оглядываясь и крестясь.

Теперь пещера казалась ей еще мрачнѣе, родные же ея—мужъ и сынъ—продолжали лежать неподвижно, несмотря на ея усилія разбудить ихъ.

— Каро́, Каро́!...—позвала она.

Отвѣта не было; подозрѣнія несчастной усилились.

— Каро́!—закричала она не своимъ голосомъ.—Гркб, дитятко, проснись, не то замерзнешь,—обратилась она къ сыну.

Но оба неподвижны, оба безмолвны. Страдающая мать въ темнотѣ не могла разглядѣть, что оба они уснули вѣчнымъ сномъ и что на этотъ разъ небо сжалилось надъ ними, положивши конецъ ихъ тяжелымъ страданіямъ. Но то, чего она не могла видѣть, почувствовало ея сердце.

— Господи, Боже мой! Какую бѣду послалъ Ты мнѣ!—воскликнула она, не будучи въ силахъ проронить ни единой капли слезы.

Сознаніе одиночества, непроглядный мракъ въ пещерѣ, наполненной призраками, бездыханные трупы дорогихъ людей и вой бу-

шующаго вѣтра—все это снова привело ее въ ужасъ. Куда бѣжать? Гдѣ скрыться? У кого искать защиты, помощи?...

Казалось, даже эта обширная пещера не была бы въ состояніи вмѣщать въ себѣ безграничное горе несчастной женщины; чувствовалась необходимость раздѣлить его между свирѣпой бурей, грозными тучами и безпредѣльнымъ небосклономъ,—иначе не было бы силъ снести его.

Обезумѣвшая женщина выбѣжала изъ своего убѣжища, точно свирѣпая Фурія, оставившая тамъ трупы мужа и сына и не зная, куда направить свои невѣрные шаги. Она на нѣсколько мгновеній остановилась, подняла глаза къ небу и какъ-то безпомощно стала озираться кругомъ, ища спасенія, помощи...

Затѣмъ она стала прислушиваться къ шуму въ пещерѣ, въ надеждѣ различить стоны дорогихъ ей спутниковъ, но взамѣнъ этого до ея слуха опять донесся преслѣдовавшій ее все время крикъ, и она пустилась бѣжать по ложбинѣ далеко, далеко, сама не зная куда, лишь бы подальше отъ этихъ страшныхъ мѣстъ.

Долго шла она, гонимая вѣтромъ впередъ и вся засыпанная хлопьями снѣга; то падая, то вставая, она сама, точно снѣжный комъ, катилась дальше. Наконецъ, довольно далеко отъ пещеры она остановилась, чтобы перевести духъ.

Занималась заря. Начинало свѣтать. Буря затихала. Путница повернулась назадъ, направила свои шаги обратно къ пещерѣ и, едва вбѣжавши въ нее, упала безъ силъ.

Тутъ у самаго входа лежали головой другъ къ другу отецъ съ сыномъ, покрытые снѣжной пылью.

Лужа крови, вытекавшей изъ раны несчастнаго, застыла подъ нимъ. На блѣдномъ лицѣ его лежала печать страданія; ребенокъ же, казалось, спалъ безмятежнымъ сномъ, отдавшисъ во власть лютаго мороза.

Бѣдняжка мать обняла оба трупа, припавъ къ нимъ головой, и начала цѣловать ихъ застывшія лица. Затѣмъ, поднявши свои исхудалыя, посинѣвшія руки къ небу, она начала наносить себѣ удары по головѣ и закричала:

— Моимъ ранамъ нѣтъ числа, рази ты и меня судьба, не жалѣй!

У нея не было больше слезъ, она лишь повторяла: *„вуръ, фалагъ“* [1])—и била себя по головѣ.

Только грустное эхо изъ глубины пещеры повторяло ея крики. Она снова начала тормошить трупы, зовя: „Каро́, Карб... Гркб!“

Вставши, наконецъ, на ноги, она подняла руки къ небу и закричала неистовымъ голосомъ:

— Боже! Куда же мнѣ дѣться? Зачѣмъ ты, судьба, не убиваешь и меня вмѣстѣ съ ними?

---

[1]) Бей, судьба.

Долго стояла она, устремивши неподвижный взоръ на лежащіе трупы. Затѣмъ, глаза ея стали безсмысленно блуждать, изъ груди ея вырвался дикій крикъ, и она захохотала страшнымъ, неестественнымъ голосомъ. Хохотъ этотъ сопровождался такими безобразными и ужасными конвульсіями лица, что еслибы въ лежащихъ мертвецахъ оставалась хоть капля жизни, то видъ несчастной женщины убилъ бы ихъ.

Она помѣшалась...

Подойдя къ трупу мужа и толкнувъ его ногой, она проговорила:

— Вставай, подымись! Долго еще ты будешь спать? Вставай, иди въ поле, на пашню, возмись за плугъ! Чего ты валяешься?

Замерзшій трупъ качнулся отъ толчка и опять сталъ недвижимъ.

— Эй, чего спишь? Ты не пойдешь, такъ я пойду сама, а вы спите.

Съ этими словами она выбѣжала изъ пещеры...

По улицамъ деревни И... постоянно ходитъ безумная женщина со всклокоченными волосами на головѣ, едва прикрытая лохмотьями, изъ-подъ которыхъ видно худое, изможденное тѣло. Это — та самая женщина. Блѣдная и истощенная, она походитъ на мертвеца. Съ улыбкой она останавливаетъ прохожихъ, спрашивая:

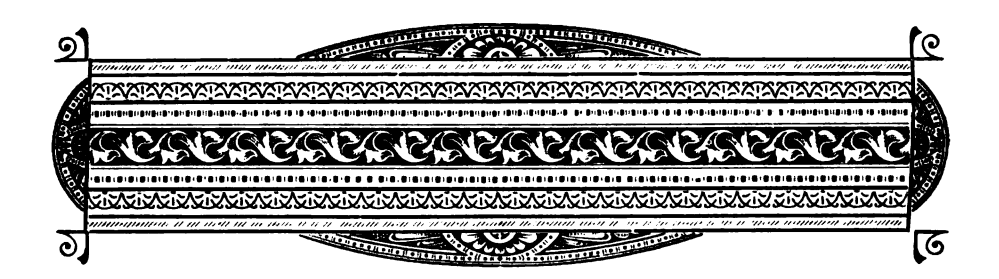
— Ты не знаешь меня? Я вѣдь „фалагъ-вургуни“ [1])... Вонъ гдѣ сразила меня судьба, вонъ...

Тутъ она указываетъ рукой на югъ, гдѣ высятся Бартогскія горы, и съ дикимъ хохотомъ бѣжитъ по направленію къ нимъ...

Н. Кара-Мурза.

Армянка у люльки.

[1]) Сраженная судьбой.



Пора!..

Пора! Пробилъ послѣднiй часъ!
Васъ ждутъ, ждутъ скораго спасенья,
Зоветъ давно защиты гласъ
Въ странѣ позора, преступленья.
Зачѣмъ вы медлите? Скорѣй,
Златое время не теряйте!
Пора вступиться за людей —
Собратьевъ гибнущихъ спасайте.
Въ одной вы вѣрѣ рождены,
Одною вскормлены землею...
Они на смерть осуждены,—
Къ защитѣ дружною толпою!
Подъ властью дикихъ мусульманъ,
Подъ гнетомъ гнуснаго народа
Погибли тысячи армянъ,
Погибла воля, честь, свобода.
У нихъ отняли все: дѣтей,
Отцовъ, мужей на поруганье,
И честь армянскихъ дочерей
На страсти дикой истязанье.
Презрѣнный турокъ грабитъ ихъ.
Вокругъ разбой и похищенье
Средь воплей, просьбъ, молитвъ глухихъ...
Скорѣй, скорѣе на спасенье!
Рѣзня кровавая кипитъ,
Бѣгутъ мгновенья дорогiя
Армянъ вся Турцiя разитъ!
Не медли, добрая Россiя!
Услышь несчастныхъ скорбный гласъ,
Услышь предсмертныя моленья,—
Для нихъ пробилъ послѣднiй часъ
И гибнутъ цѣлыя селенья.
Вкругъ нихъ кинжалы лишь блестятъ
Да шашекъ лезвiя стальныя,
И съ крикомъ яростнымъ летятъ
На христiанъ толпы лихiя
Свирѣпыхъ, жадныхъ мусульманъ,
Горящихъ жаждою наживы...
Громятъ безпомощныхъ армянъ!
Въ крови дома, поля и нивы.
Отецъ сраженный здѣсь лежитъ,
Тамъ мать несчастная рыдаетъ,
Ребенокъ на кострѣ горитъ,
Къ пощадѣ старецъ призываетъ...
Чу!... раздается стонъ глухой.
Вотъ драма смерти роковая!
Убiйцы дикою толпой,
Какъ коршуновъ зловѣщихъ стая,
Бѣгутъ за жертвою своей.
Несчастный падаетъ въ смятеньи,
Встаетъ, бѣжитъ впередъ, скорѣй,
И взоромъ молитъ о спасеньи.
Увы! Побѣды звукъ гремитъ,
Все ближе, ближе крикъ погони,
Все ближе смерть... толпа летитъ,
Во весь опоръ несутся кони.
Раздался выстрѣлъ разъ, другой,
Со свистомъ пуля пролетаетъ,
И передъ звѣрскою толпой
Несчастный старецъ умираетъ!
Но турки дальше все спѣшатъ,
Стрѣляютъ, рѣжутъ, жгутъ, терзаютъ,

Грудныхъ младенцевъ не щадятъ—
На колья сотнями сажаютъ!
Повсюду смерть... повсюду стонъ,
Вездѣ кровь заревомъ пылаетъ.
Гдѣ правосудіе?... Законъ?...
Вѣдь люди, люди погибаютъ!
Довольно крови христіанъ!
Пора въ путь доблестный спасенья
Вступитесь, братья, за армянъ
И успокойте ихъ мученья.
Давно ихъ стоны разнеслись
По всей Европѣ. Гдѣ-жъ участье?
Чьи слезы горько пролились,
Глядя на ближняго несчастье?
Кто былъ ихъ стономъ пораженъ?
Чьи струны сердца не порвались,
Когда толпы армянскихъ женъ
Отъ гнусныхъ турокъ вырывались?
Бѣжали въ горести, въ слезахъ,
Родныхъ могилы покидая,—
Ихъ гналъ свирѣпый голодъ, страхъ...
Бѣжали... но куда, не зная!
На ихъ призывный скорбный гласъ
Пусть чуткія сердца отвѣтятъ,
И пусть переселенцы въ васъ
Друзей, отцовъ и братьевъ встрѣтятъ.
Откликнись на мольбы армянъ,
Не трать мгновенья дорогія,
Спаси отъ дикихъ мусульманъ
Ихъ, просвѣщенная Россія!

1896 г.

Е. Алибекова

Армянка съ тремя сиротами.

О. Шарметанъ.

Французское благотворительное изданіе въ пользу пострадавшихъ армянъ.

Livre d'Or des martyrs de la charité. Vente au profit de la souscription pour les victimes des massacres d'Arménie. Paris. 1897.

Миссіонеръ Шарметанъ чуть не первый нарушилъ ту систему замалчиванія турецкихъ звѣрствъ, которая долго господствовала во французской прессѣ. О. Шарметанъ задолго до изданія Желтой Книги обнародовалъ тѣ оффиціальныя данныя (см. выше) о страшныхъ погромахъ 1895—1896 г., которыя были собраны послами великихъ державъ. Изъ собранныхъ во Франціи въ пользу обездоленныхъ армянъ 1.000.000 франковъ болѣе половины было собрано черезъ о. Шарметана.

Для усиленія сбора выпущена имъ въ 1897 г. новая книга: „Livre d'or des martyrs de la charité".

Въ книгѣ этой собрано все относящееся къ недавней парижской катастрофѣ 4-го мая 1897 г., на которой погибло во время благотворительнаго базара 130 человѣкъ. Сопоставляя этотъ несчастный случай съ длинною серіей ужасающихъ бѣдствій, разразившихся надъ турецкими армянами, о. Шарметанъ пишетъ въ предисловіи: „Этотъ пожаръ улицы Жанъ-Гужонъ невольно напоминаетъ другой *костеръ*, гораздо болѣе ужасный, костеръ собора въ Орфѣ, на которомъ заживо сожжены были мусульманами изъ ненависти къ христіанству не 130, а болѣе 3.000 женщинъ, молодыхъ дѣвушекъ и малютокъ. Въ продолженіе двухъ дней разъяренные магометане убивали отцовъ, мужей, братьевъ, оставляя для гаремовъ женщинъ и дѣвушекъ. Онѣ бѣжали въ соборъ, надѣясь укрыться тамъ отъ

ярости мусульманскихъ ордъ. Ихъ было болѣе 3.000 душъ, когда эти изступленные фанатики, взломавъ желѣзныя двери, разграбили соборъ, издѣваясь надъ безсиліемъ Христа и предлагая ему не сойти съ креста, какъ нѣкогда евреи, и спасти своихъ вѣрныхъ, а сравняться съ Магометомъ! Скрывшіяся женщины въ ужасѣ собрались въ гинекеѣ, деревянной галлереѣ, которая по восточному обыкновенію окружаетъ верхнюю часть этого громаднаго собора древней Едесы.

„Тогда мусульмане, уставшіе отъ двухдневной рѣзни, возымѣли, по соображеніямъ утонченной жестокости, подобной которой не знаетъ исторія, дьявольскую мысль однимъ разомъ истребить эти 3.000 христіанъ. На лѣстницахъ, подъ галлереями, собраны были ковры и прочее церковное имущество, туда же брошены были и трупы убитыхъ; все это было облито нѣсколькими бочками керосина и подожжено.

„Въ нѣсколько секундъ галлереи, переполненныя женщинами и дѣтьми, были охвачены огнемъ, а затѣмъ загорѣлся и весь соборъ. Ни одна душа не могла спастись. Тѣ, которыя выбрасывались въ окна, были тутъ же застрѣливаемы этими чудовищами въ человѣческомъ образѣ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ въ городѣ стояла нестерпимая вонь отъ этой массы зажженнаго человѣческаго мяса, и болѣе двухъ мѣсяцевъ воздухъ Орфы былъ зараженъ испареніями 3.000 разлагающихся труповъ“[1])

Указавъ, что и въ другихъ мѣстахъ происходили подобные же звѣрства, о. Шарметанъ продолжаетъ: „Болѣе 300.000[2]) армянъ пали за вѣру христіанскую, оставивъ послѣ себя десятки тысячъ сиротъ (до 50.000, изъ коихъ на 30.000 въ армянскомъ патріархатѣ составленъ именной списокъ) и тысячи женщинъ въ гаремахъ. Болѣе 500.000[3]) человѣкъ пущено по міру и имъ предстоитъ либо принять магометанство, либо умереть съ голоду, если добрые люди не придутъ къ нимъ на помощь“.

Внѣшность книги, снабженной множествомъ иллюстрацій, очень изящна. Цѣна всего 5 франковъ.

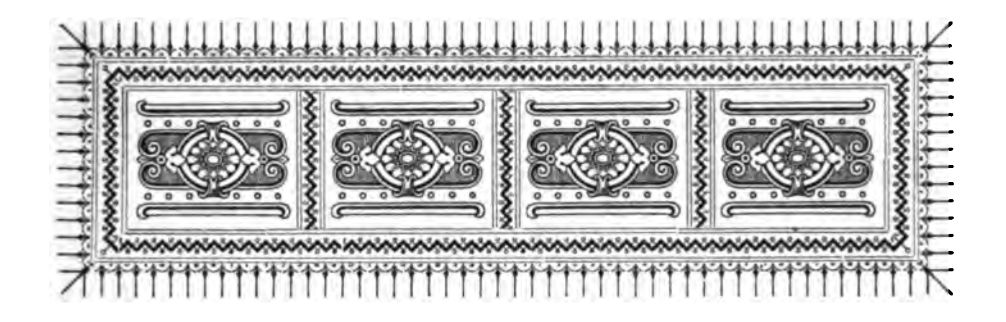
Z.

---

[1]) Это опсаніе вполнѣ подтверждается оффиціальными свѣдѣніями французской Желтой Книги (см. ниже, отдѣлъ II).

[2]) Викторъ Берарь считаетъ убитыми до 500.000.

[3]) Въ довершеніе бѣдствія Турецкой Арменіи пришлось вынести (см. ниже стр. LXXVII) еще голодъ, такъ какъ армяне, у которыхъ курды отняли весь ихъ скотъ, не могли въ свое время сдѣлать посѣва (см. Oeuvre d'Orient. Mai—Juin 1897, стр. 96—105.).



Изъ письма въ редакцію «Братской Помощи» Константинопольскаго патріарха отъ 4 іюля 1897 г.

Извѣщая о полученіи высланныхъ чрезъ Россійское посольство денегъ [1]), патріархъ Малахія Орманіанъ продолжаетъ:

„Вопль бѣдствующихъ [2]), ежедневно доносящійся изъ провинціи, угнетаетъ наше сердце и душу особенно въ виду неимѣнія въ нашемъ распоряженіи средствъ на закупку хлѣба для нуждающихся.

„Невозможно описать бѣдствія, испытываемыя повсемѣстно армянскимъ населеніемъ Турціи. Есть мѣста, гдѣ жители цѣлыми недѣлями не видятъ въ глаза куска хлѣба и питаются одними полевыми травами. Масса голодныхъ проводятъ ночи на улицахъ или въ церквахъ. Были даже случаи голодной смерти.

„Особеннаго сочувствія заслуживаютъ сироты, число коихъ достигаетъ 50.000, изъ нихъ 30.000 поименно занесены въ списки патріархата. Въ Константинополѣ и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ уже основаны пріюты“.

---

1) За счетъ редакціи «Братской Помощи» выслано было въ распоряженіе Россійскаго посла при султанѣ А. И. Нелидова въ разное время 7.000 франковъ. Г. Нелидовъ изъ этой суммы передалъ армянскому патріарху 5.500 фр. и съ своей стороны выразилъ полное удовольствіе по поводу сочувствія русской печати и публики къ дѣйствительно бѣдствующему положенію армянъ въ Турціи.

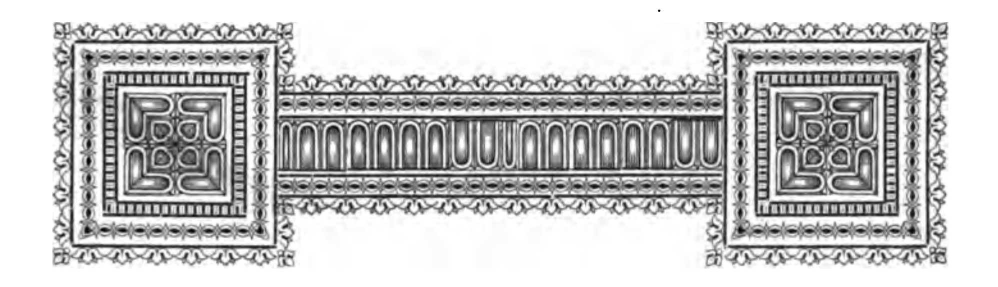
2) Въ послѣднемъ № французскаго журнала «Oeuvre d'Orient» въ статьѣ «La misère en Arménie» вполнѣ подтверждается это извѣстіе, а въ будущемъ, по словамъ журнала, неизбѣженъ голодъ (см. № Mai-Juin). Д-ръ Лепсіусъ, авторъ замѣчательныхъ книгъ. Armenien und Europa (см. II отд.) и Armenien's Drangsaale, сталъ во главѣ благотворительнаго движенія въ пользу Армянъ и успѣлъ къ 1 мая 1897 г. собрать болѣе 1,000.000 марокъ, на которыя призрѣваются 1250 сиротъ. („Мшакъ“, 1 іюля 1897 г., № 76).

Милостивый Государь
Григорій Алексѣевичъ,

Очень сожалѣю о томъ, что
не могу принять дѣятельнаго
участія въ предпринятомъ
Вами добромъ дѣлѣ. Болѣзнь
и другія обстоятельства помѣ-
шали мнѣ докончить то,
что я намѣревался предло-
жить Вамъ въ Сборникъ.
Отъ всей души желаю ему
успѣха и достиженія цѣли,
ради которой онъ предпринятъ.
Съ совершеннымъ уваженіемъ
остаюсь готовый къ услугамъ
Левъ Толстой

О. РЕМАРЪ

17 Апрѣля 1897.



Послѣднія извѣстія изъ пострадавшихъ мѣстностей Турецкой Арменіи.

(Изъ *Oeuvre des écoles d'Orient*, 1898, Avril,—Juin).

Изложенію свѣдѣній, полученныхъ изъ Арменіи, редакторъ журнала О. d'O. о. Шарметанъ предпослалъ слѣдующія строки: „Послѣ дней воздержанія, молитвъ и добрыхъ дѣлъ, подобающихъ Великому посту, пасхальныя празднества (1898 г.) внесутъ радость и умиротвореніе въ семьи всего христіанскаго міра. Вездѣ раздается радостное *аллилуіа* освобожденія.

Одна—увы!—Турецкая Арменія будетъ оставаться въ траурѣ и проливать слезы; свѣтлыя радости св. Пасхи и въ нынѣшнемъ году не коснутся ея; все еще продолжаются для нашихъ армянъ-собратьевъ дни мучительныхъ страстей.

Ни одна христіанская семья не была пощажена: всѣ онѣ лишились нѣсколькихъ членовъ своихъ. Другіе,—увы!—подъ остріемъ кинжала вынуждены были отречься отъ христіанства и только цѣною жизни могутъ вернуться въ лоно своей церкви.

Исчезли цѣлыя деревни: рѣзня, голодъ и эмиграція лишили ихъ жителей. Въ другихъ остались однѣ женщины и дѣти: всѣ мужчины были зарѣзаны. Имъ, пожалуй, выпала еще сравнительно лучшая доля, потому что оставшіяся вдовы и сироты претерпѣваютъ неописуемыя физическія и нравственныя страданія... Онѣ буквально умираютъ отъ голодной смерти и, не получая ни откуда помощи, не смѣютъ протягивать руку туркамъ. Что касается христіанъ, то къ нимъ нечего и обращаться: всѣ они впали въ крайнюю нищету. Во имя этихъ вдовъ и сиротъ протягиваемъ мы руку...

Во время свѣтлаго христіанскаго праздника вспомнимъ объ этихъ несчастныхъ—мыслью, подаяніемъ, молитвою. Пусть всякій дастъ по своимъ средствамъ, это его не разоритъ его и воздастся ему сторицею... Пусть вспомнитъ великую силу милостыни, ея огромное значеніе не только въ смыслѣ утѣшенія тому, кто ее получаетъ, но въ особенности тому, кто даетъ...

Европейскій концертъ продолжаетъ проявлять свое безсиліе

въ дѣлѣ осуществленія реформъ для обезпеченія участи христіанъ. Для обезпеченія интересовъ кредиторовъ Турціи признали возможнымъ, въ видахъ предупрежденія расхищенія турками государственныхъ доходовъ, наложить на султана опеку въ лицѣ международнаго „управленія государственнаго долга". Казалось бы такой же совѣтъ долженъ бы заставить турокъ удержаться отъ пролитія христіанской крови и ввести реформы, предусмотрѣнныя ст. 61 Берлинскаго трактата. Или кровь и честь христіанъ стоятъ меньше вниманія, чѣмъ интересы кредиторовъ Турціи? Султанъ уступитъ только силѣ. И вмѣсто того ему представили картину безсилия и разноголосицу европейскаго концерта. Вотъ почему онъ, не обращая вниманія на „концертъ", дошелъ до мысли о панисламизмѣ съ объединеніемъ магометанъ Азіи и Африки. Нужно удержать султана отъ этого плана, который представляетъ опасность для всего міра".

I.

О положеніи голодающихъ армянъ получены редакціей предъ выходомъ книжекъ слѣдующія свѣдѣнія:

Малатія. „Голодъ въ нашей области усиливается все болѣе и болѣе. Сюда набралось множество голодающихъ, бѣгущихъ изъ деревень. Женщины и дѣти ходятъ по улицамъ и просятъ хлѣба. Протестанты и григоріане получаютъ пособіе. Убѣдительно просимъ о пособіи для католиковъ".

Изъ *Вана*, гдѣ весною 1898 года начался голодъ, пишутъ: „По полученіи пособія первымъ дѣломъ было помочь двумъ многолюднымъ селеніямъ Эрчекъ и Карагундузъ. Они принадлежатъ къ числу наиболѣе пострадавшихъ. Первое насчитывало убитыми 300 человѣкъ, въ томъ числѣ 200 мужчинъ, послѣднее только 50, но зато 50 изъ его домовъ были уничтожены, а 150 лишь на половину разрушенными, такъ какъ каменныя стѣны и террасы остановили огонь. Въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ бѣжавшими армянами у сосѣднихъ племенъ, курды не разъ посѣщали дымящіяся развалины и тащили оттуда все, что было оставлено огнемъ, вынимая даже гвозди изъ стѣнъ. Раньше еще у армянъ было похищено 13,000 головъ крупнаго и мелкаго скота... Дважды транспортъ, посланный изъ Вана съ пособіями долженъ, былъ вернуться назадъ въ виду холода и метели, во время которой погибли въ пути до 15 человѣкъ голодающихъ. Когда посланный прибылъ наконецъ на мѣсто, онъ нашелъ въ Карагундузѣ шестерыхъ умершихъ отъ голода и шестерыхъ засталъ въ агоніи.

„Въ Эрчекѣ умерло трое дѣтей отъ истощенія. Кромѣ хлѣба, нужно было дать одежду многимъ, ложившимся полунагими на голой землѣ..."

Сообщивъ подробности о раздачѣ пособій зимою корреспондентъ продолжаетъ:

„Съ наступленіемъ весны главнѣйшею задачею является покупка быковъ, коею только и можно предупредить возвращеніе нынѣшняго голода. Два быка съ необходимымъ для обсѣмененія сѣменемъ стоитъ 184 франка".

Изъ *Трапезонда*, *Самсуна* и *Керасунда* раздаются мольбы о присылкѣ скорѣйшей помощи. 200 милютокъ и сиротъ, пишутъ изъ Самсуна, пришли къ намъ въ школу и мы должны были имъ отказать; они вынуждены, во избѣжаніе голодной смерти, перейти въ протестантство и въ магометанство.

II.

Въ послѣдней іюньской книжкѣ O. d'O. о. Шарметанъ, изъявляя глубокую благодарность жертвователямъ-католикамъ, отъ коихъ поступило всего 700.000 франковъ, продолжаетъ: благодаря этимъ пожертвованіямъ, мы могли спасти буквально отъ голодной смерти нашихъ несчастныхъ братьевъ. Послѣ ужаснѣйшаго ихъ когда-либо совершенныхъ гоненій, во время котораго 300.000 армянъ приняли мученическую смерть, голодъ истреблялъ оставшихся въ живыхъ и онъ бы продолжался долго, если бы наши миссіонеры не помогли злополучнымъ армянамъ-земледѣльцамъ пріобрѣсти быковъ и сѣмена для обсѣмененія полей. Но, въ ожиданіи урожая, голодъ продолжаетъ свирѣпствовать. Множество деревень у воротъ самаго Вана претерпѣваютъ всѣ ужасы гододнаго времени. Въ одномъ только Гарагундузѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, умерло *36 душъ* отъ голодной смерти.

„Тридцать шесть христіанъ, умершихъ отъ голода и лишеній въ селенія съ нѣсколькими сотнями жителей, это ли не ужасно!.. Несмотря на оказанную помощь, голодъ продолжается. Многіе деревни съѣли послѣдніе запасы. Несчастные христіане питаются исключительно полевыми травами. Даже получившіе пособіе, какъ пишетъ нашъ корреспондентъ, „обрекаютъ себя на лишеніе и питаются травою, которая только что начинаетъ показываться, лишь бы *не трогать сѣмена,* данныя для обсѣмененія, лишь бы хоть въ будущемъ не обременять собою благотворителей". Дѣлая новое воззваніе къ милосердію католиковъ, о. Шарметанъ печатаетъ рядъ писемъ (они занимаютъ 15 печатныхъ страницъ), рисующихъ не прекращающіеся бѣдствія, замученныхъ въ конецъ, армянъ.

Приводимъ два-три образчика.

1. Въ письмѣ отъ 4 мая 1898 года, начальникъ Доминиканской миссіи въ Ванѣ Дефрансъ пишетъ: „Майкавасъ пишетъ, что видѣнное имъ бѣдствіе, невозможно себѣ вообразить: въ дер. Норкохѣ все

съѣдено. 500 человѣкъ питаются исключительно травами. То же самое въ Каладжикѣ, гдѣ голодаетъ 114 домовъ. Въ такомъ же положеніи деревни: Нанинъ, Хараганнъ, Сирке, Аверанъ, Шушанъ, Курбышъ и др. Послѣдній разъ я оказалъ помощь, — продолжаетъ Дефрансъ, — деревнѣ Лимъ. Другимъ я долженъ былъ *отказать* по недостатку средствъ. Безденежье дѣлало меня глухимъ къ мольбамъ голодающихъ".

2. О положеніи пострадавшаго городского населенія можетъ дать понятіе слѣдующее мѣсто изъ письма Дефранса, посѣтившаго въ маѣ 1898 г., т.-е. *два года* спустя, разоренныя части города Вана— Клоршаръ, Карзлла и Жажикъ:

Эти три квартала,—пишетъ миссіонеръ,—находятся въ части Вана, именуемой *Сады*.—Они отдѣлены ручейкомъ отъ главной армянской части города и соприкасаются съ мусульманскимъ кварталомъ Шемиранъ-Алты, гдѣ живетъ все, что есть фанатичнаго, кровожаднаго и хищническаго среди турокъ. До избіенія 1896 г. армяне насчитывали болѣе 200 домовъ, разбросанныхъ среди живописныхъ и обильныхъ плодами садовъ. Занимаясь садоводствомъ, населеніе достигло значительнаго благосостоянія. Это были самые цвѣтущіе кварталы Вана. А вотъ ихъ нынѣшній видъ: перейдя ручеекъ, я вышелъ на длинную улицу, на которой только *одинъ* домъ оказался обитаемымъ, всѣ же другіе дома стояли пустые; вездѣ гробовое молчаніе, запустѣніе, такое же удручающее, какое было два года назадъ тотчасъ послѣ разыгравшихся здѣсь на полномъ просторѣ сценъ варварства. Дома еще стоятъ заколоченными. Внутри ихъ все расхищено не исключая и дверей. Вотъ три большихъ дома, принадлежьщіе тремъ братьямъ, нашедшимъ всѣ трое смерть 15 іюня (1896 г.). Четвертый, тоже собирался строить себѣ домъ, уже воздвигъ фундаментъ, но не суждено было ему достроить... Я спѣшилъ уйти отъ этого мѣста, напоминавшаго недавнее время, когда отвратительный ятаганъ варваровъ, опьянѣвшихъ отъ рѣзни, залилъ ручьями крови весь вилайетъ... Я подошелъ къ дому, гдѣ меня ждали: здѣсь были только женщины и дѣти. Съ этпмъ додомъ связаны не менѣе печальныя воспоминанія: здѣсь были зарѣзаны тридцать три армянина. Я покидаю развалины и натыкаюсь на слѣды недавняго разрушенія, показывающіе, почему до сихъ поръ армяне не возвращаются въ свои владѣнія. Какъ разъ наканунѣ совершено было нападеніе, фруктовыя деревья подпилены и домъ осыпанъ градомъ камней. Жертвы этого нападенія еще дрожали отъ ужаса.

„Въ одномъ изъ садовъ я наткнулся на группу кутившихъ героевъ этихъ печальныхъ дней. Одинъ изъ нихъ богатырскаго тѣлосложенія, съ глазами, налитыми кровью, съ выдающеюся грудью, одинъ своею рукой зарѣзалъ 40 человѣкъ армянъ и онъ бродилъ день и ночь по садамъ своихъ жертвъ, наводя ужасъ на ихъ женъ и дѣтей. Этотъ тигръ въ образѣ человѣка, еще доселѣ исполненный

гордымъ сознаніемъ о совершонныхъ подвигахъ, разыскивался въ послѣднее время полиціею по обвиненію въ убійствѣ своего слуги.

Оттуда я отправился въ кварталъ Карзли, гдѣ убита только одна женщина. Населеніе его успѣло вооружиться и оборонялось цѣлый день, пока не подоспѣли войска, вызванныя по требованію русскаго консула для защиты одного русскаго подданнаго. Тогда все населеніе кинулось туда и спаслось тамъ въ то время, какъ дома ихъ грабили и поджигали [1]).

Въ кварталѣ Жажикѣ, въ которомъ всѣ дома захвачены мусульманами, нѣтъ ни одного армянина.

Клортаръ потерялъ убитыми 120 человѣкъ въ бойнѣ, тщательно организованной.

Эта рѣзня тѣмъ болѣе возмутительна, что населеніе было совершенно мирное и безоружное. Вся бѣда была въ томъ, что армянское населеніе, благодаря своему трудолюбію, пользовалось достаткомъ, и господствующая раса, какъ объяснялъ одинъ генералъ-губернаторъ, не могла допустить существованія этого „оскорбительнаго довольства: оно должно было исчезнуть". Армяне пытаются водвориться, несмотря на угрозы турокъ, на старыхъ своихъ пепелищахъ, и на первое время нужно пособіе тысячъ десять франковъ.

О. Дефрансъ нѣсколько разъ отмѣчаетъ, что турецкое правительство относится крайне недружелюбно къ пособіямъ, оказываемымъ армянамъ [2]) и желаетъ само взять на себя раздачу ихъ, что̀, конечно, онъ рѣшительно отвергаетъ.

3. Послѣднее письмо О. Дефранса, датированное изъ Вана *18 мая 1898 г.*, производитъ крайне удручающее впечатлѣніе. „Печальное положеніе Ванскаго вилайета, пишетъ онъ, все болѣе и болѣе ухудшается. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что всѣ запасы истощены, что *всѣ*, богатые и бѣдные, сравнялись теперь въ общемъ и невыразимомъ бѣдствіи. Раньше къ намъ обращались за помощью отдѣльныя деревни, теперь цѣлыя волости. Разъ обратились ко мнѣ довѣренные отъ 40 деревень съ 5.000 душъ населенія, другой разъ 50 деревень Карджика съ 6.000 душъ населенія. Были просители изъ Киваша, Хавасера, Тимера и пр. и пр. Всѣ они лишены всего и претерпѣваютъ ужасающую нужду. Всѣ они питаются травами и кореньями. Хлѣбъ—лакомство, едва имъ извѣстное. Только самымъ богатымъ

---

[1]) Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* въ январѣ 1897 г. сообщались подробности этого спасительнаго мѣропріятія г. Чилингарова, драгомана консульства, замѣнявшаго консула и сохранившаго жизнь нѣсколькимъ тысячамъ армянамъ. *Ред.*

[2]) Въ томъ же Oeuvre d'Orient сообщалось о разсылкѣ изъ Ильдизъ-Кіоска циркуляра, въ которомъ рекомендовалось губернаторамъ оказывать противодѣйствіе собиранію консулами свѣдѣній о пострадавшихъ армянахъ въ виду того, говорилось въ циркулярѣ, что не армяне отъ турокъ, а турки отъ армянъ пострадали. *Ред.*

удается кое-какъ раздобыться отъ его курдовъ на самыхъ тяжелыхъ ростовщическихъ условіяхъ. Одинъ изъ миссіонеровъ сообщаетъ мнѣ, что онъ встрѣчалъ дѣтей, которыя не ѣли два, три дня [1]).

Увы, это далеко не единичный фактъ!"

„Пусть читаютъ великодушные благотворители эти письма, присовокупляетъ о. Шарметанъ, и сочувствіе всѣхъ добрыхъ и вѣрующихъ людей будетъ имъ обезпечено". Аминь!

Ванскіе Армяне-жнецы.

---

[1]) Въ томъ же № Oeuvre d'Orient напечатано письмо константинопольскаго армяно-католическаго патріарха Азаріана, который главнымъ образомъ касается устройства школьнаго дѣла и пріютовъ. Отдавая полную справедливость армяно-григоріанамъ, которые, по его словамъ, проявили при чрезвычайно трудныхъ условіяхъ невѣроятную дѣятельность и изумительную живучесть, заявляетъ онъ, что все-таки учрежденія протестантскихъ миссіонеровъ превосходятъ своимъ благоустройствомъ не только армянскія, а и католическія (стр. 371 и слѣд.).

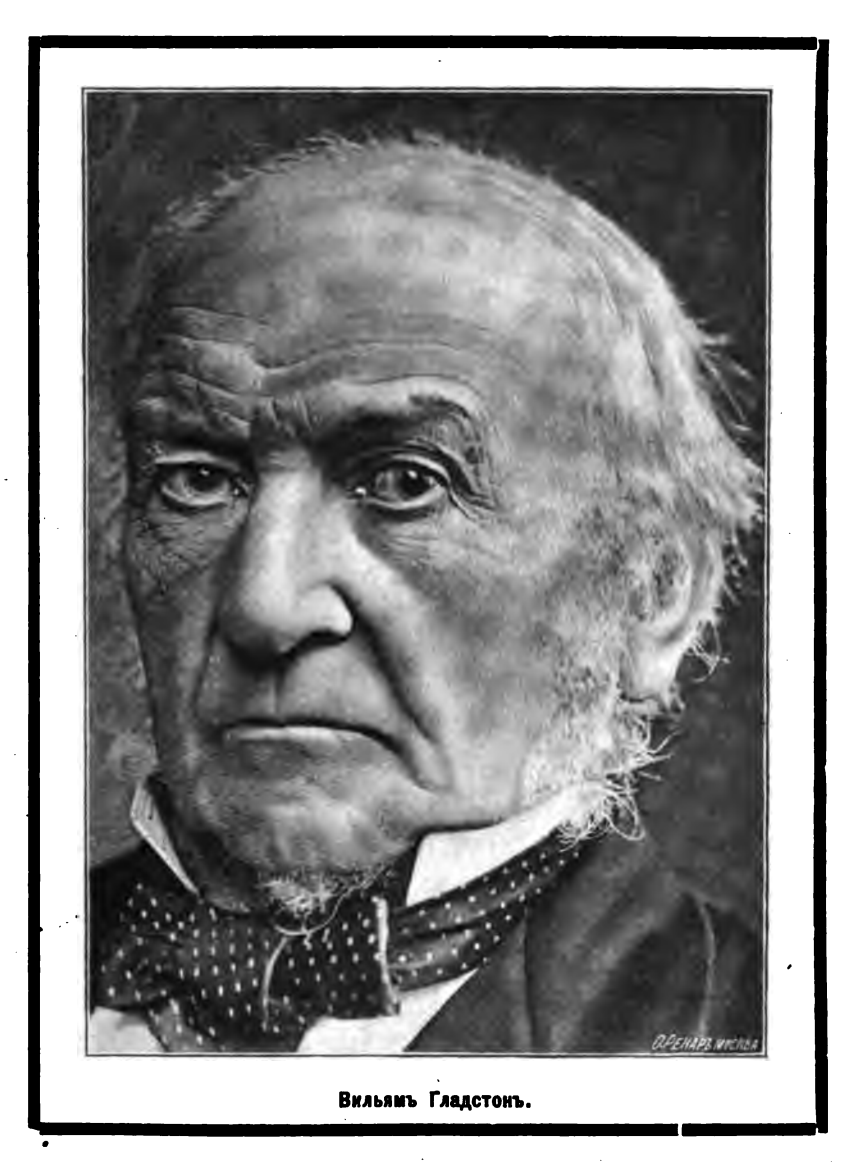
Привѣтъ.

Привѣтъ тебѣ, народъ многострадальный!
Ты вѣрить въ будущность свою не устаешь,
Подъ игомъ вѣковымъ на родинѣ печальной
Судьбу жестокую ты съ твердостью несешь.
И лишь порой, когда ордой остервенѣлой
Свирѣпый курдъ и турокъ закоснѣлый,
Глумяся надъ тобой, губя твоихъ дѣтей,
Хотятъ стереть тебя съ лица земли твоей,
Какъ плачущій прибой, къ подножью Арарата
Они стекаются замученной толпой
Искать прибѣжища, не помощи, у брата.
Да, помощи имъ нѣтъ, съ врагомъ неравенъ бой!
Давно ужъ стонъ твоихъ селеній разоренныхъ
И къ человѣчеству и къ небу вопіетъ.
Еще не пробилъ часъ, оставленный народъ,
Признанья правъ твоихъ, священныхъ и законныхъ;
Но вѣрь, крѣпись и жди—желанною зарей
Освобожденіе блеснетъ и надъ тобой.
Когда Европы мощь зовется христіанской,
Она не дастъ, чтобъ вновь душилъ тебя исламъ
И кровью обагрялъ твой крестъ грегоріанскій.
Грядущій вѣкъ несетъ конецъ твоимъ слезамъ.
Исчезнетъ гнусный мракъ насилья, жертвъ безъ шума.
На старыхъ пажитяхъ воспрянетъ новый трудъ,
И возрожденныя долины Эрзерума
Красою мирною роскошно зацвѣтутъ.

Евгеній Морозовъ.

Москва.
Августъ 1897.

Семья голодающихъ армянъ (изъ-подъ Вана).



Вильямъ Гладстонъ.

Памяти Гладстона.

Tanto nomini nullum par elogium.

C'est la bonté qui fait vivre.—*Renan.*

6-го мая 1898 г. не стало одного изъ величайшихъ государственныхъ людей всѣхъ временъ—Вильяма Гладстона, умершаго на 89-мъ году своей долгой жизни, благодѣтельной не только для его соотечественниковъ, но и для всѣхъ «униженныхъ и оскорбленныхъ» и даже для исторіи европейской культуры вообще.

Въ исторіи немного найдется именъ, носители коихъ въ краткій періодъ земного человѣческаго существованія являли

бы примѣръ такого неустаннаго развитія и совершенствованія политико-нравственныхъ взглядовъ, какъ свыше 50-ти лѣтнее прогрессирующее политическое міросозерцаніе великаго финансиста, эманципатора и гуманиста Гладстона. Нужно обратиться ко временамъ Перикла, этого чистокровнаго аристократа, ставшаго подъ конецъ жизни убѣжденнымъ другомъ демократіи, чтобы найти панданъ, достойный Гладстона. Начавъ политическую карьеру непреклоннымъ тори, защитникомъ исключительныхъ правъ правящихъ сферъ и государственной церкви и даже рабства, онъ впослѣдствіи поставилъ основною задачей своей политики облегченіе податной тягости массъ (отмѣна пошлины на хлѣбъ) и дарованіе имъ политическихъ правъ, освобожденіе отъ церковнаго гнета и облегченіе участи угнетенныхъ народностей, начиная съ итальянцевъ и кончая ирландцами и турецкими райя.

«Я былъ воспитанъ—говорилъ въ концѣ жизни Гладстонъ Стэду,—чтобы смотрѣть на свободу,—какъ на зло; я научился смотрѣть на нее какъ на благо. Вотъ формула, которая удовлетворительно объясняетъ всѣ перемѣны моихъ политическихъ убѣжденій. Кромѣ этого, я не сознаю, чтобы сильно измѣнился. Я люблю, напримѣръ, древность такъ же сильно, какъ и тогда: я никогда не любилъ перемѣнъ и самихъ по себѣ я ихъ не считаю за благо; *свобода же сама по себѣ есть благо* и увеличивающееся признаніе этой истины и есть ключъ ко всѣмъ перемѣнамъ». «Мы, старшіе, жили въ сравнительно легкое время,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—гораздо болѣе легкое, чѣмъ то, черезъ которое придется пройти младшимъ. Я очень радъ думать, что мнѣ не придется встрѣтиться съ задачами, которыя придутъ для рѣшенія. Объясненіе этому надо искать въ томъ, что всѣ вопросы, съ которыми мы должны были имѣть дѣло, могли быть разрѣшены приложеніемъ одного принципа. За исключеніема закона о фабрикахъ и мастерскихъ и еще двухъ-трехъ меньшей важности, великою задачей англійской политики послѣдней половины этого вѣка была *эмансипація*. Мы эмансипировали, эмансипировали—вотъ и все. Эмансипировать сравнительно не трудно, нужно только отнимать задержки, предоставлять свободную арену для дѣйствія естественныхъ силъ. Теперь, когда эта работа почти совсѣмъ окончена и мы стали лицомъ къ лицу съ другою

задачей, задачей созидательнаго законодательства, мы найдемъ ее гораздо болѣе трудной для исполненія»... *)

Искреннее, безкорыстное служеніе дѣлу страдающихъ и обездоленныхъ народовъ, беззавѣтная вѣра въ благость свободы, постановка въ сферѣ международнаго права на мѣсто силы и матеріальнаго интереса нравственнаго долга — таковы были основные принципы, которымъ слѣдовалъ величайшій государственный геній XIX вѣка. И если въ челѣ и въ концѣ вѣка обезкураженный сынъ конца XIX видитъ двухъ наиболѣе яркихъ представителей грубой силы, матеріальнаго интереса и международнаго себялюбія и вражды съ полнымъ игнорированіемъ всего, чѣмъ жива нравственная личность,— то ему отрадно между Наполеономъ и Бисмаркомъ отмѣтить обаятельную личность Гладстона, при созерцаніи которой невольно скажешь словами Пушкина:

При мысли одной, что я человѣкъ,
Невольно душой возвышаюсь...

Ренанъ сказалъ: Heureux celui qui est assez grand pour que les petits l'admirent (благо тому, кто такъ великъ, что и малые могутъ имъ восхищаться). Слова эти вполнѣ идутъ къ Гладстону. Нѣтъ тѣхъ малыхъ, несчастныхъ, гонимыхъ, забитыхъ и забытыхъ, на которыхъ не упало сострадательное сочувствіе этого любвеобильнаго христіанина. Послѣдніе четыре года жизни своей, свои послѣднія силы онъ отдалъ, чтобы обратить вниманіе христіанскаго міра на безмѣрное страданіе древнѣйшаго народа-мученика, на безконечный мартирологъ турецкихъ армянъ.

И если потухшіе, высохшіе отъ безпрерывныхъ горючихъ слезъ глаза армянъ способны еще дать слезу, то она будетъ принадлежать великому человѣколюбцу, который если не въ силахъ былъ остановить потоковъ армянской крови, то хоть удержалъ руку «великаго убійцы», уже занесенную для окончательнаго истребленія народа, который былъ пощаженъ даже звѣремъ-Тамерланомъ...

Какъ только разнеслись первыя газетныя извѣстія о Сасунской рѣзнѣ 1894 г., во время которой было зарѣзано болѣе

*) См. статью г. Сигмы въ *Новомъ Времени* 10 мая 1898 г.

10.000 мирныхъ армянъ, встрепенулось «великое сердце» Гладстона, такъ горячо отозвавшееся и на турецкія звѣрства въ Болгаріи. Но онъ медлилъ выступить публично, ожидая провѣрки чудовищныхъ извѣстій, которыя казались невѣроятны даже для озвѣрѣлой турецкой орды. Но когда горькая и возмутительная правда объ ужасающей Сасунской рѣзнѣ вполнѣ подтвердилась, больной и уже сошедшій съ политической арены защитникъ беззащитныхъ выступилъ на Честерскомъ митингѣ 26 іюля 1895 г.:

«Мнѣ пришлось *),—сказалъ онъ, около полугода тому назадъ выступить по армянскому вопросу не передъ публичнымъ митингомъ, а въ присутствіи очень незначительнаго числа слушателей. Я тогда позволилъ себѣ сказать, что нашъ долгъ избѣгать поспѣшныхъ заключеній. Въ то время свѣтъ не имѣль еще передъ собой авторитетнаго и безпристрастнаго сообщенія о событіи, извѣстномъ подъ именемъ сасунской рѣзни,—событіи, которое, по словамъ одного изъ главныхъ свидѣтелей въ этомъ дѣлѣ, остается въ тѣни, блѣднѣетъ и теряетъ значеніе по сравненію съ невообразимыми ужасами, совершающимися въ Арменіи изъ мѣсяца въ мѣсяцъ, изъ недѣли въ недѣлю, изо дня въ день. Мы обязаны были воздержаться отъ поспѣшныхъ сужденій, и, я полагаю, мы избѣжали ихъ. Мы высказывались очень сдержанно, но, наконецъ, былъ примѣненъ механизмъ безпристрастнаго изслѣдованія и тогда оказалось, что другая обязанность, вообще очень важная въ случаяхъ подобныхъ настоящему, въ этомъ случаѣ совершенно отсутствуетъ. Я имѣлъ въ виду обязанность избѣгать преувеличенія, священнѣйшую обязанность, которая, однако, въ настоящемъ дѣлѣ или совершенно отсутствуетъ, или имѣетъ очень небольшое значеніе: всякій, кто самъ познакомится съ фактами, убѣдится, что *силъ человѣческаго языка* едва хватитъ для описанія того, что дѣйствительно творилось и творится, и что *преувеличеніе*, даже еслибъ мы были склонны къ нему, оказалось бы *свыше нашихъ силъ*.

«Намъ приходится исполнять тяжелую обязанность. Только самое строгое чувство долга могло собрать насъ въ этихъ стѣнахъ, могло привести къ тому, чтобы человѣкъ моего воз-

*) Рѣчь Гладстона цѣликомъ напечатана въ книгѣ «Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательсгва державъ 1895 г., изд. II, стр. XVI—XXVIII.

раста,—человѣкъ, которому приходится считаться съ другими трудностями, — отказался на время отъ *покоя и отдыха*, составляющихъ послѣднее изъ земныхъ благъ, доступныхъ мнѣ, и пригласилъ васъ войти въ разсмотрѣніе этого вопроса; я не хочу сказать этимъ, что намѣренъ ввести васъ въ ужасающія подробности, связанныя съ этимъ предметомъ. Я не буду пытаться вести васъ на это страшное поле; но, мм. гг., я обращаюсь къ вамъ съ призывомъ. Я выражаю надежду, что каждый изъ васъ употребитъ стараніе, чтобы по мѣрѣ возможности *ознакомиться съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ*. Я знаю, что, отвергая возможность преувеличенія въ настоящемъ случаѣ, я высказываю очень смѣлую мысль, но тѣ изъ васъ, которые ознакомятся съ фактами, признаютъ мое утвержденіе справедливымъ. Къ какимъ свидѣтельствамъ намъ обратиться? Я склоненъ утверждать, что это безразлично, насколько дѣло идетъ о содержаніи свидѣтельствъ, потому что всѣ они согласны между собою. Когда мнѣ приходилось говорить 6 или 8 мѣсяцевъ тому назадъ, мы имѣли дѣло только съ сообщеніями частныхъ лицъ. Хотя мы и не видѣли затѣмъ подробныхъ оффиціальныхъ документовъ, тѣмъ не менѣе намъ извѣстно, что всѣ главнѣйшія сообщенія, отъ которыхъ у насъ леденѣла кровь, были *провѣрены и подтверждены*. Ихъ не опровергли и не взяли назадъ, не ограничили и не ослабили, но подтвердили во всей ихъ ужасающей сущности, во всѣхъ ихъ удручающихъ подробностяхъ.

«Я могу заявить теперь, что мы имѣемъ дѣло со свидѣтельствами не только европейцевъ, но и американцевъ, и что послѣдніе говорятъ *то же*, что первые. Всякому извѣстно, что Америка не имѣетъ никакого самостоятельнаго или скрытаго интереса въ дѣлахъ Востока. Она является на этотъ судъ совершенно чистой и не заподозрѣнной, и поэтому слова ея имѣютъ двойную силу. Мой почтенный другъ Макъ-Колль удостовѣритъ, что между европейскими и американскими свидѣтельствами нѣтъ разногласія. Я коснусь здѣсь показаній послѣдняго изъ свидѣтелей по этому дѣлу. Это г. Диллонъ, имя котораго подписано подъ очень обширною статьей, появившейся на дняхъ въ *Contemporary Review*. Но быть-можетъ вы спросите, какъ я самъ спрашивалъ раньше: кто такой г. Диллонъ? Я могу охарактеризовать его къ его великой

чести: д-ръ Диллонъ человѣкъ, который въ качествѣ спеціальнаго корреспондента *Daily Telegraph*, съ предосторожностями и затрудненіями и съ опасностью для жизни отправился нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ Турцію и затѣмъ, скрывая свои цѣли, проѣхалъ въ Арменію, чтобы на мѣстѣ ознакомиться съ фактами. Онъ опубликовалъ результаты своего изслѣдованія раньше, чѣмъ появились какія бы то ни было оффиціальныя сообщенія, и теперь его свѣдѣнія вполнѣ *подтвердились* при слѣдствіи, произведенномъ тремя державами, Англіей, Франціей и Россіей. Я говорю, что онъ съ опасностью для своей жизни пріобрѣлъ право на довѣріе и представилъ намъ отчетъ, который носитъ на себѣ всѣ признаки достовѣрности, которому мы не можемъ не вѣрить и который между тѣмъ можетъ показаться намъ невѣроятнымъ. Къ несчастью, дѣла, которыя кажутся невѣроятными, оказываются въ нашемъ странномъ и причудливомъ мірѣ возможными; поэтому мы вправѣ употребить это выраженіе въ примѣненіи къ тому духу ужасающей, дьявольской гнусности, который обнаруживается въ человѣческихъ образахъ, выступающихъ въ разсказѣ г. Диллона.

«Если вы прочитаете его статью, то убѣдитесь въ справедливости того, что я говорю, именно, что мы не имѣемъ дѣла съ вопросомъ о злоупотребленіи власти, о *дурномъ направленіи*. Передъ нами нѣчто гораздо болѣе серьезное и значительное, нѣчто налагающее на насъ гораздо болѣе тяжелыя обязательства. Сущность этой замѣчательной статьи, подкрѣпляемой, какъ я сказалъ, показаніями другихъ свидѣтелей, можетъ быть выражена въ четырехъ словахъ: *грабежъ, убійство, насиліе и пытка*. Каждый фактъ подходитъ подъ одно или подъ другое изъ этихъ понятій или подъ совокупность ихъ. Грабежъ и убійство ужасны сами по себѣ, но они блѣднѣютъ рядомъ съ фактами насилія, описанными г. Диллономъ и вполнѣ теперь подтвержденными. Я не буду входить въ подробности событій, описанныхъ въ этой статьѣ, но выскажу вамъ слѣдующее мнѣніе, которое прошу васъ принять на вѣру, пока я не приведу фактовъ. Когда во всѣхъ обыкновенныхъ случаяхъ до насъ доходитъ извѣстіе о какомъ-нибудь преступ-

---

*) Переводъ статьи Диллона см. ниже, отдѣлъ II стр., 9—47.

леніи, даже самомъ ужасномъ, какъ, наприм., о рѣзнѣ, происходившей недавно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая, мы говоримъ: «во всѣхъ странахъ, къ несчастію, существуютъ злодѣи, грабители и убійцы», но въ настоящемъ случаѣ люди, дѣянія которыхъ описаны г. Диллономъ, принадлежатъ совсѣмъ къ другому разряду.

«Намъ вовсе не приходится имѣть дѣло съ поступками людей изъ такъ назыв. опасныхъ классовъ общества. Не съ ихъ дѣяніями мы должны ознакомиться, *а съ дѣяніями константинопольскаго правительства и его агентовъ*. Нѣтъ ни одного изъ злодѣяній, совершаемыхъ въ Арменіи, за которое константинопольское правительство не несло бы нравственной отвѣтственности. Кто такіе его агенты? Позвольте мнѣ объяснить вамъ это въ немногихъ словахъ. Они распадаются на три класса. Во 1-хъ, это дикіе курды, которые, къ несчастью, являются сосѣдями армянъ—одного изъ старѣйшихъ народовъ христіанской цивилизаціи *и самыхъ мирныхъ, предпріимчивыхъ и разсудительныхъ народовъ* въ свѣтѣ. Курды живутъ дикими кланами; здѣсь было высказано (герцогомъ Вестминстерскимъ, предсѣдательствовавшимъ на митингѣ), что султанъ организовалъ курдовъ. Я склоненъ оспаривать это мнѣніе, ибо на мой взглядъ *курдскія племена* лишены всякой организаціи. Если они организованы, то по той системѣ, по которой можетъ быть организована *шайка разбойниковъ*. Султанъ и константинопольское правительство формально завербовали людей, не имѣющихъ никакой военной дисциплины, составили изъ нихъ фиктивные кавалерійскіе полки, и затѣмъ распустили ихъ, уполномочивъ въ качествѣ султанскихъ солдатъ, разорять и истреблять армянское населеніе. Итакъ, курды—первые агенты, участвующіе въ этомъ ужасномъ дѣлѣ; затѣмъ слѣдуютъ *турецкіе солдаты*, отнюдь не отстающіе отъ курдовъ по своимъ злодѣйскимъ пріемамъ; наконецъ, къ третьей категоріи принадлежатъ гражданскіе чиновники—полиція и сборщики податей турецкаго правительства.

«Если вы посмотрите статью Диллона, то увидите, что онъ на каждомъ шагу подвергалъ бы себя опасности опроверженья, еслибъ сообщенія его были невѣрны или неточны. Онъ даетъ вамъ имена участвующихъ лицъ, указываетъ мѣсто и время происшествій и отмѣчаетъ каждую подробность описываемыхъ

событій, такъ что турецкое правительство имѣло бы возможность провѣрить его сообщенія и въ случаѣ ихъ невѣрности выставить его на общественный позоръ. Между тѣмъ статья Диллона не вызвала *никакого* оффиціальнаго опроверженія. Я сдѣлаю смѣлое заявленіе, но выскажу увѣренность, что со стороны турецкаго правительства *никогда и не послѣдуетъ* такого опроверженія, которое подорвало бы довѣренность фактовъ, сообщаемыхъ Диллономъ на основаніи личныхъ наблюденій, и разрушило бы картину, нарисованную имъ при помощи матеріаловъ, собранныхъ съ величайшимъ трудомъ.»

Затѣмъ Гладстонъ, передавъ подробности о неслыханныхъ злодѣяніяхъ курда Мостиго, потерявшаго счетъ зарѣзаннымъ имъ армянамъ (см. ниже отдѣлъ II, стр. 24 и слѣд.), продолжаетъ:

«Извѣстіе о звѣрствахъ встрѣчаютъ прежде всего отрицаніемъ. Этотъ пріемъ оттоманскаго правительства не новъ. Онъ точно также примѣнялся имъ въ Болгаріи въ 1876 г., послѣ того какъ были совершены звѣрства, которыя впослѣдствіи удостовѣрилъ лордъ Кромеръ, произведшій слѣдствіе отъ имени англійскаго правительства. Турецкій посланникъ въ Лондонѣ разослалъ тогда отъ имени своего правительства циркуляръ (я имѣю копію этого документа), — циркуляръ, категорически отрицавшій болгарскія звѣрства: по увѣренію посланника, нѣкоторая часть болгарскаго населенія нарушила порядокъ, который и пришлось возстановить, но вся исторіи объ избіеніи была чистѣйшею выдумкой. Отрицаніе фактовъ было оружіемъ турецкаго правительства, и оно пользовалось имъ очень усердно. Но державы знали, съ кѣмъ они имѣли дѣло: Франція, Англія и Россія назначили безпристрастныхъ делегатовъ и разслѣдованіе, произведенное ими, вполнѣ подтвердило обвиненіе. Но оттоманское правительство было одушевлено только однимъ желаніемъ — скрыть истину ложью, обманомъ и проволочками. Теперь прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ коммиссія представила свой отчетъ...

«Весь вопросъ, по моему мнѣнію, сводится къ тремъ положеніямъ: первое изъ нихъ заключается въ томъ, что вы должны умѣрить ваше требованіе. Вы не должны требовать ничего, кромѣ безусловно необходимаго, и, насколько намъ извѣстно, это правило было во всей строгости примѣнено къ

предложеніямъ державъ. Я не колеблясь скажу, что самое вѣрное и прямое рѣшеніе вопроса заключалось бы въ изгнаніи турокъ изъ Арменіи; они не имѣютъ права оставаться тамъ, но отнюдь нельзя быть увѣреннымъ, что Европа или хотя бы три державы согласились бы на подобное рѣшеніе нынѣшнихъ затрудненій. Поэтому оставимъ въ сторонѣ все кромѣ безусловно-необходимаго.

«Теперь я перехожу къ двумъ другимъ положеніямъ, изъ которыхъ первое заключается въ томъ, чтобы вы не принимали никакихъ турецкихъ обѣщаній,—они не имѣютъ *никакой цѣны,* они хуже чѣмъ безполезны, потому что, благодаря имъ, нѣкоторыя лица, недостаточно освѣдомленныя, впадаютъ въ заблужденіе, полагая, что турецкое правительство, давая обѣщаніе, имѣетъ намѣреніе исполнить его (см. статью гр. Камаровскаго, отдѣлъ II). Помните, что никакія предложенія недостойны вниманія, если они не построены на гарантіяхъ совершенно независимыхъ отъ турецкихъ обѣщаній. Другое заявленіе, которое я долженъ слѣлать вамъ, заключается въ слѣдующемъ: не пугайтесь, если вы услышите, что въ обсужденіи настоящаго вопроса введено слово, которое вообще должно быть исключаемо изъ дипломатическихъ сношеній: это слово—*принужденіе.* Его отлично понимаютъ въ Константинополѣ и высоко цѣнятъ. Это сильно дѣйствующее средство, которое всегда приводитъ къ цѣли, когда его примѣняютъ къ турецкимъ дѣламъ. Я не говорилъ бы, какимъ образомъ, если-бы лично не имѣлъ обширнаго опыта по этому предмету. Я говорю: прежде всего вамъ слѣдуетъ убѣдиться въ справедливости своего дѣла и тогда рѣшить, что цѣль ваша должна быть достигнута. Здѣсь нужно немножко обратиться къ грамматикѣ. Помните, что слово «обязанъ» не имѣетъ въ Константинополѣ никакого значенія и силы, — напротивъ, слово «долженъ» понимаютъ тамъ превосходно. Опытъ, который можетъ быть провѣренъ по картѣ Европы, что показываетъ, своевременное употребленіе этого слова никогда не остается безъ результата...

«Мм. гг.! я долженъ сказать вамъ, что мы достигли дѣйствительно критическаго положенія. Три великихъ европейскихъ правительства, управляющія населеніемъ въ 209 милліоновъ человѣкъ, превосходящимъ въ восемь или десять разъ

населеніе Турціи,—правительства, средства которыхъ въ двадцать разъ больше средствъ Турецкой имперіи, вліяніе и сила которыхъ въ пятьдесятъ разъ превосходятъ могущество Турціи, взяли на себя по этому вопросу извѣстныя обязательства; если онѣ отступятъ въ виду противодѣйствія султана и оттоманскаго правительства, онѣ будутъ опозорены въ глазахъ всего свѣта. Всѣ мотивы *долга* совпадаютъ въ этомъ случаѣ со всѣми мотивами *самоуваженія.*

Указавъ на то, что лучшій способъ рѣшенія вопроса введеніе административной автономіи на подобіе установленной въ Ливанѣ съ 1861 г., Гладстонъ закончилъ такъ: «Да, это ужасная исторія, и я употребилъ не мало времени, чтобы передать вамъ даже незначительную часть ея; но я надѣюсь, что, выслушавъ резолюцію, которая будетъ предложена вамъ, вы согласитесь, что она имѣетъ за себя неопровержимые аргументы. Если въ насъ живо хотя бы слабое чувство гуманности, если мы дорожимъ нашимъ достоинствомъ, то послѣ мѣръ, принятыхъ въ теченіе послѣднихъ 12 или 18 мѣсяцевъ, мы должны вмѣшаться. Мы должны строго ограничить наши требованія только безусловно справедливымъ и необходимымъ, но рѣшить, что это справедливое и необходимое должно быть сдѣлано».

Выслушавъ рѣчь Гладстона, собраніе единогласно приняло слѣдующую резолюцію: «Настоящій митингъ выражаетъ свое убѣжденіе, что правительство ея величества будетъ пользоваться сердечною поддержкой всей націи, безъ различія партій, относительно всѣхъ мѣръ, какія оно приметъ для того, чтобъ обезпечить населенію Турецкой Арменіи такія реформы въ управленіи этой провинціи, которыя доставили бы серьезныя гарантіи жизни, чести, религіи и имуществу жителей, и что дѣятельное значеніе могутъ имѣть только реформы, находящіяся подъ неустаннымъ контролемъ великихъ державъ Европы».

Казалось, само чистое имя Гладстона служило гарантіей чистоты его намѣреній. Къ несчастью, оно не оказало дѣйствія, а Порта, пользуясь разногласіемъ державъ, организовала неслыханную бойню армянъ на пространствѣ всей Малой Азіи и продолжавшуюся полгода. Завершеніемъ этой безпримѣрной кровавой эпопеи служила трехдневная рѣзня, устро-

енная Портой въ августѣ 1896 г. на улицахъ Константинополя на глазахъ Европы.

Собравши послѣднія силы, Гладстонъ произнесъ на Ливерпульскомъ митингѣ 26 сентября 1896 г. трехчасовую рѣчь, въ которой ратовалъ не какъ англичанинъ, а какъ христіанинъ и человѣкъ за попранныя человѣческія права (см. рисунокъ на стр. 64 II отдѣла).

Гладстонъ началъ свою рѣчь заявленіемъ, что онъ выступаетъ не на партійной платформѣ и потому считаетъ своей обязанностью отказаться отъ всякихъ партійныхъ симпатій и воспоминаній. Впрочемъ, — сказалъ Гладстонъ, — это будетъ совсѣмъ не трудно для меня, такъ какъ тѣ печальные факты, о которыхъ я хочу говорить, отнюдь не вызваны нынѣшнимъ правительствомъ. Моя рѣчь не будетъ также и крестовымъ походомъ противъ магометанства, не будетъ даже осужденіемъ турецкихъ магометанъ. «Я опредѣленно заявляю, — продолжалъ ораторъ, — что если бы тѣ, ради которыхъ мы собрались здѣсь, были не христіанами, но магометанами, индусами, буддистами или конфуціанцами, они имѣли бы не меньшее право на нашу поддержку... Почва, на которой мы стоимъ здѣсь, не британская, не европейская, а общечеловѣческая». Переходя далѣе къ вопросу объ избіеніи армянъ въ Турціи, ораторъ прежде всего убѣждалъ собраніе не довѣрять тактикѣ отрицанія, которой держатся султанъ и его министры. Гладстонъ напомнилъ, что въ 1876 г. турецкое правительство совершенно такимъ же образомъ пыталось свалить всю вину на «болгарскихъ мятежниковъ и агитаторовъ». Касаясь задачи настоящаго митинга, ораторъ заявилъ, что цѣль его — не наказаніе или мщеніе, но предотвращеніе новыхъ убійствъ, подобныхъ тѣмъ, которыя произошли въ Арменіи и Константинополѣ. Никто, по мнѣнію оратора, конечно, не можетъ льстить себя надеждой, что эта рѣзня больше не повторится при существующемъ положеніи дѣлъ. Тактика, которой держится европейская дипломатія, всего менѣе можетъ предотвратить убійства. «Мы знаемъ,—сказалъ ораторъ,—что послы шести державъ, послѣ достаточно долгаго размышленія, представили султану весьма грозный документъ, въ которомъ они заявили, что событія, происходящія въ Константинополѣ, право же должны прекратиться *(Смѣхъ)*. Но поче-

му же должны? Потому, что, если они будутъ продолжаться то это можетъ вредно отозваться *(Смѣхъ)* на турецкомъ правительствѣ и на султанѣ... Я прошу васъ поставить себя въ положеніе автора этихъ убійствъ, кто бы онъ ни былъ. Чего лучшаго ему желать, какъ не того, чтобы вы ограничились бумажной войной. Она дастъ ему все, чего онъ желаетъ, а именно увѣренность въ своей безопасности». По мнѣнію Гладстона, европейскій концертъ до сихъ поръ вообще не оказалъ существенной помощи турецкимъ христіанамъ, которые получили освобожденіе скорѣе вопреки ему. Гладстонъ напомнилъ, что и нынѣшнее и предыдущее правительство дѣйствовали въ вопросѣ рука объ руку съ другими государствами. Однако,— прибавилъ ораторъ,—державы потерпѣли позорную неудачу, и теперь британское правительсто находится въ такомъ положеніи, что ему крайне необходимо знать волю націи. Въ виду этого Гладстонъ, при шумныхъ рукоплесканіяхъ, предложилъ собранію резолюцію, приглашающую министерство принять мѣры къ предотвращенію жестокостей въ Турціи и заявляющую о готовности ливерпульскаго населенія поддерживать въ этомъ правительство. За тѣмъ, по словамъ Гладстона, Англія должна заявить, что она не добивается никакихъ выгодъ для себя, и представить державамъ торжественное ручательство въ томъ, что она сдержитъ это свое обязательство. Правда, высказывалось мнѣніе, что подобный шагъ Англіи непремѣнно поведетъ къ европейской войнѣ, но мнѣніе это не представляется основательнымъ. Я не думаю,—сказалъ Гладстонъ,—чтобы Европа или какое-либо изъ европейскихъ государствъ стало угрожать войною съ цѣлью обезпечить продолженіе убійствъ. Но, по моему мнѣнію, лучше подвергнуться риску,—который я не считаю даже рискомъ,— отступить, чѣмъ поддерживать нынѣшнее положеніе дѣлъ, при которомъ мы являемся сотрудниками султана».

Могучій голосъ,—звучавшій, какъ viva vox неподкупной и неумолимой человѣческой совѣсти, благодаря прошлымъ грѣхамъ и Англіи, и другихъ странъ,—прозвучалъ голосомъ вопіющаго въ пустынѣ!.. (см. статью Соловьева стр. 158—159 II отд.) Какъ неслыханныя бѣдствія армянъ, такъ и послѣдующія звѣрства турокъ на Критѣ убѣдили ихъ, благодаря безучастью равнодушной Европы, въ своей безнаказанности.

Еще разъ, и увы! послѣдній—выступилъ Гладстонъ на защиту покинутыхъ всѣми армянъ въ январѣ 1897 г. въ замкѣ своемъ Говарденѣ на семейномъ праздникѣ. 6 января 1897 г., въ 85 годовщину дня рожденія его вѣрной подруги жизни устроено было въ замкѣ Гавардена торжество. Въ этотъ день состоялось оффиціальное принятіе великолѣпнаго, росписного меморативнаго окна, сооруженнаго въ церкви Гавардена на средства г. А. Цатурова въ память о сасунскихъ и другихъ армянскихъ мученикахъ, павшихъ за вѣрность вѣрѣ христіанской. Монументальное окно, въ 21 футъ высоты, расписанное лучшимъ англійскимъ художникомъ Фрамитономъ, изображаетъ свв. апостола Варѳоломея, проповѣдовавшаго въ Арменіи, и св. Григорія, просвѣтителя Арменіи и перваго ея патріарха. Надъ изображеніемъ надпись: «тебя хвалитъ доблестное мученическое воинство» (см. оборотъ). По снятіи завѣсы съ окна, епископами прочтена была установленная шотландскимъ епископатомъ молитва, которая послѣ моленія объ армянскихъ страдальцахъ за вѣру, продолжаетъ: «Всемогущій Боже! прославленный въ доблестномъ мученическомъ воинствѣ! Приносимъ Тебѣ высочайшую хвалу и сердцемъ благодаримъ Тебя за нашихъ братьевъ армянъ, пострадавшихъ за истину и положившихъ жизнь свою за І. Христа. Молимъ Тебя, Отецъ небесный, смилуйся надъ гонителями и смягчи ихъ сердца во имя Того, Кто просилъ простить распявшихъ Его» и пр.

Армяне изъ Индіи и Архипелага поднесли въ тотъ же день г-жѣ Гладстонъ портретъ патріарха Мкртича І. Отъ имени ея отвѣчалъ самъ Гладстонъ. «Мы хотя и съумѣли зажечь сердца людей нашей страны,—сказалъ онъ печальнымъ голосомъ,—но не съумѣли воздѣйствовать на шесть европейскихъ державъ именно такъ, какъ бы этого желали». За тѣмъ улыбнувшись добавилъ: «я уже пережилъ года великихъ мечтаній, но касательно армянскаго вопроса во мнѣ теплится негасаемая вѣра». Въ заключеніе, заклеймивъ Порту, организовавшую убійства, и державы, ее поддерживавшія, онъ указалъ, что мы еще не дошли до послѣдней кровавой страницы армянскихъ бѣдствій, и выразилъ надежду, что право восторжествуетъ.

Какъ ни мало отвѣчаетъ современная дѣйствительность

Сасунское мемортивное окно въ Говарденской церкви съ изображеніемъ свв. Варѳоломея и Григорія.

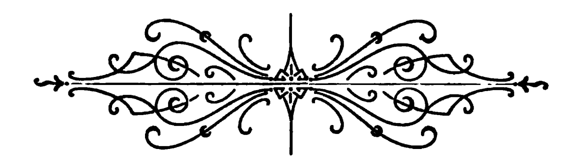
этой надеждѣ, выраженной въ лебединой пѣснѣ великаго человѣколюбца:

А все невольно взоръ съ надеждой смотритъ въ даль.

Но каковы бы ни были дальнѣйшія судьбы потонувшаго въ крови армянскаго вопроса, въ исторіи его оставитъ неизгладимый слѣдъ свѣтлый образъ человѣка, поднявшаго голосъ, во имя справедливости, для охраны отъ окончательнаго истребленія покинутаго всѣми злополучнаго армянскаго народа. И если, какъ справедливо указываетъ Леруа-Болье, съ тѣхъ поръ, какъ стоитъ земля, она не видала ничего подобнаго ужасамъ, разразившимся въ 1895 г. надъ армянами, то возмущенное человѣческое достоинство хоть на минуту спѣшитъ отдохнуть на этомъ 90-лѣтнемъ старцѣ-богатырѣ, понявшемъ своимъ «великимъ сердцемъ» неописуемое горе забытыхъ всѣми, замученныхъ армянъ. Послѣ леденящихъ душу злодѣяній обезумѣвшаго «человѣка-звѣря», совершенныхъ имъ при поощрительномъ равнодушіи человѣка-себялюбца, погруженнаго въ заботы о своемъ личномъ интересѣ,—послѣ этихъ низинъ человѣческой природы невольно ищетъ глазъ отдохновенія на этой свѣтлой вершинѣ человѣколюбія, на этомъ величайшемъ государственномъ человѣкѣ XIX столѣтія, служащемъ, по выраженію историка древности, однимъ изъ «украшеній и утѣшеній рода человѣческаго»...

Природа-мать! Когда-бъ такихъ людей
Ты иногда не посылала міру,
Заглохла-бъ нива жизни.

Гр. Д—евъ.



Надгробный крестъ-камень изъ монаст. Мхитара-Гоша XII в. (Шушин. у.).

ОТДѢЛЪ I.

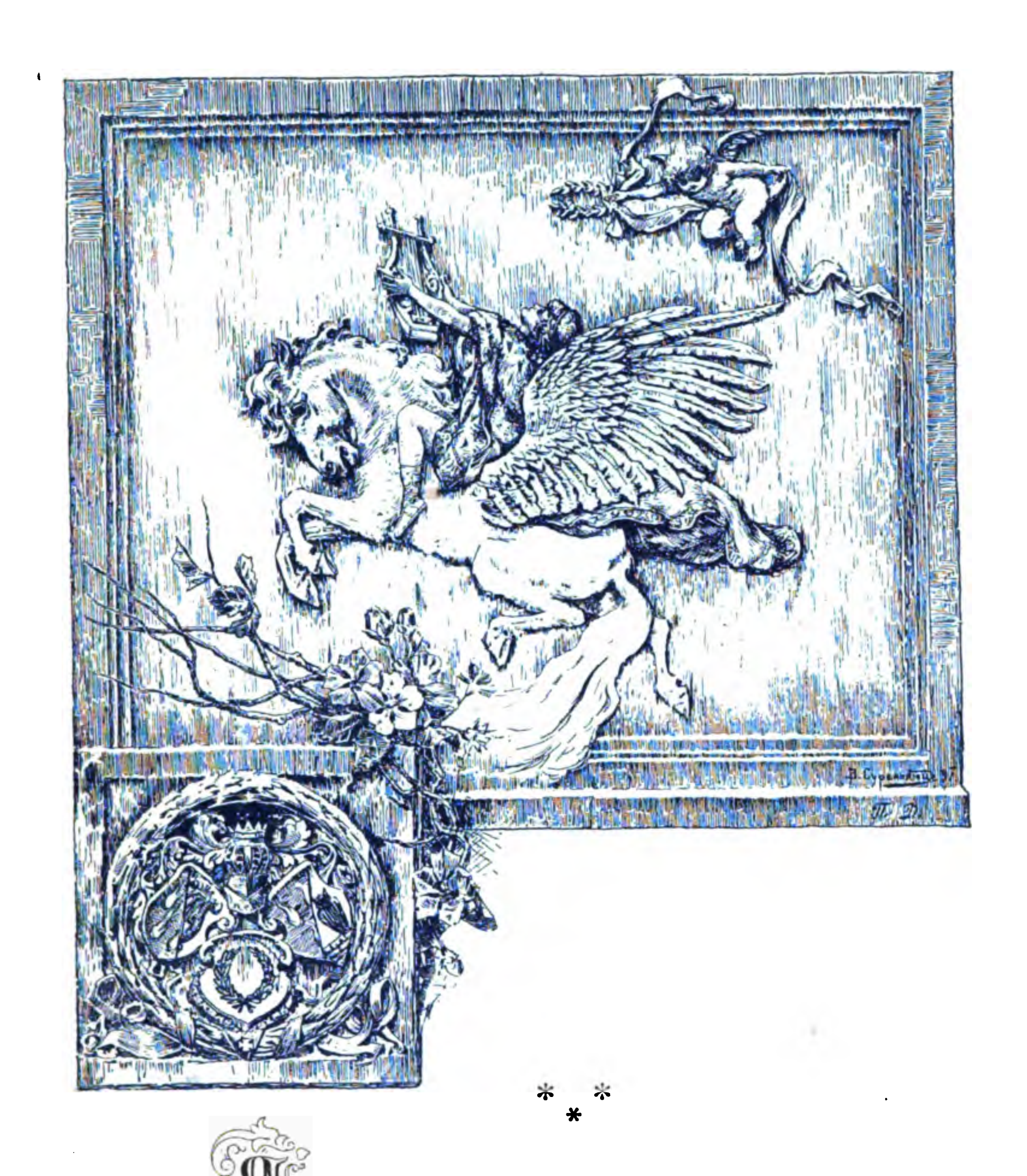
Amicus certus in re incerta cernitur.

И долю буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ.

Пушкинъ.

Когда нѣтъ завѣтной
Печали въ груди,
Туда, гдѣ умъ блещетъ,
Скорѣе иди.
Но съ тяжкимъ приливомъ
Тоски роковой
Стучись ты въ дверь друга
Съ любящей душой.

Переводчикова.



* *
*

Я баловень судьбы.... Ужъ съ колыбели
Богатство, почести, высокій санъ
Къ возвышенной меня манили цѣли,—
Рожденіемъ къ величью я призванъ.
Но что мнѣ роскошь, злато, власть и сила?
Не та же-ль безпристрастная могила
Поглотитъ весь мишурный этотъ блескъ,
И все, что здѣсь лишь внѣшностью намъ льстило,
Исчезнетъ, какъ волны мгновенный всплескъ.
Есть даръ иной, божественный, безцѣнный,
Онъ въ жизни для меня всего святѣй,

И ни одно сокровище вселенной
Не замѣнитъ его душѣ моей:
То пѣснь моя!... Пускай прольются звуки
Моихъ стиховъ въ сердца толпы людской,
Пусть скорбнаго они врачуютъ муки
И радуютъ счастливаго душой!
Когда же звуки пѣсни вдохновенной
Достигнутъ человѣческихъ сердецъ,
Тогда я смѣло славы заслуженной
Приму неувядаемый вѣнецъ.
Но пусть не тѣмъ, что знатнаго я рода,
Что царская во мнѣ струится кровь,
Родного православнаго народа
Я заслужу довѣрье и любовь,—
Но тѣмъ, что пѣсни русскія, родныя
Я буду пѣть немолчно до конца,
И что во славу матушки Россіи
Священный подвигъ совершу пѣвца.

Аѳины. 4 апрѣля
1884 г.

К. Р.

Барельефъ съ развалинъ Ани.

Бѣлинскій.

Изъ переписки Бѣлинскаго съ женою [1].

Москва. 1846, мая 1. Вотъ уже четвертый день, какъ я въ Москвѣ, и все еще не могу оправиться отъ проклятой дороги. Холодъ, дождь, слякоть, невозможность прилечь, необходимость сидѣть, все это порядочно измучило меня. Часто дождь просѣкалъ къ намъ сквозь стеклянную складную стору и живописно струился по ногамъ. Не возьми я зимнихъ панталонъ и тулупа, я погибъ бы. Погода въ Москвѣ такая же, какъ и въ Петербургѣ. Вчера было солнце, но

---

[1]) Печатаемыя здѣсь письма Бѣлинскаго къ женѣ его, Марьѣ Васильевнѣ, были разъисканы сестрою ея Агриппиною Васильевною Орловою. Послѣ смерти сестры своей А. В. переселилась въ 1889 г. къ единственной своей племянницѣ, дочери Бѣлинскаго, Ольгѣ Виссаріоновнѣ Бензи, которая въ то время жила на о. Корфу, на мѣстѣ службы мужа своего, прокурора мѣстной судебной палаты, а потомъ переселилась въ Парижъ для воспитанія дѣтей своихъ, изъ коихъ одинъ, Владиміръ, студентъ медицинскаго факультета, а другой, Евгеній, учится въ школѣ инженеровъ путей сообщенія. Съ 1894 г. Г-жа Орлова переселилась снова въ Москву, гдѣ она разыскала письма.—Изъ найденныхъ писемъ первая половина относится ко времени до женитьбы Бѣлинскаго и была напечатана цѣликомъ въ *Почин*ѣ 1896 г.—Вторая половина относится къ послѣднимъ поѣздкамъ больного Бѣлинскаго на Югъ Россіи и за границу.—Извлеченіе изъ этой, довольно обширной, переписки печатается нынѣ впервые.

Помѣщаемый здѣсь портретъ Бѣлинскаго снятъ съ бюста, сдѣланнаго по маскѣ его Ге и хранящагося у проф. Н. И. Стороженка.—По отзыву наиболѣе компетентнаго лица, свояченицы Бѣлинской А. В. Орловой, бюстъ очень похожъ на оригиналъ.—Группа „семьи Бѣлинскаго“ сдѣлана съ фотографіи, снятой въ концѣ 50-хъ годовъ. На ней изображена жена Бѣлинскаго Марья Васильевна (слѣва), сестра ея, дѣвица Агриппина Васильевна Орлова (справа), поселившаяся въ семьѣ сестры въ Петербургѣ вскорѣ послѣ выхода ея замужъ, а посрединѣ та самая любимица Бѣлинскаго „Оля“, о которой съ такою нѣжностью упоминается въ каждомъ письмѣ его. *Ред.*

въ то же время было вѣтрено и холодно. Сегодня, первое мая, рѣшительно октябрьскій день. Мочи нѣтъ, какъ все это гадко. Ни зелени, ни деревьевъ—глубокая осень.

Дорога до того испорчена, особенно между Клиномъ и Москвою, что мы пріѣхали въ воскресенье въ 6 часовъ вечера. Друзья мои дожидались меня въ почтамтѣ съ двухъ часовъ. Принятъ я былъ до того ласково и радушно, что это глубоко меня тронуло, хотя я и привыкъ къ дружескому вниманію порядочныхъ людей. Безо всякой ложной скромности скажу, что мнѣ часто приходитъ въ голову мысль, что я не стою такого вниманія. Что это за добрый, за радушный народъ москвичи! Что за добрѣйшая душа Герценъ! Какъ бы я желалъ, чтобы ты, Marie, познакомилась съ нимъ! Да и всѣ они—что за славный народъ! Лучше, т.-е. оригинальнѣе, принялъ меня Михаилъ Семеновичъ (Щепкинъ): готовясь облобызаться со мною, онъ пресерьезно сказалъ: какая мерзость! Онъ глубоко презираетъ всѣхъ худыхъ и тонкихъ. Дамы просто носятъ меня на рукахъ, братецъ ты мой: озябну, укутываютъ своими шалями, надѣваютъ на меня свои мантильи, приносятъ мнѣ подушки, подаютъ стулья. Таковы права старости, другъ мой! Впрочемъ, Наталья Александровна (Герценъ) (къ которой я питаю какое-то немножко восторженно-идеальное чувство) нашла, что *похорошѣлъ* (замѣть это) и поздоровѣлъ. Она такъ была мнѣ рада, что я даже почувствовалъ къ себѣ нѣкоторое уваженіе. Вотъ какъ!

Ѣдемъ мы 16, 17 или 18 мая, не прежде. Боюсь, что возвратимся довольно поздно. М. С. хочетъ лѣчиться, кромѣ купанья, и виноградомъ. Это и мнѣ будетъ очень полезно.

Сегодня поѣду къ твоему отцу, а завтра увижусь съ Галаховымъ. Кстати, завтра друзья мои даютъ мнѣ торжественный обѣдъ. На-дняхъ (какъ назначитъ Галаховъ) увижусь съ Остроумовой. Жду съ нетерпѣніемъ отъ тебя письма. Объ Олѣ не могу вспомнить безъ безпокойства, такъ все и кажется, что мой баранъ нездоровъ. Въ пятницу или субботу опять буду писать къ тебѣ. А пока прощай, будь здорова и спокойна. Крѣпко жму твою руку.

Твой В. Бѣлинскій.

Москва. 1846, мая 4. Вотъ уже недѣля, какъ я живу *въ Москвѣ, а отъ тебя все ни строки*. Это начинаетъ меня сильно безпокоить. Все кажется, что то больна ты, то плохо съ Ольгою, то нельзя вамъ выѣхать по множеству хлопотъ, то терпите вы отъ грубости людей. Такъ всякая дрянь и лѣзетъ въ голову и отнимаетъ веселье, а безъ этого мнѣ было бы въ Москвѣ довольно весело. Когда получу твое письмо и въ немъ не будетъ ничего непріятнаго, то мнѣ будетъ настоящимъ образомъ весело.

Погода въ Москвѣ до сихъ поръ—ужасъ. Сегодня ночью шелъ сильный снѣгъ. Отъ такой погоды здоровъ не будешь. Особеннаго ничего не чувствую, а все-таки такъ, нехорошо, и все отъ проклятой погоды. Въ прошломъ письмѣ моемъ я забылъ сказать тебѣ, что хваленая прочная пломбировка почти вся повыпала еще дорогою, отъ употребленія пищи, но безъ всякаго участія пера или другого зубочистительнаго орудія. Уцѣлѣла только въ нижнемъ зубу, и то сверху сошла. Ай да шарлатаны, чортъ ихъ возьми! Былъ у твоего «дражайшаго». Почтенный человѣкъ! Вотъ истинный-то представитель отсутствія добра и зла,

олицетворенная пустота! Онъ, впрочемъ, былъ мнѣ радъ, и много суетился, угощая меня чаемъ. Я ему объ васъ съ Агриппиной, а онъ все о себѣ—такъ и лупитъ, такъ и наяриваетъ. Только объ Ольгѣ послушалъ минуты двѣ не безъ удовольствія. Я разсказалъ ему о твоихъ родахъ и заключилъ, что, несмотря

Семья Бѣлинскаго.

на гнусность бабки, дѣло кончилось все-таки хорошо.—А Богъ-то на что!—сказалъ онъ мнѣ съ убѣжденіемъ.—Да, никто, какъ Богъ!—отвѣчалъ я ему съ умиленіемъ.—Живетъ онъ бѣдно и страшно трусить смерти его княжны, угрожающей ему монастыремъ. Буду у него еще разъ и позову къ себѣ обѣдать.

Здѣшній кружокъ живѣе нашего, и здѣшнія дамы тоже поживѣе нашихъ

(благодари за комплиментъ). И для отдыха Москва вообще чудный городъ. Впрочемъ, и то сказать, теперь какъ нарочно почти всѣ съѣхались сюда въ одно время, и оттого весело. Сегодня даютъ мнѣ обѣдъ; ему надо было быть въ четвергъ, да по болѣзни Корша отложили до сегодня, а Коршъ-то все-таки не выздоровѣлъ.

Я ужъ не знаю, о чемъ больше и писать. И потому, въ ожиданіи извѣстія отъ тебя, ma chère Marie, и въ чаяніи, что васъ уже нѣтъ въ Питерѣ, писать больше не буду до выѣзда изъ Москвы. Жму всѣмъ вамъ руки и отъ души всѣхъ васъ цѣлую,—о собачкѣ и не говорю. Милкѣ кланяюсь.

Прощай. В. Бѣлинскій.

Харьковъ. 1846, іюня 10. Вообрази, какую я сдѣлалъ глупость: послалъ къ тебѣ письмо изъ Калуги, въ Гапсаль, на твое имя, думая, что ты непремѣнно въ Гапсалѣ, что тебя въ этомъ маленькомъ городкѣ найдутъ и безъ адреса квартиры и что посылать черезъ Маслова только лишняя трата времени. Сынъ М. С. Щ—на служитъ въ кавалер. полку въ Воронежѣ, былъ долго въ Москвѣ и послѣ насъ долженъ былъ отправиться въ Воронежъ. Пріѣзжаемъ туда и онъ подаетъ мнѣ твое послѣднее письмо изъ Петербурга, которое пришло въ Москву въ день нашего выѣзда, и которое Ивановъ отослалъ въ домъ Щ—на. Изъ этого письма я узнаю, что ты остаешься въ Ревелѣ и что, слѣд., я опростоволосился, пославъ къ тебѣ письмо въ Гапсаль. Досадно! письмо было подробное, почти журналъ—изо дня въ день, съ означеніемъ погоды каждаго дня. Перескажу тебѣ вкратцѣ его содержаніе. Выѣхали изъ Москвы 16 м. (въ четв.), въ 12 ч. Насъ провожали до первой деревни, за 13 верстъ, и провожавшихъ было 16 чел., въ ихъ числѣ и Галаховъ. Пили, ѣли, разстались. Погода страшная, грязь, дорога скверная, за лошадьми остановка. Въ Калугу пріѣхали въ субботу (18 м.), прожили въ ней одиннадцать дней. Еслибъ не гнусная погода, мнѣ было бы не скучно. Еще въ Москвѣ я почувствовалъ, что поправляюсь въ здоровьѣ и возстановляюсь въ силахъ, а въ Калугѣ, въ сносную погоду, я уходилъ за городъ, всходилъ на горы, лазилъ по оврагамъ, уставалъ до нельзя, задыхался на смерть, *но не кашлянулъ ни разу.* Съ возвращеніемъ холода и дождя возвращался и кашель. Пребываніе въ Калугѣ для меня останется вѣчно памятнымъ по одному знакомству, какого я и не предполагалъ, выѣзжая изъ Питера. Въ Москвѣ М. С. Щ. познакомился съ А. О. Смирновой. C'est une dame de qualité; свѣтъ не убилъ въ ней ни ума, ни души, а того и другого природа отпустила ей не въ обрѣзъ. Она большая пріятельница Гоголя, и М. С. былъ отъ нея безъ ума. Такъ какъ она пригласила его въ Калугу (гдѣ мужъ ея губернаторомъ), то я еще въ Москвѣ предвидѣлъ, что познакомлюсь съ нею. Когда мы пріѣхали въ Калугу, ея еще не было тамъ; въ качествѣ хвоста толстой кометы, т.-е. М. С., я былъ приглашенъ губернаторомъ на ужинъ въ воскресенье во время спектакля; потомъ мы у него обѣдали. Во вторникъ пріѣхала она, и въ четвергъ я былъ ей представленъ. Чудесная, превосходная женщина,—я безъ ума отъ нея. Снаружи холодна какъ ледъ, но страстное лицо, на которомъ видны слѣды душевныхъ и физическихъ страданій, измѣняетъ невольно величавому наружному спокойствію. Благодаря тебѣ, братецъ ты мой, тебѣ, моя милая судорога, я знаю

толкъ въ этого рода холодныхъ лицахъ. Потомъ я у нея два раза обѣдалъ, въ послѣдній раскланялся, да еще въ тотъ же вечеръ раскланялся съ нею на лѣстницѣ, ведущей изъ-за кулисъ въ ея ложу. Пишу тебѣ все это не больше, какъ матеріалъ для разговоровъ и разсказовъ при свиданіи, а потому въ подробности не пускаюсь. Несмотря на весь интересъ этого знакомства, погода дѣлала мое пребываніе въ Калугѣ часто невыносимымъ; разъ два дня сряду сидѣлъ я въ заперти въ грязной комнатѣ грязной гостиницы въ тепломъ пальто, съ окоченѣвшими руками и ногами, и съ покраснѣвшимъ носомъ. Выѣхали мы изъ Калуги со вторника на середу (29 м.), въ 4 ч. утра, и поѣхали, или, лучше, сказать поплыли по грязи въ Воронежъ на Тулу. Въ Воронежъ приплыли въ субботу (1 іюня), въ 5 ч. утра, и въ пятницу ѣхали уже по хорошей дорогѣ. Въ Вор. погода была славная. Тутъ я получилъ твое письмо, на которое, для порядка, и буду сейчасъ отвѣчать. Наканунѣ нашего выѣзда изъ Москвы пріѣхалъ туда Языковъ и успокоилъ меня на твой счетъ, сказавши мнѣ, что твои геройскіе подвиги, достойные Бобелины, увѣнчались блестящею побѣдой надъ злокачественнымъ Лопатинымъ и гнуснымъ клевретомъ его, управляющимъ. Это извѣстіе дало мнѣ возможность уѣхать изъ Москвы въ спокойномъ духѣ, который очень былъ разстроенъ твоимъ письмомъ отъ 9 мая. Я не знаю, получила ли ты мой отвѣтъ на него, отъ 14 мая. Ты пишешь, что разлука сдѣлаетъ насъ *уступчивѣе* въ отношеніи другъ друга, но и болѣе *чуждыми* другъ другу. Мнѣ кажется, что и другое равно хорошо. Почему хорошо первое—толковать нечего, и такъ ясно; второе хорошо потому, что даетъ случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ. Я уже не въ этой порѣ жизни, чтобы тѣшить себя фантазіями, но еще и не дошелъ до того сухого отчаянія, чтобы не знать надежды. А потому жду много добра для обоихъ насъ отъ нашей разлуки. Я никакъ, напримѣръ, не могъ понять твоихъ жалобъ па меня, что будто я дурно съ тобою обращаюсь, и видѣлъ въ этихъ жалобахъ величайшую несправедливость ко мнѣ съ твоей стороны, а теперь, какъ, въ новой для меня сферѣ, я смотрю на нашу прежнюю жизнь какъ на что-то прошедшее, внѣ меня находящееся, то вижу, что если ты была не вполнѣ права, то и не совсѣмъ не права. Я опирался на глубокомъ сознаніи, что не имѣлъ никакого желанія оскорблять тебя, а ты смотрѣла на факты, а не на внутреннія мои чувства, и, въ отношеніи къ самой себѣ, была права. Ежели разлука и тебя заставитъ войти поглубже въ себя и увидѣтъ кое-что такого, чего прежде ты въ себѣ видѣть не могла, то разлука эта будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другаго, и будемъ объяснять ихъ болѣзненностью, нервическою раздражительностью, недостаткомъ воспитанія, а не кикими нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды. Что же касается до твоихъ словъ, что мужъ, *безъ причины* оставляющій жену и дѣтей, не любитъ ихъ,— ты права; но, во 1-хъ, я говорилъ тебѣ о разлукѣ съ причиною, хотя бы эта причина была просто желаніемъ разсѣяться и освѣжиться прогулкою или и прямо желаніемъ освѣжить ею свои семейныя отношенія; и во 2-хъ, я, кажется, уѣхалъ не безъ причины. Но объ этомъ послѣ, какъ ты сама говоришь въ письмѣ своемъ.

Масловъ[1]) немного сердитъ на меня, что я не писалъ къ нему. Но вѣдь онъ долженъ же знать, что я человѣкъ—слабый (т. е. лѣнивый), мошенникъ такой! Слухъ носится, что умеръ Скобелевъ, а ты пишешь, что Масловъ думаетъ ѣхать въ Ревель, Гапсаль и еще не знаю куда. Гдѣ же мнѣ писать къ нему. А напиши-ко лучше ты и увѣдомь его о моемъ знакомствѣ съ Александрою Осиповною Смирновой: это для него будетъ интересно.

Комплиментъ, сдѣланный тебѣ Тильманомъ (докторомъ) основателенъ. Ты сильная барыня, и послѣ твоей войны съ Лопатинымъ (домохозяиномъ) я не шутя начинаю тебя побаиваться.

Что же ты не пишешь, взяла ли съ собой Егора? И кто у тебя нянька? И какъ ты разсталась съ прислугою?

Въ Воронежѣ мы застали чудесную погоду. Выѣхали во вторникъ, въ 4 ч. послѣ обѣда (4 іюня). Солнце пекло насъ, но къ вечеру потянулъ вѣтеръ съ Питера, ночью полилъ дождь, и мы до Курска опять не ѣхали, а плыли, и въ Курскъ приплыли въ четвергъ (6). Въ тотъ же день поплыли въ знаменитую коренную ярмарку (за 28 верстъ отъ Курска). И ужъ подлинно поплыли, потому-что жидкая грязь по колѣна, и лужи выше брюха лошадямъ были безпрестанно. Ѣхали на 5-ти сильныхъ коняхъ слишкомъ 4 часа и, наконецъ, увидѣли ярмарку, буквально по поясъ сидящую въ грязи, а дождь такъ и льетъ. За 20 р. въ сутки нашли комнатку, маленькую, грязную, и той были рады безъ памяти. Въ тотъ же вечеръ были въ театрѣ, и М. С. узналъ, что онъ играть не будетъ. На другой день прошлись по рядамъ (крытымъ, до которыхъ доѣхали на дрожкахъ, выше ступицы въ грязи). На другой день, около 2 часовъ пополудни, поѣхали назадъ, въ Курскъ. На полдорогѣ встрѣтился крестный ходъ: изъ Курска 8 іюня носятъ явленный образъ Богоматери въ монастырь, при которомъ стоитъ ярмарка. Вообрази, тысячъ 20 народу, въ разбитъ идущаго по колѣна въ грязи, и который, пройдя 27 верстъ, ляжетъ спать подъ открытымъ небомъ, въ грязи, подъ дождемъ, при 5 градусахъ тепла. Въ Курскѣ перемѣнили лошадей, закусили и пустились плыть на Харьковъ (часовъ въ 8 вечера, въ пятницу, 8 іюня). Ужъ не помню, ѣдучи въ Курскъ изъ Воронежа,—да, именно въ Курскъ изъ Воронежа,—имѣли удовольствіе засѣсть въ грязи, и нашъ экипажъ, вмѣстѣ съ нами (потому что выйти не было никакой возможности) вытаскивали мужики. Въ тотъ же вечеръ, какъ мы выѣхали изъ Курска, погода начала поправляться, а съ нею и дорога, такъ что верстъ за сто до Харькова ѣхали мы по дорогѣ довольно сносной и могли дѣлать по 8 вер. въ часъ (на пяти лошадяхъ), а станціи двѣ до Харькова дѣлали по 10 верстъ. Въ Харьковъ пріѣхали мы въ воскресенье (9 іюня) около 2 ч. послѣ обѣда. Черезъ часъ я былъ уже у Кронеберговъ, съ полною увѣренностію найти твое письмо, а м. б. и цѣлыхъ два. Кронеберги приняли меня радостно, добрая М. А. была просто въ восторгѣ, даже Андрей Ивановичъ былъ видимо разогрѣтъ; а письма нѣтъ. Возвращается М. С. отъ Алфераки—что письмо?—Нѣтъ!—Худо!—Я сталъ было утѣшать себя тѣмъ, что письмо

---

[1]) И. И. Масловъ, тогда маленькій чиновникъ, впослѣдствіи былъ управляющимъ Московскою Удѣльною конторою. Масловъ вмѣстѣ съ Тургеневымъ крестили дочь Бѣлинскаго. Желая засвидѣтельствовать сочувствіе великимъ реформамъ Александра II, Масловъ († 1891 г.) завѣщалъ на народныя училища 500.000 р. *Ред.*

твое должно итти до Харькова три недѣли, но Кронеб. сказалъ мнѣ, что письма изъ Питера въ Харьк. приходятъ въ 11-й день, а по экстра-почтѣ въ 8-ой,— я и призадумался, забывъ, что по этой дорогѣ почты также дѣлаютъ въ часъ по 5 верстъ, а иногда и въ сутки по 50-ти. Былъ въ театрѣ, посидѣлъ съ четверть часа, и поѣхалъ къ Кронебергу, гдѣ и пробылъ почти до 12 часовъ. Вчера, часу въ 1-мъ, приходитъ Кр. и подаетъ мнѣ твое письмо, которое взялъ онъ у Алфераки, съ которымъ встрѣтился гдѣ-то на улицѣ. И хоть много въ этомъ письмѣ непріятнаго, но я воскресъ. Теперь отвѣчаю тебѣ на твое послѣднее письмо.

Отчего ты ни слова не сказала въ немъ о томъ, опасна ли простуда груди твоей и лѣчишься ли ты? Отчего не отнимаешь Ольгу отъ груди? Ждешь ли 8-го зуба? Наемъ вторыхъ мѣстъ на пароходѣ былъ порядочною глупостью со стороны Маслова. Заграничные пароходы лучше здѣшнихъ и вторыя мѣста на нихъ немногимъ хуже первыхъ, но и ихъ потому всѣ избѣгаютъ, что надо быть въ обществѣ лакеевъ, что не совсѣмъ пріятно и для мущинъ, а о женщинахъ нечего и говорить. О томъ, чего вы тутъ натерпѣлись—нечего и говорить; оставалось бы только радоваться, что все это кончилось и Ольга здорова, еслибъ не твое положеніе, о которомъ я теперь ничего вѣрнаго не знаю, потому что не знаю, какова эта болѣзнь—простуда груди, а ты объ этомъ не сказала ни слова. И потому жду со страхомъ и нетерпѣніемъ твоего второго письма, которое надѣюсь получить въ Харьковѣ, въ которомъ мы пробудемъ до 18 числа, потому что М. С. въ Харьковѣ является въ 5 спектакляхъ. Мнѣ странно, что ты, пробывши въ Ревелѣ 5 дней, все еще только собираешься пригласить доктора, вмѣсто того, чтобы пригласить его на другой же день пріѣзда. Ты, видно, забыла мою осеннюю исторію и что значитъ запускать болѣзнь. Это ни на что не похоже. Видно, мы всѣ только другимъ умѣемъ читать поученія, а сами.... но дѣлать нечего—ворчаньемъ не поможешь, а вотъ что-то скажетъ мнѣ твое второе письмо?!

Бога ради, не мучь себя заботами о будущемъ и о деньгахъ. Лишь стало бы денегъ вамъ, и вы могли бы пріѣхать въ Питеръ хоть съ цѣлковымъ въ карманѣ, а то все вздоръ. И потому, если не хватитъ денегъ, адресуйся заранѣе къ Алекс. Александровичу и проси не въ обрѣзъ, чтобъ изъ пустой деликатности не натерпѣться бѣдъ; а я по пріѣздѣ *тотчасъ* же отдамъ ему, потому что въ Питеръ я пріѣду съ деньгами, которыхъ станетъ не только на переѣздъ на новую квартиру, но и на то, чтобы безъ нужды прожить мѣсяца три—четыре. Я на это и разсчитывалъ, уѣзжая изъ Питера, потому что я тогда же ясно видѣлъ, что безъ этой надежды, несмотря на всѣ альманахи, мы, послѣ этой разлуки, съѣхались бы съ тобою только для того, чтобъ умереть вмѣстѣ голодною смертью. Къ счастью, я не обманулся въ моей надеждѣ, и могу пріѣхать въ Питеръ съ деньгами. Но вотъ что меня безпокоитъ. Ты наняла квартиру до 15 сентября, а я, кажется, буду въ Питерѣ не прежде 15 октября: вотъ тутъ что дѣлать? М. С. надо ѣсть виноградъ, что и мнѣ было бы небезполезно, а это дѣлается въ сентябрѣ, въ которомъ мы и будемъ въ Крыму. Да еще очень можетъ быть, что князь Воронцовъ пригласитъ М. С. въ Тифлисъ, и хоть это не протянетъ нашей поѣздки, но сдѣлаетъ то, что раньше 15 окт. мнѣ невозможно бу-

детъ быть въ Питерѣ. Тутъ худо то, что вѣдь ты не рѣшишься остановиться у Тютчевыхъ, а въ трактирѣ жить—Боже сохрани. И потому, скажи мнѣ, можешь ли ты остаться въ Ревелѣ до моего возвращенія.

Некрасовъ будетъ въ Питерѣ къ августу. Онъ открываетъ книжную лавку, и тотчасъ же займется печатаньемъ моего альманаха. Открытіе лавки очень выгодно для моего альманаха, также какъ мой альманахъ очень выгоденъ для лавки. Деньги для лавки даютъ ему москвичи. Кстати, во время моего пребыванія въ Москвѣ, у Герцена умеръ отецъ, послѣ котораго ему должно достаться тысячъ четыреста денегъ. Если безъ меня придетъ отъ тебя письмо въ Харьковъ, его перешлютъ ко мнѣ. А по полученіи этого письма, пиши ко мнѣ немедленно въ Одессу, на имя *Его Высокоб. Александра Ивановича Соколова*. Я радъ, что наши псы съ вами, радъ и за нихъ. и еще больше за васъ. И потому, Милкѣ жму лапку, и даже дураку Дюку посылаю поклонъ. Объ Ольгѣ не знаю что писать—хотѣлось бы много, а не говорится ничего. Что ты не говоришь мнѣ ни слова,—начинаетъ ли она ходить, болтать, и что ея 8-ой зубъ? Ахъ, собачка, барашекъ, какъ она теперь уже перемѣнилась для меня,—вѣдь уже полтора мѣсяца! Поблагодари ее за память о моемъ портретѣ и за угощеніе его молокомъ и кашею. Она чѣмъ богата, тѣмъ и рада, и понюхать готова дать всякое кушанье. Должно-быть, она очень довольна поведеніемъ моего портрета, который позволяетъ ей угощать себя не въ ущербъ ея аппетиту. Изъ Харькова я еще пошлю къ тебѣ письмо, т.-е. оставлю, а Кр. пошлетъ. А теперь пока прощай. Будь здорова и спокойна духомъ, ma mie, и успокой скорѣе меня насчетъ твоего здоровья. Жму руку Агриппинѣ и желаю ей всего хорошаго, а я не объѣдаюсь и не простужаюсь, какъ она обо мнѣ думаетъ. Прощай. *Твой Висс....*

Ворота Аманосянъ (Киликія).

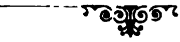
Рожденіе басни.

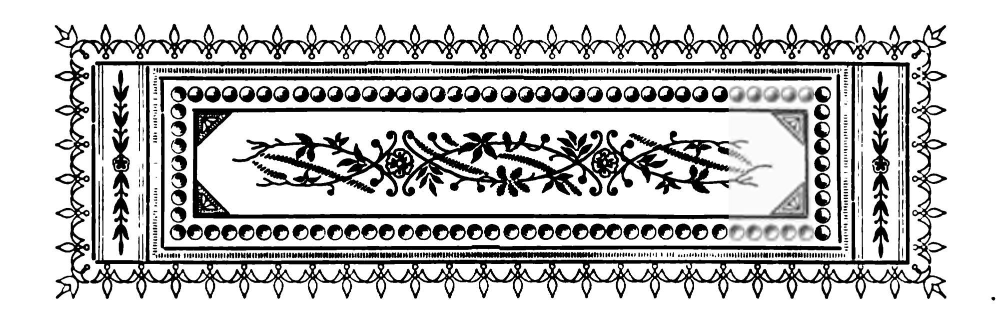
(легенда.)

Торжество. Трубятъ герольды.
Завтра утромъ на зарѣ
Будутъ жечь нагую Правду
Всенародно на кострѣ.
Ждетъ весь городъ. Даже дѣти
Просятъ: «мама, разбуди».
До зари, толпа народа
Собралась на площади.
Тамъ чернѣлъ костеръ зловѣщій
Заготовленный въ ночи,
И назначеннаго часа
Дожидались палачи.
Наконецъ... Сверкаютъ шлемы
И идетъ она, въ цѣпяхъ,
Эта наглая, нагая,—
Со скрижалями въ рукахъ.
Привели. И привязали
У позорнаго столпа.
И костеръ мгновенно вспыхнулъ,—
Такъ и ахнула толпа.
Пламя, взвившись по скрижалямъ,
Крѣпко сжало ихъ въ тиски
И коробило, и рвало,
И ломало ихъ въ куски.
А судья глядѣлъ безстрастно
На караемое зло,

И среди толпы у многихъ
На душѣ поотлегло.
Лишь вдали стоялъ уныло,
Головой на грудь поникъ,
И пугливо озираясь,
Плакалъ «тайный ученикъ».
Обгорѣлыя скрижали
Грузно рухнули въ дрова,
И въ послѣднюю минуту
Ярко вспыхнули слова.
Это буквы раскалились—
И мильонами огней
Разлетѣлись въ жгучихъ брызгахъ
Въ сердце чистое дѣтей.
Совершилось. Груда пепла,
Чуть синѣющій дымокъ...
Отъ преступницы остался—
Догоравшій уголекъ.
Вдругъ—изъ пепла, невредима
И не тронута огнемъ,
Появилась та же Правда—
Со смѣющимся лицомъ.
Прикрываясь прибауткой,
Добродушно хохоча,
Держитъ рѣчь она къ народу
На глазахъ у палача.
Говоритъ она все то же...
А они—гляди, гляди:
Цѣлый громъ рукоплесканій
Раздался на площади.
Вотъ, ведутъ обратно въ городъ
Правду-Басню съ торжествомъ.
Самъ судья ее съ поклономъ
Званой гостьей ввелъ въ свой домъ.
Повели ее по школамъ
И заставили дѣтей
Повторять ея уроки
Подъ диктовку матерей.

А. Боровиковскій.





Университетскій курсъ Грановскаго.

За послѣдніе годы наша печать много занималась Грановскимъ. Переизданы были его сочиненія и его біографія, написанная А. В. Станкевичемъ; вновь издана его переписка; охарактеризованы нѣсколькими профессорами исторіи его общія историческія воззрѣнія; наконецъ, составлена новая біографія, авторъ которой старался освободиться отъ панегирическаго топа и ввести оцѣнку дѣятельности Грановскаго въ болѣе широкія рамки — современныхъ ему общественныхъ движеній. Въ итогѣ всѣхъ этихъ новыхъ и обновленныхъ работъ личность Грановскаго, безъ сомнѣнія, представляется намъ въ болѣе отчетливыхъ чертахъ, чѣмъ прежде. Но въ этомъ отчетливомъ образѣ, отдѣльныя детали котораго перерисовываются и отдѣлываются съ такой тщательностью и любовью нашими изслѣдователями, до сихъ поръ остается, къ удивленію, незаполненнымъ огромное бѣлое пятно. Человѣкъ, считавшій профессуру главнымъ своимъ призваніемъ, на ней сосредоточившій весь жаръ своей души, въ ней принужденный находить главное, если не единственное средство быть полезнымъ русскому обществу,—этотъ человѣкъ донынѣ менѣе всего оказывается извѣстенъ намъ, какъ университетскій профессоръ. Мы знаемъ Грановскаго хорошо и непосредственно, какъ писателя, какъ члена извѣстнаго общественнаго кружка, какъ товарища, даже какъ семьянина; но о его профессорской дѣятельности мы до сихъ поръ принуждены судить по отзывамъ его друзей и слушателей, по его собственнымъ отзывамъ,— по чему угодно, только не по прямымъ продуктамъ этой самой дѣятельности.

Конечно, эти продукты въ полной ихъ жизненности теперь уже востановлены быть не могутъ. Мы дожны примириться съ тѣмъ, что «тайна живой, увлекательной рѣчи» Грановскаго навсегда отошла въ прошлое, вмѣстѣ съ поколѣніемъ людей, слѣдившихъ за выраженіемъ его лица, то одушевленнымъ, то грустнымъ, слышавшихъ тихій, проникавшій въ дущу голосъ профессора. Вмѣстѣ съ этой тайной исчезло безвозвратно и то очарованіе, которое испытали очевидцы университетскихъ чтеній Грановскаго,—и которое они безсильны передать намъ. Понятно, при этихъ условіяхъ, ихъ колебаніе—ввѣрить чуточку новому поколѣнію мертвый остовъ рѣчи, трепетавшей когда-то жизнью и все еще живой въ ихъ воспоми-

наніи. Но для насъ уже не существуетъ болѣе этихъ мотивовъ. Намъ легче констатировать тотъ несомнѣнный фактъ, что и для Грановскаго, наконецъ, наступила исторія. Мы можемъ сдѣлать это тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ болѣе мы увѣрены, что никакая исторія не можетъ лишить Грановскаго того полезнаго положснія, которое онъ занялъ въ общемъ ходѣ развитія русскаго общества и русской науки — именно тѣмъ, что работалъ для науки и общества *своего* временн. Для историка, болѣе чѣмъ для кого либо другого, должны служить аксіомой слова поэта:

...Wer fur seine Zeit gelebt,
Der hat gelebt fur alle Zeiten.

Съ этой точки зрѣнія мы должны взглянуть и на университетскую дѣятельность Грановскаго. Мѣрить ее научными требованіями нашего времени—значило бы отказывать ей въ той исторической оцѣнкѣ, которая одна только и можетъ опредѣлить ея истинное значеніе. Для *нашего* времени университетскія лекціи Грановскаго уже не годятся,—и вотъ причина,—помимо неточности студенческихъ записей—почему онѣ остаются и, вѣроятно, надолго останутся ненапечатанными въ полномъ своемъ видѣ. Но изъ того, что эти лекціи не имѣютъ значенія въ настоящемъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы мы имѣли право отказываться отъ оцѣнки ихъ значенія въ прошломъ. Каковы бы ни были сами по себѣ недостатки лекцій Грановскаго, мы можемъ быть заранѣе увѣрены, что изученіе ихъ освѣтитъ намъ три оченъ интересныхъ вопроса.

Во первыхъ, преподаваніе Грановскаго составляетъ страницу, и одну изъ самыхъ важныхъ, въ исторіи нашего университетскаго преподаванія вообще. Начавшееся въ блестящіе годы обновленія Московскаго университета и кончившееся въ годы самыхъ тяжолыхъ испытаній для русской университетской науки, это преподаваніе отдѣлено цѣлой бездной отъ предшествовавшихъ ему университетскихъ чтеній и, наоборотъ, неразрывно связано съ преподаваніемъ послѣдующихъ профессоровъ. Такое положеніе преподавательской дѣятельности Грановскаго объясняетъ намъ и то значеніе, которое она имѣетъ для развитія русской исторической науки.

Какой кругъ научныхъ взглядовъ и интересовъ вынесли изъ аудиторіи Грановскаго его ученики, ставшіе скоро его товарищами или преемниками по преподаванію,— вотъ другой вопросъ, который нельзя выяснить безъ знакомства съ содержаніемъ университетскихъ лекцій Грановскаго. Наконецъ, третій вопросъ, уясняемый ими, касается литературно-научной дѣятельности самого Грановскаго. Здѣсь, въ этихъ лекціяхъ, мы найдемъ зародыши нѣсколькихъ его печатныхъ работъ, и сравнивая послѣднія съ лекціями, мы увидимъ, какъ внимательно слѣдитъ Грановскій за новыми явленіями въ сферѣ своей науки, какъ настойчиво добивался онъ истины, не успокоиваясь на разъ принятомъ воззрѣніи; мы поймемъ также, чѣмъ объясняется его выборъ сюжетовъ для печатныхъ работъ и какъ мало случайнаго въ этомъ выборѣ; даже, мнѣ кажется, мы поймемъ не только причины того, что Грановскій сдѣлалъ, — но и объясненіе того, почему Грановскій не успѣлъ сдѣлать остального. Если угодно, — все это не ново; обо всемъ этомъ съ замѣчательной проницательностью и тактомъ говорилъ уже другъ

и ученикъ Грановскаго, Кудрявцевъ. Но только, проникнувъ сами въ ученую лабораторію Грановскаго при помощи его лекцій, мы можемъ оцѣнить по достоинству правдивыя, чуждыя всякаго пристрастія объясненія Кудрявцева.

Въ печати изъ университетскихъ лекцій Грановскаго появились только небольшіе отрывки, не могущіе дать понятія о цѣломъ *). Въ рукахъ пр. Виноградова былъ собственноручный конспектъ цѣлаго курса, относимый имъ къ 1839 году (т. е. къ самому началу чтеній Грановскаго въ университетѣ), и студенческая запись курса 1843—1844 г.; но пр. Виноградовъ не ставилъ своей задачей—воспользоваться этими рукописными остатками для характеристики университетскаго курса Грановскаго. Мнѣ лично матеріалъ этотъ остается неизвѣстнымъ, и практическая **) цѣль настоящей статьи не позволяетъ мнѣ дожидаться времени, когда обстоятельства дадутъ мнѣ возможность съ нимъ познакомиться. Единственнымъ моимъ матеріаломъ, на который я хочу обратить вниманіе читателя, служитъ неизвѣстный до сихъ поръ въ печати курсъ 1845—1846 года въ студенческой записи того времени. Курсъ этотъ принадлежитъ вѣрному слушателю Грановскаго, бывшему товарищу предсѣдателя рязанскаго окружнаго суда, М. М. Латышеву, который любезно отдалъ его въ мое распоряжеиіе ***). Текстъ, сохранившійся у М. М. Латышева, (52 лекцій) не чуждъ обычныхъ студенческихъ недоразумѣній; но, вообще говоря, онъ составленъ чрезвычайно тщательно на основаніи записей нѣсколькихъ студентовъ. Тщательность, съ которой составлялся сводный текстъ, видна уже изъ того, что всѣ сомнительныя мѣста отмѣчены въ немъ знаками вопроса; часто сохранены пераллельные варіанты записей, иногда даже совершенно незначительные. При такомъ характерѣ текста во многихъ мѣстахъ удалось сохранить не только содержаніе лекціи Грановскаго, но и ея харатерную форму. Эта форма, которую, конечно, нельзя было бы поддѣлать, сама по себѣ является ручательствомъ за точность записи; другое доказательство этой точности можно было бы найти сопоставляя текстъ лекцій съ параллельными мѣстами печатныхъ статей Грановскаго. Большею частью, печатный текстъ оказывается въ такихъ случаяхъ болѣе сжатымъ, чѣмъ текстъ лекцій; въ отдѣльныхъ случаяхъ сходство почти доходитъ до тожества.

Предметомъ курса служитъ средневѣковая исторія,—наиболѣе обычная и любимая тема университетскихъ лекцій Грановскаго. Къ этому курсу онъ готовился уже во время заграничной камандировки; съ него онъ началъ свое преподаваніе въ 1839 году. Изъ переписки видно, что несмотря на самую напряженную работу, Грановскій былъ недоволенъ своимъ первымъ курсомъ и считалъ, что онъ еще

---

*) Въ журналѣ „Время" за 1862 г. напечатано Бабстомъ введеніе въ курсъ средневѣковой исторіи и характеристики нѣсколькихъ римскихъ императоровъ: затѣмъ проф. Виноградовъ издалъ въ „Сборникѣ въ пользу недостаточныхъ студентовъ университета св. Владиміра" (СПБ. 1895) введеніе къ курсу по собственноручному конспекту 1839 года, съ дополненіями изъ студенческой записи 1843—44 гг.

**) Статья была написана П. Н. Милюковымъ въ короткій срокъ спеціально для настоящаго сборника, печатаніемъ котораго необходимо было спѣшить. *Ред.*

***) Ва настоящее время этотъ курсъ Грановскаго переданъ мною, съ согласія уважаемаго М. М. Латышова, въ собственность историческаго музея, въ библіотекѣ котораго хранятся и другія рукописныя записки курсовъ Грановскаго.

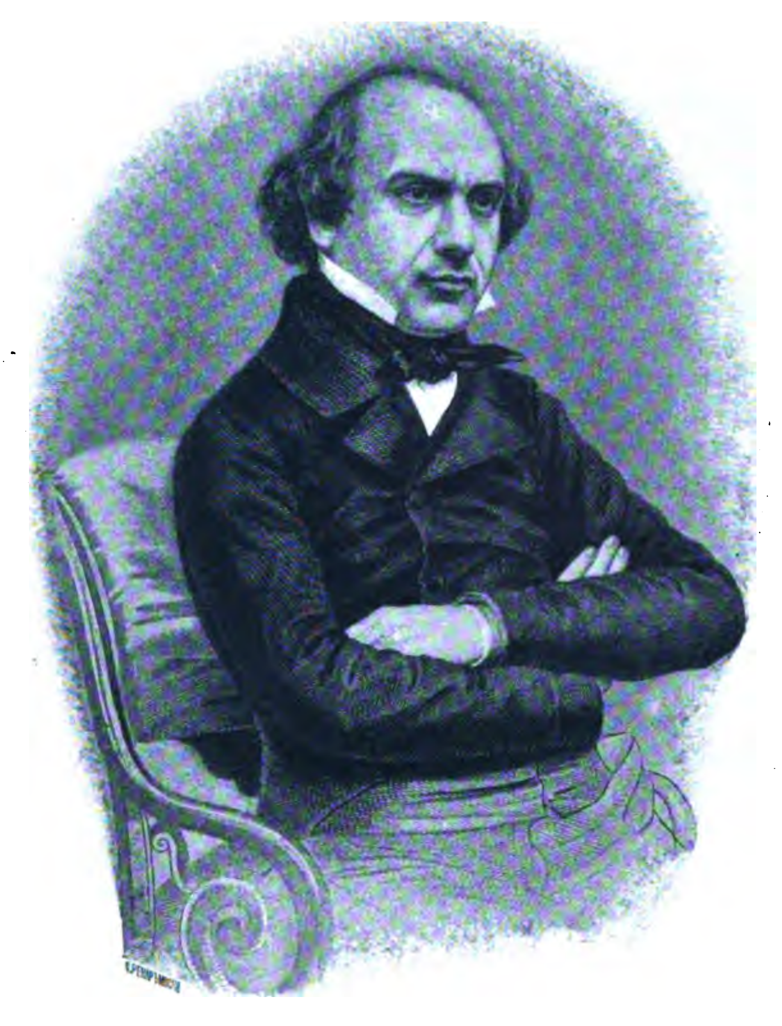
недостаточно владѣетъ предметомъ *). Сравненіе конспекта 1839 г. съ нашимъ курсомъ 1845-46 г. могло бы показать, насколько онъ успѣлъ усовершенствовать свой курсъ. Не имѣя возможности сдѣлать это сравненіе, мы замѣтимъ только, что во время самыхъ чтеній 1845-46 г. Грановскій едва ли могъ посвятить много времени переработкѣ своего средневѣковаго курса, такъ какъ въ одномъ университетѣ онъ занятъ былъ въ это время 10 часовъ въ недѣлю, да сверхъ того читалъ второй изъ своихъ публичныхъ курсовъ, который собирался напечатать и которому, вѣроятно, посвящалъ большую часть своего рабочаго времени *). Несмотря на это, годъ нашей записи, 1845-46, можетъ считаться очень благопріятнымъ моментомъ для характеристики университетскаго курса Грановскаго. Съ одной стороны, Грановскій успѣлъ къ этому времени достаточно углубиться въ историческій матеріалъ: это видно уже изъ того. что съ этого времени онъ начинаетъ по частямъ обработывать содержаніе своего курса для цѣлаго ряда журнальныхъ статей и рецензій. Съ другой стороны, имъ еще не овладѣло тяжлеое настроеніе послѣднихъ лѣтъ его жизни, то острое недовольство собой и жизнью, которое такъ сквозитъ въ перепискѣ,—та «апатія и усталость», которую слушатели послѣднихъ выпусковъ подмѣчали на лицѣ профессора... ***)

П. Милюковъ.

*) Переписка, стр. 365: „я читаю среднюю исторію, два курса: одинъ для юристовъ, другой для филологовъ; всего шесть часовъ вь недѣлю. Работы ужасно много, болѣе, нежели я думалъ. Круглымъ числомъ я занимаюсь по 10 часовъ вь сутки, иногда приходится и болѣе. Польза отъ этого постояннаго, упрямаго труда (какою я до сихъ поръ не зналъ), очень велика; я учусь съ каждымъ днемъ. Только теперь начинаю понимать исторію въ связи. Студенты мною довольны, а я ими еще болѣе... Я очень знаю, что еще не стою этого вниманія, вижу ясно всѣ недостатки,—и чувствую рѣшительную невозможность—читать въ *этомъ году* иначе. Здѣсь рѣчь идетъ не о способѣ изложенія, а о расположеніи частей предмета. Между ними нѣтъ соразмѣрности—многое прочтешь слишкомъ подробно, другое кратко—самъ не знаешь, какъ быть.—Ср. тамъ же, стр. 381: „Я самъ недоволенъ моими лекціями, и ни за что не согласился бы прочесть еще разъ то, что читалъ, но не могу не замѣтить, успѣха... Еще года два—и я буду хозяиномъ предмета; теперь онъ владѣетъ мною, не я имъ".

**) Переписка, стр. 419—420, письмо отъ 17 окб. 1845 г.: „я работаю много теперь. У меня въ университетѣ 10 лекцій въ недѣлю, Сверхъ того я собираюсь читать публичный курсъ". Тамъ же. 421—422, письмо отъ февраля 1846 г.; „я никогда не былъ такъ занятъ, какъ нынѣшнею зимою.., Публичныя мои лекціи идутъ хорошо... Лѣтомъ... займусь приготовленіемъ къ печати моихъ лекцій. Хочется издать „Курсъ сравнительной исторіи Франціи и Англіи до XVII вѣка".

***) Въ первомъ изданіи напечатаны были извлеченія изъ всего курса съ комментаріями П. Н. Милюкова. Тутъ мы приводимъ извлеченія, захватывающія конецъ Римской Имперіи и начала среднихъ вѣковъ.—Эта часть особенно интересна въ томъ отношеніи, что въ ней наглядно проявляется воодушевлявшая Грановскаго вѣра въ человѣчество, которая особенно ярко проявляется въ изображеніи эпохъ глубокаго паденія или варварства политическаго и нравственнаго. Здѣсь Грановскаго никогда не оставляетъ мысль, что въ самыхъ дикихъ ордахъ въ исторіи можно услышать біеніе человѣческаго сердца и что изъ пепла и разложенія всегда возраждается новая жизнь. Эта черта придаетъ особенный интересъ перепечатываемымъ здѣсь отрывкамъ, касающимся Имперіи и составляющимъ какъ бы особое цѣлое. Рядъ ихъ начинается съ блестящей характеристики Юлія Цезаря, центральный образъ котораго представляетъ собою связующее звено между античнымъ и европейскимъ міромъ. *Ред.*



Грановскій.

Выдержки изъ лекцій Грановскаго о паденіи Римской Имперіи.

Юлій Цезарь положилъ конецъ существованію Римской республики въ прежней ея формѣ. Имъ оканчивается зрѣлый возрастъ древняго міра; онъ стоитъ какъ бы на порогѣ между двумя періодами жизненнаго развитія древности—безспорно, самой величавой, самой дивной изъ всѣхъ личностей, которыя выступали когда нибудь на сцену древней жизни. Нужно было это удивительное соединеніе всѣхъ пороковъ, всѣхъ старыхъ силъ, развившихся въ развращенной республикѣ римской, съ добродѣтелями новыми, чуждыми ей, — которыя сошлись въ Цезарѣ для того, чтобъ произвести такой рѣшительный переворотъ. Въ молодости своей Цезарь былъ однимъ изъ начальниковъ буйной аристократической молодежи, которая волновала Римъ оргіями и разными заговорами. Аристократъ по происхожденію, съ гордостью вычислявшій въ надгроб-

номъ словѣ своей бабкѣ своихъ громкихъ предковъ, производившій родъ свой отъ боговъ и царей, Юлій Цезарь былъ величайшимъ демократомъ древняго міра—онъ убилъ окончательно римскую аристократію въ самыхъ преданіяхъ ея, онъ унизилъ сенатъ до гладіаторскихъ упражненій, вывелъ всадниковъ на сцену въ презрительномъ для тогдашнихъ римлянъ званіи актеровъ, смѣялся надъ самыми святыми и великими преданіями римской исторіи, ввелъ въ сенатъ толпы иностранцевъ, людей, выключенныхъ изъ списка римскихъ гражданъ, но служившихъ ему вѣрно въ его враждѣ съ сенаторами. Однимъ словомъ, ни одно изъ величайшихъ преданій римской жизни не остановило его насмѣшекъ и фактическихъ насилій. — Съ другой стороны, Юлій Цезарь облегчилъ бѣдственное положеніе провинцій, страдавшихъ подъ невыносимымъ ярмомъ римскихъ намѣстниковъ. Съ этого времени Римъ перестaлъ быть главнымъ городомъ, провинціи перестали быть только средствами. Онъ, такъ сказать, разбилъ грань римской національности, вышедши самъ изъ нея. Объ его характерѣ Светоній разсказываетъ такія черты, которыя приводятъ въ изумленіе даже Светонія, хотя принадлежащаго къ позднѣйшему періоду римской имперіи. Этотъ историкъ съ величайшимъ удивленіемъ разсказываетъ, что Цезарю недоставало духа предавать пыткѣ рабовъ своихъ—вещь самая обыкновенная для римскихъ аристократовъ,—что ему недоставало твердости отмстить шпіонамъ, которые предали его во время гоненія Суллы. Эта мягкость была совсѣмъ не въ римскихъ нравахъ. Цезарь не даромъ жилъ почти въ одно время съ началомъ христіанства. Сѣмена его, зародышъ—лежитъ во времени Цезаря. Уже языческій элементъ побѣжденъ этимъ новымъ человѣкомъ, хотя этотъ новый человѣкъ еще носитъ много грязнаго, завѣщаннаго прежней жизнью римской республики. Въ смыслѣ древности (убійцы Цезаря) дѣйствовали законно. И пороки и добродѣтели Цезаря были равно гибельны для порядка вещей, который они защищали... Весьма любопытно то обстоятельство, что у трупа Цезаря собрались съ плачемъ всѣ иностранцы, жившіе въ Римѣ. Евреи проводили цѣлыя ночи у праха его, дорожа имъ, какъ святынею. Это былъ первый изъ римскихъ гражданъ, который понялъ и отдалъ справедливость человѣческому достоинству другихъ національностей... Убійцы Цезаря тоже пали, защищая дѣло, осужденное на погибель, какъ благородныя жертвы убѣжденія, къ осуществленію котораго у нихъ не достало силъ».

Въ слѣдующей затѣмъ характеристикѣ *Августа* подчеркнуто его стремленіе *возстановить* римское національное начало.

«Никакое время не наслаждалось такимъ благосостояніемъ, какъ первыя два столѣтія римской имперіи. Участь провинцій облегчилась; очень умно поставленная административная система связала части государства; недоставало одного внутренняго единства, религіознаго и національнаго. Августъ, стоявшій безконечно выше своихъ преемниковъ, воспитанный въ переворотахъ политическихъ, которые такъ быстро развиваютъ историческое разумѣніе,—понялъ тотчасъ страшный недостатокъ римскаго міра, отсутствіе связующаго, жизненнаго начала. И потому Августъ старался замѣнить такое начало возстановленіемъ той строгой нравственности, которою отличался древній Римъ. Онъ старался передать чистыя формы древней семейной римской жизни всѣмъ гражданамъ Рима.

Сюда принадлежатъ его законы противъ роскоши... и многія другія узаконенія. Но всѣ эти попытки остались безплодными. Римское семейство, какъ оно существовало во время республики, не могло возродиться въ эти времена,—ибо это древнее семейство римскаго міра, существенно отличное отъ семейства христіанскаго, было условлено всѣмъ политическимъ бытомъ Рима, опредѣлено юридически, въ безжалостныхъ отношеніяхъ между отцомъ и дѣтьми. Такое опредѣленіе было невозможно во времена Августа—жестокіе законы остались, но духъ исчезъ».

По поводу *Тиберія* Грановскій спрашиваетъ: 3. «На чемъ основывалось могущество этого дряхлаго старика, отвратительной личности, никѣмъ нелюбимаго, даже не жившаго въ Римѣ, а изъ своего пустыннаго острова управлявшаго судьбами величайшаго государства цѣлаго міра?» И онъ отвѣчаетъ:

«На страхѣ. Въ римскомъ мірѣ не осталось ни одного живого начала, которое могло бы связать разрозненныя цѣли. Разъединенный религіею, безъ національнаго единства, народъ былъ связываемъ только общимъ чувствомъ страха. Римляне столько же боялись императора, сколько императоръ—ихъ самихъ. Недовѣрчивость была взаимная».

Характеристика деспота сотвѣтствуетъ изображенію тогдашняго римскаго (столичнаго) народа.

«Калигула палъ подъ ударами двухъ центуріоновъ гвардейскихъ, побуждаемыхъ и личною ненавистью къ императору, и республиканскими воспоминаніями. Это былъ важный, торжественный моментъ въ жизни тогдашняго Рима. Сенатъ собрался немедленно, въ надеждѣ возстановить республику. Народъ волновался, отчасти сожалѣя о Калигулѣ. На эту развратную массу, plebs sordida (какъ называетъ ее Тацитъ), не падали удары деспотизма; она смотрѣла равнодушно на гибель благородныхъ людей, священныхъ преданій. Игры въ циркѣ и ежемѣсячныя раздачи хлѣба народу продолжались по прежнему. Калигула былъ щедрѣе своихъ предшественниковъ и потому его любили низшіе классы народные... Сенатъ не успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ, уже несогласныхъ съ духомъ времени. Кромѣ самихъ сенаторовъ никто не звалъ назадъ республики».

Въ другомъ мѣстѣ Грановскій говоритъ о народѣ.

«Замѣчательна одна черта — глубокая любовь, которая осталась въ массахъ римскихъ къ Нерону. Впродолженіе 30 лѣтъ являлись безпрерывно самозванцы, принимавшіе имя Нерона, и однимъ этимъ именемъ двигавшіе цѣлыми народонаселеніями. И въ этомъ видно распаденіе древняго міра. Такія чудовища, какъ Неронъ, были любимы народомъ — ибо ихъ удары падали преимущественно на образованные, болѣе нравственные и болѣе благородные классы народные, нежели эта sordiba plebs, въ которой соединилось все, что было презрѣннѣйшаго и позорнѣйшаго въ тогдашнемъ мірѣ».

Но среди общаго паденія историкъ отмѣчаетъ задатки лучшаго будущаго:

«Жизнь этихъ женщинъ (Мессалины и Агриппины) озаряетъ страшнымъ свѣтомъ внутренность домовъ римскихъ, семейную жизнь римской аристократіи. Въ цѣлой исторіи римской семьи не найдемъ примѣра такого чудовищнаго разврата,—а между тѣмъ, несмотря на это разрушеніе древней жизни, видимъ медленную рабо-

ту и развитіе новыхъ началъ, хотя безсознательно, но могущественно проникающихъ въ новое общество. Независимо отъ христіанства являются они въ жизни— въ отмѣненіи жестокихъ поступковъ римскихъ господъ съ рабами, въ которыхъ доселѣ законъ нé признавалъ человѣческой личности. Клавдій, этотъ полоумный, пьяный правитель, издалъ первыя смѣлыя постановленія, которыми ограничивалась власть римскихъ господъ надъ рабами. Этими постановленіями у нихъ отнималось право по произволу наказывать рабовъ смертію. Господинъ, бросившій больного раба безъ призрѣнія, терялъ право на владѣніе этимъ рабомъ. Это было нововведеніе неслыханное. Если сличимъ эти постановленія съ прежними, то они покажутъ намъ, какой огромный путь совершило человѣчество отъ блестящихъ временъ римской республики до этого времени видимаго упадка, но существеннаго перехода къ новымъ требованіямъ. Въ этой нечистой и развратной средѣ выработывались тѣ великія начала, въ которыхъ находится основаніе нравственнаго убѣжденія новаго времени,—провозглашены были тѣ великія истины, которыя разъ навсегда сдѣлались неизмѣннымъ достояніемъ человѣчества. Онѣ разумѣется были высказаны неясно, облечены въ тогдашнюю историческую форму; имъ надобенъ былъ длинный рядъ вѣковъ, чтобы быть разработанными и дойти до яснаго сознанія».

Зародыши лучшаго обусловливались вліяніемъ стоической философіи.

«При этомъ случаѣ, надобно замѣтить начало новой, могущественной оппозиціи, развившейся изъ римской жизни противъ своеволія императорскаго. Мы видѣли, какъ всѣ элементы этой жизни, отдѣльно взятые, были безсильны и какъ разрознены въ интересахъ. Никакое нравственное начало не могло соединить народа къ одной общей цѣли. При (двухъ послѣднихъ?) императорахъ мы замѣтили въ сенатѣ, въ войскахъ, — однимъ словомъ, въ рядахъ лучшихъ и могущественнѣйшихъ людей въ государствѣ,—сильныя и смѣлыя обнаруженія негодованія. *Это была уже не патріотическая попытка* возстановить формы навсегда погибшія. Эта оппозиція вышла изъ *совершенно другого начала*, изъ стоической философіи, которая именно при Клавдіи и Неронѣ начала распространяться въ Римѣ. Эта философія, такъ высоко поставившая личное достоинство человѣка и въ то-же время учившая такому презрѣнію къ жизни и смерти, направлявшая человѣка къ практической дѣятельности, была очевидно враждебной новому порядку вещей. Въ числѣ жертвъ Нерона находились преимущественно приверженцы стоической философіи, которая наконецъ одержала побѣду и взошла на престолъ въ лицѣ Антониновъ и Марка Аврелія.

«Въ третьемъ столѣтіи мы видимъ, говоритъ Грановскій, на престолѣ римскомъ нѣсколькихъ отличнѣйшихъ государей, въ которыхъ проснулся римскій духъ во всей своей энергіи и гордости, хотя они были отчасти иноземцы, усвоенные Римомъ. Римъ опирался на 32 легіона—такое войско, которому равнаго не могъ противопоставить ни одинъ народъ. Матеріальное благосостояніе Рима, хотя поколебленное, было еще велико. Отличные ученые являлись во всѣхъ отрасляхъ знанія. Въ сенатѣ засѣдали люди съ патріотическимъ чувствомъ, съ любовію къ добру. И между тѣмъ, несмотря на всѣ усилія императоровъ, отдѣльныхъ лицъ изъ сената, и реформы, которыя всѣ стремились къ одной цѣли,—эта цѣль осталась недостигнутою. Въ исторіи человѣчества есть такія несчастныя эпохи,

въ которыя реформы не могутъ быть дѣломъ такъ называемаго правильнаго развитія, въ которыя между требованіями новаго времени и между требованіями и притязаніями уцѣлѣвшихъ историческихъ остатковъ—существуетъ противорѣчіе, которое можетъ быть уничтожено только насиліемъ. Такое насиліе совершено было въ древнемъ мірѣ черезъ Германцевъ, въ XVIII в. черезъ французскую революцію».

Къ опасности грозившей отъ германцевъ присоединилась и внутренняя смута:

«Усилія Максиміана, начавшаго царствовать съ 287 года, направлены были преимущественно противъ галльскихъ багаудовъ; у лѣтописцевъ подъ этимъ именемъ являются шайки крестьянъ и рабовъ, изъ которыхъ въ Галліи составилось многочисленное войско, грабившее безнаказанно города и провинціи. Это былъ новый врагъ, явный, не извнѣ, а въ самомъ сердцѣ общества,—плодъ, котораго сѣмя давно лежало въ землѣ. Багауды были тѣ низшіе классы общества, которымъ римскіе законы отказывали даже въ человѣческой личности и достоинствѣ, которыхъ коснулись новыя идеи, наполнявшія атмосферу и высказанныя высочайшими умами тогдашняго времени, александрійскими философами и христіанскими проповѣдниками, и въ грубой матеріальной формѣ своей падшія въ народныя массы: это была идея эманципаціи общества».

Дойдя до послѣдней четверти IV вѣка, т.-е. до начала переселенія народовъ, Грановскій останавливаетъ свой историческій разсказъ для того, чтобы подвести общіе итоги.

«Обыкновенно,—замѣчаетъ онъ,—время имперіи называется въ историческихъ сочиненіяхъ временемъ упадка. Конечно, относительно древняго міра это время считается временемъ старости, дряхлости, упадка; но, разсматривая его въ связи съ цѣлымъ историческимъ развитіемъ, оно является временемъ перехода и вырабатыванія новыхъ формъ. Въ это испорченное, несчастное время развились три начала, которымъ суждено было преобладать въ жизненномъ развитіи будущихъ временъ: 1) Административная монархія,—новое начало монархическое, развившееся въ римской имперіи. 2) Въ это время также древняя цивилизація, греческая и римская, составила одно цѣлое и получила возможность перейти къ намъ въ великихъ памятникахъ древней жизни. 3) Наконецъ, подъ сѣнью Римской имперіи развилось христіанство».

Затѣмъ Грановскій приступаетъ къ характеристикѣ трехъ намѣченныхъ сторонъ внутренняго быта имперіи. Приводимъ выводъ, который извлекаетъ Грановскій изъ этой части своего изложенія:

«Соображая все сказанное, увидимъ ясно, почему Римская имперія въ V столѣтіи такъ легко уступала натиску варваровъ. Въ ней не было ни одного элемента, который могъ бы быть поставленъ въ сопротивленіе имъ. Аристократія, которой члены засѣдали въ римскомъ и константинопольскомъ сенатѣ, была немногочисленна...; она не могла играть никакой роли въ этомъ періодѣ переворотовъ. Чернь, которая могла быть вызвана въ дѣйствіе или вслѣдствіе сильнаго патріотизма, или вслѣдствіе религіознаго одушевленія, была лишена патріотизма и религіи. Какой патріотизмъ могъ оживить этотъ сборъ народовъ, механически связанныхъ, но чуждыхъ одинъ другому по нравамъ и самому языку. Въ такихъ обстоятельствахъ одинъ только средній классъ, совершенно усвоившій

римскую цивилизацію, могъ выступить на поприще и спасти имперію; но его не было. Онъ былъ уничтоженъ, опозоренъ римскою системой податей и налоговъ. Вотъ въ какомъ стостояніи находилась Римская имперія въ то время, когда началось великое движеніе, именуемое переселеніемъ народовъ».

Въ трехъ слѣдующихъ лекціяхъ Грановскій переходитъ къ характеристикѣ языческой и христіанской литературы IV и V вѣковъ. Цѣль его въ этомъ отдѣлѣ—показать, «какія идеи и формы достались изъ древней цивилизаціи IV-му и V-му столѣтіямъ,—идеи, которымъ суждено было быть проводниками древней цивилизаціи въ средніе вѣка». Указавъ на различіе между латинскимъ образованіемъ запада и греческимъ образованіемъ востока имперіи, Грановскій начинаетъ затѣмъ свое изображеніе со слѣдующей общей характеристики:

«Еще при Августѣ все образованіе Римской имперіи приняло тотъ характеръ, который носитъ образованіе временъ птоломеевыхъ. Въ наукѣ видимъ трудолюбивыхъ дѣятелей, изслѣдователей, собирателей; творчество исчезло безвозвратно; исчезло также безкорыстное занятіе наукою, свободное домогательство истины. Конечно, и въ провинціяхъ римскихъ видимъ людей богатаго сословія, занимающихся наукою; но эти люди ушли, такъ сказать, въ науку отъ жизни, искали въ ней развлеченія, а не отвѣтовъ на высшіе запросы человѣческой жизни. Единственною сферой, гдѣ духъ сохранялъ еще свою свободу, была, разумѣется, философія, которой главные представители въ древней исторіи были стоики. Мы уже говорили, въ какомъ отношеніи былъ стоицизмъ къ правительству и къ народу римскому, какъ изъ философской школы развилась политическая оппозиція, отпраздновавшая блистательную побѣду при Маркѣ-Авреліи, воспитанникѣ этой философіи. Но это торжество стоической философіи было непродолжительно. Такимъ образомъ, философія осталась удѣломъ немногихъ избранныхъ и лучшихъ людей. Непосредственно послѣ Марка-Аврелія вступаютъ на престолъ лица совершенно другого образа мыслей, и вліяніе, которое имѣла философія на политическія дѣла въ первыя три четверти 2-го столѣтія, прекращается».

Но философія продолжаетъ развиваться и вліятъ на римское общество. Приводимъ въ высшей степени характерный для Грановскаго отрывокъ заключающій въ себѣ изображеніе неоплатонизма:

«Въ этомъ ничтожествѣ угасающей литературы, въ этомъ старческомъ бредѣ вялаго общества была одна сторона, могущественная, сильная, въ которой сосредоточивалось все, что было глубоко понимающаго и сильнаго духомъ. Это была неоплатоническая александрійская философія... Неоплатоническую школу упрекаютъ въ отсутствіи самостоятельности, въ безсознательномъ смѣшеніи разнородныхъ элементовъ. Но неоплатоники приняли великую мысль органическаго развитія философіи; они поняли преемственность системъ философскихъ (изъ которыхъ каждая не выполняетъ совершенно цѣли философіи); поняли каждую систему, какъ одинъ моментъ въ исторіи философіи, не давая, впрочемъ, ни одной изъ нихъ конечнаго значенія. Они положили въ основаніе своихъ изслѣдованій творенія Платона, привлекаемые къ нему богатствомъ его философскаго воззрѣнія; но они связали его ученіе съ ученіемъ Пиѳагора и Аристотеля. Они не остановились и на этомъ; они вышли изъ сферы философіи въ сферу исто-

ріи и религіи и здѣсь держались той же путеводной нити; вездѣ слѣдовали они органическому развитію. Они приняли, что въ исторіи человѣчества все истекаетъ одно изъ другого. Съ этой высокой точки зрѣнія старались они объединить древнія религіи, показать, что въ каждой языческой религіи дано было откровеніе, что всѣ религіи древняго міра суть не что иное, какъ рядъ откровеній. И здѣсь, несмотря на всю глубину этого пониманія, они впали въ великое заблужденіе; глубокіе истолкователи предшествующихъ формъ, они съ ненавистью говорили о христіанствѣ. Только отдѣльныя личности, вышедшія изъ этой школы, оцѣнили по достоинству христіанство. Но между тѣмъ ни одна философія не имѣла такого сильнаго вліянія на ученую форму христіанской догматики, какъ неоплатонизмъ. Противъ неоплатониковъ раздаются преимущественно два обвиненія. Одно, болѣе въ видѣ похвалы, принадлежитъ Cousin'у, который называетъ ихъ эклектиками и по образу ихъ хотѣлъ создать философскую систему во Франціи. По его мнѣнію, они выбирали, склепывали свое ученіе изъ предшествующихъ системъ. Но въ этомъ обвиненіи нѣтъ ничего оскорбительнаго. Надобно понять, что есть лучшаго въ предшествующихъ философскихъ системахъ и какъ сшить разорванныя части. Каждая система невольно принимаетъ всѣ лучшіе элементы системъ предыдущихъ, отвергая (ихъ заблужденія). Другое обвиненіе, въ мірѣ практическомъ, принадлежитъ Шлоссеру: оно состоитъ въ томъ, что неоплатоники просто мечтатели, оторвались совершенно отъ современной жизни и что въ ихъ философіи видимъ боязливое удаленіе отъ дѣйствительности, что они изъ сферы философіи перешли въ сферу мистицизма, проповѣдуя ученіе, странно поражающее воображеніе. Противъ этого обвиненія готовъ отвѣтъ. Я сказалъ, что платоническіе философы были самые глубокіе умы того времени. Гдѣ же были великіе интересы, которые могли бы ихъ вызвать къ дѣятельности? Они были загнаны въ науку и умозрѣніе пустотою современнаго вѣка. Съ негодованіемъ, съ отвращеніемъ отвернулись они отъ дѣйствительности, ничѣмъ не привлекавшей ихъ сочувствія. Отсюда происходятъ всѣ ихъ недостатки. Отвлекаясь отъ жалкой, нелѣпой дѣйствительности языческаго міра, они проповѣдывали такое презрѣніе къ ней и ко всему міру, что впали во всѣ крайности мистицизма. Они приписали духу человѣческому такую безконечную силу, были такъ сильно убѣждены въ глубокомъ владычествѣ духа надъ матеріей, что вѣрили въ возможность подчинить явленія природы духу человѣческому. Отсюда ихъ суевѣрія, вѣра въ магію, волшебство, демонологія и т. д. Очевидно, это не что иное, какъ искаженіе благороднаго, истиннаго начала вѣры въ силу духа».

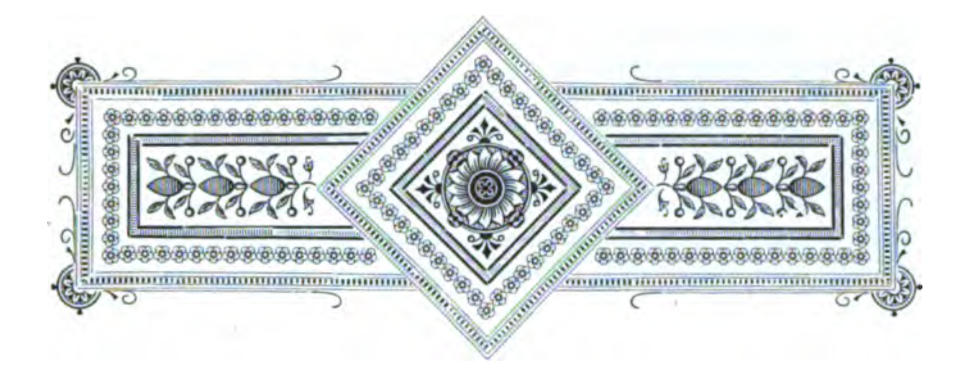
Но не неоплатонизму принадлежитъ будущее, а христіанству, торжеству котораго содѣйствуетъ Константинъ. Приводимъ отзывъ Грановскаго о Константинѣ:

«Мы не должны думать, чтобъ одно только религіозное вѣрованіе и убѣжденіе сердца привели Константина къ такому смѣлому поступку. При совершенномъ отсутствіи общихъ интересовъ, напротивъ даже при враждебныхъ направленіяхъ, подъ которыми развивалась древняя жизнь, при разрозненности римскаго міра,—одна только христіанская партія составляла единое цѣлое, связанное внутреннимъ единствомъ убѣжденія и внѣшнею формой іерархіи, уже образовавшейся въ христіанской церкви. Это была единственная дружная и могущественная политическая партія, не говоря о высшемъ ея значеніи. Этимъ объ-

ясняется отчасти переходъ Константина къ христіанству и легкая побѣда его надъ всѣми противниками... Съ практическимъ стремленіемъ государственнаго мужа Константинъ соединялъ глубокое пониманіе современнаго вопроса».

Сопоставимъ съ этимъ отзывомъ сужденіе объ Юліанѣ, который напрасно пытается возстановить старое язычество:

«Двухлѣтнее царствованіе Юліана имѣетъ всемірно-историческое значеніе, какъ реакція язычества противъ христіанства, какъ попытка возстановить старое время во всей его первобытной красотѣ, — попытка тѣмъ болѣе замѣчательная, что во главѣ ея стоялъ человѣкъ, какъ Юліанъ,—личность высокая, чистая и благородная, не понявшая христіанскаго ученія, ибо оно дошло до него въ искаженномъ видѣ чрезъ жестокихъ, фанатическихъ наставниковъ. Юліанъ былъ глубоко оскорбленъ зрѣлищемъ придворныхъ интригъ, въ которыхъ участвовали епископы, высшіе сановники христіанской церкви; онъ былъ оскорбленъ формализмомъ, чуждымъ собственно современнымъ христіанскимъ понятіямъ, но внесеннымъ нѣкоторыми лицами того времени. Между тѣмъ его привлекала греческая наука, греческое искусство и гражданская жизнь Рима. Эту-то жизнь и науку онъ хотѣлъ возстановить. Юліанъ понялъ, какая тѣсная связь существуетъ между этою наукой и жизнью—и прошедшими религіями языческаго міра,—и хотѣлъ вызвать религію обратно въ жизнь. Но возстановить ихъ въ первобытномъ ихъ состояніи было невозможно; самые ученые язычники были уже иначе настроены. Стремленіе къ таинствамъ, къ мистеріямъ, которымъ отличается четвертый вѣкъ, должно было быть удовлетворено, и Юліанъ съ своими друзьями, софистами греческими, старался создать такую религію, или лучше амальгаму религій, которая бы удовлетворяла современнымъ требованіямъ и въ то же время вытѣснила христіанскія понятія—мысль безумная, которой результаты не пережили Юліана. Онъ вскорѣ погибъ на войнѣ съ персами,—послѣдній великій представитель языческаго Рима или, лучше сказать, всего древняго міра. Въ немъ соединились греческіе и римскіе элементы,—конечно, не въ той чистотѣ, въ какой мы видимъ ихъ у Александра и Цезаря; но онъ стоитъ какъ бы на послѣднемъ рубежѣ языческаго міра. Въ немъ чистые элементы древней жизни не могли остаться нетронутыми новыми понятіями. Но все мы видимъ въ Юліанѣ мучительную борьбу этихъ двухъ враждебныхъ началъ,—борьбу, которая высказывалась въ самой наружности его, по свидѣтельству св. Григорія Назіанзина. Язычники обвиняютъ въ его смерти христіанъ. Это обвиненіе столь же несправедливо, какъ и обвиненіе христіанами Юліана въ отравленіи Констанція. Въ немъ обличается только борьба партій, враждебныхъ и непримиряющихся»...



Изъ Джироламо Муціо.

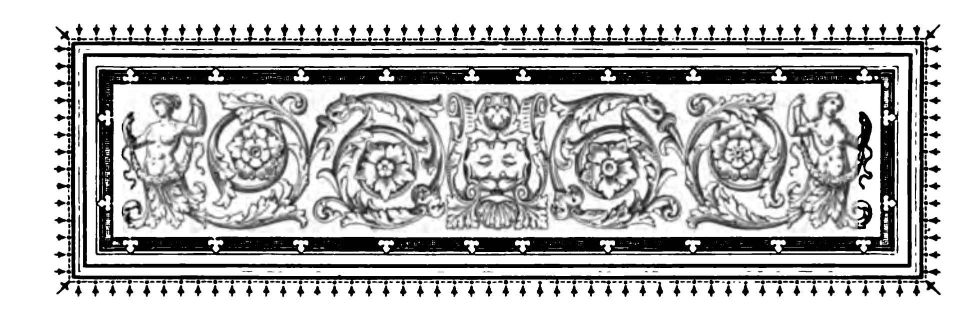
Любовь есть свѣтъ, что сходитъ къ намъ оттуда,
Изъ царства звѣздъ, съ лазурной высоты,
Она въ насъ будитъ жажду чуда
И красоты.

И красота есть лучъ, который тонетъ,
Вдали отъ солнца, въ сумракѣ тѣней,
Когда оно его уронитъ
Въ умы людей.

И если духъ людской пронизанъ свѣтомъ
Что шлетъ ему небесная звѣзда,
Онъ жадно мчится за отвѣтомъ —
Туда, туда!..

К. Бальмонтъ.

Общій видъ Корикоса (Киликія).



Изъ Владимірской жизни Герценовъ.

(Изъ переписки мужа и жены).

1839 годъ.

Переселившись изъ Вятки, Герценъ меньше полугода прожилъ во Владимірѣ холостою, одинокою жизнью. Сестра-невѣста не побоялась ни злобы, ни преслѣдованія родныхъ, богатыхъ и сильныхъ родственниковъ, и вопреки всѣмъ свѣтскимъ правиламъ приличія бѣжала изъ дому своей благодѣтельницы, кн. М. А. Хованской, къ ссыльному брату-жениху, и 9-го мая 1838 года, въ 8 часовъ вечера, обвѣнчалась съ нимъ во Владимірѣ.

Съ этихъ поръ рѣдко разлучались молодые. Если Герцену приходилось уѣзжать въ Москву, то онъ часто ѣздилъ вмѣстѣ съ женой. Но въ 1839 году онъ раза три на короткое время уѣзжалъ одинъ, а именно: въ январѣ, іюлѣ и декабрѣ.

Отъ первой и послѣдней изъ этихъ одинокихъ поѣздокъ бережно сохранились всѣ письма мужа и жены *). Изъ нихъ мы узнаемъ, что въ январѣ 1839 года Герценъ ѣздилъ на нѣсколько дней къ отцу по случаю смерти дяди—сенатора, Льва Алексѣевича Яковлева, а Наталья Александровна только - что перенесла тяжкую болѣзнь и, притомъ беременная, не могла его сопровождать. Въ декабрѣ же, взявши 28-дневный отпускъ, Герценъ отправился черезъ Москву, гдѣ останавливался, разумѣется, не на одинъ день, — въ Петербургъ. Это была его первая поѣздка въ сѣверную столицу. И хоть давно хотѣлось Герцену взглянуть на Петербургъ, на столичную дѣятельность, увидать Эрмитажъ, но на этотъ разъ онъ предпринимаетъ поѣздку больше по желанію отца, И. А. Яковлева, который хочетъ, чтобы сына не въ очередь произвели въ коллежскіе ассессоры — чинъ, къ которому представилъ его владимірскій губернаторъ, Иванъ Эммануиловичъ Курута, — и ради этого посылаетъ его въ Петербургъ. Герценъ

*) Они въ оригиналахъ вручены мнѣ А. А. Герценомъ, сыномъ покойнаго А. И. Герцена.

пользуется случаемъ и ѣдетъ съ тайнымъ желаніемъ испросить позволеніе на заграничную поѣздку, о которой онъ мечталъ еще въ Вяткѣ. И вотъ съ этой надеждой онъ выѣзжаетъ изъ Владиміра въ первыхъ числахъ декабря прямо въ Москву, а оттуда въ Петербургъ, разсчитывая прожить въ сѣверной столицѣ не менѣе трехъ недѣль. Но Петербургъ своимъ суровымъ, мрачнымъ климатомъ, своими нравами, а также и неудачей, постигшей мечту о заграничной поѣздкѣ—такъ разочаровываетъ Герцена, что онъ томится только однимъ желаніемъ — какъ можно скорѣй покинуть столицу. И дѣйствительно, вмѣсто трехъ недѣль, проживаетъ въ Петербургѣ всего только *девять дней* и мчится въ Москву, откуда послѣ свиданія съ отцомъ и друзьями спѣшитъ къ новому году попасть домой, гдѣ его такъ нетерпѣливо ждетъ жена съ первенцемъ сыномъ.

Ко времени этихъ двухъ поѣздокъ относятся *шестнадцать писемъ* мужа и жены, изъ которыхъ только одно письмо Н-и А-ы Герценъ—къ первой поѣздкѣ, къ январю 1839 года. Остальныя же пятнадцать, изъ которыхъ *девять* принадлежатъ А. И. Герцену, а *шесть* — женѣ, — относятся *къ первой поѣздкѣ Герцена въ Петербургъ,* къ декабрю 1839 года. Въ этихъ послѣднихъ любопытна сохранившаяся непосредственность перваго впечатлѣнія, которое производитъ Петербургъ на Герцена послѣ четырехлѣтней ссылки, и картина владимірской жизни молодой четы, жизни, окруженной семейными радостями и тѣмъ невыразимымъ счастьемъ, которое въ такомъ изобиліи выпало на долю молодой четы.

Е. Р. Некрасова

Крѣпость Корикосъ (Киликія).

Наталья Александровна Герценъ къ мужу.

I.

1839. Декабря 6-е. Владиміръ *).

«Проснутся завтра на зарѣ
И дѣти, и жена,—
Малютки спросятъ обо мнѣ—
И всплачется она...»

Да, да, мой ангелъ, седьмой часъ, Саша проснулся, просится ко мнѣ,—но все не доволенъ, не веселъ, пищитъ, право, будто ищетъ тебя, тоскуетъ по тебѣ... Вотъ и ставни отворили, вотъ и алая заря на небѣ... утро! Лучи веселаго солнца тысячью цвѣтами играютъ на замерзшихъ стеклахъ; праздникъ **)... а моя заря не алѣетъ, мое солнце катится отъ меня все далѣе и далѣе,—темно, холодно... Пошли пить чай въ гостиную, — кресла, на которыхъ ты сидѣлъ въ послѣдній разъ, стоятъ такъ же, твоя чашка—пустая, ужъ лишняя. Теперь я въ кабинетѣ, здѣсь все, все, какъ ты оставилъ, и жаль приводить въ порядокъ. На столѣ тарелка, солонка, черный хлѣбъ и пустая рюмка,—все это такъ и останется до тебя—будто только сію минуту ты вышелъ и сейчасъ воротишься.

Вчера я скоро послѣ тебя уснула и всю ночь спала крѣпко, все ты снился мнѣ. Ахъ, душка, какъ ты озябъ, у!!... и я не могу согрѣть тебя. Ну, мой ангелъ, поцѣлуй же меня, вѣдь я умница была вчера — не правда ли?—и теперь... ну да, грустно; да и какъ же не грустить? а все-таки не заслуживаю твоего гнѣва.

Вечеръ. Некому было разбудить меня, и я, по обыкновенію своему, проспала до 8 часовъ. Ужъ вы доѣхали — ахъ, душка, какъ весело! Тебѣ хорошо теперь, ангелъ мой, ты отдохнулъ, согрѣлся, тебѣ покойно, пьешь шампанское—чудо, право! И кругомъ тебя друзья... Вижу, вижу тебя, Александръ — лицо горитъ, глаза — огонь, рѣчь — огонь... прекрасный вечеръ, прекрасная ночь. Софья Ѳ. пріѣхала; раньше изъ нихъ ***) никто не былъ. Привезли вино.

Четверъ, 7-е. Гдѣ ты, мой Александръ? О, ужасное дѣло — разставанье? Какъ утопающій въ морѣ рвется къ берегу, — стремится мысль къ любимому существу,—смотришь, смотришь вдаль—хоть бы черную точку увидѣть—нѣтъ, все изчезаетъ за синей далью.

Еще не подавали огня, мѣсяцъ прямо свѣтилъ въ окна, — Саша спалъ у меня на рукахъ, я думала о тебѣ... ты ходишь, говоришь, тебя видятъ, слышатъ; почему же я не могу этого? Даже не знаю, гдѣ ты, съ кѣмъ... какъ ничтоженъ человѣкъ, какъ мало дано ему, — и почему у любви нѣтъ особыхъ глазъ, особаго слуха?... На этомъ вопросѣ я задумалась и думала долго; мнѣ сдѣлалось страшно, что онъ явился у меня; какъ глубоко я пала, писавши

---

*) Переписка Герценовъ въ настоящемъ изданіи печатается въ извлеченіи. *Ред.*

**) 6-го декабря Николинъ день.

***) Изъ семьи губернатора Куруты.

это, — прости меня, Александръ, прости меня, Господи! какъ! а эта увѣренность, это убѣжденіе, это что-то болѣе увѣренности и убѣжденія, что ты со мною, во мнѣ, что наши души одна душа... Ангелъ мой, какъ мы счастливы! душка, душка, вѣдь, ты чувствуешь, какъ я прижимаю тебя къ моему сердцу, какъ я цѣлую твою руку, ты видишь, какъ я смотрю тебѣ въ глаза, видишь эти слезы?.. Ангелъ мой! Было время, когда я желала одинъ мигъ побыть съ тобою и отдавала за него жизнь Богу. Онъ далъ мнѣ этотъ мигъ, и онъ продолжается полтора года, и ничего не перемѣнилось, ничего, душа все такъ же исполнена тобою, все такъ же нова любовь,—но чему-жъ я тутъ дивлюсь?

Кабинетъ твой я не запираю, часто хожу туда, почти все утро была въ немъ съ Сашкой,—а онъ, право, о тебѣ тоскуетъ; давеча увидалъ Андрея и бросился къ нему,—вѣрно, ему показалось, что это ты.

Вотъ ужъ только 27 дней осталось—*только!*

9-е суббота. Вотъ ужъ 25 дней осталось только — ангелъ милый, душка.

Сегодня Похвистневы обѣщали быть у меня, а я собираюсь къ Кожиной; она больна, а завтра въ театръ.—У насъ все и всѣ исправно, какъ нельзя болѣе.—Сашка безпрестанно твердитъ: *papa.* Ну, прощай, обнимемся, поцѣлуемся.

Твоя Наташа.

Приписка сбоку:

Катенька пишетъ тебѣ *почтеніе.* Матвѣю поклонъ. Что Алексѣй Михайловичъ?

Другая приписка сбоку:

Сашка.

Сашка, писавши, забрызгался весь чернилами, и ты, пріѣхавши, увидишь эти слѣды.

II.

Владиміръ 1839. Декабря 10-е. Ну, вотъ, и такъ, отославши вчера письмо на почту, усѣлись мы въ гостиной всей семьей; я люблю разговаривать о тебѣ съ Сашкой, онъ такъ внимательно смотритъ на меня, такъ мило улыбается, когда я скажу ему papa! papa! и вотъ такъ мы сидимъ съ нимъ на диванѣ. «Завтра отъ папаши намъ письмо... а можетъ быть, и сегодня...» Вдругъ няня бѣжитъ—три пакета, Катенька кричитъ: «отъ Александра Ивановича, отъ Александра Ивановича!» Я вспыхнула, руки дрожатъ, перебираю письма и не знаю, которое твое—душка, какъ я была рада! На всѣ твои вопросы я писала отвѣтъ уже прежде.—Я подѣлилась и съ Сашкой письмомъ, т. е. подарила ему пакетъ, который онъ съ торжествомъ изорвалъ (?!) — Грустное впечатлѣніе сдѣлало на меня твое убѣжденье въ ничтожности М-me О., ужасно грустное, какъ жаль *его*... но мнѣ жаль и ее, жаль, не видавши ея, я такъ сроднилась съ ней, такъ глубоко была убѣждена, что *въ насъ четверыхъ одна душа*, я такъ вѣрила въ его счастье... теперь мнѣ жаль хоронить *сестру*, жаль разставаться съ моими убѣжденіями. Не правда ли, Александръ, бывало намъ

такъ вольно, такъ просторно носиться по морю нашей любви, смотрѣть на свѣтлое небо нашего счастья? море безгранно было, теперь виденъ берегъ, и на небѣ туча... грустно,—мнѣ ужъ жизнь кажется не такъ гладка, не такъ хороша. Ты говоришь: „и еще повязка не спала съ глазъ“,—а что же будетъ, когда спадетъ??...

Вчера я прождала Похвистневыхъ и не была у Кожиной, хочу съѣздить теперь. Душка, ты пишешь, когда посылать за письмами,—неужели я до того не способна ни на что, что даже не вспомню и этого? Ну, прощай пока, а сегодня-то еще письмо! А!

12 часовъ ночи: Ты пишешь: „déjà il y a des histoires qu'on raconte d'elle“, на это что смотрѣть,—посмотри, и на меня выдумаютъ что-нибудь:—только ты изъ Владиміра—я изъ дому вонъ. Давеча у меня былъ Андр. Ѳед. Каппель, онъ читалъ письмо отъ Каблукова; тотъ пишетъ, что не имѣетъ понятія о портретѣ; въ Петербургѣ есть его родственникъ—Каблуковъ же, нельзя ли его отыскать, можетъ, Кетчеръ ему отдалъ портретъ. Сколько бы утѣшилъ теперь онъ меня... несносный Кетчеръ!—Похвистневы были, приглашали меня на вечеръ, я,—разумѣется,—отказалась, съѣзжу къ нимъ въ простой день. Была давеча у Кожиной, она кланяется тебѣ. Кажется, въ этихъ новыхъ знакомыхъ я не найду ничего, т.-е. много словъ, пожатій руки, много блеску... и только. Такой встрѣчи, какъ Юл. Ѳед. здѣсь не повторится.—Я ѣздила въ театръ—лучше не могло быть! Я была въ восхищеньи! для меня Тюриковъ и Епитаховъ играли лучше всѣхъ, и всѣ очень хорошо, только тѣснота и духота была ужасная.—Князь Голицынъ опять игралъ, и Ольга И. пѣла;—зачѣмъ я не могу выразить словами, что выражала эта музыка,—ахъ, душка, душка, почему я не имѣю одного изъ этихъ талантовъ? я бы все пѣла тебѣ, все играла бы тебѣ,—ангелъ мой!... Я думала о тебѣ въ минуты восторга, у меня навертывались слезы, духъ захватывало, мнѣ казалось, я лечу, лечу высоко... а вокругъ меня говорили, шептали, смѣялись.—Я заѣзжала на почту—письма еще не разобраны. И такъ, до завтра, мой милый, мой ангелъ, мой Александръ, право, душка, какъ весело поговорить съ тобою.—Юл. Ѳед. говоритъ, что послѣ концерта всѣ спрашивали ее, кто такая прекрасная была съ ней—вотъ тебѣ комплиментъ. А среди всей этой суеты мои оба Александра, какъ ангелы хранители, летаютъ надо мною. Засыпаю.

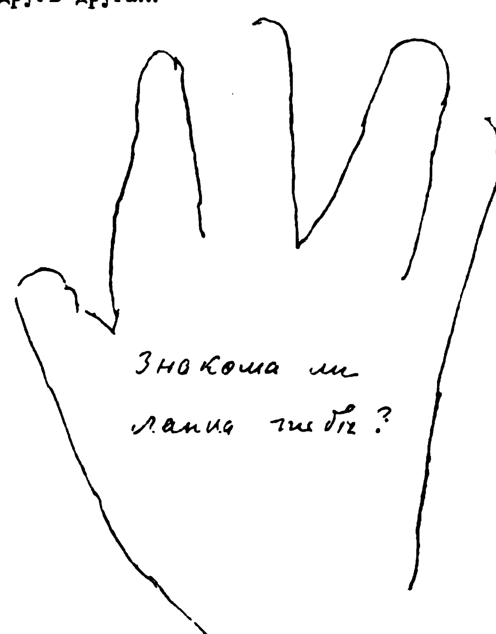
Утро, десятый часъ.—Ты отправляешься въ путь, мой ангелъ, я благословляла тебя душою, рукою, взяла Сашкину рученку и ею благословила тебя,—ангелъ мой, поѣзжай съ Богомъ, да хранитъ Онъ тебя, воротись къ намъ скорѣе, тебя ждутъ, ждутъ...

Вотъ и второе письмо отъ тебя—слава Богу! Чувствую ли я твое благословеніе? чувствую ли, что ты съ нами?... Душка, душка мой, Александръ. Ну, зачѣмъ ты *пишешь* о сплетняхъ, о нихъ и говорить унижаетъ. Что же не сказалъ ничего о твоихъ финансахъ и ѣдетъ ли съ тобой Матвѣй или нѣтъ? вѣдь, для меня-то это все интересно.

Ночь 12 часовъ. Вотъ я опять одна, опять мой ангелъ, мой Александръ, далеко; опять пишу къ нему и будто даже украдкой, ночь, всѣ спятъ... (не сер-

цись, душка, это мое любимое время разговаривать съ тобою: днемъ—суета, домашнія «заботы»—хозяйки взоръ повсюду нуженъ,—не смѣхъ ли, мой то взоръ)! Я тоже на постели,—свѣча, бумага, перо,—все, все, какъ бывало прежде —но грусть прежняя гдѣ? Грусть тяжелая, какъ камень, сомнѣнья гдѣ, гдѣ всѣ страданья? На ихъ могилѣ стоитъ колыбель блаженства, полнаго совершеннаго. О, какъ мы счастливы! О, какъ мы счастливы! Дай руку, Александръ, посмотри мнѣ въ глаза, прислушайся къ гимну души... ахъ, еслибъ я могла перелить его въ звуки!... И эта огромная доля показалась Ему мала,—Онъ послалъ намъ еще ангела... сколько, сколько наслажденій, о которыхъ мы не имѣли и понятія прежде. Не думавши, я говорила, что въ любви матери нѣтъ эгоизма,—а развѣ эта ангельская улыбка не платитъ сторицею за всѣ попеченія и заботы?

Ангелъ мой, вотъ уже и недѣля, какъ ты уѣхалъ, остается три—я каждый разъ пишу *тебѣ* объ этомъ; да кто же со мною болѣе порадуется этому? Благословимъ всѣ трое другъ друга...



Теперь ты мчишься, мчишься. ангелъ мой! Господи, когда пройдетъ это время? Нѣтъ, намъ нельзя разлучаться. Мнѣ необходимостью сдѣлалось даже кофе душкѣ подать, пѣночку ему въ чашку положить,—ангелъ ты мой, хоть бы гримаску твою посмотрѣть.

Ну, прощай. Цѣлую твою руку, твои очи, благословляю тебя. Сашка тебѣ улыбается, кричитъ: „папа“! Въ недѣлю въ немъ прибыло много, я думаю, ты его не узнаешь, пріѣхавши.

Твоя, твоя, мой ангелъ,
Наташа.

Прислать ли тебѣ письма Эрна и папеньки? Первое я не распечатывала, послѣднее не заключаетъ ничего особеннаго.

Господь съ тобою! а здѣсь Сашка поцѣловалъ.

Александръ Ивановичъ Герценъ къ женѣ.

I.

14 декабря 1839. Петербургъ. Ну, вотъ, душа моя, твой Александръ почти за 1.000 верстъ отъ тебя, сидитъ въ комфортабельномъ № d'Hôtel des diligences и думаетъ все объ васъ же, мои милые, мои два ангела. — Петербургъ будетъ для меня великой поэмой, которую я стану читать три недѣли. Мыслей много явилось и на дорогѣ; но это послѣ. Вотъ тебѣ подробности путевыя. Поѣхалъ я 11-го въ дилижансѣ, погода была скверная, гостиницы зато прекрасныя, здѣсь я еще не оглядѣлся. Я вмѣстѣ съ этимъ письмецомъ отсылаю другое завтра, чтобы посмотрѣть, которое придетъ скорѣе — черезъ Москву или прямо. Итакъ, не сердись за мои безсвязныя записки, дай устояться.

15-го. Я здоровъ; Сережа кланяется, а я благословляю васъ.

II.

15 декабря 1839. С.-Петербургъ. Вотъ первая минута, мой ангелъ послѣ отъѣзда, въ которую я физически свободенъ, въ душѣ не то, все еще волнуется, безпорядокъ ужасный, много-много новаго, образовъ и мыслей, ощущеній и Богъ знаетъ чего; но все это еще не приняло формы, неясно. И такъ, я въ Петербургѣ, не странно ли все это. Сегодня я былъ въ вашемъ домѣ и ушелъ скоро,—что-то грустенъ онъ, разваливается. Всего больше меня поразилъ Зимній-Дворецъ своей наружностью; я не смотрѣлъ, стоя у колонны, ни на главный штабъ, ни на министерство, а на одинъ дворецъ—лучше я ничего не видывалъ, даже на картинкахъ; онъ что-то напоминаетъ Ескуріалъ, впрочемъ. Хороша будетъ и Исаакіевская церковь; чудно хорошъ и монументъ Петра, но въ немъ мнѣ именно все нравится, кромѣ Петра, эта огромная масса гранита,— и пьедесталъ великому царю выкупаютъ все. А моря нѣтъ, и Невы нѣтъ.— Остальное мало дѣйствовало; главное отличіе отъ Москвы—чрезвычайная комфортабельность, большая пышность и комнатъ, и платья; дѣятельность торговая и административная главнаго города цѣлой части свѣта.—И при всемъ этомъ я унылъ,—это нехорошо, отчасти виновата въ этомъ ты,—то есть твое отсутствіе, но есть и другія причины. Я и прежде меня всѣ отъ Адама до Пѣшкова повторяли: удивительно необъятна душа человѣка! что можетъ ее наполнить до краевъ? Океана мало, Петербурга мало; можетъ одна душа любящая. Вѣроятно завтра получу письмо отъ тебя (доселѣ, душка, ни вѣсточки, съ 5 декабря), твое письмо вылѣчитъ многое, я обталлъ, я грустенъ, не пора ли домой?—Нѣтъ, я еще не видалъ Эрмитажа.

— Ну, на сонъ грядущій о вздорѣ. Я переѣхалъ въ hôtel de Londres, противъ самаго Адмиралтейства, за недѣлю 40 руб. Двѣ комнаты, убранныя хорошо, и главное—съ прекраснымъ видомъ. Прощай, завтра буду опять писать. Вѣроятно, я здѣсь не заживусь, ужъ, вѣрно, не больше *двухъ недѣль*. Что Сашка, что его зубки, здоровъ ли онъ? хоть бы на него взглянуть!—Я видѣлъ

во снѣ, спавши въ дилижансѣ, Сашку какъ-то странно, видѣлъ и тебя. Множество птицъ летало, и я ловилъ ихъ, и носилъ тебѣ,—что это значитъ? Прощайте, благословляю васъ. Я и въ дилижансѣ ночью благословлялъ васъ.

16-го. Мы готовимся переѣхать сюда,—много страшнаго въ этомъ, люди послѣ 25 лѣтъ трудно мѣняютъ нѣкоторыя основныя привычки жизни.—Лишь бы прежде путешествовать,—это будетъ эпилогъ поэтической жизни. Ну, да объ этомъ послѣ. Досадно, что нѣтъ писемъ. Кажется, сегодня надобно бы получить,—до 12 часовъ подожду, потомъ пошлю; вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправлю я къ Юліи Өедоровнѣ грамотку.

Писемъ еще нѣтъ. И такъ, прощай пока.—Цѣлую тебя много и много разъ.

III.

17 декабря СПБ. (1839) Ну вотъ, душечка, наконецъ твое письмо, мой ангелъ, моя безцѣнная подруга. И въ этомъ письмѣ видна ты, ты, моя Наташа. Сегодня мнѣ счастье, съ утра пошло хорошо, я былъ у Жуковскаго,—онъ тотъ Жуковскій, о которомъ писано въ I. Maestri, потомъ былъ у Ольги Алек. Жеребцовой и нашелъ столько привѣтливости и доброты, сколько не ждалъ. Пришелъ домой—твое письмо. Я прочелъ его—и тоска, какъ бывало въ Вяткѣ; мнѣ сдѣлалось узко въ комнатѣ, захотѣлось бѣжать къ Невѣ, на Невскій Проспектъ, гдѣ бы было обширно, гдѣ бы ничто не тѣснило моего счастья. Наташа, о, напрасно сказала ты какъ-то, что я ужъ не влюбленъ въ тебя. Другъ мой, напрасно.

Я былъ у Анны Александровны *), она и ея мужъ приняли меня какъ брата, просили переѣхать къ нимъ; я просидѣлъ цѣлый вечеръ, говорили о тебѣ· о будущемъ пріѣздѣ, о томъ и о семъ, и я тутъ только узналъ продѣлку Алексѣя Александровича: **) онъ сжегъ духовное завѣщаніе вашего отца.

С. - un homme répandu ***). Въ вицъ-мундирѣ, въ башмакахъ—вальсируетъ по паркету.

Я больше и больше вглядываюсь въ Петербургъ. Ко многому привыкъ, ко многому никогда не привыкну. Мнѣ часто бываетъ досадно, когда я долго займусь чѣмъ-нибудь новымъ, досадно, что въ эти минуты не чувствую разлуки—и мнѣ тотчасъ представишься ты печальная, и одинъ утѣшитель—Сашка. Я рвусь домой—но опредѣленно сказать, когда ѣду,—нельзя.

Мои письма ужасно безпорядочны и сбиты отъ вѣчной суеты; здѣсь, ежели люди мѣшаютъ мнѣ меньше, нежели въ Москвѣ, такъ дома, улицы мѣшаютъ, и не то, чтобы я на нихъ радовался, или чему-нибудь радовался, нѣтъ, какъ-то первое впечатлѣніе по въѣздѣ было не въ пользу Петербурга, и сердце сжалось, и до сихъ поръ недоступно истинной радости—но это только до Эрмитажа:—тамъ надѣюсь провести чудный день—билетъ ужъ есть.

---

*) Анна Александровна Орлова, старшая родная сестра Н—и А—ы, была замужемъ въ Петербургѣ, жила очень богато и кончила жизнь трагически.

**) Алексѣя Александровича Яковлева—родного брата Н—и А—ы, котораго прозывали „химикомъ“ и которому досталось все состояніе послѣ отца, Александра Алексѣевича.

***) С.—„человѣкъ, имѣющій много знакомыхъ“.

18-го. Здоровы ли вы, мои дѣти, Наташа и Сашка? Фу, какая даль въ самомъ дѣлѣ — 900 верстъ! Я сегодня иду смотрѣть Каратыгина въ Гамлетѣ, еще ни разу не былъ въ театрѣ; вообще я воображалъ, что буду еще больше суетиться, метаться; а можетъ, и оттого я мало даю воли душѣ, что дѣла много, хлопотъ довольно сухихъ и скучныхъ.

Объяви Сашкѣ мое благоволеніе за приписку,—я такъ живо, ясно вижу его передъ собой: „ну, тяни же рученки къ папѣ". Я не забылъ о поясѣ ему, но не могу догадаться—какой. Поѣду на дняхъ въ лавки, т.-е. на Невскій проспектъ съ Анной Александровной и разомъ куплю нужное. Скучно, другъ мой, встрѣтишь ты праздникъ, да и я не веселѣе, скоро оба мы будемъ встрѣчать и провожать его здѣсь въ Петербургѣ.—Я видѣлся съ Арсеньевымъ, *)—кажется по всему, не долго намъ жить во Владимірѣ,—жалѣть нечего, ибо и Иванъ Эммануиловичъ не долго останется**). Завтра буду опять писать. Прощайте, мои милые.

Что хочешь дѣлай, а тоски не заглушить.

Твой Александръ.

Благословляю Васъ.

На этомъ же листочкѣ надпись:

„Натальѣ Александровнѣ Герценъ".

IV.

Декабря 18. Вечеръ, поздно. (*1839 г.*). Великъ, необъятенъ Шекспиръ! Я сейчасъ возвратился съ Гамлета, и повѣришь ли,—не токмо слезы лились изъ глазъ моихъ, но я рыдалъ. Нѣтъ, не читать, это надобно видѣть (voir c'est avoir) **) для того, чтобъ усвоить себѣ. Сцена съ Офеліей и потомъ та, когда Гамлетъ хохочетъ послѣ того, какъ король убѣжалъ съ представленія, были превосходно съиграны Каратыгинымъ; и безумная Офелія была хороша. Что это за сила генія, такъ уловить жизнь во всей необъятности ея отъ Гамлета до могильщика. А самъ Гамлетъ страшный и великій ***). Правъ Гёте — Шекспиръ творитъ, какъ Богъ: тутъ ни дополнять, ни выражать нечего, его созданіе есть потому, что есть, его созданіе имѣетъ непреложную реальность и истинность. Я воротился домой весь взволнованный... Теперь вижу темную ночь, и блѣдный Гамлетъ показываетъ на концѣ шпаги черепъ и говоритъ: „тутъ были губы, а теперь ха, ха!..."—ты сдѣлаешься больна послѣ этой пьесы. —Завтра въ Эрмитажъ.

Еще письмо отъ тебя. Твоя душа, мой ангелъ, такая же безконечная поэма любви, въ ней та же грація, какъ въ высочайшихъ произведеніяхъ художества, художникъ Богъ не уступитъ Рафаэлю. Все въ твоемъ письмѣ дышетъ любовью, проникнуто поэзіей. Я перечитываю и перечитываю, и тотчасъ станетъ радостно

*) К. И. Арсеньева Герценъ встрѣтилъ въ Вяткѣ вмѣстѣ съ Жуковскимъ.

**) И. Эм. Курута.

***) „Видѣть, значитъ обладать".

и захочется сѣсть въ дилижансъ и мчаться, мчаться, и обнять душку, и поцѣловать лапку, которая подписалась подъ письмомъ своимъ портретомъ. Да, мы счастливы,—а *они* *)—нѣтъ! О. звалъ меня поговорить объ этомъ; я сказалъ ему дѣло и спросилъ: кто виноватъ? Слезы были у него на глазахъ, и онъ, наконецъ, сказалъ: „Que faire? à présent on ne peut plus changer. — Онъ страдаетъ и мечтаетъ облегчить свою грусть, помиривши насъ, мы помирились,—но онъ, вѣрно, не меньше страдаетъ.

19 декабря. Въ ней есть поэзія **); но это невысокая поэзія avec minauderies, avec coquetterie, за то сердца нѣтъ, я не вѣрю, чтобъ она любила его, она обманываетъ, а ежели любитъ, то что это за любовь. Ссора за меня такъ далеко было зашла, что она предлагала разстаться. Скорѣй разстаться, нежели пожертвовать гордостью. Понимаешь ли ты это? Отвернемся, это страшно, какъ сцена изъ Гамлета.

Когда я смотрѣлъ на Татьяну Петровну, мнѣ пришло въ голову: такъ я встрѣчусь съ Полиной ***), можетъ. Онѣ обѣ хороши были до замужества; но міръ высшій, который одинъ придаетъ человѣку печать духа Божія, блескъ и торжественность, не были для нихъ *необходимостью.* Онѣ *могли* удовлетвориться вседневными заботами... Да за что же я говорю о Полинѣ, можетъ, она и не такова. *Можетъ*, но не больше. А за тебя я ручаюсь, даже въ этомъ отношеніи ручаюсь за Марію ****) (хотя она умомъ, а не сердцемъ подымается въ сферу пообширнѣе хозяйственной). Какое разстояніе между человѣкомъ въ самомъ дѣлѣ и добрымъ человѣкомъ! Сколько ступеней отъ Гете до Зонненберга *****)! и всѣмъ ладно, у каждаго и свое счастье, и своя полнота жизни, и свое мѣсто. Чудеса!

Вечеръ. Сегодняшній день провелъ я въ Эрмитажѣ. Но не жди ни описаній, ничего. Какой гигантъ долженъ быть тотъ, кто можетъ сразу оцѣнить, почувствовать, восхищаться *40 залами* картинъ. Тутъ надобно мѣсяцъ времени. Да и я вовсе не умѣю смотрѣть на галлерею. Какъ было бы въ душѣ твоей, еслибы тебѣ прочли: пѣснь Миньоны, главу Онѣгина, Фауста, куплеты Беранже, оду Шиллера и проч. за одинъ присѣстъ. Когда я взошелъ въ V и VI залу, я былъ неспособенъ вмѣщать ничего, душа была полна, и я смотрѣлъ *такъ.* Нѣсколько картинъ Рафаэля,—узналъ ли бы я его безъ подписи?—Изъ всѣхъ я узналъ бы одну (замѣть, это моя узкость, а не художникова)—Мадонна и старикъ тотъ же. Чѣмъ дальше я всматривался въ черты мадонны, тѣмъ отраднѣе становилось въ душѣ, слезы навертывались: какая кротость и безконечность во взорѣ, какая любовь струится изъ него—вотъ такъ человѣческое лицо, есть оттиски божественнаго духа, а ребенокъ очень хорошъ, онъ какъ-то *задумчиво*

---

*) *Они*—т.-е. Н. П. Огаревъ съ своей женой Марьей Львовной.

**) Т. е. въ женѣ Огарева, въ Марьѣ Львовнѣ.

***) Съ Полиной Тромпетеръ—его вятской пріятель.

****) За жену Огареву, Марью Львовну, въ которой Герценъ признавалъ безспорный природный умъ.

*****) Это тотъ самый Зонненбергъ, который нѣкогда тонулъ въ Москвѣ рѣкѣ и былъ спасенъ, благодаря И. А. Яковлеву; послѣдній потомъ отрекомендовалъ его въ гувернеры Огареву.

улыбается Іосифу... Фламандская школа—страсть люблю эти сцены, вырванныя изъ клокочущей около насъ жизни, это другая сторона искусства. У итальянцевъ идеализація тѣла, здѣсь жизни. Ну, здѣсь было довольно случая посмотрѣть на Теньера, Остадэ и пр., въ заключеніе меня поразила loggia Рафаэля, сдѣланная совершенно по Ватиканской. Представь себѣ огромную галлерею, въ которой нѣтъ нигдѣ вершка, гдѣ не было бы картинки или арабесковъ, или цвѣтка, или бѣлки... и все это дѣлано по рисункамъ Рафаэля,—и все имѣетъ единство такого украшенія стѣнъ, съ такою роскошью и избыткомъ генія, льющагося черезъ край, я и не могъ вообразить себѣ. Довольно.—Обѣдалъ у Le Grand, вечеромъ былъ въ Михайловскомъ театрѣ. Французская труппа прекрасная, но выборъ пьесъ плохъ. Тальони я еще не видалъ, билетъ достать довольно трудно.—Климатъ здѣсь для непривыкшаго ужасный; мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ, все продолжается одна вьюга, неба не видать, дни продолжаются 4 часа, и темнымъ, холоднымъ ночамъ не помогаютъ газовые фонари. Зато обѣщаютъ чудныя ночи въ маѣ, на берегахъ Невы,—и ихъ-то мы увидимъ вмѣстѣ, мой другъ!

20 декабря. Ну, дѣтушки,—мелкота, встали ли вы, здоровы ли, мои душки? Сашка, ѣшь кашу порядочно и не марайся! а ты, Наташа, будь весела и спокойна, пройдетъ десять дней декабря, да дней пять января, а я и тутъ, какъ тутъ.

Ѣду сейчасъ къ Жуковскому, тамъ рѣшимъ, что сдѣлать и куда опредѣлиться, и какъ, и пр. Прощай, не знаю, успѣю-ли сегодня приписать хоть строчку. Прощайте мои милые.—А зачѣмъ вы это уронили, Катерина Александровна? вѣдь говорилъ, что разбудите...

Хлопоты и хлопоты. — Прощай, въ слѣдующемъ письмѣ я могу написать, когда буду.

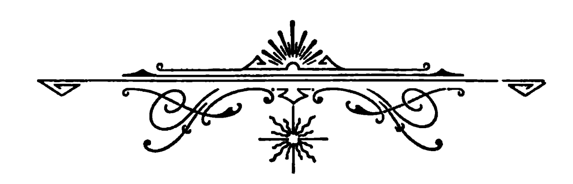
23 декабря. Вотъ тебѣ, другъ мой, подарокъ къ Рождеству.—Я завтра ѣду отсюда въ Москву и, стало, 1-го или 2-го обниму. Ну, и больше ни слова,—жди. Хлопотъ, дѣла ужасно много.

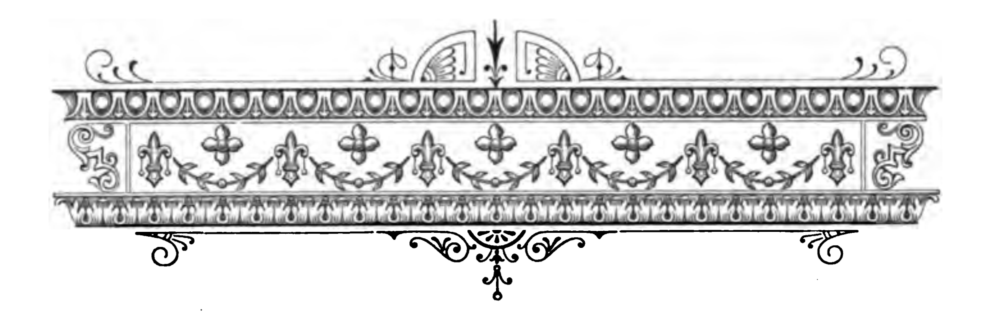
Прощай.

А. Герценъ.

Благословляю Сашку.

Отъ доброй и милой Анны Александровны поклонъ привезу лично.





Изъ Аристотеля Валаорити *).

Самуилъ.

«Монахъ, чего ты ждешь еще, засѣвъ упрямо въ Кунги?
Съ тобой осталось пятеро, да и они всѣ въ ранахъ,
Враговъ же вашихъ тысячи, и вы у нихъ въ осадѣ.
Иди сюда, сдавай ключи, да въ ноги поклонися;
Тогда тебя Вели-паша епископомъ назначитъ».
Такъ громкимъ голосомъ съ горы взываетъ Пильйо Гуси.
Но былъ во храмѣ Самуилъ, въ немъ крѣпко затворился,
И вѣтеръ въ сторону отнесъ предателевы рѣчи.
Безъ пѣнія, безъ ладана, свѣчей не возжигая,
Колѣна мрачно преклонивъ, предъ Царскими Вратами
Всего лишь пятеро стоитъ Сульйотовъ, глядя въ землю,
Безъ словъ и безъ дыханія,—лишь изрѣдка увидишь,
Какъ вдругъ рука поднимется и мѣрно крестъ положитъ.
Волочатся по мрамору безъ дѣйствія ихъ сабли,
Такъ много послужившія возлюбленному Сули.
Монаха не видать еще: одинъ онъ у Престола
Все молится, къ таинственной приготовляясь жертвѣ.

---

*) Аристотель Валаорити (род. 1824, умеръ 1879 г.) — самый даровитый представитель романтической школы въ ново-греческой поэзіи. Писалъ онъ, за очень немногими исключеніями, на языкѣ, близкомъ къ народному, и вообще старался подражать народнымъ пѣснямъ какъ въ тонѣ, такъ и въ стихотворныхъ формахъ, что, по возможности, передано и въ предлагаемомъ здѣсь переводѣ. Поэма «Самуилъ» основана на слѣдующемъ историческомъ событіи. Жители Сули въ Эпирѣ, благодаря крѣпкому положенію этого горнаго городка и своему военному духу, успѣли сохранить свою независимость отъ турокъ до начала нынѣшняго столѣтія. Въ 1789 г. губернаторъ Эпира, честолюбивый и жестокій албанецъ, Али-паша, прозванный яннинскимъ волкомъ (отъ Яннины, главнаго города его губернаторства), задумалъ покорить этотъ притонъ ослушниковъ, но потерпѣлъ неудачу. Второе его нападеніе въ 1792 г. также было отражено. Съ 1800 г. онъ началъ правильную истребительную войну противъ Суліотовъ, поручивъ командованіе осадными войсками своимъ сыновьямъ, Мухтару и Вели. Послѣ 3-лѣтняго отчаяннаго сопротивленія Суліоты отчасти голодомъ и утомленіемъ, отчасти измѣной Куцоники и

Руками крѣпко, крѣпко онъ сжималъ святую чашу
И много словъ неслышимыхъ шепталъ, взывая къ Богу.
Глазами, покраснѣвшими отъ бдѣній безпрерывныхъ,
Смотрѣлъ онъ, взора не сводя, на Божьи Кровь и Тѣло.
Какъ бурно море, гдѣ кипятъ надежды тайной волны!..
Молчите, клики бранные, затихни, громъ ружейный:
Передъ кончиной Самуилъ Причастіе пріемлетъ.
И вотъ, пока чернецъ глядѣлъ на Плоть и Кровь Господни,
Изъ глазъ его скатилася на дно священной чаши,
Росѣ подобна чистотой, слезинка незамѣтно.
— «О Боже мой и Отче мой! въ семъ мѣстѣ погребенный,
Я жаждалъ. Безъ воды Твое Причастіе святое
Несовершенно было бы. Прими, Творецъ сладчайшій,
Слезу мою злосчастную, не погнушайся ею:
Чиста она, нѣтъ скверны въ ней, идетъ она изъ сердца.
Прими ее, прими, Творецъ: другой воды взять негдѣ».
Сіяло солнце, и лучи сверкали на Сосудѣ.
Согрѣлась Кровь, надъ нею паръ, она живетъ и дышетъ.
И Самуилъ возликовалъ, увидѣвъ милость Божью,
И, трепеща, объемлетъ онъ Божественную чашу
И жметъ ее къ своимъ устамъ и чуетъ въ ней біенье,
Какъ будто въ сердцѣ трепетномъ, въ которомъ жизнь играетъ.
Разверзлись Царскія Врата, и воины склонились,
Челомъ суровымъ опустясь на мраморныя плиты
Въ недвижномъ ожиданіи того, что скажетъ старецъ.
Монахъ выходитъ, наконецъ. Лице его блистаетъ,
Какъ снѣгъ на горной высотѣ при мѣсячномъ сіяньѣ.
Въ своихъ израненныхъ рукахъ выноситъ онъ боченокъ,
А въ томъ боченкѣ скрыта смерть, огонь и безнадежность.
Остался этотъ лишь одинъ, но и его довольно.
Передъ Вратами ставитъ онъ боченокъ своеручно

Пильйо Гуси были доведены до того, что 15 декабря 1803 приняли предложенную имъ капитуляцію, на основаніи которой имъ предоставлялось безопасное удаленіе съ оружіемъ. Но, когда они сошли съ горы, на нихъ напали албанскіе солдаты Али-паши и произвели страшную рѣзню въ разстроенной толпѣ. Въ этой бойнѣ отличился необыкновенной храбростью іеромонахъ Самуилъ: съ горстью воиновъ отражая нападенія разъяренныхъ головорѣзовъ, онъ способствовалъ отступленію большинства своихъ согражданъ. Увидѣвъ ихъ въ безопасности, онъ съ пятерыми оставшимися при немъ сподвижниками бросился въ Кунги, небольшую башню на утесѣ, съ церковью Св. Параскевы. Окруженные со всѣхъ сторонъ, израненные, истомленные, лишенные воды, эти храбрецы выдерживали осаду въ теченіе двухъ дней, а на третій, выбившись изъ силъ, взорвали себя на воздухъ.

Валаорити изображаетъ этотъ геройскій подвигъ, какъ залогъ будущаго освобожденія Греціи, которое, какъ извѣстно, послѣдовало за возстаніемъ 1821–1827 г. Такое отношеніе поэта къ предмету стихотворенія необходимо знать для пониманія заключительныхъ трехъ стиховъ. *Примѣч. переводчика.*

И трижды молится надъ нимъ, креститъ его трикраты.
Какъ будто на Святой Престолъ, Дары гдѣ помѣщаютъ,
Монахъ сосудъ съ Причастіемъ поставилъ на боченокъ
И молча, безъ смущенія зажегъ свѣтильню съ сѣрой.
Стремительно ударились его колѣна объ-полъ,
И къ небу руки поднялъ онъ; лице его горѣло,
А пятеро въ безмолвіи въ глаза ему глядѣли.

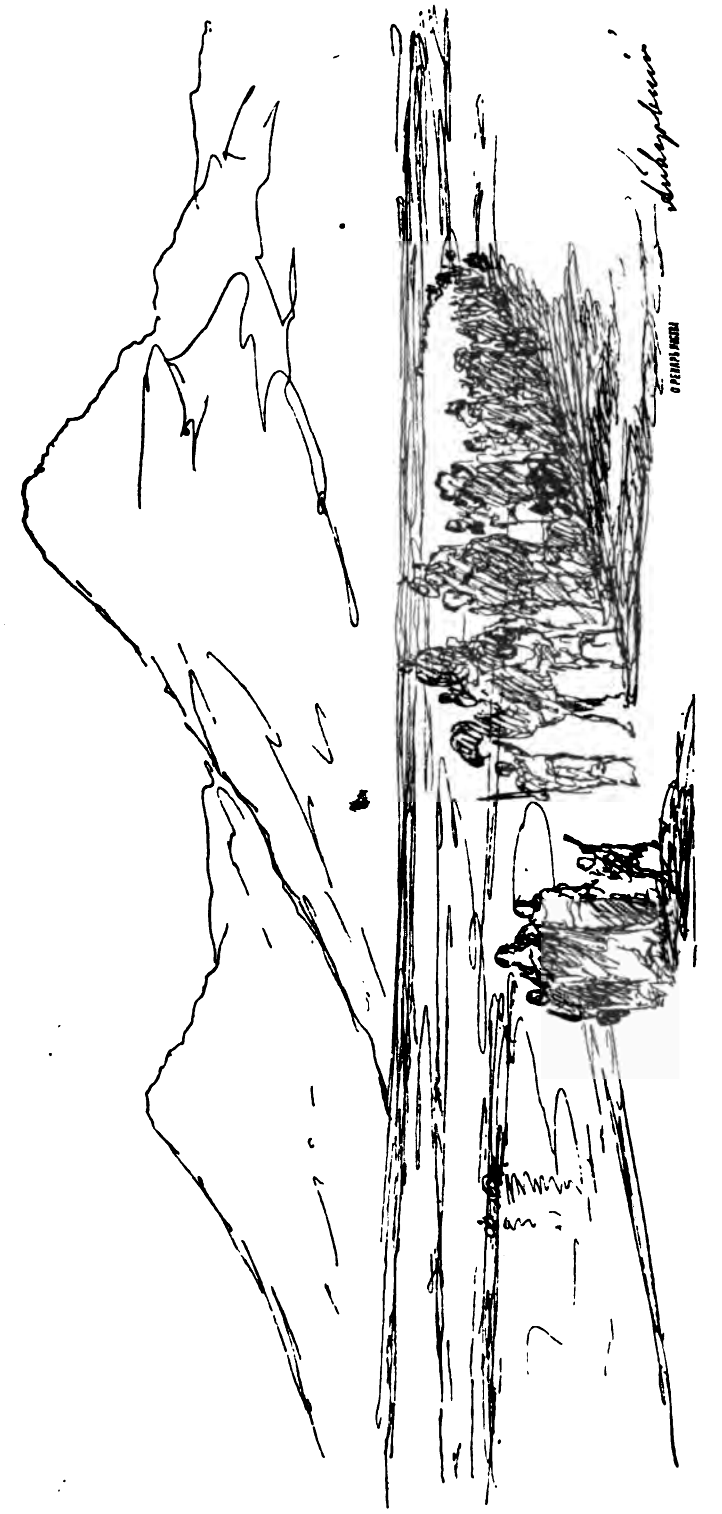
Молитва.

Отецъ мой, сорокъ лѣтъ Тебѣ
Я вѣрно службу правилъ,
И вотъ теперь на старости
Меня Ты вдругъ оставилъ.
Да будетъ то, что Ты рѣшилъ!
Но облегчи удары
Своей жестокой кары.
Тебѣ, оставшись сиротой,
Себя я предалъ, Боже!
Мнѣ Сули, какъ дитя мое,
Всѣхъ въ мірѣ благъ дороже.
Теперь его утратилъ я.
Насталъ мой часъ конечный;
Къ Тебѣ иду, Предвѣчный!
Взгляни, какъ мало насъ въ живыхъ!
Другіе перебиты,
Лежатъ, въ ущельяхъ брошены,
Всѣ ранами покрыты;
Друзьями не оплаканы,
Въ лѣсу, не на погостѣ,
Гніютъ погибшихъ кости.
Довольно нашихъ пожрано
И волкомъ здѣсь, и птицей.
Помилуй, Боже, по Твоей
Насъ милости велицѣй!
Теперь къ Тебѣ предстанемъ мы.
Насъ, какъ дѣтей родитель,
Прими въ Свою обитель.
Взгляни на руки, что къ Тебѣ
Подъемлются съ любовью,—
Взгляни: они обагрены
Враговъ невѣрныхъ кровью.
Благослови насъ и скажи:
«Щедротъ моихъ достоинъ
За вѣру храбрый воинъ».

Теперь все Сули вымерло;
Руки здѣсь нѣтъ здоровой,
Чтобъ саблю въ пальцахъ крѣпко сжать
Могла для битвы новой.
О, Всемогущій нашъ Отецъ,
Будь Ты роднымъ намъ краемъ!
Другого мы не знаемъ.
На небѣ, тамъ, гдѣ Твой престолъ,
Въ Твоемъ безмѣрномъ царствѣ
Даруй пріютъ хоть скромный намъ,
Погибшимъ здѣсь въ мытарствѣ,—
Чтобъ былъ на Сули онъ похожъ,
Съ такою же горою:
Тамъ Кунги я устрою.
Земли свободной въ Сули нѣтъ
Ужъ мнѣ на погребенье.
Создатель мой, яви свое
Ко мнѣ благоволенье:
Пусть Кунги, храмъ Твой и алтарь
Внутри себя могилу
Разверзнутъ Самуилу!
Нѣтъ, наше Кунги никогда
(Я въ томъ поклялся свято)
Не будетъ попираемо
Ногою супостата.
Ключи съ собой возьму; на мнѣ
Отвѣтъ за ихъ потерю;
Ихъ и Тебѣ не ввѣрю.
И въ небесахъ Ты своего
Раба не обездолишь:
Ты Самуилу ихъ носить
На поясѣ позволишь.
Не гнѣвайся на то, о чемъ
Твое созданье проситъ:
Пусть ихъ другой не носитъ.
Теперь, какъ мы всю скорбь свою
Излить Тебѣ дерзнули,
Прими насъ: покидаемъ мы
Свое родное Сули.
О Сули! я лишенъ тебя.
Душа, свою тревогу
Смири: пора въ дорогу».
Простерши руки къ пятерымъ товарищамъ, онъ молвилъ:
«О, милосердый Боже мой!
Предъ тѣмъ, какъ въ мірѣ новомъ,

Покинувъ землю, поселюсь
Я подъ Твоимъ покровомъ,
Одной прошу я милости:
Да будутъ эти дѣти
Со мной и въ горнемъ свѣтѣ!
Взгляни на бѣдныхъ: лишь моя
Забота ихъ ростила;
Любить они пріучены
Тебя да Самуила.
Не бойтесь, дѣти! я съ мольбой
Держу надъ вами руки.
Мы вмѣстѣ безъ разлуки».
За каплей капля, тяжело ихъ слезы упадаютъ,
И шумно трескается полъ, тѣ слезы принимая.
Они ихъ льютъ отъ горести, а не отъ страха смерти.
И между ними Самуилъ со влажными очами,
Одной рукою взявъ потиръ, держа другою лжицу,
По чину началъ раздавать Причастіе Господне.
И вотъ сподобился одинъ, за нимъ другой, ближайшій;
Потомъ даетъ онъ третьему; вкушаетъ и четвертый.
За нимъ идетъ къ послѣднему, и пятый пріобщился.
Когда же сладкимъ голосомъ чернецъ вознесъ молитву,
Да приметъ Тайной Вечери причастниковъ Сынъ Божій,
Раздался крикъ и шумъ и стукъ и вопли нападенья.
Нагрянули невѣрные—на что монахъ рѣшится?
А Самуилъ взглянулъ туда, откуда шумъ несется,
И, въ Чашѣ лжицей зачерпнувъ, пылающую каплю
Изъ крови Господа спустилъ въ пороховой боченокъ...
Сверкнули молніи кругомъ, и все загрохотало,
До неба освѣтился храмъ, и освѣтилось Кунги.
Какія свѣчи страшныя, кадильницы какія
Для похоронъ своихъ зажгло измученное Сули!...
Взвивается подъ небеса монашеская ряса
И растянулась широко, подобно грозной тучѣ,
И, словно чернымъ облакомъ, закрылось ею солнце.
Покуда дымъ ее носилъ, собою подпирая,
Она летала въ воздухѣ, какъ призракъ духа смерти,
И въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тѣнь ея багровая мелькала,
Какъ бы отъ тайнаго огня, деревья выгорали.—
А съ первыми зарницами и вешними дождями
Пошла трава зеленая, маслины, лавры, мирты,
Надежды, битвы славныя и радость и свобода.

Ѳ. Корш



Сошествіе Ноя съ Арарата (Оригин. рис.) Айвазовскаго.

Большой и Малый Араратъ. Араратъ съ долины Аракса.

Древняя страна Урарту (Араратъ).

I.

На сѣверѣ Месопотаміи, на верховьяхъ Тигра и Ефрата и около озеръ Вана, Урміи и Гокчайскаго жило многочисленное племя, не имѣющее никакого родства съ семитскими племенами Сиріи и Месопотаміи. Въ ассирійскихъ памятникахъ X и IX вѣка до Р. Х. оно называлось собирательнымъ именемъ странъ Наири. Во второй половинѣ IX в. эти племена собираются въ одно государство, которое въ ассирійскихъ памятникахъ называется страною *Урарту*, въ еврейскихъ библейскихъ книгахъ *Араратомъ* (имена эти тождественны). Центръ этого царства первоначально былъ на сѣверѣ въ горной странѣ, если не около самого Большого Арарата, въ предѣлахъ Эриванской низменности, то во всякомъ случаѣ сѣвернѣе Ванскаго озера. Ассирійскій царь Салманассаръ чтобы достигнуть средоточія этого царства, долженъ былъ подняться на горы, лежавшія на сѣверѣ Вана, и уже послѣ совершенныхъ побѣдъ спустился вн зъ къ Ванскому озеру. Въ виду того, что Эриванская низменность между горами Араратомъ и Алагёзомъ по сіе время называется Айраратскою областью, весьма вѣроятно, что въ этой низменности, въ предѣлахъ, ограниченныхъ вышеназванными горами, находилось первоначальное царство Урарту. Но впослѣдствіи, въ первой половинѣ VIII в., центръ этого царства, всего вѣроятнѣе по стратегическимъ соображеніямъ, переносится на югъ, къ восточнымъ берегамъ Ванскаго озера, гдѣ находится нынѣшній городъ Ванъ. Огромная неприступная ванская

скала съ окружающими ее хребтами служила передовымъ оплотомъ для новаго царства въ его войнахъ съ ассирійцами. Здѣсь въ продолженіи болѣе ста лѣтъ царствуетъ династія изъ 6 царей, преемственно отъ отца къ сыну передававшихъ свою власть; въ лицѣ этой династіи выступаетъ на всемірно историческое поприще одинъ изъ самыхъ сильныхъ противниковъ, какихъ имѣла великая ассирійская монархія. Почти ежегодно ассирійскіе завоеватели предпринимаютъ походы въ эту горную мѣстность на энергическое племя урартійцевъ или араратцевъ, которое не только даетъ сильный отпоръ ассирійцамъ, но даже, насколько можно судить по оставшимся памятникамъ, переходитъ въ наступленіе, съ явнымъ намѣреніемъ оспаривать ту роль міровой державы, какую присвоила себѣ Ассирія. Передъ эпохою Тиглатъ-Пилесера III, т. е. въ первой половинѣ VIII в., перевѣсъ явно былъ на сторонѣ Урарту, весь сѣверъ и частію западъ ассирійской монархіи перешелъ въ руки Урарту. Вѣсы колебались и могло случиться, что вмѣсто семитскаго племени племя урартское будетъ обладать міромъ и направлять ходъ всемірной исторіи. Но перемѣна правленія и неожиданный подъемъ силъ спасъ Ассирію. Страна Урарту была побѣждена, но при слѣдующемъ царѣ Саргонѣ урартскій царь Руса или Урса, какъ называютъ его ассирійскія надписи, поднялъ весь сѣверъ и западъ противъ Ассиріи, произошло ужасное единоборство племенъ урартскаго и семитскаго, окончившееся пораженіемъ перваго.

Памятниками этого періода остались многочисленныя надписи, которыхъ открыто въ настоящее время около ста; ключъ къ нимъ найденъ, но языкъ надписей не удалось еще отождествить ни съ одною изъ извѣстныхъ намъ лингвистическихъ группъ. Поэтому этнографически точно опредѣлить это племя пока нельзя; отсюда и разнообразныя наименованія его—алародійскимъ, урартскимъ, ванскимъ, халдейскимъ; всѣ эти названія пока условныя. Очень можетъ быть, что среди многочисленныхъ кавказскихъ горцевъ найдутся гдѣ-нибудь потомки этого нѣкогда великаго народа. На своемъ національномъ языкѣ страна эта называлась не Урарту, какъ въ ассирійскихъ надписяхъ, а Біайна, имя, которое можно считать тождественнымъ съ нынѣшнимъ названіемъ города Вана. Большая часть надписей находится въ самой цитадели Вана и въ окрестностяхъ Вана, равно какъ на сѣверныхъ берегахъ Ванскаго озера. Но попадаются надписи и въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ Вана, именно около Урміи къ востоку и около Эрзерума къ сѣверозападу. Наконецъ 25 надписей найдены въ предѣлахъ нашего государства, въ Эриванской губерніи и Карсской области. Эти 25 надписей, помимо своего историческаго и лингвистическаго значенія, представляютъ и не малый географическій интересъ. Многія изъ надписей находятся на скалахъ и повѣствуютъ о завоеваніи странъ, о строеніи городовъ, дворцовъ, проведеніи каналовъ и т. п. Мѣстоположеніе надписей даетъ намъ часто прямое указаніе на положеніе странъ, городовъ и каналовъ, упоминаемыхъ въ надписяхъ. Безъ всякаго сомнѣнія, большинство географическихъ именъ ничего не имѣютъ общаго съ нынѣшнимъ названіемъ мѣстностей, но по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ уже по сіе время могутъ быть отождествлены съ современными названіями, а впослѣдствіи удастся, быть можетъ, и остальныя названія пріурочить къ нынѣшнимъ мѣстностямъ.

Культура этого царства вполнѣ должна была носить отпечатокъ ассиро-

вавилонской. Объ этомъ съ очевидностью свидѣтельствуетъ уже одно то, что текстъ надписей урартскихъ царей изображенъ ассирійскими клинообразными знаками. Мало того, двѣ надписи древнѣйшаго изъ царей Вана, Сардури I, написаны на ассирійскомъ языкѣ. Чрезвычайно трудная система клинообразныхъ знаковъ была упрощена: изъ множества знаковъ были выбраны только нѣкоторые, простѣйшіе, и приспособлены къ звукамъ урартскаго языка. Стиль надписей представляетъ также подражаніе надписямъ ассирійскихъ царей, что въ значительной степени помогло ихъ дешифрированію. Но несмотря на эту очевидную зависимость въ культурномъ отношеніи отъ ассиро-вавилонянъ, народъ урартскій представляетъ весьма ясныя черты оригинальности и самобытности, напр. въ одеждѣ, вооруженіи, въ архитектурныхъ постройкахъ. Религія ихъ, подобно языку, была почти совершенно особою, несмотря на нѣкоторыя совпаденія идеограммъ божествъ съ ассиро-вавилонскими.

II.

Ванскіе завоеватели проникли въ низменность Арарата всего вѣроятнѣе прямымъ путемъ чрезъ ущелье Бендемагу и по близости Большаго Арарата, съ запада отъ него, переваливши хребетъ Агры-дагъ чрезъ Чингильскій перевалъ. Здѣсь они спускались въ роскошную Эриванскую низменность, въ то время, вѣроятно, густо населенную и обильно орошаемую водами Аракса, который протекаетъ по этой равнинѣ. Первый царь, о походахъ котораго въ Эриванскую низменность, мы знаемъ, былъ Менуа, жившій въ самомъ началѣ VIII в. до Р.Х. По выходѣ изъ ущелья онъ двинулся по направленію къ Большому Арарату, гдѣ верстахъ въ 25 отъ перевала находился весьма значительный центръ мѣстнаго владычества, именно городъ *Лухіунини*, бывшій столицей царства или графства *Эридуахи*. Городъ находился неподалеку отъ нынѣшней армянской деревни Ташбурунъ, вѣроятно, въ самой долинѣ, но и сосѣдніе съ нею склоны Большаго Арарата, круто поднимающіеся изъ равнины, представляли, вѣроятно, въ то время рядъ крѣпостей, обладаніе которыми доставляло ключъ къ господству надъ всею Эриванскою низменностью. Изъ найденныхъ въ этой мѣстности 3-хъ надписей, изъ которыхъ одна въ 24 строки выгравирована на огромномъ камнѣ поблизости отъ Арарата, въ долинѣ, видно, что завоеваніе этого города стоило большихъ усилій ванскому царю и результаты его были для него чрезвычайно важны. Завоевавъ городъ, ванскій царь занялся постройками и говоритъ о возстановленіи дворцовъ и храмовъ. Это обстоятельство даетъ поводъ думать, что ванскіе цари не въ первый разъ въ его лицѣ проникли въ эту область, что эти пришедшія въ развалины и возстановленныя ими постройки принадлежали тому періоду, когда царство Урарту имѣло своимъ центромъ Эриванскую низменность, гдѣ оно, быть можетъ, и имѣло столкновеніе съ ассирійцами. Переселившись на югъ, въ Ванъ, они не переставали смотрѣть на сѣверную страну, какъ на свою собственную, но разстояніе и борьба съ могущественной Ассиріею отвлекали ихъ отъ ихъ первоначальной родины и дали возможность мѣстнымъ царямъ сдѣлаться независимыми. Прежнія ихъ столицы принадлежали мѣстнымъ правите-

лямъ, которые не имѣли возможности поддерживать огромныя сооруженія, оставленныя имъ, такъ какъ это подъ силу было только могущественнымъ монархамъ. Къ этимъ сооруженіямъ принадлежали и каналы и вообще тѣ постройки, посредствомъ которыхъ регулировалось теченіе рѣки Аракса и распредѣлялось получаемое изъ него орошеніе. Возстановленныя имъ зданія дворцовъ и храмовъ Менуа назвалъ собственнымъ именемъ, равно какъ самый городъ «мѣстопребываніемъ Менуа—(Menuachinili). Безъ всякаго сомнѣнія, ванскій царь не жилъ и не могъ жить въ этомъ городѣ и въ этихъ дворцахъ, имѣя свою дѣйствительную резиденцію въ Ванѣ (Туспа) и занятый своими походами, но столь заботливое сооруженіе дворцовъ и храмовъ въ этой далекой отъ его столицы мѣстности свидѣтельствовало о томъ, что въ глазахъ ванскаго царя этотъ городъ имѣлъ значеніе столицы, резиденціи, подобно Вану (Туспа), и нужно думать, что и въ дѣйствительности городъ Лухіунини въ его царствованіе представлялъ важнѣйшій политическій и культурный центръ во всей Эриванской низменности и былъ постоянною резиденціею его намѣстника или вице-короля.

Надписи Менуа найдены только около Ташбуруна на мѣстѣ его столицы Лухіунини, и есть основаніе думать, что онъ въ своихъ завоеваніяхъ не проникалъ далѣе въ долину Аракса и даже не переходилъ эту рѣку. Послѣднюю задачу покоренія всей долины Аракса пришлось разрѣшить его знаменитому сыну Аргишти I. Это—былъ одинъ изъ великихъ монарховъ Востока, завоевавшій у Ассиріи весь ея сѣверъ и частію западъ и давшій своему племени временное преобладаніе надъ семитскимъ. Имъ оставлено и болѣе всего надписей, большею частью въ самомъ Ванѣ, причемъ одна надпись вырѣзана на фасѣ Ванской скалы и заключаетъ въ себѣ около 500 строкъ. Подобно надписямъ ассирійскихъ царей она содержитъ анналы его царствованія въ хронологическомъ порядкѣ и можетъ быть поставлена на одномъ уровнѣ съ Бегистунскою надписью Дарія, такъ какъ служитъ памятникомъ преобладанія въ передней Азіи Урартской расы. Этотъ Аргишти, завоевавшій весь югъ до самаго сердца Ассиріи и проникшій въ страну Хатти (Хеттея) въ сѣверной Сиріи, имѣлъ время развить свою завоевательную дѣятельность и на сѣверѣ. Онъ перешелъ Араксъ и здѣсь на другомъ его берегу, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь возвышается холмъ, признаваемый армянами за мѣстоположеніе своей древней столицы Армавира, основалъ другую столицу, которая была для него тѣмъ же, чѣмъ для его отца Лухіунини, нынѣшній Ташбурунъ. Этотъ небольшой продолговатый холмъ занимаетъ выдающееся положеніе въ долинѣ, и мѣсто было весьма удачно выбрано.

Армавирскія надписи принадлежатъ тремъ царямъ: Аргишти I, его сыну Сардури II, а одна,—впервые обнаруженная и прочитанная мною, Русѣ II, жившему около 100 лѣтъ спустя во 2-ой половинѣ VII в. до Р. X. Изъ этихъ надписей видно, что дѣйствительнымъ строителемъ этого укрѣпленія былъ Аргишти. Но и здѣсь повторяется тотъ же замѣчательный фактъ, что и въ Ташбурунѣ, т. е. что Аргишти говоритъ о возстановленіи разрушенныхъ храмовъ и дворцовъ. Это опять показываетъ, что Армавирскій холмъ еще въ до-ванскую эпоху былъ царскою резиденціей, но былъ совершенно покинутъ, такъ какъ въ надписяхъ ничего не говорится о завоеваніи этого мѣста, какъ въ надписи Ташбурунской. Возобновивъ городъ и его зданія, Аргишти, подобно своему отцу,

назвалъ его своимъ именемъ *Аргиштихинили* т. е. мѣстопребываніемъ Агишти. Очень можетъ быть, что есть связь этого назнанія съ названіемъ Армавиръ, миѳической столицы Арменіи, основанной, по Моисею Хоренскому, за 2 тыс. лѣтъ до Р. Х. Этотъ Армавиръ подъ именемъ *Armauria* былъ дѣйствительнымъ городомъ во времена Птоломея, въ Армянскій періодъ исторіи этой страны.

Изъ Армавира ванскіе цари Аргишти и его преемники имѣли легкій доступъ по всѣмъ направленіямъ къ горнымъ странамъ Малаго Кавказа. Ихъ стремленіе явно направлялось на сѣверъ, и они испробовали и частію овладѣли тѣми естественными и традиціонными путями, которые вели чрезъ Малый Кавказъ на Большой Кавказъ. Первый и ближайшій путь направлялся изъ Эриванской низменности къ сѣверовостоку. Это тотъ путь, по которому въ настоящее время происходитъ движеніе изъ Эривани въ Тифлисъ.

Изъ Армавира въ Эривань путь по равнинѣ совершенно безпрепятственный. Нужно думать, что городъ этотъ или одноименная съ нимъ страна существовала въ ванскій періодъ Закавказья. Эривань лежитъ въ самомъ подножіи хребта, запирающаго съ сѣверо-востока Эриванскую низменность, на горной рѣчкѣ Зангу, которая вытекаетъ изъ Гокчи на сѣверозападъ и течетъ по горной мѣстности, направляясь чрезъ Эривань къ Араксу. Рѣчка эта сама по себѣ должна бы служить тоже естественнымъ путемъ на сѣверъ, еслибы рядомъ съ нею по самымъ склонамъ горъ не было пути болѣе удобнаго, чѣмъ ущелье Зангу. Но долина Зангу должна была имѣть важное значеніе, какъ одинъ изъ источниковъ орошенія полей и производительности почвы. Нужно думать, что система рѣки Зангу была средоточіемъ маленькаго государства, которое называлось по имени нынѣшней Эривани. Въ одной изъ надписей, о которой я еще буду говорить, упоминается страна *Eriaini*—созвучіе съ Эриванью такъ поразительно, что трудно не признать тожества этихъ названій, тѣмъ болѣе, что этимологія имени Эривань не поддается объясненію ни на одномъ изъ мѣстныхъ языковъ. Самая долина Аракса, по крайней мѣрѣ въ южной части Эриванской низменности, прилегающей къ Большому Арарату, называлась, какъ мы видѣли, *Эридуахи*—именемъ созвучнымъ съ Эріани. Впрочемъ, надобно думать, что крѣпость *Эривань (Eriaini)* въ урартскую эпоху находилась не на мѣстѣ нынѣшней Эривани, а на разстояніи версты отъ нея, на сѣверо-востокъ около селенія Чалмакчи. Здѣсь на одномъ холмѣ, имѣющемъ названіе по армянски «Аринъ-бертъ», по татарски «Ганли—тапа», найдена клинообразная надпись, говорящая о сооруженіи крѣпости царемъ Аргишти. Остатки крѣпости, по изслѣдованію А. А. Ивановскаго, имѣютъ всѣ признаки урартскаго происхожденія. Очень можетъ быть, что страна Эріаини захватывала и часть самой низменности по крайней мѣрѣ настолько, насколько достигала ирригаціонная система Зангу.

Въ 15 верстахъ отъ Эривани, около 1-й станціи шоссейной дороги, въ одномъ небольшомъ ущельи, близъ деревни Эйляръ, виднѣется на скалахъ ущелья огромной величины камень, который нельзя было перетащить изъ другаго мѣста, съ клинообразною надписью изъ 11 строкъ. Надпись прекрасно сохранилась, и въ ней царь Аргишти I повѣствуетъ о своемъ завоеваніи страны Улуани и города Дарани. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что страну Улуани и го-

родъ Дарани надобно искать въ той мѣстности, гдѣ находится этотъ замѣчательный монументъ. Какъ страна, такъ и городъ, имѣли, какъ видно, немаловажное политическое значеніе, если великій Аргишти нашелъ нужнымъ увѣковѣчить ихъ завоеваніе надписью, которая невредимо сохранилась до сего времени.

Покоривъ эту страну и соорудивъ памятникъ своей побѣды, Аргишти отправился далѣе къ сѣверозападу по той же дорогѣ, которая теперь служитъ единственнымъ трактомъ изъ Эривани въ Тифлисъ. Не болѣе одного дня ему нужно было, чтобы добраться до Гокчи, съ той его стороны, гдѣ получаетъ начало рѣка Зангу и гдѣ находится Севангскій островъ съ замѣчательнымъ въ настоящее время монастыремъ того же имени. Памятникомъ его пребыванія здѣсь и завоеваній осталась также клинообразная надпись, высѣченная имъ на одной скалѣ на самомъ берегу озера, близъ армянскаго селенія Ордаклю. Изъ этой надписи въ 9 строкъ мы узнаемъ, что покоренная имъ въ этой мѣстности страна называлась Кіехуни и что здѣсь также былъ городъ Иштикуни. Замѣчательно, что въ армянскій періодъ исторіи Закавказья страна на сѣверѣ Гокчи называлась Кегахуни, — названіе, которое совершенно покрывается древнимъ Кіехуни. Неподалеку отъ селенія Ордаклю, въ полуверстѣ отъ надписи, находится также холмъ, образующій берегъ озера, весьма похожій на холмъ въ Эйлярѣ, съ остатками древнихъ построекъ. Быть можетъ, здѣсь находился городъ Иштикуни.

Съ береговъ Гокчи Аргишти стоило только одного дневнаго перехода, чтобъ пройти Семеновскій перевалъ и спуститься въ Делижанское ущелье, откуда открывался свободный доступъ къ Большому Кавказу въ долину рѣки Куры; но на этомъ пути не найдено ни одной клинообразной надписи и ни одного памятника тогдашней эпохи, а потому мы и не знаемъ, пытался ли Аргишти овладѣть этою дорогой и расширить свои завоеванія въ этомъ направленіи. Но что этотъ путь для него былъ открытъ и онъ имѣлъ его въ виду при своихъ движеніяхъ на сѣверъ, въ этомъ едвали можно сомнѣваться. Точно также мы не знаемъ, продолжалъ ли онъ свои завоеванія вдоль Гокчи. Поэтому мы возвратимся опять съ береговъ Гокчи къ покинутому нами Армавиру, чтобы попытаться найти въ другомъ направленіи тѣ тракты и тѣ мѣстности, которые отмѣчены походами знаменитаго ванскаго завоевателя.

III.

Другой путь на сѣверъ лежалъ изъ Армавира по долинѣ рѣки Арпачая вдоль по западному склону Алагеза въ низменность нынѣшняго Александрополя, откуда открывается дорога съ одной стороны въ горы высокой Арменіи, нынѣ Карсской области, съ другой по долинѣ Арпачая можно было также проникнуть чрезъ Малый Кавказъ въ долину рѣки Куры, чрезъ нынѣшніе Ахалкалаки и Ахалцихъ. Это путь гораздо болѣе затруднительный, чѣмъ долина Акстафы, но онъ тоже естественный путь къ сѣверному Кавказу.

У самаго подножія югозападнаго пика Алагеза начинаются два самыхъ большихъ ущелья Алагеза, пройденныя мною во время экспедиціи: одно, Ам-

пертское направляется къ юговостоку по теченію рѣки Ампертъ, впадающей въ Касахъ при подошвѣ Алагеза, другое идетъ въ противоположномъ направленіи къ сѣверозападу; по нему течетъ горная рѣчка Карангу, направляющаяся по склонамъ Алагеза и впадающая затѣмъ въ рѣку Арпачай. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ совсѣмъ кончается ущелье, при селеніи Гулиджанъ, на стѣнѣ ущелья и на самомъ берегу рѣки имѣется надпись Аргишти въ 7 строкъ, весьма хорошо сохранившаяся. Она говоритъ о завоеваніи Аргишти страны Куліаини и города Дурубани. Это маленькое государство Куліаини должно было находиться въ этой мѣстности и очень вѣроятно въ нынѣшнемъ названіи селенія Гулиджанъ скрывается старинное имя страны Куліаини, городъ же Дурубани надобно отыскивать, если не на мѣстѣ Гулиджана, то по близости отъ него.

Отъ Голиджана всего только 18 верстъ до Александрополя; по очень удобному спуску можно было нроникнуть въ низменность къ этому важному стратегическому пунку. Неподалеку отъ нынѣшняго александропольскаго полигона, въ какихъ-либо 8 верстахъ къ сѣверу, въ самомъ ущельѣ Арпачая раскинулось большое селеніе Ганлиджа; надъ нимъ высится холмъ съ остатками старинныхъ построекъ, очень удобный для крѣпости, а рядомъ съ нимъ на одной базальтовой стѣнѣ высѣчена прекрасная 5-ти строчная клинообразная надпись Аргишти. Она такъ отлично сохранилась, что какъ будто бы она написана была вчерашній день. Въ ней Аргишти говоритъ о покореніи страны Эріахи и города Ирданіуни. Страна Эріахи находилась вѣроятно въ низменности, а городъ Ирданіуни на мѣстѣ нынѣшней Ганлиджи. Прекрасный памятникъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что онъ отмѣчаетъ для насъ по крайней мѣрѣ самый сѣверный предѣлъ, до котораго простирались завоеванія Аргишти. Пунктъ этотъ былъ въ то время такъ же важенъ, какъ Александрополь въ послѣднее время. Отъ него открывался путь по всѣмъ направленіямъ внутрь страны; къ востоку можно было проникнуть въ Делижанское ущелье, на сѣверѣ открывались ворота въ долину рѣки Куры и къ Большому Кавказу. Овладѣвъ этимъ важнымъ стратегическимъ пунктомъ, Аргишти, можно сказать, имѣлъ въ своихъ рукахъ всѣ проходы чрезъ Малый Кавказъ: онъ могъ дифилировать и чрезъ долину Акстафы и чрезъ долину Арпачая, но воспользовался ли онъ этими воротами, которыя были, очевидно, въ его рукахъ, чтобы пронести свое оружіе и свою культуру далѣе на сѣверъ къ высотамъ Большаго Кавказа, на этотъ вопросъ мы не можемъ дать рѣшительнаго отвѣта. Но сказать съ рѣшительностію, что онъ не дѣлалъ этихъ попытокъ, тоже нельзя, такъ какъ нельзя ручаться, что дальнѣйшія изслѣдованія не дадутъ намъ новыхъ показаній въ совершенно неожиданномъ свѣтѣ. Положеніе Александрополя, равно какъ и Ганлиджи важно еще тѣмъ, что открываетъ путь въ совершенно другомъ направленіи. Здѣсь лежитъ дорога въ высокую Арменію, нынѣ Карсскую область. Это тотъ самый путь, по которому шли наши войска въ прошлую русско-турецкую войну, вторгнувшись изъ Александрополя въ предѣлы Турціи, т.-е. чрезъ Карсъ, Сарыкамышъ на Эрзерумъ. Этотъ путь былъ очень древнимъ, и царь Аргишти безъ всякаго сомнѣнія проходилъ этимъ путемъ. О стратегическомъ значеніи этого пути въ урартскую эпоху свидѣтельствуютъ открытыя въ 1894 г. А. А. Ивановскимъ остатки древнихъ укрѣпленій въ долинѣ Карсъ-Чая. Принадлежитъ ли сооруженіе этихъ крѣпостей са-

мому Аргишти или его преемникамъ, мы не знаемъ, но принадлежность ихъ ко урартской эпохѣ едвали можетъ подлежать сомнѣнію: очень можетъ быть даже, что его движеніе въ Эриванскую низменность было обратное тому, какое мною указано, т.-е. онъ не чрезъ Чингильскій перевалъ достигалъ Армавира и Александрополя (Ганлиджи), а напротивъ чрезъ Эрзерумъ—Карсъ—Александрополь достигалъ Эриванской низменности и оттуда чрезъ Чингильскій перевалъ возвращался обратно. Что всѣ эти пути ему были доступны, объ этомъ свидѣтельствуетъ, кромѣ вышеупомянутыхъ надписей, надпись найденная въ Сарыкамышѣ и находящаяся въ настоящее время въ Тифлисскомъ музеѣ. Надпись эта найдена на самой нынѣшней русско-турецкой границѣ на пути изъ Карса въ Эрзерумъ. Дорога же изъ Вана въ Эрзерумъ еще была открыта дѣдомъ Аргишти, царемъ Ишнуини, оставившимъ свою надпись недалеко отъ Эрзерума. Саракамышская надпись интересна тѣмъ, что говоритъ о завоеваніи Аргишти страны Этіуни. Это названіе въ другихъ надписяхъ Аргишти служитъ общимъ терминомъ для обозначенія всей сѣверной провинціи, отвѣчающей нынѣшнему Закавказью. Это отчасти подтверждается и разсмотрѣнною уже нами Эйлярскою надписью, въ которой страна Улуани является частью большаго цѣлаго, именно страны Этіуни. Такимъ образомъ, по закавказскимъ надписямъ страна Этіуни простиралаеь отъ Саракамыша до Эривани или Эйляра. Кромѣ того, въ той же надписи есть интересное названіе города Ахуріани, завоеваннаго Аргишти, имя это тождественно съ армянскимъ названіемъ Арпачая *Ахурьянъ*. Къ сожалѣнію, Карсская область остается до сего времени еще малоизслѣдованною, но есть основаніе думать, что въ ея предѣлахъ могутъ найтись новые памятники урартскаго періода и клинообразныя надписи ванскихъ царей.

IV.

Мы видимъ, что Аргишти достигалъ почти до самыхъ сѣверныхъ береговъ Гокчайскаго или Севангскаго озера. Но пытался ли онъ завладѣть другими берегами этого озера, мы не знаемъ, между тѣмъ намъ вполнѣ извѣстно, что его преемники утвердили на немъ свое господство. Нужно замѣтить, что берега этого озера до послѣдняго времени были мало изслѣдованы въ географическомъ, этнографическомъ и археологическомъ отношеніи. Только благодаря экскурсіи, совершенной лѣтомъ 1893-го года по порученію Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества А. А. Ивановскимъ, мы теперь имѣемъ болѣе близкое понятіе о берегахъ этого озера и находящихся на нихъ памятникахъ. Большое озеро это имѣетъ въ длину съ сѣверо-запада на юго-востокъ до 70 верстъ, въ ширину въ нѣкоторыхъ мѣстахъ достигаетъ 35 и болѣе верстъ. Оно расположено въ центрѣ большаго поднятія почвы, на высотѣ около 7 т. ф. и представляетъ потухшій и наполненный водою огромный кратеръ вулкана. Берега его высокіе, скалистые и не вездѣ удобные для поселенія. Это особенно слѣдуетъ сказать о восточныхъ берегахъ озера, столь возвышенныхъ, что они достигаютъ почти снѣговой линіи, до 9 т. ф. На этихъ берегахъ почти нѣтъ въ

настоящее время поселеній и трудно думать, чтобы когда-либо въ прежнее время они могли быть. Берега же западные и южные болѣе доступны и удобны для человѣческихъ поселеній.

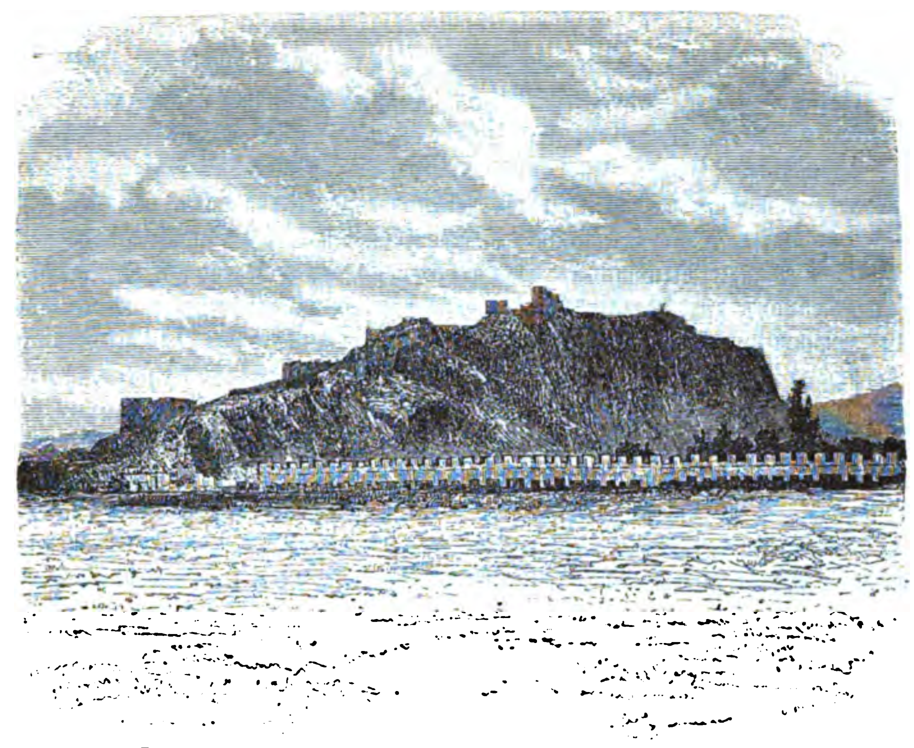
На юго-восточномъ углу озера, неподалеку отъ берега, на одной скалѣ около селенія *Захалу* находится клинообразная надпись, прекрасный эстампажъ съ которой былъ снятъ А. А. Ивановскимъ. Она принадлежитъ сыну и преемнику Аргишти Сардури II и говоритъ о завоеваніи имъ страны Аркукини. Эта страна, безъ всякаго сомнѣнія находившаяся на южномъ берегу Гокчи, въ свою очередь составляла часть другой страны, называющейся въ надписи *Уртахини*. Названіе это интересно для насъ потому, что въ немъ возможно находить урартскую форму названія самой страны Урарту, до сего времени не встрѣчавшуюся въ урартскихъ надписяхъ. Объ объемѣ и положеніи этой страны, конечно, трудно судить.

Надпись Захалу отмѣчаетъ намъ крайній восточный предѣлъ, гдѣ мы пока можемъ находить слѣды ванскихъ завоеваній въ Закавказьѣ. Но не въ очень далекомъ разстояніи отъ нея, на томъ же южномъ берегу Гокчайскаго озера, близъ селенія Келаны-Кирланы находится памятникъ огромной важности изъ разсматриваемой нами эпохи. Здѣсь на высокомъ скалистомъ берегу, надъ самыми волнами озера, высѣчена довольно значительная по объему клинообразная надпись, которая уже съ давняго времени интересовала русскихъ и иностранныхъ археологовъ. Но попытки достигнуть до нея и снять ее были неудачны по ея недоступности ни съ сухого пути, ни со стороны озера. Заграничные ученые, особенно Оксфордскій проф. *Сэйсъ*, неоднократно въ своихъ трудахъ, обращались къ русскому правительству съ заявленіями о необходимости снаряженія экспедиціи для снятія этой надписи, имѣющей, по предположеніямъ, большое историческое значеніе. Во время нашей совмѣстной экспедиціи на Кавказъ отъ Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, лѣтомъ 1893 года, моему почтенному другу А. А. Ивановскому удалось блистательно разрѣшить эту трудную задачу и подарить наукѣ эстампажъ съ этой надписи, который представляетъ вполнѣ точное и ясное воспроизведеніе того, что находится на самой надписи. Надпись эта уже мною издана и сдѣлалась общимъ достояніемъ науки. Значеніе ея уже оцѣнено западными учеными. Она доставляетъ намъ новыя и совершенно неожиданныя историческія и географическія данныя первой важности. Надпись принадлежитъ тому ванскому царю, отъ котораго до сего времени не было найдено надписей и о которомъ мы знали только изъ ассирійскихъ источниковъ, это именно тому Урсѣ, который велъ отчаянную борьбу съ Саргономъ, царемъ ассирійскимъ, возбудивъ противъ него всѣ народы сѣвера. Побѣда осталась за ассирійцами, но борьба была упорна и продолжительна, и ея герой Урса занимаетъ почетное мѣсто въ анналахъ Саргона въ качествѣ его противника. Изъ настоящей надписи, единственной пока принадлежащей этому царю, мы узнаемъ, что онъ былъ сыномъ Сардури II, и такимъ образомъ ванская династія изъ 5 царей, преемственно отъ отца къ сыну царствовавшихъ въ Ванѣ, дополняется еще однимъ членомъ. Его національное имя *Руса*, по числу I, въ отличіе отъ II-го, о которомъ я говорилъ и который жилъ 100 лѣтъ спустя. Но содержаніе надписи, кромѣ принадлежности этому царю, имѣетъ весьма важное значеніе и

въ другихъ отношеніяхъ и особенно въ географическомъ. Въ надписи говорится о покореніи Русой I 23 странъ и о построеніи дворца въ этой мѣстности. Послѣднее обстоятельство весьма интересно. Кромѣ Ташбуруна и Армавира мы встрѣчаемъ здѣсь 3-й центръ ванскаго господства въ этой мѣстности, новую резиденцію урартскихъ монарховъ. Какъ называлась эта резиденція, мы не знаемъ, но вѣроятно только потому, что нижняя часть надписи, повѣствующая о постройкахъ, сильно разрушена, благодаря тому, что она находилась въ древнее время, когда вода въ озерѣ была выше нынѣшняго уровня, подъ прибоемъ волнъ. Но по соотвѣтствію съ двумя разсмотрѣнными нами центрами, носившими имена ихъ основателей и реставраторовъ, мѣсто это носило имя Русы и называлось вѣроятно *Rusachinili*, въ соотвѣтствіи *Menuachinili* (Ташбурунъ) и *Argistichinili* (Армавиръ). Здѣсь, между прочимъ, Руса построилъ храмъ общеурартскому божеству Теишба, богу водной стихіи, который, быть-можетъ, былъ спеціальнымъ покровителемъ обширной Гокчи и имѣлъ, по тогдашнимъ вѣрованіямъ, въ ея водахъ свое любимое мѣстопребываніе.

Въ результатѣ оказывается, что ванскіе цари владѣли двумя единственно доступными путями изъ нынѣшней Турціи на Кавказъ: это—чрезъ Чингильскій перевалъ и чрезъ Эрзерумъ-Александрополь; имѣли въ Закавказьѣ 3 главныхъ центра своего господства, два—въ долинѣ Аракса и одинъ на Гокчѣ; владѣли также обоими главнѣйшими проходами чрезъ Малый Кавказъ на сѣверъ, хотя мы не знаемъ, были ли по ту сторону Малаго Кавказа; оставили намъ нѣсколько десятковъ географическихъ названій странъ и городовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя уже теперь могутъ быть вполнѣ точно пріурочены къ извѣстнымъ мѣстностямъ.

Севангскій мон. на о. Гокчѣ.



Ванская цитадель (Турец. Арм.) съ клинообразными надписями.

Ассирія и Урарту.

(*Историко-психологическіе наброски*).

Клинообразныя надписи ванскихъ царей, открытыя въ предѣлахъ Россіи М. В. Никольскаго. М., 1893.—Древняя страна Урарту и слѣды ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ. Его же. Землевѣдѣніе. 1895. кн. 1-я и 1-е изданіе „Брат. Помощи пострад. армянамъ".

I.

Какой нравственный смыслъ получатъ событія конца XIX-го вѣка на Востокѣ при свѣтѣ старыхъ народныхъ преданій и новѣйшихъ ученыхъ открытій въ древнѣйшей странѣ міра и чѣмъ можетъ быть искуплено преступленіе, совершаемое у могилы праотцевъ? Въ чемъ заключались особенности всеміpныхъ имперій, какъ орудій гнѣва (каковы Ассиро-Вавилонскія) или какъ орудій милосердія, любви и умиротворенія (какою могла быть имперія Урарту и Хеттеевъ). Чѣмъ должна быть имперія, стоящая у Арарата,—и близъ священной рѣки (Наири) Урарту, чѣмъ была старая и малая Сѣверная имперія и чѣмъ должна быть новая великая Сѣверная имперія? Таковы вопросы, выступающіе при знакомствѣ съ новѣйшими открытіями въ области востоковѣдѣнія.

Въ «Наири»*)—странѣ райскихъ, по библейскому сказанію, рѣкъ, въ землѣ

---

*) Отъ семитическаго Нара (см. у Никольскаго).

Высокихъ Горъ «Урарту», библейскаго Арарата, у могилъ двухъ, по библейскимъ же и народнымъ преданіямъ, праотцевъ человѣческаго рода, встрѣчаемъ за 9 или даже за 13 вѣковъ до Р. Х. и чрезъ почти уже 19 вѣковъ по Р. Х., т.-е. послѣ проповѣди ученія о любви и милосердіи, — такія страшныя звѣрства; въ этихъ, священныхъ для большей части человѣческаго рода, мѣстахъ совершаются на нашихъ глазахъ такія ужасающія вещи, что не знаемъ, какимъ дохристіанскимъ или нынѣшнимъ вѣкамъ отдать преимущество въ жестокостяхъ. Кому, въ самомъ дѣлѣ, отдать предпочтеніе: тому ли времени, когда предшественники, земляки нынѣшнихъ курдовъ, ассиріяне увѣковѣчивали свои звѣрства клинообразными надписями на высокихъ скалахъ, считая такія жестокости великими подвигами, или же нужно отдать преимущество въ жестокости XIX-му вѣку, когда обитатели древней Ассиріи—курды, грамоту гвоздеобразную забывшіе, а новой не научившіеся, звѣрства свои сами не записываютъ, хотя также, конечно, признаютъ ихъ за доблестныя дѣянія. А что сказать о тѣхъ христіанскихъ народахъ, которые изъ корыстолюбивыхъ цѣлей возбуждаютъ эти прискорбныя явленія, а другіе терпятъ ихъ и тѣмъ увѣковѣчиваютъ господство кочевой орды и кочевниковъ вообще, т. е. царство войны? Звѣрства, совершаемыя въ священнѣйшей мѣстности, имѣютъ не мѣстное значеніе. Дѣятелями и зрителями этого преступленія являются всѣ народы, не исключая и армянъ, живущихъ внѣ турецкой Арменіи, ибо одни возбуждаютъ, а другіе равнодушно смотрятъ на него, а третьи дѣйствуютъ пристрастно. Родъ человѣческій какъ будто вызываетъ изъ могилы своего родоначальника, чтобы онъ видѣлъ, до какого раздора, до какого безчеловѣчія достигли потомки его, перваго человѣка.

О безчеловѣчныхъ дѣяніяхъ курдовъ и турокъ было много писано разными корреспондентами; мы теперь послушаемъ ассирійскихъ царей, какъ они сами разсказываютъ въ надписяхъ о своихъ подвигахъ. «Я,—говоритъ Ассурназиргабалъ,—воздвигъ стѣну предъ главными воротами города (возставшаго противъ него и взявшаго имъ). Я велѣлъ содрать кожу съ вождей возстанія и обтянуть стѣну ихъ кожею; нѣкоторые были замуравлены живыми въ стѣнѣ, а другіе распяты на стѣнѣ или посажены на колъ вдоль стѣны. Со многихъ кожа содрана была въ моемъ присутствіи. Я велѣлъ сложить вѣнки изъ ихъ головъ и гирлянды изъ ихъ пронзенныхъ труповъ... Я убивалъ одного изъ двухъ... Только на развалинахъ чело мое проясняется, только, утоляя гнѣвъ свой, я чувствую удовлетвореніе».

Эти гордыя, жестокія выраженія Ассурназиргабалъ желаетъ сохранить во всей полнотѣ, грозя проклятіемъ бога Ассура за малѣйшее ихъ измѣненіе. Но не для поученія бунтовщиковъ, не для того, чтобы другимъ было дѣлать такъ не повадно, ассирійское искусство создавало такія картины. Нѣтъ, не для этого ассирійскіе цари воздвигали пирамиды изъ головъ предъ своими дворцами и замуровывали въ стѣнахъ дворцевъ плѣнниковъ. Страшными сценами казней любили они украшать самыя стѣны своихъ дворцевъ. Замурованные въ стѣнахъ какъ бы выступали наружу въ этихъ картинахъ, гдѣ съ ужасающею точностью представлено, какъ сажаютъ на колъ, сдираютъ кожу, отрѣзываютъ члены возставшихъ. Ассирійскіе цари, можно сказать, находили наслажденіе жить въ вскрытыхъ кладбищахъ жертвъ, казненныхъ ими самыми безчеловѣчными способами.

Даже во время пировъ выставлялись головы побѣжденныхъ враговъ. Одинъ изъ барельефовъ дворца Ассурбанипала изображаетъ такой пиръ: царь возлежитъ за столомъ на роскошномъ ложѣ; около него женщины его гарема, на вѣтви дерева виситъ просоленная голова его врага, претендента на престолъ.

Таково было содержаніе надписей и наглядныхъ картинъ на стѣнахъ, по которымъ училось съ дѣтства ассирійское населеніе. Жестокость была отличительною чертою и Ассирійскаго и Вавилонскаго царствъ, ставшихъ орудіемъ гнѣва Божія, особенно противъ народа, избраннаго для исполненія дѣла Божія, но не исполнившаго его. Но самъ же Господь сокрушаетъ жезлъ своего гнѣва.

II.

Урарту, такъ много заимствовавшій отъ ассиро-вавилонянъ, былъ ли ихъ полнымъ подобіемъ? Въ надписяхъ, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи со слѣдами ассиро-вавилонской культуры на Кавказѣ, нельзя ли найти какихъ-либо особенностей, отличающихъ урартскій бытъ отъ ассиро-вавилонскаго?

Къ сожалѣнію, изъ такого незначительнаго количества надписей, какое открыто у насъ, если даже къ нимъ присоединить 80 ванскихъ надписей, найденныхъ не нами, хотя и подлѣ нашихъ границъ, едва ли можно сдѣлать окончательные выводы относительно различія ново открытой міровой имперіи отъ давно извѣстныхъ. Честь этого отрытія принадлежитъ русскому ученому, единственному пока у насъ ассиріологу, г. Никольскому.

По нашимъ кавказскимъ надписямъ цари Урарту были соперниками ассирійскихъ царей по стремленію къ всемірному владычеству, но не были соперниками ихъ въ жестокостяхъ *).

Въ 17 надписяхъ, изъ 23-хъ переведенныхъ г. Никольскимъ, хотя и говорится о взятіи городовъ и о плѣнныхъ, но объ истязаніи ихъ нѣтъ ни одного слова. Во всѣхъ почти надписяхъ говорится о могучемъ богѣ Халди и о милостивыхъ и могучихъ же Халдиніяхъ, къ которымъ обращаются съ молитвою, которымъ воздвигаются храмы, приносятся жертвы. Даже въ ванскихъ надписяхъ и самой большой изъ нихъ въ 400 или 500 строкъ Аргишти благодаритъ боговъ, что они предали ему землю Ассура въ добычу и страшныя арміи Ассиріи въ подарокъ. Здѣсь нѣтъ гордаго ассирійскаго я. Къ сожалѣнію, полнаго перевода надписи мы не имѣли.

Значеніе Урарту во всемірной исторіи, роль новой всемірной монархіи есть открытіе послѣдняго времени. Давно и всѣмъ извѣстенъ Египетъ и только недавно узнанъ и открытъ могучій его противникъ—имперія Хеттеевъ (Beni Het, сыны Гетъ, или Hittim), господствовавшая въ Сиріи и Малой Азіи, а также Урарту; послѣднее занимало мѣсто нынѣшней большой Арменіи, а въ имперіи

*) Противопоставленіе Урарту Ассиріи, какъ двухъ полярныхъ началъ, впервые было сдѣлано a priori профессоромъ (см. Ванскія надписи и теперь отчасти подтвердилось документально.

Хеттеевъ входила средневѣковая Малая Арменія. Всѣмъ извѣстны Вавилонъ и Ассирія и никому почти неизвѣстенъ его соперникъ ко всемірному владычеству Урарту, Хеттеи же и Урартійцы оказываются родственными народами, и паденіе ихъ, быть можетъ, было великимъ несчастіемъ. Остались лишь царства, которыя пророкъ Даніилъ изображаетъ подъ видомъ «звѣрей».

Впрочемъ, левъ, лишенный крыльевъ, который сталъ человѣкомъ и которому дано человѣческое сердце, не изображаетъ ли у пророка Даніила переходъ отъ Ассиріи къ новой имперіи Урарту? Урарту былъ орудіемъ не гнѣва Божія, а *любви и милосердія*. Вліяніе тогдашней *Сѣверной* имперіи на міровыя событія очень важно. До сихъ поръ историки обращали, главнымъ образомъ, вниманіе на движеніе ассиріянъ на Западъ и упоминая или даже подробно описывая походы на сѣверъ, не замѣчали, что безъ послѣднихъ невозможны первые, т. е. безъ сѣверныхъ невозможны западные. «Только черезъ сѣверъ можно было двигаться на западъ», подобно тому какъ русскимъ чрезъ Вѣну, Берлинъ или даже чрезъ Лондонъ и Парижъ можно достигнуть Царьграда.

Урарту была сильною крѣпостью, которая защищала Сирію, Палестину и Египетъ. Этимъ положеніемъ объясняется необходимость двухъ походовъ Салмонасара II-го къ самому центру Урарту. Въ первомъ походѣ отъ верхняго Заба дошелъ онъ до Аракса и взялъ Сугунію. Во второмъ достигъ до Арамали, взялъ эту столицу Арама—родоначальника Ванскихъ царей—и поступилъ съ нею, вѣроятно, по-ассирійски. Но этотъ погромъ только указалъ великій жребій урартійцамъ, урартійское движеніе идетъ по слѣдамъ ассирійскимъ. Столица Урарту переносится съ Аракса на оз. Ванъ и на восточной сторонѣ этого озера, на высокой скалѣ, воздвигается крѣпость. Урарту выступаетъ на всемірно-историческое поприще. Преемникъ строителя этой крѣпости сооружаетъ подлѣ *военнаго города городъ священный*, куда собираются святыни тѣхъ небольшихъ, но очень многочисленныхъ владѣній, изъ которыхъ составилось обширное царство Урарту. Сардури I, строитель крѣпости, и Ишпуини, строитель храма, были собирателями—свѣтскимъ и духовнымъ—Урартійской земли.

Движеніе урартійское не ограничивалось оз. Ваномъ. Надписи царя Минуаша, преемника Ишпуини, найдены у Верхняго Заба, откуда открывается путь къ столицѣ Ассура. Повелитель Урарту принимаетъ титулъ царя царей обладателя міра, признаетъ свою столицу вторымъ Ассуромъ, слѣдовательно 3-мъ Вавилономъ. Обезопасивъ себя съ юга, урартійцы двинулись къ западу въ страну родственныхъ имъ Хеттеевъ. Царство ихъ было завоевано или присоединено, и сыны Хета стали сынами Арама,—Арамъ одно изъ названій Сиріи. Самое имя Сиріи произошло, какъ полагаетъ г. Никольскій, отъ титула урартійскихъ царей—Ашура или Ассура. При царѣ Аргишти Урарту достигаетъ высшей степени могущества. Царь хетеевъ дѣлается вассаломъ, а царь Ассиріи данникомъ новаго царя царей, который въ 400 или 500 строчной надписи, высѣченной на Ванской скалѣ, разсказываетъ о своихъ подвигахъ. Цари Урарту имѣли даже болѣе правъ на наименованіе обладателей міромъ, чѣмъ ихъ ассирійскіе и вавилонскіе, по титулу, предшественники. Не говоря уже о священномъ значеніи для всего семитическаго міра горы Арарата и истоковъ райскихъ рѣкъ (хотя нѣкоторые и признаютъ позднѣйшее пріуроченіе библейскихъ сказаній къ этой

мѣстности), самое положеніе Урарту было центральнѣе положенія ея соперниковъ, ибо съ урартскихъ высотъ исходили и вавилонская и ниневійская рѣки, на которыхъ стояли два царства, приписывавшія себѣ міровое значеніе, два претендента на всемірное значеніе, господство.

Имперія Арама простиралась на сѣверъ до Кавказа, закрывшаго путь Скиѳамъ, такъ что паденіе Урарту открыло всю переднюю Азію нашествію сѣверныхъ кочевниковъ. На югъ она доходила до Кархемиша, удерживая отъ нашествій кочевниковъ южныхъ степей, откуда вышла религія кочевыхъ народовъ, *религія войны—исламъ*. Съ запада на востокъ простиралась рѣка Галиса, отъ полугреческой Фригіи до зендской Мидіи, т. е. она отдѣляла двухъ противниковъ, художественно идолопоклонническую Грецію отъ идолоборческаго Ирана.

Очевидно, на имперію Арама выпала тяжелая роль защищать себя и другихъ отъ сѣверныхъ и южныхъ кочевниковъ, бороться на два фронта, не имѣя притомъ союзниковъ, ни въ западныхъ ни въ восточныхъ сосѣдяхъ, по различію вѣрованій. Такая задача была не подъ силу персамъ въ эпоху наибольшаго распространенія ихъ владычества. Вопросъ о кочевникахъ и не могъ быть рѣшенъ персами, потому что нужно было имъ покончить прежде съ греками, чтобы окружить кочевье съ сѣвера, такъ же какъ не можетъ быть онъ рѣшенъ и русскими, пока кочевники будутъ имѣть союзниковъ на западѣ.

Турецкій вопросъ составляетъ лишь часть вопроса о кочевникахъ, природная религія которыхъ возводитъ войну въ священное дѣло. Къ сожалѣнію, союзъ запада, т. е. города съ кочевьемъ противъ села, союзъ разслабленнаго язычества съ свирѣпымъ монотеизмомъ очень проченъ. Урарту былъ, надо полагать, царствомъ *земледѣльческимъ*, а не городскимъ или полукочевымъ. Отсюда понятно, почему царство Арама не могло выдержать борьбы съ возрожденною имперіей Ассура. Понесши пораженіе при Арпадѣ, Урарту еще долго боролась съ возраставшими силами Ассиріи. При царѣ же Урсѣ, или Русѣ, еще разъ собрала всѣ свои силы, но была побѣждена Саргономъ, и Урса кончилъ жизнь самоубійствомъ.

Покончивъ, какъ ему быть-можетъ казалось, съ Урарту, Саргонъ двинулся на югъ, взялъ Вавилонъ и принялъ титулъ царя Сумирскаго и Аккадскаго—самыхъ древнѣйшихъ царствъ, который давалъ право на обладаніе міромъ; но тутъ и начинается паденіе Ассиріи. Послѣ пораженія, которое понесъ въ Іудеѣ его, Саргона, преемникъ Сенахеримъ, начались возстанія подчиненныхъ народовъ. Сенахеримъ былъ убитъ и убійцы бѣжали въ Урарту, что, конечно, показываетъ, что возстанія подготовлялись не въ Вавилоніи и Мидіи, а именно въ Урарту, и хотя Ассаргадонъ и Ассурбанипалъ еще поддержали и даже расширили царство Ассура, но со смертью послѣдняго поднялось всеобщее возстаніе. Урарту приняла, конечно, живѣйшее участіе въ возстаніи и та часть ея—Мана, которая владѣла входами въ Ассирію, стала во главѣ Урарту. Въ союзѣ народовъ, двинувшихся противъ Ниневіи, урартцы являются подъ именемъ маннейцевъ. Но главнымъ врагомъ Ассиріи дѣлается сама природа Урарту. Высокія горы Арменіи, собравъ небесныя воды, двинули ихъ противъ Ниневіи, по руслу Тигра. Тигръ, подмывъ неприступныя стѣны Ниневіи, открылъ входъ въ Ниневію своимъ соотечественникамъ и ихъ союзникамъ. «Всепотопляющимъ наводненіемъ разрушитъ Господь Ниневію, предвѣщалъ пророкъ Наумъ, и ниневійцы

будутъ пожраны, какъ сухая солома». Такъ погибло царство Ассирійское, но не возстановилось царство Урартійское, появился старый звѣрь, крылатый, въ лицѣ новой Вавилонской Халдеи.

III.

Въ небольшой замѣткѣ «Еще объ историческомъ значеніи царскаго титула», помѣщенной въ «*Русскомъ Архивѣ*» *), о значеніи Урарту для судебъ міра и о значеніи Россіи, какъ преемницы его, говорится слѣдующее: «Въ 1828 г. внесена въ титулъ Армянская область, Урарту Ассирійскихъ лѣтописей, которая по новѣйшимъ открытіямъ, русскими учеными совершоннымъ, играла очень важную роль въ древнѣйшей исторіи Востока и въ судьбахъ народа Божія: отвлекая силы ассиріянъ на сѣверѣ, она (Урарту—Арменія) замедляла паденіе царства Израильскаго, а вступая въ союзъ съ Вавилономъ, ускорила паденіе царства Іудейскаго и приблизила явленіе Царства Божія, Царства мира, Царства Христова. Санъ-Стефанскій договоръ дѣлалъ Царя Русскаго обладателемъ верхней долины Евфрата и, можетъ-быть, обладаніе этими мѣстами предупредило бы кровопролитіе въ Турецкой Арменіи, если бы С.-Стефанскій договоръ не былъ замѣненъ Берлинскимъ, поставившимъ Арменію и внѣ значенія и внѣ мира т.-е., закрывъ ее для изслѣдованія и предавъ ее разоренію и кровопролитію.»

Въ изданіи, предпринятомъ съ цѣлью облегченія участи христіанъ страждущихъ отъ мусульманскаго фанатизма, нельзя не замѣтить, что Царство Христово не пришло еще во всей силѣ, не проявилось во внѣ, царство же войны издало себѣ новую религію, которая обоготворила мечъ, ибо мечъ есть, по магометанскому воззрѣнію, ключъ къ раю. Исламъ, котораго возрожденіе началось въ Африкѣ, стремится къ объединенію для завоеванія христіанства—разъединеннаго, разслабленнаго.

Нужно *понять* во всей силѣ цѣль, задачу *назначенія сыновъ человѣческихъ въ ихъ совокупности*, какъ орудія божественнаго разума, чтобы *понять всю преступность* событій, совершающихся у могилъ праотцевъ и въ коихъ участвуютъ всѣ народы или преступнымъ дѣйствіемъ, или такимъ же преступнымъ бездѣйствіемъ.

Какъ бы то ни было, возстановленіе Урарту началось вмѣстѣ съ принятіемъ Новою Сѣверною Имперіей титуловъ царей Грузинскаго и Армянскаго, наслѣдниковъ Урарту и Наири т.-е. страны райскихъ рѣкъ и священной горы. Чѣмъ же должно быть царство, принявшее такое наслѣдство, какимъ свѣтомъ должна озариться полуночная страна? Какой свѣтъ долженъ возсіять для сидящихъ въ сѣверной тьмѣ и сѣни смертной? Должна ли эта страна быть орудіемъ гнѣва и войны или орудіемъ умиротворенія и просвѣщенія. Хотя есть нѣкоторые слабые признаки появленія свѣта, долженствующаго озарить нашъ путь къ великому дѣлу христіанской любви и божественной правды, но пока несомнѣнно, что Сѣверная Имперія не только не стала еще орудіемъ объединенія всѣхъ народовъ христіанскихъ во имя этой цѣли, но даже не сознаетъ, для осуществленія какого великаго дѣла она призвана!

—въ.

---

*) См. стр. 396—398 „Русс. Арх.“, 1895, № 7.

Сасунскій Армянинъ.

Давидъ Сасунскій. [1]

ОБРАЗЧИКЪ АРМЯНСКАГО НАРОДНАГО ЭПОСА.

Извѣстно, что между многочисленными источниками, которыми пользовался армянскій историкъ Моисей Хоренскій для составленія своего труда, упоминаются имъ и *неписанныя народныя сказанія* и *народный армянскій эпосъ*. Они служатъ Хоренскому не только для подтвержденія или оправданія т.-наз. «Халдейской книги» сирійца Маръ-Абаса Катины о начальной исторіи армянъ, восходящей, будто, ко временамъ столпотворенія, но также матеріаломъ для исторіи нѣкоторыхъ армянскихъ князей и царей изъ династіи Хайкидовъ и Аршакидовъ, въ промежуткѣ, примѣрно, отъ XX столѣтія до Р. Х. и до III в. по Р. Х.

Первый изъ ученыхъ, обратившій вниманіе на этотъ источникъ Исторіи Хоренскаго былъ покойный арменистъ Эминъ. Въ изданномъ имъ въ 1850 г. на древне-армянскомъ языкѣ изслѣдованіи объ «Эпосѣ древней Арменіи» онъ сгруппировалъ разбросанные въ трудѣ Моисея различные *эпическіе* отрывки и далъ имъ научное объясненіе. Вслѣдъ затѣмъ появились трактаты о томъ же предметѣ на армянскомъ и французскомъ языкахъ; всѣ они, въ томъ числѣ и недавно появившійся на нѣмецкомъ языкѣ, отражаютъ на себѣ вліяніе вышеназваннаго изслѣдованія. Въ послѣдствіи (въ 1881 г.) Эминъ переработалъ свой трудъ на русскомъ языкѣ [2]) и, расширивъ предѣлы предполагаемаго имъ армянскаго эпоса, далъ новое освѣщеніе древнѣйшему періоду Исторіи Арменіи Хоренскаго. Онъ сталъ отвергать существованіе какъ «Халдейской книги», такъ и самого Маръ Абаса, по его мнѣнію, вымышленныхъ армянскимъ историкомъ съ

[1]) Сасунъ—горная область близъ о. Мана населенная богатырями-армянами,— какъ извѣстно сдѣлался первымъ театромъ турецкихъ звѣрствъ въ 1894 г. *Ред.*

[2]) Моисей Хоренскій и древній эпосъ армянскій, Москва, 1881.

цѣлію подъ ихъ прикрытіемъ свободно пользоваться богатымъ народнымъ эпосомъ языческой Арменіи, который подъ собственнымъ своимъ именемъ могъ быть отвергнутъ новообращеннымъ христіанскимъ народомъ, какъ исходящій изъ нечистаго языческаго источника.

Такимъ образомъ, благодаря Эмину и его послѣдователямъ, установилось мнѣніе, что вся древняя исторія Арменіи составлена Хоренскимъ на основаніи существовавшихъ въ его время, т.-е. въ V вѣкѣ по Р. Х., народныхъ пѣсенъ и преданій, образовавшихъ, судя по приводимымъ отрывкамъ, обширный циклъ эпическихъ поэмъ.

Армянскій эпосъ, по мнѣнію Эмина, состоялъ изъ пѣсенъ, имѣвшихъ предметомъ дѣянія родоначальниковъ и царей изъ династіи Хайкидовъ и Аршакидовъ. Таковы: *Хайкъ*, участникъ въ Вавилонскомъ столпотвореніи, сопротивникъ и убійца Неврода, родоначальникъ армянъ и ихъ же эпонимъ [1]; *Арамъ*, союзникъ Нина Ассирійскаго, такой же счастливый завоеватель и эпонимъ своего народа; *Арай Прекрасный*, котораго тщетно хотѣла соблазнить знаменитая Семирамида Ассирійская; *Тигранъ Великій*, союзникъ Кира Персидскаго въ борьбѣ противъ Мидійца Астіага (арм. Аждахака), павшаго отъ руки армянскаго царя; *Вахагнъ*, сынъ Тиграна, обоготворенный современниками за великіе подвиги; Ервандъ Аршакидъ—узурпаторъ и Арташесъ II—законный наслѣдникъ армянскаго престола (во времена Веспасіана и Адріана); романъ Арташеса и Сатиникъ, князь Аргамъ Мидійскій, изъ потомковъ Аждахака, какъ соблазнитель царицы, и месть царевича Артавазда и мн. др.

Изъ этого перечня читатель видитъ, въ какихъ широкихъ размѣрахъ предполагается изслѣдователями циклъ армянскаго эпоса и насколько онъ разнообразенъ по содержанію; а чтобы составить понятіе также о цѣльности, обширности и послѣдовательности армянскихъ поэмъ, достаточно указать на медо-армянскія эпическія пѣсни, обнимавшія, по словамъ Эмина, *семисотлѣтній періодъ!*

Въ изданномъ мною въ прошломъ 1896 г. изслѣдованіи объ армянскомъ эпосѣ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго [2] я, вопреки установившимся взглядамъ, взялъ на себя смѣлость утверждать, что не только то, что̀ изслѣдователями приписывается Хоренскому въ качествѣ эпическаго матеріала, но и то, что самъ историкъ называетъ *народнымъ эпосомъ*, повидимому, очень мало заключаетъ въ себѣ дѣйствительно *древняго, народнаго, эпическаго*. Напротивъ того, это продуктъ литературныхъ заимствованій изъ самыхъ разнообразныхъ книжныхъ источниковъ, не имѣющихъ, однако, никакого отношенія къ армянской исторіи, въ особенности же изъ мотивовъ Библіи и другихъ переводныхъ сочиненій армянской литературы V—VIII вѣковъ. Таковы: Іосифъ Флавій, Филонъ Еврей, Климентъ Александрійскій, Евсевій Кесарійскій, Псевдо-Каллисѳенъ, апокрифическія Житія Св. Сильвестра и Св. Василія, Малала и др., от-

---

[1]) Національное названіе армянъ—*Хайк'* (множ. ч. отъ *Хай*), сосѣди же ихъ, персы и греки, издревле называли ихъ *Армен*'ами.

[2]) Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ, ч. I Изслѣдованіе, ч. II Матеріалы, М. 1896.—Изъ этого изслѣдованія своего я позаимствовалъ нѣкоторые отрывки для настоящаго введенія.

рывки которыхъ переработаны Хоренскимъ болѣе или менѣе удачно и искусственно приноровлены къ армянамъ.

Чтобы не быть голословнымъ, я остановлюсь на одномъ наиболѣе характерномъ примѣрѣ, а именно—на пресловутомъ романѣ Арташеса и Сатиникъ. Изъ детальнаго сравненія этого отрывка у Хоренскаго (кн. II, 37, 43, 47—52) съ романическимъ же разсказомъ объ Арташесѣ Персидскомъ и Есѳири изъ Библіи видно, что не только общее содержаніе книги Есѳирь, но и дѣйствующія въ ней лица, побужденія ихъ и роли перенесены въ армянскую сферу и, такъ сказать, арменизированы. Эта зависимость армянскаго историка отъ Библіи, и именно отъ армянскаго ея перевода, ясно усматривается сверхъ того изъ цѣлаго ряда словъ, типичныхъ выраженій, оборотовъ, а иногда и цѣлыхъ фразъ библейскаго текста, сохранившихся въ изложеніи Хоренскаго, б. м., помимо его воли и отмѣчаемыхъ мною здѣсь *курсивомъ*.

a) Въ самомъ дѣлѣ, персидскій *царь Арташесъ* книги Есѳирь является у Хоренскаго *Арташесомъ же*, царствовавшимъ почти столько же времени, сколько и первый.

b) У обоихъ царей въ самомъ началѣ идетъ рѣчь *о богатой свадьбѣ* и великолѣпіи *дворца*, гдѣ въ такомъ изобиліи было *золото, жемчугъ* и драгоцѣнные камни.

c) У обоихъ *Арташесовъ* по *красавицѣ царицѣ*: у персидскаго—*Астинэ* (замѣненная потомъ Есѳирью), у армянскаго—*Сатиникъ*; та и другая иноземнаго происхожденія.

d) Со словъ народной, будто, поэзіи Хоренскій заставляетъ армянскаго царя *метнуть* а р к а н ъ съ *золотымъ* кольцемъ, которымъ тотъ, обхвативъ станъ Аланской царевны, увозитъ ее въ свою с т а в к у; подобно тому, какъ и персидскій царь *простираетъ* (по-армянски тотъ же глаголъ, что и *метнуть*) *золотой* с к и п е т р ъ къ Есѳири, которая, поднявшись съ мѣста, уходитъ въ о п о ч и в а л ь н ю.

e) Смбатъ Багратидъ «Исторіи Арменіи», *потомокъ одного изъ знатныхъ іудеевъ, полоненныхъ Навуходоносоромъ, воспитатель царя и его же спаситель, которому было поручено царемъ управленіе царскимъ домомъ*,—есть тотъ же Мардохей книги Есѳирь, *который также происходилъ отъ полоненныхъ Навуходоносоромъ же іудеевъ*, былъ также *воспитателемъ* ц а р и ц ы Есѳири и *спасъ жизнь царю*, и *которому* равнымъ образомъ *было поручено царемъ управленіе царскимъ домомъ*.

f) Какъ въ библейскомъ, такъ и въ армянскомъ разсказахъ является лице, пользующееся особымъ довѣріемъ царя и *возвеличенное имъ выше всѣхъ князей въ государствѣ*, въ качествѣ *второго по царѣ*. Въ обоихъ случаяхъ лица эти иноземнаго происхожденія: *Аманъ* библейскій—македонянинъ, *Аргамъ* Хоренскаго—мидянинъ.

g) И въ книгѣ Есѳирь, и въ «Исторіи Арменіи» царь *Арташесъ идетъ на обѣдъ:* въ первой—къ царицѣ, во второй—къ князю Аргаму; и тутъ и тамъ *за обѣдомъ обвиняется второе лице по царѣ въ замыслѣ противъ жизни царя и заподозривается въ преступной связи съ царицею;* одинаково происходитъ *смятеніе за обѣдомъ и царь Арташесъ въ гнѣвѣ выходитъ со стола*.

h) Да и участь *обоихъ вторыхъ лицъ по царѣ*—Амана библейскаго и Аргама Хоренскаго совершенно одинакова: *они погибаютъ со всѣми своими сыновьями, а имущества их и владѣнія переходятъ къ лицамъ, открывшимъ ихъ заговоръ*: по Библіи—къ царицѣ Есѳирь, и Хоренскому—къ царевичу Артавазду.

i) Наконецъ, какъ на *источникъ* приведенныхъ событій объ Есѳири и царицѣ Сатиникъ, въ обоихъ памятникахъ дѣлается ссылка на *Персидскія книги*; равнымъ образомъ самой исторіи обѣихъ царицъ придается *аллегорическій характеръ*: въ Библіи вся повѣсть объ Есѳири является какъ бы исполненіемъ видѣннаго праведнымъ Мардохеемъ *сна*, въ которомъ благодѣтельная царица уподобляется обильной водой рѣкѣ, а у Хоренскаго—нѣтъ событія изъ жизни царицы Сатиникъ, которое не было бы облечено въ форму аллегоріи.

Уже то обстоятельство, что начальная лѣтопись армянъ,—индоевропейцевъ по происхожденію и иранцевъ по культурѣ,—явилась въ изложеніи М. Хоренскаго въ сильной *семитической* окраскѣ, ясно опредѣляетъ вліяніе библейско-христіанскихъ книжныхъ представленій эпохи, указывающихъ на искусственность этой лѣтописи, равно какъ и на болѣе позднее время ея составленія, чѣмъ V вѣкъ. Это подозрѣніе о болѣе позднемъ составленіи «Исторіи Арменіи» подтвердилось недавно близкимъ изученіемъ и детальной провѣркой многихъ источниковъ армянскаго историка [1]), приведшими къ заключенію, что Моисей не можетъ быть писателемъ ни V, ни VI вѣка, но, вѣроятнѣе, VII—VIII в. Выводы эти, раздѣляемые нынѣ многими арменистами, еще болѣе подорвали довѣріе къ Хоренскому и къ его основнымъ источникамъ—т.-наз. «Халдейской книгѣ» изъ Ниневійскаго архива и къ «армянскому эпосу».

Что изначальная исторія всякаго народа, помимо легендарности, представляется болѣе или менѣе искусственной, — это общеизвѣстно. Она является въ эпоху самосознанія народа, пытающагося разгадать корень своего происхожденія соединеніемъ своего прошлаго съ какимъ-нибудь великимъ событіемъ древности или съ какимъ-либо героемъ и даже съ божествомъ. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ фантазія народа опирается на преданія, въ которыхъ сохранились глухіе отголоски какихъ-нибудь событій изъ его жизни, и во всякомъ случаѣ на такія сказанія, которыя не только не противорѣчатъ настоящему его міровоззрѣнію, его религіознымъ взглядамъ, культурѣ и проч., но, напротивъ того, совершенно согласны съ ними и вытекаютъ изъ нихъ.

Исторію Урартійцевъ (Урарту—Араратъ), древнѣйшаго народа, населявшаго географическую Арменію и принимаемаго нѣкоторыми учеными за прото-армянъ, нужно въ данномъ случаѣ оставить въ сторонѣ, вслѣдствіе спорности вопроса объ языкѣ Ванскихъ надписей, равно какъ и о національности начертившаго эти надписи племени. Гораздо важнѣе для насъ та эпоха въ жизни армянъ, которую

---

[1]) Кромѣ вышеупомянутой работы моей, ср. *Gutschmid*, Kleine Schriften, т. III, стр. 332—338; *Carrière*, Nouvelles sources de Moïse de Khoren, Vienne, 1893—94; *Гарагашіанъ*, Критич. Исторія Арменіи, ч. III, 1895, Тифлисъ, стр. 191, 229, 348; *Vetter* въ Kirchenlexikon Wetzer und Welte, Heft 88.

застаетъ достовѣрная исторія, а именно—VI вѣкъ до нашей эры, когда Арменія является сначала союзницей Мидіи и Персіи, а потомъ, въ V вѣкѣ, не безъ упорной борьбы, становится надолго персидской сатрапіей вмѣстѣ съ другими странами Передней и Малой Азіи—Грузіей, Понтомъ, Каппадокіей, Лидіей и др. Съ этого времени (486—323 г.) начинается въ Арменіи, какъ и въ упомянутыхъ странахъ, усиленная *иранизація*, выразившаяся въ распространеніи персидской культуры—персидскаго языка, нравовъ, религіи и проч. Селевкидское господство въ Арменіи (323—187 г.), въ смыслѣ вліянія греческой культуры на армянъ, прошло почти безслѣдно; по крайней мѣрѣ, мало сохранилось у насъ данныхъ отъ этой эпохи. Съ бóльшею силой процессъ иранизаціи сталъ продолжаться въ этой странѣ при пареянахъ, имѣвшихъ въ Арменіи, сверхъ того, побочную линію Аршакидовъ. Многіе порядки въ странѣ, какъ-то: политическое устройство, родовая аристократія, администрація, судъ, календарь, синкретическая религія, также культурныя понятія, отчасти даже и оффиціальный языкъ и канцелярія—были пареянскіе. Они не исчезли не только послѣ паденія персидскихъ Аршакидовъ (226 г.), но и послѣ принятія армянами христіанства (въ самомъ началѣ IV вѣка). Даже въ V в., когда у армянъ зародилась своя письменность, понятія и нравы народа мало чѣмъ отличались отъ прежняго, языческаго быта. Я уже не говорю объ армянскомъ языкѣ, который подъ перомъ еще первыхъ армянскихъ писателей наводненъ пехлевійскими и вообще персидскими словами до такой степени, что лингвисты одно время считали его за иранскую вѣтвь.

При такихъ условіяхъ, если и было у тогдашнихъ армянъ какое-нибудь представленіе о своемъ прошломъ, оно должно было выразиться, надо полагать, въ духѣ пареянскомъ, имѣть, во всякомъ случаѣ, иранскій характеръ, подобно тому, какъ это мы замѣчаемъ въ ихъ религіи, миеологическихъ сказаніяхъ и т. п. Мнѣ кажется, что повѣствованія объ изначальной исторіи армянъ V—VI вв. по Р. Х. должны были походить скорѣе на эпическіе разсказы въ прозѣ у *Фавста Византійскаго* (писат. V вѣка), носящіе явно иранскій отпечатокъ, либо даже на сохранившіяся до насъ пехлевійскія легенды [1]), напр., *Karnamak* и *Yatkari-Zareran* (редакція VI вѣка по Р. Х.).

Доказательствомъ вліянія иранскаго эпоса на народныя армянскія сказанія могъ бы служить и предлагаемый памятникъ безъискусственной армянской литературы—поэма Давидъ Сасунскій, составляющая какъ бы отрывокъ или главу изъ армянскаго богатырскаго эпоса. Поэма записана на мѣстѣ въ 60-хъ годахъ лучшимъ знатокомъ и собирателемъ произведеній народняго творчества, покойнымъ епископомъ Сруанцтіанцомъ, и издана въ Константинополѣ въ 1874 году. Съ этого изданія перепечаталъ ее проф. К. Паткановъ въ изслѣдованіи своемъ о Мушскомъ діалектѣ, Спб., 1875 [2]).

Самая поэма, по крайней мѣрѣ въ основѣ своей, относится, какъ я полагаю, ко времени едва ли позднѣе XI—XII вѣка, а именно къ той эпохѣ, когда

---

[1]) Ср. у *Nöldeke*—Karnamak и Persiche Stud. II.

[2]) Впослѣдствіи было напечатано два весьма любопытныхъ варіанта той же поэмы—М. Абехіаномъ въ Шушѣ (1889) и дьякономъ Гарегиномъ въ Тифлисѣ (1892).

на мѣстѣ ея дѣйствія, въ Сасунѣ, господствовали еще армянскіе князья, въ качествѣ исконныхъ его владѣтелей, каковыми они являются и въ данномъ разсказѣ. Господству же армянскихъ владѣтелей положенъ конецъ въ XII вѣкѣ: съ этого времени область Сасунъ со всѣми своими крѣпостями переходитъ къ сельджукидамъ, послѣдовательно смѣненнымъ сначала монголами, а потомъ турками.

Слѣдуетъ замѣтить, что не смотря на встрѣчаемые во вступленіи поэмы нѣкоторые библейскіе отголоски *(IV кн. Царствъ, XIX, 37)* и связь имени одного изъ ассирійскихъ царевичей (Санасара), бѣжавшихъ за 700 лѣтъ до Р. Х. въ южную Арменію, съ названіемъ области *Сасунъ*,—мы однако ничего ассирійскаго, или библейскаго не находимъ въ ней. Самое вступленіе не имѣетъ, повидимому, тѣсной связи съ основнымъ разсказомъ, будучи присоединено къ нему искусственно для того, чтобы оправдать народную этимологію названія упомянутой области. Совершенно въ другомъ характерѣ представляется намъ личность настоящаго героя поэмы—Давида Сасунскаго. Тутъ мы видимъ многія изъ тѣхъ характерныхъ и типичныхъ чертъ, которыми отличается *иранскій* эпосъ вообще и которыя не чужды также преданіямъ другихъ кавказскихъ народностей, находившихся по отношенію къ Персіи въ одинаковыхъ съ армянами политическихъ условіяхъ. Впрочемъ, вліяніе иранскихъ сказаній распространялось далеко за Кавказъ и за предѣлы нѣкогда могущественной персидской монархіи: мотивы ихъ, хотя бы въ видѣ остововъ, отразились, повидимому, даже на южно-русскихъ былинахъ Кіевскаго цикла, конечно, пройдя предварительно рядъ передѣлокъ и измѣненій въ промежуточной тюркско-половецкой средѣ [1]).

Не лишено интереса то обстоятельство, что имени главнаго героя иранскаго эпоса, *Рустема*, встрѣчающагося почти у всѣхъ кавказскихъ племенъ, не сохранилось, насколько извѣстно, въ народныхъ преданіяхъ армянъ. Здѣсь я не имѣю въ виду литературныхъ памятниковъ, въ которыхъ изрѣдка упоминается знаменитый персидскій богатырь, какъ, напр., у Моисея Хоренскаго (не ранѣе VIII в.) и у Григорія Магистра († 1058). Аналогичное съ этимъ явленіе мы встрѣчаемъ и въ русскихъ былинахъ: при удивительномъ сходствѣ въ основномъ типѣ двухъ главныхъ національныхъ богатырей обоихъ эпосовъ—иранскаго и русскаго,—имена ихъ совершенно различны; въ первомъ—Рустемъ, во второмъ—Илья. Явленіе это могло бы быть объяснено обычнымъ въ устныхъ преданіяхъ перенесеніемъ со стороны народа чертъ и эпизодовъ изъ жизни какого-нибудь прославленнаго иноземнаго богатыря на своего любимаго національнаго героя, разумѣется, не безъ переработки заимствованнаго матеріала на свой ладъ и приспособленія его къ основному характеру своихъ сказаній. Такимъ героемъ у южныхъ армянъ былъ *Давидъ* Сасунскій—такое и столь же славное вѣтхозавѣтное имя, какъ *Илья* Муромецъ русскихъ былинъ.

Въ самомъ дѣлѣ, подобно иранскому Рустему, эпическому прототипу и русскаго и армянскаго національныхъ богатырей,—Давидъ также обладаетъ неимовѣрной физической *силой*, имѣющей божественное происхожденіе и дѣйствующей

---

[1]) Ср. Экскурсы (I—VIII) въ область русскаго народнаго эпоса *Всеволода Миллера*, Москва, 1892. Я воспользовался для своего введенія русско-иранскими параллелями, приведенными авторомъ въ его III, IV и V экскурсахъ.

Ванскій Армянинъ.

благотворно [1]). Сообразно своей силѣ, Давидъ также *ѣстъ* и *пьетъ* больше другихъ богатырей [2]). Равнымъ образомъ онъ отличается высокими *нравственными качествами* [3])—благочестіемъ, нестяжательностью, уваженіемъ къ обычаю, великодушіемъ, состраданіемъ къ бѣднымъ и слабымъ и такимъ же образомъ является главнымъ оберегателемъ страны, борясь противъ дивовъ, великановъ и всякихъ враговъ родной земли.—Давидъ тоже имѣетъ лишь *одного сына*, Мхера, (какъ Рустемъ—Сохраба), который по одному варіанту [4]) также позволяетъ себѣ еще въ дѣтствѣ *богатырскія шутки* по отношенію къ своимъ сверстникамъ, (какъ Зурабъ кавказскихъ сказаній и Василій Буслаевъ или Подсокольникъ русскихъ былинъ), и также *превосходитъ своего отца по силѣ* [5]).—Армянскій эпосъ не чуждъ и извѣстнаго мотива *о единоборствѣ* отца съ сыномъ, хотя въ извѣстныхъ до сихъ поръ спискахъ нашей поэмы [6]) онъ разработанъ, какъ и въ русскомъ эпосѣ, сравнительно слабо.

Замѣчу мимоходомъ, что сынъ Давида, *Мхеръ*, имѣетъ съ другой стороны сходство съ титаническимъ *Святогоромъ* русскихъ былинъ: какъ и его русскій двойникъ, онъ обладаетъ чрезмѣрной силой, которая тяготитъ его и также «не держитъ его земля и ноги его уходятъ въ землю». Подобно Святогору, онъ также живетъ въ горѣ.

Кромѣ этихъ основныхъ чертъ въ типахъ армянскаго и иранскаго богатырей, мы находимъ сходства и въ частностяхъ—въ обстановкѣ, пріемахъ, ситуацій ихъ. Таковы—одинаковыя *оружія,* употребляемыя ими въ борьбѣ съ врагами—булава, лукъ и мечь булатный; сюда же относится и мотивъ *вырыванія дерева*, употребляемаго, какъ оружіе [7]).—*Чудный жеребчикъ* Давида соотвѣтствуетъ *Рахшу* Рустема и «косматому бурушкѣ» Ильи Муромца [8]); жеребчикъ также преданъ своему хозяину и предупреждаетъ грозящую ему бѣду, но всадникъ, не догадываясь о западнѣ и разгнѣвавшись на жеребчика, который равнымъ образомъ упрямится въ виду *скрытыхъ подкоповъ*, укоряетъ его и попадаетъ въ подкопъ [9]).—Далѣе, и извѣстный пріемъ расправы богатыря—*раздираніе на полы* [10]), столь обычный для Рустема и Ильи, свойственны также армянскому герою.—Наконецъ, и въ судьбѣ обоихъ богатырей—Рустема и Давида—есть полная аналогія: они погибаютъ не въ бою, такъ какъ никто не можетъ ихъ одолѣть, но *отъ коварства*, при чемъ оба передъ смертію успѣваютъ отомстить измѣннику.

Любопытенъ въ нашей поэмѣ также типъ женщины-*поленицы* въ лицѣ жены Давида, Хундудъ-Ханумы, являющей рядомъ съ богатырскими наклонно-

---

[1]) Ср. *Mohl*, Livre des rois, I, p. 435, 445, III, p. 183, 311.—*Кирѣевскій,* I, стр. 51; IV, стр. 46.

[2]) *Mohl,* IV, p. 476, 505.—*Кирѣевскій,* II, стр. 94.

[3]) *Mohl,* I, p. 438.

[4]) См. варіантъ по изданію *М. Абехіана,* стр. 48.

[5]) Ср. *Mohl,* II, p. 64; *Ефименко,* № VII.

[6]) См. изд. *М. Абехіана,* стр. 49—50.

[7]) Ср. *Mohl,* I, p. 435; *Кирѣевскій,* I, Прилож. 1; *Рыбниковъ,* II, стр. 326 и др.

[8]) *Рыбниковъ,* I, стр. 63.

[9]) См. варіантъ по изд. *М. Абехіана,* стр. 30—31. Ср. *Mohl,* IV, p. 573 и слѣд.—*Гильфердингъ,* Онеж. былины, столб. 453; *Рыбниковъ,* III, стр. 219.

[10]) *Mohl,* I, p. 414; Ср., напр., у *Гильфердинга,* столб. 1249.

стями нѣжно-любящее сердце вѣрной супруги; она не захотѣла пережить мужа своего и добровольно лишила себя жизни. И въ ней мы находимъ черты, сходныя съ иранскимъ и русскимъ эпосомъ.

Другіе сходные мотивы нашей поэмы съ русскими былинами будутъ отмѣчены ниже—въ примѣчаніяхъ къ тексту.

Давидъ Сасунскій.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АРМЯНСКАГО).

I.

... Абамеликъ [1]), что сидѣлъ въ Мсрѣ, оставилъ своего сына (отъ Месрской царицы), Мсрамелика, вмѣсто себя (царствовать), а самъ пріѣхалъ въ Сасунъ.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, и у него родилось нѣсколько дѣтей: одному онъ далъ имя Ченчхапокрикъ, старшему сыну далъ имя Цранвэги; другому—Цэновъ-Ованъ, третьему—Хоръ-Гусанъ [2]), а самому младшему—Давидъ.

Между этими сыновьями Ченчхапокрикъ и Цранвэги оказались ни на что годными. За то у Цэновъ-Ована былъ такой голосъ, что онъ, высушивъ на солнцѣ семь буйловыхъ шкуръ, обертывался ими, чтобы не треснуть, и тогда только принимался кричать. Всѣхъ искуснѣе былъ Давидъ, а о силищѣ его языкомъ не передать!

Прожилъ нѣкое время и состарѣлся Абамеликъ. Какъ-то разъ сидитъ онъ себѣ, призадумался и говоритъ самъ съ собою: «Кругомъ (всѣ) стали мнѣ врагами, и кто по смерти моей будетъ пещись о моихъ дѣтяхъ? Ежели кто и будетъ—это Мсрамеликъ. Кромѣ него, никто другой не справится съ моими врагами».

Взялъ да поѣхалъ къ Мсрамелику. Онъ ужъ тогда былъ старъ.

Сказалъ: «Мсрамеликъ, сынъ (мой), и ты кровь моя: ежели я прежде умру, то дѣтей своихъ я поручаю тебѣ (ты ихъ береги); ежели же ты прежде умрешь—пусть дѣти твои будутъ поручены мнѣ: я буду ихъ беречь».

Вернулся назадъ и остался жить въ замкѣ. Насталъ день смерти (и) померъ.

Пріѣхалъ Мсрамеликъ, забралъ его дѣтей и увезъ ихъ съ собою; онъ не забылъ отцовскаго наказа.

Семь лѣтъ Сасунъ былъ въ печали по смерти Абамелика...

Тутъ дядя Торосъ ударилъ изъ Сосуна и поѣхалъ въ Месръ. Поздоровался онъ съ Мсрамеликомъ, и они сѣли. Онъ сказалъ: « Ну, пойдемъ мы съ тобою

---

[1]) Въ настоящемъ изданіи выпущены двѣ первыя главы нашей поэмы, какъ неимѣющія прямого отношенія къ ея герою, Давиду.

[2]) Всѣ эти прозвища—эпическія, данныя дѣйствующимъ лицамъ въ виду тѣхъ или иныхъ ихъ качествъ. Такъ, одинъ изъ братьевъ названъ *Цэновъ.Ованъ*, что значитъ *Зычный Иванъ*, другой—*Хоръ-Гусанъ*, т.-е. *Могучій Пѣвецъ*; прозвища же остальныхъ двухъ братьевъ Давида—*Чечкхопокрикъ* (Воробышекъ) и *Цранъ-Вэги* (Трусишка Вэги) даны имъ, вѣроятно, въ насмѣшку за ихъ слабость или трусость.

на судъ! Правда, ты и Абамеликъ другъ съ другомъ условились, но (вѣдь не даромъ сказано): ежели продаютъ плѣнника, то онъ долженъ достаться хозяину.

Встали и пошли на судъ: дѣти достались дядѣ Торосу.

Мсрамеликъ сильно боится этихъ ребятишекъ. Онъ сказалъ дядѣ Торосу: «Поди, пропусти этихъ ребятишекъ подъ мой мечъ, а тамъ возьми ихъ съ собою да ступай?»

Дядя Торосъ пришелъ и разсказалъ молодцамъ. Цранвэги сказалъ: «Давайте, пройдемте подъ его мечъ и уйдемте! Остальные двое сказали то же самое. Но Давидъ сказалъ: «Коли убить, такъ пусть сегодня же насъ убиваетъ; тогда люди скажутъ: ребенка онъ убилъ! Подъ его мечъ я не пройду. Это онъ дѣлаетъ, чтобы я не поднялъ на него меча, когда выросту!»

Дядя Торосъ изъ страха собралъ ихъ, чтобы провести ихъ подъ мечъ. Давидъ заупрямился, сталъ и не идетъ подъ мечъ. Дядя Торосъ схватилъ Давида за воротъ и пихнулъ, чтобы тотъ прошелъ подъ мечъ. Давидъ не прошелъ подъ мечъ, онъ прошелъ мимо него и задѣлъ большимъ пальцемъ (ноги) за кремень: заискрился огонь оттуда. Сильно перепугался Мсрамеликъ, когда увидалъ это. Онъ сказалъ: «Этотъ еще такъ малъ, а какой (страшный), что же будетъ, когда онъ выростетъ! Ежели приключится со мною бѣда какая, то отъ него!»

Дядя Торосъ взялъ дѣтей и пріѣхалъ въ Сасунъ. Цранвэги онъ поставилъ въ замкѣ на мѣсто отца, а Давида, что былъ моложе всѣхъ, приставилъ къ телятамъ.

II.

Ухъ, какой былъ Давидъ! Какъ хватитъ телятъ дубиной, (такъ ихъ всѣхъ), да еще сорокъ теленушекъ съ ними съ ногъ собьетъ. Разъ онъ погналъ телятъ на вершину горы. Видитъ, пастушокъ бранитъ своихъ телятъ. Давидъ сказалъ: «Ты, молодецъ, меня, что ли, бранишь? Погоди, доберусь я (до тебя), да такъ хвачу дубиной, что ай, ай!»

Тотъ сказалъ Давиду: «Умереть мнѣ за твою за головушку! Вѣдь я тоже пастухъ изъ деревни батюшки твоего, а это—крестьянскія телята».

Давидъ сказалъ: «А, коли такъ, паси и моихъ телятъ. Я не знаю времени, когда ихъ на дворъ загнать. Когда настанетъ время—скажи мнѣ, я ихъ поведу».

Въ этотъ день погналъ Давидъ телятъ во-время и пришелъ въ деревню. Обрадовался дядя Торосъ и сказалъ: «Сынъ (мой), всегда будь такъ точенъ, всякій день во-время иди и возвращайся!»

Давидъ сказалъ: «Дядюшка, это не моя догадка; брата я себѣ нанялъ; каждый день онъ будетъ стеречь моихъ телятъ. Теперь мнѣ легко будетъ справиться съ ними».

Какъ-то разъ товарищъ его запоздалъ. Давидъ крѣпко осерчалъ.—Оказалось у нихъ въ деревнѣ служили обѣдню: малый-то былъ тамъ, вотъ почему и замѣшкался. (Наконецъ) пришелъ. Давидъ ему сказалъ: «Какъ-то ты сегодня уйдешь изъ моихъ рукъ?»

Малый сказалъ: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Изъ-за

гнѣва твоего я не выстоялъ (въ церкви) и даже ни одной ложки не отвѣдалъ праздничной похлебки (*матахъ*), погналъ телятъ и пришелъ. Вотъ почему немного и замѣшкался».

Давидъ сказалъ: «Ты подожди здѣсь, я пойду принесу тебѣ обѣдать».

Положилъ дубину на плечо и пошелъ. Приходитъ въ деревню, видитъ— всѣ повыставили кашу на гумно, а попы пришли и благословляютъ. Пошелъ Давидъ продѣлъ дубину въ ручку четырехручнаго мѣднаго котла и полнехонекъ, какъ онъ былъ, взялъ положилъ себѣ на плечо. Дивились тѣ попы и крестьяне, что стояли тутъ, а одинъ закричалъ: «Да вѣдь онъ унесъ котелъ!»

Попъ вскричалъ: «Ради Бога молчи! Вѣдь это изъ шальныхъ Сасунцевъ: (того и гляди) вернется, да и бока намъ помнетъ. Пусть нелегкій его беретъ, провались онъ съ нимъ?»

И взялъ Давидъ котелъ полный каши и пришелъ къ своему товарищу. А товарищъ сидитъ себѣ да плачетъ.

«Э э!—сказалъ Давидъ,—знаю объ чемъ ты плачешь: кашу-то я тебѣ принесъ, а масло и соль забылъ,—вотъ о чемъ ты плачешь! На, ѣшь теперь кашу, а вечеромъ—соль и масло на нее?»

Малый сказалъ: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! На что мнѣ масло и соль? Пришли сорокъ разбойниковъ-дэвовъ, ударили на нашихъ телятъ и угнали ихъ».

Давидъ сказалъ: «Ты останься тутъ, да стереги этихъ телятъ, а я пойду тѣхъ приведу».

И пошелъ за телятами. Пошелъ онъ по ихъ слѣдамъ, пришелъ къ входу одной пещеры и сталъ. Давидъ тутъ закричалъ такимъ голосомъ, что ужасъ напалъ на тѣхъ дэвовъ,—(словно) бѣсы засуетились, когда голосъ Христа раздался въ аду. Какъ только услышалъ это атаманъ тѣхъ разбойниковъ, сказалъ:

«Видно это—Давидъ, сынъ Абамелика. Идите, примите его съ почетомъ, чтобы онъ насъ не убилъ».

Вышли они по одиночкѣ, а Давидъ угожалъ каждаго дубиной, и (такъ) снесъ сорокъ головъ, (одни) трупы остались (на мѣстѣ). Онъ отрѣзалъ у всѣхъ сорока уши и пошелъ спряталъ подъ камень—недалеко отъ пещеры.

Давидъ оставилъ дубину у входа, самъ же вошелъ въ пещеру. Видитъ— стоитъ одна куча золота, другая—серебра,—(словомъ) добро и богатство всего свѣта! Съ тѣхъ поръ, какъ его отецъ умеръ, разбойники грабили и (все) складывали въ эту пещеру. Онъ отворилъ одну дверь, а тамъ стоитъ на привязи жеребчикъ. Призадумался Давидъ и говоритъ про себя: «Дядюшка, все это добро тебѣ, мнѣ же этотъ звѣрь: дашь—хорошо, не дашь—и тебѣ къ нимъ дорога!» А потомъ самъ себѣ отвѣчаетъ: «Дитя (мое) и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ; что мнѣ (съ ними) дѣлать?»

Оглянулся, видитъ—на кострѣ стоитъ мѣдный котелъ о сорока ручкахъ и въ немъ—(свои) сорокъ теленушекъ. Просунулъ дубину черезъ ручки и поднялъ. Воду вылилъ, а ножки телятъ положилъ (въ котелъ), взялъ на плечо и пошелъ къ товарищу.

Взяли — погнали они остальныхъ телятъ и вернулись въ деревню. Давидъ призвалъ хозяевъ телятъ и сказалъ: «Ежели хоть на палецъ обсчитаете моего

братца, бѣда будетъ вамъ! Продайте этотъ котелъ, пусть онъ пойдетъ за вашихъ телятъ».

А самъ отдѣлилъ своихъ телятъ (отъ крестьянскихъ), пришелъ въ полдень домой и сказалъ дядѣ Торосу: «Возьми скорѣе муловъ двадцать и поѣдемъ, добра привеземъ (столько), что и тебѣ хватитъ и (дѣтямъ твоимъ) до седьмого колѣна! Долго ли мнѣ быть пастухомъ?»

И взяли муловъ да поѣхали. Подъѣхали къ пещерѣ: дядя Торосъ видитъ—дэвы растянулись у входа въ пещеру и всѣ они раздулись, словно холмъ Похъ. Дядя Торосъ отъ страха отвязалъ своего мула отъ прочихъ и давай бѣжать (назадъ).

Давидъ сказалъ: «Разоритель ты! Я не убѣжалъ отъ нихъ, живыхъ, чего же бѣжать отъ нихъ, мертвыхъ? Сказалъ: ежели не вѣришь, вернись назадъ, да загляни подъ большой камень: уши всѣхъ я туда сложилъ».

Дядя Торосъ посмотрѣлъ, вернулся, взялъ муловъ и пошелъ въ пещеру. Собрали все, что было и стянули въ тюки. Давидъ сказалъ: «Дядюшка Торосъ, все это добро—тебѣ, мнѣ же—этотъ звѣрь: дашь хорошо, не дашь—и тебѣ къ нимъ дорога!»

Тотъ сказалъ: «Дитя (мое), и добро тебѣ, и звѣрь тебѣ: что мнѣ съ ними дѣлать?».

Давидъ получилъ согласіе дяди, сѣлъ на жеребчика и пришпориваетъ его да скачетъ то туда, то сюда. Нѣтъ, то не (простой) жеребчикъ; о проворствѣ его языкомъ не разскажешь!

Такъ съ добромъ и казной вернулись они въ Сасунъ.

Давидъ досталъ себѣ прекраснаго сокола и, разъѣзжая по пашнямъ, охотился. Телятъ онъ уже оставилъ. Разъ (на охотѣ) онъ наткнулся на пашню бѣдняка. А у того семья изъ семи душъ и семь бороздъ просу (засѣяно); четыре (борозды) онъ растопталъ, осталось три. Кто-то пришелъ съ вѣстью къ бѣдному старичку и говоритъ: «Да ты пропалъ! Скорѣй ступай на свою пашню: къ ночи онъ (пожалуй) разоритъ и остальныя три борозды!»

Старикъ всталъ спозаранку и пока помолился и пошелъ, видитъ—пашня разорена. Глядь, ѣдетъ Давидъ на жеребчикѣ съ соколомъ на рукѣ. Тутъ старикъ проклялъ Давида и сказалъ: «Да ты развѣ вовсе не боишься Бога? Силу свою на моемъ что ли просѣ испытываешь? У меня семь душъ и семь бороздъ проса: четыре ты растопталъ, осталось три. Ежели ты храбръ, поди-ка возврати себѣ вотчину свою, что отъ вершины Цицмака тянется до пояса Сехансара: ее захватилъ Мсрамеликъ и пользуется ею! Поди вонъ то возврати себѣ! Что ты силу свою на мнѣ испытываешь?»

Давидъ сказалъ: «Старина, не кляни меня! На тебѣ горсть золота, прокармливайся!»

И тутъ же убилъ сокола.

Давидъ (вернулся домой и) сказалъ: «Дядюшка Торосъ, поди достань мнѣ булаву и лукъ моего отца: я ѣду воевать! Вотчину мою чужіе заѣдаютъ, а вы мнѣ ничего не скажете».

Всталъ дядя Торосъ и пошелъ къ Цранвэги и потребовалъ отъ (имени Давида) булаву и лукъ его отца. Цранвэги не далъ. (Давидъ) вторично послалъ

къ нему и (велѣлъ) сказать: «Дашь—хорошо, не дашь—прійду отдѣлаю тебя такъ, что) голова (твоя) отлетитъ прочь, останется одно туловище».

Струхнулъ Цранвэги и отдалъ отцовскіе булаву и лукъ, а дядя Торосъ принесъ ихъ Давиду. Давидъ заснулъ и видитъ въ ту ночь сонъ.

Взялъ онъ (на другой день) сорокъ тѣлокъ и пошелъ на Святой Высокій Маратукъ [1]), закололъ тѣлокъ и выкупался въ ихъ крови; затѣмъ палъ ницъ и долго плакалъ и молилъ Бога, (до тѣхъ поръ, пока) Богъ не низпослалъ ему Святое Знаменіе и гребешокъ. (И по сіе время это Св. Знаменіе находится тамъ, въ Гавар'ѣ, въ домѣ Зорк'а). Давидъ поцѣловалъ Св. Знаменіе и положилъ его за правую пазуху, а гребешокъ—за лѣвую пазуху.

III.

Услышалъ тотъ Мсрамеликъ, что сынъ Абамелика (Давидъ) возмужалъ, что сбирается и идетъ на него войной. Съ его стороны поднялся Холбаши, взялъ войско свое и пошелъ на Маратукъ противъ Давида. Видитъ — бабы на дорогѣ стоятъ; онъ имъ сказалъ: «Пойте себѣ да пляшите, пока я вернусь!».

Тѣ сказали: «Что же намъ пѣть и плясать: да вѣдь мы не знаемъ, о чемъ пѣть?»

Холбаши имъ пропѣлъ:

„Приземистыя бабы (пусть) на жерновѣ мелютъ,
„Высокія бабы—верблюдовъ навьючатъ!
„Нашъ Холбаши пошелъ по дѣлу въ Сасунъ:
„Онъ приведетъ дюжихъ упряжныхъ воловъ,
„Онъ приведетъ красныхъ дойныхъ коровъ,
„Весной приготовимъ себѣ вдоволь масла и творогу!"

Холбаши видитъ—бабы начали себѣ это пѣть и плясать. Самъ онъ собралъ войска (свои), пошелъ и засѣлъ во дворищѣ Маратукскомъ.

Дочь-то Маратукскаго попа (частенько) заглядывалась на Давида; да и этотъ не былъ къ ней равнодушенъ. Приходитъ попова дочка съ извѣстіемъ и говоритъ: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Встань, посмотри, сколько войска привалило во дворище—видимо-невидимо».

Сказала это попова дочка, вышла со двора да и заперла снаружи (всѣ) ворота. Воспрянулъ Давидъ и воскликнулъ: «О, хлѣбъ да вино—живъ Господь!» и давай рубить головы у ратныхъ людей: всѣхъ перерубилъ, (такъ что) туловища полетѣли за ограду, а головы остались во дворищѣ. Давидъ схватилъ и Холбаши, вырвалъ у него зубы и вколотилъ ихъ ему на лобъ, а копье его свернулъ (въ дугу), словно ошейникъ собачій, надѣлъ ему на шею и сказалъ: «Ну, (теперь) ступай и доложи (обо всемъ) Мсрамелику! Ежели у него еще осталось народу, пусть ихъ сбираетъ, пока я прійду».

---

[1]) *Маратукъ* — монастырь, построенный на горѣ того же названія, въ Сасунской области.

Холбаши въ другой разъ встрѣтился съ тѣми бабами; а онѣ поютъ себѣ да приплясываютъ. Одна изъ бабъ затянула:

„Холбаши, милый Холбаши!
„Отсюда ты пошелъ—что волкъ лютый,
„Оттуда ты пришелъ—что песъ гончій:
„Копье твое на шеѣ—словно ошейникъ собачій,
„Ротъ у тебя разинутъ—словно окно широкое;
„Изо рта у тебя пѣна валитъ—словно изъ мѣху молоко кислое [1]),
„И на рту-то у тебя мухъ—цѣлый караванъ!"

Холбаши пропѣлъ:

»Ахъ ты, безстыдница непотребная!
„Я думалъ Сасунъ—чистое поле,
„А не думалъ (тамъ) одни камни да ущелья;
„(Что) дѣти новорожденныя—настоящіе бѣсы,
„(Что) стрѣла ихъ словно бревна на маслобойнѣ:
„Какъ пустятъ—(такъ) ротъ разинешь, словно окно широкое.
„Молодцы, что были со мною, всѣ легли въ Харманѣ [2]);
„Весной, какъ прибудетъ вода, много добра (даровъ) принесетъ съ собою:
„Тогда-то вы себѣ изготовите вдоволь масла и творогу!"

На этотъ разъ поднялся Давидъ, снарядился и поѣхалъ на Мсрамелика.

Пріѣхалъ, видитъ—собралась рать великая и засѣла у пояса Сехансара (Столовидная гора).

Давидъ сказалъ: «Даю зарокъ не выходить на бой, пока подъ зелено-краснымъ шатромъ не поѣмъ я семь дней пилава изъ рису!»

И погналъ оттуда Давидъ (коня), поѣхалъ и внезапно явился съ заката,—явился и сталъ противъ шатра.

Когда рать замѣтила того всадника, на нее нашелъ великій страхъ. Меликъ спросилъ: «Что ты за человѣкъ?»

Давидъ сказалъ: «Я сынъ западнаго царя пріѣхалъ къ вамъ на подмогу».

Меликъ разбилъ (для него) палатку. Семь дней они ѣли вмѣстѣ. На восьмой Давидъ взялъ сѣлъ на своего коня, проѣхался раза-два и сказалъ: «Ну, выходи: я пріѣхалъ воевать съ тобою! Долго ли тебѣ ѣсть мое отцовское добро?»

Бой начался.

Давидъ воскликнулъ: «Хлѣбъ да вино—живъ Господь!»

Дошелъ слухъ до дяди Тороса о ихъ борьбѣ. Онъ вырвалъ (съ корнемъ) тополь, положилъ себѣ на плечо и идетъ. Самъ сталъ поверхъ долины, а тѣ бьются въ долинѣ: если кто на побѣгъ побѣжитъ и вскарабкается наверхъ, Давидъ закричитъ: «Дядюшка Торосъ, ты ихъ гони въ долину, а я съ ними управлюсь!»

Войско стало роптать: «Нужно де вамъ обоимъ только состязаться; кто одолѣетъ, того и будетъ побѣда».

---

[1]) На Востокѣ приготовляютъ сливочное масло и изъ кислаго молока (*мацунъ*), отъ чего вся посуда (напр., кожаный мѣхъ), въ которой бьютъ масло, бываетъ полна пѣны. Это и дало поводъ къ сравненію.

[2]) Названіе деревни недалеко отъ города Муша.

Одинъ (изъ братьевъ) говоритъ: «Ты сядь — я ударю (булавой)!» Другой говоритъ: «Нѣтъ (сиди) ты!»

По уговору пришлось сидѣть Давиду, (какъ) младшему брату.

Давидъ накинулъ щитъ на голову, взялъ подъ щитъ Св. Знаменіе и сѣлъ. Мсрамеликъ отъѣхалъ на разстояніе трехчасоваго пути, поспѣшно вернулся и ударилъ булавой, приговаривая: «Ты еси земля—въ землю обратися!»

Давидъ сказалъ: «Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе! Я словно подъ зелено-краснымъ шатромъ ѣмъ пилавъ изъ рису!»

Такъ три раза Мсрамеликъ проѣхался, ударялъ булавою, приговаривая: «Ты еси земля—въ землю обратися!»

А Давидъ трижды повторялъ: «Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе!»

Теперь пришла очередь сидѣть Мсрамелику. Мсрамеликъ заупрямился, сталъ и не хочетъ садиться. Войско стало корить его. (Тогда) онъ пришелъ, взялъ надвинулъ щитъ на голову и сѣлъ. Мать Мсрамелика начала укорять Давида и сказала: «Давидъ, умереть мнѣ за твою за головушку! Развѣ не братъ онъ тебѣ? Не бей его, пожалѣй!»

Сказалъ Давидъ: «Ахъ ты, безстыдница этакая! Пока онъ ударялъ (меня), что же ты не говорила (ему): развѣ не братъ онъ тебѣ? Ну, пусть будетъ (по твоему)! Одинъ ударъ я уступаю Бога ради, а другой ради тебя,—но послѣдній мой ударъ я ужъ нанесу: или умретъ, или живъ останется».

Проѣхался Давидъ взадъ и впередъ, хватилъ булавой и на семь аршинъ въ землю вогналъ Мсрамелика. И пошелъ, захватилъ Месръ и сѣлъ на царскій престолъ.

Этотъ здѣсь останется.

IV.

У Кахизванскаго эмира есть дочь. Имя ея—Хандудъ-Ханумъ. Она узнала объ удальствѣ Давида, наградила ашуха (пѣвца) и сказала (ему): «Ступай, воспой Давиду красоту мою! Авось онъ пріѣдетъ сюда и мы полюбимъ другъ друга».

Ашухъ взялъ да и пошелъ въ Сасунъ; думалъ онъ—Давидъ въ Сасунѣ. Пришелъ и вступилъ въ замокъ Цранвэги: онъ думалъ—тамъ сидитъ Давидъ. Сѣлъ и началъ воспѣвать Давида. Цранвэги вскричалъ: «Эй, вы, подите поколотите его и прогоните вонъ! Онъ пришелъ обманомъ увести моего брата!» Поколотили ашуха, потащили его въ долину и выбросили на дорогу.

Вечеромъ пастухи на своихъ волахъ возвращаются въ деревню. У одного волъ заортачился—пастухъ слетѣлъ съ него. Поискали и нашли ашуха. Ашухъ плакалъ и молилъ пастуховъ и спросилъ: «Который (изъ братьевъ) живетъ въ этомъ замкѣ?»

Пастухи сказали: «Тутъ—Цранвэги, Давидъ же тамъ въ Месрѣ».

Взялъ ашухъ далъ пастухамъ червонецъ. Пастухи собрали ему куски его (разбитаго) тамбура (гитара) и показали ему дорогу. Ашухъ направился къ Месру. Пошелъ и воспѣлъ Давиду красоту Хандудъ. Давидъ богато одарилъ того ашуха и сказалъ: «Ты ступай, я пріѣду».

Ашухъ пришелъ и разсказалъ (обо всемъ) Хандудъ-Ханумъ. А Давидъ выѣхалъ изъ Месра и прямо прибылъ въ Сасунъ. Изъ Сасуна онъ поѣхалъ къ Цицмакской вершинѣ. Видитъ—на дорогѣ стоитъ плугъ [1]). Отвязалъ воловъ, (самъ) схватился за цѣпь и сѣлъ на коня: отсюда потянетъ плугъ — понесетъ на вершину Сара, оттуда потянетъ — снесетъ внизъ. Такъ съ вершины Сев-Сара [2]) онъ стремглавъ спустился къ водопротоку деревни Марникъ.

Пріѣхалъ, смотритъ отвязался буйволъ, вышелъ на средину дороги и оставилъ тамъ (свой) пометъ. Посмотрѣлъ Давидъ на этотъ пометъ и сказалъ: «Ежели приключится со мною бѣда какая, то отъ того, кто оставилъ этотъ пометъ, не случится,—отъ него же (не случится)».

Видитъ — вышелъ изъ лужи буйволъ. Давидъ, какъ ничего подобнаго не видалъ еще, поднялся и сталъ, чтобъ ударить буйвола. Съ противной стороны пришелъ пастухъ и сталъ бранить буйвола. Давидъ подумалъ, что его ругаютъ, и сказалъ: «Молодецъ, что я тебѣ сдѣлалъ, что меня ругаешь?»

Пастухъ сказалъ: «Кто же тебя, братецъ? Вѣдь ты Сасунскій шальной— свѣта не видалъ! Я обращаюсь къ своему буйволу».

Давидъ сказалъ: «Молодецъ, чего же сердишься: стыдно, что ли, что я ничего подобнаго еще не видалъ! А много ли такихъ въ вашей землѣ?»

Пастухъ сказалъ: «Пойдемъ, я тебѣ покажу!»

Пошли въ Авзутское поле, а тамъ запрягли (крестьяне) буйволовъ и погоняютъ. Видитъ Давидъ—буйволы, высунувъ отъ жара языки, тащутъ плугъ. Жалко ихъ стало Давиду: онъ распрегъ буйволовъ и погналъ ихъ въ прудъ. Пахарь принялся клясть его. Сказалъ (ему) Давидъ: «Ты, пахарь, не кляни меня: дай (только) мнѣ въ руки цѣпь отъ этого плуга!».

Схватился онъ за цѣпь и ну—тянуть. Пахарь сталъ на плугъ, и Давидъ девять бороздъ запахалъ плугомъ. Пастухъ сказалъ Давиду:

«Это не твоя умѣлость; слѣзай-ка съ коня и тогда потяни, посмотримъ — твоя ли это умѣлость или коня твоего!"

Давидъ слѣзъ (съ коня) и еще девять бороздъ запахалъ одинъ.

---

[1]) На Востокѣ, въ странѣ богатой черноземомъ, обыкновенно употребляютъ для полевыхъ работъ не соху, но такъ называемый армянами *чутанъ*—нѣчто въ родѣ большого и сложнаго плуга, который тянутъ отъ 8 до 10 паръ воловъ или буйволовъ. Можно себѣ представить какой необъятной силой обладалъ Давидъ, бороздя такимъ громаднымъ плугомъ! Невольно вспомнишь прекрасное мѣсто изъ русской былины о встрѣчѣ Вольги Святославовича съ ратаемъ:

„Посылалъ онъ (Вольга) всю дружинушку хоробрую.
„Они сошку за обжи вокругъ вертятъ,
„А не могутъ сошки съ земельки повыдернуть...
„Тутъ-то Вольга Святославовичъ
„Подъѣзжалъ къ сошкѣ кленовыя...
„Къ этой ко сошкѣ подхаживалъ.
„Этую сошку попихивалъ:
„Какъ улетѣла та сошка къ подоблакамъ,
„Пала сошка о сыру землю"...

Рыбниковъ, I, стр. 21, 23.

[2]) *Сев-Саръ*, т.-е. черная гора, иначе называемая Мушскою горою, у подошвы которой находится нынѣ деревня Марникъ.

На это пахарь ему сказалъ: «Давидъ, голубчикъ, уже полдень, поди, пообѣдай — а тамъ ступай себѣ!»

Давидъ сказалъ: «Нѣтъ, я уѣду: пусть дѣтки ваши обѣдаютъ! (Если) я примусь ѣсть, имъ ничего не останется».

Ну, сѣли. Когда подали обѣдъ — что ни было хлѣба, скомкалъ Давидъ, разомъ очистилъ горшки и проглотилъ.

Пастухъ сказалъ: «Эй, вы, спасайтесь скорѣе: пожалуй онъ и насъ съѣстъ!».

Давидъ сказалъ: «Конечно, братецъ, кто тянетъ плугъ, тому хлѣбъ нуженъ. Какъ же иначе?»

И поднялся оттуда и прямо поѣхалъ къ Хандудъ-Ханумъ.

V.

Пріѣхалъ Давидъ къ воротамъ замка Хандудъ-Ханумъ—туда, гдѣ останавливаются всѣ сватья. И онъ — туда. Видитъ—кто-то стоитъ у воротъ съ булавой въ рукѣ.

Давидъ спросилъ: «Эй, молодецъ, какъ тебя зовутъ?»

Сказалъ: «Меня зовутъ Горгизъ».

Давидъ сказалъ: «Горгизъ, я—Давидъ! Когда я женюсь на Хандудъ-Ханумъ, ты будешь моимъ кумомъ».

Потомъ сказалъ: «Кумъ Горгизъ, кто тамъ въ домѣ?»

Сказалъ: «Пришли сватья отъ великановъ Шибикана Хорасанскаго и Гамзы Лорійскаго».

Сказалъ: «Возьми моего коня и привяжи!»

Тотъ повелъ его и привязалъ.

Давидъ спросилъ: «Что за булаву дали тебѣ въ руки? Покажи-ка».

Взялъ изъ его рукъ булаву и метнулъ, и по сихъ поръ еще она летитъ...

Потомъ сказалъ: «Кумъ Горгизъ, взойдемъ, будемъ пировать, вино попивать!»

(Они вошли). Давидъ сѣлъ: онъ утомился и голоденъ; а тѣ сватья подаютъ Давиду чарку вина за чаркой. Давидъ потерялъ терпѣніе: схватилъ жбанъ съ виномъ и осушилъ его единымъ духомъ, приговаривая: «Да скажите же на здоровье!».

Вино ошабурило Давида. Когда онъ сдѣлался такимъ, и голова его отъ вина стала наклоняться къ землѣ, тѣ сватья обнажаютъ мечи, чтобъ ударить его. И какъ только онъ подниметъ голову, тѣ прячутъ мечи подъ себя. Когда же снова они взялись за свое, кумъ Горгизъ закричалъ: „Давидъ, куманекъ, тутъ — внастунъ, а не Врастунъ!" [1]).

Услышавъ это, Давидъ сказалъ: «Ну-ка, стой крѣпко у дверей!»

Тутъ же сватья встали и бросились бѣжать. Каждый отвѣсилъ по оплеухѣ

---

[1]) Тутъ игра словъ—*Врац* (Иверія) и *внас* (бѣда, опасность) - въ сложеніи съ *тун* (домъ, мѣсто); переводъ ихъ таковъ: тутъ мѣсто опасное, а не Иверія.

Горгизу и убѣжалъ. Теперь Давидъ обратился къ Горгизу и спросилъ: «Гдѣ бы видѣться съ Хандудъ-Ханумъ?»

Горгизъ сказалъ: «Въ царскомъ саду: нынче пятница—(она будетъ тамъ). Передъ нею пойдутъ двадцать невольницъ, за нею—двадцать же. Сегодня пойдемъ туда и увидимъ (ее)».

Давидъ и Горгизъ пошли, прислонились къ оградѣ сада и стали (ждать). Прошли невольницы одна за другою. Явилась и Хандудъ-Ханумъ. Давидъ охватилъ рукой Хандудъ-Ханумъ за шею и трижды крѣпко поцѣловалъ ее. Ханумъ—ни слова. Онъ—давай еще разъ. Хандудъ-Ханумъ схватила Давида за воротъ и хвать его объ стѣну: кровь брызнула у него изъ носу. Осерчалъ Давидъ и пошелъ оттуда къ своему Св. Знаменію и коню, чтобы сѣсть на него. И сказалъ: «Кумъ Горгизъ, выведи моего коня: я разорю этотъ городъ».

Горгизъ сталъ умолять его: «Прошу тебя, отложи это до утра, (теперь) темно. На разсвѣтѣ встань, разоряй и поѣзжай себѣ!»

Лежитъ Давидъ въ постели и отъ досады заснуть не можетъ: «Скоро ли разсвѣтетъ», — (думаетъ онъ), — чтобы мнѣ встать, разорить этотъ городъ и убраться!»

Хандудъ-Ханумъ (все еще) прогуливается по саду. Пришла хромая невольница и сказала: «Не веселая будетъ твоя прогулка! Вотъ сейчасъ Давидъ разоритъ городъ твоего отца и уѣдетъ».

Прибрали свою скатерть съ явствами и вернулись. Онѣ пошли прямо къ замку, (гдѣ остановился Давидъ), и стали стучаться въ ворота, чтобъ имъ отперли.

Давидъ сказалъ: «Ого, ого! Какой же тутъ наглый народъ; не дождутся утра, говорятъ: теперь же встань, разори (городъ) и уѣзжай!»

Всталъ Горгизъ, посмотрѣлъ и, вернувшись, сказалъ: «То бабы, не мужчины».

Отперли ворота.

Хандудъ пришла къ Давиду, Хандудъ сказала: «Давидъ, ты разъ поцѣловалъ меня за пройденный тобою путь, другой разъ—за себя, третій—Бога ради. За что же былъ лишній поцѣлуй? Ты молодчина своего отца, я — (молодица) своего! Не даромъ сказано: «Возьми жену у Езида, чтобы сынъ вышелъ въ дядюшку!» Подумаешь, ты мнѣ привезъ головы великановъ Шибикана Хорасанскаго и Гамзы Лорійскаго, что лишній разъ цѣлуешь меня?

На этотъ разъ Давидъ смягчился и сказалъ: «Ежели такъ, съ разсвѣтомъ я отправлюсь и доставлю тебѣ ихъ головы».

Потомъ прибавилъ: «Но вотъ я поѣхалъ. Случись, что они пересилятъ меня, они убьютъ меня. Бога твоего ради пріиди искать мой трупъ: на правой рукѣ у меня родимое пятнышко—крестъ. Ты узнаешь меня по немъ, возьми (мой трупъ), отнеси и похорони!»

И Давидъ собрался и пустился въ путь-дорогу. Замѣтили великаны, что ѣдетъ всадникъ, и пыль изъ-подъ копытъ коня къ небу летитъ. Сказали: «Этотъ всадникъ на бой ѣдетъ сюда. Неизвѣстно—изъ роду ли онъ Сргo?[1]).

---

[1]) *Сргo* уменьшительное отъ Саргисъ (Сергій). Этимъ именемъ нерѣдко курды называютъ христіанъ, почитателей Св. Сергія, весьма популярнаго между армянами Муша и Вана.

Они громко позвали его и спросили: „Эй, молодецъ, что ты за человѣкъ и откуда ѣдешь? Не вѣдаемъ,—знешь ли ты Хандудъ-Ханумъ и не можешь ли передать ей вотъ этотъ перстень?»

Давидъ сказалъ: «Вѣстимо знаю. Но я пріѣхалъ затѣмъ, чтобъ отвезть ваши головы царевнѣ Хандудъ. Я не за перстнемъ пріѣхалъ».

У Шибикана Хорасанскаго брови такъ нависли, что доходили до груди; а онъ вилой привязалъ ихъ къ спинѣ (своей). А у того великана, у Гамзы Лорійскаго, нижняя губа тянулась по землѣ и мела землю!

И начали биться-рубиться, Давидъ и тѣ великаны булавами и луками цѣлый день до вечера. Давидъ воззвалъ: „Исповѣдую (и) вѣрую въ высокое Маратукское Св. Знаменіе! Іисусе Сыне, помоги мнѣ!». Хватилъ и отсѣкъ (мечемъ) обоимъ головы. Онъ связалъ ихъ кудри, и, словно хурджинъ (переметная сума), привязалъ въ торокахъ къ коню. А языки великановъ высунулись изо ртовъ и бороздятъ землю, точно плугъ какой. Давидъ везетъ ихъ головы и уже проѣхалъ половину дороги, видитъ—летитъ на встрѣчу всадникъ межъ небомъ и землей и кричитъ ему: «Го...! берегись! (Не думаешь ли ты), что встрѣтился съ великанами Шибиканомъ Хорасанскимъ и Гамзой Лорійскимъ?»

Всадникъ заѣхалъ въ тылъ Давиду и хватилъ было его булавой: Давидъ увернулся подъ сѣдло, булава попала въ стремя и, (оторвавъ его), вогнала въ землю. Давидъ вывернулся изъ подъ сѣдла и закричалъ: «О, хлѣбъ да вино — живъ Господь!»,—и занесъ было булаву надъ головой (всадника) сопротивника; тотъ наклонился, и разсыпались кудри по лицу. Давидъ посмотрѣлъ и узналъ: то была Хандудъ-Ханумъ. Она переодѣлась (мужчиной) и пріѣхала на встрѣчу Давиду[2]).

Давидъ сказалъ: «Ахъ ты безстыдница! Такъ и хочется хватить тебя булавой и сквозь землю провалить: это уже второй разъ ты срамишь меня!»

Взяли да поѣхали вмѣстѣ въ городъ Хандудъ-Ханумъ. Пріѣхали и сошли (съ коней). Тутъ они позвали отца Хандудъ-Ханумъ, а Давидъ ему и говоритъ: «Не выдашь ли ты дочь свою за меня?»

Отецъ сказалъ: «Не выдамъ. Ежели возьмешь ее и останешься тутъ (жить),

---

[1]) Это мѣсто напоминаетъ любопытное описаніе борьбы Алеши Поповича съ Тугариномъ Змѣевичемъ, происходившей на палицахъ, на копьяхъ и сабляхъ и продолжавшейся очень долго. Какъ и въ нашей поэмѣ, Алеша отрубаетъ Тугарину „буйну голову“ и везетъ ее князю Владиміру.

[2]) Этотъ эпизодъ весьма сходенъ съ русской былиной о встрѣчѣ Дуная Ивановича съ татариномъ. Только побѣдивъ его, Дунай узнаетъ, что это—знакомая ему Настасья королевична, переодѣвшаяся татариномъ. Обрадованный Дунай везетъ ее въ Кіевъ вѣнчаться съ ней. Всматриваясь ближе въ эту былину, мы находимъ въ ней и другія любопытныя мѣста, также сходныя съ заключеніемъ нашей поэмы. Извѣстно, что, вскорѣ послѣ женитьбы, Дунай Ивановичъ затѣялъ споръ съ женой своею, кто лучше стрѣляетъ изъ лука, онъ или она? Трагическая смерть Настасьи, убитой изъ лука Дунаемъ, и самоубійство послѣдняго съ отчаянія—тѣ же, что несчастный конецъ Давида, убитаго стрѣлой, и жены его, Хандудъ-Ханумы, съ отчаянія бросившей себя съ башни. У тѣхъ и другихъ рождается сынъ „будущій богатырь, какъ говоритъ русская былина, которому не будетъ сопротовника“.—(*Рыбниковъ*, I, 182—186; ср. также II, 49—51, III, 96—103).

выдамъ; ежели уѣдешь, не выдамъ! Да какъ же! У меня враговъ много. Они разорятъ мой городъ».

Давидъ сказалъ: «Возьму ее и останусь здѣсь, не увезу ее».

Тогда взяли, выдали ее, сыграли свадьбу и семь дней, семь ночей пировали.

VI.

Время проходило незамѣтно, и когда исполнилось девять мѣсяцевъ, девять дней и девять часовъ, Богъ далъ имъ сына.

Давидъ сказалъ Хандудъ-Ханумъ: «Ежели этотъ мальчикъ отъ меня, на немъ долженъ быть знакъ: проявится въ немъ сила великая».

Взяли, спеленали мальчика и въ замѣнъ свивальника обвязали его цѣпью отъ плуга. Когда мальчикъ заплакалъ и повернулся въ колыбели, обмотанная вокругъ него цѣпь разлетѣлась въ кусочки.

Послали Давиду вѣсточку: «Мальчикъ—хоть куда! Онъ разорвалъ цѣпь. Только одна рука у него съ изъяницемъ: она закрыта, и никто не можетъ ее раскрыть».

Пришелъ Давидъ, сѣлъ и сталъ гладить руку мальчика и открылъ ее. Видитъ—въ рукѣ комокъ (сгустившейся) крови. Сказалъ: «Ай, ай...! (Весь) свѣтъ превратилъ въ каплю крови и держитъ у себя въ рукѣ! Если онъ живъ останется, дивныя будутъ отъ него дѣла».

Взяли окрестили мальчика и назвали его Мхер'омъ.

Прошло нѣкоторое время. Мальчикъ выросъ. Давидъ оставилъ мальчика въ Казизванѣ у дѣда и бабушки (его), взялъ Хандудъ-Ханумъ и поѣхалъ въ Сасунъ.

Хлатцы узнали о пріѣздѣ Давида. Они собрали войско, вывели противъ него валъ, устроили изъ телѣгъ защиту и начали бой.

Хандудъ-Ханумъ какъ ударитъ древкомъ своего копья, такъ и снесетъ весь валъ, и телѣги полетятъ на разстояніе двухчасоваго пути. А Давидъ шелъ себѣ впередъ и крошилъ войско. Обратился (къ нимъ) Давидъ: «Хлатцы [1]), что вы за бестыдный народъ! Воюете противъ женщины. Дайте отвезти жену свою въ Сасунъ, и тогда уже я пріѣду и будемъ биться».

Тѣ не повѣрили.

«Если такъ», сказали они,—«клянись Св. Знаменіемъ, что у тебя за пазухой,—и мы повѣримъ»!

Давидъ ударилъ рукою о гребешокъ; онъ думалъ, что клянется гребешкомъ,—но рука попала на Св. Знаменіе. А сила Св. Знаменія въ томъ и была, чтобы не клясться имъ.

Давидъ взялъ Хандудъ-Ханумъ и увезъ въ Сасункій замокъ. Тутъ (только) онъ засунулъ руку за пазуху (думая тамъ найдти гребешокъ), видитъ—въ ту пазуху попало Св. Знаменіе, и что имъ онъ поклялся.

---

[1]) Городъ *Хлатъ* (по-турецки Ахлатъ)—на сѣверо-западномъ берегу Ванскаго озера Онъ славился въ древности торговлей, богатствомъ и своей неприступной крѣпостью. Вражда жителей Хлата къ Давиду объясняется тѣмъ ущербомъ, который наносилъ имъ отецъ Давида, Абамеликъ.

Сказалъ: «Теперь мое дѣло—дрянь: поѣду ли, не поѣду ли; все плохо! А мнѣ все-таки надо ѣхать».

Хватилъ да пріѣхалъ на бой. Хлатцы сильно стѣснили его. Его конь завязъ въ камышахъ Чхура [1]), въ болотѣ. Кое-какъ онъ выбрался изъ болота и пріѣхалъ къ водамъ Лохура [2]).

Еще при своей жизни, когда Абамеликъ былъ въ домѣ Ибрахима-аги, онъ силою пробрался къ его женѣ. Ее звали Шимшимъ-Ханумъ. Отъ Абамелика она родила дѣвочку, и та была отъ ихъ племени (т.-е. мусульманкой),—очень талантливую. Вотъ эта дѣвица и взяла лукъ да стрѣлу и пошла притаилась у обвалившагося берега (рѣчки).

Когда купался Давидъ въ водахъ Лохура, дѣвица та тайкомъ пустила стрѣлу Давиду въ спину. Давидъ сталъ на ноги и закричалъ; голосъ его дошелъ до Сасуна. Собрались Цэновъ-Ованъ, Хоръ-Гусанъ, дядя Торосъ, Чнчхапокрикъ и Цранвэги. Цэновъ-Ованъ далъ откликъ изъ Сасуна: «Давидъ, мы ѣдемъ!».

И поѣхали на выручку Давиду. Давидъ еще въ водѣ услыхалъ голосъ своего брата. Они пріѣхали къ рѣкѣ и нашли Давида. Давидъ сказалъ: «Цэновъ-Ованъ, (знать) отъ нашего оклика дѣвица въ ужасѣ такъ и остолбенѣла. Подите, поищите ее!»

Поискали и нашли дѣвицу съ голубыми глазами. Давидъ схватилъ ее за одну ногу, наступилъ на другую, рванулъ, разорвалъ ее на двое и махнулъ подъ гору въ деревню, и деревню ту назвалъ Чвтисъ-Чапкисъ [3]). Эта деревня, что у устьевъ Чхура, и по сихъ поръ называется Чапкисъ.

Братья взяли Давида и поѣхали въ Сасунъ. Четыре дня спустя, Давидъ умеръ. И стали братья его сѣтовать по немъ. Они пошли къ Хандудъ, чтобы утѣшить ее, и пожелали ей многаго здравія. А Хандудъ-Ханумъ сказала «Охъ, охъ! Видно, послѣ Давида быть мнѣ у нихъ посмѣшищемъ».

Чнчхапокрикъ сказалъ: «Хандудъ-Ханумъ, не плачь, не плачь!»

«Давидъ померъ, (но) моя голова (еще) цѣла».

Хандудъ-Ханумъ поднялась на вершину башни и бросилась оттуда внизъ. И ударилась она головой о камень, и голова ея пробила камень.

Въ (долбленное) головой мѣсто Сасунцы сыплятъ полъ-шника [4]) проса и толкутъ, какъ въ ступкѣ. До сихъ поръ видны тамъ слѣды ея семи косъ; а ступка та и понынѣ стоитъ тамъ передъ замкомъ.

VII.

Собрались братья Давида и пришли къ Хандудъ-Ханумъ. Они ощупали ея груди,—тамъ молоко; вѣрно, у нея былъ ребенокъ. И стали совѣтоваться другъ

---

[1]) *Чхуръ*—болото у истоковъ рѣчки Кара-су (она же „рѣчка Муша"), притока Евфрата.

[2]) Небольшая рѣчка, впадающая въ Ванское озеро, неподалеку отъ города Хлата.

[3]) Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ народной этимологіей: въ переводѣ слова эти означаютъ—*будь разодрана и разбросана*!

[4]) *Шникъ*—мѣстная мѣра сыпучихъ тѣлъ, равняющаяся четыремъ русскимъ мѣрамъ.

съ другомъ, говоря: «Ежели она родила дитя, оно должно быть тамъ (въ Кахизванѣ)».

Взяли да поѣхали въ Кахизванъ и сказали тамошнему намѣстнику: «Отъ нашего брата и невѣстки здѣсь есть дитя: гдѣ оно?»

Тотъ сказалъ: «Нѣтъ ничего».

Они сказали: «У насъ есть примѣта: въ грудяхъ нашей невѣстки было молоко».

Тотъ сказалъ: «Отъ нея была дочь, да она померла».

Они сказали: «У насъ и для покойниковъ есть свой знакъ; нашъ годовалый (покойникъ) бываетъ въ одинъ шагъ, двухгодовалый—въ два шага, и такъ дальше».

Взяли пошли на кладбище и не нашли ни одной могилы по своему шагу.

Цэновъ-Ованъ сказалъ: «Ну, давайте обтягивать меня шкурами: я хочу кричать!»

А для Мхера устроили погребъ подъ землею, заключили его туда и поставили стражу къ нему.

Обтянули Цэновъ-Ована шкурами, и онъ закричалъ; Мхеръ узналъ его голосъ и хотѣлъ выйдти, но бабушка ему сказала: «Это не голосъ твоихъ: то шумъ ребятишекъ и бой барабановъ.

Когда Мхеръ въ третій разъ услыхалъ тотъ же голосъ, ударилъ, разбилъ дверь и вышелъ вонъ. Дверь разбила дверь: отъ удара ноги — первая дверь ударилась о вторую, вторая о третью,—и такъ разбилъ онъ всѣ семь дверей и вышелъ вонъ. Видитъ, тутъ его дяди, а отца нѣтъ. Спросилъ дядей. (Тѣ въ отвѣтъ), что Хлатцы убили его отца. Онъ заплакалъ и упалъ лицемъ къ землѣ. Когда онъ упалъ на земь, дяди бросились къ нему и какъ ни старались, не могли перевернуть его.

А слезы Мхера прорыли землю и потекли, словно потокъ. Когда исполнилось три дня, Мхеръ перевенулся. Онъ тотчасъ же вскочилъ на отцовскаго коня, поѣхалъ въ Хлатъ и поставилъ его верхъ дномъ. И по сихъ поръ еще разоряетъ....

И взошелъ онъ на вершину Немрута[1]). Глядь—(что-то) дымится, и дымъ все усиливается. Смотритъ—осталась (жива) только одна старушка. Онъ схватилъ ее за ноги, (согнулъ два дерева), привязалъ ея ноги къ деревьямъ и спустилъ. Такъ-то убилъ ее! (Съ тѣхъ поръ) и дыму [2]) Хлатскаго не стало видно.

Отсюда онъ позволилъ дядямъ вернуться по своимъ мѣстамъ; а самъ поѣхалъ на холмъ Тоспъ [3]). Говорятъ, и по сіе время онъ тамъ, и теперь еще показывается его конь, и до сего времени моча его коня течетъ изъ скалы.

VIII. [4])

Въ ночь на Вознесенье открывается дверь въ пещеру Мхера. Но ему не велѣно выходить; земля его не держитъ, ноги его уходятъ въ землю.

Разъ въ ночь на Вознесенье пастухъ видитъ— открывается дверь Мхера.

---

[1]) Гора, лежащая на с.-зап. отъ Ванскаго озера, недалеко отъ г. Хлата.

[2]) *Дымъ*, какъ признакъ жилья.

[3]) *Тоспъ*—одна изъ провинцій древне-армянской Васпураканской области, съ главнымъ городомъ Ванъ.

[4]) Русскій переводъ предлагаемой поэмы былъ напечатанъ въ окт. кн. журн. Мин. Нар. Пр. за 1881 г. Здѣсь онъ пересмотрѣнъ и снабженъ введеніемъ.

Пастухъ входитъ внутрь. Мхеръ его спрашиваетъ: «Чѣмъ вы живете на свѣтѣ?» А тотъ отвѣчаетъ: «Умомъ».

На это Мхеръ говоритъ: «(Посмотримъ), что у васъ за умъ? Ну, возьми торбу у того коня и надѣнь ему на шею!»

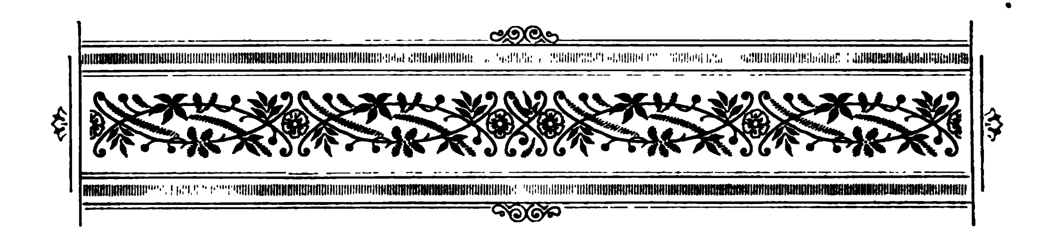
Пастухъ какъ ни бился, не могъ поднять. Подвелъ коня къ торбѣ, открылъ торбу, надѣлъ ее коню на голову, перекинулъ бичевку черезъ шею; конь поднялъ голову, а пастухъ повелъ его на мѣсто, привязалъ и сказалъ: «Таковъ нашъ умъ, вотъ чѣмъ мы живемъ на свѣтѣ!»

Потомъ пастухъ спросилъ: «Мхеръ, когда ты выйдешь изъ этого мѣста?»

А тотъ сказалъ: «Когда пшеница будетъ со сливу, а ячмень съ шиповникъ, тогда только велѣно мнѣ выйдти изъ этого мѣста».

Г. Халатьянцъ.

Зейтунецъ.

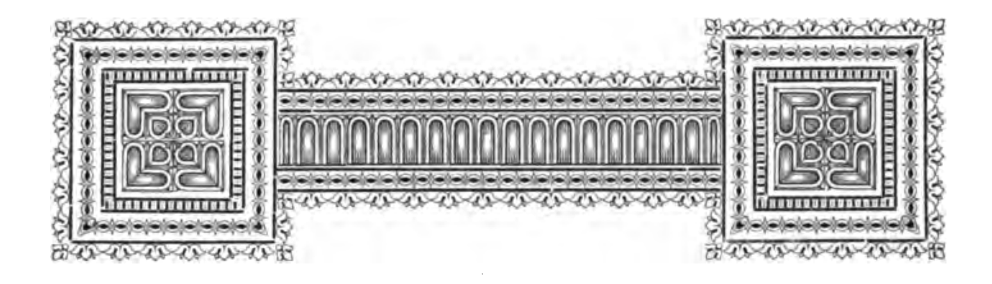


Предложеніе компромисса.
(По поводу газетныхъ статей)

На насъ онъ дѣйствуетъ двоякой стороною.
Не согласиться ль намъ, весь споръ прекративъ,
Съ тобою я — что онъ правдивъ,
А что онъ глупецъ — ты со мною?

Алексѣй Жемчужниковъ.

2 Апрѣля 1877 г.,
Тамбовъ.



Ночь.

эскизъ.

I.

Они уже вышли...—сказалъ онъ, когда начало стемняться, и въ передней избѣ зажгли сальную свѣчу.

— Кто вышелъ?—спросилъ старикъ хозяинъ.

Онъ только опустилъ глаза и ничего не отвѣтилъ. Приставать съ разспросами къ *нему* не полагалось. Въ избѣ царила тишина, нарушавшаяся только жалобнымъ воемъ зимняго вѣтра въ трубѣ. При *немъ* никто не смѣлъ говорить.

Потомъ *онъ* всталъ и старческой походкой вышелъ въ сѣни. Было слышно, какъ хлопнула дверь въ заднюю избу, гдѣ была въ боковушѣ устроена потаенная молельня. Въ избѣ продолжало царить молчаніе, потому что всѣ знали, что *онъ* ушелъ молиться. Старуха свекровушка, возившаяся у печи, старалась не стучать своими ухватами, сноха, молодайка Домна, закачивала на рукахъ полугодового ребенка, чтобы онъ не закричалъ не во́-время.

Свекоръ, Спиридонъ Агапычъ, сегодня былъ какъ-то особенно суровъ и старался не смотрѣть ни на кого. Сноха Домна понимала, что онъ трусить. А вдругъ наѣдутъ и накроютъ раскольничьяго владыку Ираклія, котораго уже давно выслѣживаютъ? Не пустилъ бы его къ себѣ Спиридонъ Агапычъ, да боялся итти противъ своего раскольничьяго міра. И что ему вздумалось, владыкѣ Ираклію, остановиться именно у него? Развѣ не стало другихъ боголюбивыхъ народовъ въ Озерномъ... Труслива былъ старикъ. Онъ боялся даже собственнаго сына Ефима, который характеромъ уродился въ мать. Со стороны это выходило даже смѣшно: отецъ былъ большого роста, плечистый и могутный мужикъ, а Ефимъ маленькій, сутулый, безбородый. Но физическая сила находилась у обоихъ въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ нравственной. Собственно домъ вела матушка свекровушка, но и она поддавалась Ефиму, который забиралъ силу молча.

Владыко Ираклій нѣсколько разъ возвращался въ среднюю избу. Онъ, видимо, не могъ размолиться по-настоящему. Худенькое, изрытое оспой лицо, съ козлиной бородкой и глубоко посаженными сѣрыми глазками было полно тревоги. На видъ ему можно было дать подъ шестьдесятъ, но въ темныхъ волосахъ еще не было даже признаковъ старческой сѣдины.

— Ѣдутъ... бормоталъ онъ, поглядывая въ окно.

— Да кто ѣдетъ-то, владыко?—спрашивалъ свекоръ.

— А кому надо, тотъ и ѣдетъ... Се женихъ грядетъ въ полунощи.

У Спиридона Агапыча захолонуло на душѣ отъ этихъ темныхъ намековъ. Молодайка Домна отвертывалась отъ пристальнаго взгляда владыки и дѣлала видъ, что укачиваетъ ребенка.

Вошелъ Ефимъ, задававшій на дворѣ кормъ скотинѣ. Владыко Ираклій посмотрѣлъ на него такъ любовно и сказалъ:

— Ты бы погрѣлся, Ефимушко... Вонъ какая непогодь.

— Мы привычны...—отвѣтилъ Ефимъ, снимая полушубокъ.

На улицѣ поднималась настоящая вьюга. Вѣтеръ набѣгалъ порывами, обсыпая сухимъ снѣгомъ, точно его бросала невидимая рука. Старикъ каждый разъ крестился и шепталъ: «О, Господи милостивой?!» Владыко Ираклій сидѣлъ въ переднемъ углу у стола и тоже вздыхалъ.

— Немощенъ человѣкъ, а лукавства въ немъ преизбытокъ,—думалъ онъ вслухъ.—И все думаетъ сдѣлать лучше для себя, лукавый-то... А нѣтъ горше грѣха, какъ преданіе,— предателю нѣсть покаянія. Да... Предатель-то тоже думаетъ, што все лучше дѣлаетъ.

Владыко Ираклій усмѣхнулся съ горечью, точно припоминая что-то далекое.

— А ежели преданіе по нуждѣ?—спросилъ Спиридонъ Агапычъ, прислушиваясь къ завыванію вѣтра въ трубѣ.

— Это одно мечтаніе... Такой нужды не бываетъ, и только наша душевная ложь. Отчего остуда, прекословіе и неистовство? Сначало-то мы другихъ предаемъ, а потомъ себя начнемъ предавать...

— Значитъ, по-твоему, владыко честной, всѣ предатели?

— Всѣ!—рѣшительно отвѣтилъ Ираклій.—Самое легкое преданіе, когда человѣкъ предаетъ человѣка въ руки человѣковъ... Это даже на пользу иногда бываетъ, когда человѣкъ въ немощахъ силу обрѣтаетъ. Душевное злато ввергается въ горнило... ввергохомъ злато въ огонь, и изліяся телецъ. Путь узокъ и тернистъ, а ходящіе по нему сущи маловѣры и малоумы.

Дальше владыко Ираклій заговорилъ о послѣднихъ временахъ. Онъ говорилъ долго и убѣдительно и кончилъ тѣмъ, что началъ обличать безпоповщину съ ея подраздѣленіями на десятки толковъ.

— Какъ гнилое мочало расщепляется безъ конца... гнилая нитка рвется на нѣсколько частей... и хуже этого не можетъ быть, какъ рознь и свара въ своей семьѣ. Аще и бѣсъ раздѣлится на ся—погибнуть бѣсу тому, и дому погибнуть, у котораго всѣ четыре угла рубятъ и крышу снимаютъ... Единеніе во множество въ единеніи.

Старикъ даже прослезился, увлекаясь нарисованной картиной грядущаго разрушенія. Матушка свекровушка тоже всплакнула, стоя у своей печки.

— Ну, я пойду,— проговорилъ Ираклій, заглядывая въ окно.—Часъ мой уже близится...

Онъ опять ушелъ въ заднюю избу, а за нимъ ушелъ Ефимъ. Спиридонъ Агапычъ проводилъ ихъ глазами за дверь и началъ ворчать:

— И къ чему онъ все это говоритъ?.. Какъ будто не ладно, старуха...

— Ты бы ужъ молчалъ, Спиридонъ Агапычъ,—довольно сурово отозвалась старуха.—Не нашего ума это дѣло...

— А вдругъ ежели начальство? А вдругъ за пристанодержательство поволокутъ? Охъ, грѣхи, грѣхи...

II.

Наступила ночь. Свѣча въ передней избѣ была потушена, но никто не спалъ. Домна прилегла, какъ всегда, на лавку у зыбки (люлька) и слышала, какъ на полатяхъ ворочается старикъ. Свекровушка спала около печи на сундукѣ и тоже ворочалась съ боку на бокъ. Изъ задней избы доносилось заунывное раскольничье чтеніе, точно гудѣлъ большой шмель.

«Ахъ, скорѣе бы...» думала Домна и ей дѣлалось все страшнѣе и страшнѣе.

Она теперь припоминала каждое слово Ираклія,—онъ все это говорилъ ей одной. «Учуялъ, видно, что дѣло не ладно. И никто его не понимаетъ... Предателю, слышь, не будетъ прощенія. А мужа отбивать у женъ — за это будетъ прощеніе? На Ломовскомъ заводѣ кто увелъ въ скиты пудлинговаго мастера Куркина? Ираклій... Теперь у Куркина осталась жена съ махонькимъ младенчикомъ— ни баба, ни дѣвка, ни вдова,— на комъ будетъ грѣхъ за нее? Сейчасъ Ираклій къ Ефиму подбирается»... При послѣдней мысли Домна чувствуетъ, какъ она начинаетъ вся холодѣть. Ей уже представлялось, какъ она останется одна-одинешенька въ чужой семьѣ съ ребенкомъ на рукахъ, какъ ее будетъ донимать свекоръ-батюшка, какъ будетъ поѣдомъ ѣсть свекровь-матушка. Она же и будетъ кругомъ виновата: мужа остудила, вотъ онъ и ушелъ въ скиты, а ты майся съ ребенкомъ.

— Ахъ, скорѣе бы...

Домна чутко прислушивалась къ каждому шороху на улицѣ и на дворѣ: ей нѣсколько разъ казалось, что кто-то подъѣхалъ, что слышны чьи-то осторожные шаги, что чьи-то руки нащупываютъ дверную скобу. Но это бушевала метель, такая же метель, какая бушевала въ ея собственной душѣ.

Домна была изъ безпоповщинскаго толка, а вышла за поповца Ефима. Очень ужъ крѣпко полюбился ей этотъ серьезный не по лѣтамъ парень. Пришлось для него бросить родную семью, которая проводила ее съ проклятіями. Тяжелѣе горы родительское проклятіе... Не долго порадовалась Домна, хотя и любила мужа безъ ума. Вѣдь другихъ такихъ людей и на свѣтѣ не бываетъ, какъ Ефимъ. Два года бабьяго счастія промелькнули незамѣтно, а тутъ еще появился ребенокъ. Но и въ самую счастливую пору Домна замѣчала, какъ Ефимъ начиналъ какъ будто задумываться и все чаще смотрѣлъ на нее какими-то удивленными глазами, точно спрашивалъ, зачѣмъ она здѣсь. Этотъ взглядъ давилъ ее точно камень.

— Что съ тобой, Ефимъ?—спрашивала она.

— А ничего... такъ... грѣхъ...

— Какой грѣхъ?

— О душѣ своей не думаемъ—вотъ и грѣхъ. Только тѣшимъ свою скверную плоть...

— Какой же грѣхъ между мужемъ и женой?

— Ангелы не знаютъ ни мужей, ни женъ...

По зимамъ Ефимъ пропадалъ иногда на цѣлую недѣлю и возвращался домой измученный, больной, съ странно горѣвшими глазами. Домна потомъ уже узнала, что онъ проводилъ это время у Ираклія на покояніи. Ираклій скрывался гдѣ то въ скитахъ, въ горахъ, куда къ нему и сходились. Онъ вербовалъ себѣ самыхъ лучшихъ овецъ и въ число этихъ лучшихъ попалъ Ефимъ. Разъ онъ сказалъ женѣ прямо:

— Я скоро уйду въ скиты, Домна...

— Тебя Ираклій сманиваетъ?

— Не Ираклій, а совѣсть. Не могу больше терпѣть...

— А какъ же я-то останусь?

— Ступай и ты въ скиты...

— А ребенокъ?

— Ребенокъ останется у стариковъ...

Какъ ни плакала Домна, какъ ни умоляла мужа, Ефимъ стоялъ твердо на своемъ. У молодой бабы совершенно опустились руки... За что же такая напасть? За что разбитая жизнь? А тутъ еще на рукахъ останется ребенокъ хуже сироты. Для Домны ясно было одно, имено, что заводчикомъ всего дѣла былъ владыко Ираклій. Да, онъ сманилъ не одного Ефима и будетъ сманивать другихъ. У Домны явилась страстная жажда мести. Э, пропадать, такъ пропадать всѣмъ, а владыкѣ Ираклію въ первую голову, какъ хищному волку въ овечьей шкурѣ. Случай ей помогъ привести этотъ планъ въ исполненіе. Батюшка-свекоръ какъ-то проболтался о срокѣ, когда владыко Ираклій поѣдетъ изъ скитовъ на южные уральскіе заводы и что остановится у нихъ, какъ показывалъ Ефиму. Старикъ трусилъ впередъ и ворчалъ.

Домна воспользовалася этимъ извѣстіемъ по-своему.

Сейчасъ она лежала и ждала исполненія. И страшно до смерти, и жаль любимаго человѣка, и грѣхъ предъ Богомъ, какъ говорилъ давеча самъ Ираклій. А самое главное, стоило только ей сказать одно слово, и владыко Ираклій спасенъ, но именно этого слова она и не находила въ себѣ. Ей овладѣла фатальная рѣшимость: пусть будетъ, что будетъ.

Вьюга продолжала гудѣть тысячью звуковъ. Въ одно время кто-то и хохоталъ, и плакалъ, и бѣжалъ, и подкрадывался, и дышалъ тысячью холодныхъ пастей. Спиридонъ Агапычъ даже садился на полатяхъ и начиналъ креститься.

— О, Господи милосливой...—шепталъ онъ, прислушиваясь къ непогодѣ.

Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ. Прислушавшись, что всѣ спятъ, онъ потихоньку спустился съ полатей, надѣлъ валенки, полушубокъ, шапку и вышелъ. Въ сѣняхъ онъ прислушался. Читалъ Ефимъ раскольничьимъ речитативомъ акаѳистъ Богородицѣ.

— Матушка пресвятая Богородица, спаси и сохрани,—помолился старикъ про себя, осторожно выходя изъ сѣней на крыльцо.

Дворъ былъ крытый наглухо, какъ строится въ этой полосѣ Урала, гдѣ лѣсу достаточно. Онъ ощупью прошелъ къ конюшнѣ, гдѣ были лошади, и въ темнотѣ началъ обряжать старую бѣлоногую кобылу. Лошадь его узнала и лю-

бовно терлась объ его рукавъ своей угловатой головой. Захомутавъ ее, онъ осторожно вывелъ изъ конюшни и запрегъ въ легкія пошевни на высокихъ копыльяхъ, на какихъ ѣздятъ въ горахъ по глубокому снѣгу.

— Вотъ такъ-то повѣрнѣе будетъ, — думалъ онъ, стараясь не шумѣть. — Чути што—сейчасъ и изловимъ владыку. Ступай, ищи вѣтра въ полѣ... Не въ первой ему отъ никоніанъ спасаться.

III.

Домна не утерпѣла и выбѣжала въ сѣни послушать, что дѣлаетъ свекорь батюшка. По топтанью лошади она поняла, въ чемъ дѣло. Старикъ сильно трусилъ и готовилъ на всякій случай «погоню». Она стояла въ сѣняхъ босая и не чувствовала холода. Въ задней избѣ продолжалась та же молитва. Заунывное чтеніе Ефима нарушалось только поправками, которыя Ираклій дѣлалъ наизусть— онъ зналъ каноны наизусть.

—...радуйся многихъ согрѣшеній прощеніе... радуйся любы всяко желаніе побѣждающи...

Былъ моментъ, когда Домна готова была броситься въ заднюю избу, пасть въ ноги владыкѣ Ираклію и покаяться, но послышались шаги батюшки-свекра, и она убѣжала въ избу. Прилегши на лавку, она опять превратилась въ одинъ слухъ. Ахъ, скоро все будетъ кончено... Ее начинала бить лихорадка. Вьюга выла попрежнему, и попрежнему слышались голоса, подкрадывавшіеся шаги и чье-то жалобное причитанье, какъ причитаютъ по покойникѣ. Заслушавшись вьюги, Домна совсѣмъ не замѣтила, какъ въ избу вошелъ владыко Ираклій, и чуть не закричала, когда онъ въ темнотѣ пощупалъ ее руками.

— Вставай,—шепталъ онъ:—часъ уже приспѣлъ...

Она поднялась, чувствуя, какъ зубы выбиваютъ барабанную дробь. Владыко Ираклій положилъ ей на голову обѣ руки, что-то шепталъ, а потомъ неожиданно поклонился въ ноги.

— Прости, жено, мою твердость... *Они* уже близко... настало время... Не печалуйся, что черезъ тебя принимаю узилище и душевныя раны... Иду на великій праздникъ неистоваго гоненія... Я все знаю... Слышишь? Это за мной пришли...

Одновременно раздался сильный стукъ въ ворота и въ окно.

— Уходи скорѣе...—заговорила Домна.—Батюшка и лошадь запрягъ... А я ихъ тутъ задержу.

— Отъ воли Божіей не уйдешь...

Въ избу вбѣжалъ испуганный Спиридонъ Агапычъ и потащилъ владыку за рукавъ.

— Не нужно... Куда ты меня тащишь?—упирался Ираклій.

— Владыко, не погуби ты насъ всѣхъ... Изъ-за тебя вся семья въ раззоръ пойдетъ...

Это доказательство подѣйствовало. Спиридонъ Агапычъ накинулъ на Ираклія

свою шубу и шапку. Они осторожно вышли на дворъ и пошли къ заднимъ воротамъ, у которыхъ стояла запряженная лошадь.

— Спустись на рѣку,—шепталъ хозяинъ,—а потомъ поверни направо... тамъ выпадетъ тебѣ куренная дорога...

Спиридонъ Агапычъ торопливо отворилъ ворота и сразу попалъ въ руки четверыхъ мужиковъ.

— Держи его!—громко крикнулъ кто-то.—Э, какой здоровущій архирей... Вяжи его, братцы!

— Братцы, да тутъ два архирея!.—крикнулъ другой голосъ.—Этотъ совсѣмъ маленькій...

— Вяжи и его на случай! Да ворота отоприте Палъ Митричу... Сразу двухъ архиреевъ накрыли.

Черезъ минуту вся передняя изба была занята понятыми и переодѣтыми стражниками. Въ переднемъ углу сидѣлъ знаменитый становой Палъ Митричъ, сухой и жилистый мужчина съ рыжей бородой. Онъ потиралъ одно колѣно и говорилъ совершенно равнодушно:

— Ну, и погодка... Настоящая волчья ночь. Который я разъ тебя ловлю, владыко Ираклій?

Владыко Ираклій молчалъ, опустивъ глаза. Спиридонъ Агапычъ совершенно растерялся. У него тряслись руки и ноги. За нимъ стоялъ Ефимъ и смотрѣлъ на станового спокойными строгими глазами.

— Да, погодка...—продолжалъ думать вслухъ Палъ Митричъ. — Хорошій хозяинъ собаку на улицу не выгонитъ. Да... Ну, а ты, сахаръ, что скажешь?—обратился онъ къ Спиридону Агапычу.

— Я его совсѣмъ не знаю, ваше высокое благородіе... Это какой-то бродяга попросился переночевать.

— Такъ, такъ... Ну, и погодка. Такъ ты его счелъ за бродягу? Отлично... Пожалѣлъ, что можетъ замерзнуть? Превосходно... Такъ и запишемъ: добрый мужичокъ Спиридонъ.

Это издѣвательство заставило выступить впередъ Ефима. Онъ тряхнулъ головой и заявилъ:

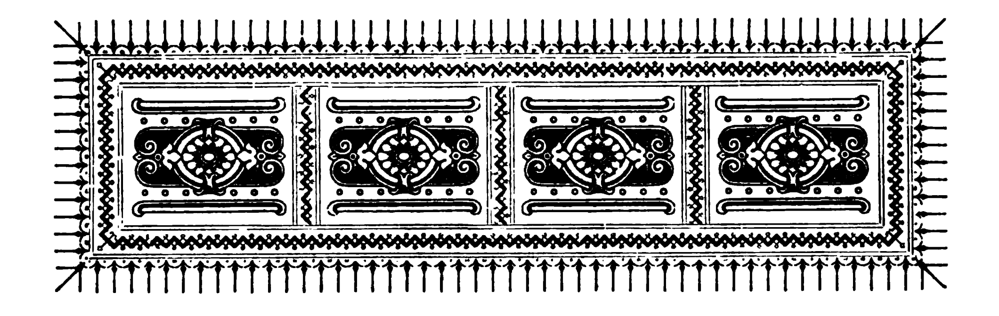
— Отецъ ничего не знаетъ, Палъ Митричъ. Прикажите меня вязать,—мое все дѣло...

Становой равнодушно посмотрѣлъ на него своими по дѣтски голубыми глазами и, мотнувъ головой стражнику, лѣниво проговорилъ:

— Завяжите и этого сахара узелкомъ...

Въ отвѣтъ послышались глухія рыданія Домны.

Д. Маминъ-Сибирякъ.



Два духа.

(новелла).

I.

Въ одну изъ темныхъ ночей двѣ звѣзды—свѣтлая и красная—съ высоты безвоздушнаго пространства упали на землю. Не многіе изъ обитателей земли видѣли эти двѣ упавшія звѣзды,—большенство спало, нѣкоторые заняты были своими житейскими дѣлами и развлеченіями, а мнѣнія тѣхъ немногихъ, которые замѣтили упавшія звѣзды, были совершенно противоположны другъ другу. Одни, сидѣвшіе въ высокихъ башняхъ и наблюдавшіе небо при посредствѣ разныхъ трубъ и инструментовъ, были убѣждены, что видѣли два метеора, другіе, не имѣвшіе даже понятія о томъ, какъ, посредствомъ чего, и зачѣмъ наблюдаютъ небо и что такое метеоры, считали паденіе двухъ звѣздъ, и въ особенности красной, знаменіемъ.

И тѣ и другіе ошибались. Двѣ слетѣвшія на землю звѣзды были два духа: свѣтлая—добрый и красная—злой. Съ далекихъ временъ, когда земля вышла изъ состоянія хаоса, остыла, на ней появились растенія, животныя и люди, эти два духа, въ стремительномъ полетѣ, словно стараясь опередить другъ друга, спускались на нее и, коснувшись поверхности, принимали человѣческій обликъ. Иногда добрый духъ опережалъ злого и тамъ, гдѣ онъ проходилъ, дѣятельно разсѣевая добрыя чувства и начинанія, люди становились лучше, справедливѣе, честнѣе. Но чаще опережалъ злой духъ, отличавшійся лукавымъ проворствомъ и отвагою, и, коснувшись земли, посѣвалъ смуту, вражду и преступленія. Даже тамъ, гдѣ онъ видѣлъ, что добрый духъ прошелъ раньше его, онъ дерзостно рѣшался портить, и соблазнами и хитрыми прельщеніями совращалъ и губилъ людей. Тогда возвращался добрый духъ и снова принимался за свою трудную работу.

Эта страшная борьба началась съ тѣхъ поръ, какъ появился на землѣ первый человѣкъ, и кончится тогда, когда съ лица ея исчезнетъ послѣдній. Въ вѣчной, неустанной борьбѣ этихъ двухъ элементовъ войны затѣвались и массовыя избіенія людей, проливались рѣки крови, опустошались цѣлыя страны, голодъ и повальныя болѣзни довершали остальное, и человѣчество гибло десятками, сотнями тысячъ.

II.

По узкой, горной тропинкѣ пробирался одинокій путникъ. Онъ былъ молодъ и строенъ. Кудри темныхъ волосъ волною ниспадали на его плечи. Большіе, лучистые глаза смотрѣли задумчиво-грустно. На немъ была простая, крестьянская одежда изъ грубой ткани и котомка за плечами; босыя ноги не боялись ни терній, ни острыхъ камней въ изобиліи покрывавшихъ горныя тропинки. И тамъ, гдѣ онъ проходилъ, все оживлялось, все радовалось жизни: солнце свѣтило ярче, ручьи звучали звончѣе, истомленные дневнымъ зноемъ цвѣты поднимали поникшіе вѣнчики и благоухали, птицы соединяли свои голоса въ торжественный хоръ.

Путникъ дошелъ до скрещенія двухъ тропинокъ и присѣлъ на поросшій мохомъ камень. По другой тропинкѣ, подобно сѣрой змѣѣ, спускавшейся съ кручи, ѣхалъ, приближаясь къ скрещенію, всадникъ въ чалмѣ и богатой, расшитой золотомъ, курткѣ. Громко звенѣли серебряныя подковы его великолѣпнаго, чернаго коня, ритмически согласуясь съ звономъ монетъ, ожерельями украшавшихъ лебединую шею красиваго животнаго. Дорогіе каменья вправленные въ сбрую коня и сѣдло, и висѣвшая сбоку въ серебряныхъ ножнахъ кривая сабля ярко горѣли на солнцѣ. Скрестивъ на груди мускулистыя руки, мрачно потупясь, сидѣлъ всадникъ. На бронзовомъ отъ загара лицѣ, изъ-подъ густыхъ, какъ бы сросшихся бровей, сверкали злые глаза.

При видѣ фигуры, сидѣвшей на камнѣ, черный конь фыркнулъ, повелъ ушами и остановился. Всадникъ взглянулъ на юношу и легкій трепетъ пробѣжалъ по его тѣлу.

III.

— Ты здѣсь?—спросилъ онъ, не поднимая на юношу глазъ, — ты опять явился мѣшать мнѣ?

— Да! — спокойно отвѣчалъ юноша, — я тебѣ мѣшать буду всегда и во всемъ!

— Знаю!—прошепталъ всадникъ,—но здѣсь твои усилія будутъ напрасны! Посмотри внизъ на эти долины, усѣянныя деревнями и городками; въ нихъ живетъ народъ, который ты хочешь охранить. Эти долины—отличная ловушка! Посмотри дальше, — ты вѣдь можешь видѣть такъ далеко, какъ никто, — какъ только вижу я,—что видишь?

— Я вижу другой народъ, другого племени, другихъ вѣрованій и обычаевъ.

— И этотъ народъ многочисленнѣе, сильнѣе. Онъ уже владычествуетъ надъ твоимъ маленькимъ народцемъ; что ему стоитъ стереть его съ лица земли?

— Ты забываешь, что есть другіе народы, которые не позволятъ этого сдѣлать!

Всадникъ расхохотался и такъ громко, что эхо ближайшихъ темныхъ и сырыхъ ущелій долго передавали другъ другу его демонскій хохотъ.

— Другіе народы? Какое имъ дѣло до твоего маленькаго народца! Или ты думаешь, я не позаботился о томъ, чтобы достаточно затмить ихъ сознаніе, заставить забыть, что и этотъ народецъ исповѣдуетъ такую же вѣру, какъ они? Или ты, можетъ быть, думаешь, что эгоизмъ не достаточно сильное чувство? Я имъ бросилъ хорошую приманку, и покуда они всѣ глядятъ на нее, придумывая, съ которой бы стороны захватить первому, — я залью эти цвѣтущія долины кровью!

— А я напомню людямъ о томъ, что они люди, и этого не будетъ.— Темныя брови всадника сдвинулись гуще и искры злобы засверкали въ его глазахъ.

— Не мѣшай мнѣ!—вымолвилъ онъ глухо,—довольствуйся тѣмъ, что ты отвоевалъ отъ меня! Есть страны, гдѣ племенная вражда затихла навсегда... и вражда вѣрованій тоже! Есть страны, куда не заглядывали давно ни голодъ, ни повальныя болѣзни. Есть страны, гдѣ культура, наука поднялись такъ высоко, что начинаютъ даже бороться съ смертью. Настанетъ время, и эти страны будутъ охвачены однимъ ученіемъ добра, справедливости, братства! Оставь мнѣ этотъ дикій уголокъ! Кто о немъ знаетъ, кому онъ нуженъ?

— О немъ знаетъ Тотъ, Кто послалъ меня!—отвѣчалъ юноша,—и если бы въ этихъ долинахъ остался только одинъ человѣкъ, я и къ нему пришелъ бы!

Всадникъ сердито дернулъ поводья и гордый конь вскинулъ свою лебединую шею.

— Даже тутъ ты не хочешь оставить меня одного!—воскликнулъ всадникъ.

— Всюду, гдѣ ты, буду и я!—вымолвилъ юноша.

— Опять борьба?

— И теперь, и всегда во вѣки вѣковъ!—сказалъ юноша.

Всадникъ затянулъ поводья. Черный конь взвился на дыбы. Кровавая пѣна обагрила удила. Острыя шпоры всадника вонзились въ бока коня, искры посыпались изъ-подъ серебряныхъ подковъ и черезъ минуту мрачный всадникъ вихремъ мчался къ долинамъ.

IV.

Широкое, красное зарево огня поднималось къ темному небу. Горное эхо повторяло ружейные выстрѣлы и жалобные крики истязуемыхъ, молившихъ о пощадѣ, людей. Черные силуэты людей бѣгали изъ дома въ домъ по опустошенному селенью, вытаскивали женщинъ, дѣтей, и ихъ, надрывающіе душу, вопли скоро прекращались подъ ударами сверкающихъ сабель.

Десятка два оставшихся въ живыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей были согнаны кучкой на площадь села. Сюда же были притащены солома, доски, домашняя утварь,—словомъ все, что могло горѣть, и облиты керосиномъ. Готовилось сожженіе мучениковъ.

Сюда же пришелъ и сталъ посрединѣ юноша съ волнистыми, падавшими до плечъ волосами. Никто не зналъ, откуда пришелъ юноша, кто онъ, но когда

явился, верхомъ на черномъ конѣ, начальникъ шайки съ цѣлью полюбоваться, какъ будутъ горѣть живые люди, онъ содрогнулся, увидя юношу, и повернулъ коня такъ, чтобы не видѣть его лучистыхъ глазъ.

— Зажигайте!—крикнулъ начальникъ шайки,—зажигайте скорѣе! Лейте больше керосину, бросайте солому! Чтобы ни одинъ не ушелъ! Чтобы всѣ, всѣ сгорѣли! Скорѣе, скорѣе!

Юноша ободрялъ осужденныхъ на страшныя муки. Онъ тихо и проникновенно говорилъ каждому, указывая на небо, клалъ руки на плечи мужчинъ и гладилъ головы дѣтей.

И въ ту минуту, когда костеръ, въ который были заключены люди, вспыхнулъ, раздался страшный ударъ грома. Молнія пронизала кучку злодѣевъ; ослѣпленные, закрывая глаза руками, они бросились къ своимъ лошадямъ.

Приникнувъ къ гривѣ коня, начальникъ мчался въ горы. Вихрь вздымалъ его плащъ, дождь смывалъ съ его богатаго оружія темныя пятна запекшейся крови...

V.

Вся долина была во власти орды варваровъ. Подобно горнымъ потокамъ вооруженные люди стремительно спускались съ высотъ, жгли селенія, убивали мирныхъ, безоружныхъ жителей, уводили въ горы ихъ женъ и скотъ и грабили имущество. Народъ стоналъ подъ невыносимымъ игомъ мучителей и не могъ ничего предпринять въ свою защиту: малѣйшее сопротивленіе какой-нибудь горсти безоружныхъ пастуховъ вызывало новыя убійства и истязанія цѣлаго населенія деревни. Тюрьмы были переполнены узниками, томившимися въ ожиданіи казни и подвергавшимися страшнымъ пыткамъ. Страна гибла подъ ударами своихъ мучителей...

Въ это время по городамъ и селеніямъ ходилъ человѣкъ, принадлежавшій къ одной свободной націи на Западѣ. Онъ не избѣгалъ никакихъ опасностей потому, что не боялся ихъ. Стоило ему только назваться, и рука, поднятая для нанесенія смертельнаго удара, опускалась. Если бы онъ по ошибкѣ былъ заключенъ въ тюрьму, стоило представителю той націи, къ которой онъ принадлежалъ, произнести одно слово, и его бы немедленно выпустили на свободу.

Это былъ молодой человѣкъ, одѣтый въ европейскій костюмъ, карманы котораго были наполнены записными книжками. Его лицо, опушенное русою бородкой, смотрѣло открыто и привѣтливо; въ его свѣтлыхъ, большихъ глазахъ свѣтился огонь любви къ ближнему.

Онъ ходилъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе и записывалъ со словъ потерпѣвшихъ и свидѣтелей полные леденящаго душу ужаса разсказы объ убійствахъ и насиліяхъ. По ночамъ онъ писалъ длинныя письма и отправлялъ ихъ на родину. Тамъ эти письма печатались въ газетахъ, оповѣщали весь міръ о неслыханныхъ злодѣяніяхъ варваровъ и призывали христіанъ къ оказанію сочувствія и помощи братьямъ во Христѣ.

Однажды этотъ человѣкъ зашелъ въ домъ нѣкогда зажиточнаго, а теперь ограбленнаго и совершенно разореннаго поселянина. Въ домѣ было много мужчинъ и женщинъ, уцѣлѣвшихъ отъ избіенія, но не имѣвшихъ крова и явившихся просить пріюта на ночь. Хозяинъ всѣхъ принялъ, предложилъ каждому, что имѣлъ. Онъ сдѣлалъ это такъ безучастно, какъ бы самъ былъ гостемъ въ своемъ домѣ. Слезы все время бороздили исхудавшія щеки этого человѣка.

— Не плачьте!—сказалъ ему человѣкъ въ европейскомъ платьѣ,—сегодня у васъ увели скотъ и сожгли хлѣбъ, но все это вернется.

— Вы думаете, я плачу объ этомъ?—возразилъ хозяинъ,—о, если бы это было такъ, вы въ правѣ были бы меня презирать, какъ презираютъ насъ многіе за то, что мы стараемся обезпечить наши семьи. Но у меня отняли то, чего мнѣ никто не вернетъ... даже самъ Богъ! Взгляните сюда!

Онъ провелъ его въ другую комнату. Тамъ было темно, но въ одномъ углу виднѣлся какой-то предметъ подъ бѣлымъ покрываломъ. Хозяинъ зажегъ тоненькую свѣчку и, сдернувъ покрывало, сказалъ:

— Вотъ что отняли у меня! Смотрите!

На доскахъ, крытыхъ ковромъ, лежалъ мертвый, пятилѣтній мальчикъ; страшная, съ запекшеюся, черною кровью, рана зіяла на его горлышкѣ.

— Они зарѣзали его за то, что я не хотѣлъ отдать имъ своей старшей дочери. Ребенокъ съ плачемъ вцѣпился въ платье своей сестры, когда ее тащили, и одинъ изъ разбойниковъ перерѣзалъ ему горло!

Человѣкъ въ европейскомъ платьѣ содрогнулся и поникъ.

— Это мой единственный сынъ!—сказалъ хозяинъ,—если бы онъ хворалъ, и умеръ, ахъ какъ тяжело было бы мнѣ отдать его Господу! Но ребенокъ былъ здоровъ и веселъ. За полчаса предъ убійствомъ онъ рѣзвился, игралъ. Онъ игралъ на солнцѣ, бѣгалъ по дорожкамъ нашего маленькаго сада, наклонялъ вьюнчики цвѣтовъ и вдыхалъ ихъ ароматъ, онъ звалъ меня безпрестанно, когда его интересовала какая-нибудь букашка, мотылекъ, онъ наслаждался жизнью; онъ весь былъ преисполненъ Божественнымъ даромъ; господинъ, онъ жить хотѣлъ и не меньше этой букашки имѣлъ на то право, но пришли люди и отняли отъ него жизнь! Этого мало! Они обѣщались притти въ эту ночь за моею дочерью! Даже смерть этого малютки не можетъ искупить позора и несчастія дѣвушки!

VI.

Человѣкъ въ европейскомъ платьѣ остался въ этомъ домѣ на ночь. Онъ зналъ, что злодѣи вернутся, и ждалъ встрѣчи съ ними. Домъ былъ переполненъ женщинами и дѣтьми, не осмѣливавшимися сомкнуть глазъ и съ тревогой прислушивавшимися къ малѣйшему шуму на темной улицѣ. Кругомъ было тихо. Изрѣдка выли лишившіяся крова собаки да вспыхивали снопы искръ отъ догоравшихъ домовъ.

Въ глухую полночь на улицѣ села послышался конный топотъ. Бряцая

оружіемъ, перекидываясь словами своего гортаннаго нарѣчія, разбойники приблизились къ дому. Одинъ изъ нихъ постучалъ въ дверь и потребовалъ, чтобы ее отворили. Хозяинъ переглянулся съ человѣкомъ въ европейскомъ платьѣ и, когда тотъ шепнулъ ему нѣсколько словъ, подошелъ къ двери.

— Я не могу впустить каждаго проходящаго!—сказалъ хозяинъ,—скажи, кто ты, и я отворю!

— А! ты еще торгуешься, собака! — крикнулъ разбойникъ,—погоди же! Знай, что начальникъ отряда требуетъ у тебя постоя!

— Пусть самъ начальникъ войдетъ сюда! Я ему отворю! — отвѣчалъ хозяинъ.

Закутанный въ плащъ начальникъ сидѣлъ неподвижно на своемъ черномъ конѣ. Солдатъ передалъ ему слова домохозяина. Молча, бросивъ поводья солдату, начальникъ отряда слѣзъ съ коня и направился къ дому.

— Отворяй!—крикнулъ онъ,—да поскорѣе!

Дверь распахнулась. На порогѣ стоялъ человѣкъ въ европейскомъ платьѣ, опираясь на плечо хозяина.

Взгляды мрачнаго всадника и человѣка въ европейскомъ платьѣ встрѣтились; въ одномъ сверкала демонская злоба, — въ другомъ лучезарно свѣтилась кроткая любовь къ ближнему.

И мрачный всадникъ, не выдержавъ взгляда своего противника, отступилъ.

— Опять на моей дорогѣ!—глухо пробормоталъ всадникъ,—этотъ домъ мнѣ нуженъ! Я хочу расположиться въ немъ!

— Ты не можешь этого сдѣлать потому, что этотъ домъ—мой!—спокойно отвѣчалъ человѣкъ въ европейскомъ платьѣ,—уходи!

И всадникъ и всѣ, бывшіе съ нимъ люди, исчезли изъ селенія...

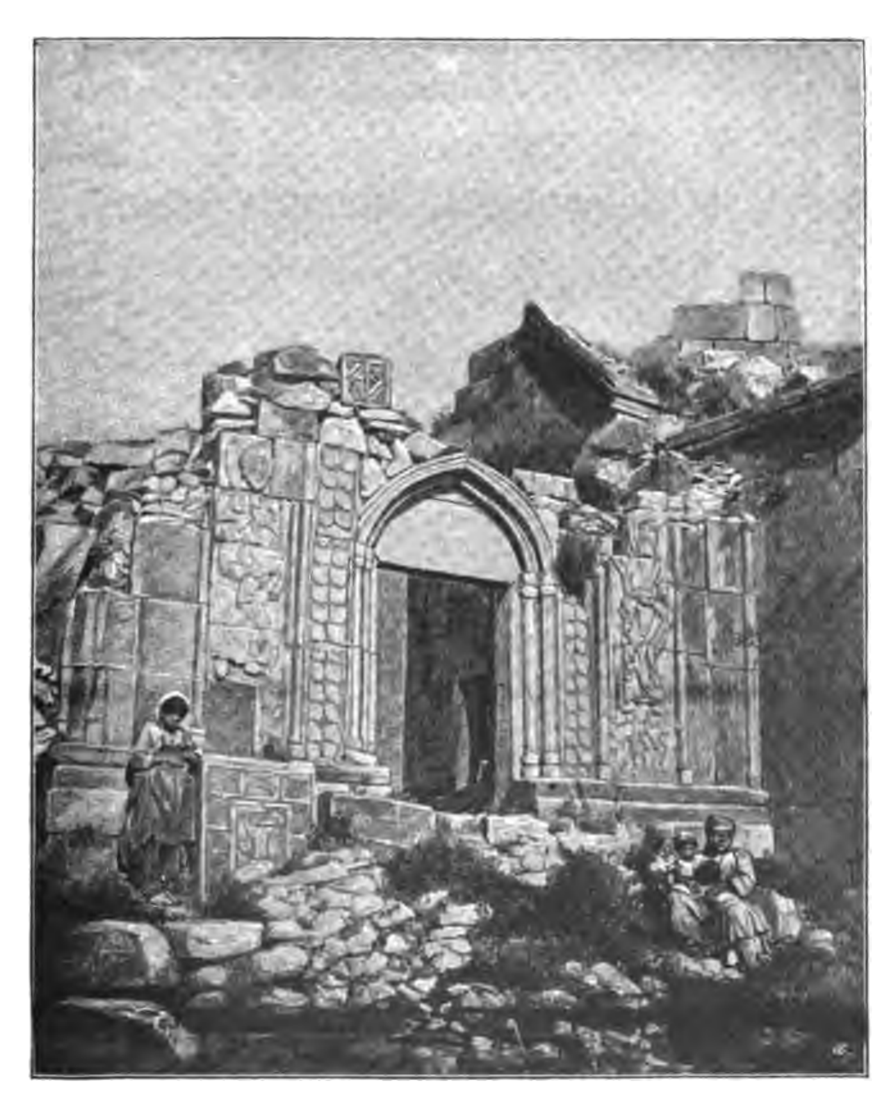
VII.

А письма,—не одного человѣка въ европейскомъ платьѣ, но и многихъ другихъ, въ которыхъ вселился его высоко-христіанскій духъ добра и сожалѣнія къ ближнему,—всѣ спѣшили въ разные концы міра и оповѣщали его о неслыханныхъ злодѣяніяхъ, творившихся въ несчастной странѣ. Телеграфъ проворно стуча, передавалъ длинныя, полныя ужасной правды, депеши, пароходы и желѣзныя дороги развозили по всему свѣту очевидцевъ *рѣзни христіанъ конца XIX вѣка*, и міръ, потрясенный, опечаленный, сталъ прислушиваться къ стонамъ безвинныхъ мучениковъ!..

Они стонутъ до сего дня...—«Помощи и милосердія!»—стонутъ они,—«милосердія къ нашимъ, ни въ чемъ неповиннымъ, женамъ, сестрамъ и дѣтямъ! Откликнитесь и помогите всѣ, въ комъ есть хотя капля чувства сожалѣнія къ страждущему человѣчеству! Вспомните завѣтъ Христа и не нарушайте Его заповѣдей! Пусть холодные сердцемъ филистеры-философы говорятъ, что совокупность добра и зла—необходимый элементъ всего живущаго на землѣ, пусть нѣ-

которые изъ нихъ договариваются до того, что считаютъ зло однимъ изъ дѣятельныхъ рычаговъ прогресса, пусть политики хлопочутъ объ излюбленномъ ими равновѣсіи. Намъ, *просто людямъ*, не должно быть дѣла ни до однихъ, ни до другихъ и третьихъ! Мы должны знать одно, что мы люди, обязанные и словами и дѣломъ помогать людямъ,—«нѣсть же эллинъ и іудей» армянинъ или даже этотъ самый, изнывающій подъ ярмомъ безправія и грабежа, турокъ!

И мы всѣ, сколь бы разноплеменны мы ни были, принадлежащіе одному великому народу, благородная рука котораго не разъ поднималась для огражденія защиты,—мы всѣ въ правѣ ожидать, что, приклонивъ ухо къ стонамъ сотней тысячъ поруганныхъ матерей и голодныхъ, холодныхъ дѣтей, этотъ могущественный народъ, какъ одинъ человѣкъ, воскликнетъ: «Довольно! больше я не позволю!»



Часовня Свв. Петра и Павла въ Енлиджѣ (Эрив. губ.).

вистаго дерева. Запѣвало беретъ джанъ-гюлумъ, начинается хоровое пѣніе по куплетамъ. Дѣвушки по очереди вынимаютъ свои вещи изъ кувшина и, согласно содержанію спѣтаго куплета, предсказываютъ будущую судьбу каждой изъ нихъ. Таковъ праздникъ Вознесенія для дѣвицъ.

Но Вознесеніе представляетъ интересъ въ другомъ отношеніи. Когда-то, по народнымъ преданіямъ, жили два царя: у одного былъ сынъ—Меджлумъ, а у другого дочь—Лейли. Царевичъ и царевна, достигши брачнаго возраста, страстно полюбили другъ друга. Но родители влюбленныхъ отказались дать свое согласіе на этотъ бракъ, такъ какъ находились въ непримиримой враждѣ между собою. Молодые въ отчаяніи попросили Бога обратить ихъ въ звѣзды. Богъ услышалъ ихъ просьбу: звѣзда Меджлумъ помѣщена на восточномъ, а звѣзда Лейли на западномъ небосклонѣ. Такъ какъ во время земной жизни этимъ двумъ невиннымъ существамъ не удалось сочетаться бракомъ, чтобы утолить жажду любви, то Богъ изъ жалости разрѣшилъ имъ ежегодно разъ, въ ночь Вознесенія, сходится на нѣсколько мгновеній, чтобы сорвать другъ у друга только три поцѣлуя. Въ тотъ моментъ, когда звѣзды эти сходятся, мертвая природа оживаетъ, одухотворяется и пріобрѣтаетъ даръ слова; всѣ царства природы вступаютъ въ разговоръ: цвѣтокъ шлетъ привѣтъ цвѣтку, дерево—дереву, камень—камню и такъ далѣе. Всякій, кому удастся уловить моментъ встрѣчи двухъ звѣздъ, постигнетъ тайну природы, пойметъ ея языкъ, увидитъ «цвѣтокъ безсмертія» [1]) и сдѣлается мудрецомъ. О чемъ бы ни просилъ Бога такой мудрецъ, Онъ все исполнитъ, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы въ просьбѣ выражалось не болѣе какъ троякаго рода желаніе.

II. Сказаніе о вознесенской ночи.

1. Жадность къ золоту.

Жилъ былъ бѣднякъ, всю молодость свою провелъ онъ въ хижинѣ. Сколько ни трудился онъ, все-таки былъ бѣденъ. Провидѣніе знало, что онъ жаденъ и что богатство не послужитъ къ его благу, потому и труды его оставались безъ благословенія Господа. Гласитъ же народная поговорка: «Разнузданнаго Богъ укрощаетъ бѣдностью». Наступила пора женитьбы; полюбилась ему дѣвушка, которая отвѣчала ему взаимностью. Но онъ не рѣшался жениться: жаль было ввести невѣсту въ неприглядную хижину и держать ее въ нищетѣ. Наступилъ канунъ Вознесенія. Бѣднякъ вспомнилъ о народномъ преданіи и подумалъ про себя: «дай-ка попытаю счастье, авось удастся уловить моментъ встрѣчи Лейли и Меджлума и испросить у Бога богатства».

Въ томъ году вознесенская ночь совпадала съ полнолуніемъ и небо было безоблачное. Досталъ онъ чашу съ чистою родниковою водою, досталъ и зеркало Зашло солнце, наступилъ вечеръ, и «полная» луна взошла во всемъ величіи.

---

[1]) См. газету „Ардзаганкъ", № 89 и сл. за 1897 г. Въ повѣсти „Безсмертный цвѣтокъ" авторъ прекрасно изобразилъ это народное преданіе. Герой повѣсти даетъ обѣтъ не вѣнчаться со своею невѣстою, пока не увидитъ въ ночь Вознесенія „цвѣтка безсмертія" на лугахъ у верховьевъ Тигра и Евфрата.

Народъ, усталый отъ дневныхъ трудовъ, разошелся, и повсюду водворилась тишина. Взявши чашу съ водой и зеркало съ собою, бѣднякъ взошелъ на вершину ближайшаго холма, откуда виденъ былъ весь небесный сводъ. Выбралъ онъ удобное мѣсто, поставилъ чашу такъ, чтобы луна отражалась въ водѣ, самъ расположился около чаши, взялъ зеркало въ правую вуку такъ, чтобы отраженіе луны изъ чаши видно было въ зеркалѣ. Держа зеркало такимъ образомъ, чтобы отраженіе луны не выходило изъ поля его зрѣнія, онъ вперилъ глаза въ «образъ» луны. Не моргая, онъ не сводилъ глазъ съ зеркала и слѣдилъ за движеніемъ луны [1]). Такъ онъ сидѣлъ до глубокой ночи. Вотъ небесный сводъ весь вдругъ озарился божественнымъ свѣтомъ. Заговорила вся природа: стали посылать привѣтъ другъ другу горы, холмы, лѣса, цвѣты, деревья и пр. Съ противоположныхъ концовъ небеснаго свода обѣ звѣзды съ быстротою молніи бросились навстрѣчу другъ другу, чтобы сорвать завѣтные поцѣлуи. Бѣднякъ отъ изумленія позабылъ все окружающее; изъ трехъ желаній онъ успѣлъ произнести лишь одно: «Боже, пусть все обращается въ золото, до чего бы ни коснулись мои руки!» Богъ, конечно, исполнилъ его просьбу. Утромъ рано онъ пошелъ къ невѣстѣ и сообщилъ ей объ общемъ ихъ счастіи и богатствѣ. Въ порывѣ радости онъ обнялъ ее, сорвалъ давно желанный первый поцѣлуй, но быстро отскочилъ отъ нея, словно ужаленный змѣей: предъ нимъ вмѣсто невѣсты стояла золотая статуя! Съ горя началъ рвать себѣ волосы, но вмѣсто волосъ, его голова покрылась золотою щетиною. Заплакалъ онъ, какъ ребенокъ и слезы полились ручьемъ. Сталъ онъ руками утирать слезы. О, ужасъ! Глаза, щеки и носъ у него обратились въ золото! Горевалъ онъ нѣсколько дней сряду, отказываясь отъ пищи, но, наконецъ, ему ѣсть захотѣлось. Подали обѣдъ, съ жадностью взялъ онъ хлѣбъ. Увы!—въ рукѣ у него оказался кусокъ золота; дотронулся до другихъ блюдъ, та же самая исторія; до чего ни касалась его рука, все обращалось въ золото. Въ концѣ концовъ, со всѣхъ сторонъ, окруженный золотомъ, онъ умеръ отъ голода. Такъ былъ бѣднякъ наказанъ за жадность къ золоту.

2. О безсмертіи.

(Армянскій Фаустъ). [2])

Однажды какой-то старецъ, убѣленный сѣдиною и удрученный дряхлостью, возвращался съ мельницы, куда онъ возилъ зерно молоть. Въ ущельѣ, гдѣ дорога была каменистая, его *арба* (телѣга) опрокинулась и всѣ мѣшки съ мукою вывалились въ глубокій оврагъ. Долго бился бѣдный старецъ, чтобы вытащить телѣгу на дорогу, съ трудомъ отпрягъ воловъ и вывелъ изъ оврага. Усталый, измученный непосильною работой, онъ подошелъ къ ближайшей скалѣ, чтобы отдохнуть. Кстати, изъ нея била струею холодная, родниковая вода. Напился онъ воды, усѣлся на ближайшую каменную плиту и предался грустнымъ мыслямъ.

---

[1]) По понятіямъ народа, вся эта процедура—необходимое условіе, безъ соблюденія котораго весь талисманъ теряетъ свое значеніе и опытъ не удастся.

[2]) Приводимыя здѣсь черты „Армянскаго Фауста“ до сихъ поръ не были извѣстны въ литературѣ. *Ред.*

Онъ думалъ, не нашлетъ ли Богъ «добраго» путника, который помогъ бы ему въ бѣдѣ. Но напрасно! Настала ночь и никого не было кругомъ. Изъ груди старца вырвался невольный вздохъ: «Ахъ, гдѣ моя молодость? Гдѣ моя юношеская сила?..» Черезъ нѣсколько мгновеній онъ услышалъ подземный гулъ, словно отдаленный грохотъ грома. Съ трескомъ разверзлась скала и предсталъ предъ нимъ таинственный незнакомецъ съ вопросомъ: «Зачѣмъ ты позвалъ меня, старикъ?»—«Я не думалъ звать тебя! Кто ты?»—еле дыша отъ страха спросилъ онъ.—«Ты хочешь знать, кто я? У меня нѣсколько именъ, одно изъ нихъ «Ахъ», ты назвалъ меня этимъ именемъ и вотъ я стою предъ тобою. Такое имя дано мнѣ потому, что я «скорбь вѣковъ» и вѣчный свидѣтель «людскихъ вздоховъ». Я всегда тамъ, гдѣ людскіе стоны и когда меня зовутъ. Другое мое имя «духъ мрака». Такое имя дано мнѣ потому, что я большею частью являюсь людямъ въ часы ночного мрака».—«Ты, можетъ быть, тотъ добрый путникъ, котораго Богъ послалъ помочь мнѣ въ бѣдѣ. Помоги же мнѣ вытащить изъ оврага телѣгу».—«Это пустяки, попроси бóльшаго!»—сказалъ таинственный незнакомецъ. Чтобы показать свою силу и могущество, онъ указательнымъ пальцемъ лѣвой руки сдѣлалъ какой-то таинственный знакъ въ воздухѣ. Старецъ не успѣлъ даже моргнуть, какъ поломанная телѣга въ исправности, нагруженная мѣшками и запряженная волами, стояла на прямой дорогѣ. Такое «чудо» поразило старика.—«Ты, кажется,—сказалъ незнакомецъ,—жалѣешь о томъ, что твоя молодость и юношескія силы потеряны безвозвратно? Онѣ могутъ быть возвращены тебѣ, а въ придачу къ нимъ еще безсмертіе, но съ условіемъ, чтобы ты, обмокнувъ указательный палецъ лѣвой руки, приложилъ его къ той бумагѣ, которую я предложу тебѣ». Старецъ, подъ вліяніемъ только что испытанной бѣды, сознавая собственную старческую немощь, колебался недолго. Засунулъ онъ руку въ карманъ, досталъ стальной ножикъ, чтобы сдѣлать надрѣзъ на своемъ тѣлѣ и достать крови. Духъ мрака, увидѣвъ ножикъ [1]), весь согнулся, съежился, поблѣднѣлъ и, дрожа всѣмъ тѣломъ, съ трудомъ произнесъ:—«Оставь! Подальше отъ ножа! Обойдешься безъ него». По совѣту незнакомца, онъ приложилъ лѣвый указательный палецъ къ собственному тѣлу. Тотъ снова сдѣлалъ таинственный знакъ въ воздухѣ и изъ пальца старика сочилась алая кровь. Онъ приложилъ палецъ къ «бумагѣ», предложенной незнакомцемъ. Кровь исчезла, и ни на тѣлѣ его, ни на пальцѣ не было даже слѣдовъ пораненія или надрѣза. «Теперь,—сказалъ незнакомецъ,—все кончено: мы заключили союзъ дружбы. Тебѣ возвращены молодость, сила и дано безсмертіе, пока ты этого желаешь. Во всемъ и всегда можешь разсчитывать на меня. Наслаждайся жизнью въ волю. Въ минуту смѣрти я снова предстану предъ тобой и тебя повезу въ мою обитель—царство тьмы».

Духъ мрака опъ сдѣлалъ таинственный знакъ, въ воздушномъ пространствѣ, показалось волшебное зеркало.—«Посмотри на себя,—сказалъ онъ «другу»,—прочь дряхлые годы! Прочь старческое безсиліе!» Увидѣвъ свой образъ въ зеркалѣ, старецъ не узналъ себя: онъ помнилъ себя такимъ лѣтъ шестьдесятъ тому

---

[1]) По понятіямъ народа нечистая сила боится стали. Кто носитъ при себѣ сталь, тотъ гарантированъ отъ соприкосновенія дьявола.

назадъ. Онъ помолился Богу, перекрестился, чтобы продолжать свой путь, затѣмъ хотѣлъ поблагодарить незнакомца, но его не оказалось: онъ сгинулъ и, словно туманъ, разсѣялся въ воздухѣ. Тогда только понялъ онъ, что «духъ мрака» и «Ахъ» не болѣе, какъ нечистая сила.

Когда онъ доѣхалъ до деревни и вошелъ къ себѣ, всѣ удивились, принимая его за чужака, который дорогою убилъ старца. Напрасно тотъ увѣрялъ, что онъ то же самое лицо и что «таинственный незнакомецъ» вернулъ ему молодость. Тщетно онъ разсказывалъ подробности изъ собственной прошлой его жизни, а также изъ жизни родныхъ и знакомыхъ. Въ деревнѣ его все-таки считали убійцей: его связали и доставили въ царскій судъ. Царь, разобравши дѣло, приговорилъ его къ смертной казни. Вотъ заблестѣла въ воздухѣ сѣкира палача и голова убійцы упала на землю. Всѣ видѣли это. Но случилось чудо: какая-то невидимая рука подняла голову и положила ее на шею казненнаго. Еще одно мгновеніе и онъ стоялъ невредимый. Неслыханное чудо поразило царя и народъ; узникъ былъ отпущенъ на свободу. Въ народѣ долго говорили объ этомъ чудѣ: одни видѣли въ немъ перстъ Божій, другіе считали его—дѣломъ сатаны. Самъ же «перерожденный старецъ» хотя и чувствовалъ въ себѣ силу, восхищался своею красотою и радовался, что ему дано безсмертіе, но иногда его мучила мысль о томъ, что, заключивъ «союзъ дружбы» съ духомъ мрака, онъ погубилъ свою душу: безсмертіе, юность и сила пріобрѣтены имъ дорогою цѣною—вѣчными муками въ безднѣ адскаго огня. Но постоянныя удачи въ жизни постепенно успокоили его и время, видимо, загладило все. Только въ народѣ сложилась молва, что «перерожденный» старецъ причисленъ къ «группѣ злыхъ духовъ» [1]). Всѣ избѣгали его.

«Перерожденный» зажилъ веселою жизнью. За что ни брался, во всемъ ему везло; годы шли за годами, а въ немъ не происходило никакой перемѣны. Старцы умирали и юноши старились, а онъ оставался тѣмъ же юношею. Къ концу перваго столѣтія его «безсмертной» жизни изъ ровестниковъ его почти никого не осталось, въ концѣ второго столѣтія о немъ люди знали по преданіямъ предковъ. Въ третьемъ столѣтіи объ его происхожденіи позабыли не только чужіе, но даже «потомки его потомковъ». Такъ проходили вѣка одинъ за дру-

[1]) Въ народѣ такихъ людей называютъ „сатанй дасйнъ дасаквáцъ", что буквально значитъ „причисленный къ сословію (разряду) сатаны". Въ с. Давалу, Эриванскаго уѣзда, еще въ 1887 г. жилъ крестьянинъ „Пахрчи Агэ" (пастухъ Агэ), онъ былъ нелюдимъ, мрачень, не ходилъ въ церковь и не пріобщался. Въ народѣ говорили, что однажды, когда онъ еще былъ пастухомъ, корова попала въ трясину; онъ долго бился и не могъ спасти ее. Злой духъ явился къ нему и предложилъ ему свою помощь, но съ условіемъ, чтобы *„своею кровью подписалъ бумагу"*. По условію душа пастуха послѣ смерти его должна была принадлежать злому духу. Только за нѣсколько лѣтъ до смерти священнику и знакомымъ удалось убѣдить пастуха ходить въ церковь и пріобщаться; онъ, если не ошибаюсь, нѣкоторое время даже былъ звонаремъ. О своемъ прошломъ онъ избѣгалъ говорить. Въ той же деревнѣ жилъ крайне нелюдимый крестьянинъ Ирицецъ Макаръ (Макарій Ирицовъ). Въ деревнѣ онъ былъ извѣстенъ подъ прозвищемъ „сумасшедшаго" Макара (Гэжъ Макаръ). Про него даже сложилась молва, что онъ продалъ свою душу сатанѣ. За нѣсколько часовъ до смерти онъ прогналъ священника, который, по приглашенію родныхъ, пришелъ пріобщить его. Онъ такъ и умеръ безъ исповѣди и причастія.

гимъ. Исчезли вѣковые лѣса, заполнились глубокіе овраги, холмы и горы сравнялись съ землею, а «безсмертный» старецъ все жилъ да жилъ. Онъ и окружающіе люди были чужды другъ другу: онъ ихъ не понималъ, они его не понимали. Онъ жилъ «думами и мыслями своего вѣка» и въ концѣ концовъ отсталъ отъ требованій «новыхъ вѣковъ и новой жизни». Однообразная одинокая жизнь, лишенная общества родныхъ и друзей, стала ему въ тягость. Онъ готовъ былъ промѣнять свое «безсмертіе на смерть». Но каждый разъ, при мысли о смерти, предъ нимъ «черною тѣнью» вставала бездна ада съ вѣчными муками въ когтяхъ духа мрака. Тогда наступали минуты раскаянія: жалѣлъ онъ о загубленной своей душѣ, завидовалъ онъ своимъ сверстникамъ, давнымъ-давно нашедшимъ покой въ сырой землѣ. И тѣлесное безсмертіе становилось въ такія минуты для «безсмертнаго юноши» душевною смертью: въ его бренномъ тѣлѣ умеръ душевный покой. Надъ нимъ сжалился ангелъ-хранитель, сидѣвшій на его правомъ плечѣ [1]). Онъ внушилъ ему мысль въ ночь Вознесенія выждать встрѣчи обѣихъ звѣздъ: Меджлума и Лейли, и испросить у Бога прощеніе и смерть. Онъ такъ и поступилъ. Всеблагій Богъ, видя чистосердечное раскаяніе грѣшника, искавшаго счастье въ безсмертіи, простилъ его и послалъ ему смерть. Послѣ его смерти, когда духъ мрака, согласно уговору, явился за его душою, Ангелъ Добра огненнымъ мечомъ отогналъ его прочь.

3. Плѣнный царевичъ и Духъ-Мрака.

Когда-то, очень давно, на землѣ жилъ могущественный царь. Его владѣнія были безграничны. Царствовалъ онъ долго и славно. Къ закату его жизни на него поднялись сосѣдніе цари, завидовавшіе его славѣ и могуществу. Возгорѣлась война, жестокая и упорная; кровь христіанская лилась рѣкою. Коварная судьба перешла на сторону царей-завистниковъ, и они побѣдили. «Славный» царь съ честью палъ на полѣ битвы; царица въ отчаяніи лишила себя жизни, а малолѣтняго царевича взяли въ плѣнъ. Какая участь постигла малолѣтнюю царевну, никто, и въ томъ числѣ царевичъ, не зналъ. Одинъ изъ царей-побѣдителей, которому плѣнный царевичъ достался по жребію, продалъ его одному богачу въ рабство. Тотъ отвелъ его въ свои владѣнія и сдѣлалъ своимъ пастухомъ. Дни проходили за днями, мѣсяцы за мѣсяцами и годы за годами. Царевичъ достигъ зрѣлаго возраста. Рабство было для него невыносимо: съ ранняго дѣтства его окружали царедворцы и мудрецы-наставники, а тутъ ему суждено ходить за скотомъ. Неоднократно вырывались изъ его гордой груди стонъ и ропотъ: «За что судьба такъ жестоко караетъ?!»—горѣлъ онъ жаждою мести. Но, вѣдь, и левъ въ одиночествѣ, среди чуждыхъ для него лѣсовъ, бываетъ не смѣлѣе кошки.

Зналъ онъ изъ разсказовъ мудрецовъ, что въ ночь Вознесенія совер-

---

[1]) По понятіямъ народа, на правомъ плечѣ каждаго человѣка сидитъ ангелъ добра, который записываетъ его добрыя дѣянія, а на лѣвомъ плечѣ—ангелъ зла, записывающій злыя дѣянія. По смерти человѣка, оба Ангела со своими „записями“, берутъ его душу къ архангелу Гавріилу. На вѣсахъ „правды“ онъ свѣшиваетъ обѣ записи; если перетянетъ „запись добрыхъ дѣяній“, то душа покойника отводится въ рай, въ противномъ случаѣ ее отправляютъ въ адъ, гдѣ она остается до суднаго дня.

шаются чудеса. Задумалъ онъ воспользоваться этою ночью, чтобы положить конецъ своему рабству. Наступилъ канунъ Вознесенія, зашло солнце. Вечеръ былъ пасмурный и предвѣщалъ темную ночь. Царевичъ загналъ стадо въ ограду. Съ большимъ котломъ въ рукахъ направился онъ къ кладбищу; выбралъ удобное мѣсто и сѣлъ на дно опрокинутаго котла [1]). Мракъ ночи окуталъ землю; водворилась тишина. Часъ казался вѣчностью,—время такъ шло медленно. Вотъ уже наступила полночь, а вслѣдъ за нею и «Адамовъ мракъ» [2]). Пѣтухи запѣли. Это значило, что сонмы ангеловъ, послѣ ночного отдыха, опять проснулись и отворяютъ «небесныя врата» къ престолу Божіему, чтобы совершить утреннюю молитву. Вдругъ весь небесный сводъ озарился; обѣ звѣзды, разсѣкая черныя тучи, мчались другъ къ другу навстрѣчу. Царевичъ-пастухъ все видѣлъ своими глазами. Вся природа одухотворилась и заговорила. Послышался продолжительный раскатъ грома; земля задрожала. Надгробные камни на кладбищѣ зашевелились. Покойники стали выходить изъ могилъ. Сперва вышли праведники. Сонмъ ангеловъ сопровождалъ ихъ. Всѣ, окутанные небеснымъ свѣтомъ и окруженные хоромъ ангеловъ, славословя Господа, вознеслись къ небесамъ, чтобы предъ трономъ Его съ архангелами совершить заутреню. Затѣмъ встали грѣшники и длинными вереницами стали проходить мимо царевича. Впереди шли злоумышленники; черепа у нихъ были залиты свинцомъ. За ними слѣдовали: злоязычники—безъ языка, безжалостные—безъ сердца, чревоугодники—безъ чрева и т. д. Все у нихъ было прожжено адскимъ огнемъ. Видъ ихъ былъ ужасенъ. На все царевичъ глядѣлъ мужественно и даже глазомъ не моргнулъ. Длинными вереницами грѣшники, сопровождаемые аравами злыхъ духовъ, дважды обошли кладбище кругомъ, каждый разъ проходя мимо царевича. Вдругъ раздался подземный гулъ; разверзлась преисподняя земли. Грѣшники скрылись тамъ. Земля опять задрожала и кладбище приняло свой обычный видъ. А царевичъ все сидѣлъ на днѣ своего котла. Предъ нимъ предсталъ Духъ-Мрака. «Желаешь ли ты, мужественный царевичъ,—сказалъ Духъ-Мрака, — видѣть то, что суждено видѣть лишь очень немногимъ, рожденнымъ отъ грѣшнаго плода?»—«Желаю»,—былъ отвѣтъ.

Духъ-Мрака сдѣлалъ таинственный знакъ въ воздухѣ. Царевичъ съ нимъ вмѣстѣ мгновенно очутился на вершинѣ высочайшей горы на седьмомъ небѣ. Оттуда были видны и границы вселенной (тіезеркъ), и «земной кругъ» [3]), окруженный «міровымъ» (всемірнымъ) моремъ. Царевичъ видѣлъ и гигантскую рыбу,

---

[1]) Когда вознесенская ночь не совпадаетъ съ новолуніемъ или пасмурная, то, по народнымъ повѣріямъ, на кладбищѣ необходимо опрокинуть котелъ, сѣсть на его дно и выжидать встрѣчи звѣздъ Меджлума и Лейли.

[2]) Часть ночи между разсвѣтомъ и полуночью называется „Адамовымъ мракомъ". Адамъ, по народнымъ сказаніямъ, изгнанъ былъ изъ рая вечеромъ. Онъ блуждалъ во мракѣ и потерялъ надежду когда-либо увидѣть свѣтъ. Сатана зналъ, что настанетъ утро и солнце взойдетъ. Онъ пришелъ къ Адаму и сказалъ: „Дашь ли ты мнѣ свою душу, если я тебѣ опять верну свѣтъ?" Адамъ согласился. Утромъ солнце взошло, и цѣлый день онъ наслаждался свѣтомъ. Насталъ вечеръ, солнце зашло и опять воцарился мракъ. Къ утру начало свѣтать. Солнце опять взошло. Адамъ только понялъ, что день и ночь будутъ чередоваться, что сатана его обманулъ и что онъ напрасно продалъ свою душу за свѣтъ.

[3]) Въ народѣ думаютъ, что земля имѣетъ форму окружности.

которая кольцомъ опоясываетъ земной кругъ, и могучаго вола, державшаго на своихъ рогахъ земной кругъ,—словомъ, все земное видно было оттуда, какъ на ладони.

На вершинѣ горы была площадка, а на площадкѣ полукругомъ были расположены ворота. Духъ-Мрака пошелъ впередъ, а царевичъ слѣдомъ за нимъ. «Что за ворота?»—спросилъ царевичъ.—«Начнемъ по порядку»,—отвѣтилъ Духъ-Мрака.—«Сперва идутъ «ворота рока». Царевичъ заглянулъ, но ничего не было видно: тамъ царилъ непроницаемый мракъ.

«Затѣмъ идутъ вторыя ворота»,—сказалъ Духъ-Мрака.—Это — «мое царство». Здѣсь люди мои рабы и, какъ рабы, по моему велѣнію, творятъ то, что на землѣ именуется «зломъ». Я наслаждаюсь ихъ дѣяніями. Царевичъ посмотрѣлъ, предъ нимъ открылась страшная картина. Вотъ мать, которая душитъ своего ребенка. Тамъ отецъ убиваетъ сына или сынъ—отца, или братъ—брата. Тамъ народы воюютъ между собою, стараясь или истребить, или поработить другъ друга. Дальше одни вырываютъ изъ рукъ другихъ насущный хлѣбъ. Здѣсь грабители душатъ путника изъ-за серебра. Тамъ въ объятіяхъ развратника барахтается невинная дѣва, а тотъ своими губами оскверняетъ ея чистыя ланиты, наслаждаясь творимымъ имъ насиліемъ. Тамъ одинъ подъ личиною дружбы подноситъ другому чашу съ отравою. А здѣсь обманщики, во имя правды, заключаютъ въ оковы невиннаго. Куда ни смотрѣлъ царевичъ, вездѣ представлялись его глазамъ картины насилія и обмана. Съ ужасомъ отвернулся онъ отъ воротъ этихъ.

«А вотъ еще ворота»,—сказалъ Духъ-Мрака;—здѣсь, какъ видишь, вездѣ золотыя горы. Это царство золота. Затѣмъ слѣдуютъ «ворота красоты»,—продолжалъ Духъ-Мрака. Когда отдернулъ завѣсу, предъ царевичемъ среди розовыхъ кустовъ сидѣла «огненная дѣва» (hreghen aghdjik)—«красавица міра». Царевичъ въ нѣмомъ изумленіи любовался красотою огненной дѣвы.

Дальше идутъ «ворота славы». Здѣсь, какъ видишь, народы поклоняются кумирамъ своихъ героевъ, которые, по ихъ понятіямъ, со славою окончили свой жизненный путь.

«А какъ называются послѣднія ворота?»—спросилъ царевичъ.—«Это—«ворота мудрости»,—отвѣтилъ его спутникъ.— Кто начинаетъ свой жизненный путь съ этихъ воротъ, тотъ, говорятъ, постигаетъ истину и добро. Здѣсь конецъ всему земному».

Царевичъ взглянулъ на край вселенной; тамъ были видны ворота, которыя были окутаны бѣлоснѣжными облаками и небеснымъ свѣтомъ. «Что за ворота?»—спросилъ царевичъ.—«Тамъ царство Вѣчной тайны. Испоконъ вѣка мнѣ запрещенъ доступъ къ нему, — отвѣтилъ Духъ-Мрака. — Мое владычество и вѣдѣніе простираются лишь на земное. Что творится за воротами вѣчной тайны, я не знаю. Ты, царевичъ, — сказалъ онъ ему, — видѣлъ всѣ жизненные пути. Выбирай любой!»

— Я начну жизнь свою съ первыхъ воротъ,—съ воротъ Рока.

— Слишкомъ многаго хочешь ты! Смертному суждено дважды предстать предъ воротами Рока: разъ въ началѣ жизненнаго пути, а другой—въ концѣ его. Въ первый разъ смертный предъ воротами самъ выбираетъ жизненный путь, во второй же разъ онъ приходитъ туда невольно. Жизненный путь—это зем-

ной «волосяной» мость: разъ смертный съ него свалится, онъ падаеть въ пучину жизни, которая своимъ теченіемъ приноситъ его къ воротамъ Рока противъ его воли. Рокъ снимаетъ таинственную завѣсу, мракъ разсѣвается и смертный узнаетъ свою судьбу, но слишкомъ поздно, когда возврата болѣе нѣтъ. Ты—избранникъ: не всякому дается то, что дано тебѣ,—быть на этой высотѣ и знать то, чего смертному нельзя знать. Ты желаешь узнать судьбу, а потомъ избрать жизненный путь?! Въ томъ-то и трудность жизни, что смертный не знаетъ, съ какихъ воротъ начать жизненный путь. Но это все равно; есть лишь одни ворота, гдѣ ходъ жизненнаго пути независимъ отъ меня; это—ворота мудрости. Всѣ же остальныя равны тѣмъ, что потаенными ходами сообщаются между собою, и всѣ въ концѣ-концовъ ведутъ смертнаго, какой бы путь онъ ни избралъ, къ воротамъ Рока. Итакъ предъ тобою все: съ одной стороны все земное—богатство, величіе, слава и красота, а съ другой—ворота мудрости, ведущія къ воротамъ вѣчной тайны. Одно вѣдомо, а другое—невѣдомо. Выбирай любое! Но помни, что смертному неизмѣннымъ закономъ рока суждено выбрать лишь одно земное или неземное. Выбравши одно, онъ не можетъ выбирать другого.

Послѣ этихъ словъ Духъ-Мрака опять сдѣлалъ таинственный знакъ въ воздухѣ. Они оба мгновенно очутились на кладбищѣ. Царевичъ сидѣлъ на своемъ котлѣ въ раздуміи, а Духъ-Мрака стоялъ предъ нимъ съ ехидною, вопросительною улыбкою на устахъ.

Царевичъ послѣ долгаго колебанія согласился выбрать «земное». Духъ-Мрака предложилъ ему подписать кровью «бумагу»; по этой бумагѣ царевичъ, послѣ своей смерти, уступалъ свою душу Духу-Мрака.

Духъ-Мрака, по народнымъ сказаніямъ, помогъ царевичу вернуть царство—отцовское наслѣдіе. Онъ послѣ побѣды надъ врагами задумалъ жениться. Собрали всѣхъ красавицъ его царства на смотрины. Онъ выбралъ одну, которая напоминала собою «огненную дѣву» въ воротахъ красоты.

Семь дней, семь ночей продолжались свадебныя празднества. Въ тотъ моментъ, когда онъ перешагнулъ черезъ порогъ спальни своей жены, засверкала молнія, загремѣлъ громъ и задрожала земля. Царь въ ужасѣ остановился: онъ понялъ, что ему предстояло совершить преступленіе «кровосмѣшенія». Присмотрѣвшись къ чертамъ лица своей жены, въ ней онъ узналъ свою сестру. Братъ и сестра бросились въ объятія другъ другу и долго плакали о несчастной кончинѣ родителей. Царь царствовалъ долго и счастливо. Предъ его смертью Духъ-Мрака явился за его душою, но ангелъ-хранитель огненнымъ мечомъ отогналъ его прочь, такъ какъ на кладбищѣ царевичъ вынужденъ былъ подписать «бумагу»: онъ сдѣлалъ это изъ «любви» къ сестрѣ и изъ уваженія къ памяти отца. Корыстныхъ цѣлей у него не было; отпаденія отъ Бога онъ внутренно не желалъ [1]).

---

[1]) Объемъ статьи, предназначенной для Братской Помощи, не даетъ возможности подробнѣе описать весь ходъ борьбы и жизненнаго пути Царевича, когда онъ подъ руководствомъ Духа Мрака возстановилъ свое царство. С. Е.

* * *

Надъ розой душистой поетъ соловей,
И думаетъ роза: «Не мнѣ ли,
Облитой сіяньемъ сребристыхъ лучей,
Онъ шлетъ свои вздохи и трели?!...»
Но сорвана роза жестокой рукой,
И снова, истомой объятый,
Въ серебряный вечеръ надъ розой другой
Поетъ обожатель пернатый...

Надъ розой душистой поетъ соловей,
Поетъ и мечтаетъ: «Меня ли,
Облиты сіяньемъ сребристыхъ лучей,
Влюбленныя розы ласкали?...»
Но въ сѣть залучилъ соловья птицеловъ,
И снова, истомой объята,
Влюбленная роза свободныхъ пѣвцовъ
Ласкаетъ волной аромата...

---

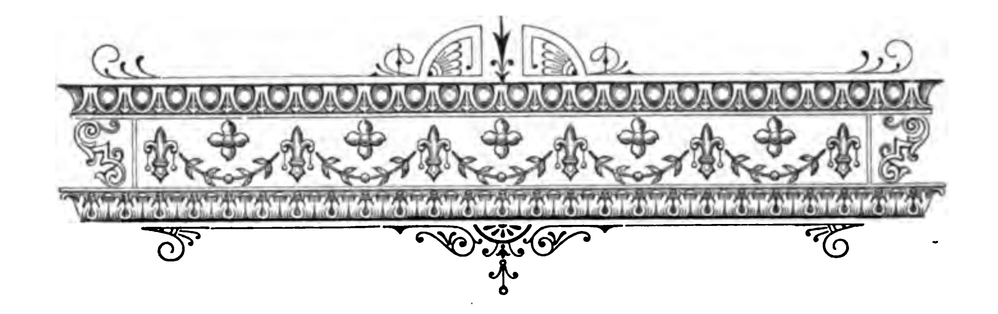
* * *

Рожденъ вдали отъ береговъ,
Кипитъ и рвется валъ могучій,
И, полонъ ярости кипучей,
Онъ ищетъ битвы и враговъ.

* * *

Увы, далекъ гранитъ прибрежный!...
Безплодно силы истощивъ,
Волна смиряетъ свой порывъ
И тонетъ въ пѣнѣ бѣлоснѣжной.

Вл. Гессенъ.



Калькутскіе армяне и Будда-Гайа.

Отрывокъ изъ «Путешествія ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА на Востокъ».

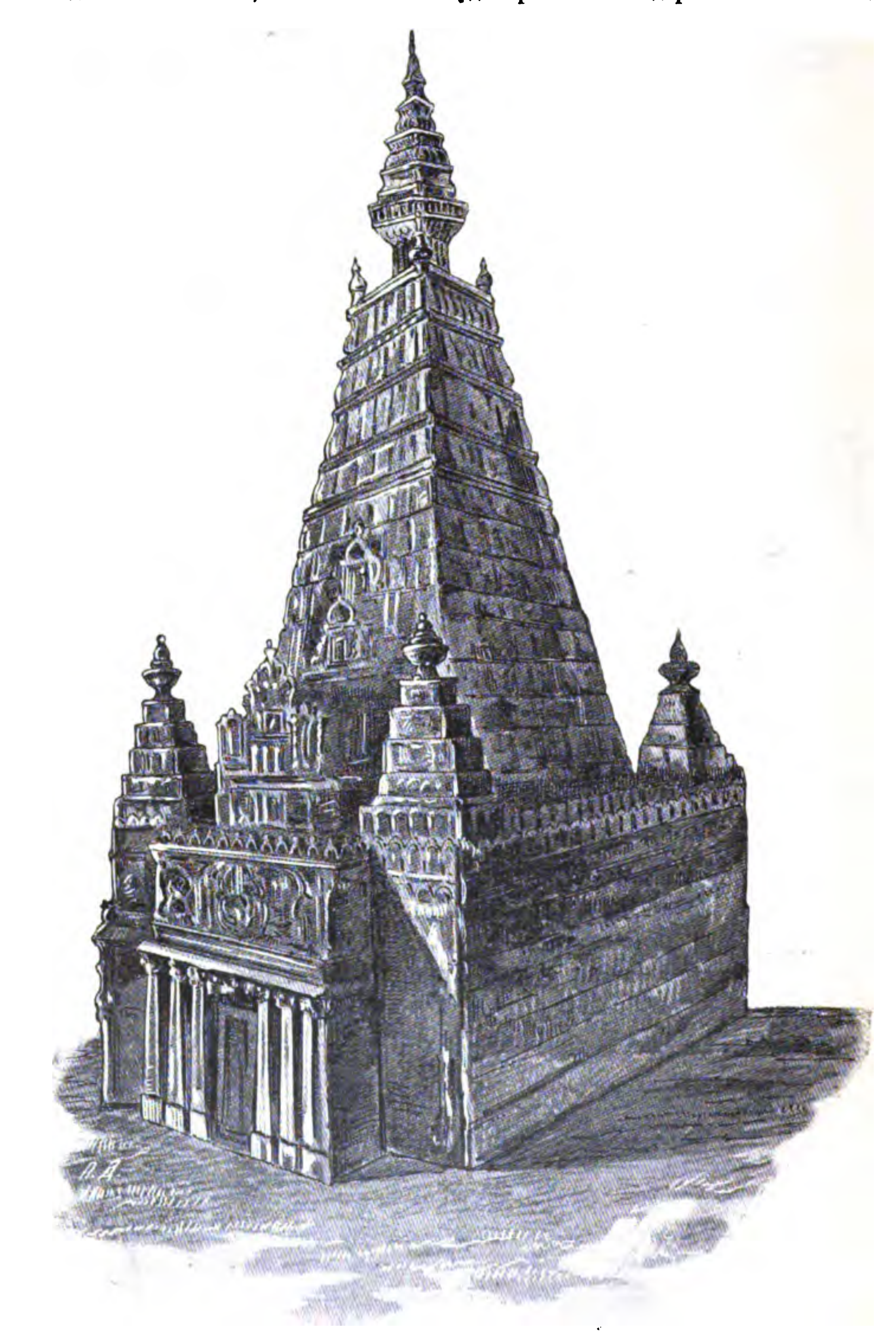
Кн. Э. Э. Ухтомскаго.

Въ Индіи давно уже отличается нѣкоторымъ вліяніемъ армянскій элементъ, никогда не порывавшій духовныхъ связей съ Эчміадзиномъ. При каждомъ избраніи Католикоса въ предѣлахъ Россіи есть голосъ и отъ его единовѣрцевъ съ Ганга. Кавказъ и наше государство вообще поэтому дороги сердцу народа, въ интересахъ торговли давно углубившагося въ Азію и занявшаго во многихъ краяхъ видное экономическое положеніе. Положимъ, съ той прикаспійской окраины за Гималаи споконъ вѣка являлись выходцы съ разнообразнѣйшими профессіями. Въ XIV вѣкѣ, напримѣръ, около Бомбея мусульмане казнили грузина-христіанина Димитрія изъ Тифлиса. Въ исходѣ XV столѣтія въ южной Индіи основалъ новую мусульманскую династію нѣкій Баридъ изъ проданныхъ въ рабство грузинъ или малоазійскихъ турокъ. У Акбара считалась любимой женою христіанка изъ Грузіи.

Но преобладающимъ племенемъ съ кавказской кровью всегда были армяне. Когда одинъ Великій Моголъ искалъ невѣсту служившему у него доктору-англичанину и тотъ отказывался, говоря, что не возьметъ иновѣрки,—ему представили армянку, дочь царскаго военно-начальника. Когда сэръ Ро, первый англійскій посланникъ въ Индіи, собирался ѣхать во внутрь страны изъ Сурата,—вдругъ (почти на погибель экспедиціи) поваръ свиты страшно набуянилъ, напившись у духанщика—«армянина». Въ этой роли, а также и въ качествѣ плантаторовъ (особенно въ области разведенія и сбыта индиго (потомки Гайка разбрелись по цѣлому полуострову, переправились въ Бирку, всюду,—гдѣ можно,—основали по цвѣтущей колоніи. И въ Калькуттѣ возникла таковая, настолько прочная и состоятельная, что уже въ 1724 г. Аго Назаръ основалъ тутъ армяно-григоріанскую церковь. Число ея прихожанъ должно было быть значительнымъ, если спеціально на ихъ долю перепало въ 1757 г. 700.000 р. пени съ Бенгальскаго набоба за нападеніе на городъ. Теперь въ столицѣ страны ихъ насчитывается свыше восьмисотъ.

Калькуттскія духовныя чада Эчміадзинскаго патріарха (коихъ предки, къ

слову сказать, уведены персіанами на чужбину изъ Джульфы), сознавая значеніе для нихъ Россіи, захотѣли что-нибудь принести въ даръ Е. И. В. Наслѣд-

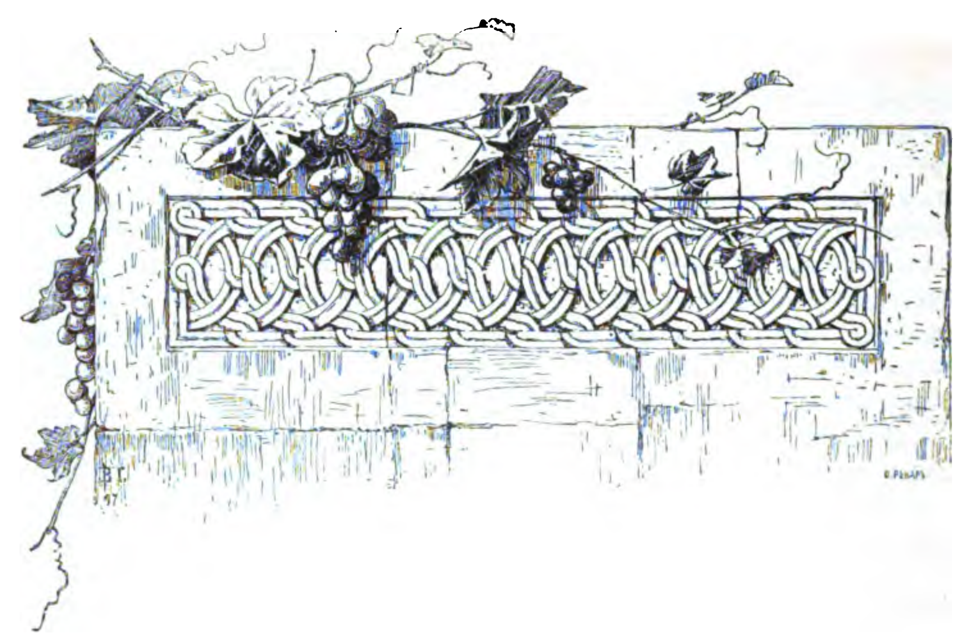


Серебряная модель храма Будда-Гайа, поднесенная Государю Императору Калькутскими армянами.

нику Цесаревичу, и пользующійся авторитетомъ среди своихъ единовѣрцевъ археологъ-любитель Іосифъ Мелнкъ-Бегкаръ заказалъ съ этой цѣлью модель знаменитаго храма въ Будда-Гайѣ (см. рисунокъ). Серебряники-армяне взялись сработать ее, подъ наблюденіемъ англійской ювелирной фирмы Стефенъ. Фактъ подношенія любопытенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, потому что безусловно исходитъ отъ чистаго сердца и краснорѣчиво говоритъ о возбуждаемыхъ нами симпатіяхъ, а во-вторыхъ, въ виду сдѣланнаго выбора, что именно воссоздавать. Памятникъ, о которомъ упомянуто, выражаетъ собой непрерывное вѣковое служеніе Азіи буддійскому принцу на его родной почвѣ, несмотря на все противодѣйствіе ислама и браминскаго міра.

Кумирня-монументъ, возникши на мѣстѣ, прославленномъ созерцательной жизнью и достигнутымъ ею просвѣтленіемъ въ душѣ «учителя», вотъ уже двѣ съ половиною тысячи лѣтъ притягиваетъ взоры его послѣдователей. Заново отстроенная при царѣ Асокѣ пагода, въ средніе вѣка и въ наше время, подымается нѣсколько разъ изъ развалинъ, благодаря усердію присылавшихся къ ней бирманскихъ посольствъ. За послѣдніе годы англичанами обращено больше вниманія на сохраненіе или даже на подходящую реставрацію древнихъ «языческихъ святынь». Изысканія, недавно произведенныя въ Будда-Гайѣ, привели занимавшихся ими къ мысли, что въ стѣнахъ главнаго памятника, вѣроятно, еще замурованы: и «адамантовый престолъ царевича-мудреца», и обломки его перваго кумира, сдѣланнаго, по преданію, изъ 8 драгоцѣнностей (кристалла, жемчуга, слоновой кости, коралловъ, рубиновъ, сапфировъ, аметистовъ, изумрудовъ).

Нынѣ Будда-Гайя становится центромъ въ глазахъ мѣстнаго теософическаго общества (наслѣдія отъ нашей соотечественницы Блаватской) и разноплеменныхъ буддистовъ, которые мечтаютъ основать при старомъ храмѣ монастырь, высшія училища съ богословскимъ и философскимъ факультетами, съ просвѣщеннымъ кружкомъ космополитовъ-ревнителей (Maha-bodhi Society) и своимъ журналомъ, съ книгохранилищами и т. п.—создать, однимъ словомъ, цѣлый городокъ, разсадникъ знанія и вѣры въ духѣ «учителя», съ цѣлью воздѣйствія на браманизированную Индію, чтобы постепенно воспользоваться расколами въ ней и снова обратить несмѣтныя толпы на стезю почитанія «царевича-монаха». Во главѣ умственнаго и религіознаго движенія, кажется, хотятъ имѣть Далай-ламу. Но только вопросъ въ томъ, можетъ ли сравнительно замкнутая Хласса войти въ болѣе или менѣе тѣсныя сношенія съ родиной буддизма. Рѣшеніе этой задачи не лишено и политическихъ оттѣнковъ, о которыхъ тѣмъ своевременнѣе вспомнить, что въ Дарджилингъ, около тибетской границы, Ихъ Высочества не ѣдутъ: слѣдовательно мнѣ и не придется при случаѣ подробнѣе говорить о царствѣ жречества въ Гималаяхъ и за ними, о присущей ему громадной культурной силѣ,—о томъ, какъ именно она бьется въ сердцѣ Азіи. Открыть къ нему доступъ до сихъ поръ никому не доводится въ полной мѣрѣ. Только Китай въ лицѣ ряда династій вліятеленъ тамъ и смотритъ до нѣкоторой степени хозяиномъ въ странѣ ламъ. Посягать на нее святотатственной рукой пока рѣшались лишь грубые горкинцы.



Поѣздка въ Хевсуретію.

Гули—одно изъ значительныхъ селеній Хевсуретіи, расположенное на высотѣ 5.400 ф. Мы останавливаемся въ домѣ мѣстнаго священника, который живетъ въ Гули, въ то время когда церковь его находится въ 10 в. оттуда въ сел. Хахматы. Домъ этотъ расположенъ надъ обрывомъ съ площадкой, фруктовыми деревьями и огородомъ и состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ съ выходами на балконъ - навѣсъ. Передъ нами величественнѣйшая горная панорама: г. Чауши съ пятью вершинами со множествомъ снѣга, бурная рѣчка того же имени сбѣгаетъ съ быстрины, чтобы тутъ же соединиться съ Арагвой (ущельемъ этой рѣки пролегаетъ дорога на станцію Казбекъ); правѣе гора и рѣка Бло или Архоти, черезъ который существуетъ перевалъ на р. Асси; еще правѣе гора и р. Сачаклисъ съ переваломъ въ Архотское ущелье.

Пріѣхали мы довольно рано; на встрѣчу къ намъ высыпали всѣ жители селенія, которые и старъ, и младъ окружили насъ и провели въ разговорахъ остальную часть дня. Здѣсь въ первый разъ удалось намъ подробно ознакомиться съ оригинальнымъ костюмомъ Хевсуровъ, который представляется единственнымъ между остальными горскими народцами Кавказа. Костюмъ этотъ, произведеніе хевсурскихъ женщинъ, весь изъ шерсти, типиченъ какъ по формамъ, такъ и по своимъ цвѣтамъ, и въ орнаментировкѣ. Состоитъ онъ изъ темно-красной или синей рубашки, расшитой весьма богато и изящно на груди шерстяной тесьмой, бисеромъ, cyprea moneta, панталонъ темно-синяго цвѣта съ красной нижней опушкой, верхняго платья или короткаго кафтана изъ той же

---

[1]) Графиня П. С. Уварова выѣхала 21-го іюля 1895 г. въ 12 ч. дня верхомъ изъ Тіонетъ въ сопровожденіи пристава Джантіери, мѣстнаго судебнаго слѣдователя Н. А. Волотковича и нѣсколькихъ всадниковъ — Кистиновъ. Посѣтивъ Пшавію, она отправилась въ Хевсуретію чрезъ Гули. *Ред.*

шерстяной домашней матеріи, того же цвѣта, съ разрѣзами на бокахъ и подъ рукавами и цвѣтной опушкой и расшивкой вокругъ всего платья, по разрѣзамъ, вдоль рукавовъ и поперекъ спины. Кафтанъ этотъ открытъ на груди такъ, что самое богатое украшеніе шеи и груди имъ не закрывается; кафтанъ стягивается вокругъ таліи простымъ ремнемъ; гизирей на груди нѣтъ, а если и появляются у нѣкоторыхъ Хевсуръ, то только въ видѣ позднѣйшаго дополненія. На поясѣ короткій прямой палашъ-дашна въ ножнахъ, обдѣланныхъ мѣдью и съ такою же рукояткою. На головѣ мѣховая шапка, почти плоская, съ суконнымъ верхомъ и бараньей простой мохнатой опушкой разныхъ цвѣтовъ изъ мѣстныхъ бараньихъ шкуръ безъ всякой отдѣлки или (у болѣе молодыхъ и малыхъ) грузинская, черная войлочная круглая безъ бортовъ шапочка, расшитая тѣмъ же бисеромъ. На ногахъ пестрые шерстяные чулки и сапожки-ботинки изъ простой кожи съ переплетенною подошвою, разрѣзомъ и закладнымъ язычкомъ спереди, гдѣ имѣются ремни для обвязки ихъ кругомъ ноги. Извѣстно, что Хевсуры сохранили до сихъ поръ обыкновеніе носить при случаѣ желѣзную кольчугу, плоскій шлемъ (въ видѣ тарелочки) съ желѣзной сѣткой, защищающей лицо и шею, стальные налокотники, маленькій круглый желѣзный щитъ, который носится на кисти руки, желѣзную проволочную перчатку и нѣчто въ родѣ палаша-ятагана черезъ плечо. Кромѣ того Хевсуры употребляютъ желѣзное копьё, которое насаживается въ видѣ пики на длинную деревянную рукоять и носится Хевсурами вмѣстѣ со щитомъ даже во время простыхъ переходовъ съ мѣста на мѣсто.

Много разъ говорилось о томъ, что Хевсуры потомки крестоносцевъ и что главный орнаментъ, входящій въ составъ ихъ костюма, есть крестъ.

Мнѣ думается, что подобное предположеніе плодъ досужей фантазіи, примѣняемой, къ несчастію, весьма часто при изученіи кавказскихъ древностей, народовъ и этнографіи края. Что Хевсуры не Грузины и не Грузинскаго происхожденія—мнѣ кажется фактомъ неопровержимымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ видѣть въ нихъ потомковъ-крестоносцевъ весьма трудно, ибо ничто не подтверждаетъ этого мнѣнія: ни типъ Хевсуровъ, ни ихъ нравы, ни обычаи; что же касается до употребляемаго ими до сихъ поръ вооруженія и изображеній креста, которые встрѣчаются въ употребляемыхъ ими орнаментахъ, то первое, вѣроятно, заимствовано ими не съ запада, а съ востока (налокотники всѣ чисто восточнаго происхожденія), а вторые—употребляются ими въ тѣхъ же размѣрахъ и формахъ, какъ и у народовъ славянскаго происхожденія. Типъ Хевсуръ напоминаетъ скорѣй древняго Запорожца или Сармата съ Траяновой колонны; та же обувь, тѣ же панталоны, короткое платье, прямой палашъ, густые волосы, стриженные въ кружокъ, тѣ же усы, короткія бороды, мужественныя физіономіи и чубъ—древнихъ запорожцевъ. Снятые нами типы, въ особенности бандуриста въ Гуданѣ, могутъ вполнѣ подтвердить высказанное нами мнѣніе.

Хевсуры, говорятъ, фехтуютъ; но присмотритесь къ этому фехтованію, къ этимъ скорченнымъ, подпрыгивающимъ фигурамъ фехтующихъ, и вы, вѣроятно, согласитесь, что фехтованіе это не занесено въ горы наши средневѣковымъ рыцарствомъ, а скорѣе заимствовано у какого-нибудь первобытнаго дикаго народа. Писатели, какъ, наприм., Радде, говорятъ, что Хевсуры дикій, же-

Хевсуретія. Хевисберы святилищъ, сел. Гудани и предметы, принадлежащіе святилищамъ.

стокій, непривѣтливый народъ; думаю, что только первый эпитетъ примѣнимъ къ нему вполнѣ; что же касается до остальныхъ двухъ, то они придуманы путешественниками, не понимающими народа и его языка и судящими слишкомъ строго жителей, живущихъ въ ущельяхъ, недоступныхъ ни для кого восемь мѣсяцевъ въ году, отрѣзанныхъ совершенно отъ остальнаго міра въ продолженіи всего этого времени и для цивилизаціи которыхъ до сихъ поръ не принято никакихъ мѣръ. Въ Хевсуретіи, какъ указано выше, всего одна школа въ Борисахо, церквей четыре (въ Хахматахъ, Шатилѣ, Борисахо и Архатахъ), но со священниками не всегда живущими при церквахъ и получающими дозволеніе зимовать въ Тіонетахъ, т.-е. оставлять паству большую часть года безъ всякой духовной помощи и наставленія.

Переночевавъ у священника, мы въ 6 ч. утра покидаемъ Гули, направляясь вверхъ по Хевсурской Арагвѣ до Гудани, гдѣ какъ и въ Хахматахъ, по разсказамъ прежнихъ путешественниковъ, имѣются главнѣйшія святилища Хевсуровъ и хранятся ихъ драгоцѣнности. Садимся на коней, и засѣянными холмами заворачиваемъ къ Арагвѣ и пробираемся до самаго Гудани ущельемъ этой рѣки, лѣса котораго представляютъ грусгную картину полнѣйшаго уничтоженія. Въ Гудани насъ ожидала интересная картина; на горной площадкѣ подъ нависшими старыми ясями, около святилищъ (ихъ здѣсь три) толпятся хевисберы, народъ и латники, которыхъ собралъ старшина, услышавъ отъ меня наканунѣ въ Гули желаніе видѣть сокровища, сохраняемыя въ святилищѣ, и древнее народное вооруженіе. Старшій хевисберъ стоитъ съ жезломъ—аваржани, второй держитъ въ рукахъ дроша, а два дастура (служители святилищъ) имѣютъ при себѣ всѣ сосуды святилища.

Аваржани ничто иное, какъ высокій жезлъ съ серебряною рукоятью, напоминающій своей формою древніе церковные жезлы съ рукоятью въ видѣ двухъ зміевъ.

Дроша родъ значка или знамя, составленнаго изъ высокаго древка съ серебрянымъ позолоченнымъ яблокомъ на вершинѣ, съ водруженнымъ наверху крестомъ; надъ яблокомъ привѣшены на нынѣшнихъ дроша, вмѣсто знамени, простые бумажные платки. Кресты, сохранившіеся на двухъ дроша въ Гудани очень плохого дѣла и не древни; оба серебряные, позолоченные, украшенные распятіями.

Сосуды, о которыхъ такъ много писалось, не представляютъ, однако же, особеннаго интереса; всѣ они серебряные и древнѣйшіе изъ нихъ въ видѣ небольшихъ братинъ, съ двумя простыми гладкими ручками, украшенныхъ по сторонамъ изображеніемъ голубковъ. Всѣ они гладкіе и безъ всякихъ украшеній. О сосудахъ этихъ не сохранилось никакихъ преданій, которыя могли бы указать на ихъ относительную древность; указываютъ только на времена царицы Тамары, которая якобы любила Хевсуретію, ее часто посѣщала, жила тамъ по временамъ и поселила въ селеніи Бисо, рядомъ съ Шатилемъ, колонію евреевъ.

Святилище *сел. Гудани* (говорю о нижнемъ; имѣется еще второе верхнее святилище) состоитъ изъ трехъ отдѣльныхъ помѣщеній или молелень-хатъ, каменнаго алтаря, сложеннаго подъ деревомъ въ одной чертѣ со святилищемъ, навѣса для посѣтителей, построеннаго спиной къ святилищу, и въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него еще двухъ крытыхъ помѣщеній съ тѣмъ же назначеніемъ.

Площадка, гдѣ возведены хаты, считается мѣстомъ недоступнымъ для простыхъ людей и никто изъ предстоящихъ не согласился переступить при насъ этого мѣста. Никто изъ присутствующихъ не смѣлъ также сѣсть, пока хевисберъ стоялъ съ дроша въ рукахъ.

Одинъ изъ хевисберовъ верхняго святилища, Бабо-Чингараули, извѣстный прорицатель, оказался и бандуристомъ. Коренастый старикъ, съ выразительною физіономіею, съ запорожскимъ чубомъ, въ простомъ сванетскомъ синемъ кафтанѣ, онъ присѣлъ на корточки, взялъ пандуру (по мѣстному) или трехструнную балалайку и запѣлъ сперва унылую пѣснь (на манеръ нашихъ сказителей) о Царѣ Гераклiѣ, созывающемъ хевсуровъ на брань, а потомъ мало-по-малу перешелъ въ плясовую, причемъ одинъ изъ молодыхъ Хевсуровъ протанцовалъ нѣчто въ родѣ нашаго козачка.

Женщины Хевсурки носятъ платье изъ той же шерстяной матеріи, какъ и мужчины, состоитъ оно изъ юбки съ оборкой (полосатой) внизу, рубашки богато разукрашенной на груди и короткаго кафтана, въ родѣ мужскаго; на головѣ черный платокъ, охватывающій голову и вздутый по сторонамъ вродѣ роговъ, подобно малороссійскому очибку для женщинъ, и круглая повязка для дѣвушекъ. Женщины-хевсурки также весьма красивы, на видъ здоровы и крѣпки, черноволосы, темнокожи, съ красивымъ оваломъ лица, крупными чертами, черными, открытыми, съ хорошимъ разрѣзомъ, большими, привѣтливыми глазами. Дѣтей у Хевсуровъ немного, но они на видъ крѣпки и здоровы.

Позволю себѣ высказать предположеніе, что Хевсуры въ Гули, Гудани и Хахматахъ, то-есть жители самой середины Хевсуретіи, лучше, крѣпче, красивѣе, достаточнѣе и ближе подходятъ къ типу Запорожцевъ-Скиѳовъ, чѣмъ жители Шатиля, въ которыхъ мы находимъ иной типъ и иной характеръ.

Оставляя влѣво вершины, на которыхъ возвышается башня, якобы возведенная Тамарой и потому названная Тамар-тцихе съ заброшеннымъ святилищемъ, мы изъ Гудани нѣкоторое время идемъ глинистыми холмами, покрытыми Альпійскою флорою, то подымаясь, то снова опускаясь въ самое ложе рѣки Арагвы, которымъ и добрались до селенія Хахматъ, гдѣ пришлось переждать сильнѣйшій ливень, захватившій насъ въ то время, какъ мы собрались закусить послѣ осмотра церкви и святилища.

Хахматы—значительное селеніе съ двумя башнями, расположенное въ долинѣ Хевсурской Арагвы въ очень близкомъ разстояніи отъ Бисо, гдѣ, какъ говорилось выше, сохранилось преданіе о царицѣ Тамарѣ и переселеніи ею въ эту мѣстность европейской колоніи. Селеніе состоитъ изъ каменныхъ домовъ съ плоскими крышами, надъ которыми возвышаются открытые навѣсы для всякаго хозяйственнаго скарба, и расположено на холмахъ, по обѣимъ берегамъ рѣки. Церковь построена въ низинѣ, подъ защитой скалы, украшенной башней, и по сосѣдству нѣсколькихъ святилищъ-хатъ; вся мѣстность весьма зеленая и уютная. Тутъ же боковое узкое тѣнистое ущелье, въ которомъ пріютились святилища и нѣсколько старыхъ развѣсистыхъ деревьевъ, придающихъ особую прелесть этому уютному уголку Хевсуретіи.

Сохранилось преданіе, что древняя церковь въ Хахматахъ построена царицей Тамарой и что надпись, передающая этотъ фактъ, находилась надъ вход-

ною дверью храма. Я старалась найти эту надпись или разузнать о ней болѣе подробно, но всѣ усилія оказались тщетными.

Остатковъ древней церкви или болѣе значительныхъ развалинъ не сохранилось; новая же церковь очень маленькая, построена изъ нетесаннаго камня и не представляетъ никакого интереса. Древнѣйшій предметъ изъ ея утвари выносной серебряный, позолоченный, равнобедренный крестъ, установленный на яблоко изъ такого же металла; на крестѣ Распятіе, по сторонамъ котораго поясныя изображенія Богоматери и Іоанна; надъ Распятіемъ Херувимъ (можетъ быть позднѣйшая придѣлка) и поясныя изображенія, которыя по деталямъ могутъ быть приняты за Господа Вседержителя и Іисуса Христа. Распятіе о четырехъ гвоздяхъ. По оборотной сторонѣ грузинская надпись гражданскимъ шрифтомъ.

Въ особомъ ящикѣ, подъ видомъ хлама мы разыскали разную серебряную посуду: стаканчики, кружки, блюдца и чарочки для теплоты, обломки поясовъ и дробницъ—ничего древняго или чѣмъ-либо интереснаго.

Въ святилищѣ оказалось:

Дроша одной формы и типа съ видѣнными въ Гудани, но съ крестомъ еще менѣе интереснымъ и съ русскимъ колокольчикомъ, серебряные не интересные сосуды и серебряная братина, по преданію подаренная святилищу царицей Тамарой; братина эта вышиной въ 2½ вершка, несомнѣнно русскаго дѣла; вокругъ горла у ней обыкновенная надпись славянскими буквами: «братина добраго человѣка, пити на здоровіе". Ниже по корпусу, три дробницы восточнаго типа, между которыми неряшливо награвированная надпись гражданскимъ грузинскимъ шрифтомъ: «жертвуемъ Георгію Хахматскому на поминъ души Царица...» Продолженія надписи нѣтъ, такъ какъ сосудъ былъ сломанъ и впослѣдствіи неумѣло спаянъ, что повредило конецъ надписи и оконечность орнамента. Къ братинѣ, вѣроятно, впослѣдствіи придѣланы гладкія серебряныя ручки, подобныя тѣмъ, какъ имѣются у описанныхъ нами грузинскихъ сосудовъ и съ такими же серебряными голубками-уточками, какъ и на тѣхъ. Вокругъ шейки братины на серебряной цѣпочкѣ привѣшаны разныя пожертвованія: сер. хевсурскія серьги, новѣйшія русскія деньги, кресты за покореніе Кавказа, пуговицы и пр.

Переждавъ дождь, мы садимся на коней, чтобы до темноты добраться до селенія Лебайкари, гдѣ должны переночевать. Минуемъ селеніе, его поселки и узкимъ ущельемъ поднимаемся на нѣкоторую вышину; оборачиваемся и долго стоимъ, любуясь открывшеюся передъ нами картиной: туманъ, окутавшій все во время дождя, поддается теплымъ лучамъ солнца, которое, разсѣкая тучи, играетъ въ глубинѣ ущелья, на темномъ фонѣ котораго красивымъ пятномъ выступаетъ бѣлая церковь селенія Хахматъ; въ глубинѣ цѣлая панорама горъ съ вершинами Чауши, прорѣзающія то тамъ, то сямъ, тяжелыя тучи, его затянувшія.

Продолжаемъ путь зелеными горными пастбищами, направляясь къ Великетильскому перевалу. Вправо оставляемъ великолѣпный водопадъ истоковъ Арагвы, ниспадающей съ горы *Ликкако* или Ликкокас-мта, снѣжныя поляны которой находятся отъ насъ въ очень близкомъ разстояніи. Подъемъ такъ значителенъ, что въ 2-хъ верстахъ отъ Хахматъ мы находимся уже на вышинѣ 4.700 ф. Кругомъ насъ высокая сочная трава съ самой разнообразною флорой, могучими акантами, разнороднѣйшими колокольчиками, альпійскими васильками,

множество разноцвѣтныхъ репейниковъ, розовая ромашка, нѣсколько сортовъ крапивы, которая могла бы по красотѣ своей конкуррировать съ лучшими гіацинтами. Но вотъ ручей Великетилцхали напоминаетъ намъ, что перевалъ ужъ близокъ; останавливаемся, чтобы предъ послѣднимъ подъемомъ дать вздохнуть нашимъ лошадямъ; нѣкоторое время пасемъ ихъ на полянѣ, совершенно лиловой отъ цвѣтущихъ жераніумовъ, а сами любуемся великолѣпными шпилями Чауши, совершенно освободившагося отъ дождевыхъ тучъ. На послѣднемъ крутомъ подъемѣ насъ развлекаютъ новый сортъ лиловыхъ колокольчиковъ и еще цвѣтущіе желтоватые рододендроны. На самомъ перевалѣ анероидъ показываетъ 9.300 ф. Мы лишены возможности снять видъ на послѣднія горы, ибо туча снова все закрыла, все заволокла.

Спускъ на сѣверномъ склонѣ, называемомъ *Цубровано* или пастбища, мы принуждены прадпринять пѣшкомъ, такъ какъ онъ слишкомъ крутъ и опасенъ при верховой ѣзды.

Здѣсь мы на водораздѣлѣ Хевсурской Арагвы и Аргуна и въ очень маломъ разстояніи отъ Ликкокис-цкали. Съ вершинъ Чакис-мта или Матуро, входящаго въ составъ горъ *Чапчахи, Бороло* и *Маріамъ-иминда*, ниспадаетъ въ ущельѣ *Аргунъ*, берегомъ котораго мы должны добраться до Шатиля.

Сѣверный склонъ, по которому спускаемся, представляетъ совершенно иную картину, чѣмъ южный, который мы такъ недавно покинули: нѣтъ болѣе ни той высокой, сочной травы, ни того бархатнаго ковра, ни тѣхъ цвѣтовъ; зелень насъ окружающая и низка и суха и часто перерыта рытвинами, глинистою тропой и каменными осыпями. Спускаемся къ селенію *Лебойскари*, которое находится на высотѣ 7.300 ф. и состоитъ изъ нѣсколькихъ поселковъ, изъ которыхъ среднее сохранило очень хорошую башню съ чешуйчатымъ верхомъ и верхними кашетами, которая по своимъ формамъ совершенно одинакова съ тѣми, которыя зарисовалъ В. Ѳ. Миллеръ во время своей поѣздки на Баксанъ. Поселокъ, подъ которымъ возвышается святилище и въ которомъ рѣшили остановиться, крупнѣе остальныхъ, и мы располагаемся въ немъ на ночь на крышѣ жилаго помѣщенія подъ открытымъ навѣсомъ, куда приносятъ намъ травы и который мы затягиваемъ вечеромъ бурками, такъ какъ къ ночи чувствительно похолодѣло. Поселяне явились, разумѣется, къ намъ на крышу, и мы провели съ ними остатокъ дня, зарисовывая типы, разсматривая костюмы, распрашивая и записывая разныя подробности. Ночь наступила лунная, свѣтлая, дивно тихая и ущелье при лунномъ свѣтѣ выиграло еще въ таинственности и глубинѣ.

На другой день поднялись очень рано, провели утро снова съ жителями и въ девятомъ часу тронулись далѣе, внизъ по Аргуну. Ущелье это уже Арагвскаго, но характеръ его почти тотъ же: горы то покрыты яркой муравой, то скалисты съ массою источниковъ, которые обращаютъ скалы эти въ цвѣтущія, мшистыя полянки, которыя плѣняютъ насъ своей флорой, цѣлыми букетами нависшихъ колокольчиковъ, мелкимъ папортникомъ и вообще теплыми сочными пятнами на темно-буромъ фонѣ шиферныхъ наслоеній.

Влѣво останавливаемся въ значительномъ ущельѣ *Кистаны-тчалъ*, нѣкогда значительно укрѣпленномъ двойнымъ замкомъ, отъ котораго сохранились стѣны и башни на двухъ особыхъ холмахъ; замки эти защищали не только ущелье,

Группа Хевсуровъ долины Аргуна.

Хевсуретія. Рѣка Аргунъ.

въ которомъ расположены, но и сосѣднее, параллельное съ нимъ, и даже самое Аргунское, такъ какъ и здѣсь, черезъ рѣку, мы находимъ на извѣстной высотѣ два дома селенія Чихеты съ значительною башнею, которая, вѣроятно, находилась въ связи съ вышеупомянутымъ замкомъ. По дорогѣ масса ручьевъ, ниспадающихъ на дорогу иногда цѣлыми каскадами. На скалахъ появляются березки и мы замѣчаемъ, что шиповникъ въ этой мѣстности только что начинаетъ расцвѣтать. Ущелье съуживается; Аргунъ, прыгая черезъ камни, реветъ и мечется; дорога заграждена огромнымъ шифернымъ заваломъ; перебираемся черезъ рѣку, заворачиваемъ за скалу и предъ нами прелестная альпійская картина: вправо— еще снѣжная вершина, подъ ней широкое, зеленое, обработанное ущелье, чрезъ которое прорывается потокъ, несущій свои воды въ Аргунъ; на берегу масса цвѣтущаго, нѣжно абрикосоваго цвѣта, шиповника; за рѣкой, хотя и скалы, но частью разработаны и засѣяны полянками, окаймленныя со всѣхъ сторонъ цвѣтущими акантами. Еще далѣе—цѣлая площадка цвѣтущаго шиповника, мелкаго кустарника и высокой цвѣтущей травы, съ пріятнымъ, но одуревающимъ запахомъ. Мы очарованы; спѣшиваемся и нѣкоторое время стоимъ и только смотримъ и любуемся. Нѣсколько шаговъ далѣе мы попадаемъ въ узкое скалистое ущелье, гдѣ Аргунъ, не находя себѣ приличнаго прохода, мечется во всѣ стороны, реветъ, бурлитъ и, обрывая сосѣднія скалы, все болѣе и болѣе засыпаетъ свое ложе, заваливаетъ себѣ проходъ. Съ ревомъ и трескомъ вся масса накопившейся воды прорываетъ, наконецъ, преграду и вырывается на свободу. Высота паденія рѣки незначительна, но растянута на значительное пространство; высшая точка паденія начинается при высотѣ 6.700 фут.; при концѣ паденія всего 6.200 ф. Дорога проложена въ этомъ мѣстѣ зигзагами по шифернымъ осыпямъ, столь заросшими кустарникомъ, цвѣтущимъ шиповникомъ и самыми разнороднѣйшими цвѣтами, что легко забыться и, несмотря на кручу тропы, вообразить себя въ самомъ прелестнѣйшемъ паркѣ. Спускъ этотъ настолько крутъ и скользокъ, что приходится спѣшиться и вести лошадь въ поводу. Спускаемся не спѣша, наслаждаясь небомъ, теплымъ солнцемъ, окружающею насъ роскошною флорою, видомъ скалъ, ревомъ рѣки и блескомъ ея волнъ. Кругомъ насъ кусты дикой малины, смородины и крыжовники, но ягоды на нихъ еще не поспѣли; собираемъ землянику, которая, видимо, только что начинаетъ спѣлѣть.

Окончательное паденіе рѣки прекращается въ томъ мѣстѣ, гдѣ *рѣка Гуро* впадаетъ въ Аргунъ. Переходимъ Аргунъ по мосту, перегоняемъ своихъ лошадей вплавь черезъ обѣ рѣки, а сами пробираемся въ прелестное зеленое ущелье р. Гуро, чтобы полюбоваться быстрой рѣкой, огромными мшистыми камнями, находящимися въ ложѣ рѣки, цвѣтущими берегами и зелеными, лѣсистыми холмами. Здѣсь на вершинѣ расположено селеніе Гуро съ уважаемымъ святилищемъ, въ которомъ, по моему мнѣнію, сохранились древнѣйшіе серебряные сосуды изъ всѣхъ тѣхъ, которые пришлось осмотрѣть во святилищахъ Хевсуретіи. Мѣстный хевисберъ сообщилъ, что сосуды эти были перенесены въ Гуро изъ святилища селенія Хахматъ, выдѣлившее часть своихъ сокровищъ новому святилищу. Сосуды эти того же типа, какъ и всѣ видѣнные, но имѣютъ особо древній видъ.

Изъ ущелья возвращаемся снова на берегъ Аргуна, садимся на лошадей и продолжаемъ дорогу тѣмъ же ущельемъ, которое становится замѣтно уже и

диче, несмотря на то, что масса цвѣтовъ остается та же. Снова показались красные маки, съ которыми разстались съ самаго Шуапхо; березы становятся крупнѣе; кой-гдѣ появляются первыя сосны...

Подъемъ съ ступенями, пробитыми въ скалѣ вьюками, провозимыми Хевсурами, приводитъ насъ къ тѣснинѣ въ видѣ воротъ, образуемыхъ двумя громадами, когда-то спустившихся съ сосѣднихъ вершинъ, перегородившихъ теченіе рѣки и образующихъ весьма живописный уголокъ на темно-зеленомъ фонѣ ущелья и въ виду ярко освященной поляны, на которую съ вершинъ Георгциминда, одного изъ отроговъ хребта Кхоматно-мта, свергается бурный потокъ свѣтлой и прохладной воды, около которой мы останавливаемся, чтобы отдохнуть и закусить. Надъ вершинами, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нашей стоянки, возвышается башня и святилище.

Небо чисто; солнце сильно припекаетъ; но мы сидимъ у ручья, подъ тѣнью бурки, которую прикрѣпили къ сложеннымъ дровамъ, и наслаждаемся окружающей насъ природой.

Чѣмъ ближе къ Шатилю, тѣмъ картины насъ окружающія совершенно мѣняются: ущелье становится угрюмѣе и скалистѣе; въ сланцовыхъ и шиферныхъ наслоеніяхъ все чаще попадаются болѣе твердыя породы; кварцъ появляется въ видѣ огромныхъ глыбъ, въ которыхъ легко различить присутствіе значительныхъ кристалловъ; сосна замѣняетъ всѣ остальныя породы лѣса; рѣка съ шумомъ разбивается объ огромные камни, которые на каждомъ шагу перегораживаютъ ея ложе. Останавливаемся съ восхищеніемъ и удивленіемъ на всякомъ шагу и любуемся, любуемся этой Хевсуретіей, которую рисовали намъ въ такихъ темныхъ недоступныхъ краскахъ. Предъ нами, на поворотѣ дороги, бурная рѣка и надъ ней отвѣсно спускающаяся скала перпендикулярными наслоеніями и на вершинѣ ея *Старый Шатиль* въ видѣ нѣсколькихъ полуразвалившихся, тѣсно сплоченныхъ между собой башенъ, гдѣ, по преданію, жили Шатильцы еще во время Тамары и откуда они сошли въ числѣ семи домовъ и, соединившись послѣ моровой язвы съ оставшимися Анаторійцами, основали нынѣшній Шатиль, въ которомъ теперь насчитываютъ 41 домъ или приблизительно 80 человѣкъ мужскаго пола и 60 женскаго.

Нынѣшній Шатиль расположенъ на высотѣ 4.950 ф. въ виду стараго гнѣзда, за поворотомъ дороги, на скалѣ, у сліянія рѣки Шатиль съ Аргуномъ. Нынѣшнее мѣстечко обширнѣе, но совершенно того же типа, какъ его первообразъ, старый Шатиль: тѣ же башни, скученныя на скалистомъ холмѣ надъ рѣкой, но такъ какъ ихъ больше, то онѣ лѣпятся одна надъ другой, покрывая холмъ, растягиваясь вдоль гребня отвѣсной скалы, омываемой р. Шатиль и спускаясь мѣстами до самаго Аргуна. Въ скалѣ вырублены каменныя лѣстницы, тѣсные корридоры, проходы, двери въ тѣ темныя помѣщенія, гдѣ живутъ почти безъ свѣта Шатильцы со всѣмъ своимъ скарбомъ и скотомъ, котораго, какъ мы могли замѣтить, у нихъ весьма значительное число. Къ полутемнымъ башнямъ, кой-гдѣ освѣщеннымъ крошечными окнами, прилѣплены открытые деревянные балконы-навѣсы, подстроены верхніе полуоткрытые этажи. На краю селенія замѣчается болѣе обширное мѣсто, составляющее верхнюю площадку двухъ башенъ: это—*Саперхо* или общественное собраніе, куда старѣйшины собираются

для обсужденія вопросовъ, касающихся селенія; тутъ же сохраняется камень, па которомъ толкли въ былое время порохъ. Всѣ эти башни, навѣсы, корридоры, лѣстницы, темныя и свѣтлыя помѣщенія лѣпятся другъ на другѣ и другъ около друга, такъ что кажутся одной единой массой, закопченной и заваленной навозомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ представляющіяся вашимъ взорамъ весьма теплымъ, живописнымъ пятномъ на синемъ небосклонѣ, на свѣтлыхъ скалахъ, окружающихъ это пятно. Среди башенъ и балконовъ Шатиля указываютъ на одно верхнее помѣщеніе, въ которомъ довольно долго скрывался царевичъ Александръ. Влѣво надъ селеніемъ, но почти рядомъ съ нимъ возвышается ничтожная новая церковка съ двускатною крышею. Еще лѣвѣе, на полугорѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ селенія и надъ горой напротивъ селенія, на правомъ берегу рѣки, подъ нависшими деревьями расположены святилища въ видѣ одноэтажныхъ жилищъ съ пивоварнями на первомъ планѣ и съ навѣсами, заваленными рогами козъ, туровъ и оленей.

Въ трехъ верстахъ отъ Шатиля, на отдѣльномъ небольшомъ, но высокомъ холмѣ, расположенномъ при сліяніи рѣки Ардотисъ съ Аргуномъ, въ виду тѣснаго Ардотскаго ущелья, въ глубинѣ котораго виднѣется совершенно бѣлый *хребетъ Аиунта*, черезъ который лежитъ путь въ Тушетію, недоступный въ нынѣшнемъ году за позднимъ таяніемъ снѣговъ, возвышаются зданія въ видѣ каменныхъ домовъ, сложенныхъ изъ плитняка на глинѣ съ двускатными крышами. Это—*Анаторисъ*, выдаваемый иными писателями за конюшни царицы Тамары, называемый другими—катакомбами и который ничто иное, какъ семейные склепы, встрѣчаемые на всемъ Кавказѣ, и бывшіе, какъ можно судить по древнимъ могильникамъ, съ древнихъ поръ въ употребленіи у всѣхъ народцевъ Кавказа. Склепы Анатори обширнѣе осетинскихъ и имѣютъ совершенно видъ нынѣшнихъ горскихъ саклей, типъ нѣсколько иной, чѣмъ подобные склепы въ горахъ Осетіи. Переднее отверстіе было когда-то замазано шиферной плитой, нынѣ пробитой; внутри видны каменныя полки, на которыхъ также размѣщались покойники. Подобныхъ зданій въ Анаторисѣ четыре, три отдѣльно стоящихъ и четвертое имѣющее два отверстія, но состоящія изъ трехъ отдѣленій. На видъ зданія эти не представляются очень древними, но народная молва гласитъ о нихъ весьма разно: иные видятъ въ нихъ постройки временъ царицы Тамары, другіе же приписываютъ ихъ нынѣшнему столѣтію, увѣряя, что во время моровой язвы, жители, опасаясь заразы, запирались еще живыми въ эти дома и такимъ образомъ умирали.

Высоко надъ площадкой, занятой описываемыми склепами, возвышается острая вершина *Анаторис-цвери;* влѣво черезъ Аргунъ скалистая тропа черезъ горы въ Кистетію, оттуда въ Сундженскій отдѣлъ, въ станицу Тарскую и Владикавказъ.

По дорогѣ отъ Шатиля до Анатори мѣстныя шиферныя скалы, въ особенности по лѣвому берегу Аргуна, представляютъ такую картину разрушенія, что ихъ легче принять за огромный, многобашенный замокъ, чѣмъ за настоящія скалы.

Въ Шатилѣ намъ отвели комнату въ недостроенномъ домѣ священника, напротивъ самаго селенія, на правомъ берегу рѣки, такъ что мы могли даже съ балкона и днемъ и ночью при лунномъ свѣтѣ любоваться этимъ селеніемъ-замкомъ, имѣющимъ огромное сходство съ средневѣковыми маленькими городками Калабріи и остальной Италіи.

27-е число провели въ Шатилѣ, чтобы съ одной стороны отдохнуть и дать вздохнуть нашимъ конямъ, а съ другой, чтобы дать слѣдователю и приставу, насъ сопровождавшихъ, возможность заняться дѣлами, которыя ожидали ихъ въ мѣстности.

Драгоцѣнности мѣстныхъ святилищъ состоятъ изъ: высокаго восточнаго узкогорлаго серебрянаго сосуда, справленнаго недавно мѣстными жителями въ Тифлисѣ. Онъ перевитъ обыкновеннымъ серебрянымъ мужскимъ поясомъ, принесеннымъ въ даръ святилищу; чаши серебр. съ пробою 1866 г., также увѣшаны разными мелкими вещами въ видѣ крестовъ, медалей, двугривенныхъ, пуговицъ и пр.; стаканчика съ чернью; чашечки серебряной безъ пробы; стаканчика о двухъ ручкахъ съ однимъ голубкомъ; куле серебр. совершенно гладкой; рюмочки серебр. на ножкѣ, украшенной восточнымъ звѣринымъ орнаментомъ;—ничего особенно замѣчательнаго или очень древняго.

Верхнее святилище, рядомъ съ селеніемъ, посвящено Пресвятой Богородицѣ—Мхтис-мтобели; второе, черезъ рѣку, Архангелу Гавріилу—Мтавар-ангелози, празднества въ которомъ бываютъ на Пасхѣ, въ день Вознесенія и послѣдовательно всякую 7-ю недѣлю.

Приступая къ обратному пути и собираясь въ одинъ день пройти пространство отъ Шатиля до Гули, мы встаемъ очень рано и спѣшно собираемся. Двигаемся однакожъ по дорогѣ не спѣша, ибо природа слишкомъ хороша, чтобы не радоваться и не наслаждаться ею. Ѣдемъ, смотримъ, любуемся, провѣряя первыя впечатлѣнія и какъ бы прощаясь навсегда съ этимъ дивнымъ, чуднымъ краемъ. Небеса прозрачнаго синяго цвѣта; очертанія горъ мягко обрисовываются на этомъ мягкомъ фонѣ и дивно хорошо, когда на этихъ вершинахъ, сохранившихъ еще снѣгъ, играетъ солнце, придавая еще большую мягкость всей этой картинѣ, всѣмъ этимъ очертаніямъ.

Отдыхали и завтракали мы на открытой горной полянѣ у подошвы горы Садивас-хеви, еще частью покрытой лѣсомъ, что придаетъ нѣкоторую свѣжесть и спасаетъ насъ отъ полуденнаго зноя, несмотря на совершенно безлѣсное пространство насъ окружающее. При подъемѣ горы чище и хребетъ Ацунта блещетъ за нами во всемъ своемъ зимнемъ уборѣ. Не можемъ лишить себя удовольствія немного попозднѣе еще разъ остановиться за переваломъ, на цвѣтущемъ пространствѣ около холоднаго ключа и, собирая цвѣты, любоваться небомъ, пространствомъ и парящими надъ нами орлами.

Еще засвѣтло пріѣхали въ Гули, успѣли при заходящемъ солнцѣ еще снять ущелье и еще долго, долго сидѣли на площадкѣ дома священника, любуясь вершинами Чауши, бурнымъ потокомъ, стекающимъ съ его ледниковъ, прелестью ущелья, спокойствіемъ ночи и чуднымъ луннымъ свѣтомъ. Невольно вкрадывалось въ сердце тяжелое чувство грусти, что, вѣроятно, никогда болѣе не придется увидать всѣ эти мѣста. 29-го въ 10 ч. утра покидаемъ Гули.

Графиня Уварова.

Монастырь св. Ѳомы въ Ақулисахъ (Нахичев. у.).

Страсти Господни въ Оберъ-Аммергау.

ПУТЕВЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1]).

I.

Въ пятницу 18-го іюля 1890 г. я отправился по желѣзной дорогѣ изъ Мюнхена въ Партенкирхенъ; въ поѣздѣ были по большей части англичане и въ числѣ ихъ множество духовныхъ лицъ. Мы очутились у самыхъ предгорій Баварскаго Тироля. Десятковъ пять-шесть экипажей: каретъ, фаэтоновъ, повозокъ ждутъ пассажировъ и везутъ ихъ по шоссейной дорогѣ въ 9 километровъ нарочно для доставки зрителей на Passionspiel устроенной. Дорога подымается зигзагами вверхъ по Аммеру на Этталь къ длиннѣйшей въ одну улицу выстроенной деревушкѣ Оберъ-Аммергау. Весь этотъ край званъ былъ поповскимъ (Pfaffenwinckel),—одни прелятуры да монастыри. Объѣзжая его, можно было въ теченіе двухъ недѣль проводить каждую ночь въ иномъ монастырѣ или церковномъ домѣ. Земля эта принадлежала Вельфамъ, потомъ Гогенштауфенамъ, потомъ Виттельсбахамъ. Деревня растянулась по рѣчкѣ Аммеру, на одномъ ея концѣ церковь, на другомъ театръ, обнесенный заборомъ съ греческимъ фронтономъ, весь расписанный сѣрокоричневыми фигурами (grisaille). По другой сторонѣ рѣки на холмѣ высится великолѣпное исполинское распятіе, кругомъ котораго расположена группа, состоящая изъ Богоматери и учениковъ. Этотъ памятникъ изъ желтоватаго камня сооруженъ королемъ баварскимъ Людвигомъ I.

---

1) Печатается съ сокращеніями.

Такова мѣстность; къ субботѣ переполненіе ея посѣтителями страшное,— всѣ дома, не исключая самыхъ скромныхъ крестьянскихъ, заняты; ненашедшіе себѣ мѣста помѣщаются въ окрестныхъ селеніяхъ. Богатые экипажи и конные ѣздоки проталкиваются съ трудомъ чрезъ толпу пѣшихъ гуляющихъ, между которыми преобладаютъ англосаксонцы надъ нѣмцами и духовные надъ свѣтскими. Между духовными у многихъ по фіолетоваго цвѣта примѣтамъ въ костюмѣ видно, что они римскокатолическіе прелаты или епископы. Тотчасъ послѣ того, какъ смерклось, улица пустѣетъ. Пріѣзжіе рано ложатся спать. На слѣдующій день съ 6 часовъ утра идутъ обѣдни, а ровно въ 8 начинается представленіе. Прежде чѣмъ стану его описывать, скажу нѣсколько словъ о происхожденіи и теперешнемъ устройствѣ представляемыхъ на сценѣ страданій или мукъ Господнихъ.

Большинство космополитической интеллигентной публики, стекающейся въ этотъ театръ, выноситъ обыкновенно то впечатлѣніе, что они созерцали какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшій остатокъ средневѣковыхъ мистерій, нѣжный цвѣтокъ наивной, чисто-народнической поэзіи, продолжающій цвѣсти и благоухать въ какомъ-то захолустьи у мало образованныхъ мужиковъ. Такое мнѣніе совсѣмъ несогласно съ истиною. *Passionsspiel* есть нѣчто весьма искусственное, плодъ книжной учености, школьной выправки и обдуманнѣйшей религіозной политики. Своими подземными, для простаго глаза невидимыми корешками представленія страстей Господнихъ по своему содержанію, по своему тексту, заходятъ въ средніе вѣка, но сами они произошли отъ скрещенія итальянскаго возрожденія, перенесеннаго на нѣмецкую почву, съ католической антиреформаціей, обновившей римскій католицизмъ въ XVII столѣтіи, то-есть съ религіознымъ движеніемъ, во главѣ котораго стояли іезуиты.

Начало Оберъ-Аммергаускихъ представленій относится къ первой половинѣ XVII вѣка, то-есть ко времени, когда іезуиты, ставъ твердою ногой въ Баваріи, господствовали не только въ политикѣ, но и въ искусствѣ, когда они были въ модѣ, давали тонъ, были законодателями вкуса и когда ихъ вліянію подчинялось все духовенство, всѣ церковныя братства, занимавшіяся драматическимъ искусствомъ. Всѣ усовершенствованія въ театральной техникѣ въ подражаніе древнимъ образцамъ не только въ архитектурѣ, но и въ пластикѣ, музыкѣ и мимикѣ были примѣнены братьями ордена съ религіозною цѣлью борьбы съ протестантизмомъ и усиленія привязанности народа къ римско-католическому вѣроисповѣданію посредствомъ дѣйствія на его чувственность, на его воображеніе. Переворотъ, произведенный братьями ордена въ сценическомъ искусствѣ, отчасти былъ похожъ на тотъ, который совершенъ въ нашемъ вѣкѣ Рихардомъ Вагнеромъ и который состоялъ въ сочетаніи всѣхъ родовъ искусствъ въ рамкахъ драмы, причемъ однако сама основа драмы, заключающаяся въ текстѣ, сдѣлалась чѣмъ-то второстепеннымъ. Этотъ текстъ могъ бы быть и даже бывалъ иногда латинскій. Уразумѣнію его помогутъ печатныя книжки (Periochen), не вслушиваются же и теперь въ слова текста иностранные пріѣзжіе въ Оберъ-Аммергау. Самъ текстъ взятъ изъ средневѣковыхъ мистерій, но онъ передѣланъ и до неузнаваемости изукрашенъ; точно также измѣнена и вся обстановка на сценѣ съ помощью итальянскихъ мастеровъ, скульпторовъ, рѣзчиковъ, штука-

туровъ, при содѣйствіи такихъ капельмейстеровъ, какъ знаменитый въ свое время Орландо ди Лассо и при роскошнѣйшей костюмировкѣ.

По мѣстному преданію, когда въ 1633 г. въ Баваріи свирѣпствовала *черная смерть*, Оберъ-Аммергауская община, которую опустошала эта зараза, постановила въ видѣ религіознаго обѣта справлять каждыя десять лѣтъ трагедію смерти Господней. Какъ только данъ былъ этотъ обѣтъ, язва внезапно прекратилась. Первое представленіе дано въ 1634 г., но затѣмъ въ 1680 г. рѣшено перенести зрѣлища на года, оканчивающіеся нулемъ, что продолжалось съ 1680 г. по 1770 г., когда послѣдовалъ правительственный запретъ. Оберъ-аммергауцы жаловались, ссылаясь на обѣтъ. Правительство отвѣтило, что данный обѣтъ можно исполнять инымъ какимъ-нибудь образомъ. Ходатайство общинниковъ возобновилось въ 1780 г. при курфирстѣ Карлѣ-Теодорѣ, когда сила запрета значительно уже ослабѣла. Примѣняясь къ мотивамъ, вызвавшимъ запретъ, Оберъ-Аммергауцы просили о допущеніи представленія изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, по очищеніи его отъ всѣхъ дающихъ поводъ къ соблазну несообразностей. По просьбѣ сына, король Максъ-Іозефъ разрѣшилъ 3 марта 1811 г. представленія, которыя съ тѣхъ поръ отбываются по нулевымъ годамъ, но въ 1870 г. были прерваны по случаю франко-германской войны. Ближайшее произойдетъ въ 1900 г.

II.

Представленіе начинается въ 8 часовъ утра и продолжается до 6 часовъ вечера съ малымъ перерывомъ въ полдень, длящимся полтора часа. Оно происходитъ на открытомъ воздухѣ. Они не прерывались даже въ случаяхъ довольно частыхъ въ этой горной мѣстности падающихъ дождей. Отъ этой непріятности нынѣ защищена часть сидѣній для публики; эти дороже оплачиваемыя мѣста имѣютъ надъ собою родъ легкаго навѣса. Три крытыя строенія возвышаются на сценѣ, одно главное съ фасадомъ въ родѣ греческаго храма съ занавѣсью, поднимающеюся, какъ внутри этого храма представляются живыя картины изъ Ветхаго Завѣта или идутъ главныя явленія, напримѣръ: тайная вечеря, моленіе въ Геѳсиманскомъ саду или распятіе на Голгоѳѣ. По обѣ стороны этого храма расположены симметрически двѣ меньшія постройки, направо дворецъ первосвященника Каіафы и налѣво дворецъ Пилата. Оба боковыя строенія соединены съ главнымъ посредствомъ арокъ, подъ которыми виднѣются въ перспективѣ двѣ улицы Іерусалима. Передъ тремя зданіями широкая площадка или такъ-называемое proscenium, на которомъ свободно движутся изображаемыя толпы народа числомъ до четырехсотъ человѣкъ и потомъ быстро исчезаютъ, либо входя въ храмъ, либо стекая по улицамъ подъ арками. Все представленіе состоитъ изъ трехъ совершенно отдѣльныхъ, перемежающихся и поочередно дѣйствующихъ на публику элементовъ.

Представленіе состоитъ, *во-первыхъ*, изъ хора «духовъ-хранителей», произносящаго на-распѣвъ при акомпаниментѣ музыки въ церковномъ стилѣ стихи вродѣ псалмовъ. Послѣ каждаго драматическаго явленія и во все время представленія живыхъ картинъ выходятъ на просценіумъ и располагаются лицомъ

къ зрителямъ полукругомъ 10 мужчинъ, 14 женщинъ, всего 24 человѣка, такъ-называемые *Schutzgeister*. Въ былое время они являлись въ фантастическихъ костюмахъ, съ вѣнками изъ птичьихъ перьевъ на головахъ, съ какими изображалъ поздній ренессансъ американцевъ временъ Колумба. Теперь дѣйствуютъ они въ нарядахъ царей и царицъ средневѣковыхъ, въ золотыхъ коронахъ и опоясанные золотыми шнурами. Лица хористовъ грубыя, но выразительныя. Есть между женщинами такія, которыя по голосу и по очертаніямъ прямо годились бы въ валькиріи.

Вторую составную часть представленія образуютъ *Volbilder* или живыя картины изъ Ветхаго Завѣта, предвозвѣщающія символически событія Новаго Завѣта. Въ 1890 г. даваемы были 22 такія картины. Нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ съ Новымъ Завѣтомъ самую отдаленную и такъ сказать натянутую связь, въ доказательство чего, напримѣръ, приведу поясненіе, даваемое хоромъ разводу Артаксеркса съ Васти и возведеніе въ царицы Эсѳири.

Seht Vasti die stolze wird verstossen
Ein ild was mit der Synagoge hat Gott beschlossen.

Первоклассные мюнхенскіе художники помогли крестьянамъ Оберъ-Аммергауцамъ ставить эти картины; онѣ скомпанованы въ стилѣ итальянской живописи лучшаго времени, то есть XVI вѣка.

Наконецъ *третью* часть представленія, собственно ту, которая и есть существенная, образуетъ сама драма въ 17 дѣйствіяхъ, подраздѣляющихся на сцены. Представленіе начинается со въѣзда Христа въ Іерусалимъ на осляти. Густыя толпы народа текутъ изъ проходовъ подъ арками, изображающихъ улицы Іерусалима, на просценіумъ. Христосъ, спѣшившись, входитъ въ храмъ и изгоняетъ оттуда торговцевъ.—Христосъ и ученики изображены въ костюмахъ, въ какихъ ихъ писали Тиціанъ и Рафаэль. Толпа наряжена, по восточному, въ цвѣтныя яркія одежды; она движется съ такою свободою и непринужденностью, какими мы восхищались при представленіяхъ мейнингенской труппы. Конечно, въ уста Христа влагается многое, чего нѣтъ въ Евангеліи, но это вставное превосходно выдержано въ тонѣ и духѣ евангельскаго повѣствованія.

Затѣмъ слѣдуетъ совѣщаніе архіереевъ и книжниковъ у Каіафы, въ которомъ надо было все сочинять отъ начала до конца. Сочинено недурно; главная забота—какъ заполонить и взять въ свои руки Христа; есть въ виду ученыхъ сребролюбецъ, котораго рѣшено къ себѣ зазвать и склонить на свою сторону. Затѣмъ въ Виѳаніи Христосъ разговариваетъ съ учениками по случаю близящагося праздества Опрѣсноковъ; приходятъ Лазарь съ сестрами; Христосъ прощается съ матерью. Въ этой средѣ, дышащей одними только задушевными чувствами и любовью, обрисовывается темнымъ пятномъ лицо предателя, передаваемое довольно близко къ Евангелію, но задуманное съ замѣчательно тонкою художественностью и не превращенное въ нѣчто сатанинское. За нимъ оставленъ обликъ человѣческій, такъ что мы понимаемъ мотивы его дѣйствій, рѣшимость грубаго, черстваго, ограниченнаго человѣка, имѣющаго свои поводы недовольства образомъ дѣйствія Христа. Это по натурѣ любостяжательный скопидомъ; онъ недаромъ и избранъ былъ Христомъ въ казначеи всего братства, въ распорядители довѣренной ему мошны, которая истощалась вслѣдствіе щедрости Спасителя. Онъ искренно скорбитъ

о томъ, что одного нарда на умащеніе ногъ Спасителя вышло на 300 динаріевъ. Онъ страдаетъ потому, что вмѣстѣ съ другими вѣруетъ въ возстановленіе Христомъ Іудейскаго царства, но когда онъ услышалъ, что Христосъ готовится душу свою положить за овцы, то крайне смущенъ и озадаченъ мыслью о томъ, а съ нимъ же самимъ что будетъ? (Wer sorgt, wenn ich nicht sorge, bin ich nicht Säckelmeister)? Въ эту минуту раздраженія къ нему подходятъ посланные отъ первосвященника, которымъ онъ открываетъ душу свою по-пріятельски, думая что они напрашиваются поступить въ ученики Христа. Онъ сообщаетъ, что имъ нечего ожидать отъ Христа, что Христосъ собирается умереть и что онъ расточаетъ общее достояніе своихъ послѣдователей. Посланные склоняютъ Іуду указать имъ, гдѣ Учитель, что онъ въ концѣ концовъ и дѣлаетъ, предполагая, что онъ самъ и заступится за Христа передъ первосвященникомъ. Онъ думаетъ, что Христа арестуютъ только на нѣкоторое время и разстается съ посланными добродушно на нѣмецкій манеръ ударивъ другъ другу рука объ руку и имѣя на умѣ при этомъ рукобитіи поговорку: *ein Mann, ein Wort*. Оставшись наединѣ, онъ разсуждаетъ самъ съ собою въ монологѣ, который сочиненъ въ шекспировскомъ стилѣ: арестуютъ Его—тогда я получу изрядныя деньги.—Онъ ли возьметъ верхъ—тогда я испрошу у него прощеніе; Онъ вѣдь добръ и милосердъ. Собственно я не измѣняю ему, я только сообщилъ извѣстіе о томъ, гдѣ онъ будетъ находиться.

Наступаетъ широкою кистью написанная сцена Тайной Вечери, вся по Евангелію, воспроизводимому почти дословно, съ омовеніемъ ногъ ученикамъ, съ преломленіемъ хлѣба (пріимите ядите...) съ выпиваніемъ вина и съ указаніемъ на будущаго предателя, какъ на опускающаго вмѣстѣ съ Христомъ руку въ солило.

Громадное впечатлѣніе, производимое дѣйствіемъ Тайной Вечери, усиливается еще и растетъ прогрессивно въ послѣдующихъ сценахъ. Іуда продаетъ учителя архіереямъ въ синедріонѣ за 30 серебренниковъ при сильномъ сопротивленіи продажѣ со стороны Никодима, котораго тутъ же заподозрили его товарищи, что онъ тайный послѣдователь Христа.—Послѣ ухода Іуды съ солдатами и слугами архирейскими, совѣтъ, въ маломъ, такъ сказать комплектѣ предрѣшаетъ смерть Іисуса.

Въ слѣдующей затѣмъ сценѣ въ Геѳсиманскомъ саду, переданной точнымъ образомъ по Евангелію, въ составъ представленія входитъ сверхъестественный элементъ, неизбѣжный при условіяхъ религіознаго зрѣлища; съ облаковъ спускается ангелъ съ чашей на камень, у котораго изнемогаетъ Христосъ и подкрѣпляетъ его.—Затѣмъ появляется Іуда съ вооруженными людьми, у Малха усѣчено ухо, Христосъ заарестованъ. Въ Оберъ Аммергау на сценѣ это событіе происходитъ не въ полночь, а ровно въ полдень, и тѣмъ кончается первая часть представленія.—Послѣ полуторачасоваго перерыва идетъ вплотъ страшная и необычайно сильно дѣйствующая на нервы трагедія страданій Христовыхъ. Почти все дѣйствіе происходитъ подъ открытымъ небомъ либо на просценіумѣ передъ самой публикой, либо на двухъ боковыхъ крыльцахъ направо у Каіафы или налѣво у Пилата; Христосъ поставленъ сначала передъ Анною, а потомъ передъ зятемъ его, первосвященникомъ Каіафою. Смертная казнь изрекается всѣмъ совѣтомъ въ пол-

номъ составѣ. Послѣ запирательства Петра появляется раскаявшійся Іуда, который приноситъ совѣту свои сребренники и, не достигнувъ освобожденія Христа, бросаетъ ихъ на землю. Увѣнченнаго терніемъ и почти обнаженнаго Христа солдаты сожаютъ на стулъ, кланяются ему, а потомъ сталкиваютъ его на полъ.— Когда Христа увели за утвержденіемъ приговора, въ среднемъ строеніи опять показывается Іуда, надѣваетъ себѣ веревку на шею; занавѣсъ опускается въ тотъ самый моментъ, когда онъ вѣшается.

Замѣчательно хорошо очерченъ Пилатъ. Этотъ проконсулъ до мозга костей римлянинъ, въ глубинѣ души онъ справедливый человѣкъ, но настолько безхарактерный, что всѣ его попытки къ тому, чтобы Христа выгородить, служатъ только къ усиленію поруганія Христа и его мученія. Пилатъ съ презрѣніемъ относится къ евреямъ. Онъ какъ юристъ доискивается состава преступленія и требуетъ доказательствъ.—Вмѣсто доказательствъ онъ слышитъ одни крики и ругательства. Когда ему надоѣла эта безсмысленная орава, онъ хватается за пришедшій ему на умъ предлогъ, чтобы сбыть Христа съ рукъ: «оказывается, что онъ Галилеянинъ, такъ ведите его къ царю Ироду».

Недурно также задуманъ и Иродъ, сластолюбецъ и безбожникъ, но вѣрующій въ чудеса и сгорающій желаніемъ, чтобы Іисусъ, котораго онъ представляетъ себѣ великимъ фокусникомъ, показалъ бы ему какой-нибудь фокусъ, превратилъ бы день въ ночь или посохъ въ змѣю. Раздраженный молчаніемъ Христа (stumm wie ein Fisch) онъ рѣшаетъ отдать его на посмѣяніе и такъ какъ говорили люди, что онъ называлъ себя царемъ іудейскимъ, то облечь его въ багряницу и въ такомъ видѣ отправить его опять къ Пилату.—Передъ проконсуломъ Христосъ предсталъ почти нагой, въ трико, опоясанный холстомъ вокругъ торса, со связанными руками; ручьи крови изображены струящимися изъ ранъ его на головѣ по всему тѣлу. Пилатъ хитритъ съ евреями, желаетъ ограничиться бичеваніемъ, предлагаетъ дать народу на выборъ, кого онъ захочетъ отпустить—Христа или Варавву, наконецъ прибѣгаетъ къ слѣдующей юридической уловкѣ.—Вы не народъ, говоритъ онъ къ старѣйшинамъ, священникамъ и книжникамъ, пускай выскажется народъ, который его превозносилъ. Тогда архіереи распускаютъ во всѣ концы своихъ клевретовъ.—Между тѣмъ происходитъ за сценою бичеваніе, а потомъ на сценѣ же въ главномъ строеніи вбиваніе въ голову терноваго вѣнка и всученіе въ руки Христа тростника вмѣсто скипетра.

Наступаетъ особое явленіе народнаго мятежа (die Empörung), вся труппа лицедѣевъ въ полномъ сборѣ на просценіумѣ: старцы, взрослые, дѣти; бѣснующіеся, разъяренные, точно тигры, съ ревомъ и воемъ домогающіеся преданія Христа на распятіе. Христа выводятъ изъ дома Пилата. Онъ спускается медленно по лѣстницѣ въ накинутой на него и опускающейся до стопъ мантіи, со связанными руками, съ лицомъ обращеннымъ къ народу и зрителямъ.—Еврейскій бунтъ озадачилъ Пилата; онъ омываетъ руки заявляя, что онъ удовлетворяетъ ихъ домогательству, чтобъ избѣгнуть большаго зла (jch habe eurem Drängen nachgegeben um grösseres Uebel zu verhüten). Форма суда соблюдена, писарь читаетъ приговоръ, народъ ликуетъ, что ему выдали Христа. Верхъ художественности представляетъ собою шествіе на Голгоѳу; впереди ѣдетъ сотникъ верхомъ и движутся солдаты, затѣмъ изнемогающій подъ тяжестью креста Христосъ, о которомъ

сожалѣютъ даже его палачи, заставляющіе нести крестъ Симона Киренейскаго. Происходитъ свиданіе Христа съ матерью. Одна изъ женщинъ обтираетъ лицо Христа платкомъ.

Передъ явленіемъ, посвященнымъ распятію, хоръ духовъ-хранителей является въ черныхъ ризахъ. Во время хорового пѣнія за сценой слышенъ стукъ молотковъ. Когда поднимается занавѣсъ, закрывающая главное строеніе, уже два разбойника висятъ прикрѣпленные къ своимъ висѣлицамъ, а Христосъ лежитъ въ горизонтальномъ положеніи на крестѣ который придется водружать. По словамъ исполнявшаго роль Христа Майра пребываніе на крестѣ — самая трудная поза, которая, еслибы продолжалась дольше чѣмъ положено, то кончилась бы тѣмъ, что лицедѣй впалъ бы въ обморокъ. Такъ и случилось разъ съ Майромъ въ 1880 г. Едва онъ произнесъ: Или или лима савахѳани, какъ потерялъ сознаніе и пришелъ въ себя только послѣ того, какъ оказался снятымъ уже съ креста среди Богородицы и женщинъ. Впечатлѣніе на зрителей поднятіемъ и водруженіемъ креста съ Христомъ переходитъ за предѣлы художественнаго; всѣ страдаютъ отъ болѣзненнаго нервнаго раздраженія, отъ преизбыточнаго реализма въ зрѣлищѣ. Изъ прободенныхъ ногъ и рукъ торчатъ подобія гвоздей, потоки крови стекаютъ по членамъ тѣла.—Двадцать минутъ длится распятіе. Изображающій Христа Майръ имѣлъ подъ своимъ трико корсетъ прикрѣпленный къ фиксированному въ крестѣ крюку. Преломленіе голеней у разбойниковъ не производитъ даже и иллюзіи.— Два палача съ пребольшущими палицами въ рукахъ, состоящими изъ кожи начиненной хлопкомъ ударяютъ раза четыре по разбойникамъ и произносятъ: «довольно съ тебя» (Jetzt hast du genug). Прободеніе груди у Христа по распоряженію сотника исполняется такимъ образомъ, что изъ имѣющагося подъ трико пузыря наполненнаго красной жидкостью брыжжетъ подобіе крови. — Великолѣпны снятіе съ креста и погребеніе. На томъ можно было бы покончить представленіе. По религіознымъ соображеніямъ оно было бы однако не полно безъ воскресенія, которое значительно сокращено противъ текста сочиненнаго Дайзенбергеромъ и занимаетъ не болѣе четверти часа. Мы видимъ стражу у Гроба Господня; происходитъ внезапное сіяніе, камень закрывающій Гробъ отваливается. Христосъ появляется въ бѣлой ризѣ и удаляется со сцены, между тѣмъ какъ солдаты разинувъ рты недоумѣваютъ и рѣшаютъ доложить архіереямъ о происшедшемъ. Затѣмъ хоръ поетъ: Христосъ воскресъ и аллилуйа, а въ глубинѣ сцены въ апоѳеозѣ возносится на небо воскресшій Христосъ. По пространному тексту, исполнявшемуся до 1890 г. послѣ женщинъ и ангеловъ, возвѣщающихъ о воскресеніи, прибѣгали испуганные вѣстью Анна, Каіафа и архіереи, ругались со стражею, грозили жалобою Пилату за допущенное похищеніе мертваго тѣла, потомъ подкупали эту стражу, дабы она заявила, что тѣло украдено было учениками.—Послѣ ухода и солдатъ и архіереевъ на опустѣвшій просценіумъ вбѣгаютъ святыя жены и апостолы, въ томъ числѣ Петръ и Іоаннъ. Представленіе должно было заканчиваться богоявленіемъ Христа одной Маріи Магдалинѣ и прощальными обращенными къ ней словами Христа. Представленіе завершается хоровымъ гимномъ аллилуйа безъ мала въ 6 часовъ пополудни.

III.

Невольно ставится вопросъ: какова будущность Оберъ-Аммергауских представленій?—Вопросъ этотъ вызываетъ на размышленія, потому что преобразованія представленій въ 1890 г. коснулись только декоративной ихъ части, то-есть несущественной внѣшности, а будущія реформы должны будутъ коснуться и инструментальной и хоровой и самаго текста, сообразно тому, съ какой точки зрѣнія рѣшаемо будетъ преобразованіе сложнаго цѣлаго? какія цѣли будутъ руководить преобразованіемъ: художественныя или религіозныя?

Допустимъ, что наступитъ увлеченіе только одною стороною дѣла—чисто художественною; что, освободившись отъ всякихъ требованій религіозныхъ и обращаясь свободно съ историческою истиною, преобразованіе поставитъ себѣ единственною задачею наибольшее артистическое наслажденіе, самое сильное и самое глубокое.

Тогда придется все съ корнемъ измѣнить, вмѣсто слабой деревенской музыки Дедлера дать ораторію во вкусѣ Вагнера или нѣчто вокально-инструментальное въ родѣ Вердіевскаго *Requiem*, а можетъ быть устранить и то и другое, потому что сочетаніе разныхъ искусствъ производятъ впечатлѣніе, которое по своей силѣ слабѣе впечатлѣнія отъ одного искусства, доведеннаго до высшей степени совершенства. Итакъ придется отсѣчь ораторію и остаться при одной драмѣ или наоборотъ. Скорѣе придется пожертвовать музыкою и хоромъ. Деревенская музыка не соотвѣтствуетъ нашему утонченному вкусу. Хоръ имѣетъ многое въ его пользу свидѣтельствующее; во время хорового пѣнія успокаиваешься и отдыхаешь послѣ сильныхъ драматическихъ ощущеній. Гораздо легче придется пожертвовать праздными, устарѣвшими и терпимыми только по преданію живыми картинами. Онѣ произведенія богословской схоластики.

Допустимъ, что живыя картины упразднены, что музыкальный и хоровый элементы либо устранены, либо превращены въ простыя рамки для драмы? По законамъ свободнаго художественнаго творчества драма эта будетъ безпрестанно до неузнаваемости измѣняема по вкусу вѣка. Прежде всего будетъ выкинутъ изъ драмы сверхъестественный элементъ, безъ котораго не можетъ обойтись религіозное зрѣлище. Затѣмъ, вслѣдствіе того, что искусство заимствуетъ и изъ природы и изъ исторіи только нѣкоторые факты, которые потомъ произвольно усиливаются или сочетаются и что всякое подобное новшество колеблетъ представленія утвердившіяся и передаваемыя по преданію, перемѣны будутъ вызывать оппозицію даже въ слояхъ общества самыхъ интеллигентныхъ и самыхъ скептическихъ. Новатору говорятъ: печатайте, что угодно, печатаемое сойдетъ, но не ставьте на сцену, тамъ всегда верхъ берутъ религіозныя требованія народной массы. Въ Оберъ-Аммергау эти требованія стоятъ на первомъ планѣ. Мѣстное искусство насквозь мужицкое и держится только потому, что оно благочестиво. Превратите мистерію въ театръ и въ Оберъ-Аммергау никого больше не пойдетъ.

Перейдемъ на религіозную почву, на поклоненіе посредствомъ искусства извѣстной до скончанія вѣка установленной святынѣ, извѣстному религіозному идеалу, считаемому неподвижнымъ. Строго религіозная точка зрѣнія на искус-

ство можетъ быть только отрицательная. Искусство, какъ способъ передачи религіозныхъ идей, есть примѣсь языческая. Собственно религіозное искусство есть ересь, есть сознательное отступленіе отъ хрустальной чистоты и безцвѣтности вѣры у самаго ея источника, но разъ оно существуетъ и дѣйствуетъ благотворно, то надобно его лелѣять, относясь къ нему, впрочемъ, консервативно, какъ относимся мы къ складнямъ какого-нибудь Мемлинга, къ прэрафаэлитамъ, къ самому Рафаэлю. «Страсти Господни» въ Оберъ-Аммергау и суть такіе складни съ мощами, которые выставляются на показъ публикѣ каждые 10 лѣтъ. «Держитесь старины, ничего не измѣняйте»,—сказалъ послѣ представленій 1871 г. Оберъ-Аммергауцамъ Людвигъ II въ Линдергофѣ. Такой же совѣтъ могли бы и мы предложить. Представленія въ Оберъ-Аммергау—палеонтологическій остатокъ вѣковъ минувшихъ, поражающій современныя поколѣнія тѣмъ, что онъ произведеніе религіознаго искусства не наивнаго, но происходящаго изъ такой эпохи, когда вѣра была сильнѣе, остатокъ твердо хранимый въ рукахъ консервативнаго мужичья безподобно приспособленнаго къ такому храненію, вслѣдствіе своей профессіонально художественной подготовки.

С.-Петербургъ,
28-го января 1896 г.

В. Спасовичъ

Киликійскій видъ.

Ахтамарскій монастырь на о. Ванѣ.

Ахтамаръ.

Народная легенда.

(съ армянскаго).

Каждой ночью къ водамъ Вана [1])
Кто-то съ берега идетъ
И безъ лодки средь тумана
Смѣло къ острову плыветъ;
Онъ могучими плечами
Разсѣкаетъ лоно водъ,
Привлекаемый лучами,
Что маякъ далекій шлетъ.
Вкругъ потокъ, шипя, крутится,
За пловцомъ бѣжитъ во слѣдъ,
Но безстрашный не боится
Ни опасностей, ни бѣдъ.
Что ему угрозы ночи,
Пѣна, волны, вѣтеръ, мракъ?
Точно любящія очи,
Передъ нимъ горитъ маякъ.

[1]) Т.-е. Ванскаго озера. Посреди этого озера находится островъ «Ахтамаръ» съ монастыремъ того же имени. (См. рисунокъ.)

Каждой ночью искры свѣта
Манятъ лаской тайныхъ чаръ;
Каждой ночью, тьмой одѣта,
Ждетъ его къ себѣ Тамаръ [1]).
И могучими плечами
Бороздитъ онъ лоно водъ,
Привлекаемый лучами,
Что маякъ далекій шлетъ.
Онъ плыветъ на-встрѣчу счастью,
Смѣло борется съ волной
А Тамаръ, объята страстью,
Ждетъ его во тьмѣ ночной.
Не напрасны ожиданья...
Ближе, ближе... вотъ и онъ!
Мигъ блаженства! Мигъ свиданья,
Сладкихъ таинствъ райскій сонъ!
Тихо. Только волны плещутъ,
Только полны чистыхъ чаръ,
Звѣзды ропщутъ и трепещутъ
За безстыдную Тамаръ.
И опять къ пучинамъ Вана
Кто-то съ берега идетъ
И безъ лодки средь тумана
Вдаль отъ острова плыветъ.
И со страхомъ остается
Надъ водой Тамаръ одна,
Смотритъ, слушаетъ, какъ бьется
Разъяренная волна.
Завтра — снова ожиданья,
Такъ же искрится маякъ,
Тотъ же чудный мигъ свиданья,
Тѣ же ласки, тотъ же мракъ.
Но развѣдалъ врагъ жестокій
Тайну любящихъ сердецъ:
Былъ погашенъ свѣтъ далекій,
Тьмой застигнутъ былъ пловецъ.
Растоптали люди злые
Ярко блещущій костеръ,
Небеса молчатъ ночныя,
Тщетно свѣта ищетъ взоръ.
Не заискрится, какъ прежде,
Маяка привѣтъ родной, —
И въ обманчивой надеждѣ
Бьется, бьется онъ съ волной.

[1]) «Тамаръ» — армянская форма женскаго имени Тамара.

Вѣтеръ шепчетъ непонятно,
Надъ водой клубится паръ,
И вздыхаетъ еле внятно
Слабый возгласъ: «Ахъ, Тамаръ!»
Звуки плача, звуки смѣха...
Волны ластятся къ скалѣ,
И, какъ гаснущее эхо,
«Ахъ, Тамаръ!» звучитъ во мглѣ.
На разсвѣтѣ встали волны
И примчали блѣдный трупъ,
И застылъ упрекъ безмолвный
«Ахъ, Тамаръ!» средь мертвыхъ губъ.
Съ той поры минули годы.
Островъ полонъ прежнихъ чаръ,
Мрачно смотритъ онъ на воды
И зовется «Ахтамаръ».

К. Бальмонтъ.

Армянская красавица.

Аджинъ (Киликія).

Весною.

(Изъ дорожныхъ воспоминаній).

— Тоэто! (постой!)—раздался сзади отчаянный крикъ нашего спутника, стараго казака Николая. Караванъ остановился.

— Что такое? — спросилъ, полуобернувшись въ сѣдлѣ, проводникъ, Якутъ Кумулякъ.

— Конь съ камня сорвался, — пояснялъ Николай: — скорѣе, огонёръ (старина).

Якутъ медленно слѣзъ, надвинулъ ниже на уши шапочку, сшитую изъ шкурокъ гагаръ, затѣмъ, проваливаясь по поясъ въ рыхлый снѣгъ, лежавшій всюду въ горныхъ трещинахъ, пошелъ на выручку къ Николаю, конь котораго по брюхо загрузъ въ снѣгъ. Мы были верстахъ въ пятистахъ сѣвернѣе Верхоянска, въ горахъ Тасъ-Хаята, являющихся едва ли не наиболѣе дикою частью всей Якутской области. Вотъ уже много дней, какъ мы оставили «городъ», и теперь весенняя распутица грозила насъ совершенно отрѣзать отъ людей, тогда именно, когда они намъ были особенно надобны. Наши запасы, которые мы три мѣсяца тому назадъ вывезли изъ Якутска, — всѣ истощились. До ближайшаго жилья было много дней пути; весь порохъ вышелъ до зерна; на придачу, верховые кони, которыхъ мы не мѣняли около мѣсяца, выбились совершенно изъ силъ на этой адской горной «дорогѣ», если только этотъ терминъ можетъ быть употребленъ. Въ этихъ далекихъ краяхъ еще не дошли до ковки коней. Острые камни искалѣчили совершенно ноги у половины нашихъ вьючныхъ коней. Каждый разъ, когда они ступали, оставался слабый кровавый слѣдъ. Мы вынуждены были подвигаться лишь маленькими переходами въ 15—20 верстъ ежедневно, устраивая частыя дневки, и это тогда, когда каждый часъ былъ дорогъ. Кругомъ насъ тѣснымъ кольцомъ охватили гольцы. Каждый разъ приходилось слѣзать съ коней, чтобы взвести ихъ на косогоръ или чтобы спуститься по головоломному скату. Чуть ли не каждые десять шаговъ лошади провалива-

лись въ трещины, засыпанныя рыхлымъ снѣгомъ. Тогда приходилось разгружать коня и вытаскивать его соединенными силами. На это уходило около получаса, а черезъ десять минутъ опять приходилось разгружать только-что навьюченнаго коня.

Скоро изъ невозможной дорога стала адской. Нужно представить себѣ исполинскую стѣну, которая вслѣдствіе какихъ-то причинъ частью разсыпалась и покрыла скатъ сотнями тысячъ саженныхъ каменныхъ глыбъ; изъ нихъ одна легла ребромъ, другія торчатъ иглами; тѣ сблизились основаніями и выставили свои острыя вершины или образовали исполинскую лѣстницу съ полутора-аршинными, острыми и кривыми ступеньками, а далѣе — глубокая расщелина, на днѣ которой бурлитъ потокъ, только-что вырвавшійся изъ ледяного панцыря. По камнямъ и между ними клубятся, кружатся, падаютъ каскадами безчисленные горные ручьи, которые пугаютъ коней своимъ несмолкаемымъ шумомъ. Все это заросло кустами тальника и арника. На вершинѣ стѣны грозно наклонились каменныя глыбы, которыя, кажется, вотъ вотъ обрушатся. Мы подвигались впередъ шагъ за шагомъ, всползая на острыя ребра камней на четверенькахъ, цѣпляясь за кустарники, которые больно хлестали по лицу. Мы прыгали съ камня на камень, безпрерывно скользили, рискуя упасть и при паденіи свернуть себѣ шею. Коней приходилось большею частью вести въ поводу. Медлить нельзя было, потому что сзади набѣгаетъ конь, который можетъ толкнуть мордой въ спину и тогда не удержаться, конечно, на скользкомъ карнизѣ. Голодъ и усталость сдѣлали другого нашего попутчика, молодаго казака Ѳому, крайне нервнымъ и раздражительнымъ. Онъ то принимался ругать старика Николая, то накидывался на проводника Кумуляха, флегматически выслушивавшаго такія ругательства среди которыхъ не послѣднее мѣсто занимала самая обидная якутская брань: «ханъ-ветъ-харанъ», т.-е. «кровь черной собаки».

Ночей уже не было. Наступилъ безконечный

«Polar day, which will not see
A sanset till its summer's gone».

Цѣлый день съ громкимъ клепотаніемъ летали парами гуси и спускались на болотѣ возлѣ гольцовъ. Оттуда доносилось верещаніе куличковъ и воробьевъ. Въ лѣсу жарко работалъ дѣятель. Часовъ въ шесть «вечера» мы спустились въ котловину и поѣхали льдомъ по озеру, которое занимало ее всю. Ледъ раскисъ и при каждомъ шагѣ издавалъ глухой трескъ. Наледи у береговъ заставляютъ держаться середины озера. Въ иныхъ мѣстахъ конь до колѣнъ уходилъ въ жидкую ледяную кашу, слегка подмерзшую на поверхности. Но вотъ ледъ принимаетъ все болѣе и болѣе обозначенный зеленый цвѣтъ, признакъ, что онъ размытъ водою. Мы ѣдемъ ледянымъ карнизомъ, становящимся все уже да уже. У самаго берега на льду также кое-гдѣ появились проталины, тамъ зеленѣетъ вода и видно, что берегъ уходитъ отвѣсной стѣной,— значитъ, глубина очень значительная. Наледь разливается все шире и шире, а карнизъ становится уже. Вода иногда отрываетъ отъ него куски льда и съ ревомъ уноситъ ихъ съ собою. Наконецъ, карнизъ сталъ такъ узокъ, что едва достаточенъ для проѣзда одной лошади. Кони фыркаютъ, осторожно ступаютъ и проваливаются выше колѣна въ кашицеобразный ледъ. Я не могу не полюбоваться на беззаботную отвагу Кумуляха. Еслибъ подломился

ледъ, ему первому пришлось бы принять купанье, а подъ нимъ еще, кромѣ того, конь былъ тяжело нагруженъ. Наконецъ, передняя лошадь остановилась, разставила ноги и, несмотря на понуканія проводника, не шла впередъ.

Якутъ слѣзъ, добрался до берега, срѣзалъ талину и ткнулъ ею въ зеленую, полужидкую поверхность, на которую предстояло ступить коню. Хворостину вырвало изъ рукъ ямщика и скоро она показалась на поверхности наледи. Дальше, значитъ, двигаться было некуда, потому что вода промыла совершенно ледъ. Приходилось возвращаться назадъ. Съ большимъ трудомъ повернулись мы на узкомъ карнизѣ, поплелись обратно, сдѣлали версты три вдоль берега, выбрали мѣсто, гдѣ былъ натекъ на откосъ и, ведя коней въ поводу, по крутому склону выкарабкались на хребетъ. Внизу, съ другой стороны, предъ нами была глубокая долина, по дну которой разлилась черная рѣчка Салиняхъ, на половину освободившаяся уже отъ льда.

— Заночевать надо,— категорически заявилъ Кумуляхъ. Дѣйствительно, переходъ до такой степени измучилъ коней, что дальше они въ тотъ день не могли бы сдѣлать и версты. Вьюки уложены были на мохъ, а лошадей отпустили пощипать прошлогоднюю желтую траву; но якутскій конь неприхотливъ и даже зимой довольствуется подножнымъ кормомъ, который выбиваетъ изъ подъ снѣга. Мы разложили огромный костеръ тамъ, гдѣ высокій камень защищалъ отъ холоднаго вѣтра, и расположились вокругъ на оленьихъ шкурахъ; но варить, кромѣ кирпичнаго чаю, было нечего. Всѣ наши запасы истощились совершенно. Ѳома и Николай сидѣли мрачнѣе ночи. Молодой казакъ, повидимому, особенно стосковался по сытному обѣду.

Впрочемъ и намъ съ товарищемъ, несмотря на рѣшеніе быть философами, голодъ давалъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе. Мы предприняли экскурсію съ цѣлью отыскать утиныя яйца; но она окончилась полною неудачей. Мы рыскали по болоту, прыгали съ кочки на кочку, обрывались безпрерывно въ ржавую холодную воду и возвратились, наконецъ, къ костру вымокшіе по горло и еще болѣе голодные, чѣмъ прежде. А между тѣмъ надъ нашими головами, часто махая крыльями, пролетали поминутно красноногіе жирные турпаны, пронзительно завывали въ тальникахъ гагары да крякали мардушки и шилохвостки, а на лужицахъ, кокетливо помахивая головками, щебетала цѣлая стая плавунчиковъ.

Пробовали мы было заняться рыбною ловлей. Отпустили на кострѣ иглу и загнули ее крючкомъ, надергали волосъ изъ хвостовъ у коней и навязали лесы; но такъ какъ наживлять удочки мы могли лишь кускомъ краснаго товара, то разсчитывать могли лишь на какую-нибудь особенно глупую и особенно жадную рыбину. Увы! на наше горе во всемъ солончакѣ не оказалось такой. Тогда вокругъ костра собрался военный совѣтъ. Что дѣлать? До жителей еще не менѣе двѣнадцати дней ѣзды, между тѣмъ завтра мы, вѣроятно, уже не въ состояніи будемъ двинуться дальше: не будетъ силъ подняться на сѣдло.

— Не утица я, не могу гороху ѣсть! рѣзко замѣтилъ Ѳома:—у меня отъ него брюхо пучитъ, а сытности въ немъ никакой.—Дѣйствительно, послѣдніе три дня мы, въ нѣкоторомъ родѣ, напоминали древнихъ отшельниковъ, въ пищѣ, по крайней мѣрѣ. Мы вспомнили, что съ нами было фунтовъ пять гороху и кормились имъ, отваривая его въ водѣ.

— Убить коня надо, — отрѣзалъ категорически и авторитетно старикъ Николай.—Всегда коней бьемъ, коли ѣсть нечего.

Намъ жалко было до слезъ нашихъ вѣрныхъ спутниковъ, которые такъ добросовѣстно, не жалѣя живота, служили намъ до сихъ поръ. Въ силу этого, мы предложили обождать хоть до завтрашняго дня, но Николай и проводникъ Кумуляхъ совершенно резонно замѣтили, что намъ помощи не было до сихъ поръ, то нѣтъ никакого основанія ждать ее завтра. Единственно на кого можно было разсчитывать, такъ это на купеческіе караваны; но всѣ они обязательно должны были стоять теперь за много сотенъ верстъ, за хребтами, на томъ берегу Индигирки, дожидаясь, когда пройдетъ ледъ. Участь коня была рѣшена. Выбрали наиболѣе сытаго, хотя это было довольно мудрено, такъ какъ отъ всѣхъ коней остались лишь кости да кожа, вслѣдствіе тяжелыхъ переходовъ. Намѣченную жертву крѣпко прикрутили ремнемъ къ сломанному дереву. Ѳома взялъ въ руки огромный топоръ, заложилъ его за спину и сталъ осторожно подходить къ коню. Бѣдное животное! Очевидно, оно предчувствовало, что нѣчто страшное угрожало ему, вздрагивало всѣмъ тѣломъ и косилось на Ѳому. Я закрылъ глаза. Вотъ раздался глухой ударъ, и хрустнуло что то. То Ѳома изо всѣхъ силъ ударилъ обухомъ по лбу... Теперь, черезъ много лѣтъ, когда я вспоминаю эту сцену, у меня пробѣгаетъ дрожь и я рѣшительно не понимаю, какъ мы могли тогда ѣсть этого коня; но тогда... тогда мы были голодны. Конь въ предсмертной судорогѣ сводилъ и разводилъ ноги. Изъ перерѣзанной сонной артеріи со свистомъ вырвалась струя крови. Кумуляхъ собиралъ ее заботливо въ *сымиръ*, въ мѣшокъ, сдѣланный изъ тюленьяго пузыря. Ѳома, весь выпачканный кровью, надрѣзалъ шкуру на животѣ и кулаками свѣжевалъ тушу. Скоро она лежала, какъ на скатерти, на окровавленной кожѣ. Проводники, Ѳома и Николай, какъ волки, набросились на дымящееся и вздрагивавшее тѣло.

— Ишь, *огонеръ* (старикъ) пришелъ какъ на положенное, — замѣтилъ Ѳома,—указывая на Николая, который исчезъ, когда нужно было убивать коня, а теперь отхватилъ кусокъ фунтовъ въ пять.

— Мясо грудно. Одинъ не съѣшь, — наставительно отвѣтилъ старикъ. Черезъ минуту вокругъ костра на палочкахъ всюду торчали огромные куски мяса. Никто не дожидался, пока оно испечется, а ѣли сырымъ, слегка лишь распареннымъ. Мнѣ припомнились страшныя сцены на плотѣ послѣ караблекрушенія *Медузы*. У Кумуляха и у Ѳомы губы были выпачканы кровью, какъ у вампировъ. У Николая кровь была на усахъ, бородѣ и даже на бровяхъ.

До поздней ночи ѣли всѣ. Пріѣдятъ мясо на рашпирѣ, примутся за печеное на угляхъ, а тамъ подоспѣла требушина, сварення въ котлѣ. Уже заалѣли на востокѣ верхушки гольцевъ; уже гдѣ-то заклекоталъ проснувшійся горный кречетъ; ужъ мягко махая крыльями прилетѣла на ночлегъ фантастически красивая болотная сова, когда закончилось пиршество канибаловъ, какъ назвалъ его товарищъ. Казаки завернулись въ заячьи одѣяла и заснули. Вскорѣ, однако, Николай завозился, поднялся и сталъ копошиться около кониной туши.

— Ты чего, огонеръ?—сонно спросилъ Ѳома.

— Спи, спи, парень!—Языка конскаго попробовать хочется. Не знаю, вкусъ какой въ немъ.

— Ишь ты, пузо у тебя, что твои переметы: все упрешь!—протянулъ молодой казакъ, повалился и захрапѣлъ. Глаза у старика обладали, однако, большею вмѣстимостью, чѣмъ его желудокъ. Языкъ онъ сварилъ, но съѣлъ отъ него лишь кусокъ, завернулъ остальное въ тряпку и сунулъ въ свои переметы, которыя служили ему подушкой. Черезъ нѣсколько минутъ заснулъ и Николай. Насъ съ товарищемъ не бралъ сонъ. Мы мирно бесѣдовали у костра. Съ угора, гдѣ мы сидѣли, видна была вся долина, залитая полусвѣтомъ полярной весенней ночи. Внизу щипали прошлогоднюю траву кони, а возлѣ нихъ лежали снятыя высокія сѣдла, *ханка*, т.-е. сѣдла, приспособленныя для вьюковъ, да мѣшки, въ которыхъ мы три мѣсяца тому назадъ вывезли изъ Якутска запасы въ дорогу: хлѣбъ и мороженое мясо. Мы съ товарищемъ переглянулись. У обоихъ насъ одновременно мелькнула одна и та же мысль: если въ мѣшкахъ прежде былъ хлѣбъ, значитъ, теперь въ нихъ должны быть крошки». Какъ это мы раньше не вспомнили о такомъ важномъ обстоятельствѣ? Мы забрали котелокъ и отправились подъ гору, къ мѣшкамъ. Какое счастье! Наше предположеніе оказалось совершенно вѣрнымъ. Мы набрали около полукотелка крошекъ. Правда, онѣ были перемѣшаны съ кусочками сырого мяса, съ какими то палочками и другимъ соромъ, но все же это были настоящія крошки, т.-е. почти хлѣбъ, котораго мы не видали уже полтора мѣсяца. Мы осторожно понесли котелокъ обратно къ костру. Но, о горе!—по дорогѣ пришлось перейти въ бродъ черезъ маленькій ручей. Товарищъ поскользнулся, котелокъ летитъ на землю и все содержаніе его очутилось на пескѣ. У товарища былъ такой растерянный видъ, какъ будто онъ потерялъ ввѣренное ему великое сокровище, которому и цѣны не было. Тщательно собрали мы крошки. Къ мясу, щепочкамъ и сору прибавился еще новый ингредіентъ — песокъ. Мы подбросили вѣтокъ къ костру, вскипятили чайникъ, подозвали Кумуляха, который только-что поднялся и гомозился возлѣ вьюковъ, и стали благодушествовать.

Ранніе лучи скользнули по бронзовымъ вершинамъ гольцевъ и заглянули въ долину. Гдѣ-то высоко прокричала робко и неувѣренно кукушка. Суровая природа медленно оживала послѣ долгой зимы. Конецъ мая, а между тѣмъ какъ холодно и неприглядно кругомъ. И мнѣ вспомнилась другая весна, которую я два года тому назадъ встрѣчалъ на югѣ, на берегу моря. Предо мною сразу вырисовались картины. По откосу хребта змѣится дорога; вдоль нея шнуромъ, какъ солдаты въ шеренгѣ, вытянулись деревья. И кажется, что они гуськомъ взобрались по дорогѣ, чтобы посмотрѣть на море, чтобы полюбоваться то бронзовыми, то зелеными, то синими полосами, пробѣгающими по его чешуйчатой отъ вѣтерка поверхности. Деревья взобрались на гребень косогора, затѣмъ спустились до самой воды. И кажется, что они хотятъ послушать, о чемъ шепчутъ волны, разбѣгающіяся по песку. Кажется, что для этого именно подступили они къ самой водѣ, къ тому мѣсту, гдѣ неровной бѣлой линіей лежитъ пѣна, оставшаяся послѣ того, какъ песокъ жадно всосалъ воду, принесшую пѣну. Вотъ раздался нестройный, пронзительный гамъ, какъ будто затявкали разомъ сотни щенятъ. Надъ моремъ пронеслась стая чаекъ. Онѣ задѣваютъ тѣнистые хребты волнъ ослѣпительно сверкающими на солнцѣ крыльями. Далеко, далеко тамъ, гдѣ на горизонтѣ море вырисовывается темной полосой,—

мелькнуло судно. Мачты его кажутся тонкими, какъ паутина. Какъ тамъ все полно жизнью, такъ здѣсь, сравнительно, природа мертва! Мы притихли у костра, стараясь опредѣлить, какая это пичуга жалобно плачетъ, какъ обиженный ребенокъ, высоко, высоко, на самомъ хребтѣ гольца! Вдали цѣпь горъ, сковавшихъ горизонтъ, загорѣлась алымъ пламенемъ. Солнца все еще не было видно; но багровые снопы свѣта показывали, гдѣ именно оно находится за гольцами. Кумуляхъ сидѣлъ на корточкахъ у самаго огнища, обнявъ крѣпко руками колѣни, такъ что подбородокъ ушелъ почти совсѣмъ въ изорванные, вытертые наколѣнники изъ камусовъ лося.

— Посмотрите, вотъ чудо!—сказалъ товарищъ. Тамъ, гдѣ снѣгъ протаялъ и виднѣлся прошлогодній *сардечесъ* (высокая трава), среди пожелтѣвшихъ, колѣнчатыхъ стеблей,—мой товарищъ сорвалъ цвѣтокъ. Не листья, а длинный и мягкій пушокъ покрывалъ его короткій стебель. Лепестки были необыкновенно красивы. Казалось, что смѣющееся, счастливое личико выглядываетъ изъ пушистой мѣховой пухлянки.

Мы съ товарищемъ подъискивали наиболѣе подходящій образъ. Кумуляхъ поднялъ на насъ свои слезящіеся глаза. — Это — санаргабынъ, по нашему, на языкѣ сахаларъ,—сказалъ онъ.

— Санархабынъ? — переспросили мы. — Насъ удивило названіе, означающее—«печаль».

— О да, — продолжалъ Кумуляхъ. — Санаргабынъ обозначаетъ, что было когда-то людямъ великое горе, чуть не пропали даже всѣ.

Мы попросили старика разсказать намъ про странный цвѣтокъ, который, очевидно, былъ первымъ провозвѣстникомъ полярной весны.

— Давно, давно это было, — началъ монотонно, на-распѣвъ Кумуляхъ, какъ обыкновенно разсказываютъ якуты свои олонхо (былины).—Великій духъ Аи-Тоенъ-Тангара только-что вылѣпилъ изъ глины орто-дайбы землю и поселилъ на ней людей. Озлился злой и сильный царь Арсынъ Долай, что живетъ въ «нижнемъ» свѣтѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ дня, а вѣчная темная ночь; гдѣ нѣтъ лѣта, а постоянно воетъ юго-западный вѣтеръ, гдѣ свѣтитъ лишь мѣсяцъ на ущербѣ. Наслалъ онъ на землю лютый холодъ. Славному батырю Кюнь-Тоену солнцу холодно стало выходить на небо, и спрятался онъ въ своей высокой красивой юртѣ изъ серебряныхъ лиственницъ. Наступила тьма.

Не могли болѣе ковать своихъ серебрянныхъ чашъ семь старцевъ, что вы, русскіе, зовете созвѣздіемъ сохатаго (большая медвѣдица), потому морозный морозъ закрылъ звѣзды, горны старцевъ. Даже куропатки не выбѣгали плясать и пляхкать вокругъ тальниковыхъ кустовъ. Какъ стая голодныхъ медвѣдей-шатуновъ, ревѣлъ злой вѣтеръ солонникъ, отъ кого не спрячетъ и не укроетъ никакая пухлянка. И къ вою вѣтра прибавился скоро еще болѣе страшный крикъ. То скакали, высунувъ до земли окровавленные языки, красношерстыя собаки, на которыхъ разъѣзжаетъ по улусамъ старуха и прижигаетъ огнемъ всѣхъ встрѣчныхъ. Лыди забились по юртамъ вокругъ чуваловъ. Никто не смѣлъ показаться даже изъ дверей. Скоро стали гаснуть огни. Смерть приходила къ людямъ.

И видитъ Ансытъ-Хатынымъ, Соболѣзнующая Создательница, что гибнетъ «кость ея сердца»—люди, накинула на плечи богатую соболью доху, надвинула

на лобъ высокую рогатую рысью шапку съ краснымъ суконнымъ верхомъ и явилась къ хозяину «верхняго» мѣста, къ Юрюнгъ-Таену. Онъ возсѣдалъ на сверкающемъ бѣломъ престолѣ не створаживающагося никогда молочнаго озера, по которому ходятъ серебряныя волны. Когда же приходитъ мѣсяцъ заморозковъ и на озерѣ выплываетъ шуга, то онъ изъ чистаго золота.

И взошла Ансытъ-Хатынъ на три каменныя ступени, что ведутъ къ престолу, и сказала:

— О, Юрюнгъ Аи Таенъ, великій хозяинъ! Ты сидишь на пупѣ восьмигранной вселенной, твои быки краше солнца, твои коровы—круглѣе мѣсяца. Въ твоей юртѣ серебряный столъ — гладокъ и блестящъ, подобно первому льду только-что ставшаго озера. Столбы, поддерживающіе твою юрту, похожи на страстныхъ дѣвушекъ, а шестокъ чувана — на жеребца по девятой травѣ. Погляди же, что дѣлаютъ на среднемъ мѣстѣ твои бѣдныя дѣти сахаларъ (якуты). Заступись за нихъ. Дай имъ тепло. Сдѣлай такъ, чтобы былъ у нихъ всегда говорливый огонь. Пусть онъ въ ихъ юртахъ всегда имѣетъ вдоволь сухостоя.

И каждую весну, когда соберутся люди на праздникъ кумыса, — шаманы тебѣ станутъ дѣлать лучшее возліяніе весыэхъ, чѣмъ кому-либо другому изъ небожителей.

Сердито заворчалъ Юрюнгъ Таенъ и сердито оттолкнулъ отъ себя Ансытъ-Хатынъ. Упала Соболѣзнующая мать-создательница, распахнулась богатая собачья доха и спустились съ колѣнъ мохнатые волчьи наколѣнники.

— Какое мнѣ дѣло до людей?—сказалъ Юрюнгъ Таенъ.—Пусть они погибаютъ. Пусть вымрутъ до послѣдняго. У нихъ вѣдь свой собственный рокъ. Когда я отпускалъ ихъ на землю, я не сказалъ имъ: «приходите назадъ!» Если люди могутъ плодиться,—пусть плодятся. Если они не могутъ жить, — пусть околѣваютъ. Мнѣ что до нихъ. Ступай!—Пошла Ансытъ-Хатынъ и заплакала. И падали слезы ея, какъ цвѣтные корольки. Не больно ей, что обидѣли ее, а жалко, что погибнутъ люди. Вдругъ утерла слезы мать создательница и засмѣялась. Засвѣтилось ея лицо, какъ угоръ послѣ дождя, когда пройдетъ по немъ солнце. Увидала она, что собирается выйти на небо Юргюкъ-Удаганъ, дочь солнца, что хочетъ намотать на серебряный колъ свои восьмисаженныя алыя косы, хочетъ расчесать ихъ золотымъ гребнемъ. Вонъ, глядите,—обратился къ намъ Кумуляхъ,—она и теперь вышла чесать косы.

Старикъ указалъ на востокъ, гдѣ изъ-за вершинъ гольцовъ брызнули по небу огромные столбы алаго свѣта.

— Глаза у Юргюкъ-Удаганъ черны, какъ бальзатъ, брови ея, какъ два соболя, что лежатъ одинъ возлѣ другого и обнимаются лапами, — продолжалъ Кумуляхъ.

— Не брезгай землей и людьми, красавица Юргюкъ-Удаганъ, — кротко сказала мать создательница. Смотри, люди пропадаютъ. Спаси ихъ. Развѣ будутъ твои косы токъ же сверкать, если на землѣ не останется ни одного саха (якута), кто любовался бы ими? Не потемнѣешь ли ты отъ горя тогда, какъ та «дѣвушка съ талиной», подруга мѣсяца, тоскующая на землѣ? [1]) И молча под-

[1]) Якуты говорятъ, что пятна на лунѣ это — дѣвушка, которую взялъ мѣсяцъ съ земли.

нялась Юргюкъ-Удаганъ съ восьминогаго мѣднаго стула, мягко улыбнулась и пошла на западъ. А распущенныя алыя косы потянулись сверкающимъ хвостомъ за ней, какъ тѣ страшныя чудныя звѣзды, что появляются иногда на небѣ и сулятъ землѣ или великую радость, или великое несчастье. Вотъ спустилась Юргюкъ-Удаганъ на «запутанное небо», гдѣ раждаются облака. Здѣсь у окна юрты часто сидитъ злой духъ и швыряетъ на землю камни. Люди говорятъ тогда, что громъ гремитъ. Съ «запутаннаго неба» Юргюкъ-Удаганъ спустилась ниже. Поджавъ ноги, сидѣлъ здѣсь на огромной бѣлой кобыльей шкурѣ страшный злой духъ Тимиръ-Садалбы. Лицо его въ морщинахъ. Ты видѣлъ, сколько пузырей появляются на лунѣ во время дождя? Еще больше желваковъ на лицѣ злаго духа. Голова у него плѣшива, какъ внутренность нелуженаго мѣднаго котла. Отдѣльные зубы торчатъ изъ широкаго хайла, какъ пни въ вырубленномъ лѣсу. Въ одной рукѣ Тимиръ-Садалбы держалъ четерехъугольный бубенъ, обтянутый высушенной кожей пѣгаго жеребца, а въ другой — осмоленную «ворчливую» колотушку. Гулко и рѣзко звучали удары. И подъ ладъ имъ корчились и выли на землѣ женщины, одержимыя той болѣзнью, которую мы, якуты, называемъ минерикъ [1]).

— Куда идешь, Юргюкъ-Удаганъ? — спросилъ Тимиръ-Садалбы.—Остановись. Далѣе холодно, далѣе мученія.

Но улыбнулась только дѣвушка и пошла дальше. И замерла на время рука Тимиръ-Садалбы, и долго слѣдилъ онъ за свѣтомъ, что остался отъ косъ Юргюкъ-Удаганъ.

Вотъ стала достигать она уже той «незыблемой бездны», о глубинѣ которой еще на разсуждали, ширину которой еще не измѣрили. Тутъ начинается рѣка. Перевозъ черезъ нее держитъ старикъ Бергенъ. Еще издали послышался страшный свистъ, подобный вою вѣтра въ гольцахъ. Огромныя лиственицы гнулись до земли и щепались на тонкія лучинки. То эрапклъ Бергенъ.

— Куда идешь ты Юргюкъ-Удаганъ? — спросилъ проснувшійся перевозчикъ.—Или ты хочешь видѣть смерть?

Но дѣвушка только улыбнулась, и послушно вытащилъ Бергенъ свой карбасъ, сшитый тальниковой вицей. Какъ труденъ былъ переѣздъ въ «нижній міръ»! Два дня сначала плыли по огненной рѣкѣ. Съ воемъ клокотали волны вокругъ. Потомъ прошли волокъ въ полтора кіось (15 верстъ). Здѣсь копошилось стадо гадовъ, что ногѣ ступить негдѣ было. А тамъ пошло огромное «море плѣсени» да еще кровавая рѣка. Небо стало сѣро, «какъ рыбья щерба». Всюду на кочкахъ сидѣли огромныя лягушки, величиной съ трехгодовалыхъ бычковъ. Присталъ карбасъ къ берегу. Высадилъ Бергенъ дѣвушку и поплылъ обратно. Пошла Юргюкъ-Удаганъ все далѣе на западъ. Вотъ мимо съ воемъ пробѣжалъ звѣрь Мякь-Тугай, съ тремя ногами на пупѣ; тихо и неслышно проплыли *кюлюхъ* (тѣни). Онѣ вели провинившагося дьявола, чтобы запереть его въ желѣзный лабазъ. Всѣ оглядывались на Юргюкъ-Ураганъ и все гадали, какъ и зачѣмъ она могла попасть сюда. Пробовали ей «три тѣни обманщика» заступить дорогу; но дѣвушка только улыбнулась, и пропустили онѣ дочь солнца, и

---

1) Родъ кликушества, которымъ почти поголовно страдаютъ якутки.

долго слѣдили за алыми косами, что сверкали на небѣ, гдѣ никогда не показывается солнце. Вотъ изъ мрака донеслось пѣніе дьявола. Кумуляхъ завылъ хриплымъ, царапающимъ голосомъ, подражая пѣнію.

— Называюсь я—одноногій Судорба-батырь. Нѣтъ никого краше, умнѣе и храбрѣе меня. Вынырнулъ изъ тьмы дьяволъ. Онъ ѣхалъ верхомъ на пестромъ быкѣ. Единственный рогъ у скотины выросъ изъ середины лба. Единственный глазъ быка сверкалъ, какъ вечерняя звѣзда Чалбонъ. И у дьявола былъ лишь одинъ глазъ, такой же мутный и тусклый, какъ грязный кусокъ льда. Зубы походили на долбешки, выкованныя плохимъ кузнецомъ. Волосы взъерошились, какъ тальникъ на берегу рѣки во время водополья. Увидѣлъ дьяволъ дѣвушку, сталъ колотить пьятой своей единственной желѣзной ноги въ бокъ быка и погналъ его изо всѣхъ силъ. Хотѣлъ дьяволъ первымъ донести «господину восьми дьявольскихъ улусовъ», страшному Арсынъ-Долаю, что пришли чужіе.

И страшный Арсынъ-Долай раскрылъ свой широкій ротъ на темени, созвалъ всѣхъ, подвластныхъ ему *ёровъ*, что, вселившись въ тѣло, производятъ ломоты и язвы, слѣпоту и безсиліе. Велѣлъ всѣмъ быть наготовѣ. Онъ думалъ, что идетъ на него Хара-батырь, или «Бѣлый юноша», или другой могучій воинъ, что не одного уже дьявола разсѣкъ на четыре части. И приготовился Арсынъ-Долай, грозный ханъ восьми дьявольскихъ улусовъ и повелитель «нижняго царства», къ жестокому бою. Такъ косматый улу-таёнъ—медвѣдь, почуявъ, что идетъ на него промышленникъ, выползаетъ изъ пихтата, поднимается на заднія лапы, щелкаетъ зубами и поводитъ налившимися кровью глазами.

Но поднялась тяжелая дверь желѣзной юрты, и раскрылъ Арсынъ-Долай широко свои глаза, что лежатъ у него на вискахъ. Не страшный богатырь стоялъ на порогѣ, а Юргюкъ-Удаганъ; далеко развились ея алыя косы. Стало свѣтло въ желѣзной юртѣ, гдѣ до сихъ поръ только и обсуждалось, какъ бы причинить болѣе горя и страданій бѣдной землѣ.

— Абра кини!.. (пощади людей!)—только и сказала Юргюкъ-Удаганъ, — жалко ихъ! вѣрь, слабые они!—И улыбнулась дѣвушка.

И смягчилось сердце Арсынъ-Долая. Потухла въ немъ злоба. Удивило его, что приняла на себя красавица муки и пришла просить не за себя, а за другихъ. И помолчалъ ханъ восьми услусовъ, а потомъ сказалъ:

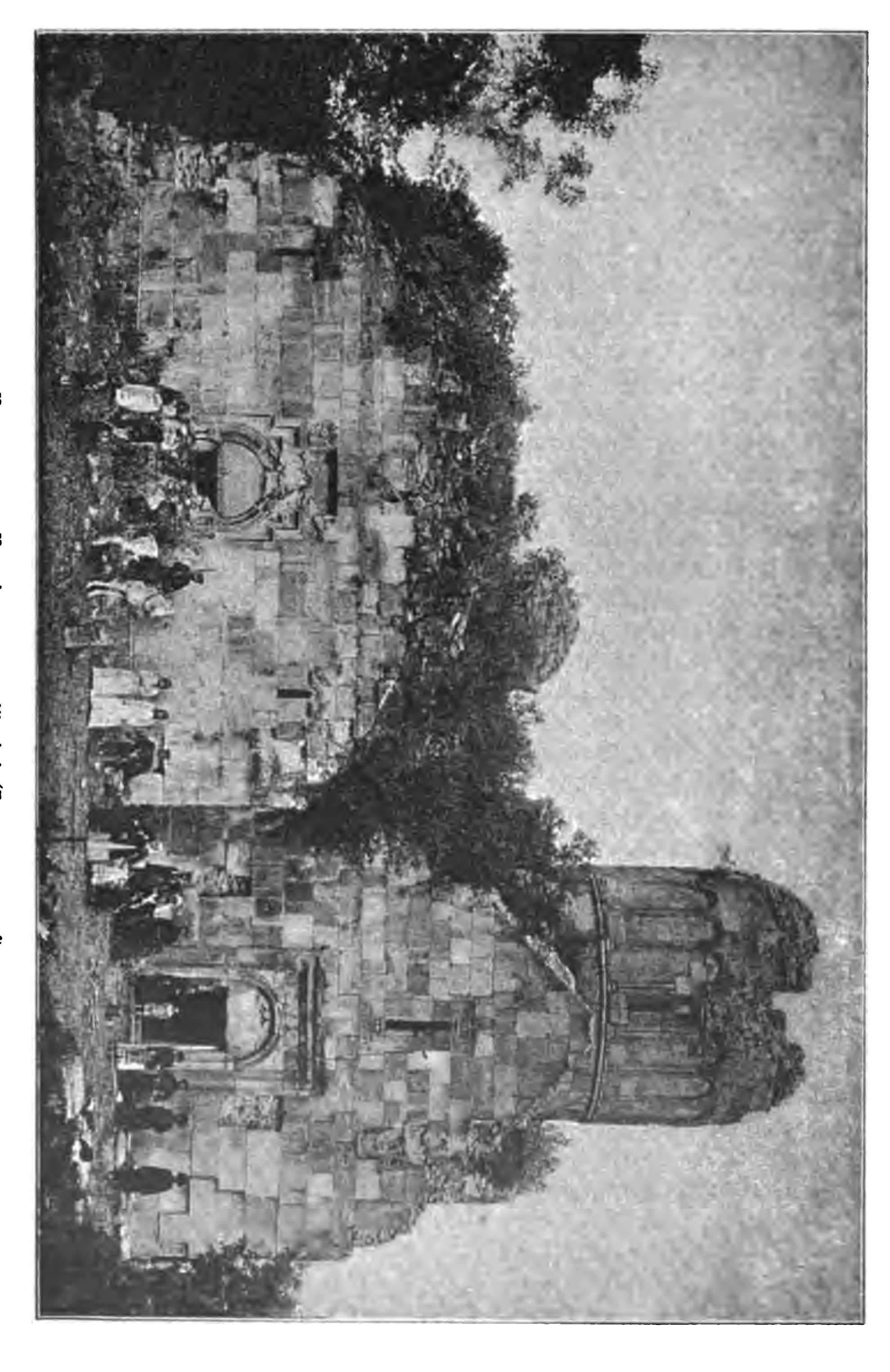
— Слушай, Юргюкъ-Удаганъ, растопилось сердце Арсынъ-Долая! Дамъ я людямъ на землѣ въ году три мѣсяца отдыха. Три луны не выпущу я солонника; три мѣсяца пусть Солнце-Таенъ ходитъ по небу. И первый мѣсяцъ пусть такъ и зовется *синеланъ* (т.-е. мѣсяцъ отдыха) [1]. Я пошлю людямъ цвѣтокъ санаргабынъ. Онъ пусть показываетъ, что смягчила грусть Юргюкъ-Удаганъ сердце хана „восьми улусовъ“ и что конецъ зимѣ.

Кончилъ Кумуляхъ. Въ долину хлынули снопы ослѣпительнаго свѣта. Солнце показалось надъ гольцами. Пора было тронуться въ дальнѣйшій путь.

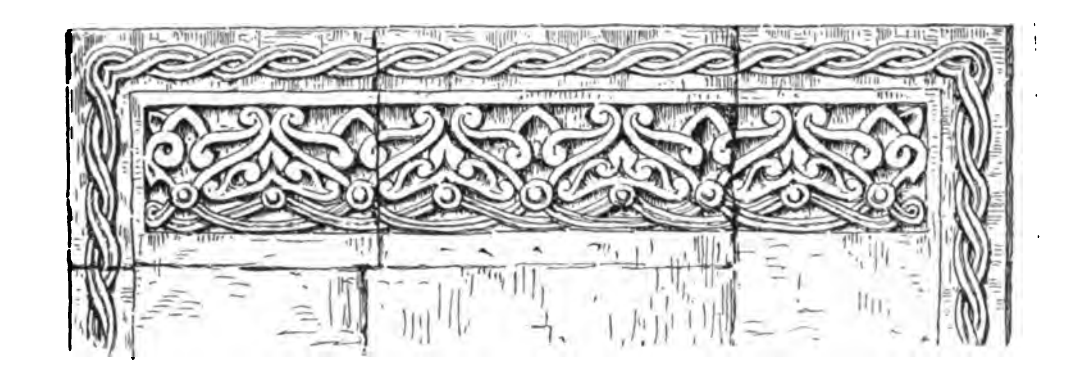
Діонео.

Лондонъ,
27 марта 1897 г.

[1] Якутскій новый годъ начинается съ мая, *синелана*, по мѣстному.



Монастырь св. Макарія основ. въ VI вѣкѣ (Елизаветпол. губ).



Изъ Панагіота Ферба.

Летучая мышь.

(басня).

Мышь летучая не въ часъ,
Чуть проснулась, собралась
Изъ хоромъ своихъ куда-то—
Раздобыться ли ѣдой,
Повидаться ли съ сестрой,—
Можетъ-быть, провѣдать брата.

—

Только шмыгъ туда-сюда,
Вдругъ — съ чего-бъ, кажись, бѣда? —
Грусть напала на бѣднягу.
Мало времени прошло,
А она въ свое дупло
Во весь духъ даетъ ужъ тягу.

—

Но, вѣдь, если поспѣшишь,
То людей лишь насмѣшишь.
Ничего не замѣчая
(Охъ, ужъ эта суета!),
Мышь наткнулась на кота,—
Честь, конечно, не плохая.

—

Всякой мыши этотъ котъ,
Гдѣ ни встрѣтитъ, задаетъ
Безъ пощады потасовку.

Такъ онъ крикнулъ и теперь:
«Это мышь, знакомый звѣрь!»
И ужъ приподнялъ головку.
«Милый другъ, сказала мышь:
Право, вздоръ ты говоришь:
Не видалъ путемъ, и что же?
«Мышь», рѣшилъ ужъ тотъ же часъ!
Развѣ съ крыльями у васъ
Мыши здѣсь? избави, Боже!

—

«Значитъ, я попалъ въ просакъ».
И нашъ котъ, отвѣтивъ такъ,
Вновь усѣлся безобидно.
Прочь летитъ она скорѣй,
Но и дальше ждетъ злодѣй,
И его ужъ близко видно.

—

Это ястребъ-молодецъ;
Малыхъ пташекъ онъ въ конецъ
Истребить готовъ хоть стаю.
Мышь завидя въ далекѣ,
Приободрился на сучкѣ:
«Эту птичку я поймаю».

—

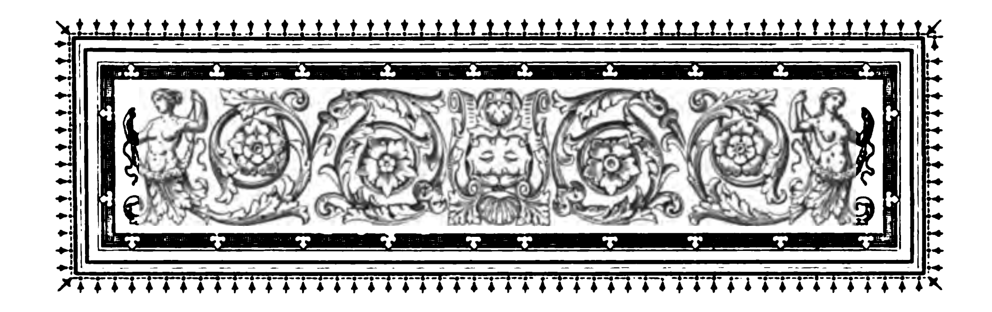
«Я то птица? вовсе нѣтъ!»,
Мышь кричитъ ему въ отвѣтъ
(Знать, родилась плутовата);
Какъ такъ? птица — и въ шерсти!
Мышь я, — звѣрь, какъ ни верти:
Посмотри, какъ я мохната!»

—

Такъ и здѣсь ушла цѣла,
Отъ бѣды домой ушла.
Вотъ что значитъ быть лукавымъ!
Есть такіе господа:
И туда онъ и сюда —
И вездѣ выходитъ правымъ.

5 августа 1890.

Ѳ. Корш



О воображаемомъ банкротствѣ науки.

Какъ бы это ни казалось страннымъ, а все же приходится признать, что въ переживаемое нами время, отличающееся столь поразительными и блестящими научными открытіями, все чаще и чаще раздаются жалобы на несостоятельность науки, на безсиліе ея объяснить самые животрепещущіе вопросы жизни, на полное ничтожество ея предъ вопросами религіи и морали и на то, что она вовсе не приноситъ людямъ счастія. Конечно, голоса эти, разочарованные въ наукѣ, раздаются всего чаще среди литераторовъ—не ученыхъ и не философовъ, къ нимъ примыкаютъ изрѣдка и серьезные ученые и мыслители; упреки повторяются затѣмъ на разные лады въ обществѣ и преподносятся не безъ ироніи различнымъ представителямъ науки.

Это считается теперь тѣмъ болѣе умѣстнымъ и справедливымъ, что въ самой наукѣ о жизни выдѣлилось нынѣ особое неовиталистическое ученіе, защитники котораго силятся доказать непримѣнимость общихъ физико-химическихъ способовъ изслѣдованія къ анализу явленій жизни, утверждающихъ, что то, что есть активнаго въ явленіяхъ жизни, немыслимо объяснить одними только физико-химическими законами, управляющими неодушевленной природой, такъ какъ жизнь опредѣляется еще и другими факторами, ничего не имѣющими общаго съ матеріальными механическими явленіями. На этомъ основаніи наиболѣе выдающіеся представители современнаго неовитализма—Бунге, Риндфлейшъ, Ганштейнъ и Кернеръ—заключаютъ, что біологическія науки должны навсегда отказаться отъ мысли объяснить явленія жизни путемъ механическаго изученія ихъ, другими словами: путь изслѣдованія жизненныхъ явленій, избранный такъ называемыми точными науками, есть путь недостаточный, ложный, не могущій привести къ цѣли. Такъ какъ среди явленій жизни, въ особенности относящихся къ психическому ряду, есть не мало лишенныхъ всякаго пространственнаго характера, то къ этимъ послѣднимъ, говорятъ неовиталисты, уже никакъ не могутъ быть приложены механическіе методы изслѣдованія, примѣнимые только тамъ, гдѣ объектомъ служитъ движеніе, совершающееся въ пространствѣ и во времени; тутъ можетъ имѣть силу только субъективный методъ, самонаблюденіе, могущіе одни только проникнуть въ активный источникъ жизни; но въ этомъ

направленіи наука еще не сдѣлала и перваго шага, современное же объективное механическое отношеніе науки оказалось, по мнѣнію неовиталистовъ, совершенно безсильнымъ.

Нѣтъ словъ, что такіе нападки на біологическія науки, какъ имѣющія дѣло съ наиболѣе сложными явленіями, не остались безъ отвѣта, безъ основательныхъ возраженій со стороны большинства біологовъ и физіологовъ. Тѣмъ не менѣе такое признаніе безсилія науки въ объясненіи активной стороны жизненныхъ явленій, хотя бы и сравнительно малой группой неовиталистовъ, все же способствовало въ извѣстной степени деградированію науки въ глазахъ общества.

Среди ученыхъ первоклассныхъ, Гёскли первый выразилъ свой безнадежный взглядъ на науку, какъ на факторъ совершенно безсильный въ дѣлѣ усовершенствованія моральнаго и соціальнаго строя современныхъ обществъ, и отчаяніе его въ этомъ отношеніи было настолько велико, что онъ, въ виду безвыходной нищеты и прогрессирующаго моральнаго упадка народныхъ массъ, считалъ за лучшій исходъ, чтобы явилась какая-нибудь добрая комета, которая бы своимъ хвостомъ смела всѣ дѣла людей.

Еще далѣе этого идутъ нѣкоторые очень выдающіеся писатели—мыслители, и среди нихъ въ особенности графъ Л. Н. Толстой, обвинявшіе, конечно, въ пылу раздраженія, науку въ томъ, что она силится созидать гипотезы и теоріи только оправдывающія самыя несправедливыя теченія и вопіющія стороны общественной жизни, санкціонирующія въ ней епожираніе сильнымъ слабаго, побѣду насилія надъ правдой. Это было, конечно, однимъ изъ самыхъ обидныхъ для науки и незаслуженныхъ обвиненій.

Бенжаменъ Кидъ въ своей «Social èvolution», признавая огромные успѣхи научныхъ знаній и блестящія открытія послѣднихъ лѣтъ, влившія такъ много роскоши и комфорта въ практическую жизнь людей, въ то же время признаетъ, что наука не даетъ и не можетъ дать ключа къ успѣшному разрѣшенію главныхъ соціальныхъ и экономическихъ вопросовъ современныхъ государствъ въ духѣ высшей справедливости и гуманности и что въ этомъ отношеніи наука уступаетъ вполнѣ мѣсто религіи—этой путеводной звѣздѣ современныхъ обществъ—на пути моральнаго и соціальнаго совершенствованія.

Сказаннаго достаточно, чтобы видѣть сущность основныхъ нападокъ на науку. Справедливы ли, однако, они и представляется ли она дѣйствительно банкротомъ передъ жизнью и обществомъ?

Прежде всего два слова по адресу неовиталистовъ, подрывающихъ вѣру въ цѣлесообразность физико-химическихъ методовъ изслѣдованія жизненныхъ явленій. Оставляя въ сторонѣ подробный анализъ слабыхъ сторонъ неовитализма, мы утверждаемъ, что біологическія науки придерживаются вполнѣ вѣрнаго и единственно мыслимаго пути изслѣдованія жизненныхъ явленій, такъ какъ только механическій физико-химическій способъ изслѣдованія даетъ возможность расчленять шагъ за шагомъ сложныя явленія жизни, анализировать ихъ въ деталяхъ и опредѣлять ихъ основныя матеріальныя причины; только имъ однимъ опредѣляется круговоротъ веществъ и силъ, лежащій въ основѣ жизненныхъ явленій.

Сказанное вовсе не значитъ, что явленія жизни и жизненные процессы укладываются прямо въ рамки простой физики и химіи неодушевленной природы;

эти послѣднія науки вовсе не обнимаютъ собою сложныхъ и разнообразныхъ жизненныхъ явленій и законовъ управляющихъ ими, а даютъ только точно выработанные методы изслѣдованія ихъ, измѣняемые сообразно съ условіями, данными живыми объектами, и къ этимъ методамъ по необходимости прибѣгають всегда біологи при окончательномъ анализѣ ближайшей причины даннаго жизненнаго явленія.

Жизнь клѣтки или колоній ихъ, входящихъ въ составъ сложныхъ организмовъ, имѣетъ свои цѣли, свои способы достиженія ихъ, свой циклъ развитія, совершенствованія и т. д., и изученіе этихъ спеціальныхъ жизненныхъ явленій всецѣло является задачей различныхъ отраслей біологическихъ наукъ. Эти послѣднія открываютъ намъ, что въ простѣйшихъ и сложныхъ организмахъ отчетливо выражаются три основныхъ стремленія, коимъ отвѣчаютъ три основныхъ чувствованія: чувство самосохраненія, сохраненія рода и соціальность, т.-е. чувство солидарности съ себѣ подобными. Сообразно съ этими основными стремленіями въ живыхъ организмахъ развиваются такія морфологическія и функціональныя измѣненія, которыя наиболѣе всего гарантируютъ анатомофизіологическую цѣлость и безконечное совершенствованіе живыхъ организмовъ. Біологія и изучаетъ вещественный субстратъ жизни, т.-е. клѣточную протоплазму со всѣми ея свойствами, способствующими достиженію высшихъ полезностей, какъ-то: раздражительность, измѣняемость живыхъ образованій, приспособляемость, спеціализацію, объединеніе функцій, общія внѣшнія и внутреннія условія существованія, а также законы размноженія, развитія и наслѣдственности.

Всѣ эти свойства и явленія жизни, конечно, не входятъ въ рамки однихъ только физико-химическихъ процессовъ неодушевленной природы и составляютъ предметъ чисто біологическихъ изслѣдованій, устанавливающихъ общіе принципы жизненнаго потока и выясняющихъ намъ сцѣпленіе различныхъ жизненныхъ процессовъ съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности для основныхъ стремленій жизни. Такимъ образомъ устанавливаются біологическіе законы и хотя они по значенію своему и формулировкѣ представляютъ меньшую ясность и опредѣленность, нежели болѣе простые законы механики и химіи, тѣмъ не менѣе они также необходимы для ученія о жизни, какъ простые законы механики и химіи для развитія ученія о мірѣ неорганическихъ явленій.

Изъ сказаннаго вовсе, однако, не вытекаетъ, чтобы біологическіе законы *противупоставлялись* простымъ механическимъ законамъ; напротивъ того, они являются естественнымъ дополненіемъ послѣднихъ. Такъ, біологическая точка зрѣнія никогда не даетъ объясненія самаго механизма жизненнаго акта, а служитъ только руководной идеей въ изслѣдованіи его и какъ только дѣло доходитъ до *объясненія* того, *какъ* совершается то или другое жизненное явленіе и на основаніи какого обмѣна веществъ и силъ, даннаго спеціальными условіями живаго органа или клѣтки, такъ мы всегда бываемъ вынуждены прибѣгать къ механическому, т.-е. физико-химическому методу изслѣдованія, какъ единственному, открывающему намъ коренную непосредственную причину того или иного біологическаго явленія. Касаемся ли мы болѣе простыхъ явленій пищеваренія, кровообращенія или болѣе сложныхъ явленій психики и наслѣдственности, біологическая точка зрѣнія обнимаетъ только общій смыслъ жизненныхъ явленій,

условія ихъ теченія, модификаціи ихъ въ индивидуумахъ различнаго вида и т. д.; но проникнуть во внутренній механизмъ жизненныхъ процессовъ дано только механическому анализу ихъ, т. е. физико-химическому изслѣдованію субстрата функціи, матеріальныхъ процессовъ, протекающихъ въ немъ, и агента, приводящяго въ дѣйствіе весь механизмъ, т.-е. самаго раздражителя. Безъ этой основы всѣ біологическіе законы являются просто эмпирическими положеніями, скользящими по поверхности жизненныхъ явленій и не проникающими въ глубь ихъ, въ ихъ внутренній механизмъ.

На основаніи вышеуказаннаго становится яснымъ, что къ анализу явленій жизни слѣдуетъ подступать съ двухъ разныхъ сторонъ—біологической и физико-химической, и только при этомъ можно разсчитывать на выработку правильныхъ представленій о жизни. Этого, единственнаго мыслимаго направленія, и придерживается наука въ наши дни и если до сихъ поръ многіе біологическіе законы носятъ характеръ чисто эмпирическихъ положеній, то виной тому недостаточность развитія нашихъ физико-химическихъ знаній и методовъ, мѣшающая вникать въ тончайшій анализъ сложныхъ явленій жизни.

Судя, однако, по громадному движенію впередъ біологическихъ наукъ во второй половинѣ текущаго столѣтія, широко освѣтившихъ намъ многія тѣлесныя и психическія функціи живыхъ организмовъ какъ въ ихъ здоровомъ, такъ и больномъ состояніи, можно выразить твердое убѣжденіе, что біологическія науки попали на вѣрный путь изслѣдованія и что, благодаря ему, эмпиризмъ въ біологіи станетъ постепенно уступать мѣсто, по мѣрѣ развитія физико-химическихъ знаній и методовъ, раціональному объясненію явленій жизни.

Неовитализмъ поэтому грубо заблуждается, допуская мысль, что прямымъ орудіемъ изслѣдованія жизненныхъ явленій должно служить самонаблюденіе и внутреннее чувство, а не механическій методъ изслѣдованія. Изъ вышесказаннаго явно слѣдуетъ, что самое большее, чего можно было бы достигнуть, слѣдуя совѣту неовиталистовъ, это установки нѣкоторыхъ біологическихъ законовъ касательно условій теченія и развитія жизненныхъ явленій, и то такихъ, которыя протекаютъ въ полѣ зрѣнія нашего сознанія. Что же касается *коренныхъ причинъ* такого, а не иного теченія, данныхъ всегда матеріальными условіями жизни, то о нихъ мы безъ помощи физико-химическихъ методовъ изслѣдованія ни могли бы имѣть ни малѣйшаго представленія, какъ бы долго и усиленно не подвергали бы мы себя самонаблюденію и анализу внутреннихъ чувствъ.

Неовитализмъ утверждаетъ, что извѣстными законами физики и химіи могутъ быть объяснены одни только пассивныя явленія жизни; что же касается до того, что есть активнаго въ ней, то это навсегда останется недоступнымъ современному механическому методу въ наукѣ; въ такомъ положеніи находятся, напр., вопросы о явленіяхъ развитія, наслѣдственности, возбужденія и т. д. и такое заключеніе подкрѣпляется неовиталистами еще тѣмъ, что даже сравнительно простыя явленія всасыванія, диффузіи, отдѣленія соковъ и т. д. въ живыхъ тѣлахъ протекаютъ наперекоръ физическимъ законамъ ихъ теченія въ мертвыхъ объектахъ; насколько же труднѣе должны поддаваться механическому объясненію всѣ остальныя болѣе сложныя явленія жизни, какъ-то: размноженіе, наслѣдственность, явленія нервнаго, мышечнаго возбужденія и т. д.?

Такъ восклицаютъ неовиталисты, увлекаясь своимъ нетерпѣливымъ отрицаніемъ могущества механическаго метода изслѣдованія жизненныхъ явленій, забывая только одну съ виду малую вещь, что живое вещество не то же, что мертвое, и что поэтому процессы диффузіи и всякіе другіе должны уже въ силу этого одного протекать въ обоихъ случаяхъ не одинаково. Физико-химическія свойства живаго вещества иныя, нежели мертваго, и такъ какъ о нормальной конституціи живаго вещества мы, въ силу его высокой разлагаемости, не имѣемъ никакого представленія, то и о физическихъ свойствахъ живого вещества, о томъ, какъ оно должно относиться къ процессамъ всасыванія, диффузіи и т. д., мы не можемъ имѣть никакой точной идеи. Мало того, мы благодаря примѣненію механическаго метода въ біологіи и узнаемъ, что живыя ткани въ явленіяхъ диффузіи, всасыванія и т. д. ведутъ себя не такъ, какъ мертвыя, узнаемъ еще много другихъ дифференціальныхъ различій въ физическихъ и химическихъ свойствахъ живыхъ и мертвыхъ тканей и тѣмъ создаетъ себѣ картину того, чѣмъ въ общихъ чертахъ живое отличается отъ мертваго. Нѣтъ сомнѣнія, что пытливая мысль человѣка не остановится на констатированіи только этихъ отличій, но въ свое время перейдетъ и къ опредѣленію причинъ этихъ отличій и все это путемъ глубокаго знакомства съ физико-химическими свойствами живого вещества и его измѣненій при разнообразныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условіяхъ. Но тутъ мы встрѣчаемся съ категорическимъ утвержденіемъ неовиталистовъ, что всѣ эти попытки останутся тщетными, такъ какъ активныя стороны различныхъ жизненныхъ явленій останутся навсегда закрытой книгой для изслѣдователей придерживающихся механическаго, т.е. физико-химическаго, способа анализа жизненныхъ явленій.

Намъ кажется, что подобное утвержденіе черезчуръ смѣло, въ виду огромныхъ завоеваній, дѣлаемыхъ со дня на день біологическими науками; это съ одной стороны; а съ другой—такія категоричныя, безнадежныя предсказанія уже не разъ высказывались въ наукѣ и въ дѣйствительности быстро опровергались.

Для примѣра напомнимъ слѣдующіе извѣстные факты. Когда Панинъ, изучивъ законы пара, выразилъ мысль о постройкѣ пароходовъ, движимыхъ огнемъ и паромъ, то онъ подвергся всеобщему осмѣянію; такимъ несбыточнымъ, безумнымъ показался всѣмъ его смѣлый проектъ! Кто могъ допустить тогда, что немного пламени надъ котломъ будетъ достаточно, чтобы приводить въ движеніе паровозы и машины. Даже много позже, когда Фультонъ предложилъ Наполеону I выстроить первый пароходъ, то императоръ принялъ его за сумасшедшаго. Тьеръ еще такъ недавно сомнѣвался въ томъ, чтобы дилижансы могли замѣниться когда-нибудь желѣзными дорогами. Когда въ Парижской Академіи Наукъ узнали объ изобрѣтеніи телефона, то одинъ изъ извѣстнѣйшихъ знатоковъ электричества отрицалъ всякую возможность устройства такого аппарата; а когда въ слѣдующемъ же засѣданіи той же Академіи Наукъ начали демонстрировать фонографъ, то одинъ изъ академиковъ, сильный скептикъ, заявилъ, что звуки раздававшіеся при дѣйствіи фонографа, принадлежатъ не аппарату, а чревовѣщателю, приводившему его въ движеніе.

Вотъ какъ велика бываетъ сила отрицанія въ виду вопіющей даже очевидности. Прибавлю еще одинъ поразительный примѣръ того же рода: когда зна-

менитый Гарвей заявилъ, что при біеніяхъ сердца слышатся въ груди опредѣленные звуки, тоны, то одинъ итальянскій врачъ отвѣтилъ ему, что быть можетъ это вѣрно для Лондона, но что въ Венеціи не слышно ничего подобнаго. И такіе отвѣты возможны были еще въ XVII столѣтіи. Если уже въ такихъ, сравнительно простыхъ и очевидныхъ вопросахъ мысль человѣческая допускала сомнѣнія и отрицанія, то насколько чаще могли являться они и дѣйствительно являлись въ случаяхъ болѣе сложныхъ, касавшихся различныхъ запутанныхъ задачъ изъ области біологіи, психологіи и т. д. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Прево и Дюма еще въ 1821 году утверждали на основаніи собственныхъ изслѣдованій, что наукѣ *никогда* не удастся изолировать красящаго вещества крови и что всѣ попытки въ этомъ направленіи окажутся тщетными. Не успѣло пройти послѣ этого нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ извѣстному физіологу-химику Ф. Гоппе-Зейлеру удалось получить прекрасные кристаллы красящаго вещества крови и нынѣ, благодаря трудамъ названнаго ученаго, а также Стокса Клода-Бернара, Ненцкаго и ихъ учениковъ, свѣдѣнія о краскѣ крови, т. е. о гемоглобинѣ, представляютъ оону изъ самыхъ блестящихъ страницъ физіологіи и патологіи человѣческаго организма. Знаменитый химикъ Берцеліусъ въ 1827 г. абсолютно отрицалъ, чтобы людямъ удалось когда-либо добыть *лабораторнымъ путемъ* хоть одно изъ органическихъ соединеній, вырабатываемыхъ животными или растеніями; и вдругъ послѣ такого пророчества не прошло и года, какъ Велеръ добылъ лабораторнымъ путемъ *мочевину* изъ ціанистаго амміака. Съ тѣхъ поръ число органическихъ соединеній, добытыхъ лабораторнымъ путемъ, благодаря руководящей теоріи Кекуле, рѣзко увеличилось, и въ недавнее еще время Ладенбургу удалось получить синтетически алкалоидъ *коніинъ*, выработываемый растеніями и обладающій всѣми химическими и физіологическими свойствами натуральнаго коніина. Кромѣ того, теперь удалось уже получить синтетическимъ путемъ рядъ веществъ, близкихъ по своему составу и свойствамъ къ сахару, и никто уже не сомнѣвается, что полученіе настоящаго сахара является лишь вопросомъ времени. Въ такомъ же приблизительно положеніи находится и вопросъ объ искусственномъ полученіи частицы мертваго бѣлка. Пока все затрудненіе только въ сознаваемой химиками недостаточности развитія органической химіи, непозволяющей пртступить къ синтезу столь сложныхъ бѣлковыхъ соединеній; никто изъ химиковъ не сомнѣвается, однако, въ томъ, что, слѣдуя шагъ за шагомъ по пути своего развитія, химія дойдетъ наконецъ роковымъ образомъ до созиданія бѣлковой частицы.

Въ концѣ этихъ размышленій нельзя не припомнить словъ извѣстнаго физіолога Іоганна Мюллера, высказанныхъ имъ въ 1839 г. насчетъ скорости движенія нервнаго возбужденія по нервамъ; она казалась столь великой этому знаменитому физіологу, что онъ отрицалъ возможность ея опредѣленія когда бы то ни было и кѣмъ бы то ни было. Несмотря на такое пророчество, геніальному Гельмгольцу удалось вскорѣ разрѣшить эту задачу самымъ простымъ и остроумнымъ способомъ и указать, что скорость эта, напротивъ того, ничтожна сравнительно со скоростью свѣта, электричества и даже звука, а именно, скорость эта равна всего 30—50 метрамъ въ секунду, въ то время, какъ скорость свѣта, какъ извѣстно, равна 300000 километрамъ въ секунду. Этотъ фактъ предста-

вляетъ блестящій примѣръ того, какъ рѣзко могутъ ошибаться въ отрицательныхъ пророчествахъ своихъ самыя выдающіяся по уму и знаніямъ личности и притомъ наканунѣ почти дѣлаемыхъ открытій.

Кто бы могъ предсказать лѣтъ за 60 предъ этимъ, что люди будутъ въ состояніи опредѣлять количество желѣза и натрія на планетѣ Сиріусъ? Или что будутъ фотографировать движенія, длящіяся только—$\frac{1}{1000}$—сек., что свѣтовые электрическіе токи, убивающіе на повалъ человѣка, будучи превращены въ альтернативные токи высокаго напряженія, но съ большимъ числомъ колебаній, оставаясь свѣтовыми, могутъ безъ всякаго вреда пронизывать живого человѣка, доставляя ему пользу, наконецъ, кто бы даже лѣтъ пять тому назадъ допустилъ возможность фотографированія предметовъ, заключенныхъ въ непроницаемыя для свѣта ящики или конверты или фотографировать кости и внутренности живого человѣка,—а между тѣмъ, все это дѣлается такъ просто, благодаря случайному открытію X лучей.

Кто бы думалъ, что живые организмы являются носителями цѣлебныхъ для нихъ же средствъ, живыми ходячими аптеками, способными вырабатывать массу противоядій противъ различныхъ заразныхъ болѣзней? А между тѣмъ успѣхами біологическихъ медицинскихъ наукъ факты эти поставлены нынѣ внѣ всякаго сомнѣнія и на нихъ воздвигнуты два новыхъ могучихъ способа борьбы съ болѣзнями—органотерапія и сывороточная терапія, та и другая, прибѣгающія къ впрыскиваніямъ и прививкамъ, производящимъ, какъ извѣстно, во многихъ случаяхъ чудеса въ борьбѣ даже съ такими болѣзнями, какъ дифтеритъ и чума.

Взвѣсивъ все сказанное, трудно себѣ представить человѣка, который бы рѣшился теперь ставить предѣлы прогрессу науки въ грядущія столѣтія и указывать бы на неразрѣшимость тѣхъ или другихъ задачъ для человѣческаго ума. Благоразумнѣе будетъ воздержаться отъ безнадежныхъ пророчествъ и надѣяться, что то, что недоступно сегодня, то можетъ быть объяснено или пріобрѣтено завтра.

Каждый день намъ приноситъ все новыя и новыя доказательства того, какъ мы мало еще знаемъ о себѣ и объ окружающей насъ природѣ, и приходится только удивляться, какъ съ этой крохой знаній человѣку удалось уже подчинить себѣ, видоизмѣнить природу, создать массу новыхъ условій и явленій, представляемыхъ цивилизованной жизнью, и стать уже владыкой пространства и времени.

Правда, существуетъ безчисленное множество вопросовъ, рѣшеніе коихъ еще не назрѣло, но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что промблемы эти навсегда останутся для насъ закрытой тайной. Историческій ходъ развитія науки доказываетъ намъ противное и обѣщаэтъ намъ въ будущемъ обильную жатву, тѣмъ болѣе, что и мозгъ человѣческій—этотъ тончайшій анализаторъ и синтетикъ—растетъ и совершенствуется съ теченіемъ столѣтій. По вычисленіямъ знаменитаго физика Тампона съ момента отвердѣнія земной коры прошло уже 400 милліоновъ лѣтъ, по измѣреніямъ же череповъ, добытыхъ Брокки и Топинаромъ изъ кладбищъ различныхъ столѣтій, оказывается, что средняя емкость череповъ растетъ изъ столѣтія въ столѣтіе; невольно думается, чѣмъ можетъ стать этотъ мозгъ въ туманной дали грядущихъ тысячелѣтій, если землѣ суждено просуществовать еще сотни милліоновъ лѣтъ? Какія задачи будутъ доступны уму чело-

вѣческому въ томъ отдаленномъ будущемъ и мыслимо ли намъ теперь имѣть объ этомъ определенное мнѣніе? Благоразумнѣе, конечно, на основаніи всего вышесказаннаго воздержаться отъ всякихъ пессимистическихъ пророчествъ и питать твердую надежду въ безграничный ростъ ума человѣческаго и въ безпредѣльность его завоеваній.

Наука изучаетъ факты и явленія какъ внѣшняго, такъ и внутренняго намъ міра, изучаетъ весь міръ явленій въ томъ видѣ, въ какомъ онъ рисуется въ нашемъ сознаніи, а также и самое сознаніе. Прямая цѣль, преслѣдуемая наукой—это открытіе *истины* т.-е. настоящей причиной связи явленій на основаніи изученія отношеній между фактами и установки законовъ этихъ отношеній, при непремѣнномъ предполагаемомъ соотвѣтствіи между міромъ внутреннихъ и внѣшнихъ явленій. Никто не можетъ гребовать чего-либо большаго отъ науки и въ особенности никто не въ правѣ требовать отъ нея объясненія того, что находится внѣ предѣловъ человѣческаго сознапія.

Если стать на эту правильную точку зрѣнія на задачи науки, то всякій безпристрастный человѣкъ долженъ будетъ признать, что наука именно въ настоящее время переживаетъ блестящія минуты своего существованія, даря міру рядъ поразительныхъ открытій изъ области біологіи, медицины, физики и химіи, находящихъ широкое и плодотворное примѣненіе къ жизни. Она удовлетворяетъ не только требованіямъ разума, стремленію къ истинѣ, но и доставляетъ неоцѣнимыя услуги въ области практической жизни. Біологическія науки—анатомія, физіологія, медицина зоологія и т. д.—объясняютъ, *что мы такое* представляемъ собою; геологія, палеонтологія, филогенезъ и исторія доисторической эпохи выясняютъ намъ, *откуда* мы происходимъ, а на вопросъ о томъ *куда* мы идемъ, отвѣчаютъ по мѣрѣ силъ всѣ такъ называемыя соціальныя науки: исторія право, философія и т. д. Кто же другой можетъ дать болѣе удовлетворительные отвѣты на эти животрепещущіе вопросы, какъ не наука? О какомъ же банкротствѣ науки, о какихъ же несбыточныхъ надеждахъ можетъ быть теперь рѣчь, когда время наше есть пора наиболѣе поразительныхъ и блестящихъ научныхъ открытій, бросающихъ свѣтъ на вышеуказанные вопросы, разливающихъ комфортъ и здоровье среди членовъ современныхъ обществъ.

Нѣтъ, современное состояніе науки не даетъ никакихъ основаній для разочаровыванія въ ея силахъ, въ ея будущности, и если вопреки этому складываются пессимистическіе взгляды на нее, если раздаются упреки по ея адресу, то главнымъ образомъ отъ нетерпѣливости людей съ одной стороны и отъ того, что наукѣ навязываютъ совершенно чуждыя ей задачи.

Ходъ науки медленный, послѣдовательный, вполнѣ надежный, такъ какъ опа преслѣдуетъ шагъ за шагомъ раскрывающіяся предъ нею задачи, руководясь только однимъ стремленіемъ къ опредѣленію причинной связи явленій, удовлетворяющимъ врожденный человѣку законъ причинности. Истинная наука не задается прямо практическими житейскими цѣлями, обыкновенно отвлекающими изслѣдователя отъ прямыхъ его задачъ и вводящими его нерѣдко въ цѣлый рядъ ошибокъ, затрудняющихъ раскрытіе истины; нѣтъ, она заботится только о подробнѣйшемъ анализѣ всѣхъ звеньевъ, участвующихъ въ данномъ явленіи, съ цѣлью установленія закономѣрности его теченія и для этого на всемъ пути идетъ

отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Путь этотъ, повторяемъ, медленный, трудный и нерѣдко истощаетъ всякое терпѣніе общества, требующаго тщетно отъ науки по возможности скорѣе отвѣта на различные неотложные вопросы практической жизни. Отсюда недовольство наукой, черезчуръ медленно двигающейся, разговоры объ ея безполезности, банкротствѣ и тому подобное.

Съ другой стороны наукѣ навязываютъ такіе вопросы и задачи, которые вовсе даже не могутъ входить въ кругъ ея изслѣдованія и находятся выше ея компетенціи. Сюда относятся вопросы, касающіеся сущности вещей, сущности атомовъ, одаренныхъ силой, и того, почему они обладаютъ такими, а не иными свойствами, и почему той или другой игрой своей атомы служатъ источникомъ развитія то электрическихъ, то магнитныхъ, то свѣтовыхъ, то психическихъ явленій и т. д. и т. д.

Всѣмъ извѣстно, что наука уже давно отказалась отъ всякихъ попытокъ рѣшать подобнаго рода задачи, такъ какъ господствующая «теорія познаванія» гласитъ, что весь вещественный сознаваемый нами міръ предметовъ и явленій существуетъ только въ нашемъ представленіи, другими словами, онъ представляетъ только различныя состоянія нашего сознанія, т.-е. условные символы, а вовсе не копіи реально существующаго внѣ насъ. Въ виду такой условности и субъективности нашихъ познаній умъ человѣческій въ томъ видѣ, въ какомъ онъ функціонируетъ нынѣ, не въ силахъ проникнуть въ сущность вещей, какъ онѣ существуютъ сами по себѣ, помимо ихъ отношенія къ намъ, и потому вопросы о томъ, *почему* онѣ обладаютъ тѣми или другими свойствами, или силами, а не иными, являются праздными въ силу ихъ неразрѣшимости. Символическому языку нашихъ ощущеній, воспріятій и представленій вполнѣ доступно опредѣленіе порядка закономѣрности теченія тѣхъ или другихъ явленій съ указаніемъ ближайшей непосредственной причины ихъ и, такимъ образомъ, наука въ самомъ лучшемъ случаѣ опредѣляетъ лишь то, *«какъ»* протекаютъ явленія, а вовсе не «почему» текутъ они такъ, а не иначе.

Положеніе вопроса не измѣнится, если даже согласиться съ мало обоснованнымъ и высказаннымъ недавно Сѣченовымъ мнѣніемъ, что между нашими представленіями о предметахъ и явленіяхъ внѣшняго міра и этими послѣдними въ томъ видѣ, въ какомъ они находятся внѣ насъ, существуетъ полное тождество. И при этомъ, даже невѣрномъ, взглядѣ на предметъ мы не видимъ возможности допустить, чтобы умъ человѣческій былъ въ состояніи рѣшать вопросы о томъ, *почему*, напр., водородъ обладаетъ сильнымъ сродствомъ къ кислороду и образуетъ съ нимъ воду, и почему этимъ свойствомъ не обладаетъ, напр., сѣра или хлоръ; *почему* такой то нервный центръ при возбужденіи даетъ ощущеніе свѣта, другой ощущеніе звука и т. п. Допущеніе невѣрнаго положенія о томъ, что представленія о предметахъ и явленіяхъ суть почти копіи этихъ послѣднихъ, не можетъ подвинуть въ этомъ отношеніи дѣла и отъ науки можно требовать лишь отвѣта на вопросъ о томъ, *«какъ»* протекаютъ явленія, а вовсе не *«почему»*. Ни метафизика, ни философія, даже глубоко проникающая во внутренній смыслъ явленій, не въ силахъ до сихъ поръ отвѣтить на вопросы, касающіеся сущности вещей, самихъ по себѣ. Многими всѣ эти положенія не сознаются въ достаточной мѣрѣ и поэтому на науку возлагаются невыполнимыя

требованія, ведущія, конечно, къ разочарованію. Но и тутъ, какъ видно, наука не при чемъ,—все дѣло въ непониманіи ея задачъ.

Къ этой же категоріи нападокъ на науку относится и упрекъ въ томъ, что она не дала и не даетъ людямъ *счастія*; какъ будто, наука обѣщала когда-нибудь человѣчеству счастіе! Между тѣмъ взглядъ на историческій ходъ развитія науки ясно показываетъ, что задачей ея было всегда только открытіе *истины*; въ этомъ же отношеніи наука оправдала всѣ ожиданія, подаривъ обществу массы частныхъ и общихъ истинъ касательно закономѣрности самыхъ разнообразныхъ явленій изъ физическаго живого міра природы и соціальной жизни людей,—истинъ, легшихъ въ основу цивилизованной жизни націй.

Хотя заботы о *счастіи* человѣчества не составляютъ прямой задачи науки, тѣмъ не менѣе она открытіемъ и пропагандированіемъ *истинъ* облегчаетъ достиженіе имъ счастія; разсѣяніемъ суевѣрій, уменьшеніемъ страданій и смертности, повышеніемъ матеріальнаго благосостоянія интеллектуальнаго развитія наука несетъ великую службу человѣчеству, приближая его къ болѣе счастливому будущему. Наука сама по себѣ не создаетъ страданій, а скорѣе учитъ какъ избѣгать ихъ и въ открываемыхъ ею истинахъ видитъ могущее средство согласованія индивидуальнаго блага съ благомъ общимъ всего человѣчества.

Тутъ мы невольно касаемся связи между наукой и моральными началами жизни. Религіи безспорно принадлежитъ первое мѣсто въ установленіи и распространеніи нравственныхъ началъ въ обществѣ; но не подлежитъ въ то же время сомнѣнію, что наука, просвѣщая людей, знакомя ихъ съ истиннымъ смысломъ и значеніемъ окружающихъ ихъ явленій, служитъ истинной помощницей религіи въ дѣлѣ укрѣпленія моральныхъ началъ въ обществѣ и народѣ; такъ какъ моральныя начала отвѣчаютъ идеѣ любви къ ближнему, а черезъ это и идеѣ общаго блага, а пониманіе этихъ высокихъ общихъ истинъ доступнѣе уму болѣе просвѣщенному, привыкшему къ чарующей силѣ истины, то высокая полезность союза религіи съ наукой является фактомъ безспорнымъ. Вѣдь наука научаетъ насъ понимать, что̀ такое человѣкъ въ его здоровомъ и больномъ состояніи; наука разъясняетъ намъ, что люди въ общемъ равны между собою, что они братья, что человѣчество есть лишь одна семья родственныхъ народовъ; она доказываетъ воочію солидарность людей и народовъ и т. д. и всѣмъ этимъ подготовляетъ благодарную ниву для воспріятія и пышнаго расцвѣта альтруистическихъ моральныхъ началъ, ведущихъ человѣчество къ болѣе счастливому будущему. Какъ же послѣ этого въ видахъ повышенія этическихъ идеаловъ въ обществѣ и народѣ не пожелать самаго близкаго союза религіи съ наукой, разумѣя подъ послѣдней просвѣщеніе. Вотъ почему наука, цивилизація и нравственность являются нераздѣльными и почему истинное знаніе всегда возвышаетъ и облагораживаетъ вѣру.—О какомъ же банкротствѣ науки можетъ быть рѣчь послѣ всего этого?

И. Тарханов

Экспедиція А. А. Ивановскаго на Араратѣ (1895).

Передъ зарею.

(Изъ Н. М. Минскаго).

Приближается утро, но еще ночь.
(Исаія, гл. 21; 12).

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй—предъ зарею...
Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Эти гады бѣгутъ—предъ зарею...
Не грусти, что во мракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ:
Это—сонъ, это—лай предъ зарею...

Джерашъ.—Пропилея храма Солнца.

Развалины Джераша.

Кн. С. С. Абамелекъ-Лазарева [1].

Развалины Джераша расположены преимущественно на лѣвомъ берегу ручья Кервана, притока Зерки, а напротивъ нихъ на правомъ берегу находится поселокъ черкесовъ. Долина Кервана называется теперь Вади-едъ-Деръ. Подъѣзжая по ея скатамъ къ Джерашу, по мѣрѣ приближенія къ нему все чаще встрѣчаемъ поля, воздѣланныя черкесами. Первый изъ памятниковъ Джераша, видный издали, это—тріумфальныя ворота съ тремя арками. Не доѣзжая до нихъ, видно много раскиданныхъ пустыхъ теперь саркофаговъ и обломковъ могильныхъ памятниковъ, сдѣланныхъ изъ сѣраго камня, довольно скудно украшенныхъ орнаментами. Тріумфальныя ворота не особенно хорошо сохранились. Они сдѣланы, какъ и всѣ прочіе памятники Джераша, изъ свѣтло-желтаго известняка, напоминающаго пальмирскій. По прилагаемому плану легко видѣть расположеніе памятниковъ, а по видамъ, снятымъ моимъ спутникомъ, П. Н. Семеновымъ, можно судить о красотѣ развалинъ. Здѣсь нѣтъ такихъ грандіозныхъ зданій, какъ Пальмирскій храмъ Солнца, имѣющій версту въ окружности, или такихъ громадныхъ колоннъ, какъ въ Пальмирѣ и Бааль-

[1]) Развалины Джераша—одинъ изъ лучшихъ памятниковъ греко-римской культуры на Востокѣ. Находятся онѣ въ области, прилегающей къ заіорданской части Палестины на рубежѣ ея съ сѣверной частью Аравійской пустыни. Авторъ совершилъ экскурсію въ февралѣ 1895 г., отправившись изъ Іерусалима. Есть также удобный путь изъ Бейрута.—Клише воспроизведены, съ разрѣшенія автора, съ парижскихъ геліогравюръ, помѣщенныхъ въ его монографіи „Джерашъ“. Сп.-б., 1897 г. *Ред.*

бекѣ, гдѣ масса колоннъ отъ 15 до 19 метровъ высоты, тогда какъ здѣсь самыя высокія колонны большого храма достигаютъ лишь 12 метровъ, но общее впечатлѣніе все-таки грандіозное, между прочимъ и по живописности мѣстности. Надо Джерашу въ этомъ отношеніи отдать предпочтеніе передъ Пальмирою, расположенною на равнинѣ.

Для изданія я избралъ изъ всѣхъ видовъ, снятыхъ моимъ спутникомъ, тѣ, подобные которымъ не встрѣчаются въ изданіяхъ путешественниковъ, раньше насъ посѣтившихъ Джерашъ. Взглянувъ на №№ 2 и 3 таблицъ видовъ (исполненныхъ геліогравюрою Дюжарденомъ въ Парижѣ съ фотографическихъ снимковъ моего спутника), мы видимъ развалины съ юго-запада и юга; № 1 (см. рис.) снятъ съ верхнихъ колоннъ развалинъ большого сѣвернаго храма и изображаетъ развалины съ сѣвера на югъ, гдѣ вдали виднѣется тріумфальная тройная арка. Видъ № 2 снятъ впервые, и я его избралъ, какъ показывающій заднюю, юго-западную стѣну южнаго храма и его положеніе, господствующее надъ всѣмъ Джерашемъ. № 4 представляетъ видъ малаго храма съ сѣверо-востока, со стороны круглаго портика. Прямо подъ южнымъ храмомъ находится знаменитый периболъ—круглый портикъ, лучше всего видный на № 5, изображающемъ, какъ и № 6, остатки сцены большого театра А (см. рис.). Лѣвая сторона сцены (на № 6), тамъ, гдѣ видны три колонны, изъ которыхъ двѣ связаны архитравомъ, значительно пострадала за послѣднія сорокъ лѣтъ. Судя по снимкамъ герцога де-Льюня [1]), въ его время и колоннъ было больше, и надъ ними возвышалась стѣна, отъ коей теперь сохранилось лишь нѣсколько камней. Виды 7-й и 8-й позволяютъ сравнить размѣры и планъ двухъ театровъ, большого А (№ 7) и малаго Б (№ 8). (См. рис.) № 9 (снятый съ востока) и № 10 (съ сѣверо-запада) показываютъ двѣ стороны пропилей или, лучше входныхъ воротъ въ ограду большого (сѣвернаго) храма, такъ называемаго храма Солнца (см. рис.). На видахъ десятомъ, седьмомъ и пятомъ на дальнемъ планѣ картины виденъ современный Джерашъ, коего всѣ дома построены въ значительной мѣрѣ изъ обломковъ древняго. 11-й видъ изображаетъ большое зданіе, вѣроятно бывшее термами, т.-е. банями, отмѣченными на планѣ буквою А: небрежно сложенные камни указываютъ на то, что эти термы были однимъ изъ позднѣйшихъ зданій Джераша. Версты съ три къ сѣверу отъ Джераша есть еще прелестное зданьице, украшенное колоннами, около одного источника. Въ виду нѣсколькихъ подробныхъ описаній развалинъ Джераша считаю излишнимъ описывать ихъ вновь.

Пріѣхавъ въ Джерашъ, мы остановились, благодаря полученному нами фирману Порты, у мудира, черкеса, по имени Хамди-бея, который начальствуетъ надъ своими единоплеменниками, переселенными сюда изъ сѣвернаго Кавказа изъ округа Нальчика лѣтъ 18 тому назадъ. Къ намъ, какъ къ русскимъ, онъ и прочіе черкесы относились весьма дружелюбно, часто поминали, что на Кавказѣ имъ жилось лучше, и сожалѣли, что переселились. Ихъ всего 800 душъ. Часто имъ приходится сталкиваться съ бедуинами и друзами. Какіе нравы въ этихъ странахъ, видно изъ слѣдующаго. Недавно, зимою 1895 года, друзы обидѣли черкесовъ, именно—убили безъ всякой причины черкешенку; замѣтивъ,

[1]) *Duc de Luynes.* Voyage d'exploration à la mer Morte à Petra et sur la rive gauche du Jourdain (Atlas pl. 50).

Джерашъ.—Общій видъ развалинъ.

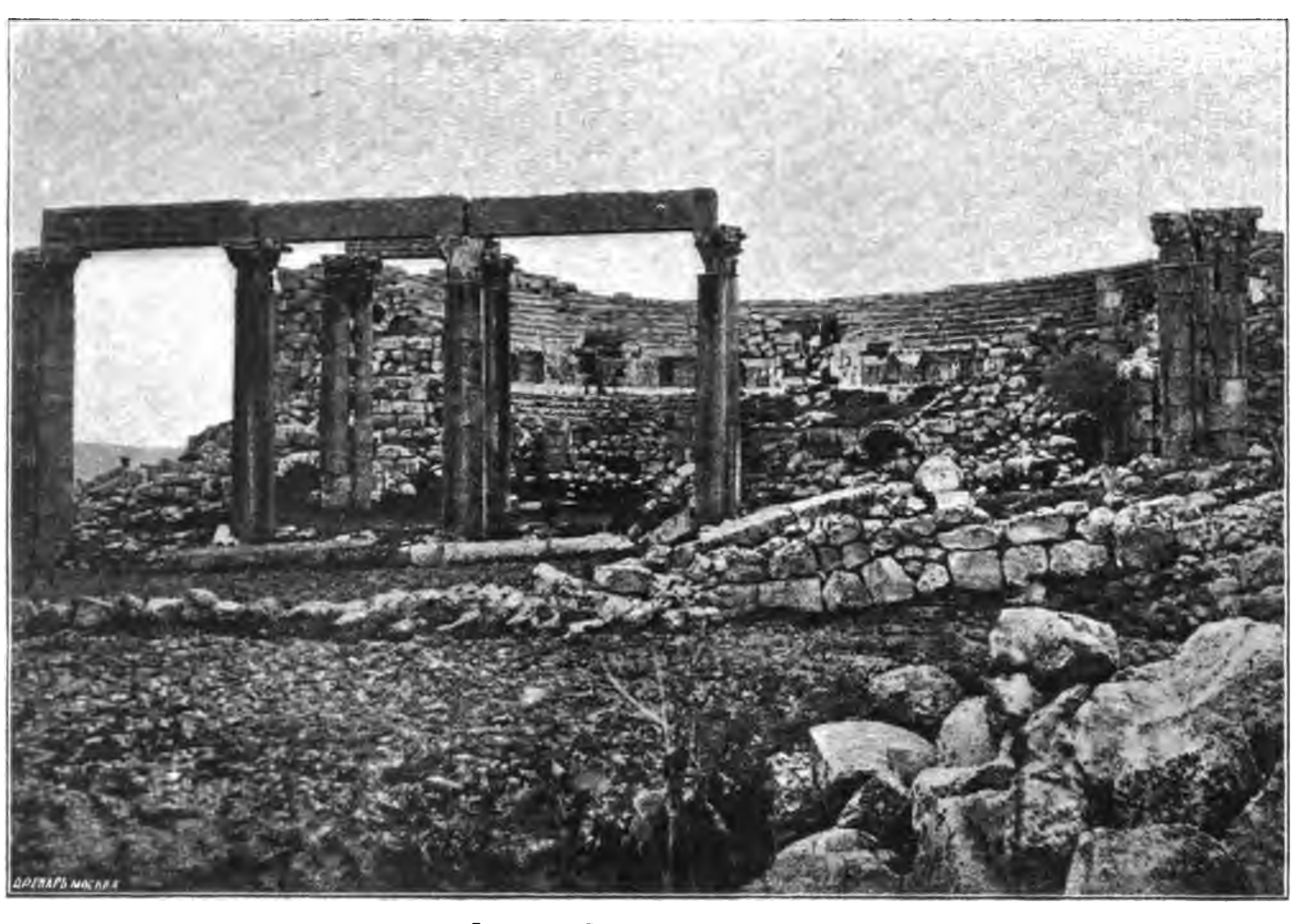
Джерашъ.— Развалины большого театра.

что она беременна, они ей распороли животъ. Черкесы отправились мстить друзамъ, убили у нихъ 200 человѣкъ и сами потеряли 50. Хотя, быть можетъ, есть нѣкоторое преувеличеніе въ сообщенныхъ мнѣ цифрахъ, однако несомнѣнно, что турецкому войску пришлось разнимать разсвирѣпѣвшихъ сосѣдей и водворить каждаго на родинѣ, тогда только непріязненныя дѣйствія кончились. Черкесы построили себѣ недурные домики и занимаются хлѣбопашествомъ, которое, благодаря обилію воды и хорошей почвѣ, даетъ имъ пропитаніе. Я съ мудиромъ ѣздилъ по окрестностямъ и помню, что онъ направилъ меня прямо по полю ярко-зеленаго жирнаго, уже выколосившагося ячменя. Было это 4-го марта. На мое замѣчаніе, что мы топчемъ хлѣбъ, онъ сказалъ, что это ничего. Я думалъ, что это поле его подчиненныхъ, но оказалось, что это его собственное поле. Это мнѣ напомнило русское отношеніе къ посѣвамъ.

Осмотрѣвъ развалины, я началъ разспрашивать мудира о надписяхъ и послѣ многихъ объясненій мнѣ удалось найти ихъ до 20-ти. Нѣкоторыя пришлось фотографировать внутри зданій при вспышкѣ магнія, другія, хотя и съ обведенными мѣломъ буквами, весьма плохо поддавались съемкѣ. Надлежащей для эстампажей бумаги оказалось у меня слишкомъ мало, и потому вообще эстампажи мои оказались плохими, но передѣлывать ихъ вновь нечѣмъ было. Быть можетъ, другіе путешественники, наплывъ которыхъ надо ожидать по окончаніи возстанія друзовъ, переснимутъ ихъ. Я раньше упоминалъ, что теперь всего 16 часовъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Бейрута до Мзебира, а оттуда 9 часовъ верхомъ до Джераша. Отъ Джераша до Мзебира дорога ничего не представляетъ интереснаго, кромѣ одного ущелья недалеко отъ Джераша и въ немъ одного большого и красиваго дуба, которому приписываютъ чудотворное дѣйствіе на болѣзни, почему онъ и уцѣлѣлъ отъ повальнаго истребленія ему подобныхъ черкесами.

Зданія Джераша, представляющія наибольшій интересъ, это — большой театръ для 5000 человѣкъ съ прекрасно сохранившимися рядами для зрителей; циркъ, находящійся у тріумфальной арки, въ которомъ, вѣроятно, давались примѣрныя морскія битвы, принадлежащій слѣдовательно къ числу такъ называемыхъ навмахій: объ этомъ его назначеніи свидѣтельствуютъ многочисленные каналы, подводившіе къ цирку воду; затѣмъ большой храмъ, обыкновенно называемый храмомъ Солнца, превосходно построенный и съ колоннами, украшенными чудными капителями, напоминающими пальмирскіе памятники. Входныя его ворота (см. рис.), ведшія въ ограду храма, также прекрасны. Позднѣйшая по времени, стилю и работѣ большая колоннада сильно уступаетъ колоннамъ храма Солнца по красотѣ и размѣрамъ. Нельзя отказать въ величіи и красотѣ периболу, отъ котораго сохранилось 58 колоннъ; въ немъ, быть можетъ, помѣщался форумъ, и можно думать, что здѣсь былъ центръ города. Отъ форума начиналась большая колоннада, тутъ же былъ, возвышаясь надъ нимъ, большой театръ и южный храмъ.

Какъ въ Пальмирѣ, такъ и здѣсь, большая колоннада, отъ которой сохранилось здѣсь до 100 колоннъ, а въ Пальмирѣ до 800, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ выше, чѣмъ въ другихъ. На мѣстахъ пересѣченія съ другими колоннадами находятся по четыре большихъ базы (тетрапилоны), назначеніе которыхъ, вѣро-

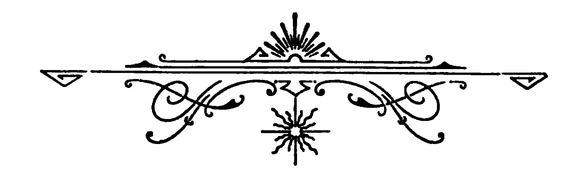


Джерашъ.—Развалины малаго театра.

ятно, было поддерживать куполъ надъ скрещеніемъ дорогъ или просто украшать перекрестки улицъ.

По всей вѣроятности, частные дома въ древности, также какъ и теперь на Востокѣ, были небольшіе; большинство изъ нихъ были сложены изъ глины и потому не дошли до насъ. Мѣстные богачи не украшали своихъ домовъ: ихъ средства часто добровольно, а еще чаще почти что по принужденію, шли на постройку общественныхъ зданій, храмовъ, фонтановъ, статуй и пр., которыми они украшали разные города. Общественныя зданія и храмы, построенные прочно изъ дорогихъ строительныхъ матеріаловъ, лучше устояли отъ разрушительнаго вліянія стихій и людей. Сирія періодически подвергается дѣйствіямъ землетрясеній и исторія сохранила память о самыхъ сильныхъ изъ нихъ. Таковыхъ было шесть отъ IV-го до VIII-го вѣка. Кромѣ того, конечно, были послѣ и другія. Портикъ южнаго храма, по всей вѣроятности, повергнутъ на землю однимъ изъ нихъ (см. видъ № 4). Но помимо землетрясеній часто и войны превращали цвѣтущіе города въ груды развалинъ; а еще разрушительнѣе стихій дѣйствовала на памятники древности медленная порча ихъ. Ими пользовались послѣдующія поколѣнія какъ готовымъ матеріаломъ для воздвигавшихся вновь построекъ, и чѣмъ гуще было населеніе, чѣмъ выше культура, чѣмъ лучше и роскошнѣе памятники позднѣйшихъ временъ, тѣмъ опасность разрушенія становилась больше для памятниковъ древности [1]).

Къ счастію для памятниковъ греко-римской культуры, разсѣянныхъ на границѣ Сирійско-Аравійской пустыни, послѣ погрома этихъ странъ послѣдователями Магомета страна опустѣла, и рѣдкіе ея обитатели были кочевниками, которымъ не было причинъ разрушать древнія зданія. Поэтому Пальмира, Джерашъ и Петра и дошли до насъ сравнительно такъ хорошо. Баальбекъ, находящійся въ заселенной мѣстности съ осѣдлымъ населеніемъ, значительно больше пострадалъ. Его предохранили отъ полнаго истребленія исполинскіе размѣры камней, изъ которыхъ сложены его памятники. Помню, какъ больно было смотрѣть мнѣ въ 1882 году на турокъ, взрывавшихъ порохомъ чудныя капители и громадные барабаны колоннъ, лежавшихъ въ садахъ у подножія стѣнъ Баальбекскаго Акрополя. Джерашскимъ памятникамъ грозитъ нѣкоторая опасность отъ поселившихся здѣсь черкесовъ. Хотя они построили свой поселокъ (замѣтный на нѣсколькихъ изъ нашихъ видовъ) на лѣвомъ берегу рѣчки Кервана, все же много древнихъ обломковъ вошли какъ матеріалы въ стѣны ихъ зданій.



---

1) См. мое сочиненіе „Пальмира", стр. 35.

Монастырь Мхитаристовъ въ Венеціи (1717 г.).

Двѣ ученыхъ обители.

(Венеціанскіе и Вѣнскіе Мхитаристы.)

Рѣдкій туристъ, осмотрѣвъ достопримѣчательности Венеціи: San Marco, Palazzo Ducale и проч., покинетъ столицу Адріатики, эту нѣкогда мощную «царицу морей», не посѣтивши маленькаго островка св. Лазаря (San Lazzaro), на которомъ (см. рисунокъ) въ первой четверти прошлаго столѣтія, послѣ многихъ невзгодъ и скитаній, нашла пріютъ небольшая армянская колонія. Въ популярности среди туристовъ островка San Lazzaro насъ можетъ убѣдить какъ толстая «книга посѣтителей», въ которой мы читаемъ имена лицъ различныхъ національностей, такъ и вереница гондолъ, направляющихся къ этому островку.

Поѣздка на островъ св. Лазаря—одна изъ самыхъ пріятныхъ, какія только можно предпринять изъ Венеціи съ наименьшею затратою времени. Сѣвъ въ гондолу на набережной у Piazetta, мы отчаливаемъ по направленію къ острову San Giorgio и затѣмъ беремъ направленіе на востокъ, къ Лидо. Piazetta съ двумя ея колоннами, купола соборной церкви св. Марка, Campanile, дворецъ Дожей и другія палаццо по набережной Невольниковъ (Riva degli Schiavoni) удаляются отъ насъ... Мимо нашей гондолы проходятъ пароходы и пароходики и всякій разъ заставляютъ ее приходить въ сильное сотрясеніе на гребняхъ поднятыхъ волнъ... Но вотъ мы уже приближаемся къ островку San Servolo, пройдя который мы замѣчаемъ San Lazzaro съ монастырскою обителью Мхитаристовъ. Еще нѣ-

сколько минутъ и гондола, обогнувъ полукруглый выступъ, огороженный невысокою стѣною, причаливаетъ къ омываемымъ волнами ступенямъ входа въ главное монастырское зданіе. Мы оставляемъ гондолу и вступаемъ во владѣнія армяно-католическихъ монаховъ—Мхитаристовъ.

I.

Основаніе обители Мхитаристовъ въ Венеціи относится къ первой четверти прошлаго столѣтія, когда въ 1717 году декретомъ сената Венеціанской республики островъ св. Лазаря, служившій нѣкогда убѣжищемъ для прокаженныхъ, былъ уступленъ въ вѣчное владѣніе армянскому иноку Мхитару и его ученикамъ, незадолго передъ тѣмъ (весною 1715 г.) прибывшимъ въ Венецію изъ греческаго города Метоны (въ юго-западной части Пелопоннеса), гдѣ ихъ пребываніе подвергалось опасности со стороны турецкихъ полчищъ.

Но кто же былъ этотъ сынъ далекой Арменіи—Мхитаръ, явившійся въ лагуны Адріатики, чтобы пріютиться подъ сѣнью крыльевъ льва св. Марка?

Мхитаръ (или, какъ было его имя до посвященія въ санъ діакона, Манукъ) былъ сынъ жителя малоазійскаго города Севастіи (нынѣ Сивасъ)—Петра; онъ родился 7 февраля 1676 года. Уже съ ранняго возраста въ немъ начала развиваться любовь къ ученію, а параллельно развивалась и наклонность къ иноческой жизни. Посвященный въ діаконы, Мхитаръ нѣкоторое время оставался въ монастырѣ Сурб-Ншанъ (св. Знаменія), гдѣ занялся чтеніемъ и изученіемъ Священнаго Писанія, пока ему не представился случай отправиться въ Эчміадзинъ. Но здѣсь Мхитаръ заболѣлъ и не долго могъ оставаться. Вмѣстѣ съ однимъ своимъ севастійскимъ другомъ онъ уходитъ въ Севангскій монастырь на озерѣ Гокчѣ (см. рисунокъ); но и здѣсь ему не суждено было остаться на долгое время, такъ какъ жизнь на пустынномъ островѣ (на которомъ сооруженъ монастырь) не удовлетворила его. Перебравшись въ Эривань, чтобы оттуда возвратиться на родину, Мхитаръ по дорогѣ, у Гасанъ-Кала, прервалъ свой путь, такъ какъ настоятель монастыря во имя Богородицы предложилъ ему взять на себя преподаваніе въ монастырской школѣ. Эту должность Мхитаръ исправлялъ полтора года и за это время, какъ увѣряютъ его біографы, онъ имѣлъ возможность ближе ознакомиться съ догматами и вѣроученіемъ католической церкви, такъ какъ въ этихъ мѣстностяхъ (особенно въ Эрзерумѣ) шла дѣятельная католическая пропаганда.

По прибытіи въ Эрзерумъ, Мхитаръ познакомился съ однимъ лицомъ, побывавшимъ въ Римѣ. Отъ него Мхитаръ узналъ о могуществѣ папы, о блескѣ его двора, о богатствѣ и величіи храмовъ вѣчнаго города и т. д. Эти разсказы, конечно, не могли остаться безъ вліянія на впечатлительнаго юношу, и съ тѣхъ поръ желаніе видѣть Римъ не оставляло Мхитара. Когда онъ по пути въ Іерусалимъ (куда онъ отправился съ однимъ монахомъ въ качествѣ спутника), прибылъ въ Алеппо, ему пришлось здѣсь познакомиться съ нѣсколькими іезуитскими монахами, которымъ онъ и объявилъ о своемъ сильномъ желаніи отпра-

виться въ Римъ для образованія. Монахи долго отговаривали Мхитара, выставляя ему на видъ всѣ трудности, которыя ожидали его въ Римѣ, его незнаніе латинскаго и итальянскаго языковъ и т. д. Но, будучи, не въ состояніи отговорить пылкаго юношу, стремившагося во что бы то ни стало къ образованію, они въ концѣ-концовъ снабдили Мхитара рекомендательными письмами къ членамъ пропаганды въ Римѣ, и онъ немедленно собрался въ дальній путь. Но ему на этотъ разъ не суждено было попасть въ Италію. Заболѣвъ по пути, Мхитаръ возвратился на родину (въ 1695 г.). На слѣдующій годъ юный энтузіастъ былъ постриженъ въ монахи.

Въ это время въ умѣ Мхитара, имѣвшаго возможность во время своихъ скитаній ближе ознакомиться съ духовными нуждами своихъ соотечественниковъ, уже начинаетъ созрѣвать планъ образованія религіозно-ученаго союза или

Гокча и Севангскій монастырь (X в.).

братства съ цѣлью подготовленія проповѣдниковъ и учителей для армянскаго народа. Но основаніе такого религіозно-ученаго союза не было по силамъ одному Мхитару, который къ тому же и самъ не обладалъ достаточнымъ образованіемъ. Онъ, поэтому, отправляется въ Константинополь, гдѣ излагаетъ свой планъ монаху Хачатуру, ученику римской конгрегаціи de propaganda fide, слывшему за человѣка какъ ученаго, такъ и энергичнаго. Но Хачатуръ, подъ разными предлогами, отклонилъ отъ себя проектъ Мхитара, и послѣдній, ничего не добившись въ Константинополѣ, возвратился назадъ (въ 1698 г.).

Такимъ образомъ прошло еще два года. Въ 1700 г. Мхитаръ съ нѣсколькими учениками снова появился въ Константинополѣ. Въ это время въ столицѣ Турціи армянское духовенство вело ожесточенную борьбу противъ католической пропаганды среди армянскаго населенія. Поэтому неудивительно, что въ этотъ разгаръ борьбы Мхитаръ изданіемъ нѣкоторыхъ сочиненій, переведенныхъ съ латинскаго (въ томъ числѣ «De imitatione Christi»), навлекъ на себя подозрѣніе

армянскихъ духовныхъ властей. Дѣло дошло до того, что злополучный переводчикъ долженъ былъ, распустивъ своихъ учениковъ, укрыться въ монастырѣ капуциновъ, находившихся подъ особымъ покровительствомъ французскаго посла. 8-го сентября 1701 года собравшійся совѣтъ, состоявшій изъ Мхитара и его учениковъ, рѣшилъ образовать монастырское братство, цѣлью котораго должно было быть изученіе всѣхъ необходимыхъ наукъ и споспѣшествованіе духовнымъ нуждамъ армянскаго народа. Уставомъ для монастырскаго братства былъ выбранъ уставъ св. Антонія, а само братство было поставлено подъ покровительство Богоматери. Что касается до мѣста, гдѣ должно было основаться это ученое братство, то самымъ удобнымъ была признана Морея, находившаяся

Мон. Мхитаристовъ.—Главная галлерея.

тогда подъ властью Венеціанской республики. Сюда, въ февралѣ 1703 года, послѣ многихъ испытаній и опасностей, Мхитаръ могъ, наконецъ, перебраться со своими учениками. Правительство Венеціанской республики, владѣвшее въ то время Мореей, согласно просьбѣ Мхитара, уступило ему мѣсто около укрѣпленія Метоны для сооруженія монастырской обители, а также предоставило ему два помѣстья, доходами съ которыхъ должна была существовать братія.

Много пришлось положить труда Мхитару при учрежденіи братства. Хозяйственныя заботы смѣнялись заботами о духовно-нравственномъ преуспѣваніи его учениковъ: ему приходилось назначать работу для каждаго члена братства, слѣдить за ея выполненіемъ, опредѣлять часы занятій, молитвы, отдыха и т. д.

Между тѣмъ до Рима дошелъ слухъ о новомъ орденѣ, основавшемся въ

предѣлахъ венеціанскихъ земель, и Мхитару, по необходимости, пришлось представить статутъ братства, позаботиться о полученіи должнаго утвержденія со стороны папы. Долго шли переговоры и только въ 1712 г. папа Климентъ XII утвердилъ новое братство, давъ ему уставъ св. Бенедикта (взамѣнъ устава св. Антонія) и назначивъ Мхитара аббатомъ. Этимъ самымъ совершилось, по мнѣнію біографовъ Мхитара, его невольное присоединеніе къ католической церкви или, лучше сказать, признаніе главенства папы надъ братствомъ или орденомъ [1]).

Но недолго пришлось оставаться Мхитару и его ученикамъ на классической почвѣ Эллады. Война Венеціи съ Турціей заставила Мхитара покинуть Метону и искать новаго убѣжища. Мхитаръ, почти со всѣми учениками, садится на корабль и прибываетъ въ Венецію (въ 1715 г.), покинувъ на произволъ судьбы основанную имъ обитель, надъ которой было положено столько труда и которой теперь предстояло испытать всѣ ужасы турецкаго нашествія. Сенатъ Венеціанской республики не отказалъ бѣглецамъ въ своемъ покровительствѣ: взамѣнъ захваченныхъ турками земель братства въ Мореѣ, было постановлено (въ 1717 г.) предоставить Мхитару въ вѣчную собственность островъ св. Лазаря, находившійся недалеко отъ самой Венеціи, но считавшійся тогда внѣ города. 8-го сентября 1717 г., въ день основанія братства, Мхитаръ переселился на островъ *и приступилъ къ постройкѣ монастырскихъ зданій*. Благодаря пособіямъ, съ одной стороны отъ венеціанскаго правительства, съ другой—частныхъ жертвователей, Мхитаристамъ удалось устроиться на почвѣ Италіи и, на этотъ разъ, уже прочнымъ образомъ.

Слишкомъ 30 лѣтъ провелъ Мхитаръ на о-вѣ св. Лазаря, весь отдавшись заботамъ о его устроеніи. Наблюдая за воздвигаемыми зданіями, онъ, въ то же время, слѣдилъ и за занятіями своихъ учениковъ, а также находилъ досугъ заниматься литературными трудами. 27-го апрѣля 1749 г., имѣя отъ роду 74 года, Мхитаръ закончилъ свою трудовую, исполненную стольких превратностей судьбы, жизнь.

Годъ отъ году братство Мхитаристовъ (такъ уже назывались члены братства) все болѣе и болѣе развивалось: вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалось и число его членовъ. Съ разныхъ концовъ Азіи и Европы стали стекаться въ Венецію ученики, чтобы получить образованіе въ монастырской школѣ о-ва св. Лазаря, подъ руководствомъ Мхитаристовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обогащалась и библіотека, которая въ настоящее время, по числу армянскихъ рукописей, считается первою послѣ Эчміадзинской (см. К. Патканова: «Библіографич. очеркъ арм. историч. литературы», Спб., 1880 г., стр. 22). Была, наконецъ, основана типографія, выпустившая въ свѣтъ столько прекрасныхъ изданій и неустанно работающая и донынѣ.

---

[1]) Переходъ Мхитара изъ лона національной (армянской) церкви въ католицизмъ, хотя и не можетъ не вызывать недоумѣнія, тѣмъ не менѣе „находитъ естественное свое оправданіе въ положительной необходимости, въ обстоятельствахъ, среди которыхъ суждено было разрѣшиться великой задачѣ Мхитара“ (проф. С. Назаріанцъ: „Обозрѣніе исторіи Гайканской письменности въ новѣйшія времена“. Казань, 1846 г., стр. 58),—а этою задачей, какъ мы знаемъ, было духовное возрожденіе его соотечественниковъ.

II.

Ознакомившись съ краткою біографіей основателя братства Мхитаристовъ, съ исторіей учрежденія самого братства, обратимся теперь къ обзору дѣятельности и заслугъ Мхитаристовъ какъ предъ ихъ соотечественниками въ частности, такъ и предъ ученымъ міромъ Европы вообще. При этомъ мы должны предупредить, что будемъ разсматривать братство Мхитаристовъ исключительно какъ академическое учрежденіе [1]).

Армянская литература и языкъ, начиная съ XIV столѣтія, все болѣе и болѣе клонились къ упадку; точно такъ же и образованіе армянскаго народа

Мон. Мхитаристовъ.—Кабинетъ Байрона.

оставляло желать многаго. Попытки отдѣльныхъ лицъ поднять языкъ, литературу и образованіе на болѣе высокій уровень не приводили къ благотворнымъ результатамъ. Мхитаристы, одной изъ главныхъ задачъ которыхъ было культивированіе армянскаго языка, ревностно принялись за изученіе, обработку и

[1]) Проф. С. Назаріанцъ („Обозрѣніе Гайканской Письменности въ новѣйшія времена". Казань, 1846) говоритъ: „Оставляя въ сторонѣ особенно-религіозное направленіе общества Мхитаристовъ, не касаясь до римско-католическихъ интересовъ, возникшихъ въ немъ по чувству данныхъ отношеній къ папѣ, исторія арм. литературы должна разсматривать его какъ ученую Академію, которой сочлены обязаны заниматься воздѣланіемъ наукъ, взаимно сообщая одинъ другому результаты своихъ изслѣдованій" (pp. 73—74).

— Извѣстно, что Наполеонъ I, разгромившій венеціанскіе монастыри, оставилъ неприкосновеннымъ армянскій монастырь о—а св. Лазаря, имѣя въ виду *академическое направленіе занятій* братства Мхитаристовъ.

очищеніе классическаго древне-армянскаго языка; съ этою цѣлью они издали цѣлую серію грамматическихъ руководствъ и словарей. Первая полная грамматика древне-армянскаго языка, достойная этого названія, была составлена о. Михаиломъ Чамчьянъ, авторомъ пространной Исторіи Арменіи, въ 1778 году; за нею послѣдовалъ почтенный трудъ о. Гавріила Аветикьянъ (въ 1815 г.). Вѣнцомъ же грамматическихъ работъ конгрегаціи Мхитаристовъ является Пространная Армянская Грамматика поэта Арсена Багратуни, плодъ его сорокалѣтнихъ занятій, представившая все наличное грамматическое богатство древнеармянской рѣчи (Вен., 1852 г.).

Въ связи съ работами по армянской грамматикѣ должны быть упомянуты также труды по армянской *лексикологіи*.

Еще самъ Мхитаръ, въ числѣ своихъ другихъ трудовъ, оставилъ «Словарь Армянскаго языка» (2 тома), который вышелъ въ свѣтъ уже по смерти автора. Для своего времени этотъ трудъ можно назвать исполинскимъ, имѣя въ виду, что онъ явился сразу, безъ всякихъ предшественниковъ [1]). Такъ какъ съ теченіемъ времени, съ открытіемъ новыхъ рукописей, этотъ словарь уже оказывался недостаточнымъ, то было задумано новое изданіе. Въ 1784 г. три члена братства: Г. Аветикьянъ, Х. Сурмельянъ и М. Авгерьянъ, взялись за составленіе «Новаго Армянскаго Словаря», который въ ученыхъ сочиненіяхъ извѣстенъ болѣе подъ именемъ *Большого* или *Академическаго* (Арм.) Словаря. Задачею этого изданія, потребовавшаго *50 лѣтъ* упорнаго труда, было представить *все наличное богатство др.-арм. языка*, насколько это возможно было въ ихъ время. Проф. К. Паткановъ слѣдующимъ образомъ описываетъ этотъ словарь: «Для точнаго опредѣленія значенія каждаго слова помимо оригинальныхъ сочиненій армянскихъ авторовъ, было главнымъ образомъ обращено особенное вниманіе на переводы: Библіи, трудовъ св. Отцевъ и нѣкоторыхъ классическихъ сочиненій, сдѣланные еще въ V вѣкѣ. Къ каждому слову для его опредѣленія составители прилагали соотвѣтствующее ему въ греческихъ оригиналахъ значеніе... Глубокое знаніе языковъ греческаго, латинскаго, персидскаго, частью арабскаго и еврейскаго дало составителямъ возможность рядомъ съ значеніемъ словъ указать и на заимствованіе многихъ словъ изъ названныхъ языковъ. Труженики не ограничились и этимъ. Каждый разъ они ссылаются на авторовъ, у которыхъ данное слово встрѣчается, и выписываютъ изъ нихъ цѣлыя цитаты. Не слѣдуетъ забывать, что въ то время почти вся древняя армянская литература заключалась въ рукописяхъ, которыхъ только малая часть была издана...» («Мат. для Арм. Словаря» I, Спб., 1882, pp. 2—3).

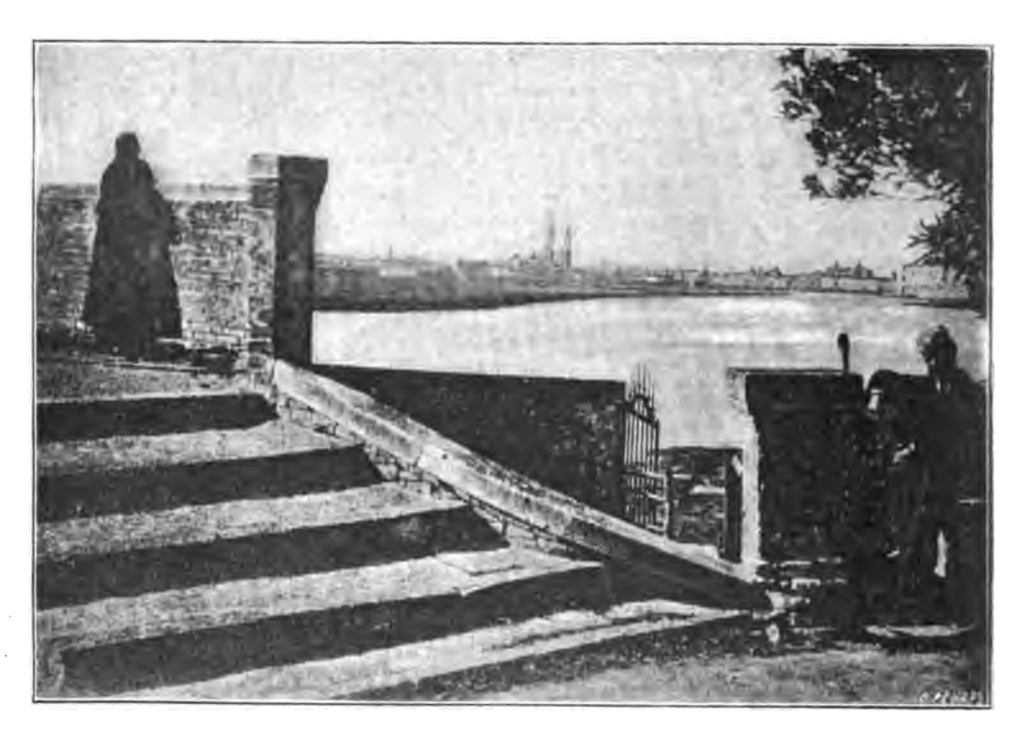
Въ области изученія Армянской исторіи дѣятельность Мхитаристовъ замѣчательна собственно тѣмъ, что они первые собрали много относящагося сюда матеріала. Въ этомъ отношеніи замѣчателенъ трудъ о. Михаила Чамчьянъ, издавшаго (въ 1784—86), на древне-армянскомъ языкѣ, пространную «Исторіи Арменіи» съ древнѣйшихъ временъ до 1784 г., въ трехъ огромныхъ томахъ in 4. Исторія Арменіи Чамчьяна, конечно, не удовлетворяетъ требованіямъ со

---

1) Въ немъ объяснялись армянскія слова на др.-арм. языкѣ. Онъ также заключалъ отдѣлъ армянскаго народнаго языка.

временной критики, но, тѣмъ не менѣе, какъ цѣнпое собраніе, какъ сводъ ма теріаловъ она не утрачиваетъ своего значенія отчасти и теперь [1]). Единственный упрекъ, который уже давно сдѣланъ Чамчьяну, какъ автору «Исторіи Арменіи»—это то, что онъ не былъ вполнѣ безпристрастенъ при изложеніи нѣкоторыхъ событій касающихся церковной исторіи Арменіи [2]).

Болѣе плодотворны были труды по изученію Географіи и Древностей Арменіи. Здѣсь мы прежде всего должны назвать такіе капитальные труды о. Луки Инчичьянъ, каковы «Географія древней Арменіи» (2-е переработанное изд. 1822 г.) и «Древности Арменіи» (3 тома, Вен. 1835); послѣднее сочиненіе, явив-



Мон. Мхитаристовъ.—Терраса съ видомъ на Венецію.

шееся безъ предшественниковъ, замѣчательно собственно тѣмъ, что авторъ собралъ воедино всѣ доступныя ему свѣдѣнія по армянскимъ древностямъ [3]).

Въ числѣ историко-географическихъ трудовъ послѣдняго времени особенно замѣчательны работы маститаго ученаго, старца-поэта о. Гевонда Алишанъ, изъ

---

[1]) „Чамчьянъ все свое сочиненіе основываетъ главнымъ образомъ на сказаніяхъ своихъ предшественниковъ и весьма часто ихъ же словами излагаетъ разсказъ. Книга его долгое время, до изданія текстовъ, служила энциклопедіей исторіи армянской литературы". К. Паткановъ—Библ. очеркъ арм. истор. литературы. Спб., 1880, стр. 54.

[2]) См. Neumann — Versuch einer Geschichte d. Arm. Literatur. Leipzig, 1836, p. 276.

[3]) Первый томъ „Древностей" заключаетъ историко-географич. описаніе древней Арменіи, 2-й и 3-й заключаютъ свѣдѣнія объ управленіи, войскѣ, обычаяхъ, языкѣ и литературѣ, искусствѣ и религіи.—Трудъ этотъ не потерялъ своего значенія и въ настоящее время, несмотря на нѣкоторыя странныя мысли, встрѣчающіяся кое-гдѣ на его страницахъ.

которыхъ назовемъ «*Сисванъ*» (В. 1885 г., 4°, 592 стр.), «*Айраратъ*» (В. 1890 г., 4°, 590 стр.), «*Сисаканъ*» (В. 1893, 4°, 561 стр.), представляющія собою подробное историко-географическое (иллюстрированное) описаніе Киликіи, Айраратской и Сюникской провинцій [1]). Труды о. Алишана свидѣтельствуютъ о многосторонней и обширной эрудиціи автора, явившейся результатомъ его многолѣтнихъ занятій.

Исторія Армянской Литературы получила свое начало также среди Мхитаристовъ. Еще въ 1829 г. Сукіасъ Сомалъ, аббатъ братства, издалъ на итальянскомъ языкѣ Quadro della storia letteraria d'Armenia, и еще раньше, въ 1825 г., Catalogo delle opere classiche dei SS. Padri e di altri scrittori tradotti anticamente in armeno. Это были первые труды, гдѣ излагалась исторія армянской письменности, точнѣе—это были краткія замѣтки о писателяхъ и ихъ трудахъ. Болѣе разработанный трудъ по исторіи арм. литературы представилъ о. Г. Зарбанальянъ, издавшій 2 тома (болѣе 1200 стр.) «Исторіи армянской письменности» [2]).

Наконецъ, Мхитаристы выказали себя какъ неутомимые *издатели* и *переводчики*.

Какъ издатели они, поистинѣ, сослужили великую службу: ими изданы и продолжаютъ издаваться многочисленные памятники древне-армянской литературы. Изданія эти, тщательно исполненныя въ типографскомъ отношеніи, изящно переплетенныя, составляютъ эпоху въ исторіи армянскаго просвѣщенія и издательскаго дѣла. Изданія эти важны и въ научномъ отношеніи; текстъ ихъ былъ установленъ на основаніи сличенія тѣхъ рукописей, которыми располагали издатели.

Въ качествѣ переводчиковъ Мхитаристы представили переводы какъ съ древнихъ, такъ и съ новыхъ языковъ. Благодаря имъ, арм. литература обогатилась переводами твореній древнихъ классиковъ: Гомера, Виргилія, Горація, Өукидида, Еврипида, Ксенофонта, Саллюстія, Тацита, Цезаря, Цицерона, Плутарха и др.; переводы эти были исполнены на др.-арм. языкѣ съ замѣчательною изящностью и въ то же время очень близко къ оригиналу; изъ классиковъ новаго времени они переводили: Данте, Мильтона, Расина, Корнеля, Байрона, Лонгфелло и др. [3]).

Обращаясь къ заслугамъ Мхитаристовъ предъ европейскою наукою, отмѣтимъ прежде всего, что они много способствовали изученію армянскаго языка въ Европѣ, именно тѣмъ, что изданія ихъ—какъ грамматики и словари, такъ и тексты древнихъ авторовъ — представляли для европейскихъ ученыхъ единственный и самый полный источникъ. Основатель научной армянской грамма-

---

[1]) Объ этихъ трудахъ о. Алишана докладывалось въ засѣданіяхъ Имп. Моск. Археологическаго Общества, которое и избрало его своимъ членомъ.—Нѣсколько лѣтъ тому назадъ весь армянскій ученый міръ праздновалъ 50-лѣтній юбилей ученой дѣятельности о. Алишана.

[2]) Первый томъ (3 изд. 1887 г.) заключаетъ исторію древней письменности, второй (Вен., 1878 г.)—литературы позднѣйшаго времени.

[3]) Наконецъ, мы должны упомянуть объ издаваемомъ венец. Мхитаристами учено-литературномъ журналѣ Bazmavep (Полигисторъ), который пять лѣтъ тому назадъ праздновалъ 50-лѣтній юбилей своего существованія.

тики, профессоръ Петерманъ, воспользовался для своихъ трудовъ грамматикою Аветикьяна (см. Назаріанцъ, О. с. р. 93)[1]).

Далѣе, работы Мхитаристовъ по исторіи, географіи и древностямъ Арменіи долгое время были чуть ли не единственными источниками для европейскихъ ученыхъ арменистовъ. Сенъ-Мартенъ, извѣстный французскій оріенталистъ начала нынѣшняго столѣтія (авторъ замѣчательнаго труда Mémoires historiques et

Мон. Мхитаристовъ.—Садъ и колокольня.

géographiques sur l'Arménie, Paris, 1818—19, 2 vv.), не мало почерпнулъ изъ пространной исторіи Арменіи о. Чамчьяна. Авторъ Versuch einer Gesch. d. Armenischen Literatur, Карлъ Нейманъ, основалъ свой трудъ почти всецѣло на работѣ мхитариста о. С. Сомала— Quadro della storia letteraria d'Armenia.

Наконецъ, Мхитаристы оказали особенную услугу въ качествѣ издателей

[1]) Обѣ свои армянскія грамматики (на лат. яз.) проф. Петерманъ посвятилъ—одну о. Сомалу и др., другую—памяти основателя братства Мхитаристовъ, Мхитару Севастійскому.

текстовъ древнихъ армянскихъ авторовъ, а также тѣхъ сочиненій въ древне-армянскихъ переводахъ, которыхъ (греческіе, сирійскіе) подлинники утрачены или, по крайней мѣрѣ, не разысканы до настоящаго времени. Въ числѣ такихъ изданій достаточно упомянуть знаменитую «Хронику» Евсевія Памфила..

Заслуги Мхитаристовъ стяжали имъ уваженіе и симпатіи не только въ армянскомъ мірѣ. Ихъ, какъ примѣрныхъ тружениковъ науки, уважаетъ давшая имъ пріютъ Венеція и за нею вся ученая Европа [1]).

Не одинъ десятокъ ученыхъ находилъ у нихъ заботливое вниманіе и радушное гостепріимство [2]) во время своихъ занятій въ ихъ богатой библіотекѣ; не мало и такихъ, которые находятся съ ними въ постоянной корреспонденціи по тому или другому вопросу изъ области арменовѣдѣнія.

Въ Италіи, особенно въ Венеціи, къ Мхитаристамъ относятся съ особымъ уваженіемъ; «padri armeni» (такъ ихъ зовутъ) пользуются большою популярностью у всѣхъ сословій [3]). Венеціанскія симпатіи лучше всего характеризуются тѣми прочувствованными словами, съ которыми обратился къ Мхитаристамъ синдакъ (мэръ города) Венеціи на одномъ актѣ; представитель города сказалъ: какъ мы, венеціанцы, не можемъ представить себѣ площади св. Марка безъ собора и его колокольни, такъ не можемъ вообразить Венеціи безъ острова св. Лазаря.—Воспитанники коллегіи Мурадъ-Рафаэля, завѣдываніе которой находится въ рукахъ Мхитаристовъ, находятся на особенно-хорошемъ счету въ Италіи: ихъ охотно принимаютъ итальянскіе университеты и другія высшія спеціальныя учебныя заведенія. Выдержанность, скромность, любовь къ труду— вотъ отличительныя черты учениковъ, выпускаемыхъ этой коллегіей [4]).

---

1) Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что ни одинъ образованный туристъ не покинетъ Венеціи, не побывавъ у Мхитаристовъ. Въ ихъ книгѣ посѣтителей внесено много именъ изъ ученаго, литературнаго и артистическаго міра Европы и Америки. Въ числѣ ихъ гостей особенно слѣдуетъ упомянуть о лордѣ Байронѣ, который здѣсь обучался армянскому языку. Комната, въ которой занимался Байронъ, до сихъ поръ называется „кабинетомъ Байрона“ (см. рисунокъ).

2) Живя въ Европѣ, Мхитаристы все-таки остались вѣрны одному изъ священнѣйшихъ началъ армянской и вообще восточной жизни—гостепріимству.

— Другая черта—также чисто-національная—это домовитость и образцовое хозяйство, что легко можетъ замѣтить каждый посѣтитель о—а св. Лазаря. (Помимо небольшого о—а св. Лазаря, Мхитаристы владѣютъ также участкомъ на о—ѣ Лидо и нѣсколькими помѣстьями.)

3) Итальянская королева Маргарита, пріѣзжая въ столицу Адріатики, постоянно посѣщаетъ монастырь Мхитаристовъ, съ балкона котораго любуется чуднымъ видомъ на Венецію (см. рисунокъ).

4) Коллегія эта помѣщается въ самой Венеціи, въ мѣстности Carmini (по ту сторону Canale Grande), въ бывшемъ palazzo Zenobio; это, кажется, самая роскошная изъ всѣхъ арм. школъ. Содержится она на средства индійскихъ армянъ Мурада и Рафаэлянъ. — Въ школѣ же, находящейся при монастырѣ на о—ѣ св. Лазаря, обучаются юноши, приготовляющіеся къ духовному званію.

III.

Говоря о Мхитаристахъ Венеціи, нельзя не упомянуть и о Мхитаристахъ Вѣны.

Несмотря на то, что все, казалось бы, способствовало мирной жизни на тихомъ, безмятежномъ о—ѣ св. Лазаря, несмотря на мирное направленіе занятій самихъ обитателей этого островка, духъ несогласія успѣлъ проявиться и здѣсь. Разногласія, въ основѣ которыхъ лежали религіозные вопросы, о которыхъ мы не станемъ распространяться, разрѣшились тѣмъ, что въ 1773 году часть Мхитаристовъ отдѣлилась и, покинувши Венецію, направилась сначала въ Тріестъ, гдѣ основала собственную обитель, найдя покровительство и поддержку со стороны австрійской императрицы Маріи Терезіи, а затѣмъ, съ 1811 г., переселилась въ Вѣну[1]). Здѣсь были основаны ими школа и прекрасная типографія, въ настоящее время одна изъ лучшихъ въ Вѣнѣ. Библіотека вѣнскихъ Мхитаристовъ (въ общемъ менѣе богатая, чѣмъ библіотека Мхитаристовъ венеціанскихъ) заслуживаетъ также вниманія: въ ней за послѣднее время тщательно пополняется армянскій отдѣлъ, комплектуется собраніе армянскихъ газетъ и журналовъ и т. д. Также особенное вниманіе обращено и на армянскій рукописный отдѣлъ, котораго прекрасное описаніе составлено D-г. Яковомъ Дашьянъ (въ 1895 г.) и, какъ юбилейный подарокъ, было поднесено аббату архіепископу Арсену Айдыньянъ (см. рисунокъ), за время управленія котораго вѣнское братство Мхитаристовъ сдѣлало значительные шаги впередъ[2]).

Архіеп. Айдыньянъ.

Вѣнское братство Мхитаристовъ владѣетъ также небольшимъ музеемъ, въ которомъ обращаетъ на себя вниманіе нумизматическій отдѣлъ; здѣсь имѣется самая полная коллекція армянскихъ монетъ.

Научная дѣятельность вѣнскихъ Мхитаристовъ сравнительно съ дѣятельностью венеціанскихъ представляется въ меньшихъ размѣрахъ, отчасти уже потому, что, какъ самостоятельное учрежденіе, вѣнское братство является болѣе

---

[1]) Здѣсь въ Мхитаристахъ принялъ большое участіе императоръ Францъ. Вообще австр. домъ неоднократно проявлялъ знаки своего особаго расположенія къ нимъ. Подробности см. въ Abriss d. Geschichte d. Wiener Mechitharisten—Congregation etc. Wien, 1887. — Монастырь вѣнскихъ Мхитаристовъ находится въ Bezirg'ѣ Neubau, на Mechitharistengasse и представляетъ собою огромный четырехъэтажный корпусъ.

[2]) Расходы по изданію этого колоссальнаго труда, прекрасно исполненнаго въ типографскомъ отношеніи, взяла на себя Вѣнская Импер.—Корол. Академія Наукъ.

молодымъ. Но, этимъ самымъ, конечно, нисколько не умаляется значеніе самой научной дѣятельности. Среди работъ вѣнскихъ Мхитаристовъ слѣдуетъ особенно отмѣтить трудъ аббата Арсена Айдыньянъ «Критическая грамматика ново-армянскаго языка» (Вѣна, 1866; 334+502 стр.). «Въ этомъ трудѣ, говоритъ проф. К. Паткановъ («Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка» Спб., 1869), авторъ съ большимъ тщаніемъ собралъ и разобралъ всѣ доступные для него факты народнаго языка, въ разработкѣ ихъ высказалъ наблюдательность и ученые пріемы, не совсѣмъ обыкновенные, и довольно удачно справился съ предложенною имъ самимъ себѣ задачею» (pp. 14—15). Хотя этотъ трудъ (представляющій первый опытъ исторической грамматики ново-армянскаго языка) и не свободенъ отъ извѣстныхъ недостатковъ, тѣмъ не менѣе онъ «составленъ весьма добросовѣстно и можетъ служить долгое время сводомъ весьма разнообразныхъ свѣдѣній для занимающихся армянскимъ языкомъ» (ib. p. 16). Вообще *научное* занятіе языками особенно выгодно отличаетъ вѣнскихъ Мхитаристовъ отъ венеціанскихъ. Какъ языковѣдъ особенно прославился о. С. Дервишьянъ (авторъ книги—«Индоевропейскій праязыкъ» Константинополь, 1885 г.). Далѣе, мы должны отмѣтить занятія вѣнцевъ нумизматикою Арменіи (трудъ о. Сибильянъ), исторіей (Катырджьянъ и др.) и, наконецъ, за послѣднее время, критикою и изученіемъ текстовъ памятниковъ древне-христіанской литературы въ армянскихъ изводахъ (Гр. Калемкарьянъ, Як. Дашьянъ).

Въ заключеніе мы должны упомянуть объ ученомъ органѣ вѣнскихъ мхитаристовъ Handes Amsorya (=Ежемѣсячное Обозрѣніе), который въ настоящее время (издается съ 1887 г.) можетъ считаться центральнымъ органомъ арменовѣдѣнія: въ немъ, помимо армянскихъ ученыхъ (какъ изъ среды Мхитаристовъ, такъ и со стороны), принимаютъ участіе и европейскіе арменисты, какъ, напримѣръ, А. Каррьеръ (профессоръ семитическаго и армянскаго языковѣдѣнія въ парижской Ecole des langues Orientales vivantes).

Закончивъ обзоръ дѣятельности Мхитаристовъ [1]), какъ вѣнскихъ, такъ и венеціанскихъ, мы попытаемся охарактеризовать ихъ дѣятельность въ общихъ чертахъ.

Имѣя въ виду, что Мхитаристы явились первыми учеными (въ европейскомъ смыслѣ слова) среди Армянъ, что они вынесли на свѣтъ Божій и исторію, и

---

[1]) Подробности, касающіяся исторіи и дѣятельности братства Мхитаристовъ, могутъ быть почерпнуты изъ слѣдующихъ трудовъ:

Eugène Boré. St. Lazare de Venise. Venise, 1835.

P. Jacques Issaverdenz. L'île de St. Lazare. Venise 1876 (то же на итальянскомъ, англійскомъ и нѣмецкомъ яз.).

Le Vaillant de Florival. Méchitaristes de St. Lazare, avec un supplement à l'histoire et à litterature arménienne. Venise, 1841—56.

Victor Langlois. Notice sur le convent de St. Lazare. Venise 1863—69—91 (то же въ англійскомъ переводѣ Fr. Schröder'a, Венеція, 1874).

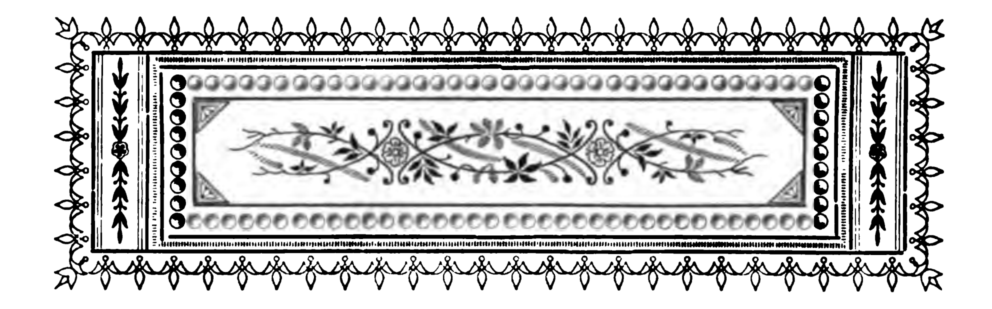
Litterarische Skizzen von Arthur Leist (глава: Die Kongregation der Mechitaristen) въ Armenische Bibliothek (II) Абгара Іоаннисіани (Leipzig, Wilh. Friedrich).

Ал. Ерицьянъ. Венеціанскіе Мхитаристы. Тифлисъ 1883 г. (на арм. языкѣ).

географію, и древности Арменіи, что они взяли на себя трудъ исправленія и очищенія языка, мы до извѣстной степени можемъ приравнять ихъ дѣятельность къ трудамъ гуманистовъ эпохи Возрожденія. Ученые гуманисты взялись за возрожденіе цицероновской латыни, за обновленіе латинскаго языка, пришедшаго въ варварское состояніе за мрачное время среднихъ вѣковъ. Мхитаристы то же самое предприняли относительно древне-армянскаго литературнаго языка (такъ наз. Грабара); гуманисты издавали писателей классической древности, мхитаристы то же дѣлали съ армянскими классиками; гуманисты составили сводъ всего, что касается государственной, общественной и умственной жизни древнихъ Грековъ и Римлянъ, тоже сдѣлали и Мхитаристы, издавъ труды по исторіи, географіи, древностямъ, исторіи литературы и т. д. древней Арменіи.

Левонъ Мсеріанцъ

Мхитаристъ О. Левонъ Алишанъ.



Два армениста.

I.

Проф. Н. О. Эминъ.

Н. О. Эминъ родился въ 1815 г., ноября 25-го дня, въ Нов. Джульфѣ, предмѣстьѣ Испагани, въ Персіи. Первоначальное образованіе получилъ онъ у мѣстнаго приходскаго священника, а девяти лѣтъ былъ отправленъ въ Калькутту къ своей бабушкѣ по матери, женѣ извѣстнаго индійскаго патріота и капиталиста Эмина, поучиться тамъ въ «Армянской человѣколюбивой школѣ».

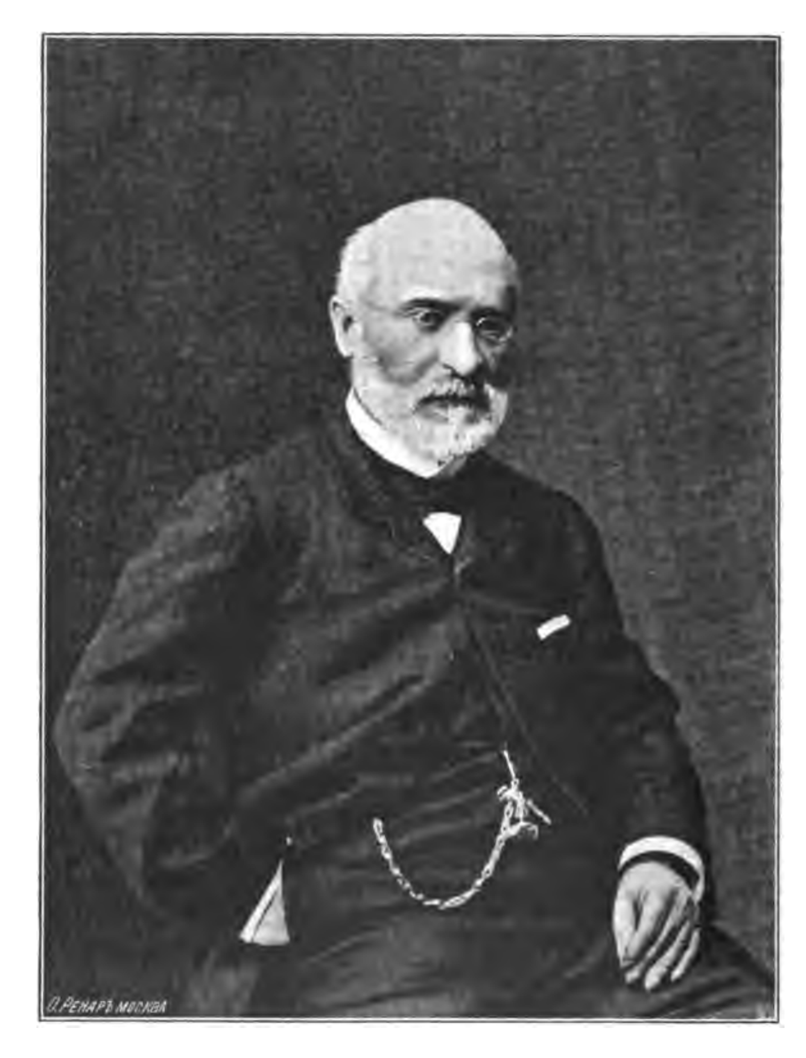
Окончивъ съ успѣхомъ курсъ ученія въ этомъ заведеніи, гдѣ между прочимъ онъ основательно ознакомился съ англійскимъ языкомъ, молодой Эминъ, который еще раньше того много наслышался о Московскомъ Лазаревскомъ институтѣ, захотѣлъ во что бы то ни стало перебраться въ древнюю русскую столицу, съ цѣлію продолжать свое ученіе въ упомянутомъ институтѣ, въ особенности же пріобрѣсти познанія по русскому языку.

Желаніе пылкаго юноши казалось нѣкоторое время несбыточной мечтой. Бабушка и слышать не хотѣла о разставаніи съ любимымъ внукомъ, а въ особенности о продолжительномъ морскомъ путешествіи, сопряженномъ съ большими опасностями. Пароходовъ тогда не было еще, и нужно было странствовать, не менѣе полугода, по морямъ на купеческихъ корабляхъ, прежде чѣмъ достигнуть сѣверной столицы Россіи. Послѣ долгихъ усилій убѣдили, наконецъ, бабушку отпустить молодаго Эмина. Весной 1829 г. Эминъ сѣлъ на шведскій бригъ, отправлявшійся въ Стокгольмъ, и, объѣхавъ, со многими приключеніями, Азію, Африку и Европу, черезъ Швецію и Финляндію, прибылъ наконецъ въ Петербургъ и затѣмъ въ Москву, употребивъ на плаваніе болѣе 7-ми мѣсяцевъ. Въ томъ же году, осенью, Эминъ поступилъ въ Лазаревскій институтъ.

Здѣсь-то вполнѣ высказались его счастливыя способности и неутомимая энергія. Пріѣхавъ въ Москву со знаніемъ нѣсколькихъ языковъ, онъ однако не зналъ ни слова по-русски и употребилъ всѣ усилія къ усвоенію языка нозаго

своего отечества. Онъ дѣлалъ большіе успѣхи въ наукахъ, а на досугѣ занимался литературой и переводами. Лазаревскій институтъ состоялъ въ то время, какъ и всѣ казенныя гимназіи, изъ 4-хъ классовъ, не считая приготовительнаго.

По окончаніи здѣсь курса, въ 1834 г., Эминъ поступилъ на философскій



факультетъ Московскаго университета, гдѣ его товарищи, между прочими, были Ю. Самаринъ, Кавелинъ, Катковъ, Ѳ. И. Буслаевъ и другіе. Въ 1838 году онъ только, что кончилъ курсъ въ университетѣ и въ томъ же году назначенъ преподавателемъ армянскаго языка и литературы въ Лазаревскомъ институтѣ. Съ 1850 г. онъ былъ опредѣленъ профессоромъ армянской словесности въ высшихъ

лицейскихъ классахъ того же заведенія. Должность эту онъ занималъ почти 30 лѣтъ, т.-е. до 1882 г., съ небольшимъ перерывомъ отъ 1866 по 1870 г., въ теченіе котораго онъ былъ назначенъ директоромъ училищъ Владимірской губ. Изъ Владиміра онъ былъ переведенъ въ Москву директоромъ 5-й гимназіи, при немъ впервые открытой, одновременно съ этимъ онъ состоялъ ординарнымъ профессоромъ въ лицейскихъ классахъ Лаз. института по каѳедрѣ армянской словесности. Въ 1876 г. Эминъ отказался отъ должности директора гимназіи, а черезъ шесть лѣтъ онъ оставилъ и каѳедру армянской словесности, чтобы вполнѣ свободно предаться научнымъ занятіямъ. И дѣйствительно, въ это время онъ довольно много писалъ и печаталъ: къ этому же времени относится его дѣятельное участіе въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества. Но уже вскорѣ даютъ себя чувствовать болѣзнь, а затѣмъ и старость, отнимая у него возможность къ серьезнымъ научнымъ занятіямъ. 13-го декабря 1890 года Эминъ скончался.

* * *

Многочисленные и разнообразные труды Эмина, число которыхъ болѣе 35, сводятся къ изученію армянской миѳологіи, археологіи, исторіи и исторіи литературы, разработкѣ которыхъ онъ оказалъ весьма важныя услуги.

Но, для болѣе безпристрастной оцѣнки ученой дѣятельности Эмина, важно имѣть въ виду не только прямыя свѣдѣнія объ его ученыхъ трудахъ, но и о томъ, въ какомъ отношеніи стоятъ эти труды къ однородной дѣятельности его ближайшихъ предшественниковъ.

Въ Россіи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, гдѣ армяне, послѣ многовѣковыхъ гоненій и рабства у невѣрныхъ, нашли убѣжище и покой — первыми проводниками просвѣщенія въ армянскую среду черезъ распространеніе печатныхъ армянскихъ книгъ и изученіе родного языка и литературы въ школахъ — были лица духовнаго званія. Во главѣ ихъ стоитъ одинъ изъ знаменитыхъ іерарховъ армянской церкви, архіепископъ Іосифъ кн. Аргутинскій-Долгорукій, проживавшій въ Петербургѣ въ концѣ прошлаго столѣтія. Интересуясь древне-армянской литературой, особенно же литературой духовной, и желая распространять ее въ народѣ, онъ завелъ типографіи въ Петербургѣ, Н. Нахичевани и Астрахани, въ которыхъ издалъ рядъ богослужебныхъ книгъ, важнѣйшіе труды Нарсеса Благодатнаго, нѣкоторыя историческія сочиненія, также русскій переводъ Чина священной литургіи армянской церкви и другія мелкія произведенія.

За кн. Аргутинскимъ, уже въ первой четверти нынѣшняго столѣтія, являются нѣсколько лицъ въ Петербургѣ, Москвѣ и Астрахани, и всѣ они тоже духовнаго званія: Іосифъ Іоаннесовъ, Артемій Аламдаровъ, еп. Михаилъ Салантьянъ, Гавріилъ Патканьянъ (отецъ извѣстнаго поэта Р. Патканьяна) и др. Первый извѣстенъ какъ переводчикъ «Исторіи Арменіи» Моисея Хоренскаго на русскій языкъ (Спб. 1809 г.); впрочемъ, онъ переложилъ болѣе съ латинскаго перевода бр. Вистоновъ, чѣмъ съ оригинала. Аламдарову принадлежитъ первый опытъ составленія «краткаго русско-армянскаго словаря». Салантьянъ былъ преподавателемъ Закона Божія и армянскаго языка въ Лазаревскомъ институтѣ, въ бытность Эмина въ институтѣ, и извѣстенъ нѣсколькими учебниками по преподаваемымъ имъ пред-

метамъ. Патканьянъ издалъ въ Астрахани еще въ 1825 г. армянскій переводъ Александра Македонскаго, по Діодору; онъ же былъ впослѣдствіи однимъ изъ піонеровъ армянской журналистики.— Къ этому слѣдуетъ прибавить и издававшееся при Лазаревскомъ институтѣ подъ редакціей Сергѣя Глинки (брата знаменитаго композитора) трехтомное «Собраніе актовъ, относящихся къ обозрѣнію исторіи армянскаго народа» (М. 1833—1838), и его же «Краткую исторію Арменіи».

Для полноты свѣдѣній о научныхъ трудахъ предшественниковъ Эмина, нужно упомянуть еще о трехъ чуть ли не единственно выдающихся сочиненіяхъ з.-европейскихъ арменистовъ того времени *S. Martin'a* — Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. Paris, 1819 г., на русскій яз. переведенные въ извлеченіи Худабашевымъ въ концѣ 50-хъ годовъ, аббата Венец. мхит. *Sukias'a Somal'a* — Quadro della Storia litteraria di Armenia. Венеція, 1829 г., русскій переводъ котораго — собств. съ нѣмецкой его обработки проф. Неймана — было сдѣлано покойнымъ проф. Назарянцемъ въ Казани, въ 40-хъ годахъ, и *Инджиджіана*—Топографія древней Арменіи (Венеція, 1822) и Армянская Археологія (Венеція, 1835).

Но общее научное направленіе Эминъ получилъ въ Московскомъ университетѣ, гдѣ онъ пробылъ съ 1834 по 1838 годъ. Какъ извѣстно, это была пора обновленія этого университета. Кромѣ молодыхъ талантливыхъ профессоровъ Шевырева, Погодина, Надеждина и нѣкоторыхъ другихъ, читавшихъ лекціи на философскомъ факультетѣ, вернулась къ этому времени изъ-за границы цѣлая фаланга отправленныхъ туда для подготовленія новыхъ профессоровъ по всѣмъ спеціальностямъ. Они имѣли благотворное вліяніе на университетскую молодежь и вообще на русскую науку — введеніемъ новыхъ научныхъ методовъ, основательнымъ знакомствомъ съ преподаваемыми ими науками и живымъ, интереснымъ изложеніемъ своего предмета.

Университетскіе курсы глубоко запечатлѣлись въ памяти Эмина; они дали ему солидное основаніе и благотворно отразились на дальнѣйшемъ направленіи его научной дѣятельности.

Но Эминъ взялъ на себя другую и, притомъ, болѣе трудную задачу. По окончаніи курса въ университетѣ (въ 1838 г.), онъ не сдѣлался спеціалистомъ ни по одному изъ преподаваемыхъ въ немъ предметовъ, что̀, при его желаніи и способностяхъ, было бы для него нетрудно. Его занимала, какъ видно, другая мысль: все, что онъ слушалъ въ университетѣ — по исторіи ли литературы, по русской народной литературѣ, по исторіи и древностямъ русскимъ, славянскимъ, греческимъ либо римскимъ,— Эминъ задумалъ переработать для армянской исторіи литературы и древностей; научный методъ, съ которымъ онъ ознакомился въ университетѣ въ приложеніи къ этимъ отраслямъ знанія, нужно было примѣнить, насколько это было возможно, къ неразработаннымъ матеріаламъ родной письменности.

Первый печатный трудъ Эмина, свидѣтельствующій объ его серьезныхъ задачахъ и хорошей подготовкѣ, это — переводъ на русскій языкъ знаменитой въ свое время «Исторіи литературы среднихъ вѣковъ» Вильмена, въ трехъ томахъ. Переводъ этотъ, навѣянный, быть-можетъ, лекціями Шевырева, былъ предпри-

нять Эминымъ въ сотрудничествѣ съ его товарищемъ, Кротковымъ, въ 1836 г., когда они были еще на II курсѣ философскаго факультета. Трудъ молодыхъ студентовъ не прошелъ незамѣченный и въ тогдашней русской журналистикѣ (см. сочувственный отзывъ объ этомъ переводѣ проф. Надеждина въ *Телескопѣ* за 1836 г., кн. 14, отд. библіографіи, стр. 48—50).

Надеждинъ вѣрно угадалъ: Эминъ, дѣйствительно, сталъ «русскимъ писателемъ и ученымъ», но не «подъ знойнымъ тропическимъ небомъ Индостана», напротивъ того — на холодномъ сѣверѣ, въ Москвѣ, съ которой и связана вся его съ лишнимъ 50-ти лѣтняя ученая и педагогическая дѣятельность.

* * *

Переходя къ краткому обзору трудовъ Эмина, остановимся прежде всего на работахъ его по исторіи Арменіи. Въ этой области слѣдуетъ отмѣтить его *переводы*, *изданія* историческихъ памятниковъ и *критическія* изслѣдованія.

При выборѣ какого-нибудь армянскаго автора для перевода, Эминъ руководствовался не однимъ только интересомъ къ исторіи Арменіи; онъ всегда задавался широкой задачей, имѣя въ виду при этомъ исторію Востока вообще. Въ такихъ трудахъ онъ старался отмѣчать въ обстоятельныхъ и цѣнныхъ комментаріяхъ сохранившіяся у армянскихъ историковъ любопытныя данныя касательно, наприм., Персіи въ парѳянскій и сассанидскій періоды, Сиріи, Кавказской Албаніи, Грузіи, арабовъ, сельджукидовъ, монголовъ и др., приходившихъ въ разное время въ столкновеніе съ армянами. Въ этомъ отношеніи особенно важно для науки значеніе армянскихъ историковъ, пополняющихъ многіе пробѣлы хронографовъ византійскихъ и арабскихъ.

Одинъ изъ раннихъ переводовъ Эмина—*Моисей Хоренскій*. Какъ отецъ армянской исторіи, послѣдній, конечно, болѣе другихъ армянскихъ писателей интересовалъ его. Въ немъ онъ искалъ древнѣйшія преданія о вѣрованіяхъ армянъ, о народномъ эпосѣ, которыя впослѣдствіи обработалъ въ отдѣльныхъ монографіяхъ. За этотъ трудъ, поднесенный покойному Государю Императору Александру II, Эминъ былъ Высочайше награжденъ цѣннымъ бриліантовымъ перстнемъ.

Не менѣе интереса для исторической науки представляютъ и другіе его переводы: *Фавста Византійскаго* (*писателя*—IV в.), исполненнаго имъ по предложенію французскаго армениста В. Ланглуа для его Collection des Historiens Arméniens anciens et modernes. Paris, 1867 г. T. I. Далѣе, переводы *Асохика* и *Вардана Великаго*, историковъ XI и XII вѣковъ, которые, сверхъ важнаго значенія для багратидскаго и киликійскаго періодовъ армянской исторіи представляютъ цѣнные факты по исторіи Византіи, арабовъ и монголовъ въ Передней Азіи. Заслуга Эмина касательно послѣднихъ трехъ историковъ особенно важна въ виду того, что они впервые были переведены на европейскіе языки и тѣмъ стали достояніемъ науки.

Всѣ эти переводы исполнены Эминымъ мастерски. Сверхъ точности и вѣрности съ оригиналами, переводчикъ проникаетъ въ сокровенныя мысли армянскихъ историковъ и художественно возсоздаетъ восточнаго писателя на русскомъ

или французскомъ языкѣ, преодолѣвая часто неимовѣрныя трудности слога, языка и изложенія ихъ.

Кромѣ переводовъ, немаловажны труды Эмина по изданію цѣлаго ряда *текстовъ армянскихъ историковъ*, имѣющихъ значеніе для науки освѣщеніемъ темныхъ страницъ изъ исторіи другихъ народовъ Передней Азіи. Большая часть изъ текстовъ, добытая изъ дальнихъ архивовъ и тщательно провѣренная здравой критикой, появилась въ свѣтъ въ *первый* разъ. Такова, наприм., исторія кавказскихъ албанцевъ Моисея Каханкатаци, X в. Это было счастливымъ открытіемъ, благодаря которому забытая дотолѣ цѣлая народность со всѣми преданіями своими и стариной какъ бы воскресла изъ-подъ многовѣковыхъ развалинъ...

Объ историческомъ и литературномъ значеніи древне-армянскихъ народныхъ пѣсенъ или *Эпоса* Эминъ написалъ на древне-армянскомъ языкѣ интересное изслѣдованіе еще въ началѣ 50-хъ годовъ, дополненное имъ въ русской переработкѣ въ 1881 г. Оно стало краеугольнымъ камнемъ, на основаніи котораго появилось потомъ немало переводовъ и популяризацій на французскомъ, русскомъ и армянскомъ языкахъ.

Эминъ коснулся также вопроса объ *армянской миѳологіи*, до него почти не затронутой. Въ этихъ трудахъ впервые былъ сгруппированъ изъ произведеній армянской исторической литературы относящійся сюда матеріалъ, подвергнутъ анализу и научно освѣщенъ. Эминъ показалъ, что хотя на вѣрованія языческихъ армянъ и повліяли семитическая религія и парсизмъ, тѣмъ не менѣе были у нихъ нѣкоторыя божества, ставшія національными вслѣдствіе особеннаго почитанія, которымъ они, несмотря на иноземное свое происхожденіе, пользовались въ Арменіи быть-можетъ даже съ видоизмѣненіемъ ихъ исконнаго, первоначальнаго культа. Таковы Вахагнъ Вишапакахъ или Змѣеборецъ, соотвѣтствующій лишь по имени авестійскому Веретрангѣ, но культъ его даже не былъ извѣстенъ въ Персіи; а между тѣмъ онъ считается однимъ изъ популярнѣйшихъ армянскихъ божествъ, по роли и назначенію своему приближающійся скорѣе къ Индрѣ Вритрахану или Змѣеборцу Ригъ-Веды, съ которымъ и сравнивалъ его Эминъ въ изслѣдованіи своемъ о *Вахагнъ Вишапакахъ*. Далѣ богиня Anahita, заимствованная армянами у персовъ, нигдѣ, по свидѣтельству Страбона, Плинія и другихъ, не пользовалась такимъ почитаніемъ, какъ въ Арменіи, гдѣ у нея были богатѣйшіе храмы, множество жрецовъ и жрицъ и статуи изъ цѣльнаго золота. — Рядомъ съ авестійскими и семитическими божествами сохранились въ Арменіи, какъ указывалъ Эминъ, слѣды сабеизма и поклоненія священнымъ деревьямъ, по его мнѣнію, какъ остатки древнѣйшихъ вѣрованій народа.

Довольно значительныя работы Эмина по различнымъ вопросамъ касательно *археологіи* Арменіи за время, когда онъ принималъ дѣятельное участіе въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества и особенно въ занятіяхъ Тифлисскаго съѣзда, въ которомъ онъ былъ однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ графа А. С. Уварова. Сверхъ множества рефератовъ и сообщеній, прочитанныхъ имъ въ разное время на засѣданіяхъ Общества, слѣдуетъ упомянуть о составленномъ имъ обширномъ Сборникѣ армянскихъ надписей въ Карсѣ и столицѣ армянскихъ Багратидовъ, Ани—за IX—XII вѣка, изданномъ названнымъ обществомъ

Сверхъ рефератовъ, читанныхъ въ Археологическомъ Обществѣ, Эминъ немало поработалъ вообще *по духовной армянской литературѣ*. Изъ его работъ въ этой области слѣдуетъ прежде всего указать на армянскіе *апокрифы*.

Вѣнцомъ же работъ Эмина въ области армянской духовной литературы служитъ впервые появившійся на русскомъ и вообще на европейскомъ языкѣ образцовый переводъ «Шаракана» или богослужебныхъ каноновъ и пѣсенъ армянской восточной церкви, по высокому поэтическому содержанію своему имѣющихъ мало себѣ подобнаго въ духовно-поэтической литературѣ. (См. ниже).

Резюмируя сказанное о научныхъ заслугахъ Эмина,замѣчу, что дѣятельность этого ученаго была съ глубокою любовью и рѣдкой энергіей сосредоточена въ продолженіе полвѣка на изученіи старины армянской, на разъясненіи исторіи древностей Арменіи, не безъ связи вообще съ исторіей Передней Азіи. Онъ окинулъ пытливымъ окомъ прошлыя судьбы этого народа, коснулся цѣлаго ряда важнѣйшихъ вопросовъ въ области религіи, эпоса, культуры, до него очень поверхностно, чтобы не сказать совершенно не затронутыхъ; онъ велъ научный интересъ къ предмету, проявивъ во всемъ безпристрастіе глубокаго ученаго, стоя выше предразсудковъ и руководствуясь принципомъ: «Amicus Plato, sed magis amica veritas». Благодаря всему этому, Эминъ явился главой новой школы русскихъ арменистовъ, положивъ прочное основаніе арменологіи въ Россіи.

И заслуги эти были по достоинству оцѣнены представителями науки и пріобрѣли Эмину почетную извѣстность какъ въ Россіи, такъ и за границей. Это особенно выразилось нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1886 г., когда по почину Лазаревскаго института, праздновался 50-ти-лѣтній юбилей его ученой и педагогической дѣятельности, при чемъ Императорскій Московскій университетъ и Общество любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, во вниманіе къ его заслугамъ, избрали его въ *почетные* члены. Поздравительные адресы, письма и телеграммы отъ ученыхъ обществъ, многочисленныхъ учениковъ и почитателей трудовъ Эмина неслись къ нему съ Востока и Запада.

Но не одними учеными трудами снискалъ себѣ Эминъ всеобщее уваженіе среди армянъ и русскихъ. Онъ пріобрѣлъ его также высокими нравственными качествами: честностью убѣжденій, независимостью и трезвостью взглядовъ и сужденій, строгимъ отношеніемъ къ своимъ обязанностямъ и скромностью въ оцѣнкѣ своихъ заслугъ.

Укажемъ въ заключеніе, что Эминъ по духовному своему завѣщанію оставилъ Лазаревскому институту неприкосновенный капиталъ въ размѣрѣ 10 тысячъ рублей, какъ фондъ своего имени, на проценты съ котораго должны печататься исключительно научные труды по исторіи, литературѣ, археологіи и этнографіи Арменіи на армянскомъ и русскомъ языкахъ.

II.

Проф. К. П. Патканов.

К. П. Паткановъ родился въ 1833 г. въ г. Ставрополѣ. Отецъ его былъ священникомъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ Лазаревскомъ институтѣ, гдѣ между прочими восточными языками онъ изучалъ и армянскій, подъ руководствомъ извѣстнаго ученаго и педагога Н. О. Эмина. По окончаніи курса въ институтѣ (1850 г.) онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми молодыми людьми изъ армянъ въ Дерптъ для поступленія въ университетъ, съ цѣлью изучить богословіе и приготовиться къ духовному званію, но, не чувствуя призванія, а также за недостаткомъ средствъ, онъ принужденъ былъ, послѣ нѣкотораго времени, вернуться сначала въ Петербургъ, а потомъ въ родной свой Ставрополь, гдѣ поступилъ въ спеціальный классъ мѣстной гимназіи, чтобы получить право на поступленіе въ русскій университетъ. Отправленный потомъ (1853 г.) начальствомъ Кавказскаго учебнаго округа въ С.-Петербургскій Педагогическій институтъ, онъ, по окончаніи тамъ курса (1857 г.) въ отдѣленіи историческихъ наукъ, вернулся на Кавказъ, гдѣ былъ назначенъ учителемъ русской словесности въ Тифлисскомъ дѣвичьемъ институтѣ. Но вскорѣ, освобожденный отъ обязательной службы на Кавказѣ, онъ уѣхалъ снова въ Петербургъ, по семейнымъ обстоятельствамъ, гдѣ досугъ свой посвящалъ изученію всеобщей исторіи и лингвистикѣ (1859 г.). Къ этому времени освободилась каѳедра армянскаго языка при восточномъ факультетѣ С.-Петербургскаго университета, за выходомъ въ отставку адъюнкта Бероева. Паткановъ возымѣлъ мысль занять вакантную каѳедру, почему сталъ усиленно заниматься армянскимъ языкомъ и исторіей Арменіи, и уже напечаталъ небольшой трудъ—Catalogue de la littérature arménienne depuis le commencement du IV siècle jusque vers le milieu XVII,—появившійся въ бюллетеняхъ Академіи Наукъ за 1860 г. Черезъ годъ онъ былъ назначенъ адъюнктомъ армянскаго языка на восточномъ факультетѣ. Въ первые же два года послѣ своего назначенія, Паткановъ исполнилъ, по порученію Академіи Наукъ, нѣсколько переводовъ важнѣйшихъ армянскихъ историческихъ сочиненій, которыя печатались въ первый разъ. Вскорѣ онъ написалъ и защитилъ свою магистерскую диссертацію: «Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ по армянскимъ источникамъ», (Спб. 1863 г.) и спустя годъ—докторскую: «Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка», послѣ чего былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Съ этихъ поръ Паткановъ является неутомимымъ работникомъ: почти каждый годъ онъ печатаетъ какое-нибудь изслѣдованіе, переводъ или текстъ по языку армянскому, исторіи, литературѣ и географіи Арменіи, длинный рядъ которыхъ прекратился лишь года за полтора до его смерти, за тяжкой болѣзнію, преждевременно сведшей его въ могилу. Онъ скончался 2-го апрѣля 1889 г.

Разсматривая ближе списокъ трудовъ Патканова, мы видимъ, что, несмотря на разнообразіе ихъ, они сводятся къ двумъ главнымъ отраслямъ — *языку армянскому и исторіи Арменіи* и вообще Востока.

Извѣстно, что еще въ 1837 г., т.-е. спустя годъ по выходѣ въ свѣтъ

«Сравнительной грамматики» Боппа, сдѣлавшей эпоху въ лингвистикѣ, берлинскій проф. Петерманъ доказывалъ въ своей «Grammatica linguae Armeniacae» принадлежность армянскаго языка къ великой семьѣ индоевропейскихъ языковъ. Затѣмъ въ вышедшихъ за этой грамматикой трудахъ Виндишмана, Гоше, Лагарда, Фр. Мюллера болѣе подробно разрабатывался вопросъ о мѣстѣ, занимаемомъ армянскимъ языкомъ въ кругу другихъ индоевропейскихъ языковъ: именно упомянутые ученые доказывали, что армянскій языкъ относится къ группѣ *Эранской*. Около того же времени, т.-е. въ началѣ 60-хъ годовъ, Паткановъ пишетъ

К. Патканъ

свою первую работу по древне-армянскому языку: «Изслѣдованіе о составѣ армянскаго языка», Спб. 1864 г.; онъ собралъ въ немъ все, что было написано до него учеными лингвистами по этому предмету, обработавъ и освѣтивъ вопросъ новыми данными. Въ концѣ 70-хъ годовъ онъ написалъ другое изслѣдованіе—о «Мѣстѣ, занимаемомъ армянскимъ въ кругу индоевропейскихъ», Тифлисъ, 1879 г., появившееся въ «Извѣстіяхъ» Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Въ немъ онъ представилъ сводъ мнѣній тогдашнихъ арменистовъ—Лагарда, Фр. Мюллера и Huebschmann'а и,

сдѣлавъ научную оцѣнку каждому изъ нихъ, свелъ результаты ихъ изысканій къ слѣдующей формулѣ: «Армянскій языкъ, занимая среднее мѣсто между группами иранской и славолитовской, есть представитель самостоятельной, исчезнувшей (м. б., малоазійской) группы индоевропейскихъ языковъ». Собственно Патканову въ этомъ трудѣ принадлежитъ попытка къ объясненію нѣкоторыхъ словъ, неподдававшихся дотолѣ удовлетворительному толкованію; сверхъ того, онъ первый указалъ на нѣкоторыя необходимыя условія, обыкновенно упускаемыя лингвистами при сравнительномъ изученіи древне-армянскаго языка, а именно—необходимость выдѣлить заимствованныя слова (Lehnwoerter) въ армянскомъ языкѣ, а затѣмъ не менѣе настоятельная потребность близкаго знакомства съ армянскими нарѣчіями, безъ которыхъ многія явленія въ составѣ и строѣ древне-литературнаго языка нерѣдко остаются необъяснимыми.

Вообще болѣе самостоятельнымъ былъ Паткановъ въ изслѣдованіяхъ своихъ объ *армянскихъ діалектахъ*, составляющихъ выдающуюся черту въ его научной дѣятельности. Послѣ извѣстнаго труда Ю. Ахвердова о Тифлисскомъ нарѣчіи (1852), Паткановъ, можно сказать, раскрылъ малоизвѣстную область, непочатый уголъ въ армянской филологіи, именно—недоступныя западнымъ арминистамъ областныя нарѣчія, изученіе которыхъ было столь важно какъ для древне-армянскаго языка, такъ и вообще для лингвистическихъ сравненій съ другими родственными языками. Сверхъ одной статьи въ «Monatsberichte der Berliner Academie» за 1865 г. объ одномъ изъ діалектовъ, самомъ трудномъ и считающемся загадочнымъ—о «діалектѣ Акулисскомъ», онъ спустя четыре года издалъ на русскомъ языкѣ, въ видѣ опыта, образцы всѣхъ извѣстныхъ тогда армянскихъ діалектовъ съ текстами и необходимыми грамматическими поясненіями—«Изслѣдованіе о діалектахъ армянскаго языка, филологическій опытъ», Спб., 1869 г., и вскорѣ затѣмъ два отдѣльныхъ выпуска, посвященныхъ каждый особому нарѣчію: выпускъ I—Нахичеванскій говоръ, выпускъ II—Мушское нарѣчіе. Оба выпуска были снабжены богатымъ матеріаломъ текстовъ и необходимыми глоссаріями и появились въ 1875 г.

Правда, предположенный Паткановымъ планъ изданія не былъ выполненъ окончательно, но и тѣмъ, что было издано, онъ много способствовалъ разработкѣ армянскихъ діалектовъ, вызвавъ себѣ не мало талантливыхъ послѣдователей. Таковы: С. Саргсянцъ [1]), А. Томсонъ [2]), I. Ганушъ [3]) и друг.

Въ послѣдніе годы Паткановъ работалъ надъ изданіемъ «Матеріаловъ для объяснительнаго словаря армянскаго языка», вып. I-й 1882 г., вып. II-й 1884. И такъ какъ въ такомъ трудѣ большую важность имѣетъ вопросъ, какія слова чисто армянскія, какія заимствованныя, то онъ въ исправленіе и дополненіе къ капитальному труду Лагарда—«Armenische Studien» (1877), принимается за объясненіе послѣднихъ, почему немало словъ, считавшихся до того времени армянскими, въ его изслѣдованіи оказались заимствованными, главнымъ образомъ,

---

[1]) „Акулисское нарѣчіе", ч. I—Изслѣдованіе, ч. II—Матеріалы. Москва, 1883.

[2]) „Ахалцихскій говоръ", 1887. „Историч. грамматика соврем. армянск. языка города Тифлиса", 1890,—оба изслѣдованія напечатаны въ Спб.

[3]) „Sur la langue des Arméniens Polonais, Cracovie, 1886 (по-польски), „Beiträge zur Armenischen Dialectologie", WZKW, за 1887, Band. I, 1888, II, 1889, III.

изъ пехлевійскаго языка. Такимъ образомъ было объяснено до 80-ти словъ и почти всѣ вполнѣ удачно.

Болѣе обширны труды Патканова по *Исторіи*. Всѣ разнообразныя его историческія изданія, переводы и изслѣдованія имѣютъ въ виду одну цѣль: утилизировать массу историческаго матеріала, сообщаемаго армянскими писателями, начиная съ V по XVII и XVIII вв. нашей эры, о народахъ, съ которыми армяне приходили въ столкновеніе, какъ-то: съ персами, грузинами, Византіей, арабами, монголами и друг. Какъ изслѣдователь, интересующійся прошлыми судьбами народовъ Передней Азіи, Паткановъ выбираетъ изъ армянскихъ историческихъ произведеній тѣ именно, которые чѣмъ-нибудь служатъ къ поясненію темныхъ страницъ или пополненію пробѣловъ въ исторіи упомянутыхъ народовъ. Съ этою цѣлью онъ еще въ 1861 году принимается за «Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ по армянскимъ источникамъ. Въ предисловіи своемъ къ «Опыту», Паткановъ, не отрицая важности греческихъ и арабскихъ писателей по исторіи Сассанидовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что въ нихъ есть немало пробѣла, хронологическихъ неточностей и т. п., которыя можно исправить на основаніи армянскихъ источниковъ.

Далѣе, изучая судьбу Арменіи въ эпоху монгольскихъ погромовъ, Паткановъ задается цѣлью собрать все, что встрѣчается у армянскихъ историковъ о пребываніи монголовъ въ Арменіи, Персіи и на Кавказѣ, и въ дополненіе къ труду французскаго армениста, академика Дюлорье, выпустившаго въ 1858 г. сборникъ «Les Mongols d'après les Historiens Arméniens», начинаетъ издавать рядъ выпусковъ «Исторіи монголовъ по армянскимъ источникамъ»; въ нее вошли: Исторія инока Магакіи (XIII в.)—1871 г., извлеченія изъ Вардана, Стефана Орбеліана, Смбата (XIII в.)—1873 г. и изъ Киракоса (тоже XIII в.).—1874 г. Прекрасные переводы армянскихъ текстовъ снабжены дѣльными введеніями и цѣнными примѣчаніями. Весь этотъ сводъ, состоя изъ трехъ книжекъ, заключаетъ въ себѣ однако драгоцѣнный матеріалъ для исторіи народа, совершившаго нѣкогда крупный переворотъ во всей Азіи и части Европы и оставившій глубокіе слѣды въ жизни народовъ.

Кромѣ указанныхъ трудовъ, Паткановъ издалъ рядъ важнѣйшихъ армянскихъ писателей—тексты и русскіе переводы, содержащіе весьма любопытныя данныя по исторіи Византіи, кавказскихъ албанцевъ, арабовъ и друг., съ которыми армяне находились въ такихъ же, какъ съ персами, или даже въ еще болѣе тѣсныхъ сношеніяхъ. Таковы: *Себеосъ* (VII в.) — «Исторія императора Иракла», заключающая въ себѣ цѣнныя данныя о войнахъ Византіи съ Персіей и участіи въ нихъ армянъ, о послѣднихъ Сассанидахъ и появленіи арабовъ; переводъ ея, первый на русскій и вообще на европейскій языкъ, былъ сдѣланъ Паткановымъ еще въ 1862 г., а изданіе армянскаго текста съ лучшей рукописи—имъ же въ 1879 г. Далѣе были переведены имъ: «Исторія кавказскихъ албанцевъ» *Моисея Каханкатваци* (X в.), въ 1861 г., въ первый разъ, и «Исторія халифовъ» *Гевонда* (VIII в.), въ 1862 г. Еще значительнѣе число изданныхъ имъ армянскихъ текстовъ: изъ нихъ нѣкоторые вышли въ свѣтъ, какъ editiones principis).

Капитальнымъ историческимъ трудомъ Патканова были «Ванскія надписи

и значеніе ихъ для исторіи Передней Азіи» (Спб., 1881), печатавшіяся отдѣльными статьями въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщенія» за время отъ 1874—1881 г. Сознавая важность этихъ надписей для исторіи Передней Азіи,—надписей, которыя, несмотря на многія попытки извѣстныхъ ученыхъ,—оставались мало выясненными, Паткановъ возымѣлъ мысль познакомить русскую ученую публику съ тѣмъ, что сдѣлано было до того по этому вопросу на Западѣ. Онъ подробно говоритъ о клинописи, о ванскихъ надписяхъ и исторіи ихъ дешифровки и затѣмъ, подвергнувъ обстоятельной критикѣ древнѣйшій періодъ армянской исторіи Моисея Хоренскаго, сравниваетъ эти данныя съ новѣйшими открытіями въ области археологіи и лингвистики. Открытія эти, явившіяся въ данномъ случаѣ въ каменныхъ документахъ Ниневіи, Вана, Бегистана и произведшихъ переворотъ во всей древней исторіи Передней Азіи, не могли, по вѣрному замѣчанію Патканова, остаться безъ вліянія и на исторію Арменіи. Но, чтобы дать новымъ даннымъ принадлежащее имъ мѣсто, слѣдовало автору предварительно разсмотрѣть, имѣютъ ли они прямую связь съ тѣмъ, что разсказывалось помимо ихъ. Выдающееся мѣсто этой критики несомнѣнно составляетъ весьма дѣльный и обстоятельный разборъ одного изъ важнѣйшихъ источниковъ М. Хоренскаго по древнѣйшей исторіи Арменіи, *Маръ-Абаса*. Послѣдній изъ достовѣрнаго, по увѣренію Хоренскаго, придворнаго историка при первомъ армянскомъ Аршакидѣ, Вахаршакѣ, II вѣка до нашей эры, отодвинутъ, въ изслѣдованіи Патканова, къ III—IV в. по Р. Х., а приписывавшаяся ему подлинная исторіи Арменіи, якобы извлеченная изъ Ниневійскаго архива и переведенная на греческій языкъ, по приказанію Александра Македонскаго—сведена на степень сборника *армянскихъ и сирійскихъ преданій*, связанныхъ въ одно цѣлое по образцу ассирійской исторіи Ктезія («Ванск. надписи», 33—70).

Подъ общимъ заглавіемъ «Ванскихъ надписей и значенія ихъ для исторіи Передней Азіи» Паткановъ, сверхъ вышеуказаннаго, напечаталъ въ томъ же «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» за 1884 г. весьма интересную статью «О древней грузинской хроникѣ,» время появленія которой онъ старается опредѣлить между XI и XIII вв., приписывая составленіе ея армянину или человѣку, получившему образованіе въ армянской школѣ.

Нельзя не упомянуть здѣсь того обстоятельства, что Паткановъ, одновременно съ составленіемъ статей о «Ванскихъ надписяхъ», самъ изучалъ клинопись, собиралъ надписи этой системы; онъ завелъ сношенія съ извѣстнымъ англійскимъ кунеологомъ Сейсомъ, доставлялъ ему ново-открываемыя надписи, а Сейсъ, какъ извѣстно, первый сталъ болѣе или менѣе разбирать ванскія надписи, воспользовавшись остроумными догадками покойнаго французскаго ученаго Гюйара. О первыхъ успѣхахъ дешифровки этой клинописи, также какъ и о надписяхъ этой системы, найденныхъ въ предѣлахъ Россіи, Паткановъ помѣстилъ любопытную статью въ «Ж. М. Н. Пр.» за 1883 г.

Занятія по исторіи Арменіи привели Патканова къ изученію имѣющей столь тѣсную съ ней связь—географіи, именно—онъ занялся переводомъ и объясненіемъ извѣстнаго географическаго трактата, приписываемаго Хоренскому, и издалъ его вмѣстѣ съ армянскимъ текстомъ въ 1877 году подъ заглавіемъ: «Армянская Географія VII в., приписывавшаяся М. Хоренскому». Помимо важно-

сти для географіи Арменіи, трактатъ этотъ интересенъ и для географіи Передней Азіи вообще. Я полагаю, замѣчаетъ, между прочимъ, Паткановъ, что для изученія исторіи Передней Азіи предстоитъ настоятельная необходимость пересмотрѣть старые сборники и сдѣлать изъ армянскихъ авторовъ новыя извлеченія географическихъ данныхъ. Одни греческія и мусульманскія свѣдѣнія далеко не удовлетворяютъ тѣмъ требованіямъ, которыя представляются изслѣдователю исторіи Передней Азіи при разработкѣ отдѣльныхъ событій, требующихъ болѣе точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній» (стр. 42). Еще задолго до Патканова этотъ географическій трактатъ былъ переведенъ на латинскій [1]) и французскій языки. Французскій переводчикъ, С. Мартенъ [2]), впервые заподозрившій принадлежность этой Географіи Хоренскому, отнесъ ее къ X вѣку; Паткановъ же, пользуясь лучшими позднѣйшими изданіями армянскаго ея текста, послѣ остроумныхъ догадокъ и соображеній, пріурочилъ географическій трактатъ къ VII вѣку и даже указалъ лице, которое, по его мнѣнію, могло быть его составителемъ; таковымъ былъ извѣстный математикъ и астрономъ VII вѣка, Ананія Ширакаци.

Вотъ перечень важнѣйшихъ трудовъ Патканова по *языку исторіи и географіи*, къ которымъ нужно прибавить еще одну работу по *исторіи армянской литературы*, помѣщенную въ IV выпускѣ «Всеобщей Литературы Корша», но, къ сожалѣнію, доведенную лишь до VI вѣка. Число написанныхъ и изданныхъ имъ произведеній доходитъ до 40. Несмотря на это, трудно отмѣтить хоть одну работу, въ которой авторъ явился бы не стоящимъ на высотѣ изучаемаго имъ предмета. Всякій научный вопросъ изслѣдовался имъ возможно детально, возможно глубоко. Нужно ли ему написать, напр., этнографическое изслѣдованіе о «Драгоцѣнныхъ камняхъ по понятіямъ армянъ» (С.-Пб. 1873),—онъ предварительно изучаетъ чуть ли не полный курсъ минералогіи. И дѣйствительно, прочитывая это сочиненіе, вы имѣете дѣло со спеціалистомъ по минералогіи. Представляется ли ему писать о нарѣчіяхъ закавказскихъ цыганъ, онъ пересматриваетъ всю литературу предмета и во введеніи его вы имѣете прекрасно изложенный обзоръ всего того, что написано вообще о языкѣ цыганъ, не только у насъ, но и на Западѣ. Занявшись вопросомъ о «Ванскихъ надписяхъ», онъ недовольствуется пересмотромъ всей литературы о надписяхъ,—онъ самъ изучаетъ клинопись, дешифровку, чтобы компетентнѣе говорить о предметѣ. Также точно поступаетъ онъ и въ другихъ своихъ изслѣдованіяхъ...

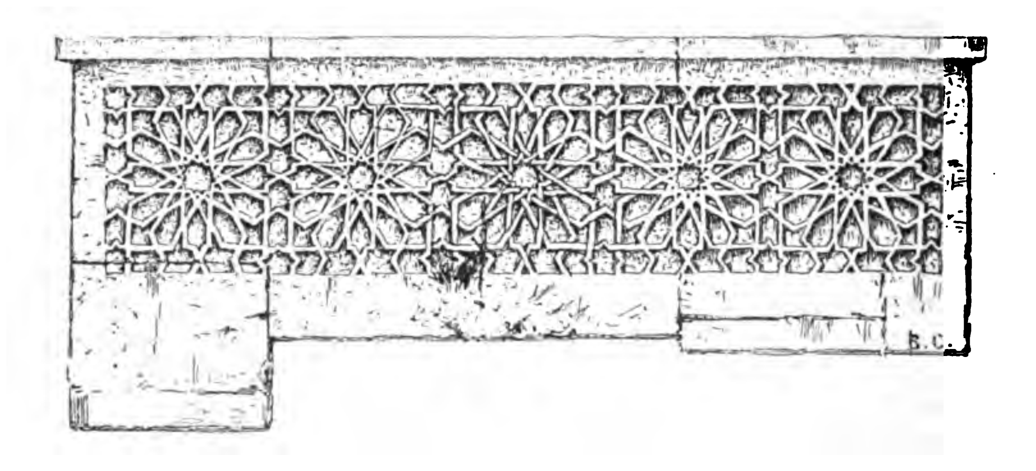
К. П. Паткановъ умеръ на 45-омъ году жизни, именно въ такомъ возрастѣ, когда, обогащенный познаніями и опытомъ предшествующей плодотворной дѣятельности, еще бодрый и крѣпкій,—онъ могъ быть особенно полезенъ для науки. Въ лицѣ Патканова наука потеряла не только ученаго, занимавшаго почетное мѣсто среди арменистовъ, но и весьма даровитаго оріенталиста.

Г. Х.

---

[1]) См. у *братъ. Вистоновъ* въ приложеніи къ переводу „Исторіи Арменіи" М. Хоренскаго. Лондонъ, 1736 г.

[2]) Mémoires historiques et géographiques sur l'Arménie. T. II, стр, 301—405. Paris, 1819.



Нѣсколько словъ о значенiи армянскихъ историковъ для изученія Сассанидской Персіи.

Сассанидско-персидская (такъ называемая пехлевійская) литература дала намъ весьма мало историческихъ сочиненій. Проникнутое строго-зороастрійскимъ, религіознымъ духомъ умственное теченіе этого времени отодвигало на задній планъ другія явленія литературной жизни. Кромѣ того, значительная часть историческихъ памятниковъ Сассанидскаго періода исчезла во время смутъ, наступившихъ послѣ завоеванія Персіи Арабами и распространенія въ Иранѣ Ислама, и до насъ дошли лишь тѣ немногочисленные отрывки, которые либо были сохранены въ оригиналахъ, либо были переведены или передѣланы авторами арабскаго періода. Но и въ дошедшихъ до насъ пехлевійскихъ памятникахъ историческаго характера легендарный элементъ настолько преобладаетъ надъ историческимъ,—какъ это замѣчается, напримѣръ, въ Карнамакѣ, повѣствующемъ намъ объ Ардеширѣ Бабеганѣ, основателѣ Сассанидской династіи,—что такіе памятники заслуживаютъ скорѣе названія романовъ, нежели историческихъ памятниковъ.

Но, къ счастію для науки, этотъ пробѣлъ въ персидской литературѣ пополняется писателями другихъ, сосѣднихъ съ персидскимъ государствомъ, народовъ, именно: греческими, сирійскими, китайскими и—last not least—историческими авторами Арменіи, находившейся уже со временъ мидійскаго царства въ тѣсной связи съ Ираномъ. По достовѣрности, разнообразію и обилію свѣдѣній, приведенныхъ армянскими писателями о Персіи, послѣдніе ни въ чемъ не уступаютъ историкамъ вышеупомянутыхъ народовъ. Напротивъ, Армяне, поддерживающіе самыя близкія сношенія съ Персіей, во многихъ отношеніяхъ оказываются даже лучше освѣдомленными писателей другихъ народностей.

Начнемъ сперва съ *религіи*. Тутъ несомнѣнно первое мѣсто занимаетъ *Езникъ*, писатель пятаго вѣка нашей эры, оставившій во второй книгѣ своего труда «Объ опроверженіи ересей» весьма цѣнныя свѣдѣнія о религіи Персовъ при Сассанидахъ. Главная заслуга Езника для дѣла изученія персидской религіи заключается въ значительномъ расширеніи нашихъ свѣдѣній о персидской религіи той эпохи. Вѣдь изъ его указаній, подтвержденныхъ и другимъ армянскимъ

писателемъ, Егише, явствуетъ, что государственная религія Персіи въ пятомъ вѣкѣ въ значительной степени отличалась отъ той формы Зороастризма, которая изложена въ священныхъ книгахъ Парсовъ и главнымъ образомъ въ Зендавестѣ. Изъ Езника мы узнаемъ, что религія Сассанидовъ въ пятомъ вѣкѣ или была тождественна, или же, по крайней мѣрѣ, стояла весьма близко къ той формѣ Зороастризма, которая извѣстна намъ подъ именемъ секты Зерванитовъ. Это ученіе Зерванитовъ изложено арабскимъ писателемъ *Шахристани*, умершимъ въ срединѣ двѣнадцатаго вѣка нашего лѣтосчисленія [1]).

Но этимъ еще не исчерпывается значеніе указаній Езника для персидской религіи. Приводя подъ формой полемики съ поклонниками Зороастра рядъ цѣнныхъ извѣстій объ иранской религіи, Езникъ касается и многихъ другихъ особенностей послѣдней, какъ, напримѣръ, парсійской ѳеогоніи, вѣры въ небесныя свѣтила, брака между ближайшими родственниками, дуализма, личности Зороастра, называемаго имъ «Зрадаштъ», и т. д.—словомъ, духъ иранской религіи пятаго вѣка выступаетъ съ чрезвычайною рельефностью передъ читателемъ этого сжатаго отрывка.

Рядомъ съ Езникомъ, по обилію и достовѣрности сообщеній о Зороастрійской религіи, заслуживаетъ нашего вниманія *Елисей (Егише)* въ своемъ историческомъ трудѣ о Варданѣ и войнѣ противъ Персовъ. Егише снабжаетъ насъ любопытными свѣдѣніями о внутреннемъ устройствѣ персидскаго жреческаго сословія, о вліяніи духовенства на политику сассанидскаго государства, о догматахъ Зороастрійскаго ученія, объ обрядахъ этой религіи и о фанатизмѣ персидскаго духовенства, старавшагося всѣми силами искоренить въ Арменіи ученіе Христа и обратить въ Зороастризмъ христіанскихъ Армянъ, Сирійцевъ и кавказскія племена, которыя, подобно Грузинамъ и Авганцамъ, восприняли христіанскую вѣру. Въ знаменитомъ воззваніи персидскаго полководца и государственнаго дѣятеля Михръ-Нэрсэ къ Армянамъ Егише даетъ намъ хотя краткій, но весьма удачный очеркъ персидскихъ вѣрованій, вполнѣ согласующійся съ сообщеніями Езника, и въ томъ же самомъ отрывкѣ приводитъ рядъ возраженій, весьма характерныхъ для господствующихъ въ правящихъ сферахъ Персіи взглядовъ по отношенію къ христіанству. Вѣдь персидское государство Сассандовъ, находящееся со времени своего возникновенія въ тѣсной связи съ Зороастровымъ ученіемъ, считало христіанство, подобно языческому Риму, своимъ заклятымъ врагомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ упустить изъ вниманія, что христіанство между персидскою знатью насчитывало не мало тайныхъ и явныхъ приверженцевъ, въ которыхъ находились лица, стоящія весьма близко къ персидскому двору, какъ, напримѣръ, Ширинъ, любимая жена Хосрова Парвеза, и царевичъ Аношазадъ, одинъ изъ сыновей Хосрова Аношревана [2]). Егише

---

[1]) Ср. нѣмецкій переводъ *Haarbruecker'a*, т. I, стр. 277 сл. Космогоническія ученія этой секты приводитъ и *Spiegel* въ своемъ трудѣ: Die traditionelle Litteratur der Parsen, стр. 161 сл.

[2]) Персы-христіане принадлежали къ сирійско-несторіанской сектѣ. Такъ какъ Несторіане питали сильную вражду къ западному христіанству, персидское правительство относилось къ нимъ съ бо̀льшей снисходительностью. Поводомъ къ преслѣдованію христіанъ со стороны Персовъ послужили затаенныя симпатіи ихъ къ Византійской Имперіи.

(въ седьмой главѣ) повѣствуетъ даже о переходѣ въ христіанство главы маговъ, такъ называемаго Могпетанъ-Могбета.

Замѣтимъ кстати, что это полемика Персовъ противъ христіанства, приведенная въ трудѣ Егише, не лишена интереса и значенія вообще для исторіи христіанской церкви.

Изъ болѣе позднихъ писателей *Себеосъ,* жившій въ седьмомъ вѣкѣ, и *Θома Арцруни,* авторъ девятаго вѣка, касаются также предметовъ персидской религіи. Себеосъ говоритъ въ особенности о священныхъ мѣстахъ и пиреяхъ Персовъ, а Θома Арцруни сообщаетъ намъ довольно обильный матеріалъ о личности Зороастра, о персидскихъ религіозныхъ сектахъ и объ иранскомъ божествѣ Спандараметѣ. Оставляя въ сторонѣ другихъ писателей, какъ *Агаѳангела, Θавста Византійскаго и Лазаря Парпскаго,* сообщившихъ намъ также кое-что о персидской религіи, мы обратимся теперь къ значенію армянскихъ историковъ для изученія персидскихъ *эпическихъ преданій.*

Во главѣ всѣхъ писателей древней Арменіи стоитъ въ этомъ отношеніи *Моисей Хоренскій.* Сколько ни подозрительна достовѣрность этого историка по вопросамъ армянской исторіи [1]), но все-таки не подлежитъ сомнѣнію, что Моисей въ дѣлѣ изученія персидскихъ сказаній, судя по тѣмъ отрывкамъ изъ персидскаго эпоса, которыхъ онъ коснулся, является первокласснымъ источникомъ. Его повѣствованія о герояхъ персидскаго эпоса, Рустемѣ, Феридунѣ, Аждахакѣ и даже объ основателѣ Сассанидской династіи, Ардеширѣ Бабеганѣ, отличаются архаичностью и вполнѣ подтверждаются Арабами и поэмой великаго эпика, Фирдауси. Изъ Моисея мы узнаемъ, что содержаніе персидскаго эпоса, весьма популярнаго и въ наши дни среди народовъ Кавказа, удостоивалось еще во время Моисея Хоренскаго—т.-е. въ восьмомъ вѣкѣ нашей эры—сочувственнаго вниманія со стороны армянской знати.

Слѣды персидскаго эпоса замѣтны также у *Фавста Византійскаго.* Мы здѣсь имѣемъ главнымъ образомъ въ виду разсказъ Фавста [2]) объ армянскомъ царѣ Папѣ, посвященномъ будто дэвамъ, или злымъ духамъ, иранской миѳологіи. Мы тутъ, по нашему мнѣнію, имѣемъ передъ собой примѣненіе персидскаго миѳа объ Аждахакѣ (Дохкакѣ въ Шахнамэ) къ историческому лицу, возникшее, вѣроятно, подъ вліяніемъ враждебныхъ царю Папу христіанскихъ круговъ. Разсказъ Фавста, будто изъ плечъ царя Папа выросли змѣевидныя чудовища, находитъ себѣ прямую параллель въ повѣствованіи Фирдауси объ Аждахакѣ. Впрочемъ, на сходство стиля Фавста Византійскаго со слогомъ пехлевійскихъ эпическихъ книгъ указали уже ученые, и многія изъ его сравненій, поговорокъ и выраженій кажутся намъ весьма похожими на иранскіе обороты. Съ персидскими эпическими сказаніями былъ, повидимому, знакомъ и Себеосъ. Онъ упоминаетъ о Спандіатѣ (Исфендіярѣ въ Шахнамэ) и съ особеннымъ интересомъ останавливается на личности знаменитаго персидскаго полководца Бехрама Чобина, ставшаго уже вскорѣ послѣ своей смерти излюбленнымъ лицомъ персид-

[1]) См. трудъ Г. *Халатьянца*: Армянскій эпосъ въ Исторіи Арменіи Моисея Хоренскаго. Москва 1896.

[2]) *Фавстъ* кн. IV, гл. 59, стр. 151 въ изданіи Патканова.

ской легенды. Любопытные отрывки изъ иранскаго эпоса мы находимъ въ посланіяхъ *Григорія Магистроса*, а также въ армянской хроникѣ *Джеваншира*, посвященной исторіи Грузіи. Всѣ эти писатели, до извѣстной степени расширяя наши познанія въ дѣлѣ изученія персидскаго эпоса, свидѣтельствуютъ о широкомъ распространеніи иранскихъ сказаній въ Передней Азіи.

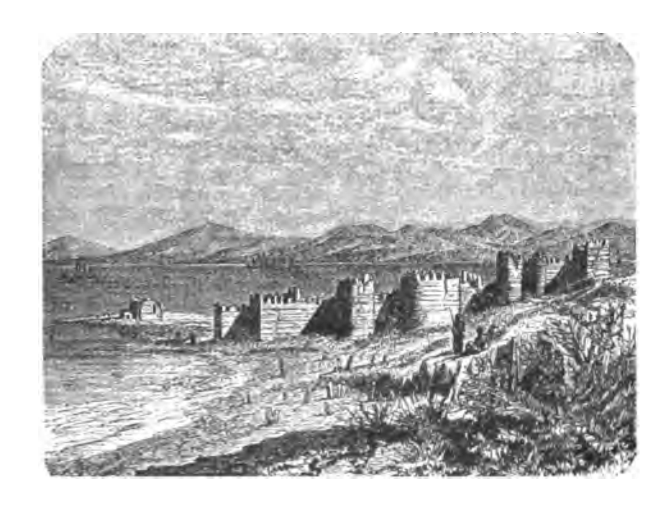
Само собою понятно, что при тѣсныхъ сношеніяхъ, установившихся издавна между древней Арменіей и Персіей, извѣстія, дошедшія до насъ о внутреннемъ устройствѣ и нравахъ Сассанидской Персіи черезъ посредство армянскихъ историковъ, должны быть особенно цѣнны. И это на самомъ дѣлѣ такъ. Разсказы всѣхъ почти армянскихъ историческихъ авторовъ, а главнымъ образомъ *Фавста Византійскаго*, *Егише*, *Лазаря Парпскаго*, *Себеоса* и *Моисея Каганкатуаци* очень часто касаются персидскаго двора, персидскихъ порядковъ во время мира и войны. Передъ читателемъ выступаетъ церемоніалъ придворной жизни, образъ жизни царей и сановниковъ во время пировъ, на охотѣ, интриги вельможъ, вооруженіе войска и частыя войны то съ Византіей, то съ восточными, варварскими сосѣдями Персіи, то, наконецъ, постоянныя междоусобія среди членовъ Сассанидской династіи. Армянскихъ писателей можно на ряду съ сирійцами, арабами и Шахнамэ причислить къ самымъ цѣннымъ источникамъ для изученія внутренней жизни Сассанидской Персіи. Особенно ярко выдвигается на первый планъ армянскими писателями то весьма сильное вліяніе, которымъ пользовалось при Сассанидахъ многочисленное и весьма ревностное въ дѣлѣ распространенія Зороастризма духовенство. Это духовенство, обладавшее, по крайней мѣрѣ для своего времени, въ своихъ высшихъ слояхъ значительнымъ бразованіемъ, во многихъ отношеніяхъ руководило политикой государства. Но отъ этого духовенства, имѣвшаго строго іерархическую организацію, не мало приходилось страдать армянамъ послѣ принятія христіанства. Находя себѣ опору среди извѣстной части армянской аристократіи, дорожащей иранскими преданіями своихъ родовъ и армянской старины вообще, персидскіе жрецы всячески старались расшатать новое зданіе христіанской религіи и культуры. Не довольствуясь умственной пропагандой, персидское духовенство прибѣгало и къ принудительнымъ мѣрамъ для достиженія своихъ цѣлей, призывая къ себѣ на помощь свѣтскую власть. Во многихъ мѣстахъ Арменіи были основаны пиреи (атрушаны), народъ обращали въ Зороастризмъ—либо обѣщаніями, либо угрозами, либо насиліемъ. Разъединяя семейства и внося раздоръ во всѣ классы народа, ревнители магизма разрушали церкви и монастыри, подвергая всякаго рода преслѣдованіямъ служителей христіанской церкви [1]). А кары и пытки, которымъ подвергались при Сассанидахъ государственные преступники, были, по сообщеніямъ армянскихъ историковъ, весьма жестоки. Ослѣпленіе, содраніе кожи, отрѣзываніе ушей и заключеніе въ страшныя темницы, между которыми такъназываемый «Замокъ Забвенія» въ Хузистанѣ занималъ первое мѣсто, являются весьма нерѣдкими наказаніями. Словомъ, изъ армянскихъ писателей мы выносимъ то впечатлѣніе, что Сассанидская Персія, несмотря на разнообразіе культурныхъ вліяній на нее со стороны Византіи и Сиріи, Индіи и Китая, является

1) *Фавстъ*, кн. IV, гл. 59, стр. 151—152. *Егише*, книга вторая passim.

по существу своему государствомъ варварскимъ. Но вышесказаннымъ еще не исчерпывается значеніе армянскихъ писателей для изученія древняго Ирана. Въ Армянской географіи—сочиненіи, по мнѣнію покойнаго проф. Патканова, седьмого вѣка, приписываемой Моисею Хоренскому, мы имѣемъ цѣнный матеріалъ для *географіи* Персіи въ шестомъ и седьмомъ вѣкѣ, пополняющій свѣдѣнія болѣе позднихъ арабскихъ географическихъ авторовъ и снабжающій насъ также любопытными свѣдѣніями о природѣ Ирана и прилегающихъ къ ней странъ. Для персидской *астрономіи*, *астрологіи и математики* не лишенъ значенія и трудъ армянскаго математика седьмого вѣка, *Ананіи Ширакаци*, сообщающаго намъ свѣдѣнія о системѣ мѣръ, вѣсовъ, монетъ и о небесныхъ свѣтилахъ въ средней Персіи (т.-е. сассанидской). Въ особенности названія небесныхъ свѣтилъ у персовъ, приведенныя Ананіей, представляютъ значительный интересъ въ виду того, что они отчасти расходятся съ указаніями Бундехеша, священной книги Зороастрійской религіи.

Желая дать въ нашемъ краткомъ очеркѣ читателю хотя бы приблизительное понятіе о значеніи древне-армянской литературы для изученія Ирана, мы вмѣстѣ съ тѣмъ позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы знакомство съ авторами древней Арменіи все болѣе и болѣе распространилось среди представителей европейской науки. По нашему крайнему убѣжденію не можетъ подлежать сомнѣнію, что въ особенности иранисты найдутъ въ этой литературѣ весьма много любопытнаго для своихъ занятій.

Р. Бар. Шрамельбергъ.



Аясъ (Киликія).

Ани.—Пещеры на берегу Алазы.

Ани, столица древней Арменіи.

(Историко-археологическій набросокъ) [1].

Проф. Н. Я. Марра.

I.

Когда былъ основанъ Ани, неизвѣстно. Раза два онъ появляется въ исторіи Арменіи V-го вѣка, и каждый разъ рѣчь о крѣпости Ани. Какъ крѣпость, Ани и былъ оцѣненъ армянскими князьями—Багратидами. Когда Багратиды перемѣстились въ Ани, то городъ обратился въ столицу царства Багратидское царство фактически было княжество: такихъ княжествъ въ Арменіи въ то время было нѣсколько; нѣкоторыя княжества, какъ, наприм., Васпураканское, съ князьями Арцруни во главѣ, успѣшно соперничали съ Багратидскимъ царствомъ; другія, какъ, наприм., Лорійское, владѣтели котораго также

---

[1]) Печатаемая статья проф. Н. Я. Марра, плодъ многократныхъ изслѣдованій его на мѣстѣ, произведенныхъ по порученію И. Археологической Коммиссіи, составляетъ часть приготовляемой имъ большой монографіи. *Ред.*

именовались царями и отъ своего имени чеканили монеты съ армянскими надписями, пережили паденіе Анійскихъ Багратидовъ; однако ни одно изъ этихъ княжествъ не оказалось способнымъ стать выше областныхъ, точнѣе родовыхъ, интересовъ; ни одно изъ нихъ не сумѣло привлечь къ себѣ всѣ факторы армянской національной жизни и сдѣлать свою столицу ея центромъ. Идея единаго всеармянскаго государства, за нѣсколько вѣковъ до Р. Хр. зародившаяся на югѣ Арменіи и постепенно уходившая на сѣверъ въ силу политическихъ давленій извнѣ,—эта идея, стоившая столькихъ жертвъ древнимъ армянамъ, замирала, когда Багратиды взялись оживить ее, ставъ поборниками древнеармянскихъ національныхъ традицій. Ани въ глазахъ армянства сразу занялъ мѣсто столицы всей Арменіи, и хотя всей Арменіи не суждено было болѣе объединиться даже подъ творческою рукой Багратидовъ, тѣмъ не менѣе Ани по существу оказался преемникомъ древнихъ армянскихъ столицъ—неизвѣстнаго южнаго города, національными историками отожествляемаго съ Низибиномъ, Армавира, Двина и др.; но тогда какъ большіе города болѣе славныхъ эпохъ армянской политической жизни отошли въ легендарную давность и, сравненные съ землею, представляютъ «мерзость запустѣнія», маленькій Ани, послѣднее убѣжище армянской государственной мысли въ коренной Арменіи, стоитъ предъ нами, какъ живой, съ вещественными документами его былой жизни. Потому-то и милъ армянамъ Ани, какъ самое послѣднее и близкое имъ дѣтище національно-культурной жизни предковъ на родной почвѣ; но не менѣе дорогъ городъ, въ развалинахъ, и ученымъ, посвящающимъ себя изученію прошлаго Арменіи, такъ какъ въ немъ имъ удается сблизиться съ глазу на глазъ съ древнеармянскою реальностью и, слѣдовательно, стать на путь вѣрнаго ея пониманія.

Развалины Ани—музей армянскаго искусства, это мнѣніе въ настоящее время является общимъ мѣстомъ въ средѣ, интересующейся армянской стариною; однако «мѣткость» фразы не должна затмить существа дѣла. Въ Ани, дѣйствительно, лучше чѣмъ гдѣ-либо сгруппированы образчики армянскаго искусства, но было бы неосновательно въ сохранившихся памятникахъ видѣть шедевры армянскаго зодчества и стѣнописи. То, что въ настоящее время стоитъ въ Ани въ полуразрушенномъ видѣ, современникамъ въ большинствѣ казалось лишь заурядными постройками, а что составляло гордость анійцевъ и о чемъ историки пишутъ съ необычайнымъ восторгомъ, то совершенно разрушилось и представляетъ груду, покрытую наносною землею. Затѣмъ, въ Ани сохранились главнымъ образомъ развалины позднѣйшихъ памятниковъ; по нимъ нельзя судить не только о характерѣ вообще древнеармянскаго искусства, какъ это обыкновенно дѣлается, но даже въ частности о мѣстномъ древнеанійскомъ стилѣ Несправедливо также руководствоваться въ оцѣнкѣ анійскихъ древностей исключительно точкою зрѣнія историка искусствъ. Ани для науки дорогъ не только произведеніями армянскаго искусства, но всѣми своими эпиграфическими и вещественными памятниками, осязательно отражающими и духовную и матеріальную жизнь населявшихъ его жителей. Если «надписи», какъ намъ уже приходилось говорить въ другомъ мѣстѣ, «часто пополняютъ краткій сухой разсказъ историковъ, часто дѣлаютъ интереснымъ и многозначительнымъ то, что раньше пропускалось, какъ неважное сообщеніе», то вещественныя находки, знакомство

съ жилищами и обстановкою анійцевъ проливаютъ свѣтъ между прочимъ на ту сторону древнеармянской жизни, о которой армянскіе историки хранятъ гробовое молчаніе. Не входя въ разсмотрѣніе того, чего въ этомъ смыслѣ можно ждать отъ дальнѣйшихъ раскопокъ и всесторонняго изученія находимыхъ въ Ани матеріаловъ, мы здѣсь замѣтимъ только, что бытъ анійцевъ, какъ бы онъ ни измѣнялся въ различныя эпохи процвѣтанія Ани, все же былъ родственнѣе и ближе къ древнеармянскому укладу жизни съ его аристократическимъ характеромъ и сословными устоями, чѣмъ позднѣйшій образъ жизни армянскаго народа когда полный политическій упадокъ и непрерывныя угнетенія со стороны мусульманъ нивелировали армянъ въ одно сословіе одинаково обойденныхъ въ правахъ «христіанскихъ данниковъ».

II.

Ани расположенъ на небольшой площади, не совсѣмъ правильнымъ треугольникомъ, вершина котораго упирается въ уголъ, образуемый сліяніемъ Аладжинскаго ручья съ рѣкою Ахуряномъ (Арпачаемъ), верстахъ въ тридцати ниже впадающею въ р. Араксъ съ сѣвера. Основаніе треугольника, обращенное на сѣверовостокъ, открыто, между тѣмъ какъ двѣ другія стороны защищены глубокими оврагами-ущельями, въ которыхъ протекаютъ бурливый Ахурянъ и скромный Аладжинскій ручеекъ; глядя съ этихъ сторонъ, вы видите предъ собою плоскогоріе, на которомъ красовался нѣкогда Ани. У начала длинной узкой полосы плоскогорья, образуемой предъ впаденіемъ Аладжинскаго ручья въ Ахурянъ стягивающимися ущельями, вздымается вѣнцомъ возвышенность: эта возвышенность—ядро, изъ котораго выросъ Ани, это сначала сама крѣпость Ани, созданная природою, впослѣдствіи — кремль столицы Ани, господствовавшій и надъ раскинутымъ у его подножія городомъ, и надъ окрестностями. Узкая длинная полоса плоскогорья значительно ниже не только вѣнчающей Ани вершины, но отчасти и уровня остальной его площади; полоса эта холмистая и у самаго сліянія обрамляющихъ Ани рѣки и ручья ее заканчиваетъ горка съ отвѣсными склонами, доступъ къ вершинѣ которой отвоеванъ у природы человѣкомъ: узкая, теперь полуобвалившаяся, дорожка, просѣченная въ скалѣ, вьется со стороны Аладжинскаго ручья на головокружительной мѣстами высотѣ, и приводитъ къ небольшой площади въ десятокъ, если не менѣе, саженей; здѣсь, какъ нѣкоторые думаютъ, нѣкогда долженъ былъ стоять храмъ богини Анаиты, по имени которой и былъ будто бы названъ нашъ городъ; однако, пока почти ничто не подтверждаетъ основательности такой догадки; вѣрно только то, что на этомъ мѣстѣ съ четвертаго вѣка стояла церковь, построеніе которой преданіе приписывало Григорію Просвѣтителю; это явствуетъ изъ одной надписи, сохранившейся фрагментарно на полуобрушившейся стѣнѣ храма, возобновленнаго тутъ же въ XIII в.

Но въ Ани до сихъ поръ не открытъ памятникъ, относящійся къ добагратидской порѣ его существованія. «Циклопическія» постройки, замѣченныя въ Ани нѣкоторыми путешественниками, ни что иное, какъ остатки маслобоенъ, сложенныхъ изъ массивныхъ камней.

III.

Итакъ Ани начинаетъ играть роль въ царствованіе Багратидовъ. Древняя исторія этого княжескаго рода, давшаго Арменіи династію, насъ мало касается. Не мѣсто здѣсь распространяться и о томъ, какъ Багратиды сумѣли себя выказать въ бояхъ находчивыми, отважными и сильными, а въ мирное время мудрыми, дѣловитыми и энергичными, какъ во избѣжаніе постоянныхъ столкновеній съ мусульманскими эмирами, резидировавшими въ Двинѣ, они пріобрѣли отъ армянскихъ князей Камсараканов родовыя ихъ владѣнія за Ахуряномъ, какъ, чувствуя себя неуязвимыми въ этой области, они умѣли съ выгодой пользоваться своимъ нейтралитетомъ между арабами и византійцами, какъ халифы и императоры наперерывъ старались осыпать ихъ своими милостями, какъ то успѣшнымъ походомъ, то заключеніемъ родственныхъ узъ съ грузинскими царями и армянскими владѣтельными князьями имъ удавалось установить выгодный для всѣхъ сторонъ modus vivendi и созидать такимъ образомъ политическую силу, внушительную и для великихъ державъ. Достаточно намъ знать, что въ девятомъ вѣкѣ Багратиды титуловались уже царями, и если царская власть не уничтожала нѣкоторой ихъ зависимости отъ повелителей сосѣднихъ міровыхъ государствъ, то Баградиты отъ этого не менѣе чувствовали себя царями своихъ владѣній. Резиденцію они мѣняли: сначала Багратиды осѣлись было въ Багаранѣ, расположенномъ на Ахурянѣ, верстахъ въ десяти отъ впаденія въ Араксъ; затѣмъ они перемѣстились въ Ширакаванъ или Еразгаворъ, нынѣ сел. Шурагелы, также на лѣвомъ берегу того же притока Аракса, верстахъ въ двадцати пяти на сѣверъ отъ Ани. Послѣдній въ это время продолжалъ оставаться крѣпостью, гдѣ можно было найти надежное убѣжище въ критическія минуты и куда на случай опасности спасались семьи князей, а также увозилась казна. Въ 961 году *Ашотъ III Милостивый* (961—977) помазался царемъ въ Ани, и съ тѣхъ поръ судьба этого города измѣнилась. За Ашотомъ III наслѣдовали въ Ани: *Смбатъ II Міродержецъ* (977—989), *Гагикъ I* (990—1020), *Смбатъ III* (1021—103⁸/₉) и послѣ небольшого междуцарствія *Гагикъ II* (1042—1044). За время царей Ани, не говоря объ его матеріальномъ торгово-промышленномъ прогрессѣ, успѣлъ сдѣлаться центромъ духовной и умственной жизни армянъ. Католикосы перенесли свою резиденцію поближе къ Ани, въ Аргину, а подъ конецъ и въ самый Ани. Хозяева Ани не преминули также сдѣлать изъ него, между прочимъ, обще-армянское богомоліе, перенесеніемъ туда мощей св. Рипсиміи, одной изъ сподвижницъ св. Григорія, Просвѣтителя армянъ. Литературная дѣятельность, равно разсадники высшаго образованія, бывшіе въ рукахъ духовенства, перемѣстились въ Ани и въ окрестные монастыри; въ самомъ Ани возникло нѣсколько библіотекъ, между ними и придворная.

Послѣдній царь Гагикъ II царствовалъ въ Ани едва три года. Внутренніе раздоры и соперничество сосѣднихъ царей, тяготившихся гегемоніей Анійскихъ Багратидовъ, двусмысленная политика высшей іерархіи, домогавшейся господства въ краѣ бокъ-о-бокъ съ царствующимъ домомъ, наконецъ, византійскія интриги, нашедшія прекрасное орудіе въ лицѣ энергичнаго честолюбца—Веста Саргиса, предателя національной династіи, довели Багратидское царство до такого

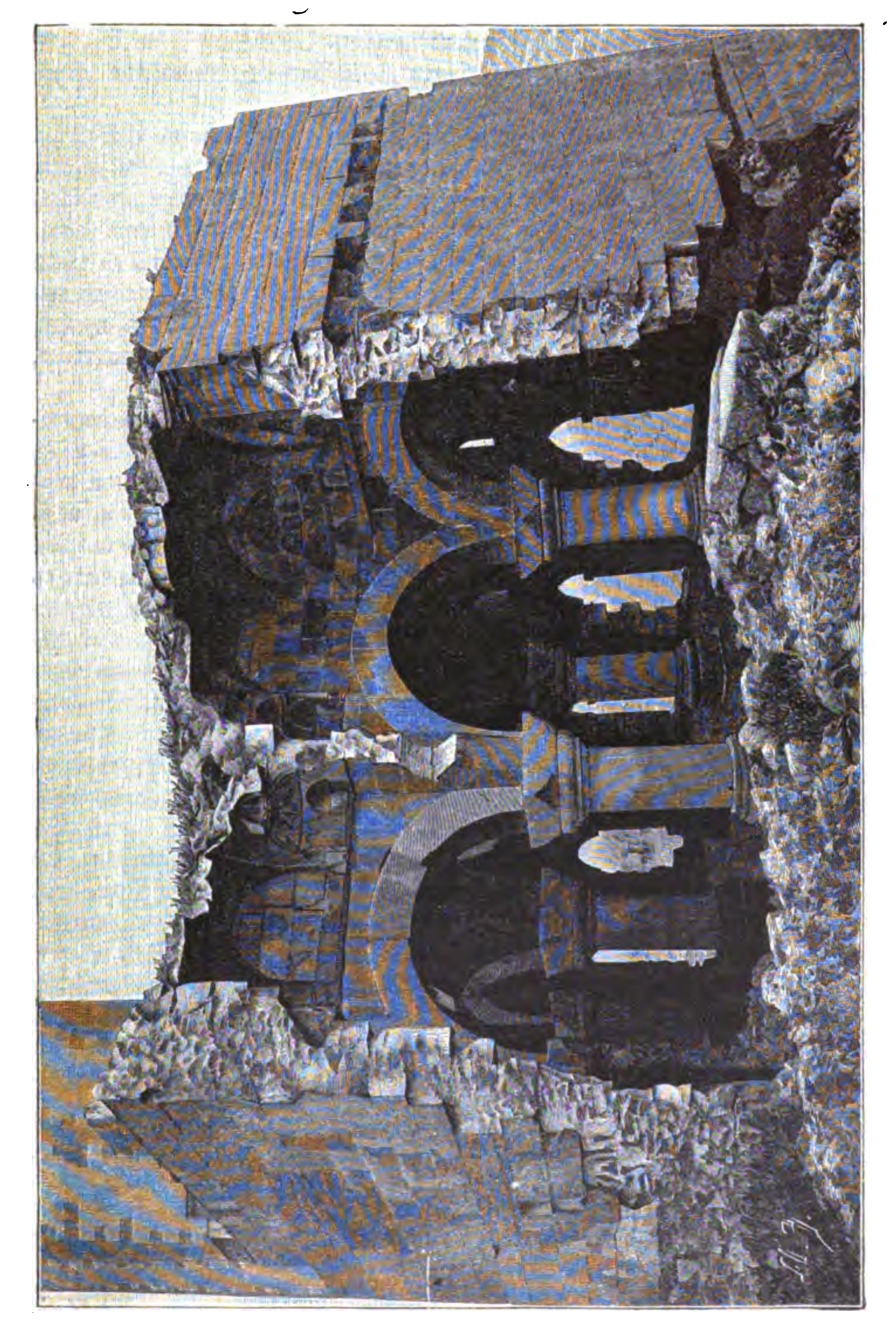


Рис. 1. Ани.—Развалины такъ называемаго зданія судилища.

истощенія, что оно въ концѣ 1044 года оказалось въ рукахъ византійцевъ. Послѣдній Анійскій царь былъ приглашенъ въ Византію и вѣроломно задержанъ, а въ Ани были отправлены начальники византійцы.

Изъ монументальныхъ построекъ эпохи царей Багратидовъ въ Ани сохранилось кое-что, конечно, въ полуразрушенномъ видѣ.

Самыя древнія постройки должны были находиться въ вышгородѣ; здѣсь были сгруппированы, по всей вѣроятности, дворецъ, казна, царская библіотека, придворная церковь, усыпальница *) и многое другое, но съ рѣшительностью высказаться по этому вопросу можно, конечно, лишь послѣ дальнѣйшихъ раскопокъ. Сохранившіяся въ вышгородѣ наиболѣе любопытныя развалины до такой степени изуродованы, что нельзя установить, имѣемъ ли въ нихъ остатки церкви или дворца. Кое-гдѣ на склонахъ горки, на которой былъ расположенъ кремль, довольно сносно сохранились небольшія церкви или часовни, но безъ надписей, и, судя по архитектурѣ, это—сооруженія позднѣйшей эпохи.

Раскопки, произведенныя нами по порученію Императорской Археологической Коммиссіи, пока открыли намъ стѣну древняго Ани, умѣщавшагося на внутренней—меньшей—половинѣ той территоріи, которая была имъ занята впослѣдствіи. Стѣна эта, начинающаяся у зданія неизвѣстнаго назначенія, надъ Ахуряномъ, перерѣзывала съ открытой стороны Анійское плоскогорье по направленію съ юго-востока на сѣверо-западъ (съ другихъ сторонъ Ани былъ защищенъ глубокими оврагами). Стѣна эта, отличающаяся какъ кладкою, такъ и массивностью тесаныхъ камней, была построена царемъ Ашотомъ Милостивымъ въ 964 году и въ настоящее время служитъ лучшею показательницею предѣловъ наиболѣе древней части Ани. Послѣ вышгорода въ этой древней части, непосредственно примыкающей къ нему, и надо искать памятниковъ древнеанійскаго искусства. Здѣсь сохранилось въ цѣлости упомянутое уже зданіе, неизвѣстнаго назначенія, быть можетъ—судилище (рис. 1) **). Надписи, впрочемъ позднѣйшія, сохранившіяся на одной стѣнѣ зданія снаружи, или устанавливаютъ новыя льготы для анійцевъ въ поборахъ, или подтверждаютъ таковыя, и показываютъ, что развалины—остатки какого-либо присутственнаго мѣста. У зданія подъ уровнемъ грунта нижній этажъ съ высокими темными комнатами, быть можетъ, предназначавшимися для осужденныхъ. Нѣкоторые признаютъ въ постройкѣ мечеть; однако въ ту пору, когда застраивалась древняя часть Ани, мусульманъ, для которыхъ воздвигались бы подобныя монументальныя постройки, не было въ этомъ городѣ: возвышающійся рядомъ минаретъ пристроенъ впослѣдствіи; возможно одно, именно то, что впослѣдствіи мусульманскіе правители Ани и передѣ-

---

*) Гробницу царя Ашота I принято признавать въ чьей-то одинокой могилѣ, близъ одной изъ церквей въ низменной прирѣчной части монастыря Оромоцъ, нынѣ Гошаванкъ. Но это пустая, ни на чемъ не основанная догадка. Надпись, нацарапанная на надгробномъ камнѣ, ничего архаичнаго не представляетъ и напоминаетъ прежде всего новѣйшія эпиграфическія упражненія туристовъ, посѣщающихъ Ани.

**) Въ № 1 „*Историч. Вѣстн.*“ за 1898 г. напечатана статья г. Андреева объ Ани подъ заглавіемъ „На развалинахъ армянской Пальмиры“ съ 9 цинкографіями, кои были любезно уступлены редакціею названнаго журнала для Бр. Пом. Здѣсь мы печатаемъ восемь изъ нихъ, исправляя только неточности въ названіяхъ. *Ред.*

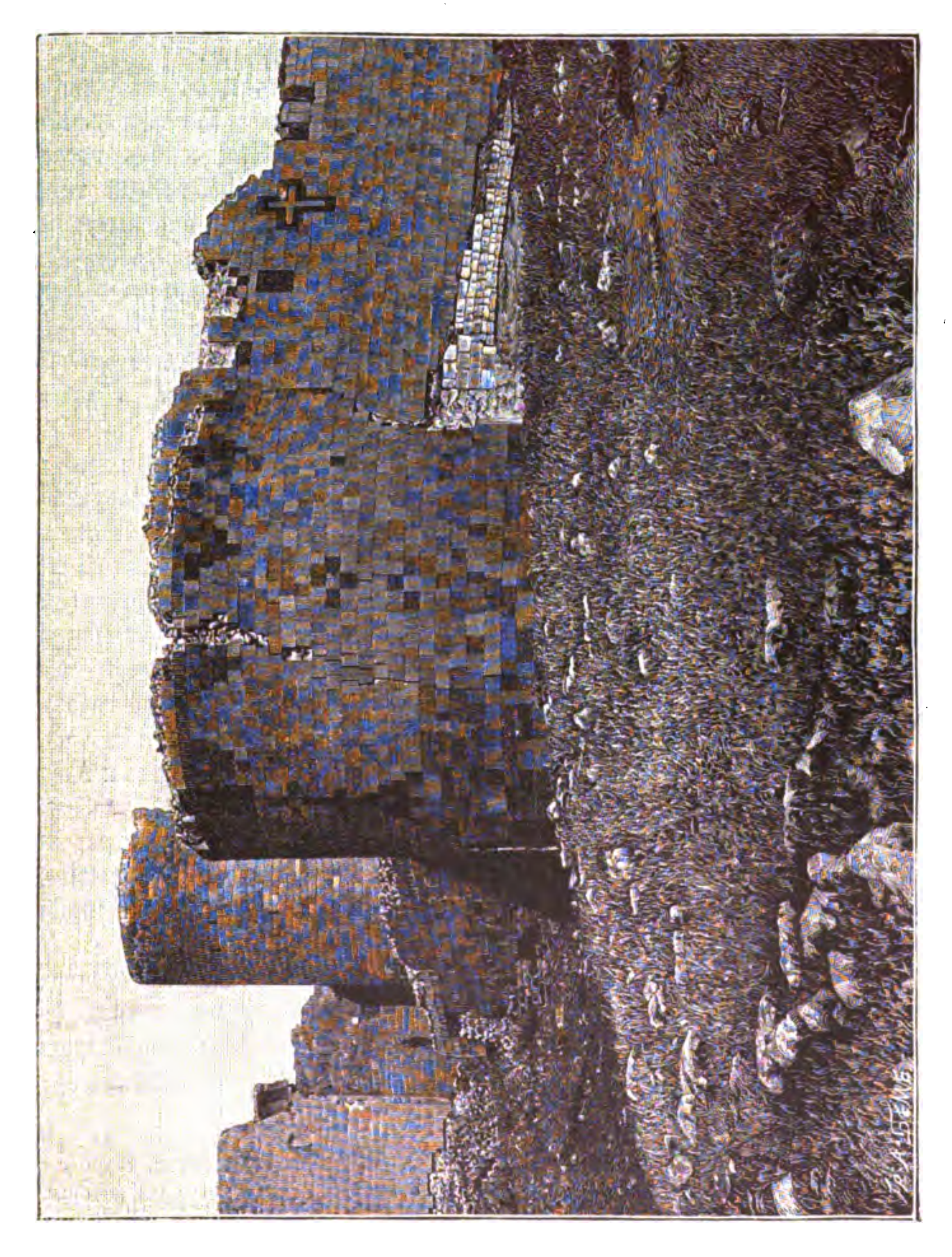


Рис. 2. Ани.—Смбатова стѣна.

лали въ мечеть древнеанійское зданіе. Иные считаютъ развалины остатками католикосскаго дворца, забывая, что въ эту пору армянскіе католикосы имѣли резиденцію въ Аргинѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ани. Кромѣ колоннъ, съ сталактитовыми сводами, это зданіе, съ лучшимъ видомъ изъ Ани на протекающій въ глубокомъ ущельѣ Ахурянъ, внутри въ куполахъ представляло причудливые узоры, отчасти уцѣлѣвшіе.

Въ древней части Ани, или въ Нижней крѣпости, какъ называетъ ее историкъ Аристакесъ Ластивертскій (XI в.), открыта еще оригинальная церковь Богоматери, принадлежавшая роду Хамбушенцъ: входъ въ самый алтарь посрединѣ, а не съ боковъ; въ архитектурномъ отношеніи это любопытный типъ упрощенной на армянской почвѣ базилики; орнаменты не обильны и не вычурны, напротивъ, пріятно поражаютъ насъ строгостью стиля и тщательностью отдѣлки простыхъ, но ласкающихъ глазъ рисунковъ. Съ юга къ церкви непосредственно примыкаетъ кладбище: могильныя плиты безъ всякихъ надписей; въ головахъ нѣкоторыхъ могилъ каменные кресты (хачкары) съ богатой рѣзьбой и моленіями. Церковь видѣла еще дни самостоятельности Ани: одна надпись съ датою 1042 года.

Городъ при царяхъ росъ съ необычайною быстротой: при сынѣ и преемникѣ Ашота стало потребностью оградить новую часть Ани. Смбатъ окружилъ ее оградою съ воротами и башнями на разстояніи «одного выстрѣла стрѣлы» отъ малой или древней стѣны, какъ сообщаетъ историкъ Матѳей Едесскій (XII в.). Эта вторая стѣна впослѣдствіи облицовывалась заново, но мѣстами облицовка спала, и древняя кладка времени Смбата обнажена. Стѣна царя Смбата (рис. 2) перерѣзывала Анійское плоскогорье въ общемъ по тому же направленію, какъ стѣна Ашота, отъ Ахуряна до Цагкадзора, но перехватъ, защищенный ею, гораздо болѣе обширный. Ко времени царей относится, быть можетъ, основная часть стѣнъ, защищавшихъ нѣкоторые доступные пункты со стороны Ахуряна и Аладжинскаго ручья *).

Съ самою древнею датою пока оказывается въ Ани огромный крестный камень 401 года армянскаго лѣтосчисленія (952 г. по Р. Хр.) съ архаичной простой орнаментаціей, отрытый въ новой части города при раскопкѣ миніатюрной церкви св. Григорія.

Изъ памятниковъ времени царей въ новомъ Ани въ лучшемъ видѣ сохранились четыре церкви. На первомъ мѣстѣ надлежитъ упомянуть маленькую фамильную церковь св. Григорія башеннаго типа, надъ оврагомъ со стороны Цагкоцадзора, построенную въ концѣ X-го вѣка, и Анійскій соборъ Богоматери.

---

*) Описывая стѣны, Ани г. Андреевъ замѣчаетъ: „это не простыя стѣны, грубо сложенныя изъ камней: мы видѣли предъ собою артистическое сооруженіе, надъ которымъ трудились несомнѣнно лучшіе мастера того времени. Сажени въ двѣ высотою и сажени въ двѣ толщиною, онѣ шли непрерывною линіею на обѣ стороны. Пообвалились уже ихъ башни, сильно уменьшилась мѣстами и ихъ собственная высота, но онѣ еще гордо возвышаются на равнинѣ и охватываютъ своимъ двойнымъ рядомъ мертвую столицу Арменіи. Сохранилась на нихъ и тщательно отполированная, составленная изъ разноцвѣтныхъ каменныхъ квадратовъ облицовка съ многочисленнымъ изображеніемъ крестовъ; сохранилось также нѣсколько надписей“. *П. Р.*

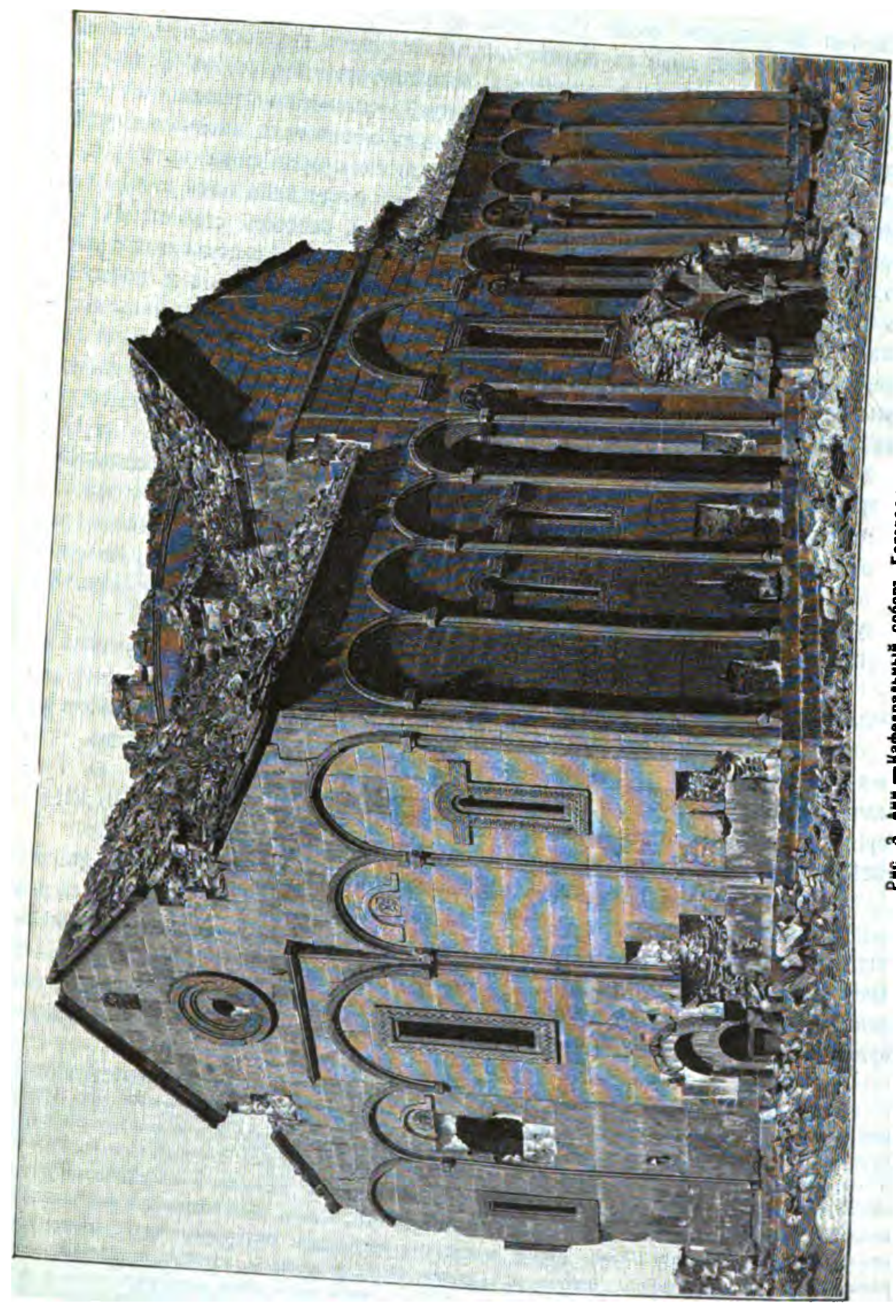


Рис. 3. Ани.—Кафедральный соборъ Богородицы.

Послѣдній (рис. 3), заложенный въ 1001 г. Гагикомъ I и достроенный въ 1010 г. его женою Катранидою, позже (XII—XIII в.) подвергался реставраціи, размѣры и характеръ которой пока не выяснены *). Въ исторіяхъ искусствъ, если авторы вспоминаютъ объ армянскомъ искусствѣ, обыкновенно этотъ соборъ приводятъ какъ типичный выразитель всѣхъ особенностей армянскаго церковнаго зодчества; однако онъ является представителемъ лишь одного типа, именно того типа церкви, который имѣетъ форму продолговатаго четыреугольника въ планѣ, и притомъ въ анійскомъ Соборѣ Богоматери у насъ позднѣйшій видъ этого типа. Церковь св. Григорія снаружи представляетъ восемь равныхъ сторонъ; внутри это восемь круглыхъ сводчатыхъ абсидъ, выходящихъ на центральный кругъ. Въ одной изъ нихъ былъ устроенъ алтарь, въ другой были пробиты двери; въ остальныхъ абсидахъ, какъ и въ центральной части храма, помѣщались молящіеся. Круглый корпусъ церкви вверху вѣнчается куполомъ на умѣренной высоты барабанѣ. Орнаментами церковь не богата, стѣнопись поистерлась, но оригинальность плана и безукоризненная симметричность ея архитектурныхъ частей невольно приковываютъ къ себѣ вниманіе, особенно, когда стоите внутри, такъ какъ образовавшаяся вокругъ зданія груда значительно мѣшаетъ цѣльности впечатлѣнія. Церковь сохранилась сравнительно хорошо. Церковь была фамильною для одного отпрыска княжескаго рода Палавидовъ (Палавуни), именно для того, который по имени родоначальника Абугамра назывался Абугамренцъ, почему и церковь была извѣстна подъ названіемъ св. Григорія Абугамренцъ. Къ церкви съ одной стороны была пристроена фамильная усыпальница.

Въ самомъ концѣ X-го вѣка у обрыва надъ Аладжинскимъ ручейкомъ была построена великолѣпная церковь св. Григорія, для описанія красотъ которой современники не находятъ достаточно словъ. Церковь эта представила бы большой интересъ и для исторіи древнеармянскаго церковнаго зодчества, такъ какъ она была сооружена по плану въ свое время извѣстной церкви св. Григорія недалеко отъ Вагаршапата, построенной Нерсесомъ Строителемъ въ VII-мъ вѣкѣ, но отъ нея на поверхности Ани не осталось и развалинъ.

Архаичный, но плохо сохранившійся типъ имѣемъ въ церкви Апостоловъ, надпись на которой объ одномъ вкладѣ отъ 1031 года удостовѣряетъ, что она существовала уже въ началѣ XI-го вѣка. Церковь Апостоловъ, находящаяся къ сѣверо-востоку отъ Григорія Абугамренцъ,—крестообразной формы, какъ всѣ древнѣйшія церкви въ Арменіи; ея необильные, но характерные орнаменты выдержаны въ строго архаичномъ стилѣ; впрочемъ, отъ самой церкви осталось не-

*) О внутреннемъ видѣ собора Богородицы (рис. 3) г. Андреевъ пишетъ: „Передъ нами было громадное великолѣпное зданіе, почти не тронутое временемъ и стихіями. Четыре могучихъ сложныхъ колонны на массивныхъ цоколяхъ уходили ввысь и поддерживали крышу съ основаніемъ когда-то возвышавшагося надъ нею обширнаго круглаго купола. Величественныя зданія, выложенныя гладко отполированнымъ камнемъ и прорѣзанныя узкими окнами, прямыми линіями охватывали храмъ съ Ю., С. З., а съ восточной его замыкало возвышеніе для алтаря, съ двумя комнатами по бокамъ. Внутреннее пространство было громадно и соборъ могъ вмѣстить большую толпу молящихся, которые и стекались сюда предпочтительно предъ другими церквами Ани, такъ какъ здѣсь совершалъ службу самъ католикосъ. Тонкій дивный орнаментъ украшалъ карнизы стѣнъ, шелъ по краямъ оконъ, возвышалъ тѣхъ или другихъ частей храма“... *Ред.*

много; лучше сохранился пристроенный къ ней притворъ, но о немъ, какъ о позднѣйшемъ сооруженіи, рѣчь будетъ ниже.

Въ 103⁵/₆ году была закончена постройкой церковь Спасителя, башнеобразной формы, съ дверями, въ орнаментированныхъ рамахъ. Надъ входомъ впослѣдствіи была пристроена колокольня, въ настоящее время представляющая груду развалинъ. Нижняя половина представляетъ многогранникъ: у соединеній сторонъ пущены парныя колонки, сплетающіяся фальшивыми двойными арками, полукругами. Такія же колонки на верхней, меньшей, половинѣ, представляющей цилиндръ, соединены рѣзными фальшивыми арками. Цилиндръ этотъ или барабанъ, кончающійся куполомъ, опоясанъ двумя каймами: одна представляетъ кольчатую цѣпь продолговатыхъ четыреугольниковъ, чередующихся съ квадратиками, и пущена подъ основаніями колонокъ, другая фигурная рѣзьба на камнѣ проходитъ надъ фальшивыми арками. Украшенъ узорами и карнизъ. Внутри церковь состояла изъ восьми полукруглыхъ абсидъ, и вся была расписана. Изображенія были размѣщены на стѣнахъ, полукуполахъ и верхнихъ бордюрахъ абсидъ, равно какъ на простѣнкахъ между сводами, надъ колоннами. Стѣнная живопись церкви Спасителя иллюстрировала событія и лица Новаго Завѣта, лишь въ абсидѣ алтаря, наибольшей сравнительно съ другими, разрисованъ былъ Богъ-Отецъ, окруженный ангелами. Въ рукахъ Творца открытая книга съ буквами, которыя невозможно уже прочесть. Въ примыкающихъ къ алтарю абсидахъ слѣва и справа изображено Сошествіе Св. Духа, въ другихъ Тайная Вечеря, Евангелисты и т. п. Подъ изображеніемъ Матѳея нарисована колѣнопреклоненная фигура Саргиса Фаршика, просящаго у евангелиста заступничества: по всей вѣроятности, это художникъ, расписавшій церковь.

IV.

Въ эпоху политической зависимости, съ половины одиннадцатаго по четырнадцатый вѣкъ, Ани не перестаетъ цвѣсти и развиваться, какъ армянскій городъ. Иногда самая зависимость, никогда не ставившая города въ состояніе духовной и экономической порабощенности, изъ номинальной становилась призрачной. Это особенно случалось, когда въ силу тѣхъ или другихъ политическихъ соображеній побѣдители управленіе городомъ считали нужнымъ поручать армянскимъ князьямъ; но и иноземные и иновѣрные правители Ани, разъ они утверждались въ немъ, обыкновенно снискивали расположеніе анійцевъ неукоснительнымъ соблюденіемъ законности и широкою терпимостью къ армянскимъ учрежденіямъ. Не мѣсто здѣсь входить въ объясненіе этого явленія. Достаточно указать, что такое положеніе вещей явствуетъ изъ изученія армянскихъ и иноземныхъ литературныхъ памятниковъ, оно же подтверждается современными надписями и постройками, этими живыми свидѣтелями минувшаго величія Ани, носящими яркій армянскій характеръ. Нужно знать, что значительная часть того, что такъ или иначе устояла въ полуразрушенныхъ стѣнахъ Ани противъ неистовствъ дикихъ ордъ и всесокрушающаго времени, если не впервые создана, то возобновлена и реставрирована въ эту именно эпоху.

Катапаны. Первые правители по удаленіи изъ Ани царствовавшей династіи были чиновники, назначавшіеся изъ Византіи. Они титуловались катапанами. Въ числѣ анійскихъ катапановъ были греки Асидъ, Николай и Каменъ или Каминасъ, но были и, несомнѣнно, не греки, такъ болгаринъ магистръ Аронъ (1053) и грузины магистръ Багаратъ Вхкійскій и Григорій, сынъ Бакурана. Катапаны прилагали большое стараніе къ поднятію благосостоянія города. Еще при Багратидахъ Ани, не потерявъ значенія крѣпости, въ то же время сталъ торгово-промышленнымъ центромъ. Радѣтелямъ Ани не надо было большихъ усилій, чтобы направить торговлю чрезъ него. Одна изъ главныхъ артерій, по которымъ велись торговыя сношенія Запада съ Востокомъ, пролегала черезъ Двинъ у Аракса. Кружный путь изъ Трапезунта черезъ Ванъ на Двинъ значительно сокращался прямымъ черезъ Ани, куда, естественно, должна была направиться торговля, какъ только сильною властью водворена была безопасность въ краю. Багратиды, однако, не ограничивались предоставленіемъ караванамъ спокойнаго проѣзда: они строили пути, сооружали мосты и страннопріимные дома для облегченія путешествій. Достаточно указать, что на разстояніи сорока верстъ черезъ Ахурянъ были перекинуты семь, если не болѣе, мостовъ, монументальныхъ построекъ, развалины которыхъ и теперь приводятъ въ изумленіе путешественника. Катапаны, въ свою очередь, выхлопотали въ Византіи для анійцевъ сложеніе сколько-нибудь обременительныхъ пошлинъ и значительно облегчили жизнь въ Ани, чѣмъ, конечно, должны были вызвать новый приливъ въ городъ дѣятельнаго торговаго и ремесленнаго населенія, а вмѣстѣ съ ними и богатства. Такое же заботливое отношеніе къ торговопромышленнымъ интересамъ города проявляли и позднѣйшіе правители, какъ это видно изъ надписей. Однако византійскіе катапаны, на ряду съ заботами о матеріальномъ успѣхѣ города, возбуждали гоненіе на все, что могло поддерживать въ краѣ національный духъ. Когда же въ должности византійскихъ катапановъ явились грузины, они нашли готовую почву для пропаганды грузинской политики; армяне, недовольные греками, тѣмъ охотнѣе стали обѣщать поддержку грузинамъ, что грузинскій царь находился въ родствѣ съ домомъ армянскихъ князей Арцруни. Но тутъ появился Алпарсланъ, и когда сельджукскіе турки расположились станомъ у стѣнъ Ани, то ни потерявшіе голову правители, ни населеніе, деморализованное византійскимъ гнетомъ, не оказали сопротивленія, и городъ постыдно былъ преданъ врагу, произведшему полный разгромъ.

Памятники временъ греческаго владычества въ Ани немногочисленны. Что наружныя городскія стѣны потерпѣли и въ эту пору кое-какія измѣненія, надо было думать. И, дѣйствительно, нѣкоторыя башни и части стѣнъ были увеличены въ высотѣ, утолщены и заново облицованы; къ этому моменту, надо полагать, относится появленіе греческаго креста на городскихъ стѣнахъ Ани съ сѣверо-восточной стороны—это большой черный крестъ на свѣтломъ фонѣ стѣнной облицовки. Несомнѣнно, дѣло времени катапановъ также если не первое устройство водопровода, то, во всякомъ случаѣ, болѣе широкое его примѣненіе. Вода Ахуряна обыкновенно мутная; родниковъ, расположенныхъ въ другомъ ущеліи, называемомъ Цагкоцадзоръ, для цѣлаго города было мало; наконецъ, въ оба пункта изъ города путь долгій со спускомъ и подъемомъ. Катапанъ Аронъ

и облагодѣтельствовалъ анійцевъ, проведя въ «сей прекрасный» укрѣпленный городъ «обильный потокъ воды на радость и утоленіе жаждущихъ», какъ читаемъ въ одной армянской надписи на западной стѣнѣ Собора Богоматери.

V.

Эмиры. Въ 1072 году Абулсуваръ, эмиръ Двина, купилъ Ани отъ Алпарслана и назначилъ его правителемъ своего молодого сына Манучэ. Члены этого рода, Шеддадиды, происходившіе, по нѣкоторымъ источникамъ, изъ курдовъ, управляли нашимъ городомъ въ званіи эмировъ впродолженіе 120 лѣтъ, но съ перерывами. Хотя Шеддадиды и были представителями персидской власти, но зависимость ихъ отъ центральнаго правительства, если и не была номинальной, то не шла далѣе уплаты, и то не всегда аккуратной, опредѣленной суммы. Шеддадиды въ Ани держали себя царями. Шеддадиды, начиная съ Манучэ, по женской линіи восходили къ одному изъ армянскихъ Багратидовъ, находились съ ними въ родствѣ и являлись нѣкоторымъ образомъ законными ихъ преемниками. Анійцы видѣли въ Шеддадидахъ своихъ военныхъ защитниковъ. Хотя и мусульмане, Шеддадиды умѣли быть заботливыми правителями своихъ христіанскихъ подданныхъ. Первый изъ нихъ—Манучэ—особенно отличался гуманностью и мудростью. Онъ принялъ мѣры, чтобы вернуть обратно въ Ани часть разбѣжавшагося населенія. Неудачное княженіе его недальновиднаго и слабаго сына Абулсувара, не сумѣвшаго быть на стражѣ интересовъ Ани, совпало съ политическимъ усиленіемъ Грузіи при Давидѣ Возобновителѣ. Грузинскій царь искусно воспользовался настроеніемъ анійцевъ: Абулсуваръ оказался въ плѣну въ Грузіи и Ани въ рукахъ грузинъ. Фадлунъ, братъ Абулсувара, появился передъ стѣнами Ани во главѣ сильнаго войска, но какъ грузины, такъ и анійцы оказали успѣшное сопротивленіе. Въ этотъ-то моментъ проявила необычайные геройскіе подвиги армянка Айцямнъ. Тогда Фадлунъ далъ клятвенное обѣщаніе оберегать Ани, какъ родовое наслѣдіе, и анійцы немедленно сдались. Впрочемъ Фадлунъ вскорѣ нарушилъ слово, хотѣлъ было захватить цѣнныя вещи Собора, но неудачно. При слѣдующихъ преемникахъ поля Ширака сдѣлались театромъ непрерывныхъ войнъ, гдѣ грузинскіе цари Димитрій и Георгій, эмиръ Шахъ-Арменъ, господствовавшій въ южной Арменіи, и законные хозяева Ани оспаривали другъ у друга владѣніе имъ. Анійцы въ общемъ сочувствовали братьямъ по вѣрѣ и не разъ рѣшали своимъ вмѣшательствомъ дѣло въ пользу грузинскаго царя, но каждый день порождалъ новаго мусульманскаго эмира, новаго врага анійцевъ и ихъ собратьевъ. Время было тревожное для Ани и оно длилось до тѣхъ поръ, пока судьба города не оказалась въ рукахъ Захаридовъ.

Каждое новое правленіе въ Ани большое вниманіе удѣляло городскимъ стѣнамъ, особенно приходилось заняться ими Шеддадидамъ, получившимъ Ани послѣ разгрома его сельджуками; и Шеддадиды возстановили и укрѣпили стѣны царя Смбата, исправивъ поврежденія и построивъ новыя башни. Куфическая надпись у главныхъ воротъ удостовѣряетъ о построеніи одной башни во время

эмировъ; помѣщенное по близости горельефное изображеніе льва, пожалуй, относится къ этой порѣ «персидскаго» господства. Ко времени мусульманскихъ правителей относится построеніе мечетей: одна—это въ древней части Ани со стороны Ахуряна, гдѣ заново былъ воздвигнутъ лишь минаретъ, а молельня была, какъ предполагается, приспособлена въ зданіи, первоначально служившемъ какимъ-то присутственнымъ мѣстомъ, быть можетъ, какъ мы говорили, судилищемъ. Другая мечеть была построена въ новой части Ани, между Соборомъ и церковью Апостоловъ; мечеть эта теперь уже развалилась окончательно, но въ восьмидесятыхъ годахъ еще держался большой минаретъ съ персидскою надписью 1198 года по Р. Хр., въ которой правитель Ани воспрещалъ торговать здѣсь, близъ мечети, овцами и верблюдами.

Тревожное время безпрестанныхъ войнъ при эмирахъ не останавливало хода культурной работы армянъ въ области мысли и литературы. Развивались своимъ чередомъ и искусства и ремесла. Въ частности, въ анійскихъ постройкахъ вѣнцомъ всего сохранившагося изъ этой эпохи надо признать притворъ, заново возведенный у входа церкви Апостоловъ. Притворы у армянъ часто пристраивались къ церквамъ впослѣдствіи, именно тогда, когда церкви начинало не хватать на умножавшійся приходъ: молящіеся, не находившіе мѣста въ самомъ храмѣ, во время службы церковной, становились въ притворѣ. Въ притворахъ предавались погребенію выдающіеся прихожане или вообще горожане, и они такимъ образомъ представляли своего рода Пантеонъ. Кромѣ того, въ притворахъ собирались для обсужденія вопросовъ не только церковныхъ, но и общественныхъ и политическихъ. Въ частности въ притворахъ анійскихъ церквей выяснялись отношенія анійцевъ къ тѣмъ или инымъ мѣропріятіямъ правительства, равно какъ оглашались новые законы или распоряженія правителей и начальствующихъ лицъ. Вотъ почему всѣ, свободныя отъ орнаментовъ, мѣста на притворѣ церкви Апостоловъ покрыты армянскими надписями, которыя рядомъ съ сообщеніемъ о вкладахъ въ названную церковь трактуютъ о фактахъ, имѣющихъ общеанійское значеніе; такъ, наприм., одна надпись (1263 года) говоритъ о воспрещеніи торговли на улицахъ по воскреснымъ днямъ, другая (1320 г.)—о сложеніи съ анійцевъ извѣстныхъ поборовъ съ вводимыхъ въ Ани коровъ и ословъ, съ угрозой проклятія за нарушеніе этого рѣшенія, будетъ ли нарушитель армянинъ, или грузинъ, или мусульманинъ. Особенно много надписей касательно льготъ, предоставлявшихся анійцамъ въ несеніи повинностей.

Притворы обыкновенно пристраивались къ храму съ западной стороны, но очень часто они встрѣчаются съ боковъ, такъ какъ приходилось пользоваться тѣмъ свободнымъ клочкомъ земли, который былъ въ распоряженіи строителей. Такой, вызванный необходимостью, распорядокъ отдѣльныхъ частей монастыря, придающій цѣлому видъ какой-то безформенности, приходится наблюдать въ отдѣльныхъ армянскихъ обителяхъ, но онъ особенно часто встрѣчался въ Ани, гдѣ рано была застроена буквально каждая пядь земли. Достаточно указать на то, что при постройкѣ церкви Богоматери Хамбушенцъ пришлось довольствоваться однѣми боковыми дверями, такъ какъ съ западной стороны некуда было двинуться. Притворы, возникавшіе сравнительно съ храмомъ позже, иногда столѣтія спустя, являлись, понятно, воплощеніемъ новыхъ вѣяній въ

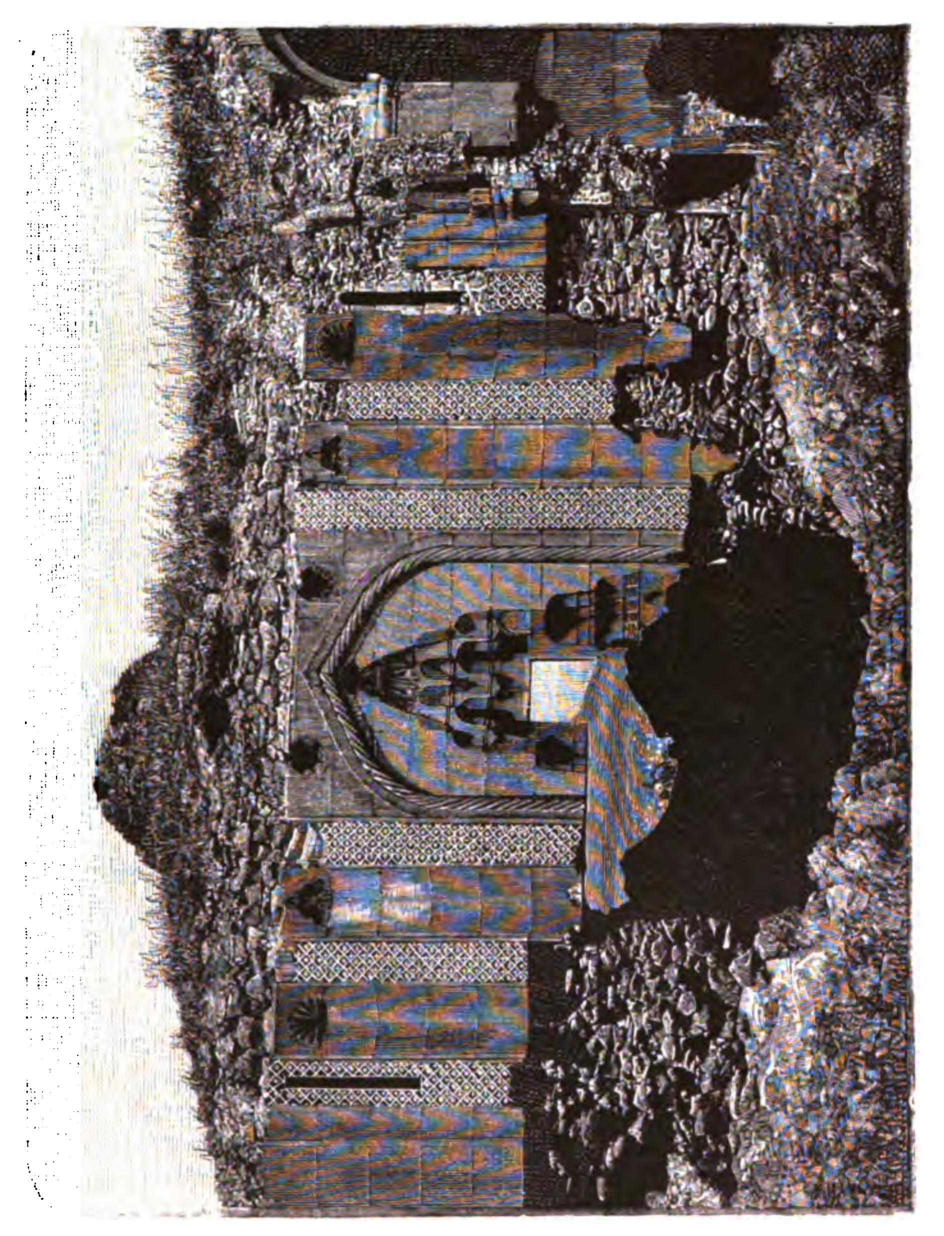


Рис. 4. Ани.—Притворъ церкви св. Апостоловъ.

строительномъ искусствѣ. Потому и притворъ церкви Апостоловъ какъ въ кладкѣ и матеріалѣ, такъ особенно въ орнаментаціи представляетъ поразительный контрастъ съ суровою красотою самаго храма, выражающеюся въ смѣлости и гармоничности архитектурныхъ линій, безъ всякой претензіи на красивую пестроту. Такого пестраго характера красивый архитектурный нарядъ, отчасти до сихъ поръ украшающій притворъ церкви Апостоловъ, какъ снаружи (рис. 4), такъ особенно внутри, гдѣ въ куполахъ, образуемыхъ перекрещивающимися арками, глазъ не находитъ мѣста, свободнаго отъ затѣйливыхъ фигурныхъ сочетаній. Мастера этой эпохи, повидимому, старались ослѣпить современниковъ и потомство блескомъ и поразить богатствомъ орнаментовъ и рисунковъ, которыми они осыпали зданіе точно изъ рога изобилія, и если при такой расточительности невольно приходилось сочетать мотивы и формы, заимствованные изъ различныхъ міровъ, нарушать единство стиля, все же строителямъ нельзя отказать въ томъ, что они произвели нѣчто выдающееся, какъ по щеголеватости мотивовъ и своеобразію ихъ сочетаній, такъ по безукоризненности техники.

Въ виду этого на путешественниковъ, посѣщавшихъ Ани, притворъ церкви Апостоловъ всегда производилъ наибольшее*) впечатлѣніе; съ ихъ легкой руки зданіе это у описателей Ани величается то дворцомъ князей Пахлавуни, то кухнею персидскаго царя Нушревана, популярнаго въ позднѣйшихъ легендахъ, то дворцомъ Багратидовъ.

VI.

Пароны. Захариды, армянскіе князья Долгорукіе, являли въ своемъ лицѣ національныхъ правителей, находившихся въ родствѣ съ армянскими царями Хачена, одной изъ областей Арменіи. Ихъ родовое владѣніе было въ области, пограничной съ Грузіею; здѣсь укрѣпленный городъ Лори служилъ имъ столицею. Развалины Лори, расположенныя на лѣвомъ берегу Дебедачая, въ окрестностяхъ Джалалоглы, представляютъ Ани въ миніатюрѣ; національность политической жизни въ маленькомъ воинственномъ Лори чувствовалась, пожалуй, болѣе, чѣмъ въ обширномъ сравнительно, но болѣе космополитичномъ Ани. Достаточно указать, что армянскіе цари, предшественники Долгорукихъ по владѣнію Лори, чеканили своимъ именемъ армянскія монеты, между тѣмъ какъ у анійскихъ царей собственныхъ монетъ, насколько пока извѣстно, не было, и въ Ани во время его политической независимости были въ ходу всевозможныя какъ христіанскія, такъ и мусульманскія монеты.

Изъ Лори лихимъ мечомъ и политическими дѣйствіями Долгорукіе старались объединить подъ своею властью армянскія области, бывшія въ рукахъ мусульманскихъ правителей; они стремились вовлечь въ сферу своего вліянія и

---

*) Объ орнаментѣ церкви Апостоловъ (ошибочно наз. храмомъ Спасителя) г. Андреевъ говоритъ: „я просто ахнулъ отъ изумленія—такой роскоши, такого великолѣпія и изящества не имѣетъ ни одна изъ анійскихъ руинъ. Нужна кисть живописца, чтобы нарисовать художественныя колонны, давно перекрещивающіяся арки, изящный сводчатый потолокъ и несравненный, неподражаемый орнаментъ. Описать же дивную картину этой руины выше моихъ силъ“. *П. Р.*

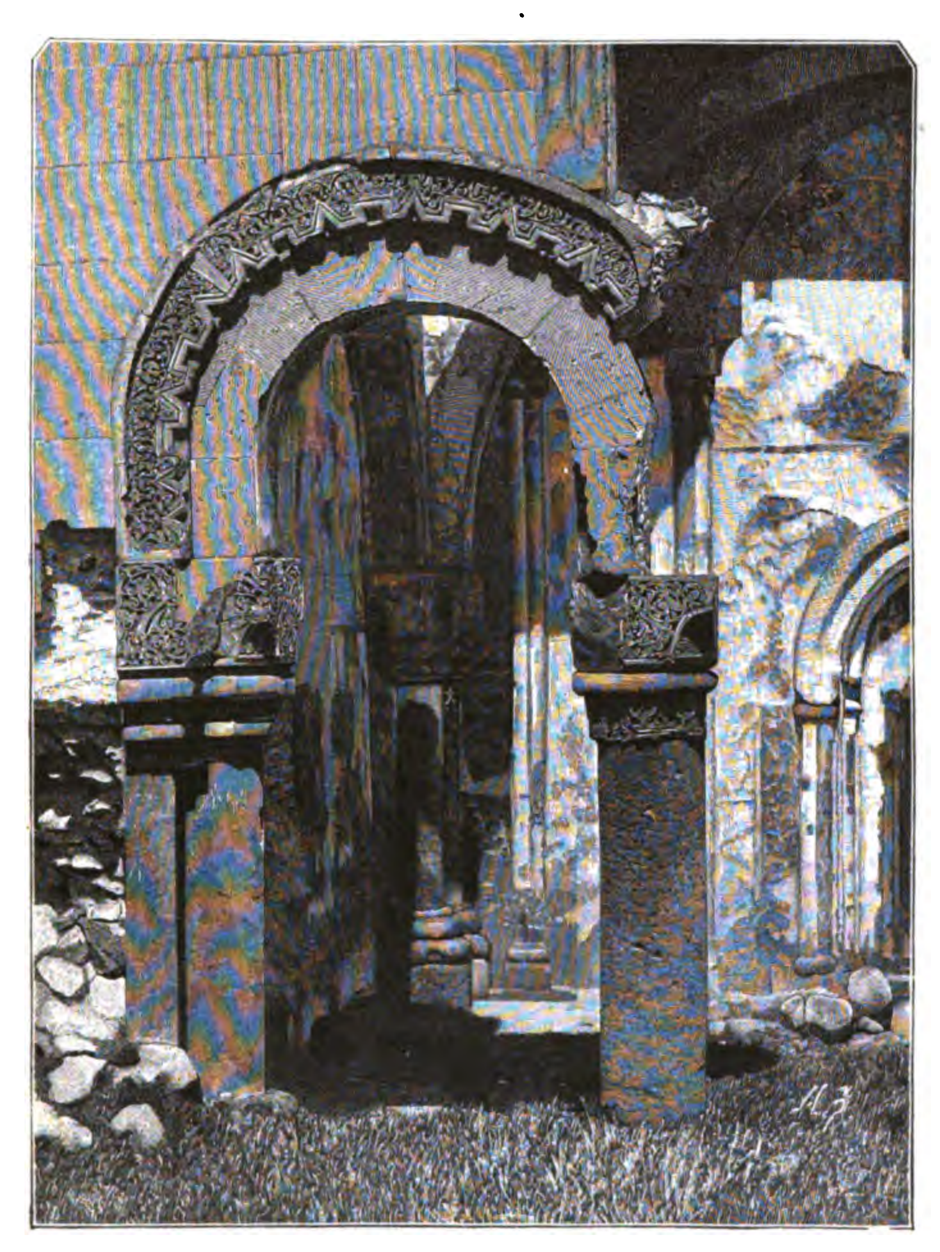


Рис. 5. Ани.—Притворъ церкви св. Григорія Просвѣтителя.

такія армянскія области, гдѣ, какъ, наприм., въ Сюніи, наслѣдственно находившейся въ рукахъ коренныхъ армянскихъ же князей, не оказывалось достаточно воспріимчивой почвы для пропаганды династическихъ стремленій Долгорукихъ; въ другихъ частяхъ Арменіи каждая побѣда, одержанная надъ «невѣрными и иноземными» князьями, въ глазахъ мѣстнаго населенія являлась въ то же время политическимъ успѣхомъ нашихъ армянскихъ князей. Преуспѣянію Долгорукихъ весьма существенно содѣйствовало политическое могущество грузинскаго царства при Тамарѣ. Предки князей Долгорукихъ еще при предшественникахъ грузинской царицы играли непослѣднюю роль въ дѣлѣ освобожденія Арменіи отъ мусульманскихъ эмировъ. Тамара облекла Саргиса Долгорукаго, отца Иванэ и Захаріи, въ почетное званіе главнокомандующаго и, давъ ему Лори въ удѣлъ, признала его владѣтельнымъ княземъ Арменіи. Надо знать, что Долгорукіе служили еще при армянскихъ царяхъ Лори, и, слѣдовательно, за ними были признаны тѣ владѣнія, которыя давно составляли предметъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Вліяніе Долгорукихъ было давно упрочено въ этихъ владѣніяхъ. Санкція со стороны царицы Тамары тѣмъ не менѣе была, конечно, чрезвычайно важнымъ для дальнѣйшей судьбы Долгорукихъ фактомъ. Такимъ образомъ, армянскія области не только получали полный покой со стороны могущественной тогда сѣверной сосѣдки, но онѣ оказывались подъ ея ближайшимъ покровительствомъ. Каково бы ни было впрочемъ положеніе Долгорукихъ при грузинскомъ дворѣ, армяне въ ихъ владѣніяхъ, составлявшихъ части коренной Арменіи, чувствовали себя независимыми хозяевами; особенно сильно было развито это чувство вольности въ городѣ Ани. Если бы не свидѣтельства грузинскихъ и армянскихъ историковъ, мы не могли бы и думать о какой-либо зависимости Ани отъ грузинъ: въ громадномъ большинствѣ надписей, какъ сохранившихся, такъ пока откопанныхъ нами, нѣтъ никакого упоминанія о власти грузинскихъ царей, какъ о предержащей въ Ани. Если же случается разъ, другой упоминаніе о «грузинскомъ царствѣ», го исключительно для датированія надписей, изъ чего еще нѣтъ возможности дѣлать заключенія о большомъ значеніи грузинскаго господства въ мѣстной жизни. Ростъ армянскаго княжества, возрождавшагося при такихъ обстоятельствахъ изъ обломковъ Анійскаго царства, подобно фениксу изъ пепла, совпалъ съ окончательнымъ провозглашеніемъ армянскаго царства въ Киликіи, куда и стягивались лучшія силы народа, куда уже переселился духовный глава всѣхъ армянъ и перемѣстился центръ литературной дѣятельности. Но тѣмъ не менѣе молодое армянское княжество имѣло будущность, если бы объединительной политикѣ Долгорукихъ, титуловавшихся позже «паронами», не положили конецъ появленіе монгольскихъ ордъ въ двадцатыхъ годахъ XIII вѣка и произведенный монголами полный переворотъ въ дѣлахъ Арменіи и Грузіи.

При Захаридахъ внутренній рядъ городскихъ стѣнъ Ани былъ продолженъ (1208) въ сторону Ахуряна и доведенъ до самаго обрыва у рѣки. Стѣна эта, снабженная высокими башнями и воротами, сравнительно съ древними частями, тонка, но надо замѣтить, что эта окраина города, до Захаридовъ пустовавшая, и не нуждалась въ особомъ укрѣпленіи городскими стѣнами, такъ какъ она была защищена глубокимъ оврагомъ, называвшимся Волчьимъ Яромъ (Гайлъдзоръ). Но въ городѣ, повидимому, все болѣе и болѣе падалъ воинственный духъ; от-

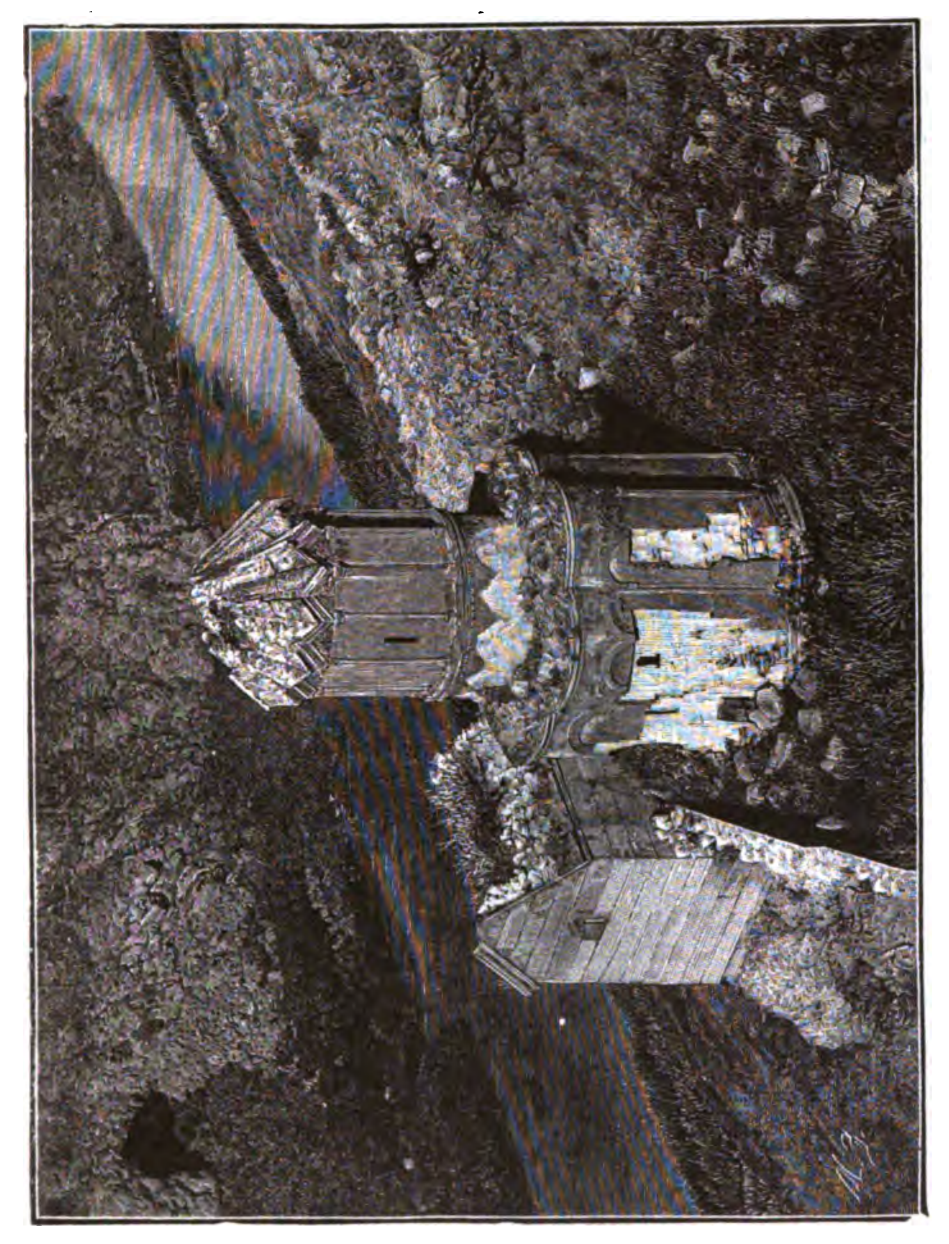


Рис. 6. Ани.—Часовня Дѣвичьяго монастыря.

вага и воинскія доблести уступали мѣсто благоразумію и гражданскому настроенію. Мирнымъ и богатымъ анійцамъ прежнія укрѣпленія казались недостаточно надежными, почему возводились новыя: къ этой порѣ относятся стѣны, защищающія и безъ того крутой подъемъ къ вышгороду со стороны Ахуряна и Аладжинскаго ручья, равно какъ новая линія наружныхъ стѣнъ, идущая параллельно съ Смбатовой. Въ украшеніи и укрѣпленіи городскихъ стѣнъ въ эту эпоху принимали участіе заодно съ владѣтельными князьями и простые смертные: анійцы украшали городскія стѣны, вставляя на видныхъ мѣстахъ рѣзные каменные кресты, называвшіеся памятниками (ардзанами), равно различныя горельефныя изображенія, такъ, наприм., орла съ зайцемъ въ когтяхъ или переплетающихся змѣй и т. п.; для усиленія крѣпости стѣнъ пристраивались отдѣльныя башни на доброхотныя средства. Сохранившіяся надписи, предназначенныя увѣковѣчить память строителей, съ точностью указываютъ, когда и кѣмъ дѣлались подобныя частныя улучшенія.

Семь лѣтъ спустя по расширеніи городскихъ стѣнъ, недалеко отъ послѣднихъ, на одномъ уступѣ Анійскаго плоскогорія, со стороны Ахуряна, была расчищена площадь около часовни Богоматери, обнесена оградой и построена церковь св. Григорія Просвѣтителя. Весьма пространная и не менѣе любопытная надпись на южной стѣнѣ церкви знакомитъ насъ со всѣми обстоятельствами возникновенія этого храма въ 1215 г., вплоть до описанія принесенной въ даръ утвари и перечня другихъ вкладовъ. Будучи воспроизведеніемъ анійскаго Собора Богоматери въ уменьшенномъ видѣ, съ полуразвалившимся сводчатымъ притворомъ (рис. 5), церковь св. Григорія превосходитъ его богатствомъ архитектурной орнаментики. Не только карнизы, рамы оконъ, вѣнцы нишъ и астры или витки и поясъ на барабанѣ купола представляютъ художественные образцы рѣзьбы на камнѣ, не только каменныя дуги фальшивыхъ аркъ, украшающихъ снаружи боковыя стѣны, по десяти съ каждой стороны, имѣютъ видъ тонкаго плетенія, но и всѣ свободные углы между этими дугами сплошь покрыты, точно кружевомъ, богатою рѣзьбою, изображающею звѣрей и птицъ на фонѣ причудливыхъ узоровъ. Богатство наружнаго наряда восполнялось богатствомъ фресковъ внутри; надо впрочемъ замѣтить, что въ сохранившейся стѣнописи церкви св. Григорія, у насъ, быть можетъ, и не тѣ самые образа, о которыхъ говоритъ строитель церкви въ надписи 1215 года. Дѣло въ томъ, что армянская церковь впослѣдствіи была занята грузинами; послѣдніе снабдили расписанныя стѣны грузинскими надписями, краскою, объясняющими тѣ или другія изображенія; естественно предположить, что за время хозяйничанья въ церкви грузинъ были произведены кое-какія измѣненія въ стѣнописи, но господствованіе въ ней сценъ изъ жизни Просвѣтителя армянъ показываетъ, что если не сами первоначальныя изображенія, то первоначальные ихъ сюжеты грузинами были удержаны въ занятой церкви. Нахожденіе грузинскихъ буквъ на штукатуркѣ стѣнъ и кое-гдѣ греческихъ внушило нѣкоторымъ ученымъ сомнѣніе въ армянскомъ происхожденіи церкви. Нѣкоторыя прямо-таки называли ее греческою церковью, такъ какъ между прочимъ иконопись, украшающая храмъ, имъ казалась неподходящею для армянской церкви. Однако внимательное обслѣдованіе развалинъ армянскихъ церквей обнаружило, что онѣ очень охотно расписывались. Раскопки же, произведен-

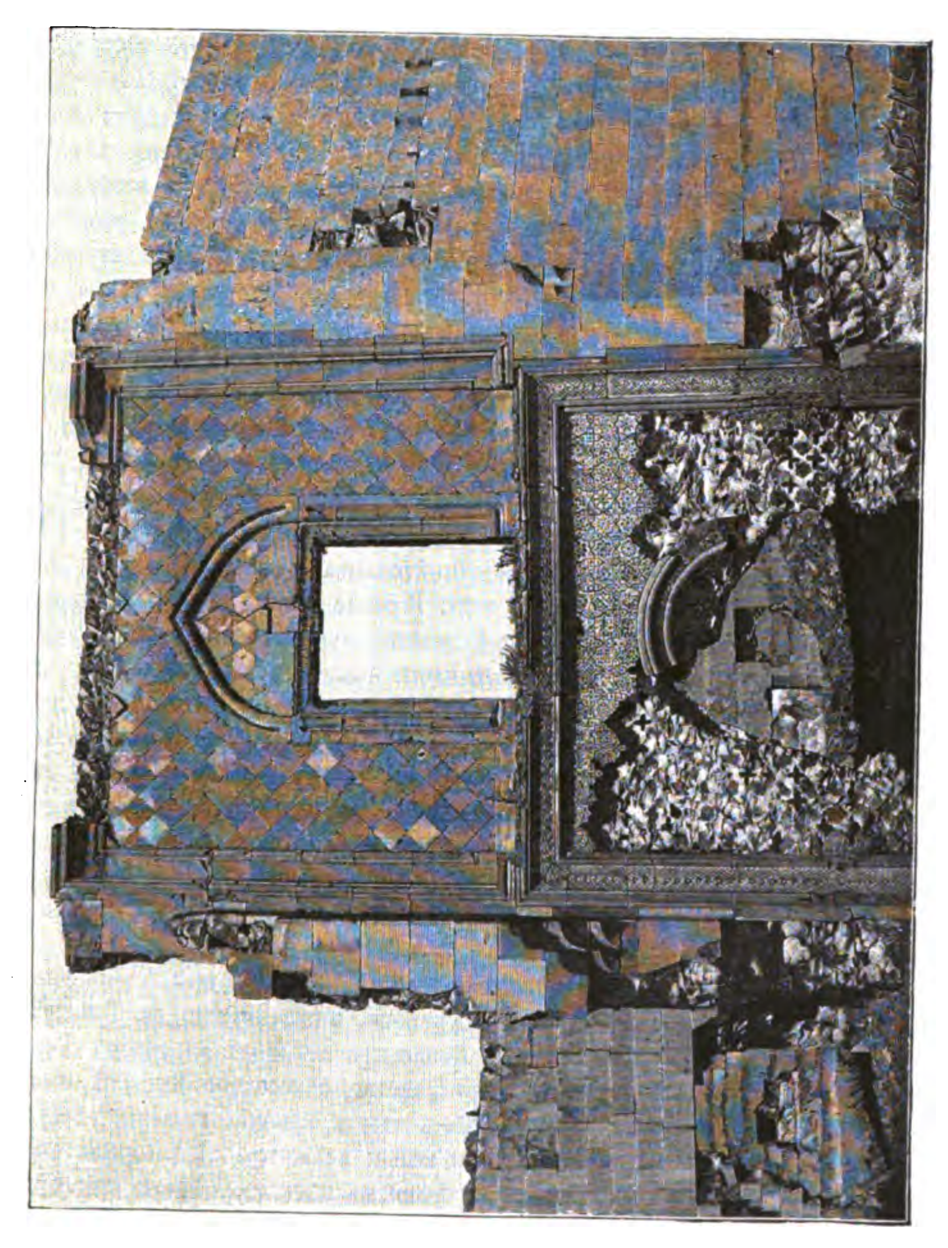


Рис. 7. Ани.—Такъ наз. дворецъ Багратидовъ.

ныя нами въ 1892 году, открыли маленькую церковь также св. Григорія, съ гораздо лучшими образцами стѣнной живописи.

Церковь эта, находившаяся въ новой части Ани, недалеко отъ городскихъ стѣнъ, по правую сторону отъ главныхъ воротъ, имѣла миніатюрные размѣры, но она была поразительно нарядна въ своей роскошной рѣзьбѣ снаружи и въ богатой стѣнописи внутри. Изображенія отдѣльныхъ святыхъ и ангеловъ и композиціи, представляющія ветхозавѣтныя и особенно новозавѣтныя происшествія, покрывали стѣны, колонны, паруса, барабанъ и куполъ, и всѣ они были снабжены армянскими объяснительными надписями. Отъ одной изъ стѣнъ внутри церкви отдѣлялось скульптурное изображеніе строителя, съ моделью церкви въ рукахъ, раскрашенное. Каменная рама окна была украшена ажурной рѣзьбой, рисунокъ которой представлялъ плетенку. По алтарному возвышенію и завершающимъ ихъ съ двухъ концовъ колонкамъ была пущена узорчатая кайма, въ которой причудливыя очертанія уставныхъ буквъ армянской надписи, горельефомъ, переплетались съ травчатыми узорами. Дугу фальшивыхъ колоннъ и простѣнки между ними представляли рядъ звѣрей, птицъ и чудовищъ, изсѣченныхъ на украшенномъ рѣзьбою полѣ. Тутъ же красовались солнечные часы рѣзной на камнѣ работы.

Два года спустя послѣ построенія церкви св. Григорія Просвѣтителя, что на склонѣ Анійскаго плоскогорья со стороны Ахуряна, какою то «госпожею Оромой, дочерью Іоанна», была возобновлена небольшая церковь Богоматери, откопанная нами въ 1893 году. Возобновленная церковь, оказавшаяся двухъэтажнымъ зданіемъ (нижній этажъ служилъ, повидимому, кладовою или ризницею), находилась въ новой части Ани, въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ древней Ашотовой стѣны. Церковь, продолговатый четыреугольникъ въ планѣ, весьма обычный типъ въ позднѣйшемъ армянскомъ церковномъ зодчествѣ, была украшена многими плитами и крестами съ рѣзьбой, но болѣе любопытно то, что при реставрированіи церкви запущенная площадь не была основательно расчищена, и такимъ образомъ была обращена въ кладбище часть ея, прилегающая къ церкви; раскопки же наши обнаружили, что покойниковъ хоронили въ развалинахъ древнихъ построекъ, незамѣченныхъ подъ толстымъ слоемъ наносной земли.

Къ этому же времени долженъ относиться такъ называемый Дѣвичій монастырь, расположенный надъ самымъ Ахуряномъ, ниже церкви св. Григорія, одно время бывшей въ рукахъ грузинъ. Монастырь занималъ на склонѣ Анійскаго плоскогорья довольно обширное пространство, обнесенное высокой оградой. Сообщеніе съ городомъ поддерживалось черезъ крытую галлерею, поблизости которой на скатѣ расположены были кельи; монастырь лѣтъ сорокъ тому назадъ казался только что покинутымъ сестрами; въ настоящее время это груда развалинъ: держится еще внизу на небольшой ровной площади только крохотная церковь или часовня съ прилегающею къ ней одинокою кельею, надъ обрывомъ (рис. 6). Вѣерообразная крыша съ выемчатыми краями свидѣтельствуетъ о самой поздней порѣ армянскаго зодчества, допускавшаго это нововведеніе и при реставраціи древнихъ храмовъ. Въ Ани существовала еще церковь, дѣйствительно построенная грузинами и, по всей вѣроятности, въ эту

именно эпоху: развалины, съ попорченною отъ времени грузинскою надписью на южной сторонѣ, свидѣтельствуютъ о красотѣ и нарядности церкви въ лучшіе ея дни. Развалины находятся въ нѣсколькихъ саженяхъ на востокъ отъ крохотной церкви св. Григорія, раскопанной нами.

Развалины на горкѣ, заканчивающей узкую полосу Анійскаго плоскогорья, также носятъ слѣды времени Захаридовъ. Здѣсь былъ, по всей видимости, монастырь съ кельями; главный храмъ, какъ и придѣлы были построены во время извѣстныхъ братьевъ Иванэ и Захаріи—князей Долгорукихъ, именуемыхъ тутъ же въ армянскихъ надписяхъ то военачальниками грузинской царицы, то царями Арменіи. Въ настоящее время всѣ эти постройки, за небольшимъ исключеніемъ, представляютъ груды камней, изъ-подъ которыхъ мѣстами виднѣются рѣзныя плиты съ чудными фигурными и растительными узорами.

Наконецъ, ко времени Захаридовъ относится двухъэтажное зданіе на противоположномъ концѣ Ани, на самой окраинѣ сѣверо-западной его новой части; двѣ стороны этого зданія совпадаютъ съ наружными городскими стѣнами позднѣйшей работы. Зданіе, со многими комнатами, для Ани весьма обширное и вмѣстительное, но ни въ кладкѣ и облицовкѣ, ни въ орнаментахъ нѣтъ ничего архаичнаго: стрѣльчатая арка окна надъ главнымъ входомъ свидѣтельствуетъ объ упроченіи персидскихъ нормъ въ анійской архитектурѣ, т.-е. о XII—XIII вѣкѣ. Если не считать каминообразнаго, весьма распространеннаго въ Ани, украшенія въ одной изъ комнатъ, то орнаменты оказываются только на наружной сторонѣ входа, гдѣ вы имѣете предъ собой (рис. 7) двѣ половины плоскости съ фигурными украшеніями, верхняя въ видѣ шахматной доски изъ свѣтлыхъ и черныхъ четыреугольниковъ, нижняя—сочетаніе черныхъ крестовъ съ свѣтлыми звѣздами. Богатая рѣзьба съ полунишами въ армянскомъ стилѣ, приписываемая обыкновенно нашему зданію, находится въ другомъ мѣстѣ, на притворѣ церкви Апостоловъ, а то, что въ иллюстрированныхъ описаніяхъ Ани предлагается въ качествѣ зала того же царскаго дворца, на самомъ дѣлѣ составляетъ внутренній видъ какой-то постройки, быть можетъ, церкви, въ вышгородѣ. Для дворца Багратидовъ, помимо новой архитектуры зданія, не подходитъ и самое мѣстоположеніе: дворецъ Багратидовъ долженъ былъ находиться если не въ самомъ кремлѣ, то въ древней части города, а никакъ не на окраинѣ новаго Ани. Въ мнимомъ дворцѣ мы имѣемъ, вѣроятнѣе всего, позднѣе выстроенное помѣщеніе для наружнаго гарнизона, на обязанности котораго лежала смѣнная служба въ дозорныхъ башняхъ и вообще на городскихъ стѣнахъ.

VII.

Ани „хасинджу", т.-е. удѣльное владѣніе монгольскихъ хановъ и его упадокъ. По водвореніи монгольской власти Захариды нѣкоторое время еще держались за Ани, какъ за свое наслѣдіе; но политической роли этого рода былъ положенъ конецъ. Захаридовъ смѣнили «пароны», назначавшіеся ханскою властью; бывшая столица Арменіи должна была отказаться отъ мечты вернуть себѣ прежнее положеніе средоточія армянской политической жизни, но торгово-промыш-

ленному городу надо было во что бы ни стало сохранить за собой извѣстныя вольности и особенно избавиться отъ обременительныхъ налоговъ, и это положеніе привилегированнаго города богатому Ани удалось занять въ эпоху монголовъ со второй половины XIII вѣка, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ извлеченіе изъ ханскаго ярлыка, въ армянскомъ переводѣ высѣченное надъ главнымъ входомъ. Если въ этотъ періодъ еще дѣлалось что-либо для обороны или украшенія города, то его вызывалъ къ жизни національно-христіанскій духъ, кое-какъ еще поддерживавшійся традиціями Захаридскаго режима. При новыхъ хозяевахъ и этотъ духъ вскорѣ погасъ.

Позднѣйшій періодъ исторіи Ани, все болѣе и болѣе опускающагося въ своемъ значеніи, представляетъ быструю смѣну ряда князей различныхъ татарскихъ племенъ. Князья эти пользовались отчасти независимостью, судя между прочимъ по тому, что они имѣли право чеканить монеты, и держались властителями до XV вѣкз (послѣдняя анійская монета относится къ этому времени), но съ подавленіемъ въ краѣ зиждительнаго духа христіанской культурности и гражданственности старое въ Ани шло къ разрушенію, а новое некому было созидать.

Когда Ани совершенно опустѣлъ, въ точности неизвѣстно; быть можетъ, это произошло не безъ связи съ нашествіемъ ордъ Тимура. Но окончательное паденіе Ани наступило гораздо раньше—въ первой половинѣ XIV-го вѣка—съ послѣдними армянскими князьями. По существу совершившійся уже тогда печальный фактъ могъ быть лишь ярче отпечатлѣнъ въ сознаніи потомства такимъ внѣшнимъ явленіемъ, какъ землетрясеніе, если оно дѣйствительно имѣло мѣсто въ Ани въ 1319 году, какъ гласитъ преданіе. Послѣднія раскопки обнаружили нѣкоторыя обстоятельства, несомнѣнно подтверждающія, что городъ пострадалъ отъ какой-то катастрофы, и это, пожалуй, въ началѣ XIV вѣка. Впрочемъ, очевидная смѣна въ эту именно пору догоравшаго пламени древнеармянской культурной жизни наступившимъ на долгіе вѣка мракомъ варварства могла сама создать среди армянъ легенду о гибели Ани отъ землетрясенія въ началѣ XIV-го вѣка. Созданію такой легенды могло содѣйствовать и аскетически-религіозное настроеніе армянскихъ хроникеровъ, для которыхъ богатый, жизнерадостный Ани въ цвѣтущій его періодъ, съ его мірскими соблазнами, могъ казаться бѣсовскимъ городомъ, Самимъ Богомъ осужденнымъ на погибель. По этой легендѣ, въ Ани любили наряды, анійцы стремились перещеголять другъ друга не только богатствомъ и изяществомъ костюмовъ, но великолѣпіемъ построекъ; анійцы были капризны и изнѣжены: безъ служанокъ и рабовъ они не дѣлали шагу и въ церковь отправлялись не иначе, какъ на лошадяхъ, при чемъ не благоволили слѣзть съ коней, а приказывали выносить имъ Евангеліе изъ церкви; анійцы были страстные чревоугодники и любители зрѣлищъ. Они цѣнили утонченныя блюда и душистыя вина съ букетомъ и увлекались сказками, играми и плясками; природная красота анійскихъ женщинъ еще болѣе содѣйствовала, по словамъ хроникера, порчѣ нравовъ въ Ани. Въ довершеніе зла анійцы не гнушались издѣваться надъ «серьезными строгонравными» гостями и даже монахами, приходившими просвѣтить жителей безпутнаго города. Для такихъ проповѣдниковъ у анійцевъ были два налоя: одинъ низкій, другой высокій, и когда появлялся проповѣдникъ, священникъ или монахъ, если онъ

былъ высокаго роста, ему ставили низкій налой, а если онъ былъ малъ ростомъ, ему ставили высокій налой». Анійцы позволили себѣ продѣлать и не такія шутки съ извѣстнымъ проповѣдникомъ, писателемъ Іоанномъ, который проклялъ городъ, и тогда, говоритъ хроникеръ, Ани погибъ отъ землетрясенія; спасшіеся же анійцы бѣжали въ различныя стороны. Нужно ли говорить, что отрицать у анійцевъ высоко развитое чувство религіозности, одухотворявшей всю ихъ дѣятельность, значитъ не обращать вниманія на факты. Конечно, Ани не былъ монастырь съ уставомъ отреченія отъ міра, а живой городъ, гдѣ изъ многообразныхъ жизненныхъ интересовъ возникала кипучая дѣятельность сложной столичной жизни.

VIII.

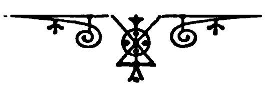
Въ цвѣтущій періодъ укрѣпленный Ани естественно распадался на три части—вышгородъ или кремль, старый городъ до Ашотовыхъ стѣнъ или нижняя крѣпость и новый городъ до Смбатовыхъ стѣнъ, расширенныхъ Захаридами. Но Ани не замыкался въ городскія стѣны: онъ выходилъ на обширное открытое пространство съ сѣверо-востока, гдѣ помѣщались предмѣстія, составлявшія одно цѣлое съ укрѣпленными частями города. Сохранившіяся до нашихъ дней развалины и остатки церквей и памятниковъ свидѣтельствуютъ, что эти предмѣстія также составляли предметъ просвѣщенныхъ заботъ анійцевъ. Весьма вѣроятно, что пригородная часть достигла двухъ, похожихъ издали на колокольни, колоннъ, верстахъ въ четырехъ отъ Анійскаго кремля.

Если въ сторону этихъ колоннъ, нѣкоторыми уже окрещенныхъ въ Тріумфальную Арку, городу былъ открытъ полный просторъ для дальнѣйшаго роста, то съ другихъ сторонъ Ани былъ стиснутъ ущельями, но городъ и тутъ выходилъ за естественныя границы: тянущаяся вдоль противоположнаго берега Аладжинскаго ручья возвышенность буквально вся была изрыта, и въ ея нѣдрахъ проведены улицы, устроены жилыя и торговыя помѣщенія, высѣчены церкви и часовни съ придѣлами, орнаментированныя и расписанныя. Это было цѣлое предмѣстіе Ани, расположенное въ благоустроенныхъ пещерныхъ зданіяхъ. Недостатокъ простора заставлялъ анійцевъ уходить въ глубь земли. Искусственныя пещерныя постройки, особенно церкви, находились и на склонахъ Анійскаго плоскогорья. Это обстоятельство и содѣйствовало возникновенію легенды о подземномъ Ани, котораго никогда не существовало: обширное подземеліе съ узкимъ входомъ, помѣщающееся подъ древнею частью Ани, могло представить большія удобства для временнаго укрывательства, но постояннаго населенія оно, конечно, не могло имѣть.

Скученное населеніе укрѣпленнаго Ани, несомнѣнно, много терпѣло въ его тѣсныхъ стѣнахъ, такъ какъ площадь его, и безъ того небольшая, въ значительной степени была занята укрѣпленіями и правительственными зданіями, церквами и кладбищами, составлявшими небольшіе дворики при нихъ, банями, именовавшимися по фамиліямъ владѣльцевъ, и постоялыми дворами, частными дворцами родовитыхъ князей, рынками и лавками. Послѣднія, впрочемъ, часто устраивались во второмъ этажѣ, куда вели каменныя лѣстницы. Ани былъ из-

рѣзанъ проулками и улицами. Проулки были тѣсные, годные лишь для пѣшеходовъ. Улицы же, по крайней мѣрѣ главныя, должны были быть настолько широки, чтобы свободно могли по нимъ гнать стада верблюдовъ, ѣздить на лошадяхъ и двигаться съ навьюченными ослами и арбами, на которыхъ, судя по надписямъ, провизія доставлялась прямо на рынокъ. Въ торговой части ремесленники и купцы селились рядами по роду занятій или торговли, отсюда названія улицъ—Кузнечная, Шорная и т. п. Назывались улицы и по мѣстоположенію, наприм. Нагорная, или по имени ближайшей церкви, наприм. проулокъ Апостоловъ, или по фамиліи извѣстныхъ родовъ. Главныя улицы шли отъ городскихъ воротъ, которыхъ было не менѣе семи. Для нуждъ военнаго времени существовалъ потайной ходъ изъ города къ Ахуряну, близъ Волчьяго Яра. Въ зарѣчное предмѣстіе, со стороны Аладжинскаго ручья, можно было попасть по просторной подземной галереѣ, въ настоящее время болѣе чѣмъ на половину обрушившейся. Съ противоположнымъ берегомъ Ахуряна анійцы сообщались двумя каменными мостами: на остатки перекинутой черезъ всю рѣку арки одного моста и украшавшей мостъ сторожки-башни до сихъ поръ нельзя взглянуть безъ чувства восхищенія. Отъ мостовъ въ городъ подымалась дорога, устланная каменными плитами и украшенная различными памятниками. Улицы, какъ и дома Ани, украшались каминообразными постройками неизвѣстнаго назначенія, если это не наличники водопроводныхъ резервуаровъ. Но наиболѣе излюбленными памятниками въ Ани являлись крестные камни, представлявшіе каждый въ отдѣльности образецъ тонкой рѣзьбы. Узорчатые кресты въ Ани мелькали всюду передъ глазами: кресты красовались не только въ стѣнахъ церквей и на кладбищахъ, но на каждомъ шагу—на улицахъ, на площадяхъ, у воротъ, на городскихъ стѣнахъ и за городскими стѣнами, на скалахъ и въ пещерныхъ помѣщеніяхъ. Однако въ этомъ явленіи не надо видѣть чего-либо мѣстнаго анійскаго. Межи на пашняхъ, перекрестки дорогъ, входы и выходы у ущелій, источники, у которыхъ могли утолять жажду странники, каменные мосты, перекинутые черезъ бурныя горныя рѣки, украшались у армянъ тѣми же крестными камнями. Крестами была покрыта вся Арменія, такъ какъ крестъ былъ священнымъ знаменемъ населявшаго ее маленькаго народа, находившаго въ себѣ силу настойчиво вести во имя національныхъ завѣтовъ неравную борьбу съ несмѣтными полчищами все новыхъ и новыхъ враговъ христіанства и началъ свободнаго культурнаго развитія, неся на себѣ до послѣдняго вздоха тяжелый крестъ трудовой жизни и христіанскаго подвижничества. Развалины Ани тому свидѣтели.

8 февраля 1898 г.



Эрзерумская армянка.

Звѣзда [1]).

Звѣзда любви,
Благослови
Мечты мои;
Мой путь земной
Передо мной
Ты освѣти!
Въ часы страданья
И колебанья,
Заботъ, сомнѣній
И опасеній
Пусть изъ-за тучъ
Блеснетъ твой лучъ:
Онъ оживитъ,
Онъ возвратитъ
Надежду мнѣ;
И вновь судьбѣ
Покорно я
Пойду впередъ,
Звѣзда моя!

[1]) Печатаемыя здѣсь стихотворенія: «Звѣзда» и «Ты помнишь ли?», принадлежатъ молодой, много обѣщавшей поэтессѣ М. А. Таировой, скончавшейся въ Тифлисѣ, въ 1897 г., на 18-мъ году.

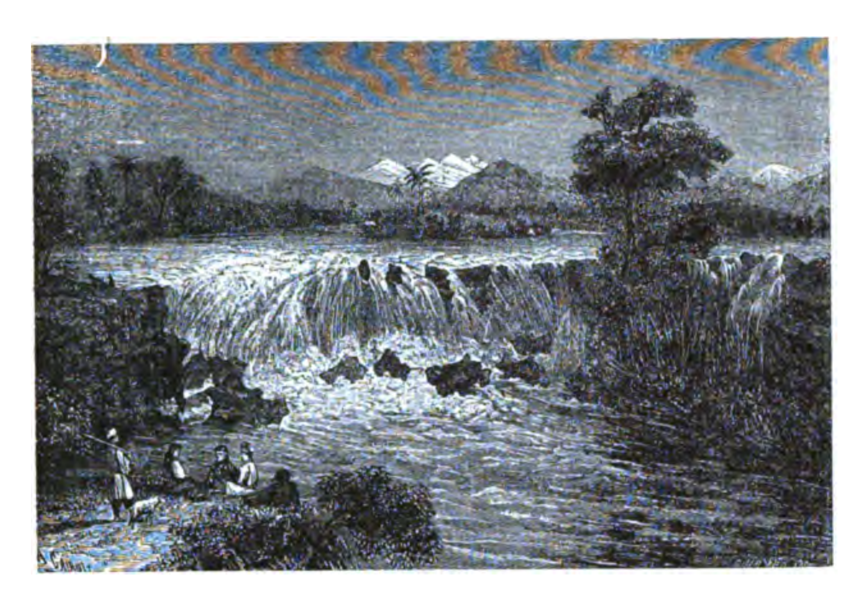
Ред.

Ты помнишь ли?

Ты помнишь ли, мы вмѣстѣ разъ сидѣли
Въ тѣни акаціи, въ саду густомъ?
Въ ея вѣтвяхъ, скрываясь, пташки пѣли;
Сирень цвѣла кругомъ.
И тамъ, на той скамьѣ уединенной,
Вдали людей, склонивъ несмѣлый взоръ,
Мы начали такъ робко и смущенно,
Краснѣя, разговоръ...
Ты помнишь ли, мы вмѣстѣ разъ гуляли
Въ аллеѣ липъ? Былъ ясенъ сводъ небесъ,
Вдали лучи заката догорали,
Дремалъ безмолвный лѣсъ.
Шли близко мы другъ къ другу и молчали,
Задумавшись и глядя предъ собой,
Безъ словъ въ сердцахъ другъ друга мы читали
Все чуткою душой...
Ты помнишь ли ту ночь? . . . .
. . . .

Марія Таирова.

Адалія (Киликія).



Кюдносъ (Киликія).

Фотографія и чувство природы.

Ars est homo additus naturae.
Bacon.

Лаббокъ, въ своихъ «Красотахъ природы», составляющихъ pendant къ другому его томику «Радости жизни», подробно анализируетъ различные источники наслажденія, доставляемаго научно и эстетически развитому человѣку изученіемъ или простымъ созерцаніемъ природы. Но, мнѣ кажется, талантливый натуралистъ упустилъ изъ вида одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ, которая современная наука даетъ въ руки человѣку для увеличенія эстетическаго наслажденія природой.

Ружье и собака — да пожалуй удочка — были еще недавно чуть не единственнымъ поводомъ для сближенія человѣка съ природой. Имъ мы обязаны чудными страницами Тургенева, Некрасова, Аксакова. Съ другой стороны, уже въ прошломъ вѣкѣ, Руссо, указывалъ на иного рода, безкровную, охоту, съ жестянкою ботаника за плечами. Онъ пояснялъ особую прелесть такой охоты. Кто не запомнитъ краснорѣчивыхъ страницъ его воспоминаній о длинныхъ зимнихъ вечерахъ, которые онъ коротalъ въ убогой комнаткѣ, перебирая сухія растенія своего гербарія, вызывая въ памяти связанныя съ ними картины, переживая вновь и вновь, чуть не единственные, свѣтлые часы своей безотрадной жизни, проведенные въ лѣсу, въ горахъ, вдали отъ людей. Но сухое, раздавленное между листовъ бумаги, выцвѣтшее растеніе, конечно, очень несовершенный символъ, только въ творческомъ воображеніи Руссо могущій вызвать тѣ яркія картины, которыя щедрой рукой разсѣяны въ его произведеніяхъ. Не лучше ли, вмѣсто мертваго символа, унести самую картину, вмѣсто случайной ассоціаціи идей, сохранить связность и полноту непосредственнаго впечатлѣнія? Не всякому дано быть художникомъ—активнымъ, но за то число пассивныхъ,

страдательныхъ художниковъ, тѣхъ, что только чутки въ красотѣ природы и ея воспроизведенію въ искусствѣ, конечно, должно быть неизмѣримо больше, иначе не было бы почвы для искусства. Вотъ этому-то значительному числу людей любящихъ и природу и искусство такою несчастною любовью—либовью безъ взаимности—является на помощь *фотографія*. Я убѣжденъ, что придетъ время, когда люди будутъ чаще бродить по лѣсамъ и полямъ не съ ружьемъ, а съ камерой фотографа за плечами, и не затѣмъ, чтобы подшибить какую нибудь несчастную пичужку, и лишь мимоходомъ, урывками полюбоваться на природу, а затѣмъ именно, чтобы любоваться природой и при случаѣ унести съ собою возможно художественное ея воспроизведеніе.

Каждый разъ, когда въ присутствіи присяжнаго эстетика позволишь себѣ неосторожное сопоставленіе этихъ словъ: художество, искусство, фотографія,— навлекаешь на себя громы или цѣлый градъ насмѣшекъ. Фотографія, возразятъ вамъ, не искусство, это прямо-таки гибель, отрицаніе всякаго искусства. Не смѣю спорить; знаю только то, что она увеличиваетъ сумму эстетическихъ наслажденій и прежде всего наслажденій красотами природы. Отраслямъ искусства, подобнымъ гравюрѣ, фотографіи и пр. у нѣмцевъ присвоено названіе vervielfältigende Künste—искусства размножающія, воспроизводящія; но развѣ въ иномъ, болѣе широкомъ смыслѣ, задача всякаго искусства не сводится на то, чтобы размножать дѣйствительность, природу и прежде всего жизнь съ ея радостями и горемъ? Чего проситъ простой смертный отъ искусства, какъ не возможности въ предѣлахъ одной краткой жизни переживать тысячи такихъ же жизней, болѣе свѣтлыхъ и болѣе темныхъ, прочувствовать, увидѣть вновь, что уже чувствовалъ и видѣлъ, что могли чувствовать и видѣть вокругъ него или отдаленные отъ него, пространствомъ или временемъ, такіе же люди, какъ онъ самъ? Напрасно жрецы новой красоты рвутся изъ предѣловъ дѣйствительности, пытаясь дополнить ее болѣзненной фантазіей мистика или бредомъ морфиномана,—одна дѣйствительность была и будетъ предметомъ истиннаго, здороваго искусства. Самый талантливый ландшафтъ съ береговъ канала на Марсѣ подстрекнетъ мою любознательность, но не скажетъ ничего моему художественному чувству, потому просто, что я самъ его не перечувствовалъ. Въ художникѣ присутствуютъ два человѣка: тотъ, который чувствуетъ красоту, и тотъ, который одаренъ способностью ее возсоздавать, такъ чтобы вызвать то же настроеніе въ другомъ человѣкѣ. Но въ этомъ другомъ, вѣдь это чувство должно было уже ранѣе существовать, хотя въ зачаткѣ; онъ прежде долженъ былъ испытывать передъ дѣйствительностью то, что должно вызвать въ немъ произведеніе искусства. И если вы разовьете въ немъ способность подмѣчать и схватывать этотъ элементъ красоты въ дѣйствительности, вы только изощрите въ немъ отзывчивость къ произведеніямъ искусства. Справедливо ли послѣ этого утверждать, что фотографія вредитъ искусству? Успѣхамъ искусства способствуетъ не только то, что увеличиваетъ число тѣхъ, кто его создаютъ, но и все то, что увеличиваетъ ряды тѣхъ, кто его воспринимаетъ.

Тургеневъ, по поводу „Записокъ ружейнаго охотника“, съ своей обычной простотой, учитъ, какъ нужно чувствовать природу и какъ ее изображать. Во-первыхъ... «любите природу въ силу того, что она вамъ сама по себѣ мила и

дорога—и вы ее поймете». А при описаніи природы: «дѣло въ томъ, чтобы сказать все, что можетъ прійти вамъ въ голову: говорите то, что должно прійти каждому въ голову,—но такъ, чтобы ваше изображеніе было равносильно тому, что вы изображаете, и не вамъ, не намъ, слушателямъ, не останется больше ничего желать» [1]). Это правило, очевидно, примѣнимо не къ одному изображенію природы словомъ. Что бы ни говорили эстетики, желающіе всюду видѣть элементъ таинственности, а въ изображеніи природы кистью задача, очевидно, та же, чтобъ «изображеніе было равносильно изображаемому», т.-е. истинно,—не даромъ же великій художникъ, наиболѣе идеализировавшій природу, Клодъ-Лорренъ назвалъ свое собраніе этюдовъ—Liber Veritatis. «Чтобы изображеніе было равносильно изображаемому»—какъ это просто! Но кто изъ тысячи, изъ милліона обладаетъ этимъ простымъ даромъ? Иное дѣло, когда эту задачу беретъ на себя та же природа, когда человѣку предъявляется только первое условіе—безхитростная къ ней любовь, любующійся ею глазъ.

Но въ томъ и вопросъ: дѣйствительно ли фотографія передаетъ природу такою, какъ она есть, точно ли она удовлетворяетъ основнымъ требованіямъ эстетической правды. Конечно, пока не можетъ быть рѣчи о колоритѣ, а только о вѣрной передачѣ свѣта и тѣней, разрѣшенія той задачи, которую осуществляетъ карандашъ и гравюра [2]). Это сопоставленіе фотографіи съ гравюрой также неизмѣнно вызываетъ негодованіе знатоковъ и цѣнителей этой области искусства. На прошломъ фотографическомъ съѣздѣ однимъ изъ нихъ было категорически высказано мнѣніе, что фотографія не можетъ, напримѣръ, дать того неотразимаго впечатлѣнія солнечнаго свѣта, который даютъ офорты Рембрандта, не говоря уже о его картинахъ. Но мнѣ кажется, было бы очень трудно доказать такое положеніе. Во-первыхъ, средства и ихъ предѣлы и здѣсь и тамъ одни и тѣ же—это чернота угля и бѣлизна бумаги, и никакой художникъ, будь онъ геній, какъ

---

[1]) Крайне любопытно сравнить воззрѣнія Тургенева на природу и ландшафтъ съ воззрѣніями одного современнаго эстетика, Гюйо (см. главы его книги—*Чувство природы*, *Пейзажъ* и пр.). Оба писателя какъ будто сговорились пояснить свои воззрѣнія на томъ же самомъ примѣрѣ. Тургеневъ возстаетъ противъ олицетворенія природы и подкладыванія ей собственныхъ своихъ чувствъ и стремленій; какъ образецъ изображенія природы онъ приводитъ, въ своемъ переводѣ, описаніе моря съ высоты обрыва—изъ Короля Лира. Гюйо, наоборотъ, считаетъ, что природа насъ настолько именно интересуетъ, насколько мы въ нее влагаемъ свои чувства, и поясняетъ это своимъ описаніемъ также вида моря съ кручи. Но у него получается аллегорія, можетъ-быть и симпатичная, но все же аллегорія, къ тому же довольно-таки темная. И до чего только не договаривается этотъ эстетикъ въ своемъ желаніи прикрасить природу! „Чтобы чувствовать весну (цитирую по русскому переводу), необходимо, чтобы въ сердцѣ было хоть немного той легкости, какая есть въ крыльяхъ бабочки, тончайшую пыльцу которыхъ, разсѣянную въ весеннемъ воздухѣ, мы вдыхаемъ въ себя". Говоря по правдѣ, что̀ кромѣ чиханья или перхоты въ горлѣ можетъ вызвать такое вдыханіе?

[2]) Не касаюсь вопроса о вѣрности перспективы въ фотографіи—онъ имѣетъ обширную литературу и, кажется, можетъ считаться разрѣшеннымъ въ пользу фотографіи. Ніевенгловскій вѣрно замѣчаетъ, что иной художникъ находится въ положеніи менѣе благопріятномъ, чѣмъ фотографъ, будучи вынужденъ для вычерчиванія своей перспективы обращаться къ чисто техническимъ знаніямъ особаго спеціалиста. Пренебреженіе къ фотографіи вызываетъ иногда и ея малые размѣры. Но развѣ голландцы давно не пріучили насъ къ нимъ, и кто не предпочтетъ вершковъ Месонье квадратнымъ саженямъ Пюви де Шавана?

Рембрандтъ, не можетъ отъ себя вложить никакого новаго свойства въ тѣ матеріальныя средства, которыми располагаетъ его искусство. Но еще важнѣе другой вопросъ: дѣйствительно ли Рембрандтъ передаетъ намъ свѣтъ и тѣни такъ, какъ мы видимъ ихъ въ природѣ. Этотъ вопросъ несомнѣнно долженъ быть разрѣшенъ отрицательно. Я провелъ не одинъ часъ передъ его заменитой Ronde de nuit (въ Амстердамѣ), несчетное число разъ стоялъ въ Solon carrè передъ его очаровательной маленькой Ménage du menuisier, съ ея жизнерадостнымъ солнечнымъ лучомъ, отъ котораго глазъ не хочетъ оторваться,—и тѣмъ не менѣе при холодномъ обсужденіи приходится сознаться, что впечатлѣніе солнечнаго свѣта достигается въ ущербъ тѣнямъ. По отношенію ко второй картинѣ убѣдиться въ этомъ легче, чѣмъ по отношенію къ первой: тамъ остается неизвѣстнымъ, откуда и въ какомъ количествѣ берется свѣтъ, которымъ залитъ первый планъ;—здѣсь свѣтъ солнца потоками льется въ настежь открытое окно—а въ глубинѣ комнаты, составляющей фонъ картины такъ темно, что не распознаешь что тамъ помѣщается. Можно подумать, что почернѣвшія стѣны убогой комнаты не отражаютъ свѣта, но въ нашихъ физическихъ кабинетахъ имѣются комнаты съ черными стѣнами и даже потолкомъ, и тѣмъ не менѣе стоитъ пропустить въ нихъ лучъ солнца,—не въ окно, а черезъ небольшую щель, чтобъ явственно увидать всѣ предметы. Великій чародѣй кисти захотѣлъ вызвать впечатлѣніе солнца, и вотъ вѣка и поколѣнія проходятъ передъ его полотнами и каждый зритель неизмѣнно выноситъ именно то впечатлѣніе, которое пожелалъ вызвать въ немъ художникъ - но это не мѣшаетъ намъ, анализируя свои впечатлѣнія, открывать, въ чемъ заключалась его тайна [1]). То же затрудненіе и тѣми же путями приходится преодолѣвать и фотографіи; и она вынуждена прибѣгать къ такому компромиссу, къ сдѣлкѣ между ярко залитыми солнцемъ поверхностями и слишкомъ непрозрачной чернотой тѣней. Но существуетъ одинъ родъ фотографій, представляющій въ этомъ смыслѣ даже несомнѣнное преимущество передъ гравюрой. Гельмгольтцъ, въ его извѣстныхъ лекціяхъ объ оптическихъ основахъ живописи, указываетъ на тѣсные предѣлы, въ которыхъ она можетъ передавать колоссальные контрасы свѣта и тѣней, представляемые природой, и замѣчаетъ: быть-можетъ живопись прозрачными красками, живопись на стеклѣ, могла бы значительно разодвинуть эти предѣлы. Этого именно и достигаетъ фотографія на стеклѣ (діапозитивы). Не подлежитъ сомнѣнію, что освѣщенные сзади, умѣло распредѣленными источниками свѣта, діапозитивы даютъ пвечатлѣніе солнечнаго свѣта, съ которымъ, конечно, не поспоритъ никакой офортъ [2]). Скажутъ: это,—пріемъ не художественный. А почему же нѣтъ? Развѣ и живопись не ищетъ порою новыхъ и вполнѣ сходныхъ пріемовъ (какъ напримѣръ у Куинджи) для передачи трудно достижимыхъ свѣтовыхъ эффектовъ?

Остается другой не менѣе важный вопросъ: можетъ ли фотографія передавать вѣрно въ монохромѣ естественный колоритъ предметовъ? При ея возникно-

---

[1]) Величайшій изъ учениковъ Рембрандта—Герардъ Доу—достигалъ наибольшаго контраста въ освѣщеніи, помѣщая фигуры въ амбразурѣ окна; на этотъ разъ контрасть являлся вполнѣ законнымъ.

[2]) Парижскій мастеръ Макенштейнъ придумалъ даже особаго рода камеру для полученія наиболѣе художественнаго впечатлѣнія при расматриваніи діапозитивовъ.

веніи, это было, конечно, ея самымъ больнымъ мѣстомъ. Кто не помнитъ жалкихъ ландшафтовъ съ однобразнымъ бѣлымъ небомъ, безъ облачка, безъ перехода отъ горизонта до зенита и съ другой сплошной черной массой, на мѣстѣ растительности безконечно разнобразной въ своихъ оттѣнкахъ и переливахъ свѣта? Успѣхи фотографіи сдѣлали эти воспоминанія уже преданіемъ старины. Современная фотографія не только вполнѣ вѣрно для глаза передаетъ цвѣта, въ соотвѣтствующихъ имъ черныхъ полутонахъ, но, еслибъ потребовалось, можетъ это доказать строго научнымъ способомъ, чего, по отношенію къ гравюрѣ, конечно, невозможно сдѣлать [1]).

Значитъ фотографія вполнѣ можетъ дать результаты, удовлетворяющіе основнымъ требованіямъ искуства. Можетъ, — но даетъ ли? Здѣсь, какъ и вездѣ въ искуствѣ, выступаетъ впередъ личной элементъ—ars est homo additus naturae: какъ въ картинѣ за художникомъ-техникомъ виднѣется художникъ въ тѣсномъ смыслѣ, художникъ-творецъ, такъ изъ за безличной техники фотографа долженъ выступать человѣкъ,—въ ней должно видѣть не одну природу, но и любующагося ею человѣка. Фотографія, освобождая его отъ техники, отъ всег того, что художнику дается школой, годами упорнаго труда, не освобождаетъ его отъ этого по преимуществу человѣческаго элемента искусства. Конечно, если фотографъ будетъ щелкать направо и налѣво своимъ кодакомъ, снимая походя „интересныя мѣста“, то въ результатѣ получится лишъ утомительно пестрый инвентарь живыхъ и неодушевленныхъ предметовъ, годный для того, чтобы узнать, гдѣ что стоитъ—здѣсь дачка съ фронтончикомъ и палисадникомъ, на горизонтѣ неизмѣнная фабричная труба, а справа,—влѣво, вереницей, въ струнку, телеграфные столбы. Такъ ли относится къ своей задачѣ истинный художникъ? Много лѣтъ тому назадъ, въ École des beaux arts, на выставкѣ Diaza, представлявшей почти всѣ произведенія художника—l'oeuvre de Diaz, итоги цѣлой жизни, я былъ пораженъ, что въ этомъ обширномъ собраніи, наполнявшемъ нѣсколько залъ, почти преобладали всего два мотива: буковый лѣсъ, въ самый разгаръ лѣта, пронизанный лучами солнца, разсыпавшимися золотыми брызгами по его листвѣ, скользящими по густой травѣ, отражающимися въ зацвѣтшей лужѣ или лѣсномъ болотцѣ, да кое-гдѣ сквозящіе обрывки голубого неба; и другой — однообразная вересковая степь съ убѣгающею вдаль тропинкой, по которой спѣшитъ путникъ, очевидно торопящійся уйти отъ дождя, который вотъ-вотъ посыплетъ изъ низко стелящихся тучъ, мѣстами разорванпыхъ порывомъ вѣтра, свободно гуляющаго надъ безотрадною равниной, слабо освѣщенною красной полоской догарающей зари. Видно художникъ снова и снова возвращался къ этимъ не хитрымъ, но имъ облюбленнымъ темамъ, сжился съ ними, проникся ими, и свое настроеніе съумѣлъ сообщить зрителю, такъ что теперь, спустя много лѣтъ, эти картины стоятъ пе-

---

[1]) Чтобы доказать это т.-е. что извѣстный фотографическій пріемъ вѣрно передаетъ колоритъ соотвѣтствующей ему градаціей черныхъ (или иныхъ) полутоновъ, нужно доказать, что онъ вѣрно передаетъ въ монохромѣ свѣтовой спектръ, такъ какъ, передавая вѣрно всѣ элементарные цвѣта, онъ необходимо вѣрно передаетъ и всевозможныя ихъ сочетанія. Но для того нужно еще ранѣе знать, на что въ дѣйствительности былъ похожъ свѣтовой спектръ, фотометрически вѣрно переданный въ черныхъ полутонахъ. Эту задачу превосходно разрѣшилъ извѣстный англійскій физикъ-фотографъ Абней.

редъ моими глазами, точно я самъ бывалъ въ этомъ лѣсу, ходилъ этой тропинкой. Спрашивается, неужели фотографъ, если только онъ любитъ природу, научился цѣнить ея искреннее воспроизведеніе въ искусствѣ, не можетъ послѣдовать примѣру художника въ его добросовѣстномъ изученіи и подсмотрѣть, уловить въ ней тѣ моменты, которые приковали бы и глазъ художника, и закрѣпить ихъ, сохранить ихъ для себя,—благо техника дается ему даромъ, безъ всякихъ съ его стороны усилій? Еслибъ въ томъ могло быть сомнѣніе, стоитъ ознакомиться съ произведеніями англійскихъ фотографовъ-любителей.

Англичане, можетъ быть, и не оставили прочнаго слѣда въ искусствѣ, но они всегда и вездѣ обнаруживаютъ наибольшую чуткость ко всему, что касается естественныхъ красотъ природы: не они ли вытѣснили жесткія архитектурныя линіи italiанско-французскаго сада, замѣнивъ его свободной красой ландшафтнаго парка; не они ли стянули къ себѣ чуть не всѣ лучшія произведенія Лоррена; не они ли дали въ Рёскинѣ самаго чуткаго, художественнаго цѣнителя природы; не они ли, наконецъ, создали въ акварели болѣе широко доступное средство для воспроизведенія этой природы. Естественно, что они же намъ дали лучшіе образцы художественной фотографіи, показали, чего можетъ достигнуть развитой вкусъ и любовь къ своему дѣлу [1]). Въ каждомъ ландшафтѣ чуется человѣкъ не только наводившій камеру и щелкавшій затворомъ, но какъ истинный художникъ, быть можетъ, десятки разъ любовавшійся этимъ теплымъ лучомъ солнца, этимъ всплескомъ волны прежде чѣмъ успѣлъ подкараулить ихъ и закрѣпить на стеклѣ своей камеры [2]). Въ группахъ животныхъ всегда сквозитъ землякъ Ландсира, знатокъ животной психики и какого-то особаго зоолологическаго юмора. Наконецъ картинки изъ дѣтскаго міра никогда не оскорбятъ столь обычной театральною слащавостью или бомбоньерочною пошлостью а проникнуты тѣмъ глубокимъ, искреннимъ чувствомъ, заставившимъ одного англійскаго эстетическаго критика воскликнуть: „улыбка пробуждающагося ребенка стоитъ сотенъ солнечныхъ закатовъ“.

Тонкаго знатока искусствъ, цѣнящаго въ какомъ-нибудь обломкѣ архаической статуи или въ рѣдкомъ листѣ avant la lettre тотъ ихъ неуловимой оттѣнокъ красоты, который недоступенъ пониманію толпы, отталкиваетъ въ фотографіи именно ея доступность—ея демократичность. Да, фотографія демократизируетъ искусство и прежде всего ту его область, которая по своему существу сама демократична—красоту природы. Лаббокъ приводитъ слова одной бѣдной женщины, которую послѣ изнурительной болѣзни ея друзьямъ удалось отправить на берегъ моря. Въ первый разъ въ жизни увидавъ море, она остолбенѣла отъ восторга и когда могла добраться до словъ, то проговорила: „и знаете, что въ немъ всего лучше?—я въ первый разъ вижу что-то такое, чего хватитъ на всѣхъ“. Природа и есть тотъ источникъ красоты, котораго достаетъ на всѣхъ, изъ котораго всякій черпаетъ

---

[1]) Лучшіе трактаты по художественной ландшафтной фотографіи, переведенные и на другіе языки, принадлежатъ также англичанамъ: Робинсону, Горслей-Гинтону и другимъ. Впрочемъ, должно къ нимъ присоединить еще замѣчательно остроумную, бойко написанную книжечку Raphaels—Kunstlerishe Photographie.

[2]) Изъ *мнѣ извѣстныхъ* русскихъ фотографовъ-ландшафтистовъ выдающееся мѣсто несомнѣнно должно быть отведено г. Дементьеву.

по мѣрѣ разумѣнія. Передъ картиной заката равны и Клодъ Лорренъ, «какъ орелъ осмѣливавшійся смотрѣть на солнце» и сохранившій его на своихъ полотнахъ—и простой смертный, хотя бы то былъ бѣдный филистеръ, своимъ невольнымъ восклицаніемъ нарушившій аристократически брезгливое настроеніе Гейне [1]). Передъ пѣсней жаворонка равны и его пѣвецъ, замученный рефлексіей, Шелли,—и любой крестьянскій ребенокъ, разинувъ ротъ заслушавшійся его серебристой трели — только перескажетъ онъ свои чувства — mit ein bischen andern Worten. И не только сама природа, но и ея передача истиннымъ художникомъ, мнѣ кажется, всего яснѣе говоритъ пониманію простого человѣка, котораго еще не коснулось вліяніе искуства. На эту мысль меня невольно навело слѣдующее наблюденіе. Художественный отдѣлъ Нижегородской выставки представлялъ для наблюдателя тотъ несомнѣнный интересъ, что никогда еще искусство не врѣзалось клиномъ такъ далеко въ нашъ темпый Востокъ, и здѣсь, конечно, попадались тысячи и тысячи людей, быть-можетъ, въ первый разъ стоявшихъ передъ картиной [2]). Съ этою мыслью я часто бродилъ по ея обширнымъ заламъ, прислушиваясь къ говору толпы. И всего разъ я услыхалъ восклицаніе искренняго, неподдѣльнаго восторга: «Тятенька, а тятенька, — нѣтъ, вотъ сюда взгляните"! И увидалъ мальчугана, тащившаго за рукавъ пожилого человѣка, съ виду подгородняго крестьянина или мѣщанина. Тотъ подошелъ къ картинѣ, постоялъ, помолчалъ и, не торопясь, степенно вынесъ свой приговоръ: „Н-н-да, это статья иная".—Картина была лѣсъ Шишкина. Можетъ-быть, это только случайность, но, повторяю, другихъ отзывовъ мнѣ такъ и не привелось услышать, за нѣсколько мѣсяцевъ наблюденій, надъ этой молчаливой толпой при ея быть можетъ первой встрѣчѣ съ искусствомъ.

Это чувство природы, сближающее всѣхъ людей, заключаетъ въ себѣ что-то неразгаданное: не берется его выразить словомъ поэтъ, не въсостояніи разобраться въ немъ ученый [3]). Какой-то безотчетный патріотизмъ—не тотъ узкій, мрачный, который раздѣляетъ людей, а болѣе широкій, свѣтлый, который ихъ соединяетъ общей связью съ общей родиной, болѣе обширной чѣмъ та, которая показана на картахъ. Какая-то смутная память объ общемъ дѣтствѣ человѣчества, какъ и воспоминаніе о личномъ дѣтствѣ, съ годами становящаяся только

---

[1]) Гейне находился въ обществѣ тонко образованной дамы, съ которой, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ велъ разговоръ о картинахъ Рафаэля въ *храмѣ Петра (!?)*. Самъ Клодъ былъ, какъ извѣстно, неудавшійся булочникъ, до конца жизни не научившійся толкомъ грамотѣ.

[2]) Много было говорено объ экстравагантности нѣкоторыхъ финляндскихъ художниковъ на Нижегородской выставкѣ, но не припомню, чтобъ упоминалось о слѣдующемъ ландшафтѣ одного русскаго художника. Изображенъ закатъ солнца и вокругъ одного багроваго солнца—настоящаго,размѣстилось нѣсколько зеленыхъ! Это очевидно,субъективныя впечатлѣнія ослѣпленнаго солнцемъ глаза. Изобразить природу съ точки зрѣнія человѣка, у котораго въ глазахъ позеленѣло это кажется послѣднее слово—не знаешь только чего—реализма или идеализма, субъективизма

[3]) Вспомнимъ Байрона — I feel what I can neer express, yet cannot all conceal. Однажды въ Даунѣ, у Дарвина и его гостей, былъ возбужденъ вопросъ о происхожденіи этого по преимуществу человѣческаго чувства красоты, по отношенію къ картинамъ природы; проговорили цѣлый вечеръ и все же не пришли ни къ чему.

болѣе дорогой. Среди природы находитъ успокоеніе человѣкъ, бѣгущій отъ людей, ищущій только передышки, для того чтобы вернуться вновь къ борьбѣ: примѣръ—Русссо. Среди той же природы сознаетъ человѣкъ еще сильнѣе свою близость къ людямъ, охотнѣе дѣлится ихъ радостями: недаромъ только среди ликующей весенней природы, сбросившей съ себя ледяной покровъ зимы, и среди вырвавшейся, «изъ оковъ тяжелаго труда», «изъ мрака душнаго жилища» на свѣтъ и волю, веселой, праздничной толпы — заставилъ Гёте Фауста, разъ въ жизни, ощутить — Hier bin ich Mensch, hier darf ich's sein. Среди природы же болѣе чутокъ человѣкъ и къ человѣческому горю. Кто не помнитъ чудной, свѣжей, залитой солнцемъ, дышащей дѣтской беззаботностью и отвагой картинки Волги — обрывающейся на стонѣ, на этомъ «воѣ» бурлака, измѣнившемъ все міросозерцаніе ребенка: «я стоялъ на берегу родной рѣки и въ первый разъ ее назвалъ рѣкою рабства и тоски[1]).

А тѣ картины, которыя въ эти минуты носятся въ воображеніи, встаютъ нѣмой укоризной передъ совѣстью современнаго человѣка, — развѣ ихъ ужасъ не выростаетъ отъ той обстановки, при которой онѣ разыгрываются? Надъ головой бирюзовый сводъ неба; тамъ и сямъ вонзаются въ него стрѣлки темныхъ кипарисовъ и бѣлыхъ минаретовъ; у ногъ текучая лазурь; слухъ ласкаетъ ропотъ морской волны, набѣгающей на берегъ, а въ воздухѣ разлитъ какой-то опьяняющій ароматъ. Мысль убаюкивается мечтой о безмятежной жизни, среди безконечно-щедрой и улыбающейся человѣку природы и... «вдругъ... страшный, какой-то жалобный, молящій, протяжный, громкій крикъ и вслѣдъ за ними нѣсколько выстрѣловъ — быстро промелькнуло нѣсколько фигуръ, впереди бѣжалъ кто-то спотыкаясь, обезсиливая. За нимъ гнались человѣкъ десять; все это произошло въ какое-нибудь мгновеніе, и вслѣдъ затѣмъ мы увидали распростертый трупъ бѣжавшаго. Это былъ поденщикъ-армянинъ, работавшій у пристани — смерть захватила его за работой, онъ успѣлъ пробѣжать отъ преслѣдователей какихъ-нибудь сто шаговъ»...*). Shall he expire and unavenged? Arise! ye Goths, and glut your ire[2])!

Да, эти стоны, эти крики безнадежной мольбы за жизнь несомнѣнно звучатъ ужаснѣе, когда раздаются среди мирной, среди ликующей природы. Несомнѣнно и то, что любовь къ природѣ,— конечно, не кривляющаяся, жеманная, которую встрѣчаемъ у современныхъ поэтиковъ-пигмеевъ, для приданія себѣ росту, завѣряющихъ, что дѣйствительность ихъ не вмѣщаетъ и преподносящихъ намъ себя въ придачу къ ней—а простая, здоровая любовь къ природѣ какъ-то

---

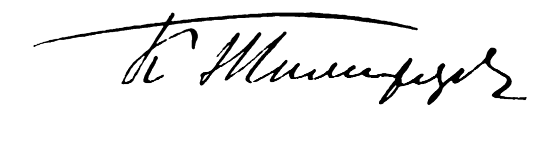
1) Живо припоминаю тотъ, едва ли не единственный разъ, когда Некрасовъ самъ читалъ свою Волгу на литературномъ вечерѣ въ Петербургскомъ университетѣ. Чтеніе его, какъ извѣстно, не отличалось какими-нибудь внѣшними красотами,— слабый, болѣзненный голосъ не давалъ для того средства, но за то оно подкупало какою-то жуткой искренностью. Какъ сейчасъ слышу щемящія душу, задыхающіяся слова, предшествующія этому описанію Волги:— „я усталъ, въ себя я вѣру потерялъ и только память дѣтскихъ дней не тяготитъ души моей“.

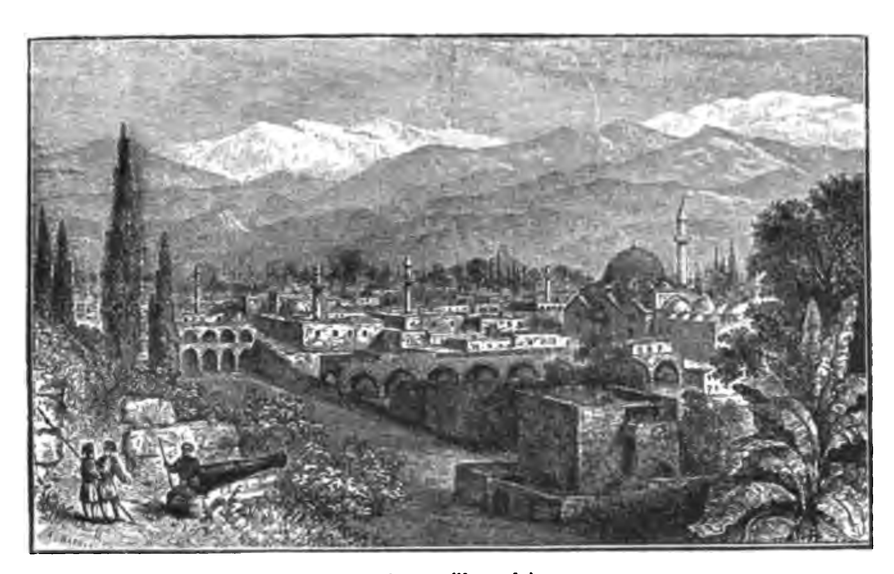
2) Не рѣшаюсь переводить эти строки; ихъ сжатую, страстную энергію отказался передать даже Лермонтовъ.

*) См. отд. II, стр. 75—81.

всегда шла рука объ руку съ любовью къ человѣку. Примѣры на-лицо: Тургеневъ, Некрасовъ, Мицкевичъ, не говоря уже о Руссо или о томъ поэтѣ, чье имя невольно приходитъ въ эти минуты всякому на память, — о поэтѣ, дѣлившемъ свою любовь между природой и человѣкомъ, говорившемъ себѣ въ оправданіе: J love not man the less и скрѣпившемъ эти слова своею смертію въ Миссолонги: — «Больше сія любви никто же имать, да кто душу свою положитъ за други своя». Но могутъ возразить: а Гёте — онъ ли не любилъ природу, и что же? Правда, всю свою жизнь отстаивалъ онъ свои права на олимпійски-безучастное отношеніе къ людской толпѣ. Правда, даже подъ старость, съ напускной рисовкой, увѣрялъ онъ, будто исходъ академическаго спора его тревожитъ болѣе, чѣмъ участь цѣлаго народа. Но правда, вѣдь, и то, что уже изъ-за гроба онъ принесъ покаяніе, склонился передъ тѣмъ, что всю свою жизнь сжигалъ, и призналъ, что моментъ высшаго нравственнаго удовлетворенія для человѣка наступаетъ лишь тогда, когда онъ видитъ возможность «на почвѣ свободной, съ народомъ свободнымъ стоять [1])».

18 апрѣля
1897 г.





Тарсъ (Киликія).

[1]) Auf freiem Grund mit freiem Volke stehen. Извѣстно, что Гете держалъ рукопись второй части Фауста въ запечатанномъ пакетѣ съ надписью—издать ее только послѣ его смерти.

Другу.

Нѣтъ, до конца борись. Борись не уступая
На шагъ враждующей судьбѣ!
Пускай тамъ возстаетъ вся сила неземная,
Будь стоекъ ты въ отчаянной борьбѣ.
Пусть ложь кругомъ, пускай вокругъ измѣна,
А ты впередъ иди увѣренной стопой;
И будетъ та стезя твоя благословенна.
Чѣмъ на душѣ больнѣй — тѣмъ выше подвигъ твой.

* * *

Дни пролетятъ. Улягутся невзгоды,
Забудутся давно разбитыя мечты,
И тѣ, въ страданьяхъ прожитые годы,
Какъ лучшія минуты жизни, вспомнишь ты.
И такъ, борись, на шагъ не уступая,
Людскія страсти въ сердцѣ затая,
И только этимъ ты достигнешь рая.
А рай — душа спокойная твоя.

Изъ Гейне.

Стоятъ недвижно звѣзды
Ужъ много тысячъ лѣтъ
И шлютъ, смотря съ любовью,
Другъ другу свой привѣтъ.

—

Онѣ ведутъ бесѣду,—
И чуденъ ихъ языкъ;
Но ни одинъ филологъ
Ихъ рѣчи не постигъ.

—

Но я языкъ тотъ понялъ
И изучилъ вполнѣ;
Былъ образъ моей милой
Грамматикою мнѣ.

С. Головачевскій

оссію.

Армянскій пахарь.

Призваніе Россіи на Востокѣ.

Проф. В. К. Герве.

Was verfolgst du meine Heerde?
Raum für Alle hat die Erde!
Горный духъ у Шиллера.

Знаменіе и славу девятнадцатаго вѣка составитъ совершившееся въ немъ *возрожденіе* народовъ. Возрожденіе это было дѣломъ различныхъ факторовъ науки, политики и культуры. Сообразно съ этимъ и самое возрожденіе проявлялось различно — въ исторической наукѣ, въ политической жизни или въ культурѣ. Для исторической науки и благодаря ей воскресли ассиріяне, вавилоняне, еще болѣе древніе народы Сумира и Аккада, Алародійцы и друг., о которыхъ въ началѣ вѣка почти ничего или даже вовсе ничего не было извѣстно и которые стоятъ теперь предъ нами съ болѣе или менѣе ясными очертаніями своего государственнаго устройства, своей религіи, своей политики, своего языка, искусства и науки. Другіе народы, не сходившіе съ исторической сцены, возродились, принявъ новыя государственныя формы, къ новой политической жизни—таковы итальянцы, нѣмцы, болгары. Наконецъ заглохшія, полузабытыя національности, не призванныя къ самостоятельной государственной жизни, возрождались къ творчеству духовному, стали проявлять свою индивидуальностьвъ области образованія и культуры. Таковы наприм. фламандцы! Кто зналъ въ началѣ вѣка о фламандцахъ что-нибудь помимо того, что существуетъ въ живописи такого названія школа? А въ настоящее время говорятъ о фламандской націи, имѣющей свою литературу, свои національныя школы, свою будущность. Не стремясь къ отдѣленію отъ французскихъ валлоновъ, съ которыми фламандцы слились въ одно Бельгійское государство, фламандцы стремятся къ подъему въ человѣческой культурѣ и духовной дѣятельности на почвѣ своего языка и національности. Чтобы объяснить причины и средства, обусловливавшія политическое возрожденіе Италіи, Германіи и Болгаріи, достаточно назвать имена Кавура, Бисмарка, императора Александра II; для объясненія же незамѣтно совершавшагося культурнаго подъема фламандцевъ, пришлось бы называть цѣлый рядъ почтенныхъ и часто безвѣстныхъ тружениковъ въ школѣ, въ литературѣ и наукѣ. Но есть народъ современный тѣмъ, которые нынѣ могутъ быть

предметомъ изученія лишь для археологовъ и въ тоже время народъ живой, своею судьбою сильно возбуждающій интересъ современной намъ публицистики. Имя этого народа упоминается уже въ клинообразныхъ надписяхъ царя Дарія на Багистанской скалѣ, и исторія страны, имъ занятой и носящей его имя, повѣдана намъ еще болѣе древними письменами и тотъ же самый народъ на нашихъ глазахъ напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы усвоить себѣ элементы современной европейской образованности. Это тотъ народъ, которому шлютъ *братскую помощь* участники и читатели этого сборника.

Но не звучитъ ли ироніей слово *возрожденіе* въ примѣненіи къ народу, многія тысячи котораго подверглись организованному, безпощадному истребленію или были принуждены, покинувъ родной кровъ, скитаться на чужбинѣ? Мы этого не думаемъ и въ этомъ убѣжденіи насъ поддерживаетъ прочитанное нами на дняхъ описаніе поѣздки по «Турану и Арменіи». [1])

Авторъ этого описанія нѣмецъ, д-ръ Рорбахъ изъ Страсбурга, весною 1896 года проѣхался по Закаспійской желѣзной дорогѣ до Самарканда и по Кавказу до развалинъ древняго Ани. Книгу эту авторъ написалъ для своихъ соотечественниковъ, мало знакомыхъ съ Закавказьемъ и Туркестаномъ, но она во многихъ отношеніяхъ интересна и для русскаго читателя. Благодаря живой впечатлительности автора, пораженнаго величіемъ и оригинальностью представлявшагося ему зрѣлища, и искусству его передавать свои впечатлѣнія, всякій съ удовольствіемъ прочтетъ разсказъ объ его путешествіи и нѣкоторыя изъ его «картинъ» оставятъ въ читателѣ неизгладимое впечатлѣніе. Картины эти заняли-бы слишкомъ много мѣста на этихъ страницахъ, но мы не можемъ не указать для образчика на одну изъ нихъ, набросанную авторомъ на развалинахъ Мерва, куда доставила автора русская тройка съ желѣзно - дорожной станціи.

«Много тысячъ верстъ я проѣхалъ въ своей жизни, но не считалъ возможнымъ скакать такъ быстро, какъ мчался я въ это утро». Развалины Мерва представляютъ собою необъятное поле смерти въ сто слишкомъ квадратныхъ верстъ, т.-е. болѣе современнаго Берлина. На этомъ полѣ ясно выдѣляются остатки нѣсколькихъ городовъ, одинъ за другимъ здѣсь возникавшихъ и разоряемыхъ. Послѣднимъ изъ нихъ былъ *персидскій* Мервъ или Байрамъ Али Ханъ-Кала, разрушенный туркменами лишь сто лѣтъ тому назадъ. Раньше тутъ стоялъ городъ XVI вѣка; еще раньше Султанъ-Кала, построенный въ XII вѣкѣ Санджаромъ, султаномъ Сельджуковъ. Ему предшествовалъ Гяуръ - Кала, христіанскій городъ, населенный съ VIII по XI вѣкъ несторіанами; а еще раньше въ этой мѣстности процвѣтала и погибла Искандеръ-Кала, увѣковѣчившая среди мусульманскаго міра память Александра Великаго, т.-е. древняя Антіохія Маргіана, памятникъ владычества эллинской цивилизаціи въ этомъ краѣ. «Все время мы мчались сквозь развалившіяся городскія ворота, черезъ обвалившіеся рвы, по первобытнымъ мостамъ, черезъ илистые каналы, при помощи пущенной во весь опоръ тройки перелетали черезъ крѣпостную стѣну, обратившуюся въ безформенный валъ, съ

---

[1]) Оно напечатано въ 6 послѣднихъ книжкахъ журнала „Preussische Jahrbücher" за 1897 годъ.

высоты котораго глазъ до самого небосклона ничего не видѣлъ, кромѣ развалинъ и развалинъ. Солнце жгло все сильнѣе-сильнѣе и все страннѣе становилось впечатлѣніе отъ окружающей меня картины. Я уже ѣхалъ среди развалинъ болѣе мили; повсюду виднѣлись обломки стѣнъ, цѣлые холмы разломанныхъ кирпичей, безчисленные черепки, обломки пестрыхъ изразцовъ, истлѣвшія человѣческія кости, коегдѣ уцѣлѣвшая часть черепа; между подавляющими грудами мусора вьется подобіе дороги, по которой мы ѣдемъ. Кругомъ полное уединеніе, кучеръ замолкъ на козлахъ, а сто шаговъ впереди насъ—скачущій какъ автоматъ, туркменъ, вытянувшійся прямо какъ стрѣла на своемъ конѣ, въ громадной, бѣлой папахѣ съ болтавшейся на боку шашкой и съ неподвижной, въ правой рукѣ, нагайкой; и затѣмъ самое поразительное: все это поле смерти горитъ, какъ бы покрытое пылающими угольями, отъ ярко освѣщенныхъ солнцемъ, кроваво-красныхъ цвѣтковъ мака. На верхушкахъ холмовъ мусора стоятъ лишь отдѣльныя маковинки, но въ углубленіяхъ онѣ образуютъ густой, ярко-пунцовый коверъ, и насколько глазъ можетъ видѣть, этотъ красный отблескъ переливается надъ развалинами, напоминающими въ своей величественной монотонности волны моря. На бронзовомъ небѣ солнце разжигается все сильнѣе; поднявшійся изъ пустыни жгучій вѣтеръ подулъ какъ изъ печки надъ развалинами; мнѣ стало жутко въ этой обстановкѣ и я велѣлъ остановиться. Красный дикій макъ своимъ возбуждающимъ и въ то же время усыпляющимъ запахомъ произвелъ странное дѣйствіе на фантазію: какъ подъ стѣнами Геокъ-Тепе, гдѣ онъ также застилалъ степь своими цвѣтами, изъ покрытой развалинами почвы и здѣсь онъ вызвалъ призракъ кроваваго потока — то море крови, въ которомъ нѣкогда Чингисъ-Ханъ потопилъ могущество и блескъ древняго Мерва, когда здѣсь былъ убитъ его любимый внукъ Мутугенъ, сынъ Джагатая.» И за этимъ слѣдуетъ разсказъ о погромѣ Мерва, когда, по описанію арабскаго лѣтописца, жителей Мерва, по 10.000, ежедневно выводили въ пустыню для избіенія монгольскими воинами, что продолжалось 130 дней; послѣ этого монголы покинули городъ, въ которомъ не осталось ни одной живой души, ни одной цѣлой кровли, ни одного дерева съ зеленой вѣткой.

Зрѣлище нагромажденныхъ вѣками развалинъ подъ палящими лучами солнца и ковромъ кровавыхъ цвѣтовъ заставляетъ насъ содрогнуться передъ роковыми, стихійными силами въ природѣ и исторіи, а описаніе уединеннаго Эчміадзина надъ цвѣтущей долиной Аракса въ весеннюю лунную ночь, съ его обветшалыми башнями, отраженными черными тѣнями на свѣтломъ фонѣ монастырскаго двора и огонькомъ въ кельѣ ученаго монаха, задумавшагося надъ судьбами своей націи,—полно грусти и меланхоліи; картина же и теперь еще величественныхъ развалинъ древне-царской столицы Багратидовъ, разоренной монголами и разрушенной землетрясеніемъ,—въ виду надвигавшейся черной грозовой тучи, представляется символомъ трагической судьбы обитавшаго здѣсь народа.

Такихъ страницъ, на которыхъ изображеніе ландшафта сливается съ описаніемъ города или развалинъ и историческими воспоминаніями въ эффектную картину, вызывающую въ зрителѣ извѣстное, соотвѣтствующее моменту настроеніе, не мало въ путешествіи Рорбаха. Эти описанія чередуются у

Рорбаха съ живыми историческими очерками, передачей или переводомъ восточныхъ легендъ, стихотвореній, отрывковъ изъ священныхъ книгъ, съ изображеніемъ обрядовъ и нравовъ, наприм., описаніемъ церковной службы и крестнаго хода въ Новой Мерви въ ночь Свѣтлаго Воскресенія. Русскихъ читателей кромѣ этого могутъ интересовать сужденія иностранца о русскихъ на Востокѣ. Двѣ черты особенно поражаютъ въ этомъ отношеніи автора: онъ не надивится способности русскихъ обращаться съ азіатами, «специфически русскому таланту управлять азіатами», и постоянно къ этому возвращается, то изображая добродушное отношеніе русскихъ солдатъ къ туземцамъ, то обсуждая распоряженія русскихъ властей и принятыя правительствомъ мѣры по отношенію къ развитію страны и проведенію въ ней путей, по поводу, наприм., строящейся военной дороги на «кровлю міра»—на Памиръ. Другая черта, приводящая въ изумленіе путешественника—это выносливость русскаго солдата. Передавая слышанное имъ отъ русскихъ офицеровъ предположеніе о возможности перейти съ войсками *зимою черезъ Гиндукушъ*, авторъ прибавляетъ:« Это конечно звучитъ баснословно, но тутъ имѣются въ виду, русскія войска—ни о какихъ другихъ войскахъ въ данномъ случаѣ не могло-бы быть и рѣчи».

Точно также путешественникъ пораженъ и увлеченъ дальнозоркостью и послѣдовательностью русской политики въ Азіи и величіемъ достигнутыхъ на этой почвѣ успѣховъ, въ которыхъ авторъ видитъ вмѣстѣ съ тѣмъ успѣхи культуры. Такое его сочувствіе особенно ярко проявляется тамъ, гдѣ онъ оправдываетъ кровопролитіе, сопровождавшее взятіе Геокъ-Тепе, «сразу укротившее всю разбойничью сволочь въ Транскаспіи». «Было бы большою нелѣпостью,—заключаетъ онъ,—осуждать изъ одной сентиментальной гуманности мнимую безцѣльную жестокость Скобелева. Офиціальная Россія ничего не дѣлаетъ безцѣльно и уже никакъ не на этой почвѣ, и плоды кровопролитія въ Геокъ-Тепе созрѣли не только для русской политики *растяженія*, но и для культуры. Признать это—есть дѣло простой справедливости».

На основаніи своихъ наблюденій и разсужденій авторъ приходитъ къ слѣдующему общему заключенію о положеніи Россіи въ Азіи и о предстоящей ей будущности:« Мнѣ только на мѣстѣ раскрылись глаза относительно того, что можно сдѣлать изъ среднеазіатскихъ областей и что, конечно, изъ нихъ будетъ сдѣлано. «Назовите, пожалуй, слишкомъ высоко парящимъ оптимизмомъ—предположеніе, что можно какъ меня, однако серьезно увѣряли спеціалисты, съ помощью водъ и ила Аму-Дарьи и Сыръ-Дарьи обратить все междурѣчіе въ своего рода Ломбардію или даже Египетъ! Но что же представляетъ собою нынѣшняя Месопотамія и чѣмъ она была въ древности? Правда, затрудненія громадны; но тутъ налицо самодержавное, ясно сознающее свою цѣль правительство, народъ, выше всякаго сравненія способный ко всему, что здѣсь нужно. и наконецъ современная техника! Почему бы имъ не справиться съ задачей—воскресить то, что однажды было?»

Какой громадный приростъ матеріальнаго могущества, экономической независимости, блеска и авторитета (prestige) на Востокѣ и на Западѣ предстоитъ Россіи, благодаря ея средне-азіатскимъ владѣніямъ! Изъ Памира Россія строитъ себѣ дорогу въ Индію; изъ Мерви путь ведетъ одинаково въ Афганистанъ и въ

Хорасанъ; посредствомъ транскаспійской линіи она вліяетъ на сѣверную и среднюю Персію; на Заревшанѣ и Сырѣ она производитъ хлопокъ, нужный Москвѣ и Лодзи, въ Киргизской степи залежи мѣди и свинца, которыхъ хватитъ на весь міръ,— ожидаютъ только путей для вывоза, и отъ Каспійскаго моря до Гиндукуша простирается поприще, на которомъ разыгрывается одно изъ самыхъ замѣчательныхъ событій новаго времени: союзъ между Россіей и мусульманскимъ міромъ, который подготовляетъ для нея владычество надъ азіатскимъ материкомъ и можетъ быть не только надъ нимъ».

Возвратившись изъ Средней Азіи, Рорбахъ ѣдетъ на Кавказъ и въ долину Аракса. Онъ продолжаетъ и здѣсь также сочувственно относиться къ успѣхамъ Россіи и является во имя культуры сторонникомъ расширенія русскаго владычества въ Закавказьѣ. Его ближайшая цѣль познакомить своихъ соотечественниковъ съ армянскимъ народомъ. Его побуждаетъ къ этому частью личный интересъ,—онъ познакомился въ университетѣ съ нѣсколькими духовными лицами изъ армянъ, приглашавшими его навѣстить ихъ въ Эчміадцинѣ, а частью общій интересъ къ армянскому народу, вызванный трагическими событіями въ Турецкой Арменіи. Рорбахъ не возражаетъ противъ того, что германское правительство нашло нужнымъ и въ «армянскомъ вопросѣ» послѣдовательно держаться своего принципа невмѣшательства и солидарности съ политикой Россіи, но онъ находитъ «печальнымъ» то, что это правительство «не изыскало способа, не отступая отъ своего принципа, противодѣйствовать во имя религіи и человѣчности самымъ дикимъ звѣрствамъ»; въ особенности же негодуетъ онъ на нѣмецкую «офиціозную и безсмысленно слѣдующую по ея стопамъ въ иностранной политикѣ остальную печать за то, что она отнеслась къ армянскимъ ужасамъ такимъ отталкивающимъ, не искреннимъ, отвратительно грубымъ образомъ. Относительно этого не стоитъ и словъ терять».

Въ другомъ мѣстѣ авторъ оговаривается, что опасается двухъ вещей: онъ очень не желалъ бы, чтобы его русскіе пріятели подумали, что онъ дозволяетъ себѣ какую либо критику въ русскихъ дѣлахъ; онъ совершенно далекъ отъ этого по характеру и цѣли своего сочиненія; онъ выражаетъ также опасенія, что его нѣмецкіе читатели недостаточно интересуются армянскими дѣлами и по этому поводу восклицаетъ: «здѣсь идетъ рѣчь о дѣлѣ, которое касается нашей чести какъ націи. Какъ значительная часть нашей «образованной» публики отдѣлалась (abgethan hat) отъ армянскихъ дѣлъ или, вѣрнѣе, дозволила отдѣлать ихъ извѣстной, не подлежащей оцѣнкѣ, печати, поистинѣ позорно».

Авторъ, впрочемъ, не касается вновь этихъ ужасовъ; лишь случайно и какъ бы издали они даютъ себя чувствовать его читателямъ; когда онъ, наприм., разсказываетъ о своемъ слугѣ изъ Трапезунта, который нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ былъ зрителемъ того, какъ турки избили всѣхъ его родственниковъ, лишь случайно не замѣтивъ его; или когда авторъ описываетъ, какъ ежедневно толпы несчастныхъ бѣглецовъ наполняли монастырскіе дворы въ Эчміадзинѣ и сидѣли предъ дверью патріарха, въ ожиданіи маленькаго пособія, получаемаго ими до отправленія ихъ въ какую-нибудь изъ армянскихъ деревень, гдѣ крестьяне безропотно брали не себя тяжелое бремя давать имъ пропитаніе.

Интересны разговоры, которые имѣлъ авторъ съ русскими армянами по

поводу истребленія ихъ единоплеменниковъ въ Турціи; онъ постоянно встрѣчалъ съ ихъ стороны глубокое, горестное изумленіе, выражавшееся въ вопросѣ: «какъ это допустили по отношенію къ христіанамъ? Если бы мы еще были язычниками, но вѣдь мы тоже христіане!»

Авторъ справедливо обращаетъ вниманіе на то, что это чувство солидарности съ христіанами у армянъ поддерживается сильнымъ вліяніемъ на армянъ церкви. Напрасно онъ старался объяснять имъ своеобразное и затруднительное положеніе европейскихъ великихъ державъ въ армянскомъ дѣлѣ; «для разсужденій объ иностранной политикѣ,— говорилъ авторъ,— я нашелъ у армянъ очень мало способности и весьма мало склонности; глубокое, разъѣдающее сердце отчаяніе составляло господствующее повсюду настроеніе, когда заходила рѣчь объ этомъ предметѣ—и въ заключеніе всегда слышалась жалоба, а христіанская Европа взираетъ спокойно, съ ледянымъ равнодушіемъ на рѣзню христіанскаго народа! Когда ребенокъ истязуется взрослымъ, когда большая собака грызетъ маленькую, всякаго проходящаго беретъ зло и онъ вмѣшивается, — а мы для васъ только зрѣлище. Богъ вамъ судья».

Состраданіе къ армянамъ не сдѣлало Рорбаха безусловнымъ ихъ апологетомъ: описывая свое пребываніе въ Тифлисѣ, онъ останавливается долго, можно даже сказать слишкомъ долго, на нареканіяхъ, которыя ему приходилось слышать по отношенію къ армянамъ и на агитаціи противъ нихъ въ мѣстной печати, нерѣдко прибѣгающей даже къ знаменитому «videant consules», т.-е. призыву противъ нихъ властей.

Разсматривая причины неудовольствія противъ армянъ на Кавказѣ, Рорбахъ приходитъ къ заключенію, что онѣ коренятся исключительно въ *экономической* почвѣ; вызываются же онѣ отчасти коммерческими пріемами, которые свойственны далеко не однимъ армянамъ, а издавна присущи торговымъ обычаямъ Востока. Нашъ авторъ считаетъ не полезнымъ отрицать это зло или выставлять его *пустячнымъ* дѣломъ (harmlose Sache). «Напротивъ, говоритъ онъ, мое твердое убѣжденіе, что въ армянскомъ народѣ ядро здоровое, началось съ моихъ наблюденій, что тѣ изъ армянъ, которые усвоили себѣ европейское образованіе, ясно понимали недугъ, захватившій часть ихъ народа, и глубоко о немъ сожалѣли».

Но ихъ сосѣдей вооружаетъ противъ армянъ не то, что у нихъ сходнаго; «причина этого очень простая: армяне въ духовномъ отношеніи стоятъ много выше народовъ, среди которыхъ живутъ, и потому легко побѣждаютъ ихъ въ конкуренціи. Не слѣдуетъ, однако, думать, что умственная сила обнаруживается у армянъ лишь въ практическихъ дѣлахъ. Я полагаю, что мало на свѣтѣ народовъ, обладающихъ такимъ уваженіемъ къ знанію такимъ и стремленіемъ къ основательному ученію, какъ армяне. Уже для ребятишекъ ихъ школа нисколько не представляется страшилищемъ, но пользуется, въ городскомъ классѣ, какъ и въ деревнѣ, какъ у взрослыхъ, такъ и у дѣтей почтеніемъ и уваженіемъ наравнѣ съ церковью. Сдѣлать что-нибудь для школы считается религіозной заслугой; лѣниться или баловаться въ школѣ, такъ наставляютъ маленькихъ армянъ, то-же самое, что вести себя неприлично въ церкви».

Не одними такими разсужденіями старается Рорбахъ внушить своимъ со-

Ученики и ученицы школы Айвазянъ и крестьяне с. Саршенъ (Шушин. у.).

отечественникамъ болѣе вѣрное представленіе объ армянахъ; онъ еще лучше достигаетъ этой цѣли тѣмъ, что знакомитъ читателя съ настоящимъ ядромъ армянскаго народа—съ крестьянами, воздѣлывающими землю и виноградники въ долинѣ Аракса и на предгоріяхъ Арарата и Арагаца.

Въ историческомъ очеркѣ жизни армянскаго народа Рорбахъ показываетъ, какъ въ теченіе многихъ вѣковъ армяне бывали принуждаемы обстоятельствами покидать родину и выселяться на чужбину: то ихъ къ этому побуждало вторженіе дикихъ завоевателей и разореніе ихъ городовъ; такъ, по разореніи города Ани сотни бѣглецовъ нашли убѣжище на генуэзскихъ корабляхъ, которые ихъ перевезли въ Крымъ, откуда они перебрались частью въ Астрахань, частью въ Галицію; то постоянный, невыносимый гнетъ турецкихъ властей заставлялъ многихъ по одиночкѣ уходить изъ родной деревни. «На чужбинѣ армянинъ становился рабочимъ, ремесленникомъ, промышленникомъ, торговцемъ, банкиромъ, спекулянтомъ, крупнымъ помѣщикомъ, но никогда онъ не становился тѣмъ, чѣмъ былъ дома,— крестьяниномъ. Армянскій народъ — настоящій *крестьянскій* народъ — ein echtes rechtes Bauernvolk, живущій своимъ полемъ, стадомъ, виноградникомъ,—не городской, а сельскій народъ *). Сколько-нибудь значительныхъ городовъ съ исключительнымъ или хотя бы преобладающимъ армянскимъ населеніемъ весьма немного; во всей, наприм., русской Арменіи можно назвать только Александрополь съ 20.000 жителями, помимо военныхъ, и развѣ еще гораздо менѣе населенные Ахалкалаки. Въ странѣ армянскихъ крестьянъ нужно искать армянъ, если хочешь вѣрно о нихъ судить».

Читатель не напрасно послѣдуетъ туда за путешественникомъ,—онъ вынесетъ оттуда впечатлѣніе, котораго не забудетъ. Есть что-то чарующее въ картинѣ, которая предъ нами развертывается: на фонѣ величавой природы мы видимъ сцены изъ патріархальной старины, изъ народнаго быта, стоящаго близко къ этой природѣ,—гостепріимство, радушіе, наивность, и вмѣстѣ съ тѣмъ мы встрѣчаемъ въ этой глуши, куда можно пробраться лишь съ опасностью жизни, идеализмъ и энтузіазмъ просвѣщенія новаго времени. Эта потребность просвѣщенія привела къ тому, что среди армянъ возникло множество *приходскихъ*, народныхъ школъ: въ городахъ — съ нѣсколькими классами, въ деревняхъ — скромныя, одноклассныя школы съ однимъ учителемъ или учительницей. Во всѣхъ этихъ школахъ преподавался съ большимъ усердіемъ (starke Pflege) и русскій языкъ; а кто желалъ поступить на государственную службу или итти въ университетъ, тотъ шелъ въ гимназію.

«Само собою разумѣется, говоритъ Рорбахъ, что церковь не была въ состояніи сама дать хотя бы небольшую часть той значительной суммы, которая была нужна для содержанія этихъ школъ, средства на нихъ доставлялись частными жертвователями или сельскими общинами путемъ добровольной разверстки. Но всѣ эти пожертвованія и завѣщанія поступали на имя церкви. Къ концу 1896 года въ русской Арменіи существовало до 300 такихъ приходскихъ школъ и большинство дѣтей, по крайней мѣрѣ мальчиковъ, на самомъ дѣлѣ имѣло возможность учиться. Это не малая заслуга со стороны народа, который лѣтъ 70 тому назадъ и не

---

*) См. ниже стр. 254 и слѣд.

слыхалъ о школахъ, всецѣло погруженный въ азіатское варварство! И все это было сдѣлано по собственной инициіативѣ безъ всякой помощи отъ государства».

«Когда я совершалъ свое путешествіе, разсказываетъ Рорбахъ, русское правительство только что закрыло почти всѣ армянскія школы, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Повсюду по деревнямъ новыя школьныя зданія стояли опустѣлыя и дѣти бѣгали по улицамъ вмѣсто того, чтобы учиться. Уцѣлѣло нѣсколько епископскихъ семинарій».

Какое впечатлѣніе произвела эта мѣра, можно видѣть изъ слѣдующаго эпизода: отправляясь изъ Эчміадцина въ Ани, Рорбахъ, не знавшій по-армянски, былъ радъ найти попутчика, сельскаго священника, возвращавшагося отъ католикоса. На пути своемъ они пріѣхали въ большую деревню Норашенъ и остановились тамъ, чтобы покормить лошадей. Здѣсь къ нимъ подошелъ очень старый священникъ съ совершенно *пергаментнымъ*, но очень умнымъ лицомъ и привѣтливыми глазами, настаивая на томъ, чтобы они перешли къ нему въ домъ. Такъ какъ они спѣшили, то не согласились на это; но старикъ сбѣгалъ домой и принесъ бутылку вина и хлѣба, чтобы ихъ хоть чѣмъ-нибудь угостить. Подъ конецъ онъ рѣшился заговорить о томъ, что у него было на сердцѣ. Онъ слышалъ, что они ѣдутъ отъ католикоса—и спросилъ, не слышали ли они, что̀ будетъ съ армянскими школами? Когда Рорбахъ объяснилъ, что онъ ничего объ этомъ не знаетъ, старикъ грустно поникъ головою, вывелъ его за дверь и указывая на только что выстроенное сельчанами школьное зданіе, сказалъ: «они заперли его; зачѣмъ же? Вѣдь Господу Богу угодно, чтобы дѣти ходили въ школу», и слезы покатились у старика изъ его добрыхъ глазъ, по впалымъ, сморщеннымъ щекамъ, падая на его сѣдую бороду».

Всякій, кто прочтетъ эти строки, обратитъ, конечно, вниманіе на то, что этотъ проливающій слезы о судьбѣ сельской школы старикъ—сельскій священникъ. Это весьма интересная черта въ бытѣ армянскаго народа и существенный признакъ культурной роли армянской церкви. Значеніе церкви въ жизни армянскаго народа—предметъ одинаково интересный для историка и для политика. Армянская церковь сохранила, и въ этомъ смыслѣ, можно сказать, создала армянскую національность. По уничтоженіи армянскаго государства въ V вѣкѣ она взяла на себя его роль—собирать народъ и блюсти его единство. Благодаря ей, христіанство среди армянъ сохранилось въ теченіе вѣковъ, какъ одинокій островъ среди бушующихъ волнъ мусульманства. Но благодаря этому армянская церковь стала носительницей культуры среди армянъ и замѣчательно то, что она продолжаетъ исполнять эту роль и теперь какъ въ русской, такъ и въ турецкой Арменіи.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ этомъ просвѣтительномъ призваніи церкви одинаково принимаютъ участіе оба составные элемента духовенства—какъ сельскіе священники, такъ и монахи. Это тѣмъ болѣе удивительно, что почти всѣ сельскіе священники изъ крестьянъ, такъ сказать, прямо берутся отъ сохи, по избранію своихъ сельчанъ, скромную долю которыхъ они продолжаютъ раздѣлять. О монахахъ же мы читаемъ: въ Арменіи «существуетъ искони особый классъ ученыхъ -- вардапеты — это монахи! Многіе изъ молодыхъ людей, учившихся въ университетахъ Западной Европы

и усвоившихъ себѣ тамъ многостороннее, далеко не всегда исключительно церковное, образованіе, дали монашескій обѣтъ еще на родинѣ, или постригаются по возвращеніи, убѣжденные, что этимъ путемъ могутъ быть всего полезнѣе своему народу. Дѣйствительно, они въ качествѣ вардапетовъ, не безусловно принужденныхъ жить среди монашескихъ стѣнъ, въ состояніи оказывать болѣе глубокое, многостороннее и менѣе стѣсненное вліяніе въ дѣлѣ воспитанія, обученія или даже въ чисто научной области. Объ іерархическихъ идеяхъ или тенденціяхъ среди этихъ монашествующихъ ученыхъ и выходящаго изъ нихъ епископата нѣтъ и рѣчи; то, во имя чего эти люди живутъ,—ихъ нація! Церковь они вообще понимаютъ лишь въ смыслѣ національной церкви».

На основаніи своихъ наблюденій и впечатлѣній нѣмецкій путешественникъ приходитъ къ выводу, что въ армянскомъ народѣ огромная сила (eine Fülle von Kraft). «Дайте этому народу свободу развернуться и помогите ему нравственно и духовно подняться и всѣ изумятся его развитію...» (XII, 468).

По этому поводу авторъ дѣлаетъ оговорку, весьма интересную по заключающемуся въ ней сужденію о нѣмецкой читающей публикѣ. Авторъ выступаетъ противъ распространенныхъ въ Германіи росказней о революціонномъ движеніи среди армянъ. «И между армянами, говоритъ онъ, бываютъ «сумасшедшіе мечтатели» (verrückte Schwärmer), но приписывать такое настроеніе армянскому народу или его передовымъ людямъ можно только при полномъ незнаніи дѣла или намѣренномъ искаженіи его. «Къ сожалѣнію, замѣчаетъ авторъ, невѣроятное ребячество нашей публики въ вопросахъ иностранной политики такъ велико, что она нескоро научится отличать вздоръ отъ правды, если этотъ вздоръ представляется ей въ видѣ передовой статьи».

Но кто же можетъ помочь армянамъ въ ихъ культурной задачѣ, въ ихъ духовномъ возрожденіи?

На это справедливо отвѣчаетъ авторъ: «относительно всѣхъ армянскихъ желаній и надеждъ рѣшающее слово принадлежитъ Россіи». Но представляющаяся въ этомъ отношеніи для Россіи проблема *двойная*, въ виду того, что часть армянъ, около одной трети, живетъ въ предѣлахъ Россіи; другая, около двухъ третей или двухъ милліоновъ,—по сосѣдству съ Россіей, въ турецкой Арменіи.

Обращаясь къ первой части вопроса и разсматривая его не съ точки зрѣнія идеальной, т.-е. общечеловѣческой, а съ точки зрѣнія русскихъ практическихъ интересовъ, авторъ высказываетъ слѣдующія соображенія: «прежде всего нужно признать совершенно несостоятельнымъ представленіе, будто бы возможно передѣлать въ другую національность такую, безпримѣрно живучую и вычеканенную исторіей націю, какъ армянская! Всякая реальная политика должна считаться съ фактомъ существованія армянъ какъ націи; и непонятно, почему бы этому не быть? вѣдь совершенно въ рукахъ Россіи сдѣлать изъ армянъ самыхъ преданныхъ и полезныхъ подданныхъ въ мірѣ, если только содѣйствовать тому, о чемъ они мечтаютъ—*подъему въ духовномъ образованіи на почвѣ ихъ національности*. Вѣдь болѣе этого они ничего не желаютъ. Мнѣніе, будто русскіе армяне носятся съ мыслями о сепаратизмѣ, съ мечтами о самостоятельномъ армянскомъ царствѣ, такъ неосновательно, какъ только возможно. Если бы

безсмысленность такого представленія не была въ виду дѣйствительнаго положенія вещей слишкомъ очевидна, я бы сказалъ, что, какъ я въ этомъ лично убѣдился, ни одинъ здраво мыслящій человѣкъ не думаетъ въ Арменіи о возможности отдѣленія отъ русскаго государства».

Оригинальная мысль нѣмецкаго автора заключается, впрочемъ, въ томъ, что онъ связываетъ въ одно обѣ стороны проблемы, что онъ обусловливаетъ внутреннюю политику относительно армянъ внѣшней. Обѣ эти стороны сливаются въ его глазахъ «въ одной великой задачѣ для Россіи направить дальнѣйшее развитіе армянъ такимъ путемъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ не тормозящій, а полезный элементъ русской міровой политики».

Что разумѣетъ авторъ подъ этимъ? Сидя въ вагонѣ Тифлисъ - Карсской желѣзной дороги, авторъ видѣлъ въ воображеніи естественное продолженіе этой линіи по верхнему Евфрату, туда, гдѣ эта рѣка пролагаетъ себѣ путь черезъ Тавръ и дальше къ Средиземному морю. Это давно извѣстный исторіи путь народовъ. И русскому народу придется рано или поздно пойти этимъ путемъ. «Что значительная часть передней Азіи достанется Россіи, можно считать несомнѣннымъ».—«Россія—естественный наслѣдникъ Турціи въ земляхъ, лежащихъ между Араратомъ и Тавромъ, а можетъ быть и до Киликійскаго берега».

Но всѣ эти земли до извѣстной степени населены армянами. Отсюда и значеніе армянъ для Россіи; отъ отношенія къ нимъ зависятъ скорость и плодотворность занятія этихъ областей. Замѣчательныя практическія дарованія армянъ, ихъ хозяйственныя не только чисто-финансовыя способности, ихъ *сноровка* въ промышленности, земледѣліи и торговлѣ служатъ залогомъ огромнаго матеріальнаго подъема этихъ областей подъ русскимъ владычествомъ. И потому если русская политика достигнетъ того, что каждый армянинъ станетъ добровольнымъ піонеромъ русскаго владычества и культуры, она блестящимъ образомъ разрѣшитъ свою задачу въ этой области. Отсюда дилемма: или тратить безплодно свои силы, чтобы сломить вѣчное, пассивное сопротивленіе или вмѣсто того, чтобы «прижимать ихъ силы къ землѣ» (zu Boden halten) подготовить изъ русскихъ армянъ «цементъ» и «ферментъ», который пригодится не въ слишкомъ отдаленномъ будущемъ.

Итакъ, разрѣшеніе исторической задачи Россіи въ Малой Азіи зависитъ главнымъ образомъ отъ ея отношеній къ армянамъ. «Конечно, въ военномъ отношеніи отъ ихъ симпатіи ровно ничего не зависитъ; въ этомъ отношеніи Россіи нечего отъ нихъ ждать или опасаться; но легко-ли или трудно будетъ пріобщеніе къ государственному организму ожидаемыхъ новыхъ владѣній этотъ вопросъ исключительно разрѣшается вопросомъ объ отношеніи Россіи къ армянамъ».

Таковы мысли и разсужденія путешественника. Они ярко освѣщаютъ переживаемый нами моментъ великаго историческаго процесса. Процессъ этотъ начался въ незапамятныя времена: вѣкъ за вѣкомъ сѣверная Азія высылала своихъ дикихъ кочевниковъ; племя за племенемъ, какъ волна за волной, катились они и сносили въ своемъ потокѣ могучія царства, цвѣтущіе города и цѣлые народы. Тогда-то Азія стала Азіей, зловѣщимъ именемъ для человѣческой культуры.

Но наконецъ наступило обратное теченіе исторіи: оно обнаружилось въ день битвы на Куликовомъ полѣ; это было сначала движеніе еще оборонительное; оно происходило съ большими остановками, въ послѣдніе же полвѣка шло съ неудержимою силой. Уже не далекъ моментъ, когда паровозъ, этотъ символъ современной культуры, пройдетъ по степямъ, вскормившимъ полчища Чингисъ-Хана.

Этотъ поворотъ въ исторіи есть дѣло Россіи; движеніе Россіи на Востокъ — ея торжество и вмѣстѣ съ тѣмъ торжество человѣчества: она не только отразила татарина и монгола, не только покорила Азію, но и пріобщила ее къ цивилизаціи: нивы, истоптанныя копытами монгольскихъ коней расцвѣтаютъ, разрушенные плотины и каналы, вносящіе въ пустыню живительную влагу возстановляются; на пескѣ степей насаждаются новыя культурныя растенія; рабы хищныхъ туркменъ и хивинцевъ отпущены на волю; близь развалинъ древнихъ городовъ возникаютъ новые—Neues Leben blüht aus den Ruinen, какъ сказалъ поэтъ. Почему бы на этомъ празднествѣ весны и жизни не возродиться къ новой жизни затоптанной и забытой національности!

Ванскіе армяне на жнитвѣ.

Армянки пекутъ чалаки (лепехи).

Черты быта армянскихъ крестьянъ.

Проф. *С. А. Егіазарова.*

У армянъ, какъ у патріархальнаго народа, религія кладетъ свой отпечатокъ на хозяйственную жизнь. Такъ, наприм., важнѣйшія работы по хозяйству сопровождаются религіозными обрядами и священнодѣйствіями.

Съ ранней весны до поздней осени армянинъ-земледѣлецъ все время проводитъ въ полѣ и въ работѣ. У него есть и «пора отдыха», но она продолжается сравнительно не долго. Народная пословица гласитъ: «марта 9-го аистъ въ своемъ гнѣздѣ, а армянинъ—въ своемъ полѣ» [1]). И дѣйствительно, со второй половины февраля въ домѣ земледѣльца приготовляются къ «весеннимъ»

---

[1]) Аистъ (арагилъ) у армянъ считается вѣстникомъ весны. Своимъ появленіемъ онъ предвѣщаетъ „благополучный" или „неблагополучный" годъ: если при первомъ появленіи увидятъ его съ зеленою травою въ клювѣ, то это значитъ, что наступающій годъ обѣщаетъ быть урожайнымъ; если же въ клювѣ увидятъ сѣно или хворостъ (изъ нихъ аистъ вьетъ свое гнѣздо), то это означаетъ, что годъ будетъ „сухой", т.-е. бездождный. Но горе, если увидятъ „перваго" аиста съ тряпками въ клювѣ: это значитъ въ предстоящемъ году будутъ эпидеміи на людей и скотъ. Аистъ также считается у армянъ священною птицею, такъ какъ истребляетъ змѣй и другихъ гадовъ.

работамъ; начинается починка арбы (телѣги), плуга, сохи, ярма, сошники и проч.,—словомъ, приводятся въ порядокъ всѣ орудія, которыя имѣютъ какое-либо отношеніе къ полевому хозяйству. Работаетъ отецъ—«глава дома» (танъ глухъ); работаютъ и сыновья. Не бездѣйствуетъ и «госпожа дома» (танъ тикинъ [1]) съ дочерьми. Онѣ еще съ начала зимы прядутъ шерсть и бумагу, ткутъ матерію для мѣшковъ и ковры, вяжутъ разныя бумажныя и шерстяныя вещи, нужныя для домашняго обихода. Съ приближеніемъ весны всѣ члены семьи работаютъ съ большимъ усердіемъ. Бездѣйствуютъ только старцы и старухи, потерявшіе способность къ труду. Главное занятіе ихъ—усердное хожденіе въ церковь, особенно великимъ постомъ, и молитвы о спасеніи души и ниспосланіи Божьей благодати на трудъ земледѣльца.

Начало весны для земледѣльца имѣетъ таинственно-торжественное значеніе. И появленіе аиста предвѣщаетъ ему «благополучный» или «неблагополучный» годъ; и «выпускъ» буйволовъ [2]) на свѣжій воздухъ для него является своего рода торжествомъ, занимающимъ у него, по меньшей мѣрѣ, недѣлю времени. Вотъ выбѣгаетъ изъ хлѣва во дворѣ за зиму одичавшій, неуклюжій буйволъ; онъ съ дикимъ мычаніемъ бросается изъ стороны въ сторону; то поднимаетъ на рога телѣгу, которую не успѣли или позабыли убрать; то бросается на кучу навоза или земли и, глубоко вонзивъ въ нее свои могучіе рога, разрываетъ ее и разбрасываетъ въ разныя стороны. А тѣмъ временемъ всѣ члены семьи съ крыши хаты или съ другой возвышенности, притаивъ дыханіе, слѣдятъ за движеніями свирѣпствующаго буйвола. Проходитъ часъ и болѣе, онъ начинаетъ привыкать къ воздуху и къ новой для него обстановкѣ. Хозяинъ, къ голосу котораго онъ привыкъ, то съ ласками, то съ угрозами подходитъ къ нему и осторожно загоняетъ его обратно въ хлѣвъ. Такія сцены повторяются нѣсколько дней, пока буйволъ окончательно не привыкнетъ ко всему окружающему.

Затѣмъ начинаются весеннія полевыя работы. Въ назначенный день крестьянинъ съ сохою, запряженною буйволами, выходитъ въ полѣ. Выбравши первое изъ полей, предназначенныхъ для яровыхъ посѣвовъ, онъ проводитъ сохою первую борозду съ запада на востокъ, а затѣмъ вторую съ сѣвера на югъ, чтобы «осѣнить свое поле крестнымъ знаменіемъ». Затѣмъ начинаетъ пахать. Когда поле вспахано, онъ начинаетъ сѣять. Первую мѣру сѣетъ онъ на «Божью» долю, вторую—на «царскую» [3]) долю, третью—на долю «птицъ небесныхъ» и, наконецъ, остальное сѣетъ на долю собственной семьи. Такъ по порядку онъ засѣваетъ всѣ поля и заканчиваетъ первую серію весеннихъ работъ.

Великій постъ въ глазахъ крестьянина — время для искупленія грѣховъ: онъ усердно ходитъ въ церковь и готовится къ причастію. Но религіозныя обя-

---

[1]) Въ крестьянскомъ быту такъ называютъ хозяйку дома.

[2]) Въ жаркихъ странахъ рабочій скотъ состоитъ главнымъ образомъ изъ буйволовъ. Съ начала зимы ихъ держатъ въ заперти въ хлѣвѣ, безъ свѣжаго воздуха; тамъ ихъ кормятъ и поятъ. Въ началѣ марта ихъ впервые выпускаютъ на воздухъ. За зиму они отвыкаютъ отъ работы и воздуха и дичаютъ. Потому и „первый выпускъ“ ихъ на свѣжій воздухъ не безопасенъ.

[3]) Т.-е. для уплаты податей, которыя у крестьянъ называются „царскимъ долгомъ“.

занности не отрывают его отъ работъ; трудъ, по міровоззрѣніямъ народа, служитъ средствомъ для «укрощенія плоти». Великимъ постомъ крестьянинъ работаетъ такъ же усердно, какъ въ остальное время года. Разница въ томъ, что онъ выходитъ на работы только послѣ заутрени и немедленно прекращаетъ всякую работу при первомъ же звонѣ къ вечернѣ. Воскресные и остальные праздничные дни онъ соблюдаетъ очень строго. Есть только одинъ праздничный день, котораго онъ не соблюдаетъ, это—великая страстная пятница. Въ этотъ день всѣ выходятъ на работы, охотно производятъ земляныя работы: народъ, роя землю, убѣжденъ въ томъ, что при этомъ онъ «ковыряетъ и выкалываетъ» глаза Іуды-предателя.

Кромѣ общихъ церковныхъ праздничныхъ дней, есть еще одинъ народный праздникъ, а именно такъ называемый «мичинкъ», т.-е. «средина» Великаго поста. Въ этотъ день въ каждой семьѣ пекутъ хлѣбъ—«мичинкъ» [1]), въ который кладется какая-либо вещица, наприм. бусы или серебряная монета. Вечеромъ, во время ужина, глава семьи, предварительно осѣнивъ мичинкъ крестнымъ знаменіемъ, разрѣзываетъ его на приблизительно равныя доли, раздаетъ всѣмъ членамъ семьи и домочадцамъ по куску. Въ чьемъ кускѣ окажутся бусы или монета, на томъ, по понятіямъ народа, держится «счастіе и благополучіе» всей семьи.

Къ концу Великаго поста приступаютъ къ работамъ въ виноградникахъ; откапываютъ кусты, зарытые на зиму, стригутъ старья лозы и окапываютъ гряды; остаются только баштаны, хлопчатныя плантаціи и огороды, но посадкою и засѣваніемъ ихъ обыкновенно занимаются послѣ Пасхи.

Наконецъ наступаетъ Пасха; съ Вербнаго воскресенья готовятся къ ней. Особенно много работы для хозяйки дома. Съ понедѣльника Страстной недѣли до четверга идетъ чистка во всемъ домѣ: посуда, хата, дворъ и все должны быть приведены въ праздничный порядокъ. Въ субботу она готовитъ кушанья для розговѣнія и раздаетъ бѣднымъ сосѣдямъ масло, рисъ, яйца и другую провизію. Пасхальная суббота—самый священный день въ году [2]). Въ этотъ день, какъ и въ рождественскій сочельникъ, въ каждой семьѣ устраивается «трапеза»: ни одинъ христіанинъ, собратъ по вѣрѣ, не долженъ остаться безъ пріюта и разговѣнія. Каждый считаетъ своимъ долгомъ пригласить на трапезу бездомныхъ странниковъ и нищихъ, такъ какъ, по мировоззрѣнію крестьянина, въ пасхальную субботу, какъ и въ рождественскій сочельникъ, грѣшно оставлять безъ пріюта и угощенія. По принятому обычаю, странники и нищіе собираются на церковномъ дворѣ. Послѣ обѣдни каждый крестьянинъ приглашаетъ къ себѣ этихъ «Божьихъ людей»; на трапезѣ ихъ усаживаютъ на почетномъ мѣстѣ. Никто не спрашиваетъ, откуда родомъ странникъ и какъ попалъ въ деревню; совершенно достаточно, что гость его собратъ и вѣруетъ во Христа такъ же, какъ онъ. Изъ-за гостей крестьяне нерѣдко спорятъ между собою. Приглашеніе имѣетъ такой радушный характеръ, что странники иной разъ не знаютъ, къ кому пойти. Такъ встрѣчаетъ пасхальную субботу крестьянинъ.

---

[1]) По празднику и самый хлѣбъ называется его именемъ. Праздникъ мичинкъ приходится въ четвергъ четвертой недѣли Великаго поста.

[2]) У армянъ разговляются въ субботу вечеромъ.

Къ концу Святой недѣли оканчиваются пасхальныя празднества и возобновляются полевыя работы, но онѣ продолжаются двѣ-три недѣли; сюда относится разведеніе огородовъ, баштановъ и проч. До Вознесенія для мужчинъ наступаетъ время отдыха; начинается орошеніе полей, но это—работа не тяжелая. Женщины въ это время работаютъ больше, онѣ полютъ гряды въ огородахъ и хлопчатныя плантаціи.

Особенно въ хорошую весну, обѣщающую богатый урожай, время отъ Пасхи до Вознесенія для крестьянина—продолжительный праздникъ; онъ, можно сказать, оживаетъ вмѣстѣ съ роскошною природою Юга. По мѣрѣ увеличенія шансовъ на урожай, веселье народа становится интенсивнѣе. Ликуетъ природа ликуетъ и народъ. Поля оглашаются пѣніемъ подростковъ и дѣвушекъ, производящихъ разныя легкія полевыя работы.

Въ неблагопріятную бездождную весну, когда виды на урожай плохи, народъ приходитъ въ уныніе. Лицо крестьянина принимаетъ угрюмый, пасмурный видъ; уныніе народа усиливается, если къ довершенію зла появляется еще саранча. Но онъ до послѣдней минуты не теряетъ вѣры. Совершается всенародно *тапуръ* (крестный ходъ) или своеобразная люстрація полей; этотъ религіозный обрядъ сопровождается жертвоприношеніями [1]). Предварительно посылаютъ нѣсколько юношей въ монастырь святого Якова [2]) за «святою» водою, такъ какъ св. Яковъ считается патрономъ земледѣльческаго народа. Когда «водоносцы» приближаются къ границамъ селенія, одинъ изъ нихъ спѣшитъ извѣстить народъ объ этомъ. Общинный глашатай зычнымъ голосомъ извѣщаетъ, что водоносцы со святою водою приближаются. Духовенство въ полномъ облаченіи, съ крестами и хоругвями и народъ выходятъ изъ деревни «встрѣчать святую воду». На границѣ деревни водоносцы вручаютъ воду духовенству. Съ пѣніемъ установленныхъ гимновъ духовенство во главѣ народа направляется сперва къ церкви; здѣсь оно служитъ обѣдню и молебенъ, послѣ которыхъ совершается торжественный крестный ходъ по «главнымъ межамъ» и освященіе полей святою водою. Вся процессія тѣмъ же порядкомъ возвращается обратно на церковный дворъ. Въ такихъ процессіяхъ участвуютъ не только армяне, но иногда и мусульмане, такъ какъ послѣ *тапура*, какъ показываетъ вѣковой опытъ, выпадаютъ дожди и появляются цѣлыя стаи розовыхъ скворцовъ, которые истребляютъ саранчу. Само собою понятно, что не всегда дождливые дни начинаются послѣ тапура и не всегда появляются розовые скворцы. Но важно то, что народъ не падаетъ духомъ и не теряетъ надежды на лучшіе дни. Подобные же тапуры совершаются въ случаѣ появленія холеры или другой эпидеміи.

По климатическимъ условіямъ Юга, Вознесеніе есть исходъ весны и начало страднаго времени. Съ этого времени начинается вспашка полей для озимыхъ посѣвовъ. Исподволь приближается страдное время: хлѣба начинаютъ желтѣть. Крестьянинъ готовится къ жатвѣ и, можно сказать, живетъ своими полями.

---

[1]) У армянъ и до настоящаго времени практикуется языческій обычай приносить въ жертву животныхъ.

[2]) Остатки монастыря св. Якова находятся на сѣверо-восточномъ склонѣ Большого Арарата, нѣсколько ниже снѣговой линіи. Тамъ находится родникъ, вода котораго, по понятіямъ народа, считается „святою“.

Начинается жатва: въ случаѣ урожая онъ приступаетъ къ работѣ; отъ зари до зари онъ жнетъ подъ жгучими лучами солнца. На отдыхъ полагается лишь два часа отъ 12 до 2 ч. дня. Вотъ онъ возвращается съ поля; у него за спиною къ серпу привязанъ «крестообразный» *пунджъ* (букетъ), составленный изъ отборныхъ колосьевъ. Это означаетъ, что крестьянинъ кончилъ жатву. Не теряя времени, онъ приступаетъ къ очисткѣ гумна отъ сорныхъ травъ и его орошенію, чтобы укрѣпить почву для молотьбы хлѣба. Въ два-три дня все готово. Начинаетъ онъ свозить хлѣбъ и складываетъ въ скирды. Вотъ медленно движется къ гумну тяжелый возъ, нагруженный снопами; на немъ «крестообразно» стоятъ четыре снопа на двухъ скрещенныхъ вилахъ. Это значитъ, что кончается и свозка хлѣба.

Начинается молотьба. Когда крестьянинъ молотитъ часть хлѣба, то, по обычаю, онъ долженъ «выдѣлить «Божію долю»: приглашаетъ священника благословить гумно и зерно (orhnel kal u cuty). Послѣ благословенія священникъ получаетъ «свои новины». Изъ «первенца» часть посылаютъ на мельницу, чтобы смолоть; когда привозятъ муку, начинается работа и для хозяйки дома. Рано утромъ она встаетъ, мѣситъ «не квашеное тѣсто» и печетъ «жертвенный» чалаки[1]). На большихъ корзинахъ выносятъ лепехи на церковный дворъ; раздаютъ народу послѣ заутрени, когда выходятъ изъ церкви, раздаютъ и прохожимъ на улицѣ. Всякій, кто получаетъ лепеху, произноситъ обычную формулу: «да будетъ принята твоя жертва Богомъ! Да благословитъ Онъ твое гумно и зерно!» Раздаватель же жертвенныхъ лепехъ въ свою очередь отвѣчаетъ: «Кушай на здоровье! Да благословитъ Богъ и твое зерно и гумно!» По міровоззрѣнію народа, «пары отъ горячихъ лепехъ возносятъ благодареніе жертвователя къ престолу Бога и испрашиваютъ Его благословеніе и благодать для его посѣвовъ, гумна и зерна». Такъ смотритъ крестьянинъ на «жертвенный чалаки».

Если у крестьянина нѣтъ ни виноградника, ни хлопчатной плантаціи, то оно продолжаетъ молотьбу; въ противномъ случаѣ работы на гумнѣ пріостанавливаетъ. Всѣ свои заботы, все свое вниманіе сосредоточиваетъ на хлопчатной плантанціи, которую нужно полоть, чтобы сорная трава не заглушила ея, и поливать, чтобы не выгорѣла, или же на виноградникѣ, который также требуетъ усиленнаго ухода за собою; на его грядахъ надо косить сорную траву, окапывать корни, срѣзывать лишніе отростки. До Успенія крестьянинъ не имѣетъ отдыха: это время лѣта—для него страдная пора въ строгомъ смыслѣ слова. Для него немало работы и осенью, но лѣтнія работы крайне тяжелы, такъ какъ производятся подъ жгучими лучами солнца.

Наступаетъ Успеніе. Оно для крестьянина не только религіозный, но и, такъ сказать, хозяйственный праздникъ; виды на урожай хлопка и винограда къ этому времени выясняются. Въ Успеніе освящается виноградъ. Каждый считаетъ своимъ долгомъ нести въ церковь большую корзину винограда не только для освященія, но и для раздачи бѣднымъ общинникамъ, не имѣющимъ собственныхъ виноградниковъ, нищимъ и прохожимъ. Послѣ освя-

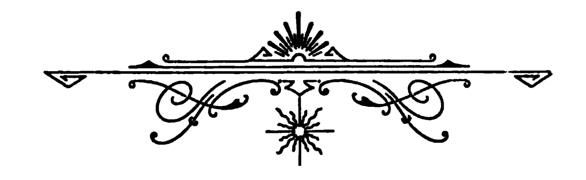
---

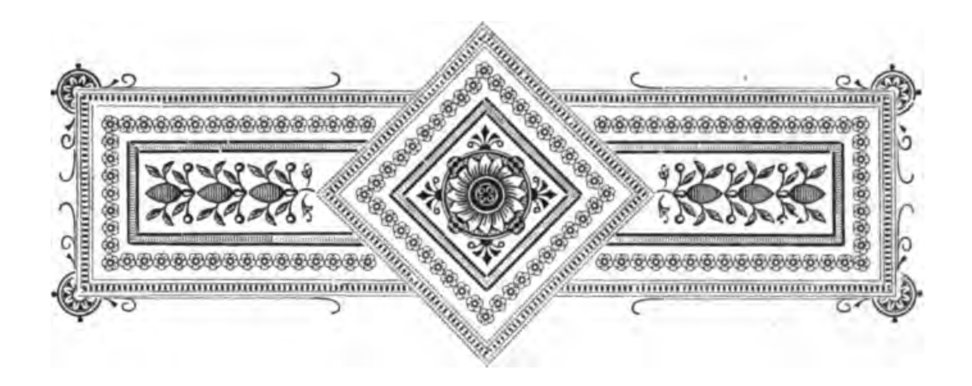
[1]) Тонкія лепехи, имѣющія форму растянутаго эллипсиса, большой діаметръ которой доходитъ до аршина, а малый до 9—12 вершковъ. (См. рисунокъ.)

щенія на церковномъ дворѣ, на улицахъ и у калитокъ раздаютъ «жертвенный виноградъ». Раздача сопровождается тѣми же формулами, которыя произносятся при раздачѣ лепехъ, съ тою, однако, разницею, что благословеніе Бога призываютъ не на «гумно и зерно», а на «виноградникъ». Крестьяне вообще охотно раздаютъ странникамъ и бѣднымъ продукты своего труда: по понятіямъ народа, грѣшно отказывать путникамъ, «странникамъ» и особенно нищимъ въ кисти винограда или въ арбузѣ и дынѣ, такъ какъ имъ нечѣмъ «освѣжать засохшія отъ зноя и пыли губы». Впрочемъ, въ селахъ, расположенныхъ у большихъ трактовъ, этотъ прекрасный патріархальный обычай гостепріимства постепенно вымираетъ.

Въ сентябрѣ оканчивается засѣваніе полей, отведенныхъ подъ «озимые хлѣба». При перепашкѣ, какъ и при вспашкѣ, тѣми же символическими бороздами осѣняютъ поля крестнымъ знаменіемъ. Произносятся тѣже формулы, которыми сопровождается засѣваніе яровыхъ полей. По окончаніи этихъ работъ и сбора винограда, для крестьянина наступаетъ время отдыха; впрочемъ, оно продолжается не болѣе двухъ или трехъ недѣль. Свободное отъ работъ время обыкновенно посвящается чествованію святыхъ патроновъ. Почти каждая семья имѣетъ своего «святого патрона» (paharan surp). Григорій Просвѣтитель, св. Георгій, св. Предтеча, апостолы Ѳома и Ѳаддѣй—мѣстные святые и считаются патронами народа. Въ отдѣльныхъ монастыряхъ Эриванской губерніи или хранятся ихъ мощи, или сооружены храмы во имя каждаго изъ нихъ. Крестьянинъ считаетъ своимъ долгомъ въ годъ хоть разъ совершить жертвоприношеніе въ честь патрона своей семьи; обыкновенно въ храмовой праздникъ, а иногда въ одинъ изъ воскресныхъ дней отправляется онъ въ «храмъ своего патрона». Здѣсь онъ закалываетъ жертвенное животное, приготовляетъ національное блюдо *шорва* (густой рисовый супъ) и по порціямъ раздаетъ народу. Заказываетъ заздравный молебенъ, вноситъ свою лепту въ храмовую кассу и возвращается домой.

Наступаетъ поздняя осень. Онъ собираетъ хлопокъ, закапываетъ на зиму свой виноградникъ. Этимъ онъ заканчиваетъ свои полевыя работы и отъ трудовъ отдыхаетъ до весны, чтобы снова начать свою трудовую жизнь.





Армяне на Кавказѣ.

Статистическіе этюды.

> Стать настоящимъ рускимъ, стать вполнѣ русскимъ, можетъ быть, и значитъ только стать братомъ всѣхъ людей, *всечеловѣкомъ*, если хотите.
>
> *Достоевскій.*

> L'unité nationale n'a pas de signe plus éclatant que l'unité de la législation universellement acceptée ou imposée, et peut être n'est ce pas assez de voir là un simple signe, car il s'agit de la chose elle-même, de ce qui en constitue la substance et le fond.

I.

Земледѣліе.

Въ русской печати почти одновременно стали появляться и свѣдѣнія объ избіеніяхъ армянъ въ Малой Азіи и необычно рѣзкія нападки на этотъ народъ. Чѣмъ достовѣрнѣе становились свѣдѣнія о неслыханныхъ истязаніяхъ, отъ которыхъ гибли тысячами и старики, и священники, и женщины, и дѣти, тѣмъ нападки нѣкоторыхъ органовъ прессы на какія-то присущія армянамъ нетерпимыя особенности становились ѣдче. Отмѣчая это въ высшей степени любопытное явленіе, мы не беремся объяснить его,—скажемъ только, что въ прежнее время такого разлада между основными историческими воззрѣніями русскаго народа на необходимость, неизбѣжность заступничества за придавленное и измученное христіанское населеніе Востока и грубымъ издѣвательствомъ надъ избіенными и изнасилованными, въ печати не было. Нынѣ оффиціально признана достовѣрность новыхъ мукъ, понесенныхъ этимъ многострадальнымъ народомъ въ прошломъ (1896) году, и Государю Императору благоугодно было призвать русское общество на помощь тѣмъ десяткамъ тысячъ армянъ, которые, бросивъ свои жилища и оберегая свою вѣру, честь и жизнь, искали убѣжища въ сопредѣльной Россіи; въ настоящее время эти измученные христіане нуждаются въ хлѣбѣ, одеждѣ и жилищахъ.

Только вотъ, скажутъ можетъ быть, все сказанное вами справедливо и помочь слѣдуетъ, въ Россіи найдется, конечно, средство одѣть и накормить нѣсколько тысячъ человѣкъ, но вѣдь доказано, что армяне на Кавказѣ занимаются исключительно торговлею въ городахъ, скопили въ рукахъ своихъ громадные капиталы, закабалили все населеніе, не исключая и властей, воспитываютъ дѣтей своихъ за границей въ ненависти къ Россіи и только мечтаютъ о созданіи отдѣльнаго автономнаго армянскаго княжества, что это вѣрно, то доказательствомъ тому служитъ во первыхъ — отсутствіе какихъ бы ни было возразраженій въ русской печати, а во вторыхъ почти тѣ же положенія повторяются французской печатью. Наприм. въ Revue de Paris, въ номерѣ отъ 1 и 15 января нынѣшняго (1897 г.) года помѣщена статья г. Victor Bérard'a «la Politique du sultan», въ которой буквально сказано слѣдующее: «Depuis 1870 surtout, les Arméniens avaient beaucoup prospére au sud du Caucase. Débordant de leur pays, ils avaient peu à peu occupé la Géorgie, et les grandes villes étaient en majorité arméniennes: Tiflis, Alexandropol etc. La terre était passée dans leurs mains. Le commerce local et le transit entre l'Europe et la Perse les avaient enrichis, et leurs maisons avaient des comptoirs en France, en Angleterre, en Amérique, dans le monde entier. Mais leurs sentiments à l'égard des Russes n'avaient pas changé. Au contraire, à mesure qu'un plus grand nombre de leurs fils s'en venaient aux universités d'Allemagne et de France, l'idée nationale arménienne gagnait des adeptes plus nombreux et plus convaincus» и т. д. А слѣдовательно, не пригрѣть бы намъ за пазухой змѣю. Такъ-ли это?

Авторы статей какъ въ русской, такъ и во французской прессѣ въ доказательство справедливости своихъ утвержденій не приводятъ никакихъ данныхъ.

Возраженій по существу мы также не встрѣчали въ печати.

Такимъ образомъ единственный способъ поколебать образовавшееся предубѣжденіе—это обращеніе къ безспорнымъ фактамъ и цифрамъ, такъ мы и поступили въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Русской Мысли» за сентябрь и октябрь 1896 года. Не желая быть обвиненными въ голословности, мы вынуждены были привести въ этихъ статьяхъ не только итоги по всѣмъ частнымъ вопросамъ, на которые необходимо было отвѣтить, но тѣ слагаемыя, изъ которыхъ эти итоги получались. Въ настоящей статьѣ мы ограничимся выводами, отсылая желающихъ подробнѣе ознакомиться съ вопросомъ къ названнымъ статьямъ.

Всѣхъ армянъ на Кавказѣ 985,460 человѣкъ; изъ нихъ проживаютъ въ городахъ 219,591. Армянское населеніе сосредоточено въ трехъ губерніяхъ: Эриванской, Елизаветпольской и Тифлисской, а въ этихъ губерніяхъ въ пяти смежныхъ уѣздахъ: Александропольскомъ, Новобаязетскомъ, Эчміадзинскомъ, Шушинскомъ и Ахалкалакскомъ. Вся эта мѣстность представляетъ собою гористую страну, гдѣ искони жили армяне или таковые поселены русскимъ правительствомъ послѣ войны съ Турціей.

Въ этой мѣстности проживаетъ 845,667 человѣкъ армянъ, иначе говоря 69,6% всего армянскаго населенія Кавказа.

Громадное большинство этого населенія, *97,₂%*, принадлежитъ *къ крестьянскому* сословію и проживаетъ не въ городахъ, а въ селеніяхъ, гдѣ они, армяне, и занимаются земледѣліемъ, причемъ или исключительно, или главнымъ

образомъ воздѣлываютъ кормовые хлѣба,—садоводство же (виноградники и фруктовые сады), хлопководство и шелководство являются лишь подсобными къ основному сельско-хозяйственному промыслу—хлѣбопашеству. Такъ, въ уѣздахъ Александропольскомъ, Новобаязетскомъ и Эчміадзинскомъ Эриванской губерніи собирается всѣхъ хлѣбовъ до 936 тысячъ пудовъ; со всей же губерніи, съ *семи* уѣздовъ, 1,850,000 пудовъ, т.-е въ названныхъ трехъ уѣздахъ собирается болѣе половины общаго сбора хлѣбовъ по губерніи. Въ Шушинскомъ уѣздѣ Елизаветпольской губерніи собирается хлѣбовъ около 460 тысячъ пудовъ; во всей же губерніи, въ 8 уѣздахъ, два милліона семьсотъ тысячъ пудовъ, такимъ образомъ въ Шушинскомъ уѣздѣ сборъ хлѣбовъ достигаетъ $^1/_6$ общаго количества по губерніи; по пространству этотъ уѣздъ въ сравненіи съ другими занимаетъ четвертое мѣсто.

Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ Тифлисской губерніи сборъ хлѣбовъ равенъ 284,557 пудовъ, по губерніи, въ которой 9 уѣздовъ,—1,650,000 пудовъ, т.-е. уѣздъ, доставляя болѣе одной пятой всего сбора, по пространству Ахалкалакскій уѣздъ седьмой изъ девяти.

Земля въ изслѣдуемой мѣстности, обрабатывается *тщательнѣе*, чѣмъ гдѣ бы то ни было на Кавказѣ, но населеніе не выходитъ изъ колеи первобытнаго способа обработки, который нельзя не признать весьма несовершеннымъ; это зависитъ отъ недостатка средствъ образованія и отъ примитивности земледѣльческихъ орудій, которыя неуклюжи, тяжеловѣсны и требуютъ много лишней силы и времени.

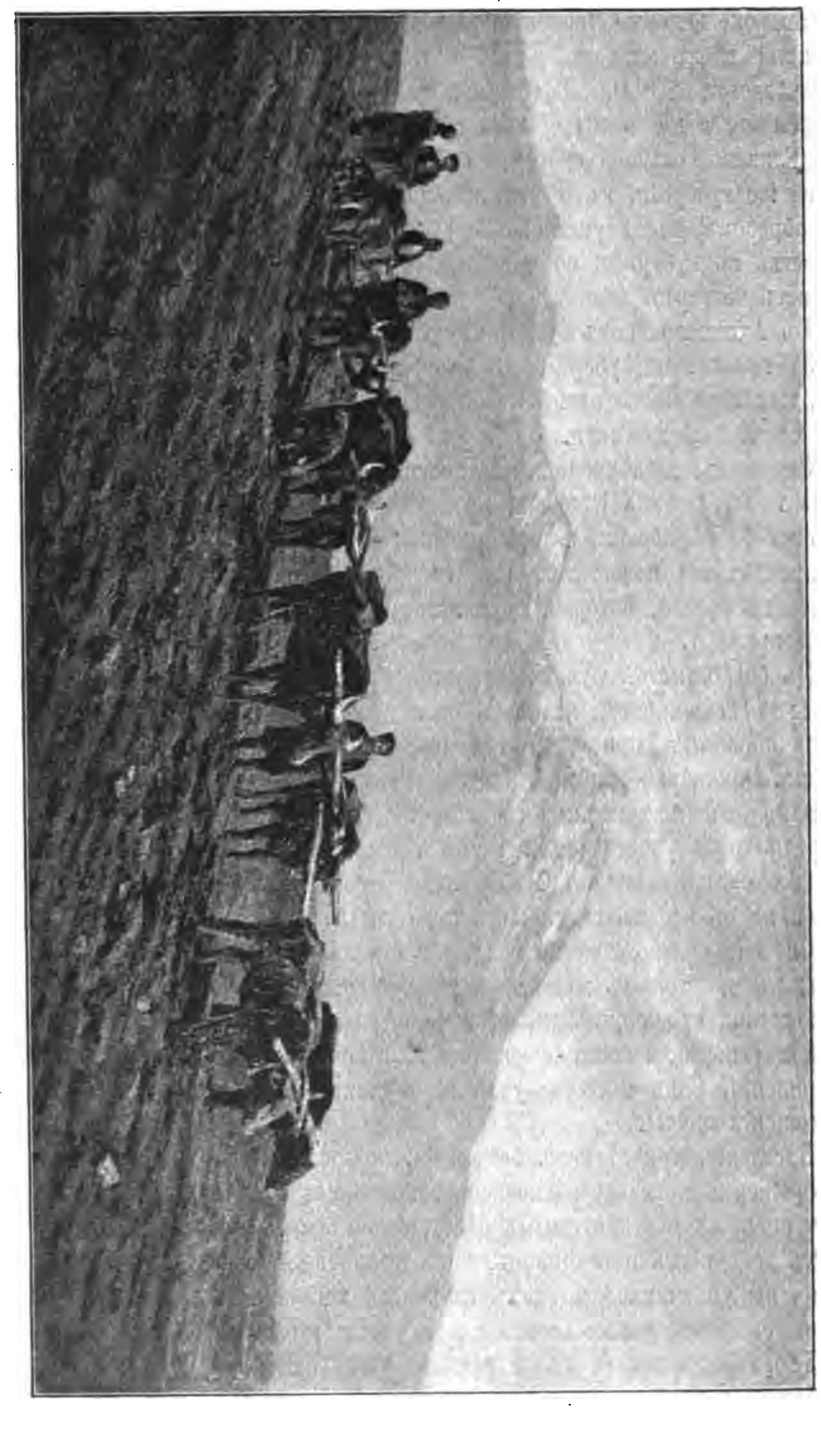
Въ большинствѣ случаевъ, по недостатку матеріальныхъ средствъ, крестьяне не имѣютъ возможности вспахать свои поля плугомъ, и пашутъ гутомъ (сохой), а такая обработка при твердости распахиваемаго грунта далеко неудовлетворительна. Для обработки мѣстнымъ плугомъ, требующихъ отъ четырехъ до десяти паръ быковъ, крестьяне соединяются въ артели и общими силами пашутъ поочередно поля участниковъ. Такое соединеніе людей, орудій и скота называется «ало» или «аваджъ». Ало длится отъ двадцата одного дня до тридцати трехъ и всѣхъ ало въ году бываетъ до трехъ.

Система полеводства не вездѣ одинакова, даже на небольшихъ пространствахъ: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ двухпольная, въ другихъ трехпольная, иногда многопольная, что обусловливается топографическимъ положеніемъ разсматриваемой мѣстности, качествомъ почвы и, главнымъ образомъ, количествомъ воды для орошенія. Одни и тѣ же участки обрабатываются пять, шесть лѣтъ подрядъ до истощенія почвы.

Населеніе, при лѣтнемъ бездождіи, не можетъ и съ помощью искусственнаго орошенія хотя бы нѣсколько ослабить пагубное вліяніе засухи, такъ что засуха является неотвратимымъ бѣдствіемъ въ особенности и потому еще, что другихъ доходныхъ источниковъ, какъ хлопководство, виноградарство и табаководство, выручающихъ въ этихъ случаяхъ жителей низменныхъ мѣстъ, здѣсь почти нѣтъ, точно также весьма слабо развиты отхожіе промыслы.

Уборка хлѣбовъ съ полей производится серпомъ и косой. Молотятъ съ помощью молотильной доски.

Доска эта съ передняго конца загнута кверху, а нижняя ея сторона вся



Армяне-землепашцы близъ Алагеза (Эриванской губерніи).

усажена острыми кусками кремня. Къ переднему загнутому концу припрягаютъ воловъ или буйволовъ, которые и везутъ доску, на которой сидятъ женщины и дѣти, по хлѣбу, разложенному на току, причемъ острые камни выбиваютъ зерно изъ хлѣба. При этой молотьбѣ солома измѣльчается и получается въ видѣ такъ называемаго самана.

Хлѣбъ вѣютъ лопатой и рѣшетомъ. Сохраняютъ хлѣбъ въ ямахъ пирамидальныхъ и конусообразныхъ съ широкимъ основаніемъ и узкимъ верхнимъ отверстіемъ.

Въ большинствѣ случаевъ крестьяне вынуждены продавать свой хлѣбъ скупщикамъ, которые ихъ сильно эксплоатируютъ, благодаря отсутствію дешеваго кредита. Нужда въ деньгахъ для уплаты податей и удовлетворенія прочихъ необходимыхъ потребностей заставляетъ крестьянъ кредитоваться у кулаковъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ,—уплаты долга зерномъ отъ ожидаемаго урожая, причемъ, кромѣ того что зерно идетъ по цѣнѣ гораздо ниже рыночной, крестьянъ еще обвѣшиваютъ и обмѣриваютъ.

Въ какой зависимости находится урожай отъ орошенія въ гористыхъ мѣстностяхъ, къ которымъ принадлежатъ почти во всемъ объемѣ разсматриваемые уѣзды, видно изъ слѣдующихъ выписокъ всеподданнѣйшаго отчета по Эриванской губерніи за 1894 годъ. «Въ гористой мѣстности губерніи были и въ этомъ году неурожаи, зерна получилось мало, а солома во многихъ пунктахъ оказалась настолько малорослой, что крестьяне вынуждены были не косить *хлѣбъ, а рвать руками*. Особенно же пострадали весь Новобаязетскій, Абаранскій участокъ, Эчміадзинскій и часть Александропольскаго уѣзда. Къ сожалѣнію, это сильно ослабило экономическое благосостояніе жителей этихъ мѣстностей, уже расшатанное неурожаями 1893 и отчасти 1892 года».

Какъ объясненіе этой удивительной стойкости армянскихъ крестьянъ въ борьбѣ съ неурожаями, приводимъ слѣдующее примѣчаніе редакторовъ свода статистичесвихъ данныхъ по Елисаветпольской губерніи. «Наибольшій дымъ (дворъ) оказывается у армянъ. Армяне, по возможности, избѣгаютъ семейныхъ раздѣловъ, почему нерѣдко встрѣчаются дымы въ 15, 20 и даже 30 душъ, тогда какъ между остальными народами сильно развито стремленіе къ обособленію, почему при женитьбѣ создается непремѣнно собственное хозяйство».

Понятенъ теперь, смѣемъ думать, эпитетъ «трудолюбивый», который обычно прилагается къ армянскимъ крестьянамъ, какъ оно значится и въ отчетахъ г. Карсскаго губернатора.

II.

Вся торговля находится-ли въ рукахъ армянъ?

Посмотримъ, въ чьихъ рукахъ торговля? Остановимся прежде всего на внѣшней торговлѣ, которая обращаетъ на себя особое вниманіе, благодаря развившемуся въ послѣдніе годы вывозу. Главные торговые пути Кавказа—моря

Черное и Каспійское, сухопутныя же границы—сѣверныя съ Россіей, южныя съ Турціей и Персіей—не имѣютъ большого торговаго значенія.

Подводя общіе итоги по привозу и вывозу товаровъ, мы получимъ слѣдующія цифры: ввозится 34 милліона пудовъ, вывозится 253 милліона. Вывозъ превышаетъ ввозъ почти въ восемь разъ.

1. Изъ предметовъ вывоза главное мѣсто принадлежитъ *нефти* и ея продуктамъ, которыхъ вывезено 231 милліонъ пудовъ за границу и въ Россію. Всего изъ Баку вывезено нефти 248 милліоновъ пудовъ. Такимъ образомъ вывозъ нефти равенъ 85°/$_0$ всего вывоза.

Изъ предметовъ ввоза болѣе половины 34 милліоновъ пудовъ составляютъ предметы необходимые для нефтяной промышленности: лѣсной матеріалъ въ доскахъ и брусьяхъ, жесть, олово, сѣра, селитра, ѣдкій натръ, кали и машины.

Въ чьихъ же рукахъ находится эта торговля и связанная съ экспортомъ продуктовъ — промышленность? 95,$_8$°/$_0$ общаго экспорта находятся въ рукахъ девяти фирмъ: Ротшильда (Каспійское-черноморское общество), братьевъ Нобель, Манташева, Рихнера, Шабаева, Бакинскаго Стандарта (Франц. комп.), Цовьянова, Дененса и Ангелидеса (Сидиридеса). Изъ числа этихъ девяти фирмъ, только двѣ — Манташевъ и Цовьяновъ — армянскія. Манташевъ экспортируетъ 7,$_2$°/$_0$, а Цовьяновъ 3,$_2$°/$_0$.

3,$_9$°/$_0$ всего вывоза находятся также въ рукахъ девяти фирмъ: Русско-кавказскаго нефтяного Общества, Гроте, Быховскаго, Русскаго общества пароходства и торговли, Хачатурянца, Бульфруа, Шахбазова, Жолквера и Фельдмана. Каждая изъ этихъ фирмъ экспортируетъ въ размѣрѣ отъ 0,81°/$_0$ до 0,09°/$_0$. Въ числѣ ихъ одна армянская—Хачатурянца. Транспортированіемъ нефтяныхъ продуктовъ за границу занимаются преимущественно иностранцы. Для удовлетворенія потребностей юга Россіи нефть направляется въ Одессу, Николаевъ и Севастополь наливомъ на пароходахъ Русскаго общества пароходства и торговли.

Общее количество добытаго въ 1894 году нефти 337,051,834 пуда, стоимость ея на мѣстѣ около сорока милліоновъ рублей.

Керосинозаводчики образуютъ особый союзъ; въ этотъ союзъ вошли лица обладающія 97°/$_0$ общей производительности заводовъ Бакинскаго района. Въ числѣ главныхъ основаній этого союза значится и слѣдующее: «торговля керосиномъ производится за общій счетъ всего союза тремя торговыми агентами: братьями Нобель, Каспійско-Черноморскимъ Обществомъ (Ротшильдъ) и Бакинскимъ Стандартомъ (Франц. ком.)».

У всѣхъ главныхъ экспортеровъ въ Баку и Батумѣ свои мастерскія. Особенно значительны мастерскія Ротшильда и братьевъ Нобель, гдѣ работаютъ до тысячи человѣкъ. Суточная производительность всѣхъ этихъ заводовъ доходитъ до 100,000 жестян. и 50,000 ящиковъ.

2. Послѣ нефти главнѣйшими предметами вывоза являются *марганецъ и кукуруза*.

Марганца было вывезено въ 1894 году семь съ половиной милліоновъ пудовъ руды—на сумму свыше трехъ милліоновъ рублей, а кукурузы около шести милліоновъ пудовъ на 3,452,000 руб. Главнѣйшими дѣятелями по добычѣ и

вывозу марганцевой руды являются иностранцы, помѣщики-имеритинцы, и почти—ни одного армянина.

Кукуруза и производится и вывозится изъ Кутаисской губерніи *имеретинами*.

3. Въ 1893 году добыто *ископаемыхъ*, какъ оно видно изъ свѣдѣній о количествѣ производительности горныхъ заводовъ, рудниковъ, копей, соляныхъ и иныхъ промысловъ, помѣщенныхъ въ отчетѣ Кавказскаго горнаго управленія, мѣди—600 тысячъ пудовъ, нефти около г. Грознаго три милліона пудовъ, каменнаго угля два съ половиною милліона, сребро-свинцовой руды—двѣ съ половиною тысячи, сѣры сто шестьдесятъ шесть тысячъ пудовъ. Соляные и рыбные промыслы дали казнѣ дохода около шести сотъ тысячъ рублей.

Среди владѣльцевъ горныхъ заводовъ, рудниковъ и копей—*нѣтъ армянъ*, попадаются чаще иностранныя фирмы и нѣсколько русскихъ.

Только среди арендаторовъ соляныхъ промысловъ и рыбныхъ ловлей мы встрѣчаемъ двѣ армянскія фамиліи.

4. *Винокуреніе* производится исключительно изъ виноградныхъ выжимокъ и туты, хлѣбовинокуренные заводы всѣ закрылись.

Подъ виноградниками на Кавказѣ, по даннымъ филоксернаго комитета, 83,200 десятинъ, съ которыхъ получается вина около девяти милліоновъ ведеръ. Десятина даетъ двѣсти шестьсотъ пудовъ винограда, изъ этого числа $^2/_3$ составляютъ вино, а $^1/_3$ выжимки и гуща употребляется для выкуриванія спирта.

Всего выкурено спирта 19 милліоновъ градусовъ, поступило акцизнаго сбора 1,834,853 рубля. Садовладѣльческихъ заводовъ 1,251, промышленныхъ 36, изъ нихъ тридцать принадлежатъ армянамъ. На промышленныхъ заводахъ выкурено одна шестая всего количества спирта. Около 14 милліоновъ градусовъ спирта привозится изъ Россіи. Всѣхъ водочныхъ заводовъ на Кавказѣ 11, на нихъ очищается около двадцати восьми милліоновъ градусовъ спирта. Два водочныхъ завода принадлежатъ армянамъ Мегвинову и Таирову; на этихъ заводахъ очищается три милліона градусовъ, т.-е. менѣе одной девятой всего количества потребляемаго въ краѣ.

Всѣхъ *пивоваренныхъ* заводовъ восемнадцать, уплочено ими акциза 63.095 рублей. Среди владѣльцевъ заводовъ нѣтъ армянъ.

Всѣхъ *табачныхъ* фабрикъ 19. Всего изготовлено ими табаку 42.335 пудовъ. Изъ общаго числа этихъ фабрикъ три, Базарджіанца, Сафарова и Энфаджіанца, принадлежатъ армянамъ. Всѣ три выбираютъ бандеролей на 274.417 рублей.

5. Всѣхъ паровыхъ *шелкомоталенъ* и шелкокрутиленъ 53, на нихъ свыше двухъ тысячъ рабочихъ, двѣ тысячи станковъ и 5.841 веретено; выдѣлываютъ шелку 2.941 пудъ. Только на двухъ фабрикахъ количество рабочихъ доходитъ до ста, на всѣхъ остальныхъ отъ 10 до 85 человѣкъ. Ручныхъ непаровыхъ шелкомоталенъ и шелокрутиленъ свыше пяти сотъ съ тремя тысячами рабочихъ. Изъ числа паровыхъ—тридцать три принадлежатъ армянамъ. Шелкоткацкихъ паровыхъ фабрикъ на Кавказѣ нѣтъ, мелкія русскія фабрички разбросаны повсюду.

Въ среднемъ вывозится въ годъ коконовъ и шелковыхъ издѣлій на милліонъ шесть сотъ пять тысячъ рублей.

6. *Шерстяные* промыслы обоихъ типовъ,—уваливанія шерсти и тканья пряжи, весьма распространены по всему Кавказу, но не въ видѣ фабричнаго, а кустарнаго производства; фабрикъ же, и то только уваливанія шерсти,—одна, армянина Адельханова, въ Тифлисѣ. Исполняетъ онъ по преимуществу казенные заказы.

Лучшіе *ковры* изготовляются въ Шушинскомъ уѣздѣ, лучшія сукна въ Дагестанѣ и Осетіи.

7. Заводы *чугунно-литейные* сосредоточены въ Тифлисѣ, Баку и Батумѣ, почти всѣ принадлежатъ иностранцамъ.

8. *Кожевенныхъ* заводовъ двѣсти съ количествомъ рабочихъ превышающимъ тысячу. Годовой оборотъ всѣхъ этихъ заводовъ 1.143.000 рублей. Изъ нихъ самый большой армянина Адельханова, въ Тифлисѣ, годовой оборотъ около восьми сотъ тысячъ, количество рабочихъ болѣе трехсотъ. Заводъ этотъ исполняетъ казенные заказы.

9. Всѣхъ паровыхъ *лѣсопильныхъ* заводовъ 38, большинство этихъ заводовъ въ Кутаисской губерніи и состояніе ихъ весьма плачевно. Среди владѣльцевъ нѣтъ армянъ. Спичечныхъ фабрикъ одна—г. Карла.

Останавливаться далѣе на какой бы то ни было отрасли промышленности излишне, такъ какъ ни одно изъ нихъ не имѣетъ сколько-нибудь серьезнаго торговаго значенія. Наприм. — хлопчатобумажныхъ фабрикъ всего одна, въ Тифлисѣ, Читахова, незначительная по производству, выдѣлываетъ исключительно бязь. Объясняется это отчасти и тѣмъ, что весь получаемый на Кавказѣ хлопокъ скупается на мѣстахъ московскими и лодзинскими фабрикантами.

Изъ всѣхъ этихъ цифръ и фактовъ можно сдѣлать такіе выводы: фабричная и заводская промышленность края (за исключеніемъ нефтяного дѣла) развита весьма слабо, несмотря на обиліе и разнообразіе сырыхъ продуктовъ ископаемыхъ; по всѣмъ почти отраслямъ промышленность не стала еще фабричною, а носитъ характеръ кустарной, сосредоточиваясь на предметахъ домашняго обихода.

Если разложить производительность всѣхъ фабрикъ и заводовъ Кавказа на жителей, то получимъ на каждаго около семи рублей, тогда какъ въ Московскомъ районѣ приходится на каждого 38 рублей, т.-е. въ $5^1/_2$ разъ болѣе. *Вотъ почему мы позволяемъ себѣ утверждать, что ни внѣшняя торговля Кавказа, ни промышленность фабричная и заводская—не находятся въ рукахъ армянъ, при чемъ ни въ одной изъ отраслей производства армяне не занимаютъ* господствующаго положенія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію мѣстной внутренней торговли края.

По дѣйствующей патентной системѣ промысловъ предпріятія раздѣляются на три группы: крупныя (1 гильдія), среднія (2 гильдія) и мелкія (мелочной, развозный и разносный торгъ).

Всѣхъ лицъ, выбравшихъ свидѣтельства первой и второй гильдіи, 13.386, свидѣтельства на мелочной торгъ 33 тысячи.

Изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній о торгово-промышленныхъ заведеніяхъ

и вывозной торговлѣ на Кавказѣ читатели могли убѣдиться наглядно, что вся почти крупная торговля сосредоточена въ губерніяхъ Кутаисской, Бакинской и Тифлисской и находится главнымъ образомъ въ рукахъ *иностранцевъ*; если изъ общаго количества исключить количество свидѣтельствъ, выбранныхъ въ этихъ губерніяхъ, то на долю всѣхъ остальныхъ городовъ и мѣстечекъ края останется лишь нѣсколько тысячъ свидѣтельствъ второй гильдіи и около десяти тысячъ свидѣтельствъ на мелочной торгъ.

Предположимъ, что въ числѣ этихъ лицъ 75% армянъ, получимъ, что всѣхъ армянъ занимающихся торговлей менѣе 15 тысячъ, но если бы даже и это число было вѣрно, то по отношенію къ общему числу армянъ, проживающихъ въ городахъ, это составитъ только 6%.

И, дѣйствительно, какъ то и значится въ учебникѣ географіи Кавказа г. Кондратенко, изданномъ въ 1895 году, «въ самомъ Тифлисѣ развита не столько заводская и фабричная промышленность, сколько *ремесленная*.

Выводъ этотъ подтверждается и данными оффиціальной статистики о раздѣленіи городскихъ жителей на сословія.

Такъ:

	Мѣщанъ.	Купцовъ.	Крестьянъ.
Въ Тифлисѣ.	55,59%	0,63%	24,03%
» Ахалкалакахъ . . .	85,36	2,56	4,55
» Новобаязетѣ	0,12	98,02	—
» Шушѣ.	85,89	4,11	—
		Купцовъ иностр.	нѣмец. поддан.
» Баку.	81,95	2,44	10,13
» Александрополѣ . .	85,04	7,03	6,05
» Батумѣ.	70,78	2,53	—

Выводъ одинъ: вся мѣстная торговля края носитъ характеръ розничномелочного торга, городовъ весьма мало и города эти малолюдны. Всѣхъ городовъ 48, уѣздовъ округовъ и отдѣловъ 75. Въ Тифлисѣ жителей 146 тысячъ, въ Баку 86, затѣмъ 4 города съ населеніемъ выше 30 тысяч, 15 съ населеніемъ выше 15 тысячъ, а въ остальныхъ и того менѣе, причемъ въ нѣкоторыхъ городахъ количество населенія еле превышаетъ тысячу человѣкъ.

III.

Капиталы.

Такъ какъ армянскіе капиталисты могутъ скоплять въ своихъ рукахъ деньги и не помѣщая ихъ въ торговыя предпріятія, а отдавая въ банки или въ качествѣ учредителей и акціонеровъ или же въ качествѣ вкладчиковъ, то намъ придется разсмотрѣть дѣятельность и личный составъ кредитныхъ учрежденій на Кавказѣ.

1. Учрежденій краткосрочнаго кредита двадцать семь: восемь отдѣленій го-

сударственнаго банка, девять отдѣленій коммерческихъ банковъ, шесть обществъ взаимнаго кредита и пять городскихъ общественныхъ банковъ.

Результаты главныхъ операцій этихъ учрежденій, какъ то видно изъ отчетовъ, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Финансовъ» за 1895 годъ, выразились въ 1894 году въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Учетъ векселей и ссуды.	Вклады.
	Въ тысячахъ.	
Городскіе банки	1,859	1,714
Общество взаимн. кредита	6,981	3,243
Акціон. ком. банки	8,923	7,838
Отд. Гос. банка	8,296	10,795
	26,060	23.592

Прибыль, полученная этими кредитными учрежденіями, распредѣлялась такъ:

	Въ тысячахъ.
Городск. общ. банки	.63,₃
Общества взаимнаго кредита	447,₃
Тифлисск. акц. комм. банкъ	249,₂
Отдѣленія Госуд. банка	514,₂
	1,275,₇.

Такимъ образомъ на капиталъ въ 27 милліоновъ (прибавляемъ къ вкладамъ основные капиталы банковъ), при активныхъ операціяхъ достигающихъ до 26 милліоновъ, получено прибыли 1.275.700 рублей. Прибыль эта была распредѣлена между учредителями и акціонерами, которые получили до 23% на 100. (Волжско-Камскій банкъ). По вкладамъ выплачивалось отъ 1% по текущимъ счетамъ до 5% по вкладамъ на два года.

Вся вкладная операція, если исключить вклады правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, достигаетъ 20 милліоновъ. Около четырехъ пятыхъ этой суммы составляютъ вклады на текущій счетъ и вклады безсрочные, иначе говоря, вклады эти представляютъ или расходные капиталы существующихъ уже предпріятій или же капиталы временно, на короткій срокъ, свободные. Вклады срочные, составляющіе въ суммѣ около пяти милліоновъ, распредѣляются по всѣмъ двадцати семи банкамъ, причемъ большая часть помѣщена въ отдѣленія Государственнаго банка и въ городскіе общественные банки. Если мы допустимъ, что всѣ эти вклады принадлежатъ армянамъ, то и тогда по количеству этихъ вкладовъ, суммы, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, будутъ не велики; развѣ бы допустить еще и то, что немногія лица, желая скрыть величину своихъ капиталовъ, разбили ихъ на части и по частямъ внесли ихъ въ разные банки; но такъ какъ всѣ эти предположенія ни на чемъ не основаны, то слѣдуетъ согласиться, что вклады эти принадлежатъ многимъ лицамъ различныхъ національностей и что капиталисты, если таковые проживаютъ на Кавказѣ, находятъ своимъ деньгамъ болѣе прибыльное помѣщеніе, чѣмъ вклады въ банки.

Посмотримъ, нѣтъ ли кавказскихъ капиталистовъ среди учредителей и акціонеровъ коммерческихъ банковъ. Изъ трехъ, дѣйствующихъ въ краѣ, коммер-

ческихъ банковъ, Тифлисскій, по составу правленія и служащихъ, можетъ быть названъ армянскимъ. Складочный капиталъ банка одинъ милліонъ; прибыль $16,_{7}$ °/₀ на 100 рублей. На общее годовое собраніе явилось 86 человѣкъ. Такъ какъ по уставу акціонерныхъ банковъ разрѣшается одному лицу сосредоточивать въ своихъ рукахъ до одной десятой всѣхъ акцій, то въ дальнѣйшемъ изложеніи мы предположимъ, что на общія собранія являлись представители всего складочнаго капитала. При этомъ предположеніи мы можемъ только увеличить доли явившихся. Раздѣливъ складочный капиталъ Тифлисскаго банка на количество явившихся акціонеровъ, мы получимъ на долю каждаго 11.623 рубля.

Въ Азовско-Донскомъ банкѣ складочный капиталъ четыре милліона 134 тысячи; прибыль 20°/₀ на 100 рублей. На общее собраніе явилось 18 акціонеровъ. На долю каждаго приходится, слѣдовательно, 229.666 рублей. Ни среди членовъ правленія, не среди служащихъ нѣтъ армянъ.

Въ Воложско-Камскомъ банкѣ складочный капиталъ 10 милліоновъ; прибыль $23,_{6}$ °/₀ на 100 рублей. На общее собраніе явилось 48 лицъ. На долю каждаго приходится 208,333 рубля. Ни въ правленіи, ни среди служащихъ нѣтъ армянъ.

Смѣемъ думать, что акціонеровъ Тифлисскаго коммерческаго банка нельзя безъ натяжки назвать капиталистами.

На основаніи приведенныхъ цифръ и отчетовъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ: дѣятельность банковъ краткосрочнаго кредита на Кавказѣ развита слабо; общій годовой оборотъ всѣхъ этихъ учрежденій не превышаетъ одной четверти общаго торгово-промышленнаго оборота края; главныя кредитныя сдѣлки сосредоточиваются въ Баку, Тифлисѣ и Батумѣ.

По размѣрамъ своихъ оборотовъ первенствующее мѣсто занимаетъ Государственный банкъ, за нимъ послѣдовательно идутъ коммерческіе банки, общества взаимнаго кредита и городскіе общественные банки.

2. Банковъ долгосрочнаго кредита на Кавказѣ семь: Государственные: дворянскій и крестьянскій; дворянскіе: Тифлисскій и Михайловскій; два акціонерныхъ: Харьковскій и Донской и Тифлисское городское кредитное общество.

Всего заложено въ этихъ банкахъ 2,390 сельскихъ имѣній на сумму свыше 17 милліоновъ и 3,611 городскихъ имуществъ на сумму 30 милліоновъ рублей.

По суммамъ выданнымъ подъ залогъ банки идутъ въ слѣдующемъ порядкѣ.

	Въ тысячахъ:
Дворянскіе банки	18,300
Акціон. зем. банки	12,799
Городск. кредит. общест.	10,133
Госуд. двор. банкъ съ особ. от.	4,231
Крестьянск. банк.	210
	45,672.

Къ этому итогу слѣдуетъ добавить суммы, выданныя за имущества, заложенныя въ городскихъ общественныхъ банкахъ и въ бывшемъ Закавказскомъ приказѣ общественнаго призрѣнія, тогда итогъ будетъ равенъ 47 милліонамъ рублей.

Всей частновладѣльческой земли числится на Кавказѣ четыре милліона 700 тысячъ десятинъ, т.-е. заложена четвертая часть всей этой земли.

Изъ отдѣльныхъ губерній наиболѣе задолжены Ставропольская и Тифлисская, гдѣ отношеніе между задолженной землей и свободной доходитъ до 49%. Изъ уѣздовъ наиболѣе обремененный земельными долгами Новобаязетскій и Эриванской губерніи, до 59% всей частновладѣльческой земли.

Совсѣмъ не имѣютъ заложенныхъ земель только два уѣзда: Шаруро-Даралагезскій Эриванской губерніи и Шушинскій Елизаветпольской губерніи.

Изъ городовъ выдѣляются по задолженности: Тифлисъ — 15,566,985 руб. и болѣе одного милліона Баку, Кутаисъ, Екатеринодаръ и Владикавказъ.

Заемщики выплачиваютъ земельнымъ банкамъ отъ 6 рублей 25 копѣекъ на 100 рублей до 12 въ годъ, а потому едва ли среди этихъ лицъ слѣдуетъ искать капиталистовъ, вѣрнѣе будетъ искать таковыхъ среди акціонеровъ.

На Кавказѣ дѣйствуютъ только два земельныхъ банка — Харьковскій и Донской. Они выдавали дивиденду на акцію — Донской 42 руб. 50 коп., Харьковскій 28 рублей. Въ этихъ банкахъ ни въ составѣ правленій, но среди служащихъ армянъ нѣтъ.

Въ Тифлисскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ, дѣйствительно, весь составъ правленія армяне; но это общество взаимнаго кредита, а потому можно сказать лишь, что будучи учрежденіемъ основаннымъ на взаимности, безъ складочнаго капитала, оно не вынуждено платить дивидендовъ, а потому оно преслѣдуетъ не спекулятивныя цѣли, а исключительно удовлетвореніе нуждъ своихъ сочленовъ.

Вотъ почему мы находимъ возможнымъ придти къ слѣдующимъ выводамъ:

Первенствующее мѣсто среди учрежденій долгосрочнаго кредита на Кавказѣ занимаютъ дворянскіе банки, банки эти въ рукахъ *грузинскаго и имеретинскаго* дворянства; за ними слѣдуютъ земельные акціонерные банки, они въ рукахъ *русскихъ* капиталистовъ; затѣмъ идетъ городское кредитное общество взаимнаго кредита; послѣднее мѣсто среди земельныхъ банковъ занимаютъ банки государственные: дворянскій и крестьянскій.

И по изслѣдованіи дѣятельности земельныхъ банковъ намъ не удалось найти армянскихъ капиталистовъ.

Тѣ же выводы о слабомъ развитіи промышленности края и незначительности кредитныхъ сдѣлокъ подтверждаются и спеціальнымъ изслѣдованіямъ особенной канцеляріи по кредитной части о распредѣленіи фондовъ въ Россіи. Рѣчь идетъ только о государственныхъ и правительствомъ гарантированныхъ, кредитныхъ и % бумагахъ.

Всѣхъ денегъ на Кавказѣ (включая Закавказье)—332,683 рубля золотомъ и 23 милліона 435 тысячъ кредитными, тогда какъ, напримѣръ въ Московской губерніи $22^1/_2$ милліона золотомъ и 392 милліона кредитными бумагами.

Въ спискѣ двадцати пяти губерній, въ которыхъ наличность денегъ превышаетъ десять милліоновъ, мы находимъ изъ Кавказскихъ губерній и областей одну только Тифлисскую губернію — и то на двадцать третьемъ мѣстѣ.

Наконецъ, расходы по губерніямъ и областямъ Кавказа, какъ то значится въ «Русскомъ календарѣ г. Суворина», стр. 200, превышаетъ доходы на 10 милліоновъ.

IV.

Дѣйствительно ли армяне обучають дѣтей своихъ за границей, тщательно избѣгая учебныя заведенія?

Изъ отчета г. попечителя Кавказскаго учебнаго округа, за 1893 годъ, видно, что въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ округа армянъ—1,099 человѣкъ или 24,1% общаго количества учащихся; въ городскихъ училищахъ 2,046 или 26%. По количеству учащихся въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ армяне занимаютъ второе мѣсто среди другихъ народностей края.

Въ учительскомъ институтѣ и учительскихъ семинаріяхъ армянъ 42 человѣка — 13%.

Въ народныхъ училищахъ армянъ 4,974 человѣкъ, что составляютъ 7,8%; въ мореходныхъ классахъ 13,5%; въ морскихъ училищахъ 4,5%.

Въ частныхъ училищахъ армянъ 1,343 человѣкъ или 32,7%.

Въ женскихъ гимназіяхъ армянокъ 974 чел. или $18,_3$%; въ Маріинскихъ училищахъ 195 дѣвицъ, т.-е. $53,_7$%.

Въ учебныхъ заведеніяхъ различныхъ министерствъ и вѣдомствъ армянъ 242 мальч. и 116 дѣвицъ.

Кромѣ всѣхъ этихъ учебныхъ заведеній у армянъ для обученія своихъ единовѣрцевъ существуютъ еще слѣдующія: одна академія и три семинаріи, въ которыхъ обучаются 1,526 человѣкъ и армяно-грегоріанскія церковныя школы, въ которыхъ учатся 10,785 мальчиковъ и 5,281 дѣвочка, всего 16,066 человѣкъ.

Изъ всѣхъ этихъ цифръ возможно сдѣлать слѣдующіе выводы: въ краѣ нѣтъ открытаго учебнаго заведенія, въ какомъ бы министерствѣ или вѣдомствѣ таковое ни находилось, въ которомъ бы не было учащихся армянъ.

Всѣхъ учащихся армянъ на Кавказѣ 19,907 мальч. и 8,214 дѣвочекъ, всего 28,121, что составитъ по отношенію къ общей численности армянъ на Кавказѣ (985 тысячъ)—3,8%. Общій процентъ учащихся въ Европейской Россіи по отношенію къ населенію $2,_6$%. (Народ. 85,395,209; учащихся 2,268,363 чел.).

Выше мы привели статистическія данныя, удостовѣряющія, что среди армянъ лицъ принадлежащихъ къ кресьянскому сословію болѣе 95%; слѣдовательно, всякій достаточный армянинъ обучаетъ своихъ дѣтей и обучаетъ въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ края.

У насъ нѣтъ цифръ объ обучающихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, но судя по количеству кончающихъ курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ число это значительно.

Позволимъ себѣ указать и на то, что среди другихъ народностей, населяющихъ Кавказъ, армяне выдѣляются *особымъ стремленіемъ къ изученію* русскаго языка, какъ о томъ свидѣтельствуютъ таблицы свода статистическихъ данныхъ по Закавказью.

Въ заключеніе, вмѣсто выводовъ, приведемъ слова г. Эриванскаго губернатора, помѣщенныя въ отчетѣ по губерніи за 1894 годъ.

«Не всѣ части населенія относятся къ дѣлу образованія одинаково сочувственно. Въ этомъ отношеніи *пальма первенства*, не говоря о городскихъ жителяхъ, должна быть отдана армянскимъ сельскимъ обществамъ, которыя, при первой возможности, охотно открываютъ школы».

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ органахъ печати встрѣчались настойчивыя утвержденія, что административныя должности на Кавказѣ главнымъ образомъ заняты армянами, то мы на основаніи точныхъ оффиціальныхъ цыфръ, приведенныхъ въ № 11 «Русскихъ Вѣдомостей» этого года (см. ниже), считаемъ нужнымъ указать, что во всей Закавказской администраціи изъ 289 служащихъ, армянъ 31 человѣкъ, да и то занимающихъ преимущественно третьестепенныя мѣста; среди судебнаго персонала на 101 лицо — трое армянъ, что составитъ 3%; среди лицъ служащихъ въ отдѣленіяхъ государственнаго банка изъ 99 человѣкъ служащихъ 6 армянъ, изъ нихъ 6 помощниковъ бухгалтера.

Смѣемъ думать, что и это утвержденіе не было основано на намѣренномъ заблужденіи.

Въ заключеніе повторяя вкратцѣ тѣ выводы, къ которымъ мы по изслѣдованіи всѣхъ оффиціальныхъ данныхъ, пришли: армяне *преимущественно передъ другими народами Кавказа* могутъ претендовать на названіе *крестьянскаго земледѣльческаго народа,* такъ какъ крестьянинъ среди нихъ *свыше 95%* и главное занятіе ихъ хлѣбопашество; изъ проживающихъ въ городахъ *свыше 90%* занимаются *ремеслами* и такъ называемымъ *чернымъ трудомъ,* около десяти-двѣнадцати тысячъ занимаются мелочною торговлей и только немногіе, число которыхъ можетъ быть выражено сотнями, занимаются такъ называемой крупною торговлею, фабричной и заводской промышленностью. Нѣтъ однако никакой отрасли торговли, включая сюда и банковую дѣятельность, которую армяне захватили бы въ свои руки; число крупныхъ капиталистовъ среди армянъ на Кавказѣ ограничено нѣсколькими лицами. Въ стремленіи своемъ къ образованію армяне занимаютъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди всѣхъ остальныхъ народностей края.

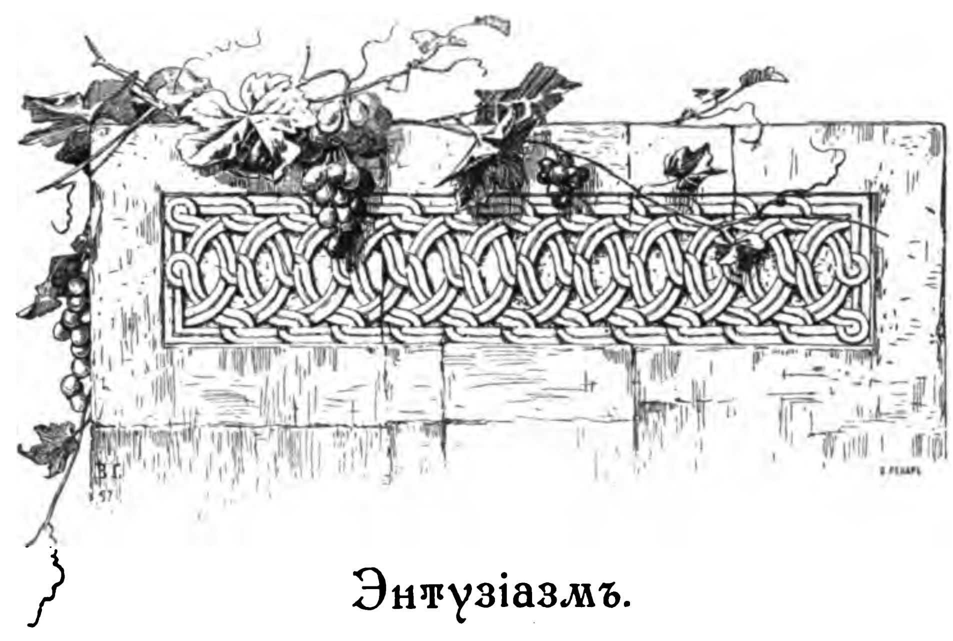
Вслѣдствіе историческихъ условій армяне легко уживаются со всѣми другими народностями (такъ, въ обслѣдованныхъ нами губерніяхъ и уѣздахъ нѣтъ почти селенія, въ которомъ бы вмѣстѣ съ ними не жили грузины, татары и проч.).

По вопросу о смѣшанныхъ бракахъ, хотя у насъ нѣтъ цифровыхъ данныхъ, но путемъ опроса лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ народностямъ и разнымъ классамъ общества, намъ удалось установить, что смѣшанные браки между армянами и православными (русскими и грузинами) — явленіе обычное въ Тифлисѣ и Тифлисской губерніи.

Вотъ намъ почему кажется, что и нынѣ обратившіеся къ постоянной защитницѣ своей—Россіи, армяне-изгнанники могутъ разсчитывать заняться своимъ обычнымъ промысломъ земледѣліемъ въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя были отведены ихъ единовѣрцамъ, по повелѣнію блаженной памяти Императора Николая I послѣ Турецкой войны 1829 года. Вотъ почему мы безбоязненно можемъ сказать этимъ трудолюбивымъ мученикамъ «добро пожаловать!». Пустующей земли въ Закавказьѣ довольно: такъ, въ Эриванской губерніи, по свѣдѣніямъ архиво-особаго межеваго присутствія, числится принадлежащихъ казенному вѣдомству 587,149 десятинъ.

27 января 1897 г.
Г. Москва.

А. Н. Сафонов



Энтузіазмъ.

из ъ «ORIENTALES» виктора Гюго.

За Грецію, друзья! на помощь къ ней! впередъ!
Довольно пролилъ крови мученикъ-народъ:
Кровь палачей пускай польется!
Туда! скорѣй туда! отмстить! освободить!...
Гдѣ каска? гдѣ мой мечъ? намъ надобно спѣшить.
Сѣдлать коня!... Какъ сердце бьется!...

* * *

Когда походъ? Сегодня.—Завтра—долгій срокъ.
Оружія! коней! въ Тулонъ — и на Востокъ!
Корабль сюда!... нѣтъ: лучше крылья!
Пусть нашихъ войскъ хоть клочья въ Грецію придутъ —
И тигры-турки вспять, какъ серны, побѣгутъ,
Въ сознаньи полнаго безсилья!

* * *

Веди насъ ты, Фавье, герой, будь намъ вождемъ!
Прими опасный постъ, ты смѣлъ, тебя мы ждемъ.
Владыкамъ—Греціи свобода
Недорога: они вмѣшаться не спѣшатъ,
Такъ силой въ руки ты возьми, простой солдатъ,
Судьбу злосчастнаго народа!

* * *

Эй, гдѣ вы тамъ? отъ сна очнитесь поскорѣй,
Французскіе мушкеты! гряньте-ка живѣй,
Мортиры, вы — оркестръ сраженій!

Эй, кони! пусть раздастся звонкій топотъ вашъ!
Пусть оросится кровью вражескій палашъ!
Пусть въ пуляхъ дышетъ смерти геній!

* * *

Хочу я видѣть бой и въ первомъ быть ряду;
Смотрѣть, какъ нашъ отрядъ въ воинственномъ чаду,
Самъ безпокойно ищетъ боя,
А конница враговъ, нахлынувъ, какъ потокъ,
Насъ топчетъ; какъ снимаетъ головы клинокъ
Дамасской стали...—Полно! что я!

* * *

Куда меня увлекъ воинственный порывъ?
Вѣдь я — простой поэтъ... въ моихъ устахъ призывъ
Къ войнѣ звучитъ необычайно.
Кто я? Мечтатель, тѣнь, листокъ съ родныхъ березъ
Оторванный; меня въ туманномъ морѣ грезъ
Волна къ волнѣ несетъ случайно.

* * *

Все будитъ мысль мою: цвѣтущія поля,
Лѣса, долины, горы. Листья шевеля,
Промчится-ль вѣтеръ съ легкимъ шумомъ,
Ужъ я на цѣлый день имъ занятъ. А когда
Сгустятся сумерки, на берегу пруда
Я отдаюсь любимымъ думамъ.

* * *

Съ небесъ въ зеркальный прудъ глядятся облака:
И медленно луна — какъ золото, ярка —
Изъ-за горы вдали всплываетъ, —
И счастливъ я, витая въ сферѣ мирныхъ грезъ,
И любо мнѣ, когда скрипитъ ночной обозъ
И песъ на фермѣ громколаетъ.

Иванъ-да-Марья.

Тифлисъ,
январь 1897 г.

Н. А. Бѣлоголовый *).

Графъ Мих. Тар. Лорисъ-Меликовъ

въ воспоминаніяхъ Н. А. Бѣлоголоваго.

1878—1888.

I.

Я въ первый разъ познакомился съ гр. Лорисъ-Меликовымъ **) весной 1878 г., будучи приглашенъ къ нему однажды, какъ врачъ.—Былъ у меня въ Петербургѣ старинный паціентъ и большой пріятель генералъ А. П. Богусловскій, начальникъ иррегулярныхъ войскъ, человѣкъ очень достойный, а потому я, не смотря на то, что былъ занятъ практикой по горло, всегда находилъ время, чтобы заѣхать къ нему разъ въ недѣлю. Его связывала

*) Фотографія снята съ горельефа, хранящагося у С. П. Бѣлоголовой.

**) Лорисъ Меликовъ, Михаилъ Таріеловичъ, графъ (1826 † 88) изъ армянъ Тифлисской губ. Въ 1843 г. выпущенъ изъ школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ въ лейбъ-гвард. Гродненскій полкъ. Съ 1843 г. состоялъ при главнокомандующемъ кавказ. корпусомъ кн. Воронцовѣ, участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ и получилъ золотую саблю „за храбрость". Послѣ паденія Карса въ 1855 г. былъ назначенъ начальникомъ Карсской

старинная дружба съ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ, завязавшаяся между ними въ бытность ихъ обоихъ на Кавказѣ, такъ что когда по окончаніи войны увѣнчанный лаврами и дотолѣ почти не извѣстный Лорисъ пріѣхалъ въ Петербургъ, то отъ Богуславскаго я тотчасъ же объ этомъ услыхалъ вмѣстѣ съ неистощимыми похвалами его уму и образованію, и едва ли прошло 2—3 недѣли послѣ этого пріѣзда, какъ онъ передалъ мнѣ желаніе Лориса посовѣтоваться со мной о своемъ здоровьи.

Лорисъ проживалъ тогда на небольшой квартирѣ на Сергіевской улицѣ въ домѣ Васильевой въ 3-мъ этажѣ; онъ встрѣтилъ меня очень дружелюбно и сразу очаровалъ своей простотою и въ то же время разносторонностью своего разговора. Ему было въ то время 54 года и онъ представлялъ человѣка средняго роста съ типичною физіономіею восточнаго человѣка, черные какъ смоль волосы и усы, черные, чрезвычайно выразительные съ бархатистой мягкостью глаза и непомѣрно длинный носъ; движенія быстры и граціозны, замѣчательно изящная какъ-бы женская рука. Медицинскій осмотръ мой занялъ большую часть визита, исторія болѣзни была длинная. Я его изслѣдовалъ и тутъ въ первый разъ пришелъ въ ужасъ оттого, до какой степени онъ баловалъ себя кутаньемъ; подъ мундиромъ онъ носилъ длинный шелковый и простеганный на ватѣ жилетъ и кромѣ того 2 или 3 толстыхъ фуфайки и, когда я сталъ раздѣвать, чтобы изслѣдовать его грудь, то онъ видимо уступилъ мнѣ въ этомъ очень неохотно, боясь простудиться. Легкія я нашелъ слабыми, затронутыми когда-то бывшимъ, но пріостановившимся интерстиціальнымъ процессомъ, въ данную минуту не имѣвшимъ ничего серьезнаго, и потому счелъ особенно необходимымъ успокоить графа, замѣтивъ въ немъ сильную наклонность къ преувеличенію своего болѣзненнаго состоянія. Моя аттестація его легкихъ видимо его успокоила. «Ну и прекрасно»,—сказалъ онъ,—«только бы поскорѣе вырваться изъ вашего адскаго Петербурга; тутъ не только климатъ не мой, а и всѣ свычаи и обычаи вашей столичной жизни; я, 25 лѣтъ сподрядъ проживши на Кавказѣ, привыкъ къ здоровой, правильной жизни, рано ложиться, рано вставать, ѣсть простую пищу и пить мое родное Кахетинское, которое не могутъ замѣнить никакія лучшія французскія вина. Здѣсь же я по неволѣ осужденъ таскаться по баламъ, обращать ночь въ день и начинять себя разными трудноваримыми деликатесами.

области; въ 1856 г. произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ начальникомъ южн. Дагестана, а въ 1863 г. — начальникомъ Терской области; въ 1865 г. пожалованъ ген.-адъютантомъ и назначенъ наказн. атаманомъ Терскаго казач. войска. Въ 1875 г. произведенъ въ ген. отъ кавалеріи и въ послѣднюю войну командовалъ дѣйствующимъ корпусомъ; въ концѣ апрѣля 1876 г, взялъ штурмомъ Ардаганъ, за что получилъ Георгія 3 ст. Послѣ неудачной битвы у Зевина долженъ былъ отступить въ ожиданіи подкрѣпленій; по прибытіи ихъ разбилъ Мухтаръ-пашу, за что получилъ Георгія 2 ст. Затѣмъ предпринялъ штурмъ Карса и за взятіе его былъ награжденъ Владиміромъ 1 ст. съ мечами. Въ 1878 г. Л. возведенъ въ графское достоинство; въ 1879 г. съ появленіемъ чумы въ Ветлянкѣ, назнач. астраханскимъ ген.-губернаторомъ; потомъ былъ харьковск. генералъ-губернаторомъ. Въ 1880 г. назначенъ начальникомъ верховной распорядительной комиссіи съ чрезвычайными полномочіями; въ августѣ того же года назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, при немъ случилось страшное событіе 1 марта 1881 года. 4 мая того же года, по разстроенному здоровью, Л. уволенъ отъ должности министра.

Сплю и вижу, какъ бы меня поскорѣе отпустили домой».—На этомъ мы и разстались, и я вынесъ изъ этого свиданія самое пріятное впечатлѣніе о Лорисъ Меликовѣ, какъ о человѣкѣ весьма умномъ, образованномъ и не зараженномъ напускною важностью и неестественною деревянностью, какія я привыкъ встрѣчать въ петербургскихъ сановникахъ.

Графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

II.

Слѣдующая встрѣча наша произошла въ 1884 году при совершенно иной обстановкѣ. За эти 6 лѣтъ для насъ обоихъ много утекло воды; не только въ судьбѣ графа, но и въ моей случилась капитальная перемѣна. Занимаясь не въ мѣру, т.-е. не по своимъ силамъ, практикою въ Петербургѣ, я къ концу 25-тилѣтія своей медицинской дѣятельности, вдругъ, что называется, надорвался, почувствовалъ ясные признаки мозговаго переутомленія и лѣтомъ 1879 года выѣхалъ за границу съ надеждою, что одного года отдыха отъ утомительной практики вполнѣ будетъ достаточно, чтобы меня освѣжить и снова подвинтить на работу.

Перемѣна, постигшая графа Лориса за эти шесть лѣтъ, была еще несравненно разительнѣе и, имѣя въ виду, что она болѣе или менѣе всѣмъ извѣстна, излагать ее было бы излишне. Онъ тоже съ 1881 года былъ не у дѣлъ и тоже съ расшатанными силами мыкался по лицу западной Европы, ища возстановленія ихъ. Никакъ нельзя сказать про него, чтобы онъ переносилъ охотно и легко свое выселеніе изъ Россіи и не старался избѣжать его; такъ, зиму 1883—1884 года онъ всю провелъ въ Петербургѣ, но уже въ началѣ ея, а именно въ декабрѣ, схватилъ какую-то лихорадочную инфекціонную болѣзнь, то ли тифъ, то ли возвратную горячку, и къ которой, какъ осложненіе, присоединилось подострое воспаленіе верхушки лѣваго легкаго, такъ что съ декабря по 20-ыя числа апрѣля пролежалъ въ постели и, съ наступленіемъ первыхъ весеннихъ дней, по совѣту проф. Боткина, прямо съ кровати былъ перевезенъ въ вагонъ Варшавской желѣзной дороги и отправленъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы на зиму переѣхать въ Ниццу *). Привожу этотъ фактъ, какъ доказательство,

*) Изъ дневника Бѣлоголоваго: „Лорисъ разсказалъ мнѣ, какъ онъ въ 1-й разъ выѣхалъ за границу въ 1867 г. изъ Крыма, куда выѣзжалъ съ Кавказа для представленія Царю, и только что получилъ генералъ-адъютантское званіе. По неопытности онъ поѣхалъ не въ статскомъ платьѣ, а въ военномъ, т.-е. въ вицъ-мундирѣ, безъ аксельбантовъ, но съ шифромъ А на плечахъ. Пріѣхавши въ первый для него заграничный городъ Краковъ утромъ, онъ остановился въ отелѣ и тотчасъ же спустился въ столовую, чтобы позавтракать, занялъ мѣсто на одномъ концѣ длиннаго стола и заказалъ себѣ котлетку. Кромѣ него—только на противоположномъ концѣ стола—сидѣло человѣкъ 8 офицеровъ, очевидно, мѣстнаго гарнизона, говорившихъ между собой на польскомъ языкѣ, котораго Лорисъ не зналъ. А въ этомъ году, послѣ исторіи покушенія Березовскаго, общественное мнѣніе въ Польшѣ было особенно сильно возбуждено противъ русскихъ. Когда Лорисъ занялъ свое мѣсто, то увидалъ, что офицера обратили на него большое вниманіе, что-то вполголоса поговорили между собою, а затѣмъ повели громкій разговоръ, и изъ непріязненныхъ взглядовъ, бросаемыхъ на него, вызывающаго хохота и замѣтнаго подчеркиванья фразъ Лорисъ понялъ, что разговоръ ведется если не про него, то во всякомъ случаѣ съ намѣреніемъ, чтобы онъ обратилъ на него вниманіе. Лорисъ силился схватить, въ чемъ дѣло и едва едва могъ понять, что они сначала трунили надъ бывшимъ съ ними тутъ же военнымъ врачемъ по поводу того, что онъ куда-то отлучился безъ разрѣшенія начальства на нѣсколько дней и грозили, что начальство, узнавши объ этомъ, сошлетъ его въ Сибирь, и вслѣдъ затѣмъ начались громкія остроты на счетъ Сибири, кнута, царя и т. п. — Лорисъ хотя и не понималъ соли этихъ шутокъ, но чувствовалъ, что онѣ направлены въ него и сталъ подумывать, какъ ему выдти съ честью изъ этого неловкаго положенія: встать и уйти тотчасъ же, не дождавшись заказанной котлетки, которую какъ на зло долго не несли, походило бы на бѣгство, притомъ проходить къ выходной двери ему нужно было мимо офицеровъ и тѣ могли его или освистать или сдѣлать ему какую-нибудь равносильную пакость, а потому онъ рѣшилъ, какъ покончитъ свою котлетку и расплатится, уходя, обратиться съ спокойною рѣчью на французскомъ языкѣ къ этой компаніи и вызвать старѣйшаго среди нея на дуэль. Покуда онъ обдумывалъ свою рѣчь, пришелъ еще какой-то пожилой и, вѣроятно, старшій штабъ-офицеръ и занялъ въ кругу присутствующихъ предсѣдательское мѣсто; товарищи тотчасъ же ему, должно быть, сообщили о предметѣ своей бесѣды; но онъ, какъ болѣе опытный человѣкъ, внимательно осмотрѣлъ Лориса и его мундиръ и что-то вполголоса и внушительно сказалъ товарищамъ,—и шутки тотчасъ же прекратились. А когда черезъ нѣсколько времени Лорисъ, съѣвши наконецъ свою котлету, направился мимо компаніи къ выходу, готовый дать отпоръ всякому новому оскорбленію, онъ съ удивленіемъ услыхалъ сначала, какъ загремѣли стулья, и съ неменьшимъ удивленіемъ увидалъ, что вся компанія выстроилась и почтительно поклонилась ему при его проходѣ“.

что графъ проживалъ за границей вслѣдствіе своего разстроеннаго здоровья, а никакъ не по доброй волѣ, какъ это утверждали многіе, упрекавшіе его въ абсентеизмѣ,—и почти навѣрное можно сказать, что только благодатный климатъ юга позволилъ ему протянуть свою жизнь на нѣсколько лишнихъ лѣтъ; оставайся онъ въ Петербургѣ,—его раньше не было бы въ живыхъ.

Вотъ послѣ этого-то его выѣзда въ 1884 году изъ Петербурга, я съ женой, въ іюнѣ, тоже попалъ въ Висбаденъ съ тѣмъ, чтобы прожить тамъ лѣто и начало осени до переселенія въ Ментону, мѣсто моей тогдашней зимовки. Просматривая однажды листокъ для пріѣзжихъ я увидѣлъ въ числѣ русскихъ фамилій—фамилію графа Лориса и зашелъ къ нему, чтобы возобновить наше знакомство. Жилъ онъ далеко отъ меня, на противоположномъ концѣ города, занимая небольшую меблированную квартиру, содержимую петербургской нѣмкой Франкъ, и отъ нея же пользовался столомъ; вся обстановка жизни была на холостую ногу; при немъ находился только его русскій лакей, а вся семья проводила лѣто въ Гомбургѣ, въ полутора часахъ ѣзды по желѣзной дорогѣ отъ Висбадена, и графиня съ дочерьми изрѣдка пріѣзжала навѣстить мужа. Принялъ онъ меня очень привѣтливо, какъ стараго знакомаго, и съ этого же свиданія между нами установились сразу самыя искреннія и дружескія отношенія, чему, вѣроятно, не мало способствовало нѣкоторое сходство въ нашемъ подневольномъ скитаніи вдали отъ родины, хотя я и чувствую очевидное преувеличеніе, приравнивая мою скромную дѣятельность и незамѣтное существованіе къ такому видному кораблю, какимъ былъ гр. Лорисъ. Помню, что онъ меня встрѣтилъ словами: «я слышалъ, что вы очень скучаете, я тоже; давайте, составимъ, какъ говоритъ Шекспиръ, одно горе: вдвоемъ намъ и скучать будетъ веселѣе»; и затѣмъ съ устъ его полилась такая искренняя, скорбная рѣчь о своей безцѣльной, праздной жизни въ настоящемъ, такая откровенная исповѣдь своихъ промаховъ и ошибокъ въ прошломъ, что разстояніе, отдѣлявшее насъ, тотчасъ же рушилось, и я увидалъ передъ собой не царедворца, не важную персону, а обыкновеннаго человѣка, безъ всякой драпировки и фразъ, въ его неподдѣльной натурѣ, близко родственной мнѣ по духу, и почувствовалъ къ нему неодолимое влеченіе. Теперь, когда графа уже нѣтъ въ живыхъ, и я не разъ задавалъ себѣ вопросъ, какъ могла завязаться такая дружеская короткость, полная молодаго увлеченія, между двумя пожилыми людьми съ столь противоположными темпераментами, между графомъ съ его южной, живой и экспансивной натурой и мною, сыномъ ледяной Сибири, замкнутымъ и несообщительнымъ, между веселымъ и остроумнымъ аѳиняниномъ и суровымъ аскетическимъ спартанцемъ? я долженъ признать безъ всякаго самоуничиженія, что въ данномъ случаѣ Кавказъ покорилъ Сибирь, а не наоборотъ, и что весь дѣятельный починъ въ установкѣ правды и естественности между нами долженъ быть цѣликомъ отнесенъ къ графу. Не могу знать, чѣмъ онъ дорожилъ во мнѣ; я же въ немъ, помимо разносторонняго и пріятнаго ума, высоко цѣнилъ его человѣчность, его горячую вѣру въ прогрессъ, его простоту и честность въ отношеніяхъ. Несмотря на его типичную армянскую внѣшность въ внутреннемъ его складѣ не было ничего инородческаго; говорилъ онъ превосходнымъ русскимъ языкомъ съ печатью литературной обработки, хотя нерѣдко уснащивалъ его

разными простонародными поговорками, въ родѣ, наприм., «тара-бара, крута гора»; «мели Емеля, твоя недѣля», и т. п., за русской литературой онъ слѣдилъ съ большою любовью, до послѣдняго времени удерживалъ въ памяти множество стиховъ Пушкина, Лермонтова, Некрасова и др. и нерѣдко цитировалъ ихъ въ разговорѣ, любилъ также проводить остроумныя изреченія Салтыкова, котораго былъ большимъ поклонникомъ. Хотя онъ и горячо любилъ свою кавказскую родину, но любовь эта была отодвинута на второй планъ въ его сердцѣ, первое же мѣсто въ немъ занимала Россія, какъ цѣлое, и графа смѣло можно было назвать русскимъ патріотомъ въ лучшемъ значеніи слова. Ничѣмъ не отличаясь отъ русскаго образованнаго человѣка, онъ лишенъ былъ одного изъ крупныхъ національныхъ недостатковъ его, а именно, въ немъ не было того мелочнаго самолюбія, которое безпрестанно у насъ приводитъ къ тому, что умные и въ сущности совсѣмъ единомышленные люди легко готовы изъ-за самаго пустого слова или ничтожнаго пререкательства разсориться, сдѣлаться чуть не вѣчными и непримиримыми врагами и пожертвовать, такимъ образомъ, интересами коллективнаго блага—пустой личной обидѣ самому мелкому недоразумѣнію. Графъ же отличался, напротивъ, терпимостью къ чужимъ мнѣніямъ, не былъ мелочно обидчивъ и, не считая себя непогрѣшимымъ, всегда спокойно и внимательно выслушивалъ возраженія; это, вѣроятно, и дало поводъ обвинять его характеръ въ чрезмѣрной гибкости, податливости и даже въ азіатской хитрости, что было, по моему мнѣнію, совершенно несправедливо, ибо, охотно выслушивая всякія мнѣнія, онъ оставался на рѣдкость устойчивъ въ своихъ основныхъ убѣжденіяхъ и его нельзя было сбить съ нихъ. Терпимость же къ постороннимъ и часто враждебнымъ ему взглядамъ, напротивъ, служила лучшимъ признакомъ той ширины ума, которая и дѣлала изъ него истиннаго государственнаго человѣка, преслѣдующаго главную намѣченную имъ государственную цѣль, не позволяя отвлекать себя отъ нея никакими второстепенными препятствіями и меньше всего уколами личнаго самолюбія. По политическимъ своимъ убѣжденіямъ—это былъ умѣренный постепеновецъ, который не мечталъ ни о какихъ коренныхъ переворотахъ въ государственномъ строѣ и признавалъ ихъ положительно пагубными въ неподготовленныхъ обществахъ, но, непоколебимо вѣруя въ прогрессъ человѣчества и въ необходимость для Россіи примкнуть къ его благамъ, крѣпко стоялъ на томъ, что правительству необходимо самому поощрять постепенное развитіе общества и руководить имъ въ этомъ направленіи. Поэтому онъ былъ за возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія и за привлеченіе выборныхъ отъ общества къ обсужденію законодательныхъ вопросовъ въ качествѣ совѣщательныхъ членовъ. Дальше этого его реформативные идеалы не шли и они, съ точки зрѣнія западнаго европейца, едва ли могутъ быть названы иначе, какъ весьма скромными и узкими; у насъ же реакціонная печать нашла ихъ чуть не революціонными и, окрестивъ ихъ названіемъ лже-либеральныхъ, осыпала графа глумленіемъ, стараясь выставить его чуть не врагомъ отечества. Нельзя не добавить, что ко всѣмъ этимъ преслѣдованіямъ и клеветамъ самъ онъ относился очень благодушно и незлобиво и однажды выразился по этому поводу такъ: «далась же имъ эта дикта-

тура сердца! и неужели Катковъ серьезно думаетъ меня уязвить такой лестной кличкой, которой, на самомъ дѣлѣ, я могу лишь гордиться и особенно въ такое жесткое и злобствующее время, какъ наше? да вѣдь я бы почелъ для себя самой величайшей почестью и наградой, если бы на моемъ могильномъ памятникѣ вмѣсто всякихъ эпитафій помѣстили только одну эту кличку».

Черезъ день послѣ моего перваго посѣщенія графъ заѣхалъ ко мнѣ на квартиру, познакомился съ моей женой и высказалъ снова такое искреннее желаніе сойтись покороче, что мы стали видаться довольно часто. Въ это лѣто себя онъ чувствовалъ настолько порядочно, что всякій день выѣзжалъ, и обыкновенно выйдя изъ экипажа, прохаживался нѣкоторое пространство пѣшкомъ. Положеніе его тогда было еще не выяснено и трудно было считать его окончательно сошедшимъ со сцены, а потому знакомствомъ его дорожили, и онъ рѣдко бывалъ дома одинъ; въ Висбаденѣ проживало много русскихъ и большинство изъ нихъ, время отъ времени, навѣщало его, а изъ старыхъ знакомыхъ не мало было такихъ, которые заѣзжали въ Висбаденъ нарочно для свиданья съ нимъ. Лѣчившіеся въ этотъ сезонъ въ Висбаденѣ датскій и греческій короли и пріѣзжавшій къ нимъ въ гости принцъ уэльскій также побывали у него; не разъ встрѣчалъ я въ его кабинетѣ принца нассаускаго Николая и супругу его— графиню Моренбергъ, дочь поэта Пушкина.

Для общей характеристики взглядовъ графа Михаила Таріеловича, могу повторить только сказанное уже мною раньше о его политическихъ убѣжденіяхъ относительно благоустроенія Россіи и развѣ прибавить, что и въ обсужденіяхъ западно-европейской политики онъ всегда оставался на точкѣ зрѣнія послѣдовательнаго либерала, строго убѣжденнаго защитника органическаго прогресса, съ одинаковымъ несочувствіемъ относившагося ко всѣмъ явленіямъ, задерживающимъ нормальный ростъ и правильное развитіе народовъ, съ какой бы стороны эти явленія ни обнаруживались, со стороны-ли нетерпѣливыхъ радикальныхъ теоретиковъ, спѣшившихъ приложить принципы, выработанные работой передовыхъ кабинетныхъ мыслителей, къ государственной жизни, или со стороны представителей реакціи, не пренебрегающихъ никакими мѣрами, чтобы искусственно задержать пробуждающееся самосознаніе народныхъ массъ, вмѣсто того, чтобы открыть ему правильные пути для его послѣдовательнаго развитія.

Политическихъ споровъ между нами не возникало, такъ какъ мы мало расходились въ основныхъ убѣжденіяхъ, а если иногда и встрѣчались разногласія въ мелочахъ, то графъ, не терпѣвшій мелочныхъ и праздныхъ препирательствъ, обыкновенно первый же старался прекратить ихъ миролюбивымъ образомъ. Кромѣ разсужденій о политикѣ, онъ любилъ также передавать разные эпизоды изъ всего имъ пережитаго, слышаннаго или читаннаго, много сообщалъ о Кавказѣ, не только о современномъ по своимъ личнымъ впечатлѣніямъ, но и изъ прежней его исторіи, почерпнутой имъ изъ источниковъ печатныхъ и не печатныхъ. Разсказчикъ онъ былъ увлекательный, умѣлъ схватить выдающуюся сторону передаваемаго и представить такъ рельефно и обстоятельно, что, слушая его, казалось, читаешь интересно написанную книгу; при его богатой памяти,

запасъ этихъ разсказовъ былъ до того не истощимъ, что рѣдкій день я уходилъ отъ него, не выслушавъ чего нибудь новаго, оригинальнаго.

III.

Всѣ, попадавшіеся мнѣ на глаза, біографическія замѣтки о графѣ Лорисѣ рожденіе его относятъ къ 1826 году, а въ Conversations Lexicon Брокгауза, гдѣ помѣщена сжатая, но въ общихъ чертахъ вѣрная, біографія его, даже прямо указано, что онъ родился 1-го января 1826 г., а между тѣмъ въ годъ своей смерти графъ считалъ себя близкимъ къ 64 годамъ, такъ что, если только онъ самъ не ошибался, то, значитъ, онъ родился никакъ не въ 1826 г., а въ 1825 или даже 1824 году. Отецъ его, происходя изъ стариннаго рода армянскихъ дворянъ, занимался торговлею и имѣлъ небольшое, но обезпеченное состояніе; сыновей у него было двое,—и, будучи человѣкомъ мало образованнымъ, онъ самъ едва ли бы додумался до мысли дать имъ лучшее образованіе, если бы случай не свелъ его близко съ молодымъ горнымъ офицеромъ Вас. Вас. Клейменовымъ которому удалось уговорить Лориса отца не жалѣть денегъ и дать мальчикамъ европейское образованіе. Приглашенъ былъ опытный наставникъ, и такъ какъ мальчики обладали прекрасными способностями (меньшій братъ графа кончилъ отлично курсъ юридическихъ наукъ въ училищѣ правовѣденія, очень успѣшно служилъ на Кавказѣ по гражданской части, но умеръ еще въ молодыхъ лѣтахъ), то ученье пошло удачно впередъ и когда Михаилу исполнилось 11—12 лѣтъ, отецъ, сдавъ его на руки двумъ армянскимъ купцамъ, ѣхавшимъ по торговымъ дѣламъ въ Москву, поручилъ помѣстить его въ тамошній Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ. Тяжело было мальчику разставаться съ родными и съ роднымъ привольемъ и ѣхать въ такую сѣверную даль и къ чужимъ людямъ; онъ сильно горевалъ, а дорогой его тоска дошла до того, что у него родилась мысль убѣжать съ пути домой; въ подкладку его платья мать передъ отъѣздомъ зашила 20 рублей мелкой новенькой монетой, отчеканенной въ Тифлисѣ, гдѣ въ тѣ времена существовалъ монетный дворъ, и на этотъ-то собственный капиталъ онъ и задумалъ добраться до дому. Планъ свой онъ привелъ въ исполненіе и съ одной изъ станцій Воронежской губерніи убѣжалъ обратно по столбовой дорогѣ, тайкомъ отъ своихъ спутниковъ, но они его нагнали на 6-й верстѣ и снова засадили въ тарантасъ.

Въ Лазаревскомъ институтѣ Лорисъ учился очень хорошо и долженъ былъ поступилъ впослѣдствіи въ Московскій университетъ, но, будучи большимъ шалуномъ, до окончанія институтскаго курса попался въ шалости, имѣвшей на всю его будущность рѣшающее значеніе и вынудившей его перемѣнить мирную ученую карьеру на военную. Учитель-технологъ, говоря на урокѣ о различныхъ клеяхъ, познакомилъ учениковъ съ составомъ какого-то особенно имъ рекомендуемаго клея; Лорисъ, приготовивъ по данному рецепту этотъ клей, придумалъ для испытанія его достоинства намазать имъ сидѣнье стула на каѳедрѣ передъ началомъ урока одного изъ нелюбимыхъ учителей; ничего неподозрѣвавшій учи-

тель сѣлъ, а когда хотѣлъ встать, то оказался до того приросшимъ къ мѣсту, что сбѣжавшееся начальство насилу могло его отклеить; пошло дознаніе, и когда добрались до виноватаго, то рѣшено было исключить Лориса изъ Института и немедленно же отправить назадъ къ родителямъ на Кавказъ, и, благодаря лишь заступничеству вліятельныхъ армянъ, начальство смилостивилось и, удаливъ мальчика изъ института, позволило ему для продолженія образованія переѣхать въ Петербургъ, гдѣ онъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и такимъ непредвидѣннымъ образомъ превратился въ воина.

Здѣсь потекла для него та сѣрая и мало говорившая ему жизнь, какою отличалось воспитаніе тогдашнихъ военныхъ школъ, т.-е. онъ весь отдался изученію николаевской выправки, верховой ѣздѣ, мало или вовсе не заботясь о расширеніи умственныхъ своихъ познаній и, по мѣрѣ возбужденія, посвящая свои досуги кутежамъ съ товарищами, и за весь этотъ періодъ жизни Лориса трудно было бы привести что нибудь выдающееся, если бы не было его знакомства съ поэтомъ Некрасовымъ. Знакомство это относится къ 1841 или, еще вѣрнѣе, къ 1842 году, т.-е къ тому темному періоду существованія поэта, когда онъ изыскивалъ всякія средства, чтобы не быть затертымъ нищетой и безвѣстностью. Крайне нуждавшійся Некрасовъ пріютился тогда у нѣкоего профессора Беницкаго, имѣвшаго у себя нѣсколько воспитанниковъ для приготовленія въ разныя петербургскія школы; юнкеръ Лорисъ, посѣщая одного изъ этихъ пансіонеровъ, познакомился тутъ же и съ Некрасовымъ. Любовь Лориса къ литературѣ, которая такъ гуманизировала его, не взирая на суровую и боевую его обстановку на Кавказѣ, отчасти навѣяна знакомствомъ съ Некрасовымъ.

Служба Лориса въ мѣстѣ расположенія лейбъ-гвардіи Гродненскаго гусарскаго полка, куда онъ былъ выпущенъ изъ школы, ничѣмъ не отличалась отъ обычной офицерской службы того времени у продолжалась до 1847 года, когда онъ перечислился на Кавказъ состоять при намѣстникѣ, князѣ Воронцовѣ. Кавказъ свой онъ чрезвычайно любилъ, но именно какъ нераздѣльную часть Россіи, и много разъ я слыхалъ его жалобы на то, что русское общество, вслѣдствіе присущей ему апатіи, не сдѣлаетъ рѣшительно ничего, чтобы тѣснѣе привязать эту богатую окраину къ Россіи. Не могу привести его подлинныхъ выраженій, но приблизительно онъ выражалъ свой взглядъ на эти отношенія такимъ образомъ: «Правительство сдѣлало все, что могло, оно силой оружія закрѣпило Кавказъ за имперіею, но чтобы присоединеніе это обратилось въ прочную, неразрывную связь, необходимо культурное вліяніе, нужно, чтобы русскіе люди и капиталы устремились въ этотъ благодатный край и устраивались въ немъ землевладѣльцами, промышленниками, фабрикантами. Сколько разъ твердилъ я объ этомъ московскимъ купцамъ и тузамъ; слушаютъ, соглашаются во всемъ, а сами не двигаются съ своихъ крѣпко насиженныхъ мѣстъ, между тѣмъ иностранцы льнутъ къ непочатымъ богатствамъ Кавказа, какъ мухи къ меду, снуютъ вездѣ, заключаютъ съ жителями какіе-то долгосрочные контракты и понемногу все захватываютъ въ свои руки. До сихъ поръ въ Закавказскихъ губерніяхъ почти нѣтъ русскихъ собственниковъ, владѣюшихъ городскими и сельскими имуществами, — и это обстоятельство не разъ вызывало удивленіе даже въ ино-

странной печати, за то въ этихъ губерніяхъ имѣется множество бековъ и агаларовъ изъ мусульманъ, обладающихъ превосходными землями, которыя они весьма плохо обрабатываютъ и готовы сейчасъ продать за безцѣнокъ; влеченія къ сельскому хозяйству они не имѣютъ, занимаются почти исключительно покровительствомъ ворамъ и разбойникамъ и тѣмъ больше всего мѣшаютъ водворенію порядка и безопасности. На Кавказѣ давно признано, что исламъ не уживается съ современною цивилизаціею, наши юридическія и нравственныя понятія идутъ часто въ разрѣзъ съ магометанскимъ вѣроученіемъ, такъ, напримѣръ, лжесвидѣтельствованіе считается у насъ преступнымъ, по понятіямъ же мусульманина скрыть преступленіе и дать ложное показаніе въ пользу единовѣрца есть дѣло богоугодное. Вотъ почему особенно желательно, чтобы землевладѣльцы христіане постепенною скупкою земель вытѣсняли поскорѣе этихъ крупныхъ собственниковъ бековъ и уравновѣшивали тѣмъ преобладанія христіанскаго элемента надъ магометанскими, именно желательно, чтобы вытѣсненіе совершалось не насильственно и не правительственными мѣрами, а миролюбивымъ образомъ и собственнымъ починомъ предпріимчивыхъ членовъ русскаго общества. И надо спѣшить съ этимъ, время не терпитъ, и наше положеніе на Кавказѣ остается подверженнымъ разнымъ непредвидѣннымъ случайностямъ».

Добавлю со словъ самого графа, что переѣздъ на Кавказъ послужилъ счастливой перемѣной для его самообразованія и для примѣненія его способностей къ практической дѣятельности. Намѣстники — князь Воронцовъ, а послѣ него графъ Муравьевъ-Карсскій—отличили эти способности молодого человѣка и стали давать ему сложныя и трудныя порученія, которыя отвлекли Лориса отъ пустой и свѣтской жизни и пробудили интересъ къ болѣе живымъ и развивающимъ умъ вопросамъ. Кромѣ того у него былъ въ Тифлисѣ двоюродный братъ—докторъ Ю. Ѳ. Ахвердовъ, человѣкъ весьма образованный и серьезный, отъ котораго тоже не ускользнули богатые задатки натуры Лориса, и онъ настойчиво сталъ уговаривать его больше читать, чтобы расширить свой умственный горизонтъ. Докторъ имѣлъ свою отборную библіотеку, и въ числѣ первыхъ книгъ, предложенныхъ имъ для прочтенія, были «Мемуары Альфьери», и Лорисъ съ признательностію вспоминалъ, какое сильное впечатлѣніе произвели на него эти «Мемуары», какъ съ тѣхъ поръ онъ пристрастился къ книгамъ и сталъ почерпать изъ нихъ и болѣе осмысленный взглядъ на жизнь, и самое чистое наслажденіе. Съ этимъ вмѣстѣ и служебная карьера Лориса шла быстро впередъ, и война 1854—1855 годовъ застала его уже съ такой прекрасной репутаціей, что по сдачѣ Карса ему поручена была трудная должность коменданта Карсской крѣпости. Передъ началомъ войны онъ былъ помолвленъ съ княжной Ниной Ивановной Аргутинской-Долгорукой и теперь изъ Карса выпросилъ себѣ 2-хъ недѣльный отпускъ, обвѣнчался и вернулся на свое комендантство съ молодой женой. Дѣтей отъ этого брака осталось пятеро.

IV.

Лѣто 1887 г. графъ провелъ въ Веве. Иногда на графа передъ отъѣздомъ находили мрачныя думы о томъ, что онъ постепенно дѣлается хилѣе и слабѣе и что онъ можетъ не пережить зимы; тогда я, замѣтивъ, какъ успокоительно дѣйствуютъ па него мои увѣренія въ противномъ, начиналъ трунить надъ его страхомъ, сводить все на ипохондрію и т. п. Помню, какъ послѣ одного изъ такихъ разговоровъ онъ сказалъ съ шутливымъ отчаяніемъ: «ну, есть ли на свѣтѣ болѣе несчастный человѣкъ, чѣмъ я, и котораго бы болѣе преслѣдовала людская несправедливость? И будучи на верху карьеры и почестей, я ничѣмъ не воспользовался отъ государства, и остался по-прежнему съ весьма, какъ вы знаете, ограниченными средствами; русскіе же газеты недавно распространили извѣстіе, что я покупаю обширное помѣстье за границей; я имѣю претензію на репутацію хорошаго полководца, потому что одержалъ нѣсколько побѣдъ, велъ цѣлую военную кампанію и взялъ крѣпость Карсъ, которую считали неприступной, а вотъ Османъ-бей оспариваетъ мои военныя заслуги и увѣряетъ, что Карсъ взялъ вовсе не я, а онъ—Османъ-бей; наконецъ, я жалуюсь, что я боленъ и страдаю, а вы, мой Брутъ, и въ этомъ не хотите мнѣ вѣрить и обзываете меня ипохондрикомъ".

Однако, въ общемъ итогѣ, графъ остался очень доволенъ своимъ Вевейскимъ пребываніемъ и въ 20-хъ числахъ сентября 1887 г., въ сравнительно бодромъ видѣ, пустился въ обратный путь въ Ниццу. Зима тамъ вышла не изъ удачныхъ по причинѣ дождей и необычныхъ холодовъ.

Лѣто 1888 г. тоже провелъ въ Веве. Однако, я находилъ, что въ этотъ пріѣздъ онъ охотнѣе отдается воспоминаніямъ о прошломъ и не съ прежнимъ увлеченіемъ занимается текущими событіями, хотя и продолжаетъ читать множество газетъ; онъ и самъ неоднократно высказывалъ, что сталъ гораздо равнодушнѣе ко всему происходящему и объяснялъ это тѣмъ, что настоящія теченія, такъ ярко и опредѣленно вырисовывающіяся въ европейской жизни, этотъ періодъ отступленія вспять ему крайне несимпатичны, и что онъ совсѣмъ разочаровался въ скорой перемѣнѣ къ лучшему, до которой ему, навѣрное, не дожить*). Какъ иностранный врачъ, по законамъ Швейцаріи, я не имѣлъ права лѣчить графа, а потому долженъ былъ для соблюденія формальности передать его одному изъ туземныхъ врачей, на что графъ, отлично понимая необходимость такой передачи, безпрекословно согласился съ условіемъ, чтобъ я руководилъ лѣченіемъ и чтобы безъ моего согласія не предпринимались никакая врачебная мѣра.

---

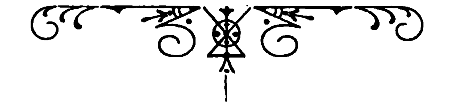
*) Бѣлоголовый пишетъ въ своемъ дневникѣ: Вообще послѣднее лѣто я наблюдалъ замѣтное пониженіе интереса въ Лорисѣ ко всему, что происходитъ въ Россіи, и онъ самъ это чувствовалъ. Помню я ему сказалъ разъ: вотъ съ улучшеніемъ курса надо думать, иныче выѣдетъ за границу больше профессоровъ, журналистовъ, интеллиаентовъ; хоршо бы, если бы кто-нибудь попалъ и въ наши края и въ живой рѣчи познакомилъ насъ съ тѣмъ, что у насъ творится за кулисами печатной жизни, какія теченія въ обществ. мнѣніи. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „а я, вѣрьте моему слову, никого, даже и интеллигентовъ нашихъ видѣть не желаю, потому что во мнѣ совсѣмъ пропалъ интересъ къ нашему болоту, и въ этомъ между мною и вами большая разница".

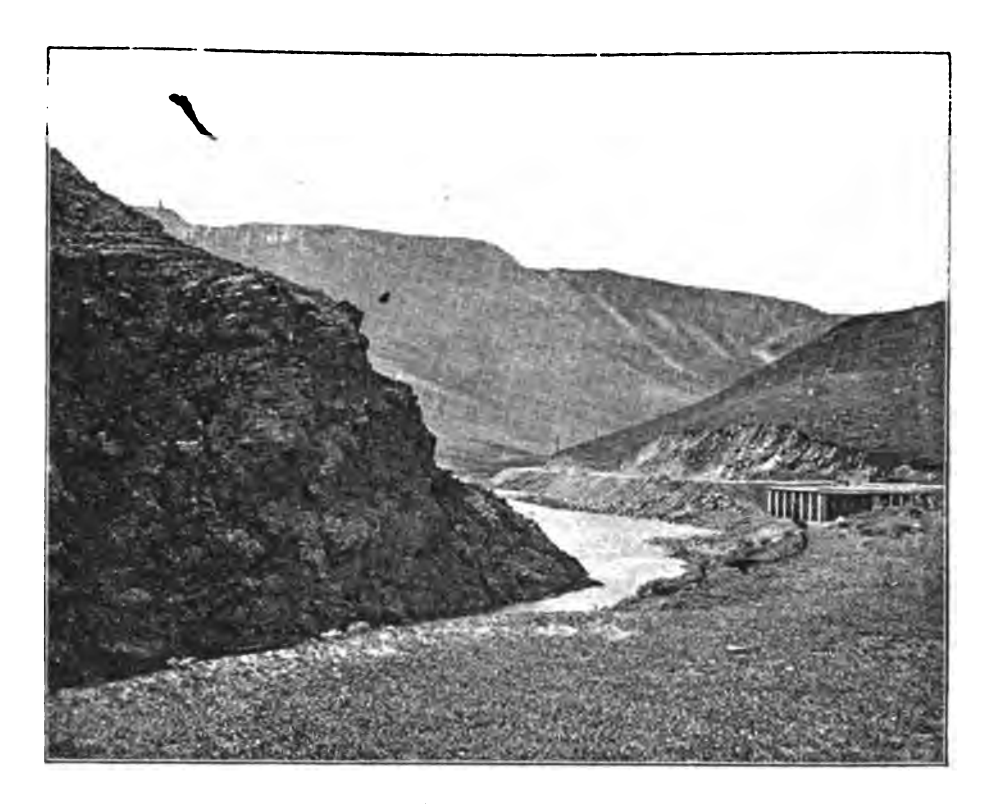
Такъ дѣло и уладилось, но и при этихъ условіяхъ мое руководительство оставалось больше номинальнымъ и очень меня мучило: не смотря на довѣріе графа ко мнѣ, я никакъ не могъ уговорить его хоть разъ дать себя изслѣдовать фундаментально, чтобъ опредѣлить истинное состояніе его внутреннихъ органовъ.

На зиму Лорисъ переѣхалъ въ Ниццу. Изъ дошедшихъ до меня впослѣдствіи подробностей о предсмертной болѣзни графа знаю только, что онъ слегъ въ постель $^{5}/_{17}$-го декабря, по причинѣ усиленія кашля и появленія лихорадочнаго состоянія, очень страдалъ отъ безсонныхъ ночей и силы его быстро падали; встревоженная семья уговорила его призвать на консультацію нѣмецкаго врача, состоявшаго при виртембергскомъ королѣ, зимовавшемъ въ Ниццѣ, но было поздно. Консультація состоялась въ 4 часу дня $^{12}/_{14}$ декабря, за 5 часовъ до смерти, и графъ даже въ эти послѣдніе часы своей жизни остался вѣренъ своей антипатіи къ медицинскимъ осмотрамъ; напрасно докторъ-консультантъ склонялъ его допустить къ изслѣдованію груди, графъ отвѣчалъ: „не сегодня, любезный докторъ, а завтра, если только буду живъ; если же нѣтъ....“ и онъ пожалъ плечами. А въ 8 ч. 40 мин. того же вечера для него наступилъ вѣчный покой, къ которому онъ перешелъ въ полномъ сознаніи.

Россія лишилась въ лицѣ его одного изъ даровитѣйшихъ, безкорыстнѣйшихъ своихъ сыновъ и можно лишь искренно и не въ оскорбленіе живущимъ пожелать ей побольше такихъ!

Можетъ быть, многіе изъ безстрастныхъ читателей этихъ страницъ найдутъ, что онѣ написаны въ слишкомъ хвалебномъ тонѣ и спросятъ меня: «да неужели же графъ не имѣлъ никакихъ недостатковъ?»—Несомнѣнно имѣлъ, отвѣчу я; на то онъ и былъ человѣкъ съ нервами, плотью и кровью, а потому ничто человѣческое ему не было чуждо, но прошу помнить что я даю не характеристику графа, а только свои личныя воспоминанія о немъ,—въ моихъ же личныхъ впечатлѣніяхъ его мелкіе недостатки и слабости съ избыткомъ вознаграждались его богатыми достоинствами, и не столько поражалъ въ немъ его обширный, свѣтлый умъ, сколько благожелательное сердце, которое въ этомъ 60-лѣтнемъ старцѣ, не смотря на точившую его медленно болѣзнь и пережитыя превратности, не зачерствѣло и сохранило горячую вѣру къ человѣчеству и чисто-юношескую чуткость къ появленіямъ всего честнаго и благороднаго въ окружающей жизни. Какимъ онъ остался въ моей памяти, такимъ я и старался передать его здѣсь, насколько съумѣлъ.





Карсское ущелье.

Штурмъ Карса.

(Справка къ 6-му ноября 1897 г.).

Въ «*Русскомъ Инвалидѣ*» 1897 г. напечатаны были чрезвычайно интересныя «Воспоминанія адъютанта» о штурмѣ Карса въ ночь съ 5 на 6 ноября 1877 года. «Грандіозность такого событія, говоритъ авторъ, какъ штурмъ Карса, отошедшаго уже давно въ область историческую, побуждаетъ невольно вспомнить о немъ въ день двадцатилѣтія. Событіе это безпримѣрно не только въ лѣтописяхъ нашей военной исторіи, но и въ исторіи всѣхъ народовъ. Никогда и нигдѣ до сихъ поръ не штурмовали ночью такой крѣпости. А крѣпость эта была поистинѣ могущественна. Въ ней природа тѣсно сплотилась съ искусствомъ; четырнадцать отдѣльныхъ фортовъ и батарей при 303 орудіяхъ съ 20,000 гарнизономъ составляли грозную силу, противъ которой мы имѣли всего 35 бат., 48 эск. и сот. и 138 орудій; соединительныя траншеи, волчьи ямы, фугасы дополняли силу долговременныхъ построекъ, возведенныхъ, кстати сказать, англійскими и нѣмецкими инженерами.

«Ночной штурмъ Карса былъ рѣшенъ на военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Августѣйшаго главнокомандующаго. «Трудно было выбрать болѣе счастливую ночь, какъ знаменитая ночь съ 5 на 6 ноября 1877 года (со вторника на среду). Подморозило. Грунтъ сталъ сухой, твердый, тишина глубокая—

полное безвѣтріе; луна взошла почти съ началомъ ночи, около 6 ч. вечера; свѣтъ ея былъ мягкій, какъ бы ласкающій, привѣтливый; предметы можно было различить шаговъ на 150—200. Крѣпость скрывалась отъ нашихъ глазъ. Только слегка были видны очертанія высотъ, что, однако, служило большимъ подспорьемъ при движеніи. У насъ велась энергичная подготовка къ штурму, спокойно, но съ увѣренностью въ успѣхѣ. Чувствовалось какое-то оживленіе. На лицахъ людей можно было прочесть особый подъемъ духа, точно они ждали именно этой ночи. Колонны строились въ полномъ порядкѣ, ни шума, ни разговора, ни обычныхъ привѣтствій начальства, но всѣмъ было понятно, что надо дѣлать. Вполголоса офицеры поясняли, кому, куда надо идти. Диспозиція была проста и опредѣленна, цѣли поставлены точно. Главная атака была назначена противъ равнинныхъ укрѣпленій, съ юго-востока противъ Хафисъ-паша, Канлы и Сувари. На всѣхъ остальныхъ пунктахъ приказано было демонстрировать. Внезапность ставилась главнымъ условіемъ успѣха...

«Весь отрядъ былъ раздѣленъ на семь колоннъ и главный резервъ. Кавалерія была разбита на три группы для наблюденія за дорогами на Ардаганъ и Эрзерумъ и для содѣйствія пѣхотѣ. Артиллерія хотя и была придана пѣхотѣ, но частью была оставлена на мѣстахъ сосредоточенія колоннъ, а частью шла за демонстрирующими колоннами. Группировка силъ была такова: на главную атаку было назначено 13,454 штыковъ (въ составѣ 4 колоннъ и общаго къ нимъ резерва), на демонстраціи 11,278 штыковъ (въ составѣ 3 колоннъ) и на главный резервъ 1,640 штыковъ. Вся тяжесть дѣла лежала на пѣхотѣ. Приказано было идти возможно скрытнѣе, безъ выстрѣла и прямо въ штыки. Такъ это и исполнено было войсками генерала Лазарева (см. ниже), на котораго была возложена главная атака фортовъ Хафисъ, Канлы и Сувари. Въ другихъ демонстрирующихъ колоннахъ по сближеніи съ противникомъ на дѣйствительный выстрѣлъ открывался огонь.

«Со стороны турокъ въ названныхъ трехъ укрѣпленіяхъ было 1,400 штыковъ, 500 спѣшенной кавалеріи (въ укрѣпленіи Сувари), 143 артиллериста и 52 орудія; прочія войска были распредѣлены по остальнымъ укрѣпленіямъ (300 до 900 ч. пѣхоты въ каждомъ, причемъ въ общемъ резервѣ было 4,450 ч. пѣхоты и 6 орудій); резервъ былъ расположенъ позади городскихъ равнинныхъ укрѣпленій.

«Корпусный командиръ принялъ на себя главное руководство штурмомъ. Онъ со своимъ штабомъ выбралъ мѣсто впереди дер. Верх. Караджуранъ, въ $1^1/_2$—2 верстахъ отъ укрѣпленія Канлы. Къ 8 часамъ онъ уже былъ у Верх. Караджурана, гдѣ объѣхалъ выстроенныя для штурма войска. Ровно въ 8 часовъ войска двинулись въ густыхъ, резервныхъ колоннахъ, имѣя впереди себя цѣпи охотниковъ съ проводниками. Картина была величественная! Грозная, могучая сила двинулась съ рѣшимостью побѣдить или умереть. Участники безсмертнаго штурма говорили, что генералъ Лазаревъ, передъ началомъ движенія, обратился къ солдатамъ съ краткою, но внушительною рѣчью, смыслъ которой почти буквально выражался такъ: «Намъ надо идти прямо, я буду съ вами, отступленія нѣтъ». Тутъ все

---

[1]) Генералъ-адъютантъ (впослѣдствіи графъ) М. Т. Лорисъ-Меликовъ (см. выше).

сказано. Солдаты знали своего начальника, шли съ нимъ увѣренно и, конечно, объ отступленіи не могли думать.

«Черезъ 15—20 минутъ колонна генералъ-майора графа Граббе (3 бат. перновцевъ, 1 бат. севастопольцевъ и 1-й Кавказскій стрѣлковый баталіонъ) и колонна полковника Вождакина (3 бат. севастопольцевъ и 2 бат. имеретинцевъ), назначенныя для атаки укрѣпленія Канлы, скрылись изъ глазъ. Только слышны были звуки отъ стройнаго движенія людей въ ногу... Скоро все стихло. Наступили минуты томительнаго, тяжелаго ожиданія. Приблизительно черезъ полчаса раздались кое-гдѣ ружейные выстрѣлы; то стрѣляли, очевидно, турки. Черезъ нѣсколько минутъ грянулъ одинъ, за нимъ другой, третій артиллерійскій выстрѣлъ... Ясно, что турки успѣли встрѣтить наши войска; ясно стало, что не обойдется дѣло безъ кровавой, жестокой схватки. Скоро стали доноситься до насъ глухіе крики съ укрѣпленія Хафисъ. Крики эти раздавались все сильнѣе и сильнѣе. Мы различали свое русское, богатырское «ура»; съ нимъ смѣшивалось что-то неясное. Очевидно идетъ рѣзня въ Хафисѣ. Безъ выстрѣла, безъ остановки, согласно точному приказанію, войска наши ворвались въ Хафисъ. Тѣмъ временемъ вниманіе наше было обращено на Канлы. Чѣмъ-то зловѣщимъ вѣяло оттуда. Криковъ не было слышно, лишь поминутно раздавались орудійные выстрѣлы. Безпокойство за успѣхъ дѣла невольно стало закрадываться въ душу. А тутъ, часовъ около 10, получено было тяжелое извѣстіе, что графъ Граббе убитъ. Это былъ любимый всѣми генералъ, на котораго постоянно возлагались самыя серьезныя порученія. У многихъ появились слезы на глазахъ при печальной вѣсти о гибели нашего героя. Его замѣнилъ командиръ перновскаго полка, полковникъ Бѣлинскій. Полетѣли отъ корпуснаго командира ординарцы къ Канламъ, чтобы узнать о положеніи дѣла. Донесенія были неутѣшительны. Канлы сопротивляются упорно, войска наши залегли во рвахъ, подвинуться не могутъ, нужны подкрѣпленія. Полковникъ Вождакинъ, начальникъ правой колонны, штурмовавшей Канлы, былъ контуженъ. Войска его также не могли преодолѣть сопротивленіе турокъ. Былъ посланъ полковникъ Бульмерингъ принять начальство надъ обѣими колоннами графа Граббе и полковника Вождакина. Вѣсти изъ подъ Канловъ продолжали получаться все неутѣшительныя. Убитъ командиръ перновскаго полка, полковникъ Бѣлинскій. Тѣмъ временемъ, однако, всѣ укрѣпленія грознаго форта уже были взяты. Турки заперлись въ казематированной казармѣ, служившей редюитомъ форта. Только съ разсвѣтомъ удалось, наконецъ, уговорить ихъ сдаться въ плѣнъ. Переговоры длились, по крайней мѣрѣ, часа три. Наши солдаты со своими ружьями ничего не могли подѣлать и только смотрѣли на казарму, лежа на скатѣ брустверовъ. Довольно было бы одного орудія, чтобы сразу заставить турокъ положить оружіе. Но орудія не было. Наконецъ, оно явилось, но почему-то было втащено на крышу казармы. Конечно, оно ничего не сдѣлало.

«Пока дѣла наши подъ Канлами шли неувѣренно, одновременно съ печальными оттуда вѣстями стали поступать утѣшительныя донесенія о ходѣ дѣлъ подъ Хафисомъ и Карадагомъ. Мы сами видѣли и слышали, что дѣлалось на Хафисѣ. Послѣ громкихъ криковъ «ура» и «алла», сливавшихся въ какой-то вой голосовъ, наступило непонятное для насъ затишье. Взоры всѣхъ искали въ воз-

духѣ условленныхъ ракетъ—сигнала о взятіи форта. Но ракетъ не было, значитъ и тамъ дѣла были плохи, думали мы. Но не прошло и полчаса, какъ было получено радостное извѣстіе около 11 часовъ, что Хафисъ въ нашихъ рукахъ. Теперь стало ясно, почему огни ружей и орудій и шумъ голосовъ прекратились. Теперь вниманіе было обращено на огни и стрѣльбу по направленію къ Карадагу, этому грозному форту, противъ котораго мы напрасно боролись еще въ іюнѣ, Фортъ Карадагъ, вмѣстѣ съ фортомъ Арабъ, составлялъ ключъ всей крѣпости. При вѣсти о взятіи Карадага корпусный командиръ, въ присутствіи многихъ лицъ, выразилъ *увѣренность*, что теперь крѣпость въ нашихъ рукахъ. Могло ли это быть, сказать трудно, но голосъ этотъ благотворно отразился на состояніи духа каждаго, слѣдящаго за великой битвой, происходившей при необычайной обстановкѣ.

«Все это произошло около 12 ч. ночи. Ясно было видно, что всѣ низменныя укрѣпленія (Сувари, Канлы и Хафисъ) и нагорный Карадагъ замолчали. Видѣли это и защитники Карса. Они немедленно стали обстрѣливать потерянные ими форты. Было нѣсколько попытокъ вырвать изъ нашихъ рукъ Канлы, гдѣ все еще держался мужественно гарнизонъ въ казармѣ. Но всѣ эти попытки были энергично отбиты. Пѣхота уже вся была израсходована. За то кавалерія князя Чавчавадзе во время подоспѣла на выручку; она частью, спѣшилась и пошла на штурмъ Канлы, а частью въ конномъ строю распространилась въ тылу этого форта и тѣмъ много содѣйствовала втятію его. Какъ было упомянуто, на разсвѣтѣ сдался весь гарнизонъ Канлы.

«Тѣмъ не менѣе, всѣ наши резервы были истощены. Даже послѣдній баталіонъ екатеринославцевъ, находившійся при главной квартирѣ главнокомандующаго, было предположено притянуть къ Канламъ. Между тѣмъ, всѣ нагорныя укрѣпленія еще держались; держался и Арабъ, сосѣдъ Карадага. Только съ паденіемъ этого послѣдняго форта можно было смѣло сказать, что крѣпость въ нашихъ рукахъ. Едва стало разсвѣтать, какъ появились огоньки на Арабѣ; прошло не болѣе полчаса и Арабъ замолчалъ. Скоро оттуда было получено донесеніе, что абхазцы и гурійцы, изъ колоны генерала Шатилова, во главѣ съ генералъ-майоромъ Рыдзевскимъ, овладѣли этимъ фортомъ. Побѣда стала несомнѣнной. Не только начальство, старшіе офицеры, но и молодежь ясно видѣли, что Карсъ палъ съ потерею Карадага и Араба. Турки даже не дѣлали попытокъ возвратить Арабъ: такъ неожиданно и стремительно былъ нанесенъ имъ ударъ. Все-таки нагорные форты лѣваго берега рѣки Карсъ-чая продолжали стрѣльбу. Укрѣпленіе Чимъ, расположенное въ городѣ, едва замѣтивъ группу всадниковъ, составлявшихъ свиту корпуснаго командира, очень удачно стало обстрѣливать ее. Правда, потерь не было, лишь была подбита одна казачья лошадь.

«Намъ не было видно, что дѣлалось въ теченіе ночи въ лѣвобережныхъ нагорныхъ укрѣпленіяхъ Карса. Только Тохмасъ всю ночь велъ чрезвычайно жаркую стрѣльбу. По временамъ обрисовывались ясно кроны брустверовъ его сплошною линіею огня, точно во время иллюминаціи. То и дѣло летали въ воздухѣ свѣтящіяся ядра, не разъ смущавшія насъ сходствомъ съ ракетами. Громъ орудій былъ оглушительный. Къ счастью, ночь почти совсѣмъ мѣшала туркамъ

пристрѣливаться, они стрѣляли наудачу. Издали было видно, что столь безумная стрѣльба вызывалась, безъ сомнѣнія, рѣшительными дѣйствіями войскъ генералъ-майора Комарова, назначеннаго атаковать Чимъ. Послѣ полуночи мы узнали, что часть его войскъ увлеклась преслѣдованіемъ турокъ, вышедшихъ изъ Тохмаса къ сторонѣ Чима на выручку Сувари. Преслѣдуя уходящихъ въ Тохмасъ турокъ, пятигорцы, во главѣ съ командиромъ полка, полковникомъ Бучкіевымъ, дошли до Тохмаса и спустились въ ровъ. Но здѣсь они встрѣтили непреодолимую преграду въ видѣ каменныхъ эскарповъ, при чемъ были поражаемы какъ ружейнымъ огнемъ, такъ и ручными гранатами и даже каменьями. Храбрый полковникъ Бучкіевъ былъ убитъ во рву. Ничего не оставалось, какъ отступить,—тѣмъ болѣе, что со стороны ростовцевъ не было дано своевременной поддержки. О штурмѣ Тохмаса не было даже и предположенія. По силѣ верковъ и по естественнымъ преградамъ этотъ фортъ справедливо считался однимъ изъ сильныхъ фортовъ всей крѣпости. Атака тохмасскихъ укрѣпленій въ 1855 году повела къ страшной потерѣ около $7^1/_4$ тысячъ. Понеся большія потери подъ Тохмасомъ, колонна генерала Комарова не въ состояніи была ничего предпринять противъ Чима. Тѣмъ не менѣе, атака Тохмаса несомнѣнно принесла существенную пользу. Она, по всей рѣшительности и смѣлости, могла показаться туркамъ за главную, дѣйствительную нашу атаку, а слѣдовательно, могла притянуть къ себѣ и резервы ихъ. Такою же рѣшительностью отличалась атака колонны полковника Черемисинова, назначеннаго демонстрировать противъ западнаго укрѣпленія Лазъ-тепеси, на Шорахскихъ высотахъ. Здѣсь несвижцы добрались даже до главнаго вала укрѣпленія. Комендантъ крѣпости, бывшій передъ тѣмъ за фортомъ Хафисъ, гдѣ находился и главный резервъ, переѣхалъ къ Лазъ-тепеси и рѣшительной атакой несвижцевъ былъ введенъ въ заблужденіе. Онъ протянулъ сюда почти всѣ свои резервы, т.-е. какъ разъ въ сторону, противоположную нашей главной атакѣ. Объ этомъ мы узнали только на другой день, когда штурмъ кончился. Несомнѣнно, что рѣшительныя демонстраціи генерала Комарова, задержавшаго на мѣстѣ защитниковъ Тохмаса, и полковника Черемисинова, притянувшаго на себя резервы турокъ, чрезвычайно облегчили главную атаку на юго-восточные форты Карса. Этимъ только можно объяснить, что мы безнаказанно держались болѣе трехъ часовъ въ Канлахъ, гдѣ въ казармѣ держались турки отъ 1 часа до разсвѣта. Будь резервы турокъ вблизи Хафиса, какъ это было въ началѣ штурма, дѣло могло бы принять для насъ опасный оборотъ.

«Съ паденіемъ Арабъ-табіэ палъ и Карсъ. Это было на разсвѣтѣ. Всѣ нагорныя укрѣпленія лѣваго берега Карсъ-чая замолчали. Чимъ, правда, еще сдѣлалъ нѣсколько безполезныхъ выстрѣловъ по направленію свиты корпуснаго командира, но тѣмъ и закончилъ свою дѣятельность. Уже стало совсѣмъ свѣтло, когда мы, стоя въ $1—1^1/_2$ верстѣ отъ Канловъ, увидѣли разрывы снарядовъ около укрѣпленія Тохмасъ и слышали глухіе орудійные выстрѣлы. Легко было догадаться, что эти выстрѣлы шли изъ отряда генералъ-лейтенанта Роопа. Скоро было получено отъ него донесеніе, что турки въ большомъ числѣ вышли изъ Карса и направляются къ Саганлугу. Въ трубу ясно были видны толпы турокъ, безпорядочно удалявшихся отъ крѣпости.

«Корпусный командиръ отдалъ находившимся подъ рукою казакамъ приказаніе: «загнать плетьми» бѣглецовъ. Дѣйствительно, бѣгство турокъ было такъ энергично и въ то же время такъ безпорядочно, что другого приказанія и не могло быть. Въ трубу можно было наблюдать, какъ казаки буквально загоняли тысячныя толпы бѣглецовъ по направленію къ нашему лагерю у Веронъкале. Можно сказать, что изъ турецкой пѣхоты никто не избѣжалъ плѣна. Что касается кавалеріи, то часть ея успѣла проскользнуть по дорогамъ къ Саганлугу. Въ числѣ наиболѣе бойкихъ бѣглецовъ оказался и самъ комендантъ съ ближайшей свитой, пробравшійся по дорогѣ къ г. Олты. Какъ разсказывали, онъ покинулъ крѣпость раннимъ утромъ, чѣмъ положилъ начало общему бѣгству турокъ изъ всѣхъ лѣвобережныхъ нагорныхъ укрѣпленій. Оставалась только городская цитадель, которая съ разсвѣтомъ дала нѣсколько выстрѣловъ, но вскорѣ замолчала. Взять ее было поручено генераломъ Лазаревымъ полковнику Бауму, командиру 3-го сапернаго баталіона. Въ свою очередь полковникъ Баумъ приказалъ исполнить эту задачу майору Владикавказскаго полка Урбанскому. Майоръ Урбанскій со своимъ 4-мъ баталіономъ подошелъ къ цитадели, изъ которой было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ. Едва наши солдаты принялись выламывать ворота, какъ комендантъ цитадели, начальникъ карской артиллеріи полковникъ Гусейнъ-бей, сдалъ ее безъ боя. Этимъ закончился блестящій, безпримѣрный въ исторіи, безсмертный штурмъ Карса...

«Корпусный командиръ со всей свитой около 8 час. утра поѣхалъ съ докладомъ къ Его Императорскому Высочеству главнокомандующему, а въ 10-мъ часу онъ уже въѣзжалъ въ Карсъ. Трудно описать воодушевляющія тогда насъ чувства! Это было торжество духа, характера, рѣшимости и образцовыхъ распоряженій, торжество беззавѣтной доблести нашего богатыря-солдата. Корпусный командиръ былъ встрѣченъ депутаціею старѣйшинъ города, духовенствомъ и старшими офицерами-плѣнными. Въ числѣ ихъ находился и Гусейнъ-бей. На замѣчаніе корпуснаго командира, что лучше было бы сдать крѣпость безъ боя и избѣжать кровопролитія, Гусейнъ-бей отвѣтилъ: «Такую крѣпость, какъ Карсъ, нельзя было сдать безъ боя». Дѣйствительно, стоило только поближе взглянуть на эти твердыни, гдѣ природа и искусство соперничали другъ съ другомъ, чтобы невольно подумать, что только чудомъ однимъ, да богатырскою грудью можно брать подобныя крѣпости. Гусейнъ-бей принадлежалъ къ числу наиболѣе дѣятельныхъ и храбрыхъ защитниковъ Карса. Мы его знали еще по первой нашей блокадѣ въ іюнѣ. Его опытныя распоряженія не мало затрудняли тогда наши дѣйствія. Первое его желаніе было—это увидѣть нашего начальника артиллеріи полковника Коханова. Оба соперника тотчасъ познакомились и вмѣстѣ въѣзжали въ Карсъ. Гусейнъ-бей не скрывалъ, что онъ почти ежедневно слѣдилъ за полковникомъ Кохановымъ и не разъ направлялъ въ него сосредоточенный огонь съ укрѣпленій. Прежніе враги теперь стали друзьями.

«7 ноября состоялся торжественный въѣздъ въ крѣпость Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго, а 8, въ день тезоименитства Его Высочества, былъ парадъ всѣмъ войскамъ отряда, между укрѣпленіями Канлы и Хафисъ. Видѣть наши войска, черезъ день послѣ штурма на поляхъ, гдѣ еще не остыла кровь, гдѣ на каждомъ шагу оставались слѣды упорной битвы, было

достаточно для того, чтобы сказать, что для нихъ нѣтъ невозможнаго. На привѣтъ и поздравленіе любимаго Августѣйшаго главнокомандующаго раздавались такіе громовые отвѣты, какихъ едва ли удастся намъ болѣе услыхать. Особенною же торжественностью, оставившею неизгладимое впечатлѣніе, отличалась та незабвенная минута, когда Его Высочество, вынувъ шашку и обратясь къ войскамъ, скомандовалъ: *«слушай, на краулъ», корпусному командиру «ура»* и затѣмъ отсалютовалъ генералъ-адъютанту Лорисъ-Меликову. На такой привѣтъ раздались неудержимые, восторженные крики «ура» нашихъ богатырей, долго несмолкавшіе и далеко раздававшіеся по городу. Въ то же время гулъ салюта изъ взятыхъ нами орудій довершалъ величественность картины...

«Потери наши составляли: убитыхъ 1 генералъ (графъ Граббе), 17 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 470 нижнихъ чиновъ; раненыхъ 1 генералъ, 58 штабъ- и оберъ-офицеровъ и 1,726 нижнихъ чиновъ. Со стороны турокъ убитыхъ и похороненныхъ въ Карсѣ до 3,000; число раненыхъ опредѣлить не представлялось возможнымъ, такъ какъ многіе изъ нихъ разошлись по домамъ. Взято въ плѣнъ до 9,000, въ томъ числѣ 5 пашей и 800 офицеровъ. Трофеи составляли: 303 орудія, много ружей, лагери, продовольственные запасы и другое имущество.

«Значеніе побѣды въ ночь съ 5 на 6 ноября понятно безъ объясненій. Мы стали хозяевами цѣлаго пашалыка, нынѣшней области, открыли прямой путь къ Эрзеруму, усилили блокадный эрзерумскій корпусъ, облегчили положеніе Ріонскаго отряда и, что всего важнѣе, повліяли на духъ противника не только въ Азіи, но и въ Европѣ. До сихъ поръ даже многіе не вѣрятъ, что Карсъ взятъ нами безъ подкупа: такъ велико было впечатлѣніе могучаго, богатырскаго удара.

Честь и слава героямъ Карса!»

Стѣны Ани.

И. Д. Лазаревъ.

Генералъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ[1]).

Въ ряду кавказскихъ дѣятелей еще недавняго прошлаго времени имя Ивана Давыдовича Лазарева принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ именъ, на которыхъ будущія поколѣнія остановятся съ невольнымъ удивленіемъ и глубокимъ сочувствіемъ. Это былъ рѣдкій самородокъ, блестящій, крупный талантъ, который повсюду, гдѣ бы онъ ни былъ, оставлялъ послѣ себя славную память. Вступая на военное поприще 20-тилѣтнимъ юношей, Лаза-

[1]) Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ родился въ 1820 г. Въ молодости Лазаревъ былъ мастеровымъ въ Шушѣ; въ 1839 г. онъ поступилъ на службу и за военныя отличія былъ награжденъ въ 1842 г. офицерскимъ чиномъ. Лазаревъ принималъ участіе во многихъ Кавказскихъ экспедиціяхъ, а въ 1850 г. назначенъ управляющимъ Мехтулинскимъ ханствомъ: въ 1859 г. онъ командовалъ войсками въ Дагестанѣ и управлялъ Даргинскимъ округомъ; въ 1866 г., произведенный въ генералъ-майоры, снова учасвтовалъ во многихъ экспедиціяхъ противъ горцевъ; въ 1866 г. назначенъ начальникомъ 21 пѣхотной дивизіи. Въ 1877 г. съ открытіемъ русско-турецкой войны Лазаревъ былъ назначенъ начальникомъ занятыхъ областей, а впослѣдствіи принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ; въ 1878 г. назначенъ командиромъ 2-го кавказскаго корпуса, а въ 1879 г.—командиромъ отряда, отправлявшагося въ туркменскую степь; въ приготовленіи къ этому походу Лазаревъ умеръ (1879 г.).

ревъ не имѣлъ за собою ни знатнаго имени, ни богатства, ни связей, и между тѣмъ быстро достигъ высокихъ ступеней почета и славы. Его необыкновенный умъ и колоссальныя способности, предъ которыми невольно преклонялись— вотъ единственные двигатели его по пути блестящей служебной карьеры. Люди подобнаго типа—рѣдкость; и даже въ старой кавказской арміи, дававшей такой широкій просторъ развитію личности, ихъ было не много. Для будущей исторіи нашего края жизнь Ивана Давыдовича Лазарева представляетъ богатый и всесторонній матеріалъ, потому что онъ занималъ одинаково высокое мѣсто, какъ среди побѣдоносныхъ русскихъ вождей, такъ и среди умныхъ и дѣятельныхъ администраторовъ края, популярность которыхъ широко распространялась и въ войскахъ и въ народахъ Кавказа. Для послѣднихъ слово его было закономъ. Въ этомъ умѣніи нравственно вліять на самыя разнообразныя человѣческія натуры и примѣняться ко всѣмъ условіямъ жизни и быта различныхъ народностей и заключалась вся его сила и его значеніе.

Изъ бѣдной семьи карабагскихъ армянъ, проживавшей въ Шушѣ, Лазаревъ поступилъ на службу рядовымъ въ знаментый Ширванскій пѣхотный полкъ, который Ермоловъ называлъ десятымъ римскимъ легіономъ; тамъ онъ получилъ солдатскій георгіевскій крестъ, потомъ (въ 1842 г.,) произведенъ былъ въ офицеры и командовалъ 5-ю мушкетерскою ротой. Никакой особенной будущности, повидимому, ему не предстояло: онъ былъ добрый любимый товарищъ, хорошій боевой офицеръ—и только. Никто не подозрѣвалъ въ немъ задатковъ настоящихъ военныхъ талантовъ, никто не предвидѣлъ того блестящаго мѣста, которое онъ займетъ въ исторіи Кавказа и соединитъ свое имя съ именами Гуниба и Карса. Нуженъ былъ случай,—и случай явился.

Это было въ 1848 году во время возмущенія Самурскаго округа. Ахты, съ своимъ трехротнымъ гарнизономъ, обложенные десятитысячнымъ скопищемъ самого Шамиля, уже бились въ предсмертной агоніи, когда на выручку къ нимъ явился князь М. З. Аргутинскій *) съ войсками Дагестанскаго отряда, но путь къ Ахтамъ былъ прегражденъ громадными завалами, вѣнчавшими собою крутыя Мискинджинскія высоты. Ихъ нужно было взять штурмомъ,— и князь Аргутинскій приказалъ тремъ батальонамъ ширванцевъ итти на приступъ. Двѣнадцать тысячъ горцевъ, предводимыхъ лучшими наибами Шамиля, приготовились встрѣтить эту горсть, которая шла или спасти товарищей, погибавшихъ въ Ахтахъ, или погибнуть самой. Подъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля медленно подвигались впередъ батальоны полка, взбираясь на крутую возвышенность. 1-й батальонъ шелъ въ центрѣ. Онъ уклонился, однако, нѣсколько отъ своего направленія, принялъ слишкомъ вправо и попалъ подъ страшный перекрестный огонь флангового укрѣпленія. Тогда онъ принялъ еще правѣе, и неожиданно столкнулся съ 3-мъ батальономъ, прижавъ его къ самому обрыву, висѣвшему надъ бурнымъ Самуромъ. Произошло минутное замѣшательство. Чтобы, поправить дѣло, Лазаревъ схватилъ 7-ю роту и первый бросился съ нею къ зава-

*) Кн. М. Аргутинскій-Долгорукій, знаменитый кавказскій герой, завоеватель Дагестана, и основатель гор. Темиръ-Хан-Шуры, гдѣ ему и поставленъ памятникъ. (см. Настольн. Энциклоп. Словарь).

ламъ. Онъ упалъ израненый у самого подножія ихъ,—но путь уже былъ указанъ и ширванцы, оправившись, быстро овладѣли завалами. Ахты были спасены.

Когда Аргутинскій поднялся на горы вмѣстѣ съ своею свитой, онъ увидѣлъ Лазарева, сидѣвшаго на завалѣ и облитаго кровью; мужественная и колоссальная фигура его, казалось, изнемогла подъ бременемъ страданій, и его поддерживали двое ширванцевъ. Онъ былъ безъ сознанія, и только машинально снималъ и надѣвалъ свою огромную папаху. Аргутинскій впервые обратилъ тогда вниманіе на этого храбраго офицера, и поручилъ его особой заботливости медиковъ, которые констатировали три тяжелыя раны въ голову, въ шею и въ плечо. Лазаревъ лѣчился въ Ахтинскомъ укрѣпленіи и, благодаря своей богатырской натурѣ, скоро сталъ поправляться. Между тѣмъ князь Аргутинскій, не разъ посѣщавшій его во время болѣзни, скоро замѣтилъ его недюженныя способности и рѣшилъ употребить ихъ съ большею пользой для края, чѣмъ въ узкой и тѣсной сферѣ, которую представляла дѣятельность строевого офицера. Онъ приблизилъ его къ себѣ и сталъ давать ему различныя порученія. Лазаревъ исполнялъ ихъ съ такою талантливостью, съ такимъ знаніемъ страны, жизни, обычаевъ и даже домашняго быта горцевъ, что скоро пріобрѣлъ себѣ полное довѣріе князя Аргутинскаго, и черезъ два года послѣ Мискинджинскаго штурма является уже на крупномъ и отвѣтственномъ посту правителя Мехтулинскаго ханства. Съ этихъ поръ и начинается та громадная популярность его среди дагестанскихъ горцевъ, которая служила спутникомъ всей его жизни и вмѣстѣ съ нимъ сошла въ преждевременную его могилу.

Назначеніе правителемъ Мехтулы потребовало отъ Лазарева не однихъ административныхъ, но и военныхъ способностей, такъ какъ боевая и гражданская жизнь страны не имѣла между собой никакихъ разграниченій. И Лазаревъ соединявшій съ геркулесовскою внѣшностью необычайную храбрость, спокойствіе въ опасностяхъ и находчивость съ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, оказался именно такимъ человѣкомъ, какого требовали тогдашнія обстоятельства края. Суровый, иногда до жестокости, но честный и справедливый ко всѣмъ безъ различія сословіямъ, онъ быстро водворилъ порядокъ, спокойствіе и безопасность не только внутри волновавшагося тогда Мехтулинскаго ханства, но оградилъ извнѣ границы его и отъ нападенія хищническихъ партій. При своей проницательности и глубокомъ пониманіи характера горцевъ, онъ зналъ все, что затѣвается нашими сосѣдями, и часто, не имѣя у себя регулярныхъ войскъ, съ одною милиціей громилъ аварскія и кайсубулинскія шайки, которыя пытались вторгаться въ наши предѣлы. Скоро имя его сдѣлалось грозою и пугаломъ въ сосѣднихъ немирныхъ аулахъ.

На ряду съ его боевою извѣстностью, съ каждымъ днемъ все шире и шире росла и его популярность, какъ правителя края, державшаго твердою рукой вѣсы правосудія и не склонявшаго ихъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Чтобы еще больше облегчить свои сношенія съ туземнымъ населеніемъ и обходиться безъ переводчиковъ, которыхъ онъ ненавидѣлъ, Лазаревъ въ короткое время въ совершенствѣ изучилъ татарскій языкъ, общій всѣмъ народамъ Кавказа, и съ этого времени его можно было видѣть всегда окруженнаго толпою горцевъ, при-

ходившихъ къ нему для бесѣдъ или совѣщаній. У него не было пріемныхъ часовъ; его двери стояли открытыми настежъ, и каждый смѣло входилъ къ нему съ своими нуждами или жалобами. Онъ былъ въ высокой степени доступенъ, но умѣлъ сохранять гордый начальническій тонъ, не допускавшій фамильярности и шутокъ, которыя въ глазахъ азіатцевъ уничтожаютъ достоинства начальника. Молва о немъ дошла, наконецъ, до самого Шамиля, и та крупная роль, которую пришлось играть Ивану Давыдовичу при сдачѣ послѣдняго имама на неприступномъ утесѣ Гуниба—одна уже показываетъ достаточно, какимъ громаднымъ значеніемъ пользовался онъ среди непокорныхъ горцевъ.

Гунибъ!.. Сколько съ этимъ словомъ соединяется воспоминаній для старыхъ кавказцевъ!.. Гунибъ—это конецъ мюридизма, финалъ кровавой драмы, тридцать семь лѣтъ наполнявшей трущобы Дагестана непрерывнымъ громомъ войны и звукомъ оружія. Здѣсь, на Гунибѣ, сказано было послѣднее слово кавказскихъ имамовъ,—слово, стряхнувшее наконецъ съ народовъ тяжелую цѣпь мюридизма. Гунибъ—это могила газавата, также какъ бѣдная кюринская деревня Ярагъ была его родиной, а Гимры—его колыбелью.

Тѣснимый со всѣхъ сторонъ нашими войсками, Шамиль вынужденъ былъ, наконецъ, искать послѣдняго убѣжища на небольшомъ пространствѣ земли, еще принадлежавшей непокорному намъ андаляльскому обществу. Здѣсь съ четырьмя стами мюридовъ, до конца оставшимися вѣрными своему имаму, онъ занялъ неприступный Гунибъ, отдѣльную громадную скалу, поднимающуюся болѣе чѣмъ на семь съ половиною тысячъ футъ надъ уровнемъ океана.

10 августа 1859 года русскія войска обложили Гунибъ. Попытка начать переговоры съ Шамилемъ не привела ни къ чему. «Да совершится воля Аллаха — отвѣчалъ онъ на всѣ предложенія:—Гунибъ—гора высокая. Я стою на горѣ; надо мною еще выше—Богъ; русскіе внизу—пускай штурмуютъ!»

Тогда рѣшено было приступить къ осадѣ; но войска, разъ двинутыя въ бой, не останавливаясь, пошли уже дальше, и въ ночь съ 24-го на 25-е августа Гунибъ былъ взятъ штурмомъ. Шамиль, съ послѣднею оставшеюся сотней мюридовъ, укрылся въ аулѣ, вокругъ котораго тѣсною стѣною стали 14 батальоновъ. Невозможность сопротивленія была очевидна, и скоро надъ одной изъ саклей поднялся бѣлый флагъ. Шамиль прислалъ спросить, здѣсь ли полковникъ Лазаревъ, и если здѣсь, то пусть пріѣдетъ въ аулъ для переговоровъ. Онъ желалъ отъ него услышать совѣтъ, и только на его слово хотѣлъ положиться. Зная, какимъ уваженіемъ имя Ивана Давыдовича пользуется въ горахъ, князь Барятинскій предложилъ ему ѣхать съ тѣмъ, чтобы уговорить Шамиля выйти и предаться вполнѣ великодушію русскаго государя. Порученіе было не легкое и не лишенное опасности; но полковникъ Лазаревъ принялъ его не колеблясь и отправился въ путь одинъ, безъ всякаго конвоя. На небольшой площадкѣ аула онъ встрѣтилъ толпу великолѣпно вооруженныхъ мюридовъ. Посреди этой толпы, рѣзко отъ нея отдѣляясь, стоялъ возлѣ сѣрой, осѣдланной лошади человѣкъ, довольно высокаго роста, съ задумчивымъ и угрюмымъ лицомъ. По величественной позѣ и почтенію окружающихъ не трудно было угадать въ немъ Шамиля. Лазаревъ привѣтствовалъ мюридовъ обычнымъ восточнымъ поклономъ и не показывая вида, что узналъ грознаго повелителя Дагестана въ лицо, про-

силъ указать ему Шамиля. Когда это было исполнено, онъ почтительно подошелъ къ имаму и послѣ короткаго, но довольно тяжелаго молчанія сказалъ:

«Шамиль! Всему міру извѣстно о твоихъ подвигахъ, и слава ихъ непомеркнетъ въ горахъ, пока стоятъ самыя горы. Покорись же самъ судьбѣ и предайся великодушію русскаго императора: ты этимъ спасешь остальныхъ, оставшихся тебѣ вѣрными въ самомъ несчастіи. Покажи, что ты великъ какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи и что можешь безропотно и съ твердостью перенести предопредѣленіе Всевышняго».

Шамиль однако колебался, требовалъ разныхъ условій, и, между прочимъ, чтобы Лазаревъ остался заложникомъ при его семействѣ. Когда Иванъ Давыдовичъ рѣзко отвергъ всѣ эти условія, мюриды заволновались, и даже схватились было за оружіе. Однако Лазаревъ не потерялся въ эту критическую минуту, и такъ энергично крикнулъ на мюридовъ, что они притихли. Тогда онъ обратился къ Шамилю, истощилъ весь запасъ своего краснорѣчія и, наконецъ, сказалъ: «Полно, Шамиль: вѣдь ты не женщина!»

Наступило глубокое и тягостное молчаніе.

Если бы на Гунибѣ Шамиль былъ одинъ съ своими мюридами, онъ, можетъ быть, и рѣшился бы пасть съ оружіемъ въ рукахъ; но тутъ явились на сцену семейства, обрекаемыя на смерть въ случаѣ его упорства. Было надъ чѣмъ призадуматься старому Шамилю. Онъ, очевидно, колебался между убѣжденіями всей жизни, которыя заставляли его биться противъ невѣрныхъ до послѣдняго вздоха, и привязанностью къ семейству, которое находилось съ нимъ на Гунибѣ. Послѣднее чувство одержало верхъ. «Я предаюсь твоему честному слову», сказалъ онъ Лазареву, сѣлъ на коня, и тѣсно окруженный сорока мюридами, державшими ружья наготовѣ, выѣхалъ изъ аула. Лазаревъ ѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и удерживалъ его въ минуты колебанія,—а такія минуты были!

Итакъ, грозный повелитель горъ, имамъ Чечни и Дагестана, герой 43-го года, Ичкеринскаго лѣса и Дарго, послѣ геройской тридцатилѣтней обороны, шелъ, чтобы закончить кровавую борьбу и сложить оружіе къ ногамъ своего побѣдителя. Понятно, какія чувства наполняли душу кавказскаго солдата при видѣ этого зрѣлища! Едва показался Шамиль, узнанный тотчасъ по его высокой бѣлой чалмѣ, покрытой кисеею, какъ торжественное, неумолкаемое *ура* огласило воздухъ и громовымъ раскатомъ понеслось отъ батальона къ батальону. Этотъ невольный порывъ едва не испортилъ дѣла, потому что смущенный имамъ быстро повернулъ свою лошадь назадъ, и только находчивость Лазарева, сказавшаго, что этимъ крикомъ войска отдаютъ ему заслуженную дань уваженія, успокоила Шамиля, и онъ рѣшился продолжать свой путь.

Такъ поѣздъ приблизился къ небольшой березовой рощѣ, въ которой ожидалъ его князь Барятинскій. Теперь вся трудность заключалась въ томъ, чтобы подвести Шамиля къ главнокомандующему одного, заблаговременно разлучивъ его съ мюридами, которые все еще свирѣпо глядѣли на русскихъ и, держа винтовки наготовѣ, казалось, каждую секунду готовы были начать кровавую рѣзню.

Лазаревъ принялся увѣщавать Шамиля оставить мюридовъ въ отдаленіи, говоря, что съ такимъ множествомъ тѣлохранителей неприлично явиться къ глав-

нокомандующему, безоружному и почти неимѣющему при себѣ конвоя. Шамиль задумался, но послѣ долгихъ совѣщаній, наконецъ, согласился. Было ровно три часа пополудни, когда имамъ, сойдя съ коня, и сопровождаемый полковникомъ Лазаревымъ, предсталъ предъ главнокомандующимъ. Минута была поистинѣ торжественная.

— Шамиль,— сказалъ ему князь Барятинскій, — ты не принялъ условій, которыя я тебѣ предлагалъ, и не захотѣлъ пріѣхать ко мнѣ въ лагерь. Теперь я пріѣхалъ за тобою. Ты самъ захотѣлъ предоставить войнѣ рѣшить дѣло — и она рѣшила его въ нашу пользу. Теперь объ условіяхъ не можетъ быть рѣчи. Ты долженъ ѣхать въ Петербургъ, и тамъ ожидать рѣшенія своей участи отъ милосердія Государя Императора. За одно ручаюсь тебѣ — это за личную безопасность твою и твоего семейства.

Когда Лазаревъ передалъ эти слова Шамилю, онъ отвѣчалъ:

— Сардарь! я не внялъ твоимъ совѣтамъ—прости и не осуждай меня. Я простой узденъ, триддать лѣтъ дравшійся за религію; но теперь народы мои мнѣ измѣнили, да и самъ я утомился борьбою. Я старъ: мнѣ 63 года. Поздравляю васъ съ владычествомъ надъ Дагестаномъ и отъ души желаю Государю успѣха въ управленіи горцами для ихъ собственнаго блага.

Такъ окончилось это памятное свиданіе, закончившее собою вѣковую войну на Восточномъ Кавказѣ.

Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ произведенъ былъ въ генералъ-майоры и назначенъ начальникомъ средняго Дагестана, а вмѣстѣ съ тѣмъ и управляющимъ Даргинскимъ округомъ.

Уѣзжая съ Кавказа, Шамиль еще разъ свидѣлся съ Лазаревымъ и поручилъ его покровительству всѣхъ своихъ наиболѣе приближенныхъ мюридовъ, оставшихся вѣрными ему и тогда, когда звѣзда его уже закатилась. Лазаревъ сформировалъ изъ этихъ мюридовъ нѣчто въ родѣ почетнаго конвоя, и держалъ ихъ возлѣ себя, достигая разомъ двухъ политическихъ цѣлей. Во-первыхъ, онъ привязалъ къ себѣ людей, которые по своему характеру и прошлой жизни могли бы сдѣлаться опасными людьми для спокойствія страны; а во-вторыхъ, онъ черезъ нихъ вліялъ на народъ, который, видя русскаго начальника, оруженнаго самыми близкими и вѣрными слугами Шамиля, людьми болѣе другихъ отважными, религіозными и строгими въ жизни, и самъ мало-по-малу начиналъ искать сближенія съ чуждою ему доселѣ властью «невѣрныхъ». Конечно были еще вспышки, какъ, наприм., въУнкратлѣ или Андалялѣ, но это были уже послѣдніе отголоски грозы, послѣднія тучи пронесшійся бури...

Управляя среднимъ Дагестаномъ, Лазаревъ жилъ на Гунибѣ въ томъ самомъ орлиномъ гнѣздѣ, которое служило послѣднимъ убѣжищемъ послѣдняго имама газавата. Одинъ путешественникъ, посѣтившій его черезъ годъ послѣ отъѣзда Шамиля, разсказываетъ, что Лазаревъ и все его управленіе жили въ простыхъ войлочныхъ кибиткахъ и даже въ палаткахъ, ютившихся по юго-восточному склону горы, на небольшой площадкѣ, среди каменныхъ массъ, изобиловавшихъ фалангами и скорпіонами. Эта кочевка, или лагерь, имѣла совершенно особый и притомъ совершенно оригинальный характеръ, придавая управленію средняго Дагестана видъ не русскаго, а скорѣе какого-нибудь туземнаго мѣст-

наго учрежденія; русскихъ солдатъ здѣсь почти не было видно, а кругомъ палатокъ сидѣли, лежали или двигались группы суровыхъ горцевъ, съ ногъ до головы обвѣшанныхъ оружіемъ. Лазаревъ не побоялся довѣрить себя этимъ, еще не вполнѣ перебродившимъ, дикимъ и буйнымъ народамъ Дагестана. Но въ этомъ-то довѣріи и лежали основы его могучей силы и вліянія.

Черезъ семь лѣтъ Лазаревъ произведенъ былъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 21-й пѣхотной дивизіи, расположенной все въ томъ-же Дагестанѣ, гдѣ онъ началъ свою службу, а еще черезъ одиннадцать лѣтъ мы встрѣчаемъ его уже въ войскахъ дѣйствующаго корпуса на кавказско-турецкой границѣ. Сперва онъ появился тамъ въ скромной роли начальника тыла, но впослѣдствіи, когда военное счастіе перешло на сторону турокъ, и непріятельская армія заняла передъ нами грозную Аладжинскую позицію, угрожая вторженіемъ уже въ наши собственные предѣлы, Лазаревъ былъ вызванъ на театръ войны и ему порученъ важный байрахтарскій отрядъ; этотъ отрядъ составлялъ какъ бы авангардъ главныхъ силъ и подъ его прикрытіемъ находилась единственная колесная переправа черезъ Арпачай у Кегача.

Заслуги Лазарева въ минувшую войну слишкомъ извѣстны, чтобы о нихъ нужно было распространяться. Довольно сказать, что въ генеральномъ бою на Аладжинскихъ высотахъ онъ командовалъ сильною обходною колонной, съ которою быстро и смѣло проникъ въ тылъ непріятеля и, овладѣвъ съ боя Орлокскими высотами, отрѣзалъ большей части непріятельскихъ войскъ отступленіе къ Карсу. Послѣдствіемъ этого и было то, что цѣлый турецкій корпусъ, запертый на Чифтъ-Тепеси, въ числѣ 25 батальоновъ пѣхоты при 25 орудіяхъ положилъ оружіе.

Орденъ св. Георгія 3-й степени былъ наградою Лазарева за кровавыя битвы 2-го и 3-го октября 1877 г. у Орлака и Визинъ-Кёва.

Еще болѣе крупная роль выпала на долю его въ памятную ночь съ 5-го на 6-е ноября, когда ему поручены были всѣ штурмовыя колонны, двинутыя на передовыя укрѣпленія Карса: Хафизъ, Канлы, Чимъ, Таюмосъ и Арабъ-Табіи. Предъ штурмомъ Лазаревъ объѣхалъ войска и напутствовалъ ихъ короткою, но полною глубокаго чувства рѣчью. «Теперь, съ Богомъ!» сказалъ онъ въ заключеніе, и, снявъ фуражку, благоговѣйно осѣнилъ войска крестнымъ знаменіемъ.

Точно шелестъ листьевъ, говоритъ одинъ очевидецъ, пролетѣлъ по рядамъ глухой шопотъ людей, какъ бы выражавшихъ одобреніе и благодарность этихъ сѣрыхъ шинелей, идущихъ на смерть, за ласковое слово, обращенное къ нимъ предъ труднымъ дѣломъ.

Описывать кроваваго штурма не будемъ. Довольно сказать, что на разсвѣтѣ 6-го ноября надъ карсской цитаделью развился русскій флагъ, и Лазаревъ ввелъ штурмовыя колонны въ побѣжденную крѣпость съ тѣмъ, чтобы уже никогда больше не покидать ее. Это былъ четвертый и послѣдній штурмъ Карса.

За этотъ славный и выдающійся изъ ряда военный подвигъ Лазареву пожалована была высшая боевая награда—орденъ св. Георгія 2-го класса большого креста, а въ 1878 году, присутствуя на Георгіевскомъ праздникѣ въ Петербургѣ, онъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ, а вслѣдъ затѣмъ командиромъ 2-го Кавказскаго корпуса.

Такимъ образомъ, на 36 году своей службы, бѣдный армянскій офицер ъ безъ связей и протекцій, одними личными заслугами проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ и сталъ на высшихъ ступеняхъ военной іерархіи. Но здѣсь ему готовился новый, еще болѣе важный и еще болѣе трудный подвигъ.

На востокъ отъ Каспійскаго моря, начиная съ Чикишлярскаго берега, тянется великая туркменская пустыня, часто невѣрно называемая степью. Не орошаемая рѣками, лишенная всякой растительности, эта пустыня безжизненна, и только на рѣдкихъ оазисахъ ея живутъ разбойничьи племена туркменъ, страшныхъ своимъ сосѣдямъ дерзкими набѣгами и грабежзми. Двѣ экспедиціи, предпринятыя противъ нихъ полковникомъ Маркозовымъ и генераломъ Ламакинымъ, окончились для насъ полнѣйшею неудачею. Теперь, весною 1879 года составлялась третья экспедиція, и начальство надъ нею поручено было генералъ-адъютанту Лазареву. Этотъ выборъ былъ сдѣланъ какъ нельзя болѣе удачно и ручался вполнѣ за успѣхъ экспедиціи, потому что громкая извѣстность генерала, его внушительная наружность гиганта, такъ обаятельно дѣйствующая на азіатцевъ, наконецъ его мужественная и рѣшительная рѣчь, обращенная къ туркменамъ тотчасъ по прибытіи его въ Чикишляръ,—все это произвело такое впечатлѣніе на буйныхъ и дикихъ кочевниковъ, что они сразу прозвали его «Батвырь-сардаръ», т.-е. богатырь-главнокомандующій. Въ Чикишлярѣ Лазаревъ съ необычайною энергіею принялся за приготовленія къ походу, но судьба не судила ему докончить такъ блистательно начатаго дѣла; этотъ мужественный, желѣзный колоссъ внезапно пораженъ былъ тяжкою скоротечною болѣзнью, которая и прекратила его славные дни 14 августа, на 59-мъ году его жизни.

Печальный слухъ быстро достигъ Тифлиса и вызвалъ общую нелицемѣрную скорбь и въ войскѣ и въ народѣ, умѣвшихъ цѣнить одного изъ достойнѣйшихъ и даровитѣйшихъ уроженцевъ закавказскаго края. Тѣло Лазарева привезено было въ Тифлисъ вечеромъ 25 августа 1879 г. и предварительно поставлено было въ Кукахъ, въ армянской церкви во имя Пресвятой Богородицы, чтобы дать возможность всѣмъ многочисленнымъ поклонникамъ покойнаго проститься съ его славнымъ прахомъ. Отсюда 27 августа въ 10 часовъ утра похоронная процессія двинулась къ Ванкскому собору. Массивный гробъ, вѣсившій болѣе 60 пудовъ, везли на богатой, особо приготовленной для того траурной колесницѣ. Впереди шли амкары съ своими знаменами, потомъ многочисленное армянское духовенство, имѣя во главѣ преосвященнаго епископа Григорія; за гробомъ шли представители военнаго и гражданскаго вѣдомства, войска и тысячныя толпы народа, покрывавшаго собою всѣ улицы и крыши домовъ. Всѣ магазины по пути слѣдованія печальнаго кортежа и въ цѣломъ городѣ были закрыты. По вступленіи процессіи въ ограду Ванкскаго собора гробъ сняли съ колесницы и поставили на краю широкой, приготовленной для него могилы. Здѣсь, въ присутствіи князя Д. И. Святополкъ-Мирскаго, князя Г. Д. Орбеліани, экзарха Грузіи, главнаго священника арміи и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, армянское духовенство отслужило торжественную панихиду, по окончаніи которой преосвященный Григорій сказалъ горячую, живую рѣчь, произведшую на всѣхъ глубокое впечатлѣніе, объ утратѣ достославнаго бойца за царя и отечество. Затѣмъ гробъ опустили въ могилу: грянулъ надъ ней троекратный залпъ, глухо

прокатились по Курѣ раскаты пушечныхъ выстрѣловъ — и все земное окончилось. Теперь надъ этою могилой, дорогой для каждаго воина, стоитъ массивный саркофагъ изъ сѣраго гранита, окруженный такою же массивною чугунною рѣшеткою. На гранитѣ лаконическая надпись: «Генералъ-адъютантъ Иванъ Давыдовичъ Лазаревъ. 1820—1879 г.».

Гранитъ простоитъ вѣка; но еще крѣпче гранита было бы живое слово, которое передало бы потомкамъ въ живыхъ и яркихъ краскахъ образъ этого славнаго полководца, гражданина и администратора. Подобные люди достойны имѣть свою біографію, и нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ объ этомъ никто не подумалъ.

В. Потто.

Соборъ св. Григорія въ Дарачичагѣ (Эриван. г.).

Зейтунъ (Киликія).

Оборона Баязета въ 1877 г.

Изъ повѣсти Раффи «Хентъ» [1]).

ПЕРЕВОДЪ СЪ АРМЯНСКАГО.

...Баязетъ былъ обложенъ.

Двадцатитысячная смѣшанная толпа, состоящая изъ регулярной турецкой арміи, баши-бузуковъ—изъ турокъ, курдовъ, цыганъ и проч., окружала полуразрушенный городъ, обращенный въ пепелище, но мѣстами еще дымѣвшій въ огнѣ. Христіане города—армяне—покинули свои дома, такъ какъ имъ угрожали мечъ варвара и плѣнъ. Ничтожная только часть ихъ спаслась, нашедши заблаговременно убѣжище въ пограничномъ персидскомъ городѣ Маку.

Горсть русскихъ солдатъ, вмѣстѣ съ милиціонерами изъ армянъ и татаръ, укрѣпилась въ уцѣлѣвшей еще цитадели и въ страшномъ уныніи ждала печальной участи своей. Крѣпость была окружена съ четырехъ сторонъ непріятелемъ, который, образовавъ собою какъ бы желѣзное кольцо, намѣревался однимъ ударомъ придушить, уничтожить растерявшихся осажденныхъ. Сношеніе съ внѣшнимъ міромъ было совершенно прервано.

Осада началась шестого іюня 1877 г. и продолжалась ровно двадцать три дня. Это было то время, когда счастіе неожиданно измѣнило русскому оружію въ Арменіи. Тогда магометанское населеніе, встрѣтившее русскихъ охотно въ

---

[1]) „Хентъ" даетъ полную картину положенія турецкихъ армянъ въ эпоху послѣдней русско-турецкой войны. Это произведеніе извѣстнаго армянскаго беллетриста Раффи, имѣвшее громадный успѣхъ, печаталось въ Мшакѣ и выдержало нѣсколько изданій. *Прим. перев.*

началѣ войны, снова возмутилось и присоединилось къ войскамъ Измаила паши. Генералъ Теръ-Гукасовъ, командовавшій Эриванскимъ отрядомъ находился въ то время между Зейтеганомъ и Дели-Баба, гдѣ онъ храбро сражался своимъ малочисленнымъ отрядомъ съ полчищами Мухтара-паши. Оставивъ Баязетъ подъ защитою коменданта Штоквича, генералъ, какъ видно, ничего не зналъ объ участи, постигшей этотъ городъ.

Ночь. Едва только луна успѣла скрыться за горизонтомъ, какъ воцарился полнѣйшій мракъ. Казалось, этотъ мракъ былъ пріятенъ осажденнымъ; вѣдь луна—любимица міра, распространяя свои серебристые лучи на крѣпость, могла выдать засѣвшихъ въ ней храбрецовъ; но темнота не помѣшала, однако, храброму нападенію варваровъ.

Цитадель обрисовывалась какъ мрачная точка на возвышенности одного изъ холмовъ и на эту точку сыпались градомъ, со всѣхъ сторонъ, бомбы, ядра и пули, распространяя всюду огонь.

Въ описанную нами ночь, въ одномъ изъ жиденькихъ строеній крѣпости, служившемъ нѣкогда казармой и разрушенномъ турками послѣ взятія крѣпости русскими, копошилась большая толпа. Усталые, истомленные люди валялись кругомъ на землѣ. На всѣхъ лицахъ написанъ былъ ужасъ приближающейся смерти.

Эти несчастные уже съ недѣлю не ѣли и не пили. Осада совершилась такъ скоро и неожиданно, что крѣпость не успѣла сдѣлать запаса, вслѣдствіе чего осажденнымъ приходилось бороться противъ трехъ сильныхъ враговъ: внутреннихъ—голода и жажды и внѣшняго—огня непріятеля.

Съ восьмого іюня уже солдаты не принимали горячей пищи. Лошади коменданта и артиллеріи были зарѣзаны и съѣдены. Имѣвшіеся припасы съ каждымъ днемъ истощались, такъ что солдатамъ начали отпускать по восьмой фунта сухарей и ложку воды въ сутки. Іюньская же жара становилась невыносимой. Положеніе больныхъ въ госпиталяхъ было еще хуже.

Въ крѣпости воды не было. Родникъ, находившійся за крѣпостью, былъ отведенъ турками. Ночные попытки осажденныхъ за добычей воды сопряжены были съ большими опасностями, такъ что изъ 20—30 человѣкъ, спустившихся съ крѣпости, не рѣдко ни одинъ не возвращался.

— Хлѣба... воды... — послышались голоса, прерываемые предсмертными вздохами.

Но вотъ, разъ... два... загремѣли орудія и гулъ ихъ заглушилъ голоса несчастныхъ.

Это была одна изъ тѣхъ минутъ, когда человѣкъ теряетъ чувство жалости къ товарищу, теряетъ потому, что не въ силахъ помочь ему. Вслѣдствіе этого никто не обращалъ вниманія на голодающихъ, никто не заботился о жаждущихъ.

Часовые, поставленные за амбразурами цитадели, чтобы слѣдить за движеніемъ непріятеля, не осмѣливались показываться, такъ какъ со всѣхъ холмовъ, занятыхъ непріятелемъ производилась немилосердная пальба и пули свистя летали, обдавая лица часовыхъ непріятной теплотой.

Отсюда виднѣлся городъ, представляющій собою ужасную картину. Онъ

былъ весь освѣщенъ, какъ бы въ торжественный день. Въ немъ совершался преступный праздникъ звѣрей-мусульманъ.

Тартаръ, только тартаръ пламенемъ своего огня, злыми духами и всѣми своими ужасами могъ бы соперничать съ совершающеюся жестокостью.

Горѣли жилища армянъ. Изъ оконъ и дверей каждаго дома вырывались бурные огненные потоки, которые, сливаясь съ темной массой дыма, подымались на воздухъ, бросая всюду столбы искръ. Пожаръ распространялся все сильнѣе,—весь армянскій кварталъ былъ объятъ пламенемъ. Изъ крышъ домовъ показывались огненные языки. Обгорѣлые брусья рушились и крыши падали съ шумомъ и трескомъ, покрывая огненнымъ покрываломъ несчастныхъ обитателей, которые, будучи окружены со всѣхъ сторонъ пламенемъ, не имѣли возможности спастись. Отчаянные голоса молящихъ жертвъ сливались съ гуломъ пламени, которое, какъ разсвирѣпѣвшее чудовище, спиралью подымалось вверхъ, распространяя всюду яркій свѣтъ.

Въ освѣщенномъ пространствѣ открывалась обширная панорама, въ которой картины ужаса смѣняли одна другую. Совершалось избіеніе спасавшихся отъ огня армянъ. Ихъ убивали безъ пощады, не различая ни пола, ни возраста... Дѣвочекъ вытаскивали изъ домовъ за косы. Со всѣхъ концовъ, всюду раздавались душу раздирающіе крики обезумѣвшихъ дѣтей и слышались жалобные вопли и крики о помощи.

Въ варварствѣ этомъ участвовали не только одни курды, но и регулярныя турецкія войска, но ужаснѣе всѣхъ ихъ были — жены курдовъ... Эти послѣднія, подобно разсвирѣпѣвшимъ фуріямъ, забывъ присущія женщинѣ любовь и чувство жалости, вырывали дѣтей изъ рукъ матерей и бросали въ огонь...

Въ глухомъ углу крѣпости въ группѣ волонтеровъ шелъ такой разговоръ:

— Если и Петросъ не вернется, то это будетъ пятая жертва.

— Слишкомъ опоздалъ видно, несчастный...

— Нѣтъ, прислушайтесь-ка, это—его сигналъ: слышите карканье вороны?

— Да, это онъ. Спустимъ лѣстницу.

Сказавъ это, они спустили веревочную лѣстницу и черезъ нѣсколько минутъ на стѣнѣ крѣпости показался юноша съ большимъ бурдюкомъ, привязаннымъ на спинѣ.

— Что это такое у тебя на лицѣ?—спросилъ одинъ изъ товарищей.

Сверкнувшій въ этотъ моментъ яркій свѣтъ пламени пожара освѣтилъ окровавленное лицо Петроса.

— Кровь сочится!—воскликнули всѣ въ одинъ голосъ.

— Не бѣда... — отвѣтилъ тотъ улыбаясь. — Прошло уже нѣсколько дней, какъ я не умывался, сегодня кстати умылся какъ слѣдуетъ...

Петросъ разсказалъ вкратцѣ, какъ онъ встрѣтилъ курдовъ, стерегшихъ родникъ, какъ они напали на него и какъ онъ уложилъ ихъ на мѣстѣ, получивъ самъ рану въ голову.

— Что же случилось съ Анесомъ, Томасомъ, куда дѣвались Адамъ, Нерсонъ?...—спросили его.

— Чортъ ихъ знаетъ!— отвѣтилъ Петросъ своимъ обычнымъ, шутливымъ тономъ. — Точно они условились отправиться на свиданіе къ своимъ предкамъ

въ одну и ту же ночь: одинъ лежалъ у стѣны, вѣроятно его угостили пулей, когда онъ спускался со стѣны; другой присѣлъ на полпути и боролся со смертью; третій растянулся, какъ бревно у самаго родника, а несчастный Томасъ, раненый въ бокъ, придерживая рукою рану, проклиналъ курдовъ... но я отомстилъ за него.

Эти четверо армянъ, о которыхъ разсказывалъ Петросъ, были посланы другъ за другомъ добывать воды за крѣпостью, но ни одинъ изъ нихъ не вернулся.

Невозможно описать того бурнаго восторга, которымъ была охвачена жаждущая толпа, стремившаяся къ бурдюку съ водою. Всѣ смѣшались, толкались и каждый лѣзъ головой впередъ, чтобы напиться поскорѣе.

Юноша взялъ водочную рюмку и началъ ею раздавать, поочередно, воду, имѣвшую непріятный вкусъ и запахъ; нѣкоторые выпили не замѣтивъ этого, но наконецъ одинъ замѣтилъ:

— Какого страннаго цвѣта вода эта?

— Пей,— сказалъ ему Петросъ, стоявшій тутъ же; нынче курды красятъ воду такой краской.

— Какой краской?...—раздались голоса.

— Красятъ нашею кровью... Если бы вы видѣли, сколько труповъ валяется тамъ у родника, откуда я набралъ воды...

Всѣ ужаснулись, но все же, не обращая вниманія на его слова, пили съ жадностью мутную, красноватую жидкость, смѣшанную съ человѣческой кровью.

Въ это время въ комнатѣ коменданта собрался совѣтъ изъ нѣсколькихъ офицеровъ, подъ предсѣдательствомъ самаго Штоквича. Въ совѣтѣ участвовали еще нѣкоторые предводители милиціи изъ армянъ и мусульманъ. Лампа, горѣвшая на маленькомъ столѣ, освѣщала блѣднымъ свѣтомъ печальныя и озабоченныя лица присутствовавшихъ.

— Пока живы, не сдадимся!—замѣтилъ комендантъ.

— Если мы не получимъ извнѣ помощи, то погибнемъ, — отвѣтилъ ему ханъ,—предводитель волонтеровъ-мусульманъ.

— Нѣтъ у насъ силъ ждать помощи,— заговорилъ бекъ изъ мусульманъ-же; — по моему, надо открыть ворота крѣпости, прорвать кольцо непріятеля и тогда или спасемся или попадемъ въ плѣнъ.

— Это еще—вопросъ сомнительный,—возразилъ ему представитель армянской милиціи,—послѣднее имѣетъ болѣе вѣроятія и послѣдствія его могутъ быть печальны. Крѣпость эта въ настоящее время на крайней мѣрѣ служитъ прикрытіемъ, она задержитъ шествіе турецкихъ войскъ; если мы потеряемъ ее, то этимъ откроемъ свободный доступъ для баши-бузуковъ Измаила-паши и имъ ничего не будетъ стоить въ нѣсколько дней завладѣть Нахичеванью, Эриванью, а можетъ и дальше пойдутъ. Мѣстные мусульмане, насколько мнѣ извѣстно, съ нетерпѣніемъ ждутъ этихъ самозванныхъ гостей, а армяне совсѣмъ не вооружены. Для защиты нашего края оставлено мало войска, такъ какъ главныя силы наши сосредоточены въ окрестностяхъ Карса; пока они поспѣютъ на помощь, все будетъ уничтожено турками.

Предсѣдатель прервалъ ихъ споръ, сказавъ:

— Нужно ждать и защищаться до послѣдней минуты. Я надѣюсь на скорую помощь: генералъ Теръ-Гукасовъ не особенно далекъ отъ насъ; стоитъ ему узнать о нашемъ положеніи, какъ онъ не замедлитъ явиться на выручку. Намъ нужно только дать ему знать.

Совѣтъ рѣшилъ написать Теръ-Гукасову и черезъ минутъ пятнадцать комендантъ съ письмомъ въ рукахъ вышелъ изъ комнаты вмѣстѣ съ остальными. Легкій бой барабана собралъ всѣхъ солдатъ на площадь крѣпости; комендантъ началъ звучнымъ голосомъ:

— Ребята, всѣмъ вамъ извѣстно наше положеніе, поэтому считаю лишнимъ говорить объ этомъ. Вся наша надежда на Бога, только Онъ можетъ послать намъ помощь; если она запоздаетъ, то мы погибнемъ; слѣдовательно, мы должны сообщить туда, куда слѣдуетъ. Вотъ это письмо нужно передать генералу Теръ-Гукасову, который близокъ отъ насъ. Получивъ письмо онъ не замедлитъ притти къ намъ на выручку. Теперь скажите, кто тотъ храбрецъ, который согласится принять на себя эту услугу? Пусть онъ подойдетъ и возьметъ это письмо. Я обѣщаю ему награду, которой достоинъ человѣкъ жертвующій своею жизнью для спасенія тысячи другихъ. Пусть откликнется тотъ, кто желаетъ доставить письмо!

Воцарилась глубокая тишина. Изъ толпы не послышалось ни одного голоса.

— Повторяю,—продолжалъ комендантъ, болѣе прочувственнымъ голосомъ,— что съ этимъ письмомъ связанно наше спасеніе; кто желаетъ принять эту славу и быть спасителемъ всѣхъ насъ?

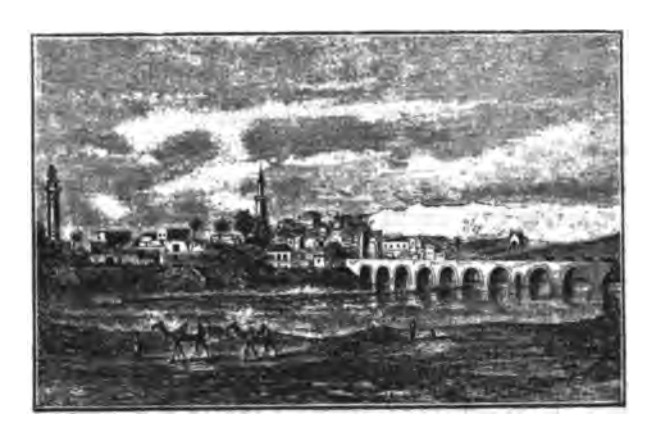
Опять отвѣта не было.

— Неужели нѣтъ среди васъ смѣльчака? — воскликнулъ онъ дрожащимъ голосомъ.—Кто соглашается взять письмо?

— Я! — послышался въ толпѣ голосъ, и молодой армянинъ подошелъ къ нему и принялъ письмо.

Молодца этого звали Варданомъ.

Н. Кара-Мурза.



Адана (Киликія).

А. А. Тергукасовъ.

Генералъ Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ[1]).

I.

Въ нашей военной исторіи не мало славныхъ именъ, оставившихъ послѣ себя безсмертную память. На долю военныхъ дѣятелей вообще выпадаетъ много лавровъ, ихъ подвиги эффектнѣе, ярче, сильнѣе дѣйствуютъ на воображеніе и чувство, ихъ имена тѣсно связаны съ крупными внѣшними событіями. Естественно, что въ этомъ блестящемъ калейдоскопѣ личностей на переднемъ планѣ стоятъ фигуры наиболѣе эффектныя, окруженныя ореоломъ

[1]) Арзасъ Артемьевичъ Тергукасовъ, сынъ армянскаго протоіерея, родился въ 1819 г. воспитывался въ корпусѣ инженеровъ путей сообщенія, откуда въ 1836 г. выпущенъ поручикомъ. Прослуживъ 11 лѣтъ въ этомъ вѣдомствѣ вышелъ въ отставку, но въ 1852 г. снова поступилъ на службу въ Апшеронскій пѣхотный полкъ и участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ въ Дагестанѣ и Чечнѣ; въ 1859 г. назначенъ командиромъ этого полка съ чиномъ полковника и участвовалъ съ нимъ вовзятіи Гуниба. Въ августѣ 1865 г. Тергукасовъ про-

военной славы, имена ихъ звучать вмѣстѣ съ шумомъ блестящихъ побѣдъ, кровопролитныхъ сраженій, геройскихъ и удачныхъ подвиговъ, быстро разнесенныхъ по всему свѣту газетами. Увлеченные этимъ блескомъ, вы только потомъ начинаете различать и рядъ другихъ фигуръ въ этой картинѣ; онѣ менѣе блестящи и болѣе скромны, но присмотритесь внимательнѣе и передъ вами станутъ отчетливо вырисовываться лица, полныя глубокаго интереса; въ чертахъ этихъ скромныхъ подвижниковъ вы откроете много рѣдкихъ достоинствъ.

Къ числу такихъ менѣе замѣтныхъ, но крупныхъ героевъ можно отнести и Арзаса Артемьевича Тергукасова.

Выпущенный въ 1836 г. изъ корпуса инженеровъ путей сообщенія, Арзасъ Артемьевичъ служитъ 11 лѣтъ въ этомъ вѣдомствѣ, выходитъ на короткое время въ отставку и въ 1852 г. опять начинаетъ уже строевую службу въ кавказскихъ войскахъ. Здѣсь среди бранныхъ тревогъ Тергукасовъ развилъ въ себѣ тѣ блестящія военныя качества, которыя выдвинули его изъ среды другихъ закаленныхъ и опытныхъ кавказскихъ полководцевъ. Въ безконечной кавказской войнѣ Тергукасовъ съ успѣхомъ участвовалъ во многихъ экспедиціяхъ и особенно отличился, будучи уже въ чинѣ полковника, при извѣстномъ взятіи Гуниба.

Въ 1866 г. мы уже застаемъ его въ чинѣ генералъ-маіора помощникомъ начальника 19-й пѣхотной дивизіи, а съ 1868 г. ему поручено управленіе Средней Терской областью. Къ сожалѣнію, мы не располагаемъ матеріаломъ, который бы далъ намъ возможность остановиться на всемъ этомъ періодѣ дѣятельности Арзаса Артемьевича. Несомнѣнно только, что его дѣятельность создала ему уже почетное имя, и когда началась послѣдняя Русско-Турецкая война на азіатскомъ театрѣ, къ участію въ ней былъ призванъ Тергукасовъ, какъ «надежная и блестящая личность», по выраженію главнаго штаба. Къ этому собственно періоду и относятся тѣ данныя, какими мы располагаемъ относительно личности Арзаса Артемьевича, и потому на немъ мы и остановимся.

Въ Русско-Турецкую войну 1877—78 гг. для борьбы на азіатскомъ театрѣ было организовано два самостоятельныхъ отряда; изъ нихъ, главное дѣйствіе принадлежало корпусу Лорисъ-Меликова, раздѣленному на три части: 1) главныя силы у Александрополя, 2) Ахалцыхскій отрядъ и 3) Эриванскій отрядъ, начальство надъ которымъ было поручено Тергукасову [1]). Въ то время какъ дѣйствія первыхъ двухъ отрядовъ были направлены главнымъ образомъ на Карсъ, на долю Эриванскаго отряда выпала наиболѣе трудная и отвѣтственная задача. Задача эта сводилась къ удержанію въ спокойствіи мусульманскаго населенія Эриванской губ., прикрытію нашихъ предѣловъ отъ вторженія курд-

---

изведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ помощникомъ начальника 19-й пѣхотной дивизіи; въ 1868 г. ему поручено управленіе среднимъ отдѣломъ Терской области, а въ 1869 г. онъ командовалъ 38-й пѣхотной дивизіей. Въ 1876 г. Тергукасовъ назначается начальникомъ Эриванскаго отряда; послѣ этого принимаетъ неоднократно участіе въ компаніи 1877—78 гг. Въ 1878 г. онъ былъ назначенъ начальникомъ Кавказской гренадерской дивизіи; въ 1879 г. ему ввѣрены войска Закаспійскаго края; но отъ этого назначенія Тергукасовъ по болѣзни отказался и получилъ другое—командира 2-го кавказскаго корпуса. Въ этомъ званіи онъ и умеръ въ 1881 г.

[1]) Обзору дѣятельности отряда посвящена длинная серія обстоятельныхъ статей г. Колюбакина, начатая въ 1890 г. и продолжающаяся донынѣ въ „Военномъ Сборникѣ“.

скихъ шаекъ и къ обезпеченію лѣваго фланга дѣйствующаго корпуса, отстоящаго на большомъ разстояніи. Такъ какъ подобная задача на основаніи опыта требовала въ то же время наступательныхъ дѣйствій, то этотъ образъ дѣйствій былъ намѣченъ и Эриванскому отряду. Задача въ высшей степени сложная и трудная, особенно въ виду малочисленности отряда (около 7000 человѣкъ), плохого состоянія продовольственной части, на которое постоянно жаловался Тергукасовъ и которое такъ тяжело отзывалось при дѣйствіяхъ на непріятельской территоріи. Предусматривая всю сложность своей задачи, Тергукасовъ неоднократно, но безуспѣшно проситъ усиленія отряда и съ замѣчательной проницательностью предусматриваетъ ходъ военныхъ дѣйствій.

Въ апрѣлѣ 1877 г. отрядъ переходитъ границу, совершаетъ труднѣйшій переходъ черезъ хребетъ Агридагъ, почти безъ боя занимаетъ Баязетъ и оставивши въ немъ небольшой гарнизонъ, направляется къ западу, чтобы, согласно распоряженію Лорисъ-Меликова, привлечь на себя вниманіе Мухтара-паши. Съ замѣчательной предусмотрительностью Тергукасовъ въ то же время обезпечиваетъ тылъ своего отряда, устанавливая связь съ границей и обезпечивая за собой пункты пройденнаго пути на случай отступленія. Этотъ блестящій съ военной точки зрѣнія пріемъ въ то же время уменьшалъ и безъ того малочисленный Эриванскій отрядъ; но, послушный долгу, генералъ смѣло углубляется въ непріятельскую сторону, имѣя въ виду соединеніе съ главнымъ отрядомъ. 29 апрѣля онъ занимаетъ Сурпъ-Оганесъ, въ концѣ мая Алашкертъ, въ іюнѣ у Драмъ-дага разбиваетъ турецкій отрядъ и находится уже болѣе чѣмъ въ 200 в. отъ покинутой границы. Между тѣмъ Мухтаръ-паша собираетъ свои главныя силы съ цѣлью уничтожить Эриванскій отрядъ, и вотъ у Сенъ-Даяръ происходитъ кровопролитный бой, въ которомъ турки численностью болѣе чѣмъ вдвое превосходили русскій отрядъ. Послѣ 10-тичасового боя русскіе не только удержали свою позицію, но нанесли пораженіе правому флангу турецкихъ войскъ. Занявъ прочную позицію у Драмъ-дага, въ виду устрашеннаго, хотя и многочисленнаго непріятеля, отрядъ тщетно ждетъ обѣщанной выручки со стороны главныхъ силъ. Положеніе становилось затруднительнымъ. Но главныя трудности были впереди. Неудачи нашихъ главныхъ силъ подъ Зевиномъ измѣнили планы главной квартиры и вотъ, при такомъ затруднительномъ положеніи, вмѣсто ожидаемой поддержки Тергукасовъ получилъ приказаніе отступить и извѣстіе, что главный отрядъ отступаетъ отъ намѣченнаго пункта.

Такимъ образомъ рушилась надежда на помощь. Чувство тяжкой горечи невольно вырвалось у Арзаса Артемьевича, всегда сдержаннаго и спокойнаго. «Много читалъ я военныхъ исторій», сказалъ онъ, «но нигдѣ не встрѣчалъ, чтобы для спасенія отступали, для спасенія обыкновенно наступаютъ». Положеніе становилось дѣйствительно критическимъ, почти безвыходнымъ. Впереди сильный непріятель, готовый раздавить отрядъ, кругомъ враждебное мусульманское населеніе, назади тяжелый путь по хребтамъ и ущельямъ, путь слабо защищенный, въ тылу многочисленный турецкій отрядъ Фаикъ-паши, осаждающій Баязетъ и угрожающій преградить отступленіе, недостатокъ припасовъ и патроновъ, большой транспортъ раненыхъ и, наконецъ, огромное количество (около 3000) переселенцевъ-армянъ, которые, спасаясь отъ турецкихъ звѣрствъ съ семьями

и имуществомъ, присоединились къ отряду, рѣшившись отправиться съ нимъ въ русскія владѣнія. И вотъ начинается рѣдкое въ военной исторіи отступленіе. «Только сила нравственнаго впечатлѣнія, говоритъ одинъ изъ военныхъ историковъ,—послѣ предшествовавшихъ боевъ и энергія Тергукасова позволили въ такихъ условіяхъ произвести отступленіе на протяженіи 180 в. въ 10 дней».

Непріятель слѣдовалъ по пятамъ, временами готовый окружить весь отрядъ, движеніе котораго страшно затрудняли раненые и особенно переселенцы: солдаты изнемогали въ постоянномъ напряженіи во время тяжелыхъ переходовъ и отраженія непріятеля, отрядъ оставался почти безъ патроновъ и только умъ и нравственный закалъ невозмутимаго вождя спасли его отъ гибели.

Тергукасовъ благополучно довелъ его вмѣстѣ съ ранеными и переселенцами до границы. Здѣсь только сутки отдохнули измученные бойцы и вслѣдъ затѣмъ Арзасъ Артемьевичъ, сердце котораго давно болѣло мыслью объ осажденномъ Баязетѣ, бросился къ нему на выручку и освободилъ изнемогавшій въ неравной борьбѣ гарнизонъ.

Это знаменитое отступленіе было признано образцовымъ не только русскими, но и нѣкоторыми иностранными военными историками [1]). Сами турки и бывшіе въ ихъ числѣ англійскіе офицеры выразили удивленіе предъ этимъ геройскимъ классическимъ отступленіемъ, совершоннымъ съ замѣчательнымъ мужествомъ и въ образцовомъ порядкѣ. Честь этого подвига всецѣло принадлежитъ Тергукасову, спасшему 6-титысячный отрядъ и три тысячи беззащитныхъ переселенцевъ.

II.

Не будемъ входить въ подробную оцѣнку военныхъ операцій Тергукасова. Эта оцѣнка сдѣлана уже военной исторіей, признавшей за нимъ крупный военный талантъ. Это видно, впрочемъ, и изъ сдѣланнаго нами бѣглаго обзора дѣйствій Эриванскаго отряда. Мы коснемся только нѣкоторыхъ подробностей, характеризующихъ генерала Тергукасова, какъ военачальника и какъ человѣка.

Знакомясь съ исторіей этого похода, читатель, даже совершенно незнакомый съ условіями военныхъ дѣйствій, убѣждается въ блестящихъ военныхъ способностяхъ Тергукасова. Эти военныя качества обнаружились, какъ мы сказали, особенно ярко въ наиболѣе трудной операціи Эриванскаго отряда, въ его отступленіи. Отступленіе началось послѣ жестокаго боя у Даяра, мужественно выдержаннаго русскимъ отрядомъ. Не получая ни извѣстій, ни подкрѣпленія со стороны главнаго корпуса, начальникъ отряда рѣшаетъ отступить на небольшое разстояніе съ тѣмъ, чтобы занять укрѣпленную позицію у Драмъ-дага. «По словамъ очевидцевъ,—читаемъ мы [2]),—отступленіе было совершено въ образцовомъ и грозномъ порядкѣ. Полная тишина и спокойствіе, самообладаніе начальниковъ и войскъ, своевременность каждой мѣры и отличное примѣненіе къ мѣстности со-

---

[1]) The Armenian campaign a diary of the campaign of 1877 in Armenia and Coordistan by Charles Williams. 1877.

[2]) Воен. Сборн. 1891 г. № 12 н. ст. Колюбакина.

ставляли характеристическія особенности этой деликатной операціи перемѣны мѣста лагеря и позиціи въ виду, почти подъ выстрѣлами, вдвое превосходнаго противника... Трудная операція была блестяще исполнена и Эриванскій отрядъ былъ выведенъ своимъ мудрымъ вождемъ и его достойными помощниками изъ критическаго положенія, въ которомъ находился болѣе сутокъ.»

Остановимся для примѣра на послѣднемъ днѣ отступленія.

Двигаясь безостановочно по пути къ русской границѣ, Эриванскій отрядъ попадаетъ въ Даракскую котловину, представлявшую собой возвышенную площадь, окаймленную со всѣхъ сторонъ высотами—гребнями; впереди—высокій Даракскій перевалъ, черезъ который нужно было пробраться по неразработанной колесной дорогѣ. Въ этой-то котловинѣ притиснутый къ переднимъ скаламъ по необходимости долженъ былъ расположиться отрядъ. Между тѣмъ турецкія войска, значительно увеличившись, слѣдовали по пятамъ и получили возможность занять высоты на флангахъ русскаго отряда. Весь вечеръ и ночь 21 іюня отрядъ оставался въ этой котловинѣ. Не успѣли войска расположиться бивакомъ, какъ турки уже стали насѣдать сзади. Тогда генералъ Тергукасовъ занимаетъ частью войскъ оставшіяся позади горныя высоты, сосредоточивая въ центръ пѣхоту и артиллерію и прикрываясь съ фланговъ казаками. Остальное войско, несмотря на усталость, отдыхало въ полной аммуниціи, готовое къ бою. Наступила ночь. На окрестныхъ высотахъ обширнымъ кольцомъ вокругъ котловины засвѣтились бивачные огни непріятеля. Очевидно, турки намѣревались окружить и запереть отрядъ въ Даркской котловинѣ. Опасность положенія чувствовали всѣ, чувствовалъ ее и начальникъ отряда, но наружно попрежнему оставался спокойнымъ, распорядившись только на случай своей смерти о передачѣ начальства надъ отрядомъ. Всю ночь производились рекогносцировки, выяснившія расположеніе непріятеля. Рѣшено было еще ночью занять небольшою частью высоты къ западу отъ перевала, чтобы такимъ образомъ воспрепятствовать непріятелю охватить отрядъ съ этой стороны. Эриванскому отряду нужно было выйти изъ своего невыгоднаго положенія, а для этого прежде всего, пользуясь темнотой ночи, поднять свой хвостъ (обозъ, раненыхъ и таборъ переселенцевъ) и спустить его въ Мысунскую долину, въ тоже время обезпечивая себя съ фланговъ и удерживая наступленіе непріятеля. Въ виду этой задачи по распоряженію Тергукасова отрядъ дѣйствовалъ одновременно какъ бы тремя группами; первая группа отряда, опередивъ обозъ и переселенцевъ, очищаетъ и обезпечиваетъ путь, разработываетъ дорогу и одновременно слѣдитъ за безопасностью фланговъ. Вторая группа, центральная, обороняетъ перевалъ, прикрываетъ транспортъ и занявъ перевалъ обезпечиваетъ отступленіе аріергарда, составлявшаго третью группу.

Ночью съ 21 на 22 іюня на русскомъ бивакѣ кипѣла работа. Согласно плану Тергукасова, двинулся на перевалъ транспортъ раненыхъ, обозъ и остальной таборъ переселенцевъ по трудной дорогѣ, которую дружно разработывали двинутыя впередъ роты. Еще ночью передовая часть войска успѣла занять находящіяся впереди фланговыя высоты. Когда начало разсвѣтать, вся тяжелая часть отряда была уже поднята на перевалъ, а оставшійся въ котловинѣ аріергардъ стоялъ въ боевомъ порядкѣ, искусно расположенный Тергукасовымъ.

Съ началомъ дня турки открыли огонь и одновременно пытались охватить насъ съ фланговъ. Но попытки окружить были во время отбиты, а аріергардъ, выпуская почти послѣдніе снаряды, удерживалъ натискъ непріятеля. Лишь только послѣднія повозки артиллерійскаго лагеря поднялись на перевалъ, началось отступленіе аріергарда въ полномъ боевомъ порядкѣ, спокойно, подъ прикрытіемъ артиллеріи. Къ 10 часамъ утра послѣднія части аріергарда спокойно начали отходить къ перевалу, прикрываясь огнемъ уже расположеннаго на перевалѣ отряда стрѣлковъ и батареи. Такимъ образомъ занята была вторая болѣе сильная позиція на перевалѣ. Опасность все еще была велика, потому что противникъ сильно началъ тѣснить насъ съ фланговъ. Но къ 12 часамъ транспортъ уже спустился въ Мысунскую долину и былъ почти въ безопасности, а отрядъ менѣе стѣсненный теперь въ своемъ движеніи, храбро отражалъ наступавшаго съ разныхъ сторонъ противника, и разстрѣливая послѣдніе патроны, спустился къ 3 час. въ Мысунскую долину, освободившись отъ преслѣдованія турокъ. Здѣсь уже отрядъ почувствовалъ себя почти въ полной безопасности. Вотъ въ какихъ положеніяхъ приходилось быть отряду!

Также образцово и мужественно велъ себя отрядъ Тергукасова впродолженіе всего труднаго обратнаго пути, замѣчательнаго девятидневнаго отступательнаго марша-маневра (отъ Даяра до Игдыря). Весь поглощенный мыслью о судьбѣ ввѣреннаго ему отряда, Тергукасовъ всегда на сторожѣ, всегда держитъ въ своихъ рукахъ нити дѣйствія, всякая опасность лишь усиливаетъ его бдительность и дѣятельность. И намъ часто въ описаніи этого похода приходилось прочитывать мѣста вродѣ слѣдующаго: «Самъ генералъ Тергукасовъ, всегда бодрствующій въ трудныя минуты боевой и походной жизни своего отряда и раздѣлявшій съ войсками всѣ опасности и лишенія, со всѣмъ своимъ штабомъ провелъ эту ночь, какъ и весь предшествовавшій день на центральной батареѣ; онъ сидѣлъ здѣсь, завернувшись въ бурку, на лафетѣ орудія, и отсюда же, въ теченіе всей ночи, помощью постоянной посылки состоявшихъ при немъ и при штабѣ офицеровъ генеральнаго штаба и ординарцевъ, слѣдилъ и управлялъ порядкомъ отправленія и движенія обоза и за расположеніемъ и службой войскъ на позиціи» [1]. Такимъ внимательнымъ руководителемъ онъ оставался всегда, въ самые опасные моменты, какъ напримѣръ, при отступленіи у с. Каракилисъ: здѣсь, по словамъ участника, «турецкія гранаты въ изобиліи рвались вокругъ того мѣста, гдѣ, лично руководя всѣмъ ходомъ отступленія, стоялъ генералъ Тергукасовъ и всѣ мы стоявшіе здѣсь съ нимъ ежеминутно были забрызгиваемы грязью, далеко разбрасываемой снарядами, падавшими въ болотистую почву вокругъ.» [2])

Неустрашимый въ бою, генералъ Тергукасовъ въ то же время отличался чисто спартанской невзыскательностью и выносливостью кавказскаго воина, дѣлившаго съ подчиненными всѣ тяжести похода. «Выдержавши съ честью новыя испытанія,» читаемъ мы въ описаніи похода, «выпавшія отряду 19 іюня подъ Каракилисой, измученныя и полуголодныя войска расположились на землѣ для

---

[1]) Воен. Сборн. 1894 г. № 1. Тамъ-же.

[2]) Дневникъ капитана Генер. Штаба А, Д. Б.

короткаго отдыха, забывъ о пищи или довольствуясь, «чѣмъ Богъ послалъ», не чувствуя ни неудобства расположенія на голой землѣ, ни сырости болотнаго воздуха. Генералъ Тергукасовъ, котораго войска привыкли видѣть въ бою всегда въ мѣстахъ наибольшей опасности, а на отдыхѣ тутъ же съ ними и въ тѣхъ же условіяхъ, несмотря на свое положеніе, несъ одновременно съ войсками всѣ тяжести и лишенія и, не зная покоя и отдыха, подавалъ тѣмъ примѣръ безропотнаго перенесенія выпадавшихъ невзгодъ. Такъ было и теперь на новой позиціи; ночью, когда все поуспокоилось, Арзасъ Артемьевичъ по обыкновенію расположился на голой землѣ въ одномъ легкомъ пальто и, замѣтивъ невдалекѣ огонекъ и узнавъ, что это офицеры стрѣлковаго батальона разогрѣваютъ себѣ чай, послалъ ординарца попросить себѣ стаканъ чая. По передачѣ этой просьбы стрѣлкамъ, они засуетились полные самого искренняго желанія угодить дорогому начальнику, но все, что у нихъ нашлось, составляло всего пять кусочковъ сахара, которые и были посланы съ чаемъ Арзасу Артемьевичу. Онъ же въ свою очередь этотъ скудный запасъ раздѣлилъ съ своимъ адъютантомъ» [1]).

Въ этомъ эпизодѣ въ частности, какъ и вообще въ спартанскомъ бытѣ и образѣ жизни генерала Тергукасова въ теченіе кампаніи, какъ въ бою, такъ и на отдыхѣ, въ чарующемъ добродушіи замѣчательно образованнаго и бывалаго стараго кавказца нужно искать ключъ къ его столь значительному вліянію на войско и къ тому искреннему душевному и сердечному влеченію къ нему чуткихъ войскъ, о которыхъ свидѣтельствуется всѣми, служившими подъ его начальствомъ, и чѣмъ преисполнены, какъ личныя воспоминанія участниковъ-очевидцевъ, такъ и войсковые полуофиціальные источники [2])». Въ суровой походной обстановкѣ прекрасно обрисовывается личность Тергукасова, невольно приковывающая къ себѣ вниманіе при ближайшемъ знакомствѣ. Въ личности этого человѣка, конечно, въ силу условій его дѣятельности прежде всего выступаютъ черты мужественнаго воина. Именно, мужество въ строгомъ смыслѣ этого слова, мужество разумное, спокойное, и скромное является основной чертой этого воина. Это мужество сообщало ему необыкновенное спокойствіе, увѣренность, твердость, способность никогда не теряться и разумно оріентироваться въ самыхъ опасныхъ положеніяхъ. Такое мужество лишено эффектнаго освѣщенія яркихъ красокъ, но оно является единственнымъ залогомъ успѣха. Это мужественное самообладаніе никогда не покидало Тергукасова и оно же дѣйствовало въ высшей степени успокоительно на солдатъ. Въ самые критическіе моменты генералъ ни разу не выказалъ наружно ни волненія, ни безпокойства, наоборотъ, онъ казался даже равнодушнымъ. Когда предъ Даяромъ внезапно открыли многочисленнаго непріятеля, окружавшіе офицеры были взволнованы, сознавая всю трудность положенія. «Генералъ Тергукасовъ встрѣтилъ извѣстіе съ полнѣйшимъ спокойствіемъ, ничѣмъ не выдавая ни тревогъ. ни опасеній, и въ отвѣтъ раздалось столь обычное для начальника Эриванскаго отряда и произнесенное съ обычной ему свойственною, спокойною твердостью: «хòрошо, очень хòрошо!» «Полное спокойствіе», читаемъ мы въ описа

---

[1]) Чеэарскій. Исторія 3-го кавказскаго стрѣлк. батальона. Любимскій. Отъ горъ Кавказа до фортовъ Эрзерума.

[2]) Воен. Сборн. 1895 г. № 1.

ніи этого сраженія, «замѣчательное самообладаніе и хладнокровіе генерала Тергукасова, встрѣтившаго эти извѣстія, какъ будто имъ предвидѣнныя и для него весьма радостныя, сообщались и начальникамъ и всѣмъ окружающимъ, обезпечивъ, ту спокойную увѣренность, ту толковую разсудительность и тотъ порядокъ которыя въ подобныхъ обстоятельствахъ заключаютъ въ себѣ половину успѣх а [1]).

Одинъ изъ эпизодовъ отступленія еще ярче обрисовываетъ эту черту въ Тергукасовѣ. Отступающій отрядъ, утомленный и лешенный боевыхъ запасовъ, находился, какъ мы уже видѣли, въ отчаянномъ положеніи при переходѣ чрезъ Даракскую котловину. «Въ отрядѣ всѣ знали и чувствовали, что турки обходятъ и охватываютъ отрядъ со всѣхъ сторонъ и что положеніе дѣлъ весьма серьезно. Эту серьезность положенія больше всѣхъ сознавалъ самъ доблестный начальникъ отряда, съ трудомъ и тяжестью на сердцѣ согласившійся оставить въ сторонѣ осажденный Баязетъ, а теперь вынужденный вызвать новыя усилія своего измученнаго отряда для преодолѣнія послѣдняго препятствія къ достиженію границъ Эриванской губерніи. Несмотря на все переживаемое и на всю тяжесть отвѣтственности за событія, которыя онъ несъ на себѣ одинъ, Тергукасовъ весь день 21-го и въ памятную ночь на 22-ое іюня былъ, какъ всегда, спокоенъ и, твердо вѣруя въ испытанныя войска ввѣреннаго ему отряда, не выказывалъ предъ ними ни малѣйшей тревоги, оставаясь тѣмъ же благодушнымъ и спокойнымъ начальникомъ, какимъ его видѣли обыкновенно. «На спокойномъ, какъ бы вылитомъ изъ бронзы лицѣ его», свидѣтельствуютъ участники, «нельзя было прочесть ни тѣни тревоги или опасности». Только отъ ближайшихъ помощниковъ и отъ интимнаго кружка глубоко ему преданныхъ лицъ его штаба не ускользнула большая, чѣмъ когда либо его озабоченность» [2]). Спокойно сообщилъ онъ своему штабу объ угрожающей опасности, также спокойно и дѣятельно сталъ готовиться къ борьбѣ. «Одобренные нравствено, но сильно утомленные физически, свидѣтельствуетъ участникъ-очевидецъ, мы стали понемногу засыпать около потухающаго костра. Одинъ генералъ Тергукасовъ всю ночь не сомкнулъ глазъ, задумчиво, какъ часовой, ходя взадъ и впередъ около своего храпящаго штаба и прилегъ только предъ самымъ разсвѣтомъ, когда одна за другой начали гаснуть звѣзды на чуть просвѣтлѣвшемъ небѣ» [3]).

Въ извѣстномъ уже сраженіи у Даяра выслушавъ опасеніе одного изъ полковниковъ, что турки—въ громадныхъ массахъ обходятъ нашъ правый флангъ генералъ весело и добродушно возразилъ: «Ну, ужъ будто и въ громадныхъ,—откуда ему взять громадныя массы»! Немногіе знали, что стоило ему это наружное спокойствіе, знали тѣ, кто видѣлъ, какъ среди спящаго лагеря проводилъ безсонныя ночи, сидя на лафетѣ и обдумывая положеніе дѣлъ.

Прошедшій школу Кавказской боевой жизни Арзасъ Артемьевичъ привыкъ дѣлить съ солдатами всѣ труды, неудобства и опасности, что такъ роднило его съ подчиненными. Дѣлая оцѣнку упомянутому сраженію у Даяра, авторъ изслѣдованія о походѣ Эриванскаго отряда видитъ причину успѣха *прежде всего* «въ

---

[1]) Воен. Сборн. 1890 г. № 8. Тамъ-же.

[2]) Воен. Сборн. 1895 г. № 11.

[3]) Дневн. офицера отряда А. Д, Б.

личности начальника отряда, представлявшаго рѣдкій примѣръ сочетанія высокаго образованія, крупнаго военнаго таланта съ необыкновенной скромностью, простотой, доступностью, высокой степени человѣчностью и образцовой честностью. Пройдя школу Кавказской войны, онъ навсегда остался близокъ войскамъ, былъ чрезвычайно чутокъ до малѣйшихъ ихъ нуждъ и хлопотливо заботливъ до всего, касавшагося ихъ внутренняго и внѣшняго благополучія. А. А. Тергукасовъ не внушалъ страха подчиненнымъ, не подавлялъ своей недюжинной личностью, а напротивъ, возвышалъ и ободрялъ, находя для подчиненнаго, особенно для солдата, всегда простое, ласковое и ободряющее слово, въ которомъ никогда не слышалось фальшивой ноты [1]).

Въ бою его видѣли въ мѣстахъ наибольшей опасности, въ походѣ онъ дѣлилъ съ солдатами всѣ лишенія и невзгоды и часто спалъ на голой землѣ завернувшись въ бурку. Когда во время знаменитаго отступленія отрядъ становился въ особенно опасное положеніе, Тергукасовъ самъ оставался въ тылу его, оставляя иногда стоянку *послѣднимъ*. И къ солдатамъ возвращались бодрость и спокойствіе; они знали, что за ихъ спиной есть еще генералъ, въ котораго они глубоко вѣрили. Вотъ случай, рисующій поведеніе Тергукасова въ опасные моменты похода. «Къ тремъ часамъ дня, медленно, шагъ за шагомъ, отступая, отстрѣливаясь и взаимно поддерживая другъ друга, войска начали оставлять с. Каракилисы. Пропустивъ мимо себя всѣ послѣднія отступавшія части, генералъ Тергукасовъ тронулся со своимъ штабомъ, буквально послѣднимъ, двигаясь одно время даже впереди цѣпи, провожаемый учащеннымъ огнемъ всей турецкой артиллеріи. Это присутствіе начальника отряда въ хвостѣ всего отступленія имѣло, по словамъ участниковъ, огромное нравственное воздѣйствіе на войска» [2]). Это умѣнье внушить увѣренность и бодрость солдатамъ, поселить въ себѣ безграничное довѣріе было громадной нравственной силой, являющейся важнѣйшей чертой всякаго истиннаго полководца. Благодаря этой нравственной силѣ вождя Эриванскій отрядъ могъ совершить свой блестящій подвигъ. И солдаты дѣйствительно могли себя чувствовать бодро съ такимъ вождемъ; они привыкли видѣть въ немъ человѣка, который выказывалъ постоянно неусыпную заботливость о нихъ.

Когда отрядъ выступилъ въ описанный походъ, продовольственная часть находилась въ самомъ жалкомъ положеніи. Нужна была масса энергіи, находчивости и заботливости со стороны Тергукасова, чтобы удовлетворительно кормить и одѣвать солдатъ. Въ минуты опасности каждый зналъ, что его выручатъ, не оставятъ безъ помощи. Однажды, во время отступленія ночью, отрядъ снялся съ позиціи со всевозможными предосторожностями, чтобы не дать себя замѣтить непріятелю. Уже отойдя верстъ 6—7 замѣтили, что недостаетъ полу-роты, которая на покинутой стоянкѣ занимала одну изъ предохранительныхъ позицій, и о которой забыли. Всякое замедленіе отряда грозило опасностью, тѣмъ не менѣе Тергукасовъ не колебался ни минуты, остановилъ весь отрядъ и бросился на выручку отбивавшейся отъ непріятеля злополучной полу-ротѣ. Оставленный имъ

[1]) Воен. Сборн. 1890 г. № 8. Тамъ же.
[2]) Воен. Сборн. 1890 г. № 1.

въ Баязетѣ гарнизонъ геройски боролся съ многочисленнымъ непріятелемъ, твердо надѣясь на своего избавителя, и не ошибся.

Если эти черты дѣлали его доблестнымъ вождемъ, внушали къ нему уваженіе и глубокое довѣріе, то другая черта Тергукасова—отзывчовое, любящее сердце—роднило его съ солдатами, вызывало любовь къ нему. Въ этомъ человѣкѣ, выросшемъ и проводившемъ жизнь среди борьбы и опасностей, подъ громъ орудій и стоновъ, удивительно сохранилась та душевная мягкость и чуткость, которая высказывалась и въ его обычномъ добродушіи и простотѣ и въ его отношеніяхъ къ несчастнымъ и угнетеннымъ. Послѣ удачнаго боя у Драмъ-дага генералъ благодарилъ войска. Подойдя къ особенно отличившимся Ставропольцамъ, онъ снялъ фуражку и низко имъ поклонился, прибавивъ: «другой благодарности у меня нѣтъ, Ставропольцы!» [1]) Къ раненымъ Тергукасовъ относился всегда съ самымъ теплымъ участіемъ и заботливостью. Послѣ сраженія у Даяра, передъ отступленіемъ, тяжесть котораго Тергукасовъ предчувствовалъ, онъ обходилъ раненыхъ, обнималъ и цѣловалъ ихъ. «Это не люди», говорилъ онъ, «это герои, святые!» [2])

Во время геройскаго отступленія наибольшая заботливость его была направлена на раненыхъ; онъ не двигался до тѣхъ поръ, пока всѣ раненые не были и уложены и отправлены съ обозомъ впередъ, и всѣхъ раненыхъ доставилъ на родину. Во время одного изъ опасныхъ моментовъ отступленія (у Зейдекяна) раненые пришли въ сильное безпокойство, опасаясь попасть въ руки турокъ. «Чтобы успокоить раненыхъ, чуткій и впечатлительный всегда и во всемъ, что касалось солдата во всѣхъ его положеніяхъ, генералъ Тергукасовъ послалъ къ нимъ своего начальника штаба полковника Филиппова съ обѣщаніемъ, что войска до ночи будутъ стоять и охранять отступающій обозъ и госпиталь, и что отрядъ не двинется до тѣхъ поръ, пока не уложатъ послѣдняго раненаго въ повозку» [3]).

Эта гуманность, это благородное сердце выражалось у него не въ однихъ только отношеніяхъ къ солдатамъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ Арзасъ Артемьевичъ являлся носителемъ широкой гуманности. На непріятельской территоріи, съ ея полудикимъ населеніемъ, онъ слѣдитъ за сохраненіемъ законности и порядка, онъ строго запрещаетъ своимъ солдатамъ брать что-нибудь даромъ у населенія, съ которымъ старается сохранить спокойныя, мирныя отношенія.

Но лучшимъ примѣромъ, характеризующимъ высокія нравственныя черты въ этомъ человѣкѣ, служитъ отношеніе его къ переселенцамъ. Какъ извѣстно, по мѣрѣ передвиженія отряда по турецкой территоріи, подъ защиту его стекалась масса армянскихъ семействъ, спасавшихся отъ турецкихъ звѣрствъ; эти люди связали свою судьбу съ судьбой отряда, рѣшившись лучше претерпѣть всѣ лишенія и опасности похода и переселиться въ предѣлы Россіи, чѣмъ оставаться на произволъ озлобленнымъ туркамъ. Къ началу отступленія этихъ пере-

---

[1]) Воен. Сборн. 1889 г. № 1.
[2]) М. Цезарскій. Исторія Кавказ. Стрѣлковаго баталіона.
[3]) Любимскій. „Рус. Вѣстн.“ 1879 г. № 12.

селенцевъ набралось около 3000 (тогда какъ весь отрядъ состоялъ лишь изъ 6000 человѣкъ) и эта масса состояла на половину изъ стариковъ, женщинъ и дѣтей; переселенцы шли со всѣмъ своимъ имуществомъ, арбами и т. п. Легко себѣ представить, какое громадоое затрудненіе представлялъ этотъ таборъ для Эриванскаго отряда при его отступленіи. Бросивъ его, отрядъ развязывалъ бы себѣ руки, двигался бы правильнѣе и скорѣе, въ случаѣ крайней опасности пробивая себѣ путь штыками. Нужно было имѣть глубокое чувство любви къ ближнему, чтобы съ такимъ самоотверженіемъ и мужествомъ спасая себя, спасать и другихъ. Нужно было обладать тѣми высокими нравственными качествами, какими обладалъ Тергукасовъ, чтобы такъ терпѣливо и благодушно относиться къ этой новой задачѣ, въ то время какъ изнемогавшій отрядъ едва могъ отстаивать себя. Но у этого человѣка достало твердости довершить свой рыцарскій подвигъ.

Какой, повидимому, скромный и какой высокій и поучительный примѣръ представляетъ собою этотъ поступокъ воина-христіанина, воина охраняющаго, спасающаго. Спасти самоотверженно нѣсколько тысячъ беззащитныхъ—да не выше ли стоитъ этотъ подвигъ, чѣмъ кровавыя побѣды, одѣвающія такимъ блестящимъ ореоломъ своихъ героевъ?! Исторія, къ сожалѣнію, проходитъ большею частью мимо такихъ фактовъ, останавливаясь чаще на тѣхъ военныхъ подвигахъ, которые оставляютъ за собой груды костей, но чуткое человѣческое сердце скорѣе отзовется на этотъ подвигъ мира и любви, хотя и неукрашенный военными лаврами. Тергукасовъ справедливо заслужилъ славу доблестнаго полководца, но еще большая честь и слава ему, какъ воину-человѣку, хранившему въ груди своей любящее сердце.

К—евскій.

Армянскій крестоносецъ (XII в.).

Б. М. Шелковниковъ.

Генералъ Бебутъ Мартиросовичъ Шелковниковъ [1].

I.

«Ужасный врагъ нашей Кавказской арміи, врагъ, сказавшійся гораздо страшнѣе и гибельнѣе, чѣмъ турецкая армія,—арзерумскій тифъ унесъ въ могилу въ числѣ тысячи жертвъ, въ самомъ расцвѣтѣ силъ храбраго генерала Шелковникова, въ тотъ періодъ его жизни и карьеры, когда эта даровитая личность, свѣтлая и благородная, послѣ компаніи выступила впередъ своими способностями и своими качествами». Этими словами начинается печальный некрологъ, возвѣстившій Тифлису неожиданную смерть одного изъ лучшихъ представителей туземнаго населенія.

[1]) Шелковниковъ, Б. М., родомъ изъ нухинскихъ армянъ, родился въ 1837 г., кончилъ курсъ въ Николаевской академіи генеральнаго штаба; въ 1867 г. назначенъ начальникомъ Закатальскаго округа; въ 1877 г. былъ начальникомъ Черноморскаго округа; участвовалъ въ войнѣ 1877—78 г.; затѣмъ назначенъ военнымъ губернаторомъ Эрзерумской области, гдѣ и умеръ въ 1878 г.

Бебутъ Мартиросовичъ Шелковниковъ (русскіе звали его Борисомъ Мартыновичемъ) былъ армянинъ, уроженецъ города Нухи, нѣкогда столицы Шекинскаго ханства. Отецъ его, тамошній бекъ или меликъ, отправилъ сына въ Москву, гдѣ онъ поступилъ въ кадетскій корпусъ и вышелъ оттуда въ 1855 году въ резервную батарею 21 артиллерійской бригады. Служба въ этой батареѣ, расположенной далеко отъ театра военныхъ дѣйствій, не представляла ничего занимательнаго, и молодой Шелковниковъ выхлопоталъ себѣ переводъ въ 4-ю батарею 20-й артиллерійской бригады, находившуюся тогда въ Чечнѣ. Съ этою батареею онъ принялъ участіе въ осадѣ и взятіи аула Ведено и затѣмъ окончилъ Кавказскую войну андейскимъ походомъ. Какъ ни скромна была роль молодого человѣка, командовавшаго въ бояхъ артиллерійскимъ взводомъ, однако и за этотъ короткій періодъ времени онъ обратилъ на себя вниманіе и былъ отличенъ двумя орденами св. Станислава и св. Анны съ мечами и бантомъ.

По окончаніи войны на Кавказѣ Шелковниковъ поступилъ въ Военную Академію Генеральнаго Штаба. Здѣсь онъ окончилъ курсъ, но не держалъ выпускного экзамена, а потому, 15 іюля 1863 года, назначенъ былъ на должность старшаго адъютанта штаба 7-й пѣхотной дивизіи, съ состояніемъ по артиллеріи. Съ этого времени начинается служебная карьера Шелковникова.

Штабъ 7-й пѣхотной дивизіи расположенъ былъ въ Радомѣ, въ самомъ центрѣ военныхъ дѣйствій, и Шелковникову пришлось играть видную роль въ событіяхъ польской кампаніи, такъ какъ начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Ушаковъ былъ въ то же время и командующимъ войсками въ Радомскомъ военномъ отдѣлѣ.

Положеніе дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ, несмотря на истребленіе шаекъ, не предвѣщало близкаго окончанія вооруженнаго возстанія. Можно было предвидѣть, что къ осени инсургенты соберутся снова, и что при извѣстномъ настроеніи европейскаго общества разрывъ съ западными державами сдѣлается почти неизбѣжнымъ.

Дѣйствительно, постоянныя неудачи инсургентовъ въ Радомской губерніи, не остававшіяся, конечно, безъ вліянія на умы окрестныхъ жителей, встревожили народный жондъ, который въ видахъ поправленія дѣлъ рѣшилъ подкрѣпить сандомірскія банды изъ Люблина, гдѣ жиржинская катастрофа [1]) была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Съ этою цѣлью нѣсколько инсургенскихъ вождей стянули свои силы въ казимѣржскіе лѣса и, задержавъ идущіе по Вислѣ плоты, 4-го августа переправились въ Радомскую губернію. Черезъ два дня польскій отрядъ въ 2.500 человѣкъ, прекрасно вооруженный, съ правильно организованнымъ обозомъ и отличною конницею, появился въ окрестностяхъ Радома. Чтобы выяснить положеніе дѣлъ, генералъ Ушаковъ приказалъ майору Протопопову съ тремя ротами Могилевскаго полка, эскадрономъ Екатеринославскихъ драгунъ и двумя орудіями выступить для открытія непріятеля. Съ этимъ отрядомъ для исполненія обязанностей офицера генеральнаго штаба назначенъ былъ и поручикъ Шелковниковъ, обнаружившій сразу замѣчательныя боевыя способности.

---

[1]) Въ дѣлѣ подъ Жиржиномъ русскій отрядъ былъ разбитъ и потерялъ два орудія.

«Въ сраженіи противъ польскихъ мятежниковъ 11 августа при д. Виръ,— писалъ въ своемъ донесеніи начальникъ отряда майоръ Протопоповъ,—поручикъ Шелковниковъ былъ моимъ главнымъ помощникомъ. Въ головѣ 7-й роты онъ атаковалъ колонну инсургентовъ и разсѣялъ ее; окончивъ это, онъ успѣлъ разбить колонну коссіонеровъ, показавшуюся съ другой стороны. Въ кавалерійской же атакѣ со 2-мъ полуэскадрономъ, онъ изъ первыхъ влетѣлъ въ каре, и своимъ мужествомъ служилъ прекраснымъ примѣромъ для нижнихъ чиновъ; въ этой атакѣ онъ былъ тяжело раненъ штыкомъ, и штыкомъ же ранена подъ нимъ лошадь».

За это «особое отличіе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ», поручикъ Шелковниковъ произведенъ былъ въ штабсъ-капитаны; но его ожидали и другія награды.

«Съ величайшимъ прискорбіемъ узнали мы въ академіи о Вашей ранѣ, полученной въ дѣлѣ при Вирѣ,—писалъ къ нему начальникъ академіи генералъ Леонтьевъ,—но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ мы радовались успѣху, одержанному при Вашемъ содѣйствіи надъ партіей инсургентовъ. Блестящее участіе Ваше въ столкновеніи подъ Виромъ видно изъ реляціи объ этомъ дѣлѣ, помѣщенномъ въ Инвалидѣ; теперь же, прочитавъ Ваше письмо къ капитану Гаврилову, я еще болѣе радуюсь за Васъ, тѣмъ болѣе, что надежда на Ваше выздоровленіе несомнѣнна. Генералъ-квартирмейстеръ сообщилъ мнѣ о своемъ намѣреніи перевести Васъ тотчасъ въ генеральный штабъ. Поздравляю Васъ; не держа выпускного экзамена въ академіи, Вамъ удалось выказать въ настоящемъ дѣлѣ ваши знанія и распорядительность и тѣмъ достойно заслужить переводъ въ генеральный штабъ. Желаю Вамъ скораго и полнаго выздоровленія».

Въ то же время военный министръ извѣстилъ Великаго Князя главнокомандующаго, что Государь Императоръ по докладѣ ему о подвигѣ поручика Шелковникова приказалъ собрать о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія и передать все дѣло на рѣшеніе кавалерской думы св. Георгія съ тѣмъ, что если дума не удостоитъ его награжденія этимъ орденомъ, то государь жалуетъ ему отъ себя орденъ св. Владиміра 4 степени съ мечами и бантомъ.

Дума собрана была въ Варшавѣ подъ предсѣдательствомъ стараго кавказскаго ветерана генералъ-лейтенанта князя Давида Осиповича Бебутова и единогласно признала подвигъ поручика Шелковникова достойнымъ награжденія орденомъ св. Георгія 4 степени.

Такимъ образомъ Бебутъ Мартиросовичъ за дѣло подъ Виромъ получилъ слѣдующій чинъ, переводъ въ генеральный штабъ и Георгіевскій крестъ въ петлицу.

Шелковниковъ въ это время лѣчился за границей; рана его оказалась тяжелою; легкое пробито было штыкомъ насквозь, и только продолжительное лѣченіе у извѣстныхъ врачей предотвратило угрожавшую ему чахотку. Оправившись отъ раны, Шелковниковъ назначенъ былъ на Кавказъ, и въ 1864 году занялъ должность въ управленіи генералъ-квартирмейстера Кавказской арміи, а потомъ перешелъ на службу по народному управленію. Здѣсь онъ былъ произведенъ въ капитаны, получилъ орденъ св. Станислава 2-й степени, и что, важнѣе всего, къ своей боевой извѣстности, пріобрѣтенной въ Царствѣ Польскомъ, прибавилъ

извѣстность въ высшей степени талантливаго и даровитаго человѣка. Послѣднее обратило на него особое вниманіе высшей администраціи края, и капитанъ Шелковниковъ 3-го марта 1867 года назначенъ былъ начальникомъ Закатальскаго округа.

II.

Тогда не прошло еще и двухъ лѣтъ, съ тѣхъ поръ какъ Закаталы были усмирены оружіемъ. Въ эти два года усердно сглаживались наружные слѣды минувшаго возстанія, водворялось внѣшнее спокойствіе въ округѣ; но далѣе этого работа администраціи не шла. Для всѣхъ было ясно, что народъ держался въ повиновеніи только страхомъ новыхъ погромовъ; но ни довѣрія къ начальствующимъ лицамъ, ни вѣры въ благія пожеланія самого правительства—ничего этого не было; полнѣйшая отчужденность всецѣло продолжала разъединять народъ отъ администраціи. При такихъ-то обстоятельствахъ въ мартѣ 1867 года Шелковниковъ былъ поставленъ во главѣ управленія округомъ. Слѣдовать программѣ предшествовавшаго періода, т.-е. ограничиться поддержаніемъ внѣшняго порядка, не вникая во внутреннюю жизнь народа, не касаясь тѣхъ корней, которые лежали глубоко въ сердцѣ лезгинъ, было невозможно. Это значило бы не сдѣлать ровно ничего въ смыслѣ прочной связи народа съ правительствомъ, и подготовить въ будущемъ безконечный рядъ тревогъ, недоразумѣній и новыхъ, быть можетъ еще болѣе кровавыхъ возстаній. Шелковниковъ понялъ, что довѣріе и сочувствіе полудикаго народа пріобрѣтаются не потворствомъ дурнымъ его инстинктамъ, не расточеніемъ предъ нимъ несбыточныхъ обѣщаній, послѣдствіями которыхъ бываетъ всегда кратковременная ложная популярность и затѣмъ горькое разочарованіе. Не этимъ путемъ, значитъ, могла быть разрѣшена поставленная предъ нимъ задача. Надлежало положить въ основу каждаго шага безусловную *справедливость* въ отношеніи всѣхъ, не различая сословій и того положенія, которое извѣстныя лица занимали въ народѣ; необходимо было, кромѣ выполненія офиціальныхъ обязанностей, исполнить долгъ честнаго человѣка, проникнутыя *теплымъ участіемъ* къ мельчайшимъ обыденнымъ интересамъ народа, сдѣлаться, если такъ можно выразиться, его пѣстуномъ. Въ этомъ отношеніи выборъ Шелковникова былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Рѣдкому изъ народныхъ правителей удавалось пріобрѣсть такое уваженіе и любовь, какою пользовался онъ въ средѣ притязательнаго, щепетильнаго и суроваго населенія Закатальскаго округа. Но чѣмъ больше росла его популярность среди простого народа, тѣмъ съ большею завистью и недоброжелательствомъ смотрѣли на него тѣ одиночныя лица, которыя видѣли *въ прочномъ сліяніи народа* съ русскимъ правительствомъ источникъ своего неминуемаго паденія. И вотъ, между Шелковниковымъ и этими сильными вліятельными лицами начинается глухая борьба, которая упорно и неустанно ведется въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. «И если я,—говоритъ самъ Шелковниковъ,—не изнемогъ въ концѣ этого перваго, тревожнаго періода своей дѣятельности, а вышелъ изъ него съ торжествомъ, то ис-

ключительно обязанъ этимъ поддержкѣ и полному довѣрію ко мнѣ высшаго моего начальства».

Глухая борьба разразилась, наконецъ, замѣтнымъ волненіемъ въ цѣломъ народѣ. Въ Закатальскомъ округѣ жили тогда двѣ замѣчательныя личности—Даніель-бекъ, бывшій султанъ Елисуйскій, и полковникъ Гаджи-Аза-Бекъ Шихлярскій, оба осыпанные безпримѣрными милостями русскаго правительства и оба находившіеся въ числѣ недовольныхъ. Они-то тайными происками черезъ свою многочисленную и знатную родню взволновали все населеніе округа. Кризисъ разрѣшился подачею прошенія о переселеніи въ Турцію цѣлыми обществами. Шелковниковъ, обстоятельно разслѣдовавъ дѣло, настоялъ на томъ, чтобы переселеніе не было разрѣшаемо, а, напротивъ, самъ назначилъ къ переселенію сто семействъ изъ числа тѣхъ, которыя болѣе другихъ замѣчены были въ подстрекательствѣ. Покончивъ съ этимъ вопросомъ, Шелковниковъ выѣхалъ на минеральныя воды вмѣстѣ съ своимъ семействомъ.

Между тѣмъ, лѣтомъ, въ то время, когда Шелковниковъ лѣчился въ Пятигорскѣ, въ округѣ почти уже организовалось открытое возстаніе. Ближайшее начальство, напуганное событіями 63 года, потребовало исправленія крѣпостныхъ верковъ, экстренныя работы по вооруженію батарей и немедленной присылки войскъ въ Закаталы. Вызванный изъ Пятигорска телеграммою Шелковниковъ по прибытіи въ Тифлисъ просилъ пріостановить всякія дѣйствія, пока онъ лично не убѣдится въ положеніи дѣлъ въ округѣ. Въ Тифлисѣ ему совѣтовали выѣхать въ Закаталы вмѣстѣ съ войсками; онъ отвергнулъ эти совѣты, сознавая, какія громадныя затраты потребовались бы неминуемо въ случаѣ экстреннаго движенія войскъ,—сѣлъ въ почтовую телѣжку и поскакалъ одинъ.

Онъ выѣхалъ изъ Тифлиса въ три часа утра и въ восемь часовъ вечера былъ уже въ Закаталахъ. Здѣсь онъ узналъ, что народъ постановилъ рѣшеніе не допускать одиночныхъ переселеній, а требовать, чтобы изъ края удалены были или всѣ, или никто. Очевидно, что въ народѣ было убѣжденіе, что русскія власти только грозятъ, и что вслѣдствіе настойчиваго требованія уступятъ, какъ это бывало не разъ. Ясно стало Шелковникову также и то, что въ дѣйствительности масса съ ужасомъ ожидала рѣшенія правительства, опасаясь, какъ бы и въ самомъ дѣлѣ не послѣдовало согласіе на переселеніе ихъ въ Турцію. Какъ только Шелковниковъ окончательно пришелъ къ такому заключенію, онъ уже не сомнѣвался въ успѣхѣ своей миссіи, но ему нужно было еще разъединить интересы массы отъ интересовъ лицъ, назначенныхъ къ переселенію.

Шелковниковъ былъ по натурѣ человѣкъ рѣшительный и храбрый; однакоже онъ не безъ внутренняго волненія рѣшился приступить къ открытому разрыву съ народомъ, опасаясь не за собственную жизнь, а за возможность потерпѣть неудачу, при чемъ, конечно, всѣ обвинили бы его въ самонадѣянности и самохвальствѣ управиться безъ помощи войска.

Ночь проведена была въ сильной ажитаціи. «Но зато,—говоритъ Шелковниковъ,—наступившій день былъ однимъ изъ лучшихъ дней моей жизни, ибо я восторжествовалъ вполнѣ».

Въ десять часовъ утра во дворѣ управленія поставлены были въ рядъ 30 джарцевъ и 35 человѣкъ тальскаго общества, которые, вмѣстѣ съ своими семьями,

назначены были къ переселенію въ Турцію. Шелковниковъ вышелъ одинъ и безъ оружія. Спокойнымъ, но строгимъ и внушительнымъ тономъ объявилъ онъ имъ рѣшеніе намѣстника.

«Хотя Его Императорскому Высочеству,—сказалъ онъ,—извѣстно положительное нежеланіе ваше выселиться, но онъ хочетъ наказать васъ этимъ, какъ главныхъ виновниковъ тревожнаго состоянія народа. Вы исключительно сами себѣ обязаны постигшимъ васъ несчастіемъ. Мнѣ приказано дать вамъ двѣ недѣли срока, въ продолженіе которыхъ вы должны приготовиться, и затѣмъ отъ сего числа на четырнадцатый день выступить. Я не имѣю права входить съ вами ни въ какія объясненія, не имѣю права принимать ни отъ васъ, ни отъ вашихъ родственниковъ никакихъ прошеній, потому что рѣшеніе вашей участи неизмѣнно. Приказываю вамъ отправиться въ свои дома немедленно и приготовиться къ переселенію. Удержите вашихъ родственниковъ отъ ходатайствъ за васъ, а тѣмъ болѣе отъ всякаго мало-мальски незаконнаго дѣйствія. Не сдѣлавъ ни малѣйшей пользы вамъ, они погубятъ только себя. Горе тому, кто осмѣлится необдуманнымъ словомъ, а тѣмъ болѣе дѣйствіемъ нарушить точное и быстрое исполненіе моихъ приказаній. Такого преступника постигнетъ неумолимая казнь, ибо приказанія, передаваемыя мною, истекаютъ отъ главнокомандующаго, а приказанія главнокомандующаго для васъ законъ.

«Два съ половиною года я, какъ мулла, проповѣдывалъ вамъ ваши обязанности, указывалъ пути, могущіе упрочить ваше счастіе и благоденствіе. Два съ половиною года я просилъ и увѣщавалъ васъ удержаться отъ беззаконныхъ дѣйствій. Вы не вѣрили мнѣ. Теперь ни просьбъ, ни увѣщаній отъ меня не услышите. Я скажу вамъ только законъ, который караетъ всякаго, кто осмѣлится посягнуть на него».

Внушительный тонъ не допускалъ возраженій—и возраженій дѣйствительно не было. Всѣ поняли, что устами Шелковникова говоритъ Великій Князь, и разошлись съ поникнутыми головами.

Изъ Закаталъ Шелковниковъ поспѣшилъ въ тотъ же день въ Большія Талы, гдѣ находилось въ сборѣ цѣлое общество. Онъ съ умысломъ не взялъ съ собою ни казаковъ, ни чапаровъ; при немъ были только наибъ, диванъ-беги, да два его помощника—всѣ безъ оружія. Даже оба помощника взяты были имъ только для того, чтобы потомъ, въ его отсутствіе, они могли бы дѣйствовать во всемъ согласно того направленія, которое онъ собирался развить теперь въ виду цѣлаго народа. Подъѣхавъ къ многочисленному джемату съ возможною торжественностью, которая такъ благодѣтельно дѣйствуетъ на азіатскую натуру, онъ сухо поздоровался съ народомъ.

Когда водворилась полнѣйшая тишина, Шелковниковъ строгимъ взглядомъ окинулъ всѣхъ присутствующихъ и началъ говорить тихо, не возвышая голоса:

«Я посланъ къ вамъ, тальцы, сардаремъ для объявленія воли его и приведенія ея въ точное исполненіе. Теперь ни для кого не тайна, что никто изъ васъ, подавая прошеніе о переселеніи, не думалъ оставлять своей родины. Напротивъ, вы съ ужасомъ ожидали, что вотъ-вотъ выйдетъ просимое вами разрѣшеніе. Успокойтесь! Несмотря на все неприличіе вашего поступка, Великому Князю не угодно было подвергнуть васъ разоренію и позорной нищетѣ, не

угодно было согласиться на то, что неминуемо погубило бы васъ, вашихъ дѣтей и ваши семьи. Онъ простилъ насъ, виноватыхъ болѣе въ глупой довѣрчивости своей къ людямъ безпокойнымъ, губящимъ ваше благосостояніе. Этихъ же послѣднихъ сардарю угодно казнить строго. Онъ приказалъ исполнить ихъ желаніе и выселить въ Турцію. Вы хорошо знаете, какова участь турецкихъ переселенцевъ: я не считаю нужнымъ рисовать передъ вами положеніе ихъ тамъ. Я объявилъ тридцати-пяти семействамъ изъ вашей среды приказаніе въ двухъ-недѣльный срокъ выселиться. Мольбы со слезами на глазахъ, съ которыми многіе изъ нихъ обратились ко мнѣ, прося помилованія, лучше всего доказываютъ, какъ далеки были отъ желанія переселиться даже тѣ, кто подстрекалъ васъ на такое пагубное дѣло. Я надѣюсь, что разсудокъ, въ которомъ Богъ не отказалъ вамъ, уже возвратился къ вамъ, что чувство раскаянія занимаетъ теперь ваши мысли, и я увѣренъ, что въ средѣ вашей найдется достаточно благомыслящихъ людей для того, чтобы образумить безумныхъ, если бы еще нашлись таковые. Помните, что мнѣ строго запрещено принимать отъ васъ какія бы то ни было ходатайства въ пользу лицъ, назначенныхъ къ переселенію, строго запрещено какое бы то ни было заступничество за нихъ, и если бы это случилось, то не только сами виновные, но ихъ родственники тотчасъ же назначены будутъ къ переселенію. Поняли вы меня, тальцы?»

Тальцы отвѣчали почтительно, что поняли.

Вотъ что телеграфировалъ Шелковниковъ генералу Старосельскому 14 іюня: «Важнѣйшая часть дѣла исполнена съ большою торжественностью; порядокъ строгій и образцовый во всемъ; ручаюсь за него и далѣе. Переселенцы выступятъ черезъ двѣ недѣли. Надобности въ войскахъ не имѣю. Прибытіе мое было необходимо, ибо настроеніе было не хорошо».

Черезъ двѣ недѣли, день въ день въ назначенный срокъ, сто семействъ, назначенныхъ къ переселенію, двигались уже въ Турцію.

За быстрыя, энергическія и благоразумныя распоряженія Шелковниковъ произведенъ былъ въ подполковники, а въ слѣдующемъ, 1870 году, въ полковники.

Не прошло и году, какъ несчастные переселенцы одинъ по одному стали возвращаться на родину. Шелковниковъ счелъ долгомъ ходатайствовать за нихъ передъ Великимъ Княземъ, ожидая отъ этого самыхъ лучшихъ послѣдствій. И онъ не ошибся: переселенцы своими разсказами о бѣдствіяхъ, перенесенныхъ въ Турціи, скорѣе и лучше всего излѣчили населеніе округа отъ несбыточныхъ надеждъ и явились въ дальнѣйшемъ самыми усердными проводниками взглядовъ и намѣреній правительства.

Такъ одержана была громадная нравственная побѣда надъ 60-титысячнымъ населеніемъ гордыхъ, неукротимыхъ и полудикихъ лезгинъ. Съ этихъ поръ ихъ политическая подготовка достигла того предѣла, за которымъ ни ненависть, ни упорство, ни противодѣйствіе со стороны народа представителямъ правительственной власти уже не имѣютъ мѣста. Съ этого времени народъ слѣдовалъ совѣтамъ и указаніямъ своей администраціи не только безропотно, но съ сочувствіемъ и даже съ нѣкоторымъ увлеченіемъ. До какой степени лезгины подпали подъ вліяніе Шелковникова, можно судить по слѣдующимъ даннымъ.

Извѣстно, какъ горцы дорожатъ и высоко цѣнятъ право свое относительно ношенія оружія и какъ лихорадочно чутко относятся они къ малѣйшимъ мѣропріятіямъ въ этомъ родѣ. А между тѣмъ никто не поддерживаетъ въ нихъ такъ сильно духъ нетерпимости, буйства и своеволія, какъ арсеналъ оружія, которымъ обвѣшанъ постоянно каждый лезгинъ. Масса преступленій, совершаемыхъ ими, получаетъ также отсюда свое происхожденіе. Задавшись разъ мыслію возвысить нравственный уровень лезгинъ и направить ихъ къ честному труду, Шелковниковъ счелъ необходимымъ прежде всего устранить главнѣйшій къ этому тормозъ, т.-е. заставить ихъ отказаться отъ ношенія всякаго оружія. Не останавливаясь здѣсь на путяхъ, которыми онъ шелъ въ данномъ случаѣ, довольно сказать, что къ осени 1871 года все населеніе округа, и прежде другихъ гордые джарцы *перестали носить оружіе и даже кинжалы*. И достигъ онъ этого не приказаніями, на которыя не былъ уполномоченъ, а путемъ убѣжденій и увѣщаній, что было хорошо извѣстно цѣлому народу.

Сдѣлавъ столь рѣшительный опытъ относительно силы нравственнаго вліянія своего на умы лезгинъ, онъ безъ всякаго уже опасенія приступилъ къ осуществленію дальнѣйшихъ своихъ предположеній.

Здѣсь необходимо оговорить, что даровитый и способный Шелковниковъ прежде всего самъ принялся за изученіе *татарскаго языка*, чтобы знать нужды народа безъ участія переводчиковъ, и въ короткое время достигъ такихъ результатовъ, что сталъ говорить съ народомъ лучше многихъ природныхъ татаръ. Съ этихъ поръ вся административная дѣятельность Шелковникова выражается, можно сказать, только въ одной слѣдующей задачѣ.

Чтобы закрѣпить то благодѣтельное направленіе, которое приняли воззрѣнія лезгинъ, онъ направилъ всѣ свои силы къ развитію въ народѣ матеріальнаго достатка. Ничто такъ не прикрѣпляетъ къ мѣсту полудикій народъ, какъ обезпеченное положеніе, и ничто не вызываетъ въ немъ болѣе сильныхъ чувствъ признательности, какъ забота объ удовлетвореніи матеріальной стороны его потребностей. Съ этою цѣлью Шелковниковъ усиленно занялся рѣшеніемъ безчисленнаго множества и старыхъ и новыхъ поземельныхъ споровъ, поддерживавшихъ неурядицу. Цѣль эта была вполнѣ достигнута, и къ началу 1874 года можно было сказать, что въ округѣ между отдѣльными лицами и фамиліями поземельныхъ споровъ не существуетъ.

Быстрое и правильное рѣшеніе тяжбъ, тянувшихся вѣками, со времени шахъ-Аббаса, поразило самихъ лезгинъ и дало имъ высокое понятіе о нравственныхъ качествахъ нашихъ судей. И вотъ, въ то время, когда въ сосѣднихъ уѣздахъ мировые суды были завалены дѣлами, въ то время, когда тюрьмы въ смежныхъ провинціяхъ не вмѣщали въ себѣ сотенъ арестантовъ, томящихся въ заключеніи цѣлые годы, въ Закатальскомъ судѣ никогда не бывало на производствѣ болѣе ста дѣлъ, а число всѣхъ арестантовъ не достигало и 20 человѣкъ. Насколько народъ доволенъ былъ оказываемымъ ему правосудіемъ, видно изъ того, что за семь лѣтъ начальствованія Шелковникова изъ числа болѣе десяти тысячъ рѣшеній только девять поступили по апеляціямъ на пересмотръ главнаго народнаго суда.

Обезпечивъ за каждымъ поземельную собственность, нужно было подвинуть

народную промышленность, а за ней и торговлю. Закатальскій округъ это одинъ обширный садъ, созданный самою природою. Здѣсь соединились всѣ условія для успѣшнаго и вполнѣ выгоднаго развитія садоводства въ громадныхъ размѣрахъ. Въ виду такого положенія края Шелковниковъ постарался направить жителей къ болѣе правильному хозяйству и къ развитію тѣхъ отраслей его, которыя представляютъ болѣе выгодъ. Онъ отмѣчалъ лучшихъ хозяевъ, поощрялъ наиболѣе трудящихся и предпріимчивыхъ, ходатайствуя о пожалованіи однимъ медалей, другихъ награждая деньгами или иными отличіями, и добился въ концѣ концовъ, что поземельная собственность пріобрѣла въ округѣ болѣе высокую цѣнность, такъ какъ сильно подвинулось разведеніе новыхъ плантацій, а запашки хлѣба за послѣдніе годы почти удвоились. Но за что жители особенно благодарили Шелковникова—такъ это за выписку легкихъ и удобныхъ плуговъ, взамѣнъ ихъ тяжелыхъ и неуклюжихъ, унаслѣдованныхъ еще отъ отцовъ и дѣдовъ. И тамъ, гдѣ прежде для поднятія цѣлины требовалось 16 или 18 паръ быковъ, теперь употреблялось въ дѣло три и много-много четыре пары. Но такъ какъ выписка плуговъ обходилась все-таки дорого, то за работу принялись мѣстные мастера, и Шелковниковъ назначилъ премію за лучшіе плуги до 20 р. с. Для улучшенія садоводства устроена была практическая центральная ферма, а въ подспорье къ ней разведены при каждомъ изъ трехъ наибскихъ управленій еще особые садики, снабжавшіе жителей прививками. Въ округѣ появились роскошные сорта винограда, яблокъ, грушъ, персиковъ и даже огородныхъ овощей, съ которыми мѣстное населеніе до сихъ поръ было почти незнакомо.

Но никакія заботы администраціи не привели бы къ улучшенію быта населенія, если бы округъ продолжалъ оставаться при своихъ первобытныхъ сообщеніяхъ или, вѣрнѣе сказать, при полномъ бездорожьѣ, которое препятствовало населенію сбывать свои произведенія даже на ближайшихъ рынкахъ. Вынужденные уступать все за безцѣнокъ на мѣстѣ, жители дѣлались жертвою только кулаковъ и спекуляторовъ. Шелковниковъ обратилъ вниманіе на это вопіющее зло и искрестилъ страну прекрасными, шоссированными, съ прочными каменными мостами, дорогами, которыя съ обѣихъ сторонъ были обсажены орѣховыми и тутовыми деревьями. Кромѣ красоты, дороги пріобрѣли черезъ это еще громадное экономическое значеніе, такъ какъ каждое орѣховое дерево давало обществу отъ 4-хъ до 10 рублей ежегоднаго дохода. И все это сдѣлано было на счетъ самихъ жителей, народными руками, безъ всякаго пособія со стороны казны.

Началось собственно съ Джаръ, черезъ которыя пролегала въ Закаталы дорога тяжелая, каменистая, огражденная съ обѣихъ сторонъ широкой и высокой каменною стѣною. Это была та самая дорога, на которой погибли тысячи русскихъ жизней, гдѣ былъ убитъ Гуляковъ, гдѣ пострадали эриванцы. Въ прежніе годы ни одинъ изъ начальниковъ никогда не осмѣливался употребить гордое Джарское племя на какія бы то ни было работы. Шелковниковъ собралъ джематъ, объяснилъ ему значеніе и необходимость для нихъ же самихъ предположенной дороги и предложилъ джемату приступить къ дѣлу на другой же день. Первая попытка окончилась успѣшно; Шелковниковъ пошелъ дальше,—и когда населеніе само почувствовало всѣ преимущества разработанныхъ дорогъ,—дальнѣйшее развитіе этого дѣла не представляло уже никакихъ затрудненій. Народъ

самъ съ восторгомъ глядѣлъ на свои сооруженія и справедливо гордился ими передъ сосѣдями.

Въ ряду мѣропріятій, направленныхъ къ развитію края въ мирномъ отношеніи, Шелковникову пришлось обратить вниманіе и на самые Закаталы, представлявшіе собою видъ крайне непригляднный и служившіе источникомъ всевозможныхъ заразительныхъ болѣзней.

Расчитывать на содѣйствіе государственнаго казначейства не только было невозможно, но даже неосновательно, а между тѣмъ, такъ или иначе слѣдовало сдѣлать «для города хоть что нибудь». И вотъ совершеніе этого-то чего-нибудь Шелковниковъ и ставитъ личною своею задачею.

Естественно, что прежде всего пришлось обратить вниманіе на финансовую сторону дѣла. Весь городской капиталъ состоялъ тогда изъ 4900 рублей, помѣщенныхъ въ Закавказскомъ Приказѣ изъ полутора годовыхъ процентовъ. Шелковниковъ тотчасъ потребовалъ капиталъ обратно и пустилъ его въ обращеніе изъ 8%. Къ этой значительной субсидіи ему удалось увеличить городской доходъ почти на двѣ съ половиною тысячи рублей,—и вотъ на эти-то средства городъ мало-по-малу украсился каменными зданіями, обзавелся пожарнымъ инструментомъ, фонтанами, водопроводами и, наконецъ, прекраснымъ бассейномъ, помѣстившимся на центральной площади, какъ для украшенія города, такъ и на случай пожаровъ.

Для сельскихъ обществъ сдѣлано было имъ еще болѣе. И сельскіе банки, имъ учрежденные, и сельскія школы, содержимыя на счетъ самихъ обществъ, навсегда останутся лучшими памятниками того, что сдѣлано было Шелковниковымъ для экономическаго и умственнаго развитія народа. Шелковниковъ оказался иниціаторомъ—въ полномъ смыслѣ этого слова. Но онъ понималъ, какъ часто самыя лучшія начинанія тормозятся канцелярскою рутиной, и дѣйствовалъ своеобразно. Онъ прежде склонялъ самихъ жителей на то или другое предпріятіе, потомъ исполнялъ задуманное и затѣмъ доносилъ о немъ, какъ о совершившемся фактѣ. Такимъ образомъ Тифлису приходилось только утверждать уже сдѣланное, да удвляться быстрому росту и развитію края.

Заботясь о мирномъ развитіи страны, Шелковниковъ не упускалъ изъ виду и вопросовъ чисто-военныхъ, предвидя, что рано или поздно, при нашемъ столкновеніи съ Турціей, они должны занять преобладающее мѣсто. Онъ съумѣлъ такъ привязать лезгинъ къ русскому владычеству, что Закатальскій округъ былъ единственный округъ во всемъ Закавказьѣ, который воздержался отъ мятежа и даже броженія въ эпоху нашихъ неудачъ на поляхъ Азіатской Турціи въ 1877 г.

Итакъ, къ началу 1876 г. общее спокойствіе въ округѣ не оставляло желать ничего лучшаго; цѣлые мѣсяцы проходили безъ всякихъ почти происшествій, безъ нарушенія общественнаго спокойствія. Общее вниманіе всѣхъ направлено было къ честному труду, къ увеличенію своего благосостоянія законными путями, къ улучшеніямъ и нововведеніямъ въ хозяйствѣ, торговлѣ и промыслахъ. Населеніе округа смотрѣло съ полною вѣрою на свое будущее и на всѣ мѣропріятія правительства, и если оно чего желало, такъ это только сохраненія въ округѣ и впредь существующей системы управленія.

Какъ далеко распространилась молва о страведливости и безкорыстіи Шел-

ковникова можно заключить изъ того, что татарскія общества Елисаветпольской губерніи, служившія ареною вѣчныхъ разбоевъ, сами обратились къ начальству съ прсьбою или дать имъ губернаторомъ Бориса Шелковникова, или дозволить имъ переселиться въ Турцію.

Такая плодотворная дѣятельность Шелковникова доставила ему въ періодъ времени съ 1870 по 1876 годъ два ордена: Владиміра 4 степени и Анну на шею.

Трогательны были проводы, устроенные суровыми лезгинами, когда весною 1876 года Шелковниковъ неожиданно получилъ другое назначеніе. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по горамъ, и народъ тысячами началъ стекаться въ Закаталы, чтобы проститься съ «Бебутъ-бекомъ». Шелковниковъ представилъ имъ своего преемника. Видите ли, сказалъ онъ, примѣняясь къ народнымъ понятіямъ, какого молодца прислалъ для васъ Великій Князь—намѣстникъ. Слушайтесь и любите его!

— Молодецъ-то онъ молодецъ,—отвѣчали лезгины,—но пусть у него душа и сердце будутъ такія же, какъ у тебя. Намъ больше ничего не нужно.

Прощаясь, почти всѣ плакали; старики-лезгины, говорили ему: «Не хорошо, Бебутъ-Бекъ, что насъ покидаешь. Развѣ ты слышалъ когда-нибудь, чтобы отецъ покидалъ своихъ дѣтей»? Другіе говорили: «Да будетъ надъ тобою Аллахъ; не оставь онъ тебя и твою семью». Сотни всадниковъ провожали отъѣзжающаго начальника до самаго Тифлиса.

III.

Новая дѣятельность, къ которой былъ призванъ Шелковниковъ, заключалась въ оживленіи колонизціи и упроченіи за нами въ политическомъ смыслѣ всего побережья Чернаго моря. До покоренія Западнаго Кавказа численность населенія этого берега доходила до 400 тысячъ душъ. Населеніе это занималось хлѣбопашествомъ и садоводствомъ въ обширныхъ размѣрахъ; слѣды безконечныхъ горскихъ нивъ, какъ на равнинахъ, такъ и на склонахъ горъ, сохранились до нашего времени, а сады и теперь служатъ главнѣйшимъ источникомъ существованія населенія.

Опытъ переселенія кубанскихъ казаковъ оказался неудачнымъ и виды русскаго правительства на упроченіе за нами восточнаго берега Чернаго моря не оправдались. Но Великій Князь намѣстникъ не желалъ, однако, отказаться отъ этой идеи, сознавая, что дѣло требуетъ только мастера, и лично назначилъ въ Новороссійскъ полковника Шелковникова, который 29 іюля 1876 г. и былъ утвержденъ начальникомъ Черноморскаго округа. Широкая и плодотворная дѣятельность, болѣе широкая даже, чѣмъ въ Закаталахъ, лежала предъ Шелковниковымъ тамъ, гдѣ нужно было исправлять начатое, возстановлять разрушенное, созидать и класть начало тому, что еще было подъ спудомъ. Обстоятельства, однакоже, сложились вовсе не такъ, какъ думалъ Великій Князь и мечталъ самъ Шелковниковъ, пріѣхавшій въ новый край наканунѣ объявленія

турецкой войны. Теперь вопросъ шелъ не о развитіи колонизаціи, а о спасеніи того, что уже было, изъ-подъ ударовъ турокъ, которые, имѣя броненосный флотъ, свободно ходили по Черному морю. Наконецъ, война была объявлена, и, турки, тотчасъ занявшіе Абхазію, утвердились въ Сухумѣ. Черноморскій округъ былъ подчиненъ общимъ распоряженіямъ начальника Кубанской области и Шелковникову оставалось только быть исполнителемъ чужихъ приказаній.

Шелковниковъ рвался на театръ большой войны, полагая, что ему, какъ офицеру генеральнаго штаба, не приходится сидѣть, сложа руки, въ Новороссійскѣ. Но въ Новороссійскѣ-то, со всѣхъ сторонъ окруженномъ врагами, Шелковниковъ и былъ именно нуженъ.

Теперь всѣмъ извѣстно, что онъ спасъ Черноморскій округъ отъ участи Сухумскаго отдѣла, блистательно отразивъ въ Сочи сильный турецкій дессантъ, поддержанный броненоснымъ флотомъ; но не всѣмъ извѣстно, что именно Шелковниковъ былъ главною причиною освобожденія Абхазіи и самаго Сухума.

Задача эта была возложена собственно на особый ингурскій отрядъ, находившійся подъ начальствомъ генерала Алхазова уже въ движеніи къ Сухуму. Но офиціальныя данныя свидѣтельствовали также, что отряду этому приходилось преодолѣвать неимовѣрныя трудности въ борьбѣ съ природой и вмѣстѣ съ тѣмъ упорное сопротивленіе непріятеля—и турокъ, и огромныхъ скопищъ абхазцевъ. Такимъ образомъ являлась необходимость въ принятіи такихъ мѣръ, которыя разъединили бы силы нашихъ враговъ и облегчили бы ингурскому отряду достиженіе, поставленной предъ нимъ задачи.

По мнѣнію Шелковникова, мѣры эти могли заключаться только въ одновременномъ движеніи на Сухумъ, кромѣ Алхазова, еще двухъ отрядовъ: одного—со стороны Кубани черезъ Марухскій перевалъ, а другого—со стороны Черноморскаго округа береговою дорогою на рѣчку Бзыль, за которой начиналась самая населенная и воинственная часть Абхазіи. Одно появленіе нашего отряда въ этой мѣстности должно было отвлечь немедленно не только отъ Сухума, но даже отъ линіи Кодора весь абхазскій контингентъ, который, покинувъ турецкія войска, конечно обратился бы на защиту своей собственной родины. Въ этомъ смыслѣ Шелковниковъ и писалъ къ начальнику Кубанской области, стараясь разъяснить, что при движеніи изъ Черноморскаго округа хотя оборонительныя средства линіи отъ Туапсе до Сочи значительно ослабнутъ, но что это не повлечетъ за собою ни малѣйшей опасности. «Отъ бомбардировки,—писалъ онъ,—никакой гарнизонъ не убережетъ нашихъ береговыхъ укрѣпленій, а о дессантѣ послѣ движенія отряда въ Абхазію не можетъ быть и рѣчи».

Соображенія Шелковникова были одобрены, и 28 іюля въ Сочи, подъ его начальствомъ, уже сосредоточилось семь ротъ пѣхоты, четыре сотни пластуновъ, Екатеринодарскій конный полкъ Кубанскаго казачьяго войска и дивизіонъ горной артиллеріи,—всего около 2500 человѣкъ пѣхоты и конницы. Отрядъ былъ небольшой, а между тѣмъ задача, лежавшая предъ нимъ, была и велика, и отвѣтственна. Требовалось, чтобы отрядъ во что бы то ни стало прорвался въ Абхазію черезъ Гагринскій проходъ, защищенный турецкимъ броненосцемъ, а надо знать, что этотъ проходъ представлялъ собою узкую козью тропу, по которой едва могли пройти рядомъ пять человѣкъ. Тропа шла по склону горы и ограни-

чивалась съ одной стороны берегомъ моря, а съ другой—крутыми высокими скалами. Податься было нельзя ни вправо, ни влѣво, и оставалось только одно—идти напрямикъ, подъ огнемъ броненосца, и день и ночь сторожившаго эту тропинку. Самые Гагры были заняты турецкимъ гарнизономъ. Ихъ надо было взять, и затѣмъ уже, соединившись съ отрядомъ генерала Бабича, наступавшимъ со стороны Марухскаго перевала, идти на Сухумъ. Требовалось дѣйствовать настолько отважно, чтобы привлечь на себя, какъ можно болѣе турокъ, а съ другой стороны соблюдать такую осторожность, чтобы малѣйшей неудачей не придать духа нашимъ противникамъ.

31 іюля отрядъ выступилъ по дорогѣ на Адлеръ. Высланные къАграмъ разъѣзды дали знать, что проходъ сторожитъ броненосецъ, а Гагринское укрѣпленіе занято значительными силами абхазцевъ. 4-го августа Шелковниковъ самъ произвелъ рекогносцировку, чтобы попытаться обойти Гагринскій проходъ, но другого пути не было. Тогда онъ велѣлъ готовиться къ ночному походу, разсчитывая въ темнотѣ проскользнуть мимо броненосца, и дѣйствительно выступилъ вечеромъ. Погода стояла ужасная, шелъ проливной дождь, началась гроза и сдѣлалось такъ темно, что на разстояніи шага ничего не было видно. Съ одной стороны отряду это было на руку, такъ какъ броненосецъ не могъ теперь слѣдить за его движеніемъ, но съ другой—дождь до того испортилъ дороги, что всю кавалерію, орудія и вьюки пришлось отправить назадъ, на мѣсто бывшаго лагеря. Шелковниковъ пошелъ впередъ только съ одною пѣхотою, но и та скоро остановилась, такъ какъ въ дремучемъ лѣсу не было возможности сдѣлать ни шагу. Волею-неволею пришлось ожидать разсвѣта, чтобы выбраться изъ этой страшной трущобы. Измученные солдаты всю ночь простояли, облокотясь на ружья; ни лечь, ни сѣсть, ни свернуть съ тропинки было нельзя: кругомъ бушевали горные ручьи, ворочавшіе цѣлыя скалы, а по сторонамъ зіяли бездонныя пропасти. Наконецъ стало свѣтать, яснѣе обрисовалась тропа, тянувшаяся въ гору, и отрядъ скоро взобрался на высоту, откуда открывалась вся гагринская бухта и торчавшій въ ней броненосецъ. Поднявшееся надъ горами солнце эффектно освѣтило эту чудную картину; но отряду было не до красотъ природы всѣ поглощены были мыслью, какъ-то удастся пройти мимо страшнаго, сторожившаго ихъ чудовища. Рѣшили, однакоже, дождаться ночи и отрядъ, измученный труднымъ походомъ, заснулъ глубокимъ сномъ въ ожиданіи, когда прибудутъ вьюки и кавалерія, за которыми давно уже посланы были нарочные. Наступила наконецъ ночь, и Шелковниковъ, все-таки не дождавшись кавалеріи, составилъ слѣдующій планъ нападенія на Гагры: онъ приказалъ всему пластунскому батальону какъ можно тише спуститься горною тропой и, обойдя укрѣпленіе съ одной стороны, отрѣзать непріятелю отступленіе; въ то же время пѣхота, выдвинувшись изъ ущелья и не обращая уже вниманія на огонь броненосца, должна была кинуться съ фронта.

Въ полночь войска двинулись по указаннымъ направленіямъ. Было страшно темно, но броненосецъ, какъ бы догадываясь, что движеніе уже началось, изрѣдка сталъ посылать свои бомбы. Двѣ роты неслышно подползли къ укрѣпленію и вдругъ съ крикомъ «ура!» вскочили на валъ. Гагры были взяты съ налету. Къ сожалѣнію, пластуны не успѣли занять назначенный имъ пунктъ, иначе потери абхазцевъ были бы громадны. Теперь двѣ роты находились уже въ пол-

ной безопасности; но зато другія двѣ, при которыхъ находился Шелковниковъ, еще не успѣли дойти до укрѣпленія, какъ броненосецъ началъ громить ихъ безостановочно изъ своихъ чудовищныхъ орудій. Роты прилегли на землю, и въ продолженіе 20 минутъ сплошною тучею проносились надъ ними картечь и осколки гранатъ. Прикрываясь темнотою, роты лежали молча и неподвижно. Броненосецъ пріостановилъ огонь и сталъ прислушиваться. Тишина обманула его; онъ повернулъ назадъ къ ущелью, гдѣ въ это время столпились подошедшіе вьюки, конница и артиллерія. Одна конная сотня прорвалась мимо броненосца; но остальныя еще стояли на мѣстѣ. Между тѣмъ начинало свѣтать, и Шелковниковъ послалъ офицера съ приказаніемъ, чтобы кавалерія спряталась и ожидала бы слѣдующей ночи. Но приказаніе это опоздало, отрядъ уже вышелъ изъ ущелья, и страшный броненосецъ повернулся къ нему бортомъ. Еще минута—и залпъ могъ бы снести половину отряда, какъ вдругъ случилось нѣчто совершенно неожиданное. Броненосецъ круто повернулъ назадъ и па всѣхъ парахъ понесся по направленію къ Сочи. Вся колонна, воспользовавшись этимъ мгновеніемъ, не справляясь уже о причинѣ такого счастливаго оборота дѣлъ, бросилась впередъ и соединилась съ Шелковниковымъ.

Впослѣдствіи оказалось, что колонну спасъ пароходъ «Константинъ», который, выйдя изъ Севастополя крейсировать вдоль кавказскихъ береговъ, явился противъ Гагръ въ тотъ самый моментъ, когда жизнь нѣсколькихъ сотъ человѣкъ висѣла на волоскѣ. Броненосецъ, увидѣлъ въ захватѣ парохода драгоцѣнный призъ и, покинувъ на время отрядъ, пустился за нимъ вдогонку.

За Гаграми положеніе нашего отряда сдѣлалось крайне тяжелымъ, такъ какъ у него не было ни водки, ни хлѣба и весьма мало патроновъ. Къ счастію, паника, наведенная Гагринскою побѣдою, была такъ велика, что турки и абхазцы нигдѣ не смѣли защищаться упорно. 8-го августа отрядъ перешелъ черезъ Бзыбь, и 11-го явился подъ Гудаутами, гдѣ стоялъ турецкій укрѣпленный лагерь, а на рейдѣ находились три броненосца. Но, несмотря на страшный огонь морской артиллеріи съ одной стороны и залповъ Пибоди—съ другой, непріятельская позиція взята была штурмомъ, и наши войска потеряли только 20 человѣкъ убитыми и ранеными. Отсюда Шелковниковъ пошелъ на Сухумъ, и 20-го числа городъ взятъ былъ приступомъ.

Вотъ что телеграфировалъ онъ объ этомъ начальнику штаба кавказской арміи:

«Сочинскій отрядъ закончилъ блистательно свою дѣятельность. Сегодня онъ одинъ атаковалъ Сухумъ и занялъ его подъ огнемъ восьми броненосцевъ. Спустя часъ подоспѣли войска Марухскаго отряда. У меня раненъ одинъ пластунъ. Городъ сожженъ дотла, сады срублены, маякъ разрушенъ. Картина ужасная».

Роскошнѣйшая въ мірѣ страна дѣйствительно обратилась въ пустыню. Черезъ нѣсколько дней Шелковниковъ получилъ слѣдующую телеграмму отъ Великаго Князя главнокомандующаго: «Государь Императоръ за вашу прекрасную боевую службу изволилъ пожаловать Вамъ чинъ генералъ-майора. Искренно радуюсь, поздравляю и благодарю. Полное спасибо вашему молодецкому отряду».

Такъ окончился знаменитый Сухумскій походъ. И, по обычаю кавказцевъ, солдаты сложили о немъ слѣдующую пѣсню:

Ио приказу изъ Тифлиса
Съ Сочи двинулись мы въ путь,
Чтобъ пашей Фазли, Эдриса
Изъ Сухума всѣхъ турнуть.
Турокъ драться по сухому
Ужъ не хочетъ къ намъ идтить,
Чуду-юду, вишь, морскому
Приказалъ насъ перебить.
Эхъ ты турокъ, другъ дурашный,
Тутъ твоя, братъ, не возьметъ:
Броненосецъ намъ не страшенъ—
Насъ Шелковниковъ ведетъ.

Трудность обратнаго похода заключалась главнымъ образомъ въ большомъ числѣ раненыхъ и больныхъ, которые до крайности стѣсняли малочисленный отрядъ, такъ какъ, за неимѣніемъ вьюковъ, ихъ приходилось нести на носилкахъ. Нужно было во что бы то ни стало перевезти раненыхъ моремъ.

Въ Новороссійскъ пришли благополучно. Все населеніе радостно встрѣтило своего искренно любимаго начальника, возвращавшагося побѣдителемъ послѣ трудной, но славной экспедиціи къ Сухуму: цвѣты и вѣнки засыпали генерала и его почтенныхъ боевыхъ сподвижниковъ.

Съ очищеніемъ Абхазіи отъ турокъ Сухумскій отдѣлъ былъ подчиненъ Шелковникову, и ему предстояла новая высокая и умиротворяющая дѣятельность, долженствовавшая залѣчить тяжкія раны, нанесенныя этой благодатной странѣ и турками и самими абхазцами, но, къ сожалѣнію, этому не суждено было осуществиться. Въ то время, когда онъ уже собирался объѣхать Абхазію, пришла телеграмма, вызывавшая его въ дѣйствующій корпусъ. Тамъ ожидали его новые побѣдные лавры, новая лучезарная слава, но тамъ же ждала его и страшная смерть, такъ преждевременно пресѣкшая дни этого умнаго, благороднаго и честнаго человѣка.

IV.

Шелковниковъ прибылъ въ дѣйствующій корпусъ въ половинѣ сентября, въ то время, когда подготавлялся рѣшительный ударъ турецкой арміи, болѣе мѣсяца стоявшей передъ нами на грозной Аладжинской позиціи. Атаку рѣшено было повесть одновременно съ фронта и съ тыла, и исполненіе этого-то послѣдняго, труднаго и сложнаго движенія Великій Князь главнокомандующій лично возложилъ на генерала Шелковникова; Шелковниковъ просилъ, чтобы ему дали пѣхотную дивизію и ручался головой за успѣхъ предпріятія; но ему предложили только пять батальоновъ и четыре горныя орудія, обѣщая впослѣдствіи прислать къ нему еще два батальона и пять сотенъ казаковъ. Шелковниковъ согласился и на это.

18-го сентября отрядъ его сосредоточился на Канбинскомъ посту; но прежде чѣмъ предпринять обходное движеніе, ему предстояло взять еще Кизилъ-Гульскія укрѣпленія, сторожившія тылъ Аладжи, и штурмъ ихъ назначенъ былъ наканунѣ общаго сраженія, т.-е. 19-го сентября.

Наступила ночь, а двухъ батальоновъ, которыхъ ожидалъ Шелковниковъ, все еще не было. Тогда генералъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы они догоняли отрядъ, а самъ повелъ остальныя войска къ укрѣпленію. Скоро завязалось жаркое дѣло. Уже траншея за траншеею переходили въ наши руки, какъ вдругъ прискакалъ нарочный отъ корпуснаго командира (Лорисъ-Меликова) съ извѣстіемъ, что обѣщанные два батальона и пять сотенъ казаковъ присланы не будутъ, и чтобы Шелковниковъ ограничился поэтому только однимъ движеніемъ къ Аладжѣ, избравъ для этого болѣе близкій и менѣе опасный путь, чѣмъ предполагалось прежде. Какъ ни не ожиданно было такое приказаніе, однако же и оно не смутило храбраго Шелковникова. Онъ быстро оріентировался въ этомъ новомъ для него положеніи, и тотчасъ же рѣшился на то, на что рѣшились бы только не многіе: онъ отказался отъ первоначальнаго своего направленія, и задумалъ пробраться ночью въ тылъ непріятеля по другой дорогѣ, а Кизилъ-Гульскія укрѣпленія оставить у себя въ тылу.

Ординарцы поскакали къ войскамъ съ приказаніемъ начать отступленіе.

И вотъ, когда побѣда казалась столь близкою отрядъ въ строгомъ порядкѣ, отстрѣливаясь, медленно сталъ отходить назадъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ ободрившимися турками. На берегу Арпачая, прежде чѣмъ переправиться къ своему канбинскому лагерю, Шелковниковъ обратился къ войскамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Гг. офицеры! ребята! Знаю, что многіе изъ васъ мысленно станутъ упрекать меня за наше отступленіе въ то время, когда стоило употребить самое незначительное усиліе, и непріятельская позиція была бы въ нашихъ рукахъ. Но это сдѣлано мною вслѣдствіе того, что эти высоты не входятъ уже болѣе въ планъ нашихъ дѣйствій. Завтра предстоитъ болѣе сложное и болѣе трудное дѣло. Каждый человѣкъ мнѣ дорогъ для завтрашняго дня, а штурмъ стоилъ бы намъ по крайней мѣрѣ сотни человѣческихъ жизней. Спасибо за сегодняшній день. А теперь идите домой и ложитесь спать, чтобы вечеромъ свѣжими и бодрыми, двинуться въ путь. Я увѣренъ, что завтра вы прибавите геройскую страницу въ исторіи тѣхъ полковъ, къ которымъ имѣете честь принадлежать».

Рѣчь эта воодушевила войска, и они возвратились къ Канбинскому посту съ пѣснями, музыкой, и съ полнымъ сознаніемъ исполненнаго долга.

Наступилъ вечеръ 19-го числа. Отрядъ, совершенно готовый къ движенію, началъ строиться передъ своими палатками. Войска были очень утомлены. Какіе нибудь четыре часа прошли съ того времени, какъ они вернулись изъ боя, въ которомъ люди были надъ ружьемъ съ часу ночи до пяти часовъ пополудни; большинство не успѣло даже заснуть, а между тѣмъ путь предстоялъ дальній и трудный. Намъ нужно было обойти непріятеля, подняться на горы и, такъ сказать, повиснуть надъ головами турокъ въ тотъ моментъ, когда главныя силы атакуютъ ихъ съ фронта.

Когда войска построились, Шелковниковъ обратился къ нимъ съ слѣдующею рѣчью!

«Ребята! можетъ быть завтрашнимъ днемъ закончится наша борьба съ непріятелемъ, мы должны зайти ему въ тылъ. Насъ мало, но мы своими качествами замѣнимъ количество. Съ разсвѣтомъ намъ надо быть на горѣ Нахарчи:

до нея далеко; но мы должны быть тамъ рано, — и будемъ во что бы то ни стало. Я знаю, что вы устали,—но вы побѣдите усталость: отъ васъ зависитъ успѣхъ завтрашняго сраженія».

Перейдя Арпачай, отрядъ двинулся безъ дороги, по размытому весеннимъ разливомъ прибрежью. Съ первой же версты начали попадаться отсталые. Шелковниковъ подъѣзжалъ къ нимъ, ласково уговаривалъ «постараться», и его доброе слово оказывало магическое вліяніе. Но по мѣрѣ того, какъ отрядъ шелъ впередъ, число отсталыхъ прибывало, а между тѣмъ самая тяжелая часть пути— Аладжинскія кручи, находились еще впереди. Раздумье брало—дойдутъ-ли утомленные войска, а если и дойдутъ, то въ состояніи ли будутъ выдержать кровопролитный бой? Но Шелковниковъ зналъ русскаго солдата, и вѣрилъ въ него безусловно.

Въ 8 часовъ утра 20 сентября отрядъ Шелковникова по узкому, извилистому ущелью взобрался на гору Нахарчи, и вдругъ повисъ надо головою испуганнаго непріятеля, не давая ему опомниться; войска быстро стали спускаться внизъ и выбивать турокъ изъ ихъ ложементовъ. Атака съ тыла поведена была превосходно. А тамъ, вдали, на равнинѣ, уже начиналась кононада, и скоро загремѣли сотни орудій. То шла атака на Авліяръ и Ягны.

Шелковниковъ, съ своимъ конвоемъ стоялъ на высокомъ холмѣ, осыпаемый пулями. «Все идетъ какъ нельзя лучше — говорилъ онъ маіору Ржевусскому, присматриваясь къ пушечному дыму:—кажется большія Ягны въ нашихъ рукахъ теперь пойдутъ въ Авліяръ—и тогда полное пораженіе турокъ»! Лицо его сіяло удовольствіемъ. Онъ уже предвкушалъ торжество побѣды—но вдругъ все измѣнилось разомъ. Громъ орудійныхъ выстрѣловъ сталъ затихать и отодвигаться въ сторону. Ясно было, что главная атака не удалась, и что теперь отрядъ Шелковникова будетъ предоставленъ только собственнымъ силамъ. Оказалось, дѣйствительно, что главный корпусъ вовсе не воспользовался выгоднымъ положеніемъ нашей обходной колонны, потратившей задаромъ столько энергіи, настойчивости и мужества. Ничтожное развитіе наступательныхъ дѣйствій со стороны Авліяра дало возможность туркамъ удержаться на своихъ позиціяхъ, и теперь почти всѣ силы ихъ обратились на слабый отрядъ Шелковникова. Онъ былъ окруженъ почти всею турецкою арміею. Ему приходилось прокладывать дорогу штыками—и онъ бился отчаянно, пока не втянулся, наконецъ, въ глубокое и узкое ущелье, гдѣ не было возможности сохранить порядка.

— «Майоръ—обратился тогда Шелковниковъ къ Ржевусскому—ведите въ цѣпь своихъ казаковъ, благо у васъ есть патроны. Братцы казаки! пойдите, смѣните пѣхоту, задержите турокъ хоть настолько чтобы намъ выбраться изъ ущелья»... Но спѣшенные казаки естественно не могли остановить напоръ турецкихъ батальоновъ. Узкое ущелье биткомъ набилось войсками; всѣ части перемѣшались между собою, а турки между тѣмъ надвигались и наконецъ на нашихъ плечахъ ворвались въ то же ущелье. Положеніе отряда казалось безвыходнымъ; но въ эту минуту штабсъ-капитанъ князь Бектабековъ выдвинулъ впередъ четыре горныя орудія и засыпалъ турокъ картечью. Непріятель отшатнулся назадъ. Геройская борьба Бектабекова съ нѣсколькими турецкими батареями, дала намъ возможность на минуту пріостановиться, устроить наши части и тогда

уже продолжать отступленіе въ полномъ порядкѣ [1]). Какъ только вышли изъ ущелья, Шелковниковъ быстро свернулъ на другую дорогу и эта предусмотрительность спасла его отъ неминуемой гибели, такъ какъ турки, обойдя отрядъ, сторожили его на старой дорогѣ. Отступленіе 20-го сентября должно занять одну изъ видныхъ страницъ въ компаніи 1877 года, ибо Шелковниковъ сумѣлъ не только выйти изъ приготовленной ему западни, но спасъ всѣ орудія и не оставилъ въ рукахъ непріятеля ни одного трофея

Прошли уже сутки, какъ солдаты находились въ безпрерывномъ движеніи, не имѣя даже возможности съѣсть черствый сухарь, или освѣжить запекшіяся уста глоткомъ холодной воды. Ночь застала ихъ на дорогѣ. Отрядъ остановился на берегу Арпачая, и только уже утромъ добрался до своего Канбинскаго лагеря. Здѣсь ожидала его депеша главнокомандующаго. «Появленіе героевъ Канбинскаго отряда на вершинѣ горы Нахарчай—телеграфировалъ Великій князь,—произвело всеобщій восторгъ на Караялѣ. Спасибо героямъ! Жалую по десяти крестовъ на роту, сотню и горную батарею». Дѣло было, дѣйствительно, славное. Шелковниковъ исполнилъ свою задачу блистательно, и если подвигъ его пропалъ безрезультатно — то это была уже не его вина. Во всякомъ случаѣ день 20-го сентября убѣдилъ въ возможности обходнаго движенія аладжинской позиціи и послужилъ прологомъ къ блестящей побѣдѣ 3-го октября.

Вечеромъ 27-го сентября изъ состава главнаго корпуса выдѣлены были 17 батальоновъ пѣхоты, Нижегородскій драгунскій полкъ, нѣсколько сотенъ казаковъ и 54 орудія, которые подъ начальствомъ генерала Лазарева и отправились уже по знакомой дорогѣ опять въ тылъ непріятельской позиціи. Черезъ нѣсколько дней главнокомандующій потребовалъ къ себѣ Шелковникова и приказалъ ему отправиться къ генералу Лазареву съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ смерти или раны послѣдняго принять начальство надъ его войсками. Шелковниковъ выѣхалъ изъ главнаго лагеря въ 6 часовъ утра, а въ 10-ть пришла телеграмма изъ Дигара отъ Лазарева, что Шелковниковъ прибылъ. До Дигара было болѣе 60-ти верстъ. Какимъ образомъ Шелковниковъ могъ проскакать такое разстояніе, менѣе нежели въ четыре часа—это извѣстно ему одному. По всей вѣроятности, онъ проскакалъ напрямикъ, прямо черезъ непріятельскіе пикеты, но и въ такомъ случаѣ ему приходилось сдѣлать 40 верстъ слишкомъ.

Мы не будемъ описывать подробности Авліярскаго боя, еще слишкомъ свѣжаго въ памяти всѣхъ его современниковъ. Мы только скажемъ, что наканунѣ, 2-го октября, Шелковниковъ, командуя авангардомъ Лазарева, овладѣлъ Орлокскими высотами, лежавшими въ тылу непріятеля и, такимъ образомъ, сталъ на самомъ сообщеніи его съ Эрзерумомъ. Какъ только извѣстіе объ этомъ получено было въ главной квартирѣ, Великій Князь немедленно сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на слѣдующій день атаковать турокъ всѣми нашими силами.

Наступилъ разсвѣтъ 3-го октября и засталъ наши войска уже въ полной готовности къ битвѣ.

Въ девять часовъ утра 64 орудія изъ отряда генерала Геймана, развер-

---

[1]) Князь Бектабековъ, тоже армянинъ по происхожденію, награжденъ за этотъ подвигъ орденомъ Георгія 4 степени.

нувшись передъ Авліяромъ въ одну огромную батарею, стали засыпать гору массой разрывныхъ снарядовъ. Подъ грохотъ этой канонады колонны двинулись на штурмъ, и турки, сбитые съ Авліярскихъ высотъ, бросились искать спасенія у Визинкева, гдѣ на горахъ сосредоточены были всѣ ихъ резервы, прикрывавшіе дорогу къ Карсу. Но въ ту минуту, какъ Гейманъ быстро шелъ по слѣдамъ отступавшаго непріятеля, Визинкевскія горы послѣдній опорный пунктъ турецкой арміи — внезапно были атакованы съ тылу и взяты генераломъ Шелковниковымъ. Турецкая армія была разрѣзана на двое: часть ея бѣжала по дорогѣ къ Карсу, преслѣдуемая и истребляемая русскою конницею, а другая, отрѣзанная отъ крѣпости, осталась на Аладжѣ и вынуждена была положить оружіе. Непосредственнымъ результатомъ этого славнаго боя и было движеніе русскихъ войскъ къ Арзеруму.

Двухнедѣльное пребываніе Шелковникова въ дѣйствующемъ корпусѣ выказало въ полномъ свѣтѣ его военныя дарованія, и день 3-го октября доставилъ ему высокую военную награду—орденъ св. Георгія 3-й степени. Георгіевскимъ крестомъ началъ и Георгіевскимъ крестомъ закончилъ Шелковниковъ свое боевое поприще.

V.

Послѣ Авліярской битвы, Шелковниковъ уже готовился къ отъѣзду обратно въ Сухумскій отдѣлъ, куда призывали его неотложныя надобности. Тамъ помощь его, дѣйствительно, была необходима, но она еще необходимѣе была на главномъ театрѣ войны, гдѣ для него и готовилось новое, еще болѣе трудное, но болѣе важное назначеніе.

Надо сказать, что атака арзерумскихъ укрѣпленій, предпринятая Гейманомъ, не увѣнчалась успѣхомъ, и наши войска вынуждены были приступить къ блокированію города въ самое трудное и суровое время года. Чтобы облегчить положеніе солдатъ, переброшенныхъ за Саганлугъ и нуждавшихся рѣшительно во всемъ, и въ пищѣ, и въ одеждѣ, и въ обуви—прежде всего нужно было устроить занятый нами край и дать ему прочную администрацію. Великій Князь и поручилъ это дѣло Шелковникову, назначивъ его военнымъ губернаторомъ Арзерумской области. 5-го ноября Шелковниковъ прибылъ въ Гассанъ-Кала и тотчасъ вступилъ въ отправленіе своихъ обязанностей. Онъ долженъ былъ успокоить жителей, снабдить войска продовольствіемъ, устроить коммуникаціонные пути, почту, телеграфы, госпитальную часть. Все это сопряжено было съ громадными хлопотами, потому что рѣшительно ничего не было, а то, что было, находилось въ самомъ печальномъ видѣ. «Можно ужаснуться — писалъ самъ Шелковниковъ: — отъ того, въ какомъ положеніи находятся здѣсь наши больные»... Все это вызывало съ его стороны кипучую, энергическую дѣятельность,— но это-то крайнее напряженіе силъ—и разрѣшилось, какъ полагаютъ, его преждевременною смертью.

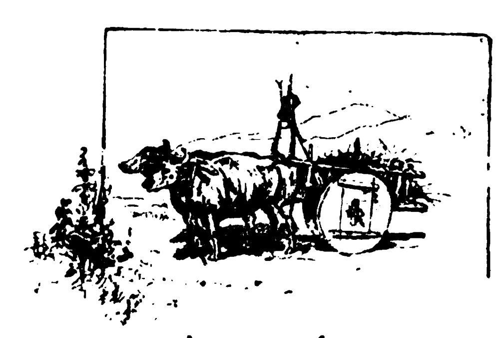
Тяжелая блокада Арзерума гибельно отражалась на русскихъ войскахъ, бодро, съ желѣзнымъ терпѣніемъ переносившихъ лишенія, но не могшихъ по-

бѣдить свою человѣческую натуру. Губительный тифъ тысячами укладывалъ въ могилу солдатъ, офицеровъ и генераловъ. Въ борьбѣ съ этимъ бичомъ являлось единственнымъ средствомъ хорошее продовольствіе, а его-то и не было. Арзерумская равнина была опустошена въ конецъ, и турки вывезли съ собою рѣшительно все, не оставивъ ни одного зерна, которое могло бы пойти въ пищу солдатъ. О подвозкѣ изъ Александрополя нечего было и думать. Тогда Шелковниковъ рѣшился самъ объѣхать край, чтобы осмотрѣть въ немъ самыя отдаленныя села. Поѣздка эта продолжалась ровно недѣлю—но результаты ея превзошли всѣ ожиданія. Шелковниковъ успѣлъ собрать болѣе ста тысячъ пудовъ продовольственныхъ припасовъ, и разомъ обезпечилъ отрядъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Вся операція, совершенная Шелковниковымъ, дала экономію казнѣ болѣе милліона, но самому ему стоила жизни.

20-го января, возвратившись изъ своей поѣздки, Шелковниковъ почувствовалъ легкое нездоровье,—повидимому, не внушавшее никакихъ серьезныхъ опасеній, потому что дѣятельность его не прекращалась ни на одну минуту. Къ прежнимъ заботамъ прибавилось теперь еще участіе въ переговорахъ о сдачѣ Арзерума, отнимавшее у него послѣднія минуты отдыха. Переговоры шли успѣшно, но ему не суждено было дожить до радостной минуты паденія столицы Анатоліи. 25-го января онъ отправилъ послѣднее письмо свое къ семейству, находившемуся въ Тифлисѣ,—письмо, полное еще свѣтлыхъ надеждъ и упованій на будущее. Но дни его были уже сочтены, и смерть стояла у его изголовья. Незначительная въ началѣ простуда перешла въ тифъ, и черезъ двѣ недѣли Шелковникова не стало. Онъ скончался 10-го февраля, а 11-го русскія войска торжественно вступили въ столицу Анатоліи.

Въ Тифлисѣ, на берегу Куры, какъ бы глядясь въ мутныя быстро несущіяся волны ея, стоитъ древній армянскій монастырь, Ванкъ. Внутри высокой каменной ограды его виднѣется чугунная рѣшотка, а за ней — на гранитномъ пьедесталѣ большой камень чернаго гранита, наверху котораго высѣченъ крестъ; съ боку короткая надпись на русскомъ и армянскомъ языкахъ: «Генералъ-маіоръ Бебутъ Мартиросовичъ Шелковниковъ; Нуха—1837 г. Гассанъ-Кала—1878 г.».

В. Потто.



Армянская арба.

Я. К. Алхазовъ.

Генералъ Як. Кайх. Алхазовъ.

Алхазовъ Яковъ Кайхосровичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, род. въ 1826 г. въ бѣдномъ армянскомъ селеніи въ Тифлисской губ. Горійскаго уѣзда; воспитывался въ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, по окончаніи котораго былъ зачисленъ въ Л.-гв. Финляндскій полкъ, гдѣ и прослужилъ 20 лѣтъ. Въ 1863 г. Алхазовъ былъ въ составѣ войскъ, командированныхъ для усмиренія польскаго мятежа; въ 1865 г. назначенъ командиромъ Копорскаго полка, а черезъ 9 лѣтъ—бригаднымъ командиромъ 19-ой дивизіи, расположенной на Кавказѣ. Въ русско-турецкую войну 1877—78 г. Алхазовъ былъ назначенъ сначала начальникомъ Кутаисскаго отряда, а затѣмъ соединенныхъ—Кутаисскаго, Сухумскаго, Ингурскаго и Гурійскаго отрядовъ, причемъ участвовалъ въ нѣсколькихъ сраженіяхъ. Въ 1878 г. назначенъ командующимъ 41-й пѣхотной дивизіей; въ 1883 г.—Кавказскою гренадерскою дивизіей, въ 1885 г.—командиромъ 3-го армейскаго корпуса, а въ 1894 г. — членомъ Военнаго Совѣта. Умеръ въ 1896 г.

Мармашенъ, усыпальница князей Пахлавуни (XI в.).

Родъ Деляновыхъ.

По случаю кончины послѣдняго представителя мужской линіи рода Деляновыхъ, министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря, графа Ивана Давыдовича Делянова, А. Д. Ерицовъ сообщилъ въ *Ардзаганкѣ* данныя о происхожденіи этого стариннаго армянскаго княжескаго рода. Въ началѣ XVIII столѣтія послѣ взятія и раззоренія Афганцами столицы Персіи Испагани, многіе богатые и знатные роды армянскіе, жившіе въ предмѣстьи ея Новой Джульфы, переселились въ разные концы Азіи и Европы, начиная отъ Индіи и острововъ Архипелага и кончая Грузіею, Турціею и Россіею. Бебутьяны, Ходжа-Минасьяны и др. поселились въ Тифлисѣ; Айранетьяны [1]), Арзуманьяны, Сафразьяны и др., направились въ Астрахань; Худабашьяны, Лазарьяны (см. ниже) въ Москву и Петербургъ.

Въ числѣ Джульфинскихъ армянъ, поселившихся въ Астрахани, былъ и Аргутюнъ Дилакьянъ, принадлежавшій къ княжескому роду. Донынѣ въ Джульфѣ существуетъ Дилакьянскій кварталъ, гдѣ находились его дворцы. Изъ Астрахани Дилакьянъ переѣхалъ въ Петербургъ, получилъ дворянство и былъ принятъ, наравнѣ съ Лазаревыми, въ аристократическомъ обществѣ столицы. Единственный сынъ Арутюна Делакьяна, наименовавшагося въ Россіи Деляновымъ, родился въ 1761 г. въ Москвѣ и по окончаніи курса въ Кадетскомъ корпусѣ, посвятилъ себя военной карьерѣ. Командуя Сумскимъ гусарскимъ полкомъ, онъ участвовалъ въ Отечественной войнѣ и былъ раненъ подъ Можайскомъ. Выздо-

[1]) Одинъ изъ членовъ этого рода И. П. Арапетовъ (пріятель И. С. Тургенева) принималъ, въ качествѣ члена Редакціонной Коммиссіи, дѣятельное участіе въ освобожденіи крестьянъ.—См. Н. П. Семеновъ: „Освобожденіе крестьянъ“, Указатель именъ, стр. 44.

ровѣвъ, онъ продолжалъ кампанію 12-го года до самаго вступленія русскихъ войскъ въ Парижъ. По заключеніи мира генералъ Деляновъ женился на Маріи Якимовнѣ Лазаревой († 1868 г.), отъ которой имѣлъ двухъ сыновей Николая и Ивана. Николай женился на Е. А. Хвощинской и имѣлъ отъ нея четырехъ дочерей: 1) Софію (замужемъ за кн. В. М. Голицынымъ; 2) Ольгу (замужемъ за г. Хвощинскимъ), 3) Екатерину (замужемъ за г. Мясоѣдовымъ) и 4) Марію (замужемъ за Н. Г. Акимовымъ).

И. Д. Деляновъ былъ женатъ на своей двоюродной сестрѣ М. Х. Лазаревой, но дѣтей отъ нея не имѣлъ и со смертью его пресѣклась мужская линія Деляновыхъ.

Графъ И. Д. Деляновъ.

И. Д. родился въ 1818 году, † 29-го декабря 1897 года. Первоначальное образованіе Деляновъ получилъ въ Лазаревскомъ институтѣ и кончилъ курсъ юристомъ въ Московскомъ университетѣ. Состоялъ на службѣ съ 1835 г. Въ 1858 г. былъ попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа и министромъ народнаго просвѣщенія съ 1881 г. Въ 1885 г. былъ возведенъ въ графское достоинство. Отличительными чертами И. Д. были доброта и доступность. Проф. Докучаевъ посвятилъ ему въ *С.-Петерб. Вѣд.* прочувствованныя статьи, въ коихъ отмѣчаетъ педагогическіе завѣты его: И. Д. рекомендовалъ «учащимъ и начальствующимъ, имѣющимъ надъ мягкой и податливой, какъ воскъ, душой ребенка, можно сказать, неограниченную власть, постоянно помнить, что въ этомъ великомъ, святомъ служеніи нужны *не слова*, а *дѣло*, не форма, а *живая* душа;— необходимы образцы *усердія*, и постоянныя неуклонныя *справедливость*, *снисходительность*, *доброжелательство*, словомъ — должны въ дѣлѣ начальствованія и воспитанія юношества постоянно воодушевляться *высшей христіанской любовью*, которая не ищетъ *своего*, а требуетъ, чтобы *знающіе* и *сильные* помогали бы не знающимъ и слабымъ, *а не себѣ* угождали». (См. № отъ 6 февр. 1898 г.).

Наше время.

Изъ Анастасія Грюна.

На столѣ зеленомъ свѣчи предъ распятіемъ горятъ;
За столомъ—одѣты въ черномъ—судьи строгіе сидятъ.
Осуждаютъ наше время: отчего-де такъ оно
Безпривѣтно, нечестиво и смятеньями полно?

* * *

Но у времени сѣдого нѣту времени и нѣтъ:
Постоять оно не можетъ, чтобы судьямъ дать отвѣтъ.
Сколько ждутъ они, настолько же впереди оно бѣжитъ;
Но пришелъ его защитникъ—такъ онъ судьямъ говоритъ:

* * *

«Время чисто; не съ презрѣньемъ говорить бы вамъ о немъ!
Я его сравнилъ бы съ бѣлымъ, не исписаннымъ листомъ!
Листъ безъ пятенъ; вы же надпись! Кто-жъ бумагу обвинитъ
Оттого, что эта надпись только глупость говоритъ?

* * *

Время то же, что прозрачный ковшъ стеклянный! Чья-жъ вина,
Если вы помои льете вмѣсто сладкаго вина?
Время то же, что жилище: хорошо, уютно въ немъ.
Это вы, его наполнивъ—превратили въ желтый домъ!

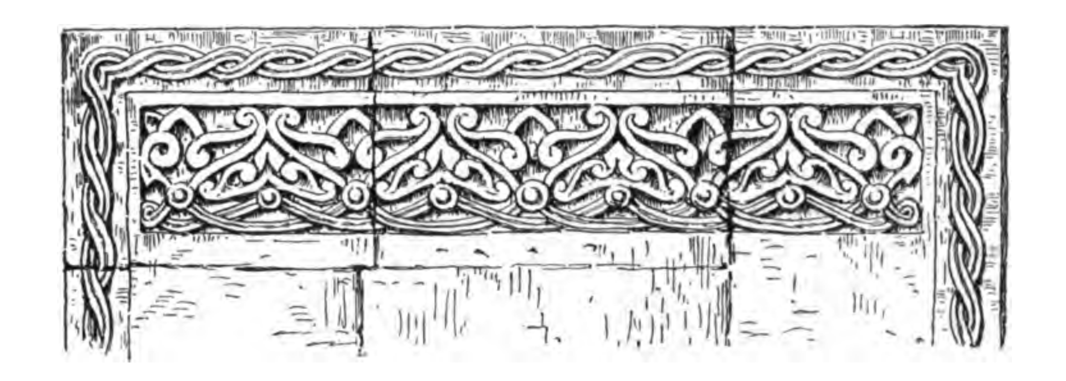
* * *

Время то же; только вами лишь волчецъ посѣянъ былъ!
Что-жъ дивиться, если взоръ вашъ розъ на немъ не находилъ?
Могъ на немъ безсмертный Цезарь рядъ безсмертныхъ битвъ давать,
И на немъ, широкомъ, можетъ трусъ далеко убѣжать.
Время арфа: неискусной проведи по ней рукой
И въ сосѣдствѣ псы и кошки въ мигъ подымутъ визгъ и вой.

* * *

Но пусть въ руки вдохновенный, какъ Орфей, ее возьметъ,
Лѣсъ заслушается, море, мертвый камень оживетъ.

Г. Кансонъ.



На подводѣ.

(разсказъ).

Въ половинѣ девятаго утра выѣхали изъ города.

Шоссе было сухо, прекрасное апрѣльское солнце сильно грѣло, но въ канавахъ и въ лѣсу лежалъ еще снѣгъ. Зима злая, темная, длинная была еще такъ недавно, весна пришла вдругъ, но для Марьи Васильевны, которая сидѣла теперь въ телѣгѣ, не представляли ничего новаго и интереснаго ни тепло, ни темные, согрѣтые дыханіемъ весны, прозрачные лѣса, ни черныя стаи, летавшія въ полѣ надъ громадными лужами, похожими на озера, ни это небо, чудное, бездонное, куда, кажется, ушелъ бы съ такою радостью... Вотъ уже тринадцать лѣтъ, какъ она учительницей, и не сочтешь, сколько разъ за всѣ эти годы она ѣздила въ городъ за жалованьемъ; и была ли весна, какъ теперь, или осенній вечеръ съ дождемъ, или зима, — для нея было все равно, и всегда неизмѣнно хотѣлось одного: поскорѣе бы доѣхать.

У нея было такое чувство, какъ-будто она жила въ этихъ краяхъ уже давно-давно, лѣтъ сто, и казалось ей, что на всемъ пути отъ города до своей школы она знала каждый камень, каждое дерево. Тутъ было ея прошлое, ея настоящее; и другого будущаго она не могла представить себѣ, какъ только школа, дорога въ городъ и обратно, и опять школа, и опять дорога...

О томъ прошломъ, какое было до ея поступленія въ учительницы, она уже отвыкла вспоминать, — и почти все забыла. Когда-то были у нея отецъ и мать; жили въ Москвѣ около Красныхъ воротъ, въ большой квартирѣ, но отъ всей этой жизни осталось въ памяти что-то смутное и расплывчатое, точно сонъ. Отецъ умеръ, когда ей было десять лѣтъ, потомъ скоро умерла мать... Былъ братъ офицеръ; сначала переписывались, потомъ братъ пересталъ отвѣчать на письма; отвыкъ. Отъ прежнихъ вещей сохранилась только фотографія матери, но отъ сырости въ школѣ она потускнѣла, и теперь ничего не видно, кромѣ волосъ и бровей.

Когда отъѣхали версты три, старикъ Семенъ, который правилъ лошадью, обернулся и сказалъ:

— А въ городѣ чиновника одного забрали. Отправили. Будто идетъ слухъ, въ Москвѣ фальшивыя деньги чеканилъ съ нѣмцами.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Въ трактирѣ Ивана Іонова въ газетахъ читали.

И опять замолчали на долго. Марья Васильевна думала о своей школѣ, о томъ, что скоро экзаменъ, и она представитъ четырехъ мальчиковъ и одну дѣвочку. И какъ-разъ, пока она думала объ экзаменахъ, ее обогналъ помѣщикъ Хановъ, въ коляскѣ четверкой, тотъ самый, который въ прошломъ году экзаменовалъ у нея школу. Поравнявшись, онъ узналъ ее и поклонился.

— Здравствуйте!—сказалъ онъ.—Домой изволите ѣхать?

Этотъ Хановъ, мужчина лѣтъ сорока, съ поношеннымъ лицомъ и съ вялымъ выраженіемъ, уже начиналъ замѣтно старѣть, но все еще былъ красивъ и нравился женщинамъ. Онъ жилъ въ своей большой усадьбѣ, одинъ, нигдѣ не служилъ, и про него говорили, что дома онъ ничего не дѣлалъ, а только ходилъ изъ угла въ уголъ и посвистывалъ, или игралъ въ шахматы со своимъ старымъ лакеемъ. Говорили про него также, что онъ много пилъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году на экзаменѣ даже отъ бумагъ, которыя онъ привезъ съ собой, пахло духами и виномъ. Тогда на немъ все было новенькое, и Марьѣ Васильевнѣ онъ очень нравился, и, сидя рядомъ съ нимъ, она все конфузилась. Она привыкла видѣть у себя экзаменаторовъ холодныхъ, разсудительныхъ, а этотъ не помнилъ ни одной молитвы и не зналъ, о чемъ спрашивать, и былъ чрезвычайно вѣжливъ и деликатенъ, и ставилъ однѣ пятерки.

— А я къ Баквисту ѣду, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Васильевнѣ,—но, говорятъ, его нѣтъ дома?

Съ шоссе свернули на проселочную дорогу: Хановъ впереди, Семенъ за нимъ. Четверка ѣхала по дорогѣ, шагомъ, съ напряженіемъ вытаскивая изъ грязи тяжелый экипажъ; Семенъ лавировалъ, объѣзжая дорогу, то по бугру, то по лугу, часто спрыгивая съ телѣги и помогая лошади. Марья Васильевна думала все о школѣ, о томъ, какая будетъ задача на экзаменѣ — трудная или легкая. И ей было досадно на земскую управу, въ которой она вчера никого не застала. Какіе безпорядки! Вотъ уже два года, какъ она проситъ, чтобы уволили сторожа, который ничего не дѣлаетъ, грубитъ ей и бьетъ учениковъ, но ея никто не слушаетъ. Предсѣдателя трудно застать въ управѣ, а если застанешь, то онъ говоритъ со слезами на глазахъ, что ему некогда; инспекторъ бываетъ въ школѣ разъ въ три года и ничего не смыслитъ въ дѣлѣ, такъ какъ раньше служилъ по акцизу и мѣсто инспектора получилъ по протекціи; училищный совѣтъ собирается очень рѣдко и неизвѣстно, гдѣ собирается; попечитель, малограматный мужикъ, хозяинъ кожевеннаго заведенія, неуменъ, грубъ и въ большой дружбѣ со сторожемъ,—и Богъ знаетъ, къ кому обращаться съ жалобами и за справками...

— Онъ въ самомъ дѣлѣ красивъ,—подумала она, взглянувъ на Ханова.

А дорога все хуже и хуже... Въѣхали въ лѣсъ. Тутъ ужь сворачивать негдѣ, колеи глубокія, и въ нихъ льется и журчитъ вода. И колючія вѣтви бьютъ по лицу.

— Какова дорога?—спросилъ Хановъ и засмѣялся.

Учительница смотрѣла на него и не понимала: зачѣмъ этотъ чудакъ живетъ здѣсь? Что могутъ дать ему въ этой глуши, въ грязи, въ скукѣ его деньги, интересная наружность, тонкая воспитанность? Онъ не получаетъ никакихъ преимуществъ отъ жизни и вотъ такъ же, какъ Семенъ, ѣдетъ шагомъ, по отвратительной дорогѣ, и терпитъ такія же неудобства. Зачѣмъ жить здѣсь, если есть возможность жить въ Петербургѣ, за границей? И казалось бы, что стоитъ ему, богатому человѣку, изъ этой дурной дороги сдѣлать хорошую, чтобы не мучиться такъ и не видѣть этого отчаянія, какое написано на лицахъ у кучера и Семена; но онъ только смѣется, и, повидимому, для него все равно и лучшей жизни ему не нужно. Онъ добръ, мягокъ, наивенъ, не понимаетъ этой грубой жизни, не знаетъ ея такъ же, какъ на экзаменѣ не зналъ молитвъ. Жертвуетъ онъ въ школы одни только глобусы и искренно считаетъ себя полезнымъ человѣкомъ и виднымъ дѣятелемъ по народному образованію. А кому нужны тутъ его глобусы!

— Держись, Васильевна!—сказалъ Семенъ.

Телѣга сильно накренилась,— сейчасъ упадетъ; на ноги Марьи Васильевны навалилось что-то тяжелое, — это ея покупки... Крутой подъемъ на гору, по глинѣ; тутъ въ извилистыхъ канавахъ текутъ съ шумомъ ручьи, вода точно изгрызла дорогу—и ужъ какъ тутъ ѣхать! Лошади храпятъ. Хановъ вылѣзъ изъ коляски и идетъ по краю дороги въ своемъ длинномъ пальто. Ему жарко.

— Какова дорога? — сказалъ онъ опять и засмѣялся. — Этакъ экипажъ сломать недолго.

— А кто-жъ вамъ велитъ въ такую погоду ѣздить!—проговорилъ Семенъ сурово.—И сидѣли бы дома.

— Дома, дѣдъ, скучно. Я не люблю дома сидѣть.

Около стараго Семена онъ казался стройнымъ, бодрымъ, но въ походкѣ его было что-то такое, едва замѣтное, что выдавало въ немъ существо уже отравленное, слабое, близкое къ гибели. И точно въ лѣсу вдругъ запахло виномъ. Марьѣ Васильевнѣ стало страшно и стало жаль этого человѣка, погибающаго неизвѣстно для чего и почему, и ей пришло на мысль, что если бы она была его женой или сестрой, то всю свою жизнь, кажется, отдала бы за то, чтобы спасти его отъ гибели. Быть женой? Жизнь устроена такъ, что вотъ онъ живетъ у себя въ большой усадьбѣ одинъ, она живетъ въ глухой деревнѣ одна, но почему-то даже мысль о томъ, что онъ и она могли бы быть близки и равны, кажется невозможной, нелѣпой. Въ сущности вся жизнь устроена и человѣческія отношенія осложнились до такой степени непонятно, что, какъ подумаешь, дѣлается жутко и замираетъ сердце.

— И непонятно,—думала она,—зачѣмъ красоту, эту привѣтливость, грустные, милые глаза Богъ даетъ слабымъ, несчастнымъ, безполезнымъ людямъ, зачѣмъ они такъ нравятся!

— Здѣсь намъ поворачивать вправо,—сказалъ Хановъ, садясь въ коляску.—Прощайте! Всего хорошаго!

И опять она думала о своихъ ученикахъ, объ экзаменѣ, о сторожѣ, объ училищномъ совѣтѣ; и когда вѣтеръ доносилъ справа шумъ удалявшейся коляс-

ки, то эти мысли мѣшались съ другими. Хотѣлось думать о красивыхъ глазахъ, о любви, о томъ счастьи, какого никогда не будетъ...

Быть женой? Утромъ холодно, топить печи некому, сторожъ ушелъ куда-то; ученики поприходили чуть-свѣтъ, нанесли снѣгу и грязи, шумятъ; все такъ неудобно, неуютно. Квартира изъ одной комнатки, тутъ же и кухня. Послѣ занятій каждый день болитъ голова, послѣ обѣда жжетъ подъ сердцемъ. Нужно собирать съ учениковъ деньги на дрова, на сторожа и отдавать ихъ попечителю и потомъ умолять его, этого сытаго, наглаго мужика, чтобы онъ, ради Бога, прислалъ дровъ. А ночью снятся экзамены, мужики, сугробы. И отъ такой жизни она постарѣла, огрубѣла, стала некрасивой, угловатой, неловкой, точно ее налили свинцомъ, и всего она боится, и въ присутствіи члена управы или попечителя школы она встаетъ, не осмѣливается сѣсть и, когда говоритъ про кого-нибудь изъ нихъ, то выражается почтительно: «они». И никому она не нравится, и жизнь проходитъ скучно, безъ ласки, безъ дружнаго участія, безъ интересныхъ знакомыхъ. Въ ея положеніи какой бы это былъ ужасъ, если бы она влюбилась!

— Держись, Васильевна!

Опять крутой подъемъ на гору...

Въ учительницы она пошла изъ нужды, не чувствуя никакого призванія, и никогда она не думала о призваніи, о пользѣ просвѣщенія, и всегда ей казалось, что самое главное въ ея дѣлѣ не ученики и не просвѣщеніе, а экзамены. И когда тутъ думать о призваніи, о пользѣ просвѣщенія? Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадномъ трудѣ не имѣютъ даже утѣшенія думать, что они служатъ идеѣ, народу, такъ какъ все время голова бываетъ набита мыслями о кускѣ хлѣба, о дровахъ, плохихъ дорогахъ, болѣзняхъ. Жизнь трудовая, неинтересная, и выносили ее подолгу только молчаливые ломовые кони, въ родѣ этой Марьи Васильевны; тѣ же живые, нервные, впечатлительные, которые говорили о своемъ призваніи, объ идейномъ служеніи, скоро утомлялись и бросали дѣло.

Семенъ выбиралъ, какъ бы проѣхать посуше и поближе, гдѣ лугомъ, гдѣ задами, но тамъ, гляди, мужики не пускаютъ, тамъ попова земля, нѣтъ проѣзда, тамъ Иванъ Іоновъ купилъ у барина участокъ земли и окопалъ его канавой. То-и-дѣло поворачивали назадъ.

Пріѣхали въ Нижнее Городище. Около трактира, на унавоженной землѣ, подъ которой былъ еще снѣгъ, стояли подводы: везли большія бутыли съ купороснымъ масломъ. Въ трактирѣ было много народа, все извозчики, и пахло тутъ водкой, табакомъ и овчиной. Шелъ громкій разговоръ, хлопали дверью на блокѣ. За стѣной въ лавочкѣ, не умолкая ни на минуту, играли на гармоникѣ. Марья Васильевна сидѣла и пила чай, а за сосѣднимъ столомъ мужики, распаренные чаемъ и трактирной духотой, пили водку и пиво.

— Слышь, Кузьма! — раздавались безпорядочно голоса. — Чего тамъ! Господи благослови! Иванъ Дементьичъ, я это тебѣ могу! Сватъ, гляди!

Мужикъ маленькаго роста, съ черной бородкой, рябой, уже давно пьяный, вдругъ удивился чему-то и нехорошо выбранился.

— Чего ругаешься тамъ? Ты! — отозвался Сердито Семенъ, сидѣвшій далеко въ сторонѣ.—Нешто не видишь: барышня!

— Барышня...—передразнилъ кто-то въ другомъ углу.

— Ворона свинячая!

— Мы ничего...—сконфузился маленькій мужикъ.—Извините. Мы, стало-быть, за свои деньги, а барышня за свои... здравствуйте!

— Здравствуй,—отвѣтила учительница.

— И чувствительно васъ благодаримъ.

Марья Васильевна пила чай съ удовольствіемъ и сама становилась красной, какъ мужики, думала опять о дровахъ, о сторожѣ...

— Сватъ, погоди!—доносилось съ сосѣдняго стола. — Учительша изъ Вязовья... знаемъ! Барышня хорошая.

— Порядочная!

Дверь на блокѣ все хлопала, одни входили, другіе выходили. Марья Васильевна сидѣла и думала все про то же, а гармоника за стѣнкой все играла и играла... Солнечныя пятна были на полу, потомъ перешли на прилавокъ, на стѣну и совсѣмъ исчезли; значитъ, солнце уже склонилось за полдень. Мужики за сосѣднимъ столомъ стали собираться въ путь. Маленькій мужикъ, слегка пошатываясь, подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ и подалъ ей руку; глядя на него и другіе тоже подали руку на прощанье и вышли одинъ за другимъ, и дверь на блокѣ провизжала и хлопнула девять разъ.

— Васильевна, собирайся!—окликнулъ Семенъ.

Поѣхали. И опять все шагомъ.

— Недавнушко школу строили тутъ, въ ихнемъ Нижнемъ Городищѣ, — сказалъ Семенъ, оборачиваявь.—Грѣха-то сколько было!

— А Что?

— Будто предсѣдатель себѣ въ карманъ положилъ тысячу, и попечитель тоже тысячу, и учитель пятьсотъ.

— Вся-то школа стоитъ тысячу. Нехорошо на людей клеветать, дѣдъ. Это все вздоръ.

— Я не знаю... Что народъ, то и я.

Но было ясно, что Семенъ не вѣрилъ учительницѣ. Ей крестьяне не вѣрили; они всегда такъ думали, что она получаетъ слишкомъ большое жалованье—двадцать одинъ рубль въ мѣсяцъ (было бы довольно и пяти), и что изъ тѣхъ денегъ, которыя она собирала съ учениковъ на дрова и на сторожа, большую часть она оставляла себѣ. Попечитель думалъ такъ же, какъ всѣ мужики, и самъ кое-что наживалъ съ дровъ и за свое попечительство получалъ съ мужиковъ жалованье тайно отъ начальства.

Лѣсъ, слава Богу, кончился, и теперь до самаго Вязовья будетъ ровное поле. И осталось уже немного: переѣхать рѣку, потомъ желѣзнодорожную линію, а тамъ и Вязовье.

— Куда же ты ѣдешь?—спросила Марья Васильевна у Семена.—Поѣзжай правой дорогой, на мостъ!

— Чего? И тутъ проѣдемъ. Глубина не очень чтобъ.

— Смотри, какъ бы намъ лошадь не утопить.

— Чего?

— Вотъ и Хановъ поѣхалъ на мостъ, — сказала Марья Васильевна, увидѣвъ далеко вправо четверку.—Это, кажется, онъ ѣдетъ?

— О-онъ. Должно, не засталъ Баквиста. Экой дуроломъ, Господи помилуй, и зачѣмъ туда поѣхалъ, тутъ на цѣльныхъ три версты ближе.

Подъѣхали къ рѣкѣ. Лѣтомъ это была мелкая рѣчушка, которую легко переходили въ бродъ и которая обыкновенно пересыхала къ августу, теперь же, послѣ половодья, это была рѣка саженей въ шесть ширины, быстрая, мутная, холодная; на берегу и у самой воды видны были свѣжія колеи, — значитъ, здѣсь проѣзжали.

— Впередъ!—крикнулъ Семенъ сердито и съ тревогой, сильно дергая за вожжи и взмахивая локтями, какъ птица крыльями.—Впередъ!

Лошадь вошла въ воду по брюхо и остановилась, но тотчасъ же опять пошла, напрягая силы, и Марья Васильевна почувствовала въ ногахъ рѣзкій холодъ.

— Впередъ!—закричала и она, поднимаясь.—Впередъ!

Выѣхали на берегъ.

— И что оно такое, это самое, Господи! — бормоталъ Семенъ, поправляя сбрую.—Чистое наказаніе съ эстимъ земствомъ...

Калоши и башмаки были полны воды, низъ платья и шубки и одинъ рукавъ были мокры, и текло съ нихъ; сахаръ и мука оказались подмоченными—и это было обиднѣе всего, и съ отчаянія Марья Васильевна только всплескивала руками и говорила:

— Ахъ, Семенъ, Семенъ!.. Какой же ты, право!..

На желѣзнодорожномъ переѣздѣ былъ опущенъ шлагбаумъ: со станціи шелъ курьерскій поѣздъ. Марья Васильевна стояла у переѣзда и ждала, когда онъ пройдетъ, и дрожала всѣмъ тѣломъ отъ холода. Было уже видно Вязовье — и школа съ зеленой крышей, и церковь, у которой горѣли кресты, отражая вечернее солнце; и окна на станціи тоже горѣли, и изъ локомотива шелъ розовый дымъ... И ей казалось, что все дрожитъ отъ холода.

Вотъ онъ — поѣздъ; окна отливали яркимъ свѣтомъ, какъ кресты на церкви, больно было смотрѣть. На площадкѣ одного изъ вагоновъ перваго класса стояла дама, и Марья Васильевна взглянула на нее мелькомъ: мать! Какое сходство! У матери были такіе же пышные волосы, такой же точно лобъ, наклонъ головы. И она живо, съ поразительной ясностью, въ первый разъ за всѣ эти тринадцать лѣтъ, представила себѣ мать, отца, брата, квартиру въ Москвѣ, акваріумъ съ рыбками и все до послѣдней мелочи, услышала вдругъ игру на рояли, голосъ отца, почувствовала себя, какъ тогда, молодой, красивой, нарядной, въ свѣтлой, теплой комнатѣ, въ кругу родныхъ; чувство радости и счастья вдругъ охватило ее, отъ восторга она сжала себѣ виски ладонями и окликнула нѣжно, съ мольбой:

— Мама!

И заплакала, неизвѣстно отчего. Въ это время какъ разъ подъѣзжалъ на четверкѣ Хановъ, и она, видя его, вообразила счастье, какого никогда не было, и улыбалась, кивала ему головой, какъ равная и близкая, и казалось ей, что и

на небѣ, и всюду въ окнахъ, и на деревьяхъ свѣтится ея счастье, ея торжество... Да, никогда не умирали ея отецъ и мать, никогда она не была учительницей, то былъ длинный, тяжелый, странный сонъ, а теперь она проснулась...

— Васильевна, садись!

И вдругъ все исчезло. Шлагбаумъ медленно поднимался. Марья Васильевна, дрожа, коченѣя отъ холода, сѣла въ телѣгу. Четверка переѣхала линію, за ней Семенъ... Сторожъ на переѣздѣ снялъ шапку.

— А вотъ и Вязовье. Пріѣхали.

Антонъ Чеховъ

Изъ Гая-Армена

Мое царство.

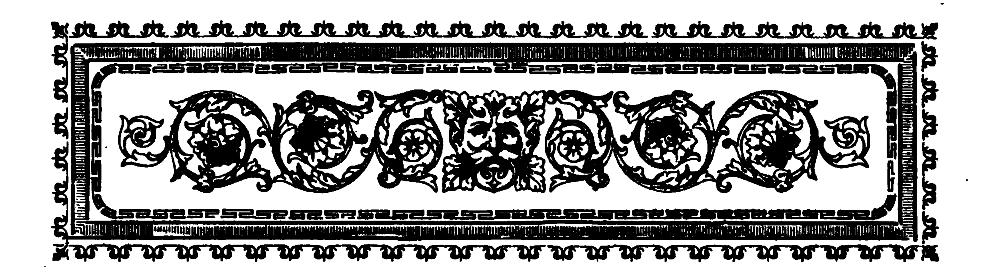
(съ армянскаго).

Пусть Юлій Цезарь въ жаждѣ къ славѣ
Стремится покорить весь міръ,
Я жъ объ одномъ лишь жажду правѣ:
Владѣть тобой, о, мой кумиръ!

—

Но сердцемъ нѣжнымъ твоимъ
Одинъ я долженъ обладать,
Быть первымъ въ немъ, быть и послѣднимъ,
Царемъ царить и рабство испытать.

А. Ветовъ.

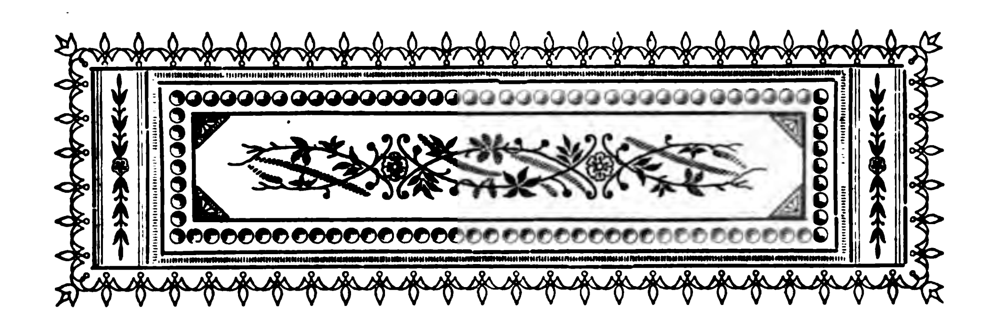


Турецкое кладбище въ Скутари.

Тихо, безлюдно... Лишь въ небѣ лазурномъ
Лѣсъ кипарисовъ темнѣетъ.
Городъ ужъ скрылся въ сіяньи пурпурномъ,
Море сквозь дымку синѣетъ.
Вешняго солнца все залито свѣтомъ,
Полною грудью здѣсь дышится намъ,
Гдѣ-то съ незримаго намъ минарета
Вопль муэззина летитъ къ небесамъ.
Тихо, безлюдно... Лишь камни сѣрѣютъ
Въ мрачной тѣни кипарисовъ,
Солнца лучи лишь украдкой тамъ грѣютъ
Прахъ вѣковой османлисовъ.
Все поросло тамъ бурьяномъ, травою,
Мраморъ разбился и стерлись сказанья,
Все тамъ сравнялось предъ вѣчной судьбою:
Возрастъ, богатство и званье!..
Вѣченъ лишь Онъ, всемогущій Создатель,
Книга судебъ у подножья Его.
Въ страхѣ стоитъ предъ Нимъ Ангелъ-каратель,
Душу исторгнуть онъ ждетъ... у кого?
Милость Аллаха моли, правовѣрный!
Ради пророка даруетъ онъ рай.
Вѣруй въ коранъ, устраняйся отъ скверны
И безъ борьбы умирай!
Тихо, безмолвно на древнемъ кладбищѣ,
Точно во снѣ дремлютъ вкругъ кипарисы,
Жизнь не касается смерти жилища,
Вѣчнымъ тамъ сномъ почіютъ Османлисы.

Царьградъ,
4 февраля 1895.

С. Чахотинъ



Милосердіе.

Жюля Леметра.

Старый Турири, повелитель Багдада, славился своимъ богатствомъ, ученостью и необыкновенной мудростью.

У него былъ роскошный дворецъ, въ которомъ мраморныя изваянія и тончайшая рѣзьба украшеній изъ драгоцѣнныхъ металловъ чудесно воспроизводили живыя деревья и цвѣты; у него были прекрасные сады, деревья и цвѣты которыхъ блистали всѣми отливами золота, серебра и драгоцѣнныхъ каменіевъ. Этотъ дворецъ и эти сады онъ населилъ прекрасными женщинами, не требуя отъ нихъ ничего, кромѣ того, чтобъ онѣ были прекрасно и роскошно одѣты, но онъ не сердился на нихъ, если онѣ оказывались при этомъ капризными и глупыми. Онъ содержалъ у себя поэтовъ, требуя отъ нихъ только стиховъ и пѣсенъ, когда ихъ посѣщало вдохновеніе, но и не досадовалъ на нихъ, когда ихъ поэтическіе опыты бывали неудачны. Онъ держалъ при себѣ философовъ, требуя лишь, чтобъ они разсуждали съ нимъ о сущности божества и происхожденія міра, но и ничего не имѣлъ противъ нихъ, если имъ случалось говорить вздоръ.

Въ одно прекрасное весеннее утро мудрый Турири прогуливался по главной улицѣ Багдада. Груды апельсиновъ и цѣлыя горы розъ наполняли тѣлежки продавцовъ; на ослѣпительномъ бѣломъ фонѣ улицы, освѣщенномъ солнцемъ, ярко выдѣлялись голубыя, красныя и зеленыя одежды прохожихъ; цвѣтущія магноліи перевѣшивались черезъ ограды прилегающихъ къ улицѣ усадебъ; вода тихо журчала въ водоемахъ фонтановъ. Проходившія мимо молодыя женщины походили на блестящіе на солнцѣ, увлаженные теплою росою цвѣты, распространяющіе вокругъ себя тонкое благоуханіе.

И это благоуханіе, и яркія краски одеждъ, и все ликованіе, разлитое кругомъ, подѣйствовали оживляющимъ образомъ на стараго Турири. Ему казалось, что его старческое тѣло пріобрѣтаетъ прежнюю юношескую гибкость; онъ съ удовольствіемъ переносился воспоминаніемъ къ счастливымъ днямъ отдаленнаго прошлаго; онъ не находилъ никакихъ серьезныхъ возраженій противъ существованія міра въ томъ видѣ, въ какомъ онъ являлся теперь передъ нимъ; онъ не далекъ былъ даже отъ мысли, что жизнь хороша.

И онъ промолвилъ почти вслухъ:

— О, живительная теплота! О, благодатное солнце.

Ему попалась навстрѣчу маленькая пятилѣтняя дѣвочка, хорошенькая, бѣлокурая, розовенькая, въ одной рубашенкѣ. Малютка, держа палецъ во рту, серьезно глядѣла на него изъ-подъ густыхъ прядей льняныхъ волосъ и, казалось, была поражена видомъ длинной бороды Турири, или, можетъ быть, изображеніями какихъ то таинственныхъ животныхъ, вышитыхъ на его плащѣ. Она была прелестна и Турири не могъ удержаться, чтобы наклонившись, не поцѣловать ее; при этомъ онъ сунулъ ей въ рученку двѣ золотыя монеты.

Немного спустя онъ встрѣтилъ мальчика лѣта десяти. Весь въ лохмотьяхъ, съ лицомъ, покрытымъ веснушками до самаго кончика остренькаго носа, съ мутными глазами цвѣта грязной воды,—ребенокъ былъ безобразенъ. Онъ протягивалъ руку и пискливымъ голосомъ, какъ бы твердя заученный урокъ и думая въ то же время о чемъ-то другомъ, говорилъ, что мать его больна, что у него семь братьевъ и что онъ уже три дня ничего не ѣлъ. Турири нахмурилъ брови и далъ ему золотую монету.

Пройдя еще шаговъ двадцать, онъ увидѣлъ нищаго старика, жалкаго, оборваннаго съ переломленной спиной, съ видомъ прибитой собаки. Его желтая борода напоминала плохо вымытую конопляную пряжу, а красные глаза безъ рѣсницъ походили на трещины въ спѣлыхъ плодахъ фиговаго дерева. Отвратительно гнуся, хриплымъ и надтреснутымъ голосомъ, онъ, не переставая, монотонно твердилъ одно и то же:

— Сжальтесь надъ бѣднымъ человѣкомъ, не могущимъ работать. Ормуздъ вознаградитъ васъ.

И зловонное дыханіе, вырывавшееся изъ устъ вмѣстѣ съ этими словами, обдавало запахомъ крѣпкихъ напитковъ. Турири издали протянулъ ему серебряную монету; она выпала у него изъ рукъ, и старый нищій съ усиліемъ опустился на колѣни, чтобы поднять его.

Минуту спустя, Турири встрѣтилъ женщину съ новорожденнымъ ребенкомъ на рукахъ, голова котораго была вся покрыта струпьями и язвами. Глядя на эту женщину, трудно было сказать—молода она или стара. Согбенная, приниженная, съ низко опущенной головой, такъ что нельзя было поймать ея взгляда, она шла за Турири, настойчиво бормоча несвязную мольбу о подаяніи. Далекій отъ жестокосердія, Турири тѣмъ не менѣе, невольно поддаваясь чувству отвращенія, ускорилъ шаги. Но нищая плелась за нимъ по пятамъ и преслѣдовала его своими жалобами. Пошаривъ въ кошелькѣ, онъ не нашелъ въ немъ, чего искалъ, и гнѣвнымъ движеніемъ бросилъ ей нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Тогда шагахъ въ тридцати отъ себя онъ замѣтилъ человѣка безъ рукъ и безъ ногъ, прислоненнаго къ стѣнѣ. Человѣкъ этотъ — грубымъ, фальшивымъ, какъ бы деревяннымъ, но въ то же время звучащимъ грустью голосомъ—пѣлъ пѣсню любви, пѣсню Фирдуси о птицахъ, цвѣтахъ и солнечныхъ лучахъ, и пѣніе это было ужасно. Турири остановился: этотъ, по крайней мѣрѣ, не могъ послѣдовать за нимъ. Сдѣлавъ видъ, что не видитъ его, Турири перешелъ на другую сторону улицы.

Онъ продолжалъ свою прогулку еще нѣсколько времени, но охватившее его вначалѣ жизнерадостное настроеніе уже покинуло его. Тогда онъ громко сказалъ:

— Это солнце жжетъ невыносимо!—и съ этими словами возвратился во дворецъ.

Подумавъ немного, онъ позвалъ къ себѣ своего управителя и сказалъ ему:

— Поди на Большую улицу. Ты встрѣтишь тамъ стараго нищаго,—дай ему золотой; тебѣ повстрѣчается нищенка съ груднымъ младенцемъ,—дай ей два золотыхъ; ты увидишь человѣка безъ рукъ и ногъ, — дай ему три золотыхъ.

Съ этихъ поръ всегда, когда Турири выходилъ въ городъ, его сопровождалъ слуга и, идя впереди, раздавалъ деньги нищимъ, требуя отъ нихъ, чтобы они поскорѣе убирались и не попадались на глаза его господину.

Понемногу мудрый Турири превратился въ щедраго и милостиваго благотворителя. Казалось, онъ поклялся, что въ Багдадѣ не будетъ болѣе ни одного бѣднаго. Ежедневно въ нижнихъ покояхъ его дворца раздавались обѣды и денежныя пособія всѣмъ нуждающимся. Онъ основалъ богадѣльни для стариковъ и калѣкъ, пріюты для дѣтей, неимущихъ матерей и больныхъ. Когда же ему сообщали, что кто-нибудь, притворившись больнымъ или бѣднымъ, обманомъ добивался вспомоществованія, онъ обыкновенно отвѣчалъ: «Оставьте меня въ покоѣ. Мнѣ некогда заниматься поисками за правдой и учиться отличать ее отъ лжи».

Стремясь облегчать участь всѣхъ страждущихъ, Турири тратилъ на это болѣе девяти-десятыхъ своихъ несмѣтныхъ доходовъ. Онъ даже измѣнилъ ради этого свой прежній образъ жизни и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ жить менѣе широко: онъ оставилъ при себѣ только самыхъ молодыхъ изъ своихъ женщинъ, самыхъ лѣнивыхъ изъ своихъ поэтовъ и самыхъ сговорчивыхъ изъ своихъ философовъ. Но въ остальномъ онъ мало измѣнилъ своимъ тонко развитымъ вкусамъ и попрежнему жилъ, окруженный лучшими произведеніями искусства, промышленности и человѣческаго ума. Онъ никогда не посѣщалъ основанныхъ имъ пріютовъ и никогда не спускался въ комнаты, гдѣ происходила раздача пищи бѣднымъ.

Однажды, когда Турири гулялъ по городу, бѣдные окружили его и стали кричать, что обязаны ему жизнью: нѣкоторые становились на колѣни и цѣловали край его одежды. Онъ страшно разсердился, какъ будто эти изъявленія благодарности оскорбляли его или доставляли ему страданія. Это еще болѣе упрочило славу о его святости. Народъ глубоко чтилъ его и считалъ самымъ святымъ человѣкомъ, когда-либо жившимъ въ Персіи.

Почувствовавъ приближеніе смерти, Турири удалилъ отъ себя философовъ и поэтовъ и оставилъ у своего изголовья только одну прекрасную 16-лѣтнюю дѣвушку, прося ее ничего не говорить, но только глядѣть на него своими чудными глазами цвѣта васильковъ. Когда онъ умеръ, всѣ бывшіе бѣдные города Багдада шли за его гробомъ и горько оплакивали его.

Внѣ времени, внѣ пространства, внѣ вещественныхъ формъ...

Гдѣ же это?

Не знаю, и никто этого не знаетъ.

Душа Турири предстала на судъ Ормузда.

— Что дѣлалъ ты на землѣ?—спросилъ Ормуздъ,—говори, каковы были твои дѣла?

Турири, заранѣе увѣренный въ ожидающемъ его приговорѣ, скромно и искренно отвѣчалъ:

— Конечно, я, какъ человѣкъ, былъ не чуждъ слабостей. Я любилъ наслаждаться созерцаніемъ прекрасныхъ линій пластически совершенныхъ формъ, красивыми сочетаніями красокъ, мелодическими звуками, благоуханіями, нѣжными отношеніями любви и пустой игрой словъ. Но я устроилъ на собственныя средства нѣсколько пріютовъ для бѣдныхъ, я отдавалъ на бѣдныхъ девять-десятыхъ своихъ богатствъ, а для себя оставлялъ только десятую долю.

— Да, это правда,—сказалъ Ормуздъ,—ты не былъ дурнымъ человѣкомъ и часто руководился даже добрыми побужденіями. Душа твоя перейдетъ въ другое тѣло, и ты будешь жить новой земной жизнью, чтобы многое искупить и многому научиться.

Глубоко удивленный, Турири спросилъ:

— Что же долженъ я искупить, о Ормуздъ.

— Постарайся углубиться въ себя,—сказалъ Ормуздъ,—и познай лучше самого себя. Какія мысли волновали тебя, когда ты отдавалъ свое имущество бѣднымъ? А тогда,—помнишь?—когда ты встрѣтилъ стараго нищаго, блѣдную женщину съ груднымъ ребенкомъ и человѣка безъ рукъ и безъ ногъ,—что почувствовалъ ты въ своемъ сердцѣ?

— Глубокую жалость къ человѣческимъ страданіямъ,—отвѣчалъ Турири.

— Ты лжешь,—сказалъ Ормуздъ,—ихъ видъ сначала непріятно удивилъ тебя; онъ слишкомъ грубо напомнилъ тебѣ о существованіи страданія и нищеты. Потомъ въ тебѣ проснулась досада, что они оскорбляютъ твое зрѣніе своимъ безобразіемъ и неопрятностью. Ты внутренно сердился на нихъ за ихъ приниженность, за подобострастіе, съ которымъ они вымаливали у тебя милостыню, за назойливость ихъ неотступныхъ просьбъ,—и ты съ отвращеніемъ бросилъ имъ подаяніе. Ты такъ презиралъ этихъ несчастныхъ, что однажды не въ силахъ былъ даже вынести проявленій благодарности съ ихъ стороны; грубость простонародныхъ изліяній оскорбляла твой тонкій вкусъ, и ты отказалъ имъ въ правѣ доказать тебѣ свою признательность и показать, что они не были недостойны твоихъ благодѣяній. Ты старался искоренить нищету только потому, что она, какъ ты думалъ, грязнитъ міръ и позоритъ жизнь. Но я, которому дано читать въ самой сокровенной глубинѣ совѣсти, говорю тебѣ: раздраженіе и ненависть—вотъ источники твоего милосердія.

— Но,—возразилъ Турири,—вѣдь ненавидѣлъ я не самыхъ бѣдныхъ, а ихъ страданія; я ненавидѣлъ зло, т.-е. Аримана, твоего исконнаго врага.

— Ариманъ—это я,—отвѣтилъ Ормуздъ.

— Ты, повелитель?

— Я Ариманъ и Ормуздъ въ одно и то же время. Нѣтъ добра безъ зла; нѣтъ добрыхъ побужденій, которыя не вытекали бы изъ страданій.

— Не въ нихъ ли, великій Ормуздъ, ты видишь высшее добро?

— Не богохульствуй. Зло пройдетъ; оно существуетъ лишь для того, чтобы

дать начало добру и высшему счастію. Когда исчезнетъ земля, на которой родъ человѣческій подвергается испытаніямъ, когда всѣ праведныя души будутъ со мной,—будетъ такъ, какъ если бы зла никогда не существовало.

— Должно быть это такъ, — сказалъ Турири. — Но что же изъ этого слѣдуетъ? Какое иное чувство могли внушить мнѣ эти презрѣнныя и отвратительныя на видъ существа? и что больше могъ я сдѣлать для нихъ, какъ не облегчить ихъ участь?

— Именно за тѣмъ, чтобы ты научился понимать это, я и посылаю тебя опять на землю.

— Но,—о, Ормуздъ...

Турири не кончилъ. Нѣтъ болѣе Ормузда... нѣтъ болѣе Турири... всеобъемлющая міровая бездна...

Не было существванія скромнѣе и печальнѣе жизни Тириру.

Онъ родился въ Эшубѣ, въ семьѣ очень бѣднаго ремесленника. Въ дѣтствѣ онъ много голодалъ и бывалъ часто битъ. Сдѣлавшись въ свою очередь ремесленникомъ, онъ съ трудомъ зарабатывалъ свой хлѣбъ. Онъ обладалъ всѣми добродѣтелями бѣдняка, былъ довольно честенъ, довольно добръ и совершенно безропотенъ, но у него не было ни гордости, ни тонкости чувствъ,—этой роскоши избранныхъ душъ.

Чтобы не быть одному, онъ женился. Часто чувствовался недостатокъ въ работѣ, и воцарившаяся въ семьѣ нищета вогнала въ гробъ его жену и двоихъ дѣтей. Однажды самъ онъ упалъ съ лѣсовъ, на которыхъ работалъ при какой-то постройкѣ, и сильно расшибся; плохо вылѣченный, онъ остался на всю жизнь калѣкой, съ изувѣченными ногами, съ разбитой параличемъ одной рукой и съ неизлѣчимой язвой на другой.

Приходилось просить милостыню. Сначала онъ не умѣлъ за это приняться; онъ стыдился, не рѣшался быть настойчивымъ и поэтому не получалъ почти ничего. Понемногу онъ привыкъ назойливо протягивать руку, усвоилъ себѣ униженные пріемы профессіональныхъ нищихъ, научился преслѣдовать прохожихъ до тѣхъ поръ, пока они, выведенные изъ терпѣнья, не бросали ему подачки. Съ этихъ поръ онъ получилъ нѣкоторую возможность не умереть съ голоду. Въ жизни его не было никакихъ радостей, и онъ, когда у него оставалось нѣсколько мѣдныхъ монетъ, искалъ забвенья въ крѣпкомъ напиткѣ, изготовляемомъ изъ маиса.

Одна очень бѣдная молодая дѣвушка, жившая въ убогой комнаткѣ, по сосѣдству съ его конурой, повстрѣчавъ его нѣсколько разъ, сжалилась надъ нимъ. Каждое утро она приходила промывать его рану, стлала ему постель, варила супъ, чинила одежду, ничего не требуя за свои услуги. Дѣвушка эта, по имени Крика, не была хороша собой, но въ глазахъ ея было столько доброты, что нельзя было не любить ея милаго взгляда. Не отдавая себѣ отчета почему, Тириру каждое утро, лежа на своей постели, чутко сторожилъ тотъ моментъ, когда Крика, проснувшись, проходила мимо его окна.

Однажды, когда Тириру по обыкновенію просилъ милостыню, очень богатый человѣкъ съ видимымъ отвращеніемъ бросилъ ему золотую монету. Въ эту

минуту, по волѣ Ормузда, въ душѣ Турири проснулось воспоминаніе о томъ, что она была когда-то душою Турири. И Турири, замѣтивъ выраженіе ненависти во взглядѣ богача, давшаго ему милостыню, понялъ, почему Турири былъ осужденъ Ормуздомъ. Онъ понялъ, что въ своей прежней жизни, помогая бѣднымъ, онъ дѣйствительно ненавидѣлъ этихъ несчастныхъ за ихъ безобразіе и униженіе, то-есть за то, въ чемъ они собственно были неповинны.

На другое утро, когда Крика пришла перевязать ему рану, онъ сталъ внимательно всматриваться въ нее. Онъ увидѣлъ, что она дѣлала это безъ отвращенія, и что глаза ея по прежнему сіяли кротостью и спокойствіемъ. Тогда, глядя на эту дѣвушку, такъ самоотверженно ухаживавшую за нимъ и не оставлявшую его на произволъ судьбы, хотя казалось, трудно было найти среди несчастныхъ кого-нибудь ужаснѣе его,—онъ понялъ, въ чемъ состоитъ истинное милосердіе и праведность. Когда она кончила перевязку, онъ молча поцѣловалъ ея руку и заплакалъ.

Въ ту же ночь Ормуздъ сжалился надъ его страданіями и послалъ ему тихую безмятежную смерть...

Когда душа Турири-Тириру предстала передъ Ормуздомъ, онъ тотчасъ же открылъ предъ нею двери рая [1]).

Умъ и чувство.

(Изъ Переводчиковой).

Рѣчь умная, другъ мой,
Звучная и ясная,
Но сердца не грѣетъ,
Какъ ночь холодна.
Сердечныя жъ рѣчи,
Порою, темны,
Но силъ животворныхъ,
Какъ солнце, полны.
Когда нѣтъ завѣтной
Печали въ груди,
Туда, гдѣ умъ блещетъ,
Скорѣе иди.
Но съ тяжкимъ приливомъ
Тоски роковой
Стучись ты въ дверь друга
Съ любящей душой.

---

[1]) „Русск. Вѣд.“ № 151. 1896 г.

Парѳенонъ.

У Парѳенона.

Когда гармоніи живое воплощенье
Въ восторгѣ созерцать я прихожу нѣмомъ,
Давно замолкшихъ струнъ біенье
Съ отрадой чувствую вновь въ сердцѣ я своемъ.
То не земной любви знакомый, сладкій трепетъ,
Не славы призраки! не жажда громкихъ битвъ—
Умиленной души то смутный робкій лепетъ,
То звукъ «забытыхъ словъ», мотивъ былыхъ молитвъ.

Погрязшихъ въ злобѣ и крови,
Ты просвѣти, о дочь Зевеса!
Духъ правды въ людяхъ обнови,
И да спадетъ съ ихъ глазъ завѣса!

Молю, Паллада, освѣти
Народамъ путь къ нетлѣнной славѣ,
Вражду и брани прекрати
Да будетъ сила только въ правѣ!

Тамъ, гдѣ виталъ твой духъ свободный,
Гдѣ Курдъ свирѣпствуетъ и жжетъ

Народа-мученика всходы,
Трудъ земледѣльца да цвѣтетъ!...

Придетъ, придетъ, я вѣрю, время:
Народы мирною толпой,
Забывъ вражды старинной бремя,
Предстанутъ предъ твоей красой.

Тогда твой дивный домъ, Аѳина,
Почуетъ радость возрожденья,
Для Турка, Грека, Нѣмца, Финна
Раскрывъ объятья единенья.

Но какъ далекъ сей часъ желанный
Когда осмотришься кругомъ —
Культъ силы, интересъ карманный
Связали все въ узлѣ тугомъ.

А все-жъ растетъ и крѣпнетъ вѣра,
Предъ симъ кивотомъ красоты,—
Что солидарность не химера,
Свобода, братство—не мечты.

Г. А. Мировъ.

Аѳины,
декабря 1894 г.

Зейтунецъ на покосѣ.

Сасунскіе армяне.

Армяне въ антропологическомъ и географическомъ отношеніи.

Профессора Д. Н. Анучина.

По своему физическому типу армяне представляютъ изъ себя довольно обособленную антропологическую группу, выдѣляющуюся не только среди народностей Европейской Россіи и Западной Европы, но отчасти также и среди болѣе южныхъ народовъ Кавказа, Персіи, Малой Азіи и береговъ Средиземнаго моря. Само собою разумѣется, особенности этого типа не всегда бываютъ выражены одинаково явственно; среди армянъ можно встрѣтить особей, сходныхъ скорѣе съ представителями другихъ типовъ, и, наоборотъ, среди другихъ народностей, особенно ближайшихъ къ армянамъ по мѣсту жительства, встрѣчается не мало особей, похожихъ на армянъ, но не принадлежащихъ къ армянской націи. Границы расъ не совпадаютъ, какъ извѣстно, съ границами племенъ и народовъ; въ составѣ армянъ, какъ народа, говорящаго армянскимъ языкомъ и усвоившаго себѣ общія этому народу черты быта, могутъ быть потомки особей, не родственныхъ армянамъ по своему происхожденію; съ другой стороны, извѣстно, что въ различныя эпохи существованія армянскаго народа многія особи его и даже значительныя группы отрывались отъ народной массы, уводились въ плѣнъ, были переселяемы далеко отъ родины, принимали — насильно или добровольно—иную религію, подвергались культурному воздѣйствію иноплеменныхъ сосѣдей, усвоивали себѣ ихъ языкъ и т. д., и въ результатѣ оказывались потерянными для родного племени. Мало того, возможно допустить предположеніе, что уже въ глубокой древности, когда происходило образованіе армянской народности, въ составъ послѣдней вошла не вся совокупность особей соотвѣтственнаго расоваго типа, и часть ихъ, жившая, наприм., на окраинѣ занятой племенемъ территоріи, могла подвергнуться инымъ культурнымъ вліяніямъ, усвоить себѣ другія этнографическія особенности (въ томъ

числѣ и другой языкъ), и потомки этой части могутъ существовать теперь въ массѣ христіанскаго и мусульманскаго населенія Малой Азіи, Сиріи, Кавказа,— въ составѣ сирійцевъ, грековъ, турокъ, лезгинъ и другихъ народностей, совершенно чуждыхъ армянамъ по языку, вѣрѣ, исторіи и быту. Говоря о типѣ племени, мы должны имѣть въ виду типъ преобладающей его массы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, типъ болѣе характерный для этого племени, чѣмъ для другихъ сосѣднихъ народовъ, у которыхъ, однако, онъ также можетъ встрѣчаться въ большемъ или меньшемъ распространеніи.

Сколько-нибудь обстоятельное выясненіе типа извѣстнаго племени требуетъ систематическихъ наблюденій и измѣреній надъ достаточно значительнымъ числомъ принадлежащихъ этому племени особей. Изъ иностранцевъ такія изслѣдованія производилъ надъ армянами Э. Шантръ, имѣвшій возможность, во время своего путешествія по Кавказу въ 1881 г., измѣрить 25 особей въ Тифлисѣ и Эривани, а во время послѣдующей экспедиціи въ 1890 г.—249 особей (въ 14 различныхъ пунктахъ), въ томъ числѣ 39 женщинъ (измѣренныхъ г-жей Шантръ)[1]). Изъ русскихъ изслѣдователей многія антропологическія данныя объ армянахъ были собраны ген. Эркертомъ, д-ромъ Пантюховымъ, д-ромъ Блюмомъ и д-ромъ Тварьяновичемъ. Эркертъ, Пантюховъ и Блюмъ собирали (какъ и Шантръ) данныя о различныхъ кавказскихъ народностяхъ, въ томъ числѣ и объ армянахъ, при чемъ Эркертъ интересовался особенно размѣрами головы (для чего измѣрилъ въ каждой народности по нѣскольку десятковъ особей), а прочіе—кромѣ того— еще варіаціями роста тѣла, окружности груди, цвѣта волосъ и глазъ, размѣрами лица, при чемъ Пантюховъ собиралъ свои данныя во время призыва къ отбыванію воинской повинности и по отношенію къ армянамъ могъ воспользоваться, наприм., для роста, измѣреніями надъ болѣе чѣмъ 2.3С0 особей[2]). Наконецъ, д-ръ Тварьяновичъ изслѣдовалъ въ 1896 г. (по схемѣ проф. Таренецкаго) 105 человѣкъ солдатъ и крестьянъ Борчалинскаго и Тифлисскаго уѣздовъ[3]). Сопоставляя результаты всѣхъ этихъ изслѣдованій, можно сдѣлать слѣдующую характеристику армянскаго (мужского) типа, въ предѣлахъ русскаго Закавказья.

Армяне—народъ средняго роста, мѣстами даже выше средняго, но въ общемъ, по сравненію съ другими кавказскими народностями, скорѣе ниже средняго; по Шантру, средній ростъ измѣренныхъ имъ мужчинъ оказался равнымъ 167 сантиметрамъ; ту же цифру получилъ и Тварьяновичъ, замѣтивъ, однако, что величины роста представляютъ у армянъ весьма значительныя колебанія отъ 153 до 174 сант., при чемъ, располагая эти величины въ ряды и отмѣчая числа особей, падающія на послѣдовательныя группы цифръ (наприм., 1638—1665

---

1) *E. Chantre*: „Recherches anthropologiques dans le Caucase". T. IV. 1887, p. 262 ss.; *его же*: „Aperçu sur l'anthropométrie des peuples de la Transcaucasie", въ „Congrès internat. d'archéologie et d'anthropologie préhistoriques. 11-me session, à Moscou. 1892". T. II. 1893, p. 43 ss.; *его же*: „Rapport sur une mission scientifique en Armenie russe", въ „Nouv. Archives des Missions scientifiques". 1893.

2) *Erkert*: „Kopfmessungen kaukasischer Völker", въ „Archiv für Anthropologie". XIX Bd. 1890; также въ „Извѣстіяхъ" Кавк. Отд. Геогр. Общ.—*Д-ръ Пантюховъ*: „Антроп. наблюденія на Кавказѣ", въ „Зап. Кавк. Отд. Геогр. Общ." за 1892 г.

3) *Тварьяновичъ*: Матеріалы къ антропологіи армянъ". Дисс. Спб., 1897.

милл., 1665—1692 и т. д.), можно было убѣдиться, что эти числа особей группируются не по отношенію къ одной средней величинѣ, а къ двумъ, болѣе низкаго и болѣе высокаго роста, что, какъ будто, указываетъ на смѣшеніе двухъ племенъ, разнившихся между собою по росту. Пантюховъ, сравнивая ростъ армянъ-призывныхъ въ различныхъ городахъ и уѣздахъ Закавказья, нашелъ, что городское населеніе Шуши, Баку, Тифлиса и Кутаиса значительно выше сельскаго населенія; такъ, наприм., средній ростъ призывныхъ въ городахъ оказался равнымъ, въ среднемъ, 167—165 сант., тогда какъ въ уѣздахъ только 165—162 сант., при чемъ наименьшій средній ростъ дали призывные Нахичеванскаго и Зангезурскаго уѣздовъ (1616—1629 мм.), а наивысшій—Елизаветпольскаго и Тифлисскаго уѣздовъ (1645—1652 мм.). Средній вѣсъ тѣла былъ найденъ д-ромъ Тварьяновичемъ (у 75 особей) равнымъ 168 фун. ($67,_{2}$ килогр.). Слѣдуетъ замѣтить, что большинство измѣренныхъ были молодые субъекты, недостигшіе еще полной величины роста и вѣса (какъ это доказано повторными наблюденіями надъ нѣсколькими десятками солдатъ черезъ 1—2 года службы). Окружность груди развита удовлетворительно, особенно у сельскихъ жителей (больше полуроста, въ среднемъ, на 40—32 мм.), тогда какъ у горожанъ значительно менѣе (въ Тифлисѣ и Баку—больше полуроста, въ среднемъ, только на 12—10 мм.). По измѣреніямъ Тварьяновича, туловище у армянъ абсолютно и относительно недлинно и сравнительно широко въ плечахъ и тазу, ноги довольно длинны, вслѣдствіе значительной длины голени, хотя (по Пантюхову) менѣе, чѣмъ у грузинъ; ступня небольшая; руки довольно длинныя (по Пантюхову длиннѣе, чѣмъ у грузинъ) и большой размахъ ихъ превышаетъ величину роста на 3 сантиметра. Голова умѣренной величины; средняя величина горизонтальной окружности головы была найдена г. Тварьяновичемъ равною 547 мм., а д-ромъ Пантюховымъ, въ различныхъ уѣздахъ, 547—549 мм., что почти совпадаетъ съ среднею, полученною для грузинъ (547 мм.), и нѣсколько меньше найденной для осетинъ, кабардинцевъ, сванетовъ и т. д. (554—572 мм.), что обусловливается, повидимому, большимъ ростомъ этихъ народностей. Форма головы—короткая и широкая, съ умѣреннымъ продольнымъ и значительнымъ поперечнымъ діаметромъ, вслѣдствіе чего процентное отношеніе наибольшей ширины головы къ ея наибольшей длинѣ, или т.-наз. головной указатель, выражается у армянъ крупной цифрой, т.-е., что армяне должны быть причислены къ короткоголовому типу. Тварьяновичъ нашелъ этотъ показатель равнымъ $86,_{9}$, Эркертъ—$85,_{6}$, Шантръ—$85,_{5}$, Пантюховъ—$85,_{7}$ (у тифлисскихъ) и $86,_{9}$ (у прочихъ); цифры эти показываютъ, что армяне относятся къ крайнимъ брахицефаламъ.

Изъ сосѣднихъ народностей съ армянами наиболѣе сходны въ этомъ отношеніи горскіе евреи (по Шантру и Эркерту—85_{5}, по Пантюхову—$85,_{2}$) и айсоры (по Шантру—$89,_{5}$, по Пантюхову—$87,_{0}$), затѣмъ грузины и лезгины, тогда какъ, наприм., имеретинцы, мингрельцы, абхазцы, адербейджанскіе татары, персы, курды—имѣютъ голову не столь широкую (головной показатель, въ среднемъ, 83—$77,_{5}$) и болѣе удлиненную. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что укороченію продольнаго головного діаметра, или, точнѣе, сплющенію затылка, содѣйствуетъ отчасти у армянъ (и у нѣкоторыхъ другихъ народностей Кавказа) без-

сознательная искусственная деформація головы, вызываемая обычаемъ держать младенцевъ по долгу въ колыбели. Нѣжная, податливая головка младенца, надавливая, уже одною собственною своею тяжестью, на дно колыбели, подвергается уплощенію на затылкѣ, которое остается затѣмъ на всю жизнь, выказывая большею частью несимметричный видъ, т.-е. скошенность вправо или влѣво, смотря по тому, въ которую сторону чаще повертывалась головка лежавшаго младенца. Эта сплющенность затылка не у всѣхъ особей оказывается, однако, явственно выраженною; Шантръ нашелъ ее только у 37% изслѣдованныхъ имъ взрослыхъ особей армянъ, причемъ головы, не выказавшія слѣдовъ такой искусственной деформаціи, были, однако, также широкими и короткими, а это доказываетъ, что рѣзкая брахицефалія армянъ не есть только результатъ искусственнаго сплющенія затылка, а является прирожденною и типичною. При значительной ширинѣ голова отличается также вышиною, причемъ обыкновенно средина темени является наиболѣе возвышеннымъ пунктомъ.

Лицо армянъ, по измѣреніямъ, опредѣляется, въ среднемъ, такими чертами. Лобъ прямой, широкій, средней высоты, межглазничное пространство неширокое, скулы не выдаются, лицо вообще средней длины и ширины, носъ большей частью длинный, съ выпуклой и широкой спинкой, иногда горбатый или орлиный, очень рѣдко короткій и широкій; по носовому показателю (отношенію наибольшей ширины носа къ его длинѣ въ вертикальномъ направленіи) армяне должны быть отнесены къ лепторинамъ (узконосымъ); ротъ средней величины; губы часто толстыя, вывороченныя, но въ другихъ случаяхъ—довольно тонкія. Глаза прорѣзаны широко, окаймлены густыми бровями и длинными рѣсницами, и радужная оболочка ихъ большей частью темно-карая или черная, рѣдко свѣтлокарая и сѣрая, и, лишь какъ исключеніе, голубая. Волоса на головѣ тоже большей частью темные, черные или темнорусые, рѣдко свѣтлорусые и рыжіе; даже у дѣтей темноволосость и темноглазость являются преобладающими. Волосистость тѣла значительная; усы и борода вырастаютъ рано; волосы на головѣ прямые или слегка волнистые, рѣдко курчавые. Цвѣтъ кожи на лицѣ смуглый, на остальныхъ частяхъ тѣла блѣднѣе. Уши средней величины, часто оттопыренные; зубы прямые, не крупные, стоятъ довольно плотно; зубы мудрости прорѣзываются поздно; гніеніе зубовъ (caries) встрѣчается весьма часто, даже среди сельскаго населенія.

Сравнивая только что приведенную характеристику съ признаками другихъ народностей Кавказа, можно отмѣтить, что хотя армянскій типъ встрѣчается среди татаръ, лезгинъ, грузинъ и т. д., тѣмъ не менѣе, взятый въ среднемъ, онъ отличается отъ средняго типа другихъ народностей. Такъ, наприм., грузины, имеретины, пшавы, хевсуры, абхазцы, сванеты—отличаются большимъ ростомъ (164—169 сант.), меньшимъ развитіемъ волосатости на тѣлѣ, болѣе позднимъ выраcтаніемъ усовъ и бороды, большимъ процентомъ свѣтлорусыхъ и и свѣтлоглазыхъ, менѣе широкой головой, болѣе удлиненнымъ лицомъ, чаще встрѣчающеюся скуластостью, особыми формами то узкихъ и длинныхъ, то широкихъ и расплывчатыхъ носовъ, и т. д. Айсоры и горскіе евреи ближе подходятъ къ армянамъ по формѣ головы, волосатости, цвѣту волосъ, послѣдніе и по росту, но айсоры выше и, по измѣреніямъ Пантюхова, изъ трехъ отдѣловъ

лица верхній (лобъ) и нижній (челюсти) представляютъ у нихъ меньшее развитіе, чѣмъ у армянъ, тогда какъ средній (носъ) замѣтно большее, что отражается и на длинѣ всего лица. адербейджанскіе татары, курды, таты—также выказываютъ болѣе высокій ростъ, меньшую ширину головы (головной показатель 78,7 — 77,8), болѣе сухія черты лица, болѣе тонкій и длинный носъ, хотя среди татаръ встрѣчаются нерѣдко и болѣе широкоголовые субъекты, похожіе на армянъ, и другіе, отличающіеся еще скуластостью и болѣе плоскимъ носомъ, что указываетъ, повидимому, на примѣсь монгольской крови.

Армянскій типъ является вообще весьма распространеннымъ въ Малой Азіи и притомъ не только въ предѣлахъ сплошного разселенія армянскаго племени, но и внѣ его, среди турокъ, сирійцевъ, грековъ. Проф. Ф. фонъ-Лушанъ, производившій антропологическія изслѣдованія въ Малой Азіи, особенно на территоріи древней Ликіи могъ убѣдиться, что въ средѣ современнаго населенія этой страны, безъ различія ея народностей, бросаются въ глаза два рѣзко обособленныхъ типа: одинъ широкоголовый, крайне брахицефалическій, съ короткимъ и высокимъ черепомъ, другой — узкоголовый, долихоцефалическій, съ длиннымъ и низкимъ черепомъ. Оба типа встрѣчаются какъ среди турокъ и грековъ, такъ и среди армянъ, но у послѣднихъ брахицефалія, повидимому, преобладаетъ [4]). Лушанъ склоненъ считать этотъ брахицефалическій типъ основнымъ, наиболѣе древнимъ въ Малой Азіи, такъ какъ онъ выраженъ уже, по его словамъ, на барельефахъ древняго культурнаго племени хиттитовъ (или хэтеевъ), тогда какъ долихоцефалическій типъ долженъ быть приписанъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ, семитамъ, распространившимся съ юга изъ Аравіи и явившимся уже позднѣйшими, хотя тоже весьма древними пришельцами въ этой области. Указанныхъ хиттитовъ, однако, нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи, склонны считать скорѣе хамитами; особенно подробно этотъ взглядъ былъ развитъ итальянскимъ ученымъ де-Кара, который отождествляетъ хиттитовъ съ пелазгами, составившими древнѣйшее культурное наслоеніе въ Греціи и Италіи [5]). Но хамиты и теперь еще представлены нѣкоторыми народностями сѣверо-восточной Африки, а въ древности къ нимъ принадлежали и египтяне,—и всѣ эти народы характеризуются, напротивъ того, долихоцефаліей, еще болѣе выраженной, чѣмъ у семитовъ. Совершенно иное мнѣніе, чѣмъ Лушанъ, высказалъ относительно указанныхъ двухъ типовъ проф. Серджи. Онъ полагаетъ, наоборотъ, что долихоцефалическій типъ есть наиболѣе древній и притомъ обнимающій собою всѣ древніе народы средиземноморской области, какъ-то, берберовъ и египтянъ сѣверной Африки, древнѣйшее населеніе Сиріи и Малой Азіи, пелазговъ, этрусковъ, лигуровъ, ибе-

---

[4]) *F. V. Luschan*. Die Tachtadschy und andere Ueberreste der alten Bevölkerung Lykiens, въ „Archiv für Anthropologie". XIX, 1890. Лушанъ произвелъ измѣреніе 120 армянъ и имѣлъ возможность изучить 26 армянскихъ череповъ; всѣ они оказались широкоголовые, съ показателемъ ширины отъ 80 до 91.

[5]) *De Cara*. Gli Hethei-Pelasgi. Roma, 1894. Хиттиты образовали могущественную имперію въ Сиріи и Малой Азіи, во II-мъ тысячелѣтіи до нашей эры,—имперію, боровшуюся съ Египтомъ и Ассиріей и оставившую по себѣ многочисленные памятники скульптуры, разбросанные между Смирной и верховьями Евфрата, отчасти съ надписями, которыя, однако, до сихъ поръ не могли быть разобраны.

ровъ. Раса эта, по мнѣнію Серджи, вышла изъ сѣверо-восточной Африки (области истоковъ Нила) и заселила Египетъ, Ливію, Сирію, Малую Азію, перешла на острова и материкъ Греціи, въ Сицилію, Италію, Сардинію, на оберійскій полуостровъ, проникла на территорію нынѣшней Швейцаріи, Франціи, Англіи, Ирландія, а также на Кавказъ, въ Крымъ, Южную Россію, на Дунай [6]). Эта раса положила основаніе древнѣйшимъ культурамъ Египта, Хиттитовъ, Греціи, Этруріи,—культурамъ, предшествовавшимъ распространенію арійцевъ, которые, однако, получили затѣмъ преобладаніе и, болѣе или менѣе смѣшавшись съ древнимъ населеніемъ и усвоивъ его культуру, передали ему свой языкъ и многія свои особенности. По мнѣнію Серджи, арійское населеніе выразилось въ Европѣ, главнымъ образомъ, тремя теченіями: кельтскимъ, германскимъ и славянскимъ, но къ нему могутъ быть причислены и другія, менѣе значительныя, привившія арійскія нарѣчія народностямъ Греціи, Италіи, Малой Азіи. Въ то время какъ многіе другіе изслѣдователи считаютъ арійскій типъ долихоцефалическимъ и въ значительной степени бѣлокурымъ, полагая что современное преобладаніе брахицефаліи среди славянъ, нѣмцевъ, французовъ, сѣверныхъ итальянцевъ и т. д. объясняется вымираніемъ этого типа и замѣной его типомъ болѣе древнимъ, не арійскаго, а только аріанизованнаго населенія Европы, Серджи утверждаетъ, что, наоборотъ, этотъ брахицефалическій типъ и есть настоящій арійскій, вытѣснившій во многихъ частяхъ Европы болѣе древній, долихоцефалическій, характерный для средиземноморской расы и еще теперь сохранившійся въ Южной Италіи, Англіи, Испаніи, Египтѣ, Малой Азіи и т. д. По этой теоріи, слѣд., брахицефалическихъ армянъ можно считать за одну изъ разновидностей пришлой арійской расы, вторгнувшейся на территорію, заселенную первоначально долихоцефалическими племенами средиземноморской расы, тогда какъ, если принимать взглядъ Лушана, армяне будутъ потомками древнѣйшей туземной расы Малой Азіи, отстоявшей свой типъ отъ всѣхъ вліяній на него семитовъ, грековъ, и т. д. Который же изъ этихъ взглядовъ можно считать болѣе вѣроятнымъ?

Что брахицефалическій, темноволосый и темноглазый типъ является въ настоящее время весьма распространеннымъ въ Малой Азіи, это подтверждается многими наблюденіями. Д-ръ Вейсбахъ встрѣтилъ его въ современномъ населеніи древней Виѳиніи, Р. Вирховъ—среди грековъ сѣверо-западнаго угла Малой Азіи. Около городка Ренкіое были произведены раскопки древнихъ могилъ, повидимому, III в. по Р. Хр., давшія рядъ мезо- и брахицефалическихъ череповъ. Вирховъ измѣрялъ также черепа, добытые Шлиманомъ изъ его раскопокъ въ Гиссарликѣ (на мѣстѣ древней Трои) и убѣдился, что даже самые древніе изъ нихъ, II-го тысячелѣтія до нашей эры, характеризуются брахицефаліей, такъ же какъ и черепа, добытые американской археологической экспедиціей изъ развалинъ древняго города Ассосъ. Всѣ эти черепа Вирховъ тоже сопоставляетъ съ армянскими, и склоненъ итти даже далѣе Лушана, называя ихъ не арменоидными, какъ тотъ, а прямо армянскими [7]). Тѣмъ не менѣе, онъ указываетъ,

[6]) Prof. *G. Sergi.* Ursprung und Verbreitung der Mittelländischen Stammes, deutsch-übersetzt von D-r Byhan. L. 1897.

[7]) *Luschan*, *Virchow*—въ отчетѣ о съѣздѣ Германскаго Антропологическаго Общества 1892 года.

что такой же брахицефаліей обладають и нѣкоторыя другія народности, наприм., албанцы, которые, однако, отличаются преобладаніемъ свѣтлорусости. Во всякомъ случаѣ, если въ этомъ, сѣверо-западномъ углу Малой Азіи брахицефалы появились, повидимому, со II-го тысячелѣтія до нашей эры, то далѣе на востокъ, въ предѣлахъ собственно Арменіи, этотъ типъ появился, какъ кажется, позже, что стоитъ въ связи и съ историческими данными объ армянахъ, свидѣтельствующими о приходѣ ихъ сюда не ранѣе VIII в. до Р. Хр. Насколько извѣстно, среди череповъ изъ древнихъ доисторическихъ могилъ Закавказья преобладаетъ типъ долихоцефалическій, отличный отъ армянскаго и принадлежавшій, вѣроятно, населенію страны Урарту (населеніе это нѣкоторые называютъ понтійскими халдеями, или халдами слѣдуя указанію древнихъ греческихъ географовъ), боровшейся съ Ассиріей и оставившей послѣ себя любопытныя клинообразныя надписи, которыя были изучены въ послѣднее время М. В. Никольскимъ, Белькомъ и др. Такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ въ восточной части Малой Азіи, брахицефалическій армянскій типъ слѣдуетъ считать позднѣйшимъ, пришлымъ, вторгнувшимся въ область типа долихоцефалическаго.

Если мы примемъ во вниманіе, что долихоцефалія преобладаетъ также среди череповъ изъ древнѣйшихъ могилъ Египта, Сиріи, Греціи, Италіи, Пиринейскаго полуострова, что она характеризуетъ и теперь населеніе Сѣверной Африки, Испаніи, Южной Италіи и т. д., то гипотеза Серджи относительно древняго распространенія средиземноморской расы получаетъ нѣкоторое правдоподобіе, хотя далеко еще не разъясняетъ образованія современнаго населенія Европы изъ смѣшенія съ этою расою племенъ арійскихъ. Дѣло въ томъ, что мы находимъ подобные же долихоцефалическіе черепа какъ въ гробницахъ каменнаго вѣка средней Европы, такъ и въ могилахъ начала среднихъ вѣковъ (до XI вѣка) во Франціи, Германіи, Россіи, въ томъ числѣ и въ такихъ, которыя несомнѣнно принадлежали германцамъ и славянамъ. Это показываетъ, что долихоцефалическій типъ былъ нѣкогда распространенъ и среди арійскихъ народовъ; нѣкоторые полагаютъ, что онъ былъ даже преобладающимъ у нихъ, а тогда придется принять, что онъ былъ въ этомъ отношеніи сходенъ съ типомъ расы Средиземнаго моря, и что послѣдующее распространеніе брахицефаліи было обусловлено не арійскимъ элементомъ, а какимъ-то другимъ, какъ думаютъ нѣкоторые—аріанизованнымъ населеніемъ средней Европы, которое было подчинено арійцами, усвоило себѣ ихъ языкъ, но, вслѣдствіе своей большей численности, живучести, плодовитости, получило мало-по-малу преобладаніе и утвердило господство за своимъ типомъ въ средѣ современнаго населенія средней Европы и Европейской Россіи.

Армяне — по языку — должны быть причислены къ арійцамъ. По мнѣнію Патканова, армянскій языкъ занимаетъ среднее мѣсто между германской и славяно-литовской группой и является представителемъ самостоятельной, исчезнувшей (можетъ быть, мало-азійской) группы индо-европейскихъ языковъ Новѣйшіе лингвисты относятъ армянскій языкъ обыкновенно къ ѳракійско-фригійской вѣтви, слѣдуя въ этомъ отношеніи Геродоту, который считалъ армянъ родственными ѳракійцамъ. Сходство древнихъ череповъ изъ Фригіи съ армянскими какъ будто подтверждаетъ это сходство. Если принять, однако, во вниманіе южный темново-

лосый типъ армянъ, значительно отличающійся отъ славяно-литовскаго и германскаго, то въ нихъ слѣдуетъ видѣть скорѣе племя аріанизованое (по языку), чѣмъ арійское, хотя, надо замѣтить, что типъ многихъ грековъ и даже южныхъ славянъ не такъ уже рѣзко отличается отъ армянскаго. Если же принять теорію Серджи, что арійскій типъ былъ брахицефалическій, то армянъ придется признать народомъ, сохранившимъ при арійскомъ языкѣ и арійскій типъ и явившимся въ Малую Азію черезъ Фригію и Ѳракію изъ Европы.

Для сужденія о древнемъ типѣ армянъ было бы важно имѣть изображенія этого типа, но, къ сожалѣнію, таковыхъ не имѣется. Лушанъ указываетъ, правда, на изображенія хиттитовъ, которыхъ онъ считаетъ родственными армянамъ, но, во-первыхъ, кто такіе были хиттиты по языку, не выяснено и до сихъ поръ (нѣкоторые думали видѣть въ нихъ уралю-алтайцевъ, какъ и въ древнѣйшемъ населеніи Вавилоніи, суммеро-аккайійцахъ), а во-вторыхъ, типъ хиттитовъ, по словамъ нѣкоторыхъ изслѣдователей, выказываетъ на памятникахъ многія варіаціи, представляя иногда сходство съ кушитскимъ и съ семитическимъ. Бертинъ, изучавшій спеціально расовые типы на ассирійскихъ и вавилонскихъ памятникахъ, полагаетъ возможнымъ различить среди нихъ и типъ армянскій, именно въ изображеніи двухъ пословъ, передъ царемъ Ассурбаниналомъ въ Эламѣ. [1]) Эти два субъекта рѣзко отличаются отъ ассирійцевъ чертами своего удлиненнаго лица, длиннымъ кривымъ, носомъ, толстоватыми губами, низкимъ ростомъ, вообще признаками еврейскаго типа, который, по Бертину, характеризуетъ и армянъ. Однако, въ указанныхъ послахъ изъ области нынѣшней Арменіи (Вана) едва ли можно видѣть настоящихъ армянъ, такъ какъ Арменія въ то время входила въ составъ царства Урарту и была населена не армянами, а «халдами». Что касается «еврейскаго типа», то Бертинъ полагаетъ даже, что это типъ не семитическій, такъ какъ мы не находимъ его у ассирійцевъ и арабовъ, а что онъ былъ усвоенъ евреями во время ихъ древняго пребыванія на армянской территоріи, подвергшись затѣмъ еще видоизмѣненію въ Палестинѣ и Египтѣ. Догадка эта однако мало вѣроятна уже потому, что въ тѣ древнія времена армянъ еще и не могло быть на территоріи Арменіи. Скорѣе возможно допустить вліяніе армянъ на евреевъ (и обратно) въ болѣе позднія эпохи, со времени «плѣненія вавилонскаго» въ VI—V вв. до Р. Х. и особенно въ первые вѣка нашей эры, когда евреи получили значительное распространеніе въ Арменіи, овладѣли тамъ торговлею и даже дали государственныхъ людей и царскую династію Багратидовъ. Какъ бы то ни было, но горскіе евреи Кавказа и даже большая часть европейскихъ евреевъ (а равно крымскіе караимы) представляютъ въ настоящее время мало общаго съ типичными древними семитами и такую же, или даже большую брахицефалію, какъ и армяне, а это показываетъ, что они восприняли въ себя еще на территоріи Малой Азіи и Сиріи, значительную примѣсь брахицефалическаго элемента [2]).

---

[1]) *Bertin*, The races of the Babylonian Empire, въ „Journal of the Anthropol. Institute". London. 1888. Vol. XVIII.

[2]) *Ikow*. Zur Anthropologie der Juden, въ „Archiv für Anthropologie", Bd. XV; *Luschan* въ „Correspondenz Blatt der d. anthr. Ges. 1892; S. *Weissenberg*, Die südrussischen Juden въ „Archiv für Anthropologie" Bd. XVIII.

Вернемся однако къ армянамъ и посмотримъ, что извѣстно или что предполагаютъ ученые относительно ихъ разселенія въ Малой Азіи и Арменіи. Выше мы сказали, что армянскій языкъ причисляютъ къ ѳракійско-фригійской группѣ индо-европейскихъ языковъ. Белькъ высказываетъ предположеніе, что древнѣйшее переселеніе индо-европейскихъ гайканъ (Гаикъ — имя миѳическаго родоначальника армянъ и самаго народа), въ Малую Азію было связано съ выселеніемъ изъ Южной Россіи киммерійцевъ (память о которыхъ осталась въ греческомъ названіи Киммерійскаго Босфора—Керченскаго пролива), вытѣсненныхъ арійскими скиѳами. Белькъ склоненъ даже отождествлять киммерійцевъ съ древнѣйшими армянами (подобно тому, какъ въ курдахъ онъ видитъ потомковъ скиѳовъ) и полагаетъ, что изъ Фригіи армяне перешли въ центръ Малой Азіи и заселили Каппадокію и Киликію, гдѣ имъ, по всей вѣроятности, принадлежатъ сохранившіяся кое-гдѣ т. наз. псевдо-хиттитскія надписи. Отсюда они распространились въ равнины по теченію Тигра (у нынѣшняго Діарберкира), пошли затѣмъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, вытѣсняя туземное населеніе понтійскихъ халдовъ и овладѣли, наконецъ, столицей послѣднихъ, Тушпа-Ваномъ. Халдійскіе (ванскіе) цари страны Урарту вынуждены были перенести свою резиденцію въ долину Аракса, гдѣ они распространили свои владѣнія на счетъ сосѣднихъ народовъ и утвердили свою столицу въ бывшемъ ранѣе областномъ городѣ Армавирѣ [10]) Армянское. преданіе приписываетъ этому городу большую древность (онъ былъ, будто бы, основанъ Армаисомъ, внукомъ Хайка, родоначальника Арменіи, и сыномъ Арменака за 2.000 лѣтъ до Р. Х.), но историческія свѣдѣнія объ Армавирѣ, какъ столицѣ Арменіи, относятся только къ I вѣку нашей эры; ранѣе же мѣстопребываніе пареянскихъ царей, управлявшихъ Арменіей, было не въ Армавирѣ, а гораздо южнѣе, въ Мцбинѣ (Нисибинѣ); такимъ образомъ, армянское преданіе о древности Армавира, какъ столицы, можно объяснить только значеніемъ этого города у болѣе древняго племени Урарту и въ до-армянскій періодъ этой страны, (что доказывается и многочисленными клинообразными надписями, найденными въ окрестностяхъ этого мѣста), въ армянскую же эпоху Армавиръ никогда не былъ особенно выдающимся центромъ и скоро уступилъ значеніе Эруандашату, а затѣмъ Арташату и Ани. [11]) Армяне овладѣли Армавиромъ, очевидно, обойдя Араратъ съ востока и перейдя Араксъ. Побѣжденные халды должны были отступить на западъ, вдоль Аракса, черезъ Сарыкамышъ къ Гассанъ-кала, въ область, сохранившую еще долго спустя названіе Халдіи. Такимъ образомъ, армянамъ удалось утвердиться въ такъ называемой Арменіи только послѣ долгой, упорной борьбы съ племенемъ Урарту или понтійскими халдами, — племенемъ, языкъ котораго еще не выясненъ, но въ которомъ есть нѣкоторыя основанія предполагать прародичей картвельскаго или грузинскаго племени. Движеніе армянъ на сѣверо-востокъ, изъ Малой Азіи въ Закавказье, продолжалось, какъ извѣстно, и въ историческую эпоху, и особенно выразилось въ нынѣшнемъ столѣ-

---

[10]) *Belck* und *Lehmann*, Chaldische Forschungen въ „Verhandl. d. Berl. Ges. für Anthropologie", 1896.

[11]) *М. В. Никольскій*. Клинообразныя надписи Закавказья. Матеріалы для археологіи Кавказа. Вып. V, 1896.

тіи, именно: въ эпоху турецкой войны 1829 г., затѣмъ послѣдней русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и наконецъ послѣднихъ турецкихъ звѣрствъ въ 1896 г.

Въ настоящее время наибольшее число армянъ живетъ въ русскомъ Закавказьи и въ турецкой Арменіи и Курдистанѣ. Точное опредѣленіе ихъ числа покуда, однако, невозможно. Для Закавказья, впрочемъ, можно надѣяться, что детальная обработка первой русской народной переписи 28 января 1897 г. дастъ намъ скоро точныя цифры армянскаго населенія въ различныхъ губерніяхъ и округахъ этого края. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти цифры окажутся много больше принимавшихся до сихъ поръ. По собраннымъ въ 1886 г. семейнымъ спискамъ, обработаннымъ Кавказскимъ Статистическимъ Комитетомъ, населеніе Закавказья принималось равнымъ 4.782.458, изъ коихъ 958.371, или 20%, армянъ. По переписи 1897 г. населеніе Закавказья оказалось равнымъ 5.994.363, т.-е. на 1.211.905, или на 25%, больше. Если принять, что число армянъ должно будетъ также увеличиться на 25%, то общее число ихъ должно составить около 1.200.000. Въ наибольшемъ числѣ, судя по даннымъ 1886 г., армяне живутъ въ Эриванской губ. (56% общаго населенія), затѣмъ Елисаветпольской (35,4%), Тифлисской (24,2%) и Карской области (21,3%; значительно менѣе ихъ въ Бакинской губ. (7,8%), Черноморскомъ округѣ (6,8%) и Кутаисской губ. (1,8%), а въ Дагестанской области и Закатальскомъ округѣ они составляютъ менѣе 1% населенія. Въ городскомъ населеніи Закавказья армяне (судя по тѣмъ же даннымъ 1886 г.) играютъ видную роль, составляя около половины жителей въ Карсѣ (54,3%) и Тифлисѣ (45,2%), около $^2/_5$ въ Закаталахъ (40%) и въ Елисаветполѣ (39,4%), около $^1/_3$ въ Эривани (33,1%) и около $^1/_5$ въ Баку (21,3%) и Кутаисѣ (21,5%).

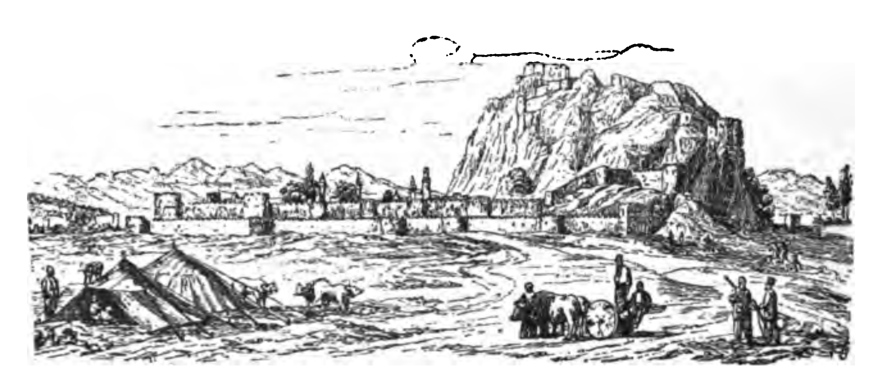
Что касается Азіатской Турціи, то за отсутствіемъ тамъ правильныхъ статистическихъ переписей, число армянъ еще менѣе извѣстно [12]). Лучшія данныя находятся въ сочиненіи *Vital Cuinet*, «La Turquie d' Asie». 4 тома, Paris. 1891—94, основанномъ на 12-тилѣтнемъ изученіи страны, причемъ для статистики авторъ пользовался какъ официальными турецкими свѣдѣніями, (альманахомъ «Salnameh», отчетами статистическаго бюро—Nufuss Idarassi—для нѣкоторыхъ вилайетовъ и т. д.), такъ и сообщеніями своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ. Съ данными Кинэ могутъ быть сопоставлены еще данныя маіора Троттера, англійскаго военнаго резидента и консула въ Эрзерумѣ, собранныя въ 1880 г., а также данныя армянскаго патріархата, относящіяся къ тому же 1880 г. Въ но-

---

[12]) Недостовѣрность турецкой „оффиціальной“ статистики вошла въ пословицу.— И въ обычное время данныя ея покоятся на фантастическихъ основаніяхъ (см. Renan Discours, p. 248), а въ періоды политическихъ кризисовъ, какъ это было во время кровавыхъ событій 1895—1896 гг., Порта въ такихъ неслыханныхъ размѣрахъ пользуется методомъ систематической фальсификаціи, что разоблаченію ея миссіонеръ Lepsius въ своей извѣстной книгѣ Armenien und Europa (см. ниже II отд.) посвятилъ главу подъ характернымъ заглавіемъ „Турецкая фабрика лжи“.—Организованное истребленіе армянъ, совершенное въ послѣдніе ужасные годы, въ мѣстахъ наиболѣе плотнаго ихъ разселенія имѣло цѣлью настолько разрѣдить его, чтобъ упразднился и самый вопросъ о реформахъ въ Турецкой Арменіи.—Данныя о составѣ поселенія армянскаго населенія въ Турціи, мѣстами достигавшаго 65%, см. свѣдѣнія по русскимъ источникамъ, приведенныя на стр. 399 „Полож. Армянъ въ Турціи“. 2 изд. *Ред.*

вѣйшее время (въ 1895 г.) всѣ эти источники были подвергнуты обработкѣ генераломъ Зеленымъ и результаты ея были опубликованы въ XVIII т. «Записокъ Кавказ. Отдѣла И. Р. Географическаго Общества», а затѣмъ, съ приложеніемъ карты, резюмированы проф. Зупаномъ въ извѣстномъ географическомъ журналѣ «Petermann's geographische Mitteilungen», 1896. I. Въ результатѣ этой сводки оказалось, что общее населеніе Малой Азіи (съ островомъ Критомъ) можетъ быть опредѣлено въ 13.241.000, въ составѣ котораго армянъ насчитываютъ 1.144.000, т.-е. 8,7%. Если же имѣть въ виду только восточную часть Малой Азіи, Арменію и Курдистанъ, то при общемъ населеніи въ 6.898.000 армяне составляютъ 938.000, т.-е. 13,6%. Въ различныхъ вилайетахъ процентъ этотъ однако варіируетъ отъ 4,5 (вил. Трапезундъ) до 33% (вил. Битлисъ) и достигаетъ наибольшей высоты въ санджакахъ Ванъ (50%), Козанъ (47)%, Мушъ (45%), Битлисъ (30%), Сертъ (30%), Адана (29%), Эрзерумъ (23%), Кайсаріе (23%), Діарбекиръ (22,5%). На картѣ видно, что всего болѣе армянское населеніе сосредоточено въ санджакахъ, окружающихъ озеро Ванъ (исключая сандж. Геккіари), и затѣмъ къ западу отсюда въ полосѣ между Эрзерумомъ и Діарбекиромъ. Вдоль южнаго берега Чернаго моря и далѣе на западъ въ вилайетахъ Сивасъ и Алеппо, армянъ мало, но еще западнѣе, въ санджакахъ Козанъ, Адана, Кейсаріе, они снова получаютъ видное значеніе въ составѣ населенія. Сопоставляя приведенныя данныя о количествѣ армянъ въ Закавказьи и Малой Азіи, можно полагать, что количество это раздѣляется приблизительно пополамъ—между Россіей и Турціей и составляетъ, вѣроятно, въ общей сложности, не менѣе 2.400.000, а прибавляя еще армянъ, разбросанныхъ въ Персіи, (около 50.000), въ Индіи (съ греками и сирійцами до 200.000), въ Европейской Россіи, Египтѣ, Западной Европѣ и т. д., получаемъ не менѣе 2.700.000 особей, относящихся къ армянскому племени.

Турецкія Армянки.



Ванская цитадель (Турец. Армен.)

Эскизы физической географіи Арменіи[1]).

О. Леона Алишана.

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АРМЯНСКАГО).

Общій видъ страны, о которой я намѣренъ говорить, представляетъ весьма замѣчательныя явленія. Арменію можно назвать страною контрастовъ, имѣющихъ не малое вліяніе на духовное развитіе обитателей этой страны. Благодаря своему географическому положенію, одаренная самымъ умѣреннымъ и пріятнымъ климатомъ, имѣющая много общаго въ этомъ отношеніи съ Италіей, Греціей и Испаніей, Арменія представляетъ въ тоже самое время страну сильнѣйшаго холода и тропическаго жара, обусловливаемыхъ положеніемъ ея относительно уровня моря. Дѣйствительно, если высочайшія вершины Вогезъ и Юры не достигаютъ высоты густо населенныхъ и прекрасно обработанныхъ равнинъ, на которыхъ находятся серебристые источники Евфрата, Аракса, Куры и Арадзани (Мурадъ-чай); если замѣчательные монъ-сенискій, симплонскій и сенъ-готардскій проходы находятся ниже лазурныхъ водъ Севанга, окруженнаго сотнями густо-населенныхъ деревень, то съ другой стороны нѣкоторыя части нашей страны находятся даже ниже уровня моря, ибо берега Каспійскаго моря, гдѣ кончается равнина Арменіи, находятся на 25 метровъ ниже уровня Чернаго моря и Океана. Отсюда эта безпрерывная смѣна двухъ противоположныхъ временъ года, изъ которыхъ одно, какъ разсказываютъ, растапливаетъ своими отвѣсными лучами свинецъ на куполахъ Діарбекира, между тѣмъ какъ другое въ теченіе шести мѣсяцевъ покрываетъ бѣлымъ саваномъ поверхность страны и понижаетъ температуру до 20° Реомюра.

---

[1]) Предлагаемый отрывокъ, переведенный изъ книги „Отечественныя достопамятности", принадлежитъ перу мхитариста о. Леона Алишана, избраннаго въ 1896 г. почетнымъ членомъ Императорскаго Археологическаго Общества. О. Алишанъ извѣстенъ не только своими учеными трудами, пользующимся общепризнаннымъ авторитетомъ среди европейскихъ оріенталистовъ, но также и многими поэтическими произведеніями, которыя такъ много содѣйствовали возрожденію современной армянской литературы. *Прим. перев.*

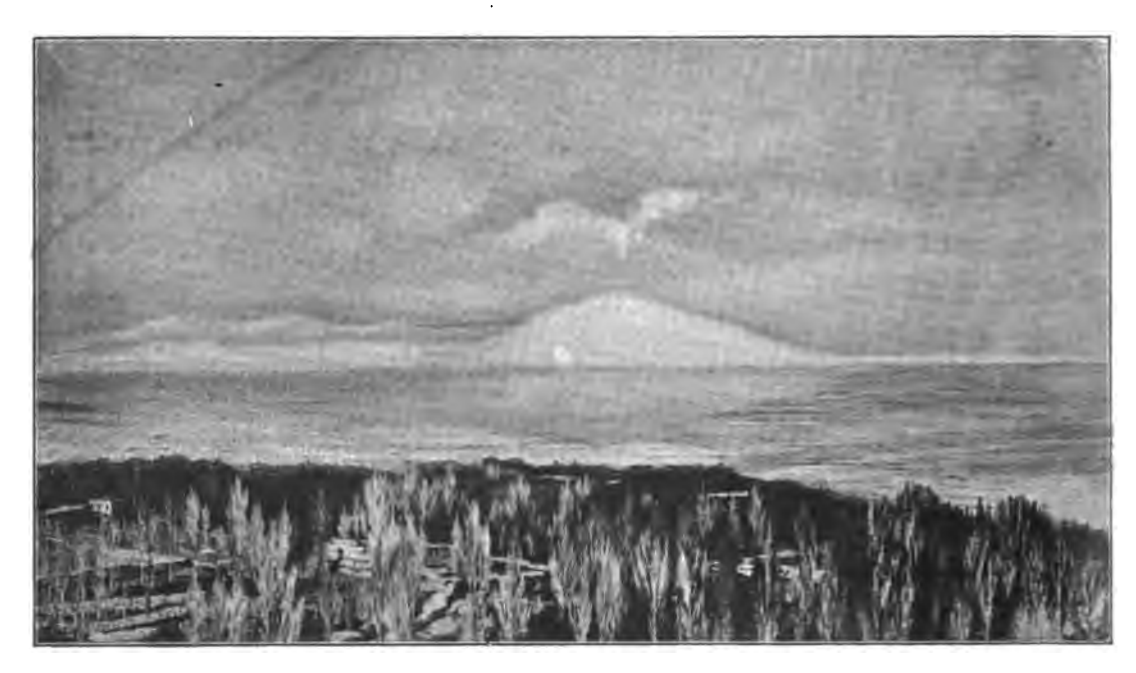
Караваны путниковъ запасаются шубами, чтобы пройти черезъ озера и рѣки, оцѣпенѣвшія подъ слоями льда и снѣга. Счастливы смѣлые путешественники, если могутъ избѣгнуть лавинъ и снѣжныхъ вихрей, которые часто поглощаютъ цѣлые караваны. Послѣдней надеждой на спасенье, по свидѣтельству Страбона, былъ въ этомъ случаѣ длинный шестъ, который продѣвался несчастнымъ, погруженнымъ въ снѣгъ, чрезъ сводъ своей ледяной темницы, какъ маякъ угасающей жизни, молящій о спасеніи. Такимъ именно образомъ былъ спасенъ на груди у кормилицы царь Санатрукъ, остававшійся подъ снѣгомъ въ продолженіе трехъ дней; внукъ его Тиранъ былъ несчастнѣе его: онъ погибъ подъ снѣжнымъ заваломъ, на двадцатомъ году царствованія. Высшій надзоръ надъ снѣжными путями считался важнымъ дѣломъ и почетною должностью: отсюда получилъ свое названіе одинъ изъ самыхъ уважаемыхъ въ Арменіи княжескихъ родовъ *Дзюнаканъ* (снѣговой—отъ дзюнъ—снѣгъ). Для спасенія путешественниковъ, на болѣе опасныхъ и болѣе всего посѣщаемыхъ дорогахъ и проходахъ были устроены гостиницы или караванъ-сараи: таковъ, между прочимъ, караванъ-сарай Рава между Битлисомъ и Келитомъ. Эта армянская зима, какъ называетъ ее великій Златоустъ, испытавшій ея суровость, часто наводила страхъ на завоевателей; разсказы о ней у историковъ и поэтовъ древности отъ Ксенофонта до византійскихъ хронографовъ носятъ какой-то легендарный характеръ.

Путешественники—естествоиспытатели нашего времени утверждаютъ, что зима въ Эрзерумѣ также сурова, какъ на Большомъ Сенъ-Бернарѣ, не смотря на то, что первый на пять градусовъ южнѣе послѣдняго и что абсолютная высота Эрзерума на 500 метровъ ниже знаменитаго страннопріимнаго монастыря Альпъ; зима въ Агори, находящейся подъ 39° широты, при высотѣ въ 1760 метровъ, совершенно одинакова съ зимою въ полярномъ поясѣ на оконечности Европы. Въ Эривани лѣтомъ наблюдали 30° тепла, а зимою 20° холода, контрастъ, который трудно встрѣтить даже въ полярномъ поясѣ. Контрастъ этотъ еще болѣе бросится намъ въ глаза, если разсмотрѣть угрюмый и однообразный пейзажъ нашей страны въ то время года, когда — за горами, отдѣляющими ее отъ Понта, свободно цвѣтутъ на воздухѣ апельсины въ Трапезунтѣ, городѣ, который уже посѣтила ласточка, тогда какъ у подошвы другихъ, менѣе возвышенныхъ горъ, въ Мосулѣ, продаютъ ледъ, чтобы умѣрить удушливый жаръ. Между тѣмъ протяженіе Арменіи между столицами Понта и Ассиріи не превышаетъ 6—700 клометровъ, такъ что паръ могъ-бы пройти это пространство между восходомъ солнца и его закатомъ и вы имѣли бы весеннее утро, зимній полдень и лѣтній вечеръ. Вѣроятно, вы не воспользуетесь этимъ удовольствіемъ, вы не захотите пережить въ теченіе одного дня три времени года, въ особенности второе.

Какой ужасъ, какая ужасная страна! подумаетъ читатель. Человѣку, любящему свое отечество, всѣ времена года одинаково милы: и самая дикая природа имѣетъ какую-то неизъяснимую прелесть для сердца цивилизованнаго человѣка. Я знаю даже европейцевъ, уроженцевъ Парижа и Лондона, купцовъ, консуловъ, живущихъ въ Эрзерумѣ, которые не легко-бы промѣняли его на Европу, не смотря на то, что накадунѣ солнцестоянія въ созвѣздіи рака у нихъ

замерзаетъ вода. Они предпочитаютъ четыре — пять очаровательныхъ мѣсяцевъ въ промежуткѣ между двухъ зимъ, цѣлому году жаркаго климата. Необыкновенная упругость и чистота воздуха, свѣжесть его тока, лазурность водъ, сила и блескъ растительности, вкусъ, свойственный произведеніямъ горной страны, сдѣлали Арменію привлекательною резиденціею завоевателей Азіи и странъ владѣтелей, смежныхъ ей со временъ Семирамиды и до нашихъ дней.

Замокъ Ванъ, построенный на уединенной скалѣ, возвышающейся на нѣсколько сотъ футовъ надъ равниной, разстилающейся на высотѣ 5100 футовъ надъ уровнемъ моря, чудо природы и искусства, былъ лѣтнимъ мѣстопребываніемъ Самирамиды. Замокъ этотъ до сихъ поръ носитъ имя этой гордой царицы, — имя, исчезнувшее въ развалинахъ Вавилона и Экбатаны. Что касается армянскихъ царей, то они были избавлены отъ необходимости искать резиденцій въ сосѣднихъ странахъ.



Ванское озеро (Турец. Армен.)

Громадная равнина, извѣстная подъ именемъ Муганской степи, между Араксомъ и Курою, была всегда зимнимъ убѣжищемъ для животнаго царства страны. Лѣтомъ степь представляетъ выжженную солнцемъ пустыню, кишащую ядовитыми змѣями, отъ которыхъ, по преданію, войска Помпея пострадали болѣе, чѣмъ отъ азіатскихъ полчищъ; осенью Мугань представляетъ роскошное пастбище, на которомъ рѣзвятся многочисленные табуны лошадей. Зимою Муганскую степь, едва подернутую легкимъ снѣгомъ, наполняютъ стаи пернатыхъ, ежегодное перелеты которыхъ одинаково восхищаютъ взоръ земледѣльца и философа.

Племя нѣсколько отличное отъ этихъ мирныхъ обитателей, овладѣвъ въ

средніе вѣка этими огромными пустынями, покрыло ихъ воинственными ордами, вышедшими изъ степей Джигуна и Яксарта: безчисленная толпа монголовъ подъ предводительствомъ Джурмагуна и Гулагу выѣзжала здѣсь своихъ лошадей и приготовлялась для рѣзни и грабежей, производимыхъ съ началомъ весны во всѣхъ сосѣднихъ странахъ. Кровожадные вожди этихъ монгольскихъ ордъ съ приближеніемъ жары спасались на прохладныя возвышенности Аладага, горы, принадлежащей къ цѣпи Арарата, на которой Адага-ханъ построилъ себѣ пышный замокъ, обширный, какъ городъ, остатки котораго избѣгли изслѣдованія путешественниковъ, точно также, какъ самое положеніе его осталось неизвѣстнымъ для оріенталистовъ, изучившихъ исторію монголовъ.

Цѣпь Арарата и состоящіе съ ней въ связи длинные хребты горъ, раздѣляя всю Арменію на двѣ части, служатъ водораздѣломъ водъ, текущихъ, съ одной стороны, къ морямъ Черному и Каспійскому, съ другой—въ Средиземное море и Персидскій заливъ. Великій естествоиспытатель нашихъ временъ Гумбольдтъ, разсматривалъ эти горныя цѣпи Арменіи, соединенныя съ широтною системою горъ, которыя тянутся чрезъ значительную часть Азіи, отъ отдаленныхъ странъ Индіи и Китая до оконечности Малой Азіи, и входятъ даже въ Восточную Европу,—вмѣстѣ съ предгорьями, какъ центръ тяжести всего древняго міра. Тѣмъ не менѣе цѣпь эта, какъ и всякая другая въ Арменіи, не обрисовывается ясно; она не походитъ ни на громадный валъ Кавказа, ни на сплошные хребты Андовъ, Гималая и Аппенинъ. Она даже не имѣетъ величественнаго вида Тавра въ Малой Азіи. Въ Арменіи встрѣчаемъ мы множество второстепенныхъ вѣтвей Кавказа, Тавра, и Арарата. Надъ этой нагорной страной возвышаются изолированные пики, весьма своеобразные по своимъ формамъ, высотѣ и объему. Совершенно вѣрно отецъ сравнительной географіи Риттеръ назвалъ страну нашу горнымъ островомъ (Berginsel); вы совершенно согласитесь съ этимъ, если разсмотрите страну между Мессопотаміей, Албаніей, Грузіей, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, гдѣ плоскогорье возвышается болѣе чѣмъ на 2000 метровъ, а абсолютная высота горныхъ хребтовъ достигаетъ 5000 метровъ. Высшая точка его, Масяисъ или Большой Араратъ, превышаетъ болѣе чѣмъ на 500 метровъ Монъ-Бланъ; изолированный съ трехъ сторонъ, онъ возвышается, какъ исполинъ, на 4000 метровъ надъ равниною Аракса, показывая гордо на разстояніи 50 миль свою сѣдую лолову. Бѣлый плащъ, которымъ онъ постояно покрытъ, представляетъ поразительный контрастъ съ черными скатами, когда они обнажены отъ снѣга.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ феноменовъ нашей страны заключается въ томъ, что снѣговая линія сохраняется въ теченіе цѣлаго года лишь на Масисѣ и нѣкоторыхъ другихъ возвышенностяхъ. Снѣговая линія не понижается болѣе чѣмъ на 4000 метровъ на горахъ и на 3500 на отрогахъ Арменіи. Не даромъ, слѣдовательно, удивлялся римскій поэтъ, что

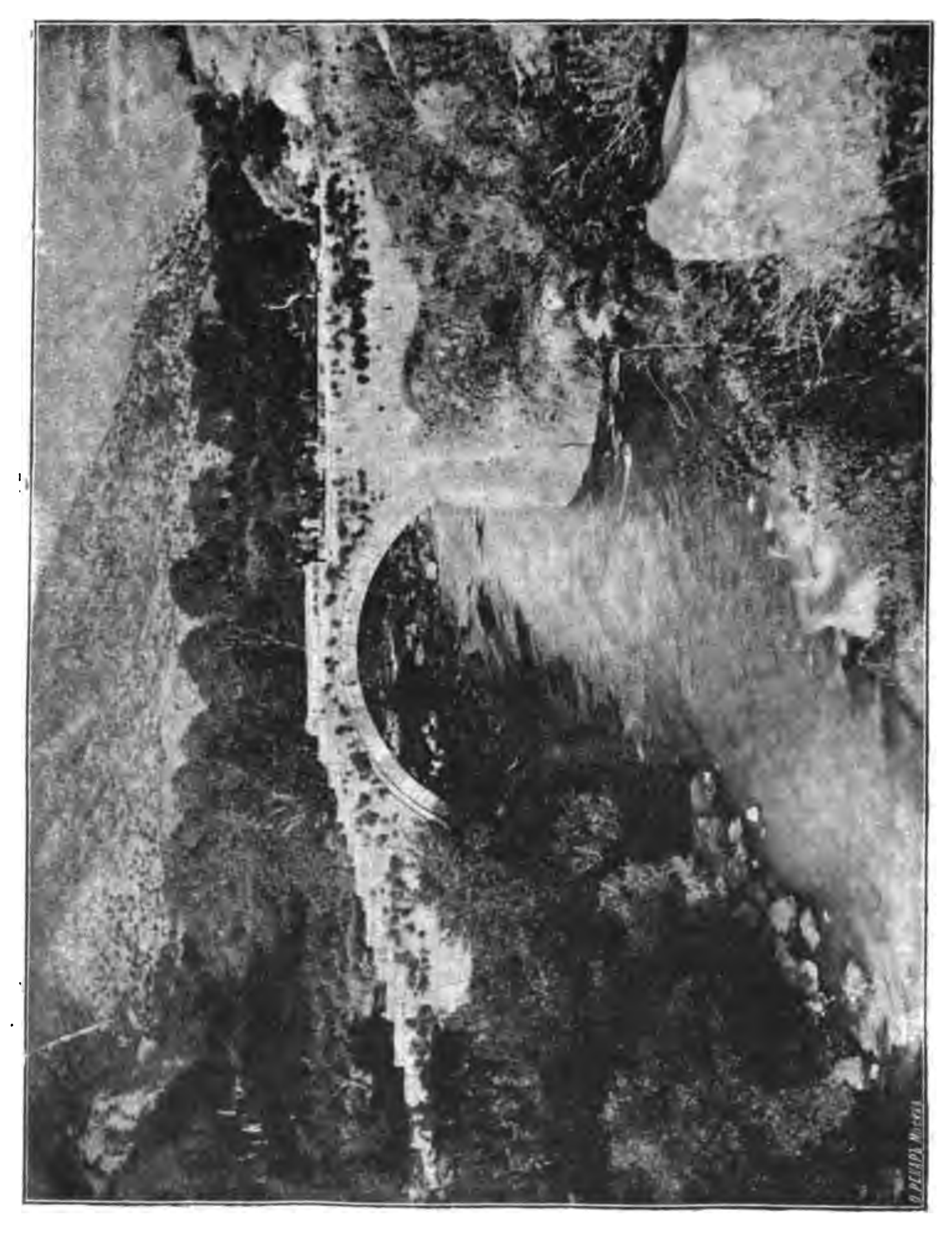
...Nec Armeniis in oris
Stat glacies iners
Menses per omnes.

Какъ великъ, въ самомъ дѣлѣ, контрастъ общаго вида нашей страны между лѣтнимъ и зимнимъ временемъ: бѣлый саванъ, буквально покрывающій все,

замѣняется непосредственно зеленымъ ковромъ! Но какъ исчезаютъ эти громадныя массы снѣга и льду, куда изливаются всѣ эти воды? Онѣ должны были бы наводнить, опустошить всю поверхность страны, если-бы Арменія не представляла собою страны, возвышающейся надъ передней Азіей и не содѣйствовала бы образованію въ послѣдней большихъ рѣкъ, направляя ихъ къ окрестнымъ морямъ. Русла нашихъ рѣкъ весьма глубоки: крутые берега ихъ возвышаются нерѣдко на нѣсколько сотъ футовъ надъ ихъ черноватыми водами, вслѣдствіе чего многія рѣки носятъ названіе *черныхъ*. Но и обиліе водъ вслѣдствіе климатическихъ условій не было бы достаточнымъ для питанія земли, если-бы, благодаря необыкновенному трудолюбію земледѣльца, многочисленные каналы не представляли собою подвижной сѣти покрывшей поля и луга.

Большой Араратъ.

Надо признать, что предки наши сдѣлали большіе успѣхи въ гидравлическомъ искусствѣ. Водой, стоящей въ углубленіяхъ долинъ или пробивающей себѣ дорогу чрезъ утесы лощинъ, пользовались жители не только для поливки земли, но часто ее проводили по извилистымъ дорожкамъ вдоль крутыхъ скалъ и остроконечныхъ холмовъ, собирая ее на вершинахъ въ бассейны, выдолбленные въ утесѣ укрѣпленнаго замка какого-либо тирана или его вассала. Въ другихъ мѣстахъ иными способами и съ иною цѣлью вырывали проходы подъ глубокимъ русломъ рѣкъ: городъ Ани, напр., послѣдняя столица Арменіи, имѣлъ свой туннель 800 годами ранѣе Лондона. При видѣ всѣхъ подобныхъ гидравлическихъ работъ, легко понять, что наши соотечественники могли господствовать и надъ теченіемъ рѣкъ, перекидывая чрезъ нихъ мосты: ихъ было такъ много, что одинъ изъ нашихъ средневѣковыхъ ашуговъ-бардовъ даже поклялся ими. Между тѣмъ, соединеніе



Мостъ царицы Наны XI в. (Тифл. губ.).

береговъ быстрыхъ рѣкъ съ сильнымъ теченіемъ всегда сопряжено съ значительными усиліями, какъ прелестно выражается объ этомъ Вергилій—

Pontem indignatus Araxes.

Напрасны были усилія Александра и Августа сковать эту рѣку. Другой императоръ счелъ себя счастливѣе, когда лишь на мгновеніе успѣлъ перекинуть мостъ, вдохновившій придворнаго поэта сказать

Patiens Latii jam pontet Araxes.

Но если тщетны были усилія кесарей и рѣка ниспровергала ихъ сооруженія, то простой пастухъ умѣлъ обуздать ее; подъ семью арками заложеннаго имъ моста безропотно несетъ свои волны Араксъ. Пастушій мостъ (Чобанъ-Кёопрусу) вошелъ въ поговорку въ Арменіи и сосѣднихъ странахъ. Не перечисляя другихъ, я упомяну еще объ одномъ въ Дзорапорѣ. Онъ перекинутъ чрезъ глубокій оврагъ (см. рисунокъ) овдовѣвшей въ цвѣтѣ лѣтъ царицей въ память своего несчастнаго супруга Абаса, представляя собою символъ соединенія двухъ міровъ. У основанія креста рельефными буквами написала она девизъ любви своей и пламенной вѣры. Проходящій чрезъ этотъ, смѣю сказать, чудесный мостъ, не можетъ не бросить грустнаго взгляда на быстрыя, безпрерывно подымающіяся и опускающіяся волны, на эту надпись и на два сосѣднихъ монастыря, Ахпатскій и Санаинскій, истинные Сенъ-Дени и Сенъ-Поль средневѣковой Арменіи, гдѣ покоится прахъ 40 коронованныхъ особъ вмѣстѣ съ благочестивой царицей Наной, строительницей моста. Къ счастью, время, проявляющее свою разрушительную силу менѣе человѣка, сберегло этотъ драгоцѣнный памятникъ!.. Но что отвлекло меня такъ далеко отъ моего предмета?.. Нѣтъ ничего болѣе возвышеннаго, привлекательнаго и священнаго какъ гармонія природы съ религіей и воспоминанія о славѣ отечества и его горестяхъ.

Изъ гидрографіи Арменіи, вы, безъ сомнѣнія, видите, что вслѣдствіе наклонной поверхности, высоты горъ, изобилія потоковъ, при сравнительно короткомъ теченіи ихъ, Арменія должна быть богата водопадами и каскадами; самыя названія нашихъ рѣкъ—Араксъ, Тигръ, Джорохъ—указываютъ на быстроту ихъ: первый извѣстенъ величественно красивымъ водопадомъ въ своемъ нижнемъ теченіи, составляющемъ южнѣйшую часть обширнаго русскаго государства, громаднѣйшія рѣки котораго не представляютъ болѣе красиваго и въ то же самое время болѣе ужаснаго зрѣлища. Вспомнимъ, что прежде чѣмъ національная рѣка наша, мчащаяся съ быстротою невзнузданнаго скакуна, могла пробить себѣ дорогу чрезъ эти пропасти и громадныя скалы, страшное землетрясеніе должно было разрушить цѣлую гору, извѣстную подъ именемъ *Большой*. При видѣ упорной борьбы этихъ скалъ съ водоворотомъ Аракса, великій Шахъ-Абасъ обратился къ окружавшимъ его съ слѣдующими словами: вотъ какъ сопротивляются врагу.—Да, государь, отвѣтили ему, когда есть такая сильная подпора, указавъ на утесистыя стѣны, которыя окружали въ этомъ мѣстѣ водопадъ.

Евфратъ, патріархъ библейскихъ рѣкъ, берущій свое начало на высотѣ 9000 футовъ изъ *горы цвѣтовъ* въ Каринѣ (Эрзерумѣ), имѣетъ не менѣе 300 пороговъ между Великой и Малой Арменіей, на разстояніи какихъ-нибудь 12 миль Восточный притокъ его Арадзани, падаетъ близъ знаменитаго монастыря Іоанна

Крестителя въ Мушѣ, широкимъ водопадомъ, который по шуму своему названъ *Куркуръ* (клокотунъ). Наконецъ, Джорохъ, при менѣе длинномъ, но болѣе быстромъ теченіи, протекая чрезъ озеро, принимаетъ форму водопада, который, по свидѣтельству одного нѣмецкаго натуралиста, по красотѣ своей уступаетъ только Ніагарскому. Вы захотите, можетъ быть, устроить навигацію по такой рѣкѣ?—Возьмите барку въ Артвинѣ, городѣ пограничномъ съ Лазистаномъ, и вы въ шесть или семь часовъ спуститесь къ устью Джороха, въ Батумѣ; если-же захотите тѣмъ же путемъ возвратиться въ Артвинъ, то вы употребите 6 или 7 дней; вы видите, что русло ея имѣетъ значительный склонъ и рѣка течетъ чрезвычайно быстро. Не слѣдуетъ поэтому разсчитывать на судоходство по рѣкамъ Арменіи, хотя судна извѣстныхъ размѣровъ и ходятъ по Курѣ и Араксу послѣ ихъ соединенія. Тѣмъ не менѣе отецъ греческой исторіи сообщаетъ намъ, что современные ему армяне пытались устроить полуварварскую, но довольно искусную навигацію по Евфрату: они нагружали произведенія своей и сосѣднихъ странъ, въ особенности какое-то пальмовое вино, на круглыя суда, подводная часть которыхъ была изъ ивъ, а внѣшняя часть покрыта кожей: такія суда молли подымать тяжести до 5000 талантовъ (около 100,000 килограммъ). На судахъ этихъ спускались по теченію рѣкъ и затѣмъ бросали ихъ, достигнувъ Вавилона; обратный путь совершался сушей. Объясненіе этого очень простое: твердая часть судна продавалась, кожи навьючивали на ословъ и возвращались въ портъ, имѣвшій, по всей вѣроятности, мало обшаго съ Марселемъ. Я не знаю, что можно подумать объ этомъ способѣ рѣчнаго движенія теперь, но наивный Геродотъ считалъ этотъ способъ навигаціи величайшимъ послѣ Вавилона чудомъ Ассиріи.

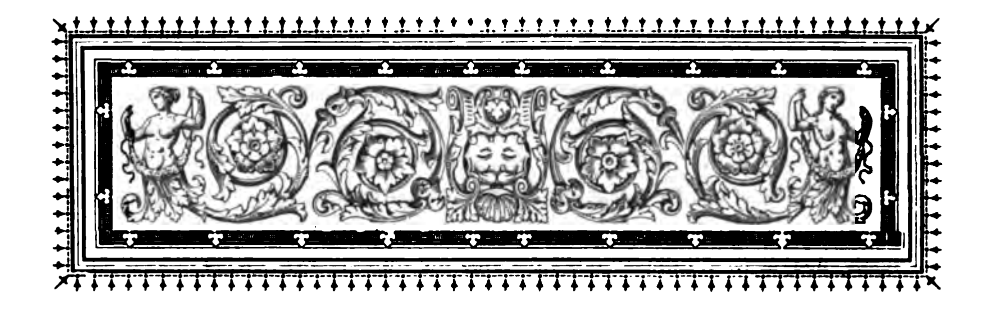
Анаша (Киликія).

Желѣзный вѣкъ.

(отрывокъ изъ 5-й пѣсни поэмы «космосъ»).

Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ, за жертву предъ Богомъ,
Кровь брата пролилъ братъ, немало лѣтъ прошло.
Столѣтія текли, мѣнялась жизнь во многомъ,
Но это первое свершившееся зло
Легло въ основу золъ, какъ первый камень въ зданьѣ,
Который глубоко строитель положилъ,
Чтобъ высилось оно на крѣпкомъ основаньѣ
И выдержать могло напоръ враждебныхъ силъ.
И зданье вознеслось. Немало въ немъ простора.
Внутри и день и ночь, кипитъ упорный трудъ:
Во имя торжества насилья и позора
Подъ свистъ паровиковъ работники снуютъ...
Вотъ доменная печь съ желѣзною рудою!
Расплавленная сталь наполнила лотки
И медленно течетъ пылающей струею...
Смотрите: вотъ куютъ и пушки, и штыки!...
Ученый инженеръ, толково и умѣло
Орудье вывѣривъ, какъ требуетъ разсчетъ,
Уставитъ мастерски потомъ его на дѣло
И скромно къ сторонѣ довольный отойдетъ.
Взгляните на него! Печати отверженья
Вамъ не найти на немъ: топоръ и молотокъ
На шапкѣ у него,—девизъ его значенья
Средь арміи труда, ремесленный значекъ.
Да! За семь тысячъ лѣтъ жизнь въ мірѣ измѣнилась,
И Каина печать все дѣлалась блѣднѣй;
Отъ времени она давно уже сносилась,
А пушечная сталь—все крѣпче и грознѣй.
Съ насмѣшками прогнавъ стрѣлу и лукъ со сцены,
Въ музеи положивъ кольчугу, шлемъ и мечъ
И выставивъ жерло за крѣпостныя стѣны,
Она кидаетъ съ нихъ гранаты и картечь...
. . . .
Дни варварства прошли. Невѣжества завѣсу
Почти что разорвалъ желѣзный гордый вѣкъ.
Но для чего? Зачѣмъ къ дальнѣйшему прогрессу
По грудамъ мертвыхъ тѣлъ стремится человѣкъ?...

П. Кошевичъ.



Викраморваши.

Драма Калидасы.

(съ санскритскаго).

Предлагая въ русскомъ переводѣ завязку знаменитой драмы Калидасы, считаю не лишнимъ, въ виду незначительнаго знакомства русскаго общества съ санскритской литературой, сказать нѣсколько словъ о взглядахъ туземныхъ индійскихъ теоретиковъ на драматическую поэзію, нашедшихъ себѣ яркое выраженіе въ драмахъ поэта Калидасы, относимаго къ VI столѣтію по Р. Х., золотому вѣку классической индійской литературы. Нѣкоторое знакомство съ требованіями индійскихъ теоретиковъ позволитъ читающему драму въ близкомъ переводѣ, сохраняющемъ колоритъ оригинала, дать ей болѣе правильную историко-литературную оцѣнку, потому что даже самая художественная съ индійской точки зрѣнія драма, вродѣ Шакунталы или Викраморваши, не можетъ вполнѣ удовлетворить нашему вкусу, развитому корифеями европейской драматургіи.

Драматическое произведеніе, по индійскому опредѣленію, есть поэма, которую не только слушаютъ, но и смотрятъ. Общимъ названіемъ для всѣхъ сценическихъ произведеній поэтому служитъ имя rûpaka, отъ rûpa—*образъ, видъ*, такъ какъ въ нихъ мы видимъ *воплощеніе* характеровъ и чувствъ.

Цѣль представленія—назиданіе посредствомъ увеселенія. Піеса должна вообще вызывать въ зрителѣ отзвукъ тѣмъ чувствамъ, которыя изображаются на сценѣ. Эти ощущенія, получаемыя зрителемъ, означаются названіемъ rasa (собственно вкусъ), а душевныя состоянія изображаемыхъ на сценѣ лицъ терминомъ bhâva. Страстные любители систематизаціи, теоретики стараются регистрировать тѣ и другія, и bhâva и rasa. Но психологическія попытки ихъ нейдутъ далѣе подробнаго перечисленія: такъ, bhâva—душевныя состоянія сценическихъ лицъ—подраздѣляются на *длительныя* и *случайныя*. Первыхъ насчитываютъ 8 или 9 видовъ, послѣднихъ до 33, причемъ перечисляются столько же вызывающихъ ихъ причинъ (vibhâva) и столько же внѣшнихъ признаковъ (anubhâva), ихъ сопровождающихъ. Чтобы ограничиться однимъ примѣромъ индійской психологіи отмѣтимъ, что состоянія mada (опьяненія) имѣетъ своимъ vibhâva (при-

чиной) неумѣренное питье крѣпкихъ напитковъ, а своимъ anubhâva (внѣшнимъ проявленіемъ)—неувѣренность въ движеніяхъ, неясность въ произношеніи, безпричинный смѣхъ и т. п. Съ такой же полнотой перечисляются и ощущенія, вызываемыя сценическимъ представленіемъ у зрителя, причемъ и здѣсь высказывается крайнее пристрастіе къ мелкимъ подраздѣленіямъ. Напримѣръ, rasa называемое hâsya т.-е. *смѣхъ*, обнаруживается въ шести различныхъ видахъ: признаки 1-го—расширеніе глазъ и движеніе рѣсницъ, 2-го—улыбка, сопровождаемая обнаруживаніемъ зубовъ, 3-го легкое восклицаніе, 4-го—хохотъ до слезъ, 5-го—слезы текутъ въ изобиліи, 6-го—смѣющійся хватается за бока. Неудивительно, что, внося такую систематизацію въ психологическую сторону сценическаго представленія, теоретики старались регламентировать и различные виды піесъ. Если вмѣсто нашихъ немногихъ видовъ драматическихъ произведеній (трагедія, комедія, драма, мелодрама и проч.) мы находимъ у индійскихъ теоретиковъ 38 видовъ, то, конечно, не должны заключать отсюда о дѣйствительномъ богатствѣ разновидностей индійской драматической литературы, а только о крайнемъ увлеченіи теоретиковъ всякими безплодными тонкостями систематизаціи. Такъ, весьма близкія по нашимъ понятіямъ между собою драмы Калидасы, Шакунтала и Викраморваши, вносятся въ индійской системѣ, въ двѣ разныя рубрики. Первая причисляется къ такъ называемому nâtakam, высшему роду *перваго* класса rûpaka, вторая, только потому, что дѣйствіе происходитъ то на землѣ, то на небѣ, называется *trotaka* и вносится въ отдѣлъ т. наз. uparûpaka. Но въ сущности обѣ драмы равно отвѣчаютъ требованіямъ теоретиковъ относительно сюжета и изображенія дѣйствующихъ лицъ. Сюжетъ такого рода драмъ, по ихъ предписаніямъ, долженъ быть важенъ и общеизвѣстенъ. Его можно выбрать изъ миѳовъ или историческихъ преданій, или онъ можетъ быть частью измышленіемъ, частью основанъ на преданіяхъ. Піеса должна изображать только высокія, славныя личности: герой долженъ быть или царь, или полубогъ. Преобладающія чувства главныхъ лицъ должны быть *любовь* или *героизмъ*. Фабула должна быть проста, и исторія главныхъ лицъ не должна прерываться эпизодами. Изъ пресловутыхъ трехъ единствъ псевдоклассической драмы индійская соблюдаетъ единство дѣйствія. Относительно длительности изображаемыхъ въ драмѣ событій существуетъ только предписаніе, чтобы длительность событій одного акта ограничивалась однимъ днемъ, но между отдѣльными актами могутъ проходить годы. Требованіе же единства мѣста уже потому не могло придти на мысль индійскимъ драматургамъ, что при отсутствіи декорацій всѣ перемѣны сцены были предоставлены воображенію зрителей. Но не стѣсняя такими внѣшними требованіями творчества поэта, индійская теорія предписывала ему строжайшій этикетъ и не допускала многихъ ситуацій, которыя допустила бы чопорная псевдоклассическая сцена. Не только убійство и смерть естественную нельзя было изображать на сценѣ, но и вообще піеса должна избѣгать всего рѣзкаго, страшнаго, мрачнаго, сильно дѣйствующаго или вульгарнаго: зрители не должны видѣть сценъ драки, брани, проклятія, униженія личности, народнаго бѣдствія, а также брачной церемоніи, сна, ѣды, поцѣлуевъ и проч. Проявленія чувствъ дѣйствующихъ лицъ должны быть облечены въ красивую, изящную форму: ни горе, ни радость не должны переступать мѣру, предписы-

ваемую строгимъ приличіемъ. Зритель индійской драмы постоянно чувствуетъ, что присутствуетъ въ высшемъ обществѣ, въ школѣ изящныхъ манеръ и вкуса.

Понятіе о трагедіи, въ смыслѣ классической, совершенно чуждо Индіи: драмъ съ трагической развязкой индійцы не знали. Въ ихъ піесахъ сцены трагическія и комическія чередуются, какъ въ піесахъ Шекспира.

При слабомъ развитіи индивидуальности, трагическая коллизія личности съ обществомъ не становилась сюжетомъ индійской драмы, а понятіе о любви на востокѣ, многоженство и подчиненное положеніе женщины не могли вносить высокаго трагизма въ отношенія мужчины къ ней. Самый излюбленный сюжетъ индійской драмы любовь, облекаемая въ самыя утонченныя, изящныя формы. Лиризмъ всюду преобладаетъ надъ драматическимъ элементомъ. Герой изливаетъ свою любовную тоску въ стихахъ, щеголяющихъ музыкальностью и разнообразіемъ размѣровъ, обычные же разговоры ведутся прозой. Разговоры преобладаютъ надъ дѣйствіемъ: изъ нихъ мы узнаемъ часто о событіяхъ, совершившихся между актами или за сценой. Но и любовныя сцены, главная струна драмы, едва ли могутъ удовлетворить нашему художественному чувству. Роль индійской женщины слишкомъ пассивна, чтобы въ ея устахъ возможны были рѣчи героинь европейской сцены. Въ любовныхъ ситуаціяхъ она играетъ роль смущеннаго ребенка. Ея чувство выражается или прорывается, какъ бы помимо ея воли, не въ прямомъ обращеніи къ возлюбленному, а во вздохахъ, движеніи глазъ и стыдливомъ шопотѣ на ухо обязательно присутствующей наперсницѣ-подругѣ. Подруга является присяжной посредницей, переводчицей при героинѣ, и герой узнаетъ о раздѣляемомъ чувствѣ не прямо отъ возлюбленной, но либо отъ подруги, либо посредствомъ подслушиванья, пріема, къ которому нерѣдко прибѣгаютъ авторы драмъ. Если случайно, по шаловливому коварству подруги, героиня остается наединѣ съ предметомъ своей любви, то на всѣ его восторженные стихи отвѣчаетъ либо молчаніемъ, либо незначительными фразами, выражающими ея смущеніе. Эта стыдливость въ обнаруживаніи чувства входитъ въ кодексъ индійскихъ правилъ о поведеніи дѣвицъ благороднаго происхожденія. Но и любовныя рѣчи героя, благодаря поэтическимъ пріемамъ индійскихъ драматурговъ, намъ не всегда вразумительны безъ спеціальнаго комментарія. Увлеченный страстью герой ищетъ участія во всей природѣ — фаунѣ и особенно флорѣ: обращеніе къ растеніямъ, сравненія въ области ботаники особенно изобильны въ «цвѣтистомъ» языкѣ восточной любви. Такъ, одинъ изъ слѣдующихъ актовъ драмы Викраморваши весь состоитъ изъ скорбныхъ стиховъ царя Пурураваса, который, въ отчаяніи отъ изчезновенія своей возлюбленной, ищетъ ее въ лѣсу и обращается съ жалобами къ птицамъ и растеніямъ. Въ оригиналѣ стихи чрезвычайно гармоничны и изящны по метрическому складу, но для уясненія образности сравненій нуждаются, для европейскаго читателя, въ постоянныхъ комментаріяхъ.

Что касается внѣшняго построенія индійской драмы, то она всегда открывается прологомъ, въ которомъ зрителя знакомятъ съ названіемъ піесы, именемъ ея автора, нѣкоторыми дѣйствующими лицами и съ такими событіями, какія зрителю необходимо знать, чтобъ понимать пьесу. Въ прологѣ является такъ наз. сутрадхара (sûtradhâra) режиссеръ и директоръ театра, а съ нимъ главный актеръ или актриса.

Прологу предшествуетъ молитва къ божеству, имѣющая цѣлью испросить его благоволеніе публикѣ. По окончаніи молитвы изъ-за занавѣса, протянутаго въ глубинѣ сцены, выходитъ *сутрадхара*, который, по требованію индійскихъ авторитетовъ, долженъ быть человѣкомъ даровитымъ, хорошо знакомымъ со свѣтской литературой, знающимъ разные индійскіе діалекты, обычаи и нравы разныхъ слоевъ общества и народа, свѣдущимъ въ театральномъ дѣлѣ и опытнымъ въ искусствахъ. Его роль въ «Прологѣ» состоитъ въ томъ, что онъ иногда прочитываетъ панегирикъ пьесѣ и ея автору, проситъ благосклоннаго вниманія публики и торопитъ актеровъ, чтобы они не злоупотребляли терпѣніемъ «благороднаго собранія». Иногда онъ разговариваетъ съ главнымъ актеромъ или актрисой, и этотъ разговоръ имѣетъ цѣлью дать публикѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о сюжетѣ пьесы. Заключеніе пролога приготовляетъ публику къ немедленному выходу какого-нибудь изъ дѣйствующихъ лицъ. Первый актъ, соотвѣтствующій экспозиціи или протасису классическаго театра, имѣетъ повѣствовательный характеръ и даетъ ключъ къ уразумѣнію дальнѣйшаго развитія пьесы. Акты, число которыхъ колеблется между 4-мя и 10-ю, обозначаются входомъ и выходомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ. Акты связываются *междудѣйствіемъ*, небольшой сценкой, содержащей обыкновенно разговоръ второстепенныхъ лицъ, наперсниковъ героя и героини, знакомящій публику съ событіями, происшедшими между актами.

Содержаніе драмы «Викраморваши» вкратцѣ слѣдующее: Прекрасная нимфа (апсарасъ) Урваши была похищена демонами (асурами или данавами), постоянно враждующими съ [*дэвами* (богами). Царь Пururавасъ, случайно узнавъ объ этомъ, отбиваетъ нимфу у демоновъ и немедленно влюбляется въ нее. Нимфа отвѣчаетъ ему любовью, но тотчасъ должна покинуть его, призванная на небо Индрой. Наперсникъ царя Видушака разболталъ служанкѣ царицы, жены Пururаваса, тайну своего царственнаго друга, и оскорбленная царица ревнуетъ супруга. Между тѣмъ Урваши, участвуя на небѣ въ драматическомъ спектаклѣ, исполняемомъ предъ богомъ Индрой, допустила обмолвку въ своей роли, отвѣтивъ на вопросъ, кого она любитъ, именемъ «*Пururаваса*», вмѣсто имени «*Пурушоттамы*» (т.-е. Вишну), какъ ей слѣдовало отвѣтить согласно съ ролью. За эту оплошность она должна покинуть небо, но ей дозволено соединиться съ Пururавасомъ и жить съ нимъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ не будетъ дѣтей. Царица-жена соглашается наконецъ, чтобы царь вступилъ въ бракъ съ другою. Но счастье любящихъ скоро постигаетъ неожиданный ударъ: въ припадкѣ ревности, вызванной тѣмъ, что Пururавасъ посмотрѣлъ на одну дѣвушку, Урваши убѣгаетъ отъ него въ священную рощу, запретную для женщинъ. За это она превращена въ ліану, и царь напрасно въ отчаяніи ищетъ ее среди деревьевъ. Онъ можетъ соединиться съ нею вновь только, если найдетъ волшебный «камень соединенія», но никто въ природѣ не можетъ указать, гдѣ слѣдуетъ искать его. Однако судьба сжалилась надъ Пururавасомъ. Случайно чудесный камень попадаетъ ему въ руки, и ліана, которая представилась разстроенному воображенію царя по стройности похожей на Урваши, въ его объятіяхъ превращается въ его небесную жену. Изъ начала послѣдняго 5-го акта зритель узнаетъ, что нѣсколько лѣтъ любящіе супруги пользовались ничѣмъ не нарушавшимся счастьемъ.

Но вдругъ раздаются крики. Оказывается, что красный «камень соединенія» унесенъ коршуномъ, принявшимъ его за кусокъ мяса. Но вскорѣ получается извѣстіе, что одинъ мальчикъ, воспитываемый пустынниками, убилъ коршуна и спасъ чудесный камень. Мальчикъ оказывается сыномъ Урваши отъ Пуруравaса, сокрытымъ матерью въ пустынножительствѣ отъ взоровъ мужа, такъ какъ, согласно слову Индры, сожительство нимфы съ человѣкомъ должно прекратиться, какъ только онъ увидитъ сына, рожденнаго ею отъ него. Такимъ образомъ, Урваши должна покинуть мужа, и радость свиданія съ сыномъ готова у него перейти въ скорбь по женѣ, но въ это время является, спустившись съ неба, посланникъ бога Индры Нарада и объявляетъ, что, нуждаясь въ помощи Пуруравaса въ войнѣ съ демонами, Индра соглашается на то, чтобъ Урваши навсегда осталась на землѣ женою царя. Такимъ образомъ драма кончается счастливо.

Замѣтимъ въ заключеніе, что миѳъ о союзѣ Пуруравaса съ нимфой Урваши извѣстенъ уже въ ведахъ и легендахъ брахманъ, но съ другимъ исходомъ: Урваши покидаетъ на вѣки своего земного мужа. Такую развязку, согласно съ требованіями драматической теоріи, Калидаса долженъ былъ измѣнить.

Викраморваши [1])

ПРОЛОГЪ.

Да даруетъ вамъ блаженство
Вѣчный духъ, что по Ведантамъ [2])
Мірозданье проникаетъ [3]).
Одному ему названье
«Самодержца» подобаетъ.
Чрезъ задержку выдыханья,
Покаянье, созерцанье
Съ нимъ легко соединенье
Тѣмъ, кто ждетъ «освобожденья!» [4])

Входитъ распорядитель [5]).

Распорядитель. Довольно медлить! *(Смотритъ въ глубь сцены)* Мариша! [6]) Это собраніе видѣло уже пьесы прежнихъ поэтовъ; потому я желаю представить

---

[1]) Названіе состоитъ изъ словъ: Vikrama — „доблесть, сила“ и Urvaçî—собств. имя нимфы. Сложное слово значитъ: „Урваши добытая доблестью“.

[2]) Трактаты философскаго и мистическаго содержанія, основанные на толкованіи Ведъ.

[3]) Т.-е. богъ Шива.

[4]) Здѣсь разумѣется конечное освобожденіе души отъ цикла перерожденій и возсоединеніе ея съ міровымъ духомъ. Освобожденіе ускоряется аскетическими тѣлесными и духовными упражненіями, вродѣ задержанія дыханія, самососредоточенія и проч.

[5]) Названіе распорядителя представленій sûtradhâra происходитъ отъ слова sûtra— нить, снурокъ и dhara—держащій. Слово это обозначаетъ плотника, строителя и распорядителя спектакля.

[6]) Этимъ именемъ называютъ главнаго актера.

предъ нимъ новую драму «Викраморваши», произведеніе Калидасы. Скажи актерамъ, чтобъ они внимательно исполняли свои роли.

Входитъ актеръ.

Актеръ. Будетъ исполнено.

Распорядитель. Итакъ, преклоняя голову передъ почтеннымъ и просвѣщеннымъ собраніемъ, я прошу:

«Изъ любезности къ актерамъ, изъ почтенья къ содержанью
И къ поэту эту драму не оставьте безъ вниманья!»

За занавѣсомъ слышатся крики:

Господа! Помогите, помогите!..

Распорядитель. Чу! Что значитъ этотъ внезапный призывъ на помощь воздушныхъ существъ? *(Подумавъ)* Ахъ, знаю:

Нимфа Урваши, созданье Нараяны [1]), возвращаясь
Съ посѣщенія Куверы [2]), духа горъ, среди дороги,
Вдругъ похищена врагами небожителей, и скорбный
Крикъ о помощи подруги бѣдной нимфы поднимаютъ.

Уходитъ.

Конецъ пролога.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Часть Гималайскаго хребта. По воздуху летитъ толпа нимфъ.

Нимфы. Помогите, помогите! Если есть кто-нибудь изъ друзей безсмертныхъ или воздушныхъ существъ.

Является Пururавасъ на воздушной колесницѣ, управляемой возницей.

Царь. Прекратите крики! Скажите мнѣ, Пururавасу, возвращающемуся отъ служенія солнцу, отъ кого я могу васъ защитить?

Рамбха. Отъ насилія асуровъ.

Царь. Какое насиліе причинили вамъ асуры?

Рамбха. Выслушай, великій государь! Наша милая подруга Урваши, нѣжное орудіе Индры, когда онъ опасается суроваго подвижничества аскетовъ,

---

[1]) Отшельникъ прославленный подвижничествомъ. По легендѣ, его великое благочестіе, давшее ему необычайное могущество надъ природой, встревожило боговъ, которые поэтому прибѣгли къ обычному своему пріему, послали прекрасныхъ нимфъ, чтобы соблазнить аскета. Но Нараяна не поддался соблазну и посрамилъ боговъ. Онъ сорвалъ цвѣтокъ, положилъ его себѣ на бедро и цвѣтокъ превратился въ нимфу, затмившую красотою всѣхъ посланныхъ Индрою для его соблазна. Созданная Нараяной нимфа получила имя Урваши, какъ происшедшая отъ бедра (санскр. ûru—бедро). Этимологія имени искусственна.

[2]) Кувера—духъ богатствъ, живущій въ своей столицѣ Алака на вершинѣ горы Кайласы.

наша Урваши, посрамляющая Гаурію [1]), гордую своей красотой, высшая красота неба, была предательски унесена демономъ, вмѣстѣ съ подругой Читралекхой, на возвратномъ пути изъ дворца Куверы.

Царь. Въ какую сторону скрылся злодѣй?

Нимфы. На сѣверо-востокъ.

Царь. Не тревожьтесь. Я сдѣлаю все, чтобъ возвратить вамъ подругъ.

Нимфы *(радостно)*. Это достойно потомка луны [2]).

Царь. Гдѣ же вы будете ожидать меня?

Нимфы. Вотъ тамъ, на вершинѣ Хемакуты [3]).

Царь. Возница! Направь быстро коней на сѣверо-востокъ.

Возница. Будетъ исполнено, Государь! *(направляетъ коней какъ приказано)*.

Царь. Хорошо, хорошо! Съ такой быстротой я догналъ бы и Гаруду [4]).

«Вихремъ мчится колесница,
Разсѣкая облака,
Съ быстротой мелкаютъ спицы
Передъ взоромъ сѣдока.
У коней могучихъ, буйныхъ
Ихъ *чамары* [5]) вверхъ торчатъ,
И знамена не дрожатъ
Подъ напоромъ вѣтровъ бурныхъ!» [6])

(Царь и возница оставляютъ сцену).

Сахаджанья. Милая, царь уѣхалъ, пойдемъ къ назначенному мѣсту.

Менака. Пойдемъ, милая. *(Онѣ поднимаются на вершину Хемакуты)*.

Рамбха. Извлечетъ ли намъ царь занозу изъ сердца?

Менака. Не сомнѣвайся въ этомъ.

Рамбха. Однако Данавовъ трудно осилить.

Менака. Самъ Индра, когда ему угрожаетъ война съ ними, призываетъ великаго царя изъ земного міра и поручаетъ ему свое войско для побѣды надъ врагами.

Рамбха. Да будетъ онъ всегда побѣдоносенъ!

Менака *(помолчавъ)*. Ободритесь, милыя, ободритесь! Вотъ появляется опять царская колесница, подарокъ луны, съ развѣвающимся знаменемъ. Я увѣрена, что онъ не возвратится, не совершивъ дѣла успѣшно. *(Сдѣлавъ счастливое предзнаменованіе, онѣ останавливаются, поджидая царя. Является царь съ возницей и Урваши. Ея глаза закрыты отъ страха, и она опирается на руку Читралекхи)*.

---

[1]) Гаури—жена бога Шивы.

[2]) Пururавасъ считается, по индійскимъ генеалогическимъ легендамъ, вторымъ царемъ лунной династіи.

[3]) Хемакута—одна изъ вершинъ въ сѣверной части хребта.

[4]) Гаруда миѳическая священная птица, на которой носится богъ Вишну, сидя на ней.

[5]) Чамары (camara) пучки изъ пушистыхъ хвостовъ быка (Bos grunniens), укрѣпленные, какъ украшеніе сбруи, у коней между ушами.

[6]) Знамена водруженныя, какъ царскій штандартъ, на колесницѣ.

Читралекха. Милая, успокойся, приди въ себя!

Царь. Успокойся, успокойся, красавица.
Теперь исчезъ ужъ страхъ передъ врагами
Боговъ, о робкая! Величье Индры
Перуноноснаго хранитъ три міра.
Открой же очи ты, какъ открываетъ
Цвѣтки свои въ исходѣ ночи лотосъ.

Читралекха. Увы! только дыханье ея подаетъ признакъ жизни. Она все еще не приходитъ въ чувство.

Царь. Смотри, какъ безпокоятся подруги,
Какъ сильно бьется сердце, какъ дрожитъ
Гирлянда изъ цвѣтовъ *мандары* [1])
На полной дѣвственной груди.

Читралекха *(плачетъ)*. Милая Урваши! Очнись, ты не похожа на нимфу.

Царь. Нѣтъ, все еще трепещетъ сердце,
Подобно нѣжному цвѣтку, и на груди
Колышется платокъ...
(Урваши приходитъ въ себя).

Царь *(радостно)*. Радуйся, Читралекха, твоя дорогая подруга вернулась къ сознанію:

Какъ ночь освобождается отъ мрака,
Когда взошла луна, какъ сквозь столбы
Густого дыма проникаетъ пламя
Ночныхъ огней, такъ снова получила
Сознанье дѣва нѣжная: такъ Ганга [2]),
На время помутнѣвши отъ обваловъ,
Струится скоро съ прежней чистотой.

Читралекха. Успокойся, дорогая Урваши! Проклятые Данавы, враги боговъ, разбиты царемъ, покровителемъ угнетенныхъ.

Урваши *(открывая глаза)*. Развѣ великій Индра видѣлъ нападеніе на меня и спасъ меня?

Читралекха. Нѣтъ, не Индра, а равный Индрѣ царь Пуруравасъ, котораго могущество равно могуществу Индры.

Урваши *(посмотрѣвъ на царя въ сторону)*. Счастливое событіе для меня эта борьба Данавовъ съ Индрой!

Царь *(взглянувъ на Урваши, въ сторону)*. Я понимаю теперь, почему всѣ нимфы, когда старались соблазнить мудреца Нараяну, устыдились, увидя ее Но нѣтъ,—она не можетъ быть создана этимъ подвижникомъ:

---

[1]) Mandâra—Erythrina indica, дерево съ роскошными цвѣтами; считается однимъ изъ пяти небесныхъ деревьевъ.

[2]) Ганга (Gangâ)—извѣстная священная рѣка Индіи, называемая нами не совсѣмъ правильно Гангомъ, въ муж. родѣ.

Ея творцемъ былъ лучезарный мѣсяцъ
Иль Кама [1]), дышащій любовью, иль весна,
Обильная цвѣтами. Какъ же могъ
Подвижникъ, чуждый радостямъ мірскимъ,
Отъ изученья веды посѣдѣлый,
Такое дивное созданье сотворить?

Урваши. Милая Читралекха, гдѣ же подруги?

Читралекха. Это знаетъ великій царь, нашъ защитникъ.

Царь *(къ Урваши)*. Твои подруги сильно безпокоятся о тебѣ:

Чей взоръ случайно на тебя падетъ,
Тотъ долженъ безъ тебя съ тоски погибнуть.
Какое жъ горе причинила ты
Своимъ подругамъ, связаннымъ съ тобою
Цѣпями нѣжными любви и дружбы?

Урваши *(въ сторону)*. Твои слова амброзія [2]), но вѣдь изъ луны она исходитъ. Чему же мнѣ удивляться? *(Громко)*. Потому-то я всѣмъ сердцемъ стремлюсь ихъ увидѣть.

Царь *(показывая рукою)*:

Взгляни, тамъ на вершинѣ Хемакуты
Стоятъ твои подруги. Взоры ихъ
Устремлены на верхъ, онѣ взираютъ
На ликъ прекрасный твой, какъ на луну,
Когда отъ тьмы она освободилась.

(Урваши смотритъ съ тоскою).

Читралекха. Куда глядишь ты, милая?

Урваши. Кто раздѣляетъ мое горе, того пьютъ мои взоры.

Читралекха *(улыбаясь)*. Кто же это?

Урваши. Тотъ, кого я люблю.

Рамбха *(увидѣвъ Урваши, радостно)*. Милая, вонъ возвращается царь съ дорогою Урваши и Читралекхой, подобно мѣсяцу, сопровождаемому двойной звѣздой.

Менака *(взглянувъ на нихъ)*. Дорогая, намъ двойная радость, Урваши вернулась, и великій царь, кажется, возвращается невредимымъ.

Сахаджанья *(Рамбхѣ)*. А все же ты была права, когда сказала, что Данавовъ трудно одолѣть.

Царь. Возница! Направь насъ на ту вершину. *(Колесница несется. Урваши робко опирается на царя.)*

Царь *(въ сторону)*. Какъ пріятно спускаться по неровной дорогѣ:

---

[1]) Кама—богъ любви.

[2]) Напитокъ безсмертія (amṛtam), подкрѣпляющій силы боговъ въ борьбѣ съ демонами. По индійскимъ легендамъ, онъ хранится на лунѣ. Въ словахъ Урваши намекъ на лунное происхожденіе царя.

Когда меня касается она,
При каждомъ сотрясеньи колесницы,
Какой-то сладкій трепетъ пробѣгаетъ
По членамъ всѣмъ моимъ, какъ будто Кама
Меня стрѣлою жгучей поразилъ.

Урваши *(со смущеніемъ Читралекхѣ).* Милая, подвинься же немного.

Читралекха. Не могу.

Рамбаха. Пойдемте же, подруги, на встрѣчу любезному царю.

Нимфы. Пойдемъ, пойдемъ. *(Онѣ приближаются.)*

Царь. Возница, стой!

Пусть чуднобровая съ толпой подругъ,
По ней тоскующихъ, соединится...
Такъ красота весны, соединяясь
Съ вѣтвями, ихъ цвѣтами облекаетъ.

Нимфы. Счастье великому царю въ побѣдахъ!

Царь. А вамъ въ соединеніи съ подругой.

(Урваши сходитъ съ колесницы, опираясь на руку Читралекхи).

Урваши. Дорогія, обнимите меня. Я не могла надѣяться снова васъ увидѣть.

(Подруги обнимаются.)

Менака *(дѣлая жестъ благословенія).* Да охраняетъ великій царь сто *кальпъ* [1]) землю!

Возница. Государь, сюда быстро несется колесница:

Смотри, вонъ кто-то въ золотыхъ запястьяхъ,
Сошелъ съ небесъ на горную вершину,
Какъ молніей блистающая туча.

Нимфы. Ахъ! Это Читраратха! [2])

(Читраратха подходитъ.)

Читраратха *(царю).* Привѣтъ твоей блистательной доблести, которая одна можетъ оказать помощь Индрѣ!

Царь. Ахъ! Царь Гандхарвовъ! *(Сходитъ съ колесницы.)* Привѣтъ тебѣ, дорогой другъ! *(Пожимаютъ другъ другу руки.)*

Читраратха. Другъ, едва только Индра узналъ отъ Нарады [3]), что Урваши похищена демонами, онъ тотчасъ отправилъ дружины гандхарвовъ ее выручить. Но, узнавъ о твоемъ славномъ подвигѣ отъ одного изъ воздушныхъ духовъ, я поспѣшилъ сюда явиться. Теперь ты долженъ вмѣстѣ съ нею отправиться къ Индрѣ. Ты оказалъ ему великую услугу.

---

[1]) *Кальпа* (kalpa)—названіе громаднаго мірового період въ индійской миѳологіи, половина сутокъ Брахмы, состоящая изъ тысячи великихъ или божественныхъ вѣковъ.

[2]) *Читраратха*—царь Гандхарвовъ, т.-е. геніевъ музыки и пѣнія, небесныхъ пѣвцовъ и музыкантовъ, увеселяющихъ боговъ. Они составляютъ свиту Индры и участвуютъ въ его борьбѣ съ демонами.

[3]) Нарада (Nârada)—одинъ изъ семи великихъ мудрецовъ (рши) и праотцевъ человѣчества, свободно переходящій съ земли на небо боговъ, гдѣ является иногда вождемъ хора гандхарвовъ, какъ изобрѣтатель индійской лютни.

Когда-то Индрѣ подарилъ ее
Отшельникъ Нараяна. Нынѣ снова
Ему ты подарилъ ее, исторгнувъ
Изъ рукъ Данавовъ...

Царь. Нѣтъ, не такъ, мой другъ!
Вѣдь Индры же могущество даруетъ
Его друзьямъ побѣду надъ врагами.
Такъ, раздаваясь изъ пещеръ скалистыхъ,
Одно рыканье льва слоновъ сражаетъ.

Читраратха. Такъ, такъ: скромность украшеніе доблести.

Царь. Другъ, теперь у меня нѣтъ времени посѣтить Индру. Отвези ты самъ ее къ повелителю.

Читраратха. Я къ твоимъ услугамъ. Пойдемте, нимфы.

(Всѣ встаютъ.)

Урваши *(тихо Читралекхѣ)*. Милая Читралекха! Я не въ силахъ проститься съ любезнымъ царемъ. Говори за меня.

Читралекха *(подходя къ царю)*. Великій государь! Урваши поручаетъ сказать тебѣ: «воспоминаніе о твоемъ славномъ подвигѣ я унесу съ собой, какъ друга, въ міръ боговъ».

Царь. Пусть только она скорѣе возвратится.

(Нимфы и гандхарвы поднимаются на воздухъ.)

Урваши *(дѣлая видъ, какъ будто что-то ей препятствуетъ подняться)*. Ахъ! моя *вайджаянтика* [1]) зацѣпилась за вѣтвь ліаны. *(Оборачивается и смотритъ на царя.)* Милая Читралекха, освободи меня!

Читралекха *(улыбаясь)*. Ахъ! Какъ крѣпко она зацѣпилась. Просто нельзя отцѣпить.

Урваши. Оставь шутки и освободи меня.

Читралекха. Хорошо. Хоть и трудно, а все же я отцѣплю.

Урваши *(съ улыбкой)*. Помни же эти твои слова.

Царь *(въ сторону)*.

Какую мнѣ услугу оказала
Ты, милая ліана, задержавъ
Ея шаги хоть на одно мгновенье.
Еще разъ удалось увидѣть мнѣ
Прелестный взоръ ея при разставаньи.

(Читралекха отцѣпляетъ уборъ Урваши отъ ліаны).

Возница. Великій государь!
Стрѣла твоя могучая какъ вихрь,
Въ пучину водъ соленыхъ ввергнувъ Дайтьевъ [2]),
Враговъ властителя боговъ, вернулась
Теперь въ колчанъ, какъ мощный змѣй въ пещеру.

---

[1]) Родъ снурка или гирлянды изъ жемчуга.

[2]) Дайтьи—другое имя Асуровъ и Данавовъ.

Царь. Подвези колесницу,—я взойду.

(Возница подъѣзжаетъ. Царь входитъ на колесницу).

Урваши *(смотритъ съ тоскою на царя)*. Увижу ли я опять милаго царя?

(Уносится съ подругами и гандхарвами).

Царь *(провожая ее глазами)*. Увы! Мои желанія стремятся къ недостижимому:

Небесная дѣва къ отцу возлетаетъ
И бѣдное сердце мое похищаетъ:
Такъ красный фламинго, сломавши вершину
Нимфеи, уносятъ ея сердцевину.

(Всѣ уходятъ).

Конецъ 1-го дѣйствія.

Всев. Миллеръ

Киликійскій армянинъ.

Эчміадзинскій первопрестольный монастырь у Арарата (IV вѣка).

Армянскіе патріархи.

(Изъ «Правительственнаго Вѣстника» 11-го іюня 1895 г. № 125).

Армянская церковь — одна изъ древнѣйшихъ христіанскихъ церквей. Отецъ армянской исторіи, Моисей Хоренскій, заимствовавшій у Евсевія Кессарійскаго исторію принятія христіанства армянами, повѣствуетъ слѣдующее:

Когда Іисусъ Христосъ проповѣдовалъ въ Іудеѣ, въ Эдессѣ (Арменіи) царствовалъ Абгаръ. Послѣдній, будучи пораженъ тяжкою болѣзнью обратился за помощью къ Іисусу. Послѣ вознесенія Спасителя апостолъ Ѳаддей, по Его повелѣнію, посѣтилъ Абгара и излѣчилъ его отъ недуга. Абгаръ и его народъ приняли тогда христіанство. Св. Ѳаддей, утвердивъ такимъ образомъ въ Эдессѣ первую христіанскую церковь въ Арменіи и оставивъ тамъ нерукотворенный образъ Спасителя, отправился, съ разрѣшенія Абгара, проповѣдывать христіанство въ другихъ частяхъ Арменіи. Преемники царя Абгара воздвигли жестокія гоненія противъ христіанъ въ Арменіи. Эти преслѣдованія продолжались до 301 года, когда св. Григорій, прозванный Просвѣтителемъ Арменіи и самъ происходившій изъ царскаго рода Арсакидовъ, крестилъ послѣдняго языческаго царя Тиридата и его народъ; съ тѣхъ поръ христіанская вѣра стала народной вѣрой армянъ. Для избранія верховнаго пастыря армянской церкви, Тиридатъ созвалъ народное собраніе, на которомъ былъ избранъ св. Григорій, посвященный передъ тѣмъ въ Кесаріи епископомъ. Съ тѣхъ поръ св. Григорій сталъ проповѣдывать христіанство въ Арменіи, основывая церкви и церковныя общины. При содѣйствіи Тиридата, св. Григорій построилъ въ 302 году Эчміадзинскій монастырь, (см. рисунокъ) въ которомъ основалъ свой архипастырскій престолъ. Патріархи эчміадзинскаго престола признаютъ свои права преемственными.

Первосвятители армянской церкви обыкновенно назывались католикосами. Любовь и признательность армянъ къ своему Просвѣтителю была до такой степени велика, что въ первыя времена христіанства католикосы выбирались исключительно изъ рода св. Григорія, что облекло ихъ ореоломъ святости, и

когда прекратился этотъ родъ, то всѣ несчастія, которыя постигали Арменію, приписывали этому именно обстоятельству. Месропъ говоритъ: «Аршакъ видѣлъ, что не находится болѣе первосвятителя изъ святаго рода великаго архипастыря Григорія и полководца изъ храбраго и преданнаго рода Мамиконіанъ и что это было причиною разоренія Арменіи».

Католикосы избирались всѣмъ народомъ, но неизвѣстно, существовали ли для этого какія-либо постановленія; они посвящались первоначально кессарійскимъ епископомъ. Такъ какъ изъ всѣхъ странъ, гдѣ проповѣдывалъ слово Божіе апостолъ Ѳаддей, только въ Кесаріи, начиная съ посвященнаго имъ епископа Ѳеофила, непрерывно существовала епископская каѳедра до Григорія Просвѣтителя, то и онъ, считая Арменію удѣломъ св. Ѳаддея, принялъ посвященіе отъ епископа кесарійскаго. Такъ продолжалось до Нерсеса I Великаго (конецъ IV вѣка). Въ это время епископы константинопольскіе и іерусалимскіе начали именоваться патріархами; въ виду этого, царь Аршакъ и нахарары (феодалы) возвели Нерсеса въ патріаршій санъ. Съ этихъ поръ патріархи принимали посвященіе не отъ кесарійскаго епископа, но отъ собора своихъ епископовъ.

Отношеніе власти католикоса къ царской опредѣлились при самомъ введеніи христіанства въ Арменіи. Тиридатъ совершенно подчинился вліянію св. Григорія Просвѣтителя. Католикосы были строгими блюстителями дѣлъ царскихъ и миротворцами между царемъ и нахарарами, порицали царей за ихъ неправыя дѣла, сносились съ византійскими императорами, арабскими халифами и персидскими царями, которые смотрѣли на нихъ какъ на истинныхъ выразителей чувствъ и желаній армянскаго народа. Во время междуцарствія всѣ оффиціальныя бумаги писались отъ имени католикоса, епископовъ и нахараровъ, и хотя въ такомъ случаѣ имѣлся всегда марзпанъ (правитель страны), но власть и управленіе фактически заключались въ рукахъ католикоса. Персидскій полководецъ Деншапухъ говорилъ, что патріархъ Іосифъ «былъ настоящимъ владѣтелемъ всѣхъ христіанъ и повѣреннымъ во всѣхъ дѣлахъ царскихъ». Не всѣ католикосы оставили одинаковую память въ исторіи армянской церкви, но всѣ служили выразителями внутренней духовной жизни своего народа. Выходя изъ нѣдръ его и охраняя его интересы, католикосы, естественно пріобрѣтали въ странѣ все большее вліяніе. Между тѣмъ какъ свѣтская власть посреди безпрестанныхъ политическихъ бурь падала, переходя изъ рукъ арсакидовъ къ сассанидамъ, отъ сассанидовъ къ византійцамъ, а нахарары отступничествомъ или насиліемъ старались ее вырвать другъ у друга,—церковное управленіе казалось основаннымъ на незыблемомъ началѣ. Дворъ католикоса сталъ отличаться пышностью. По свидѣтельству историка Матеоя, «двѣнадцать епископовъ и четыре вардапета (ученые монахи), 60 іереевъ изъ иноковъ и 500 мірянъ» были всегда въ домѣ патріарха. Престолъ патріаршій былъ не бѣднѣе царскаго. Страна покрылась монастырями, готовыми исполнять повелѣнія католикосовъ; каждый изъ этихъ монастырей, привлекая толпы богомольцевъ, сдѣлался средоточіемъ цѣлаго округа. Свѣтская власть должна была селиться бокъ-о-бокъ съ духовною, и, при шаткости первой, рѣзко выставлялась наружу незыблемость послѣдней. Такимъ образомъ, Арменія, безсильная противъ бурь политическихъ, создала себѣ крѣпкій оплотъ противъ религіозныхъ притязаній Рима. Католикосъ являлся и

Эчміадзинскій каѳедральный соборъ, основ. въ 303 г.

является независимымъ главою особой церкви,—по возвышенности своего сана онъ равенъ вселенскимъ патріархамъ и римскому папѣ; эта самостоятельность составляетъ духовную связь, понынѣ дѣлающую изъ армянъ, разсѣянныхъ по разнымъ сторонамъ, одинъ народъ.

Со времени св. Григорія Просвѣтителя и понынѣ католикосы являются выразителями чувствъ армянскаго народа. Патріархи Нерсесъ Великій и св. Саакъ имѣли при дворахъ греческихъ и персидскихъ государей рѣшающее значеніе по вопросамъ, касавшимся армянскаго государства. То же было въ V—IX вв. при дворахъ персидскихъ и арабскихъ завоевателей. Россійское государство, оцѣнивъ значеніе патріарховъ среди армянъ, начиная съ XVIII вѣка, также поддерживало ихъ въ этой дѣятельности, оказывая имъ всевозможное содѣйствіе въ дѣлѣ защиты ихъ народа отъ преслѣдованій магометанъ и пользуясь ихъ вліяніемъ для своихъ торговыхъ и политическихъ цѣлей (начиная съ царя Алексѣя Михайловича и въ особенности Петра Великаго). Указомъ 30-го іюня 1768 г. императрица Екатерина II распространила власть Эчміадзинскаго монастыря, находившагося тогда въ предѣлахъ Персіи, на армянъ, проживавшихъ въ Россіи, и послала патріарху Симеону дорогіе подарки, а послѣ завоеванія Крыма предоставила, по ходатайству архіепископа князя Іосифа Аргутинскаго, 100.000 десятинъ земли на берегахъ р. Дона армянскимъ переселенцамъ, основавшимъ городъ Нахичевань и рядъ деревень. Имѣя въ виду важное политическое значеніе армянскихъ патріарховъ для христіанскаго населенія Кавказа, Закавказья и всей Малой Азіи, русское правительство всегда обращало особенное вниманіе на свои отношенія къ Эчміадзинскому монастырю; съ 1801 года, когда на патріаршій престолъ былъ избранъ архіепископъ князь Іосифъ Аргутинскій, Россія получила преобладающее вліяніе на выборы патріарха, несмотря на то, что монастырь находился до 1828 года въ предѣлахъ Персіи. Это объясняется тѣмъ исключительнымъ положеніемъ, которое искони занимали католикосы среди армянъ: они продолжали быть заступниками своего народа передъ христіанскими государями и принимали дѣятельное участіе въ нашихъ войнахъ съ персами и турками, выступая иногда на конѣ съ крестомъ въ рукахъ во главѣ нашихъ войскъ. Въ такомъ видѣ выступили въ 1827 г., при завоеваніи Эривани, патріархъ Нерсесъ V (см. ниже) и въ 1829—30 гг., при завоеваніи Карса и Эрзерума епископы Карапетъ и Степанносъ.

Патріархъ-католикосъ эчміадзинскаго престола признанъ главой армянской церкви. Онъ одинъ имѣетъ право освящать мνро, употребляемое при таинствѣ мνропомазанія, и одинъ посвящаетъ епископовъ всѣхъ армянскихъ епархій. Онъ имѣетъ попеченіе о дѣлахъ церкви, религіи и нравственности, посылаетъ уполномоченныхъ въ епархіи, для исполненія распоряженій и рѣшенія въ возникшихъ спорахъ. При всѣхъ церковныхъ службахъ армянской церкви его имя упоминается непосредственно послѣ Императора Всероссійскаго и Августѣйшаго Дома. Книги религіознаго содержанія на армянскомъ языкѣ печатаются только съ его дозволенія. При своемъ вступленіи на престолъ св. Григорія, онъ даетъ обѣтъ сохранять законы, преданія и обычаи своей церкви во всей ихъ неприкосновенности. Армянская церковь признаетъ первые три Вселенскихъ собора и соборы отдѣльной армянской церкви.

Патріархъ получаетъ званіе свое только законнымъ выборомъ. Въ прежнія времена, когда Арменія имѣла еще своихъ царей, послѣдніе для выбора

Каѳоликосъ Геворкъ IV, основ. Эчміадзинской Дух. Академіи.

новаго патріарха созывали людей духовныхъ и свѣтскихъ. Впослѣдствіи, вслѣдствіе угнетеннаго политическаго положенія, бывали случаи, когда участіе свѣтскихъ ослабѣвало, выборъ представлялся духовнымъ, часто однимъ только мо-

нахамъ, однако свѣтскіе никогда не исключались, и въ послѣдующія времена они стали принимать болѣе рѣшительное участіе. Иначе стало, когда Арменія подчинилась магометанскимъ завоевателямъ, для которыхъ право утвержденія выборовъ стало служить поводомъ, къ поборамъ и налогамъ. Такъ продолжалось до половины XVIII столѣтія, но мало-по-малу, при выборѣ патріарха, усилилась и русское вліяніе ко благу армянской церкви.

Патріархъ Симеонъ (см. ниже), при выборѣ своемъ, первый искалъ утвержденія Россіи и получилъ его 30-го іюня 1765 г. Преемникъ его, католикосъ Гукасъ, утвержденъ 26-го февраля 1798 года. Послѣ него вліяніе Россіи такъ усилилось, что жившій въ С.-Петербургѣ армянскій епископъ князь Іосифъ Аргутинскій-Долгорукій былъ избранъ въ патріархи и утвержденъ императоромъ Павломъ 30-го октября 1800 г. Послѣ Россіи слѣдовало признаніе выборовъ Персіею и Турціею. Патріархи Даніилъ и Ефремъ избраны подъ исключительнымъ вліяніемъ Россіи. Затѣмъ слѣдовали Іоганесъ VIII (Карбійскій), Нерсесъ V (Аштаракскій), Матеосъ I, Геворкъ IV, Макаръ I (умеръ въ 1891 г.).

По существующимъ россійскимъ законамъ, основаннымъ на канонахъ армянской церкви, патріархъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ передать власти, правъ, и имуществъ присвоенныхъ его сану, ни эчміадзинскому армяно-грегоріанскому синоду, ни какому-либо иному мѣсту или лицу. При вакантности престола верховнаго патріарха-католикоса всѣхъ армянъ, эчміадзинскій синодъ посылаетъ извѣстительныя грамоты о томъ во всѣ армяно-григоріанскія епархіи, находящіяся какъ въ Россіи, такъ и внѣ ея предѣловъ, и назначаетъ годичный срокъ для избранія новаго патріарха. Каждая епархія назначаетъ для избранія патріарха двухъ депутатовъ: духовнаго и свѣтскаго депутатовъ, въ выборѣ патріарха участвуютъ всѣ члены синода и семь старшихъ, пребывающихъ въ Эчміадзинѣ, епископовъ, причемъ, въ случаѣ недостатка послѣднихъ, число это пополняется старшими эчміадзинскими архимандритами. Избраніе производится въ эчміадзинскомъ соборѣ св. Григорія Просвѣтителя; по отобраніи голосовъ всѣхъ присутствующихъ и разсмотрѣніи письменныхъ отзывовъ, доставленныхъ въ синодъ, имѣющими право на выборъ въ кандидаты признаются четыре старшіе по большинству поданныхъ въ ихъ пользу голосовъ; въ случаѣ равенства голосовъ жребій рѣшаетъ, кто должны считаться старшими; изъ нихъ производится всѣми присутствующими выборъ двухъ кандидатовъ на мѣсто верховнаго патріарха. Эти кандидаты представляются на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества. Указъ объ управленіи дѣлами армянской церкви въ Россіи вышелъ 11-го марта 1836 г. и впервые былъ введенъ въ дѣйствіе при избраніи въ католикосы Нерсеса V (въ 1843 г.).

Сообразно съ древними обычаями, патріарха, выходящаго изъ дворца и ограды Эчміадзинскаго монастыря, сопровождаютъ почетная стража (шатиры), составленная изъ армянъ, принадлежащихъ Эчміадзинскому монастырю, а также нѣсколько членовъ духовенства и два духовныхъ сановника, изъ которыхъ одинъ несетъ патріаршій посохъ, а другой — хоругвь. Католикосъ имѣетъ постоянное пребываніе въ Эчміадзинскомъ монастырѣ; когда онъ считаетъ нужнымъ отлучиться изъ монастыря болѣе нежели на 4 мѣсяца, то испрашиваетъ на это Высочайшее соизволеніе.

Со временъ св. Григорія Просвѣтителя патріаршій престолъ оставался въ Эчміадзинѣ, несмотря на то, что патріархи, вынуждаемые разными неблагопріятными политическими обстоятельствами, оставляли временно этотъ монастырь и переселялись въ другія мѣста. Такъ, въ 451 году, послѣ извѣстной вартанской религіозной войны съ персидскимъ царемъ Аскертомъ II, когда городъ Двинъ сдѣлался столицею персидскихъ, а затѣмъ арабскихъ завоевателей, патріаршій престолъ былъ на время переведенъ въ Двинъ. Въ IX и X вв., въ царствованіе Багратидовъ, престолъ былъ переведенъ въ Ширакъ. Въ XI в. греки, желая ослабить власть и вліяніе армянскихъ патріарховъ, дѣлали невозможнымъ пребываніе послѣднихъ въ предѣлахъ Арменіи, вслѣдствіе чего въ 1065 г. впервые армянскій патріаршій престолъ былъ переведенъ за предѣлы Великой Арменіи, а именно въ гор. Сисъ, въ Киликіи. Въ 1441 г. состоялся въ Вагаршапатѣ соборъ, на которомъ было постановлено возвратить патріаршій престолъ въ Эчміадзинъ.

Представителемъ и намѣстникомъ верховнаго патріарха-католикоса въ Палестинѣ и Египтѣ является іерусалимскій армянскій патріархъ. Время учрежденія армянскаго патріарха въ Іерусалимѣ съ точностью не выяснено; извѣстно только, что еще въ 637 г. эмиръ Хаддаба, завоевавъ Іерусалимъ, подчинилъ мѣстному армянскому патріархату ассирійскую и коптскую церкви. Намѣстникомъ верховнаго патріарха-католикоса въ Турціи является константинопольскій армянскій патріархъ, которому подвѣдомы дѣла турецкихъ армянъ. Этотъ патріархатъ основанъ въ 1453 году. Армянскіе патріархи въ Іерусалимѣ и Константинополѣ могутъ быть низведены католикосомъ или даже народомъ, но самъ католикосъ несмѣняемъ, какъ помазанный мvромъ.

Нынѣ эчміадзинскимъ верховнымъ патріархомъ-католикосомъ всѣхъ армянъ состоитъ Мкртичъ I, на народномъ собраніи 1892 г. въ Эчміадзинѣ онъ былъ избранъ на этотъ высокій постъ единогласно армянами Россіи, Турціи, Персіи и Великобританіи (Индіи). Нынѣшній католикосъ пользуется глубокими симпатіями армянъ, которые называютъ его не иначе, какъ «айрикъ» (отецъ родной). Отличительною чертой нынѣшняго католикоса является его безпредѣльная любовь къ своему народу, терпимость, готовность помогать всякому, безъ различія вѣроисповѣданія, кто обращается къ нему за помощью. Дворъ его не отличается пышностью: католикосъ живетъ въ весьма скромной обстановкѣ.

«Рабъ Христа и милостію и волею Его католикосъ армянскій»—такъ титуловались католикосы армянскіе; впослѣдствіи этотъ титулъ былъ нѣсколько распространенъ. Въ числѣ титуловъ своихъ, признанныхъ закономъ, патріархъ именуется помазанникомъ Божіимъ и Вехапаръ. Подпись патріарха дѣлается обыкновенно красными чернилами. Къ патріаршей грамотѣ прикладывается печать, на которой въ срединѣ изображенъ Агнецъ, а вокругъ имя католикоса. Полный титулъ католикоса въ такъ называемыхъ кондакахъ (посланіяхъ): «Мкртичъ, рабъ Іисуса Христа и, по неисповѣдимой волѣ Бога, глава епископовъ и католикосъ всѣхъ армянъ, верховный патріархъ всенароднаго первочтимаго престола араратскаго апостольской Матери-Церкви святаго каѳедральнаго Эчміадзина».

Величавыми преданіями окружены армянскія святыя мѣста. Эчміадзинъ, резиденція католикосовъ, въ которой встарину считалось обязательнымъ для

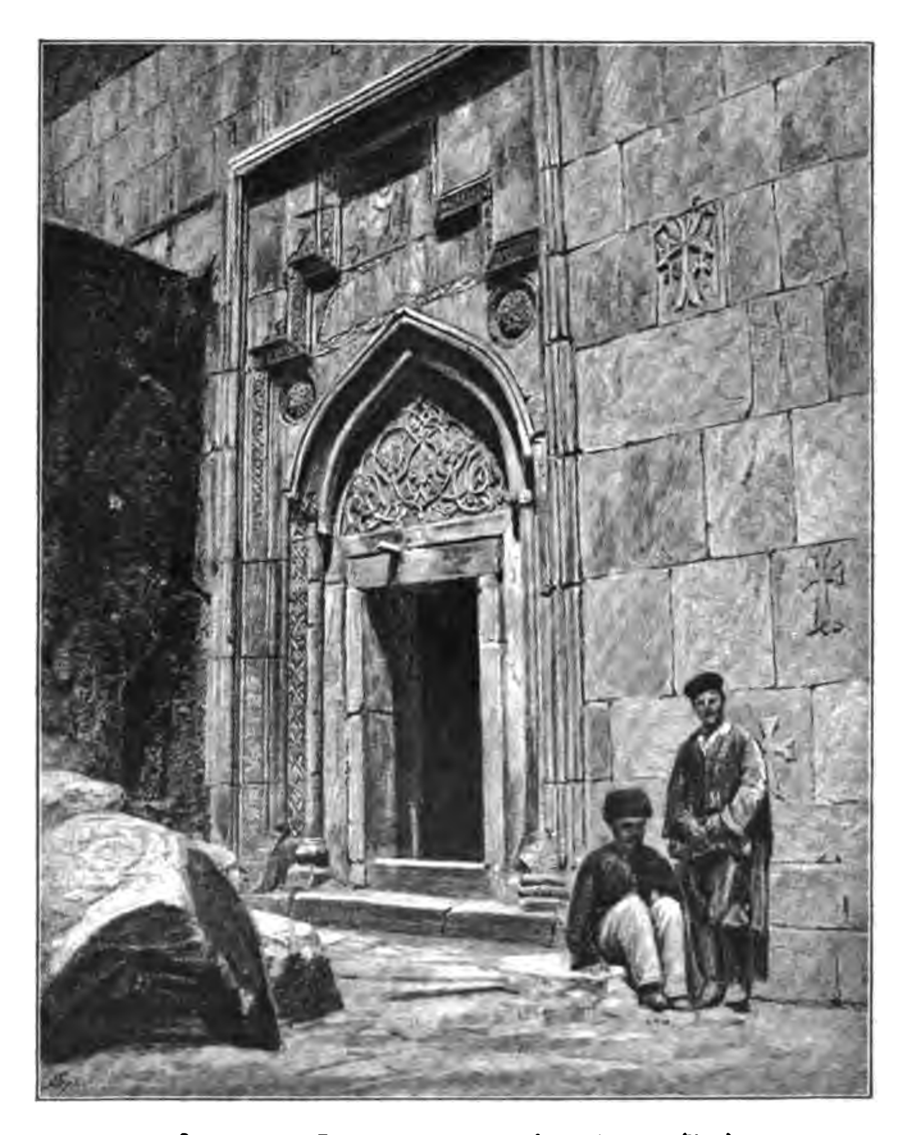
каждаго армянина побывать хотя одинъ разъ въ жизни, славенъ своею древностью. На томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нѣкогда царственный Вагаршапатъ, существуетъ теперь Эчміадзинъ, а вблизи его другіе три монастыря: Гаяне, Рипсиме и Шогокатъ, на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ возникли столбы въ видѣніи св. Григорія. Эчміадзинскій соборъ, построенный крестообразно, въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ сохранилъ общій характеръ и размѣры, данные видѣніемъ. Все здѣсь говоритъ о тѣхъ временахъ, когда въ странѣ появился впервые свѣтъ истинной вѣры. Въ Эчміадзинѣ хранятся величайшія святыни армянской церкви: десница св. Григорія, голова блаженной Рипсимы и руки: апостола Ѳаддея, сына св. Григорія, Аристакеса, и родственника его св. Іакова. По древнему армянскому обычаю, священные предметы эти вложены въ особыя серебряныя изваянія, чтобы благословлять ими народъ, какъ бы руками самихъ святителей. Тамъ же хранится и кусочекъ дерева отъ Ноева ковчега, добытый, по мѣстнымъ преданіямъ, св. Іаковомъ. Богатый серебряный кіотъ, съ вычеканенными на немъ иконами, хранитъ священное для каждаго христіанина копье, которымъ бымъ прободенъ на крестѣ Спаситель. Прежде, по свидѣтельству старыхъ людей, вмѣстѣ съ копьемъ хранился въ Эчміадзинѣ и одинъ изъ гвоздей, которымъ былъ пригвожденъ Спаситель ко кресту. Теперь его уже нѣтъ.

Основатель династіи Арсакидовъ, Вагаршакъ, одинъ изъ величайшихъ царей Арменіи, возвелъ городъ Вагаршападъ на степень столицы. Царь Вагаршакъ окружилъ его во II столѣтіи новыми стѣнами и назвалъ Норкагакомъ (новый городъ). Одинъ изъ Сассанидовъ, Шапухъ II, разрушилъ его въ 354 г.; въ то время, по увѣренію Фауста, Византійца, въ немъ находилось 19,000 домовъ. Городъ не былъ возобновленъ, но деревня и понынѣ называется Вагаршападъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ было видѣніе, Тиридатъ Великій и св. Григорій построили первую христіанскую церковь и назвали ее Эчміадзинъ, т.-е. «Сошелъ Единородный». Съ 529 до 618 года церковь находилась въ развалинахъ. Патріархъ Комитасъ снова отстроилъ ее, имъ же сооруженъ и каменный куполъ. Во всѣ послѣдующія времена дѣлались къ храму пристройки. Церковь сильно была разорена Шахъ-Аббасомъ; въ 1629 году она совершенно отстроена въ такомъ видѣ, въ какомъ находится и теперь.

Въ древнія времена библіотека монастыря была чрезвычайно богата, но, при частыхъ опустошеніяхъ монастыря и по случаю упадка въ немъ учености, большая часть погибла, и теперь находится въ ней до 3,000 рукописей историческаго и богословскаго содержанія. Кромѣ того, имѣются многія любопытныя сочиненія о церковныхъ преданіяхъ. Когда въ 1809 г. персіяне разграбили монастырь, то увезли всѣ книги, которыя были получше переплетены.

Арменія—страна развалинъ. Но и въ этихъ развалинахъ вѣетъ все тотъ же духъ религіозныхъ преданій. Одно изъ нихъ, относящееся къ св. Іоанну, прибавляетъ лишнюю мистическую черту къ исторіи вѣчно таинственнаго Арарата. Св. Іаковъ, родственникъ св. Григорія, принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ подвижникамъ Арменіи, и нетлѣнная рука его хранится въ Эчміадзинѣ. Мѣстная легенда передаетъ, что св. Іаковъ, проводившій подвижническую жизнь въ ущельяхъ Арарата, былъ мучимъ желаніемъ увидѣть Ноевъ ковчегъ. Нѣсколько разъ пытался онъ подняться на вершину Арарата, но каждый разъ, какъ исполненіе

завѣтной мечты казалось уже близко, сонъ овладѣвалъ имъ, и невѣдомая сила, сносила его обратно къ подножію горы. Іаковъ не хотѣлъ, однако же, оставить своего намѣренія. И вотъ, однажды, въ сонномъ видѣніи, явился ему ангелъ и запретилъ всходить на гору, а въ вознагражденіе трудовъ вручилъ ему кусокъ дерева отъ Ноева ковчега. Іаковъ принесъ его въ даръ Эчміадзину, а на мѣстѣ видѣнія построенъ былъ, впослѣдствіи, монастырь во имя св. Іакова.



Запад. врата Гегартскаго монаст., близъ Арарата (X в.).

Престольный праздникъ въ Ахтамарскомъ монастырѣ.

Моленіе о Россійскихъ императорахъ, составленное въ 1771 г. каѳоликосомъ Симеономъ *).

Миръ всѣмъ!

Нынѣ всѣ мы, смиренно падаемъ предъ Тобою ницъ и великими моленіями взываемъ ко всещедрой милости Твоей, Господи Боже нашъ. Сохрани намъ Его—Всемилостивѣйшаго Государя Императора Всероссійскаго (имя рекъ) на долгіе годы правосуднымъ и справедливымъ въ царствованіи, ниспошли Ему сугубую благодать, милость и помощь Твою, дабы Онъ пребывалъ и оставался душою—безпорочнымъ, образомъ жизни своей—Тебѣ угоднымъ, въ помыслахъ своихъ—чистымъ и нелицепріятнымъ, сердцемъ—радостнымъ, лицомъ—бодрымъ и веселымъ, тѣломъ—здравымъ и свободнымъ отъ всѣхъ опасностей въ теченіе всей своей жизни; а по переселеніи изъ сей жизни даруй Ему, со всѣми святыми Твоими, безконечное и вѣчное Твое царствіе.

---

*) Печатаемое здѣсь прочувствованное моленіе составлено краснорѣчивымъ святителемъ каѳоликосомъ Симеономъ эриванскимъ 10 іюля 1771 г. Ближайшимъ поводомъ служило принятіе Екатериною II Эчміадзинскаго патріаршаго престола, находившагося въ то время подъ гнетемъ мусульманъ, подъ покровительство Россіи и признанія патріаршей юрисдикціи надъ русскими армянами. Въ предисловіи патріархъ Симеонъ, именующій себя

А равно содѣлай Его въ совѣщаніяхъ проницательнымъ, въ рѣчи правдивымъ и мудрымъ, въ дѣяніяхъ благоразумнымъ и осмотрительнымъ, въ судѣ правосуднымъ, прощающимъ и снисходительнымъ къ случайнымъ и кающимся преступникамъ, нелицепріятнымъ карателемъ нераскаявшихся и закоренѣлыхъ злодѣевъ, милостивымъ и ласковымъ къ неимущимъ, безпріютнымъ, сиротамъ и вдовамъ, любящимъ и заботливымъ по отношенію къ друзьямъ и вѣрноподданнымъ, грознымъ и страшнымъ къ врагамъ своимъ!

Содѣлай царство Его побѣдоноснымъ, сильнымъ и непобѣдимымъ передъ всѣми царствами; рука Твоя да пріемлетъ и мышца Твоя да подкрѣпитъ Его! Обрати въ бѣгство враговъ Его, возставшихъ на Него повергни къ стопамъ Его! Всепобѣдною силою Твоей и Знаменіемъ Св. Креста Твоего укрѣпи и оборони Его и царство Его отъ вѣхъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ.

Умножь и содѣлай плодороднымъ родъ Его, даруй Ему царственное потомство! Содѣлай царство Его нерушимымъ и цвѣтущимъ, преемственно изъ рода въ родъ, до конца міра!

Благослови Государя нашего, Великаго Императора Всероссійскаго (и. р.), благослови царство Его, кровъ Его, жилище, преемниковъ, чадъ, родъ, и весь домъ Его!

Благослови всѣхъ вѣрныхъ и сердобольныхъ слугъ Его, сановниковъ, вельможъ, правителей странъ, воеводъ и все воинство Его; подкрѣпи и всели въ нихъ бодрость въ брани противъ враговъ, дабы одинъ обратилъ въ бѣгство тысячу, а двое поразили бы тьму ихъ! Ты будь имъ соратникомъ и сподвижникомъ, каковымъ являлъ себя Моисею, Іисусу Навину, Давиду и прочимъ слугамъ Твоимъ.

Благослови всѣхъ, пребывающихъ подъ Его властью: духовныхъ и мірянъ, великихъ и малыхъ мужей, женъ и весь народъ Его! Благослови всѣ владѣнія Его, землю, удѣлъ и всѣхъ жителей. Всѣмъ имъ даруй жизнь праведную и угодную Тебѣ и сподоби ихъ пребыть въ вѣрности, преданности, покорности и въ повиновеніи Государю нашему, въ любви и мирѣ другъ къ другу.

А равно и сердце Тобою вѣнчаннаго Государя нашего (и. р.) сохрани добрымъ и милостивымъ ко всѣмъ вѣрноподданнымъ, наипаче же къ народу Гайканскому, дабы, живя въ мирѣ, подъ державнымъ Его покровительствомъ, мы прославляли Отца и Сына и Св. Духа, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

„нижайшимъ рабомъ рабовъ Божіихъ“, между прочимъ говоритъ: „если Священное Писаніе повелѣваетъ молиться вообще за царей, то кольми паче надобно возносить молитвы о христіанскихъ царяхъ, коими славится имя Христово и святой крестъ Его сіяетъ до края свѣта. Если это такъ, то во сколько и сколько кратъ лежитъ на насъ обязанность усердно молиться за благодѣтельницу нашу, богомвѣнчанную, всемірно-извѣстную Императрицу Екатерину, матерь милосердія“.—Молитва эта съ тѣхъ поръ и до нынѣ колѣнопреклонно произносится старшимъ іерархомъ во время царскихъ молебновъ (см. стр. 10 „Чина богослуженія въ царскіе дни“, изданнаго въ 1894 г. въ св. Эчміадзинѣ по повелѣнію каѳоликоса Мкртича I).—Переводъ сдѣланъ учителемъ Лазаревскаго института Х. И. Кучукъ-Іоаннесовымъ.

Ред.

Ванское озеро и Ахтамарскій мон. (Турец. Арм.).

Патріархъ-каѳоликосъ Мкртичъ I (Айрикъ).

Верховный патріархъ-каѳоликосъ всѣхъ армянъ архіепископъ Мкртичъ Хриміанъ, вступившій въ 1893 г. на патріаршій престолъ подъ именемъ Мкртича I (№ 136 по патріаршему списку, начинающемуся именемъ апостола Ѳаддея) принадлежитъ къ числу знаменитѣйшихъ іерарховъ армянской церкви. Поэтъ, публицистъ, педагогъ, выдающійся духовный витія и самоотверженный народно-общественный дѣятель, онъ пользуется необычайною популярностью среди армянъ, безъ различія общественнаго положенія. Взамѣнъ пышныхъ титуловъ, подобающихъ его сану, народъ далъ архіепископу Хриміану трогательное прозвище «отецъ родной» (айрикъ). И онъ дѣйствительно былъ въ полномъ смыслѣ слова «роднымъ отцомъ» для своей паствы, какъ бы воскрешая въ своемъ лицѣ тѣ времена, когда пастыри клали душу за паству свою. Живя въ обстановкѣ почти анахорета, о. Хриміанъ дѣлился всѣмъ, что только имѣлъ, съ нуждающимися, для которыхъ всегда была открыта дверь его скромной кельи. Когда же не хватало его личныхъ средствъ, всегда крайне скудныхъ, онъ не уставалъ предстательствовать за бѣдныхъ предъ богатыми и сильными міра сего, навлекая на себя часто упреки въ «излишней» мягкости.

Въ особенности въ годину народныхъ бѣдствій, какъ это было во время

голода 1878 г., посѣтившаго Турецкую Арменію послѣ послѣдней русско-турецкой войны, о. Хриміанъ весь отдался на служеніе своему народу, забывая и свой высокій санъ, и свои годы. Со всѣхъ концовъ Европы и Азіи, гдѣ только живутъ армяне, стекались къ о. Хриміану, въ то время занимавшему епископскую каѳедру въ Ванѣ, приношенія въ пользу голодающихъ. Не довольствуясь сравнительно легкою задачей сбора денегъ, престарѣлый іерархъ отправился на

Каѳоликосъ Мкртичъ I (1893 г.).

мѣсто бѣдствія, въ глубь Арменіи, и, подвергаясь всѣмъ случайностямъ весьма суровой на армянскомъ плоскогорьѣ зимы, старался если не всегда устранить, по недостатку средствъ, ужасы голода, то облегчить его добрымъ словомъ, ласкою и религіознымъ утѣшеніемъ, на которое особенно отзывчиво отличающееся глубокою религіозностью армянское крестьянство. Немудрено, что, не будучи избалованы частымъ проявленіемъ такого истинно-отеческаго самоотверженія и

любви, армянскіе крестьяне благоговѣютъ предъ «своимъ» (о. Хриміанъ самъ происходилъ изъ крестьянъ) *айрикомъ*.

Въ 1890 г. въ Константинополѣ, передъ самою ссылкою архіепископа Хримiана въ Іерусалимъ, можно было видѣть такую трогательную сцену народной манифестаціи. Въ разношерстной, густой толпѣ идетъ по Галатѣ о. Хримiанъ съ маленькою бархатною шапочкой малиноваго цвѣта на головѣ, которую носитъ армянское духовенство въ Турціи. Величавая, богатырская фигура статнаго прелата бросалась въ глаза даже въ этой пестрой толпѣ Константинополя, изобилующей богатырями Азіи и Африки. Какъ только атлеты «хамалы» (крестьяне-носильщики — выходцы изъ Турецкой Арменіи), стоящіе у большого моста черезъ Золотой Рогъ, замѣтятъ фигуру обожаемаго «айрика», со всѣхъ ногъ бросаются къ нему, не смотря на грозные окрики полиціи, и благоговѣйно, со слезами на глазахъ, цѣлуютъ его руку. Престарѣлый іерархъ, пробуетъ ускорить шагъ, но напрасно. Толпа двигается за нимъ, причемъ не успѣвшіе приложиться къ рукѣ дотрогиваются съ умиленіемъ до края его потертой черной рясы. Наконецъ, во избѣжаніе уличнаго безпорядка, о. Хримiанъ, сославшись на свою усталость, проситъ отпустить его. Въ одно мгновеніе разступается толпа и онъ идетъ своею дорогой. Люди, хорошо знающіе настроеніе турецкихъ армянъ, увѣряли, что простой народъ, по одному слову о. Хримiана, пошелъ бы за нимъ въ огонь и въ воду.

По происхожденію, какъ замѣчено, о. Хримiанъ принадлежитъ къ крестьянской семьѣ. Онъ родился въ 1820 году въ глухой деревушкѣ Турецкой Арменіи, близъ озера Вана. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ армянскомъ Лимскомъ монастырѣ, а затѣмъ въ Константинополѣ. По окончаніи ученія Хримiанъ посвятилъ себя педагогіи, занимаясь преподаваніемъ въ глухихъ армянскихъ провинціальныхъ школахъ. Обладая живымъ, подвижнымъ темпераментомъ, онъ много путешествовалъ въ молодости по Арменіи и Св. Землѣ. Свои путевыя впечатлѣнія и размышленія онъ передалъ въ двухъ поэмахъ: «Привѣтъ Арменіи» и «Привѣтъ Обѣтованной земли», обнаруживающихъ въ авторѣ недюжинный поэтическій даръ. Съ 1850 г. Хримiанъ безпрерывно обогащалъ армянскую литературу богословскими, историческими и нравоучительными сочиненіями. Одно время онъ издавалъ журналы: *Византійскій Орелъ*, а затѣмъ *Васпураканскій Орелъ*. Въ 1854 году Хримiанъ принялъ постриженіе и въ 1868 году получилъ епископскій санъ. Въ 1869 г. онъ былъ избранъ армянскимъ константинопольскимъ патріархомъ. Незадолго передъ этимъ турецкимъ армянамъ дарована была такъ называемая конституція, т.-е. самоуправленіе по мѣстнымъ дѣламъ, и такимъ образомъ о. Хримiану пришлось стоять во главѣ константинопольской армянской общины въ трудное время примѣненія новыхъ порядковъ самоуправленія. Всегда прямому, справедливому и преданному интересамъ народа, святителю пришлось столкнуться съ партійными интересами сильныхъ міра сего, и въ 1873 г. онъ покинулъ постъ патріарха, унося глубокое уваженіе даже своихъ политическихъ противниковъ. Съ тѣхъ поръ о. Хримiанъ управлялъ епархіями, занималъ разныя церковныя должности и былъ безсмѣннымъ членомъ константинопольскаго армянскаго національнаго собранія. Въ 1878 г. онъ въ составѣ армянской делегаціи объѣзжалъ европей-

скіе дворы, ходатайствуя объ обезпеченіи быта своихъ многострадальныхъ соотчичей. Какъ извѣстно, миссія имѣла успѣхъ, и Берлинскій конгрессъ подтвердилъ и развилъ, выговоренное С.-Стефанскимъ мирнымъ договоромъ, обязательство Порты произвести реформы въ армянскихъ провинціяхъ, до сихъ поръ (1897 г.) къ несчастью, неосуществленныя.

Съ этихъ именно поръ Порта особенно недовѣрчиво стала смотрѣть на о. Хримiана и въ 1890 г. водворила его въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ и находился до *единогласнаго* избранія его въ маѣ 1892 г. въ Эчміадзинѣ депутатами всѣхъ епархій Россіи, Турціи и Персіи первымъ кандидатомъ на постъ верховнаго патріарха каѳоликоса всего гайканскаго народа, какъ гласитъ его оффиціальный титулъ (ст. 927 т. XI ч. 2 Свода Законовъ). Въ теченіе цѣлаго года Порта всякими способами стремилась помѣшать утвержденію о. Хримiана въ санѣ каѳоликоса, но, наконецъ, вынуждена была уступить и только выговорила формальное обязательство, чтобы о. Хримiанъ не заѣзжалъ въ Константинополь и изъ Іерусалима отправился прямо въ Тріестъ. На встрѣчу новому каѳоликосу была выслала изъ Эчміадзина въ Іерусалимъ делегація въ составѣ двухъ епископовъ и двухъ архимандритовъ.

Утвержденіе Алексадромъ III о. Хримiана, изгнанника Порты, каѳоликосомъ всѣхъ армянъ было встрѣчено со стороны армянъ съ большою радостью и глубокою признательностью.

Несмотря на свой преклонный возрастъ, тѣмъ не менѣе каѳоликосъ находится въ полномъ обладаніи умственными силами. Еще въ 1893 году онъ выпустилъ въ мѣстѣ своего заточенія, въ Іерусалимѣ, новое изданіе своей юношеской поэмы «Привѣтъ Обѣтованной земли» съ новыми строфами и варіантами.

Наружность у каѳоликоса очень внушительная и привлекательная: громадный ростъ, атлетическое сложеніе въ соединеніи съ очень умнымъ и добрымъ лицомъ. Біографы его разсказываютъ такой характерный случай. Въ 50-хъ годахъ былъ подосланъ врагами о. Хримiана убійца-курдъ. Встрѣтивъ его беззаботно идущимъ въ глухой мѣстности, курдъ такъ былъ пораженъ обезоруживающею симпатичною наружностью красавца-монаха, что дрогнула рука убійцы и онъ, бросившись ему въ ноги, повинился въ своемъ зломъ умыслѣ и просилъ прощенія.

Въ началѣ 1895 г. Мкртичъ I предпринялъ продолжительную поѣздку по Россіи для посѣщенія своей паствы. Посѣтивъ Кубанскую область и Ставропольскую губернію, онъ довольно долго оставался въ Нахичевани-на-Дону. Въѣздъ каѳоликоса въ города совершался по древнему церемоніалу армянской церкви: впереди везли патріаршій посохъ изъ чернаго дерева съ золотымъ набалдашникомъ и брильянтовымъ крестомъ. Затѣмъ слѣдовали патріаршій жезлъ и патріаршее знамя. Жезлъ, изображаетъ серебрянный разцвѣтшій Аароновъ жезлъ, покрытый бархатною пеленою малиноваго цвѣта съ изображеніемъ двуглаваго орла, держащаго въ рукахъ крестъ и евангеліе. Патріаршее знамя— красная шелковая хоругвь и на ней вышитъ патріаршій гербъ: св. копье, нерукотворенный образъ, фасадъ первопрестольнаго Эчміадзинскаго собора, Араратъ съ Ноевымъ ковчегомъ и агнецъ Божій съ побѣднымъ знаменемъ.—Во время пребыванія въ Нахичевани Хримiанъ произнесъ нѣсколько замѣчательныхъ рѣ-

Депутаты армянскихъ эпархій России, Турціи и пр., избравшіе Мкртича I.

чей. Здѣсь же онъ собиралъ пожертвованія въ пользу армянъ, бѣжавшихъ послѣ Сасунской рѣзни. Въ задушевной, дышащей чисто библейской простотой рѣчи маститый святитель, между, прочимъ, сказалъ: «меня вы именуете каѳоликосомъ, святителемъ, но наше исконное наименованіе: пастырь,—да, пастырь! Наступаетъ время, когда овцы обрастаютъ шерстью, и вотъ пастырь беретъ ножницы и начинаетъ стричь ихъ (но не до мяса, сохрани Боже!). Я тоже пастухъ и долженъ постричь васъ ради другихъ моихъ овецъ, лишенныхъ шерсти.— Знаете ли вы, что обитель св. Эчміадзина переполнилась отъ переселенцевъ? Кто голоденъ, кто нагъ, кто безпріютенъ—всѣ требуютъ помощи. Славу Богу, армянскій народъ понимаетъ ихъ положеніе и не отказываетъ мнѣ въ средствахъ. Если не будетъ помощи отъ народа, что я буду дѣлать?—Я этого не въ состояніи вынести, сердце мое надрывается, душа изнываетъ... Вамъ не рѣдко приходится слышать, что у Айрика есть недоброжелатели, есть враги, — не смущайтесь этимъ! Я долготерпѣливъ, я на враговъ не обращаю вниманія, и вы не безпокойтесь. Одного только страшится Айрикъ, а именно: когда голодный проситъ у Айрика хлѣба и онъ не можетъ его насытить. Вотъ это меня обезсиливаетъ, подавляетъ и уничтожаетъ.

«Но не одни переселенцы озабочиваютъ меня, 80,000 переселенцевъ въ Константинополѣ. Есть переселенцы и въ другихъ мѣстахъ. Эти люди покинули свои родныя мѣста. Почему? Багревандъ — плодороднѣйшая часть Арменіи. Почему же армяне должны покидать свою землю, свои сады, поля? — потому, что они, бѣдняги, не въ силахъ болѣе вынести гоненій, напоминающихъ времена христіанскихъ мучениковъ и времена персидскаго царя Язкерта.

«Кровь сасунцевъ, —да, я увѣренъ въ этомъ,—неминуемо проложитъ путь къ милосердію Божію, и этотъ вопросъ найдетъ какое-нибудь рѣшеніе. Вѣрно, что будетъ дано имъ какое-либо облегченіе, такое положеніе не можетъ продолжаться. Уже идетъ рѣчь о необходимыхъ реформахъ. Господь долженъ помочь нашему бѣдному народу».

Эту застольную рѣчь закончилъ патріархъ слѣдующими словами: «Еще одна драгоцѣнная здравица. Человѣкъ обыкновенно видитъ вершину и рѣдко замѣчаетъ то, что находится тамъ внизу, въ долинѣ. И тамъ также люди живутъ. Они день и ночь работаютъ въ потѣ лица подъ лучами солнца, подъ дождемъ, и спятъ, положивъ голову на камень. Этотъ хлѣбъ, что мы ѣли, хлѣбопашецъ выработалъ. О, сколько онъ потрудился, чтобы добыть этотъ хлѣбъ, этотъ сыръ, вино, которое мы пили и которое насъ развеселило. Все это плоды трудовъ сельскихъ рабочихъ. Итакъ, да будутъ благословенны всѣ рабочіе-земледѣльцы, которые насъ кормятъ».

Принимая еврейскую депутацію, патріархъ отнесся къ ней съ такою же любовью, какъ и къ другимъ. Вообще, широкая вѣротерпимость и проповѣдь всеобщей любви составляетъ одну изъ выдающихся чертъ его. Во время вышеуказаннаго голода въ Арменіи, о. Хриміанъ оказывалъ пособіе всѣмъ, безъ различія вѣроисповѣданія. Когда однажды явился къ нему иновѣрецъ за пособіемъ и въ благодарность предлагалъ перейти въ армянскую церковь, Хриміанъ, вѣжливо, но твердо отклонилъ это предложеніе замѣтивъ:

— Теперь возьми, что нужно, а о перемѣнѣ вѣры потолкуемъ послѣ голода *).

Принимая тамъ же редакцію *Приазовскаго Края*, Химіанъ высказалъ свой взглядъ на печать. «Встарину, сказалъ онъ, жили апостолы и пророки учившіе людей добру и вѣщимъ словомъ предрекавшіе объ ожидающихъ народъ бѣдствіяхъ. Теперь нѣтъ ни апостоловъ, ни пророковъ, и ихъ задачу выполняютъ дѣятели газетъ и журналовъ. Печать, которая всегда была силою, сдѣлалась могущественною съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря успѣхамъ положительныхъ наукъ, стали облегчаться сношенія между народами. Благодаря телефону, желѣзнымъ дорогамъ и другимъ изобрѣтеніямъ человѣческаго генія, газетное извѣстіе въ одинъ и тотъ же день дѣлается достояніемъ всего цивилизованнаго міра. При такихъ условіяхъ разумно направленное, проникнутое духомъ истиннаго христіанства печатное слово имѣетъ полную возможность приносить огромную пользу людямъ, просвѣщать общественное самосознаніе, распространять идеи прогресса, вносить свѣтъ науки и знанія во всѣ сферы жизни, внѣдрять сѣмена добра, мира и братской любви въ человѣческихъ сердцахъ. Въ этомъ смыслѣ пресса, безъ сомнѣнія, сила заждительная, благотворная, и священны обязанности тѣхъ лицъ, которыя въ ней подвизаются. Но за то, наоборотъ, сила эта пріобрѣтаетъ разрушительныя свойства, какъ скоро начинаетъ уклоняться отъ своего прямаго пути, и знамя, ей приличествующее и коренящееся въ существѣ ея высокой миссіи, замѣняется недостойнымъ служеніемъ чуждымъ ей кумирамъ»...

Пріѣздъ католикоса въ Петергофскій дворецъ.

*) См. „Церковный Вѣстникъ“ 1895 г., № 23.

Во время пребыванія въ Петербургѣ Мкртичъ I былъ удостоенъ весьма милостиваго пріема со стороны Государя Императора и Государыни Императрицы въ Петергофскомъ дворцѣ.

Здѣсь онъ произнесъ нѣсколько проповѣдей, изъ коихъ въ газетахъ были приведены двѣ. Въ одной изъ нихъ, между прочимъ, сказалъ:

«Какъ ни слабъ я отъ усталости, однако, пастырскій долгъ мой меня обязываетъ съ вами вновь побесѣдовать. Третьяго дня, когда я вошелъ въ этотъ храмъ, я привѣтствовалъ васъ; сегодня же я васъ спрошу, какъ нѣкогда Спаситель нашъ спрашивалъ своихъ учениковъ: здравы ли вы? Дѣйствительно, если подъ здравіемъ будемъ понимать здоровье тѣла, т.-е. что человѣкъ живъ, ѣстъ, пьетъ, дѣйствуетъ, то вотъ я васъ всѣхъ вижу сегодня здѣсь въ церкви стоящими; я говорю, а вы слушаете; но смыслъ моего вопроса иной: не о тѣлѣ вашемъ я спрашиваю, а о томъ, здравы ли вы и въ вѣрѣ вашей, здравы ли вы въ исполненіи христіанскихъ обязанностей своихъ, здравы ли вы въ любви къ Богу и къ ближнему, ибо «вѣра безъ дѣлъ мертва есть»,—говоритъ апостолъ. Если вѣрующій, носящій имя христіанина, не будетъ совершать дѣлъ, приличныхъ христіанину, и будетъ лишь по имени называться христіаниномъ, будетъ посѣщать церковь, читать псалмы и не будетъ стараться ихъ постичь, будетъ слушать св. Евангеліе и не будетъ исполнять заповѣдей Божіихъ, то это не значитъ быть настоящимъ христіаниномъ. Такимъ былъ нѣкогда и Израиль, на который Господь Богъ жаловался устами пророка: «Этотъ народъ приближается ко Мнѣ устами своими и языкомъ своимъ чтитъ Меня, сердце же его далеко отъ Меня». Одна голая вѣра, знаете, на что похожа? Она похожа на дерево, сгнившее внутри, но снаружи имѣющее только кору и зеленыя вѣтви—по внѣшему лишь виду оно здорово. Вы должны знать, что только въ дѣлѣ вѣра остается жива, и мы по дѣламъ должны судить о вѣрѣ человѣка и о томъ, насколько онъ—искренній христіанинъ. Вѣра для вѣрующаго продолжается только до могилы, а память о добрыхъ дѣлахъ его и послѣ смерти его остается на свѣтѣ. Это такъ.

«Обратимся теперь ко второму вопросу. Я спросилъ о вашемъ здравіи и, по мѣрѣ возможности, вамъ объяснилъ, какъ должно быть здравымъ и настоящимъ христіаниномъ. Когда Израилевъ народъ былъ уведенъ въ Вавилонъ, у прибывшихъ изъ Іерусалима онъ спрашивалъ о здоровьѣ и цѣлости Іерусалима Вы—тоже переселившіеся на берега рѣки Невы, братья, знаю, и вы тотъ же вопросъ зададите мнѣ: «Айрикъ, ты откуда прибылъ, скажи намъ, здрава ли наша родина мать—Арменія, живы ли ея дѣти?» Я знаю, и между вами есть люди со слабой вѣрой, которые потеряли надежду, которые въ отчаяніи говорятъ: Арменія погибла или полупогибла. Но я оповѣщаю васъ: Арменія еще жива и останется жива. Если Арменія многое потеряла, все-таки подъ охраной Божьей вотъ 4.000 лѣтъ живутъ ея дѣти. Вы хорошо знаете, что Арменія нынѣ раздѣлена между двумя сосѣдними государствами. Вы счастливы, вамъ выпалъ удѣлъ подъ мощной охраной Всемилостивѣйшаго Императора великой Россіи свободно исповѣдывать свою христіанскую вѣру и, при условіи честнаго труда, пользоваться всѣми благами земной жизни; но братья наши въ другой части Арменіи, подпавшей подъ власть турокъ, нынѣ стонутъ отъ всевозможныхъ

лишеній и страданій. Отчаяваться, однако, не надо. Ничто на свѣтѣ не вѣчно. Наступилъ, по видимому, часъ, когда суждено прекратиться и мученіямъ многострадальнаго гайканскаго народа. Будемъ вѣровать, что провидѣніе Божіе, сочтя достаточными страданія вѣрующаго народа, десницей своей тронуло сердца христіанскихъ державъ, и онѣ теперь, соединившись въ христіанской любви своей къ древнѣйшему христіанскому народу,—будемъ надѣяться и твердо вѣрить,—положатъ конецъ нынѣшнему ужасному положенію нашихъ братьевъ въ Турецкой Арменіи, даровавъ имъ добропорядочное административное устройство. Будемъ вѣрить, что и самъ султанъ, сознавъ необходимость такой реформы, вполнѣ соотвѣтствующей и интересамъ его государства, охотно согласится утвердить предположенныя реформы.

«Но мы, армяне Россіи и Турціи, издавна привыкли лелѣять въ сердцѣ нашемъ горячую вѣру въ покровительство и мощную защиту Самодержавнаго Царя великой Россіи, къ которому искони обращены были взоры многострадальныхъ христіанъ Востока. Вопль ихъ всегда бывалъ услышанъ великодушными Царями, и церковь христіанская спасалась отъ оскверненія супостатомъ. Будемъ же и мы твердо вѣрить, что достойный потомокъ великихъ Царей, нашъ Всемилосерднѣйшій Государь Императоръ Николай II, положитъ предѣлъ страданіямъ нашей церкви и нашихъ братьевъ въ Турецкой Арменіи и тѣмъ увѣнчаетъ славную память Своихъ предковъ. И, какъ училъ насъ Спаситель молиться, скажемъ: да будетъ воля Твоя, яко на небесѣхъ, тако на землѣ. Аминь!»

Въ прощальной рѣчи патріархъ говорилъ:

«Возлюбленныя чада! Вы знаете, что на мнѣ, какъ на каѳоликосѣ всѣхъ армянъ, лежитъ много и очень много обязанностей. Тяжкое горе для каѳоликоса, если онъ сознаетъ, что не въ состояніи исполнить всѣхъ возложенныхъ на него Богомъ обязанностей. Иногда самъ про себя я думаю: Господи, на меня, стараго человѣка, Ты возложилъ столь тяжелое бремя; помоги мнѣ хоть въ исполненіи моихъ обязанностей, чтобы я могъ умереть сколько нибудь спокойно, въ сознаніи что передъ Тобой и Твоимъ народомъ я исполнилъ свой долгъ! Пока я былъ въ Эчміадзинѣ, со всѣхъ концовъ свѣта летѣли ко мнѣ телеграммы и письма: «Айрикъ, не сиди, трогайся, печалуйся предъ Самодержавнымъ Царемъ Россіи, проси Его положить предѣлъ страданіямъ твоего народа,—Онъ человѣколюбивъ, Онъ христолюбивъ!» Исполненіе этихъ требованій было великимъ долгомъ для меня, какъ каѳоликоса всѣхъ армянъ. И дѣйствительно, избіеніе младенцевъ въ Виѳлеемѣ, плачъ и вопль Рахили ничто въ сравненіи съ избіеніемъ христіанъ въ Арменіи: въ Виѳлеемѣ избивали только младенцевъ, но отцы и матери остались живы, но въ Арменіи никого не щадятъ: ни отцовъ, ни матерей, ни старцевъ, ни младенцевъ, даже въ чревѣ матери находящихся. Послѣднее избіеніе въ Сасунѣ—это не первое: вотъ уже болѣе десяти лѣтъ турки систематически уничтожаютъ армянъ. Я не могъ равнодушно смотрѣть на избіеніе своего народа и не исполнить долга, возложеннаго Богомъ на каѳоликоса. Я исполнилъ желаніе моего народа и теперь не только надѣюсь, но и вѣрю, что милость Божія не оставитъ христіанъ Арменіи, что насталъ, наконецъ, часъ, когда будетъ положенъ конецъ страданіямъ ихъ, и молитва моя о томъ, чтобы Царь обратилъ благосклонное вниманіе Свое на участь турецкихъ армянъ, услышана,

наконецъ, Господомъ Богомъ. Это была мечта вашего каѳоликоса и это должно быть мечтой вашей. Это такъ» *).

Послѣ Петербурга Мкртичъ I посѣтилъ Москву, Крымъ, гдѣ въ Ѳеодосіи гостилъ у маститаго художника, армянина И. К. Айвазовскаго. Затѣмъ онъ вернулся чрезъ Поти на Кавказъ. Потійскій городской голова г. Лехницкій поднесъ букетъ цвѣтовъ и привѣтствовалъ патріарха отъ имени всѣхъ жителей города прочувствованной рѣчью, на которую онъ отвѣчалъ слѣдующими словами: «Всѣ христіане—братья. Какъ поднесенный вами букетъ состоитъ изъ разныхъ цвѣтовъ, изъ коихъ каждый благоухаетъ по-своему, такъ и все христіанство, хотя и дѣлится на отдѣльныя исповѣданія, все же слѣдуетъ заповѣдямъ Христа». Предъ возвращеніемъ въ Эчміадзинъ патріархъ посѣтилъ Ахалцыхъ, Александрополь, Ахалкалакъ **) и друг. города, населенные армянами.

Вездѣ Мкртича I, благодаря его задушевной простотѣ и доступности, встрѣчало народное ликованіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приводили къ нему больныхъ, въ надеждѣ получить исцѣленіе.

Немногіе изъ патріарховъ пользовались такою широкою и всеобщею популярностью, какъ Мкртичъ I. Помимо другихъ знаковъ преданности и уваже-

---

*) Газ. „Ардзаганкъ“ сообщила краткое слово каѳоликоса всѣхъ армянъ Мкртича I, произнесенное его святѣйшествомъ 14-го января, 1897 г. въ день своего ангела, на состоявшемся въ этотъ день въ столовой эчміадзинскаго монастыря обѣдѣ. Между прочимъ онъ сказалъ:

„Не слѣдуетъ отчаяваться; надо вѣрить, что Богъ когда-нибудь утѣшитъ насъ. Я никого не виню на свѣтѣ, что турки либо европейцы избили моихъ дѣтей. Евангеліе этого не позволяетъ, все это отрицаетъ, а я ученикъ его. Пророкъ Іеремія лишь вопіетъ о несчастіи своего народа, о разрушеніи Іерусалима и т. д., но онъ не негодуетъ на Навуходоносора, а говоритъ: „Господь, дѣлай что хочешь“. И я ученикъ Евангелія и говорю: „Богу угодно было такой судъ совершить“. Но существуетъ и Божья милость. Истреблены народы, но Богъ создаетъ ихъ вновь. И сколько разъ армяне были перебиты, но Богъ вновь ихъ возсоздалъ. Будемъ опять вѣрить, и молиться“...

**) Въ Ахалкалакѣ каѳоликосъ останавливался на ночлегъ въ домѣ мѣстной старожилки, 84-лѣтней старухи по прозванію Хаджи-Маръ, главы громадной нераздѣльной семьи. Она состоитъ изъ 4 сыновей, 4 дочерей и 54 внуковъ и правнуковъ, всего 63 души подъ одною кровлею. Есть между ними купцы, учительницы и учителя, врачъ, юристъ, математикъ, нѣсколько студентовъ. Между патріархомъ и родоначальницею этой библейской семьи, еще очень бодрою старухою, завязалась слѣдующая бесѣда чисто эпическаго пошиба:

— У тебя столько сыновей, внуковъ, скажи по правдѣ, не ссорятся ли они между собой?

— Айрикъ, припадаю къ стопамъ твоимъ!.. Развѣ я имъ позволю ссориться? Всѣмъ внушаю объ ихъ обязанности повиновенія старшимъ, нерадивыхъ же и безпорядочныхъ наказываю.

— Такъ ты и наказывать умѣешь, храбрая бабушка?—улыбаясь спрашиваетъ патріархъ.

— А то какже? Развѣ безъ наказанія устоитъ государство? мой домъ вѣдь то же маленькое государство.

— А кто же его государь?—спросилъ Айрикъ.

— Прахъ вашихъ ногъ—Хаджи-Маръ.

— О, да будутъ благословенны старухи, такъ крѣпко охраняющія семейныя узы у армянъ.

Затѣмъ каѳоликосъ благословилъ родоначальницу и всѣхъ многочисленныхъ членовъ этой патріархальной семьи. (См. *Ардзаганкъ*. 1895. № 83).

нія, маститый іерархъ удостоился безпримѣрной дани признательности отъ своего народа. Еще при жизни своей онъ попалъ въ народный эпосъ: армянскіе слѣпцы-ашуги отъ береговъ Ванскаго озера до Кавказа уже нынѣ воспѣваютъ, подъ меланхолическій аккомпаниментъ архаическихъ гуслей, добрыя дѣла и беззавѣтную преданность народу своего любимаго «айрика» (см. отдѣлъ II).

Мысли каѳоликоса Мкртича I, извлеченныя изъ его сочиненій *).

Признакомъ настоящаго благородства служитъ величіе души, а не земля и золото обладателей ихъ. Тотъ истинно благороденъ, кто блещетъ лишь славою любви къ народу.

—

Человѣкъ есть лишь наименьшее подобіе своего благодѣтельнаго прототипа Создателя; предъ его совершенною и недосягаемою мудростью онъ несвѣдущій ребенокъ; отблескъ, брошенный вѣчнымъ безсмертіемъ, содѣланный изъ земли смертный. И какое можетъ быть сравненіе между каплей воды и океаномъ, между искрой и всеобъемлющимъ свѣтомъ солнца!

—

Человѣкъ родится для выполненія великаго долга, и пока онъ живъ, долженъ быть дѣятельнымъ, такъ какъ смерть и могила принесутъ ночь, во время которой человѣкъ уже не работникъ.

—

Господь, поставивъ державный тронъ свой на небѣ, управляетъ всей вселенной посредствомъ естественныхъ и вѣчныхъ законовъ. Законы его незыблемы и неизмѣнны, никто не можетъ ихъ измѣнить или нарушить, на подобіе измѣнчивыхъ законовъ міра, которые перстъ одного пишетъ и перстъ другого уничтожаетъ.

—

Несомнѣнно человѣкъ связанъ съ этимъ міромъ и матеріальною жизнью но его великое призваніе требуетъ, чтобы онъ связалъ съ нею и нравственную и это лишь одно возвышаетъ честь и достоинство человѣка, иначе онъ опускается до уровня животнаго.

—

Внутренняя неурядица болѣе предаетъ родину, чѣмъ пришлый врагъ.

—

Ужели можно насытиться хлѣбомъ, отнятымъ у ближняго? Нѣтъ, хлѣбъ, добытый грабежомъ и насиліемъ, скоро истощается. Честенъ и неистощимъ лишь хлѣбъ, праведно заработанный въ потѣ лица. Кто въ этомъ мірѣ ѣстъ хлѣбъ безъ соблюденія этого условія, тотъ нарушаетъ постановленіе Божье.

—

Власть для народа и народъ для власти всегда взаимно необходимы; отсутствіе одного или другого прекращаетъ или извращаетъ соціальную жизнь.

—

*) Приводимъ въ переводѣ А. А. Іоаннисеани.

Океанъ иногда своими страшными волнами вздымается, какъ гора и, опускаясь, вновь превращается въ покойную поверхность и это въ силу естественнаго закона, такъ какъ всесильный властелинъ морей обвелъ ихъ стѣной изъ мелкаго песку и поставилъ предѣлы бушующимъ волнамъ, чтобы онѣ не преступили ихъ и не затопили землю. О, еслибы Всемогущій Богъ поставилъ подобный же предѣлъ человѣку и въ границахъ его замкнулъ духъ завоеванія чтобы морями крови не затоплялся бѣдный народъ.

—

Волны потока западной цивилизаціи очень смѣшаны и мутны; зло и добро, свѣтъ и тьма, безвѣріе и наука, текутъ въ немъ параллельно.

—

Когда Богъ создалъ перваго человѣка, то въ сердцѣ и душѣ его запечатлѣлъ лишь слѣдующій законъ совѣсти: «Все, что ты хочешь, чтобы люди дѣлали тебѣ, тоже дѣлай и имъ». Этого высшаго и совершеннаго закона было бы для человѣка достаточно, если бы онъ свято соблюдалъ его и не нарушалъ.

—

Домъ и семья это—міръ и предѣлъ маленькаго царства, на патріархальномъ тронѣ котораго сидятъ родители, отецъ, какъ царь и мать, какъ царица и управляютъ подвластной семьей. Въ этомъ семейномъ царствѣ нѣтъ ни полицейскаго, ни меча, ни деспотизма, ни палки, и вмѣсто всего отеческая любовь и материнская нѣжность; воспитателемъ и учителемъ служитъ живой примѣръ родителей.

—

При совершеніи райскаго союза семьи, вѣнценалагающимъ пастыремъ былъ—Господь, церковью служилъ—рай, крестомъ и евангеліемъ—древо жизни, псалмопѣвцемъ—соловей, свидѣтелями—все живущее, распорядителемъ свадебнаго пиршества—сонмъ ангеловъ, безсмертнымъ, оживляющимъ виномъ—четыре рѣки рая, непорочнымъ ложемъ—тѣнистая роща.

—

Если народъ идетъ впередъ, то первый шагъ къ совершенствованію дѣлается подъ сѣнью семьи; если онъ просвѣщается, то свѣтъ просвѣщенія исходитъ отъ свѣта домашняго очага; если объединяется, то душой и связью объединенія—семья; если становится мощнымъ, то сила и длань его—семья; обогащается, то сокровищницей и хранителемъ богатства—семья. Если народъ хочетъ послѣ земной жизни унаслѣдовать и небо, сохранивъ отечественную вѣру, религію и церковь, то притворомъ для храненія въ цѣлости и чистотѣ сихъ священныхъ залоговъ является семья.

—

Народы до такой степени привыкли переносить бѣдствія отъ рукъ людей, что если бы повели ихъ, подобно овцамъ, на бойню, они, не почувствовавъ ничего, сказали бы, что такова судьба, таковъ рокъ ихъ. И это вѣрно въ особенности по отношенію къ восточнымъ народамъ; внутренняя причина этого явленія заключается не въ чемъ иномъ, какъ въ порабощенномъ, приниженномъ, подавленномъ духѣ людей, окутанныхъ безсвѣтной тьмой невѣжества.

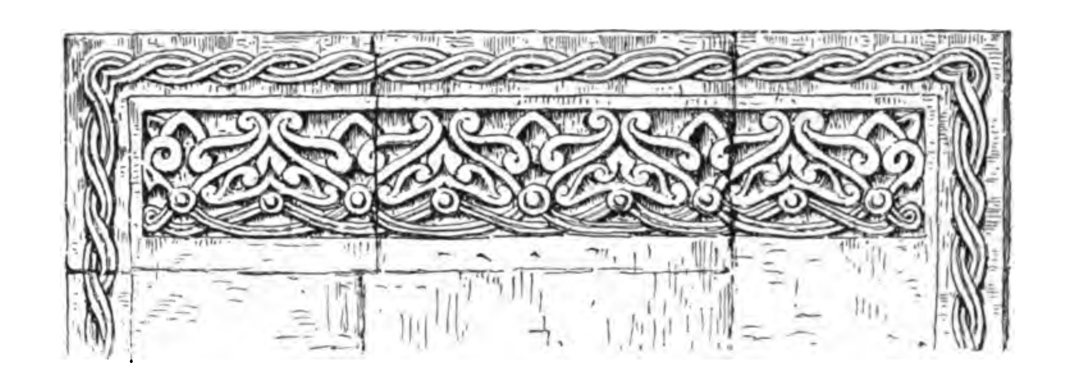
Стонъ.

О, Господи! Молю Тебя!.. Приди!
Ужъ тридцать лѣтъ въ пустынѣ я блуждаю.
Ужъ тридцать лѣтъ ношу огонь въ груди.
Ужъ тридцать лѣтъ Тебя я ожидаю.
О, Господи, молю Тебя, приди,—
Къ Твоимъ стопамъ пречистымъ припадаю!
Мнѣ разумъ говоритъ, что нѣтъ Тебя,
Но слѣпо я безумнымъ сердцемъ вѣрю,
И падаю, и мучаюсь, любя.
Ты видишь, я душой не лицемѣрю,—
Хоть разумъ мнѣ кричитъ, что нѣтъ Тебя,
Но, Господи, я кровью сердца вѣрю!
О, смилуйся надъ гибнущимъ рабомъ!
Нѣтъ больше силъ стонать среди пустыни.
Зажгись во мракѣ огненнымъ столбомъ!
Приди! Молю Тебя! Я жду святыни!
О, смилуйся надъ гибнущимъ рабомъ!
Веди меня! Веди среди пустыни!

Парижъ, 1897.

К. Бальмонтъ.

Городъ Алая (Киликія).



Геніальный Горемыка.

«Геніальный горемыка»,—такъ прозвала Шевченко въ одномъ письмѣ другъ его княжна В. Н. Репнина; и въ этомъ прозвищѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго. Справедливо, что Шевченко обладалъ геніальными поэтическими способностями, которыя заставляли нѣкоторыхъ критиковъ, напримѣръ Аполлона Григорьева, ставить его на-ряду съ Пушкинымъ и Мицкевичемъ и не менѣе справедливо, что жизнь его, къ тому же оборванная преждевременной кончиной, была въ полномъ смыслѣ слова многострадальной. Тарасъ Григорьевичъ Шевченко родился 25 февраля 1814 г. Кіевской губерніи, Звенигородскаго уѣзда въ деревнѣ Моринцы. У отца его, крѣпостнаго крестьянина помѣщика Энгельгарта, было кромѣ него еще семь человѣкъ дѣтей. Дѣтство поэта было самое печальное. Въ семьѣ царствовала вѣчная нужда и вѣчный подневольный трудъ. Мать Шевченка не вынесла этой жизни и, надломленная непосильной работой и множествомъ дѣтей, умерла на тридцать первомъ году своей жизни, когда Тарасу едва исполнилось девять лѣтъ. Вынужденный по необходимости для присмотра за дѣтьми и хозяйствомъ взять другую жену, отецъ Шевченка женился на вдовѣ, у которой было трое собственныхъ дѣтей. Съ водвореніемъ мачихи начался настоящій семейный адъ: отецъ вѣчно ссорился съ женой, которая вымещала свою злобу на его дѣтяхъ; въ особенности она возненавидѣла Тараса за то, что послѣдній не разъ поколачивалъ ея любимаго сына Степанка. Однажды у квартиранта-солдата пропало 45 коп. Мачиха не замедлила заподозрить Тараса въ кражѣ и, пользуясь отсутствіемъ изъ дому мужа, подвергла ребенка съ помощью дяди такой ужасной экзекуціи, что онъ не выдержалъ, принялъ на себя чужую вину и сознался въ мнимой кражѣ; впослѣдствіи оказалось, что кражу совершилъ Степанко. Вскорѣ послѣ этого событія Тарасъ лишился своего единственнаго защитника отца, который умеръ въ 1825 г., простудившись на возвратномъ пути изъ Кіева, куда его зачѣмъ-то посылалъ управляющій. Замѣчательно, что отецъ угадалъ, что въ

сынѣ кроется нѣчто не совсѣмъ обыкновенное; распредѣляя передъ смертью между дѣтьми свое имущество, онъ умышленно обдѣлилъ Тараса, сказавъ домашнимъ: «сыну моему Тарасу ничего не нужно изъ моего хозяйства; онъ не будетъ зауряднымъ человѣкомъ; изъ него выйдетъ либо что-нибудь очень хорошее, либо большой негодяй». Послѣ смерти отца начинаются странствованія Тараса по чужимъ людямъ: то онъ пасетъ свиней у дяди, то учится грамотѣ у пьянаго дьячка, подвергается чуть не ежедневно побоямъ и сѣченію; то, чувствуя страсть къ живописи, бѣжитъ учиться къ маляру дьячку, который находитъ его неспособнымъ къ этому искусству; тогда онъ въ отчаяніи возвращается въ свое родное село, становится на нѣкоторое время пастухомъ общественнаго стада, работникомъ у мѣстнаго священника, отъ котораго опять хочетъ перейти къ маляру, но это ему не удается, потому что его берутъ во дворъ и опредѣляютъ въ комнатные казачки къ молодому барину. Нельзя сказать, чтобы эта должность была особенно трудная; она состояла въ томъ, чтобъ дремать по цѣлымъ днямъ въ передней въ ожиданіи, пока баринъ позоветъ набить трубку или налить ему изъ тутъ же стоящаго графина стаканъ воды. Богатое лишеніями и побоями всякаго рода дѣтство поэта оставило навсегда въ его душѣ горькій осадокъ; впрочемъ у него было два воспоминанія, которыя бросали отрадный лучъ свѣта на эту мрачную эпоху его жизни и нашли отголосокъ и въ его поэзіи. Въ эпилогѣ къ *Гайдамакамъ* онъ съ чувствомъ глубокой благодарности вспоминаетъ о своемъ дѣдѣ, столѣтнемъ старикѣ, который не разъ трогалъ его до слезъ своими разсказами о Коліивщинѣ, о томъ, какъ поляки замучили Титаря и какъ отомстили за него казаки [1]). Другое воспоминаніе относится къ дѣтской любви Тараса. Подобно Данте и Байрону, Шевченко девяти лѣтъ отъ роду полюбилъ дѣвочку-однолѣтку, по имени Оксану, которая отвѣчала ему взаимностью. Много лѣтъ спустя, вспоминая въ ссылкѣ объ этомъ событіи, Шевченко поэтически описываетъ то восторженное состояніе, въ которое повергъ его первый поцѣлуй любви; ему казалось, что въ его душѣ засіяло солнце, что все принадлежитъ ему, и нивы, и лѣса, и сады [2]). Переселившись въ барскую переднюю, Шевченко перенесъ туда и свою страсть къ живописи и собранныя всякими неправдами лубочныя картинки, съ которыхъ онъ писалъ копіи. За эту издавна тлѣвшую въ немъ искру любви къ искусству ему пришлось дорого поплатиться. «Однажды,—такъ разсказываетъ самъ Шевченко,—во время пребыванія нашего въ Вильно панъ и пани уѣхали въ дворянское собраніе. Все въ домѣ успокоилось и уснуло. Я зажегъ свѣчу въ уединенной комнатѣ, развернулъ свои картинки и, выбравъ изъ нихъ казака Платова, принялся съ благоговѣніемъ копиро-

---

[1]) Спасибі дідусю, що ты заховавъ
Въ голові столітній ту славу казачу—
Я іи онукамъ теперь росказавъ.

[2]) Неначе солнце засіяло;
Неначе все на світі стало
Мое: ланы, гаі, сады.
И мы, жартуючи, погналы
Чужи ягнята до воды.

вать. Время летѣло для меня незамѣтно. Уже я добрался до маленькихъ казачковъ, гарцующихъ около дюжихъ копытъ генеральскаго коня, какъ позади меня отворилась дверь и вошелъ мой помѣщикъ, возвратившійся съ бала. Онъ съ остервененіемъ выдралъ меня за уши и надавалъ пощечинъ, не за мое искусство, нѣтъ! а за то, что я могъ бы сжечь не только домъ, но и городъ. На другой день онъ велѣлъ кучеру Сидоркѣ выпороть меня хорошенько, что и было исполнено съ достодолжнымъ усердіемъ» [1]). Описанный Шевченкомъ возмутительный случай имѣлъ однако хорошія послѣдствія. Усмотрѣвъ въ казачкѣ несомнѣнную страсть къ живописи, баринъ задумалъ сдѣлать его комнатнымъ живописцемъ и для этой цѣли отправилъ его учиться въ Варшаву, куда въ скоромъ времени пріѣхалъ и самъ на зиму. Впрочемъ обученіе Шевченка живописи длилось не долго; по случаю начавшагося польскаго возстанія Энгельгартъ переѣхалъ въ Петербургъ, распорядившись, чтобы дворовыхъ людей его и въ томъ числѣ Шевченка переслали къ нему по этапу. Въ Петербургѣ Шевченко былъ отданъ въ ученіе на четыре года къ живописныхъ дѣлъ мастеру Ширяеву, у котораго можно было выучиться красить окна, двери, заборы, словомъ всему, кромѣ живописи. Отсутствіе руководства возмѣщалось тѣмъ, что Шевченко бѣгалъ въ свѣтлыя петербургскія ночи въ Лѣтній Садъ, гдѣ рисовалъ со статуй. Тамъ онъ свелъ знакомство съ землякомъ художникомъ Сошенкомъ, который обласкалъ его, пригласилъ къ себѣ, а по праздникамъ училъ живописи. Замѣчая въ самоучкѣ выходящій изъ ряду талантъ, Сошенко познакомилъ его съ конференцъ-секретаремъ Академіи Художествъ В. И. Григоровичемъ и украинскимъ писателемъ Е. П. Гребенкой. Послѣдній, человѣкъ очень добрый, принялъ теплое участіе въ Шевченкѣ, снабжалъ его книгами, а иногда и деньгами. По прошествіи нѣкотораго времени Григоровичу и Гребенкѣ, уже успѣвшимъ полюбить Шевченка, удалось познакомить его съ придворнымъ живописцемъ Венеціановымъ, который въ свою очередь представилъ его Жуковскому. Занимаясь по праздникамъ у Сошенка, Шевченко дѣлалъ такіе быстрые успѣхи, что Энгельгартъ, увидѣвъ случайно его работу, сталъ ему заказывать портреты своихъ возлюбленныхъ, за которые иногда награждалъ художника цѣлымъ рублемъ серебра. Въ скоромъ времени Шевченко сталъ получать и посторонніе заказы. Какой-то полковникъ заказалъ ему свой портретъ за пятьдесятъ рублей. Заказчикъ жилъ на Пескахъ, а Шевченку пришлось ходить къ нему на сеансы съ Васильевскаго острова. Портретъ очень удался, онъ былъ, что называется, до противности похожъ, но именно это обстоятельство и было причиной того, что полковникъ, считавшій себя гораздо лучше, отказался принять его. Взбѣшенный тѣмъ, что его мѣсячный трудъ пропалъ даромъ, Шевченко, замазавъ эполеты и обернувши шею портрета салфеткой и намыливъ щеки подарилъ его хозяину той цырюльни, гдѣ полковникъ постоянно брился, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ выставленъ на улицу вмѣсто вывѣски. Полковнику ничего не оставалось больше, какъ купить свой портретъ и уничтожить, что онъ и сдѣлалъ, но онъ задумалъ отомстить и,

---

[1]) См. Автобіографическое письмо Шевченка, приложенное къ Пражскому изданію его сочиненій (1876).

узнавши, что Шевченко крѣпостной человѣкъ Энгельгарта, отправился къ помѣщику съ цѣлью купить у него дерзкаго художника. Можно себѣ представить отчаяніе Шевченка. Онъ кинулся ко всѣмъ своимъ друзьямъ и покровителямъ и умолялъ спасти его. Тѣ обратились къ Жуковскому и Брюллову, писавшему въ это время портретъ Жуковскаго. Явилась мысль разыграть этотъ портретъ въ лотерею; посредствомъ лотереи, устроенной гр. Вьелегорскимъ, въ которой принимали участіе даже лица царской фамиліи, было выручено 2500 р. и Жуковскій, предварительно условившись съ Энгельгартомъ, купилъ за эту сумму вольную для Шевченка. Это было 22 апрѣля 1838 г. Въ этотъ день,—разсказываетъ Сошенко,—когда онъ по обыкновенію сидѣлъ за работой, къ нему неожиданно ворвался Шевченко черезъ окно и, опрокидывая все на пути, бросился къ нему на шею съ крикомъ: свобода! свобода! Когда онъ разсказалъ все толкомъ Сошенку, то художники расплакались какъ дѣти. Освобожденіемъ Шевченка отъ крѣпостной зависимости заканчивается первый періодъ его жизни. Впослѣдствіи, когда онъ свыкся съ свободой, прошедшее казалось ему какимъ-то дикимъ и несвязнымъ сномъ. «Вѣроятно,—замѣчаетъ онъ,—многіе изъ русскаго народа посмотрятъ когда то по моему на свое прошедшее». Разсказавъ кратко исторію этого періода въ своемъ извѣстномъ письмѣ къ редактору *Народнаго Чтенія*, Шевченко прибавляетъ, что воспоминаніе о немъ стоило ему дороже, чѣмъ онъ думалъ. «Сколько лѣтъ потерянныхъ! Сколько цвѣтовъ увядшихъ! И что я купилъ у судьбы своими усиліями—не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумѣніе своего прошедшаго!»

Получивъ свободу, Шевченко былъ немедленно принятъ въ Академіи Художествъ и скоро сдѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ знаменитаго Брюллова. Къ этому же достопамятному году въ жизни Шевченко относятся его первые поэтическіе опыты, которые, по его словамъ, тоже начались въ Лѣтнемъ Саду въ свѣтлыя безлунныя ночи.

«Украинская строгая муза,—говоритъ онъ.—долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоялыхъ дворахъ и въ городскихъ квартирахъ, но когда дыханіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковской стрѣхой, она, спасибо ей, обняла меня и приласкала на чужой сторонѣ». Какъ бы желая поскорѣе высказать то, что давно таилось въ его наболѣвшей душѣ, Шевченко работаетъ усиленно, пишетъ съ какою то лихорадочною поспѣшностью. Уже въ 1840 г. выходитъ въ свѣтъ первое изданіе *Кобзаря*, куда вошли такія высоко-художественныя произведенія, какъ *Наймычка*, *Катерина*, *Тополя и Утоплена*. Онъ самъ сознается, что любовь къ поэзіи, всегда сливавшаяся у него съ любовью къ родинѣ, въ это время отодвинула у него на задній планъ самую живопись. «Предъ дивнымъ произведеніемъ Брюллова,—писалъ онъ впослѣдствіи въ своемъ Дневникѣ,—я задумывался и лелѣялъ въ сердцѣ своемъ слѣпца-кобзаря и своихъ кровожадныхъ гайдамаковъ. Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ западной дикой степи наднѣпровской, передо мной мелькали тѣни нашихъ бѣдныхъ гетмановъ. Предо мной разстилалась степь, усѣянная курганами, предо мной красовалась моя прекрасная бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей.—И я заду-

мывался, я не могъ отвести своихъ духовныхъ очей отъ этой родной чарующей прелести. Странное и всемогущее призваніе! Я хорошо зналъ, что живопись—моя будущая профессія, мой насущный хлѣбъ, и вмѣсто того, чтобы изучать ея глубокія таинства и еще подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюлловъ, я сочинялъ стихи, за которые мнѣ никто ни гроша не заплатилъ, которые наконецъ лишили меня свободы и которые я все-таки кропаю. Право странное и неугомонное призваніе!»—Лишь только первые звуки Кобзаря достигли Малороссіи, какъ молодое интеллигентное поколѣніе, мечтавшее о возрожденіи украинской литературы, встрѣтило ихъ съ восторгомъ; Шевченко сразу сдѣлался его вождемъ, его знаменемъ; даже старые паны, дотолѣ пренебрегавшіе языкомъ своихъ крѣпостныхъ, почувствовали нѣкоторое уваженіе къ инструменту, изъ котораго можно извлекать такіе свѣжіе, нѣжные и поэтическіе звуки. Но главными пропагандистками поэзіи Шевченко были мечтательныя украинскія барышни, тѣ, чьи слёзы Шевченко считалъ для себя высшей наградой [1]) —Несмотря на неблагопріятные отзывы Бѣлинскаго, и русская публика въ особенности московская, стала интересоваться произведеніемъ вновь народившагося поэта.

Щепкинъ, по происхожденію малороссъ, былъ однимъ изъ первыхъ угадавшихъ въ никому неизвѣстномъ кобзарѣ великаго народнаго поэта и сдѣлался на всю жизнь восторженнымъ поклонникомъ его таланта и глашатаемъ его славы; онъ нерѣдко читалъ въ тогдашнихъ литературныхъ кружкахъ произведенія Шевченка, переводилъ ихъ и разъяснялъ москвичамъ ихъ красоты. Когда лѣтомъ 1843 г., получивъ званіе художника, Шевченко отправился въ Малороссію, ему уже предшествовала громкая извѣстность; онъ сдѣлался предметомъ общаго вниманія; помѣщики засыпали его приглашеніями. Въ то время среди малороссійскихъ пановъ было не мало людей, которые сумѣли оцѣнить въ Шевченкѣ внутренняго человѣка и принимали бывшаго крѣпостнаго, какъ равнаго. Нѣкоторые кромѣ того заказывали ему портреты. Шевченко охотно принималъ и заказы и приглашенія и гостилъ у многихъ изъ нихъ. Но истиннымъ подаркомъ судьбы было для Шевченко знакомство съ высоко-даровитой и оригинальной княжной В. Н. Репниной, дочерью бывшаго украинскаго генералъ-губернатора князя Н. Г. Репнина, проживавшей съ отцомъ и матерью въ своемъ помѣстьѣ Яготинѣ.

Шевченко, приглашенный писать портретъ съ кн. Репнина, скоро сдѣлался своимъ въ домѣ князя, но особенно сблизился съ княжной В. Н., которая скоро стала другомъ, сестрой и воплощенною совѣстью поэта. Какое значеніе имѣла эта дружба для Шевченка, это видно изъ писемъ княжны къ поэту и изъ по-

---

[1]) Може найдетця дівоче
Серце, кари очи,
Що заплачуть на сі думы—
Я більше не хочу.
Одну слёзу зъ очей карихъ—
И панъ надъ панами!
Думы мои, думы мои,
Лыхо мыні зъ вами!

священія ей написанной на русскомъ языкѣ поэмы *Тризна*, гдѣ онъ называетъ княжну своимъ добрымъ ангеломъ:

Для васъ я радостно сложилъ
Свои житейскія оковы,
Священнодѣйствовалъ я снова
И слезы въ звуки перелилъ.
Вашъ добрый ангелъ осѣнилъ
Меня безсмертными крылами
И тихоструйными рѣчами
Мечты о раѣ пробудилъ.

Вліяніе княжны было особенно дорого въ это время, ибо Шевченко имѣлъ неосторожность сойтись на дружескую ногу съ цѣлой компаніей людей веселаго нрава, въ сущности хорошихъ, но безпутныхъ, которые, соединяя любовь къ родной поэзіи съ любовью къ спиртнымъ напиткамъ, систематически спаивали его. Эта веселая компанія, сама себя называвшая обществомъ мочемордія, имѣла свои засѣданія, титулы и ордена. Великій магистръ этого курьезнаго ордена имѣлъ титулъ его высокопьянѣйшества и носилъ высшій знакъ отличія—полуштофъ черезъ плечо. Познакомившись съ этой компаніей, Шевченко пропадалъ по цѣлымъ днямъ и нерѣдко возвращался съ мочемордныхъ оргій въ домъ Репниныхъ навеселѣ, что сильно огорчало княжну. «О, не говорите,—писала ему однажды по этому поводу княжна—что на васъ нападаютъ люди; здѣсь не завистники, не подлецы—ваши обвинители; я сестра ваша, вашъ искреннѣйшій другъ—ваша обвинительница. Я не сужу о васъ по разсказамъ, я не осуждаю васъ, но говорю вамъ какъ брату, что не разъ, что слишкомъ часто я видала васъ такимъ, какимъ не желала бы видѣть никогда. Простите моей искренности, моей докучливости и поймите безкорыстное чувство, которое водитъ моимъ перомъ».

Пространствовавъ болѣе года по Полтавской и Черниговской губерніямъ, Шевченко посѣтилъ Кіевъ и оттуда проѣхалъ въ свое родное село. Съ этихъ поръ Кіевъ дѣлается его, такъ сказать, главною квартирою, откуда онъ дѣлаетъ экскурсіи по Малороссіи, посѣщаетъ знакомыхъ помѣщиковъ и, интересуясь стариной, осматриваетъ города, церкви, развалины. Въ Кіевѣ Шевченко близко сошелся съ кружкомъ земляковъ съ Костомаровымъ во главѣ, которые съ страстнымъ напряженіемъ слѣдили за ходомъ начавшагося на западѣ славянскаго движенія и мечтали о соединеніи всѣхъ славянъ на федеративныхъ началахъ, подъ главенствомъ Россіи. «Мы не могли,—говоритъ Костомаровъ,—уяснить себѣ въ подробности образа, въ какомъ должна была явиться наша воображаемая федерація государствъ; создать этотъ образъ мы предоставляли будущей исторіи. Во всѣхъ частяхъ федераціи предполагались одинакіе основные законы и права, свобода торговли и всеобщее уничтоженіе крѣпостнаго права и рабства, въ какомъ бы то ни было видѣ». Послѣдній пунктъ программы былъ для Шевченка самый симпатичный и, хотя Шевченко не принималъ никакого участія въ организаціи кружка и рѣдко посѣщалъ его собранія, но тѣмъ не менѣе идея славянской взаимности сильно увлекла его и внушила ему прекрасное по сю пору неизвѣстное стихотвореніе *Славянамъ*, въ которомъ онъ, изображая же-

лаемое уже сбывшимся, воспѣваетъ русскаго двуглаваго орла, разорвавшаго своими когтями оковавшія славянъ цѣпи и предвѣщаетъ близкій конецъ лукавому панству. Оно напечатано въ журналѣ *Кіевская Старина*, 1897 г., октябрь. Извѣстно, какъ печально кончилось это платоническое увлеченіе идеей славянской взаимности. Члены кружка, принявшаго названіе Кирилло-Меѳодіевскаго общества, были арестованы и привезены въ Петербургъ; въ числѣ ихъ находился и Шевченко. При арестѣ у него было найдено нѣсколько не предназначавшихся для печати стихотвореній, которыя его и погубили. Оправданный по принадлежности къ Кирилло-Меѳодіевскому обществу, онъ былъ обвиненъ въ сочиненіи пасквильнаго стихотворенія на одно высокопоставленное лицо, разжалованъ въ рядовые и отправленъ въ отдѣльный Оренбургскій корпусъ съ запрещеніемъ писать и рисовать. Велико было преступленіе Шевченка, въ которомъ онъ самъ сильно раскаивался, но еще болѣе велико и даже чрезмѣрно было и наказаніе! Изъ культурной, проникнутой высшими духовными интересами, среды онъ былъ переброшенъ въ грубую солдатскую обстановку, гдѣ каждый офицеръ имѣлъ надъ нимъ, такъ сказать, право жизни или смерти, ибо могъ вколотить его въ гробъ. Къ чести русскаго офицерства нужно сказать, что оно, за немногими исключеніями, умѣло уважать талантъ и несчастіе и относилось къ Шевченку какъ къ товарищу. Ссылка Шевченка продолжалась около десяти лѣтъ. Въ іюнѣ 1847 г. онъ былъ отправленъ на перекладной въ Оренбургъ, а оттуда къ своему батальйону въ Орскую крѣпость, гдѣ пробылъ около года. Изъ Орской крѣпости онъ послалъ свое первое письмо къ кн. Репниной, живо рисующее его тогдашнее душевное состояніе. «Вы непремѣнно разсмѣялись бы,— пишетъ Шевченко, — если бы увидали теперь меня: вообразите себѣ самаго неуклюжаго гарнизоннаго солдата, растрепаннаго, небритаго, съ чудовищными усами — и это буду я! Смѣшно, а слезы катятся. Что дѣлать? Такъ угодно Богу; видно я мало терпѣлъ въ этой жизни. Правда, что мои прежнія страданія въ сравненіи съ настоящими были дѣтскія слезы. Горько, невыносимо горько! И при всемъ этомъ горѣ мнѣ строжайше запрещено рисовать и писать, окромѣ писемъ. А здѣсь такъ много новаго; киргизы такъ живописны, оригинальны и наивны, сами просятся подъ карандашъ,—и я одурѣваю, когда смотрю на нихъ. Мѣстоположеніе здѣсь грустное, однообразное тощія рѣчки Уралъ и Орь, обнаженныя сѣрыя горы и безконечная киргизская степь. Иногда эта степь оживляется бухарскими караванами на верблюдахъ, какъ волны моря зыблющимися вдали и своею жизнью удвоивающими тоску. Я иногда выхожу за крѣпость къ караванъ-сараю или мѣновому двору, гдѣ обыкновенно бухарцы разбиваютъ свои разноцвѣтные шатры. Какой стройный народъ! Какія прекрасныя головы! И какая постоянная важность безъ малѣйшей гордости! Если бы мнѣ можно было рисовать, сколько бы я вамъ прислалъ новыхъ и оригинальныхъ рисунковъ, но что дѣлать? Смотрѣть же и не рисовать— это такая мука, которую пойметъ только истинный художникъ».—Я приведу еще отрывокъ изъ одного письма Шевченка къ кн. Репниной, который можетъ дать намъ понятіе, какъ жилось поэту въ казарменной обстановкѣ Орской крѣпости. «Вчера я не могъ кончить письма, потому что солдаты-товарищи кончили ученіе; начались разсказы, кого били, кого обѣщались бить; шумъ, крикъ, балалайка, вы-

гнали меня изъ казармъ. Я пошелъ на квартиру къ офицеру (меня, спасибо имъ, всѣ принимаютъ какъ товарища), и только расположился писать письмо.—Вообразите мою муку — хуже казармъ, а эти люди (да проститъ имъ Богъ!) съ большой претензіей на образованіе и знаніе приличій. Боже мой! Неужели и мнѣ суждено быть такимъ? Страшно!» Въ концѣ письма Шевченко прибавляетъ, что ему весной предстоитъ походъ въ степь на берега Аральскаго моря для возведенія новаго укрѣпленія и что люди бывалые называютъ здѣшнюю жизнь эдемомъ въ сравненіи съ жизнью походною. «Каково же должно быть тамъ,—восклицаетъ онъ,—если здѣсь эдемъ?» Экспедиція къ Аральскому морю, которой такъ боялся Шевченко, состоялась весной 1849 г. и продолжалась до глубокой осени слѣдующаго года. Несмотря на трудности похода и всякаго рода лишенія, изъ которыхъ самымъ существеннымъ было отсутствіе писемъ изъ Россіи, такъ какъ почта приходила два раза въ годъ, Шевченку въ общемъ жилось лучше, чѣмъ въ Орской крѣпости, главнымъ образомъ потому, что, по ходатайству начальника экспедиціи Бутакова, начальникъ отдѣльнаго оренбургскаго корпуса Обручевъ разрѣшилъ Шевченку снимать виды въ степи и берега Аральскаго моря. Благодаря тому же Бутакову, который былъ для него не начальникомъ, а братомъ и другомъ, Шевченко пользовался значительной свободой, гулялъ по степи, пѣлъ родныя пѣсни и заносилъ въ неразлучную съ нимъ переплетенную въ простую дегтярную кожу книжку вновь сочиненныя стихотворенія. Въ стихотвореніи одного русскаго поэта Шевченко изображается стоящимъ одиноко среди пустыни; глаза его горятъ огнемъ вдохновенія, онъ простираетъ руки къ далекой родинѣ, какъ будто собирается летѣть туда, но часовой не дремлетъ, онъ предполагаетъ, что поднадзорный задумалъ бѣжать и держитъ ружье наготовѣ, «готовый выстрѣлить по первому стиху». По окончаніи экспедиціи, по ходатайству Бутакова, Шевченко былъ препровожденъ въ Оренбургъ и прикомандированъ къ Бутакову, чтобы заканчивать подъ его руководствомъ работы по описанію Аральскаго моря. На этотъ разъ пребываніе его въ Оренбургѣ продолжалось около полугода. Онъ отдохнулъ душой въ обществѣ своего друга Ѳедора Лазаревскаго и ссыльныхъ поляковъ, которые относились къ нему весьма сердечно. Начальство тоже относилось къ нему болѣе чѣмъ снисходительно: онъ не жилъ въ казармахъ, а въ отдѣльномъ флигелѣ, который былъ предоставленъ въ его распоряженіе его пріятелемъ, адъютантомъ Обручева, Герномъ. Но этому блаженству скоро наступилъ конецъ. Хотя Шевченко продолжалъ рисовать, украдкой, но запрещеніе все еще тяготѣло надъ нимъ. Онъ писалъ къ Репниной, писалъ къ Жуковскому, прося ихъ исходатайствовать ему позволеніе рисовать и, не получая отвѣта, самъ рѣшился написать 10 января 1850 г. трогательное письмо къ Дубельту, которое я позволяю себѣ привести цѣликомъ, такъ какъ оно еще не было обнародовано: «Ваше превосходительство! Походъ въ Киргизскую степь и почти двухлѣтнее плаваніе по Аральскому морю даютъ мнѣ смѣлость вторично безпокоить В. П. моею покорнѣйшею просьбою. Я вполнѣ сознаю мое преступленіе и отъ души раскаиваюсь. Командиръ мой, капитанъ-лейтенантъ Бутаковъ, ежедневный свидѣтель моего поведенія въ продолженіе двухъ лѣтъ, подтвердитъ истину моихъ словъ, ежели угодно будетъ В. П. спросить у него. Я прошу милостиваго ходатайства вашего предъ Августѣйшимъ монархомъ нашимъ, прошу одной ве-

ликой милости—позволенія рисовать. Я въ жизнь мою ничего не рисовалъ преступнаго,—свидѣтельствую Всемогущимъ Богомъ. Умоляю васъ! Вы какъ слѣпому откроете глаза и оживите мою убитую душу. Лѣта и мое здоровье, разрушенное скорбутомъ въ Орской крѣпости, не позволяютъ мнѣ надѣяться на военную службу, требующую молодости и здоровья. Прошу васъ, примите хотя малѣйшее участіе въ судьбѣ моей и Богъ васъ наградитъ за доброе дѣло». Письмо это осталось безъ отвѣта, а на послѣдовавшее вслѣдъ за нимъ ходатайство главнаго начальника края В. А. Перовскаго былъ полученъ отвѣтъ, что графъ Орловъ находитъ рановременнымъ входить съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о помилованіи Шевченка.—Скоро, впрочемъ, случилось событіе, которое надолго лишило мѣстное начальство всякой возможности ходатайствовать объ облегченіи участи поэта. По доносу одного офицера, имѣвшаго съ Шевченкомъ личные счеты, весною 1850 г. у него былъ произведенъ обыскъ [1]), было найдено два альбома съ стихами и рисунками—явное доказательство, что онъ вопреки Высочайшему повелѣнію продолжалъ писать стихи и заниматься рисованіемъ. Должно полагать, что дѣло это показалось шефу жандармовъ гр. Орлову дѣломъ государственной важности, ибо онъ лично докладывалъ о немъ Государю Императору, и вскорѣ воспослѣдовала Высочайшая резолюція, въ силу которой рѣшено было рядового Шевченка препроводить въ Новопетровское укрѣпленіе на берегу Каспійскаго моря подъ строгій надзоръ мѣстнаго ротнаго командира. Пребываніе Шевченка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи продолжалось цѣлыхъ семь лѣтъ. Первые два года были едва ли не самой мрачной полосой въ жизни поэта. Ротный командиръ оказался строгимъ служакой и убѣжденнымъ фронтовикомъ. Задавшись цѣлью сдѣлать такого же фронтовика и изъ Шевченка, онъ по восьми часовъ въ сутки морилъ его всякими военными экзерциціями, ежеминутно давая ему чувствовать, что онъ не болѣе какъ присланный для исправленія солдатъ. Впрочемъ, встрѣтивъ со стороны Шевченка полнѣйшую безотвѣтность, онъ на третій годъ смягчился, ослабилъ возжи дисциплины и даже сталъ приглашать поэта къ себѣ.

Положеніе Шевченка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи сильно измѣнилось къ лучшему, когда комендантомъ укрѣпленія былъ назначенъ маіоръ Усковъ, добрѣйшій человѣкъ, который обращался съ нимъ какъ съ товарищемъ, дружески раскрылъ предъ нимъ двери своего дома, а лѣтомъ переводилъ его въ свой садъ и поселялъ въ бесѣдкѣ, гдѣ вдали отъ постороннихъ глазъ онъ могъ свободно заниматься живописью и поэзіей. Ко времени пребыванія Шевченка въ Новопетровскомъ укрѣпленіи относится оживленная переписка его съ Казачковскимъ, Гулакомъ, Лазаревскимъ, а также ссыльными поляками, изъ которыхъ онъ въ особенности сошелся съ Брониславомъ Залѣсскимъ и Сигизмундомъ Сѣраковскимъ. Отбывъ срокъ своей ссылки, они возвратились въ Россію и дали Шевченку слово сдѣлать для него все возможное. «Ѣду,—писалъ ему въ 1855 г. Сѣраковскій,—съ полной надеждой, что судьба твоя будетъ облегчена. Богъ великъ, Государь милостивъ! Батьку! великіе люди переносили и великія страданія; въ

---

[1]) Обстоятельства этого дѣла подробно изложены въ моей статьѣ *Первые четыре года ссылки Шевченка* („Кіевская Старина", 1888, октябрь).

пустынѣ жилъ и пѣвецъ Апокалипсиса, въ пустынѣ и ты теперь живешь, нашъ лебедь». Съ восшествіемъ на престолъ новаго императора у всѣхъ ссыльныхъ явилась надежда если не на полное прощеніе, то на значительное облегченіе своей участи, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ географическомъ, въ смыслѣ приближенія къ центрамъ; не чуждъ былъ этихъ розовыхъ надеждъ и Шевченко, и потому можно себѣ представить его отчаяніе, когда онъ узналъ, что имя его вычеркнуто самимъ Государемъ изъ Высочайшаго манифеста 22-го апрѣля 1855 г. «О, спасите меня,—писалъ онъ къ своей новой покровительницѣ гр. Анастасіи Ив. Толстой,—еще одинъ годъ и я погибъ». Къ счастію, спасеніе было не за горами. Мужъ гр. Толстой вице-президентъ Акад. Худ. гр. Өедоръ П. Толстой сумѣлъ заинтересовать судьбою Шевченка тогдашняго президента Акад. Художествъ В. К. Марію Николаевну, по ходатайству которой Шевченко получилъ прощеніе съ правомъ выйти въ отставку и избрать себѣ родъ жизни. Получивъ эту радостную вѣсть отъ Лазаревскаго въ маѣ 1857 г., Шевченко еще остался два мѣсяца въ укрѣпленіи въ ожиданіи офиціальной бумаги и 2 августа отправился на рыбачьей лодкѣ въ Астрахань.—Радостное чувство свободы до того наполнило все его существо, что онъ совершенно позабылъ, какъ шесть лѣтъ тому назадъ писалъ къ Репниной, что ссылка такъ измѣнила его правственно, что онъ не узнаетъ самого себя. Теперь онъ заноситъ въ свой Дневникъ замѣчательныя въ психологическомъ отношеніи слова: «все это неисповѣдимое горе прошло, какъ будто не касаясь меня; малѣйшаго слѣда не оставило по себѣ. Ни одна черта въ моемъ внутреннемъ образѣ не измѣнилась; по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется». Пробывъ около мѣсяца въ Астрахани, Шевченко отправился на пароходѣ въ Нижній, гдѣ его ждала встрѣча съ Щепкинымъ. Узнавши, что Шевченко прибылъ въ Нижній, добрѣйшій М. С. согласился пріѣхать на гастроли, чтобы только повидаться съ нимъ. Встрѣча была самая радостная и умилительная. Великій артистъ и великій поэтъ бросились другъ другу въ объятія и зарыдали. Разсказываютъ, что нижегородскій губернаторъ, декабристъ Муравьевъ, случайно присутствовавшій при этой сценѣ, тоже не могъ удержаться отъ слезъ. «Эхъ, В. П., что вы дѣлаете,—сказалъ ему Щепкинъ,—вы мнѣ всѣхъ губернаторовъ испортили». Шевченко пробылъ въ Нижнемъ нѣсколько мѣсяцевъ, пока не получено было разрѣшеніе пріѣхать въ Петербургъ. Въ мартѣ 1858 г. онъ проѣзжалъ Москву, видѣлся съ своимъ старымъ другомъ кн. Репниной, къ которой онъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ. Я не разъ разспрашивалъ княжну объ этомъ свиданіи. Подробности у нея за тридцать лѣтъ ускользнули, но общее впечатлѣніе осталось, и впечатлѣніе очень грустное. Въ 1842 г., когда она разсталась съ Шевченкомъ, онъ былъ молодымъ человѣкомъ, сильнымъ, здоровымъ, полнымъ надеждъ на будущее. Теперь передъ ней стоялъ почти старикъ, сѣдой, лысый, съ лицомъ, покрытымъ, вслѣдствіе скорбута, красными пятнами, съ усталымъ апатическимъ взглядомъ, разбитый физически и нравственно. Тщетно друзья дѣлали надъ собою усилія, чтобы попасть въ прежній тонъ; это имъ плохо удавалось: между ними лежала непроходимая черта—десятилѣтняя ссылка поэта. По словамъ кн. Репниной, Шевченко показался ей совсѣмъ потухшимъ. Но онъ потухъ развѣ на половину. Прибывъ въ Петербургъ, Шевченко былъ принятъ какъ родной въ семействѣ гр. Толстого, который велѣлъ отвести ему мастерскую и

квартиру въ самомъ зданіи Академіи. Находившіеся въ Петербургѣ земляки восторженно привѣтствовали поэта; русскіе писатели—Тургеневъ, Полонскій и др.—искали случая съ нимъ познакомиться. Аксаковъ приглашалъ его въ сотрудники *Паруса*. Всѣ какъ бы наперерывъ старались уваженіемъ, ласкою и любовью вознаградить поэта за долгіе годы страданія и униженія. По словамъ дочери гр. Толстого, г-жи Юнге, жизнь Шевченка въ Петербургѣ потекла хорошо и радостно. Окруженный теплой дружбой и тѣми интеллектуальными наслажденіями, которыхъ онъ такъ долго былъ лишенъ, онъ какъ будто ожилъ и своимъ ласковымъ обращеніемъ оживлялъ всѣхъ окружающихъ. «Въ Петербургѣ,—писалъ онъ своему пріятелю, коменданту Новопетровскаго укрѣпленія Ускову,—мнѣ живется хорошо; живу въ Академіи, товарищи-художники меня полюбили, а мои многочисленные земляки просто на рукахъ носятъ. Словомъ, я вполнѣ счастливъ».

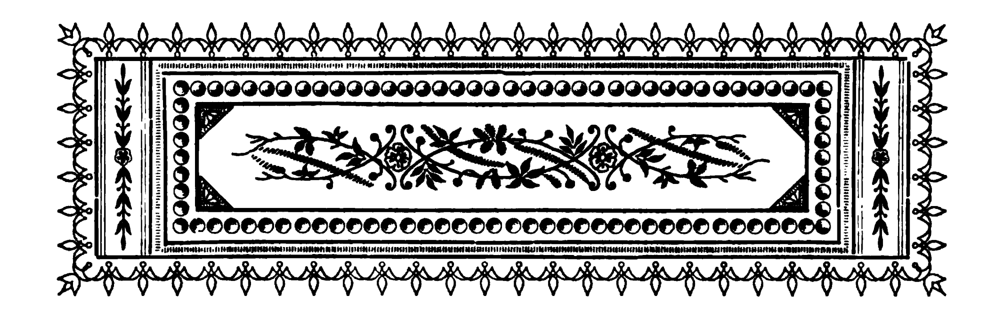
Отогрѣвшись въ атмосферѣ любви и сочувствія, Шевченко началъ съ большимъ рвеніемъ занятія живописью. Растративъ въ ссылкѣ свою технику, онъ не дерзалъ приниматься за большую картину, а писалъ этюды сепіей и акварелью и дѣлалъ гравюры съ произведеній Рембрандта. Муза поэзіи тоже стала изрѣдка посѣщать его, ибо къ 1858 г. относится его прекрасное стихотвореніе къ Музѣ, въ которомъ онъ благодаритъ богиню за то, что никогда не покидала его и всячески помогала ему переносить выпавшія на его долю страданія. Повидимому, все сбылось, о чемъ онъ мечталъ въ ссылкѣ, но только, повидимому, петербургская обстановка не могла долго удовлетворять поэта. Душа его томилась тоскою по родинѣ, его тянуло на Украину. Съ первымъ весеннимъ вѣтромъ онъ уѣхалъ въ Кіевскую губернію къ своему родственнику и другу Варѳоломею Шевченку, выбившемуся, подобно ему, съ помощью своего ума и энергіи изъ подъ ярма крѣпостного права. Оттуда онъ направился въ родное село, видѣлся съ родными и провелъ нѣсколько дней у своей любимой сестры, Ирины Григорьевны, которая разсказывала ему, сколько горя вытерпѣла она со времени послѣдняго свиданія съ нимъ; при чемъ и разсказчица и слушатель оба заливались слезами. Пребываніе въ зеленомъ уголкѣ Украины такъ полюбилось Шевченку, что онъ рѣшилъ окончить здѣсь дни свои и умолялъ своего родича высмотрѣть ему небольшой участокъ земли въ живописной мѣстности надъ Днѣпромъ, гдѣ онъ могъ бы построить себѣ хату.—«Слава мнѣ не помогаетъ,—писалъ онъ,—и если я не заведу собственнаго очага, то она и въ другой разъ потянетъ меня туда, куда Макаръ гонитъ пасти телятъ. Такъ или иначе, а необходимо гдѣ-нибудь преклонить голову. Въ Петербургѣ не высижу,—онъ меня придавитъ». Съ планомъ переселенія въ Малороссію стоялъ въ связи и другой планъ Шевченка. Поэту мучительно хотѣлось хоть подъ старость да обзавестись семьей. Непремѣннымъ условіемъ для этого онъ ставилъ, чтобы его будущая жена была не барышня, а дочь народа. Увидавъ у Варѳоломея миловидную наймычку Харитину, онъ вообразилъ, что уже нашелъ свое счастіе, и, возвратясь въ Петербургъ, не разъ просилъ письменно Варѳоломея быть его сватомъ, переговорить съ родными дѣвушки и съ ней самой и отвѣчать ему поскорѣе—да или нѣтъ. Когда же дѣло съ Харитиной не выгорѣло, и она наотрѣзъ отказала поэту главнымъ образомъ потому, что онъ панъ и не ровня ей, Шевченко не оставилъ своей мысли о женитьбѣ, облюбовалъ воспитанницу Макаровыхъ, Лукерью, надѣлилъ ее всевоз-

можными совершенствами и влюбился въ свою собственную мечту. Но когда и здѣсь его постигла неудача и разочарованіе, онъ не выдержалъ и сталъ искать утѣшенія въ винѣ. Но время было не такое, чтобы предаваться личному горю, тѣмъ болѣе, что у него было на рукахъ святое дѣло выкупа своихъ родныхъ изъ крѣпостной неволи. Это ему удалось выполнить съ помощью литературнаго фонда, и родные его получили свободу за нѣсколько мѣсяцевъ до 19 февраля. Въ то время, какъ надъ Русью уже загоралась заря освобожденія и всѣ готовились къ живой и дѣятельной работѣ на пользу народа, здоровье Шевченко становилось все хуже и хуже. Въ январѣ 1861 г. было рѣшено докторами, что у него водянка и что дни его сочтены. Судьба, преслѣдовавшая горемыку всю жизнь, жестоко посмѣялась надъ нимъ, пославши ему смерть за нѣсколько дней до обнародованія манифеста 19 февраля, возвѣстившаго всему міру конецъ рабства въ Россіи [1]). Подобно Моисею, онъ умеръ на рубежѣ обѣтованной земли, не насладившись видомъ освобожденнаго народа, не приложивъ рукъ къ работѣ на пользу его образованія. Эта трагическая сторона смерти Шевченко прекрасно освѣщена Некрасовымъ въ его извѣстномъ любителямъ поэзіи, хотя и не вошедшемъ въ полное собраніе сочиненій, стихотвореніи: *На смерть Шевченка.* Описавъ вкратцѣ жизнь Шевченка и всѣ испытанныя имъ въ ссылкѣ страданія, поэтъ заключаетъ слѣдующими словами:

Кончилось время его несчастливое;
Все, чего съ юности ранней не видывалъ,
Милое сердцу ему улыбалося—
Тутъ ему рокъ позавидовалъ:
Жизнь оборвалася.

Н. Сторожевъ

[1]) „Бѣдный Шевченко, — говоритъ Костомаровъ въ своей Автобіографіи, — нѣсколькими днями не дождался великаго торжества всей Руси, о которомъ только могла мечтать его долго страдавшая за народъ муза: менѣе чѣмъ черезъ недѣлю послѣ его погребенія во всѣхъ церквахъ Русской Имперіи прозвучалъ Высочайшій Манифестъ объ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Этотъ манифестъ давно ужъ былъ готовъ, но опубликованіе его было пріостановлено до поста, чтобы дать народу возможность отпраздновать великое событіе не въ кабакахъ, а въ церквахъ и домашнихъ кружкахъ“.



Изъ записной книжки художника.

Еще разъ скажу: *реализмъ* картины составляетъ не то, что въ ней реально изображено, а то, что просто, ясно и понятно вводитъ насъ въ извѣстный моментъ, извѣстное событіе, извѣстную мѣстность. Есть не мало художественныхъ произведеній, исполненіе которыхъ реалистично, но самыя это произведенія, въ цѣломъ, не могутъ быть причислены къ школѣ реализма.

Для поясненія сказаннаго, возьму нѣсколько примѣровъ и прежде всего извѣстную картину Брюллова «Послѣдній день Помпеи», безспорно имѣющую много достоинствъ. Какъ объяснить то, что изображеніе ужаснаго момента мало ужасаетъ зрителя?—Очень просто: художникъ одинаково заботился и о томъ, чтобы дать правдивое изображеніе страшной ночи, и о группировкѣ дѣйствующихъ лицъ, красотѣ линій—въ этомъ достоинство картины для поклонниковъ старой «исторической живописи» и недостатокъ для послѣдователей реалистическаго направленія. Группы и линіи сообщаютъ картинѣ извѣстную размѣренность, холодность—въ натурѣ жители города стадно бѣжали, спасались, не заботясь о томъ, составляютъ они красивыя группы и линіи или нѣтъ.

Затѣмъ, рисунокъ прекрасный, живопись превосходная; но какъ же первый оставилъ ясными, даже рѣзкими, всѣ контуры, не смотря на то, что сцена происходитъ на воздухѣ, ночью, а вторая почти не приняла во вниманіе яркихъ отсвѣтовъ Везувія—раскаленная лава огнедышащей горы видимо тянущаяся далеко впередъ по правой сторонѣ картины, должна была бы дать чрезвычайно сильную красную окраску всѣмъ фигурамъ, а не затронуть ихъ только слегка; иными словами: вся толпа должна была бы быть залита краснымъ свѣтомъ, съ небольшими лишь рефлексами отъ луны, освѣщеніе которой ничтожно, сравнительно съ свѣтомъ отъ громаднаго, до неба поднимающагося, столба краснаго пламени!

Съ этой стороны картина, представляющая изверженіе огнедышащей горы, мариниста Аайвазовскаго, не смотря на примитивность техники, сильнѣе передаетъ впечатлѣніе безотраднаго ужаса событія.

Въ общемъ, повторяю, въ знаменитой картинѣ Брюллова очень много таланта, академическаго знанія и умѣнья, много реальности въ исполненіи, но мало «реализма».

Возьмемъ извѣстную картину другого не менѣе знаменитаго художника Ива-

вова—«Явленіе Христа народу». Изученіе мѣстности и типовъ добросовѣстное, насколько возможно изучать издали—вѣрно передать Палестину по этюдамъ, дѣланнымъ въ Италіи, довольно трудно. Одежды всѣ новы, и надѣты рутинно, по академическому шаблону, особенно на Іоаннѣ Крестителѣ; крестъ въ рукахъ послѣдняго совсѣмъ не логиченъ—откуда, зачѣмъ онъ? Рисунокъ превосходенъ, но сухъ, контуры обведены точно проволокой, что не понятно на открытомъ воздухѣ. Живопись не такъ блестяща какъ у Брюллова, хотя тоже академически очень умѣла и старательна, но исполненная въ четырехъ стѣнахъ, невѣрна мѣсту, знойной пустынѣ—въ картинѣ нѣтъ воздуха, жары, также важныхъ для общаго впечатлѣнія, какъ и небо и растительность, если не болѣе.

Въ общемъ опять очень много знанія, много наивной своеобразной прелести въ исполненіи, но «реализма» нѣтъ.

Мнѣ скажутъ, что Ивановъ не могъ совершить путешествія въ Палестину, по неимѣнію средствъ—отвѣчу: долженъ былъ! Онъ могъ получить даровой, или очень удешевленный проѣздъ туда и обратно, а на расходы въ св. землѣ хватило бы того, чѣмъ довольствуется большинство паломниковъ, т. е. того, что стоило путешествіе по Италіи.

За то въ Палестинѣ художникъ сразу напалъ бы на типы аскетовъ въ родѣ Крестителя и учениковъ его, странствующихъ купцовъ и др. лицъ, изображеніе которыхъ стоило—судя по этюдамъ—большихъ розысковъ, громадныхъ трудовъ и все таки не дало удовлетворительныхъ результатовъ. Бѣлоручки, ученики Крестителя, съ Иваномъ, будущимъ богословомъ, во главѣ, расчесавшимъ и чуть не напомадившимъ свои волосы—конечно, не имѣютъ ничего общаго съ типами анахоретовъ, до сихъ поръ ютящихся въ пескахъ и пещерахъ Іорданскаго берега.

Извѣстно, что Іоаннъ Креститель не стригъ и не чесалъ своихъ волосъ—можетъ быть въ продолженіе 20—30 лѣтъ—значитъ они были сбиты у него въ длинныя, до пояса, пряди, родъ колтуна, который и теперь можно видѣть у факировъ, дающихъ обѣтъ не трогать своихъ волосъ. Откуда же парикъ чудесныхъ съ маслянистымъ отблескомъ, безспорно умѣло подстриженныхъ волосъ, на головѣ проповѣдника? Октуда, какъ уже замѣчено, новенькій, чистенькій, правильными, академическими складками лежащій плащъ.

Ни пятна, ни дырочки или какой иной зазоринки на этомъ плащѣ, служившемъ, конечно, постелью и покрываломъ по ночамъ, также какъ защитою отъ солнца и непогоды днемъ.

Исполнено реально, а «реализма» нѣтъ.

Скажутъ еще: вы слишкомъ требовательны; не всѣ имѣютъ возможность путешествовать, не всѣ имѣютъ средства и здоровье для этого, не всѣ, наконецъ, согласятся перемѣщаться.—Тѣмъ хуже для нихъ!

Вотъ крупный русскій художникъ, задумавшій писать большую картину изъ жизни Христа, понимавшій необходимость съѣздить для этого въ Палестину, собиравшійся туда, прособиравшійся, непопавшій и надѣлавшій изъ-за этого промаховъ, въ своемъ добросовѣстнѣйшемъ трудѣ.

Вотъ очень талантливый французскій художникъ, получившій отъ англичанъ заказъ написать нѣсколько картинъ изъ войны съ Ашантіями, не рѣшившійся перемѣститься на время, для ознакомленія съ природою и людьми изъ Па-

рижа въ Африку и тоже надѣлавшій ошибокъ, потому что типы, пейзажъ и самыя концепціи картинъ—сраженій въ Африкѣ—отзываются шаблономъ, реляціею, французскимъ военнымъ шикомъ.

Вотъ прекрасный нѣмецкій художникъ, изображая на огромномъ полотнѣ сцену прорыва при Седанѣ французской кавалеріи, черезъ ряды Германской пѣхоты, представляетъ группу прусскихъ солдатъ смѣющихся во всю глотку надъ непріятельскими кирасирами!—Онъ вѣдь не былъ никогда въ разгарѣ боя, сказалъ мнѣ одинъ нашъ общій знакомый, когда я замѣтилъ ему эту несообразность, утрировку—тѣмъ хуже, если онъ не былъ!

Еще примѣръ: бывалый зритель найдетъ, что пейзажъ снѣговыхъ горъ не вѣрно передаетъ горную природу: воздухъ де на этихъ высотахъ иной, онъ рѣзче, тѣни сильнѣе и т. д., а ему отвѣтятъ: «да, это правда, но художникъ страдаетъ одышкою, онъ только разъ поднялся на высоту и, не смотря на все желаніе, не могъ провѣрить свое первое впечатлѣніе.»—Зрителю, публикѣ, критикѣ нѣтъ дѣла до этихъ резоновъ—въ искусствѣ болѣе чѣмъ въ чемъ другомъ трудности исполненія не принимаются въ разсчетъ и цѣнится лишь результатъ; чтобы было—а какъ, какимъ образомъ это достигнуто, до этого нѣтъ дѣла.

Я лично полагаю, что для всѣхъ дѣятелей на поприщѣ наукъ, искусствъ и литературы, для ученыхъ, художниковъ, литераторовъ и даже музыкантовъ, путешествія составляютъ хорошую школу, просто необходимость: въ нашъ вѣкъ развитія пароходства и желѣзныхъ дорогъ, не пользоваться средствами передвиженія, не учиться на живой лѣтописи исторіи міра—значитъ вырывать самыя интересныя страницы изъ книги своего бытія...

* * *

Еще яснѣе, чѣмъ на приведенныхъ примѣрахъ, можетъ быть прослѣженъ недостатокъ реализма, при значительной долѣ реальности въ исполненіи, на одномъ новомъ полотнѣ, тоже очень большихъ размѣровъ: «Покореніе Сибири Ермакомъ».—Писалъ очень талантливый реалистъ, но произведеніе въ общемъ представляетъ какую-то апоѳеозу браваго атамана и его товарищей. Авторъ потратилъ много труда на частности, но упустилъ изъ вида главное: фактъ сравнительной легкости, съ которою огромная область была завоевана, *благодаря превосходству вооруженія*. Что казакамъ нужны были храбрость, неустрашимость, смѣтливость—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, но что Ермакъ въ Сибири, какъ Кортесъ въ Америкѣ, своими баснословными успѣхами обязанъ въ большой мѣрѣ пушкамъ и ружьямъ, которыхъ у туземцевъ не было и которыя наводили на нихъ настоящій ужасъ—это тоже безспорно.

Оба завоевателя *издали* разгоняли многотысячныя толпы противниковъ, не выносившихъ не только дѣйствія пуль и ядеръ, но и грома выстрѣловъ, такъ что въ плотную имъ не приходилось встрѣчаться; — въ тотъ часъ, что Ермаку пришлось бы столкнуться съ несмѣтными полчищами Кучума такъ близко, какъ представлено на картинѣ, онъ пропалъ бы!

Затѣмъ непонятно, почему отличные стрѣлки, какими всегда считались сибиряки, цѣля изъ страшныхъ въ ихъ рукахъ луковъ въ группу Ермака съ товарищами чуть не въ упоръ, не могутъ попасть въ глазъ, ухо, шею и т. п.?

Почему опытные въ боевомъ дѣлѣ и вороватые казаки неразумно подставляютъ себя подъ выстрѣлы, стоятъ, да еще въ кучкѣ, а не лежатъ на днѣ своихъ лодокъ?

Почему казаки одѣты въ формы XVIII столѣтія? Почему въ XVI вѣкѣ, они стрѣляютъ ружьями XVIII, кремневыми, а не фитильными — что на два столѣтія упреждаютъ изобрѣтеніе кремневыхъ курковъ.

Почему, наконецъ, въ картинѣ столько битюма, что она совсѣмъ рыжая — воздухъ на Иртышѣ и на другихъ сибирскихъ рѣкахъ столь же прозраченъ, какъ вездѣ, и въ немъ нѣтъ битюмныхъ тоновъ!

Говорятъ, реализмъ сплошь и рядомъ влечетъ за собой безсиліе техники, слабость исполненія въ рисункѣ и краскахъ — это говорятъ псевдоклассики и можно только отвѣтить на это: очень жаль! потому что художественная техника—это грамматика, безъ знанія которой никакія стремленія въ искусствѣ не серьезны и походятъ на замыслы младенца...

Теперь уже настало время, когда слово «реалистъ» перестало быть браннымъ въ искусствѣ, когда реализмъ, ставши крѣпко на ноги, завоевавши право гражданства, пересталъ быть пугаломъ консервативныхъ кумушекъ. Роль страшилища «колебателя уставовъ» переходитъ къ импрессіонистамъ, символистамъ, декадентамъ—по правдѣ сказать, довольно невиннымъ колебателямъ—покамѣсть идущимъ ощупью, но вскорѣ вѣроятно имѣющимъ выработать изъ всѣхъ своихъ попытокъ и пробъ—систему. Проявленія жизни такъ разнообразны, и выраженія этихъ проявленій такъ обязательно измѣнчивы, что сомнѣваться въ этомъ нельзя.

Пожелаемъ нарождающейся школѣ столько же терпѣнія и настойчивости въ трудѣ, сколько проявили реалисты во всѣхъ своихъ манифестаціяхъ въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ, прежде чѣмъ добились своего теперешняго положенія.

Пока въ работахъ юныхъ школъ не достаетъ связи, усидчивости, но это только пока, и можно надѣяться, что дружными усиліями молодыхъ талантовъ новаго направленія выработаются взгляды и понятія, которые составятъ серьезный вкладъ въ сокровищницу человѣческаго духа.

Девятнадцатый вѣкъ прошелъ въ борьбѣ различныхъ проявленій этого духа, отъ умиравшаго классицизма, черезъ романтизмъ, до реализма включительно и торжествомъ этого послѣдняго онъ заканчивается. Но новыя вѣянія уже дающія себя знать—вѣянія пока не ясныя, слабыя, малопонятныя—и весьма вѣроятно, что къ срединѣ XX столѣтія насъ зачислятъ въ разрядъ старыхъ колпаковъ, идеалистовъ, а декадентскія потуги конца нынѣшняго вѣка выработаются въ связное стройное цѣлое—только какое?

Какъ далеко и въ какомъ направленіи новая школа пойдетъ? Какую боевую кличку она приметъ?..

Говорятъ, что слѣпой сказалъ: увидимъ! этимъ слѣпымъ будемъ мы—навѣрное не увидимъ!

В. Верещагинъ

И. К. Айвазовскій.

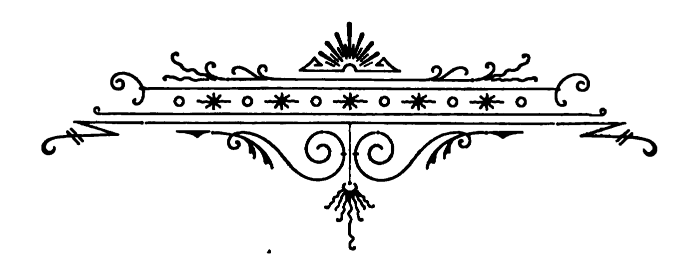
Рѣдкій изъ художниковъ столь долгій и славный жизненный путь, какъ маститый художникъ Иванъ Константиновичъ Айвазовскій 17-го іюля 1897 года ему исполнилось 80 лѣтъ отъ роду, а въ 1895 г. онъ праздновалъ 60-тилѣтіе своей художественной дѣятельности, ознаменовавъ его выставкою многочисленныхъ произведеній своей вѣчно-юной, неутомимой, не признающей бремени лѣтъ, кисти.—Съ 1847 г. И. К. признанъ профессоромъ Академіи художествъ, въ 1885 г., по случаю 50-тилѣтняго юбилея онъ получилъ Владиміра 2-й ст., а въ 1895 г. чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника.

По происхожденію И. К. крымскій армянинъ. Польское же окончаніе фа-

миліи объясняется тѣмъ, что родъ его принадлежалъ къ галиційскимъ армянамъ, переселившимся въ Европу послѣ разрушенія столицы Багратидовъ Ани. Родился И. К. въ гор. Ѳеодосіи и уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ поражалъ всѣхъ необыкновенными способностями къ живописи. Благодаря участію Ѳеодосійскаго городскаго головы Казначеева [1]), юный живописецъ получилъ возможность зарабатывать средства для своей нуждающейся семьи, а затѣмъ довершить свое художественное воспитаніе въ Академіи художествъ, гдѣ онъ былъ принятъ стипендіатомъ Николая I.

Начавшееся съ начала 30-хъ годовъ художественное творчество великаго мариниста безпрерывно продолжается доселѣ. Счетъ его произведеніямъ давно потерянъ. Безконечная, вѣчно-юная, вѣчно-подвижная стихія, дивная красота коей внушила эллинамъ, экспертамъ въ дѣлѣ красоты, сдѣлать ее колыбелью богини любви и красоты, — нашла въ неутомимомъ художникѣ своего талантливаго, вдохновеннаго истолкователя, почти не разлучнаго съ своей любимицею. Начиная отъ всемірнаго потопа и перехода евреевъ черезъ Чермное море и кончая открытіемъ Америки, осадою Севастополя и событіями послѣдней турецкой войны и турецкихъ звѣрствъ 1895—1896 гг., Айвазовскій исчерпалъ, можно сказать, всѣ сюжеты, гдѣ море и вода играетъ выдающуюся роль. — Извѣстность Айвазовскаго всемірная. Не говоря ужъ о многочисленныхъ иностранныхъ орденахъ, И. К. удостоился рѣдкой и столь цѣнимой художниками чести написать собственный портретъ для извѣстной международной коллекціи портретовъ лучшихъ художниковъ, находящейся во Флоренціи въ галлереѣ Уфичи и открывающейся собственноручнымъ портретомъ Рафаэля.

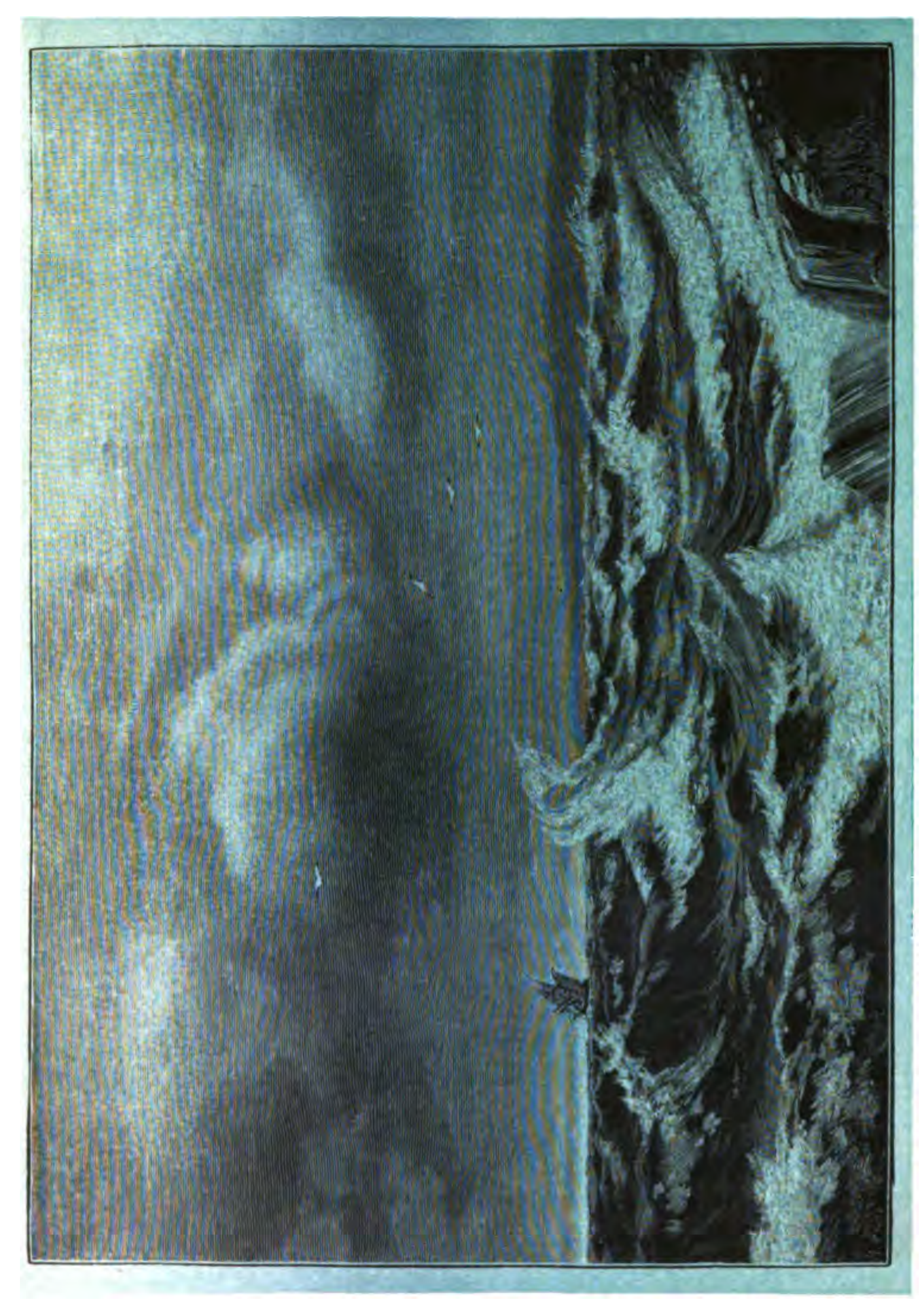
Для настоящаго сборника И. К. Айвазовскій прислалъ изъ Ниццы 4 рисунка: «Турки нагружаютъ армянъ на пароходъ», «Турки выгружаютъ армянъ въ Мраморное море» (см. отд. II), «Сошествіе Ноя съ Арарата» (см. выше), «Корабль на морѣ» [2]).



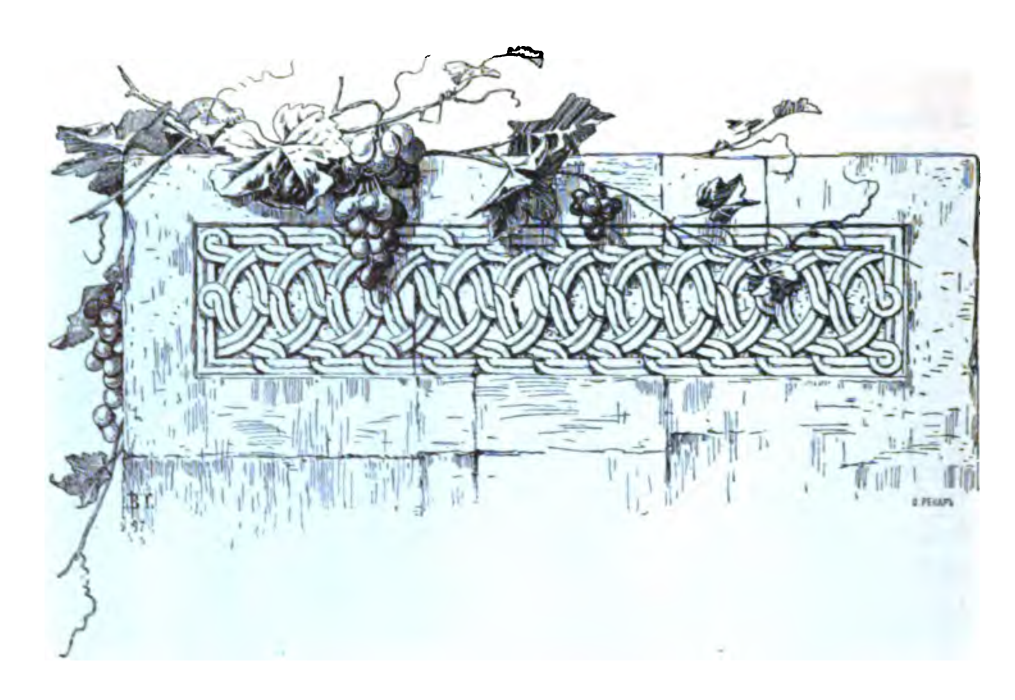
---

[1]) Признательный И. К. Айвазовскій построенный имъ на свой счетъ Ѳеодосійскій городской водопроводъ назвалъ именемъ своего благодѣтеля.

[2]) Съ любезнаго разрѣшенія маститаго художника воспроизводимъ бывшую на его послѣдней выставкѣ картину: „Избіеніе армянъ въ Трапезондѣ“ (см. введеніе).



Весенняя буря—съ карт. Магдесіана (школы Айвазовскаго).



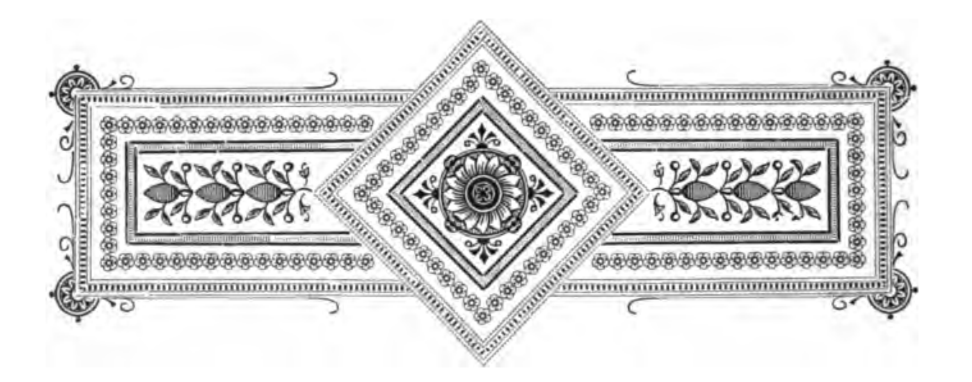
У моря.

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый другъ мой—море...
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю,
Что бороться болѣ
Силы нѣтъ; что я смирился
И позорно покорился
Безобразной долѣ.
Но когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ—

Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою—
Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За утрату силы
Ни предъ чѣмъ не преклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы!
Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное бремя,
И врагу съ отвагой твердой
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время.
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все впередъ быстрѣй летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Мощи и свободы!...

Петръ Вейнбергъ.

Александретская пристань (Киликія).



Фантазія на трагедію „Гамлетъ“.

... Ernst und stumm
In seinen Thoren jede Nacht
Geht die begrab'ne Freiheit um
Und winkt den Männern auf der Wacht.
Freiligrath. „Hamlet“.

I.

Среди суровой сѣверной природы Даніи раскинулось мѣстечко Эльзиноръ. Осенняя ночь застаетъ зрителя у стѣнъ королевскаго замка. Уже за полночь. Луны не видно, она скрыта облаками. Въ бѣлесоватомъ сумракѣ вырѣзываются очертанія башенъ стариннаго рыцарскаго замка. Вокругъ таинственная тишина. Лишь изрѣдка завываетъ въ бойницахъ вѣтеръ, шумятъ старыя ели, донесется тоскливый звонъ башеннаго колокола да слышится неугомонный ропотъ морскихъ волнъ...

Жутко стражѣ, оберегающей входы и выходы королевскаго замка. Вотъ уже которую ночь старый замокъ посѣщается страннымъ видѣніемъ. Безмолвно мелькаетъ оно по дворцовымъ переходамъ — блѣдное, грустное, — видимо, страдающее, точь въ точь какъ призраки старинныхъ преданій, предвѣщающіе годину бѣдствій. Невольно спрашиваешь себя: о чемъ страждетъ безпокойный призракъ? Для чего покидаетъ онъ свою нетлѣнную оболочку, чтобы, воплотившись на краткій срокъ, исчезнуть при первой попыткѣ уловить его? Найдетъ ли успокоеніе этотъ неземной грустно-блуждающій Духъ человѣческій въ земной обстановкѣ—въ странѣ потерь и скорби? Его ли мѣсто здѣсь?..

Такіе же, повидимому, вопросы задаютъ себѣ трое людей, проводящихъ ночь у воротъ эльзинорскаго замка: ученый педантъ—многоумный Гораціо—и двое стражниковъ—Бернардо и Марцелло, болѣе отважныхъ и простодушныхъ, чѣмъ ученыхъ, приведшихъ сюда Гораціо объяснить имъ необъяснимое.

Но Гамлетъ, ставши воочію лицомъ къ лицу съ тѣнью, называетъ ее именемъ «своего отца, властителя, героя, полубога»,—заклинаетъ говорить, не дать погибнуть въ незнаніи». Таково обращеніе пылкой души къ Духу, первоисточ-

нику ея существованія. Невѣдомая даль, куда зоветъ Духъ своего возлюбленнаго сына, заставляетъ его на мгновеніе колебаться, но это только—«слова, слова, слова»... И онъ идетъ за призракомъ получить отвѣтъ на вѣковѣчный вопросъ: что дѣлать?—what should we do?

Эта сцена передаетъ въ лицахъ исторію юношескаго разочарованія, а также исторію Духа (Ghost), обнаруживающаго любимому сыну тайну своей гибели и такимъ образомъ вводящаго его въ настоящую общечеловѣческую жизнь посредствомъ объясненія истиннаго смысла людскихъ отношеній. Идеалистъ ошеломленъ откровеніемъ. Недаромъ Гамлетъ, слѣдуя за призракомъ (spirit), вдругъ останавливается?

Куда ведешь ты? Стой. Я дальше не иду.

Онъ какъ бы предчувствуетъ утрату прежняго спокойствія и надвигающуюся борьбу.

Духъ не медлитъ призвать человѣка на служеніе себѣ: Mark me. — Онъ какъ бы хочетъ сказать: сосредоточь все вниманіе на мнѣ, забудь обо всемъ, предайся мнѣ...

— I will,—отвѣчаетъ Гамлетъ, и этому союзу, заключенному въ два слова, внимаютъ лишь пустынный берегъ моря, небо да скалы.

Такимъ образомъ въ завязкѣ трагедіи набросана картина развитія человѣческаго духа, уже съ первыхъ шаговъ самостоятельнаго мышленія пораженнаго несоотвѣтствіемъ идеала съ жизнью. Позорная дѣйствительность встала предъ просвѣтленнымъ взоромъ Гамлета, и онъ немедленно жаждетъ внести въ нее свѣтлыя начала.

— «О, проклятая ненависть (къ злодѣйству) за то, что я вынужденъ обосновать ее справедливостью (по неувѣренности въ злодѣйствѣ)!» — такова буквальная передача словъ, вложенныхъ Шекспиромъ въ уста героя, вооружающагося на борьбу съ людскимъ зломъ. Обосновать ненависть справедливостью— таковъ лозунгъ, съ которымъ Гамлетъ ринется въ эту борьбу.

II.

Взглядъ на Гамлета, какъ на героя только занимательнаго представленія, наиболѣе соотвѣтствовалъ безхитростному времени Шекспира, развѣ за небольшими исключеніями. Со временемъ возникъ вопросъ, нельзя ли извлечь нравственный смыслъ изъ художественной фабулы трагедіи, и вотъ заговорили о внутренней сторонѣ творчества Шекспира. Началась вѣчно-юная исторія пріуроченія Шекспира къ обстоятельствамъ вѣка и среды современныхъ тому комментатору, который брался толковать поэта. Всякій человѣкъ какого бы то ни было темперамента и общественнаго положенія найдетъ въ твореніяхъ генія именно то, что хочетъ, въ чемъ нуждается, все равно какъ въ Библіи, по выраженію Рюмелина. Противники такихъ пріемовъ находили, что нельзя переводить языкъ XVI в. по словарю XIX в., т.-е. иными словами, что значеніе и сила выраже-

нія словъ теряются съ теченіемъ времени. Хотя подобныя мнѣнія съ одной стороны исключаютъ, повидимому, всякую возможность толкованія Шекспира, зато съ другой — какъ бы признаютъ самый широкій произволъ въ пониманіи языка XVI в. по мѣркѣ вѣка XIX-го. Выборъ ясенъ: или вовсе отказаться отъ стремленія понять Шекспира, или понять его условно, навязывая ему культуру вашей современности, то, что, по словамъ Гёте, называется духомъ времени и что, въ сущности, не что иное, какъ *личное* ваше мнѣніе, въ которомъ духъ вѣка отраженъ. Но не такъ-то легко отказаться отъ своей личности. Да и нужно ли это?

Современная философія въ лицѣ Дюринга, Спенсера, Гюйо и друг. перестаетъ интересоваться исключительно метафизической стороной дѣла, стараясь уловить утилитарный смыслъ отвлеченнаго мышленія. Наше общество болѣе, чѣмъ всякое другое, ждетъ борца противъ себя же, спасителя отъ себя же самого, отъ своихъ слабостей и пороковъ; и у поэта оно ищетъ путей къ новому,—въ сущности, никогда не умирающему старому идеалу нравственности и красоты. Стоящіе на перепутьѣ между свѣтомъ и тьмой колеблются, какъ въ сказкѣ: пойти ли направо въ поиски за героемъ, избавляющимъ отъ гнетущаго состоянія потери идеаловъ, и найти тамъ, быть можетъ, гибель, или обратиться влѣво на призывъ темной ночи, еще глубже погрузиться въ чувственныхъ ощущеніяхъ и безконечно спать разнѣживающимъ животнымъ сномъ.

Въ такомъ настроеніи читатель берется за комментаріи къ трагедіи «Гамлетъ» и узнаетъ, что герой ея не что иное, какъ слабодушный мечтатель, почти неврастеникъ, растрачивающій жаръ своего сердца и дѣятельности на громкія фразы во вредъ его же собственному дѣлу. Но такой взглядъ вредилъ бы всего болѣе самому читателю, гипнотизируя его проповѣдью безволія и разврата риторики. И вотъ если прислушаться къ тѣмъ, кто смотритъ на Гамлета, обращая болѣе вниманія на альтруистическую сторону его характера, а не съ метафизической точки зрѣнія, то можно найти въ немъ и любвеобильное самоотверженіе аскета, и геройскій подвигъ рыцаря.

Не произошла ли та неясность и двойственность, которая бросается въ глаза каждому, сколько-нибудь внимательному, читателю «Гамлета», изъ-за несоотвѣтствія грубой оболочки возвышенному содержанію, скрытому въ трагедіи? Не сдѣлалъ ли Шекспиръ уступки вкусу современниковъ съ цѣлью провести типъ идеалиста, самъ по себѣ мало понятный толпѣ — «сброду клерковъ, лордовъ, мясниковъ» и т. д.? Осуществляя въ «Гамлетѣ» свою личную мечту, поэтъ, конечно, могъ желать сдѣлать ее въ то же время доступной пониманію массы. Желаніе его сбылось въ большей мѣрѣ, чѣмъ даже онъ ожидалъ. Толпа и до сихъ поръ очаровывается «Гамлетомъ», а множество толкователей употребляютъ всѣ усилія осмыслить это очарованіе толпы. Мечта поэта должна была обладать исключительнымъ интересомъ и могуществомъ, чтобы производить такое впечатлѣніе на разстояніи почти трехъ столѣтій. Невольно возникаетъ сомнѣніе, безусловно ли безгрѣшенъ общераспространенный взглядъ, такъ прочно, повидимому, установившійся на сущность любимой трагедіи Шекспира?

Если бы «Гамлетъ» представлялъ только анализъ слабой воли, подобно анализу ревности, какъ въ «Отелло», или честолюбія въ «Макбетѣ», мы могли бы

удивляться высказанному поэтомъ мастерству или приходить въ ужасъ отъ правдиваго изображенія разнузданной страсти, но никогда мы не ощутили бы того томящаго, почти мистическаго чувства, какое охватываетъ зрителя по мѣрѣ развитія драмы Датскаго принца.

Среди насъ большинство достаточно закалено для того, чтобы въ борьбѣ съ самимъ собою добиваться какихъ-либо результатовъ, хотя бы въ видѣ куска трудового хлѣба. Въ этомъ смыслѣ намъ можетъ быть даже чуждымъ этотъ гордый, праздный принцъ. Слѣдовательно, и картина страданій человѣка, отягощеннаго бездѣятельностью, еще не такъ близка нашему сердцу. Наоборотъ, что бы тамъ ни говорили, мало сочувствія возбудилъ бы къ себѣ нищій духомъ, на чьи слабыя плечи прихотью судьбы возложенъ богатырскій подвигъ: эта ничѣмъ не прикрытая язва слабодушія насъ попросту отталкиваетъ. Что до того, что Гамлетъ, по выраженію Гёте, «высоко-нравственное существо, которому недостаетъ только силы духа для совершенія своего дѣла», — вѣдь, такой недостатокъ есть именно *случайность*, а случайное не подлежитъ вѣдѣнію искусства, какъ все ненормальное, больное, не подчиняющееся здравымъ законамъ жизни.

Въ трагедіи, вообще, не дано разгадки поведенія Гамлета; однако, можно утверждать, что причины эти не во внѣшнихъ затрудненіяхъ. Это чувствуется само собою, помимо всякихъ доказательствъ. У Гамлета есть болѣе глубокія основанія, коренящіяся *внѣ* его темперамента. А если это такъ, то вопросъ о слабой волѣ или о несоотвѣтствіи силы духа съ громадностью предстоящаго дѣла устраняется самъ собою, потому что тогда пришлось бы говорить о трусости Гамлета, объ отсутствіи у него понятія долга и даже о бѣдности его умственныхъ и душевныхъ качествъ. Что же останавливаетъ его въ немедленномъ совершеніи мести, когда, по его словамъ, въ немъ для дѣла—

И сила есть, и средства, и желанье,—

когда онъ стоитъ головою выше своей среды?

Въ основу «Гамлета» положены самыя широкія задачи *реальной* жизни, разрѣшеніемъ которыхъ зритель всегда заинтересованъ несравненно болѣе, чѣмъ изображеніемъ, даже геніальнымъ, какой-либо отдѣльной, хотя бы самой возвышенной страсти. Анализъ нерѣшительности соединенъ въ «Гамлетѣ» съ чѣмъ-то такимъ нравственно прекраснымъ, что представляетъ эту слабую волю законною и *сильною*. И если позволительно каждому глядѣть на божій міръ собственными глазами, то мы зададимся вопросомъ, что *прежде всего* бросается въ глаза, если повнимательнѣе разсмотрѣть «Гамлета», исключая, конечно, внутреннія красоты или внѣшніе недостатки трагедіи?

Это не стремленіе героя къ мести, а тотъ горячій *протестъ* противъ среды, противъ окружающихъ, противъ самого себя, наконецъ, — дѣтища этой среды,— который выливается въ отповѣдяхъ и монологахъ Гамлета. А онъ можетъ быть способенъ на это — «высоконравственное существо, истинный принцъ, способный править государствомъ такъ, чтобы не было препятствій доброму гражданину оставаться добрымъ»—(Гете) и—еще добавимъ отъ себя— такъ, чтобы препятствовать злому дѣлать зло. Вотъ почему трагедія не привлекаетъ насъ съ точки зрѣнія борьбы Гамлета *только* съ собою, внѣ его боевого

отношенія къ окружающему обществу. Поэтому анализъ Гамлета можетъ интересовать только какъ *средство* къ анализу окружающей героя среды—и это тѣмъ болѣе, что настроеніе творчества Шекспира проникнуто дѣятельнымъ началомъ, здравымъ понятіемъ жизни, элементомъ борьбы, а не безсилія и хилости. По Аристотелю, «трагедія невозможна безъ дѣйствія, а безъ характеровъ она еще возможна». Но Гамлетъ удовлетворяетъ и тому и другому условію Аристотеля. Если борьба героя съ самимъ собою и съ окружающими составляетъ внѣшнее дѣйствіе трагедіи, то смыслъ этой борьбы объясняется исключительно свойствами характера Гамлета. А такъ какъ Гамлетъ въ борьбѣ руководится всецѣло указаніями совѣсти, и только одной *совѣсти*, то это ставитъ его на исключительную высоту, какъ идеально добросовѣстнаго дѣятеля, какъ типъ, почти идеалъ истинно-человѣческаго борца за истину и справедливость.

III.

...Итакъ, шпаги сверкаютъ. Литавры вторятъ пушкамъ,—

Король за здравіе Гамлета пьетъ
И въ кубокъ перлъ бросаетъ многоцѣнный.

Можно подумать, что при такой праздничной обстановкѣ совершается дѣло величайшей красоты, величайшаго милосердія... Да, вѣдь, оно такъ на самомъ дѣлѣ и есть, стоитъ только вспомнить смерть Гамлета. Уже получившій смертельную рану, подавленный послѣднимъ неожиданнымъ открытіемъ, онъ еще находитъ въ себѣ достаточно нравственной силы, чтобы въ трогательныхъ выраженіяхъ простить предательство Лаэрта... Съ какою радостью хватается король за остатокъ угасающей жизни:

— «Друзья, спасите! Я лишь только раненъ»,—умоляетъ онъ, вызывая смятеніе въ толпѣ придворной челяди. Нѣкоторые бросаются къ нему на помощь, другіе—обезоруживаютъ Гамлета; женщины сбиваются въ кучу, многія изъ нихъ въ страхѣ убѣгаютъ.

Такъ ли принимаетъ свой жребій Гамлетъ? Онъ преклоняется предъ смертью, какъ истинный философъ, желая видѣть во всемъ нѣчто законченное:

Гораціо, я умираю,
Могучій ядъ ужъ побѣдилъ мой духъ...

Даже передъ смертью слышится что то вродѣ отголоска чуткой совѣсти Гамлета, все же страдающаго отъ самосуда надъ Розенкранцемъ и Гильденстерномъ:

Вѣстей изъ Англіи я не услышу.

Гамлетъ какъ бы проситъ прощенія у тѣней казненныхъ по его винѣ Розенкранца и Гильденстерна, косвенно указывая, что онъ самъ искупаетъ свою вину смертью.—«Ты имъ разскажешь все»,—намекаетъ онъ и на народъ, которому слѣдуетъ объяснить истинную причину убійства Клавдія. Гамлетъ не тѣшится самообманомъ и только старается какъ бы плодотворнѣе была даже его кончина. Умирая онъ заботится о передачѣ престола достойному преемнику, но передавая

вѣнецъ Фортинбрасу, уроженцу суровой Норвегіи, онъ этимъ самымъ утверждаетъ смертный приговоръ надъ самобытностью разрушающейся Даніи.

... Здравствуй, племя младое, незнакомое!

Болѣе мужественное новое поколѣніе смѣняетъ поколѣніе умирающее; болѣе живучая культура смѣняетъ культуру, истощившую непосредственность силъ рефлексіею. Представители этихъ противоположныхъ эпохъ — Фортинбрасъ и Гамлетъ. Идеалисты, подобные Гамлету, служатъ духовными звеньями между двумя эпохами. Принадлежа всецѣло наступающей эпохѣ, они тѣмъ не менѣе гибнутъ искупительными жертвами эпохи прошедшей, создавшей и воспитавшей ихъ. Иначе, какой смыслъ въ смерти Гамлета? Онъ только что совершилъ дѣло давно ожидаемаго возмездія; онъ порѣшилъ съ своими сомнѣніями, возстановивъ свой идеалъ добра и чести. Тутъ ему только бы и жить,—

Онъ все величіе царя явилъ бы,
Когда бъ остался живъ.

Гамлетъ самъ говоритъ:

О, еслибъ время я имѣлъ,
Я разсказалъ бы вамъ...

Но все значеніе такого борца въ томъ именно и заключается, чтобы пасть въ борьбѣ. Этотъ законъ жизненнаго прогресса съ неумолимой логикой примѣняется особенно къ смѣльчакамъ, пытающимся противостать цѣлому обществу.

Даже такихъ филистеровъ, какъ Горацію, трогаетъ участь Гамлета. Горацію воодушевляется до того, что самъ жаждетъ сострадать ему... Онъ хочетъ отпить отъ отравленнаго сомнѣніями кубка Гамлета,—изъ «кубка пѣнящагося отвѣдать вѣчножизненной браги, свой скудный сосудъ согрѣть на мгновеніе творческою силою, все созидающею собою изъ себя». Но Гамлетъ не признаетъ за нимъ права на это. Кто, какъ не этотъ кабинетный труженикъ, повѣдаетъ міру о дѣлахъ Гамлета? Роль Горацію, какъ друга Гамлета, ясно опредѣлена. Онъ служитъ регуляторомъ уму Гамлета, какъ Лаэртъ—показателемъ его добросовѣстности. Гамлетъ прибѣгаетъ къ другу всякій разъ, лишь только нужна повѣрка мысли по фактическому матеріалу, разложенному по отдѣленіямъ мозга Горацію. Въ одномъ только принцъ не совѣтуется съ Горацію —это въ убійствѣ короля, совершонномъ по внутреннему убѣжденію совѣсти. Не хладнокровнаго нападенія изъ-за угла на молящагося и кающагося грѣшника ждала его совѣсть. Какое страшное и вмѣстѣ прекрасное зрѣлище представляетъ мститель, когда тутъ же, покончивъ счеты съ противникомъ и даже съ собственною жизнью, онъ бросается на короля, еще возбужденный поединкомъ, съ горящими глазами и прерывистымъ дыханіемъ!.. Дорогою цѣною оплачивается это короткое торжество. Входящій Фортинбрасъ застаетъ только тѣло Гамлета, распростертое у ногъ королевы.

Гамлетъ не изъ числа людей, забывающихъ свои сыновнія обязанности изъ увлеченія чувствомъ общественнаго долга. Наоборотъ, послѣднее обусловлено у него горячею любовью къ отцу и скорбью о матери. Гамлетъ падаетъ въ борьбѣ, но его пораженіе есть вмѣстѣ съ тѣмъ торжество не только великодушнаго сердца, но и торжество сыновней любви къ родителямъ.

Все миновало: слава, любовь, философія,—осталось одно только чувство къ матери, давшей когда то ему жизнь и теперь косвеннымъ образомъ отнимающей ее. Давно ли Гамлетъ, предчувствуя недоброе, порывался уѣхать въ Виттенбергъ и остался только по просьбѣ матери! Гамлетъ все забылъ и простилъ ей. Она все-таки ему мать, и въ душѣ еще живы незлобиво-младенческія чувства. Дѣтскія грезы всплыли наружу изъ-за суровыхъ дѣяній погибшаго бойца; лампада затеплилась въ душѣ умирающаго — и на мгновеніе озарила идеальный образъ матери—такой, какимъ онъ долженъ жить въ сердцѣ каждаго по дѣтскимъ воспоминаніямъ. Смертельно-раненый принцъ съ трудомъ подползаетъ къ тѣлу матери и, взглянувъ на нее въ послѣдній разъ, падаетъ мертвымъ у ея ногъ.

. . . . . . Спи мирно
Подъ свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ!
Громъ барабановъ ближе...

Наступила весна. Появились ранніе цвѣты Даніи, зазеленѣли долины, а жизнь полная расцвѣтшихъ силъ уже окончилась. Идеальные завѣты принца сходятъ со сцены подъ «свѣтлыхъ ангеловъ небесный хоръ», а новыя идеи овладѣваютъ полемъ жизненной битвы подъ звуки барабанной трескотни.

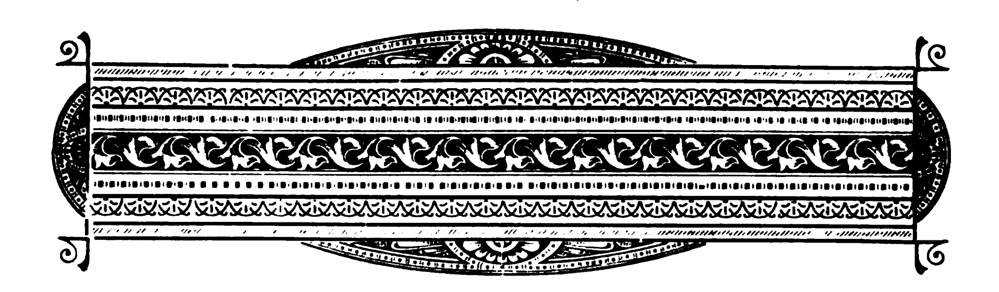
Подачею голоса въ пользу приближающагося Фортинбраса Гамлетъ какъ бы бросаетъ въ глаза обществу укоръ въ томъ, что оно не стоитъ такого руководителя, какъ Гамлетъ. По судьбѣ своей боецъ, онъ и умираетъ, какъ боецъ, въ свой смертный часъ подставляя обществу зеркало, которое не разъ подносилъ ему при жизни: страною будетъ править Фортинбрасъ—дѣятель въ мѣру разсуждающій, въ мѣру дѣйствующій; его подданными будутъ аккуратные Гораціо, безвредные философы-обыватели, которымъ безопасно и пріятно жить на бѣломъ свѣтѣ. Будущее Шекспиръ отдаетъ имъ.

Въ словахъ Гораціо надъ тѣломъ Гамлета—

Какой свѣтильникъ *разума* угасъ!
Какое *сердце* биться перестало!—

сопоставляющихъ «разумъ» и «сердце»,—вся краткая и вмѣстѣ съ тѣмъ полная характеристика Гамлета. И если въ передѣлкѣ Дюма и Мерисъ «Гамлетъ» заканчивается появленіемъ Духа-отца въ ту именно минуту, когда Гамлетъ закалываетъ короля, то можетъ быть въ самомъ дѣлѣ таково наицѣльнѣйшее заключеніе трагедіи,—этой исторіи смятеннаго Духа человѣческаго, представителемъ котораго на землѣ неоднократно будетъ его дѣтище Гамлетъ.

С. Махаловъ.



Трагикъ Адамьянъ.

Петросъ Адамьянъ († 3 іюня 1890 г.) родился въ гор. Требизондѣ въ бѣдной армянской семьѣ. Будучи одаренъ выдающимися природными способностями, онъ быстро усвоилъ, кромѣ родного армянскаго, турецкій, французскій, англійскій, итальянскій, греческій языки и отчасти русскій. Игралъ онъ на армянскомъ языкѣ и иногда на французскомъ. Первые дебюты Адамьяна были въ Константинополѣ, затѣмъ онъ объѣхалъ армянскія сцены на Кавказѣ. Гастроли его въ Петербургѣ и въ Москвѣ въ началѣ 80-хъ годовъ обратили въ свое время вниманіе печати и знатоковъ и любителей драматическаго искусства.

Адамьянъ выступалъ въ тѣхъ же роляхъ, что и Росси и Сальвини. Отелло въ воплощеніи Адамьяна могъ смѣло поспорить съ игрою Сальвини. Въ Гамлетѣ же онъ создавалъ такой изящный и симпатичный образъ героя-мученика нравственнаго долга, который все время держалъ въ напряженномъ состояніи вниманіе потрясенной публики. По отзыву знатоковъ и нашихъ артистовъ [1]), Адамьянъ вводилъ не одинъ новый штрихъ въ этотъ безконечный собирательный типъ всемірнаго репертуара вѣчно юнаго датскаго принца.

Въ брошюрѣ г. Габріэльяна приводится такой отзывъ Адамьяна объ этой неисчерпаемой роли: «меня поражаетъ печатное обиліе критической литературы о Гамлетѣ, а между тѣмъ весь *психологическій вопросъ* сосретоточенъ только на опредѣленіи общаго значенія—*о волѣ* и *безволіи?!*

По мнѣнію моему, *воля невмѣняема*, какъ блескъ ночной звѣзды, какъ лучъ румянаго разсвѣта. Воля не есть отвлеченное начало. Воля есть—*я*!

Молодой принцъ Гамлетъ неизмѣнно представляетъ полное совмѣщеніе этихъ сплетающихся и расплетающихся человѣческихъ *я*, имя которымъ *легіонъ*.

Гамлетъ:—онъ «человѣкъ» и онъ «идеалъ» и онъ *несовмѣстимость воли!*

---

[1]) Въ сборникѣ „*Призывъ*" напечатана довольно подробная біографія Адамьяна.

Гамлетъ—говорятъ—есть непроницаемая *двойственность и загадка?*

А вѣдь «двойственности» въ этомъ мірѣ совершенно нѣтъ, — горячился Адамьянъ: А нѣтъ потому, что духовное расчлененіе человѣка *на плоть* и на

П. Адамьянъ въ роли Гамлета.

гармоническую связь этой плоти съ одухотворяющимъ ее элементомъ, есть одно и тоже, что *человѣкъ и тѣнь его!*

При этомъ Адамьянъ декламировалъ: «*Я Царь, я рабъ, я червь, я Богъ!*»

Адамьянъ имѣлъ также талантъ къ живописи и особенно удавались его цвѣты и женскія головки и въ частности типъ Офеліи.

По отзыву армянскихъ критиковъ Адамьянъ создалъ новую школу въ ар-

мянской лирической поэзіи. Приводимъ изъ названной брошюры стихотвореніе Адамьяна, озаглавленное «*Къ моимъ пѣснямъ*»:

Улыбки, слезы, вдохновенье,
На жизненномъ моемъ пути,
Восторги, чувства, пѣснопѣнье—
Я васъ хранилъ въ моей груди...

* *
*

Я создалъ,—я,—для васъ темницу—
Лишилъ васъ солнечныхъ лучей;—
У рощъ похитилъ я пѣвицу,
Луну и звѣзды—у ночей...

* *
*

Теперь я васъ освобождаю,
Открывши вамъ у сердца дверь,
И съ вами мысленно взлетаю;—
Летите... „вольные!" теперь...

* *
*

Идите, дѣтки вы поэта,—
Его причудливой мечты,—
Идите вы на лоно свѣта,
На лоно „вѣчной красоты"...

* *
*

Идите къ небу и блаженству...
Въ тотъ міръ невѣдомый... иной...
Падите ницъ предъ совершенствомъ:
Предъ тѣмъ, кто создалъ міръ земной...

* *
*

Направьтесь къ людямъ... съ силой свѣта,—
Плѣняйте нѣжностью сердца,—
Что̀ наполняла грудь поэта:
Отъ колыбели... до конца!

Петросъ Адамьянъ.

Нѣсколько воспоминаній изъ жизни армянскаго трагика [1]).

„Каждый понимаетъ все по своему".
Кирхнеръ.

Въ 1879 году въ Тифлисскомъ театрѣ, во время антрепризы С. А. Пальма, кромѣ русской труппы, играли—армянская и грузинская. Въ армянской пользовались выдающимся успѣхомъ г-жи Астгикъ, Сирануш и Адамьянъ,—послѣдній сразу завоевалъ первенствующее положеніе въ труппѣ и сдѣлался любимцемъ публики всѣхъ національностей. Какъ артистъ онъ представлялъ очень интересное и рѣдкое сочетаніе двухъ особенностей: онъ соединилъ въ себѣ весьма крупное дарованіе, сильный темпераментъ и при этомъ не игралъ одними только нервами, а вносилъ много кабинетной работы и всесторонняго анализа въ созданіе образовъ классическаго репертуара. Очень характерно опредѣлилъ армянскаго трагика русскій комикъ В. Н. Андреевъ-Бурлакъ: «Этотъ небольшой по росту человѣкъ обладаетъ гигантскимъ талантомъ и кромѣ того онъ умудрился соединить нутро Мочалова и технику Шумскаго». Не мало содѣйствовалъ успѣху артиста его голосъ: мягкій, баритональнаго оттѣнка, въ высшей степени симпатичный и большаго регистра. Въ самое короткое время Адамьянъ сдѣлался любимцемъ и русской публики, которая стала охотно посѣщать не только спектакли классическаго репертуара, но и бытовыя армянскія пьесы. Дѣйствительно въ сильныхъ мѣстахъ роли артистъ входилъ въ положеніе изображаемаго лица, сильно увлекался самъ и, какъ волна увлекалъ за собою зрителя, который вмѣстѣ съ нимъ страдалъ и радовался. Разъ во время спектакля одна изъ русскихъ артистокъ свой восторгъ выразила на французскомъ языкѣ умышленно, зная, что русская рѣчь въ то время не совсѣмъ была ему понятна. «Merci, madame, je suis heureux de recevoir de telles louanges d'une artiste russe, mais vous ne devez pas vous étonner de m'avoir compris, quoique j'ai joué en armenien: la langue du coeur est internationale». Таковъ былъ любезный отвѣтъ великаго артиста. Вообще онъ былъ въ высшей степени деликатный, тактичный однимъ словомъ вполнѣ корректный человѣкъ.

---

[1]) Настоящая статья представляетъ собою отрывокъ изъ воспоминаній автора, носящихъ названіе: „Правда русскаго актера" *Прим. Ред.*

Изъ многихъ симпатичныхъ сторонъ Петра Іоронимовича (такъ звали Адамьяна) изъ обихода закулисной жизни позволимъ отмѣтить слѣдующее: его отношеніе къ второстепеннымъ актерамъ,—онъ въ нихъ видѣлъ людей, которые также любятъ то святое искусство, которому и онъ отдалъ свою жизнь, смотрѣлъ на нихъ, какъ на своихъ главныхъ помощниковъ. Очень часто послѣ репетиціи, когда исполнители главныхъ ролей уходили, онъ оставался со вторыми актерами проходилъ съ ними ихъ сцены, объяснялъ характеры ролей, давалъ тонъ и все это исполнялось просто, душевно, и при этомъ не забывалось самолюбіе каждаго. Какъ настоящая крупная величина, онъ не боялся такимъ отношеніемъ, ко второстепеннымъ актерамъ, уронить себя въ глазахъ артистовъ, занимающихъ амплуа [2]).

Было бы не справедливо пройти молчаніемъ его отношеніе къ богатымъ людямъ. Онъ держалъ себя съ ними съ полнымъ достоинствомъ игнорируя тѣ заискивающіе пріемы, къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые артисты.

Въ частной жизни, особенно въ дружеской компаніи, Петръ Іоренимовичъ являлся незамѣнимымъ собесѣдникомъ, проявляя много юмору и веселья. Какъ-то разъ въ Тифлисѣ, въ Муштаидѣ (садъ) сидѣла небольшая компанія съ дамами, тутъ же присутствовалъ любимецъ публики В. Н. Андреевъ-Бурлакъ, разсказывая свои неисчерпаемые анекдоты. Вдругъ видятъ проѣзжаетъ коляска, въ ней сидѣлъ Адамьянъ. Увидя своего любимца, сидящіе начали просить Адамьяна присоединиться къ нимъ, тотъ началъ отговариваться нездоровьемъ и сказалъ, что онъ не считаетъ себя вправѣ быть въ обществѣ дамъ, никто не понялъ такого отвѣта. Послѣ долгихъ препреканій, Андреевъ-Бурлакъ подбѣгаетъ къ коляскѣ и почти насильно заставляетъ сидящихъ въ ней помочь «извлечь» упрямца изъ экипажа. Каково же было удивленіе спутниковъ Адамьяна, когда они замѣтили, что тотъ навеселѣ, это тѣмъ болѣе показалось странно, что они пріѣхали послѣ скромнаго обѣда безъ участія тостовъ. Адамьянъ присоединился къ обществу сидящихъ, присутствующіе, особенно дамы, стали переглядываться, а мужья поняли, что поступили неосмотрительно; наступило неловкое молчаніе. Адамьянъ покачиваясь на стулѣ, обвелъ всю компанію мутнымъ взглядомъ, остановился на Андреевѣ-Бурлакѣ и покачавъ головою, спросилъ: «Корошо»? А?..

— Нѣтъ, не хорошо!—отвѣтилъ тотъ.—Можно позволить себѣ только послѣ спектакля.

— Pourquoi?—Aujourd'hui joue грузини.

— Все равно, кто ни joue армяне, грузины, русскіе, всѣ послѣ спектакля должны... т.-е. могутъ buver.

— Только après спектакль?.. жаль!

Замѣтя общее смущеніе, Адамьянъ проворно всталъ и обыкновеннымъ тономъ спросилъ:

— Что похоже? Такое быстрое отрезвленіе всѣхъ поразило. Оказалось, артистъ готовился къ роли Сюливана, въ пьесѣ «Любовь и предразсудокъ», гдѣ по ходу дѣйствія, герой пьесы притворяется пьянымъ.

Адамьянъ не былъ чуждъ странностей, такъ напримѣръ, онъ былъ увѣ-

---

[2]) Ср. „Историческій Вѣстникъ", декабрь 97 г. Воспоминаніе Лаврова о Живокини.

ренъ, что онъ изучитъ русскій языкъ настолько и освободится отъ акцента, что сыграетъ рядъ классическихъ ролей на русскомъ языкѣ. При нашемъ разставаніи онъ хотѣлъ сказать на чемъ онъ основываетъ полную возможность играть на русской сценѣ, хотѣлъ открыть какую-то тайну, но передумалъ и ограничился только словами „Я вамъ говорью, что я будетъ играйтъ на русской сценъ".

— Дай Богъ!—и мы съ нимъ разстались.

Слѣдующая наша встрѣча съ Адамьяномъ произошла въ 1894 году въ Петербургѣ.

— Здравствуйте! Какъ изволите поживать? Какъ я теперь говорю? Вѣдь, прежде я сказалъ бы говорью.

— Очень радъ! Совершенно правильно, очень радъ вашимъ успѣхамъ, но немножко замѣт...

— Замѣтенъ акцентъ?

— Нѣтъ, не акцентъ, а манера восточнаго говора.

— И все-таки я вамъ говорю, что я буду играть на русской сценѣ и теперь я вамъ скажу, на чемъ я основываю эту возможность. Давно, когда я служилъ въ труппѣ Вардовіана, я сказалъ своимъ товарищамъ армянамъ, что буду играть на французской сценѣ, конечно, всѣ сомнѣвались и говорили о несбыточности моихъ надеждъ, но я поѣхалъ въ Парижъ, поступилъ въ „Comedie Française", сначала почти на выходныя, потомъ на второстепенныя роли и вотъ ужъ я выступалъ много разъ съ французами въ качествѣ актера и чтеца.

Дѣйствительно такъ художественно передавать на чужомъ языкѣ, какъ передавалъ Адамьянъ „Стачку кузнецовъ" Франсуа Коппе, могъ человѣкъ съ большимъ талантомъ и очень хорошо владѣющій языкомъ.

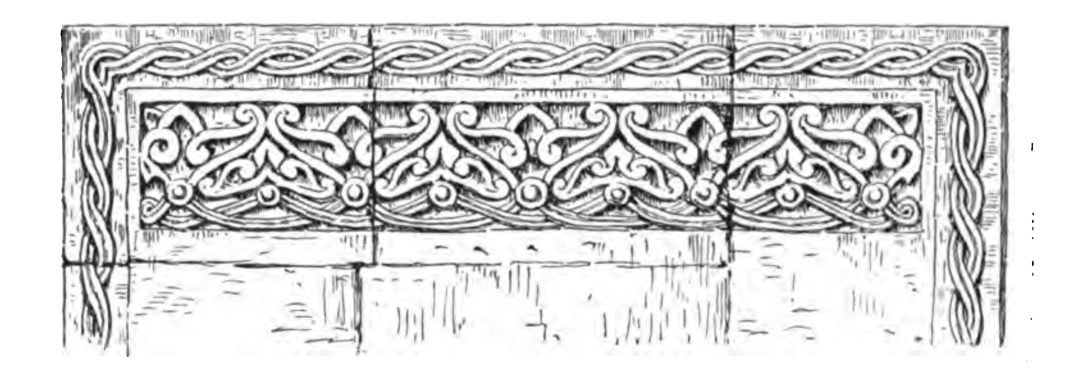
Въ Петербургѣ, въ Маломъ театрѣ, Адамьянъ выступилъ въ роли Гамлета, имѣлъ громадный успѣхъ. Спектакль посѣтилъ В. В. Самойловъ, ветеранъ русской сцены пошелъ самъ знакомиться за кулисы съ армянскимъ трагикомъ и 1-й высказалъ ему свой восторгъ. И петербурскую публику, своей вдохновенной игрою, Адамьянъ плѣнилъ и въ немъ признали большого артиста.

Въ 1888 году, въ Москвѣ снова мы встрѣчаемся съ Адамьяномъ. Тутъ онъ выступаетъ въ театрѣ Ліанозова и по обыкновенію имѣетъ громадный успѣхъ. Къ сожалѣнію эта встрѣча для насъ съ нимъ была послѣдняя.

Въ заключеніе мы скажемъ, что покойный трагикъ любя искусство не подраздѣлялъ на націи его представителей. Онъ помогалъ всѣмъ безъ различія національностямъ. Когда мы ему предложили вступить въ общество для пособія нуждающимся сценическимъ дѣятелямъ предупредивъ его, что иностраннымъ подданнымъ не выдается пособія, онъ тѣмъ не менѣе охотно вступилъ въ число членовъ сказавши при этомъ—„не знаю придется ли мнѣ когда нуждаться, но пока у меня есть возможность—я буду помогать, чѣмъ могу".

Бѣдный, бѣдный Петросъ!.. Онъ не зналъ, какъ ему прійдется нуждаться... Большое спасибо тѣмъ, которые хотя немного облегчили послѣднія минуты несомнѣнно большого таланта. А, вѣдь, есть возможность увѣковѣчить имя Адамьяна—стоитъ только въ Петербургѣ или въ Москвѣ устроить койку имени Адамьяна въ одномъ изъ убѣжищъ для артистовъ.

Гаринъ-Виндингъ.

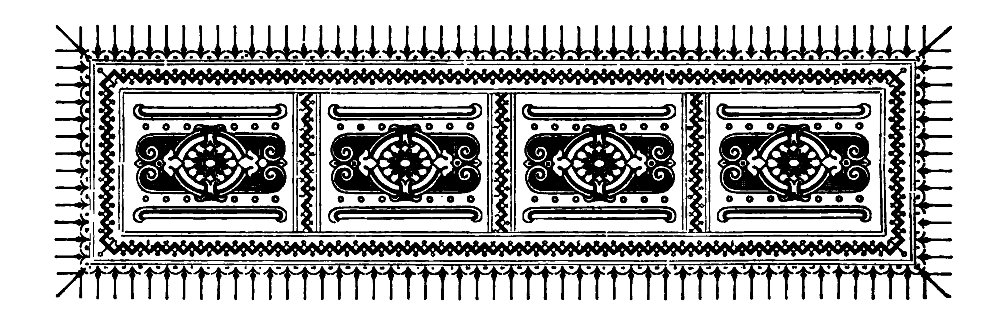


***

Когда вступаешь въ тѣ года,
Къ которымъ близокъ годъ послѣднiй,
И ужъ исчезли безъ слѣда
Всѣ пылкой молодости бредни;
И не даютъ уже отрадъ
Краснорѣчивые обманы,—
А между тѣмъ болятъ, болятъ
Въ еще живучемъ сердцѣ раны;
Когда погасли всѣ лучи
Надеждъ завѣтныхъ и, печаленъ,
Ты бродишь будто бы въ ночи
Межъ дорогихъ тебѣ развалинъ;
О, какъ стихаетъ гнетъ тоски
Среди измѣнъ, среди крушенья,
При видѣ—кознямъ вопреки—
Добру упорнаго служенья!
Двадцатилѣтнему труду
Развитья родины и знанья
Я въ сердцѣ горестномъ найду
Привѣтъ и свѣтлыя желанья.
Законность, правосудье, честь
И вольности святое пламя...
Вѣдь кто несетъ такое знамя,
Тотъ обреченъ и крестъ свой несетъ.

А. М. Жемчужниковъ.

1885 г.



Изъ моихъ воспоминаній.

У колыбели новорожденнаго земства.

На этотъ разъ мнѣ хочется вспомнить то далекое время, когда первые лучи восходящей культурной зари пронизывали вдоль и поперекъ только что проснувшуюся, освобожденную землю. То была весна нашего реформаціоннаго движенія со всею присущею этому времени года прелестью,—свѣжими молодыми всходами, живительнымъ воздухомъ, проходящими грозами и сулящими вёдро утрами, съ тою привольною атмосферой, гдѣ легко спорится тяжкая работа пахаря, гдѣ свободно дышетъ всякая надломленная грудь, гдѣ безъ лѣкарствъ и врачей исчезаютъ недуги, уступая одной только «*цѣлительной силѣ природы*». Далеко ушло это время—«медовые мѣсяцы» земства и суда. Вспоминая ихъ теперь, сопоставляя ихъ съ настоящимъ, переживаешь то ощущеніе, которое хорошо знакомо каждому, кому приходилось встрѣтиться съ пожилымъ уже другомъ своей юности послѣ долгой, долгой разлуки: Боже мой говорите вы себѣ, неужели этотъ преждевременный, молодящійся старецъ въ парикѣ, со вставными зубами и согбеннымъ станомъ—тотъ самый юноша, чей взоръ горѣлъ одушевленіемъ, чьи рѣчи «зажигали сердца?» Неужели тѣ пышные золотые кудри обрамляли когда-то этотъ изрытый морщинами хмурый лобъ? Неужели изъ этихъ тусклыхъ и остановившихся холодныхъ очей струились нѣкогда отвага и любовь?.. И вамъ хочется закрыть глаза,—бѣжать, скорѣе бѣжать отъ этого жалкаго старика и забыться въ прошломъ, «когда онъ былъ отрокомъ пылкимъ и нѣжнымъ», когда это нежданное разрушеніе казалось чѣмъ-то чудовищнымъ, невозможнымъ.

Первый сельскій избирательскій съѣздъ для выбора земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ пришлось мнѣ открыть въ прославленномъ отечественной войною селѣ Тарутинѣ. Путь лежалъ мимо обширнаго поля бывшей битвы, у начала котораго па высокомъ искусственномъ холмѣ возвышалась стройная колонна, а на ней чугунный орелъ, не казенный, съ гербами на груди и коронами на раздвоенной головѣ, а натуральный, какимъ создала его природа, съ могучими крыльями и гордымъ взглядомъ, въ позѣ, исполненной величія и простоты. Онъ какъ бы царилъ надо всѣмъ полемъ и готовился подняться въ небо.

И вотъ,—думалось невольно,—теперь, черезъ полвѣка, рядомъ съ этимъ историческимъ полемъ, опять собирается русская земская рать, но ополчается она не на иноземнаго «супостата», а на своихъ домашнихъ, исконныхъ враговъ—на вѣковую косность, вѣковое рабство передъ чужимъ распорядкомъ ея собственными дѣлами, на лихоимство правящихъ и безмолвіе управляемыхъ; не въ крови и желѣзѣ родится на этотъ разъ побѣда, а въ мирномъ гражданственномъ развитіи дарованнаго странѣ самоуправленія.

Съ этими мыслями встрѣтилъ я собравшійся около волостного правленія сходъ выборщиковъ. Подъѣзжая, я слышалъ гулъ голосовъ, видѣлъ оживленную жестикуляцію, но все это сразу оборвалось, какъ только я вышелъ изъ тарантаса. Времени терять было нельзя, надо было успѣть побывать и въ другихъ избирательныхъ пунктахъ участка, а потому я тотчасъ же приступилъ къ объясненію цѣли собранія и тѣхъ правъ, которыя предоставлены крестьянамъ новымъ закономъ—тогда еще тоненькою тетрадкой, теперь едва замѣтною и узнаваемою подъ грудою завалившихъ ее позднѣйшихъ новеллъ, циркуляровъ, разъясненій и усовершенствованій. Съ глубокимъ вниманіемъ выслушалъ меня сходъ. Это былъ уже не тотъ сходъ, съ которымъ мнѣ приходилось имѣть дѣла по надѣламъ, рекрутскимъ наборамъ и т. п. поводамъ при введеніи положеній 19 февраля 61 года. Нѣтъ, это былъ сходъ, уже дисциплинировавшійся, сдержанный, чутко отзывчивый. Окончивъ свое толкованіе, я предложилъ выборнымъ приступить къ избранію гласныхъ въ земское собраніе и ушелъ въ волостное правленіе. Когда мнѣ подали потомъ списокъ избранныхъ въ гласные отъ крестьянъ, я былъ удивленъ, встрѣтивъ во главѣ его свое имя. Я вышелъ къ сходу и опять повторилъ имъ, что въ земскомъ собраніи участвуютъ представители разныхъ сословій—купцы, землевладѣльцы, духовенство, горожане, что могутъ поэтому случаться столкновенія интересовъ, при чемъ каждый лишній голосъ представительной группы можетъ имѣть очень большое для ея интересовъ значеніе.

— «*Знаемъ и понимаемъ*,—отвѣчали мнѣ выборщики,—*и своего интереса мы не упустимъ, а просимъ васъ, какъ нашего бывшаго посредника, быть нашимъ руководителемъ и совѣтникомъ и теперь, въ новомъ еще для насъ и большомъ дѣлѣ; а потомъ, когда мы приглядимся къ нему, да попривыкнемъ, то выберемъ за мѣсто васъ своего человѣка*".

Такому разумному отвѣту нечего, конечно, было возражать, и я принялъ избраніе.

Я привожу этотъ фактъ и подчеркиваю эти слова въ своихъ воспоминаніяхъ, потому что они, вмѣстѣ съ тѣмъ, служатъ отвѣтомъ на обычные упреки, адресуемые нашему крестьянству, въ его затаенномъ недовѣріи къ интеллигентнымъ людямъ, въ его равнодушіи къ мірскому дѣлу, въ его готовности спасовать предъ всякимъ заправилой и поступаться своими законными полномочіями. Свойства эти существуютъ, конечно, въ громадной массѣ нашего крестьянства; но бываютъ моменты, моменты историческіе, когда свойства эти обезвреживаются, такъ сказать, въ атмосферѣ, насыщенной живительными началами. Такимъ моментомъ былъ въ данномъ случаѣ призывъ недавно еще безправаго и безгласнаго народа къ всесословному обсужденію и рѣшенію своихъ «нуждъ и пользъ». Этотъ подъемъ общественнаго духа держался долго въ первые года земства и

сталъ падать лишь съ той поры, когда предсѣдатель собранія началъ пользоваться своимъ новымъ полномочіемъ налагать veto на возбуждаемые вопросы и прекращать пренія о предметахъ, по его мнѣнію «не подлежащихъ», или «достаточно выясненныхъ», когда въ земство сталъ исподволь, «аки тать въ нощи», подкрадываться реставрированный бюрократизмъ, и когда разные проходимцы принялись развращать избирателей, чтобы затѣмъ, въ званіи гласнаго отъ крестьянъ, враждовать съ ихъ первѣйшими интересами. Съ той поры, какъ волки, сбѣгающіеся на запахъ падали, проявились въ земствѣ новые люди — ставленники измѣны, водки и грубаго насилія; тотъ типъ сельскаго избирателя, которымъ я любовался на тарутинскомъ сходѣ, почувствовалъ себя въ меньшинствѣ и, не желая толочь воду, удалился съ «совѣта нечестивыхъ».

Съ той поры на безоблачномъ недавно горизонтѣ новорожденнаго земства стали появляться тяжелыя тучи; поднялся откуда-то, съ противоположной стороны, вѣтеръ; онъ вылъ, «крѣпчалъ» и погналъ назадъ народившіяся вмѣстѣ съ реформами мечты и идеалы,—назадъ, вплоть до голода, холерныхъ бунтовъ и розги! Борьба за идею смѣнилась борьбой за существованіе. Я уже говорилъ въ своемъ мѣстѣ («Р. Архивъ», 92 г. Кн. 1) о быстрой смѣнѣ общественныхъ настроеній въ исторіи развитія крестьянской реформы; то же повторилось съ земской, то же повторяется и съ судебной... Великое, полное свѣтлѣйшихъ надеждъ, начало и скорбный, тусклый конецъ! Что это такое, — эти яркія и мимолетныя звѣзды, возникающія изъ мрака, чтобы сейчасъ же исчезнуть въ немъ? — Послѣднія ли это вспышки отходящей жизни въ умирающемъ организмѣ, или, наоборотъ,—первый радостный крикъ младенца, съ котораго сняли пеленки и вынесли на солнце? Чѣмъ дольше идетъ время, тѣмъ тревожнѣе становится этотъ вопросъ,—вѣдь этотъ трижды на моихъ глазахъ вспыхивавшій и трижды угасавшій разсвѣтъ озаряетъ далекіе, самые ранніе годы моихъ воспоминаній!..

Выборы по всѣмъ избирательнымъ группамъ были закончены, и въ помѣщеніи Дворянской Опеки собралось первое земское собраніе. Здѣсь въ первый разъ сошлись и сѣли за однимъ столомъ дворяне-землевладѣльцы, священники, крестьяне и горожане. Мои новые товарищи по избранію явились въ праздничныхъ кафтанахъ и съ праздничными физіономіями, стали въ сторонкѣ и сѣли только по приглашенію предсѣдателя. Они казались гостями, дворяне—хозяевами; но выглядѣли эти хозяева очень пасмурно, даже, пожалуй, какъ то враждебно: «непрошеные гости» представлялись имъ «хуже татарина». Какъ прошли и чѣмъ ознаменовались первые выборы въ составъ Управы, я не помню, хотя и былъ избранъ секретаремъ собранія. Но когда приступили къ дебатамъ по предметамъ новаго обложенія, то поднялись такія бурныя пренія, что я и до сихъ поръ, при всемъ своемъ желаніи, забыть ихъ не могу. Тутъ же образовалось, сплотилось и очень долго затѣмъ держалось большинство изъ крестьянъ и горожанъ, къ которому примкнули и два дворянскихъ голоса. Всѣ члены оппозиціоннаго меньшинства съ предсѣдателемъ «во главѣ» давно уже сошли не только съ земскаго, но и съ земного поприща, и по отношенію къ нимъ я могу быть столько же откровеннымъ, сколько и безпристрастнымъ.

Какъ сейчасъ вижу свирѣпую и могучую фигуру полковника, который лю-

билъ говорить, что «въ Россіи нѣтъ закона—иначе, онъ давно былъ бы въ Сибири», а рядомъ съ нимъ не менѣе представительнаго старца, незадолго передъ тѣмъ отказавшагося подписать уставную грамоту, сказавъ, что «не замараетъ своихъ рукъ такимъ дѣломъ», а теперь явившагося на собраніе и аккуратно посѣщавшаго всѣ засѣданія. Съ раздутыми ноздрями и шипящимъ голосомъ защищалъ онъ свои «прожекты», изъ которыхъ два были особенно замѣчательны,—одинъ объ освобожденіи отъ поземельнаго налога владѣльческихъ лѣсовъ, другой—о налогѣ на собакъ. Въ основу перваго полагалось соображеніе о томъ, что крестьяне по Положенію лѣсовъ въ свой надѣлъ не получили, почему вся тяжесть податнаго бремени должна будетъ лечь на дворянскія земли. Аргументація второго прожекта была еще своеобразнѣе: предлагался налогъ на собакъ, которому не подлежали, однако, охотничьи собаки—борзыя и гончія—въ виду того, что эти псы служили высшимъ потребностямъ—«благородной страсти къ охотѣ», стоили владѣльцу дорого, а дохода никакого не приносили; иное дѣло—дворняшки: они ничего не стоютъ, а караулятъ крестьянское добро... Подобная же аргументація была пущена въ ходъ при оборонѣ отъ обложенія усадебныхъ помѣщичьихъ строеній непромышленнаго типа. Въ школьномъ дѣлѣ, возбужденномъ *крестьянскими* гласными, дворяне, за исключеніемъ двухъ упомянутыхъ, примкнувшихъ къ нимъ гласныхъ, заявили горячій протестъ: школы де нужны лишь для того, чтобы плодить мошенниковъ; кто хочетъ ихъ разводить, тотъ пусть на нихъ «расходуется»; мы своихъ дѣтей учимъ на свой счетъ и тратиться на воспитаніе крестьянскихъ ребятъ не желаемъ.

И здѣсь, какъ и въ первые годы эмансипаціи, дворянство не могло понять своего положенія: оно проявило поразительное отсутствіе всякаго не только политическаго, но и общежитейскаго такта; вмѣсто того, чтобы сдержанностью и уваженіемъ къ чужимъ законнымъ интересамъ снискать себѣ расположеніе въ средѣ земскаго собранія и тѣмъ дать своимъ голосамъ надлежащій вѣсъ и значеніе, оно пошло на проломъ, видимо ища въ новомъ учрежденіи лишь возможности хотя частицу вернуть изъ того, что было утрачено при освобожденіи крѣпостныхъ. Все это продѣлывалось съ такою наивною и беззастѣнчивою прямолинейностью, съ такимъ очевиднымъ безсиліемъ, что, глядя на все это, становилось и жалко и смѣшно. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи меня особенно удивляло то, что крестьянскіе гласные вели себя съ замѣчательнымъ тактомъ—ни холопской развязности, ни рабскаго низкопоклонничества; даже тогда, когда горожане заливались смѣхомъ при чтеніи прожекта о податныхъ льготахъ для «благородныхъ» псовъ, крестьяне хранили глубочайшее молчаніе. Подобными выходками дворяне сразу оттолкнули отъ себя большинство собранія; а съ нимъ можно было легко и даже сердечно сговориться, и только двое изъ гласныхъ отъ дворянства оказались на высотѣ своего призванія, и мнѣ всегда отрадно вспомнить о нихъ.

На послѣдовавшихъ земскихъ собраніяхъ положеніе еще болѣе обострилось; въ самой партіи меньшинства образовался расколъ, члены ея съ шумомъ оставляли засѣданіе, еще не закрытое, и расходились по постоялымъ дворамъ; перестали кланяться другъ другу, а одинъ задорный старичокъ изъ отставныхъ военныхъ разъ вскипятился до того, что не только не принялъ протянутой ему руки

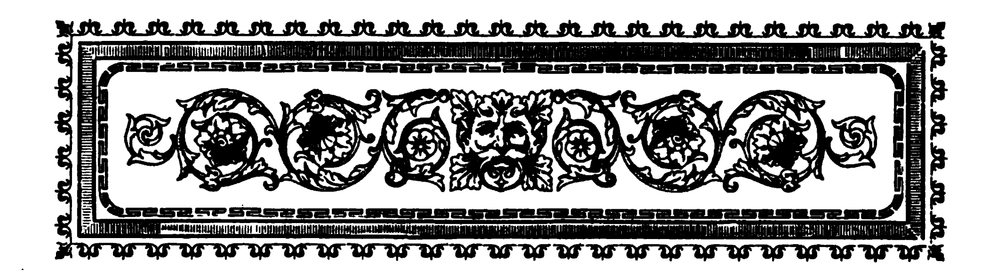
предводителя, предсѣдавшаго въ собраніи, но быстро обернулся къ нему спиной и задралъ ногу. Другой, еще болѣе радикальный представитель бѣгалъ по городу, объявляя всѣмъ встрѣчнымъ, что ищетъ меня, чтобы убить; городскіе гласные въ виду этого обстоятельства образовали вокругъ меня нѣчто въ родѣ охранительной эскорты. Воцарился неизобразимый хаосъ; гласные требовали составленія одинъ противъ другого «актовъ»; составленіе протоколовъ засѣданій становилось невозможнымъ и, чтобы положить конецъ этой анархіи, я отказался отъ исполненія обязанностей секретаря и уѣхалъ въ деревню. На другой же день явилась ко мнѣ депутація съ просьбой вернуться, такъ какъ выборъ новаго секретаря за отказомъ однихъ и за малограмотностью другихъ оказался невозможнымъ. Я поставилъ свои условія, состоялся компромиссъ и дѣло пошло тише.

Подобныя сцены совершались на глазахъ у всѣхъ; о какомъ-либо руководящемъ значеніи «первенствующаго сословія» не могло быть и рѣчи, и остается лишь удивляться тому самообладанію и достоинству, съ какимъ держали себя крестьянскіе гласные во всѣхъ этихъ перипетіяхъ.

Всѣхъ деталей я, конечно, припомнить теперь не могу; я излагаю лишь общее впечатлѣніе, основныя очертанія картины, до сихъ поръ исполненной для меня самаго отраднаго смысла. Въ ней, изъ далекаго прошлаго вижу я народъ, впервые ставшій гражданиномъ, впервые призванный къ новымъ и важнымъ обязанностямъ общественнаго всесословнаго самоуправленія, народъ ничѣмъ къ тому не подготовленный, враждебно встрѣченный товарищами по призванію, и, при всемъ томъ, народъ, не проявившій ни малѣйшихъ признаковъ общественнаго антагонизма, коспости, или отсталости, народъ, мѣтко и благородно голосовавшій за тѣ высшіе интересы, какіе имѣлъ въ виду новый, вводимый въ жизнь законъ. Въ ней я вижу этотъ законъ, краткій, точный и ясный, не загроможденный для исполнителей своихъ массою разъясненій, толкованій и поправокъ, законъ со всѣми задатками будущаго дальнѣйшаго, естественнаго развитія. Въ ней же, наконецъ, въ этой приснопамятной картинѣ, я вижу и окончательное крушеніе крѣпостнаго строя въ лицѣ тѣхъ, которые, благодаря только ему сохраняли свое «первенствующее» значеніе и съ его паденіемъ явили себя неспособными удержаться на прежней высотѣ, какъ только ея искусственный фундаментъ былъ вырванъ изъ подъ ногъ.

Тема моихъ дальнѣйшихъ воспоминаній въ этой области новоданнаго земскаго самоуправленія еще преждевременна по многимъ причинамъ. Быть можетъ, когда-нибудь, я и вернусь къ ней, если «Богъ вѣку продлитъ», на что, впрочемъ, надежда очень плохая,—обстоятельство, заставившее меня выпустить эту главу далеко не законченною, мимолетною, но ярко и вѣчно мнѣ свѣтящую, какъ и то чувство, которое оставила во мнѣ вспоминаемая въ ней эпоха. Я былъ свидѣтелемъ—очевидцемъ того, во что крѣпко вѣрую до сихъ поръ и что теперь съ такимъ самоубійственнымъ ожесточеніемъ оспаривается: я видѣлъ геній русскаго народа, подобно фениксу способный возрождаться изъ пепла, я видѣлъ его духовную, ничѣмъ и никогда неодолимую мощь, я слышалъ первыя его свободныя слова... Иди дѣло *такъ, какъ оно началось*, намъ пришлось бы, быть можетъ, пережить голодные годы, но ни холерныхъ бунтовъ, ни ликторовъ, ни отрезвленныхъ юнцовъ, мы не увидали бы никогда.

П. Обнинскій.



Изъ воспоминаній о Тургеневѣ.

Съ Тургеневымъ мнѣ пришлось встрѣтиться при нѣсколько исключительныхъ условіяхъ. Это было, кажется, въ началѣ 80 года, когда былъ основанъ «молодой» группой сотрудниковъ «Отеч. Записокъ» небольшой «артельный» журналъ «Русское Богатство». Помнится, молодая редакція рѣшила просить Тургенева, черезъ Г. И. Успенскаго, бывшаго въ то время за границей и видавшагося съ нимъ, прислать что-нибудь для новаго журнала. Тургеневъ, въ виду извѣстныхъ натянутыхъ отношеній между нимъ и «молодымъ поколѣніемъ», начавшихся еще съ «Отцовъ и Дѣтей» и не разсѣявшихся даже послѣ «Нови»,—былъ, говорятъ, особенно тронутъ этой просьбой. Онъ тотчасъ же передалъ въ редакцію, на первый разъ, небольшое стихотвореніе «Игра въ крикетъ въ Виндзорѣ» (въ журналѣ не напечатанное, по цензурнымъ условіямъ, какъ говорили, въ виду дипломатическихъ соображеній). Въ это же время Тургеневъ выразилъ желаніе ближе сойтись и познакомиться съ «молодымъ поколѣніемъ», на первый разъ въ лицѣ редакціи новаго журнала, и протянуть другъ другу руки въ знакъ «примиренія». Это «сліяніе» и должно было произойти въ первый же пріѣздъ Тургенева въ Петербургъ. Помню, о предстоящемъ свиданіи шли среди молодыхъ литераторовъ большіе разговоры: «ригористы» рѣшительно протестовали противъ такой «слабости», а тѣмъ болѣе противъ того, чтобы самимъ брать на себя инициативу этого свиданія. Споры обострились еще болѣе, когда стало извѣстнымъ, что Тургеневъ никакъ не можетъ самъ придти въ редакцію (или къ кому-либо изъ членовъ ея), такъ какъ вслѣдствіе подагры былъ не въ состояніи подниматься на верхніе этажи. Требовалось устроить подобающую обстановку свиданія. Рѣшено было воспользоваться гостепріимствомъ одного богатаго золотопромышленника. Для большинства соблазнъ побесѣдовать по душѣ съ «большимъ» писателемъ (а побесѣдовать въ то время было о чемъ) былъ настолько великъ, что оно не устояло и приняло эту комбинацію.

Въ назначенный часъ я, въ сопровожденіи товарища, двинулся на званый вечеръ въ салонъ г. Н. Признаться сказать, до такой степени большинство изъ насъ,—разночинскихъ литераторовъ,—было робко, дико, застѣнчиво, что одно только антре

салона привело насъ въ полное смущеніе, а когда мы вошли въ богатое большое зало, убранное тропическими растеніями, когда увидали впереди стоявшее отдѣльно кресло, а вокругъ него цѣлый рядъ стульевъ, уже на половину занятыхъ неизвѣстной намъ публикой, какъ будто ожидавшей выхода на эстраду знаменитаго пѣвца или музыканта,—мы смутились окончательно и сгрудились въ сторонкѣ около входной двери. Очевидно, насъ ожидало впереди вовсе не то, на что мы разсчитывали. Въ публикѣ говорили вполголоса, самъ хозяинъ постоянно подходилъ къ лѣстницѣ и смотрѣлъ внизъ, чтобы не пропустить моментъ пріѣзда гостя. Во всемъ чувствовалось что-то необыкновенно торжественное. Вдругъ зазвенѣли по всѣмъ комнатамъ электрическіе звонки. Хозяинъ сорвался съ мѣста и бросился къ лѣстницѣ, за нимъ поднялась хозяйка. Глаза всѣхъ напряженно обратились къ дверямъ. По лѣстницѣ поднималась величественная сѣдая фигура Тургенева. Джентльменъ съ головы до ногъ, безукоризненно одѣтый, изящный и любезный, съ свободно величавыми жестами, онъ, какъ истинный «король» литературы, широкими, твердыми шагами прошелъ къ приготовленному для него мѣсту. Публика заняла полукругъ стульевъ вокругъ него—и Тургеневъ, какъ воспитанный, общественный человѣкъ, давно привыкшій ко всевозможнымъ салонамъ, тотчасъ, кажется, понялъ свою роль. Пока публика терялась, не зная съ чего начать разговоръ,—онъ сразу взялъ все дѣло въ свои опытныя руки и началъ свободно, оживленно и остроумно разсказывать о своей заграничной жизни, о встрѣчахъ съ разными особами; затѣмъ, мимоходомъ упомянувъ о современныхъ русскихъ дѣлахъ, выразилъ сожалѣніе объ «обоюдныхъ крайностяхъ» и, наконецъ, какъ-то совершенно неуловимо перешелъ къ характеристикѣ «народа», который, по его мнѣнію, растетъ не по днямъ, а по часамъ, и мы не замѣтимъ, когда онъ будетъ совсѣмъ большой. Какъ иллюстрацію этой мысли, онъ безподобно передалъ два эпизода изъ своей деревенской жизни.

Въ первомъ онъ разсказалъ уморительную сцену встрѣчи важной особы.

Публика долго смѣялась, прежде чѣмъ Тургеневъ, съ губъ котораго не исчезала все время тонкая ироническая улыбка, перешелъ къ другому разсказу.—А вотъ это уже недавно было. Заѣхалъ я побывать въ свое старое имѣніе. Думаю, посмотрю, какъ-то тамъ, что осталось отъ стараго,—все-же была старая поэзія, воспоминанія...Признаться сказать,—холодно почувствовалось, сиротливо, неуютно... Да оно такъ и должно быть!... такъ и должно быть!... Велѣлъ это я старостѣ вынести на терассу самоваръ; сѣлъ одинъ, пью чай... Вотъ вижу—двигается неторопливо къ дому молодая деревня, все ближе и ближе Смотрю: пиджаки, сапоги съ наборами, глянцемъ такъ и прыщутъ, на головахъ картузы словно накрахмаленные натянуты,—идутъ, зернышки погрызываютъ, скорлупки на стороны побрасываютъ. Подошли, остановились не вдалекѣ отъ меня. Смотрятъ: глаза веселые, бодрые. Приподняли не торопясь надъ головами фуражки, опять не торопясь аккуратно надѣли.

— Ивану Сергѣичу-съ!—говорятъ.

— Здравствуйте, господа.

— Разгуляться, значитъ, къ намъ пріѣхали?

— Да.

— Соскучились по родной сторонѣ?...

— Соскучился.

— Поди, не весело теперь здѣсь?

— Вотъ посмотрю.

— Тэ-экъ—съ!...

Я не припомню хорошенько всѣхъ характерныхъ деталей разговора,—да и не въ этомъ собственно дѣло было, а въ томъ непередаваемомъ тонѣ, съ которымъ онъ велся и воспроизвести который могъ только такой неподражаемый разсказчикъ, какъ Тургеневъ. Онъ дѣйствительно былъ неподражаемъ. Я, конечно, и сотой доли не могу теперь передать тѣхъ тонкихъ чертъ, характерныхъ выраженій, неуловимыхъ деталей, съ которыми передавалъ оба разсказа Тургеневъ.

— Стоятъ, зернышки грызутъ, скорлупки на сторону побрасываютъ,—повторялъ Тургеневъ.—«Счастливо, говорятъ, оставаться Иванъ Сергѣевичъ!»

— Ну мыслимо ли было что-нибудь подобное двадцать лѣтъ назадъ!

Иванъ Сергѣевичъ иронически-добродушно улыбнулся, публика была въ восторгѣ. Присутствовавшіе тутъ нѣкоторые редакторы и издатели тотчасъ же набросились на Тургенева съ просьбами «непремѣнно», «обязательно» воплотить эти «чудныя вещи» въ перлъ созданія—и, конечно, вручить для напечатанія въ ихъ журналахъ.

— И, имѣя такой неистощимый запасъ творчества, вы, Иванъ Сергѣевичъ, такъ скупо насъ дарите своими произведеніями!—восклицали они:—это—просто грѣшно!..

— Э, господа,—сказалъ Тургеневъ,—вы насъ, писателей, плохо знаете. Разсказать что-нибудь забавное въ игривомъ тонѣ—это вовсе не такъ трудно, а воплотить этотъ же разсказъ въ художественномъ произведеніи—это большое дѣло!... Вотъ я вамъ сейчасъ разсказалъ два эпизода, вамъ понравилось,—а попробуй я ихъ сейчасъ же, придя домой, передать на бумагѣ,—я увѣренъ, что ничего не выйдетъ, даже строчки не напишу!...

Разговоры въ томъ же направленіи продолжались еще нѣсколько времени.

Наконецъ Тургеневъ громко поднялся: очевидно «сеансъ» былъ конченъ. За нимъ шумно поднялась публика,—и только теперь Тургеневъ, повидимому, вспомнилъ, что у него съ кѣмъ-то должно было произойти свиданіе «по-душѣ»,—однимъ словомъ, совсѣмъ не то, что вышло на самомъ дѣлѣ. Онъ сталъ искать кого-то глазами и наконецъ обратился съ какимъ-то вопросомъ, кажется, къ Гаршину или Успенскому, съ которыми былъ знакомъ раньше. Ему указали въ дальній уголъ, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ изъ «молодой» литературы. Проходя мимо къ выходу, онъ любезно и благожелательно пожалъ намъ руки, сказалъ каждому по нѣскольку лестныхъ словъ, давъ понять, что онъ слыхалъ уже нѣчто «о молодыхъ талантахъ»—и попрежнему торжественно удалился. Мы были рѣшительно огорчены всею этой торжественностью, которой никакъ не могли и предполагать.

Кажется, на другой или на третій день ко мнѣ приходитъ Г. И. Успенскій.

— Это чортъ знаетъ что вышло,—говоритъ онъ:—это совсѣмъ невозможно. Я слышалъ, что Тургеневъ самъ остался недоволенъ, что все такъ случилось. Поѣдемте сейчасъ къ нему, поговоримъ съ нимъ и, кстати, условимся на счетъ

новаго, уже настоящаго, свиданія у кого-нибудь изъ насъ. Только поѣдемъ пораньше, чтобы застать его на свободѣ, пока еще никто на него не налетѣлъ изъ поклонниковъ.

Мы поѣхали часовъ около 11. Тургеневъ остановился въ отелѣ на Морской. Онъ занималъ довольно большой и богатый номеръ. Мы застали его за чаемъ, свѣжаго и бодраго, уже изящно, хотя и по-домашнему, одѣтаго въ легкое длинное пальто. Онъ тотчасъ же разговорился съ нами очень весело и оживленно:

— Да, да,—говорилъ онъ: — мнѣ это было ужасно непріятно, что тогда собралось такъ много посторонняго народа... Но какъ же бы намъ это устроить получше, по-домашнему?

Успенскій предложилъ собраться у него какъ-нибудь вечеромъ, хотя при этомъ предупредилъ, что находитъ это въ одномъ отношеніи не совсѣмъ удобнымъ: его квартира на 3 этажѣ и для Тургенева будемъ можетъ быть совсѣмъ трудно взобраться туда. Но ничего нельзя было придумать лучше, такъ какъ ни у кого изъ насъ не оказалось квартиры ниже 3 этажа. Тургеневъ предупредительно завѣрилъ, что это для его ногъ—еще вовсе не такъ высоко и при помощи палки онъ легко взберется. Мы уговорились относительно дня и часа нашего новаго свиданія.

— Мы очень рады,—сказалъ Успенскій,—что, кажется, никто еще у васъ не былъ и мы застали васъ однихъ.

— Вы думаете?—засмѣялся Тургеневъ:—Напрасно. Только что передъ вами у меня была одна барынька, большая моя поклонница, и мы уже успѣли рѣшить съ нею не мало важныхъ литературныхъ вопросовъ, хотя бы, наприм., о томъ какъ теперь надо писать романы. Она сама писательница; мнѣ кажется, у нея есть талантъ... но она затрудняется, видите ли, на счетъ содержанія, и спрашиваетъ меня, что бы я ей посовѣтовалъ изобразить, на какой типъ обратить вниманіе, какая тема была бы интереснѣе... Довольно, знаете, затруднительно отвѣчать на такіе вопросы... Но мнѣ пришла въ голову счастливая мысль. Знаете, что бы я посовѣтовалъ, сударыня,—сказалъ я:—вмѣсто того, чтобы намъ, романистамъ, пыжиться и во что бы ни стало выдумывать «изъ себя» современныхъ героевъ, взять, знаете, просто, самымъ добросовѣстнымъ образомъ, біографію (а лучше, если найдется автобіографія) какой-нибудь выдающейся современной личности—и на этой канвѣ уже возводить свое художественное зданіе. Конечно, при условіи, что изъ этого не выйдетъ «личностей»..! Какъ вамъ кажется эта мысль? Я сказалъ ее барынькѣ вмѣсто шутки, а теперь мнѣ думается, что она можетъ имѣть за себя нѣкоторое серьезное основаніе.

Мы согласились съ нимъ и попросили его развить свою мысль.

— Да вѣдь это, дѣйствительно, вѣрно! Посмотрите сами,—развѣ наше время не представляетъ цѣлый десятокъ въ высшей степени оригинальныхъ и глубокихъ по своимъ психическимъ свойствамъ личностей?.. Да какая же беллетристическая «выдумка» можетъ сравниться съ этой *подлинной* жизненной правдой. Вотъ хотя бы взять недавно умершаго писателя Слѣпцова... Говорятъ, была преоригинальная личность... А другихъ, другихъ сколько,—не чета Слѣпцову.

Тургеневъ воодушевился; повидимому, его самого заинтересовала новая

мысль и мы могли ожидать продолженія очень интереснаго разговора,—какъ вдругъ звонокъ!

— Входите!—кричитъ И. С.

— Васъ ли мы видимъ, И. С., опять въ нашихъ мѣстахъ!—захлебываясь, залпомъ выпаливаетъ запыхавшійся поклонникъ, врываясь въ номеръ.

— Здравствуйте!.. Очень радъ васъ видѣть. Мы, кажется, видѣлись съ вами случайно въ Парижѣ?..

— Какъ же, какъ же!..

Но не успѣлъ еще гость высказать своихъ «пріятныхъ» воспоминаній о встрѣчѣ съ Ив. Серг., какъ уже—второй звонокъ.

— Мы ли васъ видимъ, Ив. Сергѣевичъ!..—кричитъ новый поклонникъ, неистово потрясая руки Тургенева и умиленными глазами впиваясь въ его лицо.

— Садитесь, садитесь!.. Очень радъ,—говоритъ Тургеневъ.

— Ну, значитъ, достаточно, — шепчетъ мнѣ Успенскій. — На нынѣшній разъ и того довольно, что успѣли переговорить... Теперь ужъ баста—*онъ* въ плѣну! Поѣдемъ.

Мы еще разъ напомнили Тургеневу о нашемъ уговорѣ и распрощались.

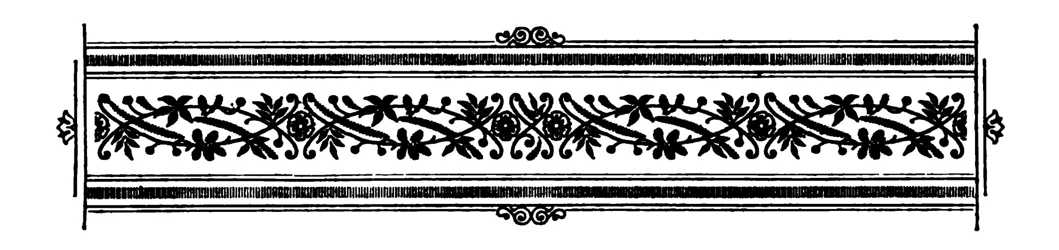
Въ назначенный вечеръ насъ собралось у Г. И. Успенскаго человѣкъ болѣе десяти, сгрудившись въ его маленькой зальцѣ, за обыкновеннымъ раздвижнымъ обѣденнымъ столомъ. Къ назначенному часу явился и И. С. Тургеневъ и появленіе это теперь совершилось уже безъ всякой торжественности. Это было пріятно, но увы! и теперь не произошло, кажется, того, чего такъ долго мы всѣ ждали, именно того «по душѣ», о чемъ мы сильно мечтали, т.-е. и мы, «новое поколѣніе», и онъ—маститый ветеранъ славнаго прошлаго. Не могу, конечно, отвѣчать за другихъ, присутствовавшихъ на этомъ вечерѣ, которые, можетъ быть, вынесли другое впечатлѣніе,—но я... я не былъ удовлетворенъ и мнѣ казалось, что не были удовлетворены ни самъ Тургеневъ, ни многіе другіе. Тургеневъ, быть можетъ, наивно думалъ, что мы вдругъ оживимся, заговоримъ, заволнуемся такъ же вольно, широко, беззавѣтно, какъ бывало это въ кружкахъ Станкевича и Бѣлинскаго, а его старческому сердцу оставалось бы только таять и млѣть и любовно-отечески радоваться на насъ,—а мы столь же наивно ждали, что вдругъ онъ развернетъ предъ нами свою душу, ту святую святыхъ, въ которой совершается великая тайна творческаго проникновенія, или по крайней мѣрѣ повѣдаетъ намъ свои тайные взгляды на ту новь, которую, какъ намъ думалось, онъ только чуточку еще затронулъ, робко, неувѣренно, даже иногда фальшиво. О, какъ далеко было это время отъ тѣхъ блаженныхъ временъ, когда могли вестись эти беззавѣтные, безконечные разговоры о «матеріяхъ важныхъ», когда юные пріятели могли писать другъ другу письма въ 10, 20 или болѣе печатныхъ страницъ, когда между ними царила такая же дружба, какъ между платонически влюбленными институтками. Многіе изъ насъ сидѣли по угламъ, замкнутые, сосредоточенные, изъ которыхъ каждое слово надо было тянуть клещами. И не потому, конечно, чтобы они ужъ такъ «холодны» были сравнительно со своими идеалистами-предшественниками и чтобы у нихъ вмѣсто «души» былъ паръ и чтобы они были «жестки и черствы», какъ-то думалъ когда-то о Добролюбовѣ самъ Тургеневъ, а потому... Впрочемъ, врядъ ли бы тогда кто-нибудь изъ нихъ,

а тѣмъ болѣе самъ Тургеневъ,—въ то время уже человѣкъ изъ далекаго міра грезъ и художеств. созерцаній,—могли понять и объяснить эти «почему». Но теперь, когда знаешь, какъ многіе изъ присутствовавшихъ уже тамъ были отмѣчены неумолимой страшной судьбой, когда вспомнишь Гаршина, Левитова (хотя его тамъ и не было, но были подобные ему)... самого... хозяина... все это сдѣлается такъ понятно, такъ естественно. Конечно, разговоры велись и больше всего опять-таки велъ ихъ самъ Тургеневъ, очевидно не любившій натянутыхъ положеній,—но не было, насколько мнѣ помнится, ничего захватывающаго, сильнаго, характернаго, хотя, конечно, было не мало интереснаго въ томъ смыслѣ, въ какомъ интересно всякое «слово» знаменитаго человѣка.

Между прочимъ Тургеневъ все разспрашивалъ о «новыхъ», «оригинальныхъ» людяхъ, о существованіи которыхъ онъ могъ догадываться, но видѣть и знать которыхъ не могъ. Ему, между прочимъ, тутъ же были указаны нѣкоторые «изъ кавказскихъ колонистовъ», прежняго еще, не «толстовскаго» типа. По поводу этой темы Тургеневъ говорилъ, что онъ самъ недоволенъ «Новью», что это онъ только намѣтилъ нѣкоторыя черты, которыя могъ прослѣдить по своимъ заграничнымъ знакомымъ, что онъ теперь очень занятъ мыслью глубоко изучить это явленіе и что у него уже теперь имѣется планъ изобразить русскаго «соціалиста», именно «русскаго», который не имѣетъ ничего въ главныхъ психическихъ основахъ общаго съ соціалистомъ западно-европейскимъ.

Все это, конечно, было очень интересно; но, къ сожалѣнію, вслѣдствіе головныхъ болей, какими я страдалъ въ то время, я не могъ высидѣть до конца бесѣды. Знаю, впрочемъ, что, повидимому, особенно выдающагося ничего не произошло. «Сліяніе» и «примиреніе» состоялись сами собою, насколько могли состояться, такъ какъ, прежде всего, въ нихъ и надобности не было: съ одной стороны, Тургеневъ вскорѣ же могъ убѣдиться изъ необыкновенно-шумныхъ оваций, которыми онъ былъ встрѣченъ на первомъ же публичномъ чтеніи, что между самымъ «новѣйшимъ» поколѣніемъ и имъ не существуетъ уже ничего изъ прежнихъ, отошедшихъ въ область преданій, недоразумѣній, съ другой—времена были настолько другія, что никому уже и въ голову не приходило поднимать старыя дрожжи.

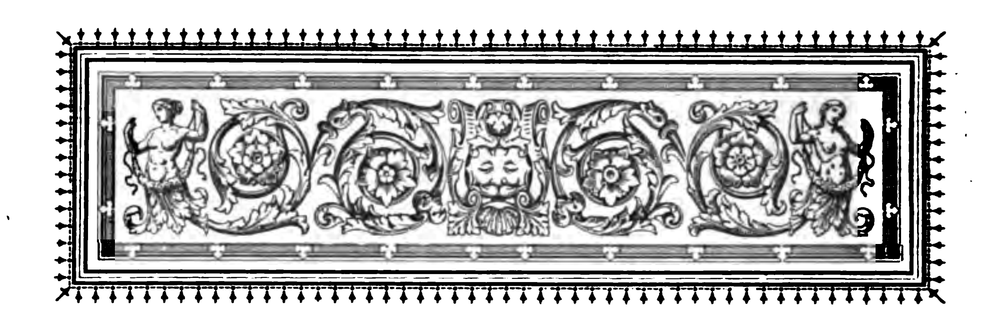
Н. Золотовратскій



Монологъ.

(изъ Ф. В. Черниговца).

Да будетъ проклятъ краткій мигъ,
Когда подъ тяжестью веригъ
И дрязгъ житейскихъ доли пошлой,
Изсякнетъ юности родникъ
И вдохновеній жизни прошлой!
Когда почувствуешь, что связь
Со всѣмъ, что прежде было свято—
Что духъ питало—безъ возврата,
Въ душѣ и въ сердцѣ порвалась!
Когда очнувшись отъ припадка
Эгоистическихъ заботъ,
Увидишь, какъ все стало шатко,
Въ чемъ былъ твой нравственный оплотъ;
Какъ выросла вражда—изъ братства;
Изъ правды—ложь, обманъ и лесть;
Взамѣнъ сочувствія—злорадство,
Взамѣнъ прощенья—гнѣвъ и месть;
Когда почуешь охлажденье
Къ тѣмъ идеаламъ и мечтамъ,
Которымъ прежде въ умиленьи
Молился ты, какъ божествамъ,
И видишь, какъ слова святыя
(Что встарь, какъ бурная стихія,
Рвались изъ сердца тайника)
Безстрастно сходятъ съ языка . . . . .
. . . .
Когда почувствуешь, что холодъ
Объялъ тебя и въ грудь проникъ,
Что сердцемъ больше ты не молодъ
Что и душой ты сталъ старикъ:
Да будетъ проклятъ этотъ мигъ!



Леонъ Буржуа о солидарности.

Въ тревожное время, нами переживаемое, когда выростаютъ международныя затрудненія, когда систематически избиваются христіане въ Турецкой имперіи, многимъ кажется странною защита гуманности и проповѣдь солидарности. А между тѣмъ въ такую-то эпоху особенно важно поддерживать бодрую вѣру въ конечное торжество справедливости и умѣрять этою вѣрою законное ожесточеніе противъ угнетателей. Я считаю поэтому умѣстнымъ указать на небольшую книжку знаменитаго государственнаго человѣка, бывшаго недавно французскимъ министромъ-президентомъ.

Только съ середины нынѣшняго вѣка,—замѣчаетъ Леонъ Буржуа,—слово *солидарность* вводится въ политическій словарь. Прудонъ и Бастія указали на явленія солидарности въ жизни общества. Въ *Словарѣ* Литре, въ 1877 году, нѣтъ еще достаточнаго опредѣленія солидарности.

Партіи обыкновенно отстаютъ отъ идей. Нужно довольно продолжительное время, чтобы политическая идея превратилась въ практическую формулу, съ которой выступаетъ партія. Въ настоящее время,—говоритъ Буржуа,—замѣчается стремленіе установить соглашеніе не между людьми, а между идеями, идетъ дѣло покуда не о договорѣ, а о синтезѣ. Между людьми есть необходимая связь, солидарность и изученіе причинъ, условій и предѣловъ этой солидарности только и можетъ установить права и обязанности членовъ общежитія. Такимъ образомъ общественные вопросы разрѣшаются научною методой и нравственною мыслью.

Въ мірѣ идетъ борьба интересовъ. Государство не можетъ безучастно глядѣть, какъ гибнутъ слабые. Оно, какъ носитель общественной справедливости, должно вмѣшиваться, чтобы возстанавливать равновѣсіе. Человѣческій разумъ, раскрывающій законы дѣйствія историческихъ силъ,—психическихъ и экономическихъ,—ведетъ къ нравственному управленію этими силами. Добро можетъ быть осуществлено только истиной, но истина для Буржуа имѣетъ цѣну лишь постольку, поскольку она осуществляетъ добро. Задача заключается въ реализаціи добра, т.-е. удовлетворенія нравственнаго чувства,—въ условіяхъ истины, т.-е. при одобреніи разума.

Естественныя науки даютъ намъ не одну борьбу за существованіе, но и солидарность органовъ и организмовъ. Безъ этой солидарности не могло бы

явиться живое существо, въ которомъ все есть въ одно и то же время и цѣль, и средство. Человѣка связываетъ съ другими людьми, одинъ народъ съ другимъ, и физическая и духовная солидарность. Жизни каждаго изъ насъ можетъ угрожать чума въ Индіи; геніальное произведеніе отразилось на духовномъ строѣ всѣхъ образованныхъ народовъ. Это отнюдь не поражаетъ индивидуальности. Наоборотъ, необходимо совмѣстное участіе индивидуумовъ въ общемъ дѣйствіи. Законъ раздѣленія физіологической работы есть координація индивидуальныхъ усилій, благодаря которой выигрываютъ и части, и цѣлое. Ассосіація творитъ,— замѣчаетъ Изуле (*Cité moderne*),—и общественная эволюція должна вести къ такому строю, когда каждый индивидуумъ будетъ имѣть свободу достигнуть высшей степени развитія и отдавать свою энергію на служеніе общему дѣлу. Цивилизація должна достигнуть такого состоянія, когда будутъ вполнѣ примирены мнимыя противоположности: развитіе индивидуальной жизни и развитіе жизни общественной (Фулье, *Science Sociale*).

Но какимъ образомъ на научной теоріи естественной солидарности установить практическое ученіе нравственной и общественной солидарности, обосновать точныя правила для правъ и обязанностей каждаго въ солидарномъ дѣйствованіи всѣхъ? Какъ опредѣлить, по естественнымъ границамъ существующей между людьми солидарности, нравственныя границы солидарности по праву, на что индивидуумъ долженъ согласиться и что отъ него по справедливости можетъ быть потребовано.

Фулье говоритъ, что нравственные законы, которые представляются индивидууму, суть общія условія существованія общества. Буржуа кажется это утвержденіе нѣсколько преувеличеннымъ, но и онъ говоритъ, что нравственныхъ законовъ нельзя искать внѣ общихъ условій жизни въ обществѣ. По выраженію Секретана, нравственное добро состоитъ въ томъ, чтобы чувствовать и мыслить себя членомъ въ человѣчествѣ; зло состоитъ въ желаніи изолироваться, отдѣлить себя отъ цѣлаго. Съ паденіемъ апріорнаго человѣка падаетъ и апріорное государство: оно—созданіе людей и поэтому не можетъ имѣть надъ ними верховенства. Законодательство должно практически осуществлять справедливое распредѣленіе въ обществѣ выгодъ и тягостей. Свобода физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія каждаго человѣка является основнымъ условіемъ общежитія. Вмѣстѣ съ тѣмъ каждый человѣкъ, получивъ отъ общества выгоды, естественно долженъ имѣть по отношенію къ нему и соотвѣтствующія обязанности.

Но какъ опредѣлить ихъ? Буржуа признаетъ практическую трудность разрѣшенія вопроса, но трудность эта не колеблетъ самаго закона. Разнообразныя неравенства между людьми имѣютъ второстепенное значеніе по сравненію съ тѣмъ, что у нихъ общаго, равнаго. Способомъ установленія между людьми въ государствѣ справедливыхъ отношеній все болѣе и болѣе становится договоръ. Личная свобода каждаго находитъ свои границы въ личной свободѣ другихъ.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы этими разсужденіями Буржуа устранялъ практическія затрудненія для осуществленія справедливости или даже указывалъ вполнѣ ясный путь для ихъ устраненія. Въ политическую программу его кабинета входило требованіе подоходнаго налога, но этого далеко недостаточно для

осуществленія разумной солидарности. За то нельзя и не привѣтствовать со стороны государственнаго человѣка признанія, какъ руководящаго значенія науки такъ и направляющей роли нравственной идеи. Выдвигать на первый планъ въ человѣчествѣ солидарность является также дѣломъ въ высокой степени важнымъ и симпатичнымъ. Теперь не подлежитъ уже сомнѣнію, что жестокости или несправедливости, оказанныя въ Малой Азіи или въ Африкѣ, такъ или иначе *отразятся повсюду* что для всѣхъ народовъ не проходитъ безслѣдно гдѣ-либо поруганное человѣческое достоинство, какъ пе безслѣдно проходитъ и каждое торжество справедливости и просвѣщенной мысли.

В. Тольцевъ.

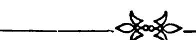
Изъ Александра Цатуріана.

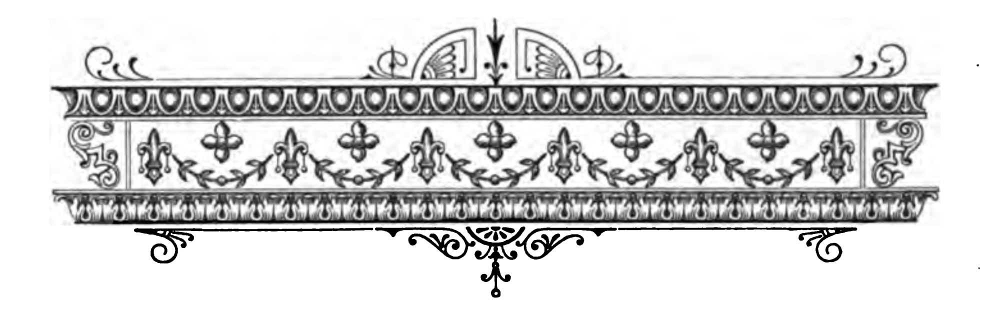
(съ армянскаго).

Не я пою.

Не я пою... Въ моихъ печальныхъ пѣснопѣньяхъ
Страдалецъ, злой судьбой безжалостно гонимъ,
Тоскуетъ предъ людьми,—и о своихъ мученьяхъ,
О ранахъ сердца онъ разсказываетъ имъ.
Не я пою... Стиховъ страдальческіе звуки,
Мой братъ тоскующій, измученный поетъ;
Въ нихъ вздохи слышатся многовѣковой муки,—
То о судьбѣ своей рыдаетъ мой народъ!
Не я пою... Въ стихахъ—печаль и горе міра;
Скорбятъ невинныя, святыя жертвы зла...
Приноситъ жалобы страдальческая лира
Правдивымъ небесамъ на темныя дѣла!...

Л. Уманецъ.





Г. Сигма о націонализмѣ [1]).

I.

Мыслить общими понятіями, говорить общими фразами гораздо проще, чѣмъ мыслить конкретными образами и собственнымъ опытомъ создавать понятія.

Возьму понятіе: «мы, русскіе, нашъ русскій народъ». Установлены ли характерные признаки этого понятія, провѣрена ли основательность тѣхъ эпитетовъ, которые мы считаемъ характерными для этихъ понятій и которые сдѣлались ихъ постоянными эпитетами? Мы говоримъ: «нашъ добрый народъ, православный, многострадальный, сметливый, честный, могучій, или же грубый, дикій, пьяный». Въ деревнѣ говорятъ иногда: «народъ у насъ воръ, народъ у насъ слабый, пропойный». Подумали ли мы, что такое русскій народъ и какія у него дѣйствительныя качества, а какія выдуманы поставщиками ходячихъ понятій?

Недавно, какихъ-нибудь десять лѣтъ тому назадъ, была пущена въ обращеніе новая формула: «Россія для русскихъ». Формулу эту сначала выражали робко, потомъ все громче и громче, называя ее пробужденіемъ русскаго самосознанія. Дѣйствительно, для кого же и быть Россіи, какъ не для русскихъ? Это понятно само собой. Но въ этой формулѣ, заимствованной у американца Монрое, какъ бы случайно отпалъ конецъ: «для русскихъ гражданъ, для русскихъ подданныхъ». Понятіе «американецъ» не племенное, а *государственное*. Если многіе ирландцы, нѣмцы, шведы, славяне, итальянцы обращаются во второмъ поколѣніи въ янки, то это не отъ того, что янки употребляютъ къ этому какія-нибудь усилія, а потому, что янки культурнѣе, образованнѣе, энергичнѣе ирландца, итальянца или славянина. Кто виноватъ, что языкъ русскихъ галичанъ, живущихъ въ Пенсильваніи, объамериканивается? Зачѣмъ они взяли у американцевъ «байсикэль, шторъ, бѣзнесъ, майнеръ, стрейкъ», когда они могли бы взять изъ единокровнаго русскаго языка, гораздо болѣе культурнаго, чѣмъ ихъ языкъ, равно-

---

[1]) Г. Сигма (С. Н. Сыромятниковъ) намѣревался самъ обработать для настоящаго сборника свои статьи о націонализмѣ, появлявшіяся въ петербургскихъ газетахъ. Отъѣздъ на дальній Востокъ помѣшалъ ему исполнить свое намѣреніе, и мы приводимъ въ извлеченіи статьи его, печатавшіяся въ *Новомъ Времени*.

Ред.

значущія слова: «самокатъ, складъ, заработокъ, рудокопъ, стачка». Ясно, что янки не требовали этого, а звѣздный флагъ защищаетъ одинаково американскаго подданнаго, все равно, русскій онъ, ирландецъ или потомокъ первыхъ англійскихъ насельниковъ.

Но можетъ быть дѣйствительно въ вышеприведенной формулѣ «Россія для русскихъ» подъ словомъ «русскій» надо понимать великорусса, ярославца, москвича, тверяка, и заботиться главнымъ образомъ о процвѣтаніи и экономическомъ развитіи великоруссовъ, которые создали Россію. Я ничего бы не имѣлъ противъ, если бы было обращено особое вниманіе на экономическій подъемъ «акающихъ» великоруссовъ за ихъ заслуги передъ Россіей. Если поддерживать искусственно русское дворянство очень пестраго племенного состава, то отчего не поддержать самый народный цементъ земли русской, который объединяетъ, склеиваетъ и проникаетъ собою разноплеменныя части имперіи, но вѣдь объ этомъ никто не говоритъ. У насъ, по счастью, нѣтъ племенныхъ патриціевъ, наше патриціанство — служилое, ничего общаго не имѣющее съ національнымъ принципомъ. Формула «Россія для русскихъ» не требуетъ чего-нибудь положительнаго, она покамѣстъ ограничивается отрицательными, запретительными вожделѣніями.

Отъ эпохи славянофильскаго романтизма у насъ осталась другая формула, созданная Тютчевымъ и разработанная Достоевскимъ: «удрученный ношей крестной, всю тебя, земля родная, въ рабскомъ видѣ, Царь небесный исходилъ благословляя». Она соотвѣтствуетъ постоянному эпитету «православный», прилагаемому къ русскому народу. Но благословилъ ли Царь небесный раскольничье село или нѣмецкую колонію? Разумѣется, да, хотя эти села и не православныя. Онъ благословилъ бы и еврея Гильфердинга и нѣмца Оскара (Ореста) Миллера, которые положили свою душу за своихъ русскихъ друзей.

Эти соображенія вызываютъ необходимость подвергнуть обслѣдованію само понятіе «русскій». Что значитъ это слово? Имѣетъ ли оно племенное, религіозное, государственное или географическое значеніе? Если русскій—понятіе этнографическое, то чисто русскихъ очень немного, большинство великоруссовъ окажутся финно-татарами. Если русскій—равнозначуще слову православный, то что дѣлать съ раскольниками и сектантами. Будетъ ли и для нихъ Россія или не будетъ? Раскольники Витебской и Ковенской губерній оказали значительную помощь русскому дѣлу во время польскаго возстанія. Русскіе скопцы оказали большія услуги русскимъ войскамъ въ Румыніи, они даже охраняли государя Александра II отъ международныхъ террористовъ, которые собирались сдѣлать покушеніе кажется около Плоештъ. Кавказскіе духоборы обезпечили успѣхъ дѣйствій нашихъ войскъ въ Азіатской Турціи, подвозя военные припасы, служа проводниками, доставляя разныя свѣдѣнія. Значитъ—русскій и православный не одно и то же. Можно быть не православнымъ и быть русскимъ по праву, по чести и по совѣсти. Всѣ эти соображенія приводятъ къ тому, что слово «русскій» выражаетъ понятіе государственное, которымъ обозначается господствующее населеніе имперіи, употребляющее одинъ государственный языкъ, управляемое одними законами.

Въ понятіе государства, кромѣ понятій территоріи и народа, входитъ еще одно понятіе, по-моему, имѣющее преимущественное значеніе—это понятіе общей исторіи. Какъ бы мы ни развивали наше мышленіе и наше воображеніе, глав-

ное значенiе въ человѣкѣ имѣетъ его характеръ, т.-е. сумма личнаго опыта. Характеръ есть исторiя человѣка, написанная на страницахъ его души. Видѣнное, слышанное, передуманное, перечувствованное — все отражается на человѣкѣ и образуетъ его характеръ. Все пережитое, передуманное, перечувствованное народомъ составляетъ его исторiя. Для составленiя государства мало имѣть кусокъ земли и толпу народа, хотя бы говорящаго на одномъ языкѣ и исповѣдующаго одно вѣроученiе,—надо имѣть еще и общую исторiю, общiя радости, общiя печали, сознанiе своей зависимости другъ отъ друга, своего общенароднаго блага.

Наши великiе государственные люди — Петръ I и Екатерина II, понявъ умомъ, а скорѣе чувствомъ потребности нашего государства, начертали рамки его распространенiю. Линiя отъ Мурмана до Варшавы, отъ Варшавы до Царяграда, отъ Царяграда до Восточнаго океана проведена не фантазеромъ политической географiи, а самими потребностями русской равнины и ея равниннаго подвижного населенiя. Многiя земльцы отысканы, заняты, подведены подъ одну высокую руку и отселѣ начинается ихъ русская исторiя. Они наши окраины, а не мы ихъ окраины. Вотъ тотъ основный принципъ, который выработала наша общая исторiя. Кто бы они ни были,—поляки, сарты, камчадалы,—они привязаны къ Москвѣ и должны къ ней тянуть своею государственною жизнью, потому что такъ сложилась ихъ исторiя. Но въ мѣрѣ сцѣпленiя этихъ разнородныхъ племенъ съ Великороссiей, въ количествѣ усилiй, расходуемыхъ на это сцѣпленiе, кроется наше государственное здоровье.

Исходя изъ этихъ элементарныхъ соображенiй, мы можемъ вывести характерныя черты понятiя «русскiй». Это человѣкъ, задавшiйся цѣлью насадить культуру въ восточной половинѣ Европы, культуру, которая соотвѣтствуетъ климату, солнцу, характеру жителей. Онъ вѣритъ въ лучшее будущее своей страны, вѣритъ, что она будетъ со временемъ населена ангелами, что и на нее сойдетъ благоволенiе. Этой цѣли—созданiя равнинной культуры—онъ можетъ достигнуть, впитавъ въ себя лучшiе элементы культуры своихъ сосѣдей и своихъ инородныхъ согражданъ. Для его великаго дѣла будетъ служить и полякъ, и финляндецъ, и грузинъ, и бурятъ. Руководствуясь такими задачами, онъ не будетъ относиться къ покореннымъ народамъ такъ, какъ относится англичанинъ, который считаетъ не англо-сакса неспособнымъ къ воспрiятiю его культуры, потому что его культура пригодна только для сильныхъ и мудрыхъ, потому что между нимъ и индусомъ такая же разница, какъ между чистокровною лошадью и крестьянской клячей. Между нами и татарами нѣтъ той разницы и многiе татары водили къ побѣдамъ русскiя войска. У насъ въ Сибири бурятъ издаетъ на русскомъ языкѣ газету. Должны ли мы отказать буряту въ сочувствiи къ его работѣ только потому, что онъ не русскiй. Не разумнѣе ли брать отъ всѣхъ входящихъ въ составъ имперiи инородцевъ то, что у нихъ есть хорошаго. Правда, что для этого ихъ сначала надо *узнать*, а узнавать мы не любимъ, предпочитая поклониться собственному уму и самобытнымъ добродѣтелямъ, но вѣдь я говорю о здоровомъ, энергичномъ русскомъ, а совсѣмъ не объ экземплярахъ недоразвитiя или выраженiя. Далѣе этотъ русскiй долженъ облегчать задачу своего правительства. Существуетъ мнѣнiе, и оно раздѣляется очень многими, что всему помѣхой служатъ чиновники. Чиновники испортили земство, уничто-

жили мировыхъ судей, придумали земскихъ начальниковъ и т. д., и т. д. Я не защитникъ принципа бюрократіи и съ большею охотой сидѣлъ бы въ англійскомъ board'ѣ, чѣмъ въ русскомъ приказѣ, но нахожу, что мы сами во многомъ испортили свое положеніе, начавъ въ реформированныхъ учрежденіяхъ производить дореформенныя дѣйствія или сразу дѣлать оппозицію, дѣтскую, обусловленную часто личными отношеніями. Бюрократію усилило затѣмъ помѣстное дворянство, бѣжавъ изъ помѣстій. А, главное, бюрократія взяла работой. Между петербургскими чиновниками есть такіе работники, о которыхъ не имѣетъ понятія провинція, работающая съ прохладцей, а то и совсѣмъ ничего не дѣлающая.

Составъ нашихъ чиновниковъ черезъ какихъ-нибудь двадцать лѣтъ измѣнится до неузнаваемости, и тогда, навѣрное, пропадетъ ихъ идеофобія. Идеи, какъ газы, опасны только тогда, когда ихъ сжимаютъ, а не тогда, когда онѣ расходятся. И потомъ, ихъ можно только задержать, но не уничтожить.

Отсутствіе государственныхъ идей у нашего общества и дѣлаетъ его воспріимчивымъ къ ходячимъ формуламъ, какъ бы онѣ ни были лживы и нелѣпы. Формулы эти черпаются изъ старыхъ книжекъ, а всего болѣе изъ старыхъ газетныхъ листовъ, исписанныхъ доморощенными политиками и философами. Невольно припоминаешь, слушая политическую мудрость нашихъ гостиныхъ, переписку Курбскаго съ Грознымъ. «Почто царю,—спрашиваетъ Курбскій,—сильныхъ во Израили побилъ еси, и воеводъ отъ Бога данныхъ ти, различнымъ смертямъ предалъ еси... и на доброхотныхъ твоихъ и душу за тя полагающихъ неслыханныя мученія и гоненія и смерти умыслилъ еси, измѣнами и чародѣйствы и иными неподобными оболгающи православныхъ, и тщася со усердіемъ свѣтъ во тьму прелагати и сладкое горько прозывати?» «Аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ меня, строптиваго владыки, страдать и вѣнецъ жизни наслѣдити?», отвѣчалъ Іоаннъ. Отвѣтъ до такой степени неожиданный, что Курбскій назвалъ его «воистину яко бы неистовыхъ бабъ басни».

Басни неистовыхъ бабъ царствуютъ до нынѣ въ нашемъ обществѣ. Одинъ публицистъ пишетъ такія наставленія земскимъ начальникамъ, будто они ѣдутъ управлять непріятельской страной, еще не вполнѣ завоеванной. И всячески толкая на насиліе надъ сельскими жителями, въ то же время справедливо ратуетъ противъ насилія въ религіозныхъ вопросахъ. Другой публицистъ проповѣдуетъ непротивленіе злу и лѣченіе зла добромъ, но не является на судъ, чтобы облегчить наказаніе своему врагу, репутацію котораго онъ почти совсѣмъ уничтожилъ. Третій проповѣдуетъ восточное уничтоженіе личности и въ то же время требуетъ, чтобы эта личность развивалась безъ опеки и была уважаема. Весь этотъ невыбродившійся сумбуръ понятій происходитъ именно отъ того, что никто не даетъ себѣ труда безпристрастно и свободно, не оправдывая виновнаго и не обвиняя невиннаго, разобраться въ простыхъ ходячихъ понятіяхъ, составить критическій словарь обиходныхъ понятій и формулъ.

Въ вашей газетѣ,—пишетъ мой корреспондентъ,—на-дняхъ былъ прекрасный фельетонъ: «Завоеваніе міра», въ которомъ съ большимъ знаніемъ дѣла раскрываются своекорыстныя начала англійской политики. Помню, я читалъ объ этомъ въ одной французской книжкѣ, кажется, «la Conquête de l'Univers». Но посмотрите, съ какимъ презрѣніемъ говоритъ авторъ о самозванныхъ дипло-

матахъ-англичанахъ, которые на свой страхъ захватываютъ земли, помогаютъ своему правительству, узнаютъ секреты иностранныхъ державъ. Простой рабочій Раупе сдѣлался англійскимъ резидентомъ у афганскаго эмира; инспекторъ китайскихъ таможенъ Хартъ, «невидимый изъ-за своихъ таможенъ, пронзительно свиститъ на весь міръ и разноситъ этимъ ложную тревогу и недовѣріе къ Россіи», англійскій докторъ Ирвинъ, можетъ быть, «сообщалъ англійскому правительству о всѣхъ faits et gestes Ли-Хунгъ-Чанга въ Россіи». Автору всѣ эти факты кажутся ужасными, а онъ долженъ бы былъ видѣть въ этихъ Пейнахъ, Хартахъ и Эрвингахъ только современныя англійскія копіи прежнихъ русскихъ народныхъ дѣятелей — Строгановыхъ, Ермака, Пояркова, Хабарова, Степанова, Толбузина и сотни другихъ, которые опережали правительство въ завоеваніяхъ и захватахъ.

Позвольте, скажутъ мнѣ, вы защищаете политику государственнаго эгоизма, захватовъ, войнъ. Да, защищаю, потому что у меня одна мѣрка и для англичанъ, и для русскихъ. Государства, какъ и личности, борятся за существованіе.

Каждый великій народъ устраивалъ себѣ колоніи. Не одна Англія, но и Греція, и Римъ, и Кареагенъ, и Египетъ. Чѣмъ же виновата Англія, что она энергичнѣе и умнѣе Россіи и Франціи и что у ней есть самодѣятельность, которой совсѣмъ нѣтъ у французовъ и которую многіе стараются уничтожить у русскихъ. Вопросъ идетъ о будущемъ раздѣлѣ Азіи. Я сомнѣваюсь, чтобы Россія встрѣтилась тамъ съ Франціей, но не сегодня-завтра она встрѣтится съ Англіей. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и ужаснаго. Мы будемъ дѣйствовать штыками, силой, храбростью и симпатіями къ намъ туземцевъ, противъ насъ будутъ дѣйствовать хитростью, деньгами и наемными войсками, индійскими, афганскими и, можетъ быть, китайскими. Интересы размежуются, конечно, не съ точки зрѣнія непротивленія злу, а съ точки зрѣнія осуществленія своего права, хотя бы это было право сильнаго. Quia nominor leo, quia nominor Ruthenus, вотъ и все. Мнѣ скажутъ далѣе, что право сильнаго—это не право, а безправіе, и что я подстрекаю насильниковъ, что война — это безнравственность, потому что жизнь есть высшее благо и мы не смѣемъ отнимать ее у своего ближняго, что люди—братья. И все это вѣрно, вполнѣ вѣрно, но только съ одной точки зрѣнія.

II.

Я радъ, что мое письмо къ вамъ вызвало обмѣнъ мыслей въ обществѣ и даже возраженіе въ вашей газетѣ. Возраженіе относилось, впрочемъ, къ одной небольшой части моего письма, въ которой я обсуждалъ формулу: «Россія для русскихъ». Строгій авторъ возраженія оканчиваетъ свою большую статью словами: «акаетъ» или «окаетъ» великороссъ, не это важно, а важно то, что онъ является тѣмъ государственнымъ и культурнымъ цементомъ, который образуетъ великое цѣлое—единую Россію, и ему подобаетъ не пренебреженіе, а честь и

право первенства на этой имъ созданной Россіи». Вы помните, я говорилъ, что формула «Россія для русскихъ» не требуетъ чего-нибудь положительнаго, что она покамѣстъ ограничивается отрицательными, запретительными вожделѣніями. Теперь я вижу, что ея сторонники требуютъ чести и права первенства для великоросса на этой имъ созданной Россіи. Они требуютъ далѣе, чтобы главныя усилія государства были обращены къ поднятію культуры русскаго племени, къ умноженію средствъ его просвѣщенія, его духовнаго развитія и роста.

Я знаю, что вы и я съ удовольствіемъ подпишемся подъ этими требованіями. Мы оба великороссы и не прочь отъ чести и права первенства. Но еще больше мы любимъ просвѣщеніе, ибо въ немъ одномъ залогъ развитія русской государственной и общественной личности. И мы хотѣли бы расти духовно и нравственно, ибо никогда не поздно совершенствоваться.

Не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, кому первенствовать подъ нашимъ двухглавымъ орломъ, кому ассимилировать, кому укрѣплять и объединять пространства отъ Варшавы до Владивостока, отъ Архангельска до Бухары. Это вопросъ покончениый для нашего поколѣнія, оттого я и не трогалъ антинаціональной политики, которую мы вели въ прошломъ и началѣ нынѣшняго вѣка. У меня не хватало мѣста, чтобы говорить о мертвомъ, такъ много хотѣлось сказать о живомъ.

Итакъ, чтобы разъ навсегда покончить съ возраженіями, я долженъ оговориться передъ вами и вашими читателями, что я самъ великороссъ, что у меня нѣтъ иновѣрныхъ и инородныхъ предковъ и родственниковъ, что я люблю свою родину и служу ей не за страхъ, а за совѣсть по мѣрѣ силъ. Что я не «акаю» и не «окаю», а говорю хорошимъ литературнымъ языкомъ и не желаю «отъѣхать» въ чужія земли, а равно и не требую конституціи. Я привыкъ только подвергать оцѣнкѣ и себя и окружающихъ по методѣ Сократа и по мѣрѣ возможности договариваться до правды. Ибо всякая правда проста, и нѣтъ той правды, которой нельзя было добиться путемъ совѣстливаго и тщательнаго розысканія.

Я хорошо помню то время, когда въ Москвѣ объявлена была война противъ Турціи за освобожденіе «славянскихъ братьевъ нашихъ», какъ тогда говорили. Не однѣ газеты, а все общество было настроено радостно и полно предчувствія чего-то великаго. Тогда говорили о нашихъ историческихъ задачахъ, о славянствѣ, о водруженіи креста на Св. Софіи и о многомъ великомъ и обаятельномъ, какъ свѣтлыя грезы. Намъ говорятъ, что изъ этихъ грезъ ничего не вышло или вышли Стамбуловъ и Ferdinand le Noceur, но развѣ изъ грезъ что-нибудь выходитъ? Грезы нужны не затѣмъ, чтобы изъ нихъ что-нибудь выходило, а для того, чтобы подлость не захватывала человѣка, чтобы онъ не разучился смотрѣть на небо. Я не знаю, какъ другіе, а я былъ воспитанъ въ тѣхъ началахъ, что моя родина—страна благородная, милосердная, освободительница и носительница высшихъ идеаловъ. Такою я и привыкъ любить ее.

Я воспитывался въ вѣрѣ, что насъ никто обидѣть не можетъ, потому что насъ по языку 65 проц. всего населенія огромной имперіи и 70 проц. по религіи. Затѣмъ, я любилъ читать русскую исторію, изъ которой видно, что мы дѣйствительно сильный народъ, разъ мы создали этакую махину и вынесли на своихъ плечахъ такую тяжелую исторію. Вотъ почему всѣ страхи за отпаденіе

Польши, Сибири, Финляндіи, Кавказа мнѣ казались и кажутся порожденіемъ напуганнаго воображенія. Исторія есть наука, политика—искусство, искусство которое учитъ, какъ достичь максимума благополучія для государства, какъ такового, при минимумѣ затратъ и усилій. Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что современемъ, черезъ нѣсколько столѣтій, на нашемъ языкѣ будетъ говорить все населеніе русской равнины, а не 65 его процентовъ, какъ теперь. Но это будетъ сдѣлано не запрещеніемъ, наприм., полякамъ говорить по-польски, что, какъ извѣстно, вызываетъ противоположные результаты, а постояннымъ появленіемъ новыхъ Тургеневыхъ, Толстыхъ, Менделѣевыхъ, Чебышевыхъ изъ среды великороссовъ и все увеличивающимися и увеличивающимися торговыми связями и сношеніями, которыя всего больше вліяютъ на распространеніе языка.

Лѣтъ шесть тому назадъ былъ изданъ законъ, чтобы въ Финляндіи мѣста гражданскаго вѣдомства замѣщались чиновниками, знающими русскій языкъ, при чемъ предлагалось при принятіи на службу отдавать преимущество уроженцамъ имперіи, имѣющимъ дипломы высшихъ учебныхъ заведеній. Я былъ тогда въ Гельсингфорсѣ и бесѣдовалъ съ начальникомъ канцеляріи генералъ-губернатора, полковникомъ нашего генеральнаго штаба, по поводу финляндской службы. Я немножко говорю по-шведски, много занимался въ свое время шведской исторіей и хотѣлъ продолжать эти занятія въ библіотекѣ Гельсингфорскаго университета. Все это дѣлало для меня интересной службу въ Финляндіи. Начальникъ канцеляріи долго со мною бесѣдовалъ на хорошемъ русскомъ языкѣ по поводу исполнимости новаго закона. «Что я вамъ могу предложить, — сказалъ онъ мнѣ?—Сто марокъ въ мѣсяцъ! На это вы не пойдете, а финляндецъ, знающій по-русски—пойдетъ. У насъ маленькій масштабъ, у васъ—большой. Всякій способный человѣкъ въ имперіи заработаетъ въ десять разъ больше, чѣмъ у насъ въ княжествѣ». Дѣйствительно, гдѣ взять дешевыхъ и въ то же время способныхъ русскихъ людей для Финляндіи, когда ихъ и въ имперіи не хватаетъ? Поэтому пришлось прибѣгнуть къ другой мѣрѣ, къ постепенному введенію русскаго языка въ школы княжества, и мѣра эта прививается и приноситъ плоды. Финляндцамъ выгодно учиться по-русски; несмотря на свеноманскія бредни и финоманскія грезы, потому что они торгуютъ съ имперіей и отъ торговли этой получаютъ не малые барыши. А потомъ въ княжествѣ появилось много образованныхъ людей, а въ имперіи завелись Толстой, Достоевскій, Тургеневъ, эти истинные обрусители не только нашихъ инородцевъ, но и всѣхъ иностранцевъ.

Съ 1881 по 1888 годъ мнѣ приходилось проводить почти каждое лѣто въ Либавѣ. Я зналъ ее нѣмецкимъ городкомъ и видѣлъ ее почти совершенно русскимъ, лойяльнымъ городомъ. Это было еще до введенія русскаго суда. Трансформація Либавы совершилась подъ воздѣйствіемъ могущественныхъ обрусителей — желѣзной дороги изъ Роменъ, постройки сначала комерческаго, потомъ военнаго порта и наплыва русскихъ семей въ купальный сезонъ. Либавцы разбогатѣли отъ русской торговли и русскаго пришлаго населенія, а потому и обрусѣли. Окончательное обрусеніе произвелъ тогдашній губернаторъ. Одинъ нѣмецъ разсказывалъ мнѣ, какъ это случилось. Я передаю эту исторію не какъ фактъ, а какъ народный разсказъ, а народные разсказы о событіяхъ для моей цѣли интереснѣе и важнѣе, чѣмъ точное воспроизведеніе событія. «Губернаторъ

намъ написалъ,—разсказывалъ нѣмецъ,—что Кайзеръ хочетъ построить у насъ русскій судъ и проситъ дать ему земли. Мы обсудили и отвѣчали, что у насъ есть свой судъ, которымъ мы довольны, есть судъ въ Гробинѣ и въ Митавѣ, и что намъ не надо русскаго суда. Тогда губернаторъ настаивалъ и мы искали нужнаго мѣста для русскаго суда и нашли небольшое мѣсто. Губернатору не понравилось, онъ пріѣхалъ, позвалъ Шнейдерса, который всегда заграницей игралъ въ карты съ графомъ Лорисъ-Меликовымъ,—это такой важный, богатый человѣкъ,—позвалъ другихъ и говоритъ: «Кайзеръ хочетъ устроить русскій судъ въ Либавѣ. Если вы не дадите хорошей земли, мы возьмемъ ее и безъ вашего согласія. Но лучше, если вы предложите хорошій кусокъ земли. Кайзеръ подумаетъ, что вы сами догадались, и будетъ васъ благодарить. И васъ, Herr Schneiders, и васъ Herr Schmidt, и васъ, Herr Puchert». Мы подумали и сказали: «Сдѣлаемъ удовольствіе нашему Кайзеру. Онъ посылаетъ такого любезнаго господина камергера, который такъ хорошо говоритъ; не будемъ и мы грубые люди. И вотъ мы отдали хорошую землю для суда и назначили денегъ. Кайзеръ былъ очень доволенъ и благодарилъ насъ».

Конечно, можно бы было добиться того же результата, разогнавъ магистратъ, припугнувъ представителей города, заявивъ, что они обязаны и пр., но нужно ли все это для поддержанія величія русскаго имени? По моему, губернаторъ въ разсказѣ нѣмца поступилъ именно такъ, какъ долженъ былъ поступить представитель Государя, власть котораго безпредѣльна.

Теперь, когда русскій судъ вошелъ въ нравы, когда населеніе убѣдилось въ его преимуществахъ передъ прежнимъ келейнымъ и домашнимъ, который миловалъ нѣмца и наказывалъ латыша, оправдывалъ богатаго и обвинялъ бѣднаго, который былъ, однимъ словомъ, судомъ политическимъ; теперь, при устройствѣ каждаго новаго суда, не придется прибѣгать къ такой невинной хитрости, а тогда населеніе вправѣ было сомнѣваться, что изъ всего этого выйдетъ.

Въ Западномъ краѣ оправданіемъ грозной политики было возстаніе, которое не могутъ еще забыть. Я живалъ въ Западномъ краѣ, но не видалъ бунтовщиковъ. Я видѣлъ тревожные взгляды побитой собаки, которая лижетъ ногу хозяина и злобно ворчитъ за глазами. На всѣхъ окраинахъ одинъ и тотъ же плачъ: «*нѣтъ людей*». Но ихъ мало и въ центрѣ.

Быстрое обрусеніе требуетъ такого напряженія умственныхъ силъ, какое поневолѣ отзывается на благосостояніи великороссовъ. Если вы двинете всѣхъ лучшихъ людей на окраины, что же у васъ останется въ центрѣ? Чѣмъ виновата Москва и Тула, что онѣ не на окраинахъ? А съ плохими некультурными силами поспѣшное обрусеніе представляется мнѣ мѣрой обоюдоострой. Появятся и... усердные паче разума, работу которыхъ потомъ придется уничтожать съ большими потерями энергіи и денегъ, чѣмъ сколько стоила ихъ работа.

Я не знаю, интересовалъ ли кого-нибудь вопросъ о составѣ господствующаго и правящаго класса въ Россіи. Вопросъ этотъ очень интересный и слѣдовало бы приложить нѣкоторое усиліе для его выясненія.

Мы, великороссы, составляемъ 65 проц. всего населенія, слѣдовательно, по крайней мѣрѣ 65 проц. должно бы быть русскихъ чиновниковъ и офицеровъ. Если вы возьмете «Адресъ-Календарь», издаваемый департаментомъ герольдіи, и

просмотрите списокъ фамилій, вы на букву А найдете 69 проц. русскихъ, а на букву Э только 9 проц. Въ общемъ русскихъ именъ, вѣроятно, не болѣе 45 проц. Разумѣется, имя ничего не доказываетъ статистически, но оно доказываетъ весьма многое исторически. Изъ исчисленія этихъ именъ вы увидите, что современную Россію выработали *далеко не одни русскіе*, но и нѣмцы, и поляки, и кавказцы, что они сослужили намъ службу и еще сослужатъ многія службы, а съ другой стороны, что коренному населенію надо предоставить гораздо болѣе свободы учиться, чѣмъ сколько ея было предоставлено до сего времени.

Я слышалъ, что теперь присоединяется къ дворянству Россійской имперіи чуть ли не 5,000 семей мингрельцевъ. Ранѣе того, въ первой половинѣ этого вѣка въ его составъ было включено польское казачество—шляхта, которая передъ русскимъ закономъ стала на одну доску съ Понятовскими, Потоцкими, Радзивилами, Четвертинскими и другими магнатами, которые въ свое время драли арапниками черезъ своихъ псарей предковъ безчисленнаго западнаго дворянства. Въ одномъ уѣздѣ Могилевской губерніи, который я знаю, изъ всѣхъ польскихъ помѣщиковъ нѣтъ ни одного, который бы принадлежалъ къ старому польскому дворянству. Всѣ они—внуки экономовъ, управляющихъ, которые облагорожены москалями. Можетъ быть, современемъ то же будетъ и съ киргизскими султанами, и съ калмыцкими нойонами, и зайсангами, и бухарскими беками. Мы не имѣемъ, разумѣется, права бороться противъ такого массоваго измѣненія племенного состава россійскаго господствующаго класса, но какъ координировать съ этими явленіями запрещеніе великорусскимъ кухаркинымъ дѣтямъ учиться въ гимназіяхъ и иногда попадать въ русскіе чиновники? И затѣмъ, какъ согласовать такія мѣропріятія съ необходимостью руссификаціи и съ пониженіемъ процента Дворянскаго банка. Можно будетъ, отъ скуки, продѣлать ту же операцію съ именами неисправныхъ должниковъ Дворянскаго банка, какую я пробовалъ дѣлать съ именами адресъ-календаря департамента герольдіи, вѣроятно и тутъ получатся интересныя данныя.

Но, позвольте, скажутъ мнѣ, вѣдь не одни же великороссы участвуютъ въ созданіи имперскихъ доходовъ, а потому будетъ ли справедливымъ всѣ блага изливать на однихъ великороссовъ? Я предвидѣлъ этотъ вопросъ и изъ него выведу другой вопросъ: если такъ, то правда ли, что мы создали благосостояніе финляндцевъ, поляковъ, армянъ и т. д. на одни великороссійскія, а не на имперскія средства?

Въ астраханской губерніи русскихъ половина населенія, а она даетъ 3 милліона въ годъ. Бессарабія даетъ 7 милліоновъ, при незначительномъ великорусскомъ населеніи. Виленская губернія, при 25 процентахъ русскаго населенія, даетъ 4 милліона; Витебская, при 5 проц., даетъ 5 милліоновъ; губерніи Привислянскаго края, при 5 проц. русскаго населенія, даютъ 52 милліона налоговъ.

Я привелъ эти данныя, конечно, не для того, чтобы укорять своихъ родичей великороссовъ, а для того, чтобы показать, до какой степени сложенъ вопросъ о національностяхъ и какъ осторожно слѣдуетъ къ нему прикасаться.

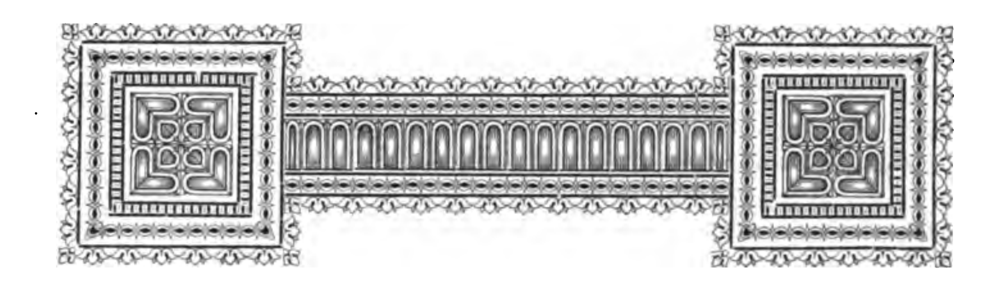
Не знаю, убѣдительно ли все то, что я вамъ пишу. Всѣ эти соображенія могли бы послужить матеріаломъ для испытанія удѣльнаго вѣса понятія обру-

сенія. Но я не буду дѣлать этого испытанія. Пусть его сдѣлають сами благосклонные читатели.

Все, что я сказалъ выше, вытекаетъ изъ одного общаго понятія,—понятія о русскомъ, какъ о культурномъ человѣкѣ, увѣренномъ въ своихъ силахъ и спокойно идущемъ по разъ намѣченному пути. Повѣрьте, остальное придастся,— и богатство, и обрусеніе, и уваженіе сосѣдей, и національная политика.

Основа всего—христіанское просвѣщеніе, уваженіе человѣческой личности, *единство мѣры,* какъ для себя, такъ и для другихъ. Я ни толстовецъ, ни западникъ, ни славянофилъ, я просто вольный русскій человѣкъ, но я никому непозволяю наступать мнѣ на ногу и умышленно не наступаю другимъ. Я люблю единство въ разнообразіи, гармонію человѣческихъ мыслей и поступковъ. Я не боюсь чужого ума, потому что у меня есть свой. И, наконецъ, я очень люблю свою страну и свой народъ и вѣрю въ его великую будущность. Поэтому я не нервничаю и не высчитываю чужихъ винъ. У всѣхъ есть свои историческіе грѣхи и свои историческія доблести. Но жить не задыхаясь можно только тогда, когда стараешься понимать каждаго человѣка и когда чувствуешь, что цѣль развитія человѣческихъ обществъ есть братство свободныхъ народовъ, а не подчиненіе всѣхъ одному избранному, кто бы ни былъ этотъ избранный, еврей, англичанинъ или русскій.

Мысъ Анамуръ (Киликія).



«Патріотизмъ» и патріотизмъ.

Когда «Энциклопедическій Словарь» изд. Брокгауза и Ефрона, кончающій уже букву Н, дойдетъ до буквы П, то онъ можетъ оказать, если это ему удастся, весьма полезную литературно-общественную услугу. Въ сатьѣ подъ заглавіемъ «Патріотизмъ» онъ можетъ, придерживаясь, какъ подобаетъ большому энциклопедическому изданію, только ясныхъ, точныхъ и объективныхъ опредѣленій, пояснить и установить, что должно подразумѣвать и что подразумѣвается подъ словомъ «патріотизмъ?»

Понятіе о патріотизмѣ принадлежитъ у насъ къ числу сбивчивыхъ и смутныхъ. Быть можетъ, главная бѣда его въ томъ, что оно считается у насъ всѣмъ слишкомъ извѣстнымъ. Если бы оно было менѣе извѣстнымъ, то было бы, вѣроятно, болѣе идейнымъ и твердымъ. Нашъ ходовой патріотизмъ напоминаетъ собою «американскую церковь». Въ Соединенныхъ Штатахъ 840 сектъ и каждая изъ нихъ провозглашаетъ себя главною и единственною представительницею «американской церкви». У насъ есть патріоты всевозможныхъ оттѣнковъ: старыхъ толковъ и новыхъ формацій, внутренніе и внѣшніе, шумные и тихіе, съ колоколами и знаменами, и безъ колоколовъ и знаменъ, во вкусѣ Островскаго и въ духѣ Сергѣя Шарапова, славянскіе, франко-русскіе, абиссинскіе, анти-еврейскіе, противу-кавказскіе; въ послѣднее время зародились и объявились даже русско-китайскіе патріоты. Воюющій съ Лодзью изъ за ситцевъ и бумазей московскій купецъ, выгнанный за взяточничество со службы на окраинѣ чиновникъ, торгующій «страшными словами» газетчикъ, кривляющійся у суфлерской будки «чтецъ, разказчикъ и куплетистъ», засидѣвшійся въ капитанскомъ чинѣ захолустный ротный командиръ, страдающій печенью и геморроемъ педагогъ изъ духовнаго званія, «съ предвареніемъ» причисленный къ губернскому правленію, гдѣ-нибудь въ Польшѣ или на Кавказѣ, начальникъ уѣзда, бѣглая, покинутая остывшимъ къ ней «персюкомъ», жена, юркій ярославскій подрядчикъ, поспѣшающій къ вызовамъ, аукціонамъ и къ торгамъ отъ хладныхъ финскихъ скалъ до пламенной Колхиды—все это «патріоты», бьющіе кулаками себя въ грудь и всегда готовые бить ими по шеѣ другихъ. Оріентируйтесь среди этихъ полувзглядовъ, полустрастей, затемненныхъ и обостренныхъ какими-то стихійно-ненавистными инстинктами, формулируйте ихъ какъ опредѣленное міровоззрѣніе,

какъ извѣстную догму для внутренней государственной политики, какъ планъ и программу руководящихъ и устроительныхъ дѣйствій.

Иностранцы въ этомъ отношеніи счастливѣе насъ. Имъ не нужно прибѣгать къ истолковательному содѣйствію словарей, чтобы имѣть ясное и раздѣльное представленіе о патріотизмѣ. Это понятіе у нихъ давно сложилось, принявъ значеніе и вѣсъ для всѣхъ очевидной и всѣми одинаково признаваемой аксіомы. И у нихъ патріотизмъ облекается въ ризличныя формы, преслѣдуетъ различныя цѣли и вдохновляется различными внушеніями. Но онъ стоитъ тамъ на высотѣ могучаго и цѣльнаго государственнаго ученія, вполнѣ усвоеннаго общественными идеями и настроеніями.

Мы видимъ и знаемъ, что такое англійскій патріотизмъ. Это наступательное и поступательное дѣйствіе прогресса и культуры подъ британскимъ флагомъ и во имя британскаго владычества. Англійскій патріотизмъ, прокладывая дороги для англійской гегемоніи, расчищаетъ дѣвственные лѣса, строитъ желѣзныя дороги, основываетъ движущіеся города и торговыя факторіи, заводитъ школы, больницы, банки, почты, телеграфы, видоизмѣняетъ и совершенствуетъ земледѣльческую эксплоатацію почвы, даетъ неистощимые капиталы для добыванія естественныхъ богатствъ, для развитія и усовершенствованія всѣхъ видовъ промышленности, для развитія и укрѣпленія торговыхъ сношеній метрополіи со всѣми ей подчиненными материками, странами и народами.

Онъ налаживаетъ и водворяетъ свою, въ такомъ именно смыслѣ понимаемую, патріотическую миссію, прямолинейно, деспотически, съ напоромъ, не желающимъ признавать и не признающимъ никакого сопротивленія, съ желѣзною энергіею и стойкостью, но онъ знаетъ, что именно ему нужно: ему нужны политическое усиленіе и процвѣтаніе своего отечества посредствомъ возможно широкаго по всему міру раскинутаго, цивилизующаго воздѣйствія британской культуры. Англійскій патріотизмъ—это созидательная работа міровыхъ купцовъ, всюду ведущихъ позади себя не только войска и пушки, но за ними и вмѣстѣ съ ними цѣлые отряды полезныхъ, отважныхъ и предпріимчивыхъ піонеровъ—инженеровъ, техниковъ, администраторовъ, учителей, судей, врачей и капиталистовъ.

Мы видимъ и знаемъ далѣе, что такое пангерманскій патріотизмъ. У него есть своя самобытная физіономія и онъ существенно отличается отъ предъидущаго. Въ немъ преобладаютъ начала военно-государственной силы и политическаго единства. Онъ проникнутъ идеями милитаризма и преимущественно выражается въ милитаризмѣ. Онъ стоитъ на стражѣ нѣмцевъ и Германіи. Онъ сомнѣвается въ незыблемости международнаго мира, боится за неприкосновенность своей территоріи, заботится о томъ, чтобы Германія чувствовала себя какъ бы наканунѣ завтрашней кампаніи, не щадитъ для своего военнаго могущества никакихъ средствъ, затратъ и жертвъ, нерѣдко подчиняетъ себѣ самые экономическіе интересы страны и народа и усиленно поддерживаетъ во всѣхъ областяхъ нѣмецкаго духа и нѣмецкой общественности—въ наукѣ, литературѣ, въ журналистикѣ, парламентаризмѣ, въ школѣ и даже въ церкви—блестящую и систематическую пропаганду государственной силы, какъ единственной надежной охраны независимости, свободы и будущности германскаго народа и германской

культуры. Это—патріотизмъ односторонній, суровый и раззорительный, тревожный и опасный, патріотизмъ вызововъ и угрозъ, патріотизмъ Бисмарка и солдатчины, патріотизмъ налоговъ и государственныхъ долговъ, но онъ имѣетъ свою причину бытія, свою исторію и свое оправданіе.

Мы видимъ и знаемъ дальше, что такое патріотизмъ австрійскій. Тутъ передъ нами цѣлая государственная система сложныхъ и перемѣнныхъ компромиссовъ. Она преимущественно направлена на установленіе внутренняго согласія и равновѣсія между многоразличными, самостоятельно развивающимися отдѣльными частями, входящими въ составъ Габсбургской монархіи. Она сводится къ политикѣ децентрализаціи, связанной на верху, въ центрѣ, узами общихъ интересовъ всей имперіи. Австрійскій патріотизмъ представляетъ полное національное развитіе всѣмъ австрійскимъ областямъ, даетъ самый широкій просторъ ихъ мѣстной культурѣ и жизни, поселяетъ въ нихъ иллюзію почти совершенной политической самостоятельности и независимости и этимъ заставляетъ всѣ австрійскіе народы, не взирая на ихъ нескончаемыя распри и междуусобія, искренне дорожить собирательною силою и коллективнымъ единствомъ государственнаго цѣлаго. Это патріотизмъ нѣсколько безличный, подчиненный многимъ случайностямъ колебаніямъ, требующій отъ государственныхъ людей, руководящихъ ими, огромнаго политическаго опыта, предусмотрительности, ловкости, находчивости, патріотизма, выражающейся формулою «всѣ за каждаго и каждый за всѣхъ», патріотизмъ, кажущійся извнѣ какъ бы празднымъ искусствомъ связывать постоянно рвущееся, мирить непремиримое и ,крѣплять центростремительную силу дѣйствіемъ центробѣжной, но онъ живучъ и у него есть будущее, потому что въ основѣ его заложены такія великія и для всѣхъ австрійскихъ народовъ одинаково дорогія, сплачивающія начала, какъ свобода, равноправіе и полноправіе.

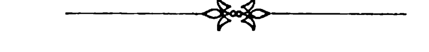
Какимъ же могъ бы быть и долженъ быть нашъ русскій государственный и общественный патріотизмъ въ сферѣ своего внутренняго примѣненія? Ему нѣтъ ни малѣйшей надобности входить въ какую-либо родню съ типомъ германскаго патріотизма. Наше отечество, по самой природѣ своей, слишкомъ великая и грозная сила, чтобы нужко было еще искусственно развивать ее. Ему ничто не угрожаетъ и никто угрожать не посмѣетъ. Мы должны стоять на высотѣ всѣхъ требованій самообороны и онѣ не могутъ заполнять и заклепывать творческую работу русскаго патріотизма. Нѣтъ у насъ подходящей почвы и для патріотизма въ томъ его смыслѣ, какъ онъ понимается и дѣйствуетъ по сю и по ту сторону рѣки Лейты. Въ Россіи первенствуетъ и властвуетъ единый, органически слитный и въ племенномъ, и въ вѣроисповѣдномъ, и въ историческомъ смыслѣ русскій народъ, и ему нѣтъ нужды считаться съ воздѣйствіемъ на него нѣсколькихъ иноплеменныхъ культуръ, созрѣвшихъ на западной границѣ русскаго государства и достигшихъ довольно высокаго уровня процвѣтанія.

Эти культуры могутъ мечтать только о покровительствѣ имъ со стороны русскаго патріотизма, о дружескомъ и участливомъ отношеніи его къ нимъ. Но затѣмъ есть у нашего патріотизма самое обширное и благородное поле, почти нетронутая новь, которая ждетъ съ его стороны почина, помощи, устроительнаго и цивилизующаго вмѣшательства. Тутъ на нашемъ патріотизмѣ лежитъ

миссія, во многомъ очень сходная съ задачами и дѣятельностью британскаго государственнаго патріотизма. Она должна имѣть дѣло съ десяткомъ мѣстностей, племенъ и народовъ, еще не пріобщенныхъ къ европеизму и цивилизаціи или связанныхъ съ ними лишь поверхностно слабыми, задаточными узами. Тутъ для нашего патріотизма есть и настоящее, съ разныхъ сторонъ ждущее нашей примѣрной показательной, устроительной работы и прекрасное будущее, способное принести намъ самые утѣшительные плоды и результаты. Внушенія и задачи нашего патріотизма должны заключаться не въ томъ, чтобы принижать и преслѣдовать маленькія и слабыя иноплеменныя культуры, чтобы дразнить ихъ нападками и подозрѣніями, чтобы возбуждать къ нимъ въ русскомъ обществѣ и народѣ чувства высокомѣрія, нетерпимости, издѣвательства, чтобы безнаказанно давать просторъ злоупотребленіямъ правомъ сильнаго, а въ томъ, чтобы живя самимъ, давать жить и другимъ, чтобы распространять наше ассимилирующее воздѣйствіе широкими путями, благородными средствами, чтобы вносить и вводить во внутренній складъ этихъ малыхъ и слабыхъ культуръ цѣли и элементы права, законности, благоустройства, спокойствія и довольствія, просвѣщенія, толеранціи и постепенно наростающаго и раскрывающагося матеріальнаго благосостоянія:

Man muss leben und leben lassen!

Буква.



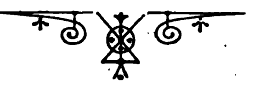
Изъ А. Цатургана.

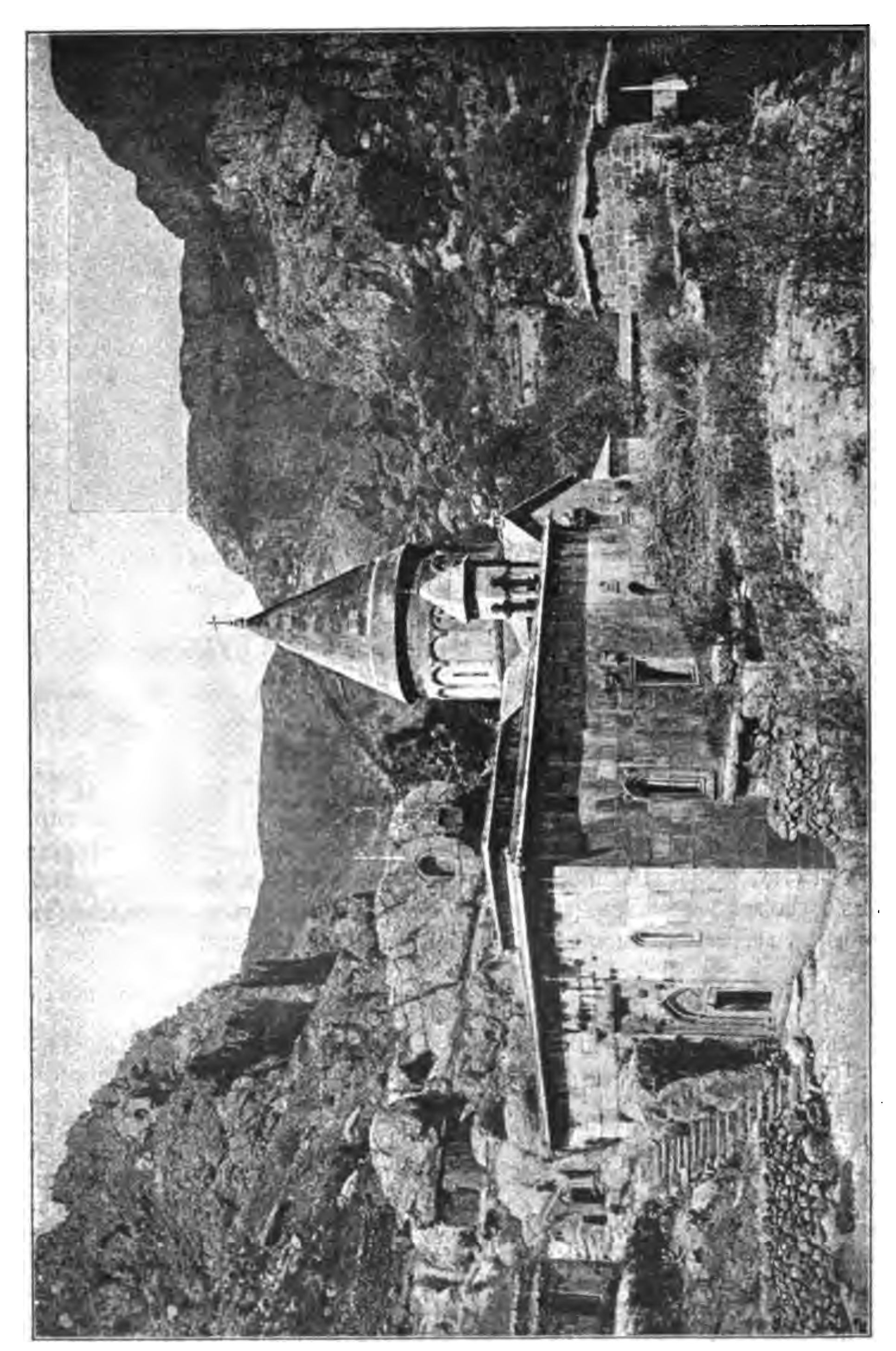
Ребенка видѣлъ я, какъ съ радостной улыбкой
Онъ къ розѣ подбѣжалъ,
Но укололся онъ шипомъ на вѣткѣ гибкой
И горько зарыдалъ.

—

Такъ я красавица въ порывѣ страсти нѣжной
Любви твоей искалъ,
Но встрѣченъ былъ тобой съ холодностью небрежной
И горько зарыдалъ...

Л. Уманецъ.





Гегартскій монастырь съ двумя церквами высѣченными въ скалѣ, близъ Арарата (X вѣка).

Малый Араратъ.

Древне-армянская литература.

Эскизъ Аршака Чобаніанъ [1].

I.

То, что осталось отъ древней литературы армянъ, не въ состояніи служить отраженіемъ духовной жизни этого народа. Это—литература, по преимуществу, церковная. Она не обладаетъ ни разнообразіемъ и совершенствомъ греческой литературы, ни чрезмѣрнымъ и чувственнымъ великолѣпіемъ нѣкоторыхъ восточныхъ литературъ. Она сурова и однообразна.

---

[1] См. его публичную лекцію: „L'Arménie. Son Histoire, sa Littérature, son rôle en Orient". Paris, 1897, pp. 22—61.

Лекція была прочитана г. Чобаніаномъ 9-го марта 1897 г. въ Парижѣ, въ засѣданіи Географическаго Общества.—Предсѣдатель академикъ Анатоль Франсъ по окончаніи лекціи, поблагодаривъ лектора, сказалъ:

„Мы должны признать, что этотъ народъ умный и храбрый, стремящійся къ усвоенію высшихъ идей цивилизованнаго запада, столько же своимъ геніемъ, сколько и своими безпримѣрными несчастіями, стяжалъ право на сочувствіе народовъ, давшихъ начало идеямъ справедливости и свободы... Кровь мучениковъ не напрасно вопила. Сила на ихъ сторонѣ,—сила, хотя и разсѣянная, но могущественная: сочувствіе благородныхъ сердецъ и возвышенныхъ умовъ. Скажемъ одно: день, въ который Франція, черезчуръ строго наказанная за свои ошибки, перестала пользоваться кредитомъ въ совѣтахъ Европы, былъ печаленъ для интересовъ справедливости и гуманности".

Въ началѣ лекціи авторъ указываетъ, что смуты, царствовавшія въ Арменіи, издавна побуждали талантливыхъ армянъ искать счастія на сторонѣ, въ Европѣ, гдѣ они

Ред.

Эта скудость, эта однообразность объясняются многими причинами. Прежде всего эта литература лишена своей наиболѣе оригинальной части: древняя, языческая и эпическая поэзія почти совершенно пропала. Господство христіанства подавило въ душѣ народа тѣ поэтическія творенія, въ которыхъ армянскіе барды воспѣвали древнія, миѳологическія и героическія преданія. Св. Григорій Просвѣтитель, благодаря которому христіанство восторжествовало въ Арменіи, разрушилъ не только языческіе храмы, но также уничтожилъ, по преданію, и тѣ поэтическія произведенія, въ которыхъ прославлялись боги и герои языческой Арменіи. Армянскіе историки передаютъ, что народъ, несмотря на окончательное принятіе христіанства, все еще любилъ—до самого конца XII вѣка—распѣвать эти древнія эпическія произведенія. Но этотъ самый фактъ они приводили единственно съ цѣлью порицанія народа; они даже не считали достойнымъ сохранить въ своихъ сочиненіяхъ, хотя бы ради курьеза, эти драгоцѣнные остатки древне-армянской мысли. Однако, какъ ни малочисленны эти переданные у историковъ отрывки, они все-таки достаточны, чтобы вѣрить въ существованіе въ языческой Арменіи полной жизни, свѣтлой и гордой поэзіи. Это, конечно, не ученая поэзія съ философскими тенденціями, разнообразная въ своихъ формахъ; это—народныя поэтическія творенія, сложенныя рапсодами, которыя распѣвались на царскихъ пиршествахъ, во время большихъ погребальныхъ церемоній, во время вѣнчальныхъ обрядовъ и въ дни религіозныхъ празднествъ. Это—мужественная поэзія съ могучими образами. Въ одномъ изъ этихъ наиболѣе важныхъ отрывковъ мы находимъ образчикъ миѳической поэзіи; въ немъ воспѣвается чудесное рожденіе царя-бога Вахагна (Vahagn), въ которомъ олицетворялось мужество и который представлялъ собою солнце:

„Въ мукахъ рожденья находилось небо и земля;
„Въ мукахъ рожденья лежало и пурпуровое море;
„Море разрѣшилось красненькимъ тростникомъ;
„Изъ горлышка тростника выходилъ дымъ;
„Изъ горлышка тростника выходило пламя;
„Изъ пламени выбѣгалъ юноша,
„У него были огонь-волосы,
„Борода была изъ пламени,
„А очи словно два солнышка“ [1]).

Другой отрывокъ, полный наивной и дикой прелести, рисуетъ предъ нами эпизодъ, галантнаго характера, изъ жизни царя Арташеса II, похитившаго дочь царя Алановъ:

„Мужественный царь Арташесъ сѣлъ на красиваго вороного коня;
„И вынулъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ,

подвизались съ успѣхомъ на поприщѣ искусствъ, государственной и военной службы и не разъ занимали византійскій престолъ. При Юліанѣ Отступникѣ въ Римѣ славился ораторъ армянинъ Проэрезіасъ, которому вѣчный городъ воздвигъ памятникъ съ столь лестною надписью: Regina rerum Roma regi eloquentiae (стр. 19).—Изъ армянъ на византійскомъ престолѣ было болѣе десяти императоровъ, въ томъ числѣ знаменитый Іоаннъ Цимисхій (см. Энциклопедическій Словарь Брокгауза), изъ полководцевъ наиболѣе извѣстенъ Нарзесъ, современникъ Велизарія, экзархъ Италійскій (см. тамъ же).

[1]) См. Моисея Хоренскаго Исторія Арменіи, кн. I, гл. XXXI. Стихи эти приводимъ въ переводѣ проф. Н. О. Эмина, переводчика Хоренскаго. *(Прим. переводчика.)*

„И пролетѣлъ быстрокрылымъ орломъ черезъ рѣку;
„И бросилъ арканъ изъ красной кожи съ золотымъ кольцомъ,
„И обхватилъ станъ царственной дѣвы Алановъ,
„И причинилъ сильную боль стану нѣжной царственной дѣвы,
„Быстро увлекая ее въ свой лагерь“ [1]).

Третій отрывокъ звучитъ меланхолично и болѣе человѣчно: добрый царь Арташесъ, подъ конецъ своей жизни, съ грустью вспоминаетъ о лучезарномъ утрѣ новаго года (Навасардъ), который древніе армяне праздновали въ началѣ весны:

„Кто бы далъ мнѣ (видѣть) дымъ (подымающійся) изъ трубъ,
„И утро Навасарда!
„Видѣть бѣгъ оленей
„И скаканье ланей!
„Мы трубили въ трубы и били въ барабанъ,
„Какъ то подобаетъ (собс. законно) царямъ“ [2]).

Подобныя поэтическія произведенія должны были быть многочисленны. Армянинъ по своему темпераменту склоненъ къ лиризму. Онъ всегда глубоко любилъ поэзію, которая составляла существенный элементъ его общественной и частной жизни.

Народъ постоянно имѣлъ своихъ пѣвцовъ и плакальщицъ; при царскомъ дворѣ поэты пользовались любовью и почетомъ. Царямъ доставляло удовольствіе, чтобы ихъ имя находило безсмертіе въ стихахъ пѣвцовъ. Находились даже царскіе сыновья, которые со всею страстью и не безъ таланта культивировали поэзію; сынъ Тиграна Великаго—Артаваздъ I, который былъ взятъ въ плѣнъ Антоніемъ и приведенъ въ Римъ, написалъ по-гречески нѣсколько трагедій, которыя ставили на сценѣ съ большимъ успѣхомъ до временъ Плутарха, который намъ и сообщаетъ о нихъ; также Вруйръ, сынъ царя Арташеса II, оставилъ въ исторіи имя мецената и превосходнаго поэта. Даже между царями христіанской Арменіи являлись покровители изящной словесности, какъ, напримѣръ, Врамшапухъ, и такіе принцы, любители поэзіи, какъ Саакъ Багратуни, Ваханъ Аматуни и Григорій Магистросъ, человѣкъ огромной эрудиціи; послѣдній, кромѣ того, былъ переводчикомъ и нѣкоторыхъ твореній философа Платона. Языческія поэмы, помимо многочисленности, должны были быть и разнообразны по своему содержанію. Онѣ рисовали обычаи народа, воспѣвали его любовь, горе и славные подвиги; въ драматическихъ сценахъ, въ хороводныхъ пѣсняхъ, въ религіозныхъ гимнахъ, въ торжественныхъ поэмахъ или въ причитаніяхъ прославлялась жизнь царей и героевъ, и разсказывалась чудесная исторія, сотканная изъ національныхъ преданій.

Если христіанскіе историографы Арменіи приводятъ слишкомъ мало стиховъ изъ этихъ древнихъ былинъ, то у нихъ все же находимъ нѣкоторыя изъ легендъ и преданій, которыя послужили темами для самихъ поэтическихъ твореній. Но, они ихъ передаютъ въ сокращеніи и, притомъ, крайне небрежно и

---

[1]) М. Хор. кн. II, гл. I. *(Прим. переводчика.)*

[2]) Изъ 44-го письма Григорія Магистроса по рукописи проф. Эмина. (См. его переводъ Исторіи М. Хоренскаго, стр. 300). Переводъ сдѣланъ нами съ подлинника; во фран. переводѣ г. Чобаніана недостаетъ послѣдняго стиха. *(Прим. переводчика.)*

нерѣдко въ искаженномъ видѣ. Однако и подобная милость оказывается языческой поэзіи только въ томъ случаѣ, если они разсчитываютъ извлечь изъ нея какой-нибудь матеріалъ для очерка древне-армянской жизни. Даже Моисей Хоренскій, который болѣе, чѣмъ кто-либо, собралъ отрывки этихъ поэмъ и легенды, и тотъ приводитъ ихъ въ безпорядкѣ, безъ комментарія. И это, поистинѣ, печально, ибо при томъ поэтическомъ вдохновеніи, которымъ обладалъ Моисей Хоренскій, онъ могъ—и это было желаніемъ князя Багратуни, который поручилъ ему написать исторію древнихъ героевъ Арменіи,—составить нѣчто въ родѣ армянской *Шах-Наме* изъ народныхъ преданій, легендъ, съ отрывками изъ поэмъ и изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ у иностранныхъ историковъ.

Потеря этой древне-армянской поэзіи тѣмъ болѣе достойна сожалѣнія, что она должна была представить любопытную смѣсь азіатскаго духа съ западнымъ геніемъ. Арменія, находясь между Азіей и Европой, будучи подчинена владычеству всѣхъ великихъ древнихъ расъ Азіи и вліянію различныхъ цивилизацій и, въ то же время, уже съ древнихъ поръ находясь въ соприкосновеніи съ эллинскимъ духомъ, усвоила себѣ многія изъ миѳологическихъ и эстетическихъ ученій. Всѣ эти расы, всѣ эти цивилизаціи, всѣ эти столь разноооразные міры оставили свой слѣдъ на плодотворной почвѣ Арменіи. Отсюда произошло странное и оригинальное смѣшеніе. При помощи сбломковъ древнихъ легендъ и свѣдѣній, оставшихся отъ этой сложной миѳологіи, мы можемъ въ настоящее время возстановить, до извѣстной степени, этотъ космополитическій храмъ армянскихъ миѳовъ. Въ этомъ храмѣ фигурировали всѣ боги. Въ немъ находимъ таинственныя и колоссальныя божества: ассирійскія, халдейскія, фригійскія и персидскія, съ настоящимъ профилемъ боговъ Греціи и Рима; эти божества расположены вокругъ умилительныхъ статуй настоящихъ армянскихъ божествъ. Бокъ-о-бокъ съ Аммономъ мы видимъ Аполлона, по сосѣдству съ Аѳиною Палладою—Тарату, на ряду съ Беломъ—Гефеста, Гераклъ и Зевсъ братаются съ Баршамомъ и Набогомъ. Среди этого собранія божествъ всѣхъ расъ выдѣляются нѣкоторые *армянскіе* боги, которые хотя и образованы изъ элементовъ, идущихъ изъ чужихъ странъ, однако всѣ носятъ своеобразный отпечатокъ армянскаго духа. Это—боги чуждые суроваго варварства, безъ непомѣрнаго и мрачнаго величія боговъ Азіи, безъ чувственной и блестящей красоты боговъ Греціи; это — боги-работники, скромные и добрые: Арамаздъ, отецъ боговъ, «мудрый», «мужественный»; Анахитъ, богиня-мать, «мать золота», богиня труда и скромности, раздательница богатствъ, божество, пользовавшееся наибольшимъ почетомъ и любовью среди армянъ; Астхикъ, богиня красоты и ея возлюбленный—герой Вахагнъ, богъ мощи, котораго произвели небо и земля, который поразилъ драконовъ и который, унося солому, похищенную въ небесномъ чертогѣ бога Баршама, разсыпалъ нѣкоторую часть ея по небу, вслѣдствіе чего и образовался, по народному преданію, млечный путь; Михръ, сынъ Арамазда, богъ огня, свѣта, богъ, надѣлявшій добрыми, честными, сердечными чувствами; Нанэ, богиня материнства, семьи, чудное и доблестное божество, являвшееся символомъ армянской женщины; Аманоръ, богъ новаго года, а также и гостепріимства; наконецъ, Сандараметъ, супруга Арамазда, богиня нѣдръ земли. Затѣмъ слѣдуютъ полубоги и легендарные герои: Гайкъ, родоначальникъ армянъ, убійца тирана Бела; Арамъ, побѣдитель

жестокаго царя Нюкара, взявшій его въ плѣнъ и собственноручно пригвоздившій къ вершинѣ Армавирской башни; Ара, предпочевшій лишиться престола и жизни, чѣмъ сдѣлаться супругомъ порочной Семирамиды; Тигранъ І-й, лишившій жизни тирана Аждахака; Арташесъ I-й, дивный завоеватель, подчинившій себѣ цѣлый міръ, котораго воины были столь многочисленны, что отъ брошенныхъ ими въ равнину камней образовывалась цѣлая гора и отъ пущенныхъ стрѣлъ затемнялся солнечный свѣтъ; Артавиздъ, вспыльчивый царевичъ, одержимый демонами, который, будучи проклятъ своимъ отцомъ, упалъ въ пропасть, разъѣзжая на конѣ по горѣ Масису (Арарату), и который остается на днѣ бездны прикованнымъ къ скаламъ, въ ожиданіи дня, когда онъ выйдетъ, чтобы разрушить міръ; наконецъ, исполинъ Торкъ, «мужъ съ крупными чертами лица, высокій, неуклюжій, курносый со впалыми глазами, дикимъ взглядомъ... котораго, по страшному его безобразію назвали Ангехіа (т.-е. безобразный), исполинъ ростомъ и силою» [1]; этотъ Торкъ ломалъ скалы при помощи однѣхъ только рукъ и чертилъ на камнѣ изображенія орловъ своими ногтями. Однажды этотъ восточный Полифемъ потопилъ въ Понтѣ множество кораблей, вызвавъ въ немъ волненіе брошенными огромными скалами съ высокаго холма.

Это странное смѣшеніе столь разнообразныхъ мыслей и формъ, конечно, дало жизнь богатой и разнообразной поэзіи, въ которой чрезмѣрное и необузданное воображеніе Востока должно было быть смягчено гармоничнымъ духомъ арійцевъ Запада. Отрывки этихъ поэмъ, написанные въ сжатой формѣ, изложенные благороднымъ языкомъ, безъ напыщенности, и въ высшей степени образные по своему содержанію, могутъ служить уже доказательствомъ этому. Болѣе важное свидѣтельство этого обширнаго единенія двухъ направленій находится въ остаткахъ армянской архитектуры. Время, христіанство и нашествія варваровъ почти совершенно уничтожили древнюю архитектуру языческой Арменіи, столь богатую по сообщенію историковъ, великолѣпными дворцами и храмами, и представлявшую, должно быть, смѣсь стилей эллинскаго съ ассирійскимъ и персидскимъ. Но то же явленіе мы встрѣчаемъ въ знаменитыхъ развалинахъ архитектуры христіанской Арменіи. Церкви города Ани, многіе монастыри и церкви Арменіи и нѣкоторыя древнія церкви Польши, построенныя по планамъ армянскихъ архитекторовъ, обнаруживаютъ особый стиль, представляющій смѣсь архитектуры аравитянъ съ архитектурою византійской. Живымъ доказательствомъ этой гипотезы можетъ служить нарѣчіе самого народа, древне-армянскій языкъ, богатый, сложный, пышный, способный выражать тончайшіе оттѣнки синтаксиса, въ то же время по своей мягкости приближающійся къ прозрачной прелести греческаго и достигающій ясности французской рѣчи.

II.

Но вотъ водворяется христіанство и разрушаетъ этотъ древній и чудный музей. Оно преобразуетъ геній народа, оно вкладываетъ въ него новую душу.

[1] См. Ист. Арм. М. Хор. кн. II, гл. VIII. *(Прим. переводчика.)*

Духовенство становится во главѣ народа, направляетъ его, властвуетъ надъ нимъ, заключаетъ его душу и разумъ въ новыя рамки. Такъ какъ водвореніе христіанской церкви въ Арменіи сопровождалось мощнымъ и рѣшительнымъ движеніемъ цивилизаціи, то для церкви тѣмъ легче возможно было совершить эту метаморфозу. Народъ армянскій до этого времени жилъ болѣе инстинктивною жизнью; онъ сражался, онъ мечталъ, онъ пѣлъ, не имѣя какого-либо опредѣленнаго образца, среди полной свободы. Церковь ввела культуру, усовершенствовала армянскій алфавитъ и положила начало письменной литературы.

Это случилось въ IV столѣтіи. Христіанская церковь торжествовала повсюду и ея литература царила во всемъ мірѣ. Первые армянскіе апостолы христіанства, которые въ то же самое время были первыми иниціаторами новой цивилизаціи, получили свое образованіе въ Византіи, Римѣ, Аѳинахъ или Александріи; они были вскормлены на библейской и патристической литературахъ; они перевели на армянскій языкъ Священное Писаніе и творенія св. Отцовъ, а самостоятельныя произведенія, вышедшія изъ-подъ ихъ пера, носили тотъ же церковный характеръ. Святой Григорій Просвѣтитель оставилъ *проповѣди и духовныя размышленія*; Езникъ написалъ *Опроверженіе языческихъ ученій грековъ и персовъ*; Давидъ Непобѣдимый изучалъ литературу и философію языческой Греціи съ тою цѣлью, чтобы показать ихъ тщетность предъ свѣтомъ Евангельскаго ученія; Агаѳангелъ описалъ *жизнь Просвѣтителя Арменіи и перваго царя-христіанина Арменіи—Тиридата*. Корюнъ начерталъ *жизнь св. Саака и св. Месропа*, двухъ знаменитыхъ отцовъ армянской церкви и армянской письменности. Фаустъ Византійскій изложилъ исторію борьбы Арменіи съ персидскими царями Сасанидской династіи и нарисовалъ величественную христіанскую фигуру каѳоликоса Нерсеса Великаго, основателя школъ, монастырей и пріютовъ, великодушнаго патріота поэта и оратора, на ряду съ которой представилъ также и портретъ Аршака II, страннаго царя, язычника и, въ значительной степени, азіата. Другіе авторы сложили церковныя пѣснопѣнія, молитвы и составили житія святыхъ. Даже тѣ, которые имѣли намѣреніе только разсказать политическія событія страны, не могли удержаться, чтобы не присоединить къ своему разсказу религіозныя разсужденія. Подъ перомъ этихъ церковныхъ писателей историческія событія разсматривались съ точки зрѣнія христіанской церкви; холодная и безпристрастная критика отсутствовала. Все связывалось съ Богомъ... Армянскій народъ смотрѣлъ на церковь какъ *на душу своего отечества*, какъ *на живое олицетвореніе своей индивидуальности*. Его духъ принялъ меланхолическое направленіе среди этого мистическаго мрака, потерявъ въ немъ интеллектуальную независимость. Но, съ другой стороны, этотъ же духъ народа пріобрѣлъ иную мощную силу, болѣзненную силу, почерпнутую въ вѣрѣ, силу исповѣдника, мученика. И когда династія Аршакидовъ пала и Арменія потеряла политическую независимость, народъ ухватился за церковь. Онъ принялъ на себя политическое иго Персіи, но когда Язгертъ, царь Сасанидской династіи, хотѣлъ принудить его принять религію Зороастра, онъ поднялъ знамя возстанія. Это была достойная удивленія эпопея, тянувшаяся въ жизни народа цѣлую четверть вѣка. Разоренная, порабощенная, владѣя незначительными си-

лами, Арменія имѣла, однако, мужество, чтобы отчаяннымъ образомъ сопротивляться грозному могуществу персидскихъ войскъ. Варданъ Мамиконьянъ и его 1.036 соратниковъ выступили на защиту національной церкви противъ персовъ; они пали, подавленные численностью своихъ враговъ; но, пролитая ими кровь спасла церковь. Примѣръ первыхъ мучениковъ распространился въ цѣломъ народѣ; послѣдовала глухая, упорная борьба. Персія, утомленная воздвигнутыми ею же преслѣдованіями, рѣшила дозволить армянамъ почитать своего Бога. Это была нравственная побѣда, одержанная слабымъ надъ сильнымъ; армяне это поняли и стали разсматривать подвигъ Вардана и его сподвижниковъ, какъ наилучшую страницу своей исторіи. Священный бой, въ которомъ палъ Варданъ, сталъ великимъ національнымъ преданіемъ. Историкъ Егише, современникъ и свидѣтель этихъ событій, составилъ описаніе этой борьбы, которое обезсмертило личность св. героя-мученика.

Съ тѣхъ поръ церковь, народъ и литература сомкнулись еще болѣе. Народъ нашелъ въ церкви утѣшеніе своимъ печалямъ, поддержку и убѣжище, гдѣ его личность могла найти прикрытіе и охрану.

Литература, которая подготовила это единеніе церкви съ народомъ, сдѣлалась съ тѣхъ поръ пламеннымъ и энергичнымъ выраженіемъ этого единенія. Она всегда оставалась въ рукахъ людей церкви и складывалась безпрерывно изъ мистическихъ поэмъ, богословскихъ размышленій и хроникъ съ религіозною тенденціей.

Но не одно подавляющее вліяніе церкви тормозило интеллектуальное развитіе народа; этому способствовала также и другая болѣе могучая причина, а именно постоянное терзаніе народа тѣми народами-побѣдителями, которые послѣдовательно разоряли Арменію. Она представляла собою открытую дорогу для всѣхъ нашествій; она вынесла самыя ужасныя мученія, она испытала самыя тяжкія ига. Испытанія были суровы и судьба народа каждый разъ висѣла на волоскѣ. Литература уже представляла собою сплошное псалмопѣніе. Единственное нововведеніе заключалось въ томъ, что историческая литература, вмѣсто того, чтобы сообщать о знаменитыхъ событіяхъ и воспѣвать храбрыхъ царей прежняго времени, все болѣе и болѣе становилась продолжительнымъ плачемъ о бѣдствіяхъ терзаемой матери-родины, рисовала трагическія картины убійствъ и грабежей или прославляла память героевъ, проливших кровь въ защиту національной церкви. Вслѣдствіе гнета политическихъ заботъ и недостатка средствъ и времени для обученія и продолжительныхъ занятій писатели утратили чистоту языка, благородство стиля — качества, характеризовавшія писателей V вѣка. Послѣ второго расцвѣта литературы въ X ст., въ эпоху династіи Багратидовъ, и третьяго «возрожденія» во время Рубенидовъ языкъ пришелъ въ окончательный упадокъ, литература приняла характеръ безформенной напыщенности, а такъ какъ политическая жизнь съ паденіемъ армянскаго царства въ XIV в. совершенно прекратилась, то стала умирать и интеллектуальная жизнь; этотъ процессъ продолжался до пробужденія, совершившагося въ настоящемъ столѣтіи.

Разсматриваемая въ цѣломъ, эта христіанская литература Арменіи, несмотря на свое однообразіе, несмотря на то, что ей часто недостаетъ художественности, представляетъ все-таки нѣкоторую мрачную и оригинальную прелесть.

Она отличается большимъ и прочнымъ единствомъ духа; она покоится на мощномъ сознаніи и служитъ выраженіемъ горести народа, которому пришлось вынести, быть можетъ, болѣе чѣмъ какому-либо другому; съ этой точки зрѣнія она становится величественною въ своей печали и окровавленныхъ лохмотьяхъ.

Литература христіанской Арменіи проста, чиста, серьезна. Она лишена всякихъ свѣтскихъ украшеній, всякихъ соблазновъ вымысла, всякаго искусственнаго кокетства. Она является совершенно обнаженною въ своей вышитой золотомъ церковной мантіи, обагренной кровью. Ея отличительный признакъ: единство формы съ единствомъ духа...

Въ ней отсутствуютъ романъ, эпопея, драма. Армянская литература—это сплошной гимнъ. Ея эпопея—это исторія священной борьбы, житія святыхъ и отцовъ церкви, разсказы о великомученикахъ. Ея романъ—это библія, а мѣсто драмы заняли величественные церковные обряды. Европейскіе путешественники, которые имѣли случай присутствовать при этихъ церковныхъ обрядахъ, были поражены ихъ величественнымъ характеромъ и ихъ трагическимъ величіемъ. Аббатъ Villefroy, одинъ изъ первыхъ европейскихъ писателей, которые занялись изученіемъ христіанской Арменіи, писалъ въ началѣ прошлаго столѣтія: «Нѣтъ ничего болѣе краснорѣчиваго и болѣе трогательнаго, чѣмъ молитвы, и болѣе величественнаго, чѣмъ обряды армянской церкви». Армяне, не имѣвшіе никогда оригинальнаго театра, обнаруживаютъ глубокое драматическое чувство въ религіозныхъ обрядахъ, которые напоминаютъ театръ древней Греціи. Литургія—это цѣлая трагедія. Священнодѣйствующій съ непокрытою головою, босыми ногами, протянутыми руками, покрытый блистающею мантіей, стоитъ предъ освѣщеннымъ алтаремъ, украшеннымъ золотомъ и цвѣтами, и представляетъ, въ глазахъ колѣнопреклоненной толпы молящихся, стремленіе страждущаго человѣчества къ источнику справедливости и красоты [1]). Драма измѣняется сообразно съ днями. Въ великій четвергъ вся церковь покрывается бѣлымъ, а въ великую пятницу она облачается въ трауръ: огромная черная занавѣсь закрываетъ алтарь. Въ ночь великаго четверга церковь гаситъ всѣ свѣчи, чтобы среди мрака пѣть печальные гимны. Въ Вербное воскресенье вечеромъ церковь символично изображаетъ страшный судъ: епископъ, преклонивъ колѣна, молится у затянутой завѣсы о дозволеніи быть допущеннымъ въ Рай.—И только иногда пережитки древняго язычества переплетаютъ простоту этой христіанской драмы. Въ день Преображенія, во время великой процессіи, разбрасываютъ народу розы и выпускаютъ голубей, согласно съ древнимъ обычаемъ праздника Анахиты, а наканунѣ праздника Введенія во храмъ зажигаютъ костеръ во дворѣ церкви, въ память огней Михра (Митра).

Далѣе, при всей своей ограниченности, эта церковная литература иногда возвышалась до степени наивысшихъ вдохновеній. Христіанству удалось лишить мысль народа ея языческаго направленія, но оно не могло вырвать у него его лирическую и склонную къ восхищенію душу. Произошло только измѣненіе те-

---

[1]) Лица, имѣвшія возможность видѣть разныя литургіи въ Римѣ, въ церкви св. Андрея Della Valle, единодушно признаютъ, говоритъ академикъ Лероа-Болье, что армянская литургія, какъ древнѣйшая, самая торжественная. (См. его Conférence 9-го іюня 1896 г.— Les Arméniens et la question Arménienne, стр. 11).

мы. Древній пѣвецъ продолжалъ жить въ поэтѣ, слагавшемъ церковныя пѣснопѣнія. Не только кое-что осталось отъ энтузіазма языческаго поэта, но также и отъ свѣтло-радостнаго настроенія, отъ лучезарной ясности миѳическихъ поэмъ. Блескъ пламеннаго лиризма освѣщаетъ мистическій мракъ этой христіанской поэзіи. Слова: *солнце*, *свѣтъ*, *лучъ*—всѣ эти мотивы древней «солярной» поэзіи часто отражаются въ этой религіозной поэзіи, служа къ возвеличенію христіанскаго Бога. Одинъ изъ этихъ церковныхъ поэтовъ въ восторженной строфѣ,—строфѣ, носящей почти языческій характеръ, несмотря на свои богословскія цѣли, взываетъ слѣдующимъ образомъ: «Свѣтъ, творецъ свѣта, первый свѣтъ, обитающій въ неприступномъ свѣтѣ, — Отецъ небесный, восхваляемый сонмомъ изъ свѣта созданныхъ духовъ: при восходѣ утренняго свѣта осіяй души наши мысленнымъ твоимъ свѣтомъ!» [1]).

А вотъ канонъ на праздникъ Преображенія,—канонъ, поднимающійся яркимъ пламенемъ, подобно ведійскому гимну: «Сынъ единородный, лучъ отъ славы Отца! Ты, который невмѣстимый свѣтъ (божества) вмѣстилъ въ твоемъ тѣлѣ, нынѣ на Ѳаворѣ просіялъ славою... Огонь божественный! Ты, неприступный для огненныхъ (духовъ); Ты, свѣтъ небесный, нисшедшій къ намъ, бреннымъ—нынѣ на Ѳаворѣ просіялъ славою» [2]). И эти блистающіе образы, эти слова радости и свѣта, находятся въ странномъ противорѣчіи съ мрачнымъ цѣлымъ этой литургіи, въ которой господствуетъ плачъ и въ которой значительное мѣсто занимаютъ гимны въ честь мучениковъ, молитвы за узниковъ, моленія за спасеніе души вмѣстѣ съ miserere и похоронными гимнами.

III.

На общемъ фонѣ этой литературы выдѣляются нѣсколько личностей, которыя обращаютъ на себя особое вниманіе въ силу ихъ лирической мощи и оригинальности ихъ темперамента: это—писатели, которые силою блеска своего генія, обнаружили скрытую мощь своего народа.

Первое имя, которое должно быть названо,—это имя *Моисея Хоренскаго*. Плохой историкъ, писатель съ неровнымъ стилемъ, онъ, тѣмъ не менѣе, является настоящимъ поэтомъ. Онъ сталъ нѣкоторымъ образомъ Гомеромъ для армянскаго народа. Хотя и очень неполно, но все-таки онъ одинъ повѣствовалъ о древнихъ герояхъ, за что народъ далъ ему прозваніе «Отца поэтовъ». Его стихъ мѣстами тяжелъ, разсказъ часто недостаточно обработанъ; но этотъ писатель получилъ образованіе въ Греціи, онъ читалъ Иліаду; онъ любитъ героевъ и почитаетъ доблесть; вотъ почему, несмотря на христіанскій фанатизмъ, который былъ не чуждъ и ему, онъ съ пламеннымъ энтузіазмомъ прославлялъ древнихъ царей, которымъ какъ бы извиняетъ ихъ язычество, принимая во вниманіе ихъ

---

[1]) Изъ „шаракана", т.-е. богослужебнаго канона, воспѣваемаго въ часъ восхода солнца. Приводится въ переводѣ проф. Н. Эмина. См. его „Шараканы" М. 1879 г., р. 358.

[2]) Изъ канона на второй день Преображенія. Переводъ Эмина, см. „Шараканы", р. 271. *(Прим. переводчика.)*

храбрость и доблесть. Онъ превознесъ похвалами доблесть, онъ воспѣлъ подвиги силы, и въ тѣхъ главахъ, гдѣ онъ говоритъ о герояхъ или о большой битвѣ, въ немъ обнаруживается поэтъ: онъ расходится, онъ воодушевляется. Рисуя образъ царя Тиграна I, Моисей Хоренскій говоритъ: «И какой человѣкъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, любящій мужество и мудрость, не возрадуется при мысли о немъ и не пожелаетъ итти по слѣдамъ его? Ставъ главою мужей и показавъ мужество, онъ тѣмъ возвысилъ нашъ народъ и насъ, находившихся подъ игомъ другихъ, содѣлалъ налагающими ярмо на многихъ и заставляющими платить себѣ дань; умножилъ и золото и серебро, и драгоцѣнныя каменья, и разноцвѣтные, разнотканные наряды для мужчинъ и женщинъ. Въ этихъ нарядахъ безобразные являлись дивными, а прекрасные, по понятіямъ того времени, полубогами. Пѣхота очутилась на коняхъ, пращники всѣ безъ изъятія явились искусными стрѣлками, сѣкироносцы вооружены мечомъ и копьемъ; безоружные покрылись щитомъ и панцыремъ. Достаточно было одного вида этого воинства, собраннаго вмѣстѣ, закованнаго въ блещущія и сіяющія латы, чтобы обратить непріятеля въ бѣгство. Миротворецъ и архитектонъ, Тигранъ млекомъ и елеемъ питалъ всѣ возрасты (т.-е. людей всѣхъ возрастовъ). Много еще подобнаго совершилъ для нашей страны Тигранъ Ервандіанъ, Тигранъ бѣлокурый, съ завитыми волосами, красивоокій, румяный, статный, широкоплечій, быстроногій, красивоногій, умѣренный въ пищѣ и питьѣ, воздержный на пиршествахъ. О немъ древніе пѣвцы наши при звукахъ бамбирна [1]) воспѣвали, «что онъ владѣлъ своими страстями, былъ краснорѣчивъ и велемудръ во всемъ полезномъ для человѣчества» [2]).

Страницы, на которыхъ Моисей Хоренскій воспѣваетъ возстаніе Гайка, эпонима армянъ, противъ тирана Бела представляютъ настоящія эпопеи, равно какъ и тѣ, которыя описываютъ титаническое сраженіе, въ которомъ Гайкъ, «этотъ рослый, стройный, быстроокій, съ густыми кудрями, мощными руками, славившійся между исполинами храбростью (мужъ)»... «устремившись впередъ, приближается къ царю (Белу) и, крѣпко натянувъ широко-объемный свой лукъ, угодилъ трехкрылою стрѣлою въ грудную доску Бела: желѣзо пробилось насквозь между плечами и упало на землю. Такимъ образомъ гордый Титанидъ, пораженный, грохнувшись о земь, испускаетъ духъ. Полчище же, видя такой ужасный подвигъ мужества, обратилось въ бѣгство» [3]). А вотъ страница, описывающая участіе царя Тиридата въ большой битвѣ съ Аланами: «Царь Тиридатъ, со всей Арменіею спустившись на равнину Гаргараци, встрѣчаетъ сѣверные народы войною. Когда оба войска столкнулись, царь разсѣкъ непріятельскіе полки, совершая исполинскіе подвиги. Не могу описать быстроту его руки, отъ которой падали многіе, валяясь по землѣ: они прыгали по лицу земли, какъ рыбы, высыпанныя изъ невода искуснаго рыбака. Царь Басиловъ, при видѣ этого, приближается къ государю, и, вынувъ изъ-подъ конской сбруи арканъ, обвитый ремнемъ, обтянутый кожею, и мощною рукою бросивъ съ тылу, ловко попадаетъ въ

---

[1]) Струнный армянскій національный инструментъ. *(Прим. переводчика.)*

[2]) М. Хор., Исторія Арменіи, кн. I, гл. 24. (Русскій пер. Эмина). *(Прим. переводчика.)*

[3]) М. Хор., кн. I, глава X и XI, переводъ Эмина. *(Прим. переводчика.)*

лѣвое плечо и въ правую подмышку царя, который въ это время поднялъ было руку, чтобы нанести кому-то ударъ мечомъ. И была на Тиридатѣ броня, на которой и малѣйшаго слѣда не оставляли стрѣлы. И такъ какъ царь Басиловъ не могъ рукою даже сдвинуть исполина, то направилъ свои удары въ грудь его коня. Тиридатъ и не подумалъ тронуть своего коня бичомъ: быстро схватилъ лѣвою рукою арканъ, рванулъ его на себѣ съ необычайною силой, ловко угодилъ обоюдоострымъ мечомъ и разсѣкъ врага пополамъ и съ тѣмъ вмѣстѣ снесъ голову коню его» [1]).

Эта любовь къ доблести усиливается у Моисея Хоренскаго трогательною нѣжностью къ своей странѣ, которую онъ любитъ и почитаетъ: «Сѣтую о тебѣ, земля армянская,—пишетъ онъ въ началѣ своего знаменитаго обращенія къ Арменіи, — сѣтую о тебѣ, страна благороднѣйшая изъ всѣхъ странъ сѣвера» [2]). Его стиль еще болѣе становится яркимъ, когда онъ воспѣваетъ богатство Арменіи, разнообразіе и красоту ея мѣстоположеній, величавость ея горъ, свѣжесть долинъ. Страница, на которой онъ воспѣваетъ феерическую мѣстность Вана, который царица Семирамида избрала своей лѣтней резиденціей, — открывается описаніемъ дивнаго изобилія цвѣтущей равнины, залитой лучами восточнаго солнца [3]).

Наконецъ, этотъ писатель, съ душою барда, нисколько не боялся бичевать, на одной замѣчательной страницѣ своего труда, низость, пороки и недостатки своихъ современниковъ. Онъ указалъ на послѣдовавшія послѣ былого величія и былой доблести—паденіе и испорченность своего времени, которыя и послужили причиною паденія династіи Аршакидовъ въ Арменіи. Такимъ образомъ, въ ряду древнихъ армянскихъ писателей личность Моисея Хоренскаго является въ двойномъ свѣтѣ: съ одной стороны, онъ восторженный энтузіастъ, когда описываетъ доблесть былыхъ временъ, съ другой — онъ горько жалуется на паденіе своей эпохи. И вотъ почему его книга, несмотря на ея ошибки, недостатки и пробѣлы, все-таки является самою полною, наиболѣе трезвою и наиболѣе утѣшительною среди литературныхъ памятниковъ древней Арменіи.

Два другія имени, достойныя быть отмѣченными среди этихъ писателей, это—имена *Лазаря Парпскаго и Егише* (Елисея). Эти оба историка отличаются отъ Моисея Хоренскаго тѣмъ, что они христіане по преимуществу. Оба они воспѣли религіозныя войны армянъ противъ Персіи, стремившейся водворить въ Арменіи ученіе Зороастра. Ихъ обѣ книги представляютъ двѣ страницы христіанской эпопеи. Лазарь Парпскій — писатель съ правильнымъ слогомъ, изящный, спокойный, выдержанно-благородный. Наскоро и кратко онъ набросалъ силуэтъ героя Вардана Мамиконьянъ, этого отважнаго, доблестнаго и искуснаго человѣка, который впродолженіе 20 лѣтъ съ небольшими силами боролся съ огромнымъ ассимилирующимъ давленіемъ Персіи. Егише, который былъ болѣе поэтомъ, чѣмъ историкомъ, написалъ самую вдохновенную книгу въ армянской христіанской литературѣ. Онъ повѣствовалъ о героическомъ сопротивленіи Арменіи зо-

---

[1]) М. Хор., кн. II, гл. 85. *(Прим. переводчика.)*
[2]) М. Хор., кн. III, гл. 68. *(Прим. переводчика.)*
[3]) См. М. Хор., кн. I, гл. 16. *(Прим. переводчика.)*

роастрической Персіи и превозносилъ похвалами личность Вардана Мамиконьянъ. Книга Егише раздѣлена на семь отдѣловъ, разсказъ излагается подробно и въ порядкѣ и отличается ясностью и прелестью. Это—настоящая поэма; быть можетъ, это наиболѣе полная, наиболѣе искренняя, наиболѣе чистая изъ христіанскихъ поэмъ: она проста, свободна отъ излишнихъ языческихъ прикрасъ, чужда вся-

Св. Вардань Мамиконьянъ.

каго самодовольства плѣнительныхъ картинъ и забавныхъ эпизодовъ, какъ въ романѣ Тасса. Но она переступаетъ предѣлы христіанскаго духа и рисуетъ душу народа, который былъ облегченъ этимъ духомъ, какъ бы воинскими доспѣхами. Стихъ Егише—ясный, граціозный, богатый, съ отпечаткомъ благородства, нѣсколько неловкаго, но чистаго,—пріобрѣтаетъ прочность стали на тѣхъ страницахъ, гдѣ онъ разсказываетъ о наивысшемъ напряженіи силъ, о великихъ подви-

гахъ самоотверженія. Егише былъ пѣвцомъ доблести иного характера, а именно той, которая состояла въ готовности принять вѣнецъ мученичества и пожертвовать жизнью изъ-за Христова имени. Онъ мастерски нарисовалъ психологическую картину Арменіи, углублявшейся въ мистическую жизнь подъ давленіемъ языческой Персіи [1]). «Съ тѣхъ поръ,—говоритъ онъ на одной изъ лучшихъ страницъ своего сочиненія,—нельзя было различить ни слугъ отъ господъ ихъ, ни именитаго князя, взросшаго въ наслажденіяхъ, отъ привыкшаго къ грубой и тяжкой работѣ земледѣльца. Мужчины, старцы, дѣти всѣ соединились во Іисусѣ Христѣ, всѣ вооружились однимъ оружіемъ, облеклись въ одну броню вѣры и опоясались единымъ поясомъ истины. Не считали болѣе ни во что ни золото, ни серебро. Никто не копилъ ихъ для избѣжанія впослѣдствіи нуждъ. Богатыя одежды—знакъ отличія и почести—были въ презрѣніи. Всякая собственность считалась менѣе, нежели ничто. Они считали себя не иначе какъ трупами и каждый готовилъ себѣ могилу,—жизнь казалась имъ смертью, а смерть жизнью истинною. Со всѣхъ сторонъ раздавались восклицанія набожныя и воинственныя: «Умремте храбрыми! Станемте думать только о стяжаніи славнаго имени и спасеніи души своей. Да пребудетъ съ нами и въ насъ всегда и постоянно Іисусъ Христосъ, которому легко вызвать снова изъ праха насъ и тѣхъ, которые умерли въ вѣка прошедшіе,—Іисусъ, который воздастъ каждому по заслугамъ его». Такъ утѣшалъ каждый самъ себя и другихъ».

Послѣ этого величественнаго изложенія, въ которомъ вырисовывается восторженный духъ народа, нетерпѣливо приготовляющій себя къ принятію мученическаго вѣнца, поэтъ переходитъ къ подробному изложенію самой священной битвы. И мы, на-ряду съ трогательными и величественными эпизодами, знакомимся съ главнѣйшими типами этой мистической эпопеи, типами, обрисованными степенно, благоговѣйно и благородно. Вокругъ Вардана—этого энтузіаста, суровая голова котораго, покрытая огромнымъ шлемомъ (см. рис.) съ длиннымъ конскимъ хвостомъ, господствуетъ надъ разсказомъ,—группируются различные армянскіе крестоносцы, всѣ владѣтельные князья Арменіи, выступившіе навстрѣчу смерти ради защиты національной церкви. Между ними выдается достойный удивленія воинъ-священникъ Гевондъ, съ копьемъ въ одной и крестомъ въ другой рукѣ, увѣщевающій своихъ сотоварищей идти на встрѣчу смерти, благословляющій тѣла павшихъ во Христѣ и, наконецъ, принимающій съ мужественною безропотностью вѣнецъ мученика отъ рукъ персидскихъ палачей... Одинъ изъ портретовъ, наиболѣе рельефно обрисованный въ этой книгѣ и составляющій контрастъ съ портретомъ Вардана, это—мрачный портретъ предателя Васака, который, отрекшись отъ своей вѣры, перешелъ въ ряды персидской арміи и сражался противъ своихъ же соотечественниковъ. Егише его изобразилъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, и можно указать мало такихъ сильныхъ страницъ, какъ эти, на которыхъ христіанскій повѣствователь описываетъ страшную смерть предателя, впавшаго въ немилость и брошеннаго въ темницу самими же господами, рабомъ которыхъ онъ сдѣлался [2]).

Но наиболѣе трогательное мѣсто во всей книгѣ Егише—это отрывокъ объ

---

[1]) См. Егише, гл. 3; переводъ П. Шаншіева. Тифлисъ, 1853 г. (*Прим. переводчика*).
[2]) См. конецъ 7-й главы, тамъ же, стр. 231—233. (*Прим. переводчика.*)

армянскихъ женщинахъ. Армянка всегда отличалась преданностью, замѣчательнымъ духомъ самопожертвованія и отваги. Въ продолженіе всей армянской исторіи не разъ можно видѣть доказательства ея высокой доблести. Во время осады Ани, въ XII столѣтіи, одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ передаетъ, что онъ видѣлъ, какъ одна армянка, поднявшись на укрѣпленія, ободряла сражавшихся, бросала въ непріятелей камнями и пускала обратно въ нихъ попавшія въ нее стрѣлы, которыя она вырывала изъ своего тѣла.

Когда въ XIV ст. Тамерланъ опустошалъ Арменію огнемъ и мечемъ, какая-то армянка, по имени Каринэ, предпочла броситься въ пропасть, чѣмъ сдѣлаться плѣнницей тирана. Даже во время послѣднихъ избіеній армянская женщина явила себя достойною своихъ героическихъ сестеръ стараго времени: въ Сасунѣ Шакэ со своими пятидесятью подругами бросилась въ скалистую бездну, въ Палу тридцать армянокъ, преслѣдуемыя турками, бросились въ Евфратъ, распѣвая духовныя пѣсни; наконецъ, въ Константинополѣ, во время манифестаціи прошлаго года, молодыя дѣвушки убивали изъ оконъ своихъ домовъ толпившихся на улицѣ убійцъ. Въ историкѣ Егише армянка нашла наиболѣе совершеннаго художника, изобразившаго ее трогательнымъ образомъ на одной замѣчательной страницѣ, гдѣ она является со всѣми присущими ей чертами, съ нѣжною любовью къ домашнему очагу, съ безграничною привязанностью къ національной религіи и отечественной землѣ, съ готовностью жертвовать собою, съ чувствомъ братства и равенства во время общаго бѣдствія. Егише воспѣваетъ эпическую печаль женъ Арменіи, мужья которыхъ пали въ священной битвѣ, или которыхъ непріятель отвелъ въ темницы, чтобы тамъ покончить съ ними [1]). «Нѣжныя жены армянской страны, взлелѣянныя съ дѣтства въ нѣгѣ и роскоши, воспитанныя на софахъ и мягкихъ подушкахъ, ходили теперь изъ сырыхъ жилищъ своихъ босыми въ церковь Божію или молельню—испрашивать у Бога пламенными молитвами благодатную силу выносить терпѣливо тяжкое горе жизни. Тѣ, которыя съ юныхъ лѣтъ привыкли къ изысканной пищѣ, съ радостью утоляли свой голодъ травами и овощами, вовсе не вспоминая о прежнихъ вкусныхъ блюдахъ. Увялъ цвѣтъ лица ихъ и загрубѣла кожа, цѣлый день подвергались они загару на солнцѣ, а ночью склоняли головы на грязное сѣно, брошенное на землю. Уста ихъ произносили только стихи псалмовъ и единственнымъ утѣшеніемъ ихъ было чтеніе пророковъ. Онѣ сходились часто между собою, чтобы вѣрно нести свое иго, итти по одному пути въ рай и достать, не сбиваясь съ пути, обители мира и покоя... Ледъ многихъ зимъ растаялъ; весна нѣсколько разъ уже возвращала ласточекъ: все радовало сердце человѣка; но жены плѣнныхъ христіанъ тщетно ждали радостнаго возврата возлюбленныхъ своихъ супруговъ. Видъ цвѣтовъ весеннихъ напоминалъ имъ ангельскую нѣжность святой любви возлюбленныхъ и взоры ихъ жаждали отдохнуть на прекрасныхъ ихъ образахъ. Охотничьи гончія собаки благородныхъ вельможъ погибли одна за другою въ отсутствіи своихъ господъ, и перестали ржать борзые кони ихъ. Бѣдныя жены христіанскія не имѣли другихъ воспоминаній о супругахъ своихъ, кромѣ ихъ портретовъ. Торжественныя собранія, дни вели-

[1]) См. одиннадцатую главу исторіи Егише („Воспоминаніе о женахъ плѣнныхъ воиновъ Христовыхъ, погибшихъ въ великихъ сраженіяхъ“); переводъ Шаншіева, стр. 337 слѣд.

(*Прим. переводчика.*)

вихъ праздниковъ проходили и не приносили имъ свиданія съ милыми и возврата ихъ изъ земли отдаленной. Бѣдныя проливали слезы, проходя опустѣлые залы, и звали ихъ по именамъ: въ этихъ залахъ поставлены были статуи въ память ихъ, и на каждой было вырѣзано имя отсутствующаго».

Въ XII столѣтіи, во время краткаго промежутка, когда армянскій народъ могъ наслаждаться въ Киликіи непродолжительнымъ періодомъ мира и благоденствія, въ монастырской тиши поднимаются двѣ чистыхъ, смиренныхъ души и начинаютъ пѣть божественную пѣснь, полную усладительной пріятности. Это были епископъ Нерсесъ Ламбронскій и каѳоликосъ Нерсесъ Шноргали (Благодатный). Первый изъ нихъ, человѣкъ съ благороднымъ духомъ, съ утонченнымъ литературнымъ и богословскимъ образованіемъ, знатокъ латинскаго языка и римской литературы, написалъ религіозныя размышленія, проникнутыя спокойнымъ мистицизмомъ, и проповѣди, отражающія въ себѣ обширную эрудицію и отличающіяся плавною формой, струящейся подобно завиткамъ ѳиміама. Другой, Нерсесъ, по прозванію *Благодатный* [1], былъ однимъ изъ наиболѣе великихъ поэтовъ армянской церкви. Этотъ человѣкъ, даровитый, обладавшій гармоніей духа и тихо прожившій жизнью святого, оставилъ рѣчи, комментаріи, Евангеліе, изложенное стихами, поэму на взятіе Едессы мусульманами, въ особенности же ему удались гимны, одни изъ лучшихъ, какими только обладаетъ армянская церковь. Это тихая, почти безплотная поэзія, освященная чистымъ духовнымъ свѣтомъ, протекающая подобно обильному водами, прозрачному лѣсному ручью. Разсказываютъ, что нѣкоторыя изъ этихъ поэмъ онъ написалъ во время безсонныхъ ночей, вызванныхъ его экзальтированнымъ состояніемъ, когда, послѣ долгаго уединеннаго размышленія, онъ импровизировалъ, задыхаясь отъ мистическаго волненія, создавая одновременно мелодію и слова. Другія его поэтическія творенія написаны въ свѣтлыя радостныя утра и представляютъ лучезарные полеты мистической нѣжности и любви...

Приводимъ какъ образчикъ въ переводѣ нѣсколько строфъ изъ одного его гимна:

Утро свѣта, солнце правды, возсіяй ты на меня!
Возстань, Боже, возбуди меня разслабленнаго сномъ!
Ты, который разрѣшаешь тягость нашихъ всѣхъ скорбей!
Длани къ небу воздѣвая, гласомъ я тебя молю
И прошу, о, милосердый, да подашь мнѣ даръ добра!
Дай воды очамъ, теплая слеза да смоетъ мой грѣхъ!
Безпредѣльною любовью сердце, Боже, мнѣ смягчи!

Но, какъ поэтъ, возвысившійся надъ всѣми, котораго голосъ, чудный по своей глубинѣ и почти дикой силѣ, господствовалъ надъ этою меланхолическою гармоніей,—является инокъ *Григорій Нарекскій*. Этотъ писатель вышелъ изъ обычнаго строя національной литературы. Среди писателей настолько же патріотичныхъ, насколько и религіозныхъ, которые, вознося славословіе Богу, всегда занимались событіями своей страны,—только онъ является исключительно поэтомъ-монахомъ. Уйдя въ свой Нарекскій монастырь, онъ предался религіозному созерцанію, молитвѣ и творенію своихъ поэмъ и размышленій. Этотъ человѣкъ,

---

[1]) См. краткій біограф. очеркъ въ вып. 40 Энциклопедич. Словаря Брокгауза.

обладавшій богатымъ, чисто-восточнымъ воображеніемъ и чувствительностью, доведенною до болѣзненности вслѣдствіе продолжительнаго мистицизма, переложилъ въ риѳмованную прозу, отличающуюся въ высшей степени утонченнымъ и сложнымъ стилемъ, боязнь, раскаяніе, галлюцинаціи, плачъ и экстазы аскетической жизни. «Прими,—восклицаетъ онъ въ своей знаменитой *молитвѣ противъ ужасовъ ночи*,—прими съ кротостью, всемогущій Господь, молитву скорбящей души; приблизься съ любовью ко мнѣ сосредоточившемуся; разсѣй, Ты, который примиряешь все, мою постыдную печаль; сними съ меня, о, Милосердый, эту невыносимую тяжесть; удали отъ меня, о всемогущій, это смертное искушеніе; разрушь, о Вѣчно-побѣдоносный, побужденія обманщика; разсѣй, Ты, который обитаешь вверху, туманъ лютаго»...

Григорій Нарекскій создалъ цѣлый рядъ выраженій, чтобы выразить величіе Божье, кротость св. Дѣвы, страхъ передъ грѣхомъ и ужасъ вѣчнаго наказанія.

Григорій Нарекскій много содѣйствовалъ обработкѣ и обогащенію армянскаго языка. Онъ сдѣлалъ его въ высшей степени гибкимъ. Въ своемъ стилѣ прекрасно обработанномъ, онъ соединилъ, какъ нельзя лучше, блескъ и пестроту восточныхъ литературъ съ внутреннимъ художествомъ запада. Онъ явился наиболѣе великимъ проявителемъ армянскаго лиризма.

Остальныя творенія, образующія совокупность древне-армянской литературы, представляютъ собою лишь *историческія хроники*. Вслѣдствіе этого этотъ отдѣлъ армянской литературы является наиболѣе богатымъ среди литературъ всего Востока. Армянинъ, очень практичный отъ природы, любилъ сохранить память о событіяхъ, даже незначительныхъ, произошедшихъ въ родной землѣ. Эта огромная историческая библіотека весьма цѣнна, такъ какъ изъ нея почерпаются свѣдѣнія не только объ армянахъ, но и относительно всѣхъ тѣхъ восточныхъ народовъ, которые прошли черезъ Арменію, относительно Византіи и Крестовыхъ походовъ.

Большинство этихъ хроникъ посвящены разсказу о тѣхъ притѣсненіяхъ, которымъ подверглись армяне во время нашествій языческихъ и мусульманскихъ народовъ. Среди этихъ хроникъ особенно выдается, по трагическому величію своего тона, хроника *Аристакеса Листивертскаго* (Листивертци) XI столѣтія, который описалъ со всѣми ужасными подробностями нашествія въ Арменію туркменъ, татаръ и персовъ. Онъ оставилъ описаніе избіеній, ни въ чемъ не отличающихся отъ тѣхъ, которыя произошли года два тому назадъ, пожаровъ, грабительствъ, насилій надъ женщинами и дѣтьми. Онъ изобразилъ нищету страны, въ эту эпоху, въ образѣ Арменіи «совершенно нагой, лежащей на краю дороги, попираемой всѣми народами, изгнанной изъ своего дома, рабыни и плѣнницы всѣхъ народовъ». Но въ этихъ хроникахъ также необходимъ разсказъ и о тѣхъ усиліяхъ, которыя долженъ былъ выказать армянскій народъ, чтобы сохранить себя среди постигшихъ его бѣдствій. И если гимны, духовныя размышленія и гомиліи показываютъ намъ лирическую мощь армянскаго духа, то эти историческія хроники, несмотря на ихъ недостатки съ эстетической точки зрѣнія, представляютъ интересъ историческаго и моральнаго характера. Вмѣстѣ съ нѣкоторыми шедёврами исторической литературы первыхъ вѣковъ, они даютъ намъ характеристику народа въ трагическомъ повѣствованіи о безпрерывной борьбѣ.

Перев. Л. М.

Пѣвчіе Нахичеванскаго собора св. Григорія.

Шараканъ въ переводѣ Н. О. Эмина [1].

Книга, полный переводъ которой на европейскій языкъ является впервые, принадлежитъ къ числу богослужебныхъ книгъ армянской церкви. Это—духовная сокровищница, въ которую лучшіе представители послѣдней, съ V до VIII вѣка, не переставали дѣлать вклады. Положили ей начало святые Месропъ и Моисей Хоренскій, завершили ее Барданъ Великій и Іоаннъ Ерзенкайскій.

По прошествіи семидесяти девяти лѣтъ послѣ изданія «Исповѣданія армянскія церкви» [2], предлагается русскому ученому міру другая богослужебная книга помянутой церкви, считающая за собой длинный рядъ вѣковъ. Думаемъ, что она прольетъ нѣкоторый правильный свѣтъ на главнѣйшія изъ ея догматовъ. Какъ богослужебная книга, принятая всѣми, безъ изъятія, послѣдователями армянской

---

1) Нижеслѣдующія строки заимствованы изъ Предисловія къ русскому переводу Шаракана, мастерски исполненному извѣстнымъ арменистомъ Н. О. Эминымъ, въ 1879 г. Маститый ученый, какъ извѣстно, задался цѣлью представить вниманію образованнаго русскаго общества, въ числѣ цѣлаго ряда капитальныхъ работъ по исторіи Арменіи, и возможно точный переводъ наиболѣе цѣннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ труднаго по языку памятника духовной армянской поэзіи. Ниже, вслѣдъ за необходимыми свѣдѣніями о Шараканѣ, приводимъ нѣкоторыя изъ такихъ духовныхъ пѣсенъ, въ видѣ образчика.

X.

2) Вышло въ С.-Петербургѣ въ 1799 г. подъ заглавіемъ: „Исповѣданіе христіанскія вѣры армянскія церкви", переведенное съ армянскаго на россійскій языкъ и изданное тщаніемъ преосвященнаго Іосифа, архіепископа всего армянскаго народа, обитающаго въ Россіи, и кавалера князя Аргутинскаго-Долгорукаго. Оно заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, 1) Таинство крещенія армянской церкви и 2) Чинъ священныя и божественныя литургіи армянской церкви. Посвящено Императору Павлу Петровичу.

церкви, она заслуживаетъ полнаго къ себѣ довѣрія. Она нигдѣ и никогда не испытала участи вѣроизложеній вообще и Вѣроизложенія каѳоликоса Нерсеса Благодатнаго (1166—1173) и его преемника Григорія IѴ (1173—1193) въ особенности [1]), которое внѣ предѣловъ киликійскаго армянскаго царства не встрѣтило сочувствія.

Вѣроизложеніе патріарховъ Нерсеса Благодатнаго и Григорія IѴ, одно изъ многихъ вѣроизложеній, сохранившихся въ армянскихъ лѣтописяхъ. Всѣ они, не исключая и редактированнаго этими каѳоликосами, никогда не имѣли обязательнаго значенія для послѣдователей армянской церкви; всѣ они, безъ изъятія, вызваны были политическими обстоятельствами и имѣютъ скорѣе историческое, нежели догматическое значеніе. Образчики ихъ русскій читатель найдетъ, между прочимъ, a) въ переводѣ Всеобщей Исторіи Степаноса Таронскаго—XI в.—стр. 143—175; b) въ французскомъ переводѣ академика Броссе Исторіи Kiracos de Gantzac—XIII в. стр. 195—205; c); въ французскомъ переводѣ Chronique de Matthieu d'Edesse Эдуарда Дюлоріе, стр. 135—150; d) въ Исторіи Католицизма въ Арменіи армяно-католическаго архіепископа Александра Балджеана (по армянски), гдѣ на стр. 273—305 помѣщены нѣсколько вѣроизложеній, написанныхъ по поводу сношеній съ Западною церковью.—Говоря вообще, одни изъ этихъ вѣроизложеній подлаживаются подъ ученіе византійской, другія римской церкви. И въ томъ и въ другомъ случаѣ побудительная причина очевидна: нужна была помощь противъ натиска сильнаго внѣшняго врага. То же самое видимъ въ первой половинѣ XѴ столѣтія на флорентійскомъ соборѣ: Греки, нуждающіеся въ поддержкѣ папъ и западныхъ государей противъ турецкаго нашествія, идутъ на всевозможныя требованія латинянъ и принимаютъ даже ученіе послѣднихъ о Святомъ Духѣ. Поэтому ошибаются тѣ изъ нашихъ ученыхъ, которые на вѣроизложеніяхъ, возникшихъ при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, основываютъ свои выводы о православіи или еретичности какой бы то ни было церкви, не исключая и армянской.

Книга эта, относительно своего содержанія, не сопровождается объяснительной, такъ сказать, запиской: она сама будетъ говорить за себя. Русскій читатель смѣло можетъ изъ нея черпать нѣкоторыя данныя о ученіи армянской церкви: его выводы будутъ тогда основаны на твердой, а не на шаткой почвѣ какого-нибудь вѣроизложенія. Тогда и сынъ этой церкви не скажетъ, какъ онъ до сихъ поръ совершенно основательно замѣчалъ относительно заключеній, сдѣланныхъ нѣкоторыми русскими учеными изъ вѣроизложенія [2]), что это послѣднее содержитъ въ себѣ не ученіе его церкви, но личный на него взглядъ такого-то ду-

---

[1]) Историческіе памятники вѣроученія армянской церкви, относящіеся къ XII вѣку. Перев. съ армянскаго А. Худабашева С. П. Б. 1847 г.

[2]) См. Сношенія армянской церкви съ восточною православною о соединеніи въ XII вѣкѣ въ Твореніяхъ св. Отцовъ въ русскомъ переводѣ, годъ Ѵ, книга I, Москва 1847. *Прибавленія* стр. 88—154.

См. Изложеніе вѣры церкви армянскія, начертанное Нерсесомъ, каѳоликосомъ армянскимъ, по требованію боголюбиваго государя Грековъ Мануила.—Историко-догматическое изслѣдованіе въ связи съ вопросомъ о возсоединеніи армянской церкви съ православною, И. Троицкаго. Спб. 1875.

ховнаго лица, или собора, признаннаго только извѣстной фракціей его народа, и то временно.—Вслѣдствіе сего мы и предоставляемъ книгѣ знакомить русскаго читателя съ ученіемъ церкви, котораго она служитъ выраженіемъ...

Но то, за что мы беремся продолжаетъ Эминъ теперь, а именно знакомить русскую церковь съ армянскою, должно было быть предпринято послѣдователями первой, а не нами: тогда оно скорѣе достигло бы цѣли, т. е. читатели изъ русскихъ съ полнымъ довѣріемъ стали бы относиться къ ихъ труду, не предполагая ни предвзятой мысли въ переводчикѣ, ни поползновенія стушевывать какія бы ни было догматическія шероховатости, буде онѣ существуютъ, въ переводимомъ памятникѣ. Но такъ какъ этого въ настоящее время нѣтъ и не предвидится въ близкомъ будущемъ, то да будетъ намъ позволено въ ожиданіи лучшихъ дѣятелей изъ русскихъ, взять на себя ихъ обязанность, прося въ то же время вѣрить добросовѣстности исполненія принятаго нами на себя дѣла.

Богослужебные каноны и пѣсни заключаютъ въ себѣ, между прочимъ, ученіе армянской церкви о двухъ естествахъ въ Іисусѣ Христѣ. Ученіе это выражено въ нихъ не вскользь, не подъ покровомъ діалектическихъ хитросплетеній и не съ лукавымъ мудрствованіемъ, но отчетливо, ясно и съ полнымъ сознаніемъ. Передъ лицемъ всего свѣта армянская церковь поетъ эти гимны вотъ уже пятнадцать вѣковъ. Пѣла она ихъ, когда еще пользовалась политической самостоятельностью въ предѣлахъ древней Арменіи; пѣла она ихъ, когда половина этой страны признавала надъ собою первенство Византіи; пѣла она ихъ и тогда, когда была въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ латинскимъ западомъ со времени крестовыхъ походовъ; поетъ она ихъ и теперь послѣ многовѣковой утраты политической своей независимости, и, не смотря на это, христіанскіе народы—за весьма малыми исключеніями и то въ послѣднее двадцатилѣтіе—съ которыми она была въ постоянныхъ сношеніяхъ, до сихъ поръ не дали себѣ труда вопрошать отцевъ ея и у нихъ учиться—какимъ догматамъ слѣдуетъ они во главѣ духовной своей паствы. Явленіе печальное, рѣдко встрѣчающееся въ исторіи!..

Каноны и пѣсни, заключающіеся въ Шараканѣ, написаны на древне-армянскомъ языкѣ: одни прозой, другіе—мѣрной прозой, третіи—бѣлыми стихами и наконецъ четвертые—стихами же, но риѳмованными. Они поются въ армянской церкви въ назначенные дни, часы и праздники, и поются по принятымъ *осьми гласамъ*, которые обозначаются слѣдующими словами стиховъ, заимствованныхъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ, а именно *Поемъ; Отцевъ; Величитъ*; *Помилуй*; *Господа на небесахъ; Отроки*; *Обѣдни*; *Возвожу.*

Первая пѣснь называется *Поемъ* потому, что она начинается Пѣснью Моисея: «Поемъ Господеви, славно бо прославися»—*(Исх.* 15*)*; поется въ первый часъ ночи и т. п.

Шараканъ еще въ XII вѣкѣ былъ извѣстенъ представителямъ византійской греческой церкви. Это видно изъ Посланія императора Мануила I Комнина, адресованнаго, во время сношеній Грековъ и Армянъ объ единеніи церквей—на имя каѳоликоса Григорія IV. Въ немъ императоръ, между прочимъ, писалъ: „увѣдомляю тебя, что соблазнъ, существовавшій въ нашемъ сердцѣ, мы исцѣлили посредствомъ богослужебныхъ вашихъ пѣсенъ, (обращенныхъ) къ Богу; ибо, познакомившись съ ними, мы явственно усмотрѣли изъ нихъ, что въ нихъ, во

многихъ мѣстахъ, вы единаго Христа двумя естествами славите. И надлежитъ, чтобы эта правильность (ученія), которая остается какъ бы сокрытою, была выставлена и извѣщена всѣмъ [1]).—Это разумное желаніе византійскаго императора осуществляется только теперь, по прошествіи слишкомъ семи вѣковъ.

Не одни греки останавливали свое вниманіе на Шараканѣ. Въ нынѣшнемъ столѣтіи неоднократно къ нему обращались западные арменисты. Помимо нерѣдкихъ объ немъ отзывовъ въ ученыхъ трактатахъ объ армянской письменности, нѣкоторые изъ этихъ ученыхъ перевели изъ него или отдѣльные каноны, или цѣлые отдѣлы, какъ напр. французскій миссіонеръ Eugène Boré [2]), профессоръ Лувэнскаго университета Félix Nève [3]), италіанецъ Luigi Carrer [4]), и другіе. Изъ армянъ въ истекшемъ 1877 году, ученые венеціанскіе мхитаристы въ день празднованія 50-лѣтняго юбилея Пія IX поднесли главѣ католической церкви, какъ даръ, его достойный, Каноны и пѣсни, посвященные Святой Богородицѣ, въ латинскомъ переводѣ изъ той же книги [5]). На русскій языкъ переведены: архіепископомъ Іосифомъ Аргутинскимъ 2 пѣсни, вошедшія въ составъ литургіи въ XIII вѣкѣ и 14 канонов [6])...

Канонъ на Благовѣщеніе Богородицы [7]).

Неизреченная Тайна, сокрытая для народовъ и вѣковъ, нынѣ открылась черезъ сошествіе архангела къ святой Дѣвѣ Маріи, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Внѣвременное безплотное Рожденіе изъ Отчихъ нѣдръ нынѣ черезъ благовѣстіе Гавріила облекается плотью отъ святой Дѣвы, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Невмѣстимый во всей вселенной, вмѣщающій въ себѣ все сущее, нынѣ движимый человѣколюбіемъ, заключается въ чревѣ Дѣвы, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

---

1) См. Исторію Арменіи о. Михаила Чамчеана, Ч. Ш., стр. 116. Венеція. 1786, (по-армянски).

2) Онъ перевелъ канонъ святому Григорію Просвѣтителю и помѣстилъ въ своемъ „L'Arménie" p. 117—126, Paris. 1840.

3) Онъ перевелъ всѣ каноны усопшимъ и Святому Духу; см. его Les Hymnes funèbres de l'Eglise arménienne traduites sur le texte arménien du Charagan: Revue catholique, t. x. août—décembre 1885; его же De l'invocation du Saint-Esprit, dans Liturgie arménienne. Hymnes traduites et commentées pour servir á l'histoire du dogme en Orient Тамъ же, v. II de la VII Série—année 1862.

4) Онъ перевелъ стихами канонъ Святой Рипсиме; см. его Inno alle Ripsimiane, Венеція. Годъ не показанъ.

5) Laudes et Hymni ad SS Mariae Virginis honorem ex armenorum Breviario excerpta Mechitaristicae Congregationes opera latinitatae donata. Venitiis in Sancti Lacari insula, anno MDCCCLVII. Переводъ изданъ съ текстомъ.

6) См. Собраніе древнихъ Литургій восточныхъ и западныхъ въ переводѣ на русскій языкъ.—Выпускъ второй, СПБ. 1874.—Литургія святаго Григорія Просвѣтителя Арменіи, стр. 168. „Пѣснь на облаченіе въ священныя одежды" и „Пѣснь на кажденіе при святомъ жертвоприношеніи; стр. 180".

7) См. русск. переводъ Шаракана, стр. 8.

Образъ невидимой славы Отца, не измѣняясь нисходитъ до образа раба въ утробѣ Дѣвы, освященной Духомъ: Ее имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Безпредѣльный въ своей сущности, осуществляющій все ограниченное, нынѣ выше человѣческаго разумѣнія ограничивается во чревѣ святой Дѣвы, которую имѣемъ предстательницей нашей передъ Господомъ.

Радость скорбнаго нашего естества—радующаяся Дѣва Марія, которая съ благословеніемъ приняла и носила въ себѣ Подателя закона привѣтствія—будь всегда передъ Нимъ нашей предстательницей.

Одинъ изъ гимновъ, воспѣваемыхъ во дни Великаго поста.

Я расточилъ нетлѣнное духовное сокровище въ тлѣнномъ семъ мірѣ: взываю къ Тебѣ одному, Спаситель благой, пощади меня—согрѣшившаго раба.

Ограду души моей я разорилъ, и сталъ я лозой, лишенной вѣтвей: взываю къ Тебѣ одному, Спаситель благой, пощади меня—согрѣшившаго раба.

Стою я какъ пальма съ оборванными вѣтвями, какъ маслина, лишенная плодовъ: взываю къ Тебѣ одному, Спаситель благой, пощади меня—согрѣшившаго раба.

Изъ Канона святому Григорію Просвѣтителю.

Въ сей день радостно ликуетъ церковь—древо насажденное Богомъ и покрытое цвѣтами, отъ котораго дана намъ безсмертная отрасль—владыка Григорій, плодами своими наполнившій всю землю.

Вѣтвь, обремененная гроздьями истинной виноградной лозы, насажденной десницею Бога Отца! отъ тебя нацѣдилась скорбному нашему народу чаша, приносящая радость: ею упоенные, мы возрадовались духовною радостью.

Весеннее дуновеніе южнаго вѣтра, согрѣтаго огнемъ божественнаго Духа, отъ котораго (огня) растаялъ ледъ идолослуженія народовъ, обитающихъ на сѣверѣ, разцвѣтшихъ богопознаніемъ.

Владыка Григорій?! ты—новый усладительный рай, насажденный въ странѣ армянской, стоившій пота и трудовъ многихъ; ты, орошенный потокомъ словъ истины, далъ отъ себя дивно-прекрасные отростки, покрытые множествомъ цвѣтовъ.

Ты показался на землѣ небеснымъ свѣтомъ, получившимъ свой блескъ отъ Солнца жизни; ты разсѣялъ густой мракъ съ армянскаго народа, и онъ увидѣлъ свѣтъ благодати Святаго Духа.

Сонмы огненныхъ безтѣлесныхъ воинствъ сорадуясь ликуютъ съ бреннымъ нашимъ естествомъ, давшимъ Господу Богу владыку Григорія, черезъ котораго отроки православной вѣры посвящаются въ небесную славу...

Добрый правитель дома Божія, удостоившійся благодати владыка Григорій! ты—сокрушитель жертвенниковъ языческихъ, разрушитель капищъ силою креста, первосвященникъ избранный Богомъ, свыше получившій отъ Учителя призывъ на апостольскій престолъ...

Канонъ святымъ дѣвамъ, спутницамъ святой Рипсиме.

Души, посвятившія себя любви Христовой, небесныя подвижницы и мудрыя дѣвы! Мать Сіонъ, хвалясь вами, высоко празднуетъ вашу память вмѣстѣ съ своими дочерями.

Голоса съ небесъ наполнили землю; ибо вы, какъ запахъ благоуханія, распространились передъ Христомъ; вы принесли себя, какъ жертву искупленія, во всесожженіе, о вы безпорочныя агницы, посвященные Богу.

Тѣлесная блестящая ваша красота обезумила царя и изумленныхъ язычниковъ, бодрые же духи, при видѣ дивной, богоданной красоты дѣвы, ликовали съ людьми...

Обезсилѣли могучіе стрѣлометатели, а слабыя жены явились во всеоружіи. Царь гордящійся силою и славою, побѣжденный юной дѣвой, былъ покрытъ стыдомъ..

Всѣ язычники съ ликованіемъ шли на обладаніе одной дорогой жемчужины Западъ устремился на Востокъ, чтобы повсюду возвѣстить о дивной красотѣ.

Цари, услышавъ это, исполнились радости; всѣ они стали искать скрытое сокровище, которое они на словахъ обѣщали подарить одинъ другому, на дѣлѣ же—тайно похитить другъ у друга.

Тогда открылась тайна духовнаго зачатія, и началась родильная скорбь спасенія міра; ибо небесная воля, умилостивившись ниспослала свыше царя спасенія...

Изъ Канона по усопшимъ.

Боже безначальный, Начало творчества! Ты изъ земли создалъ перваго человѣка, поселилъ его въ саду эдемскомъ, чтобы воздѣлывать его и хранить въ неизреченной жизни; но когда онъ преступилъ заповѣдь Твою, Господи, Ты произнесъ надъ нимъ смертный приговоръ: прахъ ты, и въ прахъ возвратишься. И нынѣ молимъ Тебя, Создателя всего, прими и упокой отшедшія души въ свѣтозарной свѣтовой скиніи, гдѣ сонмы святыхъ праведниковъ смиренной душой въ мирѣ наслаждаются небесными благами.

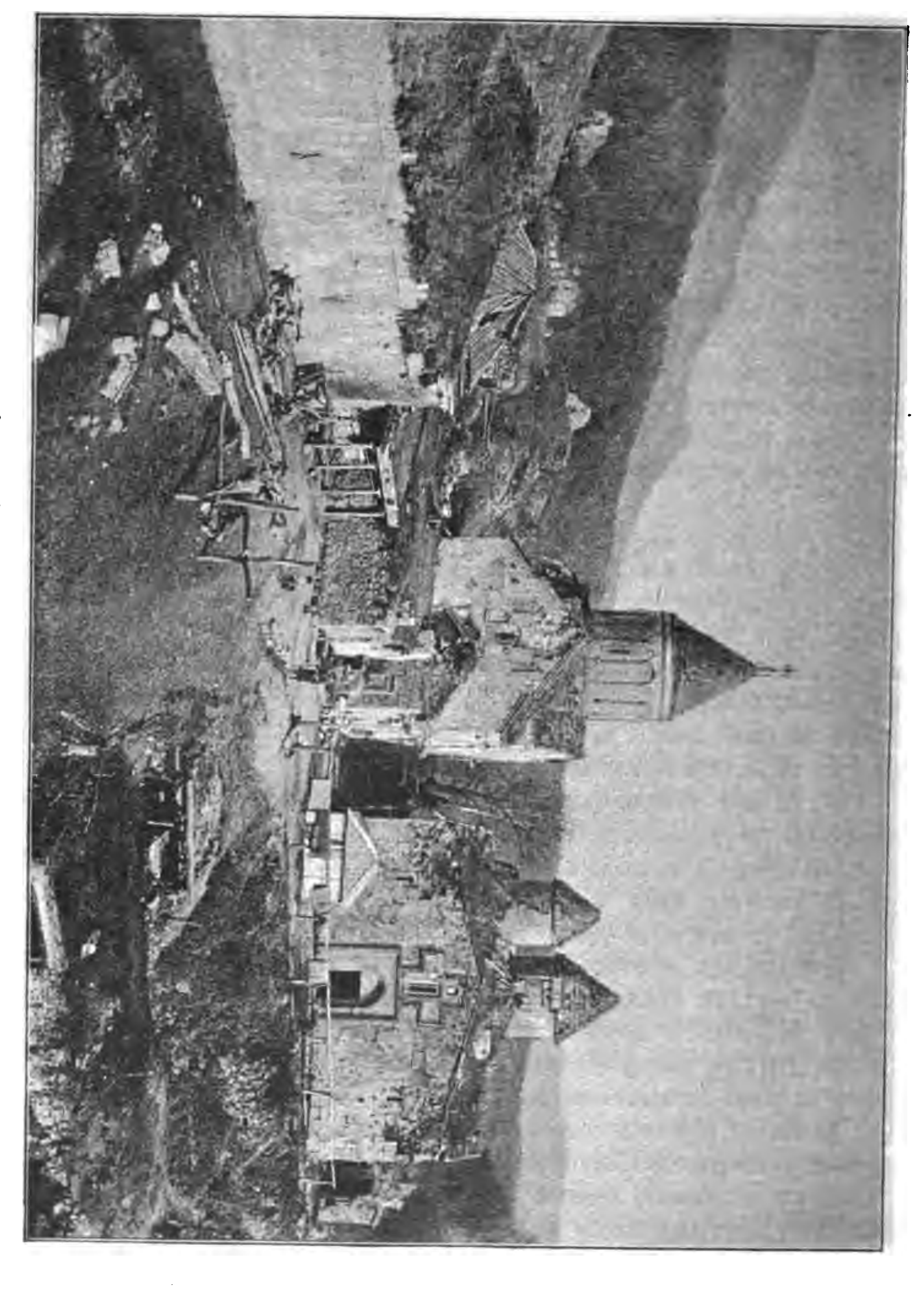
Я, бывшій нѣкогда золотомъ, сталъ безполезною вещью; изящное зданіе моего тѣла разрушилось; я, нѣкогда мудрый, нынѣ обезумѣлъ отъ волнъ грѣховъ, въ которыя погрузился. И нынѣ молимъ Тебя, Создателя всего, прими и упокой отшедшія души въ лучезарную свѣтовую скинію, гдѣ сонмы святыхъ праведниковъ смиренной душой въ мирѣ наслаждаются небесными благами.

Зовущій отъ вышняго Призывающаго пришелъ: страшенъ Призывающій, ужасенъ зовущій; судія не лицепріятенъ, судъ праведенъ—ангелы безъ жалости судятъ грѣшныхъ. И нынѣ молимъ Тебя, Создателя всего, прими и упокой отшедшія души въ лучезерную скинью, гдѣ сонмы святыхъ праведниковъ смиренной душой въ мирѣ наслаждаются небесными благами...

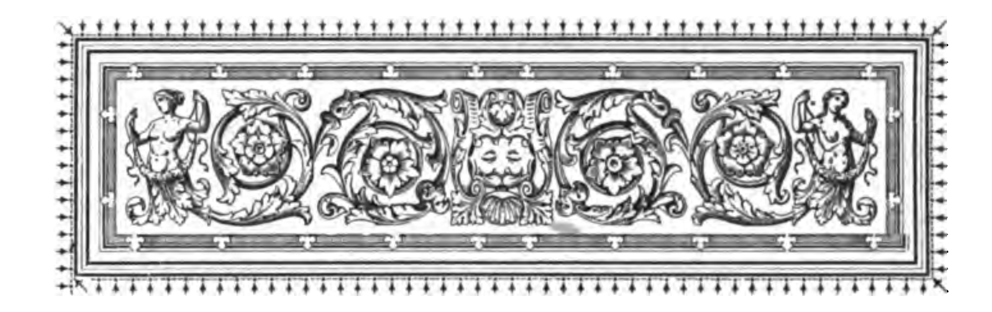
Великъ и страшенъ день суда; трепетъ наводитъ судилище, когда раздается трубный звукъ, когда слышно горѣніе ужаснаго огня.

Земля колеблется; дрожатъ твари; раздается звукъ трубы Гавріиловой по сведенной, души облекаются въ нетлѣнную плоть.

Съ востока является Крестъ въ блескѣ седмикратно превосходящемъ сіяніе солнца; праведные сіяютъ, и грѣшники навсегда лишаются чистѣйшаго свѣта; и лучи святаго Креста, предшествуя Тебѣ, очищаютъ Тебѣ мѣсто возсѣданія въ воздушномъ пространствѣ: въ тотъ страшный день помилуй души нашихъ усопшихъ.



Агарцинскій монастырь XIII в. (Шушин. у.).



Послѣднія письма М. Е. Салтыкова къ Н. А. Бѣлоголовому*).

1.

18 января (1889 г.).

Многоуважаемый Николай Андреевичъ! Богъ знаетъ, сколько ужъ времени ни я ни писалъ къ вамъ, ни отъ васъ не получалъ извѣстій, такъ что и съ очереди сбился. Я, впрочемъ, потому не писалъ, что въ послѣднее время былъ особенно удрученъ. Объ васъ же съ удовольствіемъ слышалъ отъ Лихачевыхъ, что вы, благодареніе Богу, здоровы и дѣлаете уже планы на будущее лѣто.

Боткинъ давно меня не смотрѣлъ. Здѣсь былъ съѣздъ врачей и продолжался десять дней; понятно, что С. П. былъ занятъ по горло. 1-го и 15 января (мнѣ 63 года исполнилось) онъ былъ, впрочемъ, у меня, но съ предвареніемъ, что пріѣзжаетъ не какъ врачъ. Судя же потому, что Екатерина Алексѣевна сообщала женѣ, что я еще 15 лѣтъ проживу, я замѣчаю, что и взглядъ Сергѣя Петровича таковъ, что болѣзнь моя идетъ своимъ чередомъ. Но можно себѣ представить, какъ меня обрадовала мучительная перспектива долгихъ лѣтъ существованія.

Въ послѣднее время, у меня созрѣлъ планъ. У меня есть сестра, которая замужемъ за французомъ и живетъ въ г. Турѣ. Не переѣхать ли и мнѣ туда? Только она не очень добрая и притомъ спиритка—пожалуй, будетъ меня обращать въ свою вѣру и каждоминутно раздражать. А другое обстоятельство—на два дома жить нельзя будетъ. А переѣзжать придется, вѣроятно, навсегда, по тому что Туръ не купель Силоамская и не возстановитъ меня настолько, чтобы я могъ мечтать о прежней дѣятельности. Если перемѣна климата и поможетъ, то лишь подъ условіемъ, чтобы въ этомъ новомъ климатѣ и жить.

*) Съ Н. А. Бѣлоголовымъ Салтыковъ познакомился въ качествѣ паціента въ 1874 г. но потомъ они близко сошлись и вели оживленную переписку, которую обѣ стороны поддерживали очень охотно и регулярно (см. Воспоминанія Бѣлоголоваго). Послѣ Бѣлоголоваго осталось 117 писемъ, написанныхъ къ нему Салтыковымъ съ 1875—по 1889 г.—Здѣсь печатаются три послѣднія письма Салтыкова, изъ коихъ самое послѣднее писано имъ, за 7 дней до смерти, карандашемъ и уже дрожащею рукою.—Письма любезно доставлены для сборника вдовою Н. А.—С. П. Бѣлоголовою.—Помѣщаемый здѣсь портретъ Салтыкова сдѣланъ съ фотографіи, снятой Л. Ф. Пантелеевымъ въ 1887 году въ кабинетѣ больнаго М. Е. *Г. Д.*

Дня три тому назадъ опасно заболѣлъ Гончаровъ. Прежде сказали бы, что съ нимъ случился параличъ, а теперь говорятъ: закупорка. Все совершенствуется. Я, впрочемъ, вчера посылалъ справиться. Онъ, какъ вамъ извѣстно, совсѣмъ одинокъ, но какія то двѣ дамы ухаживаютъ за нимъ и велѣли сказать, что больному лучше. Во всякомъ случаѣ, 78 лѣтній возрастъ даетъ плохую надежду.

М. Е. Салтыковъ. (1887 г.).

Съ Елисѣевымъ творится тоже что то неладное, открылось кровохарканіе. И то года не молодые! Уходятъ старики: въ послѣднее время валомъ валятъ. Но какъ ни велики недуги, угнетающіе Гонч. и Елис., а мнѣ кажется, что недуги эти—ничто передъ моимъ съ точки зрѣнія мучительности. Неужели же я буду настолько несчастливъ, что меня одного смерть пощадитъ.

Я кое какъ покончилъ съ Пош. Стариной, т.-е. по просту скомкалъ.

Въ мартовской книжкѣ появится конецъ, за который никто меня не похвалитъ. Но я до такой степени усталъ и измученъ, что надо было во что бы ни стало отдѣлаться.

Прошу васъ передать мой сердечный привѣтъ добрѣйшей Софіи Петровнѣ. Жена шлетъ вамъ обоимъ поклонъ.

Прощайте. Насилу пишу. Дружески жму вашу руку и остаюсь

Искреннно преданный

М. Салтыковъ.

2.

21 февраля (1889 г.).

Многоуважаемый Николай Андреевичъ! Я ужъ и со счета сбился, съ какихъ поръ вамъ не писалъ. Право, я не виноватъ, до такой степени мнѣ нестерпимо жить и въ то же время такъ совѣстно наполнять письма разными стенаніями. Мученіе, мученіе, мученіе—вотъ и все, и, кромѣ того, почти полная разобщенность съ внѣшнимъ міромъ. Даже Лихачева совсѣмъ не вижу, потому что Вл. Ив. совершенно погруженъ въ избирательную агитацію. А о Боткинѣ и понятія не имѣю, хотя каждый разъ какъ ему напоминаютъ обо мнѣ, онъ велитъ сказать, что на-дняхъ побываетъ. Въ этихъ обольщеніяхъ проходятъ мѣсяцы.

Въ послѣднее время меня сильно допекали предложеніями купить право собственности на мои сочиненія. Давали 60 т. р.—сумма приличная, но съ такими разсрочками платежей, что вмѣсто денегъ на первомъ планѣ стояла хитро задуманная комбинація.

Одинъ изъ пріобрѣтателей даже требовалъ, чтобы я представилъ всѣ сочиненія въ предварительную цензуру и во всякомъ случаѣ гарантировалъ, что полное собраніе пройдетъ благополучно. Переговоры эти до того меня измучили, что я рѣшился разомъ оборвать ихъ. Теперь задумалъ самъ издавать полное собраніе, но такъ какъ наблюденіе за ходомъ этого дѣла было бы для меня уже окончательно невозможно, то М. М. Стасюлевичъ снисходительно принялъ его на себя. Одно пугаетъ: по смѣтѣ изданіе будетъ стоить около 32 т. р. и ежели не пойдетъ, то придется расплачиваться изъ своего кармана. Меня уговорили печатать 10 т. экз. и продавать по 12 руб. Цѣна такъ мала (теперь все собраніе стоитъ до 40 руб.), что можно разсчитывать на хорошую продажу, но съ нашей публикой загадывать впередъ трудно.

Вы совершенно правы: мнѣ и думать нечего ѣхать за-границу, но не потому, что я тамъ стоскуюсь, а потому что въ моемъ теперешнемъ положеніи едва ли куда-нибудь доѣду. Что касается до тоски по родинѣ, то я полагаю, что недалеко время, когда вообще никакія ощущенія не будутъ для меня доступны, а о дѣятельности я и не помышляю. Вотъ уже почти 6 мѣсяцевъ ничего не пишу, да и не думаю, чтобы творческая сила когда-нибудь возстановилась. У меня новость: лицо покрылось багровыми пятнами. Васильевъ смотритъ и говоритъ: скажите на-милость!

Прошу передать мой сердечный привѣтъ добрѣйшей Софіи Петровнѣ. Жена Вамъ кланяется.

Искренно преданный

М. Салтыковъ.

3.

22 Апрѣля
(1889)

Многоуважаемый Николай Андреевичъ

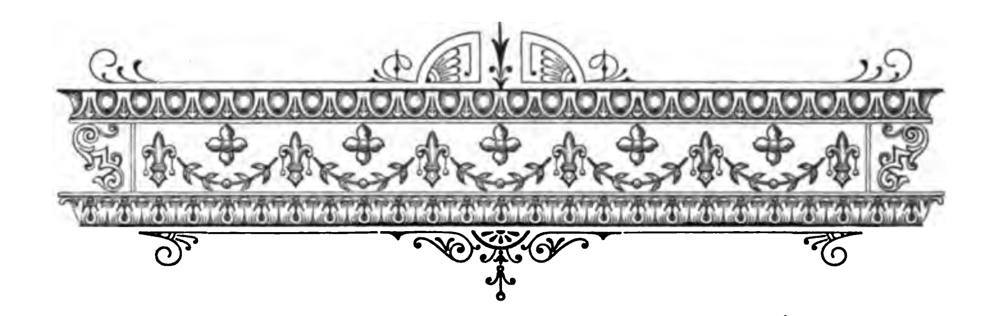
Хотя доктора и утверждаютъ, что я избѣгъ опасности, но я честью Вамъ завѣряю, что испытываю страшныя страданія. Цѣлый день задыхаюсь, сплю и почти въ слабости до того, что не только ходить, но стоять не могу. Кажется довольно?

Прощайте; Сергѣй Петровичъ жметъ руку.

Вашъ
И. Гончаровъ

На днѣхъ получите 1-ой томикъ Сочиненій.

ОРЕМАРЪ



Изъ портфеля стараго литератора.

Въ бумагахъ моего покойнаго отца, умершаго въ 1879 году и бывшаго однимъ изъ замѣтныхъ дѣятелей петербургской журналистики съ половины тридцатыхъ и до половины пятидесятыхъ годовъ, сохранилось много писемъ и разнаго рода документовъ, характеризующихъ литературные и цензурные нравы того времени и содержащихъ въ себѣ зачастую автобіографическія данныя по отношенію къ тѣмъ лицамъ, отъ которыхъ они исходили. Особенно много такихъ писемъ за время изданія литературно-художественнаго журнала «Пантеонъ» съ 1851 по 1855 годъ.

Всѣмъ извѣстно, въ эти годы впервые выступилъ въ печати со своими произведеніями поэтъ Никитинъ. Человѣкъ съ чуткою, нѣжною и дѣтски открытою душою, страстный любитель природы, вынужденный обстоятельствами прервать шедшее успѣшно ученіе и сдѣлаться дворникомъ на постояломъ дворѣ разорившагося, хвораго и «ослабѣвшаго» отца, Иванъ Саввичъ Никитинъ самъ опредѣлилъ свою печальную жизнь въ слѣдующихъ строкахъ извѣстнаго стихотворенія:

„Вырыта заступомъ яма глубокая!
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь—какъ осенняя ночь—молчаливая.
Горько она—моя бѣдная—шла
И, какъ стѣпной огонекъ, замерла...“

Условія такой жизни не могли создать въ немъ довѣрчиваго отношенія къ своимъ силамъ и дарованіямъ. Онъ искалъ оцѣнки и ободренія у людей, близко стоявшихъ къ журналистикѣ. Извѣстно его письмо къ редактору «Воронежскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» въ ноябрѣ 1853 года при посылкѣ ему стихотворенія «Русь», которое и было первымъ его поэтическимъ трудомъ, появившимся въ печати. Никитинъ говоритъ въ немъ о неувѣренности въ силахъ своего дарованія, мѣшающей ему обратиться съ просьбою о напечатаніи своихъ стихотвореній въ одномъ изъ современныхъ журналовъ и проситъ редактора «Ворон. Губ. Вѣдомостей» рѣшить, однажды навсегда, смѣшонъ или нѣтъ трудъ, который онъ называетъ своимъ призваніемъ... При этомъ онъ говоритъ о своемъ личномъ и общественномъ положеніи и о томъ

въ какомъ противорѣчіи съ горькою дѣйствительностью его жизни стоитъ непостижимая сила, влекущая его къ искусству.

Почти въ то же время 6 ноября 1853 г., писалъ Никитинъ и моему отцу изъ Воронежа, съ особою подробностью и трогательностью объясняя свое душевное настроеніе. Присылая на его просмотръ нѣкоторые свои стихотворенія (къ сожалѣнію они не названы въ письмѣ), Никитинъ пишетъ: «Можетъ быть, просьба моя покажется для васъ странною. Пусть такъ; но я увѣренъ въ вашемъ благородствѣ: вы не захотите заклеймить язвительною насмѣшкою бѣднаго провинціала, не имѣющаго въ своихъ рукахъ вѣрныхъ средствъ, съ которыми онъ могъ бы дѣйствовать благоразумнѣе, не ставя себя въ двусмысленное положеніе. Я даже осмѣливаюсь предполагать, что мое двусмысленное положеніе скорѣе возбудитъ въ васъ участіе, нежели холодность.

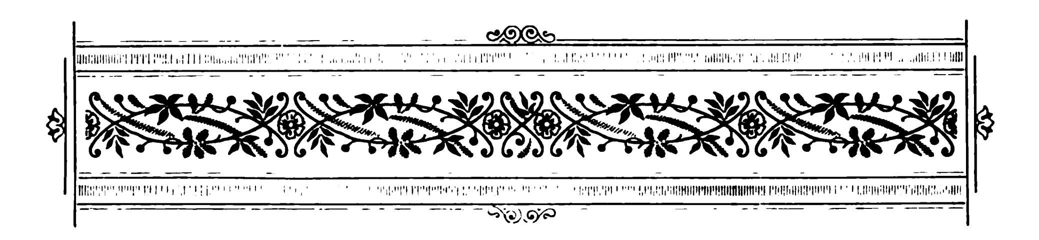
Вотъ моя краткая біографія. Будьте моимъ судьею.

Я бѣдный мѣщанинъ. Кругъ моихъ знакомыхъ не великъ и не завиденъ. Образованіе получено мною весьма недостаточно; но, съ ранняго дѣтства, въ душу мою запала глубокая любовь къ литературѣ. Помню, какъ всякое произведеніе, запечатлѣнное талантомъ, приводило меня, еще ребенка, въ восторгъ, который я не могъ себѣ объяснить. Какъ тогда билось мое сердце! Какъ быстро обращалась кровь въ моихъ жилахъ. Этой любви я не утратилъ и доселѣ. Въ моей грустной дѣйствительности единственное для меня утѣшеніе, — книги и природа: въ бесѣдѣ съ нею я забываю все, меня окружающее. Она—мой первый наставникъ, научившій меня знать и любить Бога. Она моя мать, утѣшающая меня въ минуту тоски и сомнѣній. Изумляя меня своею тишиною и величіемъ, она заставляетъ меня слагать задумчивую пѣснь и проливать сладкія слезы. Быть можетъ, все это одинъ бредъ моего раздраженнаго воображенія, потому-то я снова повторяю: будьте моимъ судьею, покажите мнѣ мое собственное значеніе или мою ничтожность. Я не имѣю чести знать васъ; но такъ много слышалъ о вашей снисходительности, что совершенно полагаюсь на вашъ приговоръ. Если же, изъ приложенныхъ здѣсь стихотвореній, вы увидите во мнѣ жалкаго ремесленника въ дѣлѣ искусства, тогда сожгите этотъ безсмысленный плодъ моего напраснаго труда. Тогда я пойму, что дорога, по которой я желалъ бы итти, проложена не для меня; что я долженъ всецѣло погрузиться въ тѣсную сферу мелкой торговой дѣятельности и навсегда проститься съ тѣмъ, что я называлъ моею второю жизнью».

Письмо это написано на двухъ страницахъ большого почтоваго листа— мелкимъ, четкимъ и красивымъ почеркомъ. Думается, что оно содержитъ въ себѣ не излишнія указанія на душевный строй человѣка, которому суровая судьба такъ недолго дала пользоваться сознаніемъ, что его поэтическій даръ признанъ всѣми и не уйдетъ вмѣстѣ съ его прахомъ въ «яму глубокую»...

1898 г. 5 мая.
Петербургъ.

А. Ѳ. Кони.



Изъ Боденштедта.

Сущность и внѣшность.

(въ восточномъ вкусѣ).

Ученику сказалъ учитель:
«Вотъ тѣнь палатки предъ тобой,—
Весь міръ, земная вся обитель
Подобна тѣни жалкой той.
Смотри,—я руку поднимаю
Къ дневнымъ лучамъ, и на пескѣ
Тотчасъ же тѣнь я вызываю,
Моей подобную рукѣ.
Вполнѣ ясна и ощутима
Она на видъ, на дѣлѣ-жъ—мнима:
Что существуетъ,—безъ слѣда
Изчезнуть въ мигъ одинъ не можетъ,
Ее же сразу уничтожитъ
Руки движенье навсегда.
И вотъ такой безплотной тѣни
Подобенъ міръ и жизнь сама:
Они—плодъ лживыхъ ощущеній
И представленія ума.
Тотъ яркій шаръ, что съ неба пышетъ,
И звѣздъ полночныхъ хороводъ,
И все, что въ мірѣ жизнью дышетъ,
Все лишь въ мозгу у насъ живетъ,—
А уничтожишь ты его,—
И вмигъ не станетъ ничего!»

* * *

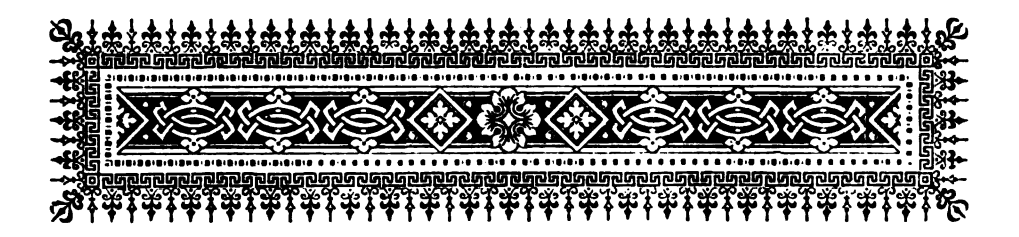
Такъ говорилъ мудрецъ, шагая
Вдвоемъ съ ученикомъ своимъ,
Который, голову ломая,
Почти что сбитый съ толку имъ,

Въ пустынѣ вскорѣ заблудился
И незамѣтно очутился
Въ такой глуши, гдѣ зной лучей
Не охлаждалъ имъ ни ручей,
Ни сѣнь деревъ не умѣряла.
Лишь краснобурая скала
Невдалекѣ отъ нихъ стояла,
Но такъ узка она была,
Что тѣнь ея едва хватала,
Чтобъ скрыть собой ученика,—
Для мудреца же ни куска
Не осталось: пришелъ онъ поздно.
Но молитъ юношу онъ слезно:
«Подвинься, зной невыносимъ,
Болятъ отъ устали колѣни,
Будь человѣченъ, дай мнѣ тѣни!»
—«Но ты съ ученіемъ своимъ
Въ противорѣчіе впадаешь»,
Ему отвѣтилъ ученикъ:
«Ты тѣнь совсѣмъ вѣдь отрицаешь,
Ты говорилъ мнѣ напрямикъ,
Что тѣнь—ничто, миражъ, мечтанье,
Что создана она умомъ.
Къ чему-жъ теперь твое желанье?
Она сидитъ въ мозгу твоемъ,
А мнѣ прохладу доставляетъ
И отъ дневныхъ лучей спасаетъ.
По мнѣ она совсѣмъ не мнима,
Вполнѣ ясна и ощутима,
И для меня въ ней сущій кладъ.
Но мѣсто дать тебѣ я радъ,
Когда-бъ открыто ты признался,
Что самъ ты грубо заблуждался,
И лишь запуталъ мысль свою».
—«Нѣтъ», старецъ возразилъ сердито:
«Ошибки я не признаю.
Что высшимъ разумомъ открыто,
То не уступитъ ничьему
Простому, низкому уму».
—«Смотри, погибнешь ты отъ жара
Безумья жертвою, старикъ!»

—

Учитель умеръ отъ удара,
Живетъ понынѣ ученикъ.

Е. Васьковскій.



Наброски изъ исторіи армянъ.

Весьма своеобразно сложились судьбы армянскаго народа, для котораго исторія почти всегда была мачехою.

Бросается вь глаза, прежде всего, одна своеобразная черта. Развѣ не любопытное явленіе представляетъ собою эта горсть христіанъ арійской расы, сотни лѣтъ окруженная моремъ полудикаго туранскаго населенія, не сумѣвшаго однако поглотить его даже въ періодъ самаго яркаго развѣта мусульманскаго фанатизма? Но чего и стоила этому передовому авангарду христіанско-европейской культуры, предоставленному себѣ самому и забытому всѣми до послѣдняго времени, забота о самосохраненіи, пока христіанскій міръ вспомнилъ о своемъ передовомъ аванпостѣ на Востокѣ! Печальная, но назидательная страница изъ исторіи культуры! Будущій историкъ, по справедливому замѣчанію одного компетентнаго писателя, не откажетъ «въ нравственномъ величіи народу, который умѣлъ выйти изъ многовѣковой и трудной борьбы, хотя и безъ громкихъ побѣдъ, но съ полнымъ торжествомъ» [1]).

Свыше шестисотъ лѣтъ, съ самаго основанія турецкаго владычества въ Малой Азіи, многострадальный армянскій народъ, этотъ пасынокъ исторіи, этотъ поистинѣ народъ-сирота находился подъ владычествомъ турокъ, перенося избіенія, насилія и гоненія съ покорностью тупого отчаянія, которую нерѣдко ставятъ ему въ упрекъ народы, избалованные исторіей. Орошая потомъ землю, гдѣ почіетъ прахъ его безчисленныхъ предковъ, тяжело вздыхая надъ своимъ допотопнымъ плугомъ, первообразъ коего можно видѣть на фрескахъ египетскихъ гробницъ, армяне молили турокъ только объ одномъ, чтобы паши и дикари хищники не трогали ихъ женъ и дѣтей, ихъ скудныхъ крохъ, добытыхъ тяжкимъ трудомъ земледѣльца. И этой-то малости, этой сущей бездѣлицы, безъ которой жизнь земледѣльца превращается въ одну безпросвѣтную муку и жалкое прозябаніе,

---

[1]) См. рѣчь Г. И. Кананова въ день 50-лѣтія Лазаревскаго института, стр. 73 сборника: „Семидесятилѣтіе Лазаревскаго института". М., 1891 г. Въ этой рѣчи обстоятельно изложены, въ связи съ исторіей учрежденія Лазаревскаго института, важнѣйшіе моменты исторіи водворенія армянъ въ Россіи (стр. 71—90). Это знаменитое учебное заведеніе, которому армянское просвѣщеніе такъ много обязано (см. ниже), преслѣдовало три основныя цѣли: быть національнымъ свѣтильникомъ образованія для армянъ, разсадникомъ восточнаго языкознанія и школой общеобразовательною. Упразднить ту или другую цѣль значило бы, какъ справедливо замѣчаетъ Канановъ, преступить волю жертвователей (тамъ же, стр. 3).

не могли добиться турецкіе армяне въ теченіе шести вѣковъ отъ «отеческаго» турецкаго правленія.

Угнетенные армяне терпѣли молча и переносили бѣдствія съ истинно-христіанскимъ смиреніемъ, изливая въ тихой молитвѣ удручающее ихъ горе и повторяя тѣ мрачно-потрясающіе вопли протеста, коими такъ богаты духовныя элегіи древняго армянскаго лирика Григорія Нарекскаго:

Гласъ стенаній, муки сердца,
Вопль души и воздыханья—
Лишь къ Тебѣ я возсылаю,
О! Всевидящій Создатель!..

Претерпѣли армяне вѣкъ, другой, третій, терпѣли съ такимъ смиреніемъ безысходнаго отчаянія, что и покорители, и болѣе счастливо поставленные иностранцы вправѣ были съ жестокою, но извинительною брезгливостью обзывать армянскую райю «рабскою націей безъ совѣсти и самосознанія». И кто знаетъ, быть можетъ, армянскій народъ и впрямь погрязъ бы въ омутѣ полнаго нравственнаго одичанія, если бы не благовѣстъ христіанской религіи, долетавшій до него съ церковнаго амвона на родномъ языкѣ и будившій въ немъ сознаніе его человѣческаго достоинства и поддерживавшій вѣру въ міровую справедливость, среди окружающаго мрака и господства торжествующей дикой силы. Нужны были невѣроятная выдержка и рѣдкая культурная упругость, чтобы сохранить свою вѣру, языкъ и духовную цѣлость отъ наплыва воинствующаго мусульманства, въ особенности, когда, съ паденіемъ Константинополя, христіанскій Востокъ лишился своей старой точки опоры, а новая, въ лицѣ Россіи, еще мелькала лишь въ туманѣ. Но все же надежда на Россію одна поддерживала въ христіанахъ Востока едва тлѣющую искру упованія на лучшее будущее.

Уже съ начала XVII столѣтія туманъ на сѣверѣ сталъ разсѣиваться и стала обозначаться будущая культурная роль Россіи на Востокѣ, причемъ и для разбросанныхъ среди персидскихъ и турецкихъ мусульманъ армянъ стала мелькать надежда на облегченіе своей горькой доли и на возможность найти защиту у христіанской державы.

Торговыя сношенія армянъ съ Россіей начались еще при Алексѣѣ Михайловичѣ и даже Өеодорѣ Іоанновичѣ (объ армянахъ упоминаетъ составленное въ 1648 году «Соборное Уложеніе»). Но собственно политическія сношенія Россіи съ армянами начинаются въ XVIII ст. Отвоевавъ у мусульманскаго міра Каспійское прибрежье, Петръ Великій спѣшитъ засѣлить его христіанскимъ элементомъ — армянами-колонистами—и воспользоваться ими какъ надежною точкой *опоры* въ борьбѣ съ мусульманствомъ (см. выше статью Кананова). Грамотами своими онъ неоднократно изъявлялъ удовольствіе армянамъ и обѣщалъ «честному армянскому народу милость и протекцію», видя въ армянахъ весьма важный факторъ для насажденія гражданственности во вновь пріобрѣтенныхъ и намѣченныхъ къ пріобрѣтенію мусульманскихъ областяхъ [1]). Онъ вступилъ даже въ сношеніе съ армянскими

---

[1]) См. указы Петра Великаго на имя армянскаго патріарха Исаіи и на имя дербентскаго коменданта Кропотова въ „Собр. актовъ для обозрѣнія исторіи Арменіи". М., 1883 г., т. I, стр. 166. „Вамъ ради христіанства,—писалъ Петръ Великій армянамъ,—какъ христіанамъ нельзя отказывать въ покровительствѣ" (см. „Исторію Россіи Соловьева, т. XVIII, стр. 74).

нотаблями для подготовки возстанія (см. ниже) въ Персіи между армянами, но смерть помѣшала Петру Великому [1]) осуществить его планы относительно Востока.

Особенное значеніе для порабощенной «райи» вообще и для судебъ турецкихъ армянъ имѣли побѣдоносныя войны Екатерины второй, нанесшей Турціи такой матеріальный и нравственный уронъ, отъ котораго такъ и не могла она оправиться впослѣдствіи. Кучукъ-Кайнарджійскій трактатъ 1774 г., поставившій христіанъ Востока подъ покровительство Россіи, впервые перенесъ надежду армянъ на лучшее будущее изъ области заоблачныхъ мечтаній въ сферу если не конкретныхъ, то возможныхъ для достиженія въ будущемъ благъ.

Бѣда, которой предвидится конецъ хоть въ далекомъ будущемъ, все же легче той, которой не видно исхода. Слава о побѣдахъ христіанской царицы надъ турками въ связи съ вѣстями о заботахъ ея объ устройствѣ будущности армянъ должны были внушить турецкимъ армянамъ надежду на прекращеніе, со временемъ ихъ бѣдственнаго положенія. Если вѣсти о планѣ князя Потемкина и гр. Зубова объ основаніи армяно-грузинскаго царства [2]) подъ протекторатомъ Россіи едва ли дошли до слуха обитателей Великой Арменіи, то извѣстіе о постройкѣ на Днѣстрѣ гор. Григоріополя исключительно для эмигрировавшихъ турецкихъ армянъ не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія на ихъ умы. На это именно и разсчитывала дальновидная императрица, справедливо предугадывая, что «находящіеся за границею армяне, видя благоденствіе переселенцевъ, къ нимъ присоединятся». И дѣйствительно, турецкіе армяне, убѣдившись, что въ Россіи свято охраняется ихъ народная святыня—*религія и языкъ*, къ концу царствованія Екатерины массами переселились въ Крымъ, «превращая пустыни въ грады», какъ гласитъ одинъ изъ барельефовъ знаменитой московской Екатерининской залы [3]).

Вся послѣдующая исторія показываетъ, что переселившіеся армяне *не обманули* надеждъ русскаго правительства, ожидавшаго отъ нихъ развитія торговли, промышленности и вообще поднятія экономическаго уровня южнаго края. Во всѣ послѣдующія царствованія правительство предолжаетъ привлекать армянъ въ Россію и оказываетъ имъ всякіе знаки благоволенія и милостей.

Павелъ I, во вниманіе «къ отличному трудолюбію, тщательному домостроительству, благонравію и примѣрному поведенію» переселившихся въ Россію турецкихъ армянъ и въ видахъ привлеченія новыхъ переселенцевъ, жалуетъ имъ, грамотою отъ 28 октября 1799 г., новыя милости и премущества.

---

[1]) См. „Исторію Петра Великаго“ Брикнера, Спб., 1882 г., II, стр. 564—566.

[2]) Этотъ планъ казался настолько близкимъ къ осуществленію, что былъ сочиненъ гербъ армянскаго царства, составленъ церемоніалъ коронованія армянскаго царя въ Эчміадзинѣ и проектъ трехъ орденовъ: Ноева ковчега на радужной лентѣ, Нерукотвореннаго образа и Григорія Просвѣтителя. См. „Исторію Арменіи“ В. А. Абазы. Спб., 1888 г., стр. 100.

[3]) Въ высочайшемъ рескриптѣ на имя генерала Каховскаго отъ 23 февраля 1797 г. Екатерина II предписывала построить Григоріополь „сообразно роду жизни и учрежденіямъ трудолюбиваго армянскаго народа“. См. „Собр. актовъ“, т. I, стр. 45. Въ гербѣ, составленномъ гр. Зубовымъ для города Григоріополя, изображены: корона—знакъ царскаго достоинства, одноглавый орелъ—въ честь императора Артаксеркса, Нерукотворенный образъ, агнецъ, львы,—знакъ подвиговъ армянскаго царя Рупинака (sic Рупиньяна?), Ноевъ ковчегъ (см. Собраніе актовъ, относящихся до Арменіи, т. I, стр. 195).

По окончаніи войны 1812 г. Александръ I грамотою на имя всего армянскаго народа, данною въ Теплицѣ отъ 16 сентября 1813 г., явилъ армянамъ новый знакъ милости за доказанную ими преданность. Они (армяне въ Грузіи),— гласитъ грамота, — отличались мирнымъ постоянствомъ и преданностью, когда легкомысліе и неблагонамѣренность старались всуе поколебать водворенное нами въ Грузіи спокойствіе, и посреди смутныхъ обстоятельствъ пребыли *тверды и непоколебимы* въ своемъ усердіи къ намъ и престолу нашему, *жертвуя имуществомъ своимъ и всѣми средствами и самою жизнью на пользу службы нашей и для блага общаго.* Такое усердіе всего армянскаго народа въ Грузіи и всѣхъ сословій, оный составляющихъ, заслуги ихъ и подвиги налагаютъ на насъ пріятную обязанность засвидѣтельствовать предъ цѣлымъ свѣтомъ справедливую нашу имъ признательность и благоволеніе. *Да сохранится сіе свидѣтельство во славу и честь ихъ и въ память потомковъ»* [1]).

Съ особенною силой сказалась привязанность армянъ къ Россіи во время войны ея съ Персіей въ 1826 г. Помимо заслугъ генерала Матадова, одержавшаго важную побѣду на Шамхорскомъ полѣ, и народныя массы оказали содѣйствіе, съ полнымъ самоотверженіемъ отдавшись Россіи (см. дальше объ Армянскомъ ополченіи). Русскій историкъ Сергѣй Глинка, описывая событія этой войны, успѣхи ея приписываетъ столько же русскому оружію, сколько и *неимовѣрной преданности армянъ*, оказавшихъ важныя услуги Россіи подъ предводительствомъ своего архипастыря Нерсеса. «Для нихъ возсіяла надежда, — говоритъ Глинка,—что имя Арменіи и вѣковая ея слава оживутъ на лицѣ земли, и они *себя* и *все свое* (курсивъ подлинника) обрекли къ содѣйствію русскаго оружія». При взятіи Эривани главныя батареи, дѣйствовавшія противъ неприступной крѣпости, были, по словамъ того же историка, «въ сердцахъ армянъ». Когда русскія войска вступили въ глубь персидской Арменіи, то «армяне,—пишетъ Глинка,—на крыльяхъ усердія и любви летѣли къ полкамъ русскимъ и оказывали всевозможныя услуги не но разсчетамъ какихъ-нибудь предположеній, *но по влеченію того душевнаго порыва, которое выше всѣхъ разсчетовъ человѣка»* [2]).

---

[1]) См. назв. „Собраніе актовъ“, т. I, стр. 293.

Народъ Армянскій,—писалъ, предъ этимъ, генералъ Ртищевъ,—составляющій знатную часть населенія Грузіи, пребываетъ въ примѣрномъ усердіи и въ непоколебимой вѣрности къ Россійской имперіи. При всѣхъ многократно возраждавшихся въ Грузіи злоумышленныхъ партіяхъ правительство находило въ Армянахъ *всегда вѣрность, никакими обольщеніями не нарушаемую.* Наипаче же въ прошедшій бунтъ, разлившійся по всей Кахетіи и поколебавшій въ Грузіи всѣ почти умы, *одни Армяне* не только не оказали себя нималѣйше въономъ причастными, но, жертвуя имуществомъ своимъ и самою жизнью, были единодушны съ россійскими войсками, вооружились въ Кахетіи противъ *бунтовщиковъ* и соединясь съ россійскими войсками, показали отличные опыты мужества“. Далѣе Ртищевъ указываетъ, что Армяне неоднократно платили жизнью для поддержанія сношеній между разными частями русскаго войска и отмѣчаетъ особую заслугу тифлисскихъ гражданъ-армянъ, „оказавшихъ величайшую въ тогдашнихъ обстоятельствахъ услугу, принявъ съ чрезвычайною выгодою для казны поставку для войска 800.000 четв. провіанта“. Всякое поощреніе вѣрноподданническихъ Армянъ,—писалъ далѣе ген. Ртищевъ—принесетъ для дѣлъ здѣшняго края, усугубивъ ихъ усердіе и возбудивъ также соревнованіе въ самыхъ Грузинскихъ народахъ. (См. назв. Акты, т. V).

[2]) Сергѣй Глинка: „Описаніе переселенія армянъ. М., 1831 г., стр. 18, 21, 36.

По окончаніи персидской войны императоръ Николай I въ рескриптѣ отъ 2 февраля 1827 г., на имя архіепископа Нерсеса, выразилъ свое благоволеніе армянскому народу, торжественно засвидѣтельствовавъ «явленныя имъ на опытѣ *усердіе и нелицемѣрную преданность*. Въ сихъ обстоятельствахъ, — говорится далѣе въ рескриптѣ,—армянскій народъ доказалъ, что онъ умѣетъ цѣнить благотворныя о немъ старанія правительства и что видитъ ясно превосходство настоящаго жребія своего предъ участью столь многихъ единовѣрцевъ, *по инымъ странамъ разсѣянныхъ*. Поручаемъ вамъ изъявить всѣмъ армянамъ совершенное благоволеніе наше и увѣрить нашимъ императорскимъ словомъ въ продолженіи къ нимъ особенныхъ нашихъ милостей. Доколѣ пребудетъ непоколебима вѣрность народа вашего, обрѣтшаго надежное убѣжище подъ сѣнію россійскаго престола, мы вмѣнимъ себѣ въ обязанность неусыпно пещись объ его счастьи и успокоеніи» [1]).

Вслѣдъ за заключеніемъ Туркманчайскаго мира персидскіе армяне массами (около 40.000 душъ) стали выселяться въ Россію, несмотря на всевозможныя льготы, обѣщанныя персидскимъ правительствомъ [2]), и громадность потерь, съ коими сопряжена была такая массовая эмиграція. Армяне покидали дома, сады, превосходно обработанныя поля безъ всякаго вознагражденія, такъ какъ, по наущенію персидскаго правительства, никто не хотѣлъ покупать имущества эмигрантовъ.

Переселенцы просили русское правительство дать хоть 1/3 стоимости имѣній, но и въ этомъ было имъ отказано. Тогда они покинули Персію, заявивъ, что «безусловно жертвуютъ свое имущество русскому царю; *онъ не забудетъ нашихъ потомковъ*». Персидское правительство пугало армянъ крѣпостнымъ правомъ и рекрутчиной, но армяне отвѣчали: «лучше будемъ ѣсть сѣно въ христіанской землѣ, нежели хлѣбъ въ Персіи» [3]).

Благоволеніе, высказанное Россіей армянамъ въ персидскую войну, дало плоды вскорѣ, въ 1828 г., въ войну, начатую противъ Турціи. Среди турецкихъ армянъ началось радостное волненіе, какъ только Россія объявила войну. Порта переселила армянъ съ пограничныхъ мѣстностей въ отдаленныя области [4]), но этимъ трудно было преградить путь для выраженія симпатій Россіи. По мѣрѣ того, какъ русскія войска подвигались впередъ, армяне все рѣшительнѣе выказывали имъ словомъ и дѣломъ свое сочувствіе и содѣйствіе. Изъ армянъ было образовано *ополченіе*, на которое съ особенною яростью нападали въ сраженіяхъ турецкіе солдаты [5]). Но армяне продолжали неуклонно выказывать Россіи самую горячую преданность, и въ лицѣ ихъ, какъ выразился главнокомандующій гр. Паскевичъ, русскія войска нашли «*храбрыхъ союзниковъ и соучастниковъ*

[1]) Назв. „Собраніе актовъ", т. I, стр. 238.

[2]) Персія, предвидя громадность вреда отъ выселенія армянъ, обѣщала имъ свободу отъ повинностей на 10 лѣтъ. По справкѣ, приведенной у Глинки, уронъ, причиненный Персіи выселеніемъ армянъ, исчисляется въ 32 милл. руб.

[3]) См. т. VIII назв. Актовъ Кавк. Археогр. ком. Отношеніе гр. Чернышева къ Паскевичу, № 2254, стр. 831.

[4]) См. назв. соч. Глинки, стр. 100—113.

[5]) См. т. VII „Актовъ, собранныхъ кавказскою археографическою коммиссіей". Всеподданнѣйшій рапортъ гр. Паскевича, № 753.

ревностныхъ». Изъ оффиціальнаго донесенія его видно, что въ Баязетѣ 2.000 армянъ сражались въ рядахъ русскихъ войскъ; въ Карсѣ 800 чел. конныхъ охраняли русскую границу и, наконецъ, когда войска дошли до Эрзерума, все армянское населеніе встрѣтило русскихъ радостными ликованіями [1]).

По заключеніи адріанопольскаго мира армяне турецкіе массами стали выселяться въ Россію (около 90.000 душъ). Порта встревожилась сильно, предвидя вредъ, сопряженный съ уходомъ массы трудолюбиваго земледѣльческаго и ремесленнаго населенія. Изъ Константинополя былъ командированъ въ Эрзерумъ армянскій епископъ Варѳоломей съ порученіемъ уговорить армянъ отъ переселенія, но тѣ ему отвѣчали: «Если бы самъ Христосъ сошелъ съ неба, чтобы уговорить насъ остаться въ Турціи, и Его бы не послушали» [2]). Послѣдствія ясно показали, какъ основательны были тревоги Порты. Когда армяне покинули Эрзерумъ, то турки очутились просто въ безвыходномъ положеніи: некому было въ городѣ исправить попортившійся водопроводъ и заниматься самыми простыми ремеслами [3]).

Между тѣмъ, выселившіеся въ Россію армяне, уравненные въ правахъ съ другими подданными и пользуясь полною свободой вѣроисповѣданія и языка, продолжали *вѣрою и правдою* служить давшей имъ успокоеніе державѣ. По предложенію военнаго министра Чернышева [4]), армянамъ, въ виду доказанной ими храбрости и усердія къ Россіи, была поручена охрана новой границы съ Турціей (1829 г.) Все послѣдующее время, въ теченіе почти полувѣковой борьбы Россіи съ разноплеменнымъ мусульманскимъ населеніемъ Кавказскаго перешейка, справедливо называемаго vagina gentium, армяне сослужили службу Россіи, не только выставивъ первоклассныхъ генераловъ, какъ напримѣръ, князя М. З. Аргутинскаго-Долгорукаго, покорителя Дагестана (гдѣ ему и воздвигнутъ памятникъ), и много талантливыхъ офицеровъ но въ массахъ народныхъ [5]), служившихъ проводниками и *оплотомъ русской гражданственности* [6]).

Предпослѣдняя война Россіи съ Турціей исполнила турецкихъ армянъ самыхъ радужныхъ надеждъ. Армяне съ самаго начала выказали, попрежнему, преданность и содѣйствіе Россіи, за что и подверглись репрессаліямъ со стороны турокъ [6]). Во главѣ дѣйствующаго отряда стоялъ армянинъ кн. В. О. Бебутовъ, одержавшій легендарныя побѣды, удивительныя даже для прославленныхъ своею храбростью кавказскихъ войскъ (при Башъ-Кадыкларѣ съ 10 тыс. кн. Бебутовъ

---

[1]) См. тамъ же, № 757.

[2]) См. тамъ же всеподдан. рапортъ гр. Паскевича отъ 10 октября 1829 г. стр. 830.

[3]) См. тамъ же, рапортъ эрзерумскаго губернатора ген. Панкратова отъ 10 іюня 1830 г., № 118.

[4]) См. тамъ же, оффиціальное донесеніе коменданта Эрзерума, стр. 842.

[5]) „О культурной роли армянъ на Кавказѣ“ см. отзывы Гамба, Керъ-Потера, барона Гасттаузена и Палласа у г. Кананова, стр. 84—85.

[6]) При неоднократныхъ волненіяхъ, возникавшихъ среди кавказскихъ мусульманъ, армяне составляли *самый надежный* оплотъ для правительства. См. т. VI назв. „Актовъ о волненіи въ Карабахѣ“, а также „Описаніе турецкой войны“ 1854 г., Лукьяновича. Спб. 1877 г., 4 ч., стр. 133.

[7]) „Русскіе въ Азіатской Турціи въ 54—55 г.“, ген.-майора Лихутина. Спб. 1862 г., стр. 191, 263 и 272.

разбилъ тридцатитысячное турецкое войско) [1]). Но конецъ борьбы не оправдалъ надеждъ армянъ. Справедливое управленіе начальника Карсскаго пашалыка армянина (впослѣдствіи графа) М. Т. Лорисъ-Меликова [2]) вызвало среди турецкихъ армянъ усиленное стремленіе къ переселенію въ Россію, которое, однако, не было ею принято сочувственно [3]).

Съ юридической точки зрѣнія крымская война внесла въ положеніе турецкихъ армянъ существенное измѣненіе. Европа, ревнуя къ политической роли, созданной для Россіи среди восточныхъ христіанъ, начиная съ Кучукъ-кайнарджійскаго трактата 1774 г., пожелала стать на ея мѣсто. Парижскій трактатъ 1856 г. задавшись безплодною задачей гальванизировать умиравшій отъ нравственнаго худосочія государственный организмъ Турецкой имперіи, принялъ ее въ европейскій концертъ, а ея христіанъ подъ многообѣщающее, но въ сущности фиктивное, совокупное покровительство Европы.

Значеніе послѣдней войны Россіи съ Турціей, въ которой выдающуюся роль играли армяне-генералы: М. Т. Лорисъ-Меликовъ, А. А. Тергукасовъ, И. Д. Лазаревъ и Н. А. Шелковниковъ и др. (см. выше), было громадно для турецкихъ армянъ. Съ первыхъ же шаговъ своихъ на турецкой территоріи русскія войска были встрѣчены дарами со стороны армянъ-пастуховъ. Уже на второй день похода армянское духовенство служило молебенъ съ многолѣтіемъ Царю-Освободителю, выступившему на защиту угнетенныхъ христіанъ. Дружественное настроеніе окружающаго армянскаго населенія было такъ велико, что войска думали, что они у себя дома, а не въ непріятельской землѣ [4]). Пріобрѣтеніе провіанта и фуража дѣлалось благодаря довѣрію населенія, на бумажныя деньги, а не на золото, чего не могли добиться въ Болгаріи. Послѣ взятія Ардагана въ приказѣ по войскамъ говорилось про армянъ, что «они достойны своихъ отцовъ, не разъ клавшихъ кости на защиту братьевъ-христіанъ». Посильное сочувствіе и содѣйствіе армянъ русскимъ войскамъ продолжалось до самаго конца войны [5]), за что со стороны турокъ постигали ихъ жесточайшія репрессаліи (особенно въ Баязетѣ) [6]). Результаты войны для турецкихъ армянъ были значительны: часть ихъ перешла въ Россію, а относительно другой части, оставшейся за Турціей, вперые *по иниціативѣ Россіи,* было выговорено для армянъ право на *спеціальныя* реформы, ограждающія ихъ личную и имущественную безопасность, и тѣмъ положено

---

[1]) См. „Восточную войну 1853—1856 гг.“ Богдановича, т. I, стр. 240.

[2]) Разумное управленіе краемъ снискало Лорисъ-Меликову расположеніе со стороны мусульманъ, которые поднесли ему предъ отъѣздомъ адресъ (онъ напечатанъ въ т. X, „Актовъ кавк. археогр. коммиссіи“). Къ концу управленія его оказался остатокъ въ 35.000 руб. Турецкое правительство дало Лорису орденъ Меджидіе. См. назв. соч. Богдановича, т. IV, стр. 315.

[3]) По инструкціи, данной ген.-лейт. Хрулевымъ Лорисъ-Меликову, переселеніе армянъ должно было быть только допускаемо, но не поощряемо. См. т. XI „Акт. кавк. арх. коммиссіи“, № 301.

[4]) См. „Войну въ Турецкой Арменіи 1877—2878 гг.“ ген. С. О. Кишмишева, Спб. 1884 г стр. 22.

[5]) См. н. с. С. О. Кишмишева, стр. 14, 447, 484.

1889 г., №№ 3 и 4, стр. 298.

[6]) См. въ статьѣ Жакмена мѣсто изъ синей книги. „Journal de droit international“.

начало армянскому вопросу *въ области международнаго права.* По ст. 16 Санъ-стефанскаго договора 19 февраля 1878 г., Турція обязалась предъ Россіею: произвести, *безъ дальнѣйшаго отлагательства,* улучшенія и реформы, вызываемыя мѣстными потребностями областей, населенныхъ армянами, и обезпечить ихъ безопасность отъ курдовъ и черкесовъ. Этому благому намѣренію Россіи, за которое доселѣ турецкіе армяне благославляютъ имя Царя-Освободителя, не суждено было, однако, осуществиться, хотя справедливость и цѣлесообразность почина Россіи была такъ очевидна, что къ нему долженъ былъ присоединиться и берлинскій конгрессъ, несмотря на все его нерасположеніе къ санъ-стефанскому договору: § 61 берлинскаго трактата цѣликомъ повторилъ § 16, присовокупивъ отъ себя, по предложенію не кого другого, какъ лорда Салисбюри новое обязательство Порты, а именно обязанность «періодически сообщать о принятыхъ для вышеуказанной цѣли мѣропріятіяхъ державамъ, которыя будутъ *наблюдать* за ихъ примѣненіемъ» (§ 62).

Независимо отъ этого, была заключена англо-турецкая конвенція 4 іюня 1878 г., коею Англія пріобрѣла протекторатъ надъ Малою Азіей, причемъ и предъ нею Турція въ *третій* разъ обязалась ввести реформы, необходимыя для безопасности армянъ. И за всѣмъ тѣмъ, несмотря на этотъ избытокъ покровителей, а можетъ быть и благодаря этому избытку,—по русской пословицѣ: у семи нянекъ дитя безъ глаза,—армяне до сихъ поръ, т.-е. въ теченіе болѣе чѣмъ 18 лѣтъ, напрасно *требуютъ* отъ туровъ реформъ, которыя Порта обязагась ввести, безъ дальнѣйшаго отлагательства, еще въ 1878 году.

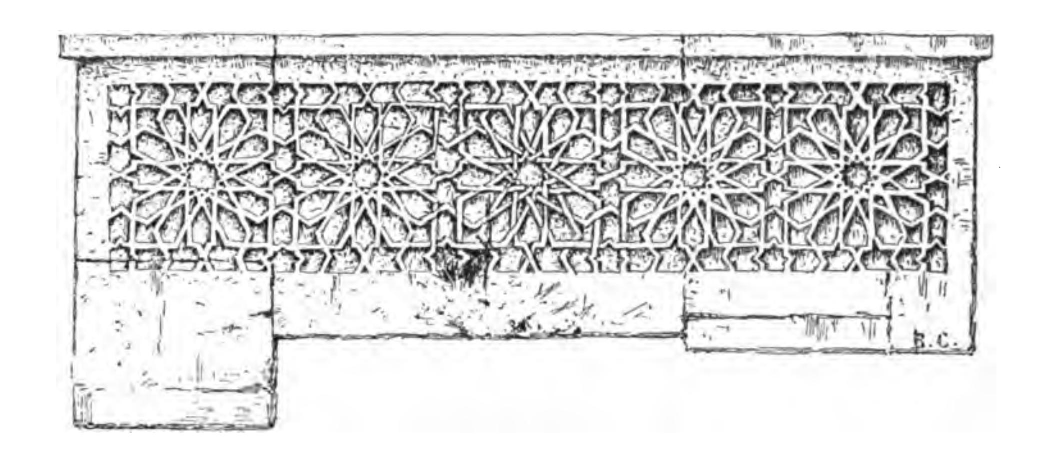
Такимъ образомъ, историческій ходъ событій привелъ турецкихъ армянъ къ ясному и неискоренимому сознанію, что ихъ вѣковымъ страданіямъ подходить, почти уже подошелъ, конецъ, что долготерпѣніе ихъ начинаетъ приносить плоды и европейскія націи вняли, наконецъ, голосу народа, составляющаго самую крайнюю восточную фракцію европейской цивилизаціи. Турецкіе армяне думали, что для спокойнаго и мирнаго существованія, для сохраненія основъ своего національнаго быта, религіи и языка имъ нѣтъ надобности покидать печальную, но дорогую родину, къ которой коренные армяне питаютъ трогательную до наивности и горячую до фанатизма неизгладимую привязанность [1]), что здѣсь именно у родныхъ нивъ и близъ дорогихъ могилъ, чтимыхъ коренными армянами, какъ святыня, долженъ создаться, по волѣ Европы, порядокъ вещей, обезпечивающій ихъ личную и имущественную безопасность, безъ которой немыслимо благосостояніе.

Но доселѣ надежда остается pium desiderium особенно послѣ кровавыхъ событій 1895—1896 гг.

Гревъ.

---

[1]) См. консульскія донесенія, удостовѣряющія, что земледѣльцы-армяне, вынужденные итти, благодаря неразвитости мѣстной экономической жизни, въ отхожіе промыслы, послѣ десятковъ лѣтъ, проведенныхъ на чужбинѣ, радостно возвращаются въ свои убогія землянки.



Армяне въ Россіи.

I.

Сношенія армянъ съ Россіею начались гораздо ранѣе утвержденія русскаго вліянія и господства надъ кавказскими землями. Со второй половины 17-го столѣтія являются уже они въ роли коммерческихъ посредниковъ между Московскимъ государствомъ и могущественною въ то время Персіею. Закавказье было еще недосягаемою для насъ страною, Грузія изнывала подъ пятою персидскихъ шаховъ, безплодно моля царя Алексѣя Михайловича о помощи, но предпріимчивые армянскіе торговцы устанавливали уже желанныя для русскаго правительства торговыя связи между обоими государствами. «Въ 1660 г. пріѣхалъ въ Москву купчина армянинъ Захаръ Сарадовъ и привезъ царю въ подарокъ богатый престолъ, украшенный алмазами, яхонтами, жемчугомъ, восточною бирюзою и турецкою финифтью [1])».

Особенно интереснымъ оказался иноземный гость для посольскаго Приказа; здѣсь закидывали его разспросами, «можно ли ему въ своей землѣ промыслить каменья дорогаго, узорочныхъ товаровъ, птицъ индѣйскихъ и мастеровыхъ людей, золотописцевъ, золотаго и серебрянаго дѣлъ мастеровъ и алмазниковъ рѣзцовъ?» На все это армянинъ отвѣчалъ: «отецъ его и онъ готовы все промыслить для великаго государя, потому что приказчики ихъ ѣздятъ во всѣ государства. Они съ отцомъ великому *христіанскому* государю во всемъ работать и служить ради, а *не для своей прибыли*».

Основная черта армянскаго воззрѣнія на Россію ярко обозначалась уже въ эти первые моменты знакомства съ нею: «шахъ насъ жалуетъ», откровенно

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. XII, стр. 273. Теперь онъ въ Оружейной палатѣ.

сознается армянскій купчина, «торгуемъ мы безпошлинно; только шахъ вѣры бусурманской, а мы христіанской вѣры, и для того великому государю служить и работать ради [1])».

Начинающіяся съ этого времени попытки армянъ завязать торговыя сношенія Россіи съ Востокомъ вполнѣ отвѣчаютъ цѣлямъ правительства и интересамъ государства. Достойно вниманія, что армянскія предложенія принимаются охотнѣе, чѣмъ ходатайства англичанъ и другихъ западныхъ народовъ, искавшихъ еще при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ свободной торговли по Волгѣ съ Персіею.

Московскому правительству улыбалась мысль притянуть въ Россію богатые персидскіе продукты, создать черезъ нее транзитное движеніе въ Западную Европу и парализовать общеніе Персіи съ западными государствами черезъ турецкія владѣнія. Въ этихъ видахъ состоялся въ 1667 г. при Ордынъ-Нащокинѣ договоръ съ Армянскою Компаніею, во главѣ которой стоятъ армяне Григорій Лусиковъ и Степанъ Мойсеевъ Ромодамскій. Изложенные въ челобитной Лусикова доводы удостоились полнаго одобренія царскихъ совѣтниковъ.

Въ какой мѣрѣ признавалось это начинаніе желательнымъ и важнымъ въ государственномъ интересѣ, можно заключить изъ того, что черезъ тѣхъ же самыхъ предпринимателей послано отъ Московскаго правительства дружественное сообщеніе шаху Аббасу съ пожеланіемъ, чтобы тѣ «сосѣдственные пріѣзды и торги во вѣки нескончаемо годъ отъ году множились, и никогда-бъ никакія помѣшки и умаленія и обиды никому ни въ чемъ не было [2])».

Событія времени не благопріятствовали однако мирнымъ начинаніямъ. Водное и сухопутное сообщеніе было почти недоступно для правильнаго торговаго движенія; кораблестроеніе находилось въ зачаткѣ; на устьяхъ Волги и по Хвалынскому морю безнаказанно распоряжались разбойничьи шайки, а ко всему этому не стало и шаха Аббаса. Съ неимовѣрнымъ трудомъ кое какъ сколоченные корабли сдѣлались добычею разбойничьяго атамана Разина. Путь въ Москву для армянскихъ торговцевъ оказался закрытымъ; картина хаотическаго состоянія въ эту эпоху кавказскихъ земель лучше всего рисуется отзывами русской власти: «во всѣхъ городахъ шаховой области отъ начальныхъ хановъ чинится купецкимъ людямъ великая обида и тѣснота и неволя».

Такимъ образомъ первый починъ долженъ былъ кончиться полною неудачею; но онъ не обезкуражилъ армянъ.

Не дальше какъ черезъ шесть лѣтъ въ 1673 г. тотъ же Лусиковъ снова появляется въ Москвѣ. Онъ завязываетъ долгую бесѣду съ Артамономъ Сергѣевичемъ Морозовымъ, энергически ведетъ съ нимъ переговоры. Въ новомъ договорѣ дѣлаются измѣненія и дополненія по поводу «казацкаго воровства», интересы отважныхъ предпринимателей принимаются въ уваженіе и устанавливаются способы къ огражденію ихъ безопасности [3]).

Плодотворное для страны торговое посредничество армянъ съ этого времени твердо устанавливается и, не прерываясь, развивается сильнѣе съ каждымъ царствованіемъ. Тѣ же самыя неблагопріятныя обстоятельства продолжаютъ тормо-

[1]) Исторія Россіи Соловьева, т. XII, стр. 273.
[2]) См. Полное Собраніе Законовъ изданія 1830 г. т. I, за 1667 г. мая 31.
[3]) Полное Собраніе Законовъ изд. 1830 г. за 1673-й годъ, февр. 7.

зить это торговое движеніе и навлекають даже на смѣлыхъ піонеровъ нѣкоторый упрекъ, что они доставляютъ въ Россію не весь добываемый въ персидскихъ земляхъ шелкъ. Но дѣло въ томъ, что опасности и непреодолимыя затрудненія указаннаго пути невольно влекутъ ихъ отъ времени до времени на проторенную дорогу. Тѣмъ не менѣе услуги, ими оказываемыя, ясно сознаются и оцѣниваются правительствомъ. Разительнѣе всего вытекаетъ этотъ фактъ изъ боярскихъ сужденій при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Эпоха правленія царевны Софьи выдвинула на главный планъ международные вопросы иного характера. Персія и торговыя связи съ нею отошли въ сторону. Политическій интересъ сдѣлался преобладающимъ. Взоры самой Правительницы и ея главнаго совѣтника—«Оберегателя» кн. Василія Васильевича Голицына—прикованы къ событіямъ другой великой мусульманской державы, Турціи. Она являлась иногда грозою для христіанской Европы не только сама по себѣ, но и по тѣмъ политическимъ комбинаціямъ, какія возникли на континентѣ. Король-Солнце, властвовавшій подъ окрѣпшею и увѣнчанною славою Франціею, былъ двигателемъ европейскихъ событій: въ его рукахъ находились нити всей международной политики. Расшатанной Габсбургской имперіи приходилось тревожно озираться на два фронта. Съ одной стороны ей предстояло обезопасить себя отъ неугомонныхъ замысловъ честолюбиваго короля, съ другой—воздвигать преграды мусульманскому напору.

Это былъ, намъ кажется, тотъ печальный моментъ европейской исторіи когда началъ спутываться и закрѣпляться узелъ будущаго роковаго *восточнаго* вопроса. Съ этихъ поръ мусульманская держава стала втягиваться въ тайны европейской политики, съ этихъ поръ она уразумѣла, что, сверхъ оружія, можетъ опирать свой успѣхъ и торжество на ухищреніяхъ дипломатіи, столь важной въ понятіяхъ христіанскихъ государствъ.

Наступилъ вѣкъ Петровскій, вѣкъ кипучей дѣятельности геніальнаго царя. Орлинымъ взглядомъ окинулъ онъ окрестныя моря, переводя взоры отъ Бѣлаго на Каспій, отъ Чернаго на Балтику. Нося въ душѣ завѣтную мысль о морѣ, ведущемъ на Западъ, куда стремились всѣ его помыслы, но гдѣ надо было помѣряться силами съ могучимъ противникомъ, онъ усматривалъ на югѣ скорѣйшее достиженіе своихъ стремленій, скорѣйшій выходъ къ морю. Оба южныя моря были для него одинаково привлекательны.

Къ утвержденію на Каспійскомъ морѣ дѣлали усилія его предшественники; здѣсь создалась уже нѣкоторая традиція; здѣсь борьба казалась не такъ трудною. Но Черное море манило своимъ широкимъ горизонтомъ; на это наводилъ царя лучшій его совѣтчикъ Лефортъ; сюда призывали и единоплеменники, тѣснимые одновременно и турецкимъ гнетомъ, и католическими захватами. Мысль о борьбѣ противъ враговъ креста была у великаго царя не послѣднею, несмотря на всю необъятность и необычайность его предначертаній къ обновленію своего государства, къ подъему его внутреннихъ силъ, ко внесенію туда началъ цивилизаціи и умственнаго прогресса.

Предпринимая свою знаменитую европейскую поѣздку къ источникамъ свѣта и знанія, царь объявлялъ во всеуслышаніе, что, кромѣ культурныхъ цѣлей, его влечетъ «ослабленіе враговъ креста Господня, Салтана Турскаго, Хана Крым-

скаго и всѣхъ бусурманскихъ ордъ» [1]. Ему хотѣлось установить личныя отношенія дружбы и союза съ иноземными государями.

Но фортуна во образѣ дипломатіи бодрствовала надъ «бусурманской» страною и явилась на ея спасеніе. Нѣкоторымъ государствамъ казалось въ это время выгоднымъ сломить мощь христіаннѣйшаго государя, нежели султана. Готовился странный европейскій бой. Англіи и Голландіи было не до того, чтобы внимать доводамъ русскаго царя. Имъ нужно, наоборотъ, оттянуть и Австрію отъ побѣдоносной войны съ Турціею, а Россію толкать къ единоборству съ нею. Планъ общаго союза противъ Оттоманской имперіи распадается. Карловичскій договоръ 1698 года приноситъ ей полное спасеніе. Но уже тогда, по поводу сепаратныхъ переговоровъ Россіи съ Портою, прозорливый царскій посланникъ мѣтко рисуетъ пріемы турецкой дипломатіи: «Поступаютъ турки», доноситъ Украинцевъ, «въ договорахъ весьма лукаво, съ великимъ вымысломъ и продолженіемъ».

Какъ ни поглощенъ царь своею отважною борьбою противъ сильнаго сѣвернаго сосѣда, борьбою на жизнь и смерть, но плодотворнымъ внутреннимъ дѣламъ онъ находитъ нужнымъ удѣлять довольно времени. Царскій манифестъ 1702 года знаменуетъ важный моментъ въ исторіи внутренней жизни русскаго государства. Царь объявляетъ въ немъ всенародно, что онъ проникнутъ попеченьемъ «о всеобщемъ благѣ, о лучшемъ и благополучнѣйшемъ состояніи своей страны и народа», а для преуспѣянія ихъ необходимы: добрый порядокъ и дисциплина, распространеніе торговли и всякихъ познаній, умноженіе свѣдущихъ людей и полезныхъ художниковъ, привлеченіе тѣхъ иноземцевъ, которые могутъ способствовать такому улучшенію. Мудрость царя усматривать пользу въ томъ, чтобы открыть иностранпамъ доступъ въ государство и доставить имъ безопасность, даровать имъ свободное отправленіе вѣры, учредить для нихъ свой судъ по Римскому гражданскому праву и другимъ народнымъ обычаямъ.

Но вотъ именно при этомъ заботливомъ хозяинѣ обширной страны, при этомъ грозномъ гонителѣ неправды, при этомъ неустанномъ царственномъ работникѣ и прозорливомъ цѣнителѣ полезныхъ людей совершается наибольшее сближеніе армянъ съ Россіею. 2-го марта 1711 года воспослѣдовалъ сенатскій указъ, въ которомъ предписывалось: «Армянъ какъ возможно приласкать и облегчить въ чемъ пристойно, дабы тѣмъ подать охоту для большаго ихъ пріѣзда» [2]. По другому сенатскому указу отъ 2 мая того же года за Армянскою Торговою Компаніей утверждены всѣ привилегіи, дарованныя имъ до Петра.

Свѣтлая мысль царя витаетъ главнымъ образомъ въ сферѣ вопросовъ о благоустроеніи государства, о благоденствіи народа, о водвореніи живительныхъ началъ культуры и цивилизаціи. Въ этомъ именно и заключается величіе Петра, въ этомъ плодотворность его обширныхъ дѣяній!

Въ своихъ международныхъ отношеніяхъ къ обѣимъ мусульманскимъ державамъ, къ Персіи и Турціи, онъ проявляетъ ту же вѣрность взгляда, которая остается отличительнымъ свойствомъ великаго государя. И тутъ ему нужны не

---

[1] Исторія Россіи Соловьева т. XIV, 223.
[2] Полное Собраніе Законовъ, изд. 1830 г. т. IV, 662.

территоріальныя завоеванія: его интересуетъ обезпеченіе торговыхъ выгодъ, прочное утвержденіе на моряхъ, торжество мирныхъ побѣдъ. Столь же сочувственна ему мысль *огражденія христіанскаго населенія* въ персидскихъ и турецкихъ земляхъ, выдѣленіе христіанскаго элемента въ особыя группы, независимыя отъ фанатическихъ притѣснителей.

Характерною является съ этой точки зрѣнія дипломатическая миссія перваго русскаго посла при султанскомъ дворѣ, высокодаровитаго Петра Андреевича Толстого. Его можно отнести къ плеядѣ птенцовъ Петровыхъ, хотя встрѣчаемся съ нимъ и раньше. Самъ Петръ съ обычною мѣткостью и откровенностью высказалъ ему однажды въ глаза: «Эхъ голова, голова! не быть бы тебѣ на плечахъ, если бъ не была такъ умна!» Отправляясь на трудный и опасный постъ посла при дворѣ султана Мустафы II, онъ снабженъ подробными инструкціями. Между ними видное мѣсто занимаетъ: «особенно навѣдаться о торговлѣ персидской». Съ его появленіемъ въ Константинополѣ христіане пріобрѣтаютъ мощную опору и зоркаго ходатая. Мусульманское правительство встревожено. «Турки начинаютъ имѣть великую осторожность», доноситъ царю Толстой.

У царственнаго хозяина русской земли, послѣ счастливаго исхода трудныхъ войнъ и послѣ того какъ онъ сталъ твердою стопою на финскомъ берегу, роились въ головѣ другія мысли, болѣе плодотворныя, чѣмъ кровопролитныя, болѣе возвышенныя, чѣмъ захваты оружіемъ. Онъ помышляетъ открыть для западной и восточной торговли свои обширныя владѣнія, пробить для нихъ новые пути, соединить Каспійское море съ Балтійскимъ, Астрахань съ своимъ «парадизомъ». Этотъ «парадизъ» долженъ отнынѣ сдѣлаться центромъ торговыхъ сношеній съ Западомъ. Сюда направляетъ царь и бѣломорскую торговлю, несмотря на всѣ противодѣйствія голландцевъ, уже освоившихся съ Архангельскомъ и устроившихся тамъ. Архангельскій экспортъ долженъ быть ограниченъ только отпускомъ пеньки. Заграничная торговля съ Франціею и далекою Испаніею сдѣлалась предметомъ заботливости царя.

Но, пламенѣя сердцемъ о сближеніи съ Западомъ, онъ не меньше дорожитъ Востокомъ и дружественными связями съ его странами и народами, завязываетъ сношенія съ Китаемъ, вступая въ непосредственныя сношенія съ богдыханомъ Кганъ-хи, стремится пробить торговые пути въ средне-азіатскія земли, въ Персію, въ Кавказскія страны, къ Индостану.

Въ это же самое время въ 1719 году Коммерцъ-Коллегія обнародовала именной Царскій Указъ относительно торговли персидскими продуктами черезъ Армянскую Компанію.

Дорожа пріѣздомъ армянскихъ торговцевъ въ Россію, признавая всю пользу, приносимую странѣ этими мирными и дѣятельными распространителями торговли и труда, Петръ предоставляетъ имъ права пріѣзда, переселенія и торговли наравнѣ со всѣми тѣми иноземцами [1], къ которымъ онъ благоволилъ.

Кавказскія земли находились въ это время, какъ замѣчено выше, въ безвыходно хаотическомъ состояніи. Номинальная ихъ зависимость отъ шаха фактически почти не существовала и вполнѣ господствовалъ во всѣхъ частяхъ произволъ мѣстныхъ деспотическихъ хановъ. Нѣкоторыя же мѣстности тяготѣли

[1]) Полное Собраніе Законовъ, изд. 1830 г. т. V, 714.

больше къ Турціи, нежели къ Персіи. Сильнымъ очагомъ мусульманскаго фанатизма являлась кубанская орда. Сюда стекались нерѣдко лихіе калмыцкіе наѣздники изъ своихъ привольныхъ становищъ по степнымъ пространствамъ Волги, Яика и Дона; здѣсь находили свой разбойничій притонъ бѣглые казаки; отсюда поддерживалась тѣсная связь магометанъ кубанскихъ съ крымскими. Разобраться однако въ этой officina gentium было чрезвычайно трудно. Кабарда тянула, повидимому, къ Россіи, среди кумыковъ господствовало вліяніе турокъ, южныя области находились въ безотвѣтномъ рабствѣ у подвластныхъ шаху хановъ, Грузія была безсильна и беззащитна.

Задушевное стремленіе Петра создать на прибрежьи Каспія прочные пункты торговли долго не находило осуществленія. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока не удалось Императору свалить съ плечъ тяжелую борьбу на Западѣ. Тогда взоры его устремились на югъ, и онъ умѣлъ найти для этой арены новаго талантливаго исполнителя своихъ предначертаній. Таковымъ оказался Артемій Петровичъ Волынскій, отправленный въ 1715 г. посломъ къ шаху Гуссейну, а черезъ четыре года назначенный на важный въ то время постъ Астраханскаго губернатора. Представляетъ особенно большой, для нашей задачи, интересъ инструкція Волынскому при отправленіи его въ Персію, собственноручно исправленная Петромъ. Предписывалось ему отправиться моремъ, а вернуться сухимъ путемъ и близко ознакомиться какъ съ самою Персіею, такъ съ ея владѣніями на Кавказѣ. Указывалось «провѣдать всѣ пристани, города и прочія поселенія, и какія гдѣ въ море Каспійское рѣки большія впадаютъ, и до которыхъ мѣстъ по онымъ рѣкамъ можно ѣхать отъ моря и нѣтъ ли какой рѣки изъ Индіи, которая бы впала въ сіе море. Особливо провѣдать Гилянь, склонять Шаха, чтобы повелѣно было армянамъ весь свой торгъ шелкомъ сырцомъ обратить проѣздомъ въ Россійское государство болѣе удобнымъ воднымъ путемъ до самаго Петербурга, вмѣсто того, чтобы возить въ турецкія земли на верблюдахъ. Развѣдывать объ армянскомъ народѣ, много ли его и въ которыхъ мѣстахъ живетъ, и есть ли изъ нихъ какіе знатные люди изъ шляхетства или изъ купцовъ и каковы они къ сторонѣ царскаго величества, обходиться съ ними ласково и склонять къ пріязни».

Миссія, возложенная на Волынскаго, выполнена имъ съ большимъ искусствомъ.

«Мнѣ мнится, что здѣшніе народы привлечь политикою къ сторонѣ вашей невозможно, ежели въ рукахъ оружія не будетъ»—таково мнѣніе Волынскаго.

Предостереженіе его скоро оправдалось. Случился неожиданный погромъ, погубившій въ самомъ зародышѣ мирное начинаніе Россіи въ Закавказьѣ. Успѣшно развившійся торговый пунктъ Шемаха въ августѣ 1722 г. подвергся горькой участи. Свирѣпые лезгины и казыкумыки разорили ее, причинивъ огромный уронъ русскимъ купцамъ. Это событіе подкрѣпило доводы Волынскаго и затронуло самую чувствительную струну великаго устроителя страны.

Обстоятельства времени слагались также въ пользу рѣшительныхъ дѣйствій. Великая Сѣверная война была окончена. Внутреннее разстройство Персіи достигло крайнихъ предѣловъ. Безсиліе шаха Гуссейна ободрило афганцевъ. Повелитель ихъ Махмудъ съ большою военною силою подступилъ къ Испагани и успѣлъ

наконецъ овладѣть столицею, когда джульфинскіе армяне примкнули къ нему. Но еще опаснѣе былъ другой, болѣе грозный противникъ. Алчная до захватовъ Турція видѣла удобный моментъ завладѣть персидскими областями, а также утвердиться на Кавказѣ. Особенно опаснымъ являлось для Россіи возможное утвержденіе турокъ на Каспійскомъ морѣ. Эта мысль сильно озабочиваетъ Петра и онъ пишетъ русскому консулу въ Персіи Аврамову: «турки не оставятъ всею Персіею завладѣть, что намъ противно и не желаемъ не только имъ, но себѣ оною владѣть». Вся совокупность этихъ событій и соображеній приводитъ къ тому, что персидскій походъ рѣшенъ.

Во главѣ труднаго предпріятія становится самъ неутомимый Императоръ. Всѣ мельчайшія подробности движенія предусмотрѣны, обдуманы. Лѣтомъ 1722 года Петръ выступаетъ изъ Астрахани на судахъ, отправивъ конное войско сухимъ путемъ по берегу, и благополучно достигаетъ Аграхонскаго залива. Обаяніе имени и личности царя обезпечиваетъ успѣхъ дѣла на первыхъ же шагахъ. Правители Тарковскій и Аксайскій спѣшатъ изъявленіемъ покорности. Дерзнувшіе противиться подавлены оружіемъ. Царь вступаетъ въ Дербентъ и посылаетъ отсюда въ Сенатъ сообщеніе о пройденномъ пути и перенесенныхъ трудностяхъ. Отзывъ Сената, что царь находится «на стези Александра Великаго», мало поджигаетъ славолюбіе царя-работника. Не славы и не завоеваній онъ ищетъ; онъ дальновиднѣе своихъ министровъ и царедворцевъ; его манятъ только цѣли мирнаго преуспѣянія; увлекаетъ только то, что клонится ко благу государственнаго устройства и его народа. Двигаться дальше Дербента не входило въ его планы и онъ рѣшаетъ вернуться назадъ, удовольствовавшись закладкою города св. Креста между рѣками Агрохонью и Сулакомъ, который долженъ сдѣлаться торговою стоянкою. Онъ поручаетъ, правда, незначительные отряды въ распоряженіе двухъ военачальниковъ для дальнѣйшей развѣдки каспійскихъ береговъ, но это слѣдуетъ считать не столько военнымъ предупрежденіемъ, сколько вооруженною экспедиціею для изученія края. Данныя имъ инструкціи уясняютъ мысль Петра; ему желательно «провѣдать о Гиляни, Мазандеронѣ, Астрабадѣ, провѣдать про сахаръ и другіе продукты этихъ странъ».

Но бѣдствія, разразившіяся надъ Персіею, все усиливаются и угрожаютъ конечною погибелью могуществу Шахин-Шаховъ. Престолъ находится въ рукахъ неопытнаго Тохмасна. Афганцы продолжаютъ безнаказанно распоряжаться страною. Султанъ турецкій предъявляетъ права наслѣдства на персидскую монархію. Тавризъ становится добычею хищныхъ курдовъ, а жалкій преемникъ повелителей Ирана Тохмаснъ безпомощно озирается кругомъ, ища спасенія. Среди этихъ потрясеній двумъ русскимъ отрядамъ легко утвердиться—одному въ Баку, другому—въ Рештѣ. Но безначаліе въ персидскомъ государствѣ такъ велико, что не съ кѣмъ вести переговоровъ. Поэтому они сосредоточиваются въ Петербургѣ въ рукахъ персидскаго посла Измаилъ-бека.

Въ эту-то эпоху персидскихъ замѣшательствъ особенно рельефно обрисовывается взглядъ Петра на армянскую народность. Изъ приведенныхъ выше свидѣтельствъ можно уже видѣть, что съ первыхъ же лѣтъ своей царственной дѣятельности онъ съ особенною благосклонностью смотритъ на армянъ и даетъ предпочтительное предъ другими восточными выходцами мѣсто въ своей странѣ.

Со свойственною ему вѣрностью взгляда онъ видѣлъ, что армяне на югѣ его имперіи могутъ явиться лучшими проводниками мирной политики, лучшими насадителями гражданственности, торговли и плодотворнаго труда [1]). Этимъ путемъ, при содѣйствіи трудолюбиваго христіанскаго населенія, вѣрнѣе и тверже водворятся тамъ и русское вліяніе и русское господство. Связь армянской народности съ могучею христіанскою державою становится съ этого времени очень тѣсною. Представители армянъ еще ранѣе этого успѣли заинтересовать своимъ положеніемъ западную Европу и въ особенности Императора священной Римской имперіи. Одинъ изъ такихъ представителей, знатнаго происхожденія, послѣ долголѣтняго пребыванія при дворахъ западныхъ государей, появляется въ самомъ началѣ вѣка и въ Россію, чтобы подвинуть царя на избавленіе армянъ отъ персидской зависимости. Это былъ Исраиль Орія, въ сопровожденіи нѣсколькихъ своихъ единомышленниковъ. Заручившись согласіемъ римскаго императора и курфирста баварскаго, онъ искалъ теперь помощи русскаго царя. Представившись предварительно министру Головину, онъ изложилъ ему планъ дѣйствія для низложенія мусульманскаго владычества. «Въ армянской странѣ,—говорилъ онъ,— 17 провинцій, съ которыхъ соберется 16.000 войска, да грузинскаго войска соберется съ 30.000 человѣкъ. Турецкіе армяне тоже придутъ на помощь, а шахъ персидскій не можетъ собрать болѣе 38.000. Теперь самое удобное время воевать Персію» [2]). Орія обращается затѣмъ съ письмомъ къ самому царю и упоминаетъ въ немъ *о пророчествѣ*, что «въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принятію своего прескверная закона; тогда придетъ изъ августѣйшаго Московскаго дома тотъ великій государь, который избавитъ армянъ отъ руки невѣрныхъ».

Къ предложенію армянскаго представителя великій царь отнесся съ полнымъ сочувствіемъ; но тогда шведская война поглощала все его вниманіе и царь высказался принципіально, что по окончаніи войны будетъ имъ *непремѣнно* предпринято освобожденіе армянъ [3]). Сношенія Оріи съ русскимъ правительствомъ не прерываются; по совѣту царя онъ отправляется тѣмъ временемъ хлопотать у государей Западной Европы. Отъ цесаря и курфирста баварскаго онъ получаетъ уже не только согласіе, но и поощрительныя граматы къ армянскимъ старшинамъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ снова въ Россіи. Царь жалуетъ его чиномъ полковника русской службы, командируетъ въ Персію для подготовительныхъ цѣлей. Миссія Оріи увѣнчалась, повидимому, полнымъ успѣхомъ, планъ дѣйствія не далекъ отъ своего осуществленія, вліяніемъ его армянскій патріархъ и другія почетныя лица собираются уже въ Москву, но неожиданно постигшая въ Астрахани, на пути изъ Персіи, смерть главнаго руководителя дѣла пріостановила освободительное движеніе армянъ.

Но оно не замерло. Характеръ народнаго движенія, однако, видоизмѣнился и получилъ другой колоритъ. Во главѣ дѣла появились лица духовнаго званія. Главнымъ дѣятелемъ выступаетъ архимандритъ Минасъ Вартапетъ. Онъ продолжаетъ хлопотать о покровительствѣ Россіи и указываетъ на необходимость воз-

---

[1]) См. выше статью В. И. Герье.

[2]) Исторія Россіи Соловьева т. XVIII, 54.

[3]) Ibidem.

вести на берегу Каспійскаго моря на томъ мѣстѣ, гдѣ была пристань Низовада, большой монастырь, могущій по своему устройству получить значеніе крѣпости. Одновременно онъ проситъ разрѣшенія соорудить армянскую церковь въ Петербургѣ, дабы прикрыть политическую цѣль предпріятія религіозными интересами.

По приказанію царя Шафировъ даетъ Волынскому въ 1716 г. новую инструкцію: «такъ какъ поручено Вартапету отправиться въ Персію для отысканія пожитковъ умершаго Оріи, то оказывайте ему нужную помощь, не возбуждая подозрѣній». Вартапетъ обращается къ проживавшему въ монастырѣ Канзасарѣ патріарху Исаіѣ, который посвященъ въ тайны этихъ переговоровъ, горячо содѣйствуетъ освободительной идеѣ и возводитъ Вартанета въ санъ архіепископа. Патріаршее посланіе къ царю, доставленное черезъ новаго архіепископа, заключаетъ въ себѣ извѣщеніе, что онъ съ своими вѣрными людьми немедленно приступитъ къ дѣйствію, какъ скоро будетъ предварительно увѣдомленъ о началѣ движенія.

Въ концѣ 1722 года тифлисскій епископъ извѣщаетъ русскій дворъ, что 100.000-ное армянское войско готово примкнуть къ русскимъ войскамъ при ихъ движеніи на Шемаху. Патріархъ Нерсесъ обращается съ граматою непосредственно къ императору, прося его о помощи и заступничествѣ.

Помѣхою къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ со стороны Петра, при всемъ его сочувствіи армянскому движенію, является новая угрожающая политика Оттоманской Порты. Она явственно стремится къ захвату какъ персидскихъ земель, такъ и Кавказа. Необходимо энергическое противодѣйствіе турецкимъ замысламъ. Удерживаясь отъ военныхъ дѣйствій, Петръ проявляетъ полную заботу о поддержаніи армянъ, объ охраненіи ихъ судьбы и о привлеченіи ихъ въ предѣлы государства, а въ особенности объ умноженіи ихъ числа въ новопріобрѣтенныхъ мѣстностяхъ, по Каспійскому прибрежью. Въ 1723 г. мая 14 Петръ издаетъ слѣдующее повелѣніе: «призвать въ Сенатъ изъ армянской компаніи лучшихъ двухъ или трехъ человѣкъ и объявить имъ, чтобы они къ *размноженію коммерціи съ россійскими* купцами имѣли стараніе» [1]).

Одновременно, вслѣдствіе мольбы патріарха Нерсеса о помощи, царь посылаетъ черезъ армянина Ивана Карапета милостивую царскую грамату «Честному народу армянскому, обрѣтающемуся въ Персіи», объявляя, что онъ освободитъ ихъ отъ ига невѣрныхъ, какъ скоро совершится утвержденіе Россіи по прибрежнымъ мѣстностямъ Каспійскаго моря. «Если же гнетъ невыносимъ,— участливо высказываетъ царь,—то пусть важнѣйшія лица изъ армянъ переселятся въ города, занятые русскими войсками, а народъ терпѣливо ждетъ въ своихъ жилищахъ, пока русское войско приготовится къ его освобожденію».

Центромъ, вокругъ котораго группировались всѣ элементы освободительнаго движенія армянъ, былъ патріархъ Исаія въ Канзасарѣ. Здѣсь оберегало его около 12.000 армянскаго войска. Грамота русскаго царя пробудила среди армянъ всеобщій восторгъ. Но неопредѣленность положенія дѣлъ и усилившаяся опасность со стороны мусульманъ побуждаютъ армянъ снова обратиться къ императору съ прямымъ заявленіемъ, что не хотятъ болѣе оставаться подъ игомъ бусурманскимъ, несмотря на то, что и турки и персы заманиваютъ ихъ къ себѣ.

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. VII, стр. 64.

Въ какой мѣрѣ самъ великій императоръ сочувствовалъ водворенію армянъ въ прикаспійскія области, лучше всего свидѣтельствуетъ грамота патріарху и юсъ-башамъ и всему армянскому народу отъ 10 ноября того же 1723 года [1]):

„Объявляемъ черезъ сію Нашу милостивую грамоту, что Мы, черезъ отправленныхъ отъ васъ попа Антонія и Кевча-Челяби, всепокорнѣйшее доношеніе получили, и отъ оныхъ пространнѣйше устно донесено о желаніи вашемъ, дабы Мы васъ съ фамиліями вашими въ высокую Нашу Императорскую протекцію приняли и для жилища и свободнаго вашего впредь пребыванія въ новополученныхъ нашихъ персидскихъ провинціяхъ, по Каспійскому морю лежащихъ, удобныя мѣста отвесть повелѣли, гдѣ бы вы спокойно пребывать и христіанскую свою вѣру безъ препятія по закону своему отправлять могли. И понеже Мы, *честный армянскій народъ, ради христіанства, въ особливой Нашей Милости содерживая*: того ради, Мы на сіе ваше прошеніе Всемилостивѣйше соизволяемъ, и потребные указы отъ себя послали къ управителямъ Нашимъ тѣхъ новополученныхъ провинцій, дабы они васъ, какъ въ Гилянѣ, Мизандронѣ, такъ и въ Баку и въ другія удобныя мѣста, когда кто изъ васъ туда прибудетъ, не токмо приняли, но для жительства и поселенія удобныя мѣста отвели, и *впрочемъ во всякой милости и охраненіи содержали* и чтобы вы о семъ Нашемъ Всемилостивѣйшемъ соизволеніи, толь наипаче весьма обнадежены и увѣрены быть могли: того ради Мы не токмо сію Нашу Императорскую грамоту къ вамъ отправили, но и посланныхъ вашихъ вышеупомянутыхъ къ вамъ народъ отпустили, которые *о Наше къ вамъ имѣюще милости вящше изустно васъ обнадежить указъ имѣютъ*, которымъ вы въ томъ полную вѣру да имѣете, и пребываемъ къ вамъ Нашею Императорскою милостію благосклонны“.

Но человѣколюбіе великаго монарха къ угнетеннымъ армянамъ, его ясное сознаніе, что этотъ надежный народный элементъ будетъ пригоднѣе всѣхъ другихъ иноплеменниковъ на южной окраинѣ государства, выступаютъ еще ярче въ промеморіи, относящейся къ этой грамотѣ [2]).

Важнѣйшіе пункты промеморіи гласятъ слѣдующее: 1) „Понеже Его Величество имѣетъ трактатъ съ Портою Оттоманскою, помочь послать армянамъ и тамо ихъ защищать невозможно: того ради Его Императорское Величество требуетъ, что они армяне по своему объявленію оставя тѣ провинціи, въ коихъ нынѣ живутъ, собравшись съ фамиліями своими во многомъ и маломъ людствѣ, какъ лучше могутъ, и имъ то учинить способнѣе будетъ, пошли въ Гилянь, Мизандронъ, Баку, Дербентъ и къ другимъ, подъ владѣніемъ Его Императорскаго Величества по Каспійскому морю лежащимъ мѣстамъ для своего поселенія; 2) Его Императорское Величество повелитъ имъ въ Гилянѣ, Мизандронѣ и во всѣхъ другихъ по Каспійское морю провинціяхъ, въ городахъ и селахъ потребныя, удобныя и довольныя мѣста отвесть, гдѣ они поселятся и спокойное свое пребываніе впредь имѣть могутъ. 3) И когда они туда пребудутъ, то не токмо будутъ содержаны въ Его Императорскаго Величества милости, и Его Величество *ихъ всегда отъ всѣхъ оборонять и защищать будетъ*, и они въ тѣхъ мѣстахъ промыслы свои имѣть *и въ краткомъ времени въ такое состояніе придти могутъ, что они оставленныя тѣ провинціи забудутъ*, и внѣ опасности, отъ всякаго бусурманскаго нападенія, *по закону своему* пребываніе свое имѣть будутъ.—И обо всемъ томъ потребные указы съ ними къ Управителямъ Его Императорскаго Величества при семъ отправлены. 4) Объявить имъ, какъ они присланные къ Его Императорскому Величеству Самому допущены были и что *Его Величество Самъ изустно о своей высокой милости ихъ обнадежить изволилъ* [3]).

Изъ промеморіи выясняется, что Петръ былъ уже связанъ трактатомъ съ Портою и не могъ отправить въ Арменію войско для защиты населенія на мѣстахъ

---

[1]) Полное Собраніе Законовъ, т. VII, 157.

[2]) См. тамъ же.

[3]) Промеморія армянамъ попу Антонію, Кевчѣ, Челябею и попу Петру. См. ibidem.

его жительства. Этотъ трактатъ былъ послѣдствіемъ тѣхъ политическихъ замѣшательствъ, которыя возникли по поводу персидскихъ дѣлъ. Поводомъ же къ замѣшательствамъ служили условія договора съ Персіею, принятыя Измаилъ-Бекомъ, въ Петербургѣ 12 сентября 1723 года, но оставшіяся безъ ратификаціи и далѣе отвергнутыя персидскимъ правительствомъ.

Договоръ вызывалъ сильное неудовольствіе Порты, такъ какъ она признавала себя естественною наслѣдницею Персіи, пришедшей, повидимому, на край погибели. Но еще важнѣе было то, что пробудились уже подозрѣнія западныхъ державъ къ восточной политикѣ царя и усматривались въ ней честолюбивые и завоевательные замыслы. Враждебная французская дипломатія нашла себѣ теперь союзницу въ Англіи. Обоюдными усиліями стремились обѣ державы внушить визирю опасенія отъ чрезмѣрнаго расширенія русскихъ предѣловъ. И хотя Петръ спѣшилъ уже примѣнить къ уступленнымъ по договору землямъ извѣстную политическую теорію: beati possidentes, занимая ихъ своими войсками, и укрѣплялъ ихъ за собою водвореніемъ туда переселяющихся армянъ, но вопросъ обострился и грозилъ новымъ разрывомъ съ Турціею. Завязываются оживленные дипломатическіе переговоры въ самомъ Константинополѣ черезъ русскаго резидента Неплюева.

Переговоры тянулись, договорныя статьи мѣнялись и исправлялись много разъ, въ концѣ концовъ 12 іюня 1724 года состоялся трактатъ. Шемаха переходитъ въ руки турецкаго вассала. Пространство, идущее отсюда къ морю, распадается на три части, при чемъ прибрежная поступаетъ во владѣніе Россіи, а примыкающая къ Шемахѣ отходитъ къ Портѣ. При сліяніи Аракса съ Курою устанавливаются пограничные пункты русско-персидскіе. Всѣ занятыя турецкими войсками персидскія земли остаются за Турціей, и русскій Императоръ даже обязывается, въ случаѣ надобности, поддержать Порту оружіемъ. Очевидно, французскій медіаторъ Дебонокъ выполнилъ свою роль честнаго маклера съ такимъ же искусствомъ, какъ это совершилось въ другомъ случаѣ, другимъ европейскимъ дипломатомъ, на нашихъ глазахъ. Вѣсы дипломатическаго правосудія перетягивались на сторону болѣе дружественной магометанской державы. Но и завѣтная мысль Преобразователя возрожденной имперіи осуществилась: Россія твердою стопою стала на прибрежьи Каспія и пришла въ непосредственное соприкосновеніе съ обѣими мусульманскими державами.

Но надежда армянскаго народа на освобожденіе отъ магометанскаго ига, при помощи русскаго царя, исчезла. Петръ однако до конца своихъ дней не ослабѣваетъ въ стремленіи облегчить участь порабощенной народности. Онъ открываетъ ей всѣ способы къ переселенію въ предѣлы своего государства. Отправляя бригадира Александра Румянцева чрезвычайнымъ посланникомъ въ Константинополь для ратификаціи заключеннаго трактата, онъ диктуетъ ему въ своемъ рескриптѣ такой образъ дѣйствія относительно армянъ: «пріѣхали къ намъ армянскіе депутаты съ просьбою защитить отъ непріятелей, ежели мы этого сдѣлать не въ состояніи, то позволить имъ перейти въ наши новопріобрѣтенныя отъ Персіи провинціи. Мы имъ объявили, что помочь имъ войскомъ не можемъ вслѣдствіе заключеннаго съ Портою договора, а поселиться въ прикаспійскихъ нашихъ провинціяхъ позволили и нашу обнадеживательную грамоту послали.

Если турки станутъ вамъ объ этомъ говорить, то отвѣчайте, что *Намъ, ради христіанства, армянамъ, какъ христіанамъ, отказать въ томъ нельзя»*.

Эти знаменитыя слова писались въ то время, когда дни страждущаго отъ сверхчеловѣческихъ трудовъ Императора были уже сочтены. Армяне не переставали обращать взоры и мольбы къ человѣколюбивому монарху. Послѣднее такое обращеніе отъ лица двухъ патріарховъ, Исаіи и Нерсеса относится къ октябрю 1724 года и дышитъ уже полнымъ отчаяніемъ: «находимся въ полной безнадежности,—писали они,—какъ будто мы Вашимъ Величествомъ забыты, потому что три или четыре уже года живемъ въ полной распущенности, какъ овцы безъ пастыря. До сихъ поръ, имѣя непріятелей съ четырехъ сторонъ, по возможности оборонялись; но теперь пришло множество турецкаго войска и много персидскихъ городовъ побрано; просимъ съ великими слезами помочь намъ какъ можно скорѣе, иначе турки въ три мѣсяца все возьмутъ и христіанъ погубятъ» [1]. Но этотъ отчаянный вопль угнетеннаго христіанскаго народа не могъ дойти до слуха великаго Государя: его уже не было въ живыхъ.

«Намъ, ради христіанства, нельзя армянамъ, какъ христіанамъ, отказать въ помощи», были, какъ мы видимъ, почти предсмертными словами Петра. Армяне, какъ и всѣ восточные христіане, могли оплакивать смерть геніальнаго монарха не менѣе искренно, чѣмъ его ближайшіе, высоко чтившіе его сотрудники.

Христіане остались въ прежнемъ порабощеніи у невѣрныхъ. Но великодушная и свѣтлая мысль Петра является какъ бы священнымъ завѣтомъ для потомства, сдѣлавшись въ то же время однимъ изъ лучшихъ памятниковъ его славы. Медленно, но неуклонно шла Россія къ выполненію великой освободительной задачи на христіанскомъ Востокѣ.

Замѣчательно однако, что именно та народность, къ которой были обращены эти слова Великаго Преобразователя Россіи, осталась послѣднею въ средѣ освобожденныхъ отъ тяжелаго ига народовъ. Ей пришлось нести бремя порабощенія до настоящихъ дней, выстрадать до конца и не дождаться не только освобожденія, но и облегченія своей участи и даже огражденія своего человѣческаго существованія.

---

[1] Изъ дѣлъ Армянскихъ, см. Исторію Россіи Соловьева, т. XVIII, 58.

Патріархъ Нерсесъ V.

Патріархъ Нерсесъ V и Персидская война 1827 г.

Нарушеніе мира Персіанами и внезапное вторженіе ихъ въ наши области подало случай Армянскому народу, въ Грузіи обитающему, явить на опытѣ свое усердіе и нелицемѣрную къ намъ преданность. Съ давняго времени вы оказали отличную приверженность вашу къ Россіи, въ особенности же въ нынѣшнюю войну съ Персіанами, вы приняли дѣятельнѣйшее при войскахъ нашихъ участіе, подвергаясь даже немалой опасности.

Изъ Высоч. грамоты Николая I на имя архіепископа Нерсеса.

I.

Въ длинномъ спискѣ многовѣковой іерархіи армянской церкви занимаетъ одно изъ выдающихся мѣстъ патріархъ-каѳоликосъ Нерсесъ V, игравшій важ-

ную роль не только въ церковной жизни и въ духовномъ просвѣщеніи Армянъ, но и въ политическихъ и даже военныхъ событіяхъ начала нынѣшняго столѣтія, въ періодъ присоединенія Армянской области къ Россіи.

Нерсесъ (въ міру Ѳоросъ) родился въ 1770 г. близъ Эчміадзина въ селѣ Аштаракѣ и происходилъ изъ владѣтельнаго княжескаго рода Камсараканъ. Съ 7-ми лѣтъ онъ былъ опредѣленъ въ духовное училище, открытое въ стѣнахъ Эчміадзина покровителемъ просвѣщенія каѳоликосомъ Симеономъ (см. выше). Уже съ юныхъ лѣтъ способности и твердый характеръ Нерсеса выдѣлили его изъ среды братьи и въ концѣ XVIII в. онъ былъ посылаемъ въ разные города Турціи въ качествѣ патріаршаго уполномоченнаго. Въ Смирнѣ онъ получилъ въ 1794 г. санъ архимандрита и съ тѣхъ поръ имѣлъ большое вліяніе на дѣла, подвѣдомыя эчміадзинскому патріаршему престолу.

Съ 1803 г. впервые онъ вступаетъ въ сношеніе съ представителями русской [1]) власти, чтобы заручиться ея содѣйствіемъ для разрѣшенія патріаршаго кризиса, возникшаго вслѣдствіе появленія двухъ претендентовъ на престолъ Давида и Даніила. Патріаршій кризисъ и отказъ Персіи возвести на престолъ сторонника Россіи Даніила вызвали въ 1804 г. осаду Ганжи и блокаду Эривани; архимандритъ Нерсесъ неотлучно находился въ русскомъ лагерѣ, расположенномъ близъ Эчміадзинскаго [2]) монастыря, причемъ послѣдній и армяне [3]) помогали русскимъ войскамъ всѣми имѣвшимися у нихъ средствами [4]). Даніилъ [5]) возстановленъ былъ русскою властью на патріаршемъ престолѣ, при немъ остался и Нерсесъ, руководившій всею политикою Эчміадзина. Всѣ усилія Нерсеса клонились къ возможно тѣсному сближенію Армянъ съ Россіей. Какъ

---

[1]) Нерсесъ, всю жизнь продолжавшій учиться, самоучкой научился и русскому языку. Не имѣя ни словаря, ни грамматики, Нерсесъ сталъ читать библію на церковно-славянскомъ языкѣ (въ то время еще на русскій языкъ она не была переведена) и впослѣдствіи въ разговорѣ Нерсесъ иногда употреблялъ забавные славянскіе обороты. См. интересную брошюру А. Д. Ерицова—Нерсесъ V и Воронцовы, Тифлисъ, 1898 г., стр. 12, откуда мы и заимствуемъ біографическія данныя.

[2]) Здѣсь близко сошелся съ молодымъ офицеромъ гр. М. С. Воронцовымъ, впослѣдствіи намѣстникомъ кавказскимъ, съ которымъ онъ въ теченіе 53 лѣтъ поддерживалъ самыя задушевныя дружескія отношенія. (См. у Ерицова переписку между Нерсесомъ и супругами Воронцовыми, отличающуюся рѣдкою теплотою и нѣжностью съ обѣихъ сторонъ).

[3]) Призывая Карабагскихъ Армянъ къ совмѣстному съ русскимъ войскомъ дѣйствію противъ Персіанъ командующій войсками кн. Циціановъ писалъ въ своей прокламаціи: „Опомнитесь, воспримите прежнюю свою храбрость, будьте готовы къ побѣдамъ нынѣшняго лѣта и при сильной помощи россійскихъ войскъ покажите, что вы и теперь тѣ же храбрые Карабагскіе Армяне, какъ были прежде страхомъ для персидской конницы. (Акты Кавк. Арх. Ком., т. II, 833).

[4]) Монастырь отпустилъ войскамъ весь свой хлѣбный запасъ въ 12.000 п. и 25 пуд. пороха. (См. назв. Акты, т. V).

[5]) Утверждая Даніила въ санѣ каѳоликоса, Александру I приходилось становиться въ противорѣчіе съ самимъ собою, такъ какъ, по его настоянію, ранѣе Порта утвердила Давида, но это соображеніе его не остановило. „Сколько бы писалъ Александръ I константинопольскому послу своему, утвержденіе Давида, дающее право перевѣса на выборахъ армянскихъ патріарховъ, ни казалось для Россіи выгоднымъ, я лучше хочу на сей разъ имъ пожертвовать, нежели пренебречь *гласъ народный* и прикоснуться къ нарушенію справедливости, *выше всего мною чтимой*“. (Назв. Акты, т. I).

ни рискованно было проведеніе такой политики на персидской территоріи (Персіане нѣсколько разъ сажали Нерсеса въ тюрьму и даже грозили его жизни), но онъ мужественно преслѣдовалъ свою цѣль, при единодушной поддержкѣ Грузинскихъ Армянъ. Какъ извѣстно, во время нашествія Наполеона I на Россію началось движеніе мѣстами въ только-что присоединенной Грузіи, но Армяне проявили такую непоколебимую преданность русской власти, что, по особому ходатайству высшей мѣстной власти и въ назиданіе другимъ народамъ Грузіи, Александръ I издалъ особую Высочайшую грамоту на имя Армянскаго народа, обитающаго въ Грузіи, для «засвидѣтельствованія предъ цѣлымъ свѣтомъ Монаршей признательности и благоволенія и въ честь и славу ихъ въ памяти потомковъ» (см. выше статью «Наброски изъ исторіи армянъ»). Грамота была торжественно внесена и читана на русскомъ и армянскомъ языкахъ въ Тифлисскомъ Ванкскомъ соборѣ.

Въ 1814 году Нерсесъ, въ санѣ архіепископа, назначается начальникомъ Грузинской епархіи. Тутъ на первыхъ же порахъ пришлось стойкому и крутонравному архіерею прійти въ столкновеніе съ могущественною армянскою княжескою фамиліей Бебутовыхъ, которая, при Грузинскихъ царяхъ, держала въ своихъ рукахъ управленіе дѣлами всего тифлисскаго городского, почти сплошь, армянскаго населенія, подчинивъ себѣ и армянское духовенство. Борьба велась съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ; хотя вначалѣ побѣда и осталась на сторонѣ Нерсеса, но впослѣдствіи (при ген. Паскевичѣ) Бебутовы не мало ему повредили.

Первою задачею своей Нерсесъ поставилъ распространеніе просвѣщенія какъ среди духовенства, такъ и вообще среди своего народа. Съ этою цѣлью онъ завелъ, въ 1824 г., послѣ неимовѣрныхъ трудовъ,, первое въ Тифлисѣ общеобразовательное среднее учебное заведеніе, обращенное впослѣдствіи въ Армянскую Духовную семинарію [1]). Замѣчательный природный умъ, широкое богословское образованіе, чистота жизни и близкое знакомство съ краемъ создали Нерсесу выдающееся общественное положеніе. Онъ пользовался значительнымъ авторитетомъ не только у Армянъ но и у Грузинъ и даже у высшаго мѣстнаго начальства, высоко цѣнившаго совѣты его и услуги Армянъ по управленію только-что присоединеннымъ новымъ краемъ съ значительнымъ мусульманскимъ населеніемъ. Главноуправляющіе Ртищевъ, Ермоловъ неоднократно, удостовѣряя о выдающихся услугахъ Нерсеса, ходатайствовали о награжденіи его алмазнымъ крестомъ на клобукѣ и орденами.

II.

Особо выдающуюся роль пришлось играть Нерсесу, во время послѣдней Персидской войны, 1826—1827 гг., въ организаціи армянскаго ополченія, въ присоединеніи къ Россіи Армянской области и переселеніи изъ Персіи 40.000 Армянъ-земледѣльцевъ.—Пользуясь тревожными событіями начала царствованія Ни-

---

[1]) Замѣчательныя для своего времени программы и учебный планъ, собственноручно написанный Нерсесомъ еще въ 1807 г., см. въ книгѣ Ериціана — 75-тилѣтіе Нерсисянъ семинаріи. Тифлисъ 1898, стр. 11.

колая I, Персія не вторглись лѣтомъ 1826 г. въ Россію. Персидская конница дошла до ближайшихъ окрестностей Тифлиса, опустошивъ армянскія селенія и уводя Армянъ въ плѣнъ. Почти все мусульманское населеніе поднялось и перешло на сторону врага. Передовой русскій отрядъ въ 1.000 человѣкъ, застигнутый врасплохъ внезапнымъ появленіемъ 60-ти-тысячной персидской арміи, былъ весь перебитъ, кромѣ 2-хъ офицеровъ и 6-ти солдатъ. Аббасъ-Мирза приступилъ къ осадѣ Шуши, въ которой заперся небольшой русскій гарнизонъ и Армяне. Войска въ краѣ было немного и единственную опору, до прибытія подкрѣпленія, представляло мѣстное армянское населеніе, которое съ рѣдкимъ мужествомъ защищало свой очагъ, при чемъ даже жены не отставали отъ мужей. Въ этой партизанской войнѣ отличился, между прочимъ, знаменитый воинъ-епископъ Григорій Манучаріанцъ (см. ниже).

Нерсесъ, находившійся въ Тифлисѣ, принималъ участіе въ военномъ совѣтѣ. Онъ издалъ особое пастырское воззваніе, въ которомъ приглашалъ армянское населеніе къ вооруженному сопротивленію Персіанамъ для избавленія своей родины и св. Эчміадзина отъ мусульманскаго ига. Усердіе Нерсеса было такъ горячо и результаты его проповѣди такъ плодотворны, что Николай I-й далъ 2 февраля 1827 г. на имя Нерсеса особую милостивую грамоту на имя Армянскаго народа, которая была торжественно объявлена въ Ванкскомъ соборѣ. Кромѣ того, организовано было, при ближайшемъ участіи Нерсеса, особое армянское ополченіе (см. ниже) съ своимъ знаменемъ и съ командою на армянскомъ языкѣ. Въ составъ ополченія вошли сначала тифлисскіе Армяне, а потомъ Армяне персидскіе. Самъ Нерсесъ верхомъ, съ крестомъ въ рукѣ, дѣлалъ смотръ и благословлялъ предъ походомъ армянскихъ воиновъ.

Не дождавшись окончательнаго сформированія армянскаго ополченія, Нерсесъ, по предложенію новаго главнокомандующаго, ген. Паскевича, выступилъ въ походъ совмѣстно съ авангардомъ. 13 апрѣля 1827 г. русскіе войска, въ сопровожденіи Нерсеса, вошли въ первопрестольную армянскую святыню Эчміадзина, которая встрѣтила крестнымъ ходомъ и колокольнымъ звономъ христіанскія войска, несшія избавленіе отъ многовѣковой мусульманской неволи.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробности хода Персидской войны 1827 г., отмѣтимъ вскользь одинъ геройскій эпизодъ—Аштаракскую битву и спасеніе русскимъ войскомъ Эчміадзина отъ полнаго разрушенія [1]). Наступившія въ іюлѣ сильныя жары и болѣзни вынудили генерала А. И. Красовскаго снять осаду Эривани и перенести лагерь въ горы, въ 35-ти верстахъ отъ Эчміадзина. Воспользовавшись этимъ, Персіяне перешли въ наступленіе и начали съ 30.000 войска осаду Эчміадзина, гдѣ сидѣлъ Нерсесъ вмѣстѣ съ небольшимъ гарнизономъ. 15-го августа началась бомбардировка. Изъ Эчміадзина получались Красовскимъ вѣсти объ отчаянномъ положеніи защитниковъ монастыря. Несмотря на малочисленность своего отряда (1.800 человѣкъ пѣхоты, 500 всадниковъ, 100 чоловѣкъ изъ армянскаго ополченія), ген. Красовскій счелъ долгомъ военной чести спѣшить на помощь осажденнымъ. При Аштаракѣ произошла 17-го августа кровавая схватка: подавленный

---

[1]) Ериціанъ: „Армянскіе каѳоликосы XIX столѣтія“ (на арм. яз.). Тифлисъ, 1894 г., томъ I, 283—284.

численностію и тяжкимъ переходомъ отрядъ Красовскаго понесъ ужасныя потери, и только появленіе помощи изъ Эчміадзина спасло его отъ полнаго истребленія [1]). Спасшаяся горсть героевъ была принята эчміадзинской братіею съ ликованіемъ; Нерсесъ въ привѣтственной рѣчи сказалъ, что они достойны безсмертія, а имя Красовскаго навсегда сохранится въ лѣтописяхъ Эчміадзина [2]). Однако главнокомандующій Паскевичъ выразилъ неудовольствіе генералу Красовскому по поводу Аштаракской битвы, находя, что не слѣдовало итти на выручку Эчміадзина. Совсѣмъ иначе взглянулъ на дѣло Николай I-й, который увидѣлъ въ дѣлѣ 17-го августа не пораженіе, а блистательную побѣду и пожаловалъ Красовскому Владиміра 3-й степени [3]).

Послѣ взятія Эривани было образовано временное правительство, въ составъ котораго вошли: ген. Красовскій и архіеп. Нерсесъ. Вынужденный силою обстоятельствъ пользоваться ихъ услугами, ген. Паскевичъ впослѣдствіи всячески ихъ преслѣдовалъ. Человѣкъ непомѣрнаго честолюбія и самомнѣнія [4]), Паскевичъ не могъ выносить чужой славы, и когда Нерсесъ отказался стать орудіемъ для преслѣдованія достойнаго человѣка, Красовскаго [5]), Паскевичъ сначала добился удаленія Красовкаго, а потомъ и самого Нерсеса [6]). Въ Петербургѣ хорошо знали личныя особенности Паскевича, но онъ былъ нуженъ для предстоящей войны Турціи, и потому перевели Нерсеса въ армянскую Кишиневскую епархію, расширивъ ее, такъ что самый переводъ далеко не имѣлъ характера опалы [7]).

---

1) Помогла отряду и измѣна въ персидскомъ лагерѣ: артиллеристъ Акопъ Арутюніанъ, видя неизбѣжную гибель отряда, шедшаго на выручку Эчміадзина, сталъ стрѣлять въ собственныя войска. Акопъ былъ уличенъ, ему выкололи глаза, отрѣзали носъ, губы пятки и бросили въ кучу труповъ. На рукахъ онъ доползъ до Эчміадзина. Русское правительство назначило ему пенсію 100 руб. въ годъ (н. соч. Ериціана, 294).—Другой Эриванскій армянинъ, посланный Паскевичемъ въ Эчміадзинъ, былъ пойманъ Персіянами. Они отрѣзали ему языкъ за молчаніе. Кое-какъ доползши до Эчміадзина, онъ знаками объяснилъ данное порученіе. Правительство назначило ему пенсію въ 300 р.

2) Въ 1831 г. патріархъ Ефремъ получилъ разрѣшеніе воздвигнуть памятникъ въ честь павшихъ въ Аштаракскомъ сраженіи воиновъ, и 17-го августа ежегодно братья Эчміадзинскаго монастыря служитъ панихиду у памятника.

3) Другое такое дѣло самопожертвованія, въ духѣ военнаго братскаго, было при Ахтахъ въ 1848 г., когда ген. Аргутинскій пошелъ на выручку 3-хъ ротъ, обложенныхъ 10.000 скопищъ Шамиля (см. выше стр. 279 біографіи Лазарева). Этихъ героевъ Ширванскаго полка, которыхъ Ермоловъ называлъ 10-мъ легіономъ, воспѣлъ Пушкинскій стихъ:

Видали-ль въ Персіи Ширванскій полкъ?
Ужъ люди! Мелочь, старички, кривые,
А въ дѣлѣ всякъ изъ нихъ что въ стадѣ волкъ!
Всѣ съ ревомъ такъ и лѣзутъ въ бой кровавый!

4) См. „Русск. Стар." 1896 г., т. LXXXVI.

5) Ген. Красовскій былъ переведенъ на Дунай и тамъ скоро выдвинулся. См. Энциклопедическій словарь Арсеньева.

6) Изъ переписки полковника Л. Я. Лазарева, подъ начальствомъ коего состоялось переселеніе изъ Персіи въ Россію 40.000 Армянъ, видно, что Паскевичъ старался черезъ него вооружить Нерсеса противъ Красовскаго, но усилія оказались тщетными (н. с. Ерицiана, стр. 316, 318).

7) Причина гоненій, воздвигнутыхъ Паскевичемъ противъ Нерсеса, еще не выяснена. Хотя Паскевичъ и рѣшился назвать Нерсеса „измѣнникомъ", но такъ какъ никакихъ

III.

Въ 1831 г. происходили выборы каѳоликоса всѣхъ Армянъ, за отказомъ престарѣлаго Ефрема. Огромное большинство избирателей склонялось въ пользу архіеп. Нерсеса, но Паскевичъ прибѣгъ ко всевозможнымъ средствамъ давленія, чтобы не допустить, вопреки общему желанію, избраніе ненавистнаго для него Нерсеса [1]). Былъ избранъ Іоаннесъ VIII, не признанный, однако, турецкими Армянами. Нерсесъ былъ выбранъ въ санъ патріарха всѣхъ Армянъ 12 лѣтъ спустя въ 1843 г., когда уже Паскевича не было на Кавказѣ. Избраніе состоялось единогласно. На этотъ разъ протестъ графа Паскевича не оказалъ никакого вліянія и Николай I-й утвердилъ избраніе. Предъ возвращеніемъ на Кавказъ, Нерсесъ представлялся Николаю I, который принялъ его очень милостиво.

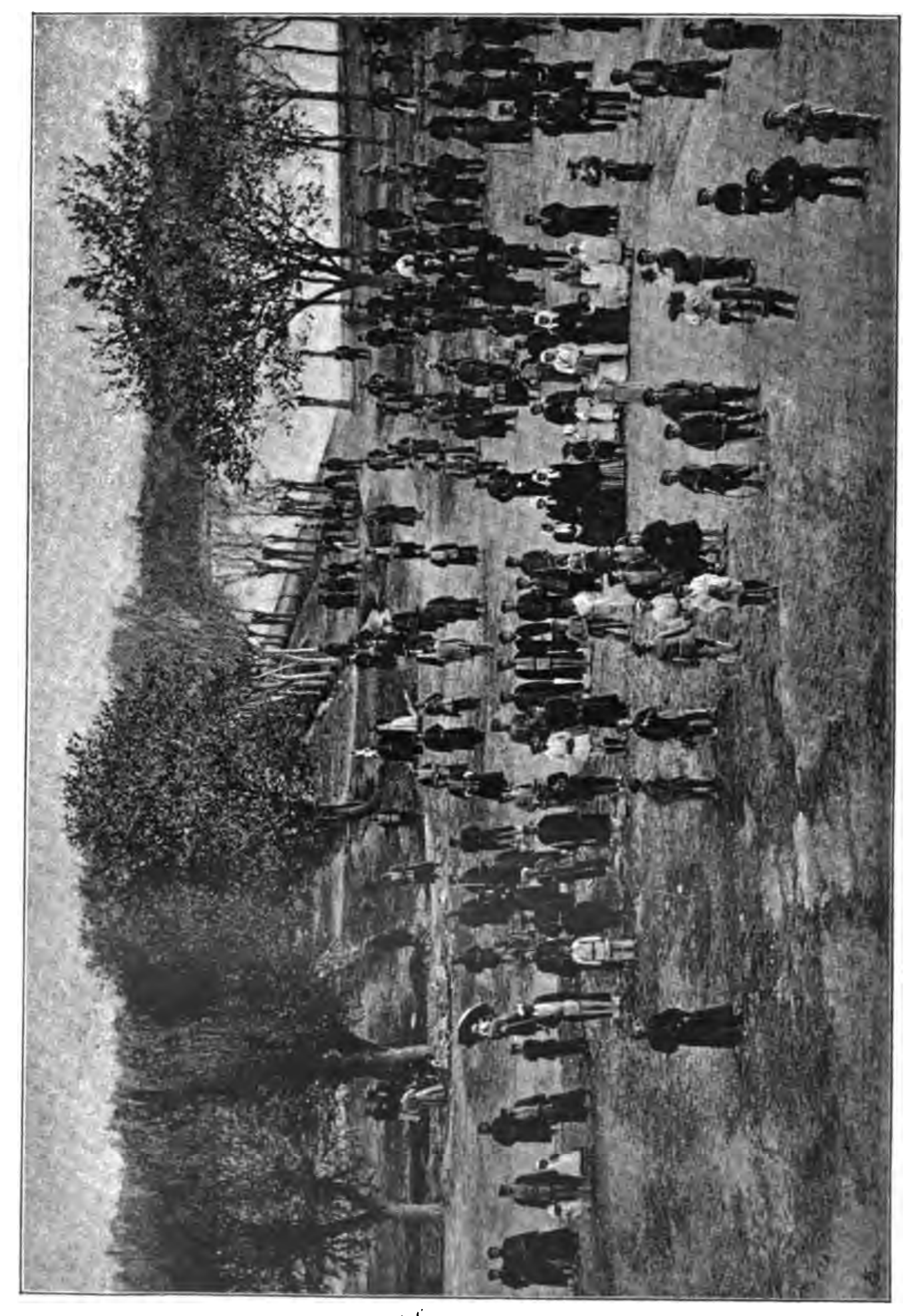
Весною 1845 г. пріѣхалъ въ Тифлисъ, въ санѣ намѣстника, кн. Воронцовъ, старинный пріятель Нерсеса. Въ декабрѣ того же года, послѣ 17-лѣтняго отсутствія, пріѣхалъ и Нерсесъ, встрѣченный очень тепло и торжественно не только со стороны населенія города, но и намѣстника. За чертою города Нерсеса принялъ сынъ кн. Воронцова, а по прибытіи въ патріаршія палаты, тотчасъ навѣстилъ его кн. Воронцовъ съ супругою. Дружескія отношенія продолжались у Нерсеса съ семьею кн. Воронцова во все время его управленія, которое и понынѣ вспоминается съ признательностью всѣмъ Кавказомъ.

Нерсесъ обращалъ особенное вниманіе на поднятіе образовательнаго уровня среди духовенства и на улучшеніе основанной имъ въ 1824 году школы, сильно упавшей при Іоаннесѣ, а потомъ и закрытой. Кромѣ того онъ чрезвычайно былъ озабоченъ развитіемъ въ имѣніяхъ, принадлежавшихъ Эчміадзину, земледѣлія, шелководства и проч. Самъ Воронцовъ часто совѣтовался съ нимъ, какъ съ знатокомъ края, по вопросамъ о развитіи въ немъ промышленности.

Оставляя въ 1853 г. временно, по болѣзни, Кавказъ, кн. Воронцовъ въ инструкціи, составленной для своего преемника, между прочимъ изъяснялъ: «повторяю то, что я уже сказалъ о несомнѣнной къ намъ вѣрности *и даже привязанности всѣхъ Армянъ*, изъ которыхъ даже есть нѣкоторыя сословія воинственныя, всегда готовыя служить противъ нашихъ непріятелей; прибавлю только, что въ патріархѣ Нерсесѣ вы имѣете сильное и всегда готовое орудіе по всѣмъ дѣламъ и отношеніямъ армяно-григоріанскаго исповѣданія. Онъ всегда

доказательствъ своего обвиненія не представилъ, то Николай I приказалъ прекратить всякую переписку по взаимнымъ жалобамъ Паскевича и Нерсеса (см. н. Акты, т. VII). До самой смерти Нерсесъ хранилъ при себѣ какую-то бумагу, которая, по его словамъ, была „уликою“ противъ Паскевича, но бумага пропала безслѣдно послѣ внезапной кончины Нерсеса (н. с. Ериціана, 356).—Изъ обнародованныхъ актовъ видно, что Паскевичъ ставилъ въ вину Нерсесу стремленіе его оградить интересы Эчміадзина и предоставить Армянамъ, всѣми силами помогавшимъ русскимъ войскамъ, нѣкоторыя преимущества сравнительно съ мусульманами.

[1]) Руководитель выборовъ кн. Бебутовъ, впослѣдствіи герой Башкадыклярскаго сраженія, истощивъ всѣ дипломатическія средства убѣжденія и прельщенія, прибѣгъ къ угрозамъ: наканунѣ выборовъ онъ обошелъ кельи несговорчивыхъ молодыхъ монаховъ и сдѣлалъ имъ внушительное предостереженіе. Жестъ князя и произнесенныя имъ слова; „смотри!“ и „цыцъ!“ долго потомъ повторялись монахами при ссорѣ между собою (н. с. Ериціана, 637).



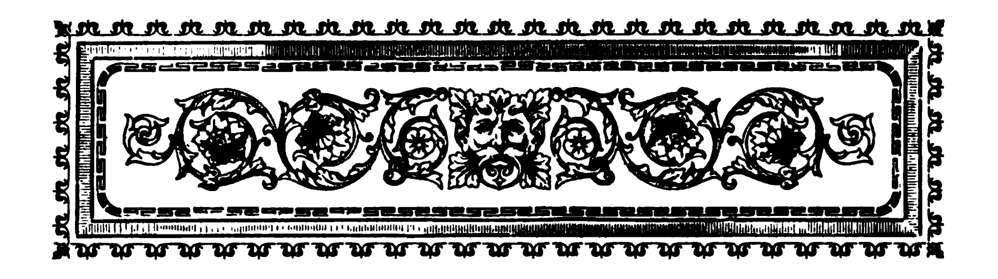
Народное гулянье въ Нерсесовской рощѣ близъ Эчміадзина.

намъ оказывалъ большія услуги. Онъ былъ оклеветанъ Иваномъ Коргановымъ у фельдмаршала Паскевича. Армянская церковь, съ удаленіемъ его, лишилась въ немъ единственнаго человѣка, могущаго завести въ оной порядокъ, семинаріи, школы и приготовлять хорошихъ священниковъ. Хотя ему теперь болѣе 80-ти лѣтъ, онъ имѣетъ еще довольно силъ, чтобы дѣйствовать усердно и съ величайшею пользою для его единовѣрцевъ и для вліянія на нихъ Россіи. Я находилъ въ немъ всегда полную готовность помогать намъ во всемъ полезномъ, когда въ дѣлахъ онъ могъ имѣть участіе, въ этомъ вы скоро и вполнѣ удостовѣритесь».

Кн. Воронцову не суждено было вернуться на Кавказъ. Новый намѣстникъ кн. А. И. Барятинскій установилъ съ Нерсесомъ наилучшія отношенія. Какъ текущіе вопросы, такъ и пересмотръ Положенія 1836 г. объ управленіи Армянскою церковью были близки къ разрѣшенію, но 14-го февраля 1857 г. Нерсесъ скончался внезапно. Человѣкъ рѣдкаго трудолюбія и воздержанія, Нерсесъ велъ обширную собственноручную переписку (до 2.300 бумагъ въ годъ). Его нашли мертвымъ съ перомъ въ рукѣ: онъ доканчивалъ объясненіе по вышеуказаннымъ вопросамъ. Вся паства горько и долго оплакивала смерть своего 86-лѣтняго маститаго святителя, пріобрѣвшаго общую любовь святостью жизни и свѣтлымъ умомъ.

Z. Z.

О. Гокча.



Эпизоды изъ персидской войны 1827 года*).

I.

Воинъ-епископъ Манучарянцъ.

Въ верховьяхъ рѣчки Гассан-су, Шамшадильскаго участка, нынѣшняго Казахскаго уѣзда, есть небольшое армянское селеніе Ахумъ, прозываемое также „*деревнею вардапета* (монаха)", вблизи котораго находятся полуразвалины монастыря Варагскаго св. Креста, постройки XI вѣка. Въ настоящемъ столѣтіи это поселеніе пріобрѣло извѣстность тѣмъ, что тамъ родился и проживалъ Григорій архіепископъ Манучарянцъ, почему и названо «деревнею вардапета». Сей скромный монахъ выступилъ на сцену еще въ 1803 году во время Ганджинскаго похода кн. Циціанова. По приглашенію послѣдняго, онъ изъ Шамшадильскихъ и Казахскихъ армянъ набралъ конно-вооруженную дружину изъ 500 молодцовъ и самъ же предводительствовалъ ими. Сложивъ дома рясу и клобукъ свой, онъ надѣлъ простую крестьянскую чуху и папахъ и, вооруженный саблею, пистолетами и ружьемъ, на бѣломъ конѣ, водилъ дружину свою на бой какъ при Ганджинской, такъ и при Эриванской экспедиціяхъ, находясь всегда впереди авангарда русскихъ войскъ. Страшенъ и не узнаваемъ былъ сей смиренный и скромный архипастырь при встрѣчѣ съ персидской конницей. До сихъ поръ живы преданія про чудеса храбрости и отваги Григорія архіепископа Манучарянцъ, что подтверждается и имѣющимися документами. При одномъ дѣлѣ кн. Циціановъ лично былъ свидѣтелемъ геройскаго поступка этого архіерея и тутъ же, на полѣ брани, собственноручно наградилъ его орденомъ св. Георгія и назначилъ ему пожизненную пенсію въ 300 р. При походѣ гр. Гудовича въ 1808 году на Эривань находился и архіерей Манучарянцъ съ своей конницей. Здѣсь, при взятіи Нахичевани, въ одной жестокой сѣчи архіерей получилъ опасную рану и едва не погибъ. По предстательству гр. Гудовича, Высочайшими именными рескриптами архіепископъ Манучарянцъ былъ всемилостивѣйше пожалованъ орденами св. Владиміра и св. Анны, а пожизненная пенсія ему увеличена съ 300 на 600 руб. По заключеніи мира онъ вернулся въ родное селеніе и, предавшись мирной жизни, занимался возобновленіемъ помянутаго

---

*) Изъ книги А. Д. Ерицяна—Нерсесъ V и кн. Воронцовъ.

Варагскаго монастыря. Лишь по временамъ, когда извѣщали его, что татары-хищники угнали у армянъ скотъ или убили кого-либо, архіерей, надѣвъ папахъ вмѣсто клобука, съ нѣсколькими молодцами пускался въ погоню за разбойниками и всегда возвращался съ удачею. Онъ наводилъ страхъ на хищниковъ-татаръ, прозывавшихъ его *„дели-кешишъ“* (сумасшедшій попъ), а у оберегаемыхъ имъ армянъ былъ извѣстенъ онъ именемъ *„ага-теръ“* (отецъ-ага).

Нерсесъ (см. выше) любилъ и уважалъ этого героя-архіерея. Въ 1826 г., когда персидская конница вторглась и безчинствовала даже въ окрестностяхъ Тифлиса, всѣ опасались за пребывавшаго въ тѣ времена въ Ахпатскомъ монастырѣ (въ Борчалинскомъ уѣздѣ) престарѣлаго патр. Ефрема, котораго персіяне домогались взять въ плѣнъ. По просьбѣ Нерсеса, архіеп. Григорій съ сорока отборными молодцами поѣхалъ въ Ахпатъ пригласить патріарха на безопасное пребываніе въ Тифлисѣ. При переѣздѣ, у рѣки Храмъ, въ Борчалахъ, партія въ 300 человѣкъ персидской конницы внезапно напала на патріаршую свиту и завязался рукопашный бой. Подъ архіепископомъ палъ конь и два его близкихъ родственника были изрублены, но онъ, геройски пробивъ непріятеля, безопасно довезъ патріарха въ Тифлисъ. Узнавъ о такомъ подвигѣ архіерея Манучарянца, Ермоловъ просилъ его поспѣшить въ Шамшадильскую провинцію для усмиренія возставшихъ татаръ и отбить у персіянъ взятыхъ ими въ плѣнъ поселянъ. Чрезъ два-три дня архіерей съ 500 своей конницы творилъ уже удивительные подвиги. Онъ настигъ хищниковъ у Геокчинскаго озера и, послѣ жестокой схватки, вернулъ на мѣста жительства нѣсколько сотъ армянскихъ семействъ, полоненныхъ персіянами. Въ Шамшадилѣ уже потушено было возстаніе, когда прибылъ туда Ермоловъ; онъ обнялъ архіерея и на вопросъ: чѣмъ бы вознаградить его подвиги, получилъ отъ него записку, въ которой архіепископъ просилъ освободить армянское сельское населеніе отъ зависимости татарскихъ агаларовъ и бековъ. Въ отвѣтъ на просьбу свою Манучарянцъ получилъ отъ Ермолова письмо въ которомъ, выражая за оказанныя услуги, указываетъ: «я предписалъ Шамшадильскому главному приставу, освободивъ всѣхъ армянъ ввѣренной ему дистанціи изъ подъ зависимости татаръ, описать ихъ въ казну. Что же касается до общей независимости всѣхъ армянъ и въ другихъ татарскихъ провинціяхъ, я не оставлю вслѣдъ за симъ сдѣлать распоряженіе и формально обвѣстить о томъ для вѣдома каждаго».

По окончаніи персидской войны, архіеп. Григорій Манучарянцъ, сложивъ свои доспѣхи, вновь предался монашеско-отшельнической жизни въ излюбленномъ имъ Варагскомъ монастырѣ, что близъ родного его селенія Ахумъ, на рѣчкѣ Гассан-су, гдѣ и покоится нынѣ прахъ его.

II.

Армянское ополченіе.

На военномъ совѣтѣ, происходившемъ въ Тифлисѣ предположено было сформировать Грузинскую дворянскую дружину, конную милицію изъ татарскихъ агаларовъ и армянское ополченіе. За послѣднее дѣло взялся самъ Нерсесъ. Въ мартѣ

1827 года, въ нѣсколько дней, записалось въ Тифлисѣ въ ополченцы свыше 200 армянъ и число этихъ добровольцевъ съ каждымъ днемъ возрастало безъ всякаго съ чьей-либо стороны понужденія. За два дня до выступленія своего въ походъ съ авангардными русскими войсками, а именно 30-го марта 1827 года, архіеп. Нерсесъ на площади *Кабахъ* (гдѣ нынѣ Александровскій садъ) лично произвелъ смотръ созванному имъ ополченію. Владыко пріѣхалъ на площадь верхомъ, съ крестомъ и обнаженной саблей въ рукахъ. Послѣ привѣтствія архипастырь-военачальникъ обратился къ своимъ ополченцамъ съ воодушевляющею рѣчью, и, затѣмъ, по камандѣ, военнымъ строемъ и съ музыкой нѣсколько разъ дефилировали добровольцы мимо обожаемаго своего предводителя - отца. Зрѣлище было, говорятъ, чрезвычайно умилительное. На привѣтствіе сѣдого, маститаго старца: «желаю вамъ здравствовать дѣти мои, спасибо храбрецы мои» раздавалось громкое «кеццеl» и «ура!» и съ восторженнымъ кликомъ армянскихъ ратниковъ сливалось неумолкаемое, оглушительное «ура» громадной толпы зрителей.

Однакоже армянское ополченіе еще не было окончательно сформировано, когда Нерсесъ, апрѣля 2-го, выѣхалъ изъ Тифлиса на Эривань вмѣстѣ съ авангардомъ русскихъ войскъ. Предполагалось организовать въ Тифлисѣ нѣсколько армянскихъ баталіоновъ, каждый въ 1000 человѣкъ. Дѣло это было поручено особому комитету, состоявшему, подъ предсѣдательствомъ военнаго губернатора ген.-ад. Сипягина, изъ замѣстителя Нерсеса—ректора его духовнаго училища священника Арутюна Аламдарянъ и нѣсколькихъ почетныхъ гражданъ. Въ началѣ мая получено было воспослѣдовавшее Высочайшее соизволеніе на сформированіе армянскихъ баталіоновъ, о чемъ и было обнародовано печатными на армянскомъ языкѣ листиками.

15-го мая 1827 года въ Тифлискомъ Ванкскомъ соборѣ было чрезвычайное торжество. Въ этотъ день совершалось освященіе баталіоннаго знамени «армянскаго ополченія». Паскевича въ то время не было въ Тифлисѣ и на торжествѣ присутствовалъ ген. Сипягинъ съ генералитетомъ. По окончаніи литургіи въ оградѣ церкви построился армянскій баталіонъ; вышедшее къ нимъ изъ храма многочисленное армянское духовенствѣ торжественно привело добровольцевъ къ присягѣ и, освятивъ знамя, вручило баталіону. При этомъ священникъ Аламдарянъ замѣчательное назидательное обращеніе свое къ ратникамъ закончилъ словами: «Вручаемое вамъ нынѣ освященное именемъ Господа знамя сіе есть залогъ любви къ вамъ Бога и Помазанника Его. Храните же сей драгоцѣнный даръ, яко зѣницу ока своего, и да сокрушатся и устыдятся враги ваши! Да поможетъ вамъ Господь именемъ Бога Іакова, аминь!»

Изъ Ванкскаго собора армянскій баталіонъ, съ музыкой, отправился на городскую площадь *Кабахъ*. Прибывшій туда ген. Сипягинъ произвелъ смотръ и остался ратниками весьма доволенъ.

Чрезъ нѣсколько дней, во множествѣ печатныхъ экземпляровъ на армянскомъ языкѣ, распространено было слѣдующее воззваніе ген. Сипягина:

«Въ прошломъ году, при вторженіи персіанъ въ наши предѣлы, армяне отличились: храбрымъ сопротивленіемъ врагамъ, непоколебимою твердостью въ понесенныхъ бѣдствіяхъ, безпредѣльною вѣрностью къ христіанской религіи и похвальною преданностью русскому правительству. Государь императоръ мило-

ствво взираетъ на таковую ревность вѣрноподданнаго ему армянскаго народа; и хотя русскихъ войскъ достаточно для сокрушенія враговъ и безъ помощи другихъ, но Его Величеству благоугодно имѣть въ рядахъ побѣдоносныхъ своихъ войскъ и особый полкъ, сформированный изъ здѣшнихъ армянъ.

«При отъѣздѣ своемъ для личнаго предводительствованія войсками противъ враговъ, главнокомандующій возложилъ на меня исполненіе воли государя императора. Армяне съ радостью согласились на сдѣланный имъ призывъ».

«На третій день послѣ объявленія я смотрѣлъ первый армянскій баталіонъ съ оружіемъ въ рукахъ. Въ моемъ присутствіи совершилось торжество освященія и новобранцы-ратники, ставъ подъ сѣнью священнаго знамени, отправились уже дѣлить славу русскаго воинства.

«Я убѣжденъ, что многіе изъ ихъ братьевъ готовы послѣдовать ихъ славному примѣру. А потому считаю нужнымъ опубликовать «*Предположеніе*» относительно армянскаго полка, дабы всякій, добровольно въ него вступающій, могъ знать на какой срокъ и на какихъ условіяхъ онъ долженъ служить».

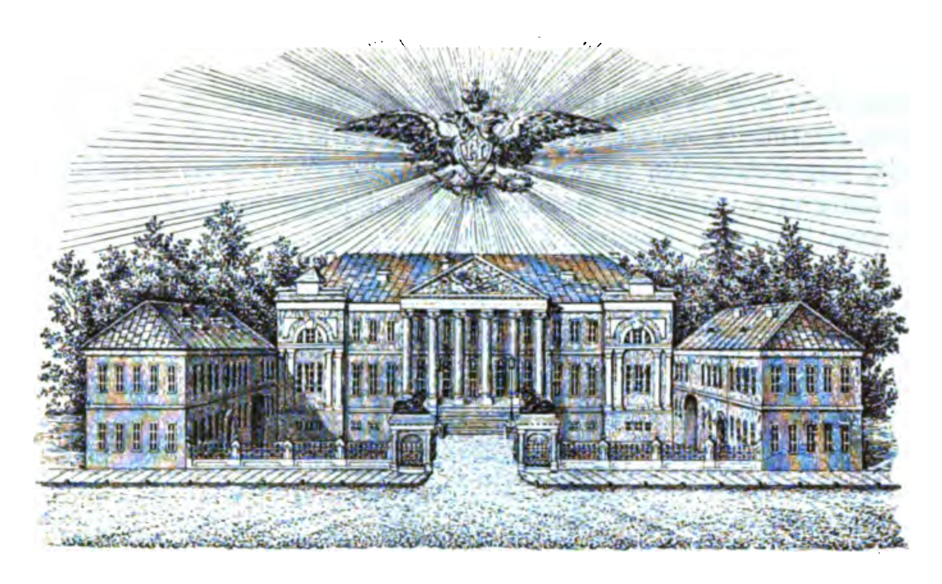
«Армяне! Усердіе ваше достойно вознаграждено! милостивый взоръ великаго Государя обращенъ на васъ! Вы будете имѣть подъ своими знаменами ваши собственные полки. Вамъ даруется оружіе: для водворенія благоденствія среди угнетенныхъ братьевъ вашихъ, для дарованія безопасности семьямъ вашимъ, для сниканія милостей царя и для защиты отечества!»

Слѣдуетъ замѣтить, что по первому призыву архіеп. Нерсеса, поспѣшили записаться въ ратники армянскаго ополченія армяне изъ Грузіи 67 чел., изъ карабагскихъ—9, изъ турецко-подданныхъ—18 и персидско-подданныхъ—130 человѣкъ; послѣдніе, удалившись съ родины по случаю царившихъ тамъ смутъ, проживали въ Тифлисѣ, занимаясь ремеслами, и теперь съ охотой шли на освобожденіе отечества. Число карабагцевъ было не велико, такъ какъ въ то же время и въ Карабагѣ формировалась изъ тамошнихъ армянъ конная милиція. Достойно вниманія, что въ число здѣшнихъ ратниковъ записался и тифлисскій татаринъ—нѣкто Гусейнъ-Кули-оглы, пожелавшій помочь армянамъ въ дѣлѣ освобожденія ихъ отечества.

Мая 12-го выѣхалъ изъ Тифлиса Паскевичъ, имѣя съ собою блестящую свиту изъ 500 грузинскихъ и армянскихъ князей и дворянъ.

17-го же мая выступилъ отсюда первый армянскій баталіонъ, со знаменемъ. На пути восторженно встрѣчали ихъ армянскіе поселяне, угощали и сами добровольно записывались въ ихъ ряды, такъ что еще до перехода чрезъ персидскую границу число ратниковъ намного превышало положенный комплектъ. Этимъ баталіономъ командовалъ армянинъ, капитанъ Егоръ Лазаревъ, а помощникомъ его былъ прапорщикъ Давидъ Коргановъ.

Въ іюлѣ число записавшихся армянскихъ ратниковъ было свыше 2000 человѣкъ. «Всѣ они,—доносилъ Паскевичъ—Государю, самоотверженно преданы Россіи и усердны». По словамъ очевидцевъ, восторгу этихъ ратниковъ не было предѣла, когда они подошли къ оградѣ Эчміадзинскаго монастыря, гдѣ уже водружено было русское знамя.



Лазаревскій институтъ.

Лазаревы и Лазаревскій институтъ.

Отъ древня племени Арменіи рожденный,
Россіей—матерью благоусыновленный,
Гайканы! вашихъ онъ сиротъ не позабылъ.
Разсадникъ сей души признательной творенье.
Даруя чадамъ здѣсь покой и просвѣщенье,
Отчизнѣ той и сей онъ долгъ свой заплатилъ.

Проф. Мерзляковъ.

I.

Немногіе знатные роды прославились столь благородною, безкорыстною, продолжительною и преемственно-расширявшеюся дѣятельностью на пользу отечества и родины, какъ знаменитый родъ Лазаревыхъ.—Три поколѣнія этой доблестной фамиліи въ теченіе ста слишкомъ лѣтъ (послѣдній представитель мужской линіи Христофоръ Якимовичъ Лазаревъ умеръ въ 1871 г.) съ рѣдкою выдержкою и скромностью подвизались на поприщѣ общественной благотворительности, близко принимая къ сердцу какъ нужды окружающихъ согражданъ въ новомъ ихъ отечествѣ, такъ и соплеменниковъ своихъ армянъ, для просвѣщенія коихъ они сдѣлали громадныя пожертвованія.

Кому неизвѣстенъ учрежденный въ 1815 г. и обезпеченный Лазаревыми Институтъ восточныхъ языковъ, нынѣ представляющій собственно два учебныхъ заведенія: полную гимназію и факультетъ восточныхъ языковъ. Ими же сооружены и обезпечены армянскія церкви въ обѣихъ столицахъ. Но кромѣ этихъ бросающихся всѣмъ въ глаза крупныхъ памятниковъ щедрой благотворительности истинноблагородной фамиліи Лазаревыхъ, о подвигахъ ея человѣколюбія свидѣтельствуетъ свыше 22 православныхъ каменныхъ храмовъ, съ домами для причта,

воздвигнутыхъ ими въ разныхъ мѣстахъ своихъ обширныхъ пріуральскихъ и другихъ владѣній [1]), множество школъ, богадѣленъ и другихъ богоугодныхъ заведеній, устроенныхъ ими для своихъ крѣпостныхъ въ то время, когда въ высшемъ обществѣ о народномъ образованіи думали развѣ только такіе передовые люди, какъ Радищевъ, Новиковъ и Чаадаевъ.

Л. Н. Лазаревъ.

Еще въ 1856 году сумма затраченныхъ Лазаревыми на благотворительныя дѣла средствъ, исчислялась въ *2 милліона* руб. сер. [2]). Но представитель угасавшаго рода и впослѣдствіи проявлялъ въ широкихъ размѣрахъ наслѣдственную лазаревскую добродѣтель и на одинъ только Лазаревскій Институтъ пожертвовалъ въ 1865 году болѣе 200.000 руб по случаю 50-ти-лѣтняго его юбилея.

---

[1]) Приводимая цифра взята изъ книги „Историческій очеркъ Лазаревскаго института" проф. А. Зиновьева (отецъ нынѣшняго русскаго посла въ Константинополѣ, воспитанниковъ Лазаревскаго института), не точна, такъ она относится къ 1856 г.

[2]) См. н. книгу, стр. 89.

II.

Родъ Лазаревыхъ (до переселенія въ Россію они именовались по армянской фонетикѣ Егіазаріанъ), какъ удостовѣряетъ грамота Екатерины II отъ 3-го октября 1776 г. [1]), владѣтельно-княжескаго происхожденія.

Послѣ паденія въ XIV вѣкѣ армянскаго царства въ Киликіи, оставались кое-гдѣ въ Арменіи полунезависимые армянскіе княжескіе роды [2]). Къ числу ихъ, вѣроятно, принадлежалъ и родъ Лазаревыхъ. Послѣ долгихъ и безплодныхъ мелкихъ войнъ, веденныхъ противъ нихъ, Шахъ-Аббасъ, покровительствовавшій культурному прогрессу Ирана, пригласилъ армянскихъ князей въ Персію и предложилъ имъ переселиться въ Испагань. Они основали предмѣстіе ея Новую-Джульфу и оказывали большое вліяніе на государственную и промышленную жизнь страны, пользуясь расположеніемъ персидскихъ шаховъ. Нашествіе афганцевъ въ началѣ XVIII и политическія смуты, наступившія затѣмъ въ Персіи, заставили знатныхъ армянъ Н. Джульфы покинуть основанную ими колонію и разбрестись по разнымъ угламъ Европы и Азіи, начиная отъ Индіи и острововъ Архипелага и кончая Австріею и Россіею, которая со временъ Петра Великаго всѣми способами привлекала армянъ (см. выше ст. Кананова). Въ числѣ переселившихся въ Россію армянъ были Лазаревы и Делакьяны (впослѣдствіи Деляновы). Родоначальникъ Лазаревыхъ Лазарь Назаровичъ Лазаревъ, вывезшій изъ Персіи значительное состояніе и драгоцѣнности, въ томъ числѣ знаменитый «Орловскій» бриліантъ [3]), сначала жилъ въ Астрахани, а въ половинѣ XVIII столѣтія поселился въ Москвѣ, близъ Мясницкой, въ мѣстности, которая впослѣдствіи стала называться Армянскимъ переулкомъ. Подъ Москвою завелъ онъ обширныя образцовыя хлопчато-бумажную и шелковую мануфактуры (въ селѣ Фряновѣ, Богородскаго у., гдѣ въ 1826 г. работало 800 человѣкъ), и сталъ по умѣреннымъ цѣнамъ принимать заказы для Двора, успѣшно соперничая съ знаменитыми ліонскими издѣліями. Талантливый и предпріимчивый мануфактуристъ обратилъ на себя вниманіе Екатерины II, которая на основаніи грамотъ грузинскаго царя и армянскаго патріарха, возвела Лазарева въ потомственное дворянство.

Старшій сынъ Лазаря (род. 1735, умеръ 1801) Иванъ, обладавшій большими способностями и хорошимъ образованіемъ, переселился въ Петербургъ и поддерживалъ самыя близкія отношенія съ знаменитыми дѣятелями Екатери-

---

[1]) Они исчислены со словъ историка Чамчіана въ книгѣ М. Мсеріанца „Исторія рода Лазаревыхъ“, М. 1856 г., стр. 1 (на арм. языкѣ).

[2]) См. стр. 9 Зиновьева.

[3]) Л. Лазаревъ имѣлъ въ Москвѣ торговлю драгоцѣнностями (см. Словарь Березина) и ему принадлежалъ признаваемый нынѣ лучшимъ въ мірѣ „Орловскій“ бриліантъ (185 коратъ), поднесенный гр. А. Орловымъ Екатеринѣ II и нынѣ украшающій Россійскій императорскій скипетръ. Объ этомъ бриліантѣ существуетъ нѣсколько легендъ. Разсказываютъ, что Лазаревъ, укрывая свое сокровище отъ персидскаго шаха, сдѣлалъ себѣ надрѣзъ на ляжкѣ и тамъ его спряталъ. Орловъ заплатилъ Лазареву 450.000 р. и 2.000 ренты, теперь онъ цѣнится свыше 2-хъ милліоновъ (см. Вѣнчаніе Русскихъ Государей, Спб. 1883 г., стр. 86.

нинской эпохи кн. Потемкинымъ, гр. Безбородко, гр. Румянцевымъ, гр. Зубовымъ, кн. Суворовымъ и др. Особенно дорожили мнѣніемъ Лазарева по финансовымъ вопросамъ и по дипломатическимъ дѣламъ Востока, которыя при Екатеринѣ II получили столь широкое развитіе. Привлеченіе турецкихъ армянъ для оживленія и заселенія Юга Россіи, основанія ими Григоріополя, Нахичевани и др. городовъ, было первымъ результатомъ дальновидной политики Екатерины II. Польза ея для Россіи [1]) настолько была очевидна, что она была продолжена безъ измѣненія и Павломъ I, шедшимъ, какъ извѣстно, во всемъ наперекоръ направленію политики своей предшественницы.

И. Л. Лазаревъ.

Пріобрѣтя отъ гр. Строгановыхъ обширныя ихъ владѣнія на Уралѣ, И. Лазаревъ далъ сильный толчокъ уральской металлургіи и соляному дѣлу [2]). Пользуясь благоволеніемъ Екатерины, Павла I и Александра I, Иванъ Лазаревъ занялъ видное общественное положеніе. Онъ отличался широкою благотворительностью вообще [3]), но не забывалъ и о нуждахъ своихъ единоплеменниковъ.

[1]) С. Жигаревъ. Русская политика въ восточномъ вопросѣ. М. 1896 г., стр. 238 и слѣд.

[2]) Въ н. книгѣ Мсеріанца указаны слѣдующія цифры владѣлъ Лазаревъ 70.000 десяцъ и 20.000 душъ; на четырехъ заводахъ плавилось до 500.000 чугуна и добывалось до 230.000 пудовъ желѣза, кромѣ того добыча соли достигавъ 1.000.000 пудовъ (стр. 9. Прим.).

[3]) Павелъ I, покупая Ропшу у Лазарева, отказавшагося назначить цѣну, самъ назначалъ цѣну въ 500.000 р. Изъ нихъ Лазаревъ 100.000 р. тутъ же пожертвовалъ въ пользу

Зная ихъ религіозность и страсть къ ученію (см. выше ст. проф. Герье), онъ вмѣстѣ съ братьями построилъ армянскія церкви въ Петербургѣ и Москвѣ, обезпечивъ ихъ домами, а также завѣщалъ на учрежденіе училища для армянскаго юношества, будущаго Лазаревскаго института, 200.000 руб. ассигнаціями. Одинаково заботясь и объ старыхъ, и объ новыхъ своихъ соотчичахъ, Лазаревъ, какъ гласитъ Мерзляковскій стихъ, приведенный выше честно исполнилъ свой долгъ какъ усыновившему отечеству, такъ и своимъ единоплеменникамъ.

III.

Иванъ Лазаревъ умеръ бездѣтнымъ и все свое большое состояніе завѣщалъ младшему брату Якиму (род. 1743, ум. 1826), имѣвшему большую семью. Уступая въ даровитости и умственномъ развитіи своему старшему брату, Я. Л. обладалъ замѣчательно добрымъ сердцемъ и рѣдкою способностью всецѣло предаваться излюбленному дѣлу, какъ бы оно ни было скромно. Такимъ дѣломъ жизни его сдѣлалась забота о многочисленныхъ его подданныхъ-крѣпостныхъ и о духовныхъ нуждахъ своихъ единовѣрцевъ. Глубоко сочувствуя послѣдней волѣ брата своего и озабочиваясь о скорѣйшемъ приведеніи ея въ исполненіе, Я. Л., вмѣстѣ съ семействомъ своимъ, добавилъ къ пожертвованіямъ брата 300.000 р. асс., въ томъ числѣ 50.000 р. въ память своего сына, 22-хъ-лѣтняго юнаго героя, павшаго въ 1813 г. въ сраженіи подъ Лейпцигомъ, ротмистра лейбъ-гвардіи гусарскаго полка Артемія Якимовича [1]). Благодаря неусыпнымъ трудамъ Я. Л., явилась возможность вскорѣ послѣ войны 12-го года (см. выше милостивый манифестъ къ Кавказскимъ Армянамъ за проявленную ими вѣрность и самоотверженіе) открыть въ 1815 г. въ спеціально сооруженномъ зданіи фамильный Лазаревскій разсадникъ просвѣщенія въ видѣ скромнаго элементарнаго учебнаго заведенія на 30 воспитанниковъ изъ армянъ, содержимыхъ на капиталъ въ 600.000 р. асс., пожертвованныхъ основателями.

По преклонности лѣтъ, Лазаревъ передалъ въ 1818 г. свое дорогое дѣтище на попеченіе сыновей своихъ Ивана (род. 1786 г. умеръ 1858 г.) и Христофора (род. 1789+1871). Подъ ихъ просвѣщеннымъ руководствомъ и заботливымъ уходомъ росло и крѣпло молодое учебное заведеніе, получившее вскорѣ наименованіе Армянскаго Лазаревскаго Института восточныхъ языковъ. Братья Лазаревы не жалѣли ни средствъ, ни трудовъ, чтобы держать свое дорогое фамильное учрежденіе на высотѣ современныхъ педагогическихъ требованій и обставить его наилучшимъ образомъ и въ гигіеническомъ отношеніи. Труды ихъ не пропали даромъ и московское армянское училище, дѣлаясь популярнымъ не только среди армянъ, но и среди русскаго общества, считалось однимъ изъ лучшихъ московскихъ

бѣдныхъ. Растроганный Павелъ собственноручно повѣсилъ ему на шею орденъ Іоанна Іерусалимскаго (съ нимъ онъ изображенъ на рисункѣ). Слава о Лазаревѣ дошла даже до Австріи, и „Римскій императоръ“ возвелъ его сначала въ баронское, потомъ въ графское достоинство.

[1]) Отличаясь рѣдкою храбростью, А. Я. онъ уже въ 22 года имѣлъ Владиміра съ бантомъ и могъ насчитать 42 сраженія, въ коихъ онъ принималъ участіе (см. стр. 22 Зиновьева).

пансіоновъ[1]). Правительство съ своей стороны одинаково сочувствуя обѣимъ цѣлямъ этого учрежденія: какъ къ разсаднику просвѣщенія среди армянъ и школѣ восточнаго языкознанія и приготовленія чиновниковъ для дипломатической службы на востокѣ и на югѣ, а также лицъ, годныхъ для торговыхъ сношеній съ Азіею, всѣми способами поддерживало и поощряло семейное учрежденіе Лазаревыхъ, не требовавшее, къ тому же отъ казны ни копѣйки на свое содержаніе.

Я. Л. Лазаревъ.

Уже въ 1835 г. Лазаревскій институтъ получилъ всѣ права казенныхъ гимназій, а въ 1848 г. лицейскія права высшаго учебнаго заведенія. Къ этому времени ученая слава Лазаревскаго института распространилась и за предѣлы Россіи; ученики его стали съ успѣхомъ подвизаться на дипломатическомъ и другихъ поприщахъ службы.

Въ 1850 г. Христофора Лазарева постигло тяжкое семейное горе. Онъ ли-

---

[1]) Въ брошюрѣ Зиновьева напечатанъ длинный (стр. 106—133) списокъ воспитанниковъ и питомцевъ Лазаревскаго института (въ числѣ ихъ былъ и И. С. Тургеневъ), приливъ которыхъ особенно усилился съ объявленіемъ въ 1848 г. комплекта для университетовъ.

шился единственнаго малолѣтняго сына Ивана, подававшаго блестящія надежды [1]). Глубоко потрясенные родители искали утѣшенія въ разнообразныхъ видахъ благотворительности: много ими сдѣлано вкладовъ въ церкви, школы, Лазаревскій же институтъ получилъ 60.000 руб. на образованіе столь необходимаго малолѣтняго отдѣленія для подготовки армянъ, кавказскихъ уроженцевъ.

Не имѣя потомства и желая обезпечить своему фамильному учрежденію въ

Х. Я. Лазаревъ.

будущемъ больше прочности Х. Е. распорядился о передачѣ щедро [2]) надѣленнаго Лазаревыми [3]) учрежденія въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія съ тѣмъ, что бы почетнымъ попечителемъ состоялъ старшій въ родѣ кн. С. Д. Абамелекъ, который, будучи женатъ на дочери Х. Е., пріобрѣлъ и фамилію

---

[1]) У Зиновьева (стр. 24) приводятся трогательныя данныя о необыкновенной добротѣ этого даровитаго первенца, родившагося у Лазаревыхъ 25 лѣтъ спустя послѣ вступленія ихъ въ бракъ. При крещеніи наслѣдника Лазаревыхъ Ивана мѵропомазаніе совершалъ самъ патріархъ Нерсесъ V. Въ 1848 г. Иванъ умеръ на 7-мъ году.

[2]) Всѣхъ пожертвованій на Лазаревскій институтъ сдѣлано было Лазаревыми на сумму болѣе 600.000 руб., а считая и пожертвованія на церкви сумма эта достигаетъ 1.000.000 руб. (см. Канановъ—75-тилѣтіе Лазаревскаго института, стр. 93).

[3]) Младшій братъ полковникъ Лазарь Лазаревъ, переселившій въ 1827 г. въ Россію 40.000 армянъ изъ Персіи, умеръ въ 1855 г.

Лазарева. По смерти кн. С. Д. фамилію и попечительство унаслѣдовалъ кн. С. С. Абамелекъ-Лазаревъ [1]), женатый на М. П. Демидовой.

Въ воспоминаніе подвиговъ благотворительности своихъ предковъ, И. и Х. Лазаревы воздвигли съ саду Лазаревскаго института чугунный обелискъ, на мраморныхъ доскахъ коего начерталъ стихотвореніе проф. А. Мерзляковъ въ память основателя института (одно приведено въ эпиграфѣ). Послѣ смерти послѣдняго представителя Лазаревыхъ, по подпискѣ, открытой среди армянъ сооруженъ великолѣпный мраморный бюстъ Христофора Лазарева, помѣщающійся въ актовомъ залѣ Лазаревскаго института. Но наиболѣе прочный [2]) памятникъ тотъ, который они воздвигли въ исторіи русскаго просвѣщенія и въ сердцахъ многочисленныхъ своихъ питомцевъ и воспитанниковъ, разнесшихъ по всѣмъ концамъ Россіи и даже за ея предѣлы славу о неисчислимыхъ подвигахъ милосердія и великодушія благородной фамиліи Лазаревыхъ, про которую вправѣ былъ сказать названный проф. Мерзляковъ:

Какъ добра мать, сиротъ съ горячностью любила
И памятникъ себѣ, въ сердцахъ ихъ утвердила.

Пріобщаясь къ благамъ русскаго просвѣщенія, благодаря щедротамъ облагодѣтельствованныхъ Россіею основателей Лазаревскаго института, питомцы его невольно запечатлѣваютъ въ своемъ юношескомъ сердцѣ великодушный примѣръ и благородный девизъ этого просвѣщеннаго рода, который такъ разумно

Отчизнѣ той и сей долгъ свой заплатилъ.

Бывшій Лазаревецъ.

Мармашенъ (Эриван. губ.).

[1]) См. выше статью его Джерашъ.

[2]) Въ названной книгѣ Мсеріанца приведено на 20 страницахъ множество одъ, адресовъ и рѣчей въ честь Лазаревыхъ отъ благодарныхъ армянъ (стр. 97—113).

Г. И. Канановъ († 4 Іюня 1897 г.).

Памяти Г. И. Кананова.

I.

Въ то время какъ набиралась помѣщенная выше статья «Армяне въ Россіи», авторъ ея Г. И. Канановъ отходилъ въ вѣчность.—Къ печальному хору многочисленныхъ знаковъ искренней горести, вызванныхъ этою тяжелою утратою, должна присоединиться «Братская помощь», на зовъ которой покойный откликнулся однимъ изъ первыхъ. Онъ отнесся съ горячимъ сочувствіемъ къ изданію, имѣющему цѣлью хоть нѣсколько облегчить послѣдствія ужасающихъ бѣдствій, постигшихъ турецкихъ армянъ, хоть нѣсколько смягчить тяжкую долю оставленныхъ ими сиротъ.—Г. И. съ живымъ и неостывающимъ интересомъ слѣдилъ за составленіемъ и печатаніемъ сборника, радуясь дружному сочувствію, проявленному нашими писателями. Ученикъ Грановскаго, гуманный педагогъ, связавшій свое имя съ знаменитымъ учрежденіемъ славнаго рода Лазаревыхъ, гдѣ все говоритъ на каждомъ шагу о любви къ ближнему, о при-

зрѣніи сиротъ-единовѣрцевъ, Г. И. не могъ не радоваться этому изданію; оно шло на встрѣчу тѣмъ горестнымъ думамъ, коими опечаленъ былъ закатъ его жизни. Могъ ли оставаться равнодушнымъ Г. И., просвѣщенный историкъ, хорошо знавшій исторію вѣковыхъ традиціонныхъ связей Россіи съ армянами Персіи и Турціи и служившій въ учрежденіи, вызванномъ къ жизни этими именно традиціями и стремленіемъ служить благородной миссіи Россіи на Востокѣ.

Весь преданный своимъ служебнымъ педагогическимъ обязанностямъ, однако Канановъ-историкъ, глубоко изучавшій исторію сношеній армянъ съ Россіею, искони видѣвшихъ въ ней свой якорь спасенія, хотѣлъ при свѣтѣ исторіи, показать, какъ глубоко заблужденіе не по разуму усердствующихъ «руководителей» общественнаго мнѣнія, представляющихъ per fas et nefas враждебными Россіи искони лояльныхъ и преданныхъ Россіи армянъ.

За этой работою, которою Канановъ отдавалъ свои послѣднія слабѣющія силы и которою онъ по девизу Лазаревыхъ стремился отчизнѣ той и сей долгъ свой заплатить, застигла его неумолимая смерть...

Всѣ московскія газеты посвятили Г. И. Кананову весьма сочувственные некрологи.

Покойный Канановъ родился въ 1834 г. и происходилъ изъ кизлярскихъ армянъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ ставропольской гимназіи. Даровитый мальчикъ былъ замѣченъ директоромъ гимназіи, извѣстнымъ педагогомъ и другомъ Грановскаго Я. М. Невѣровымъ, по совѣту котораго онъ поступилъ въ 1854 г. на историко-филологическій факультетъ московскаго университета. Канановъ имѣлъ счастье слышать лекціи Грановскаго и, какъ всѣ его слушатели, до конца жизни сохранилъ въ сердцѣ память о немъ. Окончивъ блистательно въ 1858 г. курсъ въ университетѣ по историческому отдѣленію факультета, Канановъ былъ оставленъ при московскомъ университетѣ по каѳедрѣ исторіи. Когда въ 1861 г., съ уходомъ извѣстнаго ученаго армениста Н. О. Эмина, (см. выше) открылось мѣсто инспектора въ Лазаревскомъ институтѣ, то кандидатура Кананова, вмѣстѣ съ педагогическою подготовкою соединявшаго и знаніе армянскаго языка сама собою была выдвинута. Тогдашній директоръ института Я. М. Невѣровъ тѣмъ охотнѣе принялъ эту кандидатуру, что зналъ Кананова еще въ ставропольской гимназіи. 8-го марта 1861 года 25-ти-лѣтній педагогъ вступилъ въ Лазаревскій институтъ въ качествѣ и. д. инспектора съ тѣмъ, чтобы не покидать болѣе этого учебнаго заведенія. 20 лѣтъ спустя Г. И. былъ назначенъ директоромъ института и въ дѣятельномъ выполненіи обязанностей своего званія застигла его смерть.

Въ теченіе 36-ти лѣтъ службы Кананова въ институтѣ, гдѣ на ряду съ педагогическою дѣятельностью онъ долженъ былъ развивать и обширную хозяйственную, благодаря имѣющемуся при институтѣ большому интернату, онъ отдалъ ему всѣ свои способности и время, и ради него ему пришлось отказаться отъ ученой карьеры. При немъ и при дѣятельномъ его участіи произошли въ институтѣ тѣ реформы, которыя сообщили ему нынѣшній его строй какъ разсадника просвѣщенія для армянскаго юношества и школы восточнаго языковѣдѣнія.

Передъ открытою могилою произнесено было нѣсколько прочувствованныхъ рѣчей. Учитель русской словесности *Н. И. Виноградовъ*, между прочимъ, сказалъ:

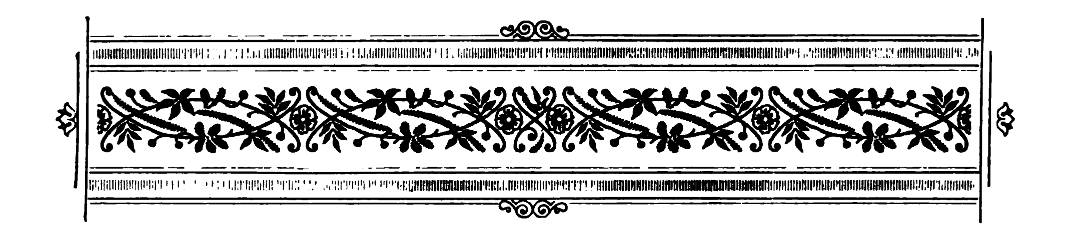
«Не случайность, не поиски необходимаго заработка привлекли его сюда. Нѣтъ, его поразила своимъ величіемъ мысль, легшая въ основу института, громадное пожертвованіе частнаго лица съ тѣмъ, чтобы въ самомъ сердцѣ Россіи основать источникъ просвѣщенія, гдѣ бы воспитывались его далекіе соплеменники, и откуда бы выходили подготовленные дѣятели для дальнихъ окраинъ нашего общаго отечества. Его поразило это, и онъ рѣшилъ какъ бы повторить это пожертвованіе, свои силы, самого себя отдавъ на содѣйствіе выполненію этой задачи.

«Прежде своего поступленія на службу онъ сознательно полюбилъ институтъ и не измѣнилъ этой любви до послѣдняго дня своей жизни. Мнѣ кажется, что именно эта безкорыстная любовь давала ему такой громадный авторитетъ среди насъ. Ее находили мы въ основѣ каждой его мѣры, каждой его рѣчи, почти каждаго его поступка, и она, думается мнѣ, была характерной чертой его, какъ директора. Мнѣ нѣтъ нужды говорить о томъ, какъ проявлялась она въ неустанныхъ заботахъ о благосостояніи института. Зданія его, почившимъ перестроенныя, расширенныя и улучшенныя у всѣхъ передъ глазами. Они краснорѣчивѣе словъ. Я позволю себѣ здѣсь передать смыслъ его словъ, которыя, быть-можетъ, многимъ неизвѣстны, но которыя такъ часто слышали отъ него мы, его сослуживцы и подчиненные. Рѣдкое засѣданіе педагогическаго совѣта проходило безъ того, чтобы онъ не напомнилъ намъ о совершенно исключительной роли института въ жизни своихъ питомцевъ. Если всякое учебное заведеніе съ пансіономъ должно отчасти замѣнять семью воспитанникамъ, то тѣмъ болѣе институтъ, питомцы котораго тысячами верстъ отдѣлены отъ своихъ родителей, часто отъ всѣхъ родныхъ. Ихъ отцы прислали ихъ сюда съ далекаго юга или востока съ полной вѣрой въ институтъ, съ твердой надеждой, что дѣти ихъ выйдутъ отсюда воспитанными, хорошими людьми. И эти простыя слова произносились съ такой искренной любовью, что всякій разъ производили свѣжее, животворящее впечатлѣніе. И надо было видѣть, какъ страдалъ (я не подберу другого слова) покойный, когда полное отсутствіе способностей или неисправимо-дурной характеръ преграждали кому нибудь изъ стипендіатовъ путь къ дальнѣйшему образованію, какъ безпокоила его участь этого мальчика, какъ тревожила мысль, какъ бы не поколебалась тамъ, на далекихъ окраинахъ, вѣра въ институтъ, какъ бы не показался несостоятельнымъ институтъ. И эта любовь къ институту и сознательное служеніе ему не пошатнулись въ почившемъ и въ послѣдніе годы его жизни: эти годы, можетъ быть, особенно поучительны. Ни для кого уже не былъ тайной злой недугъ, подтачивавшій этотъ богато одаренный отъ природы организмъ.

Заслуженный проф. московскаго университета и Лазаревскаго института *В. И. Герье*, товарищъ Кананова по университету, простился съ нимъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Надъ этой свѣжей могилой близкаго мнѣ человѣка, съ которымъ приходится такъ неожиданно прощаться, предо мною воскресаетъ цѣлый образъ его

жизни, какъ онъ мнѣ представлялся на протяженіи долголѣтней нашей дружбы. То, что придаетъ этому образу единство и цѣльность, что ярко выступаетъ во всѣ поры жизни почившаго—это его любящее сердце, живой постоянный источникъ взаимной симпатіи. Потребность и способность привязываться и вызывать къ себѣ расположеніе другихъ обнаружились уже въ дѣтствѣ почившаго. Онъ любилъ своихъ учителей и былъ ими любимъ въ особенности извѣстнымъ Невѣровымъ, другомъ Грановскаго, директоромъ ставропольской гимназіи, который по долгой старой привычкѣ называлъ почившаго Егорушкой, когда тотъ уже давно былъ инспекторомъ Лазаревскаго института. Тѣ же свойства выразились въ университетѣ въ его потребности имѣть среди товарищей друзей—и у него ихъ было много. У кого нѣтъ друзей въ молодости? Но у него они оставались! И причиною этого то, что онъ относился къ нимъ всегда по-юношески, полный довѣрія, никогда не влагая въ это отношеніе ни малѣйшихъ расчетовъ самолюбія. Этимъ же своимъ любящимъ сердцемъ онъ привязался къ институту, съ которымъ жизнь его неразрывно соединила на 36 лѣтъ. Ему посвятилъ онъ всѣ свои силы, оставивъ въ сторонѣ обширные планы начатыхъ ученыхъ работъ. Онъ горячо принялъ къ сердцу опасность, которая грозила институту утратить свой первоначальный характеръ и сойти на степень простого учебнаго заведенія; онъ не щадилъ усилій, чтобъ предотвратить эту опасность, и главнымъ образомъ ему обязанъ институтъ, если онъ теперь выигралъ въ прочности и высотѣ назначенія. Учрежденія растутъ и дряхлѣютъ подобно людямъ; если же они процвѣтаютъ, крѣпнутъ и переживаютъ людей, то только тогда, когда люди влагаютъ въ нихъ свою живую душу. Почившій любилъ институтъ не только какъ поприще своей постоянной и исключительной дѣятельности; онъ видѣлъ въ немъ залогъ духовной жизни и культурнаго развитія той народности, которой онъ принадлежалъ по происхожденію. Ея судьбѣ были посвящены его послѣднія думы. Онъ истощалъ свои надорванныя силы для того, чтобъ по возможности содѣйствовать разъясненію недоразумѣній, такъ глубоко огорчавшихъ его. Все прошлое лѣто, вмѣсто того, чтобы отдыхать, онъ трудился надъ этой попыткой. Равнодушіе и неуспѣхъ его не расхолаживали. Всю зиму онъ продолжалъ надъ этимъ работать и еще такъ недавно, съ мѣсяцъ тому назадъ, онъ пріѣзжалъ ко мнѣ поздно вечеромъ, послѣ утомительнаго экзаменаціоннаго дня, и читалъ мнѣ съ юношескимъ одушевленіемъ послѣднія страницы своего труда. Его земляки могутъ имъ гордиться и должны дорожить его памятью, но и для насъ всѣхъ это назидательно. То, что теорія раздѣляетъ, что отвлеченный умъ разбиваетъ и противополагаетъ, любящее сердце человѣка примиряетъ въ себѣ и объясняетъ. И потому тебѣ, дорогой другъ, отъ всѣхъ насъ за твою любовь наше общее, дружное спасибо—и наша любовь съ тобою».



Положеніе армянъ въ грузинскомъ царствѣ.

Древняя грузинская лѣтопись «Картвлисъ-Цховреба», подвергавшаяся въ началѣ XVIII в. переработкѣ подъ редакціей ученаго царя-законодателя Вахтанга VI, открывается легендарнымъ сказаніемъ о происхожденіи грузинъ и армянъ отъ двухъ родныхъ братьевъ, Аоса и Картлоса, сыновей Торгома, одного изъ позднихъ потомковъ Іафета. Эта новая вставка, въ древнюю грузинскую хронику, первые абрисы которой относятся къ VII вѣку, внесена въ подражаніе Моисею Хоренскому, авторитетъ котораго новыми изслѣдованіями еще не настолько поколебленъ, чтобы считать его знаменитую «исторію Арменіи» лишь искусственной поздней компиляціей изъ разныхъ, иногда подозрительныхъ, туземныхъ и иностранныхъ источниковъ. Въ настоящее время, подъ вліяніемъ христіанскихъ воззрѣній, усвоенное отцомъ армянской исторіи и редакторомъ грузинской лѣтописи, ложноизвѣстной Вахтанговой, представленіе объ единствѣ происхожденія грузинъ и армянъ отъ общаго предка, восходящаго къ библейскому патріарху, отвергнуто лингвистикой и антропологіей,—нынѣ наиболѣе надежными основами для разрѣшенія темнаго вопроса объ отдаленномъ племенномъ родствѣ различныхъ народовъ. Армяне, какъ свидѣтельствуетъ сравнительное языкознаніе, принадлежатъ къ индо-европейской группѣ племенъ, а грузинъ, не имѣющихъ родства ни съ однимъ изъ установленныхъ семействъ (арійскаго, семитическаго и туранскаго) языковъ, наука выдѣлила въ самостоятельную группу—въ группу иверійскую. Антропометрическія изслѣдованія также удостовѣряютъ, судя по росту и черепу, что армяне и грузины восходятъ къ двумъ различнымъ типамъ Бѣлой или кавказской расы.

Однако легенда о родственныхъ узахъ связывающихъ армянъ и грузинъ, возникшая въ концѣ XVII в., представляется знаменательной и имѣетъ свое историческое объясненіе. Легенда эта, исходя изъ современныхъ взаимныхъ отношеній грузинъ и армянъ, закрѣпила ту фактическую близость и освятила ту традиціонную общность интересовъ, которая удостовѣрена совмѣстною жизнью этихъ двухъ древнихъ народовъ Востока въ предѣлахъ закавказскаго края, на пространствѣ болѣе 1000 лѣтъ. Вѣдь легенда создается не во имя будущихъ идеаловъ, а въ цѣляхъ оправданія вѣками установившейся формы общественнаго строя съ его сложнымъ механизмомъ быта, обычаевъ и народнаго міровоззрѣнія. Пройденный Грузіей историческій путь и далъ благодарную пищу и толчекъ для зарожденія вышеприведенной легенды. Политическія и религіозныя сношенія

грузинъ съ Арменіей въ эпоху ея самостоятельнаго существованія, переселеніе армянъ въ Грузію, начавшееся съ V в. и непрерывно усиливавшееся до нашего времени, неумолкаемыя столкновенія съ Персіей и Турціей, грозныя житейскія бури при окристаллизовавшемся національномъ самосознаніи, впрягли въ въ одно неизбѣжное историческое ярмо два чуждыхъ по происхожденію народа, связанныхъ пережитыми воспоминаніями и одинаково истерзанныхъ судьбою. Ничто такъ не связываетъ людей какъ общее несчастіе, нерѣдко являющееся единственнымъ цементомъ для прочности того фундамента, на которомъ возводится новое зданіе противъ грядущихъ невзгодъ. А исторія Грузіи и Арменіи одинаково раскрываетъ рядъ кровавыхъ страницъ о страданіяхъ народа, выжженныхъ поляхъ, попраныхъ святыняхъ.

Первое упоминаніе объ армянахъ въ лѣтописи грузинъ связано съ принятіемъ христіанства ими изъ общаго византійскаго источника. Отдѣленіе армянъ послѣдовало на Халкедонскомъ соборѣ 451 года. Но это отпаденіе юной паствы отъ греческой церкви не сопровождалось особеннымъ обостреніемъ взаимныхъ отношеній между Грузіей и Арменіей, а въ одной провинціи грузинскаго царства, именно въ Сомхетіи, безпрепятственно водворилось григоріанское вѣроисповѣданіе. Правда, тщетны были попытки къ соединенію церквей армянской и грузинской при грузинскихъ царяхъ Багратѣ IV (958—994) и Давидѣ Возобновителѣ (1089—1125) и царицѣ Тамарѣ, при которой посредникомъ явился Мхитаръ Гошъ, авторъ Свода Законовъ церковныхъ и гражданскихъ по Юстиніану, но прежнія дружественныя связи не прерывались. При Давидѣ Возобновителѣ армяне стали подъ исключительное покровительство грузинскаго правительства. Этотъ царь, воспользовавшись крестовыми походами въ М. Азіи, освободилъ Грузію отъ владычества турокъ сельджуковъ, взялъ Ани—столицу Арменіи и, въ интересахъ экономическаго подъема разоренной страны, переселилъ армянъ во вновь построенные для нихъ или заброшенные города грузинскаго царства. Лѣтописецъ грузинскій и сами армянскіе историки (наприм. Матвѣй Эдесскій) свидѣтельствуютъ, что царь Давидъ относился съ любовью и такою вѣротерпимостью къ армянамъ, что самъ посѣщалъ ихъ церкви и получалъ благословеніе отъ армянскихъ пастырей.

Не только религіозная свобода армянъ не подверглась какимъ-либо ограниченіямъ, но имъ предоставлены были въ полномъ объемѣ политическія и гражданскія права. Правительство шло навстрѣчу нуждамъ армянскаго населенія, селившагося въ деревняхъ съ грузинами, а въ городахъ пользовавшагося извѣстною автономіей, исключительными преимуществами предъ прочими иностранцами. Такъ, въ судебной юрисдикціи они подлежали карамъ и взысканіямъ на основаніи армянскихъ законовъ Мхитара Гоша XII в., переведенныхъ на грузинскій языкъ и вошедшихъ впослѣдствіи въ «Уложеніе царя Вахтанга VI». Отвѣтственныя административныя и военныя обязанности возлагались на армянъ наравнѣ съ грузинами, доказавшихъ свои способности въ соотвѣтствующей цѣлямъ сферѣ дѣятельности. Такъ въ Сомхетіи «меликами» — правителями или намѣстниками назначались исключительно представители изъ армянскихъ фамилій. При царицѣ Тамарѣ армянинъ Захарій Мхарджели является близкимъ къ трону совѣтникомъ и довѣреннымъ военачальникомъ въ безпрерывныхъ, но побѣдоносныхъ войнахъ въ М. Азіи и Персіи, веденныхъ незабвенной въ памяти народовъ, боговдохновенной ца-

рицей. По рѣшительному голосу Абуласана, одного изъ тифлисскихъ армянъ, именитаго купца и бывшаго въ разныхъ краяхъ по торговымъ предпріятіямъ, совѣтъ вельможъ опредѣлилъ просить юную царицу Тамару, вступившую на престолъ дѣвой, по смерти отца своего Георгія III, принять предложеніе русскаго князя, бывшаго въ то время у Кипчакскаго (половецкаго) хана, по мнѣнію Карамзина, Юрія, сына Андрея Боголюбскаго. Бракъ [1]), дѣйствительно, былъ заключенъ, но вскорѣ послѣдовали недоразумѣнія, и непродолжительное пребываніе русскаго князя въ Грузіи завершилось его изгнаніемъ въ Грецію.

Нѣтъ нужды перечислять примѣры участія армянъ во внутреннихъ дѣлахъ правленія грузинскимъ царствомъ. Вспомнимъ только, что новый порядокъ престолонаслѣдія, объявленный въ концѣ XVIII в. предпослѣднимъ царемъ Иракліемъ II, былъ составленъ армяниномъ Осепомъ Коргановымъ. Въ силу этого указа престолъ долженъ былъ переходить не отъ отца къ сыну, а къ старшему члену въ родѣ, т. е. сначала братьямъ царя, а потомъ ихъ дѣтямъ по нисходящей линіи. Горькіе плоды реформы порядка престолонаслѣдія не замедлили внести смуту въ царскую семью чрезъ 4 года по его обнародованіи, т. е. 1801 г. въ день смерти Георгія XII. Но самый фактъ составленія указа Коргановымъ свидѣтельствуетъ о вліяніи армянъ въ дворцовой жизни и ея переворотахъ. Усиленіе и ослабленіе участія армянъ въ ходѣ государственныхъ дѣлъ, конечно, легко прослѣдить въ исторіи Грузіи, какъ неизбѣжные періодическіе приливы и отливы безпокойнаго взволнованнаго моря. Правда, Георгій XII относился къ нимъ съ недовѣріемъ, но его отецъ, Ираклій II, цѣнилъ ихъ и, укрывшись въ Ананурахъ послѣ разоренія Тифлиса Ага-Магометъ-Ханомъ, шахомъ персидскимъ, былъ сопутствуемъ единственнымъ слугою, вѣрнымъ армяниномъ, самоотверженно раздѣлявшимъ съ Кранисскимъ героемъ грозу разсвирѣпѣвшихъ персіянъ.

Временное значеніе, пріобрѣтаемое армянами въ Грузинскомъ царствѣ, нерѣдко закрѣплялось за ними въ видѣ наслѣдственно передаваемыхъ должностей или возведеніемъ ихъ въ дворянскія и княжескія достоинства. Такъ, въ фамиліи князей Тумановыхъ члены ея по наслѣдству облекались званіемъ государственнаго секретаря. Родъ князей Бебутовыхъ выдвигалъ одного изъ своихъ сочленовъ, къ которому переходила должность тифлисскаго мелика, т. е. главы городскихъ купцовъ и ремесленниковъ [2]). Въ знакъ особаго довѣрія, армяне призывались въ отправленію воинской повинности, къ охраненію трона и государства. Когда царь Ираклій II замѣнилъ *нокари* милицію, учрежденную отцомъ его, Теймуразомъ II, ополченіемъ *моріге*, то въ составъ послѣдняго одинаково вошли и грузины, и армяне, и татары. Въ мориге входили поселяне-хлѣбопашцы, скотоводы, садоводы, отправляли службы одинъ мѣсяцъ въ году въ назначенномъ отъ царя пунктѣ.

Значеніе армянъ въ грузинскомъ царствѣ не исчерпывается тѣми услугами на военномъ и административномъ поприщѣ, которыя мы несли лишь отчасти, на ряду съ господствующимъ слоемъ населенія. У армянъ была спеціальная сфера дѣятельности, они составляли въ Грузіи tiers-état, третье сословіе, къ которому принадлежали *лишь единицы* изъ грузинъ. Все армянское населеніе въ Грузіи раздѣляется понынѣ на 2 группы: *сельское и городское*. Сельское населеніе зани-

[1]) Царевичъ Давидъ въ своей исторіи Грузіи (Тифлисъ, 1893 года, 29) очевидно находился въ заблужденіи, называя мужемъ Тамары россійск. князя Андрея.

[2]) Въ концѣ XVIII в. былъ извѣстенъ въ Тифлисѣ меликъ мамасахлисъ Дарчіа Бебуковъ.

мается тѣмъ же, чѣмъ грузинскіе крестьяне: земледѣліемъ и винодѣліемъ, а городское населеніе Тифлисской губ. является торгово-промышленнымъ классомъ, роль котораго въ западной Грузіи (Кутаис. губ.) вмѣстѣ съ имеретинами и гурійцами отправляютъ огрузинѣвшіе евреи. Высшее сословіе грузинскаго народа было поглощено обязанностями военными и служебными въ различныхъ вѣдомствахъ государственной машины, а низшее сословіе, въ короткій досугъ отъ бряцанія мечомъ, переходило съ поля брани къ пашнѣ и къ обработкѣ садовъ. А между тѣмъ возраставшія нужды государства, неудовлетворявшіяся натуральнымъ хозяйствомъ, вызывали къ жизни свободный отъ прочихъ обязанностей классъ людей, могущихъ стать посредникомъ между производителями и потребителями, заняться разработкой естественныхъ богатствъ страны и располагающихъ денежнымъ капиталомъ для ссуды самимъ царямъ на государственныя и общественныя потребности. Такимъ нужнымъ Грузіи торгово-промышленнымъ классомъ явились армяне, организовавшіеся въ амкарства или союзы, совершенно аналогичные съ средневѣковыми цехами. Цехи находилось въ вѣдѣніи городского «устабаши»— старшины и «мелика» [1]), который принималъ участіе съ судебныхъ процессахъ, касающихся купцовъ и ремесленниковъ Своей энергіей, неусыпнымъ стремленіемъ къ намѣченнымъ цѣлямъ, при отсутствіи конкуренціи со стороны грузинъ, армяне сумѣли достигнуть высокаго благосостоянія въ городахъ: Тифлисѣ, Гори, Сигнахѣ, Телавѣ, Ахалцихѣ, къ которымъ, какъ къ торговымъ центрамъ, тяготѣетъ вся экономическая жизнь отдѣльныхъ провинцій. Уже въ періодъ самостоятельнаго существованія грузинскаго царства были извѣстны капиталисты изъ армянъ: Мдиванъ Манучаръ при Иракліи II, Ванели Геуркъ, Артемъ Богдановъ при Георгіи XII, которые выдавали ссуды членамъ царской фамиліи [2]) и именитымъ аристократамъ подъ залогъ городской или сельской земельной собственности, или давались имъ въ обезпеченіе поступленія государственныхъ податей: какъ, царь Ираклій занялъ у господина Акопа 300 р., которые заемщикъ обязывается уплатить изъ штрафныхъ денегъ, имѣющихъ поступить въ казну. Богатство армянъ, при оскудѣніи средствъ у грузинъ, стало настолько заманчивымъ еще въ XVIII в., что сами царевичи выступали и женихами дѣвушекъ изъ армянскихъ семействъ.

Если на закатѣ дней Грузіи армяне сосредоточили въ своихъ рукахъ ея экономическую жизнь, то на зарѣ ея исторіи они входили, какъ связущее звено, въ ту культурную цѣпь, которая охватывала Кавказъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ: изъ Персіи и Византіи. Въ эпоху язычества зароастризмъ и культъ огня съ равною силой водворились въ Грузіи и Арменіи, а со времени распространенія въ нихъ ученія Евангелія эти двѣ небольшія полосы Закавказья и М. Азіи продолжаютъ мерцать, при всѣхъ превратностяхъ судьбы, единственными христіанскими свѣточами въ мусульманскомъ океанѣ, заливавшемъ ихъ изъ Ирана и Турціи. Вѣра въ Спасителя послужила той благодатной почвой, на которой пришлый элементъ, армяне, могли сблизиться съ туземнымъ грузинскимъ населеніемъ. Пере-

[1]) Нѣкоторые изъ этихъ „меликовъ" назначались съ болѣе широкими полномочіями и получали званіе „меликъ-мамасахлиса", т. е. градоначальника. Въ 1799 г. при царѣ Теймуразѣ былъ опредѣленъ тифлисскимъ меликъ-мамасахлисомъ нѣкто Аветикъ (см. груз. крест. грамот. изд. Д. Пурцеладзе, стр. 29; гр. Двор. акты, изд. имъ же, стр. 18).

[2]) Подъ 1799 г. читается слѣдующее письмо: Я, царевичъ Георгій, занялъ у тебя Мелика Шакре 200 р.; когда кочевники возвратятся изъ своихъ кочевьевъ, тогда мы уплатимъ имъ сполна. Просимъ, чтобы объ этомъ никто не узналъ.

листывая страницы лѣтописи Грузіи, мы удостовѣряемъ, что грузинскіе цари никогда *не дѣлали различія* между грузинами и армянами, предоставляя послѣднимъ полную свободу совѣсти и во всемъ объемѣ политическія и гражданскія права.

Въ Грузіи всѣ христіанскія вѣроисповѣданія, безъ различія оттѣнковъ, пользовались ничѣмъ неограниченною терпимостью и любопытно, что грузинскій народъ, самъ будучи искони православнымъ, противопоставляетъ себя лишь мусульманамъ, а не отдѣльнымъ фракціямъ, исповѣдующимъ св. Евангеліе. Вмѣстѣ съ армяно-григоріанскимъ вѣроисповѣданіемъ съ XVI в. стало безпрепятственно распространяться въ предѣлахъ Грузіи католичество, глава котораго папа, Пій VI, благодарилъ царя Георгія XII за покровительство, оказанное послѣднимъ миссіонерамъ перваго. Принадлежность къ двумъ церквамъ не мѣшала армянамъ и грузинамъ заключать смѣшанные браки, являться воспріемниками и вступать въ различныя родственныя связи. Почитаются общія святыни; усвоиваются армянами грузинскій языкъ и обычаи. Оглядываясь назадъ, такимъ образомъ мы не можемъ указать яркихъ примѣровъ вражды или отсутствія солидарности между армянами и грузинами [1]. Констатированіе этого факта для многихъ будетъ совершенною неожиданностью, но пусть они не забываютъ, что: dies diem docet.

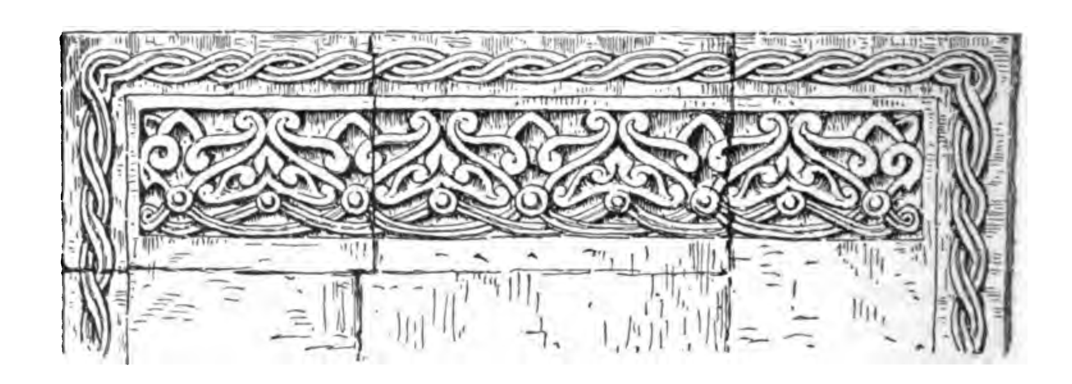
[1] Старый армянскій публицистъ г. Симоніанцъ, припоминая гуманное время 60-хъ годовъ, когда кавказская пресса, безъ различія національностей, преслѣдовала общія культурныя задачи, съ грустью отмѣчаетъ то недовѣріе и вражду, которую сѣютъ въ послѣднее время между грузинами и армянами, связанными смежнымъ сожительствомъ въ теченіе многихъ вѣковъ.—Коснувшись въ частности вопроса о преобладаніи армянъ въ городахъ, авторъ указываетъ, что многовѣковое явленіе было обусловлено особенностями стараго грузинскаго строя. У грузинъ, пишетъ онъ, никогда не было такъ называемаго *третьяго сословія;* они состояли изъ дворянъ-землевладѣльцевъ и крѣпостныхъ. Третье сословіе (купцы и ремесленники) состояло изъ армянъ не только въ Тифлисѣ, но и въ другихъ городахъ Грузіи. Тифлисскіе мокалаки (горожане) играли такую важную роль, что неохотно выдавали дочерей своихъ за дворянъ. Съ измѣненіемъ историческихъ обстоятельствъ, замѣчаетъ г. Симоніанцъ, должны измѣниться и отношенія между армянами и грузинами, но но не по внушенію зависти и ненависти, а въ духѣ взаимнаго благоволенія и помощи.

Только при незнакомствѣ съ исторіею можно утверждать, что въ послѣднее время число армянъ увеличилось въ Тифлисѣ и его губерніи. Напротивъ, % армянъ въ Тифлисѣ теперь гораздо слабѣе, чѣмъ было до присоединенія Грузіи къ Россіи. „Почти невѣроятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ достовѣрно, пишетъ Владыкинъ, что въ 1803 г. въ Тифлисѣ считалось до 2700 домовъ, — *только 18 домовъ* принадлежало грузинамъ, остальные же принадлежали армянамъ; такимъ образомъ столица составляла тогда *вполнѣ собственность армянскую*" (Путеводитель по Кавказу М. Владыкина, стр. 330). По переписи, произведенной духовенствомъ въ 1821 г. въ городахъ, оказалось дымовъ:

	грузинскихъ и русскихъ.	армянскихъ.
Тифлисъ	417	2951
Гори	121	331
Анануръ	24	123
Телавъ	74	236
Сигнахъ	12	377

(см. Армянскіе каѳоликосы Ерицiана, стр. 139).

Лучшая кавказская газета, одна изъ наиболѣе умѣло редактируемыхъ провинціальныхъ газетъ, *Новое Обозрѣніе*, не устаетъ ратовать за согласіе между этими народностями, спокон вѣку жившими добрыми сосѣдями. *Ред.*



Нѣсколько замѣтокъ по поводу нападокъ на армянъ.

Армяне въ кавказской администраціи.

По поводу назначенія новаго главноначальствующаго на Кавказѣ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* появилась статья, въ которой отмѣчалось усиленіе разбойничества на Кавказѣ и ставилось это печальное явленіе въ зависимость отъ того, что административныя должности занимаются «*главнымъ образомъ* армянами» (№ 354 за 1896 г.). Еще раньше та же газета ставила въ вину высшей кавказской администраціи «*переполненіе* государственной службы армянами въ то время, когда сепаратистская армянская агитація принимаетъ явно террористическій характеръ» (№ 325). Оставляя въ сторонѣ вопросъ о сепаратизмѣ, составляющемъ обычный аккомпанементъ статей этой газеты, посмотримъ, насколько согласуется съ истиною настойчивое утвержденіе ея, что административныя мѣста на Кавказѣ заняты «главнымъ образомъ» армянами.

На самомъ дѣлѣ оказывается, что армяне не только не переполняютъ государственнаго управленія на Кавказѣ, но занимаютъ послѣднее мѣсто въ немъ: не только русскіе и грузины, но даже и татары имѣютъ большій процентъ въ административно-полицейскихъ учрежденіяхъ, на обязанности коихъ лежитъ преслѣдованіе и искорененіе разбойничества. Достаточно обратиться къ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ «Кавказскомъ календарѣ» 1896 г., чтобы убѣдиться, сколько правды въ извѣтахъ, приписывающихъ умноженіе разбойничества «заполненію государственной службы армянами». Беремъ свѣдѣнія по губерніямъ.

1) *Тифлисская губ.* Губернаторъ — грузинъ, вице-губернаторъ — русскій. Изъ уѣздныхъ начальниковъ — 5 грузинъ, 3 русскихъ, 1 *армянинъ;* изъ помощниковъ — 4 *армянина*, 2 русскихъ, 2 грузина, 2 нѣмца, 1 полякъ. Изъ полицейскихъ приставовъ — 18 грузинъ, 5 русскихъ, 3 *армянина*. Начальники зем-

ской стражи—7 грузинъ [1]). Итого изъ 55 лицъ—русскихъ 11, грузинъ 33, *армянъ* 8, т.-е. армяне составляютъ около 14%.

2) *Кутаисская губ.* Губернаторъ — русскій, вице-губернаторъ — нѣмецъ. Изъ окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ—8 грузинъ, 5 русскихъ, 1 *армянинъ*; изъ помощниковъ—6 грузинъ, 1 русскій. Изъ участковыхъ начальниковъ и приставовъ—30 грузинъ, 4 русскихъ, 2 *армянина*, 1 татаринъ; начальники милиціи—3 грузина, *1 армянинъ*. Итого изъ 64 лицъ—11 русскихъ, 47 грузинъ, а *армянъ* 4, т.-е. армяне составляютъ 6,25% [2]).

3) *Бакинская губернія.* Губернаторъ—нѣмецъ, вице-губернаторъ—русскій. Изъ уѣздныхъ начальниковъ—5 русскихъ; изъ помощниковъ—5 русскихъ, 1 грузинъ; изъ приставовъ—10 русскихъ, 3 грузина, 4 татарина, 1 *армянинъ*; изъ начальниковъ земской стражи — 6 татаръ, 1 русскій [3]). Итого изъ 38 лицъ — русскихъ 22, татаръ 10, грузинъ 4, *армянъ* 1, т.-е. *армяне* составляютъ 2%.

4) *Елисаветпольская губернія.* Губернаторъ—грузинъ, вице-губернаторъ—русскій. Изъ уѣздныхъ начальниковъ—4 грузина, 2 русскихъ, 2 татарина; помощниковъ — 2 русскихъ, 2 грузина, 2 татарина, 1 *армянинъ*; приставовъ—14 татаръ, 7 русскихъ, 4 *армянина*; начальники земской стражи—6 татаръ, 4 грузина [4]). Итого изъ 52-хъ лицъ—24 татарина, 12 русскихъ, 11 грузинъ, 5 *армянъ*, т.-е. менѣе 10%.

5) *Эриванская губ.* (большинство населенія армяне). Губернаторъ—русскій, вице-губернаторъ — грузинъ. Изъ уѣздныхъ начальниковъ — 6 русскихъ, 1 грузинъ; изъ помощниковъ—4 русскихъ, 1 грузинъ, 2 *армянина*; изъ участковыхъ приставовъ—10 русскихъ, 8 *армянъ*, 3 татарина, 1 грузинъ, 1 нѣмецъ [5]). Итого изъ 39 лицъ—русскихъ 21, *армянъ* 10, т.-е. армяне составляютъ менѣе 23%.

6) *Дагестанская область.* Начальникъ—1 русскій; помощники—1 русскій. 1 *армянинъ*. Изъ начальниковъ округовъ—4 русскихъ, 3 грузина, 1 *армянинъ*; изъ помощниковъ—8 русскихъ, 1 грузинъ [6]). Итого изъ 20 лицъ—14 русскихъ, 4 грузина, 2 *армянина*, т.-е. армяне составляютъ 10%.

7) *Карсская область.* Начальникъ—русскій, помощникъ—нѣмецъ. Начальники округовъ всѣ 4 русскіе; изъ помощниковъ—2 русскихъ, 2 татарина; изъ начальниковъ участковъ — 4 татарина, 3 грузинъ, 3 русскихъ, 1 *армянинъ*. Итого изъ 21 лица—10 русскихъ, 6 татаръ, 3 грузина, 1 *армянинъ*, т.-е. армяне составляютъ 5%.

Изъ приведенныхъ точныхъ офиціальныхъ данныхъ явствуетъ, что во всемъ Закавказьѣ въ высшей губернской администраціи между 7 начальниками губерній (5 русскихъ, 2 грузинъ) нѣтъ *ни одного армянина*, изъ 8 вице-губер-

---

1) „Кавказскій календарь" 1896 г., стр. 97 и слѣд.
2) Тамъ же, стр. 122 и слѣд.
3) Тамъ же, стр. 137.
4) Тамъ же, стр. 145.
5) Тамъ же, стр. 159.
6) Тамъ же, стр. 165.

наторовъ и помощниковъ начальниковъ (6 русскихъ, 1 грузинъ) только ***одинъ*** армянинъ. Затѣмъ въ высшей уѣздной администраціи изъ 51 уѣзднаго начальника—*армянъ* 2, т.-е. 4%; изъ 46 помощниковъ—*армянъ* 8, т.-е. 13%. Въ низшей администраціи и земской стражѣ изъ 178 приставовъ—грузинъ 75, татаръ 44, армянъ 19, т.-е. составляютъ 10%, уступая такимъ образомъ въ числѣ не только грузинамъ, но и татарамъ. Въ окончательномъ выводѣ получается, что maximum армянъ въ администраціи—въ Эриванской губерніи, гдѣ большинство населенія армяне, не превышая, впрочемъ, 25%, тогда какъ въ Елисаветпольской губерніи процентъ служащихъ въ администраціи татаръ около 50%, не говоря уже о томъ, что низшіе чины земской стражи (чапары) почти сплошь татары. Во *всей же* закавказской администраціи, при 289 лицахъ, армянъ 31 человѣкъ, т.-е. 10,7 *процентовъ*, и они, какъ указано, занимаютъ большей частью второстепенныя и третьестепенныя должности.

Если обратиться къ судебному вѣдомству, то получится еще меньшій процентъ служащихъ изъ армянъ. Во всей тифлисской судебной палатѣ нѣтъ *ни одного* члена изъ армянъ; въ персоналѣ 5 закавказскихъ окружныхъ судовъ имѣются изъ армянъ *трое*, что составитъ на весь судебный персоналъ (101 лицо) 3%.

Вотъ, стало быть, къ чему сводится «заполненіе армянами государственной службы»: на 390 лицъ приходится *тридцать четыре человѣка.*

Присутствіе этихъ 34 должностныхъ лицъ изъ армянъ въ кавказскихъ правительственныхъ учрежденіихъ обусловливаетъ, по увѣренію *Московскихъ Вѣдомостей*, развитіе разбойничества на Кавказѣ!

Этотъ убѣдительный примѣръ наглядно доказываетъ, къ какимъ безсмысленнымъ выводамъ приводитъ увлеченіе междуплеменной травлею и разрѣшеніе обычныхъ вопросовъ внутренней жизни на почвѣ племенныхъ предразсудковъ и пресловутаго «сепаратизма». Если въ важномъ вопросѣ о причинахъ усиленія кавказскаго разбойничества этнографическій составъ мѣстной администраціи играетъ какую-нибудь роль, то самое скромное уваженіе къ истинѣ обязываетъ признать, что *армяне тутъ ни при чемъ*, такъ какъ они не только не «заполняютъ государственной службы», но занимаютъ въ ней очень незначительное мѣсто. Не только русскіе и грузины, но даже и татары занимаютъ вдвое больше мѣстъ въ государственной службѣ, соприкасающейся съ дѣлами о разбойничествѣ, нежели армяне, а потому совершенно несправедливо возлагать на армянъ отвѣтственность за недостатки кавказской администраціи вообще и въ частности за усиленіе разбойничества.

Г. Д.

Черноморскіе армяне.

Когда мы пріѣхали на Кавказъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, побережье Чернаго моря между Туапсе и Адлеромъ было почти пустынно. Въ расположенныхъ тутъ большихъ имѣніяхъ не велось почти никакого хозяйства и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ земля сдавалась въ аренду черкесамъ. Однако большая часть черкесовъ скоро ушла въ Турцію, и земля оставалась пустою. Двѣнадцать

лѣтъ тому назадъ, въ тотъ самый годъ (1884 г.), когда наша семья перебралась на купленный нами хуторъ, начались переселенія армянъ на черноморское побережье. Они пріѣзжали изъ Малой Азіи, брали земли въ аренду и селились небольшими поселками. Въ нашемъ сосѣдствѣ есть нѣсколько такихъ поселковъ. Намъ часто приходится имѣть дѣло съ армянами, мы часто видимъ ихъ, знаемъ ихъ жизнь. Теперь, когда въ печати такъ много говорятъ объ армянахъ, мнѣ хочется разсказать все, что я знаю о нашихъ мирныхъ сосѣдяхъ.

Когда армяне переселялись въ наши мѣста, то они пришли по большей части безъ средствъ къ жизни. Мы часто встрѣчали на берегу толпы полуодѣтыхъ, босоногихъ переселенцевъ-армянъ. Въ большинствѣ случаевъ арендныя условія были слѣдующія: каждая семья получала по 20 десятинъ земли, заросшей колючкой и лѣсомъ, и обязывалась платить въ первыя 9 лѣтъ по 20 р. въ годъ. Теперь они платятъ уже по 30 р. Большинству армянъ не на что было купить воловъ для обработки земли, и если имъ не удавалось пріобрѣсти ихъ въ долгъ, то они обработывали землю тяпками. Насколько трудъ этотъ тяжелъ, можетъ судить только тотъ, кто знакомъ съ нашей плотной глинистой почвой. Необходимую пищу, состоявшую изъ кукурузной муки, большинство переселенцевъ получило на первый годъ взаймы отъ мѣстнаго главнаго торговца-армянина. Я сама видѣла толстую книгу—записи армянскихъ долговъ. Торговецъ ссудилъ имъ мукой и деньгами на сумму около 10 тыс. руб.

Теперь, по прошествіи 12-ти лѣтъ, большая часть армянъ совсѣмъ уплатила свой долгъ, а остальные сильно уменьшили его. Арендныя обязательства также исполняются ими довольно исправно. Едва ли найдется теперь хоть одна семья, у которой не было бы пары воловъ, одной, двухъ и болѣе коровъ, а у многихъ есть и лошадь. Все это добыто исключительно земледѣльческимъ трудомъ. Армяне сѣютъ кукурузу, пшеницу, а гдѣ можно садятъ табакъ. Землю они обрабатываютъ очень старательно и интересуются всѣмъ, что можетъ улучшить хозяйство. Такъ какъ пастбищъ мало, то нѣкоторые стали даже сѣять траву, по примѣру сосѣднихъ землевладѣльцевъ.

Въ пищѣ армяне очень умѣренны: они ѣдятъ почти исключительно хлѣбъ и лепешки изъ кукурузной муки, снятое молоко и сырые или сушеные фрукты, которые они усердно собираютъ въ лѣсахъ и приготовляютъ изъ нихъ отвары. Они сѣютъ довольно много конопли и ткутъ себѣ одежду изъ пеньки. Впрочемъ, верхняя одежда по большей части покупная и отличается яркостью красокъ: преобладаютъ красные и синіе цвѣта. Армянскія постройки нельзя назвать удовлетворительными. Самый обыкновенный типъ ихъ слѣдующій. Въ землю врываютъ высокіе столбы; аршина на два отъ поверхности земли на столбы накладываютъ балки и строятъ нѣчто въ родѣ сруба съ большимъ балкономъ или навѣсомъ съ передней стороны. Крышу кроютъ толстой короткой щепой, которую колютъ сами, пользуясь толстыми каштанами и дубами. На крышу кладутъ камни, чтобы ее не снесло вѣтромъ. Окна въ домахъ очень маленькія, часто безъ стеколъ, просто задвигаются на ночь и въ непогоду дощечкой. Посрединѣ сруба на мѣстѣ, выложенномъ сверху полуплоскими камнями, обмазанными глиной, разводится костеръ. Дымъ отъ него уходитъ въ отверстіе, сдѣланное въ крышѣ. Надъ костромъ виситъ котелъ, въ которомъ варятъ пищу.

Въ каждомъ поселкѣ есть общественныя печи, гдѣ армянки пекутъ свои чуреки. Теперь многіе строятъ печи и у себя въ домахъ. Такъ какъ наши деревья не растутъ такими прямыми стволами, какъ сосны и ели, то въ срубѣ остаются очень большія щели. На зиму ихъ замазываютъ смѣсью глины съ навозомъ. Пространство подъ избой всегда загорожено досками или бревнами и служитъ хлѣвомъ. Тутъ стоятъ быки, коровы и лошади. Общая изба часто перегораживается на два или на три помѣщенія. Жилье, какъ видите, неважное, но надо принять въ соображеніе нашъ мягкій климатъ. Вся семья проводитъ большую часть года въ полѣ и въ лѣсу, а въ дождливые дни всѣ собираются со своими работами на широкомъ балконѣ. Только ночь да случайно завернувшій холодъ и ненастье загоняютъ ихъ въ домъ.

Всякій разъ, когда я вижу армянъ, у нихъ ли въ деревнѣ, въ полѣ ли за работой, или у насъ, когда они приносятъ на продажу муку, яйца, куръ, меня поражаютъ ихъ неистощимая болтливость и веселость. Чтобы нести что-нибудь на продажу, они выбираютъ большею частью дождливые дни, неудобные для работы. Вотъ придутъ въ непогоду два, три армянина, переваливъ черезъ довольно высокій, крутой хребетъ; они принесли на спинѣ пуда по полтора муки и измокли подъ дождемъ. Сваливъ свою ношу, они усаживаются обогрѣться у плиты, и моментально начинается у нихъ самая оживленная болтовня между собой. А вѣдь они изъ одного поселка, часто изъ одного дома. Могли бы, кажется, наговориться. Но нѣтъ, у нихъ всегда есть неисчерпаемый матеріалъ для бесѣды, для шутокъ и смѣха. Тѣ изъ нихъ, которые умѣютъ говорить по-русски, также охотно говорятъ съ нами. Они разспрашиваютъ обо всѣмъ. Въ послѣднее время они особенно интересуются событіями въ Турціи, разспрашиваютъ о томъ что пишутъ въ газетахъ, заступится ли за нихъ Россія и иностранныя державы, и сами разсказываютъ о томъ, что узнаютъ изъ своихъ газетъ. Каждый поселокъ выписываетъ какую-нибудь дешевую армянскую газету.

Кстати объ образованности нашихъ сосѣдей. Какъ ни бѣдны были армяне при своемъ переселеніи въ наши мѣста, но съ первыхъ же лѣтъ они выстроили себѣ и церкви, и школы. Ихъ церкви, правда, очень и очень просты, прямо бѣдны: это та же изба, только побольше и съ большимъ деревяннымъ крестомъ на крышѣ. Внутри есть распятіе и необходимые священные сосуды и книги. Каждое воскресенье и каждый праздникъ всѣ окрестные армяне и армянки собираются въ церковь. Священникъ имѣетъ право накладывать денежный штрафъ на нерадивыхъ къ общественному богослуженію, да и сосѣди неодобрительно относятся къ ихъ лѣни. Послѣ богослуженія собравшіеся армяне обыкновенно тутъ же обсуждаютъ свои общія дѣла. Въ первый день Пасхи, послѣ обѣдни, всѣ тутъ же въ церкви разговляются вмѣстѣ принесенными для освященія хлѣбами и яйцами.

Если поселки близко отстоятъ одинъ отъ другого, то у нихъ общая школа; болѣе отдаленные содержатъ отдѣльныя небольшія школы. Между взрослыми армянами далеко не всѣ грамотны, но молодежь вся читаетъ и пишетъ по-армянски, а дѣти всѣ учатся, впрочемъ, только мальчики. Дѣвочки не посѣщаютъ школъ и не знаютъ грамоты: видимое вліяніе турецкаго сосѣдства. Учитель въ школѣ всегда армянинъ же; онъ часто родомъ изъ того же поселка, но учился

въ Тифлисѣ или Эривани. Въ школахъ учатъ читать и писать по-армянски, считать, немного географіи и исторіи. Священникъ учитъ въ школѣ Закону Божію. Въ нѣкоторыхъ школахъ учатъ также читать и писать по-русски, и армяне *очень желаютъ* чтобы ихъ дѣти учились русскому языку.

Родители обращаются съ дѣтьми очень ласково, рѣдко принуждаютъ ихъ и очень заботятся, чтобы мальчики могли правильно посѣщать школу. Они никогда не отрываютъ ихъ отъ школьныхъ занятій для исполненія домашнихъ работъ. Арменята очень бойки, веселы, шаловливы и самостоятельны. Несмотря на сравнительно скудную пищу, у большинства очень здоровый, цвѣтущій видъ.

Свои праздники и особенно свадьбы армяне проводятъ очень шумно и весело: бьютъ барабаны, въ бубны, стрѣляютъ изъ пистолетовъ и ружей, поютъ и много пляшутъ. Угощеньемъ служатъ мясо и пшеничные блины. Вина и водки пьютъ очень мало, такъ что пьянство не въ обычаѣ. Повидимому, отношенія армянъ между собой очень порядочныя. Ссоры не часты и обыкновенно улаживаются между собой или при помощи судьи, котораго выбираютъ сами армяне изъ своихъ односельчанъ. Много дѣлается у нихъ сообща. На охоту они отправляются цѣлой компаніей, человѣкъ въ 8 — 10. Убитый звѣрь дѣлится на равныя части по числу охотниковъ. Иногда случается, что убившій звѣря получаетъ только шкуру или голову.

Во время трудныхъ лѣтнихъ работъ армяне одного поселка часто соединяются вмѣстѣ. Такъ, напримѣръ, при тяпкованіи кукурузы вся деревня работаетъ сообща; тяпкуютъ сначала у одного, потомъ переходятъ къ другому, третьему и такъ дальше, смотря по тому, чья кукуруза раньше подросла. При продажѣ значительныхъ количествъ чего-нибудь, напримѣръ, кукурузы или табаку, они сообща устанавливаютъ цѣны на товаръ. Одинъ или нѣсколько поселковъ выбираютъ наиболѣе опытнаго и умнаго человѣка, который и заводитъ сношенія съ покупателемъ. Главныя работы, какъ пахота, посѣвъ, тяпкованіе, жатва начинаются обыкновенно всѣми одновременно. Однѣ руководствуются при этомъ очень часто положеніемъ луны, которой придаютъ вообще большое значеніе для земледѣлія.

Находясь въ близкомъ сосѣдствѣ съ армянами, мы часто имѣемъ сношенія съ ними и при всѣхъ денежныхъ дѣлахъ довольствуемся простыми записками для памяти, не имѣющими никакой законной силы. Плутовство у нихъ не очень въ ходу, и имъ почти всегда можно вѣрить на слово.

По своему характеру армяне, видимо, принадлежатъ къ мирнымъ, не воинственнымъ племенамъ. Страхъ, въ которомъ они постоянно жили, сдѣлалъ ихъ робкими, даже трусливыми. Въ прошломъ году въ нашихъ мѣстахъ разбойничала небольшая шайка имеретинъ; они особенно грабили армянъ, которые, несмотря на свою многочисленность, почти не давали имъ отпора. Недавно былъ такой случай, рѣзко характеризующій ихъ робость: 5 человѣкъ армянъ возвращались съ охоты и несли убитаго ими кабана. Навстрѣчу имъ попался человѣкъ съ ружьемъ. Не имѣя на это никакого права, онъ началъ кричать на нихъ, какъ они смѣютъ охотиться безъ позволенія, потребовалъ у нихъ ружье и кабана. Армяне были такъ ошеломлены, что отдали ему требуемое и вернулись домой ни съ чѣмъ.

М. Б.

Отповѣдь проф. Марра грузинскому „Сборнику Акакія".

Въ январьскомъ номерѣ «Сборника Акакія» за 1898 г. помѣщена была статья «Историческое изслѣдованіе названій: Арменія, Айастанъ и Сомхетія».

По заглавію можно было ожидать, что это серьезное научное изслѣдованіе, на дѣлѣ же, какъ доказываетъ знатокъ дѣла, проф. Петербургскаго университета Н. Я. Марръ, она является «легкомысленною коллекціею курьезовъ» [1]). Взявъ эпиграфомъ слова Лабрюэра: «именно глубокое невѣжество говоритъ тономъ поученія», проф. Марръ шагъ за шагомъ раскрываетъ круглое невѣжество автора. Приводимъ отповѣдь авторитетнаго оріенталиста съ небольшими сокращеніями. Прежде чѣмъ приступить къ разбору, проф. Марръ высказываетъ нѣсколько дѣльныхъ общихъ соображеній:

«Мало ли нелѣпостей пишется, говоритъ онъ, какъ въ мѣстныхъ, такъ и въ столичныхъ журналахъ и газетахъ, иногда и очень серьезныхъ и, во всякомъ случаѣ, вліятельныхъ, о прошломъ Закавказья и въ частности армянъ. За послѣдніе годы на нашихъ глазахъ прошла цѣлая серія газетныхъ и журнальныхъ замѣтокъ объ армянской литературѣ, исторіи, языкѣ и народности, поучительныхъ развѣ только въ томъ смыслѣ, что *отсутствіе здраваго смысла и элементарныхъ знаній* по исторіи Арменіи выдавалось за послѣднее слово науки. У насъ не было и нѣтъ ни охоты, ни времени перебирать всѣ эти варварскіе наѣзды въ область армяновѣдѣнія лицъ, совершенно невѣдомыхъ нашей наукѣ. Если, однако, мы рѣшились заняться статьею Акакія, такъ это единственно потому, что мы питаемъ особую симпатію къ этому даровитому грузинскому писателю. Въ современной грузинской литературѣ Акакій, несомнѣнно, рыцарь безъ страха и упрека, и потому именно и жаль, что изъ его устъ намъ приходится слышать весьма и весьма несправедливыя сужденія объ армянахъ. Мы здѣсь вовсе не собираемся, конечно, защищать армянъ противъ выходки Акакія, къ которой они отнесутся, по всей вѣроятности, съ полнымъ равнодушіемъ. Не думаемъ также выступать противъ культивированія взаимной вражды армянъ и грузинъ, на антагонизмѣ которыхъ будто бы и можетъ быть построено благополучіе Кавказа. Наше убѣжденіе, что слѣпая вражда, да и вообще вражда ничего не строитъ и ни къ чему хорошему не приводитъ, и если кто этого не видитъ сегодня, увидитъ завтра. Болѣе того, мы не имѣли бы ничего, если бы Акакій высказалъ осужденіе армянамъ, стоящимъ въ предѣлахъ его кругозора; быть можетъ, отношенія грузинъ и армянъ сложились такимъ образомъ на Кавказѣ, особенно въ Тифлисѣ, что грузину не за что ласкать армянина, какъ и армянину не за что любить грузина. Это вопросъ добрососѣдскихъ отношеній, установленіе которыхъ зависитъ отъ понятливости самихъ сосѣдей и ихъ доброй воли. Но Акакій мотивируетъ свои сужденія данными изъ армянской исторіи, армянской литературы и вообще армянской жизни, и вотъ эти-то данныя, единственно лежащія въ основѣ мнѣнія Акакія объ армянахъ, не выдерживаютъ никакой критики и должны быть оцѣнены по достоинству; что же касается са-

---

[1]) *Новое Обозрѣніе* 1898 г. 5-го и 6-го февраля.

мого мнѣнія, то мы не имѣемъ никакой претензіи убѣждать кого-либо въ его несостоятельности, такъ какъ окружающая жизнь на каждомъ шагу учитъ насъ, что люди въ большинствѣ случаевъ дорожатъ тѣмъ или инымъ мнѣніемъ не въ силу его основательности, а въ силу того, что они въ виду какихъ-либо привходящихъ обстоятельствъ, во что бы то ни стало, иногда вопреки всякому здравому смыслу, хотятъ держаться извѣстнаго мнѣнія.

I.

Акакій опирается отчасти на историческую справку о прошломъ армянъ, принадлежащую перу «молодого грузинскаго ученаго», но мы не думаемъ, чтобы и самъ уважаемый поэтъ смотрѣлъ на эту справку иначе, какъ на продуктъ незрѣлаго еще ума, и придавалъ ей особое значеніе. Справка компилятивнаго характера, изобличающая кое-какое знакомство автора съ трудами нѣкоторыхъ оріенталистовъ и совершенную неосвѣдомленность въ арменистикѣ, написана не безъ задора, свойственнаго «смѣлымъ ученымъ», необремененнымъ знаніями.

Самостоятельно въ справкѣ «молодого ученаго» развѣ мнѣніе, что у «нынѣшнихъ армянъ нѣтъ никакого національнаго названія, у нихъ не было никакой національной исторіи до отдѣленія армянской церкви отъ православной», а сообщенія армянскихъ историковъ о древнѣйшей эпохѣ Арменіи лишь сказки (стр. 49). Впрочемъ и въ этомъ утвержденіи нѣтъ ничего новаго: этотъ, какъ бы сказать мягче, наивный взглядъ въ той или иной степени проскальзываетъ у большинства случайныхъ авторовъ, бравшихся писать объ Арменіи. Если бы рѣчь шла о томъ только, что въ древне-армянскихъ историкахъ начальная эпоха исторіи армянъ представлена легендарно (а начало какихъ древнихъ народовъ, скажите пожалуйста, не окутано легендарными данными?), если бы хотѣли намъ внушить, что данными армянскихъ историковъ, какъ и данными всякихъ историковъ, нельзя пользоваться безъ критической провѣрки, то, конечно, мы не имѣли бы ничего сказать. Мы развѣ замѣтили бы, что «молодой грузинскій ученый» и его почтенный единомышленникъ запоздали. Отрицательная критика армянскихъ источниковъ въ общемъ сдѣлала гигантскіе шаги, благодаря трудамъ ученыхъ, частью европейцевъ (извѣстнаго историка Gutschmid'a, проф. Baumgartner'a, проф. Carrière'a и др.), значительною же частью самихъ армянъ (проф. Патканова, ученаго отца Дашяна, историка Карагашяна, ученаго монаха о. Галуста, проф. Халатьянца и др.), и это увлеченіе отрицательнымъ отношеніемъ, шедшее crescendo, въ настоящее время нуждается скорѣе въ умѣряющемъ духѣ, чѣмъ въ поощреніи. Однако всѣ эти ученые, не говоря о спеціалистахъ иного направленія, подвергая строгой критикѣ данныя армянскихъ источниковъ, не являются отрицателями армянской національной исторіи, а, напротивъ, содѣйствуютъ ея утвержденію на болѣе прочныхъ научныхъ данныхъ. Конечно, жаль, если подобная элементарная истина еще не усвоена въ грузинской интеллигентной средѣ, но признаемся, что въ этомъ явленіи есть элементъ забавный, такъ какъ отрицаніе армянской національной

исторіи и, слѣдовательно, армянской культуры является если не болѣе, такъ на половину отрицаніемъ грузинской культуры.

Въ самую древнюю пору и вплоть до X вѣка по Р. Хр. грузинская литература находилась подъ *значительнымъ* вліяніемъ армянской; достаточно сказать, что первые переводы библейскихъ книгъ на грузинскій языкъ были сдѣланы съ армянскаго языка, и это доказывается не армянами, а учеными, совершенно равнодушными къ армяно-грузинскимъ пререканіямъ. Грузинское церковное письмо, если и не было дано армяниномъ Месропомъ (современное арменовѣдѣніе на этомъ и не желаетъ настаивать, какъ думаетъ Акакій, стр. 36), то оно, несомнѣнно, было составлено по образцу армянскаго алфавита, и по существу сообщеніе армянскихъ историковъ нисколько не противорѣчитъ дѣйствительности. Если такіе основные факторы христіанской культуры въ Грузіи, какъ церковное письмо и св. Писаніе были получены грузинами отъ армянъ, то можно себѣ представить, каково было вліяніе армянской образованности на древнихъ грузинъ и какъ разъ въ ту пору, когда армянская церковь жила одною жизнью съ вселенской. Не забавно ли послѣ этого, когда грузинъ съ самодовольствомъ сообщаетъ, что до отпаденія отъ православія у армянъ не было національной культурной жизни? Вѣдь если не было у армянъ національной культуры до указаннаго момента, то у грузинъ, перенимавшихъ въ эту эпоху образованіе у армянъ, подавно совсѣмъ ничего не было. Но мы этого, конечно, не думаемъ [1]). Акакій одно изъ своихъ доказательствъ сознательно питаемой вражды армянъ къ грузинамъ видитъ (стр. 38) въ «рѣшеніи Двинскаго собора 596 года», воспрещающемъ армянамъ общаться съ грузинами въ чемъ-либо, кромѣ дѣлъ купли и продажи.

Можно указать на случаи такой же, а пожалуй еще болѣе фанатической нетерпимости грузинъ къ армянамъ, какъ иновѣрцамъ, и даже кощунственнаго отношенія грузинскихъ іерарховъ къ христіанской святынѣ. Достаточно, думается, напомнить ту отвратительную сцену, которая описывается въ *Грузинскихъ лѣтописяхъ* по поводу спора о томъ, какая вѣра лучше—армянская или грузинская. Мы стѣсняемся передать здѣсь это сообщеніе грузинскаго лѣтописца (см. груз. текстъ изд. Академіи Наукъ, ч. I, стр. 314—315 = франц. переводъ Brosset, I, стр. 452—454). Но насъ занимаетъ, какъ такой ultra-свѣтскій писатель, какъ Акакій, въ доказательство того, что будто вражда къ грузинамъ есть священный законъ армянской націи, ссылается на церковное запрещеніе, вызванное разгуломъ фанатическихъ страстей духовнаго сословія, и то его части; къ тому же, приведенная Акакіемъ редакція запрещенія принадлежитъ вовсе не Двинскому собору, какъ думаетъ поэтъ, а окружному посланію католикоса Авраама (см. Моисей Утійскій, Моск. изд., 1860, стр. 215, Ухтанэсъ, Эчм. изд. 1871, стр. 130 и 136) [2]).

---

[1]) Говоря объ армянской и грузинской культурахъ, само собой понятно, мы не говоримъ еще ничего объ ихъ абсолютномъ значеніи. Для науки цѣна культурныхъ явленій не въ вѣсѣ и размѣрахъ ихъ, а въ интересѣ, сопряженномъ съ выясненіемъ ихъ жизненнаго процесса.

[2]) Акакій особое вниманіе обращаетъ на то, что, при запрещеніи армянамъ общаться въ чемъ бы то ни было съ грузинами, разрѣшалось вести съ ними, какъ съ евреями,

Никто, конечно, не отрицаетъ, что армянская церковь, вѣря въ непогрѣшимость своего ученія, ревниво оберегала своихъ сыновъ отъ ученій, казавшихся ей заблужденіемъ, и, отстаивая свое автокефальное существованіе, соборными постановленіями боролась съ отрицателями ея авторитета, но это явленіе—общее во взаимныхъ отношеніяхъ церквей даже тогда, когда церквамъ не угрожаетъ никакая опасность. Едва ли также нуждается въ доказательствѣ, что пресловутый запретъ «Двинскаго собора» былъ плодомъ минутнаго раздраженія и никогда не получалъ жизненнаго значенія. Такой правильный взглядъ на дѣло, при томъ мотивированный, существуетъ въ самой грузинской литературѣ (Ѳ. Жорданія, *Хроники* и пр. (на груз. яз.), Тифлисъ, 1893, стр. 313). Быть можетъ, Акакій не успѣлъ еще прочитать труда г. Жорданія, но онъ, надо полагать, читалъ брошюру Д. З. Бакрадзе «*Проф. Паткановъ и источники грузинской исторіи*» (на груз. языкѣ) Тифлисъ, 1884, откуда (стр. 6) и взята, по всей видимости, инкриминируемая имъ статья «Двинскаго собора», и, слѣдовательно, Акакій знаетъ, что покойный грузинскій историкъ также не придаетъ этому документу общеармянскаго характера, ибо противъ такого его значенія возстаютъ неоспоримые факты (ор. с., стр. 6—7).

II.

Въ дальнѣйшемъ мы разсмотримъ по пунктамъ всѣ части разбираемой статьи.

1) «Если справиться въ исторіи армянъ, самобытность грузинъ ни въ какую пору не заслуживаетъ упоминанія» (стр. 36).

Тринадцать лѣтъ мы читаемъ по-армянски, вотъ уже десять лѣтъ, какъ изучаемъ армянскихъ авторовъ въ качествѣ спеціалиста, но ни у одного армянскаго историка, ни у одного армянскаго писателя мы не встрѣчали ни одного мѣста, гдѣ самобытность грузинъ подвергалась бы такому крайнему сомнѣнію или осмѣянію. Напротивъ того, не будь армянскихъ авторовъ, значительная часть грузинскаго прошлаго навѣки осталась бы покрытою непроницаемымъ мракомъ. О достоинствахъ грузинскихъ царей, о подвигахъ грузинскихъ князей говорится не только въ армянскихъ историкахъ, но въ записяхъ и припискахъ армянскихъ рукописей [1]). Это фактъ, въ наукѣ давно признанный, и если онъ

дѣла купли и продажи; но если этотъ пунктъ особенно возмущаетъ Акакія, то не мѣшаетъ ему знать, что, судя по сообщенію кат. Іоанна (Моск. изд. 1853, стр. 42), отцы армянской церкви на Двинскомъ соборѣ и запретили армянамъ входить съ грузинами въ торговыя сдѣлки; но о чемъ все это свидѣтельствуетъ кромѣ крайняго обостренія отношеній между распавшимися на два лагеря духовными вождями до тѣхъ поръ единой армянско-грузинской церкви, каковому обостренію обѣ стороны *одинаково* содѣйствовали, ревнуя о чистотѣ вѣры? Ровно ни о чемъ! Жизнь въ то время въ Арменіи вовсе не была такъ одностороннецерковная, чтобы ея отношенія къ сосѣдямъ опредѣлялись такими исключительными статьями церковнаго значенія. Впослѣдствіи же эти статьи забывались такъ основательно, что ихъ приходится откапывать въ лѣтописяхъ, какъ археологическую древность.

[1]) Читателямъ, быть можетъ, неизвѣстно, что возникновеніемъ въ Европѣ чисто научнаго интереса къ грузинскимъ историческимъ памятникамъ и появленіемъ непревзой-

въ современномъ грузинскомъ обществѣ не оцѣненъ по достоинству, то вина этому не скудость или непригодность армянскихъ матеріаловъ для грузинской исторіи, а незнакомство грузинъ съ древне-армянской литературой и основанное отчасти на этомъ незнаніи враждебное настроеніе ко всему армянскому.

Конечно, въ армянскихъ источникахъ нельзя ожидать грузинской точки зрѣнія, въ нихъ не все разсказывается такъ, какъ въ грузинскихъ лѣтописяхъ; армянскіе историки съ одинаковымъ безпристрастіемъ повѣствуютъ о славныхъ и неславныхъ дѣлахъ грузинъ, но въ этомъ именно и есть достоинство армянскихъ источниковъ, а если подчасъ армянская точка зрѣнія, вполнѣ умѣстная въ памятникахъ армянской литературы, и сгущаетъ краски кое-гдѣ, быть можетъ, даже освѣщаетъ факты невѣрно, то для этого и существуютъ извѣстныя филологическія дисциплины—историческая критика, критика текстовъ и т. п., которыя даютъ источникамъ должную оцѣнку, а армянскіе литературные памятники критики не боятся, лишь бы она была дѣйствительно научная.

2) Если вѣрить армянской исторіи, «оказывается, и языкъ они (армяне) даровали намъ» (стр. 36). У армянскихъ историковъ мы ничего подобнаго не находимъ. Быть можетъ, подъ дарованіемъ армянами языка грузинамъ надо понимать то, что, по одному «лѣтописному» сообщенію, грузины первоначально говорили на армянскомъ языкѣ. Но это сообщеніе имѣется исключительно въ *Грузинскихъ лѣтописяхъ* (груз. текстъ изд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 25 и 26= франц. переводъ Brosset, т. I, стр. 31 и 32), и если встрѣчается въ армянской литературѣ подобное свѣдѣніе, то только въ памятникѣ, переведенномъ съ грузинскаго (*Исторія Грузіи* (арм. текстъ), Венеція, 1884, стр. 17 и 18=франц. перев. Brosset, *Additions et Eclaircissements*, 1851, стр. 6).

3) «Не вчера ли это было,—говоритъ далѣе Акакій,—какъ ихъ (армянъ) ученый Паткановъ доказывалъ, что у грузинъ не было исторіи, что они ее сочинили лишь въ XVIII вѣкѣ, во время Вахтанга, и ту на основаніи армянской сказки» (стр. 36).

Если бы Акакій хотѣлъ сказать, что покойный профессоръ Петербургскаго университета, русскій ученый, армянинъ по происхожденію, первый подвергъ строго научной критикѣ *Грузинскія лѣтописи*, указалъ въ этомъ памятникѣ на крупные анахронизмы, выяснилъ несостоятельность ряда фактовъ, основан-

---

деннаго до сихъ поръ труженика-грузиновѣда M. Brosset грузины отчасти обязаны свѣдѣніямъ армянскихъ источниковъ по грузинской исторіи. Мы приведемъ по этому вопросу одно мѣсто изъ цитированной уже нами брошюры на грузинскомъ языкѣ грузина Д. З. Бакрадзе (стр. 1—2), мнѣніе котораго въ данномъ вопросѣ особенно будетъ назидательно для грузинъ: „Когда въ 1822 году въ Парижѣ было основано Азіатское общество, одинъ изъ его членовъ, прославленный С.-Мартенъ, убѣдилъ названное общество, что Грузія не такъ бѣдна историческими памятниками, какъ это думаютъ, и что обнародованіе ихъ прольетъ свѣтъ на минувшую жизнь Востока. Эту мысль С.-Мартенъ основывалъ на обрывочныхъ данныхъ европейской науки и *особенно* на свѣдѣніяхъ *армянскихъ* памятниковъ, которые имъ въ совершенствѣ были изучены. По предложенію С.-Мартена, человѣкъ пять, членовъ Азіатскаго общества, горячо принялись за изслѣдованіе исторіи Грузіи, но, къ несчастію, большинство изъ нихъ вскорѣ скончалось; остался въ живыхъ лишь Мари Броссе, который свою дѣятельность на поприщѣ нашей (грузинской) исторіографіи въ 1837 г. изъ Парижа перенесъ въ Петербургъ".

ныхъ частью, несомнѣнно, на эпонимномъ пріемѣ, извѣстномъ ему изъ армянскихъ историковъ, частью, предположительно, на «грузинизаціи» подвиговъ иноземныхъ героевъ, и доказалъ съ очевидностью, что „*Грузинскія лѣтописи* въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ его время единственно извѣстны въ европейской наукѣ, во всякомъ случаѣ есть произведеніе XVIII вѣка, и что болѣе древняя редакція, доступная пока исключительно въ армянскомъ переводѣ, едва ли древнѣе XI вѣка; если бы, повторяемъ, Акакій имѣлъ въ виду указать на эти заслуги покойнаго армениста, то, конечно, и говорить бы намъ было не о чемъ. Оговорившись, что мысль о баснословномъ характерѣ источниковъ начальной эпохи грузинской исторіи была вскользь высказана еще до Патканова грузиномъ Бакрадзе [1]), мы бы только добавили, что, какъ ученикъ покойнаго профессора, съ гордостью признаемъ за нимъ эту заслугу предъ лицомъ науки, и кромѣ того, лично интересуясь научнымъ грузиновѣдѣніемъ [2]), мы питаемъ къ его памяти особую признательность за эту же статью, такъ какъ оживленіе мысли, вызванное ею въ грузинской научной литературѣ, дало толчокъ серьезной разработкѣ вопроса объ источникахъ грузинской исторіи и содѣйствовало между прочимъ появленію на свѣтъ Божій древнѣйшей редакціи грузинскихъ лѣтописей, которая въ существенной части превосходно подтверждаетъ основныя мысли К. П. Патканова [3]).

Но Акакій своимъ читателямъ внушаетъ нѣчто совершенно иное; судя по его словамъ, Паткановъ, «армянскій ученый», какъ армянинъ, намѣренно отрицалъ и поносилъ грузинское прошлое. Однако это не такъ. Мы будемъ справедливы и признаемъ, что этотъ непозволительный извѣтъ на память ученаго, пользовавшагося заслуженной извѣстностью, Акакію не принадлежитъ; онъ давно циркулируетъ въ части грузинской интеллигентной среды и искусно муссируется въ quasi-научныхъ трудахъ нѣкоторыхъ грузинъ, но мы въ правѣ были ожидать, что даровитый грузинскій поэтъ, съ такою настойчивостью и независимостью идущій своею самостоятельной дорогой, погнушается повторить безъ провѣрки сплетни; еще менѣе мы могли ожидать, что такой нелицепріятный

---

1) Вотъ подлинныя слова покойнаго грузинскаго историка: „источники о первыхъ ея (Грузіи) временахъ очень скудны, да и тѣ носятъ характеръ баснословный“ (Бакрадзе, *Объ источникахъ Грузинской исторіи*, Кавказскій календарь на 1858 г., Тифлисъ, 1857, стр. 405). И въ позднѣйшихъ работахъ Бакрадзе вовсе не отрицаетъ этого факта, а оправдываетъ его неблагопріятными обстоятельствами. Кстати, можно замѣтить, что въ своихъ научныхъ трудахъ этотъ ученый, по признанію, держался замѣчательно корректнаго тона по отношенію къ армянскому вліянію на грузинъ; даже въ его интересныхъ многими указаніями возраженіяхъ на статью К. П. Патканова, по существу однако не представляющихъ отвѣта на ея цѣнныя части, доминируетъ дѣловитое отношеніе къ вопросу, хотя въ этихъ возраженіяхъ апологетическаго характера въ спокойный тонъ ученаго мѣстами прорывается нотка взволнованнаго національно-патріотическаго чувства.

2) Существуетъ еще національно-патріотическое грузиновѣдѣніе съ особыми „научными“ пріемами.

3) Изъ сказаннаго о значеніи работы К. П. Патканова вовсе нѣтъ надобности заключать, что она безукоризненна до мелочей: не будучи спеціалистомъ по грузиновѣдѣнію, Паткановъ естественно не могъ избѣжать нѣкоторыхъ промаховъ въ подробностяхъ. Въ настоящее время, кромѣ того, нѣкоторые его пріемы показались бы устарѣвшими, но это уже не имѣетъ никакого отношенія къ навязываемому ему грузинофобству.

пророкъ своего народа, какъ Акакій, подобные слухи, порожденные незнаніемъ дѣла, положитъ въ основаніе сужденія о цѣлой народности, хотя бы и маленькой.

Благотворность научной критики, которой подвергъ Паткановъ *Грузинскія лѣтописи*, рано или поздно будетъ, конечно, шире сознана и въ грузинской средѣ. Однако могутъ подумать, что въ этой благотворной для грузиновѣдѣнія научной критикѣ отрицательное отношеніе Патканова къ *Грузинскимъ лѣтописямъ* опредѣлялось ненавистью его, какъ армянина, ко всему грузинскому, желаніемъ унизить грузинъ въ глазахъ образованнаго общества, что тотъ же Паткановъ въ критикѣ армянскихъ памятниковъ избѣгалъ отрицательнаго отношенія. Но въ томъ-то и дѣло, что хотя и армянинъ, ученый Паткановъ былъ одинаково безпощаденъ въ критикѣ историческихъ памятниковъ, принадлежали ли они грузинамъ или армянамъ. Достаточно сказать, что въ оцѣнкѣ Хоренскаго, этой гордости армянской литературы, «армянскій ученый» Паткановъ болѣе неумолимъ въ своихъ отрицательныхъ выводахъ, чѣмъ въ оцѣнкѣ *Грузинскихъ лѣтописей*.

4) «Развѣ не армянскіе газеты и журналы доказываютъ, будто грузинскій языкъ такъ бѣденъ, что нельзя на немъ высказывать сложныхъ мыслей, и будто даже слова грузины заимствовали изъ армянскаго языка, тогда какъ совершенно иное говорятъ европейскіе ученые (?) и въ числѣ нихъ ихъ же (армянъ) авторитетъ г. Гатеріасъ, по мнѣнію котораго и изучить нельзя армянскій языкъ, если не при посредствѣ грузинскаго?» (стр. 36).

«Армянскіе газеты и журналы» сказано, должно быть для большаго эффекта; въ армянскихъ газетахъ и журналахъ, какъ въ періодической печати всего свѣта, пишутся и дѣльныя статьи, и опрометчивыя вещи, при чемъ первыя обыкновенно принадлежатъ серьезнымъ писателямъ и публицистамъ, вторыя — легкомысленнымъ авторамъ; но нападки на грузинскій языкъ въ той формѣ, будто на грузинскомъ и выражаться нельзя по-человѣчески, намъ никогда не попадались въ армянскихъ журналахъ и газетахъ; напротивъ, судя по тому, что намъ приходилось читать въ армянской литературѣ касательно грузинскаго языка и грузинъ, мы положительно можемъ утверждать, что ни одинъ серьезный армянскій писатель не позволитъ себѣ написать о грузинахъ столько дикихъ вещей, сколько высказано объ армянахъ въ статьѣ Акакія, грузинскаго писателя, безспорно, первой величины.

Касательно заимствованія словъ грузинами изъ армянскаго языка армянскимъ газетамъ и журналамъ нечего было доказывать, такъ какъ этотъ фактъ, честь открытія котораго никакъ нельзя присвоить армянамъ: существованіе армянскихъ словъ въ грузинскомъ языкѣ признано и указано такими грузинами, какъ писатель XVIII вѣка Саба-Сулханъ Орбеліани и лексикографъ XIX вѣка Д. І. Чубиновъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что вліяніе армянскаго языка на грузинскій гораздо сильнѣе, чѣмъ это пока выяснено, и грузины должны были быть очень благодарны армянскимъ журналамъ и газетамъ, если бы они дѣйствительно выяснили указанное явленіе въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, какъ внушаетъ Акакій, но этого, съ сожалѣнію, не было. Позорнаго нѣтъ ничего въ томъ, что въ грузинскій языкъ вошло много иностранныхъ словъ, въ томъ числѣ и

армянскихъ. Усваиваніе чужого и перерабатываніе въ свое указываетъ лишь на жизнеспособность языка. Грузинскій языкъ также оказалъ извѣстное вліяніе на армянскій, и армяне, насколько мы знаемъ, будутъ очень признательны, если какой-либо грузинъ выяснитъ размѣры этого вліянія. Сами армяне нисколько не стараются скрыть этотъ фактъ: венеціанскіе мхитаристы охотно отмѣчаютъ въ своемъ капитальномъ словарѣ слова грузинскаго происхожденія, если, конечно, это имъ извѣстно [1]).

Мы лично въ своихъ лингвистическихъ работахъ дошли до мысли, какую высказывалъ и Gatteyrias, о первостепенномъ значеніи грузинскаго языка для всесторонняго выясненія исторіи армянскаго. Но это чисто-научный вопросъ, который армяне выучились уже отличать отъ вопросовъ національныхъ, и для нихъ по существу безразлично, какое рѣшеніе получитъ этотъ вопросъ, лишь бы оно было согласно съ наукой и истиной.

5) «Въ доказательство своихъ несправедливыхъ притязаній они (армяне) указываютъ на грузинскіе же храмы и монастыри, на которыхъ выскоблили грузинскія надписи и вмѣсто «Давидовъ» и «Багратовъ» вписали «Аршаковъ» и «Маршаковъ» (стр. 37).

Если бы Акакій лишній разъ хотѣлъ указать на маловѣроятное сообщеніе о варварскомъ обращеніи какого-то армянина съ грузинскою надписью, прошедшее черезъ многія газеты, то противъ этого намъ нечего было бы возражать. Каждый искренне пожалѣетъ, конечно, что кто-то по невѣжеству погубилъ гру-

---

[1]) На статью проф. Марра возражалъ въ *Кавказѣ* князь Акакій Церетели, силившійся доказать, что не грузины у армянъ, а армяне у грузинъ заимствовали слова, а если послѣдніе иногда и заимствовали, то только слова предосудительнаго содержанія. „Акакій, пишетъ въ отвѣтѣ своемъ проф. Марръ, съ цѣлью поколебать наши лингвистическія положенія, выкладываетъ перлы незнанія, одинъ блестящѣе другого. Такъ, наприм., армянское „мангал“ и грузинское „мангали“—*серпъ*, слова одинаково общесемитическаго происхожденія (евр. „маггал“, сир. „магла“, араб. „минджал“), Акакій производитъ (стр. 66) отъ грузинскаго „мка“—*жать*. Или, наприм., грузинское слово „банаки“—*лагерь* Акакій считаетъ (стр. 66) уменьшительною формой грузинскаго слова „біна“—*обиталище*, не разумѣя, что „банаки“—заимствованное изъ армянскаго арійское слово, а „біна“—это арабское слово „бина“, употребляющееся и въ турецкомъ и означающее зданіе, отсюда въ вульгарномъ армянскомъ, а также въ грузинскомъ—*кровъ, домъ, квартира*.

„Или, напр., Акакій внушаетъ (стр. 67), что слова заимствуются изъ языка въ языкъ будто исключительно такія, какихъ нѣтъ въ языкѣ заимствующаго, между тѣмъ какъ интенсивность культурнаго воздѣйствія одного народа на другой въ томъ и проявляется, что подпавшая вліянію народность заимствуетъ даже такія слова, безъ которыхъ она легко могла бы обойтись при независимости своего умственнаго развитія; но плѣненному чужимъ литературнымъ или инымъ вліяніемъ уму родныя слова кажутся не вполнѣ выразительными и игнорируются, а съ теченіемъ времени и забываются вовсе. Акакій высказываетъ мысль (стр. 67), что грузины заимствовали изъ армянскаго такія—fi donc!—слова, какъ: *дзунци—скупой, мачанкали, сводникъ, авазаки, разбойникъ, састики лютый*, для каковыхъ будто бы не было въ грузинскомъ лексиконѣ собственныхъ словъ. Не будемъ настаивать на томъ, что Акакій, не зная армянскаго языка,—*скупой* и—*сводникъ* рекомендуетъ армянскими, хотя первое слово не имѣетъ никакого соотвѣтствія въ армянскомъ, а второе князь, повидимому, со словъ Чубинова, какъ разъ въ этомъ случаѣ ошибающагося, отожествляетъ съ *мачакалъ*, означающимъ на армянскомъ *пахаря* и не стоящимъ ни въ какой связи съ грузинскимъ—*сводникъ* (Это, напротивъ, коренное грузинское слово, имѣющее діалектическую разновидность

зинскую надпись, если, повторяемъ, это не выдумка; а армянамъ вдвойнѣ будетъ досадно, если такимъ негодяемъ, дѣйствительно, оказался ихъ сородичъ. Однако весь ядъ цитованныхъ строкъ въ томъ и состоитъ, что Акакій обобщаетъ единичный, подлежащій провѣркѣ фактъ, и всѣхъ армянъ выставляетъ варварами, сознательно выскабливающими грузинскія надписи и чинящими подлогъ. Но это—свѣдѣніе, стоящее въ явномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Вѣдь когда обвиняютъ вообще армянъ въ подобной гнусности, имѣютъ въ виду, конечно, не армянское простонародіе, которое къ тому же было бы въ высшей степени несправедливо привлекать къ дѣлу: армянское простонародіе, разъ замѣтитъ буквы на камнѣ, относится къ нимъ съ благоговѣніемъ, какъ къ святынѣ, къ какому бы языку онѣ не относились. Мы лично не разъ были свидѣтелями подобнаго отношенія. Въ армянской же интеллигенціи, составляющей соль общества и руководящей имъ, уваженіе къ древностямъ, какъ къ чужимъ, такъ и своимъ, составляетъ одну изъ симпатичнѣйшихъ чертъ ея членовъ, даже въ той либеральной части, которая, ратуя постоянно за разрывъ съ прошлымъ, казалось бы, менѣе всего должна была интересоваться археологическими вопросами. Да и какъ же можно ожидать иного отношенія, когда филологія уже давно насчитываетъ въ армянскомъ образованномъ обществѣ сотни своихъ представителей, въ большинствѣ усердно прослушавшихъ, какъ русскихъ, такъ особенно нѣмецкихъ историковъ, археологовъ, этнографовъ, лингвистовъ и т. п. Но независимо отъ нѣмецкой филологической науки, армяне давно проявили уваженіе

гунци). Кромѣ того, отвернемся на минуту отъ дѣйствительности и согласимся съ романтическимъ взглядомъ Акакія на грузинъ, какъ на идиллическую народность, дѣвственная кротость которой не только не производила на свѣтъ ни одного разбойника, ни одного лютаго субъекта, но никогда не была омрачена даже тѣнью понятія о разбоѣ и лютости. Правда ли, однако, что грузины заимствовали отъ армянъ лишь слова для такихъ низкихъ понятій, какъ разбой, лютость и т. п.? Очевидно, да, судя по словамъ Акакія, но это глубокое заблужденіе, ибо не далѣе какъ въ грузинскомъ текстѣ св. *Писанія и Лѣтописей* мы находимъ такія слова армянскаго происхожденія, какъ: *мушаки*—по арм. *мшакъ, работникъ; спитаки — спитакъ, бѣлый, чистый; жами—жамъ, время, часъ; калаки—кагакъ, городъ; сеняки - сенякъ, комната, келья; затики—затикъ, Пасха, каpги—каргъ порядокъ; цеси—цесъ, чинъ, порядокъ; матяни—матян, книга, лѣтопись; пативи — пативъ, честь, чешмарити—чшмаритъ, истинный* и сотни другихъ. Что если какой-либо армянинъ, усвоивъ „лингвистическія воззрѣнія“ Акакія, сталъ бы доказывать, что грузины заимствовали отъ армянъ перечисленныя слова потому, что они были дикіе варвары, не имѣвшіе понятія ни о трудѣ, ни о бѣлизнѣ или чистотѣ, ни о городской жизни, ни о порядкѣ, ни объ исторіи, ни о чести, ни о правдѣ, что если и были у грузинъ слова „симартлэ“ и „синамдвилэ“, то эти слова означали: первое — *грузинскую правду*, а второе — *имеретинскую правду*, отличныя отъ общечеловѣческой *правды и истины*, для передачи которой просвѣщенные переводчики *Библіи* на грузинскій языкъ принуждены были образовать слово *чшмартэба*, (напр., Лук., 1, 13), произведенное отъ армянскаго *чшмаритъ истинный*. Армянинъ по этому случаю могъ бы сослаться, между прочимъ, и на Акакія, какъ на ревнителя „грузино-имеретинской“ правды. Во всякомъ случаѣ, своими пріемами, достаточно ясно раскрытыми въ настоящей статьѣ, грузинскій поэтъ также вѣдь стремился къ правдѣ, но къ правдѣ своеобразной, неимѣющей ничего общаго съ той правдой, которую мы сочли своимъ долгомъ высказать предъ кавказскимъ образованнымъ обществомъ, замѣтивъ въ его средѣ признаки въ высшей степени грустнаго явленія - національной нетерпимости къ правдѣ даже о прошломъ“ (*„Нов. Обозр.“* 1898 г. 2 апрѣля).

къ надписямъ, и не только своимъ, но и къ чужимъ. Грузинскія надписи армянскими учеными монахами заботливо собирались и даже печатались, и притомъ раньше, чѣмъ самими грузинами, было обращено серьезное вниманіе на грузинскія надписи. Объ этомъ любовномъ отношеніи армянъ къ грузинскимъ надписямъ грузины могли бы знать хотя бы по изданіямъ Императорской Академіи Наукъ, наприм., «*Inscriptions géorgiens* etc. recueillies *par le Père* Narsès Sargisian [1]) et expliquées par M. Brosset, St.-Pétersbourg, 1864. Такое же отношеніе приходилось наблюдать намъ лично. Во время нашихъ археологическихъ поѣздокъ въ Русскую Арменію, мы видѣли грузинскія надписи въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно армянами, одну между прочимъ въ селеніи Кошъ, т.-е. почти подъ бокомъ Эчміадзина, и если замѣчалось что-либо въ армянахъ, мѣстныхъ и сопровождавшихъ насъ, такъ это было не озлобленіе противъ слѣдовъ временнаго грузинскаго господства въ Арменіи, а вполнѣ разумное любопытство. Въ александропольскомъ уѣздѣ въ открытомъ полѣ былъ найденъ кусокъ каменнаго креста съ любопытною грузинскою надписью, любопытною по самому своему мѣстонахожденію, и этотъ камень съ грузинскою надписью былъ подобранъ и заботливо спасенъ для науки армяниномъ. Мы это видѣли своими глазами. Но довольно! Здѣсь вѣдь не пишется исторія заслугъ армянъ передъ грузинскою эпиграфикой. Укажемъ развѣ еще на то, что и въ ученой армянской средѣ, лучшей показательницѣ степени развитія національнаго самосознанія, какъ и въ армянской интеллигенціи, господствуетъ не только терпимость, но и охотное вниманіе къ грузинскому вліянію въ древнеармянской жизни. Между прочимъ, не грузинъ, а армянскій ученый о. І. Дашянъ выяснилъ посильно, какую важную роль сыгралъ въ армянской литературѣ грузинскій текстъ одного философскаго трактата греческаго писателя Прокла, имѣвшаго въ средніе вѣка огромное значеніе.

Ламбронъ (Киликія).

Эрзерумская Армянка.

О нѣкоторыхъ любимѣйшихъ мотивахъ армянскихъ сказокъ [1].

Проф. Г. А. Халатіанца.

Народная литература армянъ мало изслѣдована. Между тѣмъ какъ историческая ихъ литература пользуется, и вполнѣ заслуженно, вниманіемъ спеціалистовъ З. Европы, а появляющійся ежегодно рядъ переводовъ и монографій на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ болѣе и болѣе утверждаетъ за ней научное значеніе,—литература народная остается почти въ совершенной неизвѣстности. Богатая прекрасными сказками, пѣснями и всякаго рода эпическими преданіями и космогоническими сказаніями, она представляетъ обширное поле для любопытныхъ изслѣдованій, будетъ ли то въ области исторіи литературы, этнографіи или филологіи. Интересъ изученія народной армянской литературы еще болѣе увеличивается въ научномъ отношеніи при сравненіи нѣкоторыхъ ея отдѣловъ съ однородными же отдѣлами у другихъ народовъ. Я говорю о *сказкахъ*. И дѣйствительно, близкое знакомство съ армянскими сказками показываетъ такое поразительное сходство съ подобными же преданіями, напр., у славянъ, нѣмцевъ,—сходство въ подробностяхъ, деталяхъ, мелочахъ, что невольно задаешься вопросомъ: какъ это у народовъ, между собою столь разъединенныхъ, могутъ существовать подобныя сходныя черты? На берегахъ Ванскаго озера можно услышать тѣ же сказки съ тѣми же подробностями, что и у береговъ Волги и Дуная! При этомъ любопытно замѣтить, что нѣкоторыя изъ армянскихъ сказокъ, какъ и многія изъ восточныхъ, по содержанію и нѣкоторымъ подробностямъ являются иногда, повидимому, болѣе древними, какъ бы древней редакціей одной и той же сказки, встрѣчаемой у многихъ западно-европейскихъ народовъ...

---

[1]) Настоящая статья заимствована изъ изслѣдованія проф. Г. А. Халатьянца „Общій очеркъ народныхъ армянскихъ сказокъ“, помѣщеннаго въ I выпускѣ „Сборника матеріаловъ по этнографіи“, издававшагося при Дашковскомъ этнографическомъ музеѣ.

О чудовищныхъ змѣяхъ и вишапахъ.

Персидское сказаніе передаетъ, будто, послѣ неудачнаго нападенія на царство Ормузда, совершоннаго Ариманомъ во главѣ всѣхъ своихъ дэвовъ, послѣдній долженъ былъ бѣжать и, въ видѣ дракона, бросился съ неба на землю. Отсюда можно заключить, что драконъ представлялся народомъ, какъ бы олицетвореніемъ злого начала—Аримана. И дѣйствительно, въ миѳическихъ преданіяхъ и сказкахъ драконъ является злымъ существомъ и жестокимъ истребителемъ человѣческаго рода. Поклоненіе этому чудовищу было особеннымъ культомъ, распространеннымъ въ древней Мидіи и въ сосѣднихъ съ ней странахъ. По словамъ одного армянскаго историка, въ одной изъ восточныхъ областей Арменіи еще въ IV вѣкѣ по Р. Х. поклонялись двумъ «почернѣвшимъ вишапамъ» (драконамъ), которымъ приносились въ жертву цѣломудренныя дѣвы [1]). Замѣчательно, что это представленіе о драконѣ или вишапѣ сохранилось въ армянскихъ сказкахъ до нашихъ дней. По армянскимъ сказкамъ, вишапы вообще злы и кровожадны; они очень падки на человѣческое мясо и потому постоянно стерегутъ у источниковъ приходящихъ за водою красивыхъ дѣвушекъ. Цѣлый рядъ сказокъ подробно описываетъ, какъ эти вишапы сидятъ у источника, какъ они позволяютъ брать воду только по предоставленіи имъ цѣломудренной дѣвушки, какъ, откуда ни возьмись, является сказочный герой, убиваетъ вишапа своимъ *мечомъ-молніей* и спасаетъ народъ отъ страшнаго чудовища.

Такъ, въ одной сказкѣ оставленный своими братьями младшій царевичъ, очутившись въ подземномъ царствѣ или «царствѣ мрака», узналъ, что жители его ужасно страдаютъ отъ безводицы. Оказалось, что у нихъ одинъ только источникъ, и имъ овладѣлъ страшный драконъ; каждый божій день везутъ ему на съѣденіе по цѣломудренной дѣвѣ, и тогда уже онъ позволяетъ брать воду. Какъ только онъ съѣлъ свою жертву, опять закроетъ источникъ. Въ этотъ день, оказалось, была очередь за царскою дочерью; и въ самомъ дѣлѣ, царевичъ услышалъ шумъ и вскорѣ замѣтилъ, какъ повели красавицу-царевну къ дракону. Царевичъ не вытерпѣлъ: взялъ опоясалъ себя мечомъ-молніей, пошелъ къ источнику и сказалъ царевнѣ: «позволь, красавица, положить мнѣ голову къ тебѣ на колѣни и заснуть; ты не бойся дракона: когда онъ придетъ, разбуди меня,— я избавлю тебя отъ него!» И заснулъ. А драконъ съ раскрытою пастью, вертя хвостомъ и шипя, спѣшитъ къ дѣвицѣ. Отъ страха у нея отнялся языкъ, и она заплакала: горячія слезы скатились на щеку царевича. Тотъ проснулся, соскочилъ съ своего мѣста, видитъ — драконъ ужъ успѣлъ проглотить царевну до колѣнъ. Онъ обнажилъ «мечъ-молнію» и далъ дракону совсѣмъ проглотить дѣвицу вмѣстѣ съ волшебнымъ мечомъ; драконъ-то былъ разсѣченъ на двѣ половины и издохъ, а царевна вышла изъ его чрева, какъ ни въ чемъ не бывала. (срав. сказку о Еруcланѣ, по списку Ундольскаго, также борьбу Рустема съ *дракономъ. Mohl, Livre des rois*, I, pp. 404—430).

Слѣдуетъ замѣтить, что романическія преданія въ славянскихъ и романскихъ сказкахъ о змѣяхъ, находящихся въ интимныхъ сношеніяхъ съ царицами или царевнами и преслѣдуемыхъ сыномъ или братомъ послѣднихъ, не чужды

[1]) См. у *Н. О. Эмина*—Очеркъ религіи и вѣрованій языческихъ армянъ, Москва, 1864.

и армянскимъ сказкамъ. Русскіе знаютъ сказку «Объ Иванѣ-Богатырѣ, крестьянскомъ сынѣ», въ которой сестра (или мать богатыря влюбляется въ Змѣя-Горыныча и помощью своего возлюбленнаго старается погубить брата [1]) Послѣдній исполняетъ всѣ прихоти мнимобольной сестры своей—надоить молока отъ волчицы, медвѣдицы и львицы и т. п. и, убѣдившись наконецъ въ злыхъ замыслахъ ея, убиваетъ змѣя, а сестру осуждаетъ на тяжкое покаяніе. Сказка эта извѣстна и другимъ славянамъ — словакамъ, хорутанамъ; ее знаютъ и валахи, коихъ редакціи приведены у Аѳанасьева [2]). Любопытно, что армянская сказка «Мать-измѣнница» сходна съ валашской «*Флоріану*» до мельчайшихъ подробностей, между тѣмъ какъ съ другими редакціями той же сказки она нѣсколько расходится. Правда, напечатанный списокъ армянской сказки умалчиваетъ о рожденіи богатыря (Флоріану) изъ волшебныхъ *цвѣтовъ*; но въ ней подробно передается вся вторая часть. Впрочемъ, у меня записанъ варіантъ сказки «Мать-измѣнница», въ которой герой рождается отъ краснаго *бисера*, проглоченнаго дѣвицею, отъ чего она и забеременѣла.

О дэвахъ.

Вслѣдъ за драконами слѣдуетъ упомянуть дэвовъ — одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ мотивовъ армянскихъ сказокъ. Можно сказать, что нѣтъ сказки миѳологическаго содержанія, въ которой не играли бы они какой-нибудь роли.

Извѣстно изъ миѳологіи восточныхъ народовъ, что дэвъ (санскр. *дэва*, авест. даэва, перс. *дивъ*, арм. *дэвъ*) былъ существо невидимое — духъ, который у древнихъ индусовъ является добрымъ, а въ ученіи Зороастра — злымъ. На религіозныя вѣрованія армянъ несомнѣнно имѣло вліяніе ученіе Зороастра, вслѣдствіе этого, вѣроятно, дэвъ еще въ древнѣйшихъ армянскихъ преданіяхъ представляется злымъ духомъ, борющимся противъ всего добраго. Но въ послѣдующія эпохи это представленіе о злыхъ духахъ-дэвахъ замѣтно измѣнилось, что явствуетъ изъ цѣлой серіи народныхъ сказокъ. Это—не духъ безтѣлесный, безсмертный, а полудемонъ и получеловѣкъ, т.-е. нечистый духъ въ образѣ гиганта, исполина, нерѣдко снабженнаго нѣсколькими головами. Онъ подлежитъ смерти; даже человѣкъ можетъ его убить, обмануть, устрашить. Онъ живетъ въ подземномъ царствѣ или царствѣ мрака, иногда въ пещерахъ высокихъ горъ и въ чащахъ дремучихъ лѣсовъ. Онъ постоянно является обладателемъ неисчерпаемыхъ богатствъ—золота, серебра, самоцвѣтныхъ камней, похитителемъ прекрасныхъ дочерей царскихъ. Въ его садахъ, у источника *живой воды*, растутъ *моложавыя яблоки и арбузы*. Въ его волшебныхъ замкахъ обитаютъ *чудныя золотыя птицы* и *огненные кони* и *буйволы*, въ мигъ облетающіе всю вселенную. И все это представляется захваченнымъ, унесеннымъ у царей и богатырей, которые въ свою очередь проводятъ много лѣтъ надъ истребленіемъ злыхъ дэвовъ и возвращеніемъ своего добра.

Почти такое же представленіе о *дэвѣ* даютъ и мингрельскія и грузинскія

---

1) *Аѳанасьева*, вып. VI, № 52 в. Также ср. вып. V, №№ 27 и 28, и вып. VI, №№ 51, 53.
2) *Аѳан.*, вып. VIII, стр. 380—389.

сказки (дэвъ—груз. *дэви* или *мдэви*, мингр. *дэми*), въ которыхъ вообще много сходныхъ чертъ и мотивовъ съ армянскими сказками (*Мингрельск. Этюды А. Цагарели*, вып. I, сказка II и друг.). Встрѣча съ *дивами* и борьба съ ними составляетъ излюбленный мотивъ также въ персидскомъ эпосѣ; самымъ страшнымъ между ними былъ *бѣлый* дивъ, который былъ убитъ персидскимъ богатыремъ Рустемомъ [1]).

Любопытно замѣтить, что, похитивъ какую-нибудь царевну, дэвъ постоянно остается ея вѣрнымъ слугою. Онъ весь вѣкъ старается угодить красавицѣ, которая поперемѣнно задаетъ ему самыя замысловатыя задачи, какъ-то: достать ей серебряную мышь и серебряную кошку, золотого пѣтуха и золотую лисицу и т. п., и чтобы всѣ они были живые, постоянно бѣгали другъ за другомъ и никогда бы не перегоняли другъ друга. Такими порученіями занимаетъ царевна дэва до тѣхъ поръ, пока какой-нибудь богатырь или вѣдьма какая не погубятъ его и не освободятъ красавицу.

Въ одной сказкѣ младшій царевичъ, гнавшійся за похитителемъ «яблока безсмертія» (моложавыя или молодильныя яблоки русскихъ сказокъ), пришелъ по его слѣдамъ къ глубокой ямѣ. Онъ спустился внизъ и пошелъ искать его тамъ. Вдругъ царевичъ замѣтилъ какую-то дверь, отворилъ и видитъ — лежитъ чудовищный дэвъ, положивъ голову на колѣни чудной ненаглядной дѣвицы и спитъ. Дѣвица вышиваетъ что-то, а предъ ней на золотой доскѣ играетъ золотая кошка съ золотою мышкой. Красавица замѣтила царевича и говоритъ: «ты, земнородный, какъ пробрался сюда, куда ни змѣй ползучій, ни птица пернатая не могли проникнуть? Уходи отсюда, не то проснется дэвъ и въ порошокъ изотретъ тебя».

Но, благодаря ловкости своей, царевичу удается убить этого дэва и еще двухъ другихъ, избавить томившихся у нихъ въ неволѣ ненаглядныхъ красавицъ, забрать все богатство и казну этихъ чудовищъ и вывести все въ страну вѣчнаго свѣта.

Въ русскихъ сказкахъ такого дэва часто замѣняетъ *Кощей*, не встрѣчающійся однако въ сказкахъ армянскихъ въ такой типичной формѣ. Съ *Кощеемъ* можно было бы сближать *Очо-кочи* (букв. козелъ-человѣкъ, въ смыслѣ—лѣсной человѣкъ, лѣшій) мингрельцевъ, *Лагсирдъ* — осетинъ и *Идэръ-Тарбо* — монголовъ [2]).—Однако, сохранивъ древнѣйшее представленіе о дэвѣ, армянскія сказки не чужды и *великановъ* славянскихъ и нѣмецкихъ сказаній. Одной изъ характерныхъ сказокъ, встрѣчаемой у нѣмцевъ, у романскихъ народовъ и почти у всѣхъ славянъ, есть сказка «о Летучемъ караблѣ» (иначе называемая «о семи Симеонахъ»), весьма сходная съ армянской сказкой о *Сновидцѣ* [3]). Въ армянской редакціи, какъ и во всѣхъ другихъ, являются тѣже великаны—*Объѣдало*, который разомъ ѣстъ хлѣбъ съ 7 мельничныхъ жернововъ и все кричитъ: мало, давай еще! *Опивало*, который втянетъ въ себя цѣлое озеро, и

---

1) *Mohl*, I, p. 402 и слѣд.

2) *Мингр. Эт.* I, стр. 46. *Осетинск. Этюды* В. Миллера, I, стр. 151. *Шидди-Куръ* русск. перев., сказка III.

3) *Аѳанасьевъ*, вып. V № 23, VI № 27, VII № 3, VIII, 9 и много другихъ. Объ этой сказкѣ у другихъ народовъ подробно сказано у *Аѳан.* вып. VIII, стр. 494—503.

все кричитъ: охъ, батюшки, умру я отъ жажды!.. *Скороходъ*, который одной ногой шагнетъ въ Хизанъ (село около Ванскаго озера), другой—въ Стамбулъ; великанъ, взваливщій на себя *весь міръ* и разгуливающій свободно; *Чуткій*, подслушивающій все, что ни говорятъ люди на свѣтѣ, и вся вереница чудовищныхъ гигантовъ, являющихся на помощь сказочному герою въ его опасныхъ предпріятіяхъ. Въ числѣ великановъ, армянскія сказки выводятъ своего *Орфея*. Послѣдній такъ очаровательно игралъ на своей свирѣли, что люди и звѣри, лѣса и горы—всѣ пускались въ пляску. Самъ царь, отказывавшій великану выдать за него замужъ свою дочь,—но измученный такой бѣшеной пляской, принужденъ исполнить его желаніе, чтобы только избавиться отъ него...

О чудномъ-золотомъ соловьѣ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ армянскихъ сказокъ считается «чудный золотой соловей», соотвѣтствующій жаръ-птицѣ русскихъ сказокъ. Съ нимъ связано множество любопытныхъ эпизодовъ, вносящихъ въ сказку разнообразіе и живѣйшій интересъ. Для сличенія, приведу нѣсколько мотивовъ изъ одной армянской сказки.

Жилъ былъ царь. Ему подъ старость захотѣлось имѣть во что бы то ни стало *чуднаго золотого соловья*.

Срядились всѣ три царевича въ путь и поѣхали за чудной птицей. Вотъ они пріѣхали къ распутью трехъ дорогъ. Явился къ нимъ старый странникъ и спрашиваетъ: куда это вы, царевичи, держите путь?—Да вотъ ѣдемъ добывать «чуднаго золотого соловья», а не знаемъ, какъ намъ ѣхать? Ежели итти вправо, сказалъ странникъ, вернуться назадъ можно; ежели по средней итти дорогѣ, наврядъ ли можно вернуться; а ужъ кому влѣво итти, тому совсѣмъ нѣтъ возврата: тотъ тамъ и погибнетъ.—Старшій царевичъ поѣхалъ вправо, второй—по средней дорогѣ, а младшій взялъ влѣво. Странникъ сжалился надъ младшимъ царевичемъ, который шелъ на вѣрную смерть, и научилъ, куда итти и какъ достать чудную птицу.

«Поѣдешь, сказалъ онъ, и недалеко отъ замка обладательницы чуднаго соловья увидишь ручей: волшебница навела порчу на этотъ ручей и сама не пьетъ изъ него; а ты выпей и скажи: «Ахъ, какая сладость, словно *вода безсмертія!*» Перейдешь ручей и увидишь цвѣтникъ, заросшій, по заговору той же волшебницы, терновниками и плевелами; а ты нарви, понюхай и скажи: «ахъ, какое благоуханіе, точно небесный цвѣтокъ!» Пройдя цвѣтникъ, увидишь—привязанъ по одной сторонѣ дороги волкъ, по другой—барашекъ: предъ первымъ лежитъ сѣно, предъ вторымъ—мясо; а ты возьми переложи мясо къ волку, сѣно къ барашку. Пройдя впередъ, ты увидишь, наконецъ, большія ворота: одна половина отворена, другая затворена; ты отвори затворенную половину и затвори отворенную. Все это нужно сдѣлать и расположить къ себѣ заколдованные ручей, цвѣтникъ, ворота, голодныхъ волка и барашка, чтобы они, привозвращеніи твоемъ уже съ чудной птицей, не причинили тебѣ никакого вреда».

Исполнивъ все сказанное странникомъ, царевичъ добрался, наконецъ, до покоевъ обладательницы птицы. Въ то время волшебница крѣпко спала, а соловей висѣлъ въ клѣткѣ у ея изголовья и разливался чудными голосами. Онъ взялъ клѣтку, поцѣловалъ дѣвицу въ уста и поѣхалъ назадъ. На обратномъ пути онъ нашелъ своихъ братьевъ, которые, завидуя удачѣ младшаго брата, отняли у него чудную птицу, самого бросили въ глубокую яму, (въ одномъ варіантѣ—выколовъ предварительно ему глаза) и повезли добычу свою къ царю. Но, къ ихъ удивленію, соловей какъ будто потерялъ блескъ своихъ перьевъ и совсѣмъ пересталъ пѣть, что очень огорчало царя. Между тѣмъ, слѣдомъ за похитителемъ соловья летитъ волшебница. Она прибыла въ царство, куда была доставлена золотая птица, побѣдила высланное противъ нея царское войско, заполонила самого царя и стала требовать выдачи похитителя. Выдававшіе себя за похитителей двое старшихъ царевичей, не съумѣвшіе доказать свое пребываніе въ замкѣ волшебницы, крѣпко наказаны. Тогда является какимъ-то чудомъ спасшійся младшій царевичъ. Волшебница признаетъ въ немъ настоящаго похитителя, прощаетъ ему смѣлую его выходку и выходитъ за него замужъ. Развеселился и соловей: перышки на немъ снова заблистали ярко, ярко, какъ солнце; и запѣлъ онъ такъ сладко, такъ пріятно, что, кажется, ни ѣсть, ни пить, а все сидѣть да любоваться.

Я намѣренно привожу эти подробности, чтобы можно было сличить ихъ съ прекрасными описаніями русскихъ сказокъ о «жаръ-птицѣ» или съ нѣмецкой сказкой о «золотой птицѣ», для доставленія которыхъ герою приходится преодолѣвать точно такія же препятствія и пройти чрезъ такую же обстановку, какую мы видимъ въ армянской сказкѣ. Какъ въ русской и нѣмецкой редакціяхъ, и въ армянской царевичъ, въ числѣ многихъ опасностей, попадаетъ къ вѣдьмѣ, которая, почуявъ присутствіе человѣка, приговариваетъ: «фу, тутъ пахнетъ человѣчьимъ мясомъ!» — типичное выраженіе, встрѣчаемое у русскихъ съ нѣкоторымъ измѣненіемъ («здѣсь пахнетъ русскимъ духомъ!») и буквально повторяемое въ преданіяхъ нѣмецкихъ и романскихъ [1]). Въ тѣхъ и другихъ человѣкъ обыкновенно перехитритъ или одурачитъ вѣдьму, которая во что бы то ни стало хотѣла отвѣдать человѣчьяго мяса. Если ужъ въ такихъ подробностяхъ сходятся армянскія сказки съ русскими и нѣмецкими, то тѣмъ менѣе надо удивляться, если мы находимъ одни и тѣ же преданія какъ у армянъ, такъ и у другихъ индоевропейскихъ народовъ о предметахъ, составляющихъ важнѣйшую принадлежность эпическаго сказанія, каковы: волшебный мечъ или «мечъ-молнія» (у русскихъ—мечъ-кладенецъ), «шапка-невидимка», чудодѣйственный коверъ, вещій конь, у котораго нужно выдернуть съ хвоста волосокъ и самого отпустить на волю, въ случаѣ же нужды, стоитъ только припалить волосъ на огнѣ, и конь явится въ мгновеніе ока.

---

[1]) См. также у *Буслаева*, Русск. Нар. Поэзія, стр. 32.

О живой водѣ и моложавыхъ яблокахъ.

Нельзя хоть вкратцѣ не упомянуть о «живой водѣ» и «молодильныхъ яблокахъ и арбузахъ»,—этихъ любимѣйшихъ мотивахъ эпическихъ преданій у всѣхъ индоевропейскихъ народовъ, варіируемыхъ весьма разнообразно.

Садъ съ моложавыми яблоками и ключомъ живой воды, по свидѣтельству армянскихъ преданій, охраняется дэвами и драконами, съ которыми сказочному герою приходится вести ожесточенную борьбу. Подробности о подвигахъ героя, о томъ, какъ ему помогаютъ вѣщій конь, или левъ, или орелъ, какъ, послѣ многихъ приключеній, удается ему убить чудовище и добыть живую воду и моложавыя яблоки, въ сущности тѣ же, что и въ славянскихъ и нѣмецкихъ сказкахъ. *О живой водѣ* ср. также въ персидскомъ эпосѣ (*Mohl*, II, pp. 66—117) и въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ — версіи Сванетская («Иверія», за 1887 г. № 214) и Пшавская («Иверія» за 1889 г., № 82). Для образчика приведу нѣсколько мотивовъ изъ армянскихъ сказокъ.

Выше было упомянуто о сказкѣ *Мать-измѣнница*, которая, находясь въ преступной связи со змѣемъ (или дэвомъ) и желая избавиться отъ сына, чтобы помѣхи не было ихъ любви, посылаетъ его въ дальніе края съ труднѣйшими порученіями, въ надеждѣ, что тотъ тамъ и погибнетъ. Между прочимъ, онъ долженъ былъ добыть ей *яблоки безсмертія*. Наученный доброй волшебницей, принимавшей въ немъ участіе, богатырь сѣлъ на коня и поѣхалъ. Долго ли, коротко ли ѣхалъ онъ, наконецъ видитъ издали замокъ, который словно жаръ горитъ. Наконецъ, богатырь вступилъ въ прекрасный садъ и сталъ искать между безчисленными яблонями одну, на которую, по словамъ волшебницы, взбирается обыкновенно семиглавый драконъ, охраняющій растущія на этомъ деревѣ *яблоки безсмертія*. Молодецъ, нашедъ завѣтное дерево, однимъ ударомъ снесъ всѣ 7 головъ заснувшему на немъ дракону. «Бей, молодецъ, еще разъ!» завопило чудовище.—«Нѣтъ, сказалъ богатырь, моя рука съ одного разу кончаетъ!» Нарвалъ яблоки и повезъ матери.

Еще съ бо́льшими опасностями сопряжено добываніе *воды безсмертія*, ибо отправляющійся за ней какъ разъ у самаго источника засыпаютъ 7 дней и 7 ночей, а въ это время выползаютъ змѣи, скорпіоны и всякіе гады и пожираютъ его. Богатырь спасся только благодаря взятымъ съ собою двумъ могущественнымъ львамъ, зачерпнулъ *живой воды* и благополучно вернулся домой.

Объ оборотняхъ.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на преданіяхъ объ оборотняхъ.

Вѣрованію въ оборотничество въ эпоху язычества, какъ извѣстно, придавалось большое значеніе. Колдунья наводитъ порчу на всѣ источники, и стоитъ только напиться изъ нихъ, какъ тотчасъ же превратишься въ то или другое животное. Извѣстная у русскихъ сказка *Царевичъ-Козленочекъ*, въ которой братъ, напившись изъ проклятаго вѣдьмой родника, оборачивается въ

козленочка, сходна съ армянской *Братецъ-Барашекъ* до мельчайшихъ подробностей. Двойникъ этой сказки существуетъ и у нѣмцевъ подъ названіемъ «Brüderchen und Schwesterchen». Эпическое преданіе, послужившее темой всѣхъ этихъ сказокъ, повторяется во многихъ разнообразныхъ варіаціяхъ.

Есть и другого рода оборотни, происходящіе отъ набрасыванія на себя волшебной шкуры того или другого животнаго. Любопытна армянская сказка о *прекрасной дѣвицѣ-газели*. Въ образѣ газели рыскала она по лѣсамъ, по доламъ и завлекала заблудившихся охотниковъ въ свой волшебный замокъ. Тутъ, незамѣтно для другихъ, она оборачивалась дѣвою, приглашала ихъ къ себѣ въ замокъ, поила ихъ, кормила и затѣмъ предлагала имъ помѣряться силами (по другимъ варіантамъ—играть въ шахматы). Кто будетъ побѣжденъ, тому сидѣть въ глубокой ямѣ. Но дѣвица-газель была не столько сильна, сколько хитра, и разными уловками и соблазнами удавалось ей побѣждать своихъ противниковъ и бросать ихъ въ яму,—мотивъ, напоминающій «Ирину—мягкую перину» русскихъ сказокъ, тоже обманомъ увлекавшую царевичей къ себѣ въ гости и запиравшую ихъ въ погребъ, или кавказскія сказанія о царицѣ Тамарѣ, заманивавшей молодыхъ витязей въ свой замокъ и затѣмъ ночью сбрасывавшей ихъ трупы въ Терекъ [1]). Такимъ образомъ дѣвица-газель обманула многихъ и въ томъ числѣ двухъ царевичей, которые сидѣли у нея въ ямѣ. Но младшій царевичъ былъ, какъ и во всѣхъ сказкахъ, счастливѣе своихъ братьевъ: онъ не поддался соблазнамъ коварной дѣвы, силою отнялъ у нея шкуру газели, въ которую она одѣвалась, сжегъ шкуру и спасъ братьевъ своихъ отъ неминуемой гибели. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ избавилъ дѣвицу навсегда отъ колдовства, превращавшаго ее въ животное.

Нѣчто подобное передается и въ персидскомъ эпосѣ, а именно—о встрѣчѣ героевъ Рустема и Исфендіара съ колдуньей, превращавшейся въ обворожительную красавицу и старавшейся соблазнять ихъ [2]).

Однимъ изъ любимѣйшихъ мотивовъ въ сказкахъ объ оборотняхъ считается у армянъ тотъ, по которому царевичъ-женихъ, заклятый враждебными силами, представляется днемъ въ образѣ животнаго (чаще змѣя), а по ночамъ принимаетъ настоящій свой видъ. При этомъ, о такомъ превращеніи невѣста его не должна говорить никому. Но, слѣдуя эпическому пріему, она какъ-то проговорилась, послѣдствіемъ чего является то, что она утрачиваетъ своего милаго и не прежде находитъ его, какъ истоптавъ пару желѣзныхъ башмаковъ и изломавъ чугунный посохъ. Но этимъ еще не кончаются ея испытанія. Женихъ находится въ союзѣ съ волшебницей; невѣста покупаетъ у послѣдней право пробыть три ночи съ ея мужемъ, заснувшимъ непробуднымъ сномъ, и лишь въ послѣднюю ночь удается ей вызвать его изъ чародѣйственнаго сна и бѣжать съ нимъ. Согласно опять-таки эпическому пріему, волшебница пускается въ погоню за бѣглецами, но чудодѣйственные гребень, камешекъ и зеркальце, превращавшіеся то въ дремучій лѣсъ, то въ крутыя горы, то въ широкое море-океанъ, даютъ возможность послѣднимъ избѣгнуть ея мести.

---

[1]) *Вс. Миллеръ*, Экскурсы въ область русск. народн. Эпоса, Москва, 1892 г., стр. 109.
[2]) *Mohl*, I, pp. 412—414, IV, pp. 405—407.

Приведенный мотивъ оборотничества не чуждъ и германскимъ и славянскимъ сказкамъ. Русскіе знаютъ сказку о *Фенистѣ ясномъ-соколѣ* [1]), весьма сходную съ армянской сказкой о *Молодцѣ-куропаткѣ*. Въ послѣдней, какъ и въ русской редакціи, возлюбленный дѣвицы молодецъ, превращаясь въ птицу, прилеталъ черезъ окно къ дѣвицѣ и тутъ, снова обратившись въ юношу, просиживалъ у нея всю ночь въ пріятной бесѣдѣ. Сестрицы дѣвушки, завидуя ея счастію, тайкомъ натыкали на ея окнѣ острые ножи и бритвы. Ночью прилетаетъ *молодецъ-куропатка* и сколько ни бился, никакъ не можетъ попасть въ комнату къ дѣвицѣ: только обрѣзалъ себѣ крылушки. Разгнѣванный за это и считая свою милую виновницей всей бѣды, онъ обрекаетъ ее на покаяніе. Но, какъ и въ русской сказкѣ, ей удается перенести наказаніе безропотно и соединиться со своимъ милымъ на вѣки. У нѣмцевъ существуетъ сказка о *свиной кожушкѣ*, въ которой царевичъ оборачивается свиньей. Другія подробности почти тѣ же, что въ армянской и русской редакціяхъ.

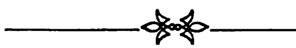
Севангскій островъ на о. Гокчѣ.

1) *Ազգ.* вып. VII, № 1, вып. VIII № 1.

Армянскія пословицы и поговорки.

Если боишься замочить ноги, не пробуй ловить рыбу.
Выбирая жену, гляди на нее глазами старца, а коня—юноши.
Одной рукой давай курамъ кормъ, а другой отбирай отъ нихъ яйца.
Лисицу спросили: кто твой свидѣтель?—отвѣчалъ—мой хвостъ.
Не обѣщай: дѣтямъ конфектъ, угодникамъ ладона и свѣчей.
Если-бы мужикъ не былъ осломъ, оселъ стоилъ-бы сто рублей.
Не тряси дерево, съ котораго уже плоды сняты.
Гость—оселъ домохозяйна.
Не вѣрь хромотѣ собаки.
Волкъ радъ непогодѣ.
Съ друзьями пируй, а не торгуй.
Пятница скорѣе субботы наступила.
Невѣста—ненадрѣзанный арбузъ.
Наставленія глупому—то же что мыло чернокожему.
Желудокъ волка—могила осла.
Плюютъ въ лицо нахала—онъ говоритъ—дождь идетъ.
Всякому своя забота верблюдъ.
Иному жизнь—желѣзо, иному—серебро.
Укравшій яйцо сведетъ и лошадь.
И въ Іерусалимѣ собаки есть.
Одной рукой нельзя рукоплескать.
Верблюда ложкой не напоишь.
Изъ-за блохи ковра не жгутъ.
Здоровье—султанство.
Проливной дождь долго не идетъ.
Боже! Кому далъ пловъ, кому аппетитъ?
Армянинъ не сядетъ, пока не устанетъ.
Хорошо, человѣку быть—зимою кошкой, лѣтомъ—собакой.
Много знаю пѣсенъ, жаль что голосомъ тѣсенъ.
Ворону спросили: кто лучше изъ птицъ? она отвѣчала—мой вороненокъ.
Сперва Змѣя кусаетъ отогрѣвшаго ее.
Юродивому каждый день масляница.
Одной рукой два арбуза не удержишь.
Одинъ цвѣтокъ весны не дѣлаетъ.
Чего хочетъ воръ?—темной ночи.
Гдѣ хлѣбъ, тамъ и оставайся, гдѣ вино, тамъ ужъ спи.
Дрались лошадь и мулъ, между ними околѣлъ оселъ.

Г. Л.



Слѣпые ашуги—(пѣвцы).

Замѣтки о новой армянской литературѣ.

I.

Параллельно съ распаденіемъ армянскихъ владѣній, шло и паденіе армянской словесности (см. выше статью Чобаніана), а особенно поэтическаго творчества. Послѣ XII вѣка въ литературѣ все меньше и меньше удѣляется мѣста поэзіи, пока, наконецъ, съ основаніемъ Венеціанскаго монастыря мхитаристовъ въ XVIII вѣкѣ (см. выше) она не возродилась на ложно-классическихъ основахъ. Трудами венеціанскихъ монаховъ были переведены произведенія классической и ложно-классической литературъ; ими же даны были первые образцы армянскаго псевдоклассицизма. Между венеціанскими поэтами особенно прославился Арсенъ Багратуни, написавшій громадную эпопею, въ подражаніе Иліадѣ и Одиссеѣ, подъ заглавіемъ «Гайкъ», прославляющую родоначальника армянской націи и созданную съ цѣлью пополнить пробѣлъ въ армянской литературѣ, и Гевондъ Алишанъ (портретъ см. выше), авторъ многочисленныхъ стихотвореній, изъ которыхъ «Соловей Аварайра» пользуется заслуженнымъ успѣхомъ. Но и этотъ стихотворецъ, въ свое время оказавшій сильное вліяніе патріотическими произведеніями на такихъ поэтовъ, какъ Бешикташлянъ, Дурьянъ, Патканьянъ, не могъ противостать общему теченію: почти всѣ его стихотворенія написаны на грапарѣ (старый книжный языкъ), а въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ онъ выходитъ изъ-подъ вліянія армянскаго ложно-классицизма, онъ дѣлается романтикомъ съ мистическимъ оттѣнкомъ; вотъ почему его стихотворенія, нѣкогда весьма популярныя и часто очень изящныя, въ настоящее время уже почти забыты. О недолговѣчности этого ложнаго направленія въ армянской поэзіи впервые заговорилъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Микаэлъ Налбандьянъ въ журналѣ «Сѣверное Сіяніе» по поводу перевода стихотвореній Ламартина сдѣланнаго Хореномъ Нарбеемъ-Галфаяномъ [1],. Пророчество Нал-

[1]) Архіеп. Хоренъ-Нарбей, поэтъ, ораторъ, былъ 2-мъ делегатомъ отъ турецкихъ армянъ на Берлин. конгр. (портретъ см. ниже).

бандьяна о близкой смерти стихотвореній на грапарѣ, служившемъ оболочкой древней и ложно-классической литературы, оправдалось: теперь стихотворенія на грапарѣ вовсе не пишутся, а если и пишутся, то не читаются.

Но есть у армянъ другой родъ поэзіи, чисто народной; можно съ увѣренностью утверждать, что эта поэзія никогда не прекращалась въ Арменіи (въ сборникѣ армянскихъ народныхъ пѣсенъ, изданномъ Алишаномъ, мы находимъ, наприм., пѣсню, относящуюся къ концу XIII вѣка, пѣсню изъ эпохи нашествія татаръ; есть тамъ и пѣсня начала XVII вѣка) и до сихъ поръ имѣетъ своихъ представителей—«ашуговъ» [1]).

Пѣсни ашуговъ являются переходною ступенью отъ старой армянской поэзіи (языческихъ пѣсенъ «випасановъ», средне-вѣковой и ложно-кассической поэзіи) къ современной, представителями которой являются поэты: о. Алишанъ, Р. Патканьянъ, С. Шах-Азисъ, М. Бешикташлянъ, П. Дурьянъ и др. И по формѣ, и по содержанію современная армянская поэзія находится въ связи съ пѣснями ашуговъ и представляетъ какъ бы высшую ступень ихъ развитія.

Ашуги нерѣдко отличаются замѣчательнымъ вдохновеніемъ: они сами слагають свои пѣсни и потомъ исполняютъ ихъ предъ народомъ, сопровождая пѣніе игрою на какомъ-нибудь струнномъ азіатскомъ инструментѣ (обыкновенно на «кяманчѣ», напоминающей скрипку). Пѣсни эти быстро расходятся по странѣ, перенимаются другими ашугами и, если нравятся народу, переживаютъ цѣлыя десятилѣтія. Далеко гремитъ слава талантливаго ашуга, и нерѣдко родители передаютъ дѣтямъ его имя, или, вѣрнѣе, его артистическій псевдонимъ, такъ какъ армянскій пѣвецъ обыкновенно придумываетъ себѣ новое, вымышленное имя, когда въ первый разъ выходитъ пѣть публично. Ашугъ—желанный гость повсюду; безъ него не обойдется ни свадьба [2]), ни народный праздникъ; но не смѣшить только или веселить гостей приходитъ ашугъ,—нѣтъ, какъ бандуристъ въ Малороссіи, онъ поетъ и о добромъ старомъ времени, и о грядущихъ лучшихъ дняхъ; поетъ онъ о соловьѣ, влюбленномъ въ розу, и о дѣвушкѣ, тоскующей вдали отъ своего милаго; объ удали лихого молодца, о дружбѣ, счастіи... И о чемъ только не поетъ вдохновенный ашугъ!? Значеніе ашуговъ въ народѣ поддерживается также тѣмъ, что нерѣдко среди нихъ встрѣчаются слѣпые, а всѣ народы всегда чувствовали уваженіе къ слѣпымъ пѣвцамъ, которые, не будучи

[1]) Такъ называются армянскіе народные пѣвцы. Ихъ можно раздѣлить на двѣ категоріи: восточныхъ и западныхъ. Къ послѣднимъ принадлежатъ народные пѣвцы Турецкой Арменіи. Здѣсь уже съ XII в. слагались и пѣлись пѣсни на народномъ языкѣ. Особенно богатъ народными пѣснями и пѣвцами XV-й вѣкъ (выдающіеся пѣвцы: Нахашъ и Тлгуранци). Въ XVIII в. были извѣстны двое эрзерумскихъ пѣвцовъ: Татуръ—пѣвецъ вина и Давидъ—пѣвецъ цвѣтовъ. На востокѣ же, т.-е. въ Русской и Персидской Арменіи, народная поэзія процвѣтала главнымъ образомъ въ XVIII в. и въ началѣ XIX в. Здѣсь прославились своими многочисленными и разнообразными пѣснями: Сайатъ-Нова, Азбаръ-Адамъ, Нирани, Ширинъ, Сайатъ, Дживани, Мискинъ-Бурджи, Туринджъ, Гурджи-Навэ, Кичигъ-Нова и др. Между ашугами мы встрѣчаемъ не мало духовныхъ лицъ и даже патріарховъ. Образецъ поэзіи ашуговъ см. II отдѣлъ „Айрикъ“ въ переводѣ Ѳ. Е. Корша..

[2]) Въ первой половинѣ настоящаго вѣка въ Эривани жилъ ашугъ Азбаръ-Адамъ. Онъ слагалъ пѣсни на армянскомъ, персидскомъ и татарскомъ языкахъ. Народъ такъ любилъ его, что, говорятъ, ни одна свадьба не обходилась безъ его присутствія. И къ его чести нужно замѣтить, что онъ одинаково принималъ приглашенія, какъ бѣдныхъ, такъ и богатыхъ.

въ состоянiи созерцать все окружающее, глубже вдумываются въ жизненные вопросы, создаютъ себѣ особенный внутреннiй мiръ и нерѣдко являются въ глазахъ толпы глубокомысленными мудрецами и учителями жизни.

Съ теченiемъ времени характеръ народнаго творчества сталъ мѣняться, и рядомъ съ прежней обличительно-дидактической и вообще болѣе серьезной поэзiей (хотя и въ ней, наприм. въ древнихъ Гохтанскихъ пѣсняхъ, встрѣчались жизнерадостные мотивы) появилось новое, болѣе мирное и безобидное направленiе, стремившееся исключительно воспѣвать жизнь и ея утѣхи, счастiе, любовь, прекрасные глаза, роскошные пиры, искрометное вино и т. д. Но это, конечно, путь очень ненадежный, и, не имѣя настоящаго таланта, легко сбиться на банальныя фразы и шаблонные прiемы, выбирая единственнымъ сюжетомъ своихъ пѣсенъ восхваленiе какой-нибудь красавицы или изображенiе обильнаго и веселаго пиршества. Многiе изъ новѣйшихъ ашуговъ, дѣйствительно, попавъ на этотъ путь, лишили свои произведенiя оригинальности и искренности, такъ какъ все, о чемъ пѣли они, казалось толпѣ уже раньше слышаннымъ, знакомымъ. И такiя произведенiя никогда не жили долго въ народѣ, скоро забывались или замѣнялись другими.

Но и въ наше время, а въ особенности въ прошломъ столѣтiи, на ряду съ этимъ пониженiемъ уровня народнаго творчества, можно отмѣтить въ исторiи народной поэзiи не мало именъ, поддерживавшихъ прежнюю славу армянскихъ ашуговъ; съ одной стороны, подчасъ слышались пѣсни въ стилѣ древнихъ языческихъ рапсодовъ; съ другой стороны, являлись талантливые представители новаго направленiя, оставившiе послѣ себя дѣйствительно искреннiе и необыкновенно изящные образцы мечтательныхъ и эротическихъ стихотворенiй, писанныхъ, такъ сказать, въ духѣ азiатскаго сантиментализма и романтизма; были, наконецъ, ашуги, соединявшiе оба вида поэзiи.

Замѣтимъ кстати, что у ашуговъ существуетъ обычай, который оказалъ важную услугу изслѣдователямъ и собирателямъ армянской народной поэзiи,—а число ихъ пока еще, къ сожалѣнiю, очень ограничено,—при собиранiи отдѣльныхъ поэтическихъ произведенiй; обычай этотъ состоитъ въ томъ, что всѣ свои произведенiя или только лучшiя изъ нихъ, ашуги записываютъ обыкновенно въ такъ называемые «давтары»,—что-то въ родѣ записныхъ книжекъ, находящихся повсюду съ ними. Благодаря этимъ давтарамъ, многiя пѣсни, которыя, разумѣется, могли бы безслѣдно исчезнуть въ толпѣ, сохранились въ своемъ первобытномъ видѣ для потомства; только напѣвъ ихъ, по большей части, остается для насъ неизвѣстнымъ. Просматривая эти давтары, куда разные ашуги заносили свои поэтическiя произведенiя, мы можемъ найти въ нихъ немало истинныхъ жемчужинъ восточной поэзiи, а имена ашуговъ, которыя мы узнаемъ при этомъ случаѣ (обыкновенно, по заведенному обычаю, пѣсня заканчивается указанiемъ на личность автора), смѣло могутъ быть поставлены рядомъ съ именами многихъ извѣстныхъ поэтовъ Персiи и вообще Востока. И до сихъ поръ почти каждая армянская провинцiя гордится именами нѣсколькихъ знаменитыхъ ашуговъ, которыхъ самъ народъ отличаетъ отъ многочисленной толпы заурядныхъ и безцвѣтныхъ пѣвцовъ.

Но между знаменитыми ашугами есть одинъ, пѣсни котораго выдѣляются

и разнообразіемъ мотивовъ, и истинно поэтическими красотами въ восточномъ стилѣ: это—ашугъ Сайатъ-Нова, имя котораго въ былое время было окружено ореоломъ неподражаемаго пѣвца и непобѣдимаго импровизатора [1]). Пѣсни его и въ настоящее время не сходятъ съ устъ народа и ашуговъ, а благодаря тому, что были напечатаны, онѣ сдѣлались доступными и читающей публикѣ. Подобно многимъ ашугамъ и Сайатъ-Нова вышелъ изъ ремесленниковъ (онъ былъ плотникомъ; Азбаръ-Адамъ, наприм., сапожникомъ; Нирани или Шахри былъ золотыхъ дѣлъ мастеромъ). Рѣшивъ сдѣлаться ашугомъ, онъ сначала долгое время упражнялся въ импровизаціи, пѣніи и игрѣ на кяманчѣ. Затѣмъ онъ покидаетъ свой домашній очагъ и идетъ ко двору грузинскаго царя Ираклія, покровителя искусства и страстнаго любителя народныхъ пѣсенъ. Здѣсь Сайатъ-Нова скоро выдвинулся, благодаря своей наружности, чарующему голосу и разнообразнымъ сюжетамъ и мотивамъ своихъ импровизацій и пѣсенъ.

Любовь въ пѣсняхъ Сайатъ-Нова занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. «Если я не увижу тебя цѣлую недѣлю,—обращается онъ въ одномъ мѣстѣ къ своей возлюбленной, — я разорву струны моей кяманчи». — Любовь кажется ему главной цѣлью существованія; безъ любви жизнь безцвѣтна, и ради нея онъ готовъ на всѣ лишенія. «Я готовъ отдать свою жизнь за твою нѣжную руку, — говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — и спать на твердыхъ камняхъ, но только у твоей двери».

При всемъ этомъ онъ, однако, отнюдь не признаетъ себя рабомъ любимой дѣвушки; нѣтъ, онъ и свою любовь цѣнитъ очень высоко: «милая дѣвушка,—поетъ онъ,—знай, что моя любовь можетъ дать тебѣ вѣчное блаженство». Весьма оригинально также одно мѣсто его стихотворенія, гдѣ онъ выражаетъ желаніе умереть въ одно время съ плѣнившей его красавицей: «если ты захочешь перейти въ царство смерти, я готовъ умереть съ тобою; а послѣ насъ пускай хоть весь міръ разрушается, и всѣ люди умираютъ съ голода и гибнутъ».

Рядомъ съ этимъ направленіемъ въ пѣсняхъ Сайатъ-Нова обнаруживается иногда и серьезное міросозерцаніе, которое становилось все искреннѣе и понятнѣе по мѣрѣ того, какъ онъ приближался къ преклоннымъ лѣтамъ. Въ эпоху бурной жизни и непрерывныхъ возбужденій онъ въ одномъ произведеніи задумывается надъ постоянными контрастами, которые представляетъ намъ жизнь: свадьба и рядомъ погребеніе; веселые разговоры и покаянные псалмы; пѣсни о любви и наслажденіи и смиренные мотивы. Все это чередуется въ жизни. Какой же путь надо избрать человѣку. Нужно ли ему наслаждаться или вѣчно каяться въ грѣхахъ? И Сайатъ-Нова приходитъ къ тому заключенію, что не нужно ни угождать чрезмѣрно тѣлу, ни заботиться объ одной только душѣ,—нужно избрать золотую средину, «одинаково заботясь какъ о тѣлеспой, такъ и о духовной своей природѣ».

Съ теченіемъ времени роль учителя жизни, руководителя народныхъ вкусовъ и интересовъ стала казаться ему столь же заманчивою, какъ роль трубадура и любимца придворныхъ красавицъ. «Онъ самъ называетъ себя въ одномъ

[1]) Онъ жилъ и умеръ въ XVIII в., въ Грузіи; его настоящее имя—Арутюнъ.—Поэтической дѣятельности Сайатъ-Нова посвящена небольшая, но содержательная статья Артура Лейста.

стихотвореніи «учителемъ народа», «столяромъ, стругающимъ шероховатое дерево, чтобы выпрямить и очистить его». Онъ обращается къ народу съ нравственными совѣтами и наставленіями: «Хотя бы ты достигъ такой мудрости, что зналъ бы число звѣздъ на небѣ, твои старанія и труды всѣ будутъ тщетны, если они направлены къ дурнымъ цѣлямъ»,—говоритъ онъ въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній.

Постепенно пессимистическое направленіе взяло въ немъ верхъ—онъ сталъ думать о суетѣ всего мірского и послѣ блестящей и неспокойной жизни удалился отъ міра. Онъ поступилъ монахомъ въ армянскій Ахпатскій монастырь и провелъ тамъ цѣлыхъ 20 лѣтъ, повидимому, забывъ обо всемъ, что дѣлалось на свѣтѣ. Но вотъ однажды въ тихой обители пронесся слухъ, что въ Тифлисѣ появился новый пѣвецъ, который плѣняетъ всѣхъ своимъ талантомъ. Зависть и самолюбіе вспыхнули въ душѣ стараго ашуга; мысль, что онъ, когда-то любимецъ народа, прекрасныхъ женщинъ и царя Ираклія, замѣненъ теперь новымъ пѣвцомъ, привела его въ сильное волненіе. И, взявъ свою старую кяманчу, онъ, не говоря никому ни слова, отправился въ Тифлисъ и вызвалъ соперника на поэтическое состязаніе; опять стоялъ онъ, теперь уже старый и искушенный жизнью, въ тѣхъ палатахъ, гдѣ нѣкогда одержалъ свои первыя побѣды. Его годы не помѣшали ему и онъ снова одержалъ побѣду, послѣднюю въ своей жизни, надъ новымъ пѣвцомъ.

Затѣмъ онъ вернулся въ монастырь, гдѣ рѣшилъ мирно окончить свои дни. Но ему не суждено было быть погребеннымъ въ стѣнахъ Ахпатской обители: въ 1795 г. произошло страшное вторженіе персидскихъ полчищъ, подъ начальствомъ свирѣпаго Ага-Магометъ-хана, въ Грузію. Сайатъ-Нова поспѣшилъ въ Тифлисъ, чтобы позаботиться объ участи своей семьи, но во время одной изъ схватокъ на тифлисскихъ улицахъ онъ былъ убитъ персидскими солдатами и кончилъ жизнь въ борьбѣ, среди всеобщаго разрушенія и гибели.

Хотя въ настоящее время ашуги и встрѣчаются рѣже, но они пользуются такимъ же почетомъ и уваженіемъ, какъ и ихъ предшественники. Типичнымъ представителемъ современныхъ ашуговъ по справедливости считается наиболѣе популярный и даровитый изъ нихъ — Дживани [1]). Ужъ болѣе тридцати лѣтъ, какъ онъ съ громаднымъ успѣхомъ подвизается на этомъ поприщѣ, и его пѣсни, проникнутыя истиннымъ поэтическимъ вдохновеніемъ, распѣваются не по одному только Закавказью, но и вездѣ, гдѣ еще сохранилась у армянъ любовь къ роднымъ пѣснямъ. И не только простой народъ, но и интеллигентный классъ распѣваетъ его пѣсни и увлекается ими, видя въ нихъ искреннее выраженіе народныхъ чувствъ и думъ. Пѣсни Дживани появляются даже въ учебникахъ и періодическихъ изданіяхъ, а нѣкоторыя изъ его пѣсенъ, былинъ и сказокъ по нѣскольку разъ появлялись въ печати отдѣльными изданіями. Характеръ его пѣсенъ, какъ и большей части современныхъ намъ ашуговъ, нѣсколько иной, чѣмъ у ихъ предшественниковъ: теперь значительное мѣсто удѣляется политическимъ

[1]) Онъ родился въ 1846 г. Въ 1865 г. посвятилъ себя дѣятельности ашуга. Не въ примѣръ другимъ ашугамъ онъ въ своихъ пѣсняхъ строго придерживался родного, армянскаго языка. Живя постоянно въ Александрополѣ, онъ разъѣзжаетъ и поетъ по всему Закавказью.

событіямъ, общественнымъ интересамъ, національному вопросу и даже злобѣ дня. Дарованіе турецкимъ армянамъ конституціи въ 60-хъ годахъ, патріотическая дѣятельность Айрика, Нерсеса Варжапетьяна и другихъ дѣятелей, Русско-Турецкая война и героическіе подвиги доблестныхъ генераловъ-армянъ, важнѣйшія событія въ общественной и политической жизни, даже совершившіяся и совершающіяся на нашихъ глазахъ избіенія армянъ въ Турціи и переселеніе ихъ въ чужіе края—все это нашло откликъ въ чуткихъ сердцахъ ашуговъ [1], и въ простыхъ, задушевныхъ пѣсняхъ ихъ сдѣлалось достояніемъ всего армянскаго народа.

Кромѣ того ашуги нерѣдко перекладываютъ на музыку и поютъ не однѣ только свои пѣсни, но и стихотворенія армянскихъ поэтовъ—Патканьяна, Шахъ-Азиза и др. Еще недавно, какъ нельзя болѣе ясно, обнаружилась эта связь между безыскусственной и искусственной поэзіей: въ апрѣлѣ 1892 г., когда въ Москвѣ торжественно праздновался юбилей поэта Шахъ-Азиза, среди множества привѣтствій была, между прочимъ, получена слѣдующая телеграмма изъ Александрополя: «Воспѣвая на нашихъ лирахъ чудныя пѣсни Шахъ-Азиза, благословляемъ его и его вдохновенную лиру. Слѣпые ашуги: Амбарцумъ, Антонъ, Гарекинъ, Еруандъ, и ашуги: Бикечьянцъ и Мушегъ».

II.

Въ началѣ 90-хъ годовъ армянская литература сразу обогатилась нѣсколькими отдѣльными изданіями стихотвореній. Такъ, въ короткій промежутокъ времени появились отдѣльными изданіями стихотворенія А. Цатурьяна, Леренца, О. Туманянца, Д. Балугьяна, Сринга, Моджоряна, Терланяна и другихъ лицъ. Не всѣмъ имъ, конечно, уготовлено мѣсто на Парнасѣ. Но, между этими начинающими печататься молодыми поэтами нѣкоторые, дѣйствительно, обладаютъ самобытнымъ и незаурряднымъ поэтическимъ даромъ.

Эти-то молодые поэты вмѣстѣ съ появившимся раньше ихъ О. Ованнесяномъ и положили, собственно, основаніе новѣйшей армянской поэзіи [2]).

Изъ представителей новѣйшей армянскои поэзіи на сей разъ остановимся на Ов. Туманянцѣ. О. Туманянцъ представляетъ оригинальное явленіе между армянскими поэтами. Тогда какъ въ произведеніяхъ послѣднихъ субъективная лирика занимаетъ преобладающее мѣсто, его поэзія носитъ описательно-повѣствовательный, эпическій характеръ. Даже въ чисто-лирическихъ его стихотвореніяхъ высказывается наклонность къ описанію и повѣствованію. Чувству любви, этому излюбленному мотиву лириковъ, у Туманянца удѣлено очень мало мѣста; сюжеты субъективнаго характера не очень занимаютъ автора; не вдохновляютъ его и общественные вопросы. Только изрѣдка какое-нибудь элегическое настроеніе охватитъ все его существованіе, и онъ въ нѣсколькихъ строкахъ вы-

---

[1]) См. отдѣлъ II, стр. 132—133.

[2]) Представителями новой арм. поэзіи должны считаться, прежде всего, Алишанъ, Бешикташлянъ, Дурьянъ, Патканьянъ, Налбандянъ и Шахъ-Азизъ.

плачетъ свое горе, но и то какъ-то вяло и не тепло: имъ всегда недостаетъ той оригинальности и задушевности, безъ которыхъ лирическія стихотворенія остаются безцвѣтными.

Зато природѣ и ея красотѣ Туманянцъ удѣляетъ очень много мѣста. Онъ истинный сынъ природы: онъ любитъ ее, понимаетъ ее, восхищается ею, воспѣваетъ ее, въ ней находитъ онъ утѣшеніе въ своихъ горестяхъ и съ нею онъ дѣлится своею радостью. Сколько красотъ, сколько чудныхъ, чарующихъ взоръ подробностей находитъ въ ней! И какъ онъ просто описываетъ и восхищается! Вотъ онъ съ тоской подходитъ къ горнымъ вершинамъ, покрытымъ туманомъ, и имъ хочетъ повѣдать о своей грусти и слезахъ. Этимъ стихотвореніемъ, озаглавленнымъ «Введеніе», онъ начинаетъ одинъ изъ своихъ сборниковъ стихотвореній. Онъ можетъ считаться его profession de foi. То ему хочется слиться съ природой, то быть молніей и постичь тайну природы. Звѣзды напоминаютъ ему давно минувшее, лѣтній вечеръ наполняетъ его душу тишиной и нѣгой; сравненія, воспоминанія, вкусы—все у него связано съ природой. Поэтъ съ нею сжился и потому ему въ ней все мило, все его привлекаетъ, и онъ не прочь опоэтизировать малѣйшія явленія и картины ея. Особенно ему удаются описанія красотъ горной природы, то причудливо-фантастической, то грозной и внушительной, въ обоихъ случаяхъ производящей неотразимое впечатлѣніе на наше воображеніе. Это и понятно, когда авторъ является уроженцемъ такой мѣстности, какъ Лори, издавна славящейся своими живописными горами и чуднымъ ландшафтомъ.

Подобно всѣмъ пѣвцамъ, выросшимъ на лонѣ природы, подобно Кольцову, Бернсу и другимъ народнымъ поэтамъ, Туманянцъ любитъ олицетворять природу. Возьмемъ, напримѣръ, отрывокъ изъ поэмы «Утро въ Таронѣ». Онъ такъ описываетъ горы: «Стоятъ горы-громады и, какъ бы во снѣ, съ тихою молитвой обращаются вверхъ, къ небу». Въ другомъ мѣстѣ описывается весна въ Таронѣ: «Пришла весна, распростерла крылья надъ полями и угнала на вершины горъ холодную зиму Арменіи». Иногда эти горы, ущелья, долины говорятъ, двигаются, преслѣдуютъ... Въ такомъ духѣ написана, напр., вся поэма «Лорійскій Сако».

Нужно отдать ему справедливость: онъ всегда умѣетъ разнообразить свои описанія, умѣетъ находить все новыя и новыя красоты въ явленіяхъ природы, хотя бы ему приходилось описывать ихъ не разъ. Онъ, по преимуществу,—художникъ-колористъ.

Чтобы дать хоть малѣйшее понятіе о стихотвореніяхъ O. Туманянца, я позволю себѣ привести здѣсь стихотвореніе «Концертъ» въ переводѣ молодого русскаго поэта К. Бальмонта, сдѣланномъ имъ для предполагавшагося второго тома сборника «Армянскіе беллетристы» [1]):

Съ горныхъ высей стремится ручей,
Ниспадая, о камни онъ бьется,
И журчитъ, и ворчитъ, и смѣется,
И звенитъ подъ сіяньемъ лучей.

—

[1]) Первый томъ „Армянскихъ беллетристовъ“ вышелъ въ 1893 г. подъ редакціей Юрія Веселовскаго и автора этой статьи.

Сочетанію радостныхъ звуковъ
Лѣсъ кругомъ слабый отзвукъ даетъ;
Такъ старикъ еле внятно поетъ,
Слыша звонкое пѣніе внуковъ.

—

Но безмолвствуетъ вѣчный утесъ;
Наклонившись громадой угрюмой,
Онъ охваченъ загадочной думой,
Онъ исполненъ невѣдомыхъ грезъ...

—

Очень хороши у Туманянца также и стихотворенія въ народномъ духѣ, напримѣръ, «Пѣсня плуга», по своему умиротворяющему и задушевному тону болѣе похожая на молитву пахаря. Сохраненныя здѣсь народныя слова и выраженія придаютъ цѣлому особый колоритъ, необходимый для такихъ пѣсенъ. Но поэтъ иногда злоупотребляетъ этими провинціализмами, почему нѣкоторыя строфы поэмы трудно понимаемы. Вообще нужно замѣтить, что форма, внѣшность произведеній Туманянца оставляютъ желать лучшаго: его богатому языку недостаетъ силы и изящества; при разнообразіи размѣровъ стиховъ, они страдаютъ невыдержанностью и бѣдностью риѳмовки. Однако было бы ошибочно искать центръ тяжести поэзіи Туманянца въ его мелкихъ стихотвореніяхъ: эпосъ—вотъ его настоящее призваніе. Всѣ его мелкія описательныя вещицы, намъ кажется, не что иное, какъ этюды и наброски художника для его большихъ картинъ, поэмъ и балладъ. И нужно притомъ замѣтить, что вѣдь собственно это первые шаги искусственной эпической поэзіи въ армянской литературѣ. Если не считать поэта Алишана, поэмы котораго при всѣхъ своихъ достоинствахъ въ настоящее время уже не удовлетворяютъ нашимъ вкусамъ и понятіямъ, армянская литература очень бѣдна поэмами и балладами; дидактическая поэма «Скорбь Леона», соч. С. Шахъ-Азиза, кое-что у Р. Патканьяна, двѣ-три поэмы новѣйшихъ поэтовъ — вотъ почти все, что есть эпическаго въ новой армянской литературѣ.

У Туманянца цѣлая дюжина большихъ и малыхъ поэмъ и балладъ и преимущественно изъ народной жизни и повѣрій. Не всѣ онѣ удались автору: много въ нихъ дѣтски-наивнаго, необработаннаго и недоговореннаго. «Мученикъ», напримѣръ, совсѣмъ не удался, благодаря своей туманности; сюжетъ большой поэмы «Анушъ» не обработанъ какъ слѣдуетъ, почему страдаетъ неясностью типовъ и не оставляетъ должнаго впечатлѣнія; къ тому же поэмы эти очень растянуты. Красиво обработанный сюжетъ «Отверженнаго закона» поражаетъ наивностью. Однако и въ этихъ неудавшихся автору произведеніяхъ есть немало хорошаго. Нѣкоторыя же поэмы и баллады настолько удались автору, что нельзя не признать за нимъ истиннаго эпическаго дарованія. Не говоря о поэтическихъ описаніяхъ природы, какъ много бытового элемента мы находимъ въ его поэмахъ! То онъ знакомитъ насъ съ деревенскими играми, то со свадьбой, то съ похоронами («Анушъ»).

Въ «Мехри» и «Алекъ» затронуты старыя, но вѣчно новыя темы о звѣрствахъ курдовъ и объ участи армянъ. Мехри—это героиня поэмы того же имени. Содержанія мы не станемъ передавать и замѣтимъ только, что несмотря на

нѣкоторую идеализацію, типъ страдающей въ разлукѣ по любимомъ мужѣ смѣлой, вспыльчивой армянки, мстящей Осману за убитаго мужа, вышелъ у автора живымъ и правдивымъ. Какъ хорошо, напр., передана тоска бѣдной женщины, не знающей, что случилось съ ея мужемъ, ушедшимъ на заработокъ, или, напр., внутренній голосъ мести, проснувшейся въ ней!...

Отличительныя черты всѣхъ женщинъ, выведенныхъ въ поэмѣ Туманянца,— это сильная ни предъ чѣмъ не останавливающаяся любовь ихъ (Анушъ, Мехри, Тамара), и потому, можетъ быть, его поэмы такъ подкупаютъ читателя. Хотя наивенъ, но очень оригиналенъ и удачно выполненъ сюжетъ поэмы «Отверженный законъ», гдѣ выставлены два типичныхъ монаха и замолвлено слово за изгнанный изъ стѣнъ монастыря высшій божескій законъ—любовь. Молодой, мечтательный монахъ, увидавъ въ стѣнахъ монастыря между паломниками прекрасную дѣвушку, влюбляется въ нее. Демонъ любви не даетъ ему покоя; онъ его преслѣдуетъ и днемъ и ночью; юноша мечтаетъ о ней, видитъ ее во снѣ; покой его смущенъ, онъ не въ состояніи преодолѣть свои чувства. Онъ рѣшилъ покинуть монастырь, но раньше желаетъ объясниться со старикомъ-настоятелемъ. Разговоръ стараго монаха, «неимѣющаго на лицѣ ни одной живой черты», очень характеренъ и переданъ красиво. Старикъ долго-долго не понимаетъ, на что ропщетъ монахъ, но когда тотъ прямо говоритъ, что «самъ Богъ велѣлъ любить, и я жажду женской любви», старикъ теряетъ свой безстрастный тонъ и испуганно кричитъ: «Молчи, долой съ глазъ моихъ, дерзкій!»... «Съ протяжнымъ скрипомъ отворились ворота: кто-то изъ монастыря направилъ свой путь къ деревнѣ. Свѣтало...»—такъ заканчиваетъ поэтъ свой печальный, задушевный разсказъ.

Въ чисто народномъ духѣ написаны игривыя и остроумныя преданія «Собака и кошка» и «Солнце и луна», въ которыхъ высказались и знаніе народнаго быта, и умѣніе при передачѣ народныхъ повѣрій сохранить всю ихъ безыскусственную прелесть. Поэтическая народная легенда объ Ахтамарѣ, объ этомъ древне-армянскомъ замкѣ-монастырѣ, переданная въ красивой и эффектной балладѣ, принадлежитъ къ его лучшимъ произведеніямъ. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ содержаніе этой баллады. На ванскомъ озерѣ есть островъ Ахтамаръ. Каждый вечеръ съ берега къ острову плыветъ неустрашимый пловецъ на свиданіе со своею возлюбленной Тамарой. Свѣтъ на островѣ служитъ для пловца спасательнымъ маякомъ. Но вотъ однажды злые люди погасили этотъ маякъ; пловецъ бьется и борется съ волнами и съ возгласомъ «ахъ, Тамара!» дѣлается, наконецъ, жертвою волнъ. «Ахъ, Тамара» отзывается и эхо, «Ахъ, Тамара» застыло и на его губахъ.

Съ той поры минули годы.
Островъ полонъ прежнихъ чаръ,
Мрачно смотритъ онъ на воды
И зовется „Ахтамаръ“ *).

Резюмируя все вышесказанное, мы приходимъ къ слѣд. выводамъ. Лирическая сторона таланта у Туманянца очень мало развита; наоборотъ, какъ поэтъ

*) Переводъ Бальмонтомъ см. выше.

съ эпическимъ складомъ таланта, онъ представляетъ почти единственное явленіе въ армянской литературѣ. Въ его произведеніяхъ очень много удачно нарисованныхъ картинъ природы и бытовыхъ подробностей; сюжеты разнообразны и интересны. Но вообще большинство произведеній Туманянца *недодѣлано*, какъ въ отношеніи содержанія, такъ и формы.

Если ему удастся со временемъ устранить этотъ свой недостатокъ—результатъ поспѣшности и отсутствія систематическаго образованія, тогда Туманянцъ своими поэмами по праву можетъ занять видное мѣсто въ ряду армянскихъ поэтовъ.

Минасъ Берберьянъ.

Поэтъ Архіеп. Хоренъ Нарбей. († 1891 г.).

Поэтъ Рафаэль Патканьянъ. († 1893 г.).

Къ характеристикѣ новой армянской литературы.

I.

Проходятъ годы, цѣлыя десятилѣтія, а нѣкоторые старые предразсудки противъ той или другой націи продолжаютъ жить въ извѣстной части нашей публики и прессы... Всѣмъ знакомы, наприм., тѣ шаблонныя сужденія объ армянахъ, которыя повторяются иными съ стереотипною точностью, всякій разъ, какъ въ обществѣ, за неимѣніемъ другой, болѣе занимательной темы, разговоръ переходитъ на армянскій народъ. Армянъ, какъ націю, обвиняютъ въ торгашескихъ и плутовскихъ инстинктахъ, въ поклоненіи золотому тельцу и вѣчной страсти къ наживѣ, хотя бы и незаконной, въ умственной ограниченности и неспособности воспринимать истинную культуру. Говорящій не упускаетъ обыкновенно случая вспомнить кстати отдѣльные примѣры алчности или нечестности, которые ему пришлось видѣть въ армянской средѣ, или о которыхъ онъ только слышалъ отъ кого-нибудь, и, опираясь на эти примѣры, съ тѣмъ большею увѣреностью повторяетъ давно обветшавшіе аргументы противъ цѣлой націи... Человѣкъ съ подобными взглядами къ каждому армянину подходитъ уже съ извѣстнымъ предубѣжденіемъ, мысленно включая и его въ общій отрицательный приговоръ обо всемъ народѣ, считая его зараженнымъ всѣми «національными» недостатками, солидарнымъ съ тѣми армянами, которые своими поступками соз-

даютъ столь нелестную репутацію своему племени. Такъ ли это на самомъ дѣлѣ? неужели всякій армянинъ находитъ все прекраснымъ въ родной жизни, одобряя даже плутовство, некультурность, шовинизмъ изъ странно понятой солидарности со своей націей? Или, можетъ быть, среди армянскаго народа, какъ и среди всякого другого, встрѣчаются люди хорошіе и дурные, умные и бездарные, безкорыстные труженики и грубые матеріалисты? Стоитъ поближе ознакомиться съ этимъ вопросомъ и отнестись къ нему безпристрастно, чтобы убѣдиться, что вся правда—на сторонѣ второго предположенія. Темныя явленія армянской жизни всегда возмущали сколько-нибудь интеллигентныхъ армянъ; литература, служащая обыкновенно отраженіемъ взглядовъ лучшей, наиболѣе развитой части націи, всегда бичевала или подвергала осмѣянію всѣ проявленія нечестныхъ, эгоистическихъ и корыстныхъ инстинктовъ въ армянскомъ обществѣ [1]).

Чтобы не быть голословными, бросимъ бѣглый взглядъ на творчество главныхъ армянскихъ писателей. Что же мы увидимъ? Даровитый поэтъ-лирикъ Рафаэль Патканьянъ [2]), авторъ «Слезъ Аракса», «Смерти Вардана Мамиконьяна» и множества другихъ стихотвореній, не разъ обличаетъ армянъ богачей, разжившихся неправедными путями, холодныхъ, черствыхъ эгоистовъ, равнодушныхъ къ общественнымъ интересамъ, пронырливыхъ дѣльцовъ, для которыхъ нѣтъ ничего святого въ мірѣ. Такъ, въ стихотвореніи «Прекрасный человѣкъ» поэтъ съ глубокой ироніей характеризуетъ армянина, преслѣдующаго только свои интересы, не дѣлающаго никому зла, но не желающаго и приносить кому-нибудь пользу. Здѣсь мы читаемъ, наприм., такія строки:

Занятъ дѣломъ своимъ неустанно,
Отдалиться отъ насъ ты сумѣлъ,
И, блюдя интересы кармана,
Ты далекъ отъ общественныхъ дѣлъ.
Ты привычекъ и жизни спокойной
Ни за что не измѣнишь. И что жъ?
Человѣкъ ты, безспорно, достойный,—
Но скажи, для чего ты живешь?...
Ты богатства добился, и даже,
Говорятъ, потерялъ деньгамъ счетъ,
И твой домъ, рысаки, экипажи
Восхищаютъ прохожій народъ.
Но догадки ни въ комъ неприличной
О богатствѣ твоемъ не найдешь!..
Человѣкъ ты, безспорно, отличный,—
Но скажи, для чего ты живешь?...
На страданья другихъ безучастно
Ты взираешь, о нихъ не скорбя,

---

[1]) Этотъ мотивъ издавна встрѣчается въ армянской литературѣ, и еще историкъ V вѣка Моисей Хоренскій, оплакивая пороки армянъ, заканчиваетъ свою исторію плачемъ, который начинается словами: „плачу о тебѣ, страна армянская, плачу, о тебѣ, лучшая изъ странъ сѣверныхъ“ и проч. *Ред.*

[2]) Раф. Патканьанъ писалъ подъ псевдонимомъ Гамаръ-Катиба. Род. 30 окт. 1830 † 22 авг. 1893 г. Въ стихотвореніи „Мое завѣщаніе“ онъ писалъ: „Въ жизни я позналъ лишь одно честолюбіе—пожелалъ лежать въ св. Эчміадзинѣ; дорогой народъ, ради самого Бога, не откажи исполнить это единственное мое желаніе“. *Ред.*

И, нуждой угнетаемъ, несчастный
Умолять сталъ бы тщетно тебя.
Вопли бѣдныхъ къ тебѣ—трудъ напрасный:
Ты жалѣешь для нищаго грошъ!...
Человѣкъ ты, безспорно, прекрасный,—
Но скажи, для чего ты живешь?!...
(*Перев. А. Шитова*).

Въ другомъ, еще болѣе мѣткомъ стихотвореніи «Желаніе армянъ», Патканьянъ ведетъ рѣчь отъ имени человѣка, проникнутаго платоническимъ сочувствіемъ всякому доброму начинанію, признающаго пользу науки, просвѣщенія, поднятія матеріальнаго уровня народа, но дрожащаго надъ каждой копейкой, разъ ее приходится употребить не на свои личныя нужды. Вотъ образчикъ разсужденій этого типичнаго субъекта:

О, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ стали всѣ армяне
Наукамъ, грамотѣ учить дѣтей своихъ!
Учеными тогда всѣ были бы граждане...
Но только... отъ листовъ избавьте подписныхъ!..
О, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ юноши учились,
Шли въ академію, въ предѣлы дальнихъ странъ,
Чтобы армянки всѣ въ Швейцарію стремились,—
Въ покоѣ только бы остался мой карманъ!
Чтобъ завелись у насъ и университеты,
Имѣла бъ много школъ родимая земля,
И библіотеки, читальни и газеты,—
Лишь мнѣ бы не пришлось затратить ни рубля!...
(*Переводъ Л. Уманца*).

Прозаическіе разсказы Патканьяна также полны обличеній, которыя онъ считалъ *необходимыми* для того, чтобы общество развивалось и совершенствовалось. Въ одномъ изъ этихъ разсказовъ простой кожевникъ отзывается объ этомъ слѣдующимъ образомъ въ бесѣдѣ съ авторомъ: «Ты, какъ мнѣ довелось узнать, большой охотникъ до старыхъ происшествій, любишь слушать разсказы объ нихъ, и на бумагу заносить... Что жъ, это не дурно! Коли наша исторія хороша, пусть сыновья берутъ съ насъ примѣръ; коли дурна, пусть они остерегаются нашихъ промаховъ. Жаль, что наша публика боится выставлять на показъ свои недостатки: какова была бы участь больного, если бъ онъ скрывалъ свои язвы и раны на тѣлѣ, или какіе-нибудь внутренніе недуги»?

Другой извѣстный поэтъ, Смбатъ Шахъ-Азисъ, въ поэмѣ «Скорбь Леона», написанной подъ вліяніемъ «Чайльдъ Гарольда», сильными штрихами обрисовываетъ положеніе армянскаго общества въ 60-хъ годахъ, господства схоластики въ школахъ, низкій уровень образованія духовныхъ лицъ, развитіе національнаго самомнѣнія, тяжелую участь и уродливое воспитаніе женщинъ, къ которымъ поэтъ обращается съ грустными словами:

Пышно вы разцвѣли... Но въ армянскій народъ
Не вдохнете вы счастья и жизни!

Свое призваніе, какъ обличителя общественныхъ пороковъ, Шахъ-Азисъ прекрасно выразилъ въ стихотвореніи «Моя участь»:

Обличить желая зло, пишу я
Про дѣла порочныя людей.
О любви, всю лживость ихъ бичуя,
Говорю имъ въ пѣснѣ я своей...
Предо мной тернистая дорога,
Цѣлый адъ поднялся на меня...
Злыхъ враговъ кругомъ я вижу много,
А друзей не встрѣтилъ въ жизни я!
Но впередъ я смѣло выступаю,
Я страдать за истину готовъ!
И открыто я благословляю
Въ пѣснѣ Бога—и своихъ враговъ!

(Переводъ—нашъ).

«Зданіе обветшало,—нужно его обновить», читаемъ мы въ одной изъ пѣсенъ «Скорби Леона». Эти слова весьма характерны для всей литературной дѣятельности Шахъ-Азиза.

Лучшій армянскій романистъ, Раффи, авторъ «Искръ», «Хента», «Джалаэддина» и друг. произведеній, не щадитъ порою красокъ, чтобы съ безпощадною суровостью изобразить приниженность, индиферентизмъ, преобладаніе матеріальныхъ интересовъ надъ умственными, оторванность школы и науки отъ окружающей дѣйствительности, господство устарѣлыхъ понятій и предразсудковъ и прочіе недуги родной жизни. Вотъ нѣсколько мыслей, выхваченныхъ наудачу изъ разнообразныхъ сочиненій Раффи: «Теперь армянинъ сдѣлался предметомъ насмѣшекъ, позора и упрековъ. Желающіе кого-либо оскорбить, желающіе кому-либо показать, что онъ—низкое и презрѣнное существо, говорятъ: *ты армянинъ!* Чѣмъ мы заслужили такой упрекъ? Конечно, своими недостатками! Вы—недостойные и презрѣнные потомки нашихъ предковъ, тѣхъ предковъ, къ которымъ питалъ глубокое уваженіе и благоговѣніе каждый иностранецъ». «Наши капиталисты, начиная съ перваго «амира» и кончая послѣднимъ «дядей Петросомъ» въ деревнѣ,—хищники; они живутъ кровью и потомъ народа». «Подобныхъ людей уважаетъ народъ, ихъ чтутъ, какъ добродѣтельныхъ гражданъ, они въ почетѣ у всѣхъ въ городѣ... Между тѣмъ, они грабятъ, они пускаютъ по міру бѣдняковъ, каждая копейка ихъ богатствъ облита кровью и потомъ несчастныхъ,—и все это скрыто, всего этого не видать, потому что всѣ свои продѣлки они очень ловко прикрываютъ ложною религіозностью... Они даютъ лживыя клятвы, они измѣняютъ честному слову, клевещутъ, они бранятся, проклинаютъ людей, обманываютъ, — и тѣми же устами трогательно молятся Богу; и все это безъ капли угрызенія совѣсти. И почему все это возможно? потому что и то, и другое сдѣлалось для нихъ привычкой. Они не понимаютъ, какое противорѣчіе между тѣмъ, чему учатъ ихъ умильныя молитвы и что они дѣлаютъ». «Въ армянскихъ семьяхъ дѣвушка не имѣетъ ни собственной воли, ни собственнаго чувства; вся она, все ея существо принадлежитъ родителямъ». «Никакое новое ученіе не можетъ совершенно уничтожить, вырвать изъ сердца народа то, что имѣетъ за собою глубокое прошлое. Языческіе обряды, церемоніи, служеніе богамъ, вѣками укоренились въ душѣ армянина, слились съ его существомъ; христіанство не могло сразу очистить армянскую землю отъ старыхъ суевѣрій». «Не вамъ, о, старыя книги и школа, посвящаю я свой ку-

бокъ, не вамъ, не умѣвшимъ дать намъ ничего для жизни и дѣйствительности. Вы наполнили наши головы фантастическими мечтаніями, а съ требованіями дѣйствительной жизни не ознакомили насъ. Да будутъ благословенны тѣ писатели, которые вдохнутъ въ насъ новый духъ!..» Такихъ примѣровъ изъ сочиненій Раффи можно было бы привести нѣсколько десятковъ.

Прекрасный знатокъ сельскаго быта и нравовъ армянскаго крестьянства, П. Прошьянцъ въ своихъ романахъ («Изъ-за хлѣба», «Сосъ и Вортитеръ», «Тля» и др.) обрисовываетъ отрицательныя явленія, развившіяся на почвѣ армянской деревни, обличаетъ кулаковъ и кабатчиковъ, указываетъ на корыстолюбіе и плутоватость волостныхъ старшинъ и заправилъ сельской общины, выводитъ къ свѣту темныя махинаціи хитрыхъ дѣльцовъ, обманывающихъ простодушную и невѣжественную массу. Въ романѣ «Изъ-за хлѣба» мы находимъ мастерски написанный типъ кабатчика Сако, человѣка съ запятнаннымъ прошлымъ и отталкивающимъ настоящимъ, который является тѣмъ не менѣе могущественною силою въ большомъ селѣ Аштаракъ. «Въ молодости онъ былъ настоящимъ негодяемъ,—говоритъ авторъ,—вертѣлся въ разныхъ кабакахъ и среди маркитантовъ въ казармахъ. Ни одинъ хозяинъ кабака не соглашался его держать у себя долѣе двухъ мѣсяцевъ, такъ какъ онъ обкрадывалъ не только посѣтителей, но и самого хозяина!» «Но вотъ онъ основываетъ въ Аштаракѣ свой собственный кабакъ и искусно запутываетъ всѣхъ въ свои сѣти». «Сако высасываетъ нашу кровь», говорятъ про него. «Это могущественный человѣкъ. Все отъ него зависятъ, всѣхъ держитъ онъ въ своихъ рукахъ». Сако плутуетъ, подкупаетъ правосудіе, дѣлается сообщникомъ разныхъ преступленій, укрываетъ краденое, разоряетъ самыхъ почтенныхъ крестьянъ. Въ концѣ романа, спасаясь отъ преслѣдованій, онъ бѣжитъ въ Персію, переходитъ въ магометанство, дѣлается даже муллою и начинаетъ угнетать персіянъ такъ же, какъ прежде жителей армянской деревни. Плутни и хищенія старостъ и вліятельныхъ членовъ сельской общины находятъ себѣ въ томъ же романѣ заслуженную критику въ безхитростныхъ рѣчахъ одного крестьянина на сельскомъ сходѣ, созванномъ для утвержденія денежнаго отчета за истекшій годъ. Несправедливые поборы заставляютъ его воскликнуть: «Бѣдный народъ! Все это выжмутъ изъ твоего кармана и преспокойно сожрутъ!.. Побойтесь же Бога, люди!.. Не о себѣ я хлопочу, а о бѣднякахъ, которыхъ вы безсовѣстнѣйшимъ образомъ притѣсняете! Если вамъ не нравятся мои слова, я охотно откажусь отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ. Тогда вы можете, сколько вамъ будетъ угодно, ловить рыбу въ мутной водѣ!.. Вѣдь подати не составляютъ и четверти того, что вы тутъ насчитали; онѣ не велики, но вы такъ здорово наживаетесь, что даже человѣкъ въ родѣ меня съ трудомъ можетъ уплатить то, что вы требуете!»

Константинопольскій сатирикъ Акопъ Пароньянъ въ живой остроумной формѣ дѣлаетъ смотръ разнообразнымъ слоямъ армянскаго общества, особенно той части его, которая живетъ въ турецкой столицѣ; въ такихъ своихъ произведеніяхъ, какъ «Многоуважаемые попрошайки» или «Народные герои», у него выступаютъ педанты, бездарные поэты, карьеристы-чиновники, представители отсталаго и алчнаго до денегъ купечества, самозванные патріоты. Придерживаясь обыкновенно добродушно-юмористическаго тона, Пароньянъ иногда

переходитъ, однако, къ рѣзкому и безпощадному обличенію. Вотъ, напр., въ какой горячей, страстной формѣ нападаетъ онъ на бездарныхъ писателей и неумѣлыхъ критиковъ. «Никогда еще я не видалъ у насъ критика, который бы схватилъ бездарнаго писаку за горло, сдавилъ и уничтожилъ его ненужное прозябаніе!! Нѣтъ, они не душатъ его! Лишь издали, слабо колютъ они его вопіюще-безсмысленныя творенія, а удачныя мѣста возводятъ въ перлъ созданія, и,—о наивность, святая наивность!—пребываютъ въ томъ убѣжденіи, что они возвеличили сочиненіе и придали ему силу и блескъ... Нѣтъ, господа критики, нѣтъ! вы не имѣете права этого дѣлать. Задушите, растопчите, убейте бездарность, и знайте, что только тогда вы поможете дѣлу!!.»

II.

Обратимся ли мы къ драматической литературѣ, въ комедіяхъ главнаго армянскаго драматурга Габр. Сундукьянца, «Пепо», «Еще одна жертва», «Разоренная семья» и др., мы найдемъ неприкрашенную картину жизни извѣстныхъ слоевъ тифлисскаго армянскаго общества; страсть къ наживѣ и эксплуатаціи своихъ ближнихъ, отсутствіе нравственныхъ принциповъ, внѣшнее, поверхностное подражаніе Европѣ, враждебное отношеніе къ попыткамъ молодыхъ людей развиться и расширить свой умственный кругозоръ, сословные предразсудки—все это оцѣнено авторомъ комедій по заслугамъ. «Человѣкомъ ты хотѣлъ сдѣлаться, Пепо?» говоритъ герой лучшей комедіи Сундукьянца, съ горькою ироніей обращаясь къ самому себѣ; «такъ пошелъ бы грабить людей, воровалъ бы, обиралъ бы такихъ же бѣдняковъ, какъ ты самъ, всюду заставилъ бы людей проливать слезы, а изъ этихъ слезъ сдѣлалъ бы деньги, и на эти деньги выстроилъ бы себѣ золотыя палаты!.. Съ важностью расхаживалъ бы ты въ своихъ палатахъ, завелъ бы рысаковъ, карету, коляску, тысячу такихъ слугъ, какъ ты самъ, имѣлъ бы подъ рукою... Вотъ тогда бы сказали: ты человѣкъ, Пепо, и все у тебя есть, что нужно человѣку! «Въ другомъ случаѣ онъ восклицаетъ, возмущенный поступками одного нечестнаго и безжалостнаго купца: «Вотъ они какіе всѣ: пока никто не знаетъ, они отказываются отъ своего слова, грабятъ; а когда начинаютъ бояться, что дѣло огласится, вотъ такъ они изворачиваются, вотъ этакъ, — чтобы только не потерять свое имя у людей... Сколько погибаетъ по милости его такихъ, какъ мы, матушка, плачутъ по его винѣ, какъ ты сестра; страдаютъ, какъ я страдаю... И никто не долженъ посмѣть сказать, что для этого человѣка, которому всѣ кланяются, котораго всѣ величаютъ, всѣ уважаютъ, нѣтъ ничего святого на свѣтѣ!»

Въ пьесѣ «Разоренная семья» честный и прямодушный купецъ Осепъ бросаетъ въ лицо своему кредитору-мучителю слѣдующія громовыя обвиненія: «Съ тебя не довольно быть лгуномъ, ты хочешь еще быть воромъ и разбойникомъ? Такъ, значитъ, вѣрно то, что про тебя говорятъ люди, вѣрно, что ты всѣхъ обокралъ и тѣмъ составилъ себѣ состояніе, что ты разорилъ 25 семействъ, что у каждаго изъ нихъ ты потушилъ его свѣтильникъ и зажегъ такимъ образомъ

свой собственный? Да, я вижу теперь, все, что разсказывают про тебя, правда! Теперь я начинаю думать, что эти стулья, этотъ диванъ, это зеркало, твоя одежда, твоя палка,—словомъ, каждый предметъ, который ты называешь своимъ, представляетъ собою одного изъ ограбленныхъ тобою людей. Возьми же и мои кости въ придачу! Пусть переполнится мѣра! Ты сдѣлалъ свою совѣсть каменною, ты не хочешь ничего слушать, но, я тебѣ говорю, придетъ день, когда совѣсть твоя проснется, и каждый предметъ, который здѣсь лежитъ или стоитъ, будетъ припоминать тебѣ твои позорныя дѣла. Тогда пойди и оправдайся, если можешь, предъ твоимъ Творцомъ. Стыдъ тому, кто тебя продолжаетъ считать человѣкомъ!» Тотъ же Осепъ, самъ не получившій образованія, прекрасно видитъ, однако, какъ уродливо, съ претензіями на европейскій лоскъ воспитываются кругомъ него армянскія дѣвушки. «Всему научилась она на половину», говоритъ онъ о своей собственной дочери, «и музыкѣ, и языкамъ. Что она умѣетъ дѣлать? Можетъ ли она что-нибудь сшить или скроить себѣ платье?.. Да она не умѣетъ даже порядочно говорить по-армянски; а вѣдь это ея родной языкъ. Можетъ ли она хоть страницу написать безъ ошибокъ? Можетъ ли она бѣгло произнести хоть десять французскихъ словъ подъ рядъ? Да въ чемъ она вообще знаетъ толкъ? Право, жаль человѣка, который на ней женится; развѣ она будетъ въ состояніи дѣлить съ нимъ невзгоды жизни? Завтра она будетъ матерью, и ей придется воспитывать дѣтей... Вотъ будетъ отличное воспитаніе!»

Цѣлый рядъ примѣровъ такого же трезваго и здраваго отношенія къ общественнымъ недугамъ можно найти и у само-новѣйшихъ армянскихъ беллетристовъ, второй половины 80-хъ и начала 90-хъ годовъ,—напр. у Ширванзадэ, Лео, Мурапана, Папазьяна и др.; такъ, у перваго изъ нихъ встрѣчаются, напр., картины жизни глухого провинціальнаго города, гдѣ старые предразсудки и суевѣрія, грубые, чисто азіатскіе нравы, проявленія самодурства, семейнаго деспотизма и жестокости составляютъ самые обыкновенные факты,—или, наоборотъ, изображеніе армянскихъ литературныхъ и педагогическихъ круговъ, съ ихъ отрицательными явленіями. У Ширванзадэ мы находимъ мѣстами и общую оцѣнку армянской жизни, подчасъ весьма суровую. Вотъ какъ излагаетъ онъ, наприм., товарищескую бесѣду молодыхъ людей, проникнутыхъ уже новыми, истинно-просвѣщенными взглядами и затрогивающихъ разнообразные вопросы, связанные съ окружающею дѣйствительностью: «Товарищи сообщали другъ другу свои свѣжія впечатлѣнія, говорили о невѣжествѣ, предразсудкахъ, кулачествѣ и другихъ некрасивыхъ явленіяхъ въ жизни окружающаго общества. Все на ихъ взглядъ было пошло, ординарно... Нѣтъ общественной жизни: каждый думаетъ только о матеріальныхъ выгодахъ. Народъ тонетъ въ невѣжествѣ. Старое поколѣніе деспотично, а новое слабо, загнано, забито. Торговый классъ безобразенъ въ своемъ самодурствѣ и корыстолюбіи. Молодежь въ нравственномъ отношеніи никуда не годна, — ею игнорируются всѣ высшіе вопросы... нѣтъ заботы объ идеалахъ... школы готовятъ только дьячковъ... Все нуждается въ коренномъ переустройствѣ».

Въ армянской прессѣ и публицистикѣ въ разное время также раздавались благородные голоса обличителей; первые же у русскихъ армянъ публицисты, въ европейскомъ смыслѣ этого слова, проф. С. Назарьянцъ и М. Налбандьянъ, въ

своемъ журналѣ «Сѣверное Сіяніе», издававшемся въ Москвѣ (1858—64 г.), выступили съ рѣзкою, безпощадною критикою современной имъ армянской жизни. Наконецъ, съ церковной каѳедры недостойные представители націи, хотя бы это были важные ага и эфенди, подверглись пламенному обличенію въ краснорѣчивыхъ проповѣдяхъ неустрашимаго Хримьяна-Айрика (см. выше), такъ могущественно и неотразимо дѣйствующихъ всегда на слушателей.

Какой же выводъ должны мы сдѣлать изъ сгруппированныхъ нами только что данныхъ? ужъ не тотъ ли, что огульныя обвиненія армянъ справедливы, такъ какъ подтверждаются показаніями самихъ армянскихъ писателей? Едва ли не слѣдуетъ, прежде всего, упускать изъ виду, что литераторы, всего рѣзче обличавшіе пороки своихъ единоплеменниковъ, по большей части, являются, вмѣстѣ съ тѣмъ, *самыми извѣстными*, любимыми и популярными у армянской читающей публики; значитъ, существуютъ слои, въ которыхъ ихъ идеи встрѣчаютъ сочувствіе, значитъ, если есть люди, совершающіе недостойные поступки, то всегда есть и другіе, которые негодуютъ и возмущаются при видѣ подобныхъ поступковъ. Этого мало: знаменательно то, что почти всѣ эти писатели, не закрывая глазъ на все, что есть дурного въ армянской жизни, находятъ въ ней и симпатичныя явленія, и положительные образы. Такъ С. Шахъ-Азизъ въ лицѣ героя своей поэмы, Леона, выводитъ типъ благороднаго, развитого юноши съ гуманными и просвѣщенными взглядами, «сердце котораго готово разорваться, только бы больному брату доставить спасеніе», то же мы видимъ и въ романахъ Раффи. Прошьянцъ, характеризуя кулаковъ и міроѣдовъ, вмѣстѣ съ тѣмъ всегда относится съ симпатіей къ армянскому крестьянину, отмѣчаетъ его хорошіе задатки, трудолюбіе, неиспорченность; въ томъ же романѣ «Изъ-за хлѣба», гдѣ выведенъ негодяй кабатчикъ Сако, однимъ изъ героевъ является почтенный домовитый, зажиточный, безукоризненно честный старикъ-поселянинъ Хечанъ, котораго можно назвать типичнымъ представителемъ лучшей, сохранившей даже нѣкоторыя чисто-патріархальныя добродѣтели части армянскаго крестьянства; Патканьянъ, такъ часто и рѣзко обличавшій свое племя, тѣмъ не менѣе всецѣло посвятилъ ему свой талантъ, трудился всю жизнь на его пользу, сознавалъ его хорошія стороны, принималъ къ сердцу и излагалъ въ своихъ произведеніяхъ его нужды и желанія; Сундукьянцъ въ комедіи «Пепо» дѣлаетъ своимъ героемъ прямодушнаго и честнаго труженика-рыбака, въ пьесѣ «Еще одна жертва» явно сочувствуетъ героинѣ, *жертвѣ* старыхъ предразсудковъ и меркантильныхъ вкусовъ, въ «Разоренной семьѣ» показываетъ своеобразный, положительный типъ даже среди стараго купечества, почти незатронутаго культурою, въ лицѣ Осепа; Ширванзадэ обрисовываетъ психологію армянскаго интеллигента 80—90-хъ годовъ, съ твердыми убѣжденіями, выдержкою и неподкупною честностью (романъ «Арсенъ Димаксьянъ), характеризуетъ и новый типъ армянки, съ культурными вкусами и сознательнымъ отношеніемъ къ дѣйствительности, создавшійся за послѣднее время.

Изъ всего, сказаннаго нами, можно, думается, извлечь только новые аргументы для старой истины, которую, однако, все еще приходится въ наши дни доказывать и разъяснять,—что всѣ общіе, огульные приговоры относительно извѣстнаго народа никогда не будутъ справедливы. *Народовъ сплошь порочныхъ*

или безнравственныхъ не существуетъ, какъ не можетъ быть и народовъ сплошь добрыхъ или великодушныхъ. Каждая нацiя заключаетъ въ себѣ самыхъ разнообразныхъ членовъ, изъ которыхъ одни одарены очень симпатичными свойствами, другiе порою самыми отталкивающими; одни будутъ всегда дѣлать честь своей странѣ, другiе — только позорить свою нацiональность. Судить о народѣ исключительно по первому или второму разряду лицъ—одинаково несправедливо. Развѣ у насъ самихъ нѣтъ и не было никогда хищенiй и растратъ, господства кулаковъ и кабатчиковъ по деревнямъ, примѣровъ нечестнаго обогащенiя, проявленiй грубаго эгоизма и равнодушiя къ общественнымъ интересамъ? Но вѣдь мы были бы очень возмущены, если бы кто-нибудь на основанiи подобныхъ фактовъ обозвалъ весь русскiй народъ нечестнымъ, лживымъ, безсердечнымъ! То же самое справедливо и по отношенiю къ армянамъ; странно было бы, конечно, утверждать, что въ армянской жизни нѣтъ отрицательныхъ, печальныхъ явленiй, вызванныхъ разными историческими условiями; но пусть же при оцѣнкѣ цѣлаго народа принимаются въ соображенiе и данныя противоположнаго характера! Только тогда можно будетъ произнести справедливый и безпристрастный приговоръ. А лучшимъ подспорьемъ для того, чтобы мы русскiе, могли узнать ***подлинныхъ*** армянъ, является ихъ симпатичная литература, произведенiя которой все чаще переводятся теперь на европейскiе языки. Она представляетъ вѣрную, реальную картину той жизни, которая ее создала, не скрывая дурного, отмѣчаетъ и хорошее,—полная желанiя принести пользу обществу, содѣйствуя его нравственному и культурному совершенствованiю.

Юрiй Веселовскiй.

Цвѣтокъ.

(На мотивъ А. Цатурiана).

Обаятельнѣй грезы, любви суевѣрнѣй
Распустился ты, розанъ невинно-душистый...
О, позволь же сорвать тебя дѣвушкѣ чистой
И не тронь ея острыми иглами тернiй!...
На груди ея дѣвственной, въ нѣгѣ безсильной,
Ты не бойся завянуть, цвѣтокъ мой стыдливый:
На груди у нея отдохнешь ты,—счастливый,—
И найдешь въ ея сердцѣ ключъ жизни обильный.

П. Петровскiй.

О. Шмавоньянъ, родонач. армянской журналистики (1794 г.)

Армянская періодическая печать.

(историческая справка).

Въ 1894 году исполнилось столѣтіе существованія армянской періодической прессы. Книгопечатаніе основано у армянъ уже давно, съ 1563 года, одновременно съ основаніемъ русскаго печатнаго дѣла въ Москвѣ, и вскорѣ въ дальнихъ пунктахъ армянскихъ колоній, какъ-то: въ Венеціи, въ Амстердамѣ, въ Москвѣ, началось печатаніе армянскихъ книгъ религіозно-научнаго содержанія. Первый армянскій журналъ появился на дальнемъ востокѣ — въ Мадрасѣ, въ Индіи. Основателемъ его былъ свящ. Арутюнъ Шмавоньянъ.

Отецъ Шмавоньянъ былъ человѣкъ дѣятельный и любитель просвѣщенія. Пользуясь любовью своей паствы къ литературѣ, онъ основалъ въ Мадрасѣ армянскую типографію и издалъ нѣсколько книгъ собственнаго сочиненія. Видя мѣстныя англійскія періодическія изданія, онъ напалъ на мысль издать журналъ на армянскомъ языкѣ. Первый номеръ перваго армянскаго журнала *Аздараръ* («Извѣститель») вышелъ въ свѣтъ въ октябрѣ 1794 г. Эта новинка была встрѣчена сочувственно со стороны мадрасскихъ и вообще индійскихъ богатыхъ армянъ. Матеріальное положеніе новаго журнала было вполнѣ обезпечено; но число читателей было очень не велико. На этотъ журналъ турецкіе армяне не обращали серьезнаго вниманія, а изъ русскихъ соотечественниковъ нашлись только 2—3 читателя.—*Аздараръ* существовалъ не долго; послѣ изданія 18 книжекъ, въ 1796 году онъ прекратился.

Послѣ этого, болѣе десяти лѣтъ, въ армянской литературѣ не появлялось правильнаго періодическаго изданія, не считая ежегодныхъ сборниковъ, издаваемыхъ венеціанскими мехитаристами. Съ 1812 года ими же было начато изданіе двунедѣльнаго журнала *Дитакъ Бюзандіанъ* («Византійскій паблюдатель») на средства армянскаго литературнаго общества «Аршаруніанъ» въ Константинополѣ. Изданіе это давало главнымъ образомъ перепечатки изъ французскихъ газетъ о войнахъ Наполеона I и т. п. Общество «Аршаруніанъ» распалось, поэтому и его журналъ прекратился послѣ пятилѣтняго существованія.

Опять происходитъ долгая пауза и лишь въ 1839 году въ Смирнѣ англійскіе протестантскіе миссіонеры положили начало религіозно-научному журналу подъ названіемъ *Штемаранъ питани гителяцъ* («Магазинъ полезныхъ знаній»). Главная цѣль издателей этого журнала было, не распространеніе «полезныхъ знаній» среди армянъ, а борьба съ національной Григорьянской церковью. Это обстоятельство вызвало появленіе въ Смирнѣ изданія *Аршалуйсъ Араратіанъ* («Заря Арарата»), первой армянской газеты (1840). Редакторъ-издатель «Армянской Зари» былъ молодой образованный человѣкъ, Палтазарьянъ, который усердно защищалъ интересы древне-армянской церкви. Современное ему армянское общество относилось къ Палтазарьяну и его газетѣ съ глубокимъ уваженіемъ, такъ что *Аршалуйсу* удалось пріобрѣсти въ короткое время довольно широкую популярность не только у турецкихъ, но и у русскихъ и персидскихъ армянъ. Была основана собственная типографія и *Аршулайсъ* уже издавался, какъ еженедѣльная газета. Заслуга этой газеты въ армянской журналистикѣ очень велика: она давала серьезныя статьи, провинціальныя и заграничныя корреспонденціи, политическія свѣдѣнія, литературно-научный отдѣлъ, биржевую хронику и т. д. Около полустолѣтія издавалась газета *Аршалуйсъ*, окончивъ свое существованіе въ 1886 году.

40-е годы тѣмъ замѣчательны въ исторіи армянской журналистики, что, именно, въ этотъ періодъ времени кромѣ *Аршалуйса* появились и начались издаваться газеты и въ другихъ центрахъ армянской литературы, въ Константинополѣ и въ Тифлисѣ; въ 40-хъ годахъ (1843) венеціанскіе мехитаристы положили основаніе своему учено-литературному извѣстному журналу *Базмавепъ* («Полигисторъ»), существующему до сихъ поръ. Послѣдній, какъ и само названіе показываетъ журналъ съ разнообразной программой, научно-археологическаго содержанія. *Базмавепъ* до сихъ поръ остался чисто спеціальнымъ изданіемъ, абсолютно не затрогивая современное положеніе армянъ.

Протестантскіе миссіонеры съ 1845 года начали издавать въ Константинополѣ новый журналъ *Аветаберъ* («Благовѣстникъ»), чисто-религіознаго содержанія и впослѣдствіи съ прибавленіемъ «Для дѣтей», изданіе которыхъ продолжается до настоящаго времени. Какъ вспомогательная сила смирнскаго *Аршалуйса* для борьбы съ миссіонерами, съ 1846 года въ Константинополѣ началась издаваться газета *Гайастанъ* («Арменія»), редакторомъ которой былъ тогдашній армянскій богословъ, ученый Тероянцъ.

Слѣдуетъ упомянуть еще о трехъ изданіяхъ отдѣла: *Азгасеръ* («Патріотъ») въ Калькутѣ съ 1845 г.; *Европа* въ Вѣнѣ съ 1747 г. и *Ковкасъ* («Кавказъ») въ Тифлисѣ съ 1846 года. Первое издавалось на средства армянскаго общества

Араратіанъ подъ редакціею поэта-публициста Тагіамьянцъ; онъ прекратился въ 1852 г. по недостатку средствъ. Второй журналъ былъ издаваемъ вѣнскими мехитаристами до 1857 г. какъ «политическій-литературный», а до 1869 г.—какъ «семейный» журналъ.

Наконецъ третье изданіе было первымъ армянскимъ органомъ на Кавказѣ. Главноначальствующій гражданскою частью на Кавказѣ, кн. Воронцовъ, въ 1846 году основалъ въ Тифлисѣ существующую до нашихъ дней, русскую оффиціальную газету «Кавказъ». Ему хотѣлось издавать эту же газету еще на мѣстныхъ языкахъ, подъ отвѣтственною редакціей Константинова; на армянскомъ языкѣ *Ковкасъ* издавался два года, а на грузинскомъ и на татарскомъ языкахъ вовсе не издавался, потому что не нашлось подходящихъ редакторовъ.

Архіеп. Сраанцтіанъ, этнографъ-публицистъ.

Въ 50-хъ годахъ появилось нѣсколько новыхъ серьезныхъ органовъ печати.

Масисъ («Араратъ») въ Константинополѣ въ 1852 г.—издается и до сихъ поръ. Его основатель и редакторъ армянскій мѣстный публицистъ Ютучьянъ, который и до сихъ поръ стоитъ во главѣ своего любимаго дѣла, и приноситъ громадную пользу общественному развитію и литературѣ.

Арцви Васпураканъ («Васпураканскій Орелъ») въ Варагѣ (Тур. Арменія) съ 1855 года. Нынѣшній патріархъ и каѳоликосъ всѣхъ армянъ Мкртичъ I, но прозванію Айрикъ въ міру Химьянъ, былъ основателемъ - редакторомъ этого журнала. Можно вообразить какія затрудненія встрѣтилъ Айрикъ въ 50-хъ годахъ, издавая журналъ въ Малой Азіи. Основывая типографію, открывая школу, о. Хримьянъ явился среди народа, какъ пророкъ (см. выше). Какъ редакторъ-издатель онъ завѣдывалъ журналомъ, какъ писатель и проповѣдникъ, онъ писалъ и проповѣдывалъ; въ то же время какъ учитель - педагогъ училъ молодыхъ людей, которые были и сотрудниками этого журнала и впослѣдствіи стали замѣчательными людьми среди армянъ. Программа «Васпураканскаго Орла» была довольно широка: религіозно-нравственныя статьи, описаніе историческихъ памятниковъ, жизнь отцовъ христіанской церкви, этнографія и народный бытъ, поэзія, археологія и т. д. «Орелъ Васпураганскій» прекратился по случаю отъѣзда редактора; потомъ одинъ изъ учениковъ айрикской школы, покойнаго Сриванцтьянцъ (впослѣдствіи епископъ этнографъ) началъ издавать *Арцвикъ Тароно* («Таронскій Орленокъ»), который былъ продолженіемъ прежняго и также не могъ существовать долго.

Масяцъ Агавни («Голубь Араратскихъ горъ») съ 1855 г., ежемѣсячный журналъ—начался въ Парижѣ, подъ редакціей ученаго армениста Айвазовскаго (брата знаменитаго художника) съ участіемъ двухъ другихъ архимандритовъ. Въ 1859 году редакторы пріѣхали въ Россію и *Масяцъ Агавни* со слѣдующаго года издавался въ Өеодосіи. Во Франціи этотъ журналъ выходилъ на армянскомъ и французскомъ языкахъ, а въ Крыму въ трехъ видахъ: на армянскомъ, русскомъ и армяно-русскомъ. Ученые редакторы-издатели «Голубя Араратскихъ горъ» при разнообразномъ содержаніи обратили вниманіе и на внѣшность, а также и на иллюстраціи. Однакожъ онъ существовалъ не долго; въ 1858 году изданіе это прекратилось.

Мегу Гайастани («Пчела Арменіи») въ Тифлисѣ, съ 1858 г. При основаніи свящ. Мандиньянцомъ, эта газета на первыхъ порахъ почти ничѣмъ не отличалась отъ своихъ предшественниковъ, выходя одинъ разъ въ недѣлю маленькими листами. Но въ 1863 году, когда редакцію взялъ въ свои руки публицистъ Симоньянцъ, въ *Мегу* обозначилось свое направленіе. Съ этого времени составились у русскихъ армянъ два противоположныя направленія, антагонизмъ между которыми продолжаетъ существовать и въ настоящее время. Направленіе *Мегу* было консервативное и редакторъ постоянно боролся противъ либеральнаго направленія.

Гюсисапайлъ («Сѣверное сіяніе») съ 1858 года въ Москвѣ, ежемѣсячный журналъ. Противникъ *Мегу* и главный представитель противоположнаго направленія. Редакторомъ-издателемъ былъ ученый оріенталистъ Назарьянцъ, проф. Казанскаго университета и Лазаревскаго института вост. языковъ. Главная цѣль *Гюсисапайла* была проповѣдь «просвѣщенія и воспитанія армянскаго общества». Въ этомъ важномъ дѣлѣ приняли горячее участіе: молодой поэтъ-публицистъ Налбандьянъ и другія извѣстныя лица армянской литературы, какъ поэтъ Шахъ-Азизъ, Патканьянцъ. Этотъ журналъ способствовалъ развитію ново-армянскаго языка (ашхарабаръ) и въ этомъ отношеніи онъ оказалъ большую услугу. Назарьянцъ предлагалъ коренную реформу армянской церкви и этимъ сильно возбудилъ противъ себя духовенство. Въ 1864 году первый московскій армянскій журналъ былъ прекращенъ.

Менѣе важны были въ этомъ періодѣ слѣдующіе журналы:

Банасеръ («Литераторъ») научно-литературный мѣсячный журналъ въ Константинополѣ 1857—67. Редакторъ Гисарьянцъ.

Мегу («Пчела»), сатирическій журналъ въ Константинополѣ, 1857 — 74. Редакторы Свачьянъ и Пароньянъ.

Чракахъ («Собиратель»), литературный ежемѣсячный журналъ въ Москвѣ 1858—62. Редакторъ магистръ богословія М. Мсерьянцъ.

Въ 60-хъ годахъ число армянскихъ газетъ и журналовъ, по сравненію даже съ теперешнимъ, было очень велико. «Газеты растутъ какъ грибы», справедливо замѣтилъ Артуръ Липстъ [2]). Вслѣдствіе дарованія Портой турецкимъ армянамъ самоуправленія, каждый грамотный считалъ своимъ долгомъ из-

[1]) „Арш. Араратіанъ", 1862, № 667.

[2]) „Armen. Bibliothek" II, 152.

давать какую-нибудь газету. Упомянемъ только о нѣсколькихъ важнѣйшихъ. Первый по времени—*Крункъ* («Журавль») въ Тифлисѣ, ежемѣсячное изданіе съ 1860 года. Онъ сталъ родоначальникомъ послѣдующихъ армянскихъ журналовъ. Редакторъ Агабекьянцъ, турецкій армянинъ, человѣкъ ученый и уважаемый всѣми. *Крункъ* для армянъ былъ центромъ, вокругъ котораго группировались тогдашніе лучшіе армянскіе писатели. Молодой патріотъ-публицистъ Муратьянъ (теперь архіепископъ), одинъ изъ основателей армянскаго театра, актеръ Америкьянъ (†), этнографъ-романистъ Прошьянцъ, уважаемый публицистъ Мамурьянъ, педагогъ-критикъ Паласаньянъ, поэтъ Гамаръ-Катипа (Пактаніанъ) и другіе извѣстные армянскіе литераторы участвовали въ *Крункѣ* для «моральнаго просвѣщенія армянъ». Журналъ прекратился скоро, въ концѣ 1863 года, по домашнимъ обстоятельствамъ редактора Агабекьянцъ, который долженъ былъ уѣхать въ Турцію.

За *Крункомъ* слѣдуетъ изданіе *Пунчъ* («Букетъ») въ Константинополѣ съ 1860 года. Оно существуетъ и теперь и выходитъ еженедѣльно, но благодаря своей скудной программѣ, оно мало распространено и почти неизвѣстно русскимъ армянамъ.

Съ 1864 года кандидатъ Московскаго университета Степанэ (теперь епископъ), началъ издавать въ Тифлисѣ журналъ *Гайкаканъ Ашхаръ* («Армянская страна»). Изданіе Степанэ было собственно журналомъ педагогическимъ. Направленіе его было противоположно газеты «Пчела Арменіи». Журналъ знакомилъ армянскихъ читателей съ твореньями европейскихъ классиковъ какъ Шекспиръ, Гете, Гюго, Шиллеръ, Мольеръ и др. Будучи страстнымъ любителемъ всего новаго, редакторъ «Арм. Страна» ввелъ въ своемъ журналѣ новую орѳографію, но это нововведеніе было принято настолько не дружелюбно, что редакторъ скоро отъ него отказался. Этотъ журналъ издавался сперва въ Тифлисѣ, впослѣдствіи въ Елисаветополѣ, въ Шушѣ, опять въ Тифлисѣ и наконецъ въ Баку, гдѣ и прекратился въ 1878 году.

Намъ осталось упомянуть имена еще двухъ видныхъ изданій 60-хъ годовъ. Это ежемѣсячные журналы: первый *Сіонъ* въ Іерусалимѣ (1866), другой *Араратъ* въ Эчміадзинѣ (1868); оба они издавались мѣстнымъ духовенствомъ. Первый существовалъ по 1877 г., второй издается и до сихъ поръ. Во главѣ редакціи *Сіона* были видные представители армянскаго духовенства, какъ Муратьянъ и Ханаянъ, а *Араратъ* былъ и есть оффиціальное изданіе эчміадзинскаго патріарха. Оба журнала даютъ рядъ статей религіозно-нравственнаго содержанія. *Араратъ* до августа 1897 года издавался безъ предварительной цензуры.

Изъ менѣе значительныхъ органовъ армянской журналистики въ этомъ періодѣ назовемъ слѣдующія:

Въ Константинополѣ—*Сэръ* («Любовь») 1860 — 64; *Цилнъ Аворайри* («Отпрыскъ Аворайра») 1866—67; *Мамулъ* («Пресса») 1869—83.

Въ Смирнѣ—*Цагикъ* («Цвѣтокъ») 1861—65.

Въ Москвѣ—*Гамбаваберъ Руссіо* («Вѣстникъ Россіи») 1863—64.

Въ Манчестрѣ—*Еркрагунтъ* («Земной шаръ») 1864—65.

Съ 70-хъ годовъ до нашего времени выходили наиболѣе значительные

газеты и журналы, которые дали сильный толчокъ умственной жизни армянъ. Издавались слѣдующіе журналы:

Аревеліанъ Мамулъ («Восточная пресса») въ Смирнѣ. Журналъ основанъ въ 1871 году и издается до сихъ поръ. Редакторъ-издатель его извѣстный публицистъ Мамурьянъ. Кромѣ журнальнаго дѣла извѣстенъ онъ своими многочисленными трудами и переводами съ европейскихъ языковъ.

Порцъ («Опытъ») въ Тифлисѣ съ 1876 — 81 г., подъ редакціею Іоаннисіани. Журналъ съ солидною и съ широкою программой; послѣ «Журавля» это самый видный журналъ. Въ *Порцъ* сотрудничали лучшіе преставители въ ново-армянской литературѣ, каковы: проф. Патканьянъ, Паласаньянцъ, Раффи, Халатьянъ, Мандиньянъ, Ерицьянъ, Костаньянъ, Агабеньянъ, Церенцъ, Шахъ-Азизъ, Прошьянъ, Бархударьянъ, Пароньянъ, Сундукьянъ, Гамаръ-Катипа, Вартаньянъ и др.

Варжаранъ («Училище») въ Тифлисѣ 1882—84. Только два года выходилъ этотъ педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціею педагога Хосровьяна. Участвовали лица извѣстныя на педагогическомъ поприщѣ какъ напр. Мандиньянъ, Багатрьянъ, Агаянъ, Ованнисьянъ (Абисол.) Ерзынкьянъ, Арутюньянъ, г-жа Матакьянцъ и др.

Гандесъ Амсоріа («Ежемѣсячное Обозрѣніе») въ Вѣнѣ съ 1887 года существуетъ и теперь. Этотъ журналъ какъ венеціанскій *Базмавепъ*, будучи изданіемъ чисто учено-литературнымъ, не касается общественныхъ вопросовъ. Какъ замѣчено г. Мсерьянцомъ онъ «можетъ считаться центральнымъ органомъ армяновѣдѣнія» [1]).

Мурчъ («Молотъ») въ Тифлисѣ съ 1889 г. до сихъ поръ. Это единственный политическій общественный литературный журналъ русскихъ и всѣхъ армянъ. *Мурчъ* оказался долговѣчнѣе другихъ журналовъ. Редакторъ-издатель его Арасханьянцъ, несмотря на матеріальное затрудненіе, девятый годъ ведетъ журналъ. Въ *Мурчъ* на первыхъ порахъ участвовали люди уже извѣстные въ мѣстной литературѣ, какъ: Прошьянцъ, Агаянцъ, Ширванзадэ и др., а въ настоящее время сгруппировались вокругъ него болѣе молодыя силы, какъ Цатурьянъ, Мануэльянъ, Демирчьянцъ, Агбальянъ, Адальянъ и др.

Число второстепенныхъ журналовъ въ это время не мало:

Уйсъ («Надежда») въ Никомидіи 1870—77. Издавало Братство монастыря св. Богородицы.

Дастіаракъ («Воспитатель») въ Ѳеодосіи 1873—74. Ред. Теовлетьянцъ.

Дпроцъ («Школа») въ Вигаршанатѣ, 1874—76. Ред. Бастамьянцъ.

Луйсъ («Свѣтъ») въ Константинополѣ 1875—86.—Димаксьянъ.

Манкаваржаканъ Тертъ («Педагогическій Листокъ») въ Тифлисѣ 1878—80.—Теръ-Ованнисьянцъ.

Паросъ Гайастани («Маякъ Арменіи») въ Москвѣ 1879 — 82. — З. Мсерьянцъ.

Метеори въ Смирнѣ 1880—84.—Г. Мсерьянцъ.

Псакъ («Вѣнецъ») въ Эривани 1880—84.—Паподжаньянцъ.

---

1) См. выше 177.

Бюраканъ («Тысяча источниковъ») въ Константинополѣ 1881—теперь. — Ютучьянъ.

Арохчапааканъ Тертъ («Санитарн. Листокъ») въ Эривани 1881—82.— Тиграньянцъ.

Горцъ («Дѣло») въ Тифлисѣ и въ Шушѣ 1882—84. Акумьянцъ.

Бурастанъ Манканцъ («Цвѣтникъ дѣтей») въ Константин. 1882—89. Каракилиньянцъ.

Агбюръ («Источникъ») въ Тифлисѣ 1883—теперь.—Назарьянцъ.

Хикаръ въ Констант. 1884—88.—Пармьянцъ.

Манкаваржаноцъ («Учительск. Институтъ») въ С.-Петербургѣ.—Степанэ.

Тнтесъ («Экономъ») въ Констант. 1887—88.—Темирьянцъ.

Лезу («Языкъ») въ Констант. 1887—88.—Тервимьянцъ.

Таразъ («Мода фасонъ») въ Тифлисѣ съ 1890.—Назарьянцъ.

Паткеръ («Картина») въ Констант. 1890—94.—Шегрьянъ.

Араксъ въ С.-Петерб. съ 1887.—Гулимарьянцъ.

Гандесъ («Обозрѣніе») въ Москвѣ съ 1888.—Бархударьянцъ.

Азгагроканъ Гандесъ («Этнограф. Обозрѣніе») въ Шушѣ.—Лалаянцъ.

Лума («Лепта») въ Тифлисѣ съ 1896.—Аганьянцъ.

Норъ-Порцъ («Новая попытка») въ Москвѣ съ 1897.—Шахаизарьянцъ.

Послѣднія пять изданій выходятъ два раза въ годъ.

Въ послѣднія два десятилѣтія издавались слѣдующія газеты:

Мшакъ («Работникъ») выходитъ въ Тифлисѣ съ 1872 г. (съ 1898 г. ежедневно). Газета основана знаменитымъ публицистомъ Григоріемъ Арцруни († 1892 г.). Обладая крупнымъ публицистическимъ талантомъ и получивъ прекрасное образованіе завершенное въ Гайдельбергскомъ университетѣ [1]), Арцруни выступилъ смѣлымъ и настойчивымъ проповѣдникомъ радикальнаго преобразованія церковной и семейной жизни у армянъ, согласно либеральнымъ началамъ передового европейскаго прогрессивнаго міровоззрѣнія. Талантливое слово пламеннаго публициста, забывавшаго иногда условія среды, возбудило сильное умственное движеніе и сдѣлало его популярнымъ особенно среди молодежи. Теперь редакторомъ состоитъ А. А. Калантаръ.

Ардзаганкъ («Эхо») издается съ 1881 г., въ Тифлисѣ, подъ редакціею А. А. Іоаннисеани. Прежде выходилъ 1 разъ въ недѣлю, теперь 3 раза. Въ январѣ 1898 г. пріостановленъ на 8 мѣсяцевъ, а въ маѣ прекращена вовсе.

Норъ-Даръ («Новый вѣкъ») издается въ Тифлисѣ съ 1883 г., подъ редакціею С. Спандаріана. Обѣ газеты умѣренно-консервативнаго направленія.

Аревелкъ («Востокъ»), большая ежедневная политическая и биржевая газета въ Константинополѣ, издается съ 1884 года. Направленіе этой газеты противоположно тамошнему Айренику и она была органомъ мѣстнаго патріархата. Пользуется она громаднымъ успѣхомъ у турецкихъ армянъ и очень распространена, какъ въ Турціи, такъ и въ заграничныхъ городахъ.
Редакторъ молодой юристъ-публицистъ Кечьянъ.

---

[1]) См. энциклоп. словарь Брокгауза и Эфрона.

Арменія въ Марселѣ, издавалась три раза въ недѣлю, начиная съ 1885 года и существовала до начала 90-хъ годовъ. Редакторъ Партугальянцъ.

Гайастанъ («Арменія») въ Лондонѣ, съ 1888 года, два раза въ мѣсяцъ. Редакторъ юристъ Свазлянъ, существовала до 1898 года.

Бюзандіонъ («Византія») въ Константинополѣ, съ 1897 года ежедневная газета.

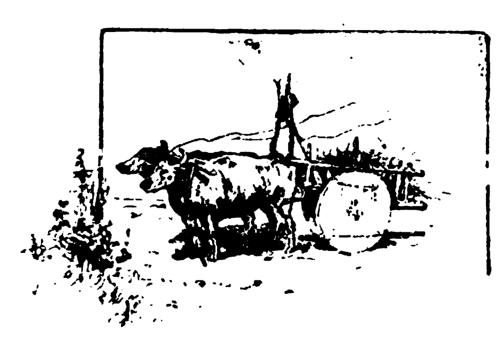
Въ настоящее время выходятъ на армянскомъ языкѣ 28 період. изданія, не считая издающихся въ Турціи газетъ армянскими шрифтами, на турецкомъ языкѣ, число которыхъ 4.

Армянскія газеты разбросаны, какъ и сами армяне, почти по всему земному шару, они выходили: въ Америкѣ, Англіи, Франціи, Австріи, Италіи, Греціи, Болгаріи, Румыніи, Египтѣ, Швеціи, Бельгіи, Индіи и Персіи, не говоря уже о Турціи и Россіи. Совершенно справедливо замѣчено французскимъ оріенталистомъ Дюлоріе, что «нѣтъ почти города сколько нибудь значительно заселеннаго армянами, гдѣ бы они не имѣли газеты и журнала»[1]. Въ самомъ дѣлѣ, куда бы ни переселились они, первымъ ихъ дѣломъ было устроить церковь или часовню и издавать какую нибудь газету.

Матеріальное положеніе армянскихъ газетъ и журналовъ до 80-хъ годовъ было печально, и причиной прекращенія большинства ихъ было неимѣніе средствъ. Число подписчиковъ первостепенныхъ газетъ въ настоящее время не превышаетъ 2,000 и журналовъ 500. Въ Турціи, гдѣ живетъ большинство армяпъ, запрещены кавказскія изданія, стало-быть и тамошніе армяне не могутъ пользоваться ими. Армянскія изданія вообще дороги и не мудрено, они мало распространены. Газеты не могутъ выдавать ганораръ даже постояннымъ корреспондентамъ и писателямъ.

Почти одновременно, по случаю столѣтія армянскихъ періодическихъ изданій вышло въ свѣтъ два труда, ему посвященные: одинъ въ Вѣнѣ подъ названіемъ «Исторія арм. журналистики» Галамкерьяна, другой у насъ на Кавказѣ, «Армянская період. пресса» Г. Левоньянца. Первый трудъ не доконченъ и составляетъ первую часть (до 60 годовъ), второй обнимаетъ цѣлое столѣтіе и получилъ въ Константинополѣ премію «Саакъ-Месропіанъ».

Дил.



Армянская арба.

---

[1] „Нынѣшніе Армяне“ 75.

Армянская красавица.

Изъ пѣсенъ сазандара Саятъ-Нова[1].

Переводъ съ армянскаго г. Авреліана.

Цѣлый міръ я прошелъ, въ Абиссиніи былъ,
Но не видѣлъ такую, какъ ты:
Всѣхъ красавицъ повыше твой смертный удѣлъ..
Всѣ тобой восхищаемся мы.
Ты надѣнешь ли платье изъ шелка-сырца,
Иль кафтанъ изъ парчи золотой,—
Тотъ сырецъ обращается въ шелкъ дорогой.
Всѣхъ восторгъ оправдаетъ пѣвца.

* * *

Дорогой ты алмазъ, счастливъ твой господинъ!
Не печалится тотъ, кто находитъ тебя.
Кто жъ тебя потерялъ, кто остался одинъ,
Умираетъ отъ горя, стеня.
Слишкомъ рано въ могилу, да будетъ ей свѣтъ,
Твоя мать въ сонмъ усопшихъ сошла.
Если бъ была жива, тебѣ равный портретъ
Въ этомъ мірѣ она бъ создала.

* * *

Ты съ рожденья сіяешь своей красотой,
Твои родинки—золота блескъ.

---

[1]) Біографическія свѣдѣнія объ ашугѣ-импровизаторѣ Саятъ-Новѣ см. выше, стр. 583. Пѣсни его на армянскомъ языкѣ были собраны Ахвердивымъ, Турецкія же и грузинскія его произведенія, какъ сообщаетъ «Россія и Азія», откуда мы заимствуемъ этотъ переводъ, еще не напечатаны.

Весь въ кораллахъ вѣнокъ въ волосахъ золотой,
Испускаетъ онъ радужный блескъ.
Твои глазки горятъ искрометнымъ виномъ,
Твои щечки, какъ въ пурнѣ лавашъ,
Твои брови стрѣлою, рѣсницъ карандашъ
Не помянетъ влюбленный добромъ.

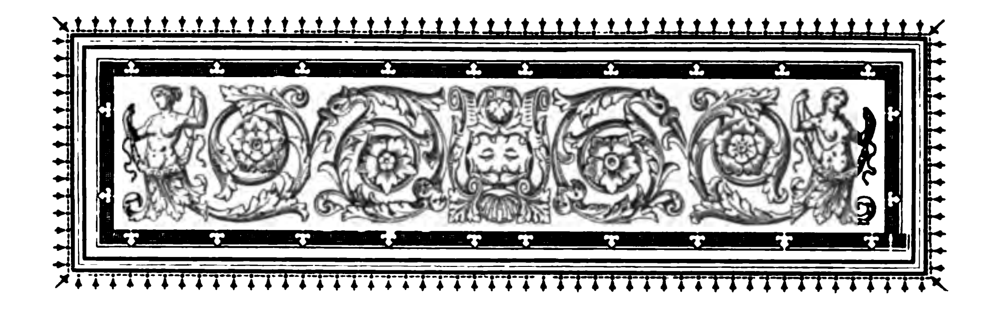
* * *

Твое личико—чистыя солнце, луна.
Гибкій станъ твой обвилъ кашемиръ.
Кисть упала изъ рукъ: такъ безсильна она.
Отнялся у души моей миръ.
Сядешь, милая, ты на коверъ тахтовой,—
Попугаю подобенъ твой видъ.
А стоишь на порогѣ ты сакли родной,
Мнится мнѣ, гиппогрифъ то стоитъ.

* * *

И теперь ужъ, увы, не Саятъ я Нова!
Я свой домъ на пескѣ созидалъ.
Взглядъ твой, полный и страсти и пыла огня,
Какъ костеръ, мою душу сжигалъ.
Что ты сдѣлала, ангелъ, съ моею душой?
Какъ мнѣ вѣсть отъ сердечка узнать?
И цвѣтной твой муслинъ, станъ обвивъ твой волной,
Индустанскимъ цвѣткомъ буду звать.

Анарбазанъ (Киликія).



К. Д. Кавелинъ объ инородцахъ и иновѣрцахъ Россіи.

Въ только что вышедшемъ II томѣ сочиненій знаменитаго историка, юриста и публициста проф. К. Д. Кавелина, состоявшаго преподавателемъ правовѣдѣнія покойнаго Цесаревича Николая Александровича и игравшаго видную роль въ освобожденіи крестьянъ, встрѣчаемъ нѣсколько статей, въ коихъ онъ старается установить разумный взглядъ на отношеніе коренного русскаго населенія Россіи къ многочисленнымъ иноплеменникамъ, входящимъ въ составъ ея. Глубоко вѣрующій христіанинъ, убѣжденный сторонникъ человѣчности и равноправности, этотъ типичнѣйшій представитель людей сороковыхъ годовъ до конца жизни остался вѣренъ ихъ гуманно-просвѣтительнымъ завѣтамъ. Въ наше время гипертрофіи національнаго самомнѣнія и своекорыстія поучительно вспомнить мысли просвѣщеннаго патріота Кавелина, который, любя пламенно Россію и вѣря въ культурныя силы русскаго народа, считалъ наилучшимъ средствомъ для его благоденствія не обостреніе его отношеній къ иновѣрцамъ и инородцамъ, а совмѣстную ихъ культурную работу, какъ равноправныхъ членовъ одного общаго великаго отечества.

Вопроса объ установленіи правильныхъ отношеній къ инородцамъ пришлось коснуться Кавелину, между прочимъ, по поводу варварскаго убійства матери извѣстнаго Скобелева О. Н. Скобелевой, совершоннаго въ 1880 г. нѣкіимъ Узатисомъ вмѣстѣ съ другими соучастниками. Долго не могли опредѣлить національности убійцы. А. А. Майковъ (братъ поэта) напечаталъ статью, въ которой онъ доказывалъ, что Узатисъ — *латышъ* и что виновники такого гнуснаго преступленія «не могли быть *ни русскими, ни славянами, ни нѣмцами*». Возмущенный такимъ явно несправедливымъ отношеніемъ къ цѣлой народности, К. Д. Кавелинъ напечаталъ въ 1880 г. въ *Русск. Вѣдом.* возраженіе, въ которомъ онъ между прочимъ, писалъ:

«Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю эту статью и не могу себѣ объяснить, для чего она написана. Смыть съ русскихъ и нѣмцевъ пятно гнуснаго преступленія и закрѣпить за латышами печальную привилегію поставлять міру отвратительныхъ убійцъ — таковъ буквальный смыслъ статьи. Но я, право, и не смѣю на немъ останавливаться, особливо читая подъ статьею имя г. А. Майкова. Онъ, конечно, помнитъ возмутительное убійство матери съ дочерью, совер-

шонное въ началѣ 60-хъ годовъ, въ Саратовѣ, двумя мерзавцами изъ духовнаго званія, при участіи кухарки; онъ знаетъ, что въ Бременѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, погибъ отъ внезапнаго взрыва адской машины другой злодѣй, который, съ корыстною цѣлью, пустилъ не одинъ корабль на дно Атлантическаго океана со всѣми пассажирами; а Маевскій въ Одессѣ, осужденный на каторгу безъ срока за убійство жены? А Кути-де-ля-Помрэ, изобличенный въ отравѣ женщины, безумно его любившей, знаменитою экспертизой Клодъ Бернара? Развѣ эти ужасы, совершенные русскими, полякомъ, нѣмцемъ и французомъ, могутъ быть поставлены на счетъ которой либо изъ этихъ національностей? Каждое племя, въ свою очередь, выставило не малое ихъ число и попрекать имъ другъ друга злодѣями не приходится. Да и самая мысль—взглянуть на этнографическій элементъ, какъ на одно изъ опредѣленій преступности, — сама по себѣ не только неудачна и ошибочна: она просто *нелѣпа*. Добродѣтельность и порочность не есть дѣло національности, а произведеніе политическихъ и бытовыхъ услоусловій. Преобладаніе въ одной странѣ однихъ преступленій, въ другой — другихъ, объясняется исторіей, а не этнографіей. Народовъ порочныхъ или добродѣтельныхъ по происхожденію, по расѣ *не существуетъ;* ихъ дѣлаютъ такими нравы, сложившіяся вѣками. Утверждать, что латыши преимущественно предъ другими наклонны совершать преступленія надъ лицами, оказавшими имъ благорасположеніе, безсмысленно. Такой вздоръ совѣстно и опровергать.

Нѣтъ, г. А. Майковъ—слишкомъ серьезный и почтенный писатель, чтобы могъ преднамѣренно сказать что-нибудь подобное. Это у него просто сорвалось нечаянно съ пера, подъ вліяніемъ горячаго патріотическаго чувства. Ему было нестерпимо тяжело думать, что русскій могъ совершить такое гнусное дѣло, и вотъ онъ неосторожно свалилъ вину на латышей. Но онъ впалъ въ неожиданную ошибку вслѣдствіе неправильной постановки вопроса, и надъ этимъ собственно я и хотѣлъ бы остановиться, противъ этого-то я бы и желалъ сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что, къ крайнему сожалѣнію, въ эту сторону мы грѣшимъ часто, *особливо въ послѣднее время*. Мы, природные русскіе, увлекаемся теперь любовью къ своему племени и народу до того, что считаемъ его неспособнымъ къ тому или другому худому дѣлу. Но такой взглядъ, не во гнѣвъ будь сказано, отзывается маниловщиной. Нравственныя свойства и качества людей опредѣляютъ, какъ сказано, нравы, культура, а не кровь, не раса. Сводя нравственность къ происхожденію, мы должны, разсуждая послѣдовательно, на вѣки вѣковъ наложить печать отверженія на цѣлыя народности, потому что отъ крови отказаться нельзя; значитъ, порочность народовъ есть роковая, фатальная? Какъ же согласить такой взглядъ съ основнымъ ученіемъ христіанства, которое, по воззрѣніямъ цѣлой фракціи нашихъ патріотовъ, признается существеннымъ зерномъ русскаго народнаго духа? Христіанамъ по преимуществу, какими мы себя считаемъ, было бы правильнѣе приписывать порочность племенъ и народовъ нравамъ и быту, которые хотя медленно, но измѣняются и способны улучшаться.

Мысль, брошенная ненарокомъ въ статьѣ г. А. Майкова, не только теоретически ошибочна: она и *политически и граждански вредна для нашихъ народныхъ интересовъ*. Чѣмъ намъ, природнымъ русскимъ, дороже русскій народъ,

чѣмъ выше мы цѣнимъ его нравственныя и умственныя качества, тѣмъ лучезарнѣе представляется намъ его будущность, тѣмъ шире, любовнѣе должны мы смотрѣть на всѣ національности, принадлежащія къ составу русскаго государства. Я,—а со мною вѣроятно и множество мыслящихъ людей,—считаемъ разнородный этнографическій составъ Русской имперіи, при преобладающемъ сильномъ и однородномъ русскомъ ядрѣ, однимъ изъ самыхъ *благопріятныхъ* условій для нашего дальнѣйшаго развитія, несомнѣннымъ залогомъ нашей великой исторической будущности. По волѣ судебъ, мы имѣемъ согражданами представителей всѣхъ племенъ, народностей и національностей земного шара. Съ этимъ фактомъ нашъ простой народъ не только свыкся, но, благодаря своему вѣрному и тонкому бытовому чутью, нашелся въ немъ,—стыдно сказать,—*разумнѣе*, лучше, чѣмъ образованные слои русскаго общества. Мы, просвѣщенные люди, или просто на просто отреклись отъ своей народности, или, наоборотъ, во имя патріотизма, воспылали пламеннною ненавистью и подозрительностью ко всему не-русскому. Трезвый взглядъ на этотъ вопросъ составляетъ у насъ пока рѣдкое и счастливое изъятіе. Но практическіе люди и масса простого народа, ничего не зная про наши узкія и одностороннія теоріи и руководясь однимъ здравымъ смысломъ, стоятъ на высотѣ положенія, которое создано намъ исторіей. Достойная подражанія вѣротерпимость простого русскаго народа, его безпристрастная оцѣнка людей не по національности, а по нравственнымъ качествамъ, уму, способностямъ, поражаютъ всякаго мыслящаго человѣка. Не разъ мнѣ съ удивленіемъ говорили объ этой драгоцѣнной чертѣ русскаго народа иностранцы, жившіе и живущіе между нами. Каждый изъ насъ имѣлъ неоднажды случай наблюдать эту характеристическую особенность, достойную великаго историческаго народа, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ русскіе живутъ рядомъ или въ перемежку съ инородцами. Поговорите тамъ, какъ намъ случалось, съ крестьяниномъ: онъ, умѣющій отлично уживаться со всякимъ инородцемъ и иновѣрцемъ, уважать чужой культъ и чужіе нравы, въ глубинѣ души считаетъ русскій народъ выше всѣхъ народовъ въ мірѣ. Не странно, не обидно ли, что у такого-то народа, космополита по привычкѣ и преданію, въ высшемъ, благороднѣйшемъ смыслѣ слова, часть просвѣщенныхъ людей, руководимая ложно понимаемымъ патріотизмомъ, *искусственно создаетъ*,—конечно, только въ кабинетѣ и на бумагѣ,—національный антагонизмъ и простираетъ ослѣпленіе до того, что сваливаетъ на народности и расы пороки, присущіе человѣческой природѣ и людямъ всевозможныхъ національностей! Нѣмцы, евреи, поляки поочередно дѣлались козлами очищенія нашихъ патріотическихъ увлеченій; сегодня мы къ нимъ прибавляемъ ни въ чемъ неповинныхъ латышей (Узатисъ оказался, по справкѣ, грекомъ изъ Нижняго-Новгорода); послѣзавтра такими же козлами-грѣхоносцами станутъ, пожалуй, эстонцы, сарты, *армяне* или каракалпаки. Гдѣ же конецъ этимъ *безумствамъ?* Пора вспомнить, что наши сограждане другое народности и вѣры, вмѣстѣ съ нами образуютъ одно политическое тѣло, наравнѣ съ нами несутъ общественныя и государственныя повинности и тягости, наравнѣ съ нами участвуютъ въ поддержаніи нашего политическаго значенія и роли посреди другихъ государствъ. Какія чувства можетъ питать къ намъ этотъ нашъ согражданинъ, инородецъ и иновѣрецъ, когда мы будемъ повторять ему на разные лады, что

мы—Богомъ избранный народъ, а онъ — какой-то оглашенный, способный на разныя, свойственныя его расѣ гадости? И можемъ ли мы, не краснѣя за себя, держать подобныя рѣчи? Допустимъ, что мы и взаправду народъ, какому нѣтъ и не было подобнаго въ мірѣ: не въ нашихъ ли прямыхъ національныхъ интересахъ воспользоваться талантами и способностями этихъ нашихъ согражданъ для достиженія цѣлей нашего историческаго существованія? А чтобы воспользоваться ими, надо же, чтобы наши инородцы и иновѣрцы чувствовали и сознавали свою солидарность съ русскимъ государствомъ, были наравнѣ съ нами природными русскими, его полноправными гражданами. Какъ мы достигнемъ этой цѣли, бросая имъ въ глаза оскорбительные укоры, что они по природѣ: тотъ—плутъ, тотъ—измѣнникъ, этотъ—спеціалистъ по извѣстнаго рода преступленіямъ? Истинная сила и истинный умъ—знать и *понимать свои сильныя и слабыя стороны*. Мы можемъ, нисколько не унижая себя въ своемъ и чужомъ мнѣніи, откровенно сознаться, что многіе изъ нашихъ согражданъ инородцевъ и иновѣрцевъ имѣютъ качества, способности и таланты, которыхъ мы не имѣемъ. Спросите любого полкового или ротнаго командира: онъ вамъ перечислитъ по пальцамъ, въ какую службу люди какой расы по преимуществу пригодны, и изъ этого перечисленія вы увидите, что есть отрасли военнаго дѣла, въ которыхъ тѣ или другіе изъ инородцевъ полезнѣе и лучше природныхъ русскихъ. Такъ разсуждаетъ всякій практическій человѣкъ и простой русскій народъ, равно чуждые и нашего теоретическаго отступничества, и нашего теоретическаго шовинизма; они не плачутся, что у насъ есть инородцы, а извлекаютъ изъ нихъ пользу для дѣла, глядя по ихъ способностямъ.

Многіе у насъ мечтаютъ о томъ, что всѣ народы, входящіе въ составъ Русскаго государства, переродятся со временемъ въ русскихъ. Будетъ ли это когда-нибудь или нѣтъ, это увидятъ наши отдаленные потомки. Вѣрно то, что если всѣ наши инородцы превратятся въ русскихъ, то мы сами въ свою очередь, *будемъ не тѣ*, каковы теперь: принявъ въ себя столько чуждыхъ элементовъ, мы сами, по необходимости, выработаемся въ нѣчто существенно различное отъ того, чтó мы теперь. Но оставимъ эти праздныя фантазіи объ отдаленномъ будущемъ! Теперь намъ надо, въ нашихъ же собственныхъ интересахъ, чтобы наши иновѣрцы и инородцы находили для себя *полезнымъ*, *пріятнымъ и выгоднымъ* быть въ составѣ Русскаго государства, чтобы они чувствовали себя между нами, какъ у себя дома, смотрѣли на себя какъ на полноправныхъ подданныхъ и гражданъ Россіи, и по убѣжденію или изъ разсчета всячески содѣйствовали ея преуспѣянію; а этого мы достигнемъ не иначе, какъ разставшись съ ложною и нелѣпою мыслью: будто въ этнографическихъ различіяхъ заключается условіе добродѣтелей и пороковъ и будто мы сами — вѣнецъ идеальнаго совершенства. Мы можемъ быть вполнѣ довольны тѣмъ, чѣмъ одѣлили насъ судьба и исторія; и съ этимъ мы не умѣемъ пока справиться, какъ надо».

Вараксія горы (Турец. Арм.).

Газета «Россія и Азія» объ армянахъ [1]).

I.

Роль армянъ во всемірной исторіи.

Среди калейдоскопа народовъ земного шара нѣкоторымъ изъ нихъ какъ бы суждено управлять судьбами національностей, другіе же изъ нихъ, оставаясь такъ или иначе въ сторонѣ отъ этого движенія, служатъ исторіи или для сохраненія остатковъ и завѣтовъ прошедшаго, или исключительно для какой-либо культурной миссіи. Однимъ изъ послѣдней группы слѣдуетъ считать, безпорно, армянъ, принадлежащихъ къ родственному, такъ сказать, родному для насъ племени аріевъ. Этотъ небольшой даровитый и интересный, благодаря своему географическому положенію, народъ былъ за много тысячелѣтій до нашей эры первенствующей націей Малой Азіи, насадившій въ ней сѣмена цивилизаціи Египта и вліявшій на судьбу Іонической Греціи. Распавшись потомъ на множество мелкихъ племенъ, онъ снова соединяется подъ главенствомъ Мидіи и захватываетъ уже долины Верхняго Евфрата и Аракса. Здѣсь онъ одинъ изъ первыхъ воспринимаетъ персидскую и македонскую культуру, распространивъ ихъ по всѣмъ предѣламъ Кавказа. Въ римскую эпоху этотъ же даровитый народъ служитъ проводникомъ римской гражданственности на Кавказѣ и въ Персіи. Онъ насаждаетъ христіанство на всемъ Кавказѣ, даетъ лучшихъ учителей христіан-

1) См. Армянскій номеръ газеты „Россія и Азія“ отъ 15 мая 1898 г., издаваемой въ Кіевѣ подъ ред. проф. А. Н. Гренъ.

ской школѣ гностиковъ, создаетъ наконецъ обширную историческую кавказскую литературу. Въ лицѣ своей династіи Багратидовъ, онъ прямо утверждаетъ свою культуру, свое искусство на всемъ перешейкѣ Кавказа, онъ же служитъ и родной по вѣрѣ Византійской имперіи, давъ ей цѣлый родъ юристовъ, государственныхъ людей и даже императоровъ. Но и этимъ еще не окончилась дѣятельность армянской націи. Избитая, уничтоженная турками сельджуками, она совершенно неожиданно переноситъ свою дѣятельность на сѣверъ въ православную Грузію, а на югѣ создаетъ самостоятельное владѣніе Рубенидовъ въ Киликіи, служащее не разъ опорою и помощью христіанамъ въ ихъ крестовыхъ движеніяхъ. Рыцарская, но не имѣвшая правильной гражданственности Грузія благодаря имъ же создаетъ изъ армянъ городское сословіе, съ ней они же представляютъ изъ себя ремесленниковъ и торговцевъ. А затѣмъ, когда персидскіе шахи стали владѣть фактически Кавказомъ, тѣ же армяне первые завязываютъ торговыя сношенія съ Европою и служатъ посредниками между европейцами и персами. Сохраняя во всѣхъ этихъ пертурбаціяхъ свою домашнюю нравственность, армяне затѣмъ въ Турціи даютъ толчокъ литературѣ, а на Кавказѣ служатъ посредниками въ *проведеніи тутъ русской гражданственности.* Уже одного этого перечня достаточно для выясненія истинной политической роли армянскаго племени.

Окруженные со всѣхъ сторонъ могучими монархіями Азіи, не видя ни откуда нравственной поддержки и помощи, уже въ силу своей исторической судьбы они явились проводниками цивилизаціи и гражданственности. Спрашивалъ ихъ Грекъ что-либо о Кавказѣ, какъ, напр., объ амазонкахъ, онъ обращался къ армянину и послѣдній говорилъ о немъ, что слышалъ, и этотъ же армянинъ не гнушался позаимствовать у путника его исторію и созерцать былую жизнь Востока въ яркой и занимательной картинѣ. Уже въ силу той же исторической судьбы этотъ армянинъ не могъ проявить своего поэтическаго дара. Не до поэзіи въ такихъ пертурбаціяхъ, но въ душѣ онъ оставался поэтомъ, и когда русская власть окрѣпла на Кавказѣ, полились полные чарующей наши пѣсни Саятъ-Новы, Гамаръ-Катибы Рафаеля Патканьяна. Слѣдовательно роль армянъ чисто *культурная, но не политическая, и приписывать имъ сепаратизмъ—значитъ не понимать духа націи.*

Армянъ обвиняютъ въ жадности, мошенничествахъ и пр., но при этомъ забываютъ, что они были всегда, такъ сказать, маркитантами на поляхъ сраженій. Такое положеніе должно было дать имъ зачатки скупости. Ихъ называютъ мошенниками, но забываютъ купцовъ и другихъ національностей. Зато никто не постарается найти у армянъ ихъ домовитости, разсудительности и блестящихъ способностей. У этой націи нѣтъ защитниковъ, такъ какъ, во-первыхъ, она исповѣдуетъ совершенно особый христіанскій толкъ, армяно-григоріанство, а во-вторыхъ, по армянскимъ торговцамъ у насъ судятъ и обо всемъ народѣ. Такъ это или иначе, а образованной Европѣ стыдно спокойно смотрѣть на то, какъ дикіе варвары Турціи рѣжутъ и душатъ армянъ ради только того, что они христіане. Наше изданіе всегда привыкло смотрѣть на мелкую инородческую братію, какъ на своихъ родныхъ по плоти и по духу, и оно напоминаетъ всѣмъ, что армяне такіе же аріи, какъ и мы, и если и взялись за оружіе, то ради своей же шкуры. И потому вспомнимъ о кавказскомъ культурномъ народѣ и не пожелаемъ прекращенія его полезной культурной дѣятельности.

II.

Армяне при присоединеніи Кавказа къ Россіи.

Около ста лѣтъ тому назадъ вступилъ въ Тифлисъ первый русскій полкъ подъ начальствомъ генерала Лазарева и былъ, какъ говорится въ тогдашнихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ, съ восторгомъ принятъ населеніемъ. Но вслѣдъ затѣмъ, говорятъ тѣ же оффиціальные документы, собранные въ Актахъ Кавказской Археографической Комиссіи, начались интриги членовъ царскаго дома, недовольныхъ введеніемъ русскаго управленія, начались тамъ и сямъ неурядицы и смуты, гражданскій порядокъ палъ, и пришлось назначить для его возстановленія князя Циціанова. Въ этихъ мѣткихъ словахъ ясно проглядываетъ слѣдующее: населеніе въ эту пору кавказскихъ городовъ состояло изъ мокалакскаго сословія. Эти мокалаки или горожане были *исключительно армянами* и слѣдовательно отсюда ясенъ выводъ, что не грузины встрѣчали съ радостью русскую армію, а *встрѣчали ее армяне*. Какъ люди торговые и коммерческіе, они не находили никакого интереса въ распряхъ и ералашѣ среди кавказскихъ земель, они сразу поняли всѣ преимущества рускаго управленія и сразу же высказали свои вѣрноподданническія чувства. Про грузинъ сказать этого было невозможно, такъ какъ они и организовали исключительно всѣ смуты и возстанія на Кавказѣ. Вотъ почему первые правители нашей окраины, какъ Циціановъ, оказывали самое широкое покровительство армянамъ и какъ бы въ отвѣтъ ему понеслось святое слово католикоса всѣхъ армянъ съ Эчміадзина, которое приказывало паствѣ отъ всей души содѣйствовать русскому христолюбивому воинству. Это была та пора, когда имя Государя Императора произносилось каждымъ армяниномъ наравнѣ съ именемъ Господа Бога, а портретъ Его тотъ же армянинъ съ благоговѣніемъ ставилъ въ своей домашней божницѣ.

Много фактовъ безкорыстной помощи армянъ русскимъ войскамъ на полѣ чести записала кавказская исторія, такъ много, что ихъ и не перечтешь по пальцамъ [1]). Они составляли сами добровольныя ополченія, подъ опасностью жизни доставляли всѣ средства къ продовольствію русскихъ войскъ, въ случаѣ осадъ неожиданно пробирались, благодаря знанію мѣстныхъ языковъ чрезъ, отряды враговъ и спасали русскіе гарнизоны. Но мало-по-малу, какъ и все, эти услуги армянъ забылись нами. Благодаря чисто экономическимъ причинамъ стали смотрѣть на этотъ народъ, какъ на торгашей, имъ противоставлялись болѣе добродушные и болѣе простые грузины. И вотъ, напр., уже князь Воронцовъ начинаетъ обходиться съ первыми все холоднѣе и холоднѣе. Это холодное отношеніе обратилось въ настоящую ненависть и теперь уже никто не думаетъ о тѣхъ, *кто былъ радъ походу русскихъ въ Тифлисъ и кто жертвовалъ своею шкурою*. Всѣ симпатіи перешли въ руки другихъ національностей Кавказа, а армяне есть и являются въ нашихъ глазахъ презрѣннымъ народомъ, хотя вообще въ политическомъ отношеніи онъ оказывается болѣе консервативнымъ, чѣмъ всѣ остальные.

Въ настоящее время кавказскія газеты наполнены намекомъ о существо-

---

[1]) См. выше стр. 505 и сл. 524 и слѣд.

ваніи какой-то партіи молодой Арменіи, лелѣющей мечту о созданіи армянскаго царства. Мысли объ этомъ высказывались еще въ шестидесятыхъ годахъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и продолжаютъ появляться въ печати и нынѣ. И дѣйствительно, теперь между нами и армянами нѣтъ такого братскаго отношенія, какъ это было въ недалекомъ прошломъ. Поступая такъ, вершители судебъ нашихъ окраинъ забываютъ, что народъ есть то же дитя, и если его воспитать плохо, то результатъ отъ этого бываетъ самый плачевный. Къ армянину мы относимся съ нескрываемыми презрѣніемъ и нелюбовью, считаемъ его за торгаша и плута, а сами ждемъ отъ него же какого-то братскаго отношенія. Но логично ли это? Мы не хотимъ этимъ сказать, что желаемъ пропагандировать заискиванія, низкопоклонство предъ инородцами. Напротивъ того, мы стоимъ лишь за братскія отношенія, за такія же отношенія, каковы они были при присоединеніи Кавказа къ Россіи, но и только. Неужели, напр. армянинъ, станетъ противиться изученію русскаго языка, когда безъ него онъ не обойдется въ торговлѣ. Чтобы провѣрить это, стоило бы издать дикое распоряженіе о воспрещеніи армянамъ учиться по-русски. Мы увидили тогда бы, что сама нація стала просить объ отмѣнѣ такого циркуляра. Правда, армяне вѣшаютъ теперь въ своихъ домахъ портреты національныхъ героевъ, сѣтуютъ объ автономіи Берлинскаго конгресса, но дѣлаютъ это скорѣе изъ подражанія, чѣмъ изъ внутренняго убѣжденія. Протяните инородцу братскую руку помощи, отнеситесь къ нему, какъ къ своему ближнему, и вы увидите, гг. культуртрегеры, совершенно обратные результаты.

Хиттитскій вопросъ въ современной наукѣ *).

Проф. А. Н. Грена.

На громадномъ пространствѣ Малой Азіи и Сиріи тамъ и сямъ попадается на скалахъ и на камняхъ множество странныхъ надписей, считавшихся до недавняго времени надписями совершенно неизвѣстнаго происхожденія **). Всѣ онѣ состоятъ изъ цѣлаго ряда грубыхъ гіероглифовъ, но отличаются отъ извѣстныхъ уже всему міру египетскихъ письменъ тѣмъ, что всѣ нарисованы въ видѣ барельефовъ. Долгое время ими даже не занимались, но вотъ вдругъ была открыта печать, на которой находились двѣ надписи: вышеуказанная и клинообразная. Послѣдняя гласила: Tarkudime, царь страны Ерме. Сопоставили знаки и, повидимому, нашли рядъ гіероглифовъ то въ видѣ идеограммъ, то слоговъ. Болѣе всего сталъ заниматься ими Сейсъ, дешифраторъ ванскихъ клинообразныхъ над-

*) Изъ „Россіи и Азіи".
**) Ср. выше стр. 25 статью М. В. Никольскаго объ Урарту.

писей, который назвалъ ихъ хиттитскими по имени одного изъ древнихъ великихъ народовъ Азіи и вскорѣ замѣтилъ ихъ сходство съ кипріотскими надписями, при чемъ открылъ еще нѣсколько новыхъ знаковъ. Затѣмъ это дѣло продолжали Галеви, Пейзеръ и Кондеръ. Тѣмъ не менѣе такой интересный вопросъ долго еще оставался на точкѣ замерзанія. И вотъ въ 18939—4 годахъ за него берется профессоръ Іенсенъ. Разсматривая внимательно надписи, онъ замѣтилъ знаки, ставившіеся въ началѣ и концѣ слова и такимъ образомъ расчленилъ фразы. Затѣмъ онъ отыскалъ значокъ въ видѣ личности, показывающей пальцемъ на самого себя. За нимъ шло нѣсколько другихъ изображеній. Слѣдуя системѣ египетскаго письма, изслѣдователь отыскалъ, что все это обозначало: я есмь. Такимъ же путемъ Іенсенъ нашелъ гіероглифы, означающіе слова: царь, сынъ, князь, страна и др. Оставалось теперь слова прочитать. Для этого Іенсенъ подставилъ извѣстныя или предполагаемыя собственныя имена въ надписяхъ и такимъ образомъ получилъ рядъ слоговъ, которые оказались къ тому же очень похожими на кипріотскіе. Благодаря же тому, что при большинствѣ словъ находили эквиваленты ихъ значенія въ видѣ рисунковъ, удалось возстановить какъ значеніе по крайней мѣрѣ существительныхъ, такъ и ихъ произношеніе. Затѣмъ Іенсенъ подставилъ извѣстныя буквы и, къ своему удивленію, замѣтилъ, что всѣ надписи имѣютъ вполнѣ ясный и опредѣленный смыслъ, хотя и представляютъ изъ себя разнообразную титулатуру хиттитскихъ владѣтелей Киликіи. Но затѣмъ оказалось, что они написаны діалектомъ, очень близкимъ къ древне-армянскому языку. Такимъ образомъ оказалось, что армяне—древніе аборигены Киликіи.

Какъ думаетъ Іенсенъ, армянское названіе націи Хай есть то же видоизмѣненное имя хиттитовъ, хатти. Эти хиттиты когда-то представляли огромную имперію, не разъ грозившую Египту и объединившую всю переднюю Азію. Они между прочимъ помогли Палестинѣ освободиться отъ фараоновъ и водворили въ ней евреевъ, они же принудили эллинскія и италіотскія племена Малой Азіи бросить свою родину и переселиться въ Элладу и Италію, они же, наконецъ насадили свою династію Мермнадовъ въ Лидіи, откуда и происходилъ знаменитый Крезъ. Безъ сомнѣнія, конечно, тѣ же хиттиты сильно повліяли и на языкъ и учрежденія іоническихъ грековъ, хотя только пока этотъ вопросъ еще мало разработанъ. Но уже теперь несомнѣнно, что учрежденіе архонтовъ и тирановъ въ Греціи армянскаго происхожденія. Первое происходитъ отъ слова arkhaj, царь, и означаетъ собою, какъ и по армянски, царя духовнаго, теократа, а второе отъ глагола tirel, владѣть, и означаетъ, напротивъ, свѣтскаго управителя. По-армянски, между прочимъ, еще Хюбшманъ замѣтилъ множество ничѣмъ не объяснимыхъ корней. Можетъ быть они всѣ явились еще въ эпоху хиттитовъ. Кромѣ того, представляется не менѣе интереснымъ фактъ существованія гіероглифовъ и въ армянскомъ позднѣйшемъ письмѣ. Многіе изъ нихъ, уже съ перваго взгляда, поразительно схожи съ хиттитскими.

Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія, что армяне не аборигены Кавказа, какъ и современные грузины — не аборигены Грузіи. Въ глубокой древности здѣсь жили вымершія теперь племена, такъ какъ и наши горцы тоже не аборигены кавказскихъ горъ. Армяне вышли изъ Киликіи и долины рѣки Оронта

въ Сиріи. Такъ какъ въ это время вся передняя Азія была опустошена саками или скиѳами, они воспользовались удобнымъ временемъ, соединились съ мидянами, разгромили Ассирію, а сами заняли теперешнюю Арменію, которая менѣе всего пострадала отъ сакскаго нашествія. Эта склонность къ жизни въ Киликіи вѣроятно и высказалась позднѣе въ образованіи въ этой именно странѣ армянскаго царства Рубенидовъ эпохи Крестовыхъ походовъ. Такимъ образомъ, какъ оказалось, открытіе Іенсена проливаетъ огромный свѣтъ на всю исторію передней Азіи и по важности своихъ результатовъ можетъ быть сравниваемо лишь съ открытіемъ чтенія египетскихъ письменъ Шамполіономъ.

Киликійскій армянинъ.

Два слова объ армянской музыкѣ.

I.

Духовная музыка.

Начало армянской духовной музыки относится къ Ⅴ-му вѣку, когда стала развиваться и армянская духовная письменность, въ особенности каноны и пѣсни подъ общимъ названіемъ «Шараканъ». Въ сочиненіи этой богослужебной книги принимали участіе знаменитѣйшіе отцы армянской церкви, начиная съ свв. Саака-Пароянина, Месропа и Моисея Хоренскаго въ Ⅴ-мъ вѣкѣ и кончая Вардономъ Великимъ и Іоанномъ Ерзенкайскимъ въ VIII вѣкѣ.

Слово «Шараканъ» или «Шаракноцъ» (другая его форма) значитъ книга, въ которую собраны духовныя пѣсни, и происходитъ отъ корня «шэр», что означаетъ «пѣсня» (см. выше стр. 490).

Каноны и пѣсни, заключающіеся въ Шараканѣ, написаны на древне-армянскомъ языкѣ то прозой (простой или мѣрной), то стихами (риѳмованными или не риѳмованными). Они поются въ церкви въ назначенные часы и дни, по принятымъ восьми гласамъ, которые обозначаются словами стиховъ, заимствованныхъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Для передачи самыхъ напѣвовъ существовали особые знаки, которые не опредѣляли точно высоту и длительность звука, а только приблизительно указывали на движеніе голоса, нѣкоторыя модуляціи и время для сохраненія звучности,—словомъ, если можно такъ выразиться, они не столько передавали, сколько лишь напоминали мотивъ пѣсни: впрочемъ, эти знаки, при всемъ ихъ разнообразіи и трудномъ усвоеніи, и въ то время не имѣли господствующаго значенія, т. к. существовалъ еще иной, болѣе употребительный способъ для передачи мелодій.

Монастырское духовенство, заботясь о приготовленіи священнослужителей,

набирало для этой цѣли юношей изъ разныхъ областей, которыхъ, между прочимъ, обучало съ голоса и по слуху напѣвамъ, а затѣмъ разсылало ихъ въ различныя мѣстности для распространенія въ должной чистотѣ церковныя пѣснопѣнія. Не трудно оцѣнить роль этихъ монастырскихъ питомцевъ, стоитъ только припомнить притѣсненія турокъ и другихъ магометанъ, когда армянскіе монастыри раззорялись или уничтожались, а вліяніе ихъ на населеніе отъ времени до времени ослаблялось. Кромѣ того, въ болѣе позднее время, изъ эчміадзинскаго монастыря командировались для сбора пожертвованій архимандриты, которые должны были слѣдить за правильностью богослуженія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и церковныхъ напѣвовъ. Этимъ только и можно объяснить то единообразіе въ исполненіи напѣвовъ, которое наблюдается между армянами, столь далеко отошедшими другъ отъ друга по развитію, образу жизни и языку, какъ напримѣръ, армяне Бессарабской епархіи (Кишиневъ, Нахичевань на Дону) и армяне Малой Азіи.

Попытки привести въ порядокъ духовныя пѣснопѣнія мы замѣчаемъ только въ VII вѣкѣ при католикосѣ Нерсесѣ III, когда на V-мъ Двинскомъ Соборѣ въ 645 году это дѣло было поручено архимандриту Барсегу.

Между тѣмъ какъ музыкальное развитіе шло своимъ чередомъ впередъ, значеніе старыхъ знаковъ приходило все въ большее забвеніе и выходило изъ употребленія; въ результатѣ, не смотря на все стремленіе къ единству, явилось извѣстное разногласіе въ передачѣ пѣснопѣній, въ иныхъ мѣстахъ тѣ или другіе гимны были даже забыты и на мѣсто ихъ появились вновь сочиненные.

Только въ этомъ столѣтіи былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ для выработки точныхъ знаковъ, именно со стороны патріарха Геворка. Одаренный съ рожденія выдающимися музыкальными способностями, будучи рѣдкимъ знатокомъ и исполнителемъ духовныхъ пѣснопѣній, онъ нашелъ достойнаго себѣ помощника, въ лицѣ константинопольскаго армянина Николая Ташчіана. Подъ руководствомъ Георга Ташчіанъ выработалъ особые знаки для изображенія звуковъ по ступенямъ (звукорядъ). При этомъ, хотя онъ и заимствовалъ древніе музыкальные знаки, но сообразовался съ правилами современной европейской музыки. Когда Геворкъ былъ выбранъ католикосомъ всѣхъ армянъ и въ 1867 г. вступилъ на эчміадзинскій престолъ, но именемъ Геворка IV онъ пригласилъ изъ Константинополя Н. Ташчіана и нѣкоторыхъ другихъ свѣдущихъ пѣвцовъ, и вмѣстѣ съ ними приступилъ къ записи новыми нотными знаками Литургіи, Шаракановъ, гимновъ и др. пѣснопѣній церковной службы. Затѣмъ было вытребовано имъ изъ каждой епархіи по священнику, для обученія ихъ новымъ нотамъ; по всѣмъ армянскимъ церквамъ разсылались печатные образцы, а въ семинаріяхъ въ качествѣ руководства введено было особое пособіе, составленное Ташчіаномъ [1]).

Такимъ образомъ доступъ къ церковнымъ пѣснопѣніямъ свободенъ сталъ

---

[1]) Въ Смирнѣ вышло въ 1898 г. „Трехголосное пѣніе св. Литургіи" Леона Чилинкарьяна. Изъ рецензіи, помѣщенной въ *Норъ-Даръ* (№ отъ іюня 1898 г.), видно, авторъ пользовался трудомъ Ташчіана и гармонизировалъ самъ, имѣя въ виду лицъ, незнакомыхъ съ европейскими нотами; автору ставится въ вину, что онъ не указалъ составъ голосовъ. *Ред.*

не только духовнымъ лицамъ, но и свѣтскимъ, а главное музыкантамъ, у которыхъ явилась мысль о гармонизаціи Литургіи для хорового пѣнія въ нѣсколько голосовъ, не противорѣча при этомъ традиціонному духу армянской церковной музыки. Практически это уже до нихъ въ извѣстной степени успѣло осуществиться: именно, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, гдѣ введено теперь многоголосное хоровое пѣніе, въ большинствѣ случаевъ мы наблюдаемъ слѣдующую манеру исполненія.

При церковной службѣ духовныя пѣсни поются двумя-тремя лицами или по очереди, или, что бываетъ гораздо рѣже, въ униссонъ, а остальная часть хора поетъ съ закрытымъ ртомъ, изрѣдка произнося слоги текста; при этомъ звукъ имѣетъ нѣсколько носовой оттѣнокъ. Эта гармонія не отличается подвижностью, но при движеніи и остановкѣ *сольнаго голоса*, все-таки замѣтны переходы и въ другихъ голосахъ, хотя не во всѣхъ одновременно. Указаній на такое исполненіе нѣтъ ни въ одной изъ извѣстныхъ церковныхъ рукописей, хотя мы и встрѣчаемъ почти повсемѣстно.

Попытку къ гармонизаціи и хоровому пѣнію намъ приходится встрѣчать только въ Россіи, а именно: въ г. Баку, въ исполненіи Литургіи г. Кара-Мурзы для четырехголоснаго хора, въ Москвѣ въ хорѣ Лазаревскаго Института (тоже Литургія составленная г. Канжиняномъ) и, наконецъ, въ Тифлисѣ въ ванкскомъ соборѣ, въ исполненіи хора армянской Нерсесянъ семинаріи.

Въ первыхъ двухъ сочиненіяхъ проглядываетъ не опытная рука талантливыхъ дилетантовъ, а исполненная въ ванкскомъ соборѣ Литургія написана образованнымъ музыкантомъ г. Макаромъ Экмаліаномъ, получившимъ первоначальное образованіе въ эчміадзинской семинаріи при католикосѣ Геворкѣ IV-мъ и закончившимъ въ с.-петербургской консерваторіи по классу композиціи.

Имъ приложено много стараній и видно серьезное отношеніе къ столь важному дѣлу. Трудъ его заключаетъ въ себѣ Литургію, Шараканы, всѣ церковные гимны и пѣснопѣнія для трехъ- и четырехголосныхъ мужскихъ хоровъ и для смѣшаннаго четырехголоснаго хора. Гармонія г. Экмаліана отличается простотою и легкостью для голосовыхъ средствъ; такъ, оставивъ въ сторонѣ, насколько возможно хроматизмъ, онъ старается быть вѣрнымъ діатонизму. Въ продолженіе всего сочиненія онъ придерживается изданія Ташчіана, ничего не измѣняя. Какъ особенно заслуживающіе вниманія, мы можемъ отмѣтить Шараканы, въ которыхъ онъ выказалъ чуткость своего слуха, осторожность и знаніе духа гармоніи.

Этотъ солидный трудъ былъ представленъ на разсмотрѣніе художественнаго совѣта с.-петербургской консерваторіи и въ Императорскую капеллу, и оба эти учрежденія одобрили его и нашли подходящимъ къ стилю армянской духовной музыки и удобнымъ для исполненія въ церквахъ. Получивъ одобреніе и благословеніе католикоса Мкртича I-го, этотъ трудъ былъ изданъ и введенъ въ церквахъ. Издержки взялъ на себя въ память своихъ родныхъ г. Гр. Мегвиніанъ и въ 1896 году вышло въ свѣтъ первое изданіе въ Лейпцигѣ у Брейткопфа.

Предлагаемые здѣсь (см. приложеніе) четыре примѣра представляютъ изъ себя слѣдующія пѣснопѣнія: 1) «Отче нашъ», записанное Ташчіаномъ и велико-

лѣпно переложенное для четырехголоснаго хора г. Экмаліаномъ. 2) «Святъ, святъ Господь» его же 3) «Отче нашъ», записанное нами съ голоса и не вошедшее въ сборникъ Ташчіана и 4) «Србасацутюнъ» (поющійся при выносѣ Даровъ во время обѣдни) записанъ съ голоса пѣвшаго по Ташчіану.

II.

Свѣтская музыка.

Перейдемъ теперь къ другой отрасли армянской музыки, которая играетъ большую роль въ обыденной жизни и въ которой любитель народнаго эпоса нашелъ бы много интересныхъ и оригинальныхъ красотъ, благодаря ея простотѣ, на первый взглядъ незамѣтныхъ. Это—пѣсни, поющіяся въ народѣ и въ интеллигенціи во время праздниковъ, обѣдовъ, свадебъ и тому подобныхъ торжественныхъ случаяхъ. Однако, если мы обратимся къ болѣе раннему времени, увидимъ, что онѣ предназначались не только для увеселенія присутствовавшихъ: характеръ большинства пѣсенъ былъ обличительно-нравоучительный, а потому уже изъ этого можно заключить, что исполнители задавались въ значительной мѣрѣ воспитательными цѣлями, въ глазахъ же народа являлись какъ бы учителями жизни. Мы разумѣемъ «ашуговъ», народныхъ пѣвцовъ, которые, нерѣдко слѣпые, еще до сихъ поръ встрѣчаются или мѣстными или странствующими. То распѣваются ими произведенія армянскихъ поэтовъ, то сами они, импровизируя какъ текстъ, такъ и мелодію, являются творцами поэтическихъ пѣсенъ, глубокихъ по смыслу и содержанію. Пѣсни ашуговъ раздавались не только на родинѣ, но и за предѣлами ея, между прочимъ при персидскомъ и грузинскомъ дворахъ; но во всякомъ случаѣ, въ противоположность древнимъ греческимъ рапсодамъ, ашуги не задавались строго аристократическими тенденціями, не игнорировали народъ, но, благодаря чисто демократическому быту армянской націи, они жили и пѣли для народа и свое дѣло считали народнымъ дѣломъ (см. выше стр. 581).

Лица, интересовавшіяся восточною музыкой, останавливали свое вниманіе почти только на персидскомъ или арабскомъ творчествѣ. Благодаря постояннымъ рѣзкимъ оборотамъ мелодіи, какъ, напримѣръ, увеличенной секундѣ, многочисленности фіоритуръ подвижности ритма, мотивы персидскихъ и арабскихъ пѣсенъ являются крайне запутанными, неудобоусвояемыми и занимаютъ слушателей только во время своего исполненія, и впечатлѣніе отъ извѣстной пѣсни большею частью улетучивается, какъ скоро начинаютъ слушать другую. Всѣ тѣ сочиненія, которыя написаны русскими и иностранными композиторами подъ общимъ названіемъ orientale или danse orientale, собственно говоря, не имѣютъ никакой физіономіи и приняты за восточныя, благодаря ритму или опредѣляются общимъ признакомъ восточныхъ мотивовъ.

Записыванія армянскихъ мелодій на мѣстѣ ихъ родины еще никто не предпринималъ изъ русскихъ композиторовъ. Если имъ приходилось ихъ записывать, то только для армянскихъ благотворительныхъ вечеровъ въ Москвѣ и

Петербургѣ. Обыкновенно устроители тѣхъ вечеровъ приглашаютъ какого-либо композитора составить программу музыкальнаго отдѣленія, для чего ему приходится записывать пѣсни съ голоса. Эти пѣсни обыкновенно поетъ какой-нибудь студентъ, рекомендовавшійся не столько знатокомъ, сколько пѣвцомъ съ хорошимъ голосомъ. Не мудрено, что пѣсни, записанныя такимъ образомъ, являлись всегда въ большей или меньшей степени искаженными, уже благодаря стараніямъ пѣвца пѣть по европейски. Гармонія обыкновенно писалась какъ можно восточнѣе и оригинальнѣе, т.-е. изобиліе фіоритуръ и хроматическихъ проходящихъ нотъ было на первомъ планѣ. Если при этомъ взять грузную и сложную инструментовку, то станетъ понятно, что сама мелодія, подвергаясь еще обработкѣ композитора, въ цѣляхъ гармоніи и инструментовки, становилась уже почти неузнаваемой.

Мы можемъ указать цѣлый рядъ изданныхъ армянскихъ пѣсенъ, записанныхъ композиторами и страдающихъ отступленіями, которыя замѣтитъ всякій армянинъ, даже не спеціалистъ. Такъ, напр., пѣсня «Маиръ Аракси» записанная г. Кленовскимъ, въ которой всѣ каденціи (заключенія) фразъ измѣнены и произвольно вставлены ферматы (остановки), которыхъ въ подлинномъ исполненіи намъ не приходилось слышать. «Крункъ» (записана г. Кленовскимъ для этнографическаго концерта) — къ этой пѣснѣ присочинено вступленіе скорѣе въ персидскомъ духѣ; въ той же пѣснѣ «Крункъ», записанной г. Корещенко для армянскаго вечера въ Москвѣ, вставлена между куплетами цѣлая фраза, съ гармоніей, болѣе умѣстной въ норвежскихъ пѣсняхъ Грига. Въ пѣснѣ «Сохакъ» (записана г. Козаченко въ Петербургѣ) тоже мы замѣчаемъ отступленія, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пѣсни встрѣчается почему-то пониженный вводный тонъ, не существующій въ подлинномъ исполненіи.

Не трудно, какъ намъ кажется, указать причину подобнаго обращенія съ армянскимъ народнымъ творчествомъ. Все дѣло, очевидно, заключается въ нераспространенности армянской національной музыки за предѣлами своей естественной сферы, а съ другой—въ незнакомствѣ русскихъ композиторовъ съ духомъ и бытомъ армянскаго народа. Между армянами есть и были лица, записывавшія пѣсни и тѣмъ не менѣе тоже относившіеся небрежно къ точности передачи; такъ, напр., у извѣстнаго на Кавказѣ Кара-Мурзы хоръ исполнялъ армянскія пѣсни съ аккомпанементомъ фортепіано и во многихъ случаяхъ искаженіе доходило до поразительныхъ размѣровъ: въ одной пѣснѣ, извѣстной подъ названіемъ «Зейтунскій маршъ», весь седьмой тактъ перенесенъ на большую секунду (на цѣлый тонъ) ниже; часто имъ присочинялись цѣлыя фразы. Переложенныя Коргановымъ для фортепіано армянскія пѣсни въ видѣ попури, названныя «баяти» или рапсодіи отличаются пестротой, т.-е. тамъ рядомъ съ армянской мелодіей можно встрѣтить курдскую, татарскую и проч.; гармонія самая шаблонная и аккомпанементъ употребляется лишь для выбиванія ритма. Теперь пользуется успѣхомъ у армянской публики слѣпой піанистъ г. Тигранянъ, исполняющій восточныя мелодіи, но и у него курдскій элементъ рѣшительно преобладаетъ надъ армянскимъ, хотя записанныя имъ армянскія пѣсни можно отнести къ наиболѣе удачнымъ по точности записи и соотвѣтствіи гармоніи.

Въ качествѣ образцовъ прилагаемъ мелодіи двухъ пѣсенъ, записанныхъ нами въ Закавказьѣ. Первая, судя по тексту, принадлежитъ ашугу Дживани; составитель второй намъ неизвѣстенъ. Если, такимъ образомъ, духовная и народная армянская музыка, при всемъ настоящемъ ея застоѣ, все же исполнена необыкновенной живучести и оригинальности, а при лучшихъ внѣшнихъ условіяхъ занимала бы, быть можетъ, видное и почетное мѣсто въ европейской музыкальной литературѣ, то будемъ надѣятся, что нашъ краткій и, къ сожалѣнію, очень неполный очеркъ вызоветъ хоть какое-нибудь вниманіе къ армянскому музыкальному творчеству и тѣмъ положитъ начало къ дальнѣйшему его преуспѣянію.

К. С.

Пѣвчіе Нахичеванскаго собора св. Григорія.

Соч. ЕКМАЛІАНА.

Andante.

Sopr. Alti.

Tenori. Bassi.

Hair me - r, vo_r her_kins ies surb ie ghi zi a_nun kho

ie_ke - ze ar_khai_ü - thiun ko ie_ghi_zin kamkh kho_vo_r_pes her

kins iev he - r_kri shaz mer ha_na_pa sord tur mes a - i_sor thoghmes

iis_par ti_s mer, vo_r pes iev mekh tho hum kh me_roz par_ta_pa_naz

cre - scen - do

iev mi ta_nir smes i por_zii - thiun a_il piir_kea i tscha - re.

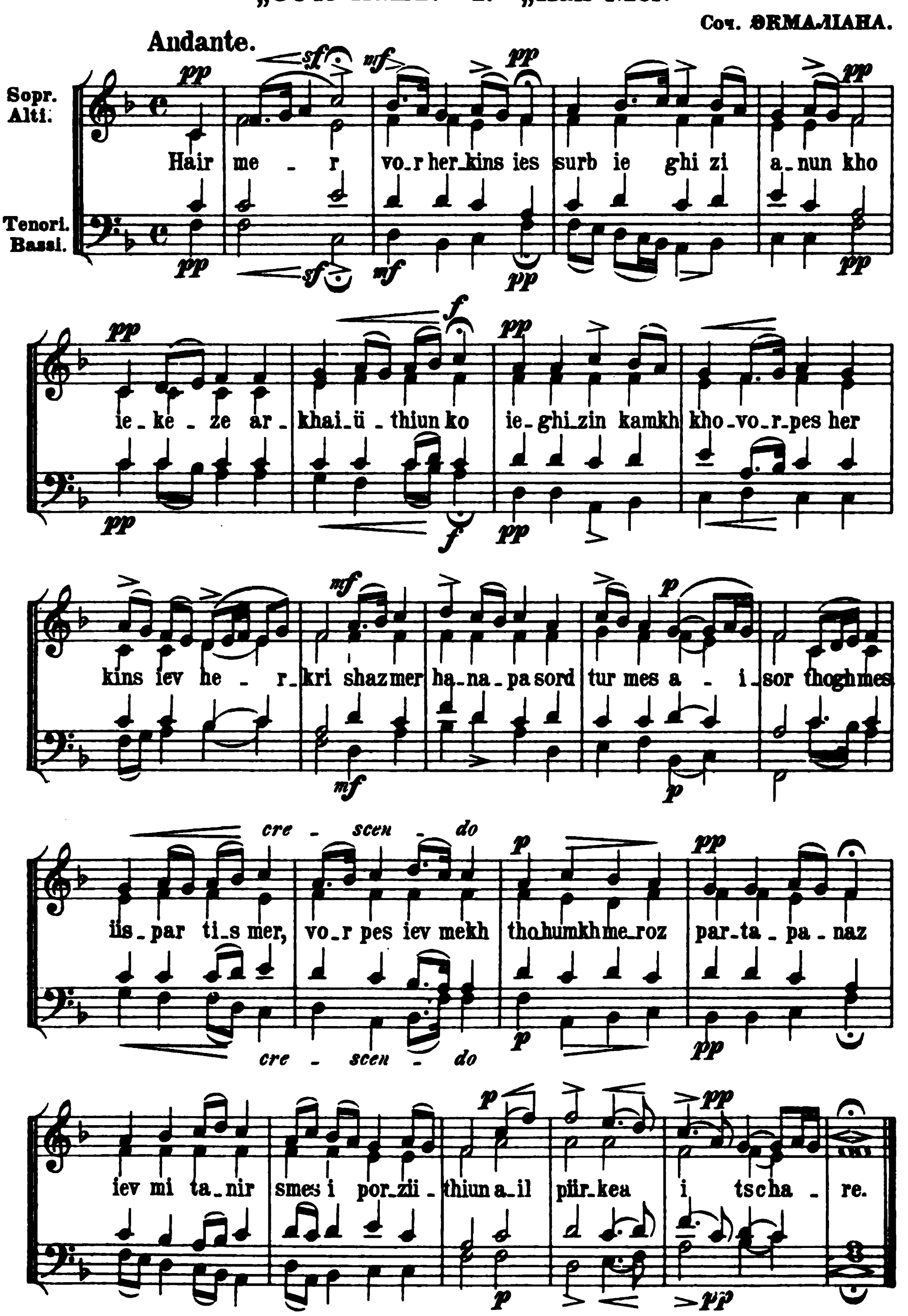
Въ качествѣ образцовъ прилагаемъ мелодіи двухъ пѣсенъ, записанныхъ нами въ Закавказьѣ. Первая, судя по тексту, принадлежитъ ашугу Дживани, составитель второй намъ неизвѣстенъ. Если, такимъ образомъ, духовная и народная армянская музыка, при всемъ настоящемъ ея застоѣ, все же исполнена необыкновеной живучести и оригинальности, а при лучшихъ внѣшнихъ условіяхъ занимала бы, быть можетъ, видное и почетное мѣсто въ европейской музыкальной литературѣ, то будемъ надѣятся, что нашъ краткій и, къ сожалѣнію, очень неполный очеркъ вызоветъ хоть какое-нибудь вниманіе къ армянскому музыкальному творчеству и тѣмъ положитъ начало къ дальнѣйшему его преуспѣянію.

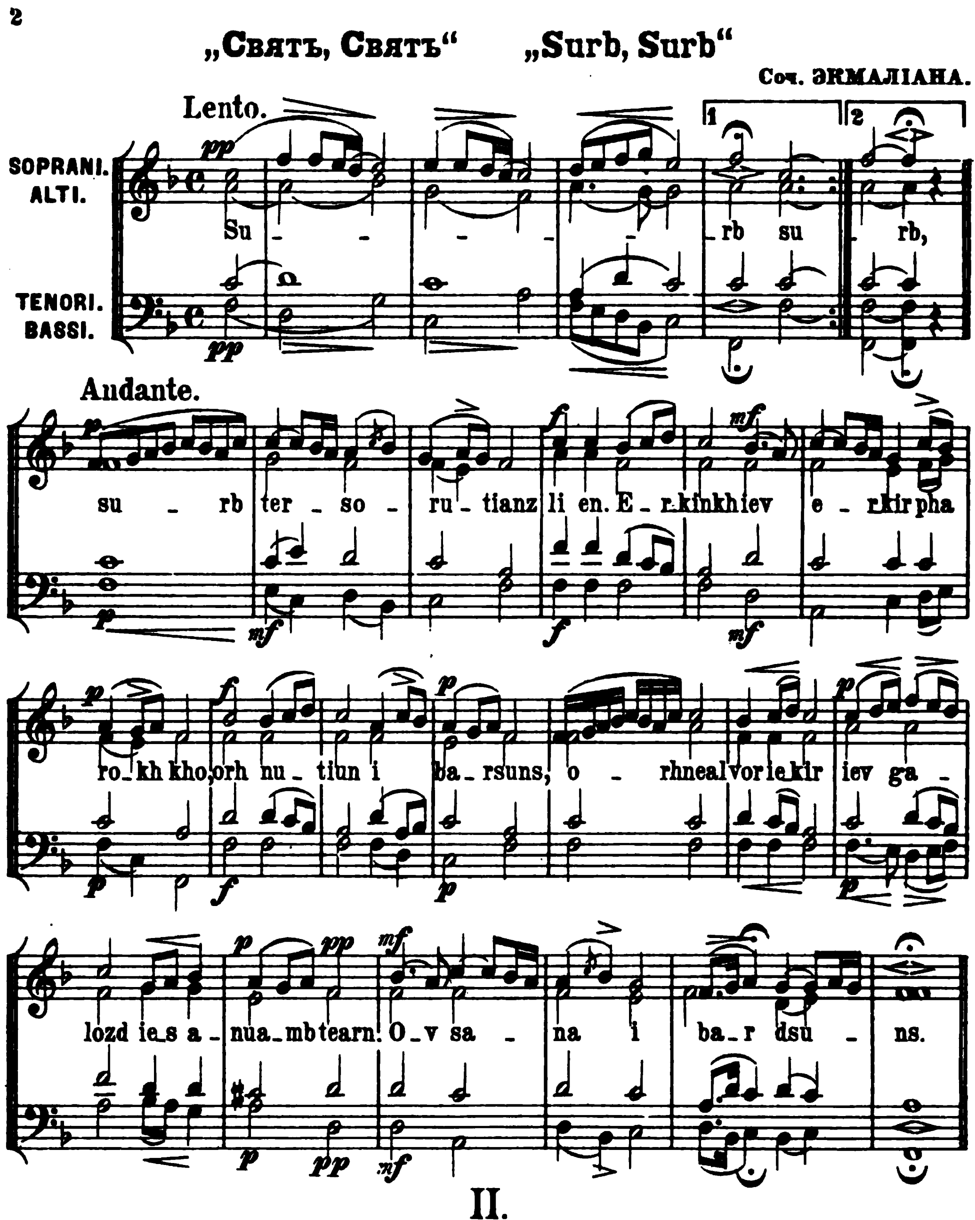
К. С.

Пѣвчіе Нахичеванскаго собора св. Григорія.

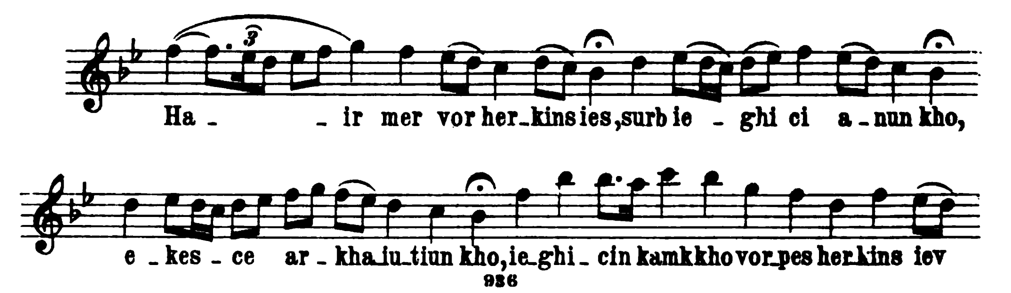
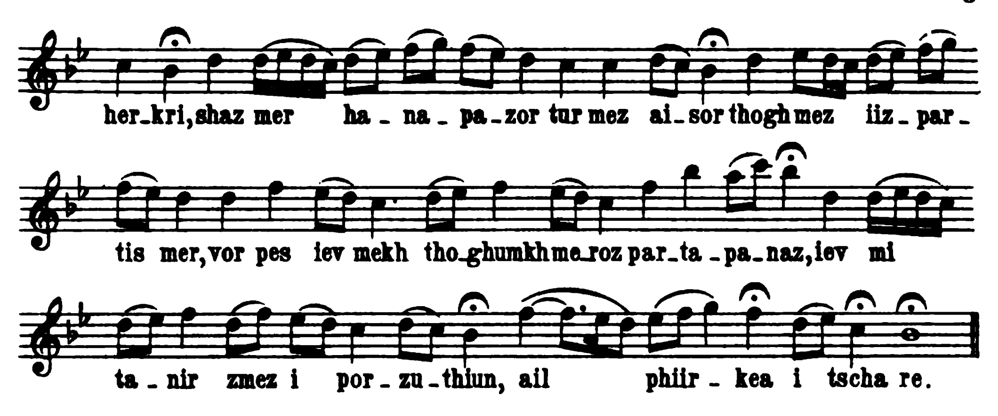
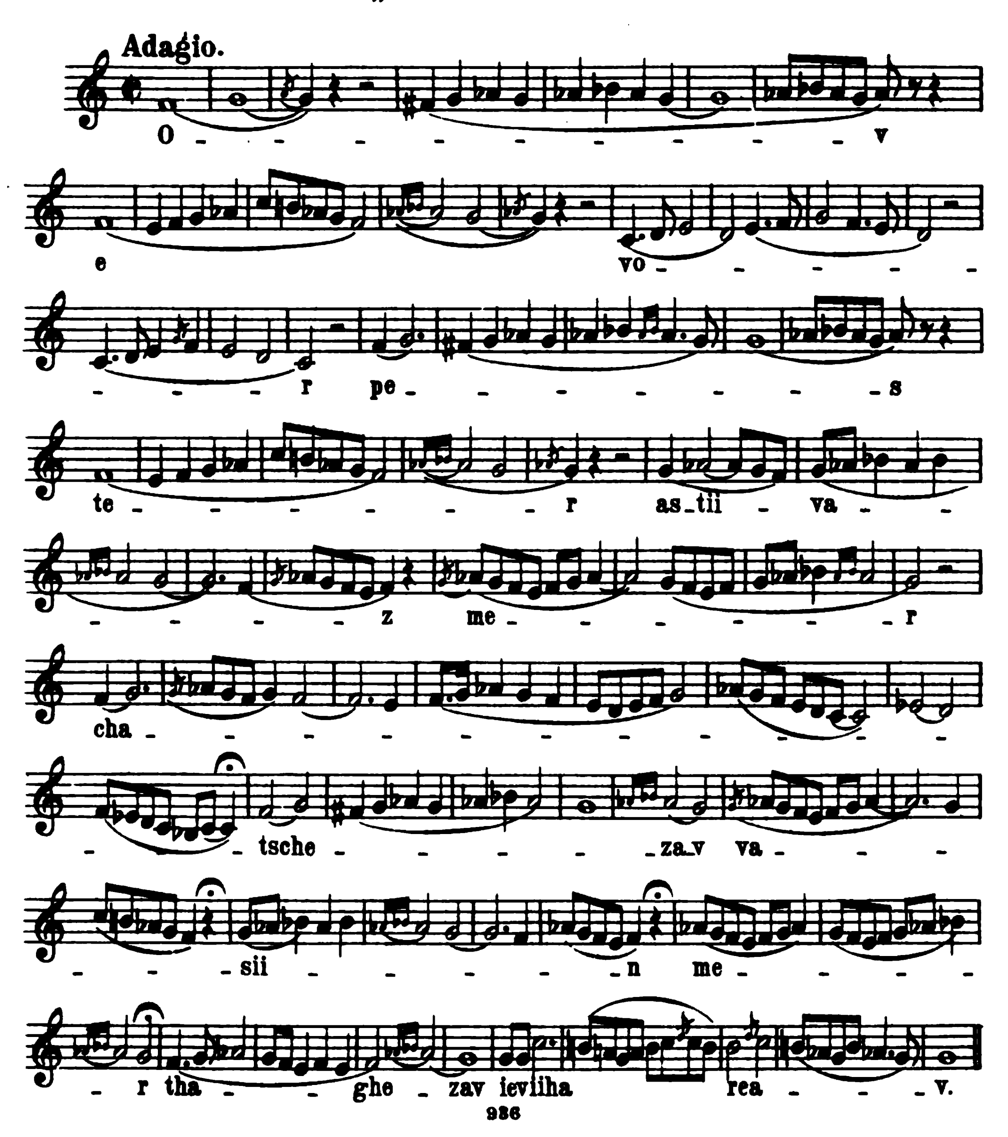
ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „БРАТСКОЙ ПОМОЩИ АРМЯНАМЪ"

„Отче Нашъ" I. „Hair Mer"

Соч. ЕКМАЛІАНА.

„Святъ, Святъ" „Surb, Surb"

Соч. ЭКМАЛІАНА.

II.

Древніе церковные напѣвы, записанные К. С.

„Отче Нашъ" „Hair Mer"

„Srbasazutiun“

III.

a)

Andante. (♩=72)

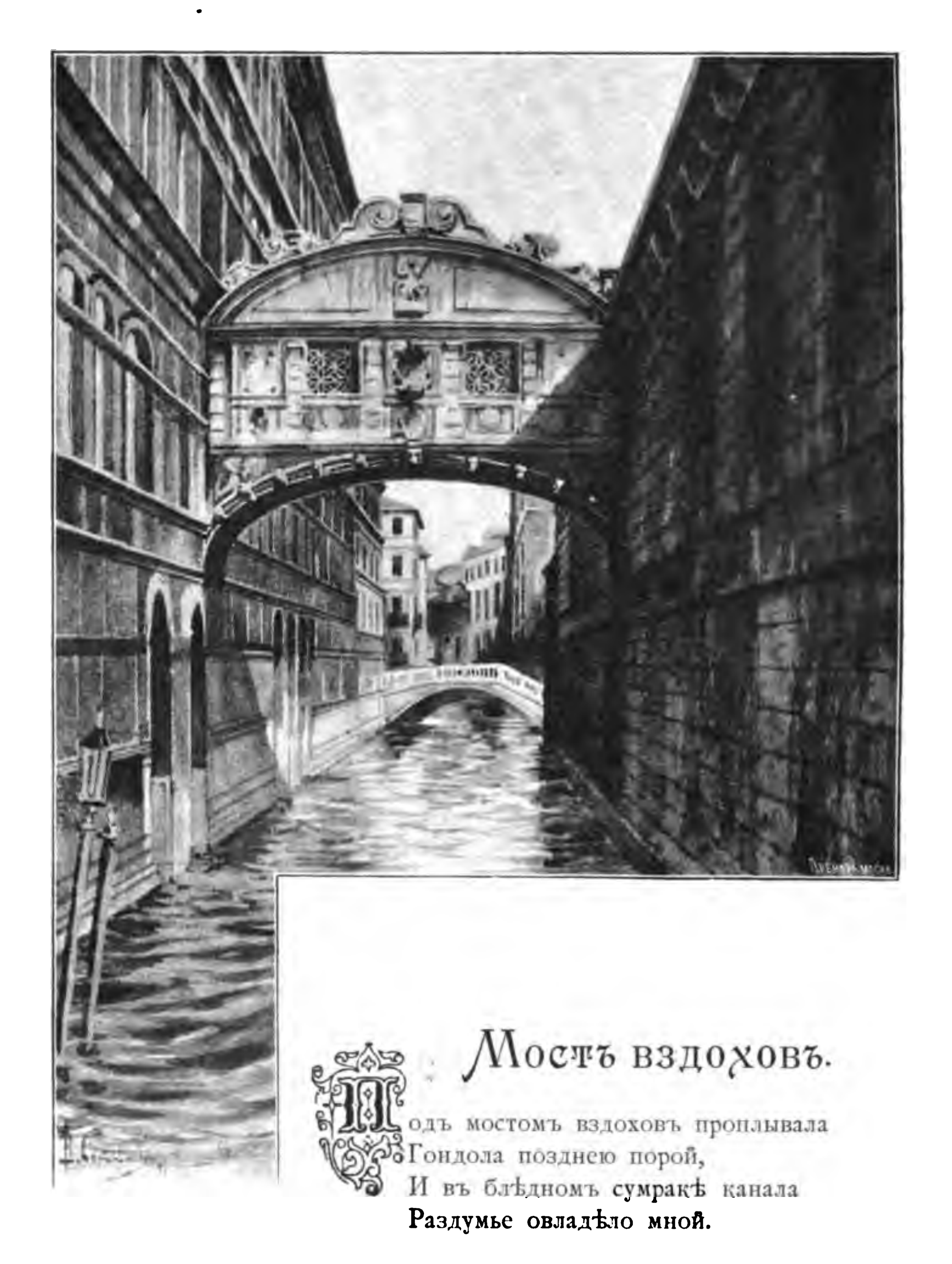
glis.

b)

Allegretto. (♩=66)

Армянскій слѣпой ашугъ (пѣвецъ).

Печатать дозволяется. Управляющій Епархіею Нахичевано-Бессарабской Архимандритъ Гусикъ.
Паровая скоропечатня нотъ П. Юргенсона въ Москвѣ.



Мостъ вздоховъ.

Подъ мостомъ вздоховъ проплывала
Гондола позднею порой,
И въ блѣдномъ сумракѣ канала
Раздумье овладѣло мной.

Зачѣмъ таинственною сѣнью
Нависъ такъ мрачно этотъ сводъ?
Зачѣмъ такой зловѣщей тѣнью
Подъ этимъ мостомъ обдаетъ?

Какъ много вздоховъ и стенаній
Должно-быть въ прежніе года
Слыхали стѣны этихъ зданій
И эта мутная вода!

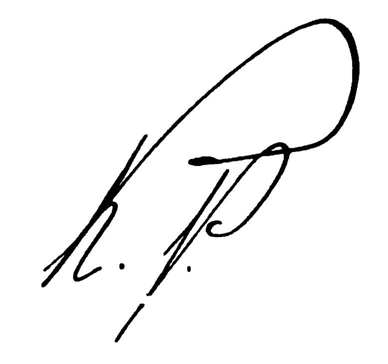
Могли-бъ повѣдать эти своды,
Какъ въ дни глубокой старины,
Бывало, оглашались воды
Паденьемъ тѣла съ вышины;

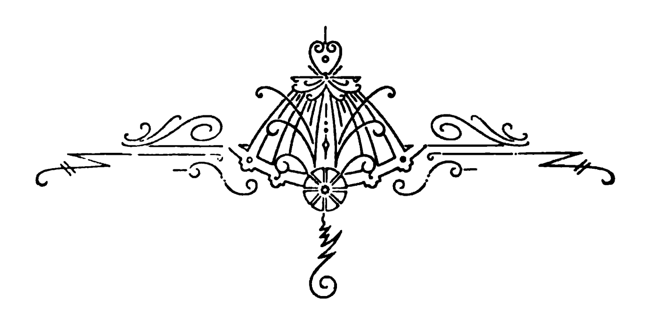
И волнъ, и времени теченье
Спѣшило тѣло унести:
То были жертвы отомщенья
Совѣта Трехъ и Десяти . . .

Но не болтливы стѣнъ каменья,
Не разговорчива вода,
И лишь въ одномъ воображеньѣ
Встаютъ минувшіе года.

Безмолвна мраморная арка,
Безмолвенъ сумрачный каналъ . .
Крылатый левъ Святого Марка
Сномъ вѣковѣчнымъ задремалъ.

Штутгартъ.
4 іюня 1882 г.





О реформахъ въ Турціи.

События двухъ послѣднихъ лѣтъ (съ избіенія армянъ въ Сассунѣ въ августѣ 1894 г.) снова выдвинули на первый планъ восточный вопросъ. Болѣе чѣмъ когда либо опять проявилась полная несостоятельность Оттоманской имперіи. По всѣмъ швамъ давая трещину, она, очевидно, обречена на неминуемое и скорое распаденіе, но державы введшія ее въ составъ европейскаго концерта, все не могутъ согласиться между собою на счетъ ея замѣщенія и только хлопочутъ о продленіи ея дней на пагубу всѣмъ. Для этого онѣ рѣшились принудить ее и, въ случаѣ нужды даже силою, вступить, наконецъ, на путь реформъ. Сперва онѣ представили планъ для улучшенія положенія армянскихъ вилайетовъ, а когда онъ не получилъ одобренія султана и безпорядки въ его владѣніяхъ снова усилились, онѣ поручили своимъ представителямъ въ Константинополѣ выработать общій проектъ для преобразованія внутренняго управленія во всей Турціи.

Это дѣло было уже кончено; оставалось сообщить названный проэктъ султану и такъ или иначе навязать ему его,—какъ вспыхнуло возстаніе въ Критѣ и все снова поставлено было подъ вопросомъ....

Независимо отъ принципа и объема предполагавшейся административной реформы въ Турціи, естественно возникаетъ вопросъ: мыслима ли тамъ такая или какая либо иная реформа вообще? Не будутъ ли всѣ преобразованія, рекомендуемыя Портѣ ея друзьями, писаны на водѣ, по той простой причинѣ, что для проведенія ихъ въ жизнь отсутствуютъ всякія реальныя основанія? Объ этомъ свидѣтельствуютъ единогласно всѣ, имѣвшіе возможность ближе присмотрѣться къ турецкимъ порядкамъ и только дипломаты, упорно отводящіе глаза отъ явленій дѣйствительности, въ угоду рутинѣ и излюбленнымъ предразсудкамъ способны еще въ томъ сомнѣваться.

Однако, чтобы не быть голословными, бросимъ взглядъ на современное положеніе Турціи въ политическомъ, финансовомъ и военномъ отношеніяхъ.

a) Въ *политической* ея жизни надо различать въ ней три главныхъ фактора: султана, дворецъ и министерство. 1. *Султанъ* является орудіемъ приближенныхъ къ нему лицъ, заправляющихъ имъ посредствомъ чувства страха, который они тщательно ему внушаютъ ко всему, что для нихъ враждебно. Недавно появившаяся статья Берара [1]) заключаетъ въ себѣ хорошую критику всего внутренняго строя Оттоманской имперіи и изображаетъ главу правовѣрныхъ какъ человѣка хотя добраго, набожнаго, но очень упрямаго, недалекаго по умственному развитію, подозрительнаго и до крайности боязливаго, озабоченнаго исключительно лишь охраною собственной особы. Во внѣшней политикѣ онъ постоянно колеблется между вліяніемъ Россіи и Англіи; въ дѣлахъ внутренняго управленія ему приходится вѣчно бороться съ двумя теченіями, съ приверженцами старой и молодой Турціи. Постоянный страхъ побудилъ султана лишить Высокую Порту всякаго значенія; съ 1880 г. онъ потребовалъ восхожденія всѣхъ дѣлъ до него, но, очевидно, съ такою задачею ему было не по силамъ справиться и вотъ при этомъ возникъ цѣлый рядъ чиновниковъ, безотвѣтственныхъ, но всесильныхъ и самого низкаго разряда. Это и есть 2. *Дворецъ*, Ильдизъ—Кіоскъ, во главѣ котораго стоитъ первый секретарь дворца, alter ego султана, скрѣпляющій всѣ его повелѣнія. Эти лица, приближенныя къ Абдулъ-Гамиду, являются настоящими владыками, хотя они по большей части люди безъ всякой морали и образованія, авантюристы, продажные интриганы и доносчики. Они слѣдятъ за всѣмъ и всѣми въ Турціи, докладываютъ и доносятъ обо всемъ прямо султану и даютъ предписанія прямо изъ Ильдизъ-Кіоска, помимо подлежащихъ министровъ, всѣмъ должностнымъ лицамъ въ Турціи. Эта система управленія причиняетъ новые огромные расходы, крайне затягиваетъ каждое дѣло и своею продажностью порождаетъ сильное недовольство среди всего населенія, т. е. какъ мусульманъ, такъ и христіанъ безразлично, недовольство, которое проникаетъ даже въ армію, на которой держится вся система турецкаго управленія [2]). 3. Блистательная Порта, или министерство, безъ всякаго реальнаго значенія и силы. Султанъ хочетъ, какъ мы сказали, всѣмъ управлять и распоряжаться самъ; по теоріи онъ абсолютный государь, но какъ бы ни были добры его намѣренія, управленіе такою монархіею, какова его, превосходитъ естественныя силы человѣка и, по необходимости, онъ долженъ въ дѣйствительности предоставлять свою власть въ руки другихъ и этими другими являются его любимцы, которые, составляя дворецъ, распоряжаются всѣмъ безконтрольно за спиною своего безотвѣтственнаго владыки.

Одно развѣ, что тутъ могло бы помочь — это установленіе крѣпкаго, способнаго министерства, независимаго отъ дворца.

b) *Финансы* Турціи находятся въ невообразимомъ безпорядкѣ. Дефициты ростутъ въ усиливающейся степени. Дѣлаемые займы едва могутъ на время удовлетворить самымъ насущнымъ потребностямъ. Уже съ давнихъ поръ оттоманскіе чиновники получаютъ свое жалованье со всякими сокращеніями и задержками. Недовольство и распущенность проникаетъ во всѣ слои чиновничьяго міра

---

[1]) *Berard.* La politique du sultan (Revue de Paris 1 et 15 janv. 1897). Вышло недавно и особой книгой.

[2]) Ср. Русскій Вѣстникъ, 1897, февраль въ ст. „Библіографія“, отдѣлъ „Восточный вопросъ“

и даже войско. Шакиръ паша, былъ главнымъ комиссаромъ въ Арменіи, потребовалъ отставки, потому что не получалъ содержанія. Губернаторъ Крита отказался отъ должности, чтобъ избѣгнуть докучливыхъ просьбъ своихъ чиновниковъ, которые получали лишь двадцатую долю слѣдуемаго имъ за прошлое жалованья. Даже посольства Порты при иностранныхъ дворахъ, доселѣ аккуратно содержимыя, подверглись такой же участи съ другими вѣдомствами. Займы заключаются для отпразднованія обычныхъ религіозныхъ праздниковъ. Служащіе, всячески урѣзываемые въ своемъ содержаніи, должны тратиться на подарки и приношенія сильнымъ при дворѣ особамъ. Коммиссія, учрежденная для организаціи турецкихъ финансовъ представляетъ не болѣе какъ ширмы для отвода глазъ населенію, уже потерявшему всякое терпѣніе. Даже не щадятъ пенсіонныхъ кассъ для удовлетворенія минутныхъ потребностей. Подобная система, очевидно, не можетъ долго продолжаться. Заемъ, предоставленный Турціи державами, и ими гарантированный, приведетъ къ установленію надъ нею, какъ надъ расточителемъ и промотавшимся, опеки, но врядъ ли эта опека спасетъ ее отъ конечной гибели и въ экономической сферѣ.

c) Полная несостоятельность Блистательной Порты, которую мы видимъ въ политической и экономической сферѣ, проявляется съ такою же силою и въ отношеніи *военномъ*. Турецкую армію опредѣляютъ въ 250—370 тыс. человѣкъ [1]), но она по истинѣ въ самомъ плачевномъ состояніи: безъ дисциплины, безъ способныхъ начальниковъ и даже плохо содержанная. Солдаты, не получая достаточной пищи и жалованья, по необходимости превращаются въ разбойниковъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя ихъ посылаютъ «усмирять». О дисциплинѣ при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи. Регулярныя войска должны были ретироваться предъ курдами, входившими въ составъ нерегулярной кавалеріи гамидіе, образованной изъ всякаго сброда Шакиръ пашой и много содѣйствовавшей увеличенію кровопролитія и безпорядковъ при подавленіи послѣднихъ мятежей [2]). Препятствіями далѣе (и неопредолимыми) ко всякаго рода реформамъ въ Турціи являются: фанатизмъ и невѣжество мусульманъ. Къ этому надо прибавить неудовлетворительность личнаго состава служащихъ въ Турціи и ихъ продажность на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи. Вотъ что дѣлаетъ невозможными внутренній міръ и сліяніе въ ней расъ. Мегметъ Али удалось поднять Египетъ, благодаря рѣдкой личной энергіи, однородности населенія, привыкшаго къ многолѣтнему рабству. Онъ нигдѣ не допускалъ злоупотребленій, кромѣ тѣхъ, которыя дозволялъ себѣ самому въ интересахъ укрѣпленія своей власти. Лордъ Стратфордъ Редклифъ, извѣстный дипломатъ, превосходно знавшій Турцію, игравшій въ ней такую первенствующую роль, выразился однажды на банкетѣ, предложенномъ ему его соотечественниками, такъ:

«Въ теченіе всей моей миссіи въ Константинополѣ я всегда стремился къ поддержанію англійской торговли и къ содѣйствію турецкому правительству въ трудномъ предпринятомъ имъ дѣлѣ реформъ. Одно время я надѣялся на успѣхъ;

---

1) Chronique des faits internationaux въ *Rev.* génér. du Dr. Intern. publ. за 96 г. № 3, p. 387—88.

2) По другимъ свѣдѣніямъ турецкая армія располагаетъ въ мирное время свыше 700,000 солдатами, вполнѣ и хорошо обученными.

теперь и вынужденъ сознаться, что вопреки благимъ намѣреніямъ султана, несмотря на талантъ нѣкоторыхъ его помощниковъ, преданныхъ своему отечеству, успѣхъ невозможенъ. Масса населенія глубоко развращена, повсюду растраты, воровство, продажность, общее разслабленіе; на мой взглядъ зло это отнынѣ непоправимо».

Такъ говорилъ англійскій посолъ въ 1852 г., когда Турціею управлялъ государь кроткій и умѣренный, окруженный министрами, которые смѣло взялись за дѣло ея возрожденія путемъ устраненія укоренившихся злоупотребленій и примиренія ея враждующихъ между собою племенъ.

«Этотъ строгій приговоръ», спрашиваетъ гр. Бенедетти, также дипломатъ, хорошо знакомый съ дѣлами Востока, «менѣе ли справедливъ для нашего времени? Кто посмѣетъ это утверждать послѣ видѣнныхъ нами недавно поступковъ слѣпаго или преступнаго правительства, послѣ кровавыхъ вспышекъ, жертвами которыхъ пали тысячи христіанъ безъ различія пола и возраста, послѣ преднамѣренныхъ и систематическихъ избіеній ихъ даже на улицахъ Стамбула передъ глазами и при очевидномъ соучастіи органовъ власти».

Онъ напоминаетъ, что еще Бенжаменъ Константъ въ интересной брошюрѣ доказывалъ, что съ научной точки зрѣнія теорія о законности власти султана надъ его христіанскими подданными чудовищна, что не слѣдуетъ къ нелѣпости этого принципа присоединять еще гораздо болѣе опасную непредусмотрительность, сказывающуюся въ желаніи *дисциплинировать варваровъ* [1]).

Гр. Бенедетти ставитъ на видъ, что всѣ, предлагавшіяся донынѣ реформы въ Турціи, не удались по двумъ причинамъ: религіозной и общественной.

Коранъ до сихъ поръ является высшимъ и неприкосновеннымъ закономъ для всякаго послѣдователя Магомета. Турки, убѣдившись, что ихъ владычеству грозитъ опасность со всѣхъ сторонъ, нынѣ питаютъ по отношенію къ христіанамъ кромѣ презрѣнія еще свирѣпую, неумолимую ненависть. Въ своемъ ослѣпленномъ *озлобленіи*, которое, прибавимъ еще отъ себя, только усиливается неумѣлыми и нерѣшительными вмѣшательствами Европы, они не видятъ другого средства къ сохраненію своего могущества и къ отстраненію грозящей имъ опасности, какъ уничтоженіе христіанъ путемъ ихъ истребленія. Отсюда повсемѣстныя избіенія ими христіанъ, гдѣ только послѣдніе пытались имъ сопротивляться—въ Болгаріи, Босніи, Арменіи, на Критѣ и т. д. Эта система называется «усмиреніемъ» и возстановленіемъ отеческаго управленія великодушнаго падишаха! Можетъ ли быть рѣчь о «законности» по отношенію къ такому правительству и какимъ «миролюбіемъ» можно оправдать желаніе его поддержать?

Когда дѣлались попытки къ какимъ либо реформамъ, въ мечетяхъ и школахъ, сейчасъ начинали громко порицать ихъ и раздавалась проповѣдь о неприкосновенности ислама и господствѣ его надъ христіанствомъ. Въ особенности все это громко высказывалось въ провинціяхъ, вдали отъ глазъ новыхъ министровъ. Этимъ путемъ уничтожались намѣренія нововводителей и разсѣевались всѣ надежды и иллюзіи друзей Турціи.

Съ другой стороны, какъ замѣчено, продажность и взяточничество служз-

---

[1]) Benedetti—La question d' Orient (Rev. des. D. Mondes 1 Janv. 97).

щихъ достигаютъ въ Турціи до невѣроятныхъ размѣровъ. Причиною этого является отсутствіе въ ней средняго класса обладающаго необходимымъ къ тому знаніемъ и тѣмъ профессіональнымъ воспитаніемъ, вслѣдствіе котораго въ образованныхъ странахъ изъ среды средняго класса набираются люди для службы государственной, а также и дѣятельности торговой и промышленной. Въ Турціи не откуда набрать людей способныхъ къ исполненію служебныхъ обязанностей. Что бы ни говорили о власти и могуществѣ султана, онъ долженъ считаться однако съ религіозными воззрѣніями своихъ подданныхъ — единовѣрцевъ и со стремленіями христіанъ, алчущихъ освободиться отъ его верховнаго могущества. Что бы онъ ни обѣщалъ самъ, что бы ни постановляли европейскія державы, султанъ безсиленъ осуществить это на дѣлѣ [1]).

Послѣ столь категорическаго заявленія, совершенно несостоятельною является мысль Бенедетти о желательности соглашенія между европейскими державами въ томъ, «чтобы двѣ изъ нихъ (понятно какія) заняли два отдаленные пункта въ предѣлахъ Турціи, одинъ въ Азіи, а другой въ Европѣ и этимъ доставили бы султану сильную матеріальную поддержку, въ которой онъ всего болѣе нуждается для осуществленія своихъ преобразованій». Авторъ наивно полагаетъ, что при указанномъ имъ условіи «султанъ и его совѣтники получатъ возможность приступить къ мирному осуществленію настоятельно необходимыхъ для блага страны мѣръ, не возбуждая нигдѣ волненія и нигдѣ не встрѣчая препятствія». Этотъ дипломатическій оптимизмъ автора лучше всего опровергается его собственными же выше-приведенными и столь вѣрными разсужденіями о религіозномъ и общественномъ положеніи современной Турціи.

Въ томъ же журналѣ, гдѣ появилась статья Берара, въ Revue de Paris, напечатана недавно статья мусульманина Малькомъ-Хана [2]). Вся она проникнута стремленіемъ защитить Турцію отъ нападокъ и доказать ея права на самостоятельное существованіе. Но, вопреки словамъ автора, собственное его мнѣніе о внутреннемъ состояніи его родины уничтожаетъ возможность повѣрить въ успѣшность предлагаемыхъ имъ мѣръ. Онъ говоритъ: «Вотъ уже сто лѣтъ какъ дипломатическіе переговоры, оружіе, затраты, совѣты, увѣщанія, всевозможныя средства примѣняются Европой для того, чтобы принудить Турцію къ преобразованіямъ. Каковъ же былъ результатъ всего этого? Для владѣній нашихъ — груды развалинъ, для народа—неистощимый источникъ слезъ. Какъ же объяснить ту поразительную неудачу, какую потерпѣли мудрость и могущество Европы? Отвѣтъ коротокъ: христіанскія державы совсѣмъ не понимаютъ ислама, главный принципъ котораго слѣдующій: христіанская Европа есть врагъ. Всякое допущеніе христіанскаго вмѣшательства въ дѣла ислама святотатство и преступленіе. Можно покорить, уничтожить, разсѣять мусульманскій народъ, но никогда онъ не приметъ преобразованія, навязаннаго христіанскою державою. Почему? А потому, что для мусульманина всякая реформа можетъ имѣть только одинъ законный источникъ—исламъ». На этомъ основаніи Малькомъ Ханъ утверждаетъ, что

---

[1]) Русскій Вѣстникъ ib.

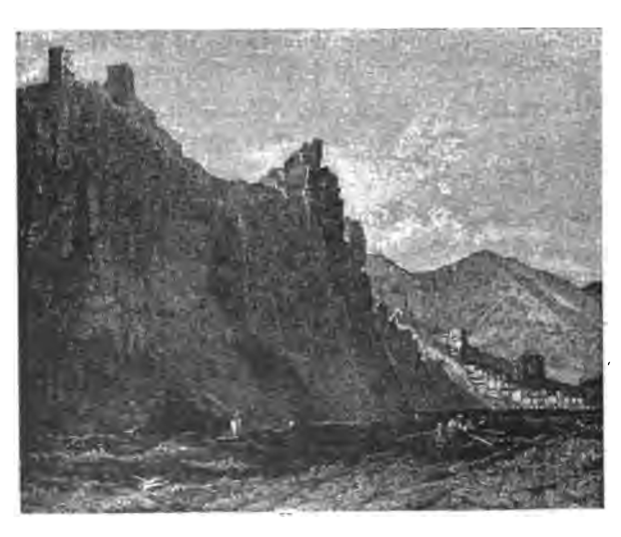
[2]) *Prince Malcom-Khan.* L'Orient назв. журн. 1 Fevr. 1897. Ср. Русскій Вѣстникъ тамъ же.

европейскимъ державамъ нѣтъ другого выбора, какъ или совсѣмъ уничтожить Турцію, или, прежде чѣмъ предлагать какія либо реформы, измѣнить форму правленія, ограничивъ власть султана конституціей. И вотъ авторъ вѣритъ въ возможность спасенія этимъ путемъ Оттоманской имперіи и полагаетъ, что мысли его найдутъ сочувствіе въ средѣ всѣхъ турокъ, желающихъ избавить свое отечество отъ гибели. Новая иллюзія! Никакая конституція не спасетъ и не можетъ спасти Турцію. Главнымъ препятствіемъ для этого является именно исламъ, признаваемый и авторомъ за основу турецкой монархіи. Какое же при этомъ условіи можетъ быть напр. равенство гражданъ передъ закономъ въ государствѣ, состоящемъ изъ христіанъ и мусульманъ, когда первые по ученію послѣднихъ должны находиться у нихъ въ порабощеніи? И также непримѣнимою оказалась бы конституція по всѣмъ другимъ своимъ пунктамъ.

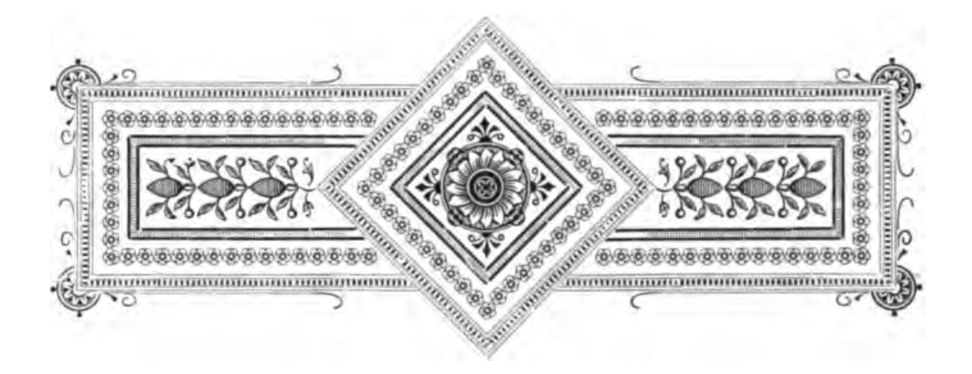
Все это въ заключеніе приводитъ насъ къ мысли, что державамъ давно пора отказаться отъ фетиша «неприкосновенности Турціи», созданнаго дипломатіею, и приступить наконецъ совмѣстно къ возможно мирному и справедливому замѣщенію ея новыми, жизнеспособными политическими тѣлами. Этимъ онѣ и лучше всего обезпечили бы самый миръ въ Европѣ.

Мартъ 1897 г.

Гр. Л. Камаровскій



Крѣпость Ала (Киликія).



Положеніе дѣлъ въ Турецкой Арменіи [1]).

(До избіеній 1895 г.).

I.

Существуетъ премилый разсказъ о маленькой дѣвочкѣ, которая, боясь оставаться спать въ темной комнатѣ, просила мать не уносить свѣчи, пока она не заснетъ. «Чего ты боишься, милая?»—спросила строгая родительница.—«Темноты», отвѣчалъ ребенокъ. «Но помни, дорогая моя, что Богъ здѣсь въ комнатѣ съ тобою, а Богъ есть свѣтъ». Молчаніе, послѣдовавшее за этой догматической сентенціею, повидимому, показывало, что желаемое впечатлѣніе произведено, но вдругъ молчаніе было нарушено нѣжнымъ голоскомъ:—«Въ такомъ случаѣ, мама, возьми Бога и оставь свѣчу».

[1]) Изъ *Contemporary Reviev* 1895, августъ.—Авторъ этой статьи являетъ собою примѣръ боевого, неустрашимаго служенія печатному слову. Съ неимовѣрными трудностями и опасностями выполнилъ онъ многотрудную роль разслѣдователя звѣрствъ турецкихъ, встрѣчая на каждомъ шагу, при выполненіи своей благородной миссіи, противодѣйствія со стороны турецкаго правительства. Приводимъ со словъ *„Новаго Обозрѣнія“* данныя изъ біографіи Диллона:

„Эмиль Диллонъ—по происхожденію ирландецъ: онъ родился въ Дублинѣ 9-го марта 1855 г. Закончивъ первоначальное свое образованіе въ родномъ городѣ, г. Диллонъ для полученія высшаго образованія отправился въ Англію, а затѣмъ слушалъ лекціи по философіи и восточнымъ языкамъ въ лучшихъ французскихъ и нѣмецкихъ университетахъ. Между прочимъ, въ Collège de France онъ слушалъ лекціи Ренана, а въ университетахъ тюбингенскомъ и лейпцигскомъ спеціально занимался изученіемъ сравнительной филологіи. Изъ Германіи Диллонъ прибылъ въ Россію, гдѣ получилъ въ петербургскомъ университетѣ званіе магистра восточныхъ языковъ и былъ приглашенъ въ Харьковскій университетъ на каѳедру сравнительной филологіи. Послѣднюю должность г. Диллонъ отправлялъ въ теченіе четырехъ лѣтъ. Посвятивъ свое особенное вниманіе изученію древне-армянскаго языка и литературы, г. Диллонъ вскорѣ перевелъ на русскій языкъ и издалъ книгу Егише „Война армянъ съ персами“, а также напечаталъ собственный этюдъ—„Отношеніе армянскаго языка къ иранской

Отношеніе армянскаго населенія Турціи къ цивилизованнымъ народамъ Западной Европы, со стороны которыхъ жестокія пытки и кровавыя избіенія своевременно вызываютъ обнадеживающія выраженія справедливаго негодованія и моральнаго сочувствія, представляютъ большое сходство съ оборотомъ мыслей этого невиннаго ребенка. «Мы можемъ обойтись безъ вашего сочувствія и вашихъ соболѣзнованій, если вы гарантируете намъ безопасность жизни и имущества». Такъ разсуждаетъ благодарный армянинъ. Безпристрастный посторонній наблюдатель, знакомый съ ужаснымъ положеніемъ страны и ея жителей, естественно пошелъ бы дальше и смѣло утверждалъ бы, что выраженіе сочувствія на публичныхъ собраніяхъ, за которымъ слѣдуетъ полная бездѣятельность, не только хуже, чѣмъ дѣйствительная матеріальная помощь, но положительно *вредно*. Прежде турки не любили армянъ и сасунская рѣзня представляетъ яркій образчикъ силы чувства. Теперь послѣ позорнаго униженья, которому подвергли ихъ европейскіе друзья ихъ жертвъ, турки ненавидятъ самое имя Арменіи и считаютъ, что никакія насилія не могутъ удовлетворить ихъ оскорбленнаго самолюбія. Когда иностранные консулы въ Эрзерумѣ недавно обратили вниманіе вали (губернатора) на исключительно рѣзкій случай несправедливости, онъ сказалъ драгоманамъ, что турецкое правительство и армянскій народъ находятся по отношенію другъ къ другу въ положеніи мужа и жены, и посторонніе, питающіе состраданіе къ женѣ, съ которой мужъ дурно обращается, лучше бы сдѣлали, если бы воздержались отъ вмѣшательства. И это замѣчаніе совершенно справедливо, *если супруги предполагаютъ жить вмѣстѣ*, потому что жестокій мужъ всегда можетъ найти время и мѣсто, чтобы выместить злобу на своей безпомощной подругѣ. Именно это и происходитъ въ настоящее время въ Турецкой Арменіи.

На глазахъ русскихъ, англійскихъ и французскихъ делегатовъ въ Мушѣ, свидѣтели, имѣвшіе мужество говорить правду представителямъ державъ, заключались въ тюрьму, и ничья рука не поднялась, чтобы защитить ихъ, и въ настоящее время на разстояніи брошеннаго камня отъ иностранныхъ консуловъ и миссіонеровъ вѣрноподданные армяне вѣшаются за ноги со связанными вмѣстѣ волосами на головѣ и бородѣ, а тѣла ихъ жгутся раскаленнымъ желѣзомъ и уродуются такими способами, о которыхъ въ Англіи нельзя ни разсказать, ни дать понятіе; при этомъ жены ихъ въ ихъ присутствіи подвергаются позору, а дочери на ихъ глазахъ уводятся. И все, что филантропическая англійская нація можетъ предложить своимъ protégé, это краснорѣчивое негодованіе и пустое со-

---

группѣ языковъ". Для болѣе основательнаго изученія армянскаго языка и литературы, г. Диллонъ отправился въ Венецію, гдѣ занимался этими предметами въ ученой конгрегаціи мхитаристовъ (см. выше), а въ 1886 г., издавъ свое изслѣдованіе объ армянскомъ языкѣ, онъ получилъ званіе члена этой конгрегаціи. Вернувшись изъ Венеціи въ Англію, г. Диллонъ напечаталъ въ англійскихъ ученыхъ журналахъ цѣлый рядъ спеціальныхъ статей по сравнительной филологіи—объ армянскомъ языкѣ и литературѣ—и пріобрѣлъ имя солиднаго ученаго. Кромѣ родного языка, г. Диллонъ основательно владѣетъ языками: русскимъ, французскимъ, нѣмецкимъ и древне-армянскимъ. Въ качествѣ корреспондента, г. Диллонъ стяжалъ себѣ завидную славу: его корреспонденціи, отличающіяся основательнымъ знаніемъ трактуемаго предмета и правдивостью изложенія, приковали къ себѣ всеобщее вниманіе въ Англіи и вызвали сочувствіе къ положенію Арменіи, ужасы которой, по авторитетному заявленію Гладстона, превосходятъ ужасы Болгаріи до послѣдней войны".

чувствіе. Не лучше ли было бы замолчать сасунскую рѣзню и закрыть глаза передъ ужасами смерти, чѣмъ раздражить турка до бѣшенства и затѣмъ предоставить ему свободно вымѣщать свою злобу на христіанахъ, единственною защитой которыхъ служитъ наше сентиментальное краснорѣчіе?

По какимъ мотивамъ армяне относятся съ благодарностью къ Англіи—это тайна, которая была бы неразрѣшима, еслибы мы не понимали подъ благодар-

Эмиль Диллонъ.

ностью чувство, вызванное представленіемъ о будущихъ благодѣяніяхъ. Ибо сущность результатовъ, достигнутыхъ нашимъ вмѣшательствомъ съ 1878 г., съ точки зрѣнія чисто филантропической, заключалась въ томъ, что въ пяти армянскихъ провинціяхъ утвердилась *звѣрская* система управленія, по сравненію съ которой жестокости рабовладѣльческой системы южныхъ штатовъ представляются незначительными злоупотребленіями. Мы торжественно уничтожили чистилище и

завѣдомо содѣйствовали устроенію *ада*. Мы взялись наблюдать за тѣмъ, чтобы зло, порожденное дурнымъ управленіемъ въ армянскихъ округахъ Турціи, было скоро и окончательно искоренено; и мы не только не выполнили этого обязательства, которое добровольно взяли на себя, отказавшись довѣрить его Россіи, но допустили, чтобы безпорядочная система дурного управленія постепенно развивалась въ дьявольскую политику *безпощаднаго истребленія*; и мы допустили это, не рѣшившись показать нашей силы и не осмѣлившись признать собственное безсиліе. Даже сасунская рѣзня, вызвавшая такіе бурные порывы негодованія въ народахъ, употребляющихъ англійскій языкъ, оказалъ единственное ощутительное вліяніе на наше послѣднее либеральное правительство, именно—побудилъ его увеличить число писемъ, телеграммъ и консульскихъ отчетовъ. Совершенно достовѣрно, хотя, быть можетъ, не всѣмъ извѣстно, что либеральный кабинетъ еще въ прошломъ (1884 г.) сентябрѣ мѣсяцѣ зналъ о главныхъ фактахъ этой рѣзни и не упустилъ никакихъ мѣръ для того, чтобы *скрыть* эти факты до своей отставки; при этомъ достойно вниманія, что злополучные армяне подвергнуты въ настоящее время еще болѣе жестокой травлѣ и вивисекціи. Мы все-таки безпечно ждемъ чего-то, чтобы подняться. Отвѣтственность за эту позорную трату времени, какъ заявляютъ намъ нѣкоторые хорошо освѣдомленные политики, падаетъ на плечи Россіи, «подпольная интрига» которой дѣлаетъ, по ихъ словамъ, безсильными энергическія стремленія Англіи. Пресловутыя козни «московскихъ дипломатовъ» слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ нужно было останавливаться,--туманнаго намека совершенно достаточно; можно быть увѣреннымъ, что догадливая публика сама нарисуетъ себѣ вполнѣ точную картину.

Армянскій вопросъ имѣетъ, несомнѣнно, политическую сторону, въ виду которой невозможно сказать, какое положеніе займетъ Россія, но естественно предполагать, что нынѣшній Царь будетъ руководствоваться въ своей политикѣ только соображеніями справедливости и желаніемъ добра. Могутъ, однако, не колеблясь сказать, что Великобританія должна разсматривать армянскій вопросъ на почвѣ или чистой политики, или исключительно гуманныхъ побужденій. Мы не можемъ дѣлать и то и другое. Мы не должны открыто предлагать милостыню и тайно пытаться получить *ходячій процентъ* на сумму, которая какъ будто была подарена нами; мы не должны, строя домъ для безпріютнаго, требовать, чтобы этотъ домъ служилъ намъ самимъ защитой и преградой противъ наступленія возможныхъ враговъ, съ которыми мы продолжаемъ обращаться какъ съ друзьями и которыхъ мы приглашаемъ къ участію въ этой постройкѣ. Отношеніе Россіи вполнѣ корректно; болѣе того, она весьма благосклонна, ибо она оказала гостепріимство почти 20,000 армянскихъ бѣглецовъ, между тѣмъ какъ мы, несущіе нравственную отвѣтственность за невообразимый хаосъ, существующій у ея границъ, оттолкнули страдальцевъ, выразивъ имъ пустое, но шумное сочувствіе и надававъ имъ громкія обѣщанія.

Между тѣмъ обязанность этой страны въ высшей степени проста; мы должны или быстро положить конецъ ужасамъ турецкой Дагомеи, или публично признать свою неспособность выполнить наши обязательства въ Арменіи и тѣмъ отступить отъ гигантской задачи поддержанія цѣлости Турецкой имперіи въ Азіи. Если мы сдѣлали серьезную ошибку, возбудивъ прошлою зимой армянскій вопросъ прежде,

чѣмъ удостовѣрились, что можемъ удовлетворительно разрѣшить его, то мы совершаемъ почти преступленіе, давая туркамъ необходимое время для выполненія ихъ преступныхъ плановъ и упорно отказываясь взглянуть фактамъ прямо въ глаза.

Тѣ, которые знакомы съ положеніемъ пяти провинцій и ихъ христіанскаго населенія, безъ колебанія присоединятся къ такому взгляду на вопросъ; для тѣхъ же, которые не обладаютъ такимъ знакомствомъ, слѣдующій краткій очеркъ можетъ быть поучительнымъ.

II.

Владычество турокъ въ Арменіи фактически началось въ 1849 году, когда Османъ-паша нанесъ coup de grace звѣрской власти курдскихъ деребековъ въ 5 юговосточныхъ провинціяхъ (Ванъ, Битлисъ, Мушъ, Баязетъ и Діарбекиръ). Этотъ длинный промежутокъ времени, почти въ 50 лѣтъ, раздѣляется совершенно ясно на два періода: періодъ позорнаго управленія (1847—1891) и періодъ (1892—1894) открытаго истребленія. Совѣты и убѣжденія могутъ имѣть большое значеніе какъ средство противъ злоупотребленій, вытекающихъ изъ первой системы; но противъ послѣдней дѣйствительна только сила. Въ этомъ смыслѣ взглядъ, высказанный недавно по этому предмету лордомъ Салисбюри, совершенно вѣренъ.

Въ 1891 году Блистательная Порта, опасаясь серьезныхъ затрудненій для себя отъ обѣщаннаго введенія реформъ въ Арменіи и возможной во время войны враждебности христіанъ, живущихъ въ провинціяхъ пограничныхъ съ Россіей, рѣшила убить двухъ зайцевъ однимъ выстрѣломъ и организовала, такъ-называемую, кавалерію гамидіэ, составленную исключительно изъ курдовъ. Планъ, предложенный нѣкоторыми высшими сановниками имперіи, заключался въ томъ, чтобы вытѣснить армянъ изъ пограничныхъ земель, какъ, наприм., Алашкертъ, и замѣнить ихъ магометанами, чтобы число ихъ во всѣхъ пяти провинціяхъ было сокращено до такихъ размѣровъ, при которыхъ исчезла бы надобность въ спеціальныхъ реформахъ для армянскаго населенія и чтобы въ случаѣ войны курды дѣйствовали какъ противовѣсъ казакамъ.

Эта открытая политика истребленія была точно осуществляема и значительно расширена съ того времени, и если ей не положатъ скораго конца, то она, безъ сомнѣнія, приведетъ къ окончательному разрѣшенію армянскаго вопроса; но это разрѣшеніе будетъ позоромъ для христіанства и презрительной насмѣшкой надъ цивилизаціей. Курды, записанные въ войска, были оставлены въ своихъ родныхъ мѣстахъ, освобождены отъ службы, снабжены оружіемъ, облечены неприкосновенностью посланниковъ и обезпечены жалованіемъ, которое уплачивалось съ регулярностью, характеризующею Блистательную Порту. И они исполнили свою миссію съ щепетильной точностью: грабили богатыхъ армянъ, разрушали дома, жгли хлѣбъ и кормъ, уничтожали деревни, рѣзали скотъ, уводили молодыхъ дѣвушекъ, позорили замужнихъ женщинъ, истребляли цѣлыя поселенія и убивали всѣхъ, кто былъ настолько мужественъ или безразсуденъ, что пытался оказать

противодѣйствіе. Армяне принадлежатъ теперь къ самымъ *бѣднымъ и несчастнымъ* народамъ на земномъ шарѣ.

Но, быть можетъ, турецкія власти не предвидѣли, а турецкое правосудіе не одобряетъ этихъ результатовъ? Напротивъ, власти не только ожидали такихъ послѣдствій, но содѣйствовали и помогали тѣмъ, которые производили ихъ; они побуждали и вознаграждали виновниковъ; и когда какой-нибудь армянинъ осмѣливался жаловаться, то чиновники, которымъ онъ платилъ за то, что они должны были защищать его, не только не слушали его, но заключали его въ грязную тюрьму, мучили, оскорбляли самымъ ужаснымъ и необыкновеннымъ образомъ за его дерзость и нахальство.

Корресп. Э. Диллонъ въ курдскомъ костюмѣ.

Теперь доказано, что сасунская рѣзня была *сознательнымъ* дѣломъ представителей Блистательной Порты,—дѣломъ, которое было заботливо подготовлено и безпощадно выполнено, несмотря на то что эти ужасы вызывали содраганіе даже въ курдскихъ разбойникахъ и чувство состраданія даже въ сердцахъ турецкихъ солдатъ.

Слѣдовательно, жаловаться на необезпеченность жизни и имущества въ Арменіи, до тѣхъ поръ, пока эта страна находится подъ безотвѣтственнымъ управленіемъ Блистательной Порты, это все равно, что солдату жаловаться на серьезную опасность отъ непріятельскихъ пуль во время кроваваго столкновенія. Результатъ, составляющій предметъ жалобъ, является той именно цѣлью, къ которой стремятся, и совершенство, съ которымъ достигается этотъ результатъ, служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ дѣйствительности употребляемыхъ мѣръ.

Одинъ выдающійся иностранный государственный дѣятель, обыкновенно считающійся убѣжденнымъ туркофиломъ, недавно замѣтилъ въ частномъ разговорѣ со мною, что турецкое владычество въ Арменіи можно было бы правильно опредѣлить, какъ *организованное разбойничество*, узаконенное убійство и вознаграждаемая безнравственность. Протесты противъ этой системы могутъ быть спра-

ведливы и умѣстны, но ихъ едва ли можно считать полезными. Филантропъ при посѣщеніи тюрьмы можетъ испытать большое огорченіе, увидя, что у одного изъ заключенныхъ связаны руки и ноги, но онъ едва ли будетъ тратить время на принесеніе жалобы по этому поводу, если узнаетъ, что этотъ арестантъ присужденъ къ смерти и скоро будетъ повѣшенъ.

Первый шагъ къ осуществленію плана истребленія заключался въ томъ, чтобы систематически разорить народъ. Это естественно въ странѣ, гдѣ чиновники по восьми или десяти мѣсяцевъ ждутъ своего жалованья и затѣмъ должны довольствоваться только частью того, что имъ слѣдуетъ. «Я не получалъ и одного пара въ теченіе двѣнадцати недѣль; я не могу даже купить себѣ платья»,—воскликнулъ чиновникъ, которому поручено было слѣдить за мною день и ночь въ Эрзерумѣ. «Платили ли вамъ правильно жалованье?»—спросилъ я начальника телеграфной конторы въ Кутекѣ. «Нѣтъ, эффенди,—отвѣчалъ онъ,—теперь я не получалъ ничего въ теченіе восьми мѣсяцевъ; впрочемъ, я получилъ мѣсячное жалованье на байрамъ».—«Какъ же вы живете въ такомъ случаѣ?»—«Бѣдно».—«Но вѣдь вамъ нужно же хоть сколько-нибудь денегъ, чтобы не умереть съ голоду?»—«Конечно, я имѣю нѣсколько денегъ, но недостаточно. Аллахъ милостивъ. Вы сами теперь дали мнѣ немного денегъ.»—«Но вѣдь эти деньги не для васъ, они заплачены за телеграмму и принадлежатъ государству».—«Я беру эти деньги себѣ въ возмѣщеніе жалованья, это составитъ не очень много, но сколько бы денегъ ни составилось такимъ образомъ, я кладу ихъ себѣ въ карманъ». Эти люди, конечно, мелкіе чиновники, но ихъ положеніе по существу не отличается отъ положенія ихъ начальниковъ: судьи, офицеры, вице-губернаторы, вали и т. д., и т. д. находятся въ такомъ же безденежьи, но и отличаются нерѣдко большою жадностью.

Тасикъ-паша, бывшій генералъ губернаторъ Битлиса, представляетъ отличный образчикъ высокаго турецкаго сановника эпохи истребленія. Онъ имѣлъ обыкновеніе заключать въ тюрьму множество богатыхъ армянъ безъ всякаго основанія къ обвиненію въ чемъ-нибудь или хотя бы какого-нибудь предлога. Затѣмъ имъ предлагалась свобода за большія суммы, представляющія большую часть ихъ состоянія. Отказъ отъ платежа имѣлъ своимъ послѣдствіемъ для заключенныхъ такое обращеніе, по сравненію съ которымъ пытки, примѣнявшіяся къ евреямъ въ средневѣковой Англіи или мученія евнуховъ принцессы Уды въ современной Индіи, представляются мягкими и благотворными наказаніями. Нѣкоторые заключенные должны были держаться на ногахъ цѣлый день и цѣлую ночь, причемъ имъ не давали ни ѣсть, ни пить и запрещали двигаться. Если они теряли силы и сознаніе, то холодная вода или раскаленное желѣзо скоро приводили ихъ въ себя и пытка продолжалась. Такъ какъ время и настойчивость были на сторонѣ турокъ, то вообще кончалось тѣмъ, что армяне обыкновенно жертвовали чѣмъ угодно, чтобы только спастись отъ страшныхъ страданій. Имъ приходилось или принести въ жертву все, или сдѣлаться самимъ жертвами, и они, конечно, выбирали наименьшее изъ золъ.

Въ вилайетѣ Битлиса нѣсколько сотъ армянъ, имѣвшіе деньги, скотъ и хлѣбъ, подверглись произвольному аресту и были освобождены за крупную взятку. Нѣкоторые изъ нихъ не въ состояніи были тотчасъ заплатить деньги, поэтому

ихъ держали въ мрачныхъ темницахъ до тѣхъ поръ, пока они не добыли требуемой суммы, а нѣкоторые изъ нихъ были умерщвлены. Около ста армянъ погибло въ одной Битлисской тюрьмѣ. Слѣдующая петиція съ подписями была отправлена мнѣ и, если не ошибаюсь, то одновременно также иностраннымъ делегатамъ въ Мушѣ; эта петиція, исходившая отъ одного хорошо извѣстнаго человѣка, имя и адресъ котораго я сообщаю, поможетъ составить себѣ идею о томъ, какъ вали Битлиса управлялъ своими провинціями и въ то же время благодѣтельствовалъ: «мы, служившіе турецкому правительству съ безусловною вѣрностью, подвергаемся особенно въ послѣдніе годы, дурному обращенію и гнету то со стороны правительства, то со стороны курдскихъ разбойниковъ. Такъ, въ прошломъ году (1894) я былъ внезапно арестованъ въ моемъ собственномъ домѣ турецкой полиціей и жандармами, которые отвели меня въ Битлисскую тюрьму, гдѣ я подвергся оскорбленіямъ и самымъ ужаснымъ пыткамъ. Просидѣвъ тамъ четыре мѣсяца, я былъ освобожденъ подъ условіемъ, что заплачу 440 ф. стерл. Для такихъ дѣйствій не было представлено никакого основанія или повода. По возвращеніи домой, я нашелъ свое хозяйство въ безпорядкѣ, свои дѣла разстроенными и мои средства къ жизни исчезли. Моя первая мысль была обратиться къ турецкому правительству съ просьбой о возмѣщеніи моихъ потерь, но я отказался отъ этого плана, чтобы не подвергнуться осужденію. Услышавъ, что вы явились въ Арменію для того, чтобъ изслѣдовать положеніе народа, я умоляю васъ именемъ Бога отмѣтить мое дѣло. Подписано: Богосъ Дарманіанъ изъ деревни Икнакаджіа въ казѣ Манаскердъ».

Въ 1890 году старшина деревни Одантжіоръ въ Буланикѣ, по имени Абдалъ, былъ богатымъ человѣкомъ по понятіямъ, господствующимъ въ этой мѣстности. У него было 50 буйволовъ, 80 быковъ, 600 овецъ, не считая лошадей и прочаго. Женщины его семьи носили золотыя украшенія въ волосахъ и на груди и онъ платилъ 50 ф. стерл. налоговъ въ казначейство. Это было въ 1890 г. Въ 1894 году онъ былъ бѣднымъ поселяниномъ, хорошо знакомымъ съ нуждой и подвергавшійся голодной смерти. Его селеніе и жители всего округа подверглись грабежу, у нихъ отняли рѣшительно все, между тѣмъ какъ турецкія власти смотрѣли на это грабительство съ одобрительною улыбкой. Въ теченіе 1894 года въ округахъ только Буланика и Муша болѣе 10.000 головъ рогатаго скота и овецъ были уведены курдами. Эта система господствовала во всей странѣ; разница сводится только къ подробностямъ, зависящимъ отъ мѣстныхъ условій, но средства и цѣль никогда не измѣнялись. Въ результатѣ благосостояніе совершенно исчезаетъ и быстро распространяется нищета, которая достигаетъ такихъ размѣровъ, такъ безнадежна и такъ ужасна по своимъ нравственнымъ и физическимъ дѣйствіямъ, что жертвы ея охватываются тѣмъ дикимъ мужествомъ, приближающимся къ безумію, которое всегда возникаетъ подъ вліяніемъ отчаянія [1]).

---

[1]) Я писалъ въ другомъ мѣстѣ о сравненіи между благоденствіемъ армянъ, жившихъ въ эпоху дурного управленія, и негодованіемъ тѣхъ, которые томятся въ нынѣшнюю эру истребленія; но этотъ интересный предметъ никогда не былъ разсмотрѣнъ съ необходимою полнотой.—

Прим. автора.

Между вали или генералъ-губернаторомъ и заптіемъ или сборщикомъ податей существуетъ много ступеней административной лѣстницы и къ каждой изъ нихъ и ко всѣмъ имъ вмѣстѣ взятымъ прилипаетъ часть имущества предпріимчивыхъ армянъ. Безъ сомнѣнія, существуютъ худшія бѣдствія, чѣмъ потеря имущества, и безстрастные англичане скорѣе приберегутъ свое сочувствіе для тѣхъ, которые испытали такія бѣдствія. Но безъ сомнѣнія, и утрата имущества — не малое бѣдствіе, когда причиной его является не преступленіе, случай или безпечность, а безстыдная и наглая несправедливость, и если потерпѣвшій имѣетъ семью въ 15 или 20 человѣкъ. Слѣдующіе факты показываютъ, что потеря имущества очень часто влечетъ за собой гораздо большія бѣдствія.

Въ іюлѣ 1892 года одинъ капитанъ кавалеріи Его Величества гамидіэ, по имени Идрисъ,—гордость племени Гасснакли, явился со своимъ братомъ требовать корма отъ жителей Гаменшейка. Они обратились къ двумъ армянскимъ старшинамъ Ало и Хачадуръ и приказали имъ приготовить требуемое сѣно. Они отвѣчали, что у нихъ во всей деревнѣ не найдется такого количества сѣна. «Доставьте сѣно безъ разговоровъ, или я застрѣлю васъ», сказалъ Идрисъ. «Но его не существуетъ и мы не можемъ создать его».—«Ну, такъ умрите», закричалъ доблестный капитанъ и тутъ же на мѣстѣ убилъ армянъ. Противъ Идриса подана была формальная жалоба, и каймакамъ, къ своей чести, арестовалъ его и продержалъ въ тюрьмѣ 4 недѣли, но затѣмъ, когда благородный курдъ далъ обычную взятку, его выпустили на свободу. Въ томъ же округѣ Буланика и въ томъ же году было совершено также открыто и безнаказанно около 30 подобныхъ убійствъ.

III.

Сначала армяне были склонны жаловаться, когда ихъ родственники или друзья подвергались убійству; ими руководила при этомъ надежда, что хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ правосудіе покараетъ убійство и такимъ образомъ устрашитъ другихъ.

Но они скоро отказались отъ этой системы, потому что на нихъ повліяли факты вродѣ слѣдующаго: въ іюлѣ 1892 года одинъ курдъ, по имени Ахмедъ-Оглы-Батомъ, пріѣхалъ въ Говандукъ (округъ Кнуссъ) и увелъ съ собой четырехъ воловъ, принадлежавшихъ одному армянину, по имени Муко. Въ 1892 году законъ, запрещающій христіанамъ носить оружіе, еще не соблюдался со всей строгостью, и Муко, имѣя револьверъ и видя, что курдъ также намѣренъ стрѣлять, прицѣлился и спустилъ курокъ. Оба выстрѣла раздались въ одно мгновеніе и оба человѣка упали мертвыми на мѣстѣ. Затѣмъ произошло слѣдующее: 19 армянъ этого селенія, изъ которыхъ никто не имѣлъ представленія о случившемся, были арестованы и затѣмъ имъ объявили, что ихъ выпустятъ, если они заплатятъ большую взятку. 10 изъ нихъ заплатили и были немедленно освобождены; остальные же, отказавшіеся исполнить это требованіе, еще долго содержались въ тюрьмѣ. Изъ курдовъ же никто не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. «Развѣ магометане должны подвергаться наказанію за убійство армянъ?—сказалъ мнѣ

одинъ курдскій разбойникъ, состоящій при этомъ офицеромъ гамидіэ:—это невозможно». Въ самомъ дѣлѣ возможно ли это? Магометанскому уму представляется вполнѣ естественнымъ и понятнымъ (потому, быть-можетъ, что это обычное явленіе), чтобы родственники убитыхъ подвергались строгому наказанію за то, что они жалуются на тѣхъ, которые сдѣлали ихъ вдовами и сиротами.

Въ августѣ 1893 года курды Джибрани напали на селеніе Каэкикъ, разграбили его и ранили купца, по имени Оаннеса, который былъ занятъ своимъ дѣломъ въ лавкѣ. На другой день Оаннесъ явился къ вице-губернатору (каймакаму) въ Кнуссабердѣ и принесъ ему жалобу, но каймакамъ заключилъ его въ тюрьму, обвиняя во лжи. Страданія, которымъ онъ подвергся въ этомъ очагѣ тифозной горячки, превосходятъ всякое воображеніе, но это уже другая исторія. Черезъ восемь дней его сосѣди привели къ каймакаму курда, который подтвердилъ ихъ заявленіе о томъ, что Оаннесъ дѣйствительно былъ раненъ, какъ онъ разсказываетъ, и что онъ не лжетъ. Тогда и только тогда дозволили пришедшимъ заплатить взятку въ 10 ф. за освобожденіе Оаннеса.

Жители Кртабоза (селеніе въ Бассенѣ) разсказали мнѣ нѣсколько ужасныхъ исторій о томъ, что имъ пришлось вытерпѣть отъ курдовъ, которые увели у нихъ 23 быка, 28 лошадей, 60 коровъ и 20 овецъ. Одна изъ этихъ исторій, иллюстрирующая способы турецкаго правосудія, дастъ читателю представленіе о всѣхъ этихъ разсказахъ. «Въ истекшемъ маѣ мѣсяцѣ (1894 году) 12 конныхъ гамидіэ напали на наше селеніе и схватили нашего священника Тэръ-Давида. Они обѣщали освободить его, если онъ заплатитъ 6 фунтовъ. Онъ занялъ эту сумму, отдалъ ее курдамъ и былъ освобожденъ; при этомъ солдаты стрѣляли по другимъ жителямъ селенія, которые убѣжали. На другой день Гиль-Бекъ отправился въ Гассанкале, чтобы жаловаться властямъ. Тамъ онъ подвергся оскорбленіямъ, его назвали лжецомъ и арестовали. Просидѣвъ сорокъ дней въ ужасномъ вертепѣ, называемомъ тюрьмой, онъ получилъ дозволеніе заплатить 7 ф. въ видѣ взятки и тогда итти домой.

Христіанинъ, потерпѣвшій отъ магометанъ, не имѣетъ никакихъ средствъ добиться правосудія и не потому, чтобы судьи были безпечны или недѣятельны, но потому, что они *сознательно* стремятся къ этому. Доказательствомъ этого мнѣнія, если только требуется какое-нибудь доказательство, заключается въ томъ, что жалобщики сами подвергаются наказанію за то, что свидѣтельствуютъ противъ своихъ обидчиковъ. Но если курдъ или турокъ является жертвой преступленія или хотя бы несчастнаго случая, энергія правительственныхъ чиновниковъ не знаетъ границъ. Весною прошлаго года, когда снѣгъ началъ таять и вода поднялась высоко въ рѣкахъ и потокахъ, нѣсколько бѣдныхъ курдовъ шли по берегу рѣки около Хусснакара. Это были бѣдные нищіе, просившіе милостыню и боровшіеся съ нуждой. Во время попытки перейти въ бродъ рѣку они были унесены теченіемъ и утонули. Вслѣдствіе этого противъ поселянъ было начато дѣло по обвиненію ихъ въ убійствѣ курдовъ и четыре армянскихъ старшины были арестованы и посажены въ тюрьму въ Гассанкале; при этомъ нисколько не скрывали цѣли этого несправедливаго обвиненія. По истеченіи семи или восьми мѣсяцевъ армянамъ сказали, что арестованные будутъ выпущены на свободу за взятку въ 75 фунт. Деньги эти были собраны по мелочамъ и уплачены начальству,

послѣ чего заключенные были освобождены. Я самъ видѣлъ двухъ изъ нихъ— Атама и Доно.

Налоги, собираемые съ армянъ, чрезмѣрно велики; взятки, которыми всегда сопровождается ихъ взиманіе, берутся заптіями и могутъ достигать невѣроятныхъ размѣровъ, принимая самыя отвратительныя формы; что же касается способовъ, при помощи которыхъ происходитъ собираніе податей, то они сами по себѣ составляютъ достаточное основаніе для уничтоженія оттоманскаго господства въ Арменіи.

Для того, чтобы привести подходящій примѣръ различнаго уровня обложенія христіанъ и магометанъ въ городахъ, достаточно будетъ сказать, что въ Эрзерумѣ, гдѣ существуетъ 8.000 магометанскихъ домохозяйствъ, мусульмане платятъ 395.000 піастровъ, между тѣмъ какъ христіане, которыхъ по числу домохозяйствъ насчитывается только 2.000, вносятъ 430.000 піастровъ.

Въ сельскихъ округахъ все безъ исключенія очень высоко обложено правительствомъ, но самое тяжелое податное бремя, взимаемое на законномъ основаніи, легко по сравненію съ вымогательствами заптіевъ. Предположимъ, наприм., что семья должна платить 5 ф., которыя она и вноситъ должнымъ образомъ. Но заптіи требуютъ еще 3 или 5 ф. для себя; имъ рѣшительно отказываютъ въ этомъ; начинаются переговоры, сопровождаемые рѣзкими и оскорбительными выраженіями, и спорящіе сходятся, наконецъ, на 1 ф. Но заптіи не могутъ успокоиться: черезъ недѣлю они возвращаются и снова требуютъ тѣ же налоги. Армяне выходятъ изъ себя, протестуютъ и показываютъ росписку, но заптіи смѣясь заявляютъ, что предъявляемый документъ не роспиcка, а нѣсколько стиховъ изъ одной турецкой книги. Поселяне ссылаются на свою бѣдность и умоляютъ о пощадѣ. Жадность, а не состраданіе, побуждаетъ заптіевъ согласиться на 3 ф., но этихъ денегъ не оказывается наготовѣ. Тогда заптіи требуютъ, чтобъ имъ предоставили молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ семьи для удовлетворенія своихъ грубыхъ влеченій, и отказъ влечетъ для несчастныхъ въ видѣ наказанія такія мученія, отъ описанія которыхъ приходится воздержаться ради приличія и чувства гуманности. Похищеніе и всякаго рода грубыя оскорбленія, могущія возникнуть только въ больномъ умѣ восточныхъ развратниковъ и непонятныя обыкновенному европейцу, а иногда даже убійство завершаютъ инцидентъ.

Я видѣлъ жертвъ этихъ представителей Блистательной Порты и говорилъ съ ними; я осматривалъ ихъ раны, распрашивалъ ихъ семьи, обращался къ ихъ священникамъ, преслѣдователямъ и тюремщикамъ (нѣкоторые изъ нихъ посажены въ тюрьму за то, что принесли жалобы) и я безъ колебанія утверждаю, что подобные ужасы составляютъ не только дѣйствительные факты, но явленія часто случающіяся. Нижеслѣдующее представляетъ переводъ подлиннаго документа, находящагося у меня въ рукахъ; этотъ документъ за подписью и печатью жителей Меликана (каза Кеги) не далѣе какъ 26 марта нынѣшняго года былъ отправленъ къ его преосвященству, ученому и святому іерарху архіепископу Эрзерумскому, который пользуется уваженіемъ какъ друзей, такъ и враговъ:

«Много времени тому назадъ 4 или 5 заптіевъ, которымъ поручено было собираніе государственныхъ налоговъ, избрали нашу деревню своей главной

2*

квартирой и заставляють жителей прилегающей мѣстности являться сюда для уплаты податей. Эти заптіи ѣдятъ, пьютъ и кормятъ своихъ лошадей на нашъ счетъ, не скрывая, что они рѣшили довести насъ до нищенства.

«Недавно 7 другихъ заптіевъ, не имѣющихъ даже предлога въ формѣ собиранья податей, явились въ нашу деревню, избили жителей, оскорбили христіанскую религію и опозорили нашихъ женъ и дочерей; затѣмъ они схватили трехъ человѣкъ, заявляющихъ протесты, по имени Погосъ, Мардигъ, и Крикоръ, связали ихъ двойною цѣпью и повѣсили на брусъ за ноги. Въ такомъ положеніи они оставили несчастныхъ, пока у нихъ изъ ноздрей не пошла кровь. Послѣ такой пытки эти три человѣка заболѣли. Между тѣмъ заптіи публично заявили, что руководились въ своихъ дѣйствіяхъ только спеціальными приказаніями начальника полиціи. Въ виду изложеннаго, мы обращаемся, къ правосудію, чтобы оно спасло насъ отъ этого невыносимаго положенія». Жители селенья Меликанъ, каза Кеги. Подписано: Каттере 26 марта 1895». Вотъ другая петиція отъ другого селенія той же каза, также направленная къ архіепископу Эрзерумскому:

«Нѣсколько заптіевъ, подъ предлогомъ сбора податей, прибыли въ наше селенье въ 5 часовъ, по турецкому времени (около 10 часовъ по полудни, взломали двери нашихъ жилищъ, ворвались во внутреннія комнаты, схватили нашихъ женъ и дѣтей, бывшихъ полураздѣтыми и выбросили ихъ на улицу вмѣстѣ съ постелями. Затѣмъ они крайне жестоко били ихъ. Наконецъ, выбравъ болѣе 30 изъ нашихъ женщинъ, они заперли ихъ въ сарай и исполнили надъ ними свое преступное желаніе. Прежде чѣмъ удалиться, они, по своему неизмѣнному обыкновенію, захватили всю пищу и весь кормъ, который былъ у насъ. Мы просимъ васъ обратить ваше вниманіе на эти факты и умоляемъ объ императорской милости. Жители деревни Арекъ, каза Кеги». Подписано: *Мурадіанъ, Россіанъ, Берювянъ, Мелконіанъ.* 26 марта 1895. Я самъ находился въ домѣ одного армянскаго поселянина въ деревнѣ Кипри-Кіе, когда туда явились нѣсколько конныхъ заптіевъ; они вызвали хозяевъ и грубо потребовали, чтобъ имъ дали поѣсть, накормили лошадей и устроили ночлегъ. Я не знаю, чего бы еще они потребовали, но я выручилъ изъ затрудненія моего хозяина, заявивъ, что я снялъ все его помѣщеніе на ночь. Неудивительно, если поселяне Кнусскаго округа жалуются въ петиціи, которую они просили меня представить «благородному и гуманному англійскому народу», на то, что страна, нѣкогда благоденствовавшая и плодородная, теперь опустошена, разорена и сожжена».

Вотъ каковы тѣ ужасы, о которыхъ нѣкоторые просвѣщенные англичане говорятъ въ такихъ легкомысленныхъ выраженіяхъ: «Эти армяне и курды вѣчно ссорятся между собой и, конечно, при обычномъ положеніи дѣлъ въ этой странѣ безразлично, будетъ ли пролито немного больше или меньше крови».

Это замѣчаніе справедливо въ томъ смыслѣ, что овцы и волки находятся въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ; но этимъ справедливость приведенныхъ словъ и ограничивается. Армяне отъ природы миролюбивы: въ сельскихъ округахъ они страстно преданы земледѣлію; а въ городахъ совершенно поглощены торговлей. Но чтобы ихъ враждебное отвращеніе къ кровопролитію не было подавлено

чувствомъ долга, инстинктомъ самосохраненія, и глубокой привязанностью къ близкимъ и дорогимъ для нихъ существамъ, имъ запрещено имѣть оружіе, и мученія, которымъ подвергаютъ немногихъ нарушителей этого закона, вызвали бы краску стыда на щекахъ соотечественника Конфуція [1]). Армяне должны разсчитывать только на защиту турецкихъ солдатъ и турецкаго закона.

Характеръ защиты, которую оказываютъ императорскія войска, достаточно обнаружился въ минувшемъ августѣ и сентябрѣ въ Сасунскомъ округѣ, на склонахъ Фафркара и высотахъ Андока, въ деревняхъ Дальвокира и долинѣ Гелліегузана. Селенья Оданжаръ, Гамзашейкъ, Какарлубъ, Карагіуль, процвѣтавшія и пользовавшіяся благосостояніемъ въ 1890—91 гг., не имѣли ни одной овцы, ни одного буйвола и ни одной лошади въ 1894 г. Хлѣвы и конюшни были пусты, а пепелъ 70-ти громадныхъ стоговъ хлѣба досказывалъ эту печальную исторію. Это было дѣло курдовъ, друзья которыхъ, турецкіе солдаты, были расквартированы въ числѣ 200 конныхъ въ Іонджали, въ получасовомъ разстояніи отъ Оданджара, въ такомъ же числѣ — въ Копѣ и 100 человѣкъ — въ Шекагубѣ. Войска дѣйствительно оказали защиту, но только курдамъ и въ вознагражденіе получили часть добычи.

Защита, которую даетъ турецкій законъ, носитъ такой же характеръ, но только несравненно болѣе гибельный для армянъ, которымъ приходится прибѣгать къ нему. Два-три примѣра, подтвержденныхъ толпой свидѣтелей, прольютъ достаточно свѣта на странныя формы турецкаго правосудія въ армянскихъ провинціяхъ.

Кеворкъ Вартаніанъ изъ деревни Манкассаръ (санджакъ Алашкердъ) между прочимъ показалъ слѣдующее:

«Въ 1892 г. одинъ курдъ, по имени Антонъ, сынъ Кереваша (изъ племени Тшалала) явился съ своими товарищами въ мой домъ и взялъ 5 фунтовъ золотомъ, которое я сберегъ для того, чтобы купить на нихъ сѣмена. Я подалъ на него жалобу, но начальство презрительно отвергло ее. Антонъ, узнавъ о моей попыткѣ привлечь его къ отвѣтственности, явился однажды ночью съ 12 людьми, взобрался на крышу и выстрѣлилъ черезъ отверстіе. Пуля попала въ мою сноху, Іезеко, которая тутъ же упала мертвой. При этомъ же случаѣ были убиты два ея мальчика и мой двухлѣтній ребенокъ, Миссакъ. Затѣмъ курды вошли въ домъ и забрали мебель, платье, 4 воловъ, и 4 коровъ [2]). Я поспѣшилъ въ деревню Каракилиссе и жаловался Рахиму-пашѣ. Выслушавъ меня онъ сказалъ: «Курдыгамидіэ—слуги султана. Поступать такъ это ихъ право. Вы, армяне, лжецы». *Насъ арестовали* и выпустили только тогда, когда мы заплатили 2 фунта золотомъ.

---

[1]) Одинъ изъ состоятельныхъ жителей Прхосса около озера Нацига (округъ Аклатъ явился въ этомъ отношеніи счастливымъ исключеніемъ. Правда, у него не было ружья, но его заподозрили въ томъ, что оно у него имѣется. Домъ его былъ обысканъ, полъ поднятъ, чердакъ осмотрѣнъ, но безъ результатовъ. Тогда его арестовали на мѣсяцъ и дозволили ему купить свою свободу за 70 ф., причемъ онъ далъ подписку въ томъ, что никогда не имѣлъ никакого огнестрѣльнаго оружія.

[2]) Коровы, лошади и другой скотъ часто стоятъ въ одномъ же помѣщеніи, гдѣ живутъ и спятъ хозяева. Я провелъ много безпокойныхъ ночей въ большой комнатѣ вмѣстѣ съ лошадьми, буйволами, быками, овцами и козлами.

На слѣдующую зиму въ нашу деревню явились 200 солдатъ подъ предводительствомъ самого Рахима-паши. Онъ намъ сейчасъ же заявилъ, что жаловаться на дѣйствія курдовъ незаконно. Затѣмъ онъ помѣстился у насъ съ своими войсками и потребовалъ, чтобы мы ежедневно доставляли имъ 8 овецъ, 10 мѣръ ячменя, кромѣ яицъ, живности и масла. Въ теченіе 40 дней жители нашей деревни доставляли эти продукты безвозмездно, получая за труды ругательства и удары. Рахимъ-паша разсердившись на своего хозяина Перу за то, что онъ ворчалъ, велѣлъ разогрѣть мѣдную посуду и, когда она накалилась, поставилъ ее на голову Пера. Затѣмъ онъ раздѣлъ его до гола и щипцами вырвалъ куски мяса отъ его дрожащихъ рукъ.

Едва эти разбойники покинули нашу деревню, какъ Аинэ-паша съ 60 конными занялъ ихъ мѣста. Увидѣвъ, что у насъ не осталось больше овецъ, они убивали и ѣли нашихъ коровъ и воловъ и, причинивъ намъ много страданій въ теченіе 6 дней, они уѣхали. Къ кому мы могли обратиться съ нашими жалобами, если въ нашихъ глазахъ законныя власти сами совершали подобныя дѣянія? Намъ оставалось только покинуть страну, что мы и сдѣлали».

Вотъ другой случай, жертвою котораго была жена армянскаго миссіонера-протестанта, г-жа Сукіасіанъ изъ деревни Тодоверанъ (округъ Бассенъ). Я лично знакомъ съ этой семьей и имѣю у себя портреты всѣхъ ея членовъ, въ томъ числѣ и госпожи, которая впослѣдствіи была умерщвлена. «12 сентября 1894 г.,—сообщилъ Арменакъ Сукіасіанъ, сынъ убитой, — мы сидѣли за столомъ въ домѣ моего отца, какъ вдругъ вбѣжалъ мальчикъ и сказалъ намъ, что турки и курды явились, чтобы напасть на насъ, христіанъ. Мой братъ пошелъ на другую сторону улицы, гдѣ находилась его лавка, чтобы взять револьверъ. Между тѣмъ 16 курдскихъ всадниковъ въѣхали въ улицу, взобрались на крыши и начали стрѣльбу. Мы забаррикадировали дверь, но они выломали ее. Пуля попала моей матери въ шею, но не нанесла ей серьезной раны. Она находилась на крышѣ и защищалась, бросая камни. Въ это время одинъ магометанинъ поднялъ ружье, прицѣлился и выстрѣлилъ. Пуля попала въ щеку и вышла подъ ухомъ вырвавъ часть лица. Она упала, мы внесли ее во внутрь и дали ей воды, которую пришлось влить, поднявъ верхнюю челюсть. На слѣдующее утро она умерла. Мы жаловались, но никто не подвергся наказанію.

Еще одинъ типическій примѣръ, и я окончу съ этой частью предмета. Случай, о которомъ я намѣренъ разсказать теперь, почерпнутъ не только изъ сообщеній заинтересованныхъ сторонъ, но также изъ *оффиціальныхъ отчетовъ*, подписанныхъ, съ приложеніемъ печати, правительственными чиновниками, которыхъ я самъ видѣлъ. Онъ лучше самой краснорѣчивой діатрибы освѣщаетъ состояніе турецкаго правосудія и служитъ полезнѣйшимъ урокомъ для тѣхъ, которые до сихъ поръ честно вѣрятъ турецкимъ обѣщаніямъ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1890 г. селенье Алиджакрекъ было сценой двойного преступленія. Армянскіе пастухи, пасшіе деревенскія стада, прибѣжали въ сильномъ волненіи, прося помощи. «Курды Ибиль, Оглу, Ибрагимъ явились съ своими овцами и согнали насъ съ деревенскаго пастбища. «Это одно изъ заурядныхъ явленій сельской жизни въ турецкой Арменіи. Четыре молодыхъ человѣка выступили, чтобы начать переговоры съ мусульманами и заявить о своемъ правѣ собствен-

ности; но едва они дошли до мѣста, какъ курды открыли огонь и тутъ же убили одного изъ юношей, по имени Госепъ. Другой былъ смертельно раненъ; его имя Гарутіунъ. Ихъ товарищи въ ужасѣ убѣжали въ деревню; поселяне въ страхѣ бросили работу; сельскій священникъ и нѣсколько главныхъ представителей мѣстнаго населенія бросились къ мѣсту, гдѣ происходило убійство; другіе—побѣжали, чтобы предупредить жандармовъ. Дѣйствительно заптіи (жандармы) въ сопровожденіи одного чиновника не замедлили явиться. Они нашли Гасепа мертвымъ, а сельскаго священника Теръ-Оганеса читающимъ отходную умирающему Гарутіуну. Они прекратили молитву и угрожающе спросили: «Гдѣ курды, которые совершили убійство?»—«Они скрылись», былъ отвѣтъ.—«Да, вѣроятно, вы, собаки, убили ихъ и зарыли подальше отъ глазъ. Я всѣхъ васъ арестую (обращаясь къ священнику)—и васъ также!» И ихъ всѣхъ повели въ Гассанъ-Кале, гдѣ они были заключены въ отвратительную темницу. Черезъ нѣкоторое время ихъ перевели въ эрзерумскую тюрьму.

Сельскій священникъ Теръ-Оганнесъ былъ состоятельнымъ человѣкомъ. Процессъ систематическаго разоренія тогда только начинался. Его братъ, Каранетъ, и ихъ 10 товарищей по несчастью также были достаточными людми и властямъ желательно было перевести ихъ имущество въ другія руки. Поэтому они оставили армянъ въ смрадной тюрьмѣ. Время тянулось медленно, день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, такъ что, казалось, ихъ совершенно забыли. Ихъ семьи находились въ постоянной агоніи страха, дѣла ихъ пришли въ полное разстройство, здоровье оказалось въ конецъ подорваннымъ. Въ этомъ адскомъ состояніи они провели годъ — самый ужасный періодъ ихъ жизни. Тогда они начали почтительнѣйше ходатайствовать передъ своими гонителями, чтобы тѣ помогли имъ добиться освобожденія и просили назначить цѣну. Условія были установлены и имъ посовѣтовали послать курдовъ для розыска убійцъ, въ убійствѣ которыхъ были обвинены армяне. «Если ихъ найдутъ, вы будете освобождены». Цѣна этого совѣта и расходы по осуществленію его достигли почти 400 ф. ст., которые были добыты армянами изъ 40%.

Розыски, конечно, увѣнчались успѣхомъ, потому что курды и турки, убившіе христіанъ, не имѣютъ надобности скрываться и приходить въ уныніе. Все, что они сдѣлаютъ—хорошо. Герои этой исторіи оказались солдатами въ одномъ изъ баталіоновъ любимой кавалеріи султана—гамидіэ алашкертскаго округа. Они сознались въ своемъ преступленіи, и цѣлая толпа свидѣтелей, разумѣется, турокъ и курдовъ, потому что свидѣтельство христіанъ не принимается, дали на судѣ показанія въ пользу 12 армянскихъ узниковъ, которые и были затѣмъ освобождены, раззоренные и съ надорваннымъ здоровьемъ. Судебный приговоръ гласилъ, что армяне, обвиненные въ убійствѣ нѣсколькихъ курдовъ, убившихъ двухъ армянскихъ поселянъ, доказали свою невинность, такъ какъ упомянутые курды оказались живы и здоровы и были розысканы на службѣ главы правовѣрныхъ въ войскахъ гамидіэ.

Убійцы-курды, изъ за драгоцѣнныхъ жизней которыхъ было поднято столько шума остались нетронутыми и *до сихъ поръ* еще продолжаютъ служить Его Величеству султану съ тѣмъ же усердіемъ и такимъ же презрѣніемъ къ послѣдствіямъ, какъ и раньше.

Собака будетъ лаять, если въ ея присутствіи застрѣлятъ другую собаку. Эти же армяне даже не жаловались; они просто пригласили на мѣсто преступленія представителей закона и правосудія, а послѣдніе обошлись съ ними какъ съ убійцами. Христіане въ Арменіи не смѣютъ разсчитывать на такое отношеніе къ себѣ, какимъ пользуются собаки со стороны хорошихъ хозяевъ.

IV.

Разсказы, передаваемые вообще о курдскихъ офицерахъ гамидіэ и въ частности одна изъ такихъ исторій относительно офицера Мостиго, казались мнѣ до такой степени невѣроятными, что мнѣ стоило не мало труда, чтобы провѣрить ихъ. Узнавъ, что этотъ Фра-Діаволо былъ арестованъ и содержится какъ опасный преступникъ въ Эрзерумской тюрьмѣ, гдѣ ему, по всей вѣроятности, предстояла висѣлица, я рѣшилъ, если возможно, добиться свиданья съ нимъ, чтобы узнать истину изъ его собственныхъ устъ. Моя первая попытка окончилась неудачей. Мостиго, какъ закоренѣлый убійца, находился подъ особенно строгимъ надзоромъ, и если бы я привелъ въ исполненіе мой первоначальный планъ—посѣтить его переодѣтымъ, я не остался бы въ живыхъ. Послѣ трехнедѣльныхъ хлопотъ, мнѣ удалось наконецъ, при помощи кошелька, расположить въ свою пользу тюремщика. Затѣмъ я вступилъ въ переговоры съ самимъ разбойникомъ и результатомъ моихъ стараній было соглашеніе, по которому Мостиго получилъ дозволеніе тайно выйти изъ тюрьмы въ ночное время и провести 6 часовъ въ моей комнатѣ, послѣ чего онъ долженъ былъ вернуться въ свою темницу.

Когда наступилъ назначенный день, тюремщикъ отказался отъ исполненія договора на томъ основаніи, что Мостиго, зная, что участь его рѣшена, вѣроятно, убѣжитъ, какъ только выйдетъ изъ предѣловъ тюрьмы. Послѣ нѣкоторыхъ дальнѣйшихъ переговоровъ, однако, я согласился оставить за него двухъ заложниковъ, въ томъ числѣ одного курда, жизнью котораго разбойникъ не рискнулъ бы даже ради своей собственной. Наконецъ, онъ явился ко мнѣ ночью, пробравшись по крышамъ, чтобы не быть замѣченнымъ полиціей, которая постоянно держалась у моихъ дверей.

Онъ провелъ у меня всю ночь, и я показалъ его двумъ наиболѣе почтеннымъ европейцамъ въ Эрзерумѣ; кромѣ того, чтобы мой разсказъ не могъ вызвать никакихъ сомнѣній, я самъ утромъ снялся съ нимъ на фотографической карточкѣ.

Разсказъ, переданный мнѣ этимъ курдскимъ аристократомъ, представляетъ замѣчательнѣйшую иллюстрацію турецкаго режима въ Арменіи. Здѣсь не мѣсто передавать этотъ разсказъ цѣликомъ. Одного или двухъ короткихъ извлеченій будетъ достаточно.

Вопросъ. Мостиго, я желалъ бы услышать изъ вашихъ собственныхъ устъ о вашихъ удивительныхъ дѣяніяхъ и записать вашъ разсказъ. Я хочу сообщить объ этомъ европейцамъ.

Отвѣтъ. Да, да. Сообщите о нихъ 12-ти державамъ (т. е. всему свѣту).

У Мостиго, очевидно, не могло быть мысли о нравственныхъ послѣдствіяхъ или страха судебной кары. И тѣмъ не менѣе фактъ возмездія былъ на лицо. Мостиго былъ приговоренъ къ смерти. Желая выяснить этотъ пунктъ, я продолжалъ:

Ученики Армянской школы въ Мушѣ.

— Мнѣ очень прискорбно видѣть васъ въ тюрьмѣ. Давно ли вы въ заключеніи?

Отв. Мнѣ это также очень прискорбно. Пять мѣсяцевъ, но это время кажется вѣчностью.

Вопр. Кажется, въ томъ виноваты армяне?

Отв. Да.

Вопр. Мнѣ разсказывали, что вы перебили огромное число ихъ, уводили ихъ женъ, сожигали ихъ селенья, и вообще жестоко пробирали ихъ?

Отв. (презрительно). Это не имѣетъ ничего общаго съ моимъ тюремнымъ заключеніемъ. Я не былъ бы наказанъ за ограбленіе армянъ. Мы всѣ это дѣлаемъ. Я рѣдко убивалъ ихъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они сопротивлялись. Но армяне выдали меня, и я попался. Вотъ что я имѣю въ виду. Если меня повѣсятъ, то за нападеніе на турецкій постъ и ограбленіе его, а также за изнасилованіе жены турецкаго полковника, находящагося теперь въ Эрзерумѣ. Но совсѣмъ не за армянъ! Что они такое, чтобы я пострадалъ изъ-за нихъ?

Разсказавъ нѣсколько своихъ приключеній, во время которыхъ онъ подвергалъ насилію христіанскихъ женщинъ, убивалъ армянскихъ поселянъ, ограбилъ постъ и бѣжалъ изъ тюрьмы, онъ сказалъ:

«Послѣ этого мы совершили большія дѣла, такія, которыя удивили бы 12 державъ. Мы нападали на селенья, убивали тѣхъ, которыя могли бы насъ убить, грабили дома, захватывая деньги, одѣяла, овецъ и женщинъ и нападали на путешественниковъ... Смѣлы и велики были наши дѣла, и люди много говорили о нихъ».

Выслушавъ разсказъ о многихъ изъ этихъ «великихъ дѣлъ», изъ которыхъ нѣкоторыя стоили жизни 50 человѣкамъ, я спросилъ:

Оказываютъ ли вамъ когда-нибудь армяне сопротивленіе, когда вы уводите ихъ скотъ и женщинъ?

Отв. Не часто. Они не могутъ, потому что у нихъ нѣтъ оружія, и имъ хорошо извѣстно, что убей они нѣсколькихъ человѣкъ изъ нашихъ, другіе курды явились бы и отомстили за насъ, такъ что армяне ничего не выиграли бы. Когда же мы убиваемъ ихъ, никто этимъ не возмущается. Турки ненавидятъ ихъ, мы же не питаемъ къ нимъ ненависти. Намъ нужны только деньги и добыча; а нѣкоторые курды хотятъ также захватить ихъ земли; турки же жаждутъ ихъ крови. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я напалъ на армянское селенье Кара-Клиріу, и увелъ всѣхъ овецъ. Я не оставилъ тамъ ни единой штуки. Жители въ отчаяніи на этотъ разъ преслѣдовали насъ и нѣсколько разъ выстрѣлили по насъ, но не причинили вреда. Мы угнали овецъ къ Эрзеруму, чтобы продать ихъ. Но по дорогѣ намъ пришлось имѣть стычку около армянской деревни Шэмъ. Поселяне знали, что мы увели скотъ ихъ единовѣрцевъ, и напали на насъ. Насъ курдовъ всего было 5 человѣкъ, а ихъ было много—вся деревня вышла противъ насъ. Двое изъ моихъ людей, оба *райи* [1]), были убиты. Армянамъ удалось отбить 40 овецъ, остальныя были удержаны нами и проданы въ Эрзерумѣ.

Вопр. Убивали ли вы вообще много армянъ?

---

[1]) Курды дѣлятся на *тореновъ* (torens) или благородныхъ, являющихся предводителями на войнѣ и отдыхающихъ во время мира, и на *райевъ* (rayahs), отдающихъ свою жизнь господамъ и находящихся въ полной зависимости отъ нихъ. Торенъ можетъ убить райю съ такой же безнаказанностью, какъ и христіанина.

Отв. Да. Мы не желали этого. Намъ нужна добыча, а не ихъ жизни; отъ нихъ намъ нѣтъ никакой пользы. Но намъ приходилось прибѣгать къ пулямъ, чтобы усмирить ихъ, когда они сопротивляются.

Вопр. Часто ли вы употребляли ваши кинжалы?

Отв. Нѣтъ, большею частью мы пользовались нашими ружьями. Намъ нужно существовать. Мы добываемъ осенью столько хлѣба и денегъ, сколько намъ требуется на зиму. У насъ есть скотъ, но мы не заботимся о немъ. *Мы отдаемъ его армянамъ, чтобы они смотрѣли за нимъ и кормили его.*

Вопр. Но если они отказываются?

Отв. Тогда мы сжигаемъ ихъ сѣно, хлѣбъ и дома и уводимъ ихъ овецъ; поэтому они не отказываются. Мы беремъ назадъ нашъ скотъ весною, и при этомъ армяне должны вернуть такое же число, какое получили.

Вопр. Но если число овецъ уменьшится отъ болѣзни?

Отв. Это дѣло армянъ. Они должны вернуть намъ тотъ скотъ, который мы имъ дали, или равное число; и они это знаютъ. Мы не можемъ нести потерь. Почему же они не могутъ взять ихъ на себя? Почти всѣ наши овцы отъ нихъ.

Выслушавъ цѣлый рядъ исторій объ ихъ набѣгахъ, убійствахъ, грабежахъ и пр. и пр., я опять спросилъ его:

«Можете ли вы, Мостиго, сообщить мнѣ еще что-нибудь о вашихъ смѣлыхъ дѣяніяхъ для того, чтобы я довелъ о нихъ до свѣдѣнія 12-ти державъ?» на что онъ далъ слѣдующій характерный отвѣтъ:

«Однажды волку сказали: разскажи намъ что-нибудь объ овцѣ, которую ты растерзалъ; а онъ отвѣтилъ: я съѣлъ тысячи овецъ, о какой изъ нихъ вы говорите? То же самое можно сказать о моихъ дѣлахъ. Еслибъ я говорилъ, а вы писали два дня подрядъ, все-таки многое еще оставалось бы недосказаннымъ».

Этотъ разбойникъ—курдъ, а курдамъ—имя легіонъ. Ex uno disce omnes. И тѣмъ не менѣе курды оказались самыми мягкими изъ всѣхъ преслѣдователей армянъ. Нуждаясь въ деньгахъ, этотъ человѣкъ грабилъ; жаждая чувственныхъ наслажденій, онъ подвергалъ позору женщинъ и дѣвушекъ; защищая свою добычу, онъ убивалъ мужчинъ и женщинъ и, дѣлая все это, онъ былъ вполнѣ увѣренъ въ своей безнаказанности до тѣхъ поръ, пока его жертвами были армяне. Въ такомъ случаѣ, невольно спрашиваешь, значитъ закона тамъ не существуетъ? Напротивъ, существуетъ и даже очень хорошій законъ, если бы только онъ примѣнялся; ибо стоило только Мостиго разграбить имперскій постъ и изнасиловать турецкую женщину — и онъ немедленно же былъ присужденъ къ смерти.

Поэтому законы, реформы и конституціи, будь они составлены самыми мудрыми и опытными законодателями и государственными людьми, не стоятъ той бумаги, на которой они написаны, пока примѣненіе ихъ будетъ ввѣрено туркамъ *безъ всякаго контроля*. Доказательствомъ является жизнь и дѣятельность турецкихъ чиновниковъ въ какой угодно періодъ послѣднихъ 50 лѣтъ.

Вотъ, напримѣръ, достойные подвиги энергическаго администратора, его превосходительства Гуссейна-паши, генералъ-бригадира его величества султана. Этотъ разсказъ можетъ выдержать самую строгую провѣрку. Начальствуя надъ

шайкой курдскихъ разбойниковъ, которая доходила въ нѣкоторыхъ случаяхъ до 2.000 человѣкъ, онъ постоянно тревожилъ мирныхъ жителей провинціи, грабя ихъ, муча, насилуя и убивая, такъ что одно его имя вызывало у всѣхъ чувство ужаса. Армяне Патнотца такъ много терпѣли отъ его беззаконій, что они покинули свою деревню и переселились въ Кара-Килиссе, гдѣ живетъ каймакамъ; тогда Гуссейнъ окружилъ значительной военной силой домъ епископа Каракилисскаго и заставилъ его отправить народъ обратно. Даже магометане были настолько возмущены его поступками, что мусульманскій учитель Патнотца, шейхъ Нари, жаловался на Гуссейна эрзерумскому вали (генералъ-губернатору).

Послѣ этого Гуссейнъ командировалъ своихъ людей, которые убили шейха Нари и такъ испугали его невѣсту, что она умерла. Во время одной изъ своихъ экспедицій онъ увелъ 2.600 овецъ, много лошадей, коровъ и проч., захватилъ 500 ф., сжегъ 9 селеній, убилъ 10 человѣкъ и отрѣзалъ правыя руки, носы и уши у другихъ 10 человѣкъ. Въ началѣ 1890 г. онъ увелъ 5 христіанскихъ дѣвушекъ изъ Патнотца, а въ сентябрѣ и октябрѣ того же года онъ собралъ съ населенья того же округа контрибуцію въ 300 ф. *Ни за одно изъ этихъ преступленій онъ не подвергся даже суду*. Въ декабрѣ 1890 г. онъ отправилъ своего брата, чтобы собрать еще денегъ, и это было сдѣлано посредствомъ разграбленія 21 селенія Аинтабскаго округа, въ результатѣ чего получилась сумма въ 350 ф. и 200 батмановъ масла (—3.000 ф.). Одинъ армянинъ Патнотца, по имени Хачо, не могъ или не хотѣлъ внести требуемой суммы; вслѣдствіе этого его домъ былъ разграбленъ, а жена и двое дѣтей были убиты. Въ теченіе всего этого времени доблестный Гуссейнъ-паша занималъ постъ и «исполнялъ обязанности» мушира или вице-губернатора.

Однажды онъ угналъ изъ Патнотца и Кизилкоха 1.000 овецъ и 7 паръ воловъ и продалъ ихъ одному купцу въ Эрзерумѣ; потомъ онъ захватилъ хорошую лошадь, принадлежавшую одному армянину изъ Кизилкоха, Мануку, и отправилъ ее въ подарокъ сыну эрзерумскаго судьи. Въ одну ночь къ концу февраля 1891 г. Гуссейнъ, его племянникъ Рассулъ и другіе ворвались въ домъ армянина Каспара для того, чтобы увести его красавицу-невѣстку. Но домашніе начали звать на помощь; тогда Гуссейнъ вынулъ револьверъ и убилъ молодую женщину. Эрзерумскому вали была подана просьба о привлеченіи Гуссейна къ отвѣтственности, но эта просьба была отклонена; послѣ этого Гуссейнъ былъ вызванъ въ Константинополь, гдѣ онъ встрѣтилъ сердечный пріемъ, получилъ орденъ отъ султана, былъ возведенъ въ санъ паши и назначенъ генералъ-бригадиромъ. Когда войска явились въ прошломъ году въ Мушъ и Сасунъ, Гуссейнъ былъ однимъ изъ героевъ и, по возстановленіи «порядка», онъ вернулся въ Патнотцъ съ нѣсколькими молодыми сасунскими дѣвушками, которыхъ онъ увелъ; теперь онъ пользуется благополучіемъ и уваженіемъ.

Безъ сомнѣнія существуютъ порученія, которыя могутъ быть ввѣрены такому господину, какъ Гуссейнъ-паша, или ему подобнымъ. Но можно ли имъ поручать управленіе христіанскимъ населеніемъ? Если мы предположимъ, что эрзерумскіе вали и другіе администраторы края были люди гораздо болѣе высокаго нравственнаго уровня, то какая же все-таки польза отъ ихъ благородства и прекрасныхъ намѣреній, если они позволяли Гуссейну грабить, раззорять, жечь и

убивать безнаказанно? Возможно ли порицать Гуссейна-пашу за его дѣла, когда за исполненіе ихъ онъ былъ *отличенъ и вознагражденъ* верховнымъ хранителемъ закона и порядка, главою правовѣрныхъ?

Не всѣ начальствующія лица обладаютъ такими же вкусами и такой же степенью мужества, какъ его превосходительство Гуссейнъ-паша. Другіе, и, безъ сомнѣнія, очень многіе, независимо отъ своихъ личныхъ склонностей, считаютъ нужнымъ изъ чувства служебнаго долга искать предлога для совершенія проступковъ, для которыхъ нельзя придумать никакого оправданія. Безумства, которыя они совершаютъ, въ поискахъ за этой тѣнью, казались бы невѣроятными, если бы они не были общеизвѣстны. Слѣдующій случай былъ разслѣдованъ и провѣренъ иностранными представителями въ Турціи. Весною 1893 года Гассибъ-паша, губернаторъ Муша, стремясь найти какое-нибудь доказательство недоброжелательности армянъ Авзута (Auzoot) и сосѣднихъ селеній, отправилъ туда полицейскаго капитана Решида-эффенди, чтобы произвести розыскъ относительно оружія. Решидъ отправился, произвелъ тщательное изслѣдованіе, усердно искалъ въ домахъ, на крышахъ и подъ землей, но тщетно. Нигдѣ не оказывалось огнестрѣльнаго оружія. Онъ вернулся и доложилъ, что поселяне строго соблюдаютъ законъ, воспрещающій имъ имѣть какое бы то ни было оружіе. Но Гассибъ-паша вышелъ изъ себя. «Какъ вы смѣете утверждать то, что по моимъ свѣдѣніямъ совершенная ложь?»—закричалъ онъ.—«Сейчасъ же ступайте назадъ и найдите оружіе. Не смѣйте возвращаться безъ него!» Полицейскій капитанъ снова отправился въ Авзутъ и перерылъ всѣ углы, т.-е. перевернулъ всѣ дома вверхъ дномъ, но все-таки ничего не нашелъ. Тогда онъ позвалъ сельскаго старосту и сказалъ: «Меня прислали, чтобъ отыскать спрятанное оружіе. Скажите мнѣ, гдѣ оно».—«Но у насъ нѣтъ никакого оружія».—«Оно должно быть гдѣ-нибудь».—«Увѣряю васъ, вы ошиблись».—Хорошо, теперь слушайте. Я долженъ найти здѣсь оружіе, есть ли оно у васъ или нѣтъ; я не могу вернуться безъ него. Если вы не дадите мнѣ какого-нибудь оружія, я долженъ буду расположиться въ вашей деревнѣ вмѣстѣ съ моими людьми». Это предвѣщало, конечно, грабежъ и разореніе. Староста былъ смущенъ. «Что же мнѣ дѣлать!— спросилъ онъ. У насъ нѣтъ оружія».—«Въ такомъ случаѣ ступайте и отыщите его, украдите, купите, но достаньте». Въ виду этого два или три лица были отправлены въ ближайшую курдскую деревню, гдѣ они купили три воза старыхъ кинжаловъ кремневыхъ ружей и заржавленныхъ сабель, которые и были переданы Решиду.

Онъ вернулся съ ними ликующій къ мушскому губернатору. Гассибъ-паша, видя эту коллекцію, чрезвычайно обрадовался и сказалъ: «Вотъ видите, я былъ правъ. Я говорилъ вамъ, что тамъ было спрятано оружіе. Вы не искали его, какъ слѣдуетъ вначалѣ. Будьте впредь усерднѣе».

Верто Папакіанъ, житель селенья Калилъ-Чаушъ (Кнуссъ), разсказалъ слѣдующую исторію своихъ треволненій, бросающую свѣтъ на любопытныя черты турецкаго правосудія и армянской сельской жизни.

«Одинъ курдъ, поимени Джунди, пытался увести мою племянницу Назо, но мы отправили ее въ Эрзерумъ и тамъ выдали замужъ за одного армянина. Мы нерѣдко выдаемъ нашихъ дѣвушекъ замужъ еще дѣтьми, 11-ти—12-ти лѣтъ,

или одѣваемъ ихъ мальчиками, чтобы спасти отъ изнасилованья. Мужъ Назо былъ сынъ сельскаго священника въ Гертевѣ. Курды хотѣли отомстить мнѣ за то, что я спасъ, такимъ образомъ, дѣвушку. Джунди такъ избилъ моего брата, что онъ пролежалъ въ постели около 6 мѣсяцевъ; затѣмъ тотъ же курдъ со своими людьми увелъ мой скотъ, сжегъ мой хлѣбъ, солому и сѣно и окончательно раззорилъ насъ. Когда племянница пріѣхала однажды къ намъ въ гости, Джунди и его курды напали на нашъ домъ и увели ее. Мы жаловались всѣмъ властямъ и мѣстнымъ, и эрзерумскимъ. Когда они рѣшили, наконецъ, опросить племянницу, она родила ребенка отъ курда и стыдъ помѣшалъ ей вернуться. Она осталась магометанкой. Тогда мы купили для своей защиты ружье, такъ какъ въ то время не существовало закона запрещающаго имѣть оружіе. Въ 1893 г. мы продали ружье одному курду по имени Хаджи Дахо, но въ 1894 г. полиція явилась къ намъ и потребовала его. Мы сказали, что продали, и курдъ подтвердилъ наше заявленіе. Онъ даже показалъ полиціи ружье. Тѣмъ не менѣе меня съ братомъ арестовали и заставили насъ дать двухъ воловъ въ обмѣнъ на два ружья, которыя они забрали съ собой, какъ вещественное доказательство нашей вины; затѣмъ мы отправлены были въ эрзерумскую тюрьму. Намъ пришлось просидѣть тамъ долго и терпѣть большія страданія. По прошествіи 8-ми мѣсяцевъ мой братъ умеръ отъ дурнаго обращенія. Тогда мнѣ обѣщали свободу за большую взятку, которая должна была привести меня въ полную нищету. У меня не было выбора, и я отдалъ все, что у меня просили, оставшись съ семьей безъ всякихъ средствъ. *И послѣ этого меня приговорили къ шестилѣтнему тюремному заключенію*».

Армянамъ строго отказываютъ въ какихъ бы то ни было формахъ правосудія. Одинъ тотъ фактъ, что армянинъ осмѣливается обращаться къ суду въ качествѣ жалобщика или преслѣдователя противъ курда или турка, всегда служитъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы произошла метаморфоза, превращающая жалобщика въ отвѣтчика или преступника и обыкновенно приводящая его въ тюрьму. Въ такихъ случаяхъ тюрьма является не болѣе какъ переходной ступенью отъ сравнительнаго довольства къ полной нищетѣ; заключенныхъ дочиста обираютъ и затѣмъ выпускаютъ на всѣ четыре стороны. Но что представляетъ собою тюрьма, этого невозможно описать съ достаточной ясностью. Если представить себѣ соединеніе изъ старой Звѣздной палаты въ Англіи, испанской инквизиціи, китайскаго вертепа для куренья опіума, больницы для желтой лихорадки и одного изъ самыхъ мрачныхъ уголковъ дантовскаго ада, то это соединеніе будетъ подобіемъ турецкой тюрьмы. Грязь, вонь, болѣзни, безобразіе, мученія въ такихъ видахъ и размѣрахъ, которыхъ въ Европѣ не могутъ себѣ и представить,—вотъ характеристика ея внѣшнихъ чертъ; психологическую обстановку составляютъ: полное отчаяніе, бѣсовская дикая злоба, адское наслажденіе человѣческими страданіями, стоическое самопожертвованіе въ поддержаніи омерзительныхъ пороковъ, совершенное извращеніе нравственной природы, и все это воплощено въ уродливыхъ существахъ, человѣческій образъ которыхъ составляетъ оскорбленіе божества. Въ этихъ ужасныхъ темницахъ постоянно смѣшиваются вопли, вызванные утонченнымъ терзаніемъ съ криками противоестественныхъ наслажденій; грязныя пѣсни поются подъ аккомпаниментъ раздира-

ющихъ душу стоновъ; и въ то же время изъ тѣлъ, давно уже лишенныхъ жизненныхъ силъ, отлетаютъ души, неоплакиваемыя никѣмъ, кромѣ сырыхъ стѣнъ, на которыхъ пары невѣроятныхъ пораненій и страшныхъ болѣзней скопляются большими каплями и падаютъ по камнямъ на полъ поднимаясь оттуда въ видѣ испареній. По истинѣ это чудовищный кошмаръ, превращенный въ дѣйствительность.

Въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ я просилъ одного своего друга посѣтить политическихъ преступниковъ въ Битлисской тюрьмѣ и просить ихъ дать мнѣ краткое описаніе ихъ положенія. Четверо изъ заключенныхъ отвѣтили коллективнымъ письмомъ, которое производитъ потрясающее впечатлѣніе. Вотъ послѣднія страницы этого документа, помѣченнаго такъ:

«Битлисская тюрьма, адъ, 28 марта (9 апрѣля) 1895 г.

«Въ Битлисской тюрьмѣ 7 камеръ, изъ которыхъ каждая можетъ вмѣстить отъ 10 до 12 человѣкъ. Въ дѣйствительности въ нихъ помѣщается отъ 20 до 30 чел. *Санитарныхъ приспособленій совершенно не существуетъ.* Отбросы и грязь, которымъ должно было лежать въ особомъ мѣстѣ, отведенномъ для этой цѣли, нагромождены въ камерѣ. Воду нельзя пить. Нерѣдко арестантовъ армянъ принуждаютъ пить воду изъ таза, въ которомъ мусульмане совершаютъ омовенія»...

Затѣмъ слѣдуетъ краткое, но поучительное описаніе тѣхъ мученій, которымъ подвергались товарищи писавшаго и отъ которыхъ многіе изъ нихъ умерли. Вотъ примѣръ: «Малкассъ Агаджаніанъ и Серопъ Малкассіанъ изъ Авзута (Мушъ) подвергались побоямъ до тѣхъ поръ, пока не потеряли сознанія. Перваго въ восьми мѣстахъ прожгли раскаленнымъ желѣзомъ, втораго — въ двѣнадцати». Другое насиліе, совершенное надъ Серопомъ, не можетъ быть даже названо. «Гагоръ Серапіонъ, изъ деревни Авзутъ, былъ битъ до потери сознанія; затѣмъ ему набросили на шею поясъ и потащили въ комнату заптія, гдѣ ему было наложено 16 клеймъ раскаленнымъ до-красна желѣзомъ». Описавъ другія мученія, которымъ онъ подвергся, наприм., выдергиваніе волосъ, продолжительное лишеніе пищи и питья при неподвижномъ стояніи на одномъ мѣстѣ, разсказчикъ передаетъ затѣмъ о такихъ пыткахъ, для которыхъ не существуетъ названія на англійскомъ языкѣ и о которыхъ цивилизованный народъ не можетъ слышать. Потомъ онъ продолжаетъ: «Сирко Макассіана, Гарабеда Леалкассіана и Изро Асдвадзадуріана изъ той же деревни жестоко избили и заставили неподвижно стоять въ теченіе долгаго времени. послѣ чего имъ вылили на голову содержаніе нѣкоторыхъ сосудовъ. Корки Мардаіанъ, изъ деревни Семоль, подвергся жестокому избіенію, у него вырвали волосы и заставили его простоять неподвижно въ теченіе 24 часовъ. Послѣ этого Мулазинъ-хаджи-али и тюремщикъ Абдулкадиръ заставили его подвергнуться т. н. Sheitantopy [1]), окончившейся смертью несчастной жертвы. Ему было 45 лѣтъ отъ роду. Мекитаръ Сафоріанъ и Катто Балобанъ изъ Какарлу (Буланикъ) подверглись такой же пыткѣ. Мекитару было только 15 лѣтъ, а Катто всего 13. Сохо Шарайна изъ Алваринджи (Мушъ) былъ

[1]) Буквально значитъ „дьявольское кольцо". Руки туго связываются и ноги, также связанныя за большія пальцы, перетягиваются черезъ руки. Остальныя части Sheitantopy состоятъ изъ ужасной пытки и отвратительнаго преступленія.

отведенъ изъ Муша въ Битлисскую тюрьму въ кандалахъ. Въ Битлисѣ его жестоко избили и заставили находиться въ стоячемъ положеніи безъ пищи. Когда онъ падалъ въ обморокъ, его приводили въ сознаніе душами холодной воды и плетьми. Ему также рвали волосы и жгли тѣло раскаленнымъ желѣзомъ. Затѣмъ... (его подвергли мученіямъ, которыхъ нельзя описать)... Гамбартзума Байджіана, послѣ его ареста, держали въ теченіе трехъ дней подъ лучами палящаго солнца. Затѣмъ его перевели въ Семаль, гдѣ онъ и его товарищи были избиты и заперты въ церковь. Имъ не позволяли выходить даже для отправленія естественныхъ нуждъ и заставляли ихъ осквернять крестильныя купели и алтари... Гдѣ вы, христіанская Европа и Америка?»

Въ числѣ четырехъ лицъ, подписавшихъ это письмо, имѣется подпись одного очень уважаемаго и богобоязненнаго духовнаго лица [1]).

Я лично знакомъ съ множествомъ людей, прошедшихъ черезъ эти тюрьмы. Исторіи, которыя они разсказываютъ о своихъ испытаніяхъ такъ ужасны, что трудно было бы повѣрить имъ, еслибъ онѣ не были вполнѣ подтверждены страшнымъ зрѣлищемъ ихъ помраченнаго разсудка, изуродованныхъ тѣлъ, глубокихъ рубцовъ и чудовищныхъ увѣчій, которые не исчезнуть, пока могила или коршуны не поглотятъ ихъ тѣлъ. Въ пыткахъ и насиліяхъ, изобрѣтаемыхъ турецкими тюремщиками и мѣстными властями, есть нѣчто до такой степени отвратительно-фантастическое и дико-чудовищное, что простой неприкрашенный отчетъ о нихъ представляется безумствованіемъ больного діавола. Но это такой предметъ, который невозможно изложить вполнѣ откровенно.

V.

Изъ того, что было уже сказано раньше, легко можно усмотрѣть, по какимъ основаніямъ люди попадаютъ въ турецкую тюрьму въ Арменіи. Для этого достаточно, чтобы они обладали деньгами, скотомъ, хлѣбомъ, землей, женой или дочерью или, наконецъ, врагами. Мы возмущаемся, когда читаемъ о жестокостяхъ дикихъ курдовъ, совершающихъ набѣги на деревни, нападающихъ на дома, уводящихъ овецъ, захватывающихъ все имущество, которое можно унести, позорящихъ женщинъ и спокойно возвращающихся домой съ сознаніемъ, что они исполнили за этотъ день доброе дѣло. Мы называемъ это оскорбленіемъ цивилизаціи и, быть можетъ, эта квалификація правильна. Но какъ ни дурны эти дѣянія, они представляются самой милостью по сравненію съ турецкими пріемами дѣйствія, основанными на законѣ и ужасахъ тюрьмы. Человѣкъ, который по бѣдности или даже вслѣдствіе полной нищеты оказывается не въ силахъ заплатить воображаемыя недоимки по податямъ, который не желаетъ отдать заптіямъ въ видѣ «бакшиша» свою корову или буйвола, или умоляетъ ихъ пощадить честь его жены или дочери, попадаетъ въ одну изъ такихъ темницъ и ни-

---

[1]) Такъ какъ трое изъ подписавшихся находятся до сихъ поръ въ тюрьмѣ, то осторожность мѣшаетъ мнѣ сообщить ихъ имена, извѣстные однако *Foreign Office*.

когда не выходитъ оттуда не отмѣченный неизгладимымъ клеймомъ этого мѣста. Приведемъ для примѣра одинъ изъ обычныхъ, но отнюдь не самый возмутительный случай арестованія.

Молодой человѣкъ изъ деревни Авзутъ (округъ Муша) отправился въ Россію въ поискахъ за работой и нашелъ себѣ тамъ занятіе. Онъ женился, прожилъ въ Россіи нѣсколько лѣтъ и къ концу 1892 года онъ вернулся въ свою родную деревню. Полиція, узнавъ, что прибылъ «одинъ армянинъ, жившій въ Россіи», отправила въ Авзутъ четырехъ своихъ агентовъ подъ начальствомъ Исаака Чауша. Они пріѣхали въ деревню черезъ 2 часа послѣ захода солнца; трое остались стеречь домъ снаружи, а начальникъ вошелъ въ середину. Сейчасъ же послышались выстрѣлы, Исаакъ и молодой армянинъ лежали мертвые. Вслѣдствіе этого случая битлисскія власти отправили въ Авзутъ одного полковника заптіевъ для наблюденій затѣмъ, чтобы «правосудіе» было осуществлено, и его осуществили очень скоро. Полковникъ созвалъ всѣхъ жителей деревни, изъ которыхъ ни одинъ не былъ замѣшанъ въ это дѣло, и посадилъ ихъ въ тюрьму. Затѣмъ начальство изнасиловало всѣхъ дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ въ Авзутѣ, послѣ чего были освобождены всѣ мужчины, кромѣ 20, отправленныхъ въ Битлисскую тюрьму. Нѣкоторые изъ нихъ тамъ умерли, а 10 другихъ были скоро выпущены. Наконецъ, рѣшено было обвинить молодого учителя Маркара изъ деревни Вазетенисъ въ убійствѣ Исаака Чауша, и такъ какъ противъ него не было доказательствъ, то другимъ арестантамъ приказано было давать показанія противъ него.

Армяне имѣютъ репутацію лжецовъ, но они, безъ сомнѣнія, не идутъ въ этомъ отношеніи такъ далеко, чтобы давать клятвенныя показанія противъ невиннаго человѣка, особенно если отъ этого зависитъ его жизнь; въ настоящемъ случаѣ они отказались совершить двойное преступленіе лжесвидѣтельства и убійства. Для того, чтобы принудить ихъ, были употреблены всевозможныя усилія: ихъ раздѣли и били плетьми, затѣмъ жгли раскаленнымъ желѣзомъ въ разныхъ частяхъ тѣла до тѣхъ поръ, пока они начали кричать отъ боли. Затѣмъ имъ не давали спать въ теченіе нѣсколькихъ ночей и потомъ опять мучили ихъ до тѣхъ поръ, пока они, корчась и дрожа отъ пытокъ, не обѣщали давать какія угодно показанія, лишь бы ихъ освободили отъ мученій. Тогда отъ ихъ имени былъ составленъ актъ, въ которомъ свидѣтельствовалось, что Маркаръ находился въ деревнѣ, когда туда прибылъ Исаакъ Чаушъ, который и былъ убитъ имъ въ присутствіи ихъ, свидѣтелей. Подъ этимъ документомъ они подписались. Въ это же время Маркара пытали въ другой части тюрьмы.

Когда началось разбирательство дѣла и былъ прочитанъ этотъ документъ, свидѣтели сняли одежду въ судѣ, показали страшные знаки, оставленные на ихъ тѣлѣ желѣзомъ и призывали Бога въ свидѣтели того, что показаніе, исторгнутое у нихъ невѣроятными пытками, ложно. Съ другой стороны Маркаръ заявилъ, что онъ не былъ въ деревнѣ Авзутъ въ ту ночь, когда произошло убійство. Но эти заявленія не были приняты во вниманіе; Маркаръ былъ повѣшенъ въ прошломъ году, а «свидѣтели» приговорены къ заключенію въ крѣпостяхъ на разные сроки. Нѣкоторыя изъ женщинъ, изнасилованныхъ заптіями, умерли вслѣдствіе обращенія, которому онѣ подверглись.

Всѣ свѣдѣнія о тюрьмахъ Арменіи, турецкія, курдскія и христіанскія, согласуются въ главныхъ чертахъ. Я недавно пригласилъ къ себѣ одного очень почтеннаго армянина, человѣка хорошо воспитаннаго и нѣкогда состоятельнаго; онъ побывалъ въ нѣсколькихъ тюрьмахъ, куда его заключили изъ желанія овладѣть его имуществомъ. Я спросилъ его относительно обращенія съ заключенными и онъ сказалъ мнѣ слѣдующее:

«Армяне очень часто подвергаются пыткамъ; но многое зависитъ отъ мѣстныхъ условій. Нѣкоторыя тюрьмы крайне плохи и извѣстны по ужаснымъ фактамъ, совершающимся въ ихъ стѣнахъ; другія не такъ отвратительны. Эрзерумская тюрьма, наприм., далеко не такъ плоха, какъ Битлисская, хотя и тамъ пытки примѣняются иногда самымъ безчеловѣчнымъ образомъ. Я полагаю, причина этого различія заключается въ томъ, что иностранные консулы въ Эрзерумѣ, почти всегда могутъ имѣть свѣдѣнія о томъ, что происходитъ въ мѣстной тюрьмѣ, и власти, зная это, воздерживаются отъ крайнихъ жестокостей.

Вопр. Въ Эрзерумѣ не примѣняются пытки?

Отв. Иногда примѣняются, но далеко не такъ часто, какъ въ другихъ мѣстахъ. Я видѣлъ тамъ «стоячій ящикъ» и знаю, что его употребляли нѣсколько времени тому назадъ, но я думаю, что имъ пользуются не часто и во всякомъ случаѣ далеко не такъ часто, какъ въ Битлисѣ.

Вопр. Что это такое «стоячій ящикъ?»

Отв. Это—небольшой шкапъ,. какъ разъ такого размѣра, чтобы въ немъ могъ помѣститься только одинъ человѣкъ — по виду этотъ ящикъ напоминаетъ караулку. Заключенный въ нее не можетъ ни сѣсть, ни прислониться, ни двигаться.

Вопр. Конечно, онъ можетъ прислониться къ стѣнкамъ?

Отв. Нѣтъ, потому что на стѣнкахъ торчатъ острые желѣзные гвозди, а на полу оставлено только мѣсто, необходимое для двухъ ногъ. Заключеннаго держатъ въ такомъ ящикѣ 24, 36, 48 часовъ, словомъ сколько придется; иногда даже дольше указанныхъ выше сроковъ. При этомъ на стражѣ всегда стоятъ два заптія, которые слѣдятъ за тѣмъ, чтобы операціи производились должнымъ образомъ. Человѣкъ, подвергшійся этой пыткѣ, не получаетъ никакой пищи и питья, и ему не позволяютъ даже выходить изъ ящика для отправленія естественныхъ надобностей. Это ужасная пытка. Она была примѣнена къ учителю Маркару и къ нѣкоторымъ моимъ друзьямъ и знакомымъ. Ей подверглись: слуга Дамадіана, Сохо Шаропанъ, а также Агопъ Серопіанъ изъ Авзута, Сирко Минассіанъ, Карапетъ Молкассіанъ, Корки Мардойанъ изъ Коссельди (Буланикъ), и многіе другіе. Но эта пытка не самая жестокая. Пытка Шейтантопи, составляющая вмѣстѣ съ тѣмъ насиліе...

Да, я знаю все, относящееся къ ней. Армяне, приведенные изъ Муша въ тюрьму Гассанкалэ (многіе изъ нихъ виноваты только въ томъ, что давали показанія передъ комиссіей, допрашивавшей ихъ относительно избіенія въ Сасунѣ), являются жертвами самыхъ возмутительныхъ преступленій. Чиновники, совершающіе надъ ними насиліе, многочисленны, и ихъ имена хорошо извѣстны; у меня подробно записаны ихъ фамиліи и адресы, и я могу сослаться на множество свидѣтелей въ подтвержденіе приведеннаго мною обвиненія. Эти негодяи

большею частью заптіи. Я видѣлъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и говорилъ съ ними, и они почти не старались скрыть страшные факты. Тюремщики богатѣютъ благодаря деньгамъ, которыя они вымогаютъ отъ заключенныхъ. Тюремщикъ въ Битлисѣ, Абдулкадеръ, котораго можно назвать человѣкомъ только потому, что онъ, нужно полагать, созданіе Божіе, получаетъ этимъ путемъ огромныя суммы. Недавно онъ истратилъ на свой домъ 500 ф. и, говорятъ, два или три турецкихъ купца ведутъ торговлю на его деньги, между тѣмъ онъ получаетъ всего 50 шиллинговъ въ мѣсяцъ жалованья. Эти деньги получаются въ видѣ взятокъ не за какую-нибудь услугу заключеннымъ, а исключительно за освобожденіе ихъ отъ пытки, предпринятой единственно въ цѣляхъ вымогательства.

Слѣдующій случай можетъ дать понятіе о характерѣ той помощи, за которую приходится такъ дорого платить. Около 5 мѣсяцевъ назадъ 3 человѣка изъ деревни Кртабазъ были арестованы и заключены въ тюрьму [1]). То, что они были освобождены безъ суда черезъ 10 недѣль, служитъ достаточнымъ доказательствомъ ихъ невинности. Ихъ заключили въ тюрьму Ганссанкалэ. Помѣщеніе, въ которомъ ихъ заперли, было переполнено. Понятіе переполненія означаетъ не одно и то же въ Арменіи и въ Европѣ. *Армяне, о которыхъ идетъ рѣчь, за недостаткомъ мѣста не имѣли возможности даже лечь.* Нѣсколько курдовъ, помѣщавшихся въ той же камерѣ, пользовались особыми привилегіями, но и имъ было предоставлено пространство всего въ $2^1/_2$ фута. Въ углу камеры дыра, продѣланная въ стѣнѣ, замѣняла отхожее мѣсто, и упомянутымъ тремъ армянамъ сказали, что они должны стоять около этой дыры и могутъ опираться о стѣну, чтобы спать.

Они находились въ такомъ положеніи въ теченіе 15 сутокъ подрядъ. Вонь, грязь, обиліе насѣкомыхъ превосходили всякое воображеніе. Черезъ 15 дней, рискуя уморить себя отъ голода, они отдали часть своей пищи нѣкоторымъ курдамъ, которые взамѣнъ того позволили имъ занять ихъ мѣста въ теченіе дня. Это было немного, потому что курды сами имѣли въ своемъ распоряженіи всего $2^1/_2$ фута; но все-таки армяне получили нѣкоторое облегченіе. Но курды были жестоко наказаны за свою услугу или предпріятіе: ихъ порція хлѣба была сокращена и они были закованы въ кандалы на нѣсколько дней. Люди, которымъ курды помогли такимъ образомъ и которые обязаны имъ жизнью, были старѣйшины деревни, ни въ чемъ неповинные: черезъ нѣсколько недѣль ихъ выпустили, потому что «они не сдѣлали ничего дурного».

И тѣмъ не менѣе турокъ, говорятъ, *истинный джентльменъ,* между тѣмъ армяне *лжецы и воры.* Имѣя въ виду, какъ много зависитъ отъ терминовъ, можно допустить, что это мнѣніе справедливо въ какомъ-нибудь отношеніи. Но джентльменъ не будетъ убивать безчеловѣчнымъ способомъ кошку или собаку, которыя ему не нужны. Развѣ въ такомъ случаѣ нельзя требовать, чтобы оттоманскій джентльменъ убивалъ своихъ армянъ, не подвергая ихъ мученіямъ? Развѣ не было бы дѣломъ человѣколюбія со стороны послѣдняго либеральнаго министерства устроить такъ, чтобы армянъ съ ихъ женами и дѣтьми убивали безъ мученій. Хлороформъ, синильная кислота или электричество, конечно, со-

---

[1]) Ихъ имена Веретъ, Мартиросъ, Теръ Каспаріанъ и Гульбегъ.

ставили бы улучшенія по сравненію съ «Шейтантопи», «стоячимъ ящикомъ» или раскаленнымъ желѣзомъ, и армяне и ихъ друзья имѣли бы основаніе благодарить насъ за что-нибудь. Эта мысль, правда, не вполнѣ христіанская, но, безъ сомнѣнія, она относительно гуманна. Что бы ни думали объ этомъ предложеніи въ теоріи, на практикѣ немногіе, въ положеніи армянъ, задумались бы предоставить своимъ сестрамъ, женамъ и сыновьямъ возможность положить конецъ страданіямъ.

«Армяне могли бы улучшить свое положеніе, если бы они дѣйствительно хотѣли этого», сказалъ мнѣ недавно одинъ англичанинъ съ серьезнымъ и убѣжденнымъ видомъ; имъ стоитъ только перейти въ магометанство. Безъ сомнѣнія, Богъ не накажетъ ихъ за это». Это, конечно, вѣрно, что съ того момента, какъ они приняли бы Исламъ, ихъ мученія прекратились бы, и что теперь, являясь по своимъ страданіямъ мучениками, они не получаютъ мученическаго вѣнца и считаются презрѣнными «преступниками». Многіе, силы которыхъ были слабы, нарушили свое внутреннее убѣжденіе и отказались отъ вѣры, другіе готовятся сдѣлать то же самое. Нѣкоторые изъ тѣхъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить, спрашивали меня, посовѣтую ли я имъ спасти свои семьи отъ позора и смерти, признавъ, что существуетъ единый Богъ и пророкъ его Магометъ. Я отвѣчалъ выраженіемъ надежды, которую я питаю только отчасти, что христіанская Европа во-время придетъ имъ на помощь и избавитъ ихъ отъ необходимости выбирать между такими альтернативами. Одно несомнѣнно, — если они перейдутъ въ магометанство, то должны сдѣлать не только наружно. Отступленія быть не можетъ, потому что жестокая смерть въ самой жестокой формѣ явилась бы наказаніемъ за отступничество. Слѣдующая исторія можетъ показать, какой соблазнъ представляется для армянъ въ отношеніи религіи. Этотъ разсказъ, кромѣ того, поучителенъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Меликъ Ага былъ вліятельнымъ и благороднымъ армяниномъ деревни Абра (округъ Буланикъ); Богъ благословилъ его сыновьями и внучатами, рогатымъ скотомъ, овцами, землей, хлѣбомъ и кормомъ. Это былъ своего рода армянскій Іовъ въ небольшомъ размѣрѣ. Благородный магометанинъ той же деревни Кіамиль Шейхъ, завидуя его богатствамъ, пожелалъ овладѣть ими и, если бы это ему не удалось, то уничтожить ихъ и ихъ владѣльца. Съ этой цѣлью онъ сжегъ сѣно и хлѣбъ Мелика; потомъ люди Шейха пришли и увели 8 лошадей его, умертвивъ 150 овецъ и оставивъ ихъ трупы на гніеніе тамъ, гдѣ они были убиты. Эта потеря была очень велика для страны, населенье которой всегда бѣдствуетъ и часто голодаетъ. Поэтому Меликъ отправился въ Конъ, гдѣ живетъ каймакамъ, и просилъ защиты закона. Пока онъ находился въ Конѣ, а его сынъ былъ на работѣ, люди Шейха, постоянно находившіеся на сторожѣ, ворвались въ домъ, убили двухъ дѣтей старшаго сына Мелика и увели его жену, которая была въ послѣднемъ періодѣ беременности. Меликъ Ага, услышавъ объ этомъ несчастіи, отправился въ Эрзерумъ, чтобы передать это дѣло властямъ вилайета. Результатомъ его жалобы было то, что Селимъ паша отправился для разслѣдованія этого дѣла и возвращенія женщины; дѣтей, конечно, нельзя уже было воскресить, и убійца остался безнаказаннымъ. Похититель отказался возвратить молодую женщину, говоря, что она публично заявитъ о своемъ переходѣ въ

магометанство. Тогда паша, обратившись къ Мелику, спросилъ: «Что вы скажете или сдѣлаете, если ваша невѣста публично признаетъ Исламъ?»—«Я скажу, что мы тоже сдѣлаемся магометанами, чтобъ у насъ не отнимали нашихъ женъ и дочерей».

Тогда привели женщину; но Меликъ, видя, что она окружена шейхами и боится говорить правду, сказалъ пашѣ: «Она больна; черезъ нѣсколько дней она будетъ матерью. Оставьте ее въ покоѣ до тѣхъ поръ и помѣстите пока въ какомъ вамъ угодно турецкомъ домѣ въ Эрзерумѣ. Черезъ двѣ недѣли мы спросимъ ее, что она можетъ сказать». Всѣ согласились на это, и паша уѣхалъ. Черезъ 3 дня мужъ этой женщины (старшій сынъ Мелика) былъ убитъ слугами Кіамиля среди бѣла дня. Даже турецкое семейство, въ которомъ жила женщина, было охвачено ужасомъ и просило шейховъ взять ее, такъ какъ оно не желаетъ имѣть никакого отношенія къ этому дѣлу.

Вскорѣ послѣ этого второй сынъ Мелика, Мкиртичъ, застрѣлилъ въ полѣ двухъ шейховъ. Это былъ очень дурной нехристіанскій поступокъ; подобные случаи даютъ поводъ честнымъ людямъ въ Европѣ жаловаться на мстительность армянъ. Мы знаемъ, что Мкиртичу слѣдовало пригласить шейховъ къ обѣду или по крайней мѣрѣ, оставить ихъ въ покоѣ; хотя существуютъ высокообразованные европейцы, даже служители христіанской церкви, лично мнѣ извѣстные, которые говорятъ: Да будетъ благословенъ Богъ за всякій инстинктъ, возмущающійся противъ такого порядка, при которомъ скотъ переживаетъ человѣка. Какъ бы то ни было Мкиртичъ и его младшій братъ, сознавая, что они и ихъ родичи погибли, скрылись въ домѣ Муссабея и объявили себя магометанами. Затѣмъ они отправили посланнаго къ своему отцу, чтобъ объявить ему, какъ они поступили, и посовѣтовать ему поступить такъ же; и онъ послушался ихъ совѣта. Муллѣ было поручено преподавать новообращенной семьѣ догматы Ислама и научить ее магометанскому богослуженію, и случилось такъ, что мулла оказался бывшій старый слуга Мелика, который гораздо больше былъ склоненъ принять христіанство, чѣмъ его хозяинъ признать ученіе Корана. Меликъ, обсудивъ планъ дѣйствій съ дружески расположеннымъ къ нему муллой, отправилъ свою овдовѣвшую дочь со взрослой дѣвочкой и тремя мальчиками въ Россію. Когда они были уже недалеко отъ границы, въ Гора-Гедукѣ, курды напали на нихъ и хотѣли отнять дѣвочку. Но она крѣпко держалась за мать и отказалась сдѣлаться жертвой гнусныхъ желаній этихъ дикарей. Тогда курды застрѣлили ее. Мать схватила трупъ дочери на спину и отнесла его въ деревню Гайраванкъ, въ трехъ миляхъ отъ Кагнемана, гдѣ убитая дѣвочка и была похоронена отцомъ Рафэиломъ. Черезъ нѣкоторое время самъ Меликъ и остальные члены его семьи убѣжали въ Россію, покинувъ домъ, земли, кормъ, хлѣбъ, скотъ и пр. и захвативъ съ собой только немного денегъ, которые курды отняли у нихъ на пути. Но Меликъ благодарилъ Бога за то, что ему удалось спасти свою жизнь [1]).

---

[1]) Мулла отправился въ знаменитый армянскій монастырь въ Эчміадзинѣ и принялъ христіанство.

VI.

У армянъ все больше и больше укрѣпляется убѣжденіе, что жизнь — это единственная божеская или человѣческая милость, за которую имъ придется исповѣдывать чувство благодарности. Правда, ихъ не разъ утѣшали надеждой, и съ этимъ утѣшеніемъ выступали даже мы, которые съ самаго начала помѣшали Россіи придти армянамъ на помощь и дать имъ хорошее управленіе и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставили Турціи полную возможность устроить въ пяти провинціяхъ новую Дагомею. Дѣйствительно, иногда непроницаемый мракъ является только провозвѣстникомъ скораго разсвѣта; но для этихъ существъ жизнь — вѣчная тьма неизвѣданныхъ вертеповъ. Армяне — христіане и они обращаютъ свои взоры къ Богу, зная, что имъ нельзя надѣяться ни на кого другого.

Не легко армянину перейти границу и вступить въ предѣлы Россіи, если у него имѣется золотая или серебряная монета или какая-нибудь одежда; не легко также женщинѣ покинуть страну, не подвергшись сначала позору, одно упоминаніе о которомъ заставляетъ кровь кипѣть отъ стыда и негодованія. «Да, но эти вещи не чувствуются армянами съ такой остротой, какъ онѣ чувствовались бы европейцами», сказала мнѣ на-дняхъ одна англійская дама.—Можетъ быть, но я говорилъ съ сотнями и сотнями армянскихъ женщинъ и не замѣтилъ подтвержденья этихъ словъ. Какіе бы пороки не приписывались армянкамъ, цѣломудріе должно считаться одной изъ ихъ главнѣйшихъ добродѣтелей. Онѣ доводятъ ее до невѣроятной крайности. Во многихъ мѣстностяхъ армянки даже не разговариваютъ съ чужимъ мужчиной иначе, какъ въ присутствіи мужа. Она даже не вступаетъ въ разговоры съ родственниками—мужчинами, и чистота ея и въ трущобахъ Эрзерума, и въ долинахъ Сасуна стоитъ внѣ всякаго подозрѣнія. И тѣмъ не менѣе женщины подвергаются постояннымъ оскорбленіямъ грубыхъ курдовъ и гнусныхъ турокъ, получая иногда освобожденіе только благодаря смерти. Но трудность выселенія изъ Турціи съ деньгами, одеждой или женщинами яснѣе обнаружится на нѣсколькихъ конкретныхъ примѣрахъ. Не то, чтобы турки имѣли что-нибудь противъ ухода армянъ; напротивъ (и это служитъ лучшимъ доказательствомъ существованія плана истребленія), они прямо выпроваживаютъ ихъ за границу и потомъ упорно отказываются пускать ихъ обратно.

Сара Гаройанъ, спрошенный о причинахъ, по которымъ онъ и его семья въ 10 человѣкъ эмигрировали изъ Деревни Кетеръ (Байазетскій сандажъ), сообщилъ слѣдующее:

«Мы не могли оставаться, потому что Резекамъ-бей, сынъ Джіафора-ага и его люди обращались съ нами какъ съ вьючнымъ скотомъ, и мы не могли жаловаться на нихъ, потому что они принадлежатъ къ гамидіэ. Я эмигрировалъ къ концу прошлаго года, Резекамъ явился съ своими людьми и зашелъ какъ будто въ военное время въ дома армянъ, изгнавъ ихъ самихъ. Только семи семьямъ позволили оставаться. Остальныя, не зная куда дѣваться, пріютились въ церкви. Намъ пришлось кормить курдовъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, отдавать имъ нашъ хлѣбъ, овецъ и пр. и держать скотъ на пастбищѣ. Мы должны

были служить нѣкоторымъ изъ нихъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ [1]). Самъ Резекамъ еженедѣльно посѣщалъ деревню Каракилиссе и взималъ въ видѣ контрибуціи 10 турецкихъ фунтовъ, не считая корма, ягнять и пр., которые получали его люди. Наконецъ, будучи не въ силахъ нести больше это бремя, мы обратились съ жалобой къ властямъ. Онѣ прогнали насъ. Тогда одинъ курдъ, по имени Газазъ Тимеръ, приказалъ намъ подписать документъ, въ которомъ говорилось, что мы благоденствуемъ и чувствуемъ себя счастливыми. Этотъ документъ долженъ былъ быть отправленъ въ Константинополь, такъ какъ названный курдъ желалъ получить мѣсто юзбаши гамидіэ. Никто не подписалъ бумаги, и Тимеръ такъ разсердился на это, что убилъ Авака и его брата. Черезъ 5 мѣсяцевъ онъ убилъ Микасса, сына Кре, изъ деревни Манкассаръ. Когда наступила прошлая зима, Резекамъ-бей арестовалъ нашего сосѣда Саркисса, сына Саха; онъ погружалъ ему голову въ холодную воду и затѣмъ, давъ ей высохнуть, облилъ керосиномъ и зажегъ его волоса. Потомъ онъ пытался изнасиливать сестру Саркисса, Сару, но ее во время спрятали. Слуга Резекама, Кето, обезчестилъ жену Мурада, а черезъ нѣсколько дней, явившись въ домъ одного изъ жителей той же деревни, Авраама, приказалъ ему отправиться на работу къ Резекамъ-бею. Жена Авраама, которая должна была скоро родить, просила, чтобъ ея мужу позволено было остаться дома, но Кето ударилъ ее въ животъ и она родила черезъ часъ мертваго ребенка. Нѣтъ, мы не могли бы жить тамъ, даже еслибъ мы были животными, а не христіанами».

Мкиртичъ Мегайанъ, 35 лѣтъ, изъ деревни Купечеранъ (Байазетскій санджакъ) заявилъ: «Я эмигрировалъ въ 1894 г., потому что Аира-паша явился съ 40 курдскими семьями, разрушилъ нашу церковь и забралъ все, что у насъ было». Такая же исторія съ нѣкоторыми варіаціями сообщается изъ каждаго санджака, почти изъ каждой деревни въ 5 армянскихъ провинціяхъ. Петросъ Козділнъ, 55 лѣтъ отъ роду, изъ деревни Арогъ (Ванскій санджакъ), показалъ слѣдующее:

«Я покинулъ родную деревню и страну съ своей семьей въ августѣ прошлаго (1894) года, потому что насъ выгнали курды, находившіеся подъ командой Три, сына Гало, котораго подстрекали къ этому турецкія власти. Онъ прежде всего явился и изнасиловалъ трехъ дѣвушекъ и трехъ молодыхъ замужнихъ женщинъ, которыхъ онъ увелъ, несмотря на ихъ крики и мольбы. Три армянина пытались защитить несчастныхъ женщинъ, которыя умоляли отнять ихъ у злодѣевъ. Но курды убили ихъ на мѣстѣ. Ихъ имена были Саркиссъ, Кячо и Кеворкъ. На другой день Три со своими людьми угналъ деревенскихъ овецъ. Мы жаловались ванскому губернатору, но онъ сказалъ, что не можетъ вмѣшаться въ это дѣло. Черезъ 10 дней курды снова явились и захватили съ собой нашу пшеницу, ячмень и скотъ и сожгли кормъ, который не могли взять. Затѣмъ они разрушили алтарь въ нашей церкви, надѣясь найти подъ нимъ золото и серебро. Мы снова просили властей защитить насъ, но намъ сказали: «мы перебьемъ васъ какъ овецъ, если вы еще разъ осмѣлитесь придти съ жалобой на добрыхъ магометанъ». Тогда мы взяли съ собой, что могли, и направились въ Россію. Когда мы достигли Сокака, на насъ напали шесть вооруженныхъ

---

[1]) Это не рѣдкое явленіе въ Арменіи.

курдовъ; они отняли у насъ все, что у насъ было, такъ что мы перешли черезъ границу имѣя на себѣ только одежду».

Саркиссъ Мартиросіанъ изъ деревни Учкилиссе (Алашкертскій санджакъ), сказалъ:

«Я эмигрировалъ со своей семьей, состоящей изъ пяти человѣкъ, потому что не могъ больше жить тамъ. Курды явились къ намъ, сожгли весь мой кормъ и другіе продукты, которыхъ у меня было очень много. Затѣмъ они угнали 100 деревенскихъ коровъ, 50 воловъ и 300 овецъ. Мы не могли больше платить пошлинъ и, боясь пытокъ со стороны заптіевъ, а также голода, мы рѣшили уйти. Въ Кіатуккѣ курды отняли у насъ все, что мы имѣли, и отправили насъ черезъ границу».

Овэ Овьянцъ изъ деревни Лизъ (Булакинскій санджакъ) показалъ слѣдующее:

«Я эмигрировалъ со своей семьей, состоящей изъ восьми человѣкъ, потому что насъ прогнали курды, находившіеся подъ командой Терпой-Неато, который дѣйствовалъ съ согласія султанскихъ властей. Онъ явился въ нашу деревню и захватилъ три упряжи воловъ, 70 овецъ и 2 муловъ. Черезъ мѣсяцъ они угнали еще 70 овецъ и 2 муловъ, а впослѣдствіи еще 17 моихъ овецъ. Насъ было 250 армянскихъ семействъ, но мы ничего не могли сдѣлать противъ шайки курдовъ, потому что не имѣли огнестрѣльнаго оружія. Однажды ночью они выломали мою дверь и унесли съ собою одежду и украшенія женщинъ и увели 2 коровъ. Модего Тило, видя, что одинъ изъ нашихъ сосѣдей имѣетъ красивую дочь, увелъ ее и заставилъ перейти въ магометанство. Отецъ дѣвушки жаловался битлисскому вали, который приказалъ копскому каймакаму наказать плетьми жалобщика и посадить его на 7 дней въ тюрьму. Это было исполнено, и когда его освободили, то предупредили, что онъ будетъ замученъ до смерти, если еще разъ явится съ жалобой. Моя семья вмѣстѣ съ четырьмя другими переселилась тогда въ Россію. Въ Акадзинѣ курды напали иа насъ и отняли все, что у насъ было».

Качо Карапетіанъ изъ деревни Кіавурми (Кнусскій санджакъ) заявилъ слѣдующее:

„Мнѣ сорокъ пять лѣтъ. Причина, по которой я эмигрировалъ съ своей семьей заключается въ томъ, что турецкія власти дозволили курдамъ подъ начальствомъ Кіасо ограбить меня, послѣ чего турецкіе заптіи явились ко мнѣ и потребовали податей, которыхъ я не могъ уплатить. Начальникъ заптіевъ сказалъ: «у васъ нѣтъ денегъ, но есть красивая жена, отдайте мнѣ ее и я вамъ выдамъ росписку въ полученіи налоговъ». «Я устроилъ такъ, что моя жена скрылась въ другомъ домѣ, и когда турецкій чиновникъ увидѣлъ, что онъ не можетъ ее обезчестить, онъ наказалъ меня. Сначала на меня лили холодную воду, потомъ лицо растирали навозомъ и грязью и, наконецъ, надѣли на шею ремень. Потомъ меня таскали по всей деревнѣ; когда это окончилось, то у меня отняли вола, который составлялъ все мое имущество, и еслибъ не этотъ волъ, они лишили бы меня жизни. Послѣ этого я бѣжалъ со своей семьей; у насъ было всего два турецкихъ фунта денегъ, но солдаты остановили насъ и отняли эти деньги, такъ что мы ступили въ Россію не имѣя при себѣ рѣшительно ничего».

Планъ истребленія, очевидно, дѣйствуетъ регулярно и хорошо. Христіанское населеніе истребляется, деревни переходятъ въ другія руки почти такъ же быстро, какъ мѣняются декораціи въ комической оперѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исходъ въ Россію и погребальное шествіе на кладбище возрастаютъ. Здѣсь не мѣсто давать списокъ деревень, перешедшихъ въ магометанство, но одинъ типическій примѣръ можетъ составить себѣ представленіе о томъ процессѣ, который теперь совершается. Въ провинціи Алашкердъ, граничащей съ Россіей, существуетъ пять деревень на востокъ отъ Каракилиссе, именно: Кедръ (или Кетеръ), Мангосаръ, Джаджанъ, Зиро и Кубкеранъ. Эйубъ-паша послалъ своихъ сыновей чтобы занять эти деревни. Они — курды изъ племени Залаили и всѣ состоятъ офицерами гамидіэ. Генералъ Эйубъ имѣетъ трехъ сыновей — Ресго-бея, Канидъ-бея и Юсуфъ-бея, и эти доблестные офицеры со своими солдатами выступили прошлою весной и заняли названныя деревни. Тамъ было въ то время около 400 армянскихъ домовъ т.-е. приблизительно около 3000 жителей христіанъ. Теперь въ этой мѣстности не осталось ни одного. Только одинъ изъ прежнихъ жителей по имени Аведисъ-Аса остался въ странѣ, но и онъ живетъ въ другой деревнѣ, Юнджану. Онъ былъ богатымъ человѣкомъ, когда явились курды; теперь онъ нищій. Армяне были совершенно изгнаны въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ при помощи такихъ мѣръ, которыя должны быть отнесены къ категоріи сильно дѣйствующихъ средствъ. Вотъ примѣръ: однажды курды встрѣтили Маркара, сына Гуго, везшаго изъ поля домой свой хлѣбъ. Они потребовали, чтобы онъ далъ имъ свою арбу, но онъ отвѣчалъ, что онъ теперь занятъ, какъ они сами видятъ это, но позднѣе можетъ исполнить ихъ желаніе. Они убили его на мѣстѣ за непослушаніе и бросили его тѣло на повозку. Тридцать поселянъ отправились со своими дѣтьми въ Каракилиссе, чтобы жаловаться каймакаму. Послѣдній заставилъ ихъ прождать на открытомъ воздухѣ одиннадцать дней; затѣмъ, выслушавъ ихъ, сказалъ имъ, чтобы они отправлялись въ Россію.

Въ Битлисскомъ вилайетѣ (Буланикская каза и Мушскій санджакъ) находится деревня по имени Хачъ, что значитъ въ переводѣ деревня креста. Теперь это — деревня полумѣсяца. Средства, при помощи которыхъ была произведена эта внезапная перемѣна, были тѣ же, какія описаны выше. Магометъ Эминъ привелъ шайку курдовъ (изъ племенъ Джидракли и Каспакли) и занялъ деревню, т.-е. взялъ ее штурмомъ, и, по ихъ собственному живописному выраженію. «сѣлъ въ ней». Къ счастью, она расположена всего въ разстояніи пяти миль отъ мѣста жительства турецкаго вице-губернатора; но къ несчастью для населенія, онъ отказался двинуть пальцемъ, и всѣ жители были изгнаны, какъ бараны.

Послѣ этого побѣдители принялись грабить сосѣднія деревни и въ особенности Пиранъ, расположенный на разстояніи одной мили. Эти деревни также перешли бы къ магометанамъ, если бы у одного изъ деревенскимъ старшинъ не явилась счастливая идея — предложить одному курду поселиться со своими льдьми въ Пиранѣ; онъ получилъ *двадцать пахатныхъ полей*, *10 луговъ* и большой двухъ-этажный домъ, который былъ выстроенъ спеціально для него архитекторомъ изъ Битлиса; за это этотъ курдъ взялся защищать армянъ отъ Магомета Эмина и его веселыхъ молодцовъ.

Когда я уѣзжалъ изъ Арменіи, триста шесть наиболѣе видныхъ представителей населенія Кнусскаго округа подали мнѣ за своею подписью петицію, которую они просили передать «гуманному и благородному народу Англіи». Въ этомъ документѣ они справедливо говорятъ:

«Мы торжественно увѣряемъ васъ, что рѣзня бывшая въ Сасунѣ составляетъ только каплю въ томъ океанѣ армянской крови, которая постепенно и безмолвно проливается во всей имперіи послѣ русско-турецкой войны. Годъ за годомъ, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, день за днемъ невинныхъ людей, не исключая женщинъ и дѣтей застрѣливаютъ, закалываютъ и убиваютъ въ ихъ домахъ и на поляхъ пытаютъ варварскими способами въ грязныхъ тюрьмахъ или обрекаютъ на гибель въ изгнаніи подъ палящимъ солнцемъ Аравіи. Въ то время, какъ разыгрывалась эта длинная и страшная трагедія, не раздалось ни одного голоса во имя милосердія и не протянулась ни одна рука, чтобы помочь намъ. Эта трагедія продолжается до сихъ поръ, но теперь опа вступила уже въ свою заключительную фазу, и армянскій народъ находится при послѣднемъ издыханіи. Неужели европейское сочувствіе должно выразиться только въ формѣ креста на нашихъ могилахъ?»

Ученицы Армянской школы въ Мушѣ.

VII.

Я получилъ также два трогательныхъ воззванія отъ женщинъ Арменіи скрѣпленныхъ ихъ подписями и обращенныхъ къ ихъ сестрамъ въ Англіи. То, чего *онѣ* просятъ, очень скромно: это, чтобы ихъ защитили отъ безчестія. Но до тѣхъ поръ, пока общіе выборы не дали намъ сильнаго правительства съ опредѣленными намѣреніями, казалось, что и эти женщины просятъ невозможнаго.

Англійскій народъ не имѣетъ даже приблизительнаго понятія о томъ, въ какихъ размѣрахъ молодыя женщины и дѣвушки во всей Арменіи подвергаются позору со стороны турецкихъ солдатъ, заптіевъ, курдскихъ офицеровъ и разбойниковъ; причемъ позоръ ихъ сопровождается такими страшными жестокостями, которыя завершаются мучительной смертью. Дѣвочки 11 или 12 и даже 9 лѣтъ вырываются изъ семьи и дѣлаются жертвами насилій со стороны «людей», имена которыхъ извѣстны и которые встрѣчаютъ въ своихъ поступкахъ одобреніе представителей закона и порядка. Эти представители—сами чудовища,— животныя страсти которыхъ своимъ убійственнымъ ядомъ губятъ «нѣжную, чистую и невинную жизнь».

Похищенья, насилія, оскорбленія, не имѣющія имени и совершаемыя съ неумолимой безпощадностью, сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ повседневной жизни Арменіи. И турецкій «джентльменъ» одобрительно улыбается. Я лично собралъ свѣдѣнія о 300 такихъ случаяхъ и слышалъ о безконечномъ числѣ ихъ.

Въ 1893 году солдаты гамидіэ явились въ домъ Кумаро (деревня Тортанъ), приказали приготовить имъ постели и затѣмъ заставили всѣхъ молодыхъ женщинъ служить ихъ гнуснымъ инстинктамъ [1]). Въ Байбурдѣ, между Эрзерумомъ и Трапезундомъ, солдаты похитили дочь Хейерана, Фенедо и затѣмъ заставили ее перейти въ магометанство [2]). Въ Думанѣ (Кнусскій санджакъ) Кало и его товарищи схватили молодую дочь армянскаго священника, изнасиловали ее и заставили признать исламъ. Въ той же деревнѣ Мушафи изнасиловалъ Варо, дочь Шебо, и заставилъ ее сдѣлаться магометанкой. Въ Тортанѣ молодая дѣвушка Дильбаръ, дочь Аѕсо была похищена двумя курдами. Жалобы, обращенныя къ турецкимъ властямъ, оказались тщетны. Черезъ нѣсколько доей сами турки, въ числѣ 7 человѣкъ, похитили двухъ другихъ молодыхъ дѣвушекъ, Тулееанъ и Ягудъ, Мардиросса Іенгойана [3]) изъ дер. Бадивеганъ, заставили отдать 12 лошадей, содержать трехъ курдовъ и, наконецъ, предоставить имъ на позоръ свою жену [4]). Въ прошломъ году молоденькая дѣвушка по имени Маріамъ, дочь Соломона изъ деревни Кортазъ, похищена Кало, который увелъ ее и заставилъ перейти въ магометанство. Въ 1893 г. 6 курдовъ явились въ деревню Геки, вошли въ домъ Карапета Киракосіана и заставили хозяина дать имъ самимъ

---

[1]) Показаніе Акопа Теръ-Марторосіанъ.

[2]) Показаніе Харутюна Харутюніана.

[3]) Санджакъ Гасанкалэ.

[4]) Его собственное показаніе.

много пищи, а лошадямъ корма. Наѣвшись они пошли въ садъ и ѣли тамъ зеленые фрукты и огурцы до тѣхъ поръ, пока не заболѣли. Тогда они обвинили Карапета въ томъ, что онъ отравилъ ихъ, и принялись наказывать его достойнымъ образомъ. Они крѣпко привязали его къ одному изъ столбовъ въ домѣ, затѣмъ схватили его жену и поочереди подвергли ее безчестью. Послѣ этого они заявили несчастному человѣку, что освободятъ его, если онъ заплатитъ имъ извѣстную сумму денегъ.

7 ноября одинъ турокъ изъ города Байазета потребовалъ отъ Аветиса Крмойана уплаты небольшого долга. Армянинъ не располагалъ въ это время деньгами, просилъ своего кредитора подождать нѣсколько недѣль. Турокъ отказался и заявилъ, что желаетъ взять себѣ жену Крмойана, какъ залогъ по долгу. Мольбы и слезы оказались напрасны; женщину увели и заставили принять мусульманство. Она никогда не можетъ вернуться къ своему мужу.

Въ деревнѣ Кассо Веранъ (Бассенъ) одна дѣвушка по имени Сильви была взята туркомъ, какъ залогъ по долгу ея отца. Кредиторъ держалъ ее у себя три мѣсяца и обезчестилъ; онъ не согласился отпустить ее, прежде чѣмъ Кирагосъ Оконисіанъ не поручился за должника; но такъ какъ долгъ не былъ уплаченъ, то турокъ и до сихъ поръ имѣетъ право залога на дочь. Такіе факты не могутъ считаться явленіемъ совершенно исключительнымъ: хотя мнѣ лично извѣстны только три подобныхъ примѣра, я слышалъ болѣе чѣмъ о 20 фактахъ этого рода въ разныхъ частяхъ Арменіи.

На другой день послѣ Рождества прошлаго года Серопъ Сарксіанъ, поселянинъ деревни Озагъ (Мушъ), былъ внезапно превращенъ въ нищаго однимъ курдомъ, по имени Магсонъ, которому, какъ и его товарищамъ, нѣтъ основанія опасаться закона. Магсонъ сжегъ хлѣбные амбары Сарксіана и затѣмъ изнасиловалъ и увелъ двухъ его дочерей. Нужно замѣтить, что одной изъ этихъ дѣвочекъ, Фиданѣ, было ровно 12 лѣтъ, а сестрѣ ея, Алиназдѣ, только 9. А Магсонъ? Онъ пользуется глубокимъ уваженіемъ своихъ единовѣрцевъ, которые всегда ликуютъ, когда христіане, мужчины или женщины, обращаются отъ религіознаго мрака къ свѣту источника вѣры. Поэтому мусульмане только хвалили курдовъ, которые похитили 23 декабря прошлаго года маленькую дочь Каттига изъ деревни Іонджалу (Буланикъ), и одобряли двухъ слугъ курдскаго начальника Тиджина, которые, явившись въ деревню Шерваншейгъ (Буланикъ), изнасиловали племянницу Серко Гушдіана, Вартухи, и заставили ее перемѣнить вѣру. Такія дѣянія считаются заслугами.

Не только совершенно безполезно, но часто положительно опасно обращаться съ жалобами къ властямъ, которыя отъ мала до велика сами принимаютъ участіе въ этомъ восточномъ «спортѣ». Кіатибъ Алай среди бѣлаго дня вошелъ въ домъ Ованнеса Гулиліана (дер. Каратизубанъ въ Кнуссѣ), похитилъ 15-лѣтнюю дочь Ованнеса и отправилъ ее въ Трапезундъ. Отецъ ея жаловался, просилъ властей вернуть ему дочь, и, ради справедливости, нужно замѣтить только, что, насколько мнѣ извѣстно, онъ не былъ подвергнутъ наказанію.

Вице-губернаторъ Арабсира арестовалъ и изгналъ изъ города нѣсколькихъ жителей, жены которыхъ считались выдающимися по красотѣ во всей Арменіи. Затѣмъ онъ приступилъ къ исполненію своего плана, но встрѣтилъ заслужен-

ный отпоръ. Послѣ этого несчастныя женщины *застрѣлились* въ своихъ домахъ, отказавшись впустить туда вице-губернатора и его людей, которые сказали своимъ жертвамъ, что ихъ мужья будутъ возвращены только въ томъ случаѣ, если онѣ удовлетворятъ желаніе своихъ мучителей.

Въ слѣдующемъ случаѣ я принималъ живѣйшій интересъ, потому что я хорошо знакомъ съ жертвой и ея семьей. Ее зовутъ Люссина Мюссегъ и родиной ея была деревня Кнуссабердъ. Люсина родилась въ 1878 г. и въ дѣтствѣ ходила въ армянскую миссіонерскую школу въ Эрзерумѣ, гдѣ ей преподавали ученіе евангелической церкви, къ которой отецъ ея Агаджанъ Кемаліанъ всегда чувствовалъ сильную склонность. Армянскія дѣвушки подвержены постоянной опасности похищенья со стороны турокъ и курдовъ и родители находятся въ вѣчной заботѣ о томъ, какъ защитить своихъ дѣтей отъ несчастія, оканчивающагося иногда смертью. Средства защиты, къ которымъ прибѣгаютъ армяне, заключаются въ очень раннихъ бракахъ или въ переодѣваніи дѣвочекъ мальчиками [1]). Я зналъ дѣтей, которыхъ брали изъ школы, вѣнчали и потомъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ ихъ супружеской жизни снова отсылали въ школу. Это именно случилось и съ Люсиной; ее взяли изъ школы въ 14-ти-лѣтнемъ возрастѣ, обвѣнчали съ мальчикомъ такого же возраста, по имени Миликинъ, и когда она прожила съ мужемъ подъ кровомъ его отца, ее снова отправили въ протестантскую школу. Однажды ночью, во время отсутствія мужа она была схвачена нѣсколькими людьми, которые волокли ее за волосы, заткнули ей ротъ и принесли въ домъ Гуссни-бея. *Этотъ человѣкъ—сынъ мѣстнаго вице-губернатора.* Онъ обезчестилъ молодую женщину и на другой день отправилъ ее домой, но мужъ отказался принять ее, и теперь она лишена близкихъ и одинока [2]).

Отецъ Люсины обратился съ жалобой къ полковнику гамидіэ и подалъ просьбу приходскому священнику. Архіепископъ эрзерумскій также взялъ это дѣло въ свои руки и обратился къ генералъ-губернатору вилайета и кнусскому суду. Но все оказалось безполезно. Люсина теперь парія. Въ своемъ воззваніи къ англійскимъ женщинамъ, которое слишкомъ длинно и наивно, чтобы приводить его здѣсь, она говоритъ:

«Мы терпѣливо выносили наши страданія, когда у насъ отнимаютъ нашъ хлѣбъ, масло и медъ и оставляютъ насъ голодными бѣдняками; мы преклоняемъ головы съ грустнымъ покорствомъ, когда курды и турки вырѣзали нашу родню. Но должны ли мы молчать и покоряться даже тогда, когда наша раса отравляется въ самомъ корнѣ, когда матери-дѣти и малютки-дочери подвергаются насиліямъ со стороны дикарей? Скажите, сестры-христіанки, неужели въ самомъ дѣлѣ нѣтъ средства противъ этого зла?.. Мы не просимъ ни отмщеній ни привилегій; мы просимъ только, чтобы... но должна ли я объяснять это англійскимъ матронамъ, женамъ и сестрамъ?.. Хотя мы, армяне, но мы христіане; меня, какъ и васъ, воспитывали въ протестантской школѣ; какъ и вы, я чер-

---

[1]) Въ дер. Ишку, напр., дочь Тенана, Ага, одѣвалась мальчикомъ. Ее арестовали за это и продержали нѣкоторое время въ эрзерумской тюрьмѣ, такъ какъ это тоже преступленіе.

[2]) Она вручила мнѣ воззваніе къ англійскимъ женщинамъ за ея подписью и съ ея фотографіей.

паю свои нравственныя правила изъ Библіи; меня, какъ и васъ, учили мыслить и чувствовать... Ради Бога, которому мы съ вами поклоняемся, помогите намъ, сестры-христіанки, пока еще не поздно; и примите благодарность отъ матерей, женъ, сестеръ и дочерей моего народа и съ ними вмѣстѣ отъ той, для которой, несмотря на ея юность, смерть явилась бы желаннымъ избавленіемъ».

Подписано: *Люсина Мюссеъ.*

Я получилъ также скорбное воззваніе къ англійскимъ женщинамъ отъ нѣсколькихъ сотенъ армянокъ изъ округа Кнуссъ; онѣ молятъ, какъ о высшей милости, защитить ихъ отъ жестокаго обращенія, которому ихъ подвергаютъ. Печатать это воззваніе здѣсь безполезно: писанные призывы рѣдко оказываютъ сильное вліяніе. Еслибы читатель видѣлъ самихъ этихъ несчастныхъ женщинъ, какъ я ихъ видѣлъ, и слышалъ ихъ печальную повѣсть изъ ихъ собственныхъ устъ, разсказанную простыми словами, подкрѣпляемую стонами и рыданіями и иллюстрированную ихъ нищетой и бѣдствіями, онъ могъ бы тогда составить себѣ понятіе о положеніи дѣлъ въ Арменіи,—положеніи, которое въ добрыя старыя времена теократіи привлекло бы на виновныхъ небесный огонь. Наприм., въ деревнѣ Бегли-Ахмедъ я встрѣтилъ женщину около 28 лѣтъ, одѣтую въ лохмотья, съ блѣднымъ, изнуреннымъ мальчикомъ 12-ти лѣтъ, который страдалъ отъ страшнаго кашля и выглядѣлъ тифознымъ больнымъ лѣтъ 6-ти или 7-ми. Я просилъ ее разсказать мнѣ ея исторію, и вотъ что она сказала:

«Меня зовутъ Агилассъ Манукіанъ. Я изъ деревни Кыртъ (округа Кнуссъ). Мы отлично жили, но курды отобрали у насъ все, что мы имѣли—все, эффенди; тѣмъ не менѣе мой бѣдный мужъ продолжалъ работать на меня и моего ребенка, хотя намъ приказали уходить. Однажды, когда я несла пищу моему мужу въ поле, они ударили меня по головѣ и обезчестили... Это было днемъ...

— Это случилось въ полдень, мама, когда ты несла отцу хлѣбъ!—перебилъ ребенокъ-призракъ.

Я никогда въ жизни не видѣлъ болѣе печальной картины, чѣмъ эти два родныя безнадежныя существа, дрожавшія отъ холода, и этого умирающаго ребенка, который такъ просто сообщалъ о томъ, что нѣсколько сосѣднихъ курдовъ на его глазахъ обезчестили его мать [1]).

Потомъ она продолжала:—Я жаловалась старшему офицеру, шейху Мураду, но бимбаши жестоко билъ меня по головѣ и спинѣ и вытолкнулъ вонъ. Затѣмъ, прошлой весной, когда мой мужъ снялъ хлѣбъ, Али Махмедъ явился и убилъ его.

— Убилъ осью, мама,—перебилъ ребенокъ.

— Мы теперь одиноки на свѣтѣ, блуждаемъ и нищенствуемъ и никто насъ не знаетъ,—сказала женщина.

Давъ ей нѣсколько монетъ, я поспѣшилъ прочь, тщетно стараясь отдѣлаться отъ страшнаго впечатлѣнія, которое какъ ужасный призракъ преслѣдовало меня потомъ цѣлыя недѣли.

Сасунская рѣзня заставила содрогнуться самыя холодныя сердца. Но это

---

[1]) У меня есть фотографія несчастной женщины.

избіеніе было небесною милостью въ сравненіи съ адскими дѣяніями, которыя совершаются каждую недѣлю и каждый день въ теченіе года. Жалобные стоны голодающихъ дѣтей, стенанье стариковъ, которымъ привелось увидѣть дѣла, не поддающіяся описанію, страшные крики насилуемыхъ дѣвушекъ и нѣжныхъ малютокъ, вопли матерей, лишившихся дѣтей, благодаря преступленіямъ, по сравненію съ которыми убійство было бы благодѣяніемъ; нечеловѣческій визгъ женщинъ, извивающихся подъ лозами, эти тщетные голоса крови и мученія, умирающіе въ пустынѣ, не встрѣтивъ отклика ни на землѣ, ни на небѣ,— все это вмѣстѣ взятое оставляетъ въ тѣни Сасунъ и всѣ его ужасы.

Таковы дѣла, за которыя мы несемъ нравственную отвѣтственность; и несмотря на то, что либеральному правительству были извѣстны эти факты и другіе аналогичные имъ, лордъ Кимберлэй не нашелъ возможнымъ выступить противъ нихъ и счелъ неудобнымъ ихъ обнародовать. Къ счастью, существуютъ серьезныя основанія ожидать, что лордъ Салисбюри, который только одинъ изъ всѣхъ англійскихъ государственныхъ людей, повидимому, понимаетъ всѣ трудности этого вопроса, усыпаннаго терніями, найдетъ (?) дѣйствительныя средства, чтобы сразу положить скорый конецъ армянскому аду.

Эм. Диллонъ.

Духовенство Варакскаго (близъ Вана) монастыря, разрушеннаго въ 1895 г.

Къ смерти.

(армянская мелодія).

Убиваешь ты безжалостно
Сотни, тысячи людей,
Порази жъ врага ты лютаго
Бѣдной родины моей!
Отъ тебя пощады не было
Лучшимъ силамъ молодымъ,
И могилы ненасытныя
Рано вырыла ты имъ.

* * *

Сколько прежде ихъ боролося
За любимый край родной:
Свято жертвовали радостью,
И любовью, и собой!
Ты ихъ словно убаюкала.
Спятъ подвижники въ землѣ,
Край родной, край опозоренный
Потонулъ, какъ ночь, во злѣ!

* * *

Смерть! Коль вправду косу острую
Держишь ты въ своихъ рукахъ,
Пусть захватитъ безпощаднѣе
Каждый яростный размахъ,
Пусть онъ выжжетъ словно пламенемъ,
И пусть вырветъ съ корнемъ вонъ
Все, что дерзко такъ нарушило
Мирный праведный законъ!..

Г. Кансонъ.

Гюлизаръ, жертва курда Мусса-бея

Армянскія сироты въ Смирнѣ.

Письма турецкихъ жертвъ изъ Малой Азіи.

(1895—1896 г.)

I.

Недавно появившаяся книга, подъ заглавіемъ Les Massacres d'Arménie, содержитъ въ себѣ 34 письма малоазіатскихъ армянъ и предисловіе, принадлежащее видному политическому дѣятелю, Клемансо. Мысль объ изданіи этихъ писемъ принадлежитъ живущимъ въ Европѣ армянамъ, желающимъ познакомить Европу съ истиннымъ положеніемъ вещей въ Малой Азіи во время бѣдствія, постигшаго ихъ собратій.—Тонъ большинства писемъ производитъ впечатлѣніе страданія и запуганности. Авторъ письма изъ Эгины, написаннаго въ присутствіи мудира (мера общины), боится даже называть убійцъ, говоритъ о событіяхъ сдержанно, кое о чемъ вовсе умалчиваетъ. Мы не можемъ, говорится въ прошеніи байбурдскихъ женщинъ, поданномъ турецкимъ слѣдственнымъ комиссарамъ, называть имена (мусульманскихъ зачинщиковъ) вслѣдствіе слышимыхъ угрозъ и полнаго отсутствія безопасности. Самыя письма, принадлежащія столь разнымъ по положенію и по другимъ признакамъ личностямъ, больше чѣмъ изъ 20 мѣстностей и написанныя главнымъ образомъ для того, чтобы подѣлиться горемъ со своими родными и знакомыми, представляютъ достаточныя и надежныя данныя для возстановленія событій, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ.

Попытаемся на основаніи ихъ дать читателю понятіе о ходѣ и характерѣ бѣдствій, постигшихъ малоазіатскихъ армянъ отъ октября 1895 года до февраля 1896 года.

Катастрофѣ во многихъ мѣстностяхъ предшествуетъ общее тревожное состояніе, хорошо изображенное въ письмѣ изъ Муша 22-го ноября 1895 г. (по старому стилю). «Въ настоящее время, — говорится въ немъ, — армянское населеніе въ городѣ и въ окрестностяхъ находится въ страхѣ, вслѣдствіе ежедневно слышимыхъ страшныхъ угрозъ. Жизнь, имущество и честь въ опасности, и общеизбіеніе кажется неминуемымъ. Рынокъ и общественныя мѣста закрыты; сообщенія съ деревнями, даже находящимися въ долинѣ Мушъ, прерваны. Здѣсь и тамъ происходятъ отдѣльныя или массовыя насилія и грабежи, производимые туземцами изъ мотива добычи, личной мести и другихъ; въ воздухѣ чувствуется, что всякая расправа надъ армянами останется безнаказанной.

Такъ, въ деревню Гававъ является разбойникъ Кашикъ и требуетъ съ армянина М. 15 турецкихъ лиръ, говоря, что онъ 20 лѣтъ тому назадъ проигралъ такую сумму денегъ противъ дѣда этого армянина. Нѣсколько дней спустя въ ту же деревню является депутація беевъ изъ Палу и требуетъ, во имя этихъ беевъ, отдачи всего хлѣба, собраннаго въ этотъ годъ, угрожая въ случаѣ неповиновенія, привести турокъ и курдовъ и сжечь деревню. 15-го октября 1895 г., въ воскресенье армянскій банкиръ Погосъ получаетъ пять ударовъ кинжаломъ отъ четырехъ турокъ, послѣ чего умираетъ черезъ четверть часа. Весь городъ приходитъ въ волненіе, вездѣ крики, угрожающіе избіеніемъ армянамъ.

Утромъ въ понедѣльникъ турки производятъ нападеніе на рынокъ, поощряемые полиціей и солдатами, грабятъ лавки, крича: убьемъ армянъ, слава Магомету. И потомъ, когда уже за истребленіе армянъ принимается армія регулярная и иррегулярная, враждебные армянамъ туземцы продолжаютъ свое дѣло, являясь дѣятельными соучастниками организованнаго избіенія.

Предчувствуя свою неминуемую бѣду, жертвы бросаются къ мѣстнымъ властямъ и тутъ-то встрѣчаютъ самыя лживыя и самыя пышныя увѣренія, чтобы армяне не безпокоились, шли домой и занимались своими дѣлами, что они, т.-е. начальство, отвѣчаютъ за порядокъ. А между тѣмъ въ это время, пока армяне подъ вліяніемъ такихъ предательскихъ рѣчей успокоиваются и возвращаются къ обычнымъ занятіямъ, за кулисами производятся дѣятельныя приготовленія къ избіенію тѣми же увѣрявшими въ безопасности властями, распространяются нелѣпые слухи между мусульманами, чтобы раздражить ихъ противъ армянъ, раздается оружіе для предстоящаго нападенія. Такъ, напр., было въ Эрзингіанѣ, гдѣ вслѣдъ за увѣреніями властей происходитъ нападеніе на рынокъ, во многихъ мѣстахъ являющійся, по весьма понятнымъ причинамъ, мѣстомъ первоначальнаго разграбленія и избіенія армянъ; тоже было въ Харпутѣ, въ Арапкирѣ, въ Гусни-Манзурѣ. Въ Палу капитанъ Гуссейнъ-бей членъ административнаго совѣта въ казѣ, въ одно и то же время успокоиваетъ обратившихся къ нему армянъ, представителей мѣстнаго сельскаго общества, и тайно сносится съ курдами, даетъ имъ инструкціи насчетъ предстоящаго разгрома; армянъ же увѣряетъ, что онъ переговаривался съ курдами о томъ, чтобы они были подальше

отъ армянскихъ деревень,—онъ же для виду арестовываетъ извѣстныхъ курдскихъ разбойниковъ, которыхъ затѣмъ потихоньку отпускаетъ на свободу. Въ Трапезунтѣ мѣстный вали (начальникъ вилайета, губернаторъ) Кадри-бей клянется присланнымъ отъ мѣстнаго армянскаго епископа людямъ, что никто не осмѣлится сдѣлать вреда армянамъ, и даже прибавляетъ: на васъ нападутъ только перейдя чрезъ мой трупъ. А въ то же время турки закупаютъ на базарѣ револьверы, полиція обезоруживаетъ армянъ, муллы и власти возбуждаютъ толпу разными баснями и слухами, мѣстное начальство раздѣляетъ турокъ на группы, распредѣляетъ между ними оружіе, патроны и назначаетъ день нападенія. Въ Гуссейникѣ турецкія и курдскія власти, склоняя армянъ выдать оружіе, клянутся именемъ Пророка, что никто ихъ не тронетъ, а немного времени спустя начинается рѣзня. Впрочемъ тонъ властей мѣняется, разъ только увѣренія достигли своей цѣли и армяне попали въ ловушку. Тогда власти начинаютъ выговаривать армянскимъ депутатамъ за преувеличеніе, арестовываютъ наиболѣе почтенныхъ лицъ, требуютъ выдачи виновныхъ, выдачи оружія, каковое обезоруживаніе опять-таки дѣлается въ виду приготовляющагося нападенія, наконецъ, въ довершеніе крайняго цинизма вынуждаютъ у жертвъ петицію благодарности султану. Съ этого начинаетъ слѣдственная комиссія въ Мушѣ, посланная туда послѣ избіенія, чтобы ввести реформы. Комиссія эта упрекаетъ мѣстныя власти за то, что они не вынудили благодарственной петиціи у армянъ, и тутъ же власти начинаютъ принуждать армянскихъ представителей подписать благодарственную телеграмму султану. Такимъ же образомъ въ Палу за день до страшныхъ избіеній жертвы благодарятъ султана за возстановленіе порядка при содѣйствіи прибывшихъ войскъ, въ Марашѣ они въ петиціи, при таковыхъ же обстоятельствахъ составленной, признаютъ, что они хотѣли избить мусульманъ и что отвѣтственность за безпорядки падаетъ на нихъ.

Систематичность, съ которой дѣлаются приготовленія къ рѣзнѣ, поразительна. Всѣ средства пущены въ ходъ, предусмотрѣны малѣйшіе детали. Мѣропріятія для истребленія армянъ предательски облекаются въ форму мѣръ, принятыхъ для ихъ защиты. Въ Урфѣ мутессарифъ (инстанція слѣдующая за вали, начальникъ округа, санджака) говоритъ армянскому духовенству и представителямъ: «идите, ничего не бойтесь, я пошлю въ вашъ кварталъ войско для защиты, и дѣйствительно посылаетъ 3.000 регулярнаго войска и 1.500 гамидіэ (иррегулярная курдская кавалерія), которые и производятъ нападеніе на армянскія жилища. Въ Гусни-Манзурѣ власти раздаютъ мусульманскому населенію 200 ружей системы Мартини якобы для защиты христіанъ, изъ коихъ многіе на другой день были ранены патронами этихъ самыхъ ружей. Такая же раздача оружія происходитъ въ Трапезунтѣ, въ Арапгирѣ, гдѣ передъ избіеніемъ всѣ турки были снабжены оружіемъ, начиная со стариковъ и кончая одиннадцатилѣтними, въ Урфѣ. Рядомъ съ этимъ происходитъ обезоруженіе мѣстнаго армянскаго населенія, чтобы сдѣлать его беззащитнымъ, предпринимаемое опять-таки подъ разными благовидными предлогами, наприм., чтобы армяне этимъ доказали свою покорность, какъ это было въ Гуссейникѣ, въ Урфѣ, въ Трапезунтѣ. Въ Трапезунтѣ заранѣе назначается день избіенія. Турки съ этою цѣлью раздѣляются на группы, принимаются мѣры для распознанія жертвъ отъ другихъ національностей,—

съ этою цѣлью учреждается особое шпіонство, самъ вали Кадри-бей, произносившій, какъ мы видѣли выше, предательскія успокоенія, въ день рѣзни, окруженный турецкими бандитами, даетъ лично указанія, кого убивать, главнымъ образомъ—богачей. Въ Харпутъ переселяются войска, стоявшія въ Арапгирѣ и, наоборотъ, для того, чтобы виновники злодѣяній не могли быть узнаны мѣстнымъ населеніемъ, въ Харпутѣ же призываются къ оружію редифы подъ предлогомъ защиты мѣстнаго населенія; часть редифовъ переодѣваютъ крестьянами и посылаютъ въ деревни для грабежей; наоборотъ, деревенскихъ жителей переодѣваютъ солдатами и даютъ имъ инструкціи насчетъ разгрома. Въ Арапгирѣ постановляется, чтобы каждый турокъ началъ избіеніе съ своихъ армянскихъ друзей. Въ Эрзингіанѣ властямъ удается ложными успокоеніями заставить армянъ выйти изъ домовъ на рынокъ, гдѣ и начинается истребленіе. Въ Харпутѣ армяне, успокоенные словами жандармовъ, которые обѣщаются защищать ихъ, отпираютъ двери домовъ и подвергаются затѣмъ избіенію и грабежу. Въ Палу собственникъ деревни Сакратъ, курдъ Ибрагимъ-бей, заманиваетъ въ эту деревню массу спасающихся отъ истребленія армянъ, чѣмъ заслуживаетъ репутацію покровителя христіанъ. Впрочемъ онъ беретъ съ бѣглецовъ плату за свое покровительство, выманиваетъ у нихъ скотъ и имущество подъ видомъ лучшей сохранности послѣдняго, подвергаетъ ихъ всякаго рода оскорбленіямъ и вымогательствамъ и наконецъ выдаетъ на самое варварское истребленіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ идутъ тщательныя сношенія властей съ курдами, чтобъ ихъ подготовить къ истребленію армянъ; съ этою цѣлью въ Харпутѣ выпускаются курдскіе преступники изъ тюремъ .

Чтобы хоть нѣсколько оправдать разгромъ, а равнымъ образомъ лучше возбудить мѣстное населеніе противъ армянъ, властями дѣлается цѣлый рядъ попытокъ до, во время и послѣ избіенія обвинить армянъ въ рядѣ преступленій, преступныхъ замысловъ, а главнымъ образомъ—представить армянъ инсургентами. Обвиненіе въ возстаніи было пущено въ ходъ властями въ Урфѣ, въ Трапезунтѣ, гдѣ бѣгущимъ армянамъ турки кричали: сдавайтесь, какъ будто они были повстанцы (въ Эрзингіанѣ, въ Мушѣ). Въ Урфѣ же турки разсказываютъ, что армяне хотѣли напасть на мусульманскій кварталъ, но только имъ это не удалось. Жандармъ Габгаръ сознается, что выстрѣлы, которые были слышины ночью въ Урфѣ, принадлежали туркамъ, но что ихъ хотятъ приписать армянамъ; въ Порту посылается телеграмма съ увѣдомленіемъ, что армяне разрушили мечети и избили тысячу мусульманъ. Въ Трапезунтѣ власти распространяли такой слухъ между туземцами: армяне хотятъ въ союзѣ съ англичанами разрушить династію Османа и уничтожить магометанство; въ будущую пятницу здѣшніе армяне съ оружіемъ въ рукахъ нападутъ на мечети и перерѣжутъ мусульманъ; мы должны предупредить этихъ невѣрныхъ собакъ, чтобы не быть ими истребленными. Въ призывахъ къ избіенію, дѣлаемыхъ по иниціативѣ властей, иногда говорится, что настоящею цѣлью разгрома было истребленіе армянъ, грабежъ же игралъ роль второстепенную. Въ Мушѣ, наприм., одно оффиціальное лице такъ высказалось въ присутствіи большого числа курдовъ и армянъ: курды дѣйствовали дурно. Мы имъ дали приказаніе уничтожить армянъ, они же скорѣе грабили, чѣмъ убивали. Въ Палу муфти и вожаки движенія кричатъ нападающимъ: главнымъ образомъ убивайте и не теряйте времени на грабежъ; въ Эрзингіанѣ

высшіе чиновники кричатъ толпѣ: рѣжьте гяуровъ, не бойтесь ничего. Въ Арапгирѣ еще до избіенія глашатаи прогуливаются по деревнямъ, крича: дѣти Магомета должны исполнить свой долгъ—истребить всѣхъ армянъ, ограбить и сжечь ихъ дома; ни одинъ армянинъ не долженъ уйти живымъ. Тамъ же турки и курды упрекаютъ другъ друга, что они плохо выполнили приказъ убивать всѣхъ армянъ выше семилѣтняго возраста и что причиною такого плохого исполненія была жадность къ добычѣ. Въ Урфѣ Гассанъ-паша кричитъ толпѣ: идите, дѣти мои, у васъ въ распоряженіи 48 часовъ времени, вырѣжьте всѣхъ гяуровъ, и ихъ богатства будутъ принадлежать вамъ; такія же приказанія отдаются стоящимъ здѣсь капитаномъ войскамъ [7]). Подобнымъ же образомъ власти возбуждаютъ толпу въ Трапезунтѣ, въ Сегердѣ, въ Палу.

II.

За этими адскими махинаціями, систематичность которыхъ заставляетъ думать, что мы находимся на бойнѣ, а не въ человѣческомъ обществѣ, слѣдуетъ самое избіеніе. Въ ужасномъ калейдоскопѣ послѣдняго быстро смѣняютъ другъ друга убійство, грабежъ, поджогъ, изнасилованіе, цѣлая гамма истязаній, сложныхъ и тоже систематическихъ. Послушаемъ очевидцевъ. Вотъ что пишетъ свидѣтель рѣзни въ Урфѣ: «Армяне не знали что дѣлать, у нихъ не было даже перочиннаго ножа для защиты (все оружіе было отобрано властями раньше), они плакали, прятались по угламъ домовъ, молили Бога сжалиться надъ ними. Турки разбивали двери лопатами и входили въ дома, убивая и изрѣзывая въ куски всѣхъ, кого встрѣчали, молодыхъ, стариковъ, мужчинъ, женщинъ. Нельзя ни перечесть, ни описать ихъ безстыдства и чудовищныя вещи, которыя они совершили. Они опозорили большое количество женщинъ и дѣвицъ на глазахъ ихъ отцовъ и мужей, отрывали у опозоренныхъ груди, четвертовали и убивали ихъ, продолжительно и страшно муча. Съ утонченной жестокостью они зарѣзывали сначала дѣтей, а потомъ уже родителей, тѣшась тѣмъ, что истязуемые молили поскорѣе покончить съ собою. Были звѣри, которые удовлетворяли свою страсть надъ трупами дѣвицъ, наложившихъ на себя руки для избѣжанія позора. Армяне пытаются сопротивляться, но ихъ усилія слабы противъ потока непріятелей, со всѣхъ сторонъ нападавшихъ на нихъ. Сопротивленіе это только продолжило избіеніе, такъ какъ мусульманамъ, несмотря на ихъ количество, понадобилось много времени для истребленія массы армянъ. Бойня прекратилась только съ наступленіемъ ночи. Солдаты еще продолжали осаду домовъ, но толпа, утомленная и пресыщенная истребленіемъ, отхлынула... Сотни армянскихъ женъ и дѣвицъ были опозорены въ эту ночь въ мусульманскихъ жилищахъ. Въ воскресенье утромъ снова послышался звукъ трубы, и толпа, возвратившись въ армянскій кварталъ, снова принялась за рѣзню. Въ этотъ день кровь текла ручьями, окрашивая улицы и дома, и ни откуда никакой помощи, никакой жалости. Матери бросались къ ногамъ убійцъ, кидавшихся на ихъ дѣтей, сестеръ, братьевъ, мужей, отдавали убійцамъ все золото, которое имѣли, все свое имущество,

прося пощадить жизнь близкихъ; но звѣри топтали бѣдныхъ женщинъ и, ходя по ихъ тѣламъ, перерѣзывали ихъ семейства.

Въ полдень толпа явилась передъ соборомъ, куда спаслось до 3.000 армянъ. Черезъ полчаса двери были разбиты, нападающіе ворвались туда, но увидали, что пришлось бы имъ потратить много времени, еслибъ они захотѣли убивать армянъ по одиночкѣ. Послѣдніе скопились въ такомъ количествѣ въ храмѣ, что давили другъ друга, что дѣти умирали отъ задушенія. Тогда нападающимъ пришла страшная мысль. На дворѣ собора стояло до пятидесяти ящиковъ съ керосиномъ. Турки разливаютъ керосинъ по церкви и поджигаютъ его, и черезъ немного времени сгораетъ до 3.000 несчастныхъ. Тѣ, которые пытаются бѣжать, безжалостно зарѣзываются толпой. Изъ всей массы армянъ спасся только одинъ человѣкъ, раненый въ нѣсколькихъ мѣстахъ, пролежавшій три дня подъ трупами. Армянскій архіепископъ Хоренъ Мхитаріанъ видитъ все это ужасное зрѣлище съ крыши своего дома. Онъ настолько потрясенъ, что въ отчаяніи, съ плачемъ, уходитъ въ свою комнату, перерѣзываетъ себѣ артеріи и, обмакнувъ перо въ свою *кровь*, пишетъ письмо мутессарифу: «Вы уничтожили мой народъ,—говоритъ онъ;—мнѣ, его пастырю, нельзя оставаться на этомъ свѣтѣ, я пойду за нимъ. Ты причина этихъ насилій и этихъ строкъ, написанныхъ кровью, и такъ какъ никто не хочетъ на этомъ свѣтѣ защитить мой народъ, я его поручаю Богу, заступнику невинныхъ». Архіепископъ очень любимъ и уважаемъ турками за честность и ученость. Мутессарифъ, прочитавъ это письмо, приходитъ въ смущеніе и по совѣту вліятельныхъ людей сейчасъ же отправляетъ врачей къ архіепископу, которымъ удается прибыть во-время и спасти его. Архіепископъ живъ до сихъ поръ, хотя и слабъ. Число убитыхъ доходитъ до 10.000 чел. Ежедневно умираетъ отъ 25 до 30 человѣкъ, тяжело раненыхъ и изувѣченныхъ. Ничего не осталось—ни народа, ни пастыря; изъ восьми священниковъ уцѣлѣлъ только одинъ, протестантскій викарій изрѣзанъ въ куски. Остающіеся въ живыхъ находятся въ крайней нуждѣ, а палачи еще не насытились.

Въ Трапезунтѣ 26 сентября 1895 г. убивали всѣхъ—«и кто сдавался и кто умолялъ о пощадѣ и кто бѣжалъ, стариковъ, дѣтей, молодыхъ людей—всѣ были безжалостно вырѣзаны, разорваны—около 300 человѣкъ въ этотъ день, въ томъ числѣ нѣсколько женщинъ. Были турки, убивавшіе своихъ сосѣдей, собратій, друзей. Разъяренные, они, какъ звѣри, крошили даже трупы. Печальное зрѣлище представляли собою армянскіе кварталы. Женщины, новобрачныя, дѣти бѣгаютъ по улицамъ растерянныя, не зная куда. Однѣ кидаются съ высокихъ стѣнъ, другія падаютъ въ обморокъ. Молодыя женщины, одной рукой прижимая къ груди дѣтей, а другой держась за веревку, привязанную къ окнамъ, спускаются на землю, ежеминутно рискуя разбиться. Старики прячутся въ погребахъ. Ужасъ великъ. Солдаты и разбойники сотнями входятъ въ дома и требуютъ выдачи мужчинъ, солдаты стрѣляютъ въ окна, башибузуки рѣжутъ и разрываютъ мужчинъ на глазахъ ихъ женъ и дѣтей».

Объ избіеніи въ Арапгирѣ сообщаются слѣдующія подробности: «Начали убивать, жечь. Испуганные армяне бѣгутъ изъ домовъ въ поле, въ горы. Но большая часть попадается на дорогѣ въ руки турокъ и находитъ себѣ страшную смерть. Однихъ кидаютъ въ огонь, другихъ вѣшаютъ головой внизъ какъ бара-

новъ и сдираютъ кожу, третьихъ рубятъ и рѣжутъ на куски топорами и серпами, четвертыхъ поливаютъ керосиномъ и сжигаютъ, на послѣднихъ кладутъ другія жертвы, которыя задыхаются отъ дыма. Многихъ зарываютъ живыми въ землю, другихъ обезглавливаютъ и головы ихъ сажаютъ на длинные шесты. Человѣкъ по пятидесяти армянъ турки связываютъ веревками въ одну группу, разстрѣливаютъ ихъ, и трупы ихъ крошатъ топорами и саблями. Вырываютъ груди у женщинъ, четвертуютъ ихъ, кладутъ имъ порохъ въ волоса и воспламеняютъ его. Беременнымъ женщинамъ распарываютъ животы, извлекаютъ зародышъ и уничтожаютъ его». Подобныя же сцены неизмѣнно повторяются въ другихъ мѣстахъ, наприм. въ Палу, въ Сивасѣ, въ Эрзерумѣ, въ Кесареѣ.

Какъ видно изъ этихъ сообщеній, въ разгромѣ принимали прямое участіе войска, въ Урфѣ 3000 регулярныхъ и 1500 гамидіэ, въ Арапгирѣ 1600 регулярныхъ и редифовъ, въ Байбуртѣ регулярные баталіоны, посланные изъ Эрзингіяна, въ Харпутѣ редифы, въ Гуссейникѣ полкъ регулярныхъ солдатъ, въ Сивасѣ регулярныя войска и жандармы, также въ Эрзерумѣ, въ Палу, въ Трапезунтѣ, въ Сегредѣ.

Мѣстныя власти, свѣтскія, духовныя, военныя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ открыто руководятъ побоищемъ или же принимаютъ въ немъ прямое участіе. Такъ въ трапезунтскомъ избіеніи самъ вали Кадри-бей лично даетъ инструкціи, кого убивать, и призываетъ къ грабежу, въ Палу въ избіеніи участвуютъ каймакамъ, муфти, полицейскій коммиссаръ, въ Байбуртѣ начальникъ жандармовъ, въ Урфѣ Гассанъ-паша и начальникъ военнаго отряда, въ Эрзингіянѣ чиновники, занимающіе великіе посты. И въ другихъ мѣстахъ власти обнаружили свое участіе, именно въ подготовкѣ и въ подстрекательствѣ къ рѣзнѣ, какъ, напр., каймакамъ (начальникъ округа, по-турецки каза) въ Ахтамарѣ, военный начальникъ и членъ административнаго совѣта казы, Гуссейнъ-бей въ Палу, тамъ же полицейскій коммиссаръ муллы въ Трапезунтѣ, муфти въ Гусни-Манзурѣ. Войска и толпа призываются къ избіенію, какъ на войнѣ, звуками военной трубы, такъ было въ Харпутѣ, въ Палу.

Подвергается истребленію главнымъ образомъ армянское населеніе мужскаго пола. Съ особенной охотой убиваютъ и заключаютъ въ тюрьму людей богатыхъ, наиболѣе интересныхъ въ цѣляхъ грабежа, негоціантовъ, также людей вліятельныхъ. Среди павшихъ насчитывается, какъ мы увидимъ, много лицъ принадлежащихъ къ духовенству.

Производящая избіеніе толпа представляетъ пеструю смѣсь; главную роль въ ней, конечно, играютъ турки и курды. Въ Арапгирѣ, напр., убивали и грабили курды подъ начальствомъ Баттала въ количествѣ 5000 челов., подъ начальствомъ Діабага въ количествѣ 1500 челов. и масса другихъ курдовъ. Но тутъ же мы встрѣчаемъ лазовъ, черкесовъ, туркменъ, напр. въ Эрзерумѣ, феллаховъ. Даже женщины принимали участіе въ разгромѣ. «Но что всего позорнѣе,—говорится въ письмѣ изъ Кесареи,—это то, что мы видѣли турчанокъ, помогавшихъ грабить мужьямъ и братьямъ. Эти женщины, слывущія стыдливыми, прячущія обыкновенно лицо подъ покрываломъ и не показывающіяся мужчинамъ, ходили взадъ и впередъ по улицамъ съ открытымъ лицомъ безъ стыда и страха и, совершенно не имѣя состраданія, свойственнаго ихъ полу, весело тащили вещи, награбленныя

мужчинами». То же самое происходило въ Урфѣ. Объ усердіи убійцъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ слѣдующіе разсказы изъ Харпута. Тамъ Сулейманъ-бей съ братомъ убили болѣе 300 армянъ, а Хаджи Бего—около 100 человѣкъ. Тамъ же одинъ булочникъ во всеуслышаніе говорилъ, что убилъ 97 армянъ и хвастался, что доведетъ эту цифру до ста. О результатахъ избіенія и разгрома можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ Марашѣ 850 убитыхъ и болѣе 500 раненыхъ, болѣе 300 арестованныхъ; въ Кесареѣ до 340 убитыхъ, до 200 тяжело раненыхъ, разграблено до 400 домовъ и 250 магазиновъ; въ Сивасѣ было вывезено послѣ избіенія на кладбище 450 труповъ, число разграбленныхъ лавокъ доходитъ до 2000; въ Гусни-Манзуръ 617 жертвъ. Въ Арапгирѣ число убитыхъ доходитъ до 3000 челов.; изъ 3000 домовъ осталось только 150 полуразрушенныхъ и разграбленныхъ; въ Бирeджикѣ убитыхъ считается 3400 человѣкъ, въ Урфѣ до 10.000 человѣкъ. Въ округѣ Палу число обезчещенныхъ турками женщинъ и дѣвицъ можно считать между 60-ю и 70-ю процентами, не принимая въ разсчетъ тѣхъ, которыя были похищены турками и насильно сдѣлались ихъ женами.

Дыбомъ становятся волосы отъ ужасовъ, совершенныхъ во время избіеній въ Урфѣ, Арапгирѣ и другихъ мѣстахъ (см. приведенныя выше сообщенія). Европейцу даже трудно войти въ психологію такихъ звѣрствъ, какъ рѣзаніе труповъ и издѣвательство надъ ними, удовлетвореніе половой страсти надъ убитыми, распарываніе животовъ у беременныхъ женщинъ и истребленіе зародышей. Это смѣшеніе варварства съ извращеніемъ, это самоуслажденіе причиненіемъ самыхъ жестокихъ, безсмысленныхъ и безчеловѣчныхъ мукъ—тайна восточнаго темперамента. Вотъ еще нѣсколько образчиковъ такихъ звѣрствъ. Во время трапезунтскаго избіенія турки входятъ въ мясную лавку, нападаютъ на хозяина ея съ сыномъ,—тотъ и другой были уже ранены,—и начинаютъ крошить ихъ. «Они вырвали у нихъ руки, ноги, голову, искрошили обоихъ на куски, повѣсили послѣдніе на крючья и, обращаясь къ прохожимъ, выкрикивали: чего хотите? ногу? руку? голову?—покупайте. Отдадимъ дешево». Одинъ изъ нашихъ друзей, пишутъ изъ Сиваса, спасся къ своему сосѣду и другу турку. Послѣдній убилъ его съ страшными мученіями, отрѣзавъ ему сначала носъ и уши, потомъ выколовъ глаза. Въ Харпутѣ Хаджи Бего велѣлъ разрѣзать одну женщину на четыре части и выставить ихъ на столбахъ; въ Ахтамарѣ нѣкто Джеверъ связалъ двухъ братьевъ веревками, прибилъ ихъ кольями къ землѣ и такимъ образомъ умертвилъ. Въ Байбурдѣ чудовища забавлялись тѣмъ, что втыкали кинжалъ въ грудь или въ шею раненыхъ и вращали имъ тамъ, какъ буравомъ». Истязаніе и истребленіе мужчинъ, насилованіе и издѣвательство надъ женщинами—неизмѣнно повторяющіеся инциденты армянскихъ избіеній. Вечеромъ въ Харпутѣ нападающіе привели армянскихъ женщинъ и дѣвицъ въ военное депо, и тамъ 600 солдатъ позорили ихъ, послѣ чего изнасилованныя женщины были убиты. Въ Харпутѣ знакомый уже намъ Хаджи Бего велѣлъ раздѣть до нага одну женщину и въ такомъ видѣ провести ее по деревнѣ. Подобное происходило въ Урфѣ. Въ Биреджикѣ турки нападаютъ на домъ армянина Гарабеда, чтобы похитить его дочь, славящуюся своей красотой. Бѣдный ребенокъ, видя, что ее ожидаетъ, въ ужасѣ кидается въ цистерну и тамъ умираетъ. Турки перерѣзываютъ всѣхъ обитателей этого дома, вытаскиваютъ изъ цистерны трупъ дѣвушки и позорятъ его.

III.

Среди причинъ и цѣлей, управлявшихъ армянскими избіеніями, не малую роль играетъ религіозный элементъ. Старые завѣты ислама — истребленіе невѣрныхъ и обращеніе ихъ въ магометанство — чувствуются въ настроеніи массъ и ихъ руководителей, сказываются въ томъ направленіи и въ тѣхъ объектахъ, на которые направлено разрушеніе. Руководителями или же подстрекателями движенія въ нѣкоторыхъ случаяхъ являются, какъ видѣли, представители духовенства, муллы, муфти. Смерть христіанамъ! Слава Магомету! — вотъ крики, съ которыми толпа идетъ на армянъ. Въ Гусни-Мансурѣ нападающіе кричатъ: примите магометанство, не то всѣхъ перерѣжемъ. Въ Аинтабѣ турки говорятъ: увидите, не оставимъ въ живыхъ ни одного гяура. Въ Урфѣ нападающіе восклицаютъ: если мы не уничтожимъ гяуровъ, мы никогда не получимъ рая. Въ Арапгирѣ еще до избіенія глашатаи публично объявляли истребленіе армянъ, грабежъ и сожженіе ихъ домовъ обязанностью дѣтей Магомета. Вездѣ, гдѣ только было избіеніе, турки съ особеннымъ ожесточеніемъ разрушали церковныя зданія и убивали духовныхъ лицъ. Отовсюду несутся вѣсти о сожженіи, разграбленіи и разрушеніи церквей и монастырей. Въ письмѣ изъ Вана насчитывается болѣе ста двадцати разграбленныхъ церквей и монастырей только въ предѣлахъ 8 округовъ. Рядомъ съ этимъ идетъ профанація и глумленіе нападающихъ надъ церквами и священными предметами. Въ Марашѣ разрушается и оскверняется армянское кладбище. Въ Гуссейникѣ турки и курды стаскиваютъ съ армянской церкви колоколъ и бросаютъ его въ рѣку. Въ Эгинѣ были разрушены и опустошены семь армянскихъ церквей, находящихся въ городѣ, при чемъ Евангеліе и другія священныя книги были разорваны и алтари осквернены. Во многихъ мѣстахъ курды надѣвали на себя унесенныя церковныя облаченія и плясали въ нихъ, думая пародировать армянское богослуженіе. Нерѣдко армянскія церкви и монастыри превращаются мусульманами въ мечети. Съ особеннымъ ожесточеніемъ нападающіе избиваютъ лицъ духовнаго званія, бѣлое духовенство и монаховъ, сопровождая убійство истязаніями и глумленіемъ, сжигая жертвы живыми, сдирая съ живыхъ кожу. Въ округѣ Гарджганъ настоятель монастыря Петросъ былъ разрѣзанъ по суставамъ, ему отрѣзали языкъ и покончили съ нимъ послѣ страшныхъ истязаній.

Рядомъ съ разрушеніемъ церквей и избіеніемъ духовенства идетъ насильственное обращеніе армянскаго населенія *въ магометанство,* единичное и массовое. Оставшіеся въ живыхъ жители цѣлыми деревнями принуждены были принять магометанство и только этою цѣной могли себѣ сохранить жизнь, какъ, напр., жители четырнадцати деревень въ Эгинѣ, цѣлыя деревни въ Ванѣ. Въ Арапгирѣ армянское населеніе получаетъ отъ очень высокопоставленнаго лица предложеніе принять магометанство и тѣмъ купить себѣ безопасность. Армяне отвѣчаютъ отказомъ и на другой день послѣ этого подвергаются избіенію. Отказывающіеся измѣнить религіи немедленно предаются смерти, нерѣдко съ истязаніями. Въ Харпутѣ шейхъ предлагаетъ сорока вліятельнымъ лицамъ изъ армянъ, нашедшимъ себѣ убѣжище въ церкви, перейти въ ис-

ламъ и, когда тѣ отказались, приказываетъ перерѣзать ихъ одного за другимъ на порогѣ этой церкви. Подобные случаи происходили въ Эгинѣ, въ Ченкугѣ. Истязаніямъ особенно подвергается армянское духовенство, отказывающееся измѣнить религіи. Здѣсь повторяются раздирающія душу сцены изъ эпохи первыхъ гоненій на христіанъ. Въ Харпутѣ архимандриту Оаннесу предлагаютъ отречься отъ своей вѣры. Тотъ проситъ дать ему отсрочку на два часа для принесенія отвѣта и начинаетъ съ горькими слезами молиться Богу. Нападающіе, не дождавшись конца отсрочки, начинаютъ рѣзать тѣло старика по суставамъ, начиная съ рукъ, и, отрѣзавъ послѣднія до локтей, снова предлагаютъ ему принять магометанство. Тогда въ отвѣтъ на это архимандритъ съ твердостью произноситъ исповѣданіе вѣры. При этихъ словахъ ярость враговъ не имѣла границъ, архимандритъ былъ зарѣзанъ на самомъ порогѣ церкви. Въ Харпутѣ же предлагаютъ священнику Теръ-Акопу отречься отъ вѣры. Послѣдній отвѣчаетъ, что онъ вѣруетъ въ Бога и во всѣхъ его пророковъ. Недовольные такимъ отвѣтомъ. 50 солдатъ вынимаютъ шпаги на-голо, раздѣваютъ свою жертву, и, приложивъ концы шпагъ къ груди Теръ-Акопа, требуютъ отреченія отъ христіанства. Несчастный теряетъ разсудокъ и начинаетъ говорить безсвязныя слова съ жестами, не оставляющими сомнѣнія на счетъ его умственныхъ способностей. Тогда турки заключаютъ его въ тюрьму, съ цѣлью вынудить у него по выздоровленіи принятіе магометанства. Зачѣмъ у насъ нѣтъ полнаго перечня лицъ, пишетъ Хачатуръ, католикосъ ахтамарскій, которые мученически пострадали за свою вѣру и удостоились вѣчнаго блаженства?

Чисто-формальный взглядъ на обращеніе, который не справляется съ внутреннимъ состояніемъ обращеннаго и требуетъ только, чтобы послѣдній продѣлалъ внѣшнимъ образомъ извѣстные обряды, а также желаніе поглумиться надъ жертвами, причинить имъ побольше страданій сказываются въ отношеніи турокъ къ армянамъ, насильно принявшимъ магометанство. Новообращенныхъ заставляютъ въ доказательство перемѣны религіи носить чалму, одѣваться на манеръ улемъ, жить съ нѣсколькими женами, творить мусульманскія молитвы и тому подобное. Насильственное обращеніе сопровождается насильственнымъ обрѣзаніемъ, какъ, наприм., въ Байбурдѣ и въ Ченкугѣ. Въ Палу обрѣзаніе было совершено такимъ жестокимъ способомъ, что многіе изъ насильственно обращенныхъ погибли послѣ сильныхъ страданій. Въ Ченкугѣ мусульмане овладѣваютъ настоятелемъ монастыря Минасомъ Амригьяномъ, уводятъ его въ мечеть, заставляютъ его перемѣнить вѣру и силой производятъ надъ нимъ обрѣзаніе. Несчастный живетъ въ мечети и тамъ находится подъ сильнымъ надзоромъ. Его не оставляютъ одного даже ночью, въ это время при немъ ставится сторожъ. Христіанамъ и подозрительнымъ лицамъ изъ новообращенныхъ запрещается даже приближаться къ нему. Жизнь его достойна жалости. Онъ даже тайно просилъ одного, также, какъ онъ, насильно обращеннаго въ магометанство, армянина написать о немъ въ Константинополь, не найдутъ ли тамъ средства спасти его отъ этого печальнаго состоянія.

IV.

Печальны картины городовъ и селеній, гдѣ произошло избіеніе. Въ Эрзерумѣ на другой день полѣ избіенія армянское кладбище представляло страшное и раздирающее душу зрѣлище: виднѣлись сотни окровавленныхъ, изуродованныхъ, обезображенныхъ до неузнаваемости труповъ, наваленныхъ одни на другіе, и около нихъ большое количество армянъ, пришедшихъ съ рискомъ быть убитыми по дорогѣ, ищущихъ своихъ родныхъ и близкихъ, наклоняющихся надъ каждымъ убитымъ и все-таки не могущихъ признать тѣхъ, кого искали. Въ Харпутѣ, въ Палу проѣзжающіе купцы изъ Алеппо видятъ по дорогамъ и на поляхъ сотни женщинъ совершенно обнаженныхъ, обезчещенныхъ, искалѣченныхъ, мертвыхъ или находящихся въ агоніи, около нѣкоторыхъ грудныя дѣти еще живы. Оставшіеся въ домахъ послѣ избіенія трупы начинаютъ разлагаться, нестерпимый запахъ заражаетъ воздухъ. Нашъ городъ, пишутъ изъ Сиваса, теперь развалина. Рынка нѣтъ, никто не работаетъ, у рабочихъ отняли даже инструменты; никто не продаетъ,—нѣтъ ничего. Всѣ бѣдны, безъ дѣлъ, безъ хлѣба, безъ денегъ, всѣ съ ужасомъ ожидаютъ. Церкви и школы закрыты. Трудно достать какихъ-либо съѣстныхъ припасовъ. Турки, которые отняли все, берутъ теперь 40 піастровъ за то, что стоитъ десять. Мы въ ужасномъ положеніи. Вслѣдствіе этихъ страшныхъ несчастій (т.-е. избіенія и грабежа), сообщаютъ изъ Малаціи, бѣдность и страшный голодъ даютъ себя знать; народъ, лишенный крова и пищи, принужденъ нищенствовать, ходя изъ лавки въ лавку, изъ дома въ домъ, прося сжалиться надъ собою даже тѣхъ, кто вчера еще былъ его палачами. Улицы переполнены несчастными жертвами, между коими часто видны дѣвушки и женщины, полураздѣтыя, и старики, которые едва движутся. Вслѣдствіе суровой погоды, много несчастныхъ погибло отъ голода и ихъ трупы были находимы въ городѣ и въ окрестностяхъ. Подобныя же картины наблюдаются въ Ахтамарѣ, въ Арапгирѣ, въ Ванѣ, въ Битлисѣ, гдѣ были случаи смерти отъ голода. Отовсюду несутся вопли о голодѣ и полной нищетѣ армянскаго населенія послѣ разгрома, изъ Байбурда, изъ Муша, изъ Вана, изъ Ахтамара, изъ Арапгира, изъ Эгины, изъ Гусни-Мансура, изъ Кесареи. Мы не имѣемъ ни дома, ни постели, ни хлѣба, пишутъ изъ Трапезунта; въ Сивасѣ тѣ, которымъ удалось избѣжать смерти, не имѣютъ ничего—ни денегъ, ни одежды, ни даже постели спать. Не могу болѣе писать тебѣ, дорогой сынъ,—говорится въ письмѣ отца къ сыну,—моя рука дрожитъ отъ холода, къ тому же мы почти три дня ничего не ѣли. «Большое количество дѣтей,—пишетъ Хачатуръ, католикосъ ахтамарскій,—остались сиротами; вездѣ встрѣчали неутѣшныхъ родителей, отыскивающихъ слѣды сына или пропавшей дочери». У меня убили отца, пишетъ женщина изъ Арапгира, дѣда, дядей, дядю моей матери... Убили нашего друга Б. и его жену, у нихъ осталось четверо сиротъ, которые плачутъ, зовутъ мать; убили А. и его жену, послѣ нихъ осталось пятеро дѣтей, двое грудные, но некому ихъ кормить грудью. Понятно поэтому, что нѣкоторыя письма оканчиваются призывомъ къ матеріальной помощи: помогите намъ, мой братъ, помогите скорѣе! Но можете ли вы помочь нашему огромному не-

счастью своими скромными средствами? Не стыдитесь, обратитесь къ иностранцамъ, къ европейцамъ, обратитесь къ ихъ чувствамъ человѣколюбія. Мы вѣдь люди, мы христіане... чѣмъ мы виноваты? «Помоги намъ, дорогое дитя,— пишетъ отецъ къ сыну:—у насъ нѣтъ ничего и, что всего страшнѣе, мы голодаемъ. Прошу тебя еще разъ, ради Бога и Іисуса Христа, пошли намъ что-нибудь, иначе мы погибли. Твои братья и сестры кричатъ: Hatz, Hatz (хлѣба, хлѣба)! Если можно еще уговорить большихъ, какъ заставить замолчать самыхъ маленькихъ? Если ты хочешь спасти нашу жизнь, сдѣлай все возможное, чтобы помочь намъ; если необходимо, самъ проси милостыню.

V.

До сихъ поръ мы болѣе останавливались на внѣшнемъ ходѣ избіенія и на его послѣдствіяхъ. Посмотримъ теперь, что чувствовали жертвы во время разгрома и послѣ него. Это дастъ намъ возможность вѣрнѣе оцѣнить размѣры несчастія.

Одни охвачены ужасомъ, отчаяніемъ. Одинъ молодой человѣкъ въ Палу подъ вліяніемъ страха выдергиваетъ себѣ усы въ надеждѣ переодѣться женщиной и спастись. Нѣкоторые умираютъ отъ ужаса и бѣдствій. Въ Харпутѣ священникъ Теръ-Акопъ сходитъ отъ страха съ ума. Архіепископъ урфскій Хоренъ, о которомъ рѣчь была выше, съ отчаянія покушается на самоубійство. Священникъ Теръ-Оаннесъ Т. внезапно умираетъ отъ скорби при видѣ умерщвленія своихъ четырехъ сыновей. Женщины и дѣвушки, которымъ грозитъ изнасилованіе, лишаютъ себя жизни. Такіе случаи были въ Палу, въ Байбурдѣ. Въ Палу турки похитили женщину и молодую дѣвушку и уже вели ихъ къ себѣ. На дорогѣ около рѣчки жертвы просятъ позволенія напиться воды. Получивъ его, онѣ пользуются моментомъ свободы, прочитываютъ молитву и бросаются въ воду. Въ Палу же тридцать пять армянскихъ крестьянокъ, преслѣдуемыя курдами, бросаются въ рѣку, чтобы спастись отъ позора.

Въ то время какъ одни испытываютъ скорбь, ужасъ, отчаяніе, другіе жалуются на притупленіе чувствъ подъ вліяніемъ событій. «Не считайте насъ живыми,—пишетъ женщина изъ Арапгира:—тѣ, кто пережилъ это несчастіе, не имѣютъ ни тѣла, ни крови, мы не знаемъ, что мы такое, мы живые мертвецы. Душа иногда какъ будто каменѣетъ. Мы сами даже не удивляемся, что мы не пали подъ тяжестью такого ужаса и несчастія. Лучше, еслибъ мы умерли. Что за жизнь наша теперь! Все время у насъ передъ глазами эти страшныя сцены, все время мы видимъ, какъ эти звѣри убиваютъ и грабятъ невинныхъ людей. Еслибы не были сожжены наши дома, мы бы предпочли уйти къ себѣ, подальше другъ отъ друга, чтобы не слыхать стоновъ. Еслибъ по крайней мѣрѣ это случилось лѣтомъ, мы бы ушли въ горы, ѣли траву и не слыхали этихъ криковъ. Боже, Боже! Когда же мы перестанемъ плакать? Когда же Ты услышишь насъ». Въ такомъ же тонѣ письма изъ Эрзерума и изъ Битлиса. Послѣ того, что мы пережили, говорится въ послѣднемъ письмѣ, мы не знаемъ, что съ нами будетъ.

Мы ошеломлены, отупѣли, сдѣлались больны отъ того, что случилось. При-

таившись по угламъ нашихъ домовъ, мы въ ожиданіи. Едва живые мы находимся среди голода и страха. Положеніе жертвъ хорошо обрисовывается въ сообщеніяхъ изъ Кесареи и изъ Арапгира. Вотъ что происходило въ Кесареѣ 26-го нояря 1895 г. На зарѣ раздаются пистолетные выстрѣлы, сопровождаемые страшнымъ шумомъ. Армянскіе кварталы подвергаются новому нападенію. Толпа пытается войти въ армянскій соборъ, куда спаслось 300 женщинъ и дѣтей. Нападающіе рубятъ топоромъ двери, что производитъ неописуемый ужасъ у находящихся въ соборѣ; послѣдніе испускаютъ крики отчаянія, плачутъ, стонутъ, громко молятся Богу спасти ихъ. На улицѣ неистовствуетъ толпа, слышатся угрожающіе смертью голоса, пытаются сломать церковныя двери. Архіепископъ, въ отчаяніи, велитъ священникамъ причастить народъ въ виду неминуемой смерти. Началась печальная церемонія: всѣ готовились къ смерти. Къ счастію, туркамъ не удалось разрушить соборъ.

Другая сцена происходитъ въ Арапгирѣ. «Избіеніе, грабежъ, пожаръ,— пишетъ одна женщина къ брату мужа,—продолжались восемь дней. Слышался невѣроятный шумъ, адскіе голоса, крики маленькихъ дѣтей... Дѣти кричатъ: Боже! мама! другіе: помогите! помогите! Кто ихъ услышитъ? Градомъ падаютъ пули. Они (турки) идутъ съ саблями въ рукахъ. Не было такихъ жестокихъ палачей, такихъ хищныхъ звѣрей. Никогда такъ варварски не избивали невинныхъ ни въ чемъ людей. Если написать исторію всего, что произо шло, нельзя будетъ читать ее безъ ужаса. Теперь мы въ турецкомъ кварталѣ, въ домѣ въ семь комнатъ. Насъ сто человѣкъ,—женщины, молодыя дѣвушки, дѣти и нѣсколько мужчинъ, всѣ ранены. Всѣ плачутъ, стонутъ. Нечего положить на раны, нечѣмъ даже ихъ перевязать, нѣтъ бѣлья для перемѣны. Крики, стоны не даютъ спать. На минуту заснешь, сейчасъ же просыпаешься отъ дѣтскихъ криковъ. Дѣти испуганно кричатъ во снѣ: вотъ они! вотъ они! Мама! насъ хотятъ зарѣзать, сжечь. Помоги».

Пережитыя несчастія естественно оставили глубокіе слѣды въ тонѣ писемъ, написанныхъ среди событій или вслѣдъ за ними. Читая ихъ, невольно переносишься на арену избіеній. «Какъ изобразить въ цѣломъ такія страшныя событія,—говоритъ авторъ письма изъ Байбурда, гдѣ начать, гдѣ кончить? Трауръ и развалины царятъ въ Байбурдѣ». Луна освѣщала городъ, пишутъ изъ Эрзерума, недалеко поднималось пламя зажженыхъ домовъ, иногда раздавались ружейные выстрѣлы. Эта луна, говорили мы себѣ, освѣщаетъ сейчасъ и другія страны, гдѣ ходятъ, говорятъ, смѣются, веселятся, не подозрѣвая, что гдѣ-то въ одномъ мѣстѣ на земномъ шарѣ этимъ самымъ свѣтомъ пользуются для рѣзни, поджога, грабежа и изнасилованія.

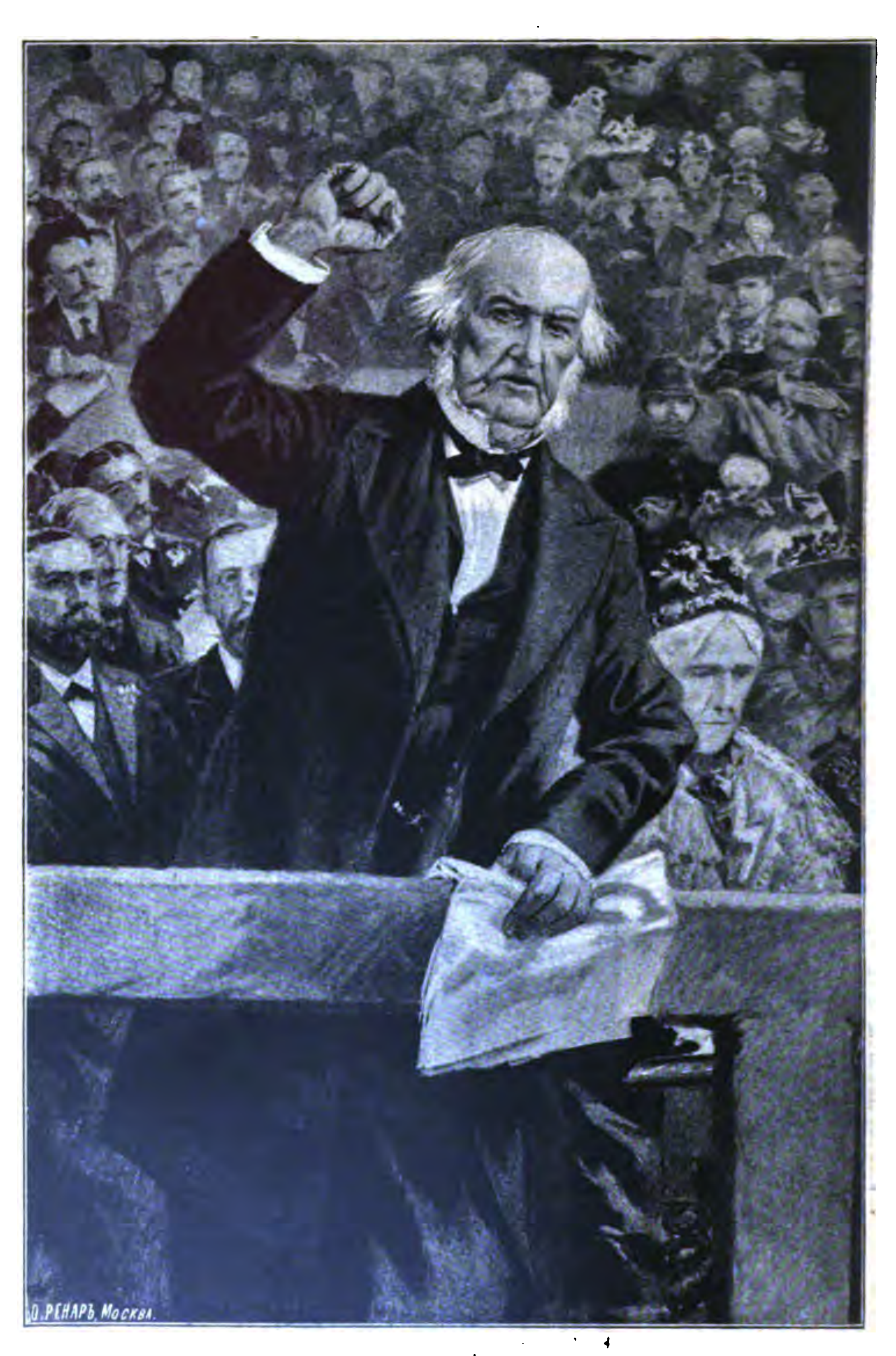
Вотъ разсказъ несчастнаго отца, у котораго вырвали дочь для опозоренія: «Увы, едва могу писать тебѣ объ этомъ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ сыну.— Меня угрожали убить, если я не выдамъ твою сестру. Все уже было похищено... я сопротивлялся, готовый на все. Но когда дочь увидала меня подъ ножомъ и поняла, что я погибъ, если не выдамъ ее, тогда она сама бросилась къ ногамъ турокъ и закричала: возьмите меня, только пощадите отца, вотъ я! И они унесли ее». Вотъ письмо изъ Эгины, авторъ котораго былъ насильно обращенъ въ магометанство. Печаленъ и безнадеженъ тонъ этого письма. Авторъ разсказы-

ваетъ, какъ онъ два дня блуждалъ здѣсь и тамъ съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, какъ на его глазахъ изрѣзали на куски старую тетку Еву, бывшую паломницу въ Іерусалимѣ, за то, что она не хотѣла принять магометанство. «Не сердитесь на насъ за это (имѣется въ виду принятіе магометанства пишущимъ и другими армянами), дорогіе братья, не сердитесь, мы до конца...»—авторъ не продолжалъ фразы по той причинѣ, что пишетъ въ присутствіи мудира (мера общины). Боже, сжалься надъ нами!.

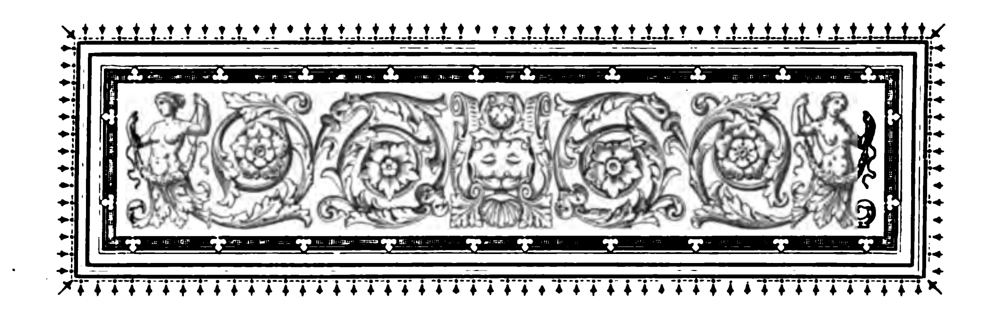
Авторъ предисловія заканчиваетъ книгу слѣдующими словами: необходимо ввести какъ можно скорѣе реформы, нужныя для успокоенія народа. Оттоманское правительство неспособно ихъ осуществить, даже еслибъ этого желало.

Необходимо энергическое вмѣшательство Европы, иначе народу этому грозитъ гибель.

Могильный крестъ-камень (арм. стиль X в.).



Гладстонъ на Ливерпульскомъ митингѣ 24 сентября 1896 г.



Жизнь въ Ильдизѣ

(изъ Contemporary Review).

I.

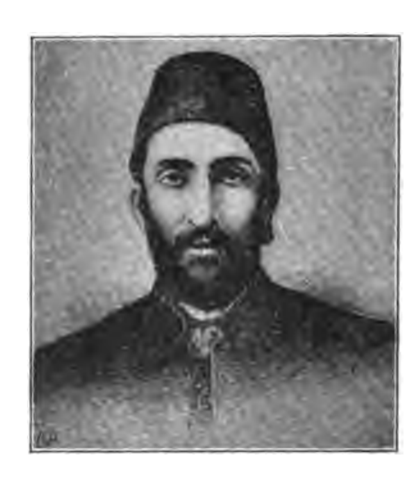
Съ тѣхъ поръ какъ Абдулъ-Гамидъ на престолѣ, онъ рѣдко ложится спать ночью, чтобы встать утромъ, какъ обыкновенные смертные. Султанъ удаляется на покой только съ разсвѣтомъ, а въ восемь часовъ онъ опять на ногахъ. Въ долгіе ночные часы въ его апартаментахъ происходитъ непрерывное движеніе приходящихъ и уходящихъ посѣтителей. То ему приносятъ экстренное полицейское донесеніе; то является съ отчетомъ чиновникъ, на котораго возложено было какое-нибудь спеціальное порученіе; то въ сосѣдней комнатѣ происходитъ допросъ, къ которому султанъ прислушивается за занавѣскою. Если на очереди нѣтъ срочныхъ государственныхъ дѣлъ, то время проводится въ чтеніи какого-нибудь романа Ксавье де-Монтепэна, Фортюне де-Буагобея и т. п.

Не питая довѣрія къ окружающимъ, султанъ неусыпно контролируетъ самъ стражу и наблюдаетъ за правильнымъ исполненіемъ сложныхъ мѣръ, придуманныхъ для огражденія его личной безопасности. Службу лицъ, занятыхъ этимъ дѣломъ, никакъ нельзя назвать синекурою. Кромѣ военныхъ чиновниковъ, во дворцѣ всегда имѣется на лицо десятка два часовыхъ, принадлежащихъ къ албанскимъ тюфенкджи (стрѣлкамъ); вооруженные съ головы до ногъ, они помѣщаются съ своимъ начальникомъ въ особой комнатѣ, готовые явиться по первому зову.

Если кто-либо желаетъ видѣть того или иного дворцоваго чиновника, то имя посѣтителя сообщается одному изъ секретарей; разрѣшеніе на входъ дается ему лишь въ томъ случаѣ, если соотвѣтственный чиновникъ разрѣшаетъ привратнику впустить его. Когда разрѣшеніе получено, посѣтителя сопровождаетъ къ квартирѣ чиновника тайный агентъ, который сторожитъ у дверей во все время свиданія; по окончаніи его онъ провожаетъ посѣтителя обратно и не разстается съ нимъ до тѣхъ поръ, пока тотъ не выйдетъ на улицу, за ограду

дворца. Сверхъ того, всякаго посѣтителя, если только стража не знаетъ его отлично въ лицо, обыскиваютъ, и если онъ имѣлъ неосторожность взять револьверъ,—который въ Турціи носятъ при себѣ самые мирные люди,—то онъ легко можетъ поплатиться изгнаніемъ. Во всякомъ случаѣ онъ вправѣ разсчитывать по меньшей мѣрѣ на мѣсячный арестъ, допросы и палки.

Главныя ворота дворца запираются въ полночь. Если послѣ этого часа кто-нибудь имѣетъ настоятельное дѣло къ султану, то приходится подвергнуться гораздо болѣе строгому осмотру, прежде чѣмъ удастся проникнуть къ дежурному камергеру. Въ султанской резиденціи имѣются 150 ночныхъ сторожей (бекджи), обязанныхъ ходить дозоромъ по садамъ, окружающимъ главныя зданія; за внѣшними стѣнами часовые разставлены черезъ каждые 100 шаговъ; въ ненаселенныхъ частяхъ парка существуетъ особая стража изъ садовниковъ. Въ самихъ зданіяхъ у каждаго апартамента стоятъ на караулѣ албанскіе тюфенкджи, а въ гаремѣ на евнуховъ возложенъ спеціальный и весьма строгій надзоръ.



Султанъ Абдулъ Гамидъ II.

II.

Султанъ, какъ сказано было, встаетъ обыкновенно въ восемь. Онъ почти тотчасъ же одѣвается и послѣ утренней молитвы принимаетъ легкій завтракъ. Вслѣдъ затѣмъ дежурный камергеръ представляетъ ему списокъ государственныхъ бумагъ, присланныхъ первымъ секретаремъ. Онѣ состоятъ, прежде всего, изъ назначеній и повышеній; грамотъ на титулы; документовъ, исходящихъ отъ великаго визиря; докладовъ совѣта министровъ. Затѣмъ идутъ отчеты изъ провинцій, сообщенія отъ различныхъ коммиссій, назначенныхъ непосредственно султаномъ, и отъ министра двора. Камергеръ даетъ резюме каждаго документа. Абдулъ-Гамидъ произноситъ сакраментальную формулу «ираде-итдиме», обращающую его въ законъ; на нѣкоторыхъ документахъ (фирманахъ и пр.) онъ собственноручно дѣлаетъ надпись объ исполненіи. Затѣмъ является другой камер-

геръ, которому поручены иностранныя дѣла. Читаются, во-первыхъ, телеграммы отъ турецкихъ посланниковъ при различныхъ европейскихъ дворахъ и сообщенія министра иностранныхъ дѣлъ. Нѣсколько времени посвящается затѣмъ отчетамъ лицъ, главнымъ образомъ—иностранцевъ, имѣющихъ секретныя порученія въ европейскихъ столицахъ, и сообщеніямъ нѣкоторыхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дипломатическому міру Перы, которыя за деньги доставляютъ свѣдѣнія о томъ, что дѣлается въ посольствахъ. Всѣ эти дѣла, какъ они ни кажутся сложными на первый взглядъ, рѣдко отнимаютъ больше $1^1/_2$ часа.

Затѣмъ начинаются пріемы. Каждый министръ и крупный сановникъ имѣетъ одинъ или два дня въ недѣлю, по которымъ онъ долженъ представляться во дворцѣ. Каждое утро первый и второй камергеръ, первый секретарь, Иззетъ-бей, довѣренное лице султана, и нѣкоторые другіе чиновники принимаютъ около тридцати важныхъ особъ. Абдулъ-Гамидъ принимаетъ ихъ доклады, выражаетъ свои мнѣнія и желанія, указываетъ необходимыя назначенія, и этимъ путемъ подготовляетъ почву для послѣдующихъ докладовъ сообразно его взглядамъ. Такимъ образомъ рѣшенія, представляемыя на утвержденіе султана, являются въ общемъ только выраженіями его собственной воли, которыя передаются ему отъ имени фиктивной исполнительной власти. Иногда султанъ даруетъ аудіенціи извѣстнымъ посѣтителямъ, посылаетъ свой «монаршій привѣтъ» другимъ, и такимъ образомъ наступаетъ половина 12-го—часъ завтрака.

Султанская пища приготовляется въ особой кухнѣ, подъ наблюденіемъ особаго чиновника, нѣкоего Османъ-бея, а не плевненскаго Османа-паши, какъ ошибочно сообщалось въ печати. Этотъ чиновникъ запечатываетъ посуду, въ которой блюда подаются на столъ; печати снимаются въ присутствіи султана. Другой чиновникъ, «чесниджи-баши», долженъ отвѣдать каждое блюдо, прежде чѣмъ султанъ возьметъ его. Когда къ столу приглашены иностранные посланники, эта процедура продѣлывается раньше, а не на виду у гостей.

Послѣ завтрака султанъ часто отдыхаетъ часа два и около 3 часовъ принимаетъ камергера съ докладами тайной полиціи. Впрочемъ важнѣйшіе доклады этого рода представляются султану немедленно, во всякое время дня и ночи, и раньше всѣхъ другихъ дѣлъ. Султанъ принимаетъ затѣмъ въ аудіенціи нѣкоторыхъ начальниковъ дворцовыхъ частей, отдаетъ имъ изустныя приказанія и ведетъ бесѣды съ улемами и духовными шейхами, которыми онъ окружилъ себя.

Около 4 часовъ онъ отправляется на прогулку по парку въ экипажѣ, верхомъ или пѣшкомъ; по дорогѣ онъ посѣщаетъ одинъ изъ множества наполняющихъ паркъ châlets—резиденцію какой-либо изъ его законныхъ женъ («кадинъ») или одну изъ устроенныхъ имъ многочисленныхъ мастерскихъ и фабрикъ. Къ наиболѣе важнымъ среди нихъ принадлежитъ фарфоровый заводъ и мебельная фабрика. По традиціи дома Османовъ, султаны должны знать какое-либо ремесло, и Абдулъ-Гамидъ довольно порядочный столяръ и токарь. Онъ играетъ также на рояли, хорошо ѣздитъ верхомъ и искусно стрѣляетъ. Къ любимымъ развлеченіямъ султана относятся также катанье по искусственному озеру на электрическомъ баркасѣ.

Султанъ имѣетъ по меньшей мѣрѣ 50 рабочихъ кабинетовъ въ ильдиз-

скомъ дворцѣ, императорскомъ гаремѣ и различныхъ châlets парка. Никто не знаетъ, гдѣ онъ проведетъ ту или другую часть дня или вечера. Часто онъ входитъ въ какое-нибудь зданіе и въ то время, какъ часовые у дверей полагаютъ, что султанъ находится внутри, онъ выходитъ черезъ заднюю дверь и отправляется въ другое мѣсто. Сверхъ того, въ какой бы части дворца онъ ни находился, постоянная стража бодрствуетъ день и ночь и султана сопровождаетъ всегда человѣкъ двадцать, устраивающихъ особый надзоръ въ томъ зданіи или апартаментѣ, гдѣ онъ находится въ данную минуту. Между главнымъ входомъ во дворецъ и различными покоями, служащими резиденціею султана, всегда есть 4—5 дверей, у которыхъ стоятъ на караулѣ часовые албанцы. Никто не можетъ пройти черезъ нихъ безъ сопровожденія одного изъ камергеровъ или дежурныхъ адъютантовъ, которые должны имѣть спеціальное разрѣшеніе допустить указанныхъ лицъ.

Никогда не бываетъ также извѣстно, гдѣ султанъ будетъ спать. У него больше 50 постелей въ частныхъ апартаментахъ его законныхъ женъ, въ султанскомъ гаремѣ, châlets парка и въ главномъ корпусѣ самого ильдизскаго дворца, гдѣ онъ также спитъ иногда, когда обстоятельства заставляютъ его быть на-сторожѣ. Эти спальни отдѣлены отъ всего зданія желѣзными дверями и снабжены замками съ необыкновенно замысловатымъ механизмомъ. Говорятъ также, что въ стѣнахъ и обшивкѣ комнатъ имѣются тайники, построенные мастерами, нарочно привезенными для этого изъ Европы, и извѣстные одному лишь султану. Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ, какъ будто бы еще недостаточнымъ, предосторожностямъ, у дверей спальни, гдѣ въ данный моментъ спитъ султанъ, лежатъ два великолѣпныхъ санъ-бернара, которые громко лаютъ при малѣйшемъ шумѣ.

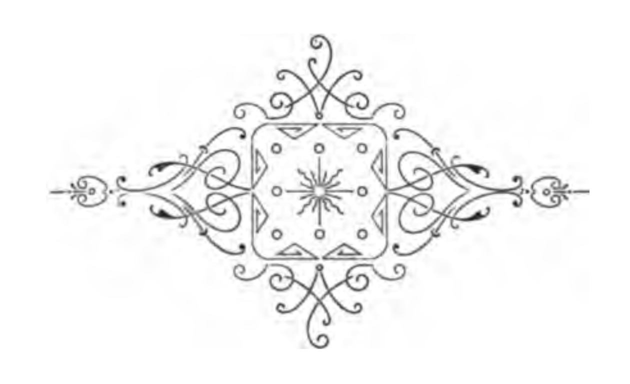
III.

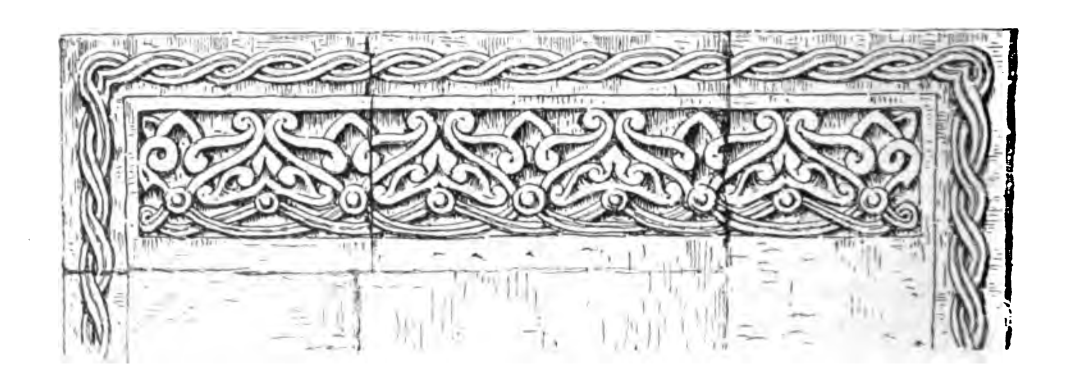
Ильдизскій дворецъ построенъ на замѣчательно живописномъ склонѣ холма, расположеннаго между предмѣстьемъ Бешикташъ и деревнею Ортакёй. При Абдулъ-Азисѣ Ильдизъ служилъ только кіоскомъ или лѣтней дачей, гдѣ собственникъ проводилъ обыкновенно немногіе часы въ жаркую пору дня, или же онъ обращалъ его на нѣсколько недѣль въ свою главную резиденцію. Служащій для этой цѣли кіоскъ составляетъ принадлежность каждаго дворца при Босфорѣ. Такимъ же образомъ Ильдизъ представляетъ кіоскъ дворца Чераганъ, но Абдулъ-Гамидъ всегда избѣгалъ Черагана и сдѣлалъ кіоскъ своею единственною резиденціей. Главное соображеніе, руководившее имъ при этомъ, состояло въ томъ, что, благодаря уединенному положенію и обширности участка, дачу легко было обратить въ окруженную лагеремъ крѣпость. Въ теченіе 19 лѣтъ, проведенныхъ въ Ильдизѣ, султанъ окружилъ его множествомъ казармъ, построилъ многочисленные кіоски и другія зданія въ паркѣ, который онъ расширилъ, — однимъ словомъ, превратилъ лѣтній дворецъ въ обширную и сложную крѣпость.

Насколько Ильдизъ великъ, можно судить по тому факту, что его персо-

налъ доходитъ до 12.000 человѣкъ. Въ эту армію чиновниковъ и другихъ служащихъ входятъ 30 камергеровъ, 30 генералъ-адъютантовъ, 50 дежурныхъ адъютантовъ, 100 секретарей, 30 муссагибовъ, т.-е. чиновниковъ, обязанныхъ развлекать султана, когда ему скучно, 50 церемоніймейстеровъ, 60 врачей, 30 аптекарей, 50 охотниковъ за крупной дичью, 30 охотниковъ за птицами, 20 кахнеджи, обязанныхъ приготовлять и подавать султану кофе, 50 библіотекарей, 20 переводчиковъ, 1.000 лакеевъ, 400 поваровъ и кухонной прислуги, 400 оффиціантовъ для разноски блюдъ, 400 музыкантовъ, комедіантовъ, пѣвцовъ, акробатовъ, жонглеровъ и т. д., 300 евнуховъ для гарема, 50 цирюльниковъ для служащихъ, 50 декораторовъ и т. д., и т. д. Понятно, что всѣ эти лица не присутствуютъ во дворцѣ одновременно, но они всѣ состоятъ на султанской службѣ и должны находиться во дворцѣ, когда этого требуютъ ихъ обязанности.

Абдулъ-Гамидъ нетерпѣливъ и запальчивъ; онъ не переноситъ противорѣчій своимъ планамъ. Если султанъ отдалъ какое-нибудь приказаніе, онъ не допускаетъ, чтобы событія могли принять оборотъ, несогласный съ его ираде. Если въ Константинополѣ или въ его окрестностяхъ случается пожаръ, султанъ посылаетъ адъютанта къ начальнику пожарной команды съ приказаніемъ немедленно потушить огонь. Если, несмотря на всѣ усилія пожарныхъ, огонь распространяется,—а это бываетъ болѣе чѣмъ часто,—то вслѣдъ за первымъ является скоро другой адъютантъ съ извѣстіемъ, что «эфендимизъ («нашъ повелитель») разгнѣванъ неисполненіемъ его приказа, и отданъ приказъ, что пожаръ долженъ немедленно прекратиться».





Патріархъ Измирліанъ.

Turkey and the armenian atrocities by Rev. Edwin M. Bliss, 1896.

Образъ дѣйствій и поведеніе константинопольскаго патріарха Матеоса Измирліана, не устававшаго печаловаться за свою злосчастную паству предъ султаномъ и одного имѣвшаго смѣлость говорить ему правду въ глаза, дѣлаетъ честь, говоритъ американскій миссіонеръ Блиссъ, армянскому національному характеру и служитъ залогомъ лучшей будущности для этого замученнаго народа. По описанію одного американскаго резидента въ Константинополѣ, Измирліанъ роста нѣсколько выше средняго, худой, но крѣпкаго сложенія, со строгимъ и рѣшительнымъ взглядомъ и съ крупными, характерными для его народа, чертами лица.

Онъ родился въ Константинополѣ въ 1845 г. и прозвище Измирліанъ получилъ, какъ уроженецъ Смирны (Измиръ по-турецки). Ученіе онъ прошелъ въ армянской школѣ и 19-ти лѣтъ былъ посвященъ въ діаконы въ одной армянской церкви на Босфорѣ. Въ 1867 г. онъ принялъ монашество и былъ посвященъ въ архимандриты. Способности и трудолюбіе выдвинули его впередъ и, постепенно повышаясь, онъ былъ сначала секретаремъ патріархата, потомъ депутатомъ армянскаго національнаго собранія, а затѣмъ членомъ духовнаго Совѣта его. Онъ былъ замѣченъ какъ талантливый проповѣдникъ и скоро пріобрѣлъ большую популярность. Онъ также сталъ извѣстенъ какъ человѣкъ рѣдкой проницательности и благородства.

31-го года Измирліанъ былъ рукоположенъ въ епископы и получилъ въ управленіе Египетскую епархію. Здѣсь онъ ввелъ много улучшеній; его заслуги были такъ общеизвѣстны, что ему пожаловали ордена не только султанъ, но и абиссинскій король Менеликъ. При послѣднихъ выборахъ на постъ высшаго общеармянскаго іерарха, Эчміадзинскаго каѳоликоса, Измирліанъ былъ выбранъ вторымъ кандидатомъ.

Въ декабрѣ 1894 г., когда положеніе армянскаго народа, послѣ сасунской рѣзни, было крайне плачевно, на Измирліана пало единодушное избраніе на каѳедру Константинопольскаго патріарха. Несмотря на то, что рѣшительный

характеръ и преданность Измирліана [1]) народному благу были хорошо извѣстны, султанъ счелъ нужнымъ утвердить избраніе.

Съ этого времени Измирліанъ сдѣлался въ истинномъ значеніи слова трибу-

Константинопольскій патріархъ Матеосъ Измирліанъ (1895—1896 гг.).

номъ своего народа, принимая къ сердцу съ рѣдкою отзывчивостью всѣ нужды его и смѣло выступая на защиту попираемыхъ правъ его. Онъ пользовался

[1]) Чистота жизни Измирліана, его благотворительность и апостольская дѣятельность создали ему, пишетъ Бераръ, репутацію святаго какъ среди христіанъ, такъ и мусульманъ; Европа и ея представители цѣнили его прямоту и умъ.—Твердый патріотъ Измирліанъ не способенъ былъ льстить народнымъ страстямъ или безсмысленнымъ мечтаніямъ относительно націи или себя самого, но онъ былъ не способенъ также и на ту гнусную миссію, которую Ильдизъ-Кіоскъ возлагалъ на его предмѣстниковъ. (см. Victor Bérard—La politique du Sultan p. 179).

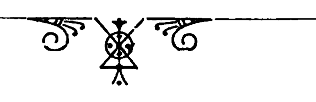
всѣми законными средствами для защиты своего народа, и никакія угрозы заточеніемъ и смертью не могли остановить его стойкую дѣятельность.

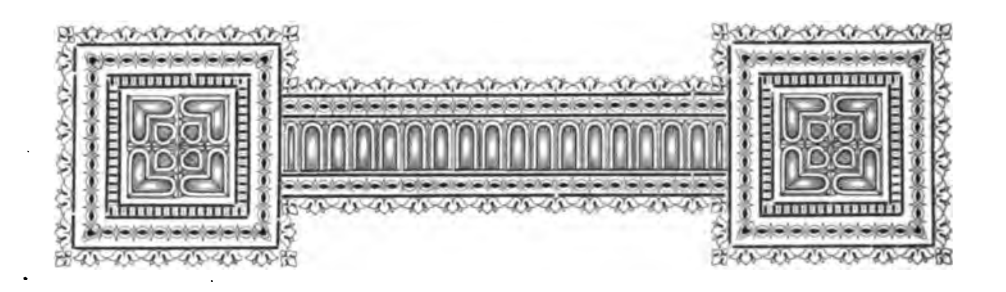
Вскорѣ послѣ своего избранія Измирліанъ потребовалъ назначенія новыхъ епископовъ на мѣсто заключенныхъ турками. Порта отвѣчала, что донесеніе не вѣрно и что епископы будутъ освобождены. Измирліанъ отвѣчалъ: «донесеніе правильно и я не могу допустить несправедливости».—Ни угрозы, ни обольщенія не поколебали его. Вѣрноподданный султана, онъ не унижался до раболѣпства, какъ онъ и самъ заявилъ на аудіенціи султану. «Насколько позволяетъ мнѣ совѣсть, сказалъ онъ, я буду повиноваться вамъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ я долженъ имѣть въ виду благосостояніе моего народа». Не удивительно, что султанъ пришелъ въ страшную ярость и, прогнавъ патріарха, лишилъ обычнаго ордена. Впослѣдствіи, желая задобрить его, султанъ предлагалъ высшія награды, раздаваемыя свѣтскимъ людямъ. Измирліанъ возражалъ: «Ваше Величество, на что мнѣ эти вещи? Я простой священнослужитель. Я питаюсь хлѣбомъ и оливками, какъ и мой народъ. Въ моемъ домѣ нѣтъ мѣста для столь великолѣпныхъ вещей. Умоляю васъ не настаивать на ихъ принятіи».

Другой образчикъ своей смѣлости и непоколебимости Измирліанъ показалъ въ своемъ вступительномъ словѣ при вступленіи въ должность. «Передъ Богомъ и въ присутствіи народа клянусь, сказалъ онъ, остаться вѣрнымъ своему правительству, своему народу и конституціи, дарованной Абдулъ-Азисомъ. Мое пониманіе вѣрности таково: вѣрность обусловливается защитою правительствомъ нашихъ правъ на жизнь, на имущество, честь и безопасность. Безъ этого условія заявленіе вѣрности подданныхъ есть лицемѣріе, опасное какъ для армянскаго народа, такъ и правительства. Всякое пожеланіе, домогательство, протестъ, имѣющіе въ виду укрѣпленіе этихъ правъ, не только не будетъ нарушеніемъ моей присяги, но, наоборотъ, будетъ доказательствомъ моей вѣрноподданнической безукоризненности.—Затѣмъ я долженъ быть вѣренъ народу, т. е. церкви, потому что долгъ нашей апостольской церкви не раздѣлять себя отъ народа. Права нашей церкви и народа не отмѣняемы и священны. Вашъ патріархъ будетъ ихъ защитникомъ и истолкователемъ, потому что является ихъ отвѣтственнымъ хранителемъ предъ церковью и народомъ».

Патріархъ проявилъ мужество не только по отношенію къ правительству, но и революціонному кружку, который не разъ обращался къ нему съ угрозами. Едва-ли будетъ преувеличеніемъ сказать, что Измирліанъ достоинъ быть поставленнымъ въ ряду наиболѣе извѣстныхъ борцовъ за право.

Вынужденный покинуть въ 1896 г. каѳедру, Измирліанъ осужденъ былъ на ссылку въ Триполи и только заступничество пословъ спасло его отъ этой замаскированной смертной казни.—Вмѣсто Триполи Измирліанъ былъ сосланъ въ Іерусалимъ, гдѣ онъ живетъ на положеніи опальнаго инока.





N. N.

(Посвящается памяти умершаго для меня дорогого существа.)

—

Я пѣлъ бы и моря безбрежнаго ширь,
Лазурныхъ небесъ высоту;
Я пѣлъ бы и солнца румяный восходъ,
И звѣзднаго неба красу.

—

Я пѣлъ бы и птичекъ веселую трель,
И гимны счастливой любви;
Я пѣлъ бы и шепотъ дремучихъ лѣсовъ,
И пѣсни разцвѣтшей весны.

—

Но не то я видалъ, не то я слыхалъ,
Не то моей жизни злой рокъ диктовалъ...

—

Я видѣлъ долину, покрытую мглой
И мрачную, точно тюрьма,
И неба кусочекъ въ подвальномъ окнѣ,
И грязную дверь кабака.

—

Я слышалъ, какъ вьюга въ окошко стучитъ,
Какъ воетъ и плачетъ въ трубѣ,
Какъ братъ, умирающій, шепчетъ мольбы,
Съ тоской прижимаясь ко мнѣ...

—

Не до веселыхъ мнѣ пѣсенъ съ тобой,
Муза долины, нужды роковой!..

—

Я пѣлъ бы и дѣвы прелестной красу,
И очи любовью полны,
Румяныя щечки, густую косу,
И брови, какъ уголь, черны.

—

Я пѣлъ бы восторги влюбленныхъ сердецъ,
Горячую клятву любви,
И звукъ поцѣлуя, и лепетъ ночной
При свѣтѣ спокойной луны...

—

Но не то я видалъ, не то я слыхалъ,
Не то моей жизни злой рокъ диктовалъ...

—

Я блѣдныя щеки и губы видалъ,
И очи слезами полны...
Дѣтьми ужъ увядши, дѣтьми заняты
Трудомъ непосильнымъ они...

—

Я слышалъ о хлѣбѣ насущномъ мольбу,
Плачъ жалкихъ, голодныхъ дѣтей;
Я слышалъ проклятья уставшихъ отцовъ,
Вздохъ бѣдныхъ, больныхъ матерей...

—

Не до веселыхъ мнѣ пѣсенъ съ тобой,
Муза долины, нужды роковой...

—

Моя пѣсня мрачна, какъ осенняя ночь,
Пѣсня грустная, полная слезъ...
Моя пѣсня тяжка, какъ любовь безъ надеждъ,
Пѣснь разбитыхъ, несбывшихся грезъ...

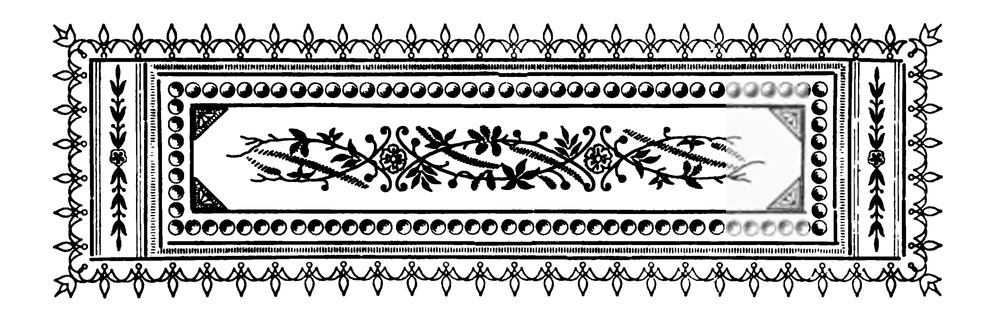
—

Это крикъ наболѣвшей души,
Это вопль отъ мучительной боли,
Это стонъ въ безграничной юдоли
Безпросвѣтнаго мрака и тьмы...

—

Это плачъ о потерянныхъ годахъ,
Это вопль о надорванныхъ силахъ,
Это повѣсть о долгихъ невзгодахъ,
Это плачъ на родимыхъ могилахъ...

Савельичъ.



Константинопольская рѣзня.

(Письмо изъ Константинополя.)

---

14 и 15 августа (1896 г.) мы стояли въ Константинополѣ: намъ пришлось быть свидѣтелями избіенія армянъ турками; видѣнныя нами ужасныя картины стоятъ и теперь передъ глазами; едва вѣришь тому, что все *это* дѣйствительно *было*, что мы не во снѣ видѣли всѣ эти ужасы. Мы пришли въ Константинополь въ среду утромъ: пароходъ нашъ («Sidon»—француз,компаніи Messagerie Maritime) остановился у пристани. Мы вышли между 10 и 11-ю на берегъ, были въ обѣихъ частяхъ города (Пера—европейская и Галата—азіатская), были на телеграфѣ и на почтѣ; все было совершенно покойно; мы вернулись на пароходъ около часа. Послѣ я еще разъ выходила отправлять письмо на русскую почту (въ нѣсколькихъ шагахъ отъ пристани) и тоже ничего не замѣтила. А между тѣмъ, какъ разсказывали послѣ другіе очевидцы, именно въ это время (между 12 и 1 час.) началась рѣзня: сигналомъ начала послужили убійство армянами кассира въ банкѣ и ссора на почтѣ, какъ говорили; сейчасъ же начались преслѣдованіе и убійство поголовно всѣхъ армянъ турками; магазины, лавки были быстро позаперты одни за другими; движеніе конокъ пріостановлено; на 4 улицахъ сразу произошло въ разныхъ концахъ города страшное смятеніе; всѣ бѣжали, не понимая ничего; поминутно посреди улицъ на тротуарахъ падали убиваемые армяне подъ градомъ сыпавшихся на нихъ ударовъ палками и саблями. Не довольствуясь убійствомъ на улицахъ, толпы турокъ врывались въ дома и тамъ продолжалось избіеніе. Замѣчательно въ данномъ случаѣ то, что избіеніе началось одновременно по всему городу, и потому объяснить его, какъ потомъ говорили, местью за убійство кассира въ банкѣ армянами было бы странно.

Мы до 2-хъ часовъ еще ничего не знали о начавшемся смятеніи; сидѣли на пароходѣ, мирно разговаривая. Вдругъ,—этотъ моментъ особенно врѣзался у меня въ памяти,—на набережной раздался страшный, какой-то жалобный, молящій, протяжный, громкій крикъ, а вслѣдъ за нимъ сейчасъ же нѣсколько выстрѣ-

ловъ изъ револьверовъ, быстро промелькнуло нѣсколько фигуръ, впереди бѣжалъ кто-то, спотыкаясь, обезсиливая. За нимъ гналось человѣкъ десять,—все это произошло въ какое-нибудь мгновеніе и вслѣдъ за тѣмъ мы увидѣли на набережной распростертымъ трупъ бѣжавшаго. Это былъ одинъ изъ поденщиковъ армянъ, работавшихъ на пристани около барокъ, его такъ и захватила смерть за работой—онъ успѣлъ пробѣжать, спасаясь отъ преслѣдователей, всего какую-нибудь сотню шаговъ. Что такое, что такое?—спрашивали мы, ошеломленные видѣнною сценой. Намъ отвѣчали второпяхъ: турки бьютъ армянъ!

Всѣ устремились къ борту парохода, откуда можно было видѣть слѣдующую сцену. Какъ разъ противъ того мѣста набережной, гдѣ присталъ нашъ пароходъ, находилось огромное старое почернѣвшее зданіе, складъ угля, а за нимъ въ переулкѣ, удалявшемся вглубь отъ набережной, но такъ, что можно было все хорошо видѣть, другое такое же зданіе, въ которомъ жили рабочіе армяне, по большей части пришельцы изъ различныхъ мѣстъ, занимавшіеся поденной работой на пристани: нагрузкой барокъ и пароходовъ, переноской вещей и пр. Многіе изъ нихъ работали въ это время на пристани, другіе, вѣроятно, узнавъ о грозившей опасности, укрылись въ домѣ, къ которому и направилась толпа турокъ, вооруженныхъ палками и саблями. Нѣсколько армянъ, работавшихъ на пристани, были убиты ими мгновенно, наповалъ, нѣсколькими ударами палокъ по головѣ; перескочивъ черезъ ихъ трупы, оставивъ ихъ валяться на пристани, преслѣдователи бросились къ дому рабочихъ: передовые вбѣгали по лѣстницѣ, влѣзали въ окна, остальная же толпа стояла внизу, ожидая добычи, которую бросятъ ей на растерзаніе; на минуту крики затихли, слышался только какой-то вой; вотъ показались изъ оконъ турки, волочившіе за собой армянъ, найденныхъ ими въ домѣ; трудно было рѣшить, были ли тѣ уже убитые, или избитые до полусмерти, или потерявшіе сознаніе отъ страха. Ихъ бросили въ толпу, которая добивала ихъ, волокла по улицѣ, топтала въ пыли; зрѣлище было до такой степени отвратительное, ужасное, что невозможно было смотрѣть.

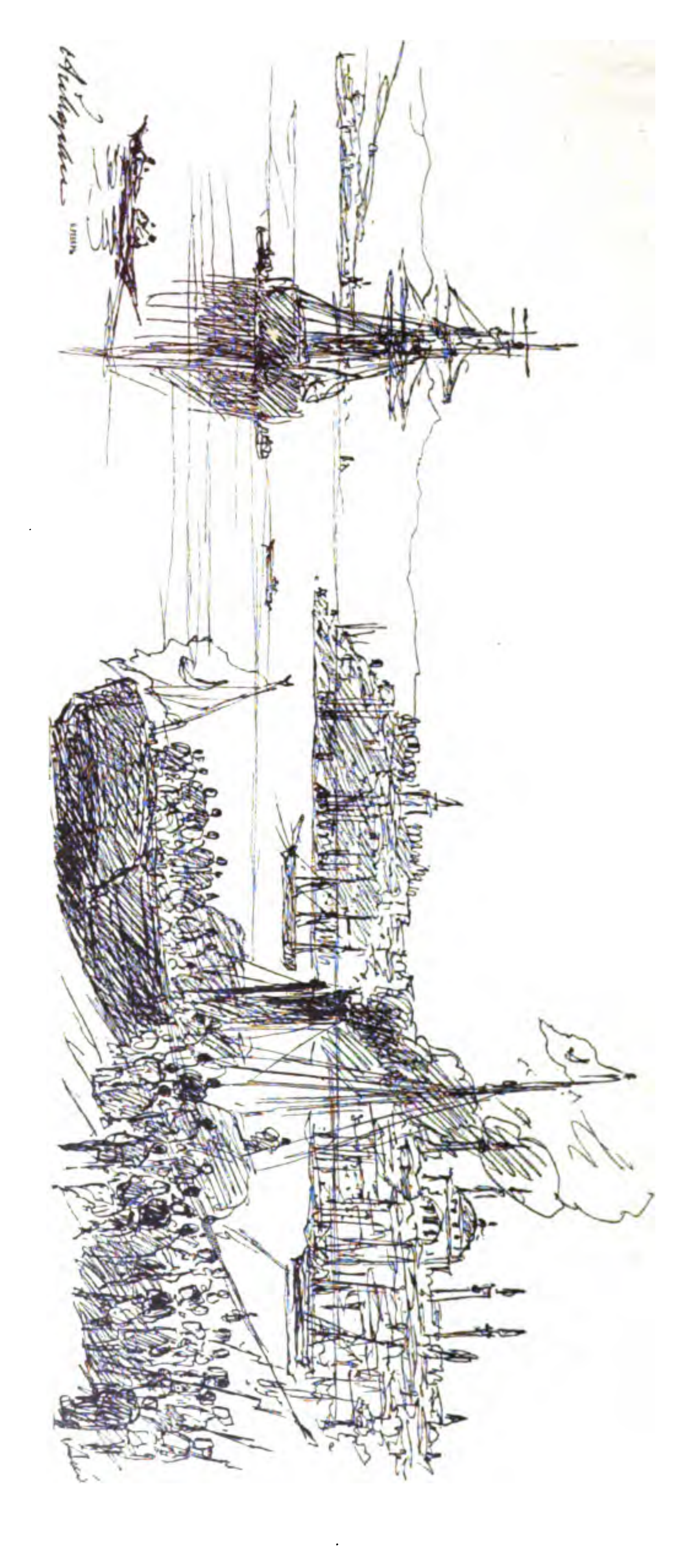
Хотѣлось бѣжать отъ него куда-нибудь, но вмѣстѣ съ тѣмъ и уйти отъ него было невозможно, такъ какъ ужасъ положительно леденилъ кровь и что-то заставляло слѣдить за несчастными жертвами съ какой-то надеждой... не спасутся ли они чудомъ? Вотъ одинъ изъ нихъ—поденщикъ въ синей заплатанной рубахѣ, повязанный бѣлымъ платкомъ на головѣ, бѣжитъ по улицѣ: одинъ разъ мелькнуло передъ нами его смертно-блѣдное лицо, его настигли, сшибли съ ногъ: уже по его неподвижной позѣ видно, что въ немъ нѣтъ больше признаковъ жизни,—онъ лежитъ поперекъ улицы, лицомъ вверхъ, съ распростертыми руками. Проходящій мимо турокъ ударилъ его, мертваго, ногой прямо въ лицо, а другой полоснулъ по немъ саблей. Все это произошло необыкновенно быстро; не было слышно ни одного крика, ни одного вопля умиравшихъ: ихъ валили, какъ снопы, одинъ за другимъ грудами. Когда мы немного опомнились, изъ переулка уже выѣхала огромная телѣга, верхомъ нагруженная тѣлами убитыхъ; нѣкоторыя изъ нихъ, казалось, шевелились...

Телѣгу сопровождало нѣсколько полицейскихъ, важно выступавшихъ по обѣимъ сторонамъ: полиція въ этотъ день, какъ мы замѣтили, появлялась на сценѣ лишь каждый разъ, когда производилась очистка улицъ отъ труповъ послѣ

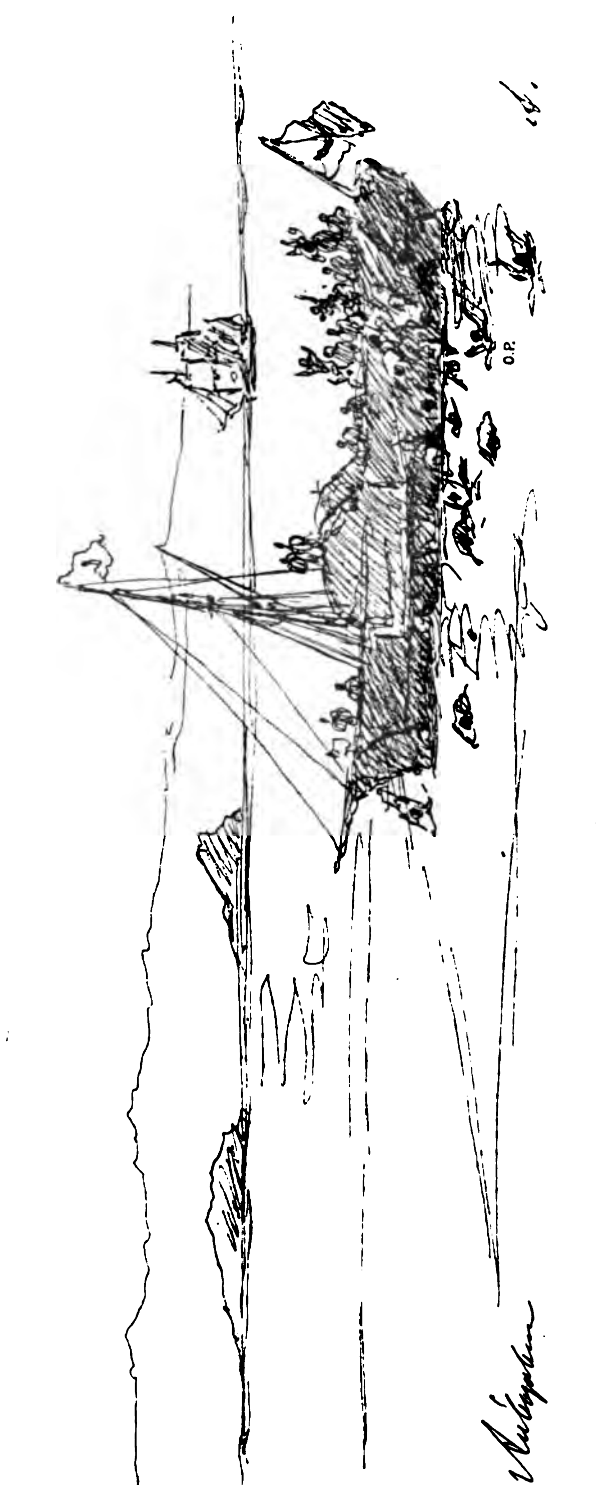
побоища. Переулокъ опустѣлъ. Толпа устремилась дальше въ глубь, и намъ не стало уже видно ея. Передъ домомъ рабочихъ, гдѣ только-что происходила страшная сцена, бродило нѣсколько собакъ; на нѣсколько минутъ водворилось молчаніе, и никого не было видно. Вдали раздавались выстрѣлы и страшный лай собакъ; мимо насъ по набережной провезли еше три фуры мертвыхъ тѣлъ, наваленныхъ безпорядочно, не прикрытыхъ. Судя по одеждѣ, это все были рабочіе бѣдняки (такъ какъ это былъ именно кварталъ, гдѣ жили армяне-рабочіе). Немного спустя, въ переулкѣ, который мы могли наблюдать, около все того же дома рабочихъ, снова стала понемногу собираться толпа турокъ; они входили въ двери, влѣзали въ окна и появлялись снова на улицѣ, нагруженные различнымъ домашнимъ скарбомъ: тюфяками, одеждой, жалкой мебелью, однимъ словомъ, все жалкое имущество бѣдняка-поденщика, только-что убитаго, тащилось убійцами. Этотъ отвратительный грабежъ среди бѣлаго дня, у всѣхъ на глазахъ, продолжался весь день. Когда было разграблено все имущество, стали выламывать оконныя рамы, двери, награбленное добро тащили въ разныя стороны, большею частью въ пивную, находившуюся какъ разъ противъ нашего парохода, и тутъ устраивалась попойка. Развеселившаяся удачей компанія усаживалась за столиками на тротуарѣ передъ пивной, о чемъ-то (угадать не трудно о чемъ) съ жаромъ разговаривала; иные потирали руки, размахивали ими; потомъ вдругъ всѣ снялись съ мѣста и устремились въ одинъ изъ сосѣднихъ переулковъ, словно волки, почуявшіе добычу.

Мы провели весь день до вечера неподвижно на одномъ мѣстѣ, слѣдя съ парохода за ужасными, разыгравшимися передъ нами сценами убійства и грабежа. Мимо насъ провезли и еще нѣсколько фуръ мертвыхъ тѣлъ; тутъ же, передъ самымъ нашимъ пароходомъ, убили еще одного армянина, который выбѣжалъ изъ дома, намѣреваясь спастись въ лодкѣ, но его подстерегали уже, вѣроятно, и мигомъ покончили съ нимъ... Нѣкоторое время его трупъ пролежалъ на улицѣ, и проходившіе толкали и били его ногами; бдительная и аккуратная полиція, однако, не замедлила убрать его. Настал вечеръ; мракъ быстро сгустился надъ городомъ, огней почти нигдѣ не зажигали, наступила ночная тишина, нарушаемая лаемъ собакъ и выстрѣлами, раздававшимися въ различныхъ частяхъ города. Мимо по пристани проходили безпрестанно одна за другой шайки турокъ съ палками въ рукахъ, напоминавшія шакаловъ, выходившихъ на ночную охоту. Противъ нашего парохода, на бревнахъ усѣлись нѣсколько турокъ, которые, видимо, расположились здѣсь прочно на всю ночь; не трудно было угадать ихъ намѣренія: они выслѣживали добычу, которую чуяли на пароходѣ; дѣйствительно, на нашемъ пароходѣ удалось укрыться нѣсколькимъ армянамъ, которыхъ французы приняли, успокоили и обѣщали безплатно провести изъ Константинополя до одного изъ греческихъ портовъ.

Можно себѣ представить, въ какомъ состояніи находились ихъ семьи въ городѣ; не зная, что они нашли себѣ убѣжище, они, конечно, считали ихъ погибшими. Удостовѣриться въ смерти пропавшихъ не было никому изъ родственниковъ никакой возможности, тѣла, которыя, какъ мы видѣли, возили въ фурахъ, сваливали потомъ въ баркасы и *безъ счета топили* въ томъ мѣстѣ, гдѣ при входѣ изъ Босфора въ Мраморное море существуетъ довольно сильное теченіе.



Нагрузка пассажировъ. (Оригин. рис. **Айвазовскаго**).



Выгрузка пассажировъ. (Оригин. рис.) **Айвазовскаго.**

Говорили, что такихъ тяжело нагруженныхъ баркасовъ съ тѣлами убитыхъ было свалено въ теченіе ночи въ море 42. «Истиннаго же числа жертвъ даже приблизительно никто никогда не будетъ знать», замѣтилъ кто-то.

Страшно тяжелая, тревожная, гнетущая была эта ночь; все время на палубѣ велись тихіе разговоры о случившемся, а на берегу смотрѣли устремленные на насъ жадно глаза турокъ, ожидавшихъ добычи, выли собаки, а внизу къ спуску съ парохода на берегъ нѣсколько разъ подходили турки и плескались подолгу, усѣвшись на мостики; при одномъ изъ выходовъ луны изъ-за тучъ мы разглядѣли, что они отмывали у себя на тѣлѣ кровь.

Съ восходомъ солнца снова пошло то же самое; вѣроятно, не прекращавшіяся и ночью звѣрства, которыя прикрылъ на нѣкоторое время мракъ, опять стали видны повсюду. Утромъ нѣсколько моряковъ отправились въ городъ и принесли извѣстія, что всѣ рѣшительно армянскіе магазины и лавки разграблены, что число убитыхъ особенно велико въ Стамбулѣ, гдѣ даже вывозить трупы не успѣваютъ, и что сегодня побоище грозитъ принять еще большіе размѣры... Въ переулкѣ, противъ нашего парохода, гдѣ вчера мы наблюдали описанную выше сцену, предъ тѣмъ самымъ домомъ снова собралась толпа. Они провѣдали, что въ домѣ укрылось еще нѣсколько армянъ, и отправились на розыски ихъ. Прошло нѣсколько мучительныхъ минутъ неизвѣстности: найдутъ ихъ или нѣтъ? Толпа, ожидавшая на улицѣ, не могла дольше ждать; еще многіе полѣзли брать домъ словно приступомъ; остальные образовали плотно сомкнутую стѣну поперекъ улицы, чтобы не дать убѣжать ни одному армянину, котораго найдутъ въ домѣ. Немного погодя, изъ оконъ и на какомъ-то выступѣ дома показалось нѣсколько турокъ, которые волочили новыя жертвы...

Я больше не видѣла, что потомъ произошло... Говорятъ, ихъ бросали на мостовую внизъ головой: наваливъ ими телѣгу, ихъ увезли. А толпа снова раздѣлилась: однихъ увлекъ дальше разыгравшійся инстинктъ кровожадности, у другихъ взяла верхъ жадность,—они остались и долго еще продолжался грабежъ... Мимо по набережной ѣхали кареты, открытые экипажи, въ которыхъ сидѣли, судя по одеждѣ, видныя лица города; прохаживалась полиція, небольшіе отряды—человѣкъ по 10 солдатъ; жизнь шла своимъ порядкомъ; никто какъ бы не хотѣлъ обращать вниманія на происходившіе у всѣхъ на глазахъ убійство и грабежъ. И что особенно производило странное впечатлѣніе, такъ это то, что тутъ же, въ виду этого повальнаго истребленія людей, стояли вдоль берега и дальше въ проливѣ громадныя суда—представители всѣхъ европейскихъ державъ. Вся эта рѣзня не производила бы, кажется, такого вдвойнѣ ужаснаго впечатлѣнія гдѣ-нибудь въ глуши, въ какомъ-нибудь захолустномъ турецкомъ городишкѣ, но не здѣсь, въ столицѣ, въ присутствіи всѣхъ властей, мѣстныхъ и иностранныхъ. Это не была стычка, война, подавленіе возстанія, а просто какое-то отвратительное, повальное, массовое убійство, *охота на человѣка*; по крайней мѣрѣ, такой видъ имѣло избіеніе въ той части города, которую мы могли наблюдать; но отъ другихъ приходилось слышать, что и тамъ было то же самое.

На другой день (въ четвергъ) пришлось видѣть (слава Богу, хотя издалека) еще болѣе раздирающія сцены: спасавшихся въ безумномъ страхѣ на крышѣ армянъ настигли и тамъ преслѣдователи бросали ихъ съ высоты 3-хъ, 4-хъ

этажныхъ домовъ, на виду у ихъ женъ, дѣтей. Женщинъ и дѣтей не трогали, правда, но ихъ, во всякомъ случаѣ, послѣ смерти отцовъ, братьевъ, мужей ожидала нищета, а можетъ быть и голодная смерть.

Нашъ пароходъ, по распоряженію французскаго агентства, долженъ былъ остаться на неопредѣленное время въ Константинополѣ, чтобы предоставлять убѣжище французамъ, жителямъ Константинополя.

Намъ посовѣтовали продолжать путешествіе на другомъ пароходѣ (Gironde), что мы и сдѣлали. Когда мы ходили туда наводить справки, примутъ ли насъ, было 2 часа дня; какъ разъ въ это время толпы убійцъ направлялись снова къ пристани. Заслышавъ выстрѣлы, служащіе на пароходѣ посовѣтовали намъ итти какъ можно скорѣе, чтобъ избѣжать опасности, такъ какъ толпа приближалась быстро. Пока мы прошли разстояніе отъ одного парохода до другого по пристани, слыша тревожные совѣты французовъ: скорѣй, скорѣй! и раздававшіеся за нами все громче и громче выстрѣлы и вой толпы, я поняла отчасти и еще живѣе представила себѣ весь ужасъ этихъ убійствъ; ощутила, такъ сказать, ихъ реальность, тогда какъ раньше, видя все это съ парохода, я не вѣрила своимъ глазамъ: нѣсколько разъ казалось, что это какое-то жестокое театральное представленіе, сильно дѣйствующее на нервы, а не живая дѣйствительность; не вѣрилось, что все, что мы видѣли, происходило дѣйствительно на нашихъ глазахъ наканунѣ XX-го столѣтія, что мы не перенесены въ какомъ-то снѣ далеко назадъ, въ средніе вѣка.

Ольга Кайданова.

Добавленіе.

А вотъ что сообщалъ съ Босфора корреспондентъ *Новаго Времени осенью 1896 г.*

«Вечерѣетъ, солнце только-что зашло и еще золотитъ верхушки минаретовъ... На казенной пристани, въ Босфорѣ, какая-то толпа; слышенъ стукъ оружія, лязгъ оковъ, сдержанный говоръ, командныя слова. Между двухъ рядовъ низама, конвоируемые полицейскими, по одному и по два переходятъ арестанты съ пристани на маленькій военный пароходъ. Нагрузка живого груза идетъ быстро, хотя, на первый взглядъ, движенія кажутся вялыми, походка—медленною; но это только на первый взглядъ, въ сущности же вся эта работа дѣлается живо, безъ пререканій, безъ недоразумѣній, въ полномъ порядкѣ. Начальникъ выкликаетъ имена; Ахметы и Фуады, не откликаясь, молча, съ апатичными лицами, занимаютъ свои мѣста въ шествіи, и постепенно пристань освобождается отъ арестантовъ, а трюмъ и палуба парохода наполняются ими. Тутъ и армяне, и курды, и турки, большею частью молодежь, особенно среди турокъ много молодыхъ лицъ, частью скованныхъ по рукамъ и по ногамъ, частью оставленныхъ на свободѣ. Это — выселяемые «неспокойные» элементы константинопольскаго населенія. Армяне, по словамъ турецкихъ полицейскихъ, подозрѣваются въ «несочувствіи» турецкому режиму, и подозрѣваются довольно основательно, такъ какъ «сочувствующихъ» этому режиму между армянами трудно

найти; курды, конечно, рѣзали и били, но выселяются не поэтому, а потому что въ Ильдизъ-кіоскѣ боятся, какъ бы они отъ упражненій надъ «райей» не перешли къ упражненіямъ надъ правовѣрными; турки или, вѣрнѣе, младо-турки выселяются не за то, что били или рѣзали, а за «опасныя мечтанія», которыя зароились въ ихъ правовѣрныхъ головахъ. Поклонникамъ Магомета разрѣшается мечтать лишь о посмертныхъ наслажденіяхъ съ гуріями, эти же заблудшія овцы нарушили завѣтъ пассивной покорности фатуму и отъ невѣрныхъ гяуровъ заразились мечтаніями о переустройствѣ своего земного существованія. И вотъ ихъ сбили тутъ въ одно стадо: курдовъ, армянъ, младо-турокъ и нагружаютъ на пароходъ, который долженъ развести ихъ по мѣстамъ «не столь» «и болѣе» отдаленнымъ.

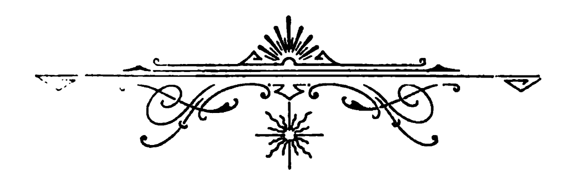
«И тутъ-то, на пристани и на пароходѣ, восточный фатализмъ снова восторжествовалъ и надъ озвѣреніемъ курдовъ, и надъ страданіями христіанъ, и надъ фрондерствомъ оевропеившихся младо-турокъ. Ни одного протеста, ни одной жалобы не раздается изъ толпы высылаемыхъ; равнодушно и покорно повинуются они командным словамъ и съ тупою безсознательностью слѣдуетъ это стадо за своими вожаками.

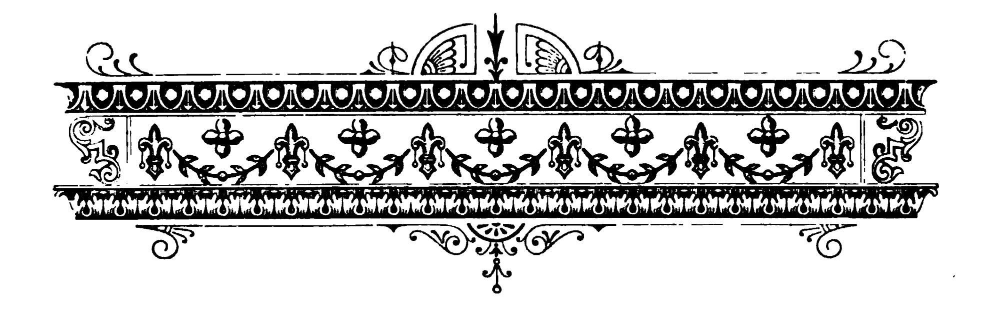
«Сумерки сгустились, настала ночь; на пароходѣ и на пристани зажгли фонари. Нагрузка окончена. Послѣдними заняли мѣста конвойные солдаты, столь же равнодушные и съ тѣмъ же тупымъ выраженіемъ лицъ, какъ и высылаемые. Невольно приходитъ на мысль, что ихъ нисколько не удивитъ, если завтра же имъ придется занять мѣсто конвоируемыхъ арестантовъ. Капитанъ скомандовалъ, пароходъ двинулся въ путь и скоро скрылся въ ночной тьмѣ, направляясь къ Мраморному морю.

«Утромъ, когда опять сіяло солнце во всей своей красотѣ и лучезарно сверкали волны Босфора у подножія мраморныхъ дворцовъ, маленькій военный пароходъ опять стоялъ у пристани, очищаясь послѣ ночного рейса и готовясь къ нагрузкѣ новаго стада. «А гдѣ же высылавшіеся?» освѣдомился я. *Они доставлены по назначенію*,—отвѣчали мнѣ.

Потомъ разсказывали, что ночью на Мраморномъ морѣ на проходившихъ судахъ слышали какіе-то крики, стоны, вопли...

«Не знаю, насколько во всемъ правды, но фактъ тотъ, что европейцы въ Константинополѣ теперь *не ѣдятъ рыбы*. И мнѣ босфорская рыба противна: она слишкомъ жирна».





Августовскія убійства въ Константинополѣ.

(1896 г.).

Виктора Берара [1]).

I.

Въ глубинѣ Золотого Рога, какъ разъ противъ кипарисовъ и священной мечети Эюба, расположилось Хасъ-Кёй, предмѣстье Константинополя, преимущественно заселенное армянскими семьями. Въ Хасъ-Кёй не было никакихъ памятниковъ, а потому оно и не посѣщалось туристами. Расположенное на одномъ берегу съ Галатой и Перой, оно отдѣлялось отъ нихъ арсеналами Теръ-Ханэ и было почти неизвѣстно европейцамъ. Хасъ-Кёй, впрочемъ, ничѣмъ не отличался отъ другихъ чисто турецкихъ кварталовъ. Это были тѣ же покатые переулки, какъ и въ Стамбулѣ, тѣ же деревянные домишки, тотъ же видъ общаго упадка и временныхъ построекъ, то же отсутствіе шума и движенія. Только по утрамъ группы мужчинъ и мальчиковъ спускались къ лодкамъ, чтобы доѣхать до Большого Моста или пересѣчь Золотой Рогъ. Они направлялись къ лавкамъ базара. Покончивъ свой день, они возвращались вечеромъ. Это были ремесленники, портные и башмачники, пробивавшіеся изо дня въ день и не обладавшіе ничѣмъ, кромѣ четырехъ деревянныхъ стѣнъ, да небольшого количества мебели ихъ чисто-восточныхъ хижинъ. Въ Хасъ-Кёй не было выставленнаго на видъ великолѣпія, какъ у грековъ Фанары или капиталистовъ Перы; не было эксплоатаціи сосѣда подозрительными ремеслами и стряпней денегъ; не было также и политическихъ споровъ: они жили далеко отъ патріархата и Кумъ-Капу, центра армянской націи. Многіе приняли къ себѣ женъ, дочерей и дѣтей, спасшихся отъ избіенія въ Малой Азіи при убійствахъ. Они знали, какая участь ожидала ихъ при первомъ признакѣ неудовольствія. Они жили въ тиши, на концѣ города, гранича съ полями и кладбищами, и, довольствуясь тѣмъ, что живы, старались, чтобъ о нихъ позабыли.

[1]) Изъ книги: La politique du sultan. Paris, 1897.

«Отправляйтесь въ Хасъ-Кёй, — говорили мнѣ. — Сейчасъ мы не можемъ вамъ предложить никакой рѣзни: не хватаетъ армянъ. Но возвращайтесь слѣдующею весной: болгары примутъ тамъ участіе въ праздникѣ. А покуда, осмотрите Хасъ-Кёй».

Въ это утро, затуманенное октябремъ, мы высадились на берегъ въ портѣ Хасъ-Кёй. Насъ было трое французовъ. Передъ нами спустились стекольщики, нагруженные стеклами, и столяры со своими орудіями: на дебаркадерѣ ихъ ожидалъ и увелъ за собой полицейскій. За нами двигался *хамалъ* (носильщикъ), нагруженный одѣялами и шерстяными вещами, предшествуя драгоману французскаго посольства, который шелъ для поданія помощи армянскимъ священникамъ. У пристани носильщики и морскіе солдаты нагружали судно: хромыми столами, продавленными стульями, дверями, оконными рамами, ящиками изъ коммодовъ, разбитыми стеклами, коврами, испачканными большими черноватыми пятнами. «Это кровь», сказалъ одинъ изъ насъ, нащупывая запекшійся кусокъ волосъ и мозга. Носильщики и солдаты сваливали на судно эту безпорядочную кучу разломанной въ куски мебели; каждый день въ теченіе мѣсяца отправляется въ арсеналъ много такимъ образомъ нагруженныхъ барокъ...

Маленькія прибрежныя греческія кофейни со своими портретами короля Георга и королевы Ольги открыты, но пусты. Ничто не обезпокоило ни ихъ выставленной въ шеренгу посуды, ни ихъ блестящихъ мѣдныхъ кофейниковъ, ни паутины, которыя ткутъ ихъ пауки въ тѣни потолковъ. Въ бездѣйствіи, передъ своими боченками сардинокъ и оливъ, греческіе колоніальные торговцы проводятъ время въ чтеніи газетъ и въ поджариваніи на сковородѣ вонючей рыбы. Ничто не смутило ихъ политическихъ разговоровъ. Ни одинъ грекъ, ни одинъ греческій домъ, ни одна греческая витрина не были повреждены, и это кажется настоящимъ чудомъ въ этомъ портѣ Хасъ - Кёй, гдѣ лавки и дома грековъ и армянъ перемѣшивались между собою такъ, что ихъ нельзя было различить. Но во всѣхъ армянскихъ лавкахъ, отданныхъ на разграбленіе, теперь сбиты крыши. А впереди, въ разоренныхъ бесѣдкахъ, вокругъ подносовъ и чашекъ, расположились кружками и курятъ солдаты и полицейскіе. Насъ встрѣтилъ полковникъ, въ полной формѣ, съ совсѣмъ новымъ орденомъ коммандора на шеѣ.

Онъ далъ намъ въ проводники довѣреннаго человѣка съ приказаніемъ показать намъ въ подробностяхъ все, что сдѣлано для облегченія этихъ несчастныхъ.

Черезъ пустынныя улицы, окаймленныя запертыми домами со вновь вставленными стеклами въ окнахъ, этотъ человѣкъ провелъ насъ въ церковь, о существованіи которой нельзя было догадаться за высокой стѣной. Надо было долго стучаться въ дверь, окованную желѣзомъ. Церковь, построенная на выстланной плитами террасѣ, довольно велика, но безъ колокольни и безъ фасада, внутри же никакой роскоши, ни одной позолоты, ни одной рамы. Это церковь какой - нибудь очень бѣдной общины, такая, какую можно видѣть въ нашихъ горныхъ приходахъ, чистенькая, съ еловымъ поломъ и еловыми скамейками, съ выбѣленными известкой стѣнами и деревяннымъ разрисованнымъ алтаремъ. Армяне этого квартала были все мелкіе ремесленники и церковь у нихъ была бѣд-

ная. Отсюда можно было прочитать еще на одной двери написанныя подъ двумя строчками на армянскомъ языкѣ слѣдующія слова по-французски: Ceci est un cordonnier [1]).

Армянскій хамалъ (носильщикъ) изъ Галаты.

* * *

На раздачу одѣялъ прибѣжали женщины. Въ комнатѣ священника сидѣло отъ десяти до двадцати человѣкъ—все что осталось изъ мужского армянскаго

[1]) Это башмачникъ.

населенія въ этомъ кварталѣ изъ пятисотъ семействъ. Они избѣжали общей рѣзни. Тотъ работалъ въ одномъ европейскомъ домѣ Перы и его оставили тамъ въ теченіе трехъ дней, другой отправился въ Кади-Кёй и былъ спрятанъ мусульманами-албанцами.

— А ты?

— Я пошелъ въ Стамбулъ, чтобъ отнести башмаки, которые я докончилъ; я башмачникъ. Это было наканунѣ Успеньева дня (26 — 14 августа), и я былъ въ надеждѣ, что мнѣ заплатятъ. Я возвращался съ деньгами. Насъ было трое армянъ въ одномъ кайкѣ и трое гребцовъ—турокъ. Турки сказали намъ: «Не ходите сегодня домой; вотъ ужъ съ часъ времени, какъ въ Хасъ-Кёй рѣжутъ». Тогда мы попросили ихъ свезти насъ въ Эюбъ...

Эюбъ, мусульманскій кварталъ на другомъ берегу Золотаго Рога, слыветъ въ Константинополѣ за центръ фанатизма. Въ его мечети недоступной для *гяуровъ*, хранится мечъ Пророка, который каждый новый султанъ опоясываетъ при своемъ вступленіи на престолъ. А потому намъ показалась странною мысль, которая пришла этимъ армянамъ выбрать себѣ подобное убѣжище во время избіенія. Но армянинъ продолжалъ:

— Мы отправились въ Эюбъ къ Фэми-пашѣ. Это очень благочестивый старикъ, котораго Султанъ не любитъ и который хочетъ окончить свои дни въ Эюбѣ, чтобы быть похороненнымъ около мечети. Цѣлый годъ Феми говорилъ армянамъ,—потому что вотъ уже годъ, какъ всѣ знаютъ, что насъ будутъ убивать:—«Приходите ко мнѣ спасаться». Вотъ мы и укрылись въ его домѣ. Но домъ былъ малъ и уже полонъ. Онъ провелъ насъ въ мечеть и сказалъ священнику: «Возьми этихъ людей и спаси ихъ». Священникъ ввелъ насъ во дворъ. Насъ было больше ста. Намъ принесли рогожъ и кувшины, и мы оставались тутъ четыре дня; каждый день утромъ и вечеромъ турки квартала приносили намъ ѣсть. На второй день пришли убійцы вмѣстѣ съ солдатами и полицейскими. Они хотѣли проникнуть во дворъ и говорили: «Повелитель позволилъ убивать армянъ». Священникъ, стоя у дверей, отвѣчалъ: «Я не знаю, что вамъ позволилъ повелитель Но Пророкъ, который приказываетъ убивать идолопоклонниковъ, воспрещаетъ убивать народовъ Книги. Это—христіане, и вы не будете ихъ убивать», и софты и другіе священники не пропускали ихъ. Но ихъ было безчисленное количество, и тѣ, что были позади, подняли дубины, кричали и толкали другихъ. Тогда одинъ полицейскій въ формѣ, впереди другихъ, крикнулъ имъ: «Яссакъ! Яссакъ! Воспрещается! Воспрещается!»—и они удалились, и даже не стали разорять армянскихъ лавокъ попадавшихся имъ на дорогѣ...»

Покончивъ съ раздачей одѣялъ, драгоманъ посольства возвратился къ намъ. „Я зналъ всѣхъ здѣсь. Еще въ 1895 г., послѣ стамбульскихъ убійствъ, въ этой церкви скрылось сто шестьдесятъ человѣкъ, которые не хотѣли выходить отсюда. Посольство отправило меня для переговоровъ съ ними: каждое посольство взяло на себя по одному армянскому кварталу. Мнѣ удалось ихъ разувѣрить; но они умоляли меня удалить изъ Хасъ-Кей двухъ мусульманскихъ мясниковъ и чиновника, ведущаго отчетность въ арсеналѣ, которые устроились какъ бы тѣснымъ кружкомъ для избіенія и угрожали имъ смертью. Несмотря на наши представленія, эти бандиты не были потревожены. И теперь, какъ только убійцы появились, за рабо-

той не стало дѣла; армянскія двери были помѣчены мѣломъ; я могу вамъ показать турецкія надписи, онѣ всѣ сдѣланы одной рукою. Они пріѣхали на лодкѣ въ среду 26-го августа, около пяти часовъ вечера, и всю ночь, и весь слѣдующій день, въ продолженіе тридцати часовъ, была работа. Первыхъ же армянъ найденныхъ въ городѣ привели къ мясникамъ. А такъ какъ они отбивались, то имъ отрубили обѣ руки на мясномъ полкѣ и мясникъ кричалъ: „Продаются свиныя ноги“. Потомъ ихъ убивали по способу принятому этой хорошо организованной экзекуціей. У бандъ не было другаго оружія, кромѣ дубинъ, *сопасъ* (sopas), но всѣ онѣ были одинаковой формы и длины: полагаютъ, что онѣ были изготовлены спеціально для этого употребленія въ морскихъ мастерскихъ, и извѣстно, что за много дней прежде онѣ были розданы по различнымъ полицейскимъ постамъ, въ виду того, что власти были предупреждены и ожидали возстанія со стороны армянскихъ революціонеровъ... Итакъ *сападжи* бросали армянина на колѣни или ничкомъ и колотили его по головѣ до тѣхъ поръ, пока она не обращалась въ кашу или вовсе отваливалась отъ туловища. Полиція оцѣпляла кварталъ и сгоняла обратно бѣглецовъ. Они дѣйствовали въ порядкѣ, не торопясь, переходя отъ дома къ дому:— ни одно армянское жилье не было забыто;—можно сказать безъ всякой ошибки: ни одинъ греческій домъ не подвергся нападенію;—безъ преувеличенія:—приказъ касался только мущинъ, и ни одна женщина не подверглась даже насилію—короче, они поступали совсѣмъ какъ добросовѣстные и послушные работники. Все разрушали. Все ломали палками. И такое-же стараніе прикладывали къ тому, чтобы обратить человѣческія головы въ мѣсиво для собакъ, приходившихъ напиться къ ручьямъ крови посреди разбитой въ прахъ мебели; потребовалось тридцать часовъ этимъ шестидесяти или осьмидесяти работникамъ“.

Мы поднимаемся по переулкамъ Хасъ-Кей. У домовъ, прежде всего, поправлены двери, окна и стекла. Но едва-ли одинъ изъ десяти домовъ обитаемъ, да и то лишь молодыми женщинами, которыя, наклоняясь изъ верхнихъ этажей, какъ будто-бы ожидаютъ раздачи припасовъ. Послѣ разгрома имъ давало пропитаніе французское посольство: корреспондентъ *Тетръ*, освѣдомленный однимъ изъ бѣглецовъ, пришелъ на мѣсто и объятый ужасомъ и жалостью побѣжалъ въ посольство.

Молодыя женщины, по прибытіи бандъ, спасались въ деревню или прятались по погребамъ, опасаясь въ особенности солдатъ и ихъ обычныхъ вольностей. Но старухи цѣплялись за своихъ мужей, за своихъ сыновей и, повиснувъ на нихъ, тащились за ними. Онѣ все видѣли, и ими овладѣло безуміе. Посреди улицъ, на камняхъ, валяясь, онѣ царапаютъ ногтями песокъ, набиваютъ себѣ землею ротъ и волосы и воютъ словно дикія: „Аманъ, аманъ, Челеби! Сжалься, сжалься, господинъ“, или, молчаливо, съ безсмысленными жестами покачиваютъ головой и туловищемъ.

По мѣрѣ того какъ мы поднимаемся, запустѣніе увеличивается. Нѣтъ больше женщинъ у оконъ безъ занавѣсокъ. Нѣтъ обитаемой хижины. Собаки, и тѣ, въ поискахъ за пищей, покинули верхній кварталъ. Коза и двое ея козлятъ, переходящіе съ блеяніемъ отъ двери къ двери, вотъ единственная наша встрѣча. Здѣсь слѣды сохранились болѣе явственно. Улицы усыпаны битымъ стекломъ и жестью. Стекла еще не вставлены. На дверяхъ, несмотря на очевидное со-

скабливаніе, сохранились надписи, о которыхъ говорилъ драгоманъ изъ посольства. Одна изъ нихъ была даже нетронута; можно было прочитать написанное прекраснымъ турецкимъ почеркомъ мѣломъ: „здѣсь, Агопъ, Армянинъ". Написано очень искусно. Въ прошломъ году армяне подали доносъ на чиновника, ведущаго отчетность въ арсеналѣ какъ на секретаря мусульманскихъ мясниковъ.

Вотъ и послѣдній домъ въ концѣ квартала, близъ кладбища: деревянная одноэтажная хижинка, похожая на всѣ другія, тлкъ какъ всѣ онѣ построены по одному и тому-же плану. Внизу три маленькія комнатки, а въ нихъ деревянные мостки, покрытые ковромъ и служащіе постелью или диваномъ. Еще ниже, въ подземельѣ маленькая кухня безъ печи, съ двумя жаровнями. Наверху еще три небольшія голыя комнаты. Все это бѣлое деревянное, стѣны, потолки и лѣстницы—еловые, едва выструганные. Полъ исчезаетъ подъ слоемъ всякихъ остатковъ, изодранной бумаги, разбитаго въ дребезги стекла, разрубленной жести, изорванныхъ въ мелкіе куски матерій и ковровъ. Послѣ убійцъ сюда нагрянули банды евреевъ изъ Балты и стамбульской черни, и, перевернувъ и изгрязнивъ эти лохмотья, унесли съ собой все сколько-нибудь цѣнное. Съ кухонныхъ водоемовъ были сорваны мѣдные краны, сорваны мѣдные шишки у дверныхъ ручекъ и дверей и мѣдныя рамки копѣечныхъ зеркалъ. Только по шкафамъ и въ спальняхъ на полкахъ еще остаются тщательно разостланные листы газетъ, на которые заботливая хозяйка складывала свое бѣлье и выравнивала фрукты, а газеты эти—*Mode illustrée, les Annales politiques et littéraires* и англійскій *Globe*. Эти армяне вели очень простую жизнь. У наиболѣе богатыхъ, которыхъ было очень мало, имѣлись маленькія желѣзныя кровати; у другихъ же служили постелью ковры съ диваномъ. Но по вечерамъ, когда ночь спускалась на сосѣднія кладбища, здѣсь предавались мечтамъ о Европѣ и цивилизаціи; здѣсь, какъ и въ нашихъ маленькихъ провинціальныхъ семьяхъ, читали *les Annales* и *la Mode illustrée.*

Посѣтивъ кладбище, все взбугренное свѣжими могилами,—(какое количество могло быть погребено здѣсь, впопыхахъ, втихомолку, и сколько сволокли за ноги и побросали въ Золотой Рогъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль никто въ Константинополѣ не ѣлъ рыбы),—мы снова спускаемся въ портъ. Ясное солнце играетъ въ осеннемъ туманѣ, а тамъ, посреди кипарисовъ, смѣется и плещетъ Золотой Рогъ. И въ Хасъ-Кёй снова наступаетъ тишина, нарушенная, было, на минуту нашими шагами. Лишь изъ нижняго этажа одного дома, гдѣ помѣщается школа, доносится визгъ ребятишекъ. Это вернулись въ классъ маленькія дѣвочки—надо же когда-нибудь снова приниматься за жизнь — вернулись, и громко повторяютъ хоромъ, какъ это принято на Востокѣ, фразу прочитанную имъ вслухъ учительницей. Учительница читаетъ по-французски, и дѣвочки повторяютъ за нею, скандуя слова: *Cher petit oreiller, doux et chaud sous ma tête.*

Учитесь французскому языку, маленькія армянки! Ваши отцы тоже учились ему; когда дѣйствительность имъ казалась слишкомъ жестокой, они обращали взоры на Францію, а мы безъ одного слова, безъ одного жеста сожалѣнія дали умертвить вашихъ отцовъ.

II.

Въ продолженіе трехъ дней (26—28 августа 1896 г.) Константинополь былъ свидѣтелемъ этого набѣга на армянъ, и теперь о немъ говорятъ какъ объ обыкновенномъ зрѣлищѣ, которое безъ сомнѣнія будетъ возобновляться. Въ первые же часы моего пребыванія тамъ, я слышалъ двадцать разсказовъ отъ очевидцевъ. Но прежде чѣмъ допустить что-бы то ни было, я долженъ сказать, что у меня есть свидѣтельство, которымъ я дорожу.

Въ 1890 г., во время моей поѣздки черезъ Албанію, я посѣщалъ многихъ мусульманскихъ беевъ этой страны. Два мѣсяца, отъ Превезы до Скутари, они давали мнѣ пріютъ подъ своею крышей и служили мнѣ провожатыми. Эти мусульмане безъ фанатизма были увлечены тогда патріотическою преданностью—что въ Турціи рѣдкость—турецкимъ интересамъ: образовали лигу и помѣшали расчлененію имперіи и раздѣлу Албаніи между Греціей, Сербіей и Черногоріей. И ихъ преданность особѣ султана Абдулъ-Хамида была очень искренняя, такъ какъ они были сильно заинтересованы въ его щедрой раздачѣ имъ льготъ у себя дома и должностей въ остальной имперіи. Сношенія между нами сохранились. Но милость или недовѣріе государя сдѣлали то, что ихъ большею частью призвали въ Константинополь, дали имъ оклады прибыльныхъ синекуръ и вотъ уже пять лѣтъ правильно оплачивали ихъ изъ фондовъ двора.

Въ нихъ-то я надѣялся найти правдивыхъ свидѣтелей. Послѣ многихъ изворотовъ, чтобъ отстранить отъ нихъ возможность доноса, (такъ какъ въ этой кроткой странѣ всякое совѣщаніе сходитъ за заговоръ),—а отъ меня возможную опасность, мы кончили тѣмъ, что собрались въ одномъ изъ ихъ домовъ въ Босфорѣ. Вотъ слово въ слово разсказъ одного изъ нихъ.

* * *

«Въ среду утромъ 26-го августа, такъ-же какъ и всегда, я сѣлъ въ Скутари, гдѣ я живу, въ лодку, и около половины перваго я высадился у большого Моста. Я отправился въ Галату на набережную къ одному христіанину, у котораго своя контора въ Алексіати-ханъ»...

Словомъ *ханъ* обозначаютъ большія зданія, обыкновенно четыреугольныя, съ четырьмя фасадами оконъ; внутри находится центральный дворъ, окруженный многими этажами галлерей; на эти галлереи выходятъ маленькія каморки, служащія конторой или магазиномъ. Каждый изъ этихъ хановъ изолированъ: доступъ туда даетъ единственная дверь.

«Высаживаясь, я услыхалъ ружейные выстрѣлы со стороны Перы, и мнѣ сказали, что въ Оттоманскомъ банкѣ бунтуютъ. Я былъ передъ галатскимъ полицейскимъ карауломъ. Солдаты впускали туда толпы плохо одѣтыхъ людей, которые уже съ недѣлю,—какъ я это замѣтилъ въ предыдущіе дни,—усаживались съ утра по краямъ троттуаровъ у входа на мостъ. Скоро эти люди вышли изъ полиціи съ палками и принялись нападать на армянскихъ хамаловъ (носильщиковъ). Они останавливали *хамала*, опрокидывали его ношу, на землю, укладывали его однимъ ударомъ дубины по затылку, *хамалъ* вскрикивалъ *«хи»* и они доканчивали его. Тѣхъ, кто хотѣлъ бѣжать, не пропускали солдаты. А кто

говорилъ: «Я турокъ»,—у того срывали штаны, и если онъ оказывался необрѣзаннымъ, его изувѣчивали, а потомъ убивали. Но били только армянъ. Съ ними были жиды и шпіоны, которые ихъ показывали. Съ каждаго убитаго армянина доносчики стаскивали сандаліи; имъ вѣроятно должны были заплатить съ пары, потому что они брали съ собой и такія, за которыя никто бы не далъ и одного *пара* (одинъ сантимъ).

«Когда я подошелъ къ группѣ, убивавшей одного старика, одинъ изъ полицейскихъ сказалъ мнѣ: «уходи прочь, тѣбѣ здѣсь нечего дѣлать» и немного толкнулъ меня. Я пошелъ по набережной къ Алексіади-ханъ. Я подошелъ къ нему какъ разъ въ тотъ моментъ, какъ запирали ворота. Внутри было человѣкъ съ сорокъ, все христіане, кромѣ одного турка изъ Аидика и меня, все европейцы или греки, кромѣ шести армянъ. Они заперли ворота и подкатили къ нимъ тюки съ хлопчатой бумагой и мѣшки. Мы услышали, какъ стучатся въ Миллетъ-ханъ, который находился по другую сторону улицы, и поднялись на террасу. Мы увидали, какъ толпа ворвалась въ Миллетъ-ханъ, выломавъ двери; а снаружи солдаты оберегали входъ. Извнутри слышны были удары и крики. Одинъ армянинъ, взошедъ на террасу, показывалъ намъ знаками, что тамъ отрубали головы. Онъ что-то говорилъ; но мы ничего не могли разобрать, по причинѣ ружейныхъ выстрѣловъ: солдаты на набережной стрѣляли въ деревянный домъ, что около Ліонскаго кредита.

«Мы должны были удалиться съ террасы, потому что стрѣляли также и въ насъ. Толпа же, покончивъ съ Миллетъ-ханомъ, стала стучаться въ наши ворота, а товарищи мои не хотѣли отворять. Это было чистое безуміе, потому что у нашего хана были окна въ нижпемъ этажѣ, и уже убійцы срывали съ нихъ рѣшетки желѣзными поперечинами. Поэтому я распорядился убрать тюки, преградившіе входъ, и закричалъ черезъ дверь по турецки: «Я сейчасъ отворю, я турокъ, я бей изъ X...» Мнѣ отвѣчали по-албански: «Отворяй, братъ», и прежде всего я увидалъ въ открытую дверь двухъ албанцевъ», двухъ *тюфекчи* султана»...

У султана, въ качествѣ его наиболѣе интимной стражи, есть небольшая группа, человѣкъ съ пятьдесятъ, стрѣлковъ, *тюфекчи*, набираемыхъ въ особенности изъ албанцевъ съ сѣвера, надзоръ за которыми порученъ нѣкому Тагиръ-пашѣ, когда-то бывшему садовникомъ при дворцѣ. «Эти два албанца не были облечены въ мундиры *тюфекчіевъ*, но были въ національномъ костюмѣ. Только у нихъ на поясѣ висѣли револьверы охраны, приклады которыхъ изготовлялись спеціально для *тюфекчи* серебряниками изъ Призренда. Я зналъ ихъ обоихъ: одинъ былъ изъ Дьяковы, а другой изъ Малихево. Они меня сейчасъ же узнали, и, чтобъ остановить напиравшую сзади толпу, поцѣловались со мной. Потомъ они спросили меня, есть ли у насъ армяне. Я отвѣчалъ, что далъ всѣмъ этимъ христіанамъ мое *беза* (честное слово, клятва защиты между албанцами). Тогда они раздвинули толпу убійцъ и дали намъ выйти. Но какъ только мы миновали дубины, намъ перегradили дорогу полиція и солдаты. Они хотѣли даже вернуть насъ въ ханъ, чтобъ умертвить насъ. Я долженъ былъ позвать албанцевъ, которые сказали съ сердцемъ: «Господинъ приказалъ убивать только армянъ, а это—албанцы». Но одинъ изъ доносчиковъ указалъ нашихъ армянъ,

и уже убійцы брали ихъ, когда албанцы выхватили свои револьверы и закричали: «у нихъ *беза* бея, и вы не убьете ихъ!» Потомъ они проводили насъ, четырехъ армянъ и меня, до Перы, и армяне бѣжали оттуда.

«Я отправился на ночь въ кварталъ Татаволы къ одному изъ моихъ друзей. Убійцы пришли туда въ тотъ же вечеръ; греки квартала не пустили ихъ и объявили, что будутъ защищать армянъ; убійцы ушли восвояси. Я не люблю грековъ; но тѣ, кто говоритъ про нихъ, что они, подобно евреямъ, помогали убійствамъ, лгутъ.

«Въ четвергъ утромъ я воротился въ ханъ съ тѣми изъ христіанъ, которые хотѣли добиться документовъ. Всѣ бюро были разграблены, тюки и мѣшки распотрошены, оконныя рѣшетки и перила галлерей сорваны, денежныя кассы выброшены на дворъ и взломаны, бумаги изорваны въ мелкіе клочки. Нетронутыми остались лишь одно бюро и одинъ подвалъ, на дверяхъ которыхъ не было никакого слѣда ударовъ, бюро и подвалъ, принадлежащій нѣмецкимъ желѣзнымъ дорогамъ Анатоліи. Проходя мимо двери, мы услыхали, что кто-то тихо позвалъ насъ: это былъ одинъ изъ шести армянъ. Я вспомнилъ, что дѣйствительно, наканунѣ, я вывелъ съ собой лишь четырехъ. Два другіе исчезли. Одинъ изъ нихъ, секретарь нѣмецкой компаніи, заперся въ бюро; онъ сказалъ намъ, что и другой долженъ быть гдѣ-нибудь въ подвалѣ, гдѣ мы въ самомъ дѣлѣ и нашли его сидѣвшимъ на корточкахъ въ боченкѣ изъ-подъ масла. Они слышали весь грабежъ. Передъ ихъ дверями стоялъ полицейскій, громко предупреждая рабочихъ и отгоняя ихъ отъ этой европейской собственности...

«Возвращаясь съ Большого моста, я видѣлъ, что все еще убивали, но армянъ почти уже не было больше: это орали и колотили банды въ ханахъ и переулкахъ Галаты. Носильщики стаскивали трупы за ноги и кидали ихъ въ Босфоръ, и теченіе тотчасъ же уносило ихъ въ Мраморное море. Другіе же сбрасывали мертвыхъ и раненыхъ въ маленькія телѣжки и опрастывали ихъ на кладбищѣ Шишли. И на всемъ протяженіи своего пути телѣжки эти, съ которыхъ свѣшивались болтающіяся руки и окрававленныя головы, поливали кровью большую улицу Перы. Ручей въ улицѣ Мальтійцевъ былъ изъ настоящей крови, по причинѣ стоящихъ близъ него трехъ армянскихъ лавокъ, въ которыхъ, по разсказамъ сосѣдей, было убито двадцать человѣкъ.

«Одинъ албанецъ изъ Загари свелъ меня въ домъ, стоящій по сосѣдству съ банкомъ, откуда видно было Галату и ея дома, пользующіеся плохой репутаціей. Женщины въ пеньюарахъ или въ рубашкахъ стояли на крышахъ вмѣстѣ съ солдатами и съ офицерами. И если кто-нибудь изъ армянъ пробовалъ скрыться черезъ террасы, эти женщины съ крикомъ указывали ихъ солдатамъ, и солдаты стрѣляли. Когда же армянинъ падалъ, онѣ цѣловали солдатъ и тутъ же, подъ открытымъ небомъ вознаграждали ихъ. На крышѣ банка были и европейцы: вотъ ихъ имена, ты можешь у нихъ спросить (Европейцы эти, изъ которыхъ одинъ былъ нѣмецъ, а другой французъ, подтвердили мнѣ этотъ разсказъ.)

«Въ четвергъ вечеромъ я хотѣлъ, было, вернуться домой въ Скутари. Но мои друзья изъ квартала Татавала боялись за свою жизнь, потому что наканунѣ они защищали армянъ. Они упросили меня остаться и на другой день свезти ихъ на острова Принцевъ. Итакъ, въ пятницу утромъ мы подъѣхали къ Боль-

шому мосту. У входа все еще стояли убійцы, а съ ними солдаты и полицейскіе. Но имъ уже не оставалось больше дѣла: они нагло осматривали всѣхъ отъѣзжающихъ. Мы сѣли на пароходъ, отправляющійся къ островамъ. На палубѣ сидѣло нѣсколько турецкихъ семей, по обыкновенію отправлявшихся провести пятницу въ Grand-Hôtel de Prinkipo.

«Сюда пришла также группа молодыхъ людей, разговаривавшихъ по-французски. Нѣкоторые изъ нихъ были въ мундирахъ съ золотыми аксельбантами, другіе были одѣты по послѣдней парижской модѣ, съ бутоньерками и въ перчаткахъ. Пароходъ отошелъ отъ пристани и сталъ повертывать. Спускаясь въ залу, эта прекрасная молодежь увидала подъ лѣстницей молодого парня; онъ былъ въ фуражкѣ, въ синей блузѣ и панталонахъ. Это былъ армянинъ, помощникъ механика компаніи. Они втащили его на палубу и принудили матросовъ вернуться назадъ. На пристани они призвали отрядъ *сападжи* и заставили убить его. Потомъ трупъ бросили въ воду, вычистили пристань, и пароходъ отплылъ снова.

«Въ Принкипо обошлось безъ убійствъ. Европейцы, бывшіе въ большомъ количествѣ въ Crand-Hôtel, защитили армянъ. Курды, работавшіе при насыпкѣ земли и въ садахъ, дали обѣщаніе своему хозяину, французу, по фамиліи Валори, что они никого не тронутъ. Но въ пятницу утромъ, день отдыха у мусульманъ, они пришли къ нему и попросили денегъ и оружія, говоря: «Мы сегодня не работаемъ, а потому отпусти насъ въ Стамбулъ, тамъ повелитель позволилъ убивать армянъ». Они уѣхали съ тѣмъ самымъ пароходомъ, на которомъ мы пріѣхали. Они вернулись на другой же день, повидимому, съ деньгами и съ цѣнными вещами. Тѣмъ не менѣе они были недовольны. Имъ казалось, что султанъ сошелъ съ ума: утромъ позволяетъ, а вечеромъ запрещаетъ; не успѣешь пріѣхать, а онъ ужъ и передумалъ. И въ самомъ дѣлѣ, убійства рѣзко оборвались въ пятницу вечеромъ, а въ субботу утромъ полиція уже задерживала и обезоруживала *сопаджи*, которые впрочемъ не оказывали ни малѣйшаго сопротивленія и тотчасъ же выпускались на свободу.

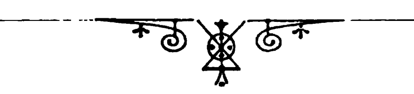
«Вотъ то, что я видѣлъ. По возвращеніи моемъ домой, мнѣ разсказали, что въ Скутари не рѣзали: этого не допустилъ одинъ священникъ изъ мечети Искелесси-Джама. Въ Кади-Кёй помѣшалъ убійствамъ Фуадъ-паша, тотъ самый, котораго прозвали *сумасброднымъ Фуадомъ, Фуадомъ безумнымъ*. Ему былъ полный разсчетъ допустить рѣзню, потому что при своей маніи къ постройкамъ и послѣ возведенія своего *конака* (дворца), который онъ каждый годъ перестраиваетъ сызнова, онъ былъ кругомъ въ долгу у армянъ. Но онъ громко говорилъ, что хотѣлъ этимъ выказать свое нерасположеніе къ султану. Какъ и всѣ придворные, онъ живетъ вынужденными доходами отъ двора или концессіями и финансовыми дѣлами, которыя онъ обхлопатываетъ иностраннымъ капиталистамъ. Годъ тому назадъ султанъ ограничилъ его маленькимъ жалованьемъ. Фуадъ-паша спасалъ армянъ, чтобъ отомстить своему господину. Верхомъ на лошади онъ носился по улицамъ, жестикулировалъ и кричалъ,—онъ эксцентриченъ и немного не въ своемъ умѣ; но это только прибавляетъ ему популярности; онъ кричалъ, что не позволитъ дотронуться ни до одного волоса на головѣ христіанъ, и уводилъ армянъ въ свой *конакъ*... его арестовали, но судить его не посмѣютъ, онъ

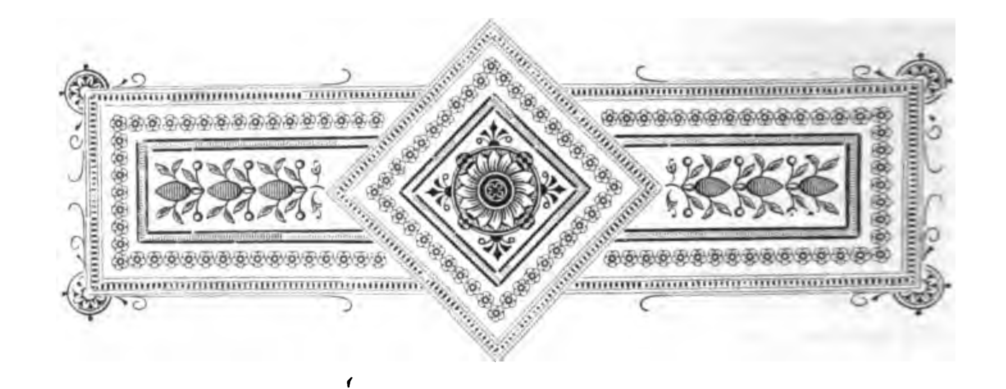
слишкомъ популяренъ въ арміи... Также и въ Кумъ-Капу, который по преимуществу армянскій кварталъ и гдѣ находится Патріаршій Престолъ, не было убійствъ: оттуда выгналъ банды одинъ командиръ по имени Хаханъ-ага».

* * *

Таковъ разсказъ безпристрастнаго свидѣтеля, за искренность котораго я ручаюсь, и показанія котораго постарался провѣрить: если когда-нибудь наше правительство соблаговолитъ ознакомить общество съ донесеніями нашего посольства, всѣ увидятъ, что въ нихъ описываются тѣ же самые факты. Итакъ, о константинопольскихъ убійствахъ не слѣдуетъ думать какъ о взрывѣ фанатизма. Что касается его, то слѣдуетъ даже отмѣтить капитальную разницу между двумя избіеніями, которыя на разстояніи одного года заливали кровью улицы города. Въ первый разъ, въ октябрѣ 1895 г., *софты* (студенты богословія) и люди изъ медрессе (семинарій) принимали участіе въ стамбульскихъ стычкахъ. Въ 1896 же году, по завѣренію нѣкоторыхъ, они были заперты по мечетямъ и находились подъ наблюденіемъ полиціи: теперь султанъ не довѣряетъ имъ и боится, какъ бы, очутившись разъ на свободѣ, они не двинулись противъ дворца. Я слышалъ также, что будто бы на приглашенія агентовъ султана они отказали въ своемъ содѣйствіи, думая, что послѣ первыхъ предложеній цѣну надбавятъ, и разсчитывая вынудить лучшее вознагражденіе: поистинѣ это было бы стачкой софтъ. Возможно, что къ этому случаю оба объясненія примѣнимы. Но это достовѣрный фактъ, что въ 1895 году они работали, а въ 1896 году воздержались. Не менѣе достовѣрно и то, что сотни армянъ были спасены людьми изъ мечетей.

Съ другой стороны, въ этихъ убійствахъ не было никакого народнаго движенія. *Все было приготовлено заблаговременно:* убійцы, дубины, шпіоны и тележки. Все двинулось, и все остановилось по первому знаку. Всѣ повиновались паролю: «Господинъ позволилъ убивать армянъ»; на *шесть* или на *семь тысячъ* жертвъ (это — минимальная цифра, потому что на одномъ Шишлійскомъ кладбищѣ, совсѣмъ рядомъ съ Перой, гдѣ посольства наблюдали погребеніе труповъ, количество убитыхъ было опредѣлено врачами болѣе чѣмъ въ три тысячи человѣкъ; но вѣдь кромѣ того были и другія погребенія—въ Кассимъ-пашѣ, въ Касъ-Кёй, а еще большее число армянъ отправились по дорогѣ черезъ Мраморное море), — итакъ, на шесть или на семь тысячъ жертвъ выдалось едва ли тридцать или сорокъ случаевъ, гдѣ ошибка стоила жизни грекамъ, туркамъ или европейцамъ, которые съ виду слишкомъ напоминали армянъ.





* * *

Бойцы, измученные битвой,
Уходятъ тихо на покой.
Но голосъ ихъ намъ ясно слышенъ:
«Друзья! Впередъ, впередъ,—на бой!»
Не въ поле ратное зовутъ насъ,
Гдѣ слышенъ стонъ, гдѣ льется кровь,
Гдѣ люди—братья межъ собою—
Забыли братскую любовь;
Нѣтъ,—въ бой съ неправдою людскою,
Во имя истины святой,
Зоветъ насъ голосъ благородный
Людей, измученныхъ борьбой.
Имъ нужны силы на подмогу,—
Число ихъ меньше съ каждымъ днемъ;
А мы сидимъ въ довольствѣ праздномъ
И пѣсни о «цвѣтахъ» поемъ.
Мы нашихъ братьевъ пригнетенныхъ
Не видимъ горькихъ, жгучихъ слезъ;
Природой, жизнью наслаждаясь,
Мы тонемъ въ морѣ сладкихъ грезъ.
Проснись же, сердце, съ новой силой
До боли бейся ты въ груди,—
Работы честной, благородной,
Смотри, какъ много впереди!..

Иванъ Бѣлоусовъ

Сосунскіе Армяне.

Армянскій вопросъ по документамъ французской Желтой Книги.

(Documents diplomatiques. Affaires arméniennes. Projets de réformes dans l'empire Ottoman. 1893—1897. Documents diplomatiques. Affaires arméniennes (Supplément). 1895—1896.)

---

1. До Сасунской рѣзни.

«Армянскаго вопроса не существуетъ, но мы его создадимъ»,—сказалъ одинъ высокопоставленный турецкій сановникъ 5 лѣтъ тому назадъ французскому послу въ Константинополѣ Камбону. Предсказаніе сбылось очень скоро, раньше, чѣмъ можно было предполагать.—Уже въ 1894 году Камбонъ писалъ своему правительству: «Армянскій вопросъ теперь существуетъ. Въ теченіе слишкомъ цѣлаго года армяне въ тѣсномъ смыслѣ и сосѣднія провинціи являются театромъ важныхъ событій: наши консулы сообщаютъ намъ каждую недѣлю извѣстія объ арестахъ и кровавыхъ столкновеніяхъ между армянами и властями. Въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ циркуляровъ къ посламъ Порта созналась, что кровь была пролита въ Юзгатѣ, и великій визирь заявилъ недавно, что Арменія составляетъ для Порты предметъ самыхъ серьезныхъ заботъ. Турки идутъ къ тому, чтобы снова открыть восточный вопросъ со стороны Азіи».

Возлагая на турецкое правительство вину за ужасныя событія, жертвами которыхъ пали въ послѣдніе три года тысячи ни въ чемъ неповинныхъ армянъ, французскій посолъ основывался на близкомъ знакомствѣ съ турецкимъ управленіемъ и исторіей отношеній Порты къ христіанскому населенію Малой Азіи. Вотъ какъ онъ излагаетъ этотъ предметъ въ своемъ донесеніи отъ 20 февраля (н. с.) 1894 г.:

61-я статья Берлинскаго трактата поручала судьбу армянскихъ христіанъ заботамъ Европы, и Кипрскій трактатъ 1878-го года признавалъ необходимость

«улучшенія положенія армянъ». Въ это время еще не было признаковъ пробужденія армянской національности, и идея армянской независимости существовала только въ умахъ нѣсколькихъ передовыхъ армянъ, переселившихся въ Европу. Масса населенія желала только реформъ и порядка въ управленіи подъ оттоманскимъ владычествомъ: дальше не простирались ея мечты. Безпечность Порты нарушила мирное настроеніе армянъ. Обѣщанныя реформы не были приведены въ исполненіе. Постыдное взяточничество чиновниковъ осталось въ прежней силѣ; судъ не улучшился; созданіе новыхъ полковъ Гамидіэ изъ курдовъ подъ предлогомъ охраны границъ было въ сущности *оффиціальной организаціей грабежа* на счетъ армянскихъ христіанъ. Положимъ, не одна Арменія была въ такомъ состояніи.

По всей Турецкой имперіи греки, албанцы, арабы жаловались на недостатокъ правосудія, на продажность администраціи, на отсутствіе личной безопасности. Но политическая важность Арменіи останавливала вниманіе державъ преимущественно на ней, и это обстоятельство давало армянамъ перевѣсъ въ томъ положеніи, которое они раздѣляли вмѣстѣ съ другими подданными имперіи.

Мои прошлогоднія донесенія познакомили съ событіями въ Цезареѣ и въ Марсивани (въ январѣ 1893 г.) съ арестами, которые послѣдовали затѣмъ, съ процессомъ Ангоры (май, іюнь), съ казнью пяти осужденныхъ (іюль). Своею жестокостью Порта освятила движеніе, которое теперь уже можетъ насчитывать своихъ мучениковъ. Упорно стремясь поддерживать въ Арменіи режимъ ужасовъ, арестовъ, убійствъ, насилій и т. д., она какъ будто намѣренно ускоряетъ событія. Двѣ недѣли тому назадъ въ Юзгатѣ произошли такіе крупные безпорядки, что въ самой Портѣ насчитываютъ до 500 жертвъ.

Въ Сивасѣ нашъ консулъ повидимому боится въ скоромъ времени вспышки. Такимъ образомъ, когда движеніе охватитъ всѣ деревни, и правительство своимъ произволомъ доведетъ до отчаянія мирное населеніе, то отъ Алеппо до Трапезунда и отъ Ангоры до Эрзерума могутъ вдругъ разыграться такія событія, которыя не преминутъ повлечь за собой вмѣшательство Европы. Вотъ въ какомъ видѣ представляется къ началу 1894 г. положеніе армянскаго вопроса.

Какое рѣшеніе его можетъ быть предположено или *предусмотрѣно* въ настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ? *Независимость Арменіи?* Объ этомъ не можетъ быть и рѣчи. Арменія не представляетъ изъ себя, какъ Болгарія или Греція, страны обособленной естественными границами, или племеннымъ составомъ населенія. Армяне разбросаны по всей Турціи, и въ предѣлахъ собственной Арменіи они повсюду перемѣшаны съ мусульманами. Кромѣ того, Арменія уже раздроблена между Турціей, Персіей и Россіей, и если бы (что почти невѣроятно) послѣ войны Европа задумала создать Арменію, то было бы почти невозможно опредѣлить границы этого новаго государства. То же затрудненіе остается въ силѣ, если предположить устройство полуавтономной области. Гдѣ начинается, гдѣ кончается Арменія? Остается обѣщаніе реформъ. Но прекрасно извѣстно, чего стоятъ въ Турціи такія обѣщанія. Чтобы провести реформу, слѣдовало бы передѣлать рѣшительно все. Что касается частныхъ улучшеній, то десять лѣтъ назадъ они, можетъ быть, удовлетворили бы армянъ, теперь же

можно опасаться, что этого будетъ недостаточно. Такимъ образомъ армянскій вопросъ не допускаетъ возможнаго рѣшенія, онъ останется открытымъ, и турки будутъ лишь обострять его своимъ дурнымъ управленіемъ и бездѣятельностью. Отъ времени до времени взрывы жестокости будутъ вызывать болѣе энергическія жалобы и возмущенія; европейская пресса будетъ въ концѣ концовъ загронута этими безконечными инцидентами; общественное мнѣніе христіанскихъ странъ исполнится сочувствія къ угнетеннымъ; движеніе въ ихъ пользу, ограничивающееся теперь Англіей и Соединенными Штатами, захватитъ остальные христіанскіе народы; снова выступитъ на сцену вопросъ о Берлинскомъ трактатѣ, и дѣло перейдетъ въ руки Европы. Будетъ ли это завтра или черезъ нѣсколько лѣтъ—неизвѣстно; можно сказать только, что въ Турціи самыя странныя положенія отличаются большою живучестью; но каждый день можно ожидать взрыва, и это будетъ нисколько не удивительно».

---

2. Сасунская рѣзня.

Всего нѣсколько мѣсяцевъ прошло послѣ того, какъ было написано приведенное донесеніе Камбона, какъ событія блестящимъ образомъ подтвердили его мнѣніе. Уже въ концѣ августа 1894 г. французскій вице-консулъ въ Эрзерумѣ сообщалъ министру иностранныхъ дѣлъ въ Эрзерумѣ: «съ нѣкотораго времени господствуетъ въ умахъ тревога, вслѣдствіе мѣръ, принятыхъ недавно военными властями». Мѣры эти заключались въ томъ, что отрядъ регулярныхъ войскъ въ 2.500 человѣкъ получилъ приказъ отправляться въ округъ Сасунъ, расположенный между Мушемъ и Діарбекиромъ, для того, чтобы, какъ писалъ вице-консулъ, «подавить своего рода возстаніе, вспыхнувшее въ этихъ мѣстностяхъ уже довольно давно и грозящее увѣковѣчиться». Точныхъ свѣдѣній о томъ, что произошло въ Сасунѣ, въ то время еще не имѣлось, потому что «власти по обыкновенію старались возможно больше скрыть эти печальныя событія, не будучи впрочемъ въ состояніи успокоить умы». Однако, сообщенія эрзерумскаго вице-консула скоро получили подтвержденіе изъ другаго источника. Французскій вице-консулъ въ Діарбекирѣ также узналъ «о безпорядкахъ, вспыхнувшихъ въ Битлисскомъ вилайетѣ, около Муша», и сообщилъ объ этомъ своему правительству въ донесеніи отъ 5 октября 1894. Вице-консулъ передавалъ при этомъ, что, «по приказу изъ Константинополя, командиръ 4-го армейскаго корпуса въ Эрцингіанѣ отправился въ Битлисскій вилайетъ, во главѣ довольно значительной военной силы, исчисляемой приблизительно въ 15.000 чел. и составленной изъ регулярныхъ войскъ, извѣстнаго контингента, доставленнаго курдскими племенами и нѣкотораго числа гамидіэ (иррегулярныхъ войскъ), вытребованныхъ битлисскимъ вали. Послѣ нѣсколькихъ безуспѣшныхъ аттакъ, названному военачальнику удалось овладѣть мятежниками, которые повидимому защищались съ отчаяніемъ».

Затѣмъ сообщаются подробности объ ужасной драмѣ, разыгравшейся въ Сасунѣ: около 7½ тысячъ армянъ погибло, 30 армянскихъ деревень истреблены

были огнемъ, 40 женщинъ уведены въ неволю, 200 женщинъ, освобожденныхъ муширомъ, пытались утопиться, чтобы не пережить своего безчестія. «Въ общемъ,—писалъ вице-консулъ,—ужасъ господствуетъ въ странѣ». Факты, сообщенные въ консульскихъ донесеніяхъ, не замедлили подтвердиться. 14 ноября 1894 г. Камбонъ подробно доносилъ министру иностранныхъ дѣлъ о впечатлѣніи, произведенномъ сасунской рѣзней на представителей иностранныхъ державъ въ Константинополѣ, и о мѣрахъ, которыя были приняты ими въ виду происшедшихъ событій:

«Кровавыя событія, имѣвшія мѣсто въ провинціи Битлисъ, далеко еще не забыты, несмотря на усилія оттоманскаго правительства держать ихъ въ тайнѣ. Благодаря отдаленности тѣхъ областей, гдѣ совершены были убійства, и отсутствію на мѣстѣ иностранныхъ агентовъ, Портѣ удалось оставить подъ нѣкоторымъ сомнѣніемъ точность слуховъ, дошедшихъ до посольствъ въ Константинополѣ. Сомнительность источниковъ этихъ слуховъ не позволяла признать ихъ безъ контроля; тѣмъ не менѣе ихъ исключительная важность требовала иныхъ объясненій, чѣмъ тѣ отрицанія, которыхъ упорно держалась Порта, и иныхъ мѣръ, чѣмъ та инертность, въ которой она замкнулась. Свѣдѣнія, собранныя нашимъ агентомъ въ Діарбекирѣ, почти во всемъ сходятся со свѣдѣніями, полученными англійскимъ посольствомъ».

Англійскій посланникъ рѣшилъ произвести слѣдствіе: Г. Шиплей, драгоманъ посольства, выѣхалъ вчера въ Эрзерумъ, гдѣ онъ намѣревается учредить консульство; но онъ проѣдетъ дальше въ глубь страны, и въ дѣйствительности на него возложена миссія точно разслѣдовать приписываемыя турецкимъ войскамъ преступленія. Полковникъ Чермсайдъ, военный аташэ, отправляется точно также черезъ нѣсколько дней въ провинцію Битлисъ для производства подобнаго же слѣдствія.

Такимъ образомъ, повидимому, снова возникаетъ армянскій вопросъ при обстоятельствахъ особенно тревожныхъ для турецкаго правительства. Султанъ сдѣлалъ запросъ о моемъ мнѣніи. Я отвѣтилъ, что необходимо ввести реформы въ управленіи Арменіей, подавить всякія преступныя дѣйствія, особенно со стороны полковъ гамидіэ, возстановить верховный авторитетъ султана, дать почувствовать его верховную власть. Что ему нечего опасаться слѣдствія англійскихъ агентовъ, если онъ поспѣшитъ самъ довѣрить его людямъ выдающимся, уважаемымъ всѣми, пользующимся его довѣріемъ и достаточнымъ авторитетомъ, чтобы смирить преступниковъ и привести людей и вещи въ надлежащій порядокъ.

Я имѣю основаніе думать, что мои коллеги были также опрошены и высказали тѣ же совѣты. Г. Нелидовъ отвѣчалъ въ тѣхъ же выраженіяхъ, какъ и я. Австрійскій посланникъ, которому я выразилъ свой взглядъ, отвѣтилъ: «мы вполнѣ раздѣляемъ ваше мнѣніе».

Такое единодушіе взглядовъ у представителей великихъ державъ не можетъ не оказать вліянія на султана; онъ навѣрно сдѣлаетъ попытку въ указанномъ ему направленіи, но, по всей вѣроятности, она окажется недѣйствительной и результаты ея будутъ не долговѣчны. Если онъ найдетъ лицъ, достаточно энергичныхъ, чтобы возстановить порядокъ и принять разумныя мѣры, онъ *не найдетъ* себѣ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, способныхъ водворить право

судіе; но каковы бы ни были результаты такой попытки, она должна быть сдѣлана, такъ какъ это единственное средство для султана отсрочить на нѣкоторое время разрѣшеніе вопроса, принимающаго съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе острую форму.

Единодушіе пословъ, дѣйствительно, произвело на султана впечатлѣніе: черезъ нѣсколько дней послѣ приведеннаго выше донесенія Мунирь-бей сообщилъ Камбону отъ имени султана, что въ Арменію отправляется слѣдственная коммиссія, къ коей присоединены были делегаты отъ Россіи, Франціи и Англіи.

На основаніи инструкціи, составленной тремя послами, слѣдствіе ограничилось исключительно сасунскими событіями и веденіе его предоставлено было оттоманскимъ властямъ. Делегаты должны были ограничиться контролемъ и «обезпечить добросовѣстность разслѣдованія». Имъ предписывалось ежедневно доставлять коллективный протоколъ, присутствовать при всѣхъ операціяхъ коммиссіи, составлять послѣдней всякія полезныя указанія и, что самое важное, предлагать свидѣтелямъ вопросы черезъ предсѣдателя коммиссіи, въ случаѣ же его отказа—непосредственно.

Султанъ просилъ пословъ отказаться отъ послѣдняго, наиболѣе существеннаго пункта, но они не нашли возможнымъ исполнить это желаніе.

24 января 1895 г. слѣдственная коммиссія имѣла первое засѣданіе въ Мушѣ, и уже въ депешѣ Камбона отъ 6 февраля сообщается, что «всѣми возможными способами оттоманскія власти стараются *помѣшать* свидѣтелямъ говорить». Затѣмъ эта жалоба регулярно повторяется чуть не въ каждомъ донесеніи французскаго посла. 21 февраля онъ пишетъ, что по свѣдѣніямъ, имѣющимся у него и его коллегъ, «даже за предѣлами Сасунскаго округа власти всюду ведутъ глухое преслѣдованіе противъ армянъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ и оттоманскіе коммиссары, какъ видно изъ депеши отъ 6 марта, стремились отклонить слѣдствіе отъ его нормальнаго хода. Встревоженные показаніями Эрко, писалъ Камбонъ, коммиссары признаютъ, что войска принимали участіе (въ сасунской рѣзнѣ), и что ихъ дѣйствія могли зайти очень далеко, но они утверждаютъ, что это была необходимая репрессія противъ мятежныхъ армянъ. Подъ видомъ безпристрастія, коммиссары пытаются установить, что произошло возстаніе и смертоносное вмѣшательство войскъ было вполнѣ законно».

Въ депешѣ отъ 4 апрѣля Камбонъ писалъ, что «Вильберъ (французскій делегатъ) настаиваетъ на трудностяхъ, съ которыми встрѣчаются европейскіе делегаты при исполненіи своей миссіи. Очевидно, что оттоманскіе коммиссары пытаются устрашить истинныхъ свидѣтелей сасунскихъ событій и предполагаютъ вести слѣдствіе только на основаніи оффиціальныхъ документовъ и показаній, исходящихъ отъ чиновниковъ или лицъ, которыя имѣютъ связи съ властями». Несмотря на всѣ старанія, европейскимъ делегатамъ такъ и не удалось обставить слѣдствіе хотя бы элементарными гарантіями безпристрастія. При какихъ условіяхъ производилось разслѣдованіе по поводу сасунскихъ событій, всего яснѣе видно изъ донесенія Камбона отъ 2 мая, въ которомъ говорится, что «мѣстныя власти оказываютъ постоянное давленіе на слѣдствіе; свидѣтели, являющіеся изъ сосѣднихъ мѣстностей, тотчасъ по прибытіи въ Мушъ, поручаются надзору полиціи, которая *беретъ на себя* доставлять имъ помѣщеніе и пищу и *диктуетъ*

имъ показанія, которыя они должны давать передъ коммиссіей. Нѣкоторые изъ нихъ отказались отъ своихъ прежнихъ показаній послѣ одной ночи, проведенной ими въ рукахъ полиціи; другіе, настаивавшіе на своихъ первоначальныхъ показаніяхъ, подверглись вслѣдствіе этого аресту; большинство свидѣтелей дѣлаетъ заявленія, какъ бы заученныя наизусть и въ одинаковыхъ выраженіяхъ внушающихъ очень сильное недовѣріе. Множество лицъ, обнаруживающихъ желаніе явиться передъ коммиссіей для дачи показаній, удерживается властями въ деревняхъ. Несмотря на увѣренія, которыя неоднократно давалъ намъ султанъ, *свободы слѣдствія почти не существуетъ*».

Вотъ каковы оказались результаты отказа державъ отъ самостоятельнаго слѣдствія, которому такъ радовались дипломаты и которое гр. Кальноки привѣтствовалъ какъ удачную попытку «локализовать инцидентъ» (депеша французскаго посла въ Вѣнѣ Лозэ отъ 6 февраля 1895 г.). И тѣмъ не менѣе, несмотря на отсутствіе какихъ-либо серьезныхъ гарантій полноты и безпристрастія разслѣдованій, предпринятыхъ оттоманской коммиссіей, европейскіе делегаты не могли не убѣдиться *въ справедливости* тѣхъ разсказовъ объ ужасахъ сасунской рѣзни, которые осенью 1894 года дошли до свѣдѣнія европейской дипломатіи и печати. Факты были такъ вопіющи и многочисленны, что скрыть ихъ не удалось турецкимъ властямъ, несмотря на всѣ старанія и увертки.

Уже въ началѣ апрѣля французскій делегатъ, не предрѣшая хода дальнѣйшихъ работъ коммиссіи, считалъ вполнѣ доказаннымъ, что «селенія Шеникъ, Семаль и Гелигузанъ подверглись нападенію со стороны турецкихъ войскъ и курдовъ-номадовъ; дома были сожжены, поселяне подверглись преслѣдованію и были перебиты, остальное же населеніе этихъ трехъ деревень, нынѣ уничтоженныхъ, разбросано теперь болѣе чѣмъ въ 80 мѣстахъ».

16 іюля 1895 г. слѣдственная комиссія, выслушавъ 190 свидѣтелей, закончила свои занятія и 28 іюля европейскіе делегаты представили коллективный докладъ, въ которомъ подвели итогъ всему, что имъ удалось узнать и выяснить. Приведя цѣлый рядъ данныхъ, констатированныхъ слѣдствіемъ, делегаты говорятъ:

«Всѣ эти факты нисколько не доказываютъ, что армяне подняли открытое возстаніе въ концѣ іюля 1894 года. Въ подтвержденіе этого обвиненія ссылались на одинъ изъ документовъ, найденныхъ у Мурада, какъ на политическую программу, но содержаніе его ясно показываетъ, что онъ не содержитъ ничего кромѣ голаго перечня событій; такъ какъ если возстаніе постепенно развивалось въ теченіе трехъ предшествовавшихъ мѣсяцевъ, если положеніе было таково, какимъ оно выясняется изъ телеграммъ мутесарифа Гуэнджъ отъ $^{2}/_{14}$ мая и изъ оффиціальныхъ донесеній правительственныхъ агентовъ, то какъ объяснить себѣ образъ дѣйствій властей, которыя въ теченіе мая, іюня и іюля мѣсяцевъ не принимали никакихъ мѣръ противъ такого серьезнаго и обострившагося положенія дѣлъ?

Смѣшное само по себѣ обвиненіе армянъ въ поджогѣ ихъ собственныхъ деревень, овчаренъ и т. д. опирается лишь на слухи; показанія свидѣтелей, называющихъ себя очевидцами, такъ противорѣчивы и невѣроятны, что нижеподписавшіеся вынуждены отвергнуть его, какъ незаслуживающее никакого довѣрія;

но даже на минуту признавъ основательность такого обвиненія, возможно ли допустить (чего, впрочемъ, никто еще не осмѣливался утверждать), чтобы армяно-григоріанское населеніе, особенно преданное своей религіи, какъ и всѣ другіе христіане православнаго вѣроисповѣданія, дошло до оскверненія и разрушенія своихъ церквей, приведя ихъ въ тотъ видъ, который былъ констатированъ нижеподписавшимися?

Послѣдніе вынуждены потому признать основательность армянскихъ обвиненій и видѣть въ курдахъ и въ солдатахъ виновниковъ пожаровъ цѣлыхъ селеній.

Наконецъ, если, для уясненія себѣ характера первыхъ кровавыхъ столкновеній армянъ съ курдами, принять во вниманіе бездѣятельность, если не участіе, въ этихъ сраженіяхъ войскъ, всякое отсутствіе распоряженій со стороны властей для ихъ устраненія или для оказанія помощи крестьянамъ, подвергнувшимся нападенію, если мы вспомнимъ, что ходилъ слухъ о приказѣ истребить ихъ, чѣмъ воспользовались курды, съ цѣлью вынудить деньги у крестьянъ Кавара, и что у армянъ на глазахъ разрушались ихъ села, то станетъ понятно, что имъ не оставалось ничего другого, какъ взять на себя защиту своей собственной жизни и жизни своихъ родныхъ и своей семьи.

При появленіи отряда войскъ въ Гелегузанѣ, они разбѣжались; обстоятельства, при которыхъ будто бы произошло здѣсь столкновеніе, также какъ и при Геліезанѣ, остались покрыты глубокой тайной, тѣмъ болѣе, что число убитыхъ или раненыхъ, могущее подтвердить дѣйствительность приводимыхъ сраженій, показана однимъ Тевфикъ-пашою, показанія котораго въ этомъ случаѣ не могутъ внушать къ себѣ довѣрія, между тѣмъ какъ другія донесенія относительно числа убитыхъ въ регулярныхъ войскахъ очень неопредѣленны.

Все вышеизложенное даетъ нижеподписавшимся право повторить, что факты, обнаруженные слѣдствіемъ, не подтверждаютъ возстанія армянъ Кавара и Талори противъ правительства.

Переходя къ мѣрамъ, принятымъ для подавленія того, что считалось за возстаніе, прежде всего слѣдуетъ вспомнить, какъ мало, если не ничего, было сдѣлано съ цѣлью положить мирный ему конецъ, и что мы не находимъ и признака мѣръ къ огражденію жизни и дѣтей, находившихся, по общему заявленію, съ армянами при Антокъ-Дагѣ; изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ послѣднихъ видно, что во время этихъ событій погибло много мужчинъ, женщинъ и дѣтей: изъ нихъ одни были убиты солдатами, курдами или заптіями, другіе умерли отъ страха, лишеній, наконецъ нѣкоторые исчезли во время паники, вызванной начавшимися противъ нихъ преслѣдованіями; иные были сожжены въ домахъ, гдѣ они были оставлены; другіе же избиты вмѣстѣ со священникомъ Оганнесомъ изъ Семалы въ лагерѣ при Гелегузанѣ.

Если вѣрить тѣмъ донесеніямъ, согласно которымъ сраженіе при Семалѣ между армянами и курдами продолжалось только два дня, послѣ чего послѣдніе немедленно скрылись, а всѣ военныя дѣйствія затѣмъ лишь ограничивались ружейной стрѣльбой при нападеніи при Гелегузанѣ и Геліезанѣ, тогда всѣ обвиненія армянъ должны считаться ложными, а ихъ потери, ограничивающіяся лишь мужчинами, принимавшими участіе въ трехъ сраженіяхъ, крайне незначительными.

Нижеподписавшіеся не могутъ, однако, на основаніи всего вышесказаннаго, раздѣлять эту точку зрѣнія и вынуждены вѣрить, что въ дѣйствительности армяне,—мужчины, женщины и дѣти, были жертвой неоднократныхъ преслѣдованій солдатъ, курдовъ и заптіевъ, ранившихъ или убивавшихъ безъ различія пола всѣхъ попадавшихся имъ подъ руку; при этомъ особенно важно отмѣтить тотъ фактъ, что кромѣ одиннадцати поселянъ изъ Талори не оказалось ни одного плѣнника.

Фактъ этихъ избіеній выясняется изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ армянъ, сходныхъ въ своихъ показаніяхъ и сообщающихъ имена жертвъ; что же касается числа послѣднихъ, то при отсутствіи всякаго гражданскаго порядка и серьезныхъ мѣръ къ возстановленію населенія Кавара и Талори, его невозможно опредѣлить даже приблизительно, тѣмъ болѣе, что сами армяне, бѣжавшіе и разсѣявшіеся въ разныя стороны, показываютъ въ числѣ мертвыхъ лицъ только неизвѣстно куда исчезнувшихъ, и въ числѣ убитыхъ тѣхъ, кто погибъ жертвою предыдущихъ событій; тѣмъ не менѣе гибель многихъ людей не подлежитъ сомнѣнію, и мы можемъ лишь сослаться по этому вопросу на добавленія (глава IV), гдѣ указаны имена лицъ, причисленныхъ къ погибшимъ.

Были ли совершены въ это время возмутительныя жестокости вродѣ варварскаго изувѣченія беременной женщины? Свидѣтельства о томъ одиночны, какъ заявленіе жены Шеника, или опираются на слухи, какъ показаніе священника изъ Гунджа; а такъ какъ многія армянскія донесенія сильно преувеличены, мы не считаемъ возможнымъ высказаться по этому вопросу.

Что касается стариковъ и дѣтей, сгорѣвшихъ во время пожара въ домахъ, сообщенія о нихъ Таво изъ Семалы, Саво и Коте Шеника не подтвердились; но несомнѣнно, что въ деревняхъ, покинутыхъ жителями, оставались нѣкоторые старики, больные и дѣти, что доказано для Гелегузана письмомъ священника Оганнеса изъ Семалы.

Однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ обвиненій противъ регулярныхъ войскъ является обвиненіе въ томъ, что ими были избиты и зарыты въ землю при Гелегузанскомъ лагерѣ часть жителей Семалы, явившихся, со своими священниками во главѣ, съ цѣлью сдаться и что ими при этомъ были совершены насилія надъ женщинами.

Во время слѣдствія мы нижеподписавшіеся натолкнулись на открытое нежеланіе со стороны коммиссіи выяснить этотъ одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ.

Выслушаны были только четыре женщины изъ Семалы, и то одна изъ нихъ отказалась отвѣчать на второй день допроса.

Комиссія не пожелала выслушать по этому дѣлу одну женщину Анну Шеникъ, а также армянскихъ погонщиковъ муловъ, находившихся въ лагерѣ; и прежде чѣмъ отправиться въ Гелегузанъ и осмотрѣть тамъ ямы, наполненныя, по слухамъ, останками жертвъ, она уже прежде времени высказалась по поводу ихъ происхожденія, заявивши, что если ямы наполнены костями умершихъ, то весьма возможно, что они были собраны и сложены тамъ самими армянами.

При такихъ условіяхъ въ рукахъ слѣдователей оказалось очень немного показаній очевидцевъ, да и тѣ исходятъ, по большей части, отъ лицъ, явив-

шихся по собственному желанію или отъ имени своихъ родственниковъ, которыхъ можно всегда обвинить въ предварительномъ соглашеніи относительно показаній на слѣдствіи; но именно потому первымъ долгомъ коммиссіи было заручиться всѣмъ, что могло пролить свѣтъ на дѣло, также какъ и наивозможно большимъ числомъ свидѣтельскихъ показаній. Мы, нижеподписавшіеся, заявляемъ, что этого *не было сдѣлано*. Какъ было уже сказано выше, письмо, подписанное священникомъ Оганнесомъ, доказываетъ, что послѣ оставленія Гелегузана армянами, что случилось, повидимому, 12 или 13 августа, слѣдовательно до прибытія войскъ, положеніе армянъ при Антокъ-Данѣ было отчаянное, и что съ этого времени они начали разбѣгаться.

Изъ показаній поименованныхъ Таво, Симо, Эго, Оссена, двухъ женщинъ по имени Маріамъ и Дило, всѣхъ родомъ изъ Семалы, явствуетъ, что ихъ священникъ съ частью поселянъ прибылъ въ Гелегузанъ, чтобы сдаться войскамъ нѣсколько дней спустя послѣ своего бѣгства.

Таво, присутствіе котораго въ лагерѣ, впрочемъ, очень сомнительно и Маріамъ, жена Шерко, говорятъ, что это случилось на второй день ихъ бѣгства.

Другіе свидѣтели, напротивъ, утверждаютъ, что это происходило пять или шесть дней спустя.

Послѣдняя цифра, впрочемъ, совпадаетъ съ числомъ, помянутымъ армянскими погонщиками муловъ, которые заявляютъ, что бѣжавшіе сдались къ концу пребыванія ихъ въ Гелегузанѣ, которое продолжалось, по ихъ словамъ, шесть дней.

Ясно, что если бы войска оставались въ Гелегузанѣ не болѣе трехъ дней, то всѣ обвиненія ихъ въ совершенныхъ ими насиліяхъ рушились бы сами собою. Но слѣдствіе не устанавливаетъ этого срока пребыванія ихъ, а напротивъ скорѣе говоритъ въ пользу пяти и шестидневнаго пребыванія ихъ тамъ какъ нижеподписавшіеся считаютъ это доказаннымъ ими выше.

Съ другой стороны, относительно смерти священника Оганнеса до сихъ поръ не получено сколько-нибудь удовлетворительнаго объясненія.

Священникъ Парсегли, говорятъ, былъ убитъ курдами въ ту минуту, когда онъ собрался сдаться войскамъ; но это сообщеніе исходило не отъ Таво, какъ онъ самъ заявилъ объ этомъ. Такъ какъ всѣ усилія священника Парсегли доказать свои сношенія съ вышеназваннымъ Таво явно безуспѣшны, то и утвержденіе Решида изъ Гелегузана и Жирбо, сына Манука Шеника, показаннаго въ числѣ убитыхъ при Гелегузанѣ, опровергается письмомъ, подписаннымъ священникомъ Оганнесомъ написаннымъ уже послѣ битвы. Сверхъ того самъ полковникъ Тевфикъ-бей не могъ отрицать существованіе слуховъ о событіяхъ, происшедшихъ у Гелегузана.

А между тѣмъ жители Муша и окрестныхъ деревень заявляютъ, что имъ ничего не извѣстно о происшедшемъ; нѣкоторые жители Семалы даже осмѣливались утверждать, что *не знаютъ* ни имени священника своего собственнаго села, ни постигшей его участи.

Эти противорѣчивыя и ложныя объясненія съ одной стороны, эти отрицанія съ другой—скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ уничтожаютъ обвиненіе.

Наконецъ, послѣднее вполнѣ установлено открытіемъ ямъ при Гелегузанѣ, дѣйствительно находящихся за домомъ Бэдо; изъ нихъ одна въ особенности усѣяна человѣческими костями: видъ представляемый въ настоящее время ямами, объясняется очень правдоподобными объясненіями армянскихъ показаній по этому поводу, совершенными здѣсь впослѣдствіи раскопками труповъ и опустошеніями, произведенными дикими звѣрями: впрочемъ, слѣдствіе не даетъ никакого объясненія о происхожденіи этихъ ямъ.

Всѣ эти соображенія вмѣстѣ взятыя даютъ право, несмотря на произвольно недостаточныя изысканія коммиссіи, утверждать, что, противно формальному отрицанію Тевфикъ-бея и Гаджъ-Мустафы-эффенди, обвиненіе въ избіеніи войсками при Гелегузанѣ священника Оганнеса изъ Семалы и армянъ имѣетъ основаніе: число жертвъ можетъ-быть доходитъ до сорока; но подробности самаго избіенія остаются скрытыми во мракѣ.

Фактъ разлуки, по прибытіи въ лагерь, мужчинъ съ дѣтьми и женами, насилія надъ послѣдними совершились при тѣхъ же обстоятельствахъ, какъ и избіеніе, съ которымъ то и другое тѣсно связано: если вѣрить одному изъ этихъ обвиненій, то нужно повѣрить и другому. Необходимо, впрочемъ, помнить, что существуютъ нѣкоторыя противорѣчія относительно часовыхъ, солдатъ или заптіевъ, окружавшихъ женщинъ и позволившихъ по отношенію къ нимъ безчестные поступки.

Если разсмотрѣть послѣдствія всѣхъ этихъ происшествій, окажется, что опустошенію подверглись три деревни: Каваръ, Шеникъ и Семала, Гелегузанъ, весь округъ Талори, Агпи, Гетинкъ, Спаганкъ съ ихъ окрестностями, и почти всѣ жители, лишенные средствъ къ существованію, крова, вынуждены удалиться, одни по направленію къ Діарбекиру, другіе, при частномъ содѣйствіи властей, распредѣлены по армянскимъ деревнямъ въ равнинѣ, которая кормила ихъ въ теченіе зимы.

Полное опустошеніе цѣлой области никогда не можетъ считаться наказаніемъ, пропорціональнымъ преступленію возстанія; а тѣмъ болѣе въ настоящемъ случаѣ, гдѣ единственнымъ преступленіемъ со стороны армянъ было дарованное ими убѣжище и укрывательство Мурада и его шайки; нѣсколько отдѣльныхъ нападеній съ цѣлью разбоя на курдовъ, или случаевъ неповиновенія властямъ, возможность легкаго сопротивленія султанскимъ войскамъ при выяснившихся условіяхъ не могутъ служить оправданіемъ того бѣдственнаго состоянія, въ какое были подвергнуты страна и народъ.

Отсутствіе мѣръ къ предотвращенію предполагаемаго возмущенія, начало котораго обнаружилось еще въ маѣ, и къ устраненію позднѣйшихъ столкновеній армянъ и курдовъ, слѣдствіемъ чего были самыя различныя потери, возлагаетъ всю отвѣтственность за нихъ на мѣстныя гражданскія и военныя власти. Образъ дѣйствій войскъ въ Мергемузанѣ остается необъяснимымъ, въ виду событій разыгравшихся у нихъ на глазахъ, и не находитъ себѣ оправданія, также какъ и поведеніе явившагося вслѣдъ за этимъ отряда, причемъ не было предпринято никакихъ мѣръ для огражденія безопасности женщинъ и дѣтей или для возвращенія армянъ въ ихъ село, что было выполнено впослѣдствіи по прибытіи мушира Зекки-паши.

Армянская семья кустарей-прядильщиковъ (изъ-подъ Вана).

Такъ какъ слѣдствіе не разсматривало дѣйствій самихъ властей, ихъ сношеній другъ съ другомъ и распоряженій, отданныхъ или полученныхъ ими по этому поводу, нижеподписавшіеся не считаютъ возможнымъ поднимать вопросъ о личной отвѣтственности ихъ».

---

3. Избіенія 1895—1896 гг.

Въ концѣ 1895 г. и въ началѣ 1896 г., въ теченіе полугода, происходили по всей Малой Азіи, въ городахъ и деревняхъ, населенныхъ армянами, ужасающія организованныя массовыя избіенія, предъ которыми поблѣднѣли даже турецкія звѣрства въ Сасунѣ. Исходнымъ моментомъ послужила мѣра, обѣщавшая армянамъ начало умиротворенія. Послѣ упорнаго сопротивленія, султанъ вынужденъ былъ утвердить въ октябрѣ 1895 г. проектъ реформъ, выработанный для шести армянскихъ вилайэтовъ, представителями Россіи, Франціи и Англіи, и вслѣдъ за этимъ начались рѣзня и грабежъ армянъ.—Въ двухъ томахъ *Желтой книги* приводится масса потрясающихъ подробностей, изъ которыхъ мы заимствуемъ лишь небольшую часть.

а) Требизондъ.

Требизондъ, когда раньше другихъ пришли вѣсти изъ столицы, первый подалъ примѣръ избіенія армянъ. Уже 5 октября французскій консулъ телеграфировалъ о началѣ «рѣзни и грабежа». Въ послѣдующихъ донесеніяхъ онъ между прочимъ писалъ:

«Лица, видѣвшія городъ за нѣсколько минутъ до начала убійствъ,—писалъ въ своей депешѣ Камбонъ отъ 15 октября 1895 г.,—никакъ не могли предвидѣть готовыхъ свершиться такъ близко событій. Толпа народа, занятая своимъ обычнымъ дѣломъ, наполняла улицы. Теперь вполнѣ доказано, что мусульмане, безъ всякаго сигнала, дружно и одновременно бросились на армянъ. Рабочіе-носильщики для внутренней разноски, принадлежащіе большею частью къ армянскимъ артелямъ, находились по своимъ дѣламъ въ большомъ количествѣ около таможни: они были убиты. Нѣсколько несчастныхъ, попытавшихся спастись, переправившись на лодкахъ на суда, стоявшія въ портѣ, были убиты лодочниками ударами веселъ; одинъ былъ выброшенъ въ море и побитъ каменьями. На всѣхъ улицахъ и площадяхъ избивались встрѣчавшіеся армяне, причемъ ихъ добивали съ неслыханною жестокостью. Торговцевъ вытаскивали изъ ихъ магазиновъ и отдавали въ руки убійцъ.

Въ самое короткое время убійства были кончены. Тогда толпа ринулась грабить лавки. На улицахъ попадались носильщики, уносившіе товары, и никто не мѣшалъ имъ въ ихъ грабежѣ.

Утверждаютъ, что при этомъ солдаты и заптіи не только не препятствовали этому, но даже поощряли къ тому. Мнѣ разсказывали, напримѣръ, что въ одномъ мѣстѣ мятежники не могли взять армянскій домъ, такъ какъ ихъ выстрѣлы (ружья) не достигали него, тогда солдаты, увидавъ это, сняли съ себя курт-

ки и открыли огонь совмѣстно съ убійцами. Во всякомъ случаѣ я могу засвидѣтельствовать de visu, что заптіи, занимавшіе полицейскій постъ, стояли съ оружіемъ въ рукахъ въ оборонительномъ положеніи и не дѣлая ни малѣйшей попытки остановить мятежниковъ.

Точное число жертвъ еще не приведено въ извѣстность. Власти опредѣляютъ его въ 180 человѣкъ; но, судя по всему, число убитыхъ въ г. Требизондѣ навѣрно свыше 500. Почти никто изъ армянъ не вернулся домой. Фреры (французскіе монахи) дали пріютъ 3.300 лицамъ. По оффиціальному объясненію, поводъ къ рѣзнѣ далъ выстрѣлъ изъ револьвера, сдѣланный армяниномъ и ошибочно понятый мусульманами. Одновременное начало рѣзни *во всѣхъ* частяхъ города дѣлаетъ это объясненіе совершенно неправдоподобнымъ. Это былъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, заговоръ тщательно обдуманный (un complot soigneusement réglé) [1]. Участіе регулярнаго войска въ преступленіяхъ и допущеніе грабежа говорятъ сами за себя».

б) Діарбекиръ.

Въ ноябрѣ того же года произошла рѣзня въ Діарбекирѣ. Подробное описаніе этого событія мы находимъ въ донесеніи французскаго вице-консула Мейріэ. Вотъ что онъ сообщалъ въ депешѣ отъ 18 декабря 1895 г.

«Анизъ-паша, мутесарифъ Мардина, назначенный въ октябрѣ 1894 года управлять въ отсутствіе Сури-паши вилайэтомъ Діарбекира, былъ извѣстенъ всему городу своимъ фанатизмомъ и ненавистью къ христіанамъ. Всѣ его мѣры при исполненіи возложенной на него обязанности подтвердили эту репутацію его и послужили для христіанъ доказательствомъ его пристрастія и враждебнаго къ нимъ отношенія. Еще памятно то положеніе, въ которомъ находился Діарбекиръ въ нынѣшнемъ мартѣ мѣсяцѣ, когда шейхъ Зиланъ проходилъ черезъ него, и тѣ старанія, которыя были приложены къ тому, чтобъ отсрочить катастрофу. И потому, когда 4-го октября пронесся въ городѣ слухъ о назначеніи его вали Діарбекира, христіане были въ отчаяніи: они видѣли себя беззащитными, въ полной власти человѣка, отъ котораго можно было всего бояться, и съ этой минуты всякое довѣріе къ правительству было ими потеряно. Между тѣмъ Анизъ-паша не удовольствовался назначеніемъ, на которое не могъ даже надѣяться и которое было для всѣхъ необъяснимо,—ему нужно было еще одобреніе угнетаемаго имъ населенія: онъ силою вынудилъ у его высшаго духовенства и знати телеграмму къ султану, въ которой они благодарили его за это назначеніе и въ пышныхъ выраженіяхъ восхваляли ему того, кто былъ предметомъ этого назначенія.

Всѣ христіане, безъ исключенія, были возмущены этой неделикатностью со стороны начальника управленія и приведены въ негодованіе малодушной слабостью своихъ представителей. Они заперли лавки и церкви, куда запретили входъ

[1]) На это обстоятельство указываютъ также и другіе консулы. Такъ, эрзерумскій консулъ, извѣщая о рѣзнѣ 31 октября и 3 ноября, объ истребленіи большинства армянскихъ деревень вокругъ Эрзерума, добавляетъ: „необходимо предать суду военныхъ, принимавшихъ участіе въ грабежѣ и избіеніи. Мои товарищи, консулы Англіи, Италіи и Россіи, и я имѣемъ въ рукахъ *несомнѣнное* доказательство такого участія“ (№№ 17, 18, 21).

своимъ священникамъ и добились, наконецъ, отъ своихъ высшихъ сановниковъ новой телеграммы къ константинопольскимъ патріархамъ въ опроверженіе первой, чтобы заявить, что она была противна волѣ ихъ народа. Отвѣтъ заставилъ себя ждать восемь дней, во время которыхъ положеніе оставалось все то же и только получивъ его, христіане прекратили свои манифестаціи.

Все это время городъ находился, такъ сказать, въ состояніи анархіи и правительство не предпринимало ничего, чтобы прекратить порядокъ вещей, серьезно угрожавшій въ продолженіе 10 дней общественной безопасности.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда 22-го октября пришло извѣстіе, что реформы приняты султаномъ.

Тогда возбужденіе между мусульманами возросло до небывалыхъ размѣровъ; все оружіе, имѣвшееся въ продажѣ, было раскуплено по баснословной цѣнѣ, самые зловѣщіе слухи ходили по городу. Въ среду, 30-го октября, въ 8 часовъ вечера, я отправился къ вали, чтобы сообщить ему объ этихъ слухахъ и просить его принять мѣры противъ угрожающихъ безпорядковъ.

Онъ отвѣтилъ мнѣ, что рѣшительно нечего опасаться, что мусульмане спокойны, что ихъ религія запрещала имъ убивать и что онъ отвѣчаетъ за спокойствіе, если христіане не сдѣлаютъ ничего, чтобъ его нарушить. Онъ даже просилъ меня убѣдить ихъ не давать повода къ безпорядкамъ, не поддаваться страху и ходить на работу, какъ въ обыкновенное время. Не успокоенный ни мало этимъ объясненіемъ, я тотчасъ телеграфировалъ Вашему Превосходительству объ угрожающемъ положеніи дѣлъ. Для меня нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Анизъ-паша зналъ о немъ лучше меня и что *одного его слова* было достаточно, чтобъ избѣжать всѣхъ этихъ бѣдствій.

Въ пятницу, 1-го ноября, въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ, я отправился съ своимъ семействомъ къ обѣднѣ; за исключеніемъ нѣсколькихъ вооруженныхъ курдовъ, мы не замѣтили ничего особеннаго. Когда я возвратился домой, мнѣ сказали, что какой-то мусульманинъ въ это утро бѣгалъ по улицамъ города и призывалъ своихъ единовѣрцевъ къ избіенію христіанъ. Армяно-григоріанскій епископъ отправился къ вали, чтобы заявить ему объ этомъ фактѣ и послѣ увѣреній этого послѣдняго, что бояться нечего, онъ самъ пошелъ на рынокъ, чтобъ успокоить христіанъ, убѣдить ихъ не бояться и продолжать работу. Несчастный епископъ горько раскаивается съ этого дня въ своемъ поступкѣ и обвиняетъ себя въ тѣхъ послѣдствіяхъ, которыя онъ вызвалъ. У католиковъ былъ праздникъ, и, по счастью, они не отпирали своихъ лавокъ.

Около 11 ч. утра мой драгоманъ пришелъ мнѣ сказать, что между христіанами распространилась паника, что на улицахъ всѣ бѣгутъ и уже нѣсколько человѣкъ убито. Я вышелъ на дворъ и увидалъ двухъ раненыхъ, бѣжавшихъ съ базара; я стоялъ у двери, улица была совершенно пуста, но съ кровли мнѣ закричали, что они идутъ и чтобъ я немедленно вернулся въ домъ. Я увидалъ въ это время трехъ заптіевъ, случайно тутъ находившихся, и далъ имъ приказъ охранять консульство. Въ эту минуту съ противоположной стороны улицы, на разстояніи 20 шаговъ, я увидалъ ворвавшуюся въ улицу толпу вооруженныхъ съ ногъ до головы людей, испускающихъ свирѣпые крики. Девять заптіевъ съ однимъ офицеромъ прибыли въ это время для охраны консульства.

Было безъ пяти минутъ двѣнадцать.

Съ этой минуты началась рѣзня; на улицѣ раздавались крики преслѣдуемыхъ и спасавшихся въ домахъ: она продолжалась безостановочно три дня и три ночи съ такимъ остервенѣніемъ, что тѣ, которые уцѣлѣли, спрашиваютъ себя и по сіе время, какимъ чудомъ Промысла Божія они избѣгли общей участи. Убійства начались при крикахъ Salavat Mahomed въ назначенный часъ, *по сигналу, условленному заранѣе, безъ всякаго вызова съ чьей-либо стороны.*

Я счелъ своимъ первымъ долгомъ послать къ вали заптія съ требованіемъ болѣе надежной охраны для монастыря (такъ какъ я предполагалъ, что она у него уже есть). Заптій не вернулся и я не получилъ никакого отвѣта на свое требованіе.

Пятница была посвящена исключительно базару. Сперва были убиты всѣ христіане, не успѣвшіе скрыться, а затѣмъ началось разграбленіе. Я видѣлъ курдовъ и мусульманъ города, проходившихъ мимо консульства, нагруженными награбленными вещами; нѣкоторые изъ нихъ были остановлены моими заптіями, которые отняли награбленные товары и сложили на храненіе въ сосѣдніе дома, а затѣмъ унесли къ себѣ. Меня увѣряли, что въ грабежѣ принимали участіе всѣ, отъ мала до велика, — *курды, солдаты, заптіи и многіе высокопоставленные мусульмане.*

Когда базаръ былъ опустошенъ, что взяло немного времени, онъ былъ подожженъ. Было около 2-хъ часовъ дня; пожаръ продолжался до слѣдующаго дня. Всѣ лавки христіанъ разорены; потери значительны.

Въ дѣйствительности настоящая рѣзня началась только въ субботу утромъ; до сихъ поръ христіанъ убивали на улицахъ, ихъ убивали на кровляхъ домовъ, стрѣляя по нимъ изъ оконъ и минаретовъ; въ домахъ на нихъ еще не нападали.

Въ этотъ же день вмѣстѣ съ восходомъ солнца началось кровопролитіе и продолжалось до воскресенья вечера.

Они раздѣлились отрядами и приступили къ дѣлу систематически, переходя *изъ дома въ домъ*, старательно обходя дома мусульманъ. Выламывали двери, разграбливали все и, если находили въ немъ живущихъ, ихъ убивали, убивали всякаго, попадавшаго подъ руку,—мужчинъ, женщинъ и дѣтей; дѣвушекъ похищали. Почти всѣ мусульмане города, солдаты, заптіи и курды этой области приняли участіе въ этой ужасной рѣзнѣ.

Всѣ стѣны консульства были пробиты пулями и два трупа лежали распростертыми почти подъ самыми нашими окнами на сосѣднихъ кровляхъ. Племена курдовъ кочевниковъ не участвовали; всѣ хорошо знали, что эти дикія орды не дѣлаютъ различія между религіями, и что если разнуздать ихъ инстинкты грабежа и убійства, весь городъ безъ различія между мусульманами и христіанами прошелъ бы черезъ ихъ руки.

Между тѣмъ тѣ изъ христіанъ, у которыхъ нашлось оружіе и которые могли собраться въ достаточномъ количествѣ, пробовали защищаться; это имъ удалось въ нѣкоторыхъ кварталахъ, на которые осаждающіе не посмѣли напасть; такимъ образомъ имъ удалось ихъ отстоять. Что касается другихъ, они спасались, когда могли, бѣгствомъ, укрываясь въ церквахъ и консульствахъ! Мона-

стырь Святыхъ отцовъ принялъ ихъ до 3.000 ч.; число нашедшихъ убѣжище у меня достигало 1.500 ч. Улицы были непроходимы и потому эти несчастные принуждены были дѣлать отверстія въ стѣнахъ и спасаться черезъ нихъ; или же они скрывались по кровлямъ, перебираясь по доскамъ черезъ улицы, и являлись полуживыми отъ страха въ мѣста убѣжища. Одна женщина упала на нашихъ глазахъ въ ту минуту, когда была у входа. Сколько такихъ несчастныхъ убилось при этихъ ужасныхъ переправахъ.

Въ воскресенье въ три часа пополудни я видѣлъ изъ своего окна, какъ могли видѣть всѣ, солдатъ, заптіевъ, курдовъ и мусульманъ, стрѣлявшихъ вмѣстѣ съ кровель и минаретовъ въ армяно-григоріанскую церковь. Я потребовалъ отъ офицера на караулѣ запести этотъ фактъ въ протоколъ и въ то же время я попросилъ у одного духовнаго лица, жившаго по сосѣдству и очень почитаемаго въ городѣ, Абаса-ходжія, его вмѣшательства для прекращенія этого кровопролитія. До сихъ поръ мы еще могли думать, что войска постараются подавить возстаніе, и могли надѣяться, что они этого достигнутъ; но съ этой минуты не было уже никакого сомнѣнія. Ужасъ между укрывшимися былъ такъ великъ, что я обратился къ Вашему Высокопревосходительству съ своимъ возваніемъ, спасшимъ насъ всѣхъ.

Между тѣмъ, черезъ нѣсколько минутъ мы увидали, что эти люди сошли внизъ и удалились; ночь почти наступила; грабители скрылись, звукъ выстрѣловъ становился все рѣже, надежда стала вновь оживать. Около 9-ти часовъ вечера мнѣ пришли сказать, что по приказанію губернатора нѣсколько высокопоставленныхъ мусульманъ и одинъ христіанинъ стараются возстановить спокойствіе; два часа спустя вѣстники объявляли на улицахъ, что губернаторъ запрещаетъ стрѣлять и что всякій найденный съ оружіемъ въ рукахъ будетъ строго наказанъ. Вообще ночи были спокойнѣе дня; ружейные выстрѣлы начинали раздаваться съ разсвѣтомъ и потому себѣ легко представить, съ какимъ страхомъ онъ ожидался. Въ понедѣльникъ утромъ стрѣльба не возобновлялась.

Около 8 часовъ Абасъ-ходжіа, никогда не выходящій изъ дому, явился съ визитомъ ко мнѣ въ консульство; за нимъ слѣдомъ прибыли вскорѣ самые знатные мусульмане квартала, и всѣ они увѣряли меня, что все кончено и что теперь слѣдуетъ заняться возстановленіемъ спокойствія. Что могло случиться настолько важнаго, чтобъ укротить бѣшеный пароксизмъ этихъ изступленныхъ и почти внезапно прекратить рѣзню въ минуту ея полнаго разгара?

Я предполагаю, что «голова Анизъ-паши» не причастна этому неожиданному обороту (французскій посолъ Камбонъ пригрозилъ, что потребуетъ «головы Аниза», если пострадаютъ католики, покровительствуемые Франціею) и что эта жалкая особа, дорожа своею жизнью столько же, сколько послѣдній изъ христіанъ, побоялся поставить ее на карту, чтобы насытить фанатизмъ своихъ единовѣрцевъ и свой.

Какъ бы то ни было, рѣзня въ Діарбекирѣ кончилась. Къ несчастью, того же нельзя сказать про деревни, гдѣ не было французскаго консула въ опасности. Тамъ она продолжалась еще болѣе пятнадцати дней и все было разорено.

Меня обязываетъ совѣсть объявить съ увѣренностью,—пишетъ консулъ,—что убійства въ Діарбекирѣ были совершены мусульманами и ничѣмъ не были вы-

званы; что генералъ-губернаторъ, командующій войсками, начальникъ жандармовъ оставались безучастны передъ сценами ужаса и ничего не предпринимали, чтобъ ихъ остановить; что если они прямо не участвовали, ихъ отношеніе къ нимъ имѣло характеръ поощренія; что я видѣлъ своими глазами солдатъ и заптіевъ, присоединившихся къ мусульманамъ и курдамъ и стрѣлявшихъ вмѣстѣ въ христіанъ; что эти послѣдніе прибѣгли къ оружію только ради самозащиты, когда они были къ тому вынуждены. Полиція и войска вмѣшались лишь для того, чтобъ ударить по жертвамъ.

Хотя я донесъ по телеграфу цифры потерь и не имѣю ничего въ нихъ измѣнить, нахожу не лишнимъ привести ихъ здѣсь:

Армянъ-грегоріанцевъ:	
Мертвыхъ	1000
Раненыхъ	250
Разграбленныхъ домовъ	1500
Разграбленныхъ и сожженныхъ лавокъ	2000
Армянъ-католиковъ:	
Убитыхъ	10
Раненыхъ	1
Разграбленныхъ домовъ	36
Разграбленныхъ и сожженныхъ лавокъ	65
Сиріянъ-схизматиковъ (якобитовъ):	
Убитыхъ объявленныхъ	36
„ дѣйствительныхъ	150
Раненыхъ	11
Разграбленныхъ домовъ	35
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	200
Сиріянъ-католиковъ:	
Убитыхъ	3
Раненыхъ	1
Разграбленныхъ домовъ	6
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	30
Халдеевъ.	
Убитыхъ	14
Раненыхъ	9
Разграбленныхъ домовъ	58
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	78
Грековъ:	
Убитыхъ	3
Раненыхъ	3
Разграбленныхъ домовъ	15
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	15
Протестантовъ:	
Убитыхъ	11
Раненыхъ	1
Разграбленныхъ домовъ	51
Лавокъ разграбленныхъ и сожженныхъ	60
Исчезнувшихъ всѣхъ вѣроисповѣданій	1000
Крестьянъ-христіанъ, работавшихъ въ городѣ, убитыхъ и исчезнувшихъ	1000

119 селъ санджака Діарбекира было разграблено и сожжено; они состояли изъ 6.000 семействъ, насчитывавшихъ 30.000 христіанъ убитыми и исчезнувшими.

Въ городѣ 50 женщинъ и дѣвушекъ было похищено. Въ деревняхъ число неисчислимо. Матеріальная потеря одного города исчисляется въ 2 милліона турецкихъ фунтовъ.

Между мусульманами 195 убитыхъ, въ числѣ которыхъ 70 человѣкъ были убиты своими же, при раздѣлѣ награбленной добычи.

При моемъ послѣднемъ свиданіи съ губернаторомъ я его просилъ устно, но въ видѣ требованія, стражу для консульства и монастыря, еслибъ того потребовали обстоятельства. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что это его долгъ и въ случаѣ надобности онъ не преминетъ исполнить требованіе.

Онъ прислалъ для консульства 9 заптіевъ и одного офицера, но не послалъ никого въ монастырь. Я обращался къ нему съ требованіемъ за требованіемъ; онъ ни разу мнѣ не далъ отвѣта, и только послѣ того, какъ увидалъ нѣсколько разъ въ день поднимавшійся и опускавшійся флагъ, онъ наконецъ рѣшилъ прислать разсыльнаго узнать, что я желаю. Я сказалъ унтеръ-офицеру, что требую достаточной охраны для монастыря и подкрѣпленія для меня. Онъ замѣтилъ, что солдаты не могутъ итти въ монастырь, такъ какъ по дорогѣ христіане стрѣляютъ въ нихъ. На что я ему отвѣчалъ, что такъ какъ заптіи и солдаты боятся огня, я самъ поднимусь на кровлю (верхнюю площадку), чтобъ убѣдить христіанъ не стрѣлять. И я это сдѣлалъ при немъ. Немного времени спустя 10 солдатъ и одинъ офицеръ прибыли въ консульство; но ни одного не было послано къ монахамъ. Всѣ находящіеся подъ нашей защитой оставались такимъ образомъ всѣ три дня рѣзни безъ охраны и очень часто находились въ опасности.

Послѣ трехъ дней убійствъ, когда погибло свыше 3.000 христіанъ, разграблено все ихъ имущество, можно было надѣяться, что правительство приметъ христіанъ хотя бы для виду подъ свою защиту. Увы, ничуть не бывало!—ихъ такъ же преслѣдовали послѣ того, какъ и до этого; они были жертвами самой вопіющей несправедливости. Ихъ разоружили съ величайшей строгостью, между тѣмъ какъ мусульманамъ оставлено было ихъ оружіе. Брошеные въ тюрьмы за то, что были причиной возстанія, они замучены были до смерти съ цѣлью добиться отъ нихъ взаимныхъ доносовъ и доставить такимъ образомъ властямъ предлогъ къ обвиненію. Дошли до того, что отняли у армянскаго населенія ту небольшую помощь, которую оно получало для прокормленія оставшихся безъ всякихъ средствъ семей, изъ-за того, что епископъ не согласился подписать бумаги, констатирующей виновность своихъ. Въ продолженіе 46 дней, до прибытія Зіа-паши и особенно Абдулла-паши, страхъ царилъ въ городѣ; правительство не сдѣлало ничего, чтобъ его разсѣять. Напротивъ, мусульмане, увѣренные въ безнаказанности, не боялись открыто выражать христіанамъ свою враждебность и совершали при дневномъ свѣтѣ новыя насилія. Можно сказать, что Анизъ-паша задался задачею покровительствовать преступникамъ и *наказывать жертвы ихъ*.

в. Сивасъ.

Почти одновременно съ описанными событіями въ Діарбекирѣ вспыхнули безпорядки въ Сивасѣ. Французскій вице-консулъ Карнье передаетъ о нихъ слѣдующее:

«Рѣзня началась ровно въ полдень во всѣхъ частяхъ города одновременно». Такъ начинаетъ сивасскій консулъ Карнье свою депешу отъ 12 ноября 1895.— Передавъ отдѣльные эпизоды грабежа и убійствъ, онъ продолжаетъ изложеніе по пунктамъ:

Базаръ. — «Всѣ лавки и магазины армянъ были совершенно разорены и разграблены; даже вынуты окна; не оставлено ничего, хотя бы старыхъ бумагъ.

Въ аптекахъ грабители, боясь взять лѣкарства, разбили всѣ пузырьки.

На базарѣ существуетъ большое каменное зданіе, недавно выстроенное и называющееся «Новый ханъ»; оно запирается двумя желѣзными дверями, имѣетъ просвѣтъ только въ нижнемъ этажѣ и занято складами и магазинами самыхъ богатыхъ купцовъ. Около 400 армянъ заперлись въ немъ. Въ этомъ строеніи хранилось довольно значительное количество оружія (присланнаго когда-то комитетомъ) и много военныхъ запасовъ.

Мусульмане по крайней мѣрѣ цѣлый часъ трудились надъ тѣмъ, чтобы продѣлать въ двери отверстіе въ 1 метръ, въ чемъ имъ не мѣшали ни полиція, ни осажденные и, когда первый человѣкъ проникъ съ трудомъ черезъ брешь, армяне сдались и отворили свои магазины, которые тотчасъ же были совершенно разграблены.

Вали утверждаетъ, что всѣ остались въ живыхъ; я это узнаю впослѣдствіи, такъ какъ знаю большинство именъ, укрывшихся въ Новомъ ханѣ.

Если этотъ фактъ мало говоритъ въ пользу храбрости армянъ, онъ имѣетъ и свою хорошую сторону: эти послѣдніе могли легко убить много мусульманъ, а это повело бы къ жестокимъ репрессаліямъ.

Было разграблено нѣсколько домовъ, покинутыхъ ихъ владѣльцами, но почти все исключительно людей богатыхъ.

Убійства.—Рѣзня должна была быть навѣрно подготовлена заранѣе, такъ какъ отличалась особеннымъ единодушіемъ. Что тутъ было потворство властей— вещь очень возможная.

Секретъ хорошо сохранялся, хотя наканунѣ вечеромъ нѣсколько осторожныхъ предостереженій было сдѣлано. Но предостереженія были слишкомъ темны. Тѣмъ не менѣе, 11-го ноября вечеромъ я посовѣтовалъ нашимъ миссіонерамъ секретно запастись запасами на случай мятежа, близость котораго я не подозрѣвалъ, и далъ имъ приказъ не выходить ни подъ какимъ предлогомъ изъ дому въ случаѣ малѣйшей тревоги.

Излишне говорить, что заптіи, солдаты, служащіе управленія и т. д. принимали личное участіе въ убійствахъ, также какъ и въ грабежахъ. Только уже вечеромъ они взялись за роль полиціи. Два офицера гамидіэ эскортировали вмѣстѣ съ другими фуры, нагруженныя добычей.

Власти опредѣляли на другой день число убитыхъ количествомъ отъ 200— до 300 человѣкъ, трупы которыхъ собраны были въ одномъ ханѣ базара; на

самомъ дѣлѣ ихъ было 500, нѣсколько мусульманъ было убито армянами, двое—убиты нечаянно своими единовѣрцами. Я узналъ позднѣе, что въ другомъ ханѣ находилось столько же труповъ, убитыхъ при въѣздѣ въ городъ, большею частью все поселянъ, привезшихъ продукты на базаръ. Все это составляетъ для 12 ноября около 1.000, не считая неизвѣстныхъ.

Между убитыми очень мало застрѣленныхъ; почти у всѣхъ разбитые черепа топорами, палками, желѣзными ломами, хотя перестрѣлка въ продолженіе 2—3 часовъ была очень сильная. Эта странность объясняется пользованіемъ почти исключительно револьверами и пистолетами, оружіемъ очень опаснымъ въ опытныхъ рукахъ, но производящимъ больше шума, чѣмъ дѣла въ неумѣлыхъ.

Раненые.—Сравнительно раненыхъ мало, такъ какъ ихъ очень скоро доканчивали. Тѣ, которые были приняты за мертвыхъ или избѣгли смерти чудомъ, имѣютъ мало надежды остаться въ живыхъ; я знаю одного, въ котораго сдѣлано было 12 выстрѣловъ и нанесены другія раны.

Одинъ армянинъ, печникъ по ремеслу, убившій солдата, былъ убитъ и разорванъ на куски.

На другой день начальство прекратило рѣзню и одинъ изъ нихъ говорилъ: «вчера долгъ мусульманина обязывалъ его убивать и награбленное было наградою имъ, сегодня все должно прекратиться».

г. Орфа.

(Показаніе очевидца).

Въ воскресенье 6 ноября (1895 г.) въ 5 часовъ (по турецкому исчисленію) молодой турокъ при помощи трехъ товарищей зарѣзалъ армянина мѣнялу предъ самымъ каѳедральнымъ соборомъ. Убійцу арестовали, но онъ твердилъ, что убійство совершено имъ по приказанію одного офицера. Его отвели въ гауптвахту, гдѣ онъ былъ убитъ штыками. Эти двѣ смерти подали поводъ къ послѣдующей рѣзнѣ. Головы были разгорячены, и магометане открыто говорили, что они должны слѣдовать примѣру турокъ въ Марашѣ, истребившихъ христіанъ. Въ ту же ночь въ 7 час. турки стали стрѣлять изъ ружей и армяне провели всю ночь въ смертельномъ страхѣ. На другой день полиція, въ видахъ возбужденія мусульманъ, распространяла слухъ, что ночью армяне стрѣляли въ турокъ и что ждутъ только приказанія султана, чтобъ искоренить гяуровъ.—Несмотря на эти слухи, армяне принялись за дѣло, но ихъ оскорбляли и били въ ихъ собственныхъ лавкахъ, и они, во избѣжаніе худшаго, удалились въ свои дома. Воспользовавшись отсутствіемъ армянъ, турки стали разбивать ихъ лавки и грабить при помощи военныхъ. Я видѣлъ все это собственными глазами изъ окна гостиницы, гдѣ я стоялъ.

Начальникъ части Гассанъ-паша, считая этотъ грабежъ недостаточнымъ, говорилъ грабителямъ: «Будетъ еще время награбить; ступайте сначала въ армянскій кварталъ и бейте армянъ, а потомъ на свободѣ берите все въ домахъ и въ лавкахъ». Видя, что его совѣтъ не достаточно быстро выполняется, онъ призвалъ капитана и приказалъ ему взять роту и при помощи солдатъ погнать бунтовщиковъ въ армянскій кварталъ. Войска пришли и при крикѣ: «Смерть христіанамъ!» погнали всю эту толпу въ армянскій кварталъ: дома были разбиты, хозяева

умерщвлены, а имущество расхищено. — Но армяне имѣли время загородиться у себя и закрыть главные входы въ кварталъ. Благодаря принятымъ мѣрамъ, армяне могли сдержать натискъ этихъ изступленныхъ, которые удалились, разрушивъ 300 домовъ, убивъ 120 человѣкъ и ранивъ 40; турки съ своей стороны имѣли 4 убитыхъ и 60 раненыхъ. Въ своемъ дикомъ бѣшенствѣ они бросились тогда на базаръ и разграбили 1.700 лавокъ.

На другой день мѣстныя власти подъ завѣдомо лживымъ предлогомъ, будто армяне были зачинщиками, и въ видахъ большаго еще распаленія мусульманъ, предали военному суду аптекаря Мелкона и его родственниковъ. Они были отданы на растерзаніе черни, которая бросила ихъ трупы въ ровъ съ нечистотами.

Послѣ этого администрація призвала въ городъ всѣхъ поселянъ, турокъ, арабовъ и др. и раздала имъ все имѣвшееся въ ея распоряженіи оружіе, чтобъ итти на армянъ, которые оставались у себя; еще разъ бросились на этотъ кварталъ, испуская дикіе крики и рѣшившись все предать огню и всѣхъ перерѣзать. Но, встрѣтивъ сопротивленіе, толпа удалилась, оставивъ 5 убитыхъ и разграбивъ 50 домовъ и убивъ 20 армянъ. Это послѣднее нападеніе происходило во вторникъ, въ 10 час., и тотчасъ послѣ него армянскій кварталъ былъ оцѣпленъ войсками, которыя прекратили всякія сношенія его съ внѣшнимъ міромъ.

Въ среду заключили въ тюрьму выдающихся армянъ города. Отъ нихъ, во что бы то ни стало, требовали сознанія, что они участвуютъ въ революціонномъ комитетѣ. Домогались отъ нихъ именъ членовъ комитета, а также передачи 1.800 ружей или же значительной суммы денегъ, если они желаютъ быть освобожденными. Несчастные, не имѣя возможности признаться въ соучастіи въ несуществующемъ комитетѣ, ни передать ружей, которыхъ не получали, повѣривъ турецкому слову, передали денегъ, сколько могли собрать, но вмѣсто освобожденія ихъ заперли въ темную, гдѣ они донынѣ (январь 1896) томятся.

Все послѣдующее изложеніе докажетъ непререкаемымъ образомъ, что именно само правительство подготовило и предписало избіеніе (a organisé et ordonné les massacres). Администрація, сообразивъ, что для истребленія армянъ придется пожертвовать множествомъ турокъ, придумала слѣдующую ловушку, чтобъ обезоружить армянъ и предать ихъ на волю турокъ.

Она призвала главы армянской общины и объявила имъ, что отдала строгое приказаніе о прекращеніи рѣзни, на что и они, съ своей стороны, должны заставить своихъ единовѣрцевъ передать свое оружіе.

Турки, увѣряя въ своихъ добрыхъ намѣреніяхъ, распорядились выставить баттареи надъ армянскимъ кварталомъ. Въ теченіе дней 20 ничего не было предпринято противъ армянъ, которые, правда, оставались взаперти въ своихъ домахъ. Но это не входило въ разсчетъ мѣстнаго начальства, которое желало поскорѣе окончить. Въ виду этого снова были призваны священники, имъ указали на водворившееся спокойствіе и на необходимость выдать оружіе, дабы, съ обѣихъ сторонъ, выразилось довѣріе и дѣла пошли обычнымъ порядкомъ.

Священники должны были согласиться сдѣлать попытку. Въ сопровожденіи полиціи они обходили жилища армянъ и на Евангеліи заставляли каждаго клясться, имѣетъ ли онъ оружіе или нѣтъ. Все наличное оружіе было отобрано, затѣмъ обысканы были дома священниковъ и могилы.

Убѣдившись въ томъ, что армяне предоставлены его волѣ, правительство сняло стражу и приказало имъ приняться за свое дѣло.

Они не вѣрили своимъ глазамъ, видя свои лавки разоренными, опустошенными и сожженными: такую картину приготовили армянамъ послѣ 48-ми дневнаго заключенія ихъ въ домахъ и прежде чѣмъ отправить большинство ихъ на тотъ свѣтъ.

16-го именно числа (января) распространился слухъ, что готовится большое движеніе турокъ противъ армянъ. Священники раннимъ утромъ явились къ начальству, прося о предупрежденіи новыхъ волненій. Не успѣли они вернуться домой, какъ армянскій кварталъ былъ окруженъ 3.000 солдатъ и 1.500 гамидіэ (иррегул. войско), которые вмѣстѣ съ толпою, также вооруженною начальствомъ, бросились какъ взбѣсившіеся звѣри на армянскіе дома, ломая двери и стѣны, убивая всѣхъ встрѣчавшихся на пути и потомъ поджигая дома. Описать вамъ отвратительныя сцены, продолжавшіяся цѣлый день, нѣтъ возможности.

Все это чинилось во имя пророка и султана, тѣни его на землѣ.

Ихъ свирѣпость и кровожадность не были еще насыщены, потому что на другой день началось снова.

Три тысячи обезумѣвшихъ армянъ искали спасенія въ каѳедральномъ соборѣ. Большинство были женщины, дѣвушки, дѣти, обращавшіяся съ мольбою къ Богу, прося о прекращеніи этой бойни. Можно было думать, что фанатики пощадятъ святыню. Нѣтъ, они выломали двери топорами. Войдя во внутрь, они убивали, сколько могли, и уничтожали священные предметы. Наконецъ, чтобы покончить дѣло разрушенія, эти злодѣи принесли керосинъ и разлили около этихъ несчастныхъ, съ нетерпѣніемъ ждавшихъ смерти. Соборъ подожгли, и всѣ тѣ, которые спаслись отъ лезвія оружія, погибли въ огнѣ въ то время, какъ мулла съ крыши собора возносилъ благодарность Магомету.

Число армянскихъ жертвъ за эти два дня 16—17 января опредѣляется точною цифрой 10.000.

Въ теченіе одной недѣли евреи, по приказанію администраціи, волокли трупы по улицамъ и затѣмъ бросали ихъ во рвы...

Въ Береджинѣ нѣтъ болѣе ни одного христіанина. Всѣ тѣ, которые не были зарѣзаны или брошены въ Евфратъ, вынуждены были перейти въ магометанство.

Продажа женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ продолжается здѣсь на площадяхъ по дешевымъ цѣнамъ.

д. Убійство Сальватора.

Благодаря тому, что Сальваторъ, въ качествѣ католика, находился подъ протекторатомъ Франціи, на убійство его было обращено особое вниманіе и для дознанія посланъ былъ подполковникъ Віаларъ. Вотъ что сообщалъ онъ въ своемъ рапортѣ.

«Въ серединѣ декабря 1895 г. распространился слухъ, что отецъ Сальваторъ, итальянскій монахъ ордена францисканцевъ въ Святой Землѣ, настоятель монастыря Муджукъ-Дересси, вблизи отъ Мараша, былъ убитъ въ послѣднихъ числахъ ноября того же года.

Это вначалѣ неопредѣленное и сомнительное извѣстіе постепенно пріобрѣтало болѣе правдоподобія и подкрѣплялось новыми сообщеніями и подробностя-

ми, которыя собирались съ большой тщательностью и осмотрительностью, дѣлающими честь, какъ намъ пріятно это замѣтить, французскому консулу въ Алеппо, г. Бартелеми.

Въ сѣверной части Алеппскаго вилайета господствовало въ это время сильное возбужденіе; происшедшія здѣсь убійства вызвали панику; христіане не рѣшались выйти за предѣлы своихъ деревень и городовъ. Поэтому нисколько не удивительно, что извѣстія доходили оттуда медленно. Но эта медленность не мѣшала имъ пріобрѣтать съ каждымъ днемъ больше полноты, и въ 1896 году уже не оставалось и тѣни сомнѣнія ни въ убійствѣ отца Сальватора и нѣкоторыхъ изъ его католическихъ односельчанъ латинсгаго происхожденія, находившихся подъ протекторатомъ Франціи, ни въ участіи въ рѣзнѣ иррегулярныхъ войскъ турецкой арміи.

Въ концѣ января французское посольство въ Константинополѣ обратилось къ Высокой Портѣ съ требованіемъ дать ему необходимыя разъясненія. Но это требованіе осталось безъ отвѣта. Наконецъ, послѣ долгихъ и усиленныхъ настояній, въ началѣ апрѣля, по приказу Его Величества Султана, была образована коммиссія. На нее возложена была миссія произвести на мѣстѣ дознаніе относительно указанныхъ фактовъ...

Мы уже сказали, что Алеппскій вилайетъ былъ сильно возбужденъ въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1895 года. Особенно тревожно было настроеніе жителей въ Марашскомъ санджакѣ.

И дѣйствительно, въ самомъ Марашѣ 25-го октября былъ убитъ армянинъ Карабетъ Топалянъ.

26-го октября турки Караманлійскаго квартала напали и ранили нѣсколько христіанъ, разграбили лавки.

27-го и 28-го октября произошло новое нападеніе на христіанъ; многіе были убиты или ранены, лавки разграблены.

3-го ноября, въ воскресенье, было перебито отъ 20 до 25 христіанъ.

Наконецъ, 18-го ноября произошло безжалостное избіеніе 7 или 8 сотъ христіанъ, причемъ войска принимали участіе въ этой бойнѣ.

Сильная паника охватила сосѣднія христіанскія деревня.

1-го ноября отецъ Сальваторъ писалъ изъ Муджукъ-Дересси своему собрату отцу Діонисію, настоятелю Марашскаго монастыря: «Вотъ уже четыре дня, какъ я не смыкалъ глазъ, вездѣ въ окрестностяхъ слышатся угрозы, и мы, дѣйствительно, въ крайней опасности. Да сохранитъ насъ Господь!»

7-го ноября онъ писалъ въ другомъ письмѣ: «Мы еще живы, но все время на-сторожѣ, потому что со всѣхъ сторонъ насъ окружаютъ разбойники, которые лишь ищутъ случая ограбить.

Это было послѣднее письмо, полученное отъ него въ Марашѣ. Опасность казалась ему настолько близкой, что онъ просилъ выслать ему двухъ вѣрныхъ заптіевъ, чтобы сопровождать его въ Марашъ, такъ какъ въ монастырѣ нельзя было оставаться въ безопасности.

По причинамъ, разсматривать которыя мы здѣсь не будемъ, 15 ноября 1895 г. ночью были отправлены войска изъ Мараша въ Муджукъ-Дересси; они находились подъ начальствомъ полковника Мазгаръ-бея.

Оба батальона съ послѣднимъ во главѣ явились въ Муджукъ-Дерессп 16-го ноября въ субботу къ вечеру. Они расположились лагеремъ между мусульманской деревней Кайшли и христіанской деревней Муджукъ-Дерессп, но ближе къ послѣдней.

Странное явленіе обнаруживается тогда передъ нами.

Появленіе войскъ въ неспокойной мѣстности вызываетъ обыкновенно общую радость и веселье, какъ вѣсть о безопасности и порядкѣ. Здѣсь же, напротивъ, паника охватываетъ всѣхъ жителей христіанъ, которые разбѣгаются въ разныя стороны, и даже въ умѣ отца Сальватора зараждаются опасенія; эта паника и эти опасенія были вполнѣ основательны, какъ подтверждаютъ это многочисленныя показанія, такъ какъ избавители сжигаютъ нѣсколько домовъ въ деревнѣ, преслѣдуютъ ея жителей и убиваютъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Мало того: въ тотъ же вечеръ или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней отецъ Сальваторъ въ своемъ монастырѣ подвергается угрозамъ, побоямъ, причемъ ударомъ штыка его ранятъ въ ногу; женщинъ хватаютъ и задерживаютъ, также какъ и мужчинъ, не имѣвшихъ времени скрыться въ монастырѣ, окруженномъ стражей и находящемся подъ строгимъ наблюденіемъ.

Нѣкоторые свидѣтели, бывшіе очевидцами этой сцены, думали, что отецъ Сальваторъ былъ убитъ въ тотъ же день. Но они ошиблись. Въ этотъ день онъ былъ только раненъ; убитъ же онъ былъ нѣсколько дней спустя.

Мазгаръ-бей со своими двумя батальонами оставался въ лагерѣ между Кайшли и Муджукъ-Дерессп пять дней: 17, 18, 19, 20 и 21 ноября (онъ прибылъ туда 16-го вечеромъ).

Мы переходимъ, наконецъ, къ событіямъ 22-го ноября.

Полковникъ Агасси-Саидъ-бей, явившійся съ киллійскимъ батальономъ, принесъ изъ Мараша приказъ вернуться обратно, и рано утромъ палатки были сняты и багажъ сложенъ.

Но въ то же время произошла знаменательная сцена, разсказъ о которой передаютъ многочисленные свидѣтели.

Изъ верхняго этажа спустили внизъ отца Сальватора и христіанъ, не имѣвшихъ времени спастись бѣгствомъ и задержанныхъ здѣсь; мужчинъ велѣли разлучить съ женщинами, порученными мудиру, причемъ мужчинамъ было сказано, чтобъ они получше насмотрѣлись въ послѣдній разъ на своихъ женъ (показывая знакомъ, что они обречены на гибель); затѣмъ имъ связали руки веревками, захваченными въ монастырѣ.

Войска выстроились и готовились выступить въ походъ.

Отецъ Сальваторъ, раненый въ ногу, попросилъ дать ему лошадь, но ему отказали. Онъ могъ бы, пожалуй, скрыться бѣгствомъ. Были ли у него связаны руки, какъ и у остальныхъ? Мы не можемъ утверждать этого, такъ какъ не всѣ свидѣтели сходятся относительно этого пункта. Мы смѣемъ надѣяться и имѣемъ основаніе думать, что ему не было нанесено еще и этого оскорбленія, потому что намъ извѣстно, что онъ держалъ въ рукѣ свѣчу и свой требникъ, и эта свѣча была отнята у него во время избіенія и передана намъ нѣсколько времени спустя въ Зейтунѣ, и она до сихъ поръ еще хранится у насъ.

Разсказъ объ этой сценѣ отъѣзда передаютъ намъ очевидцы.

Какая участь постигла этихъ плѣнниковъ? Объ этомъ мы узнаемъ изъ показаній очень юнаго свидѣтеля, 10-лѣтней дѣвочки, Маріамъ, дочери Мардироса, племянницы Бальджи-Углу-Оганнеса, одного изъ погибшихъ.

У насъ есть еще другія свидѣтельства, относящіяся къ этой послѣдней части драмы:

1) Показаніе Люцика (n° 3): «Когда я пріѣхалъ въ Каишли, я услышалъ отъ мусульманъ: Какъ былъ жиренъ святой отецъ! Иначе сказать, убивши святого отца, они, по ихъ словамъ, сожгли его».

2) Показаніе Мукра, который говорилъ отцу Льву (n° 5), показывая рукою на область Уенидже-Кале: «Солдаты привели отсюда красиваго священника. По знаку, данному имъ глазами ихъ предводителемъ, они убили его съ нѣсколькими его спутниками, затѣмъ сложили всѣ трупы одинъ на другой и сожгли ихъ».

3) Показаніе Тестецъ-Оглу-Назарета, сдѣланное имъ въ Зейтунѣ 20 февраля 1896 г., которое несомнѣнно сообщено было очевидцемъ: «Нѣсколько дней спустя я проѣзжалъ по лагерю, когда тотъ же солдатъ Топалъ позвалъ меня и повелъ въ свою палатку. Тамъ же находился и вышеупомянутый сержантъ. Во время разговора солдатъ заговорилъ о военныхъ дѣйствіяхъ въ Уенидже-Кале, гдѣ мы нашли красивое зданіе, гдѣ жилъ монахъ Кендирли (въ веригахъ) и 23 армянина. Нашъ офицеръ сказалъ монаху, что мы намѣреваемся отвести его въ Марашъ. Монахъ попросилъ себѣ верховую лошадь, и офицеръ отвѣтилъ: «Двинемся пока впередъ, а затѣмъ я вамъ дамъ лошадь». Мы вывели изъ монастыря святого отца и армянъ и, пройдя нѣкоторое разстояніе, мы, по приказанію офицера, окружили всю толпу, которую мы покончили съ помощью нашихъ штыковъ, послѣ чего мы сожгли всѣхъ. Когда горѣлъ монахъ, онъ дрожалъ и стоналъ. Въ монастырѣ было много вина и всякихъ вещей; но мы сожгли все, не позволивши никому взять себѣ что-либо. Въ отвѣтъ на разсказъ сержанта, я спросилъ его, какъ осмѣлились солдаты совершить такое злодѣяніе по отношенію къ святому отцу, который не былъ турецкимъ подданнымъ. Онъ отвѣчалъ, что получилъ правительственное распоряженіе убивать всѣхъ христіанъ, но что во всякомъ случаѣ теперь уже дарована амнистія, и мы счастливо избѣжали всякаго наказанія».

e) Совращеніе армянъ въ мусульманство и продажа ихъ въ рабство.

Первыя свѣдѣнія о насильственномъ совращеніи армянъ въ магометанство было сообщено англійскимъ вице-консуломъ въ Мушѣ, который писалъ въ декабрѣ 1895 г., что большинство сельскаго населенія близъ Діарбекира обращено, подъ угрозою смерти, въ исламъ. Первоначально извѣстіе это встрѣчено было дипломатіей съ недовѣріемъ[1]), но впослѣдствіи факты подтвердились вполнѣ и великія

---

[1]) См. депешу № 120 изъ Петербурга Монтебелло, который, между прочимъ, пишетъ: „кн. Лобановъ указывалъ на необходимость провѣрить факты (совращенія) и заявилъ, что и въ случаѣ подтвержденія ихъ онъ вовсе не обязался (предъ Англіею) дѣлать совмѣстное представленіе Портѣ по этому поводу“. Стр. 86.

державы потребовали назначенія дознанія. Оно было произведено въ Аданѣ при участіи англійскаго консула Фицъ-Морица и было удостовѣрено: «Въ Березжикѣ (близъ Діарбекира) до дня рѣзни (1-то января) было 240 домовъ: послѣ убіенія 150 душъ христіанъ остальные въ числѣ 1.500 душъ (армянъ-грегоріанъ, протестантовъ и католиковъ) предъ окровавленными трупами своихъ родственниковъ и въ виду угрозы толпы перешли въ магометанство [1]).

Такія же совращенія были удостовѣрены и въ другихъ мѣстахъ. При какихъ условіяхъ происходило обращеніе въ магометанство можетъ дать слѣдующая сцена, описываемая французскимъ консуломъ въ Ангорѣ: «Покончивъ съ базаромъ (Цезареи), турки начали настоящую «бойню», убивая мужчинъ, женщинъ и дѣтей и сжигая живьемъ стариковъ въ разграбленныхъ домахъ. Фанатики заставляли вдовъ и сиротъ переходить въ исламъ, отказывавшихся тотчасъ. Многія молодыя дѣвушки были нагишомъ выгнаны на улицу изъ домовъ, изъ бань, и тутъ же публично подвергались изнасилованію, затѣмъ ихъ убивали или похищали (№ 161, стр. 116).

Общее число совращенныхъ (къ маю 1896 г.) таково: въ округѣ Береджикскомъ — 4.300, въ Урфѣ — 500, въ Северешѣ — 200, въ Аданѣ и его окрестностяхъ—900 и еще нѣсколько сотъ близъ Мараша. Начатыя дипломатическія сношенія, имѣвшія цѣлью дать возможность христіанамъ возвратиться въ свою вѣру, не были еще закончены ко времени изданія Желтой Книги.

О продажѣ армянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ въ рабство упоминаютъ нѣсколько разъ французскіе консулы изъ Орфы, Александретты, Алеппо. Консулъ Поньонъ еще въ ноябрѣ 1890 г. доносилъ, что въ Алеппо почти публично продаются армянскія дѣвушки. Начальство ничего не предпринимаетъ, чтобъ остановить эту торговлю. Поньонъ передаетъ такой случай: «Воскуи, жена портного, умоляла дозволить ей выкупить ея 12-ти лѣтнюю дочь, привезенную изъ Орфы для продажи въ Алеппо, и разсказала о своихъ злоключеніяхъ слѣдующее: наканунѣ рѣзни въ Орфѣ она бѣжала съ дѣтьми въ одно магометанское селеніе и такимъ образомъ спаслась отъ смерти; мужъ ея бѣжалъ въ церковь и былъ сожженъ живымъ вмѣстѣ съ другими; нѣкто Наметъ-Алла похитилъ ея 12-ти лѣтнюю дочь, а съ остальными дѣтьми она бѣжала въ Алеппо. Узнавъ о привозѣ для продажи партій армянскихъ дѣвушекъ, Воскуи просила у генералъ-губернатора, какъ милости, видѣть ихъ. Разрѣшеніе было дано, но заптіи несчастную мать привели въ мѣсто заключенія публичныхъ женщинъ». Этою депешею отъ 10 ноября 1896 г. заканчивается 2-я часть Желтой Книги.

Краснорѣчивой иллюстраціей къ описаннымъ событіямъ служатъ таблицы, приложенныя къ депешѣ изъ Константинополя отъ 25 января 1896 г. Приводимъ для примѣра одну изъ нихъ.

---

[1]) Лероа-Болье, отмѣчая героизмъ, съ которымъ огромное большинство армянъ, грубыхъ, неразвитыхъ поселянъ, предпочло мученическую смерть за вѣру переходу въ магометанство, замѣчаетъ: „едва ли могли бы наши французскіе крестьяне выдержать *такое жестокое испытаніе вѣры*“ (Les Arméniens et la question Arménienne).

Вилайетъ Мамуретъ-Уль-Азисъ.

Мѣстности.	Время событій.	Убитые.	Раненые.	Событія. Ихъ причины.	Отношеніе къ событіямъ населенія и властей.
Карпутъ.	$^{10}/_{11}$ нояб.	болѣе 500	—	Курды и мусульмане нападаютъ на армянскіе кварталы и избиваютъ жителей. Настоятель миссіи капуциновъ чуть было не былъ убитъ. Американская миссія уничтожена и значительное число уцѣлѣвшихъ христіанъ не имѣли иного исхода какъ принять мусульманство. Болѣе 60 деревень, расположенныхъ въ окрестностяхъ Карпута, опустошены. По сообщенію эрзерумскаго вали, сдѣланному консуламъ, число убитыхъ простирается до 92, изъ которыхъ 12 мусульманъ. Больницы, находящіяся въ вѣдѣніи капуциновъ, переполнены ранеными. Караванъ изъ 200 армянъ, отправленныхъ изъ Аданы въ Карпутъ, ихъ родину, подвергается нападенію со стороны курдовъ, которые при этомъ убили 193 человѣка. Жандармы, вмѣсто того чтобы защищать ихъ, принимали участіе въ грабежѣ. Невозможно съ точностью опредѣлить число опустошенныхъ мѣстностей и исчезнувшихъ армянъ. Но изъ совокупности сообщеній, сдѣланныхъ консуломъ, вытекаетъ, что вся область была разорена. Такъ какъ численность христіанскаго населенія въ этой мѣстности очень высока, то можно опасаться, что число жертвъ было очень велико.	Офицеры и солдаты принимаютъ участіе въ дѣлежѣ добычи. Курды утверждаютъ, что на ихъ сторонѣ власти; послѣдніе поняли, наконецъ, что должны дѣйствовать, но поздно: такъ какъ офицеры, солдаты и жандармы принимали участіе въ грабежѣ, то власти не смѣютъ выступить противъ кого-либо.
Арабкиръ.	$^{1}/_{5}$ ноября.	2.800	Очень много.	Вооруженные курды и турки бросаются на христіанъ и разгромляютъ городъ. По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, число жертвъ достигло 260, изъ которыхъ 60 мусульмина. По консульскимъ свѣдѣніямъ, грабежъ и пожаръ продолжались 10 дней. Нѣсколько церквей было осквернено; около 2.400 домовъ разграблено, около 2.800 армянъ по-	Черезъ нѣсколько дней шайки мусульманъ, явившихся изъ деревень присоединяются къ городскимъ. Когда пожары окончились, полиція произвела разслѣ-

Мѣстности.	Время событій.	Убитые.	Раненые.	Событія. Ихъ причины.	Отношеніе къ событіямъ населенія и властей.
				гибло. Женщины и дѣти, оставшіяся въ живыхъ, доведены до нищеты. Въ сосѣдней деревнѣ Амбарга всѣ жители, кромѣ трехъ, были перерѣзаны; 60 домовъ подверглись грабежу. Въ деревнѣ Шенигъ осталось въ живыхъ только 6 человѣкъ. Всѣ остальныя деревни долины болѣе или менѣе разорены.	дованіе и всѣ лица, избѣжавшія рѣзни, были посажены въ тюрьму. Объ ихъ участи нѣтъ свѣдѣній. Начальство въ теченіе нѣсколькихъ дней раздавало хлѣбъ несчастнымъ, но затѣмъ прекратило эту помощь.
Эгинъ.	8 нояб.	—	—	Курды изъ Дерсима нападаютъ на деревню Гамарагабъ, 300 домовъ разорено и одинъ кварталъ, состоящій изъ 31 дома, совершенно сожженъ. Часть жителей перебита; остальные должны были обратиться къ магометанству. Самый Эгинъ былъ пощаженъ за выкупъ въ 1.500 тур. фунтовъ. Абу-Шейкъ уцѣлѣлъ, заплативъ выкупъ въ 200 т. ф. Въ Пигліанѣ было разграблено 250 домовъ. Въ Армаданѣ. . . . 130 „ Лиджѣ . : . . . 220 „ Симарѣ. . . . . 80 „ Тегудѣ . . . . . 140 „ Мушешджакѣ . . 160 „ Нарверѣ . . . . 60 Жители всѣхъ этихъ мѣстностей были частью избиты. Тѣ, которые не спаслись бѣгствомъ, должны были перейти въ магометанство.	
Малатія.	29 октября.	—	—	Распространяется первая тревога и армяне прячутся у себя. Слухи объ избіеніяхъ произведенныхъ въ области, поддерживаютъ безпокойство въ слѣдующіе дни.	
—	4, 5, 6, 7, 8 и 9 ноябр.	—	—	Курды и турки бросаются на христіанъ, и въ теченіе 6 дней продолжаются убійства и грабежи. Армяне скрываются въ церквахъ, чтобы спастись отъ грабежа и пожара. Съ католическими капуцинами дурно обращаются и бьютъ ихъ Ихъ дома, школа и церковь сожжены. На другой день вечеромъ, вмѣстѣ съ толпой армянъ-	Въ теченіе 24 час. мутессарифъ допускаетъ рѣзню и грабежъ. Только 5-го числа вечеромъ онъ заявляетъ армянскому католическому епископу, что если его

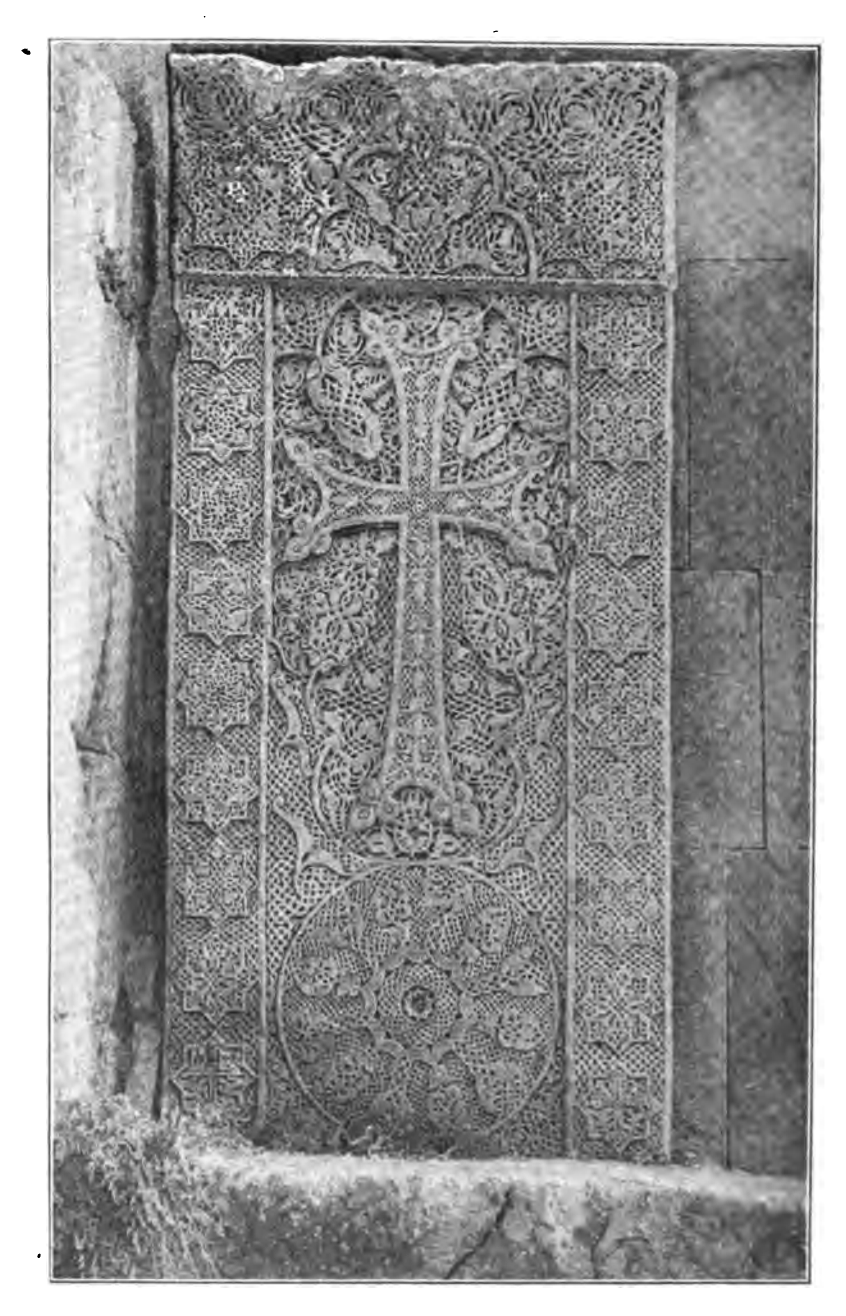
Мѣстности.	Время событій.	Убитые.	Раненые.	Событія. Ихъ причины.	Отношенія къ событіямъ населенія и властей.
				католиковъ, ихъ помѣстили въ большой казармѣ, гдѣ они пробыли три дня и 3 ночи въ одной комнатѣ безъ пищи. Потери ихъ достигаютъ до 120.000 фр. Число убитыхъ опредѣляется по крайней мѣрѣ въ 3.000, изъ которыхъ много женщинъ и молодыхъ людей. Многіе вынуждены были перейти въ магометанство. Всѣ армянскіе дома сожжены. Дома и православная церковь въ деревнѣ Гумушъ-Маиданъ разграблены. Въ деревнѣ Мамша разграблено 30 домовъ.	единовѣрцы хотятъ находиться подъ защитой, они должны выдать оружіе; лишь послѣ того, какъ они соглашаются на это, онъ соглашается выпустить ихъ изъ казармъ. 6-го числа онъ поступаетъ такимъ же образомъ съ 300 армяно-грегоріанъ, укрывшихся въ церкви. Только 9 ноября онъ помѣстилъ капуциновъ въ домѣ одного мусульманина.

Такія же таблицы составлены по 10 вилайетамъ.

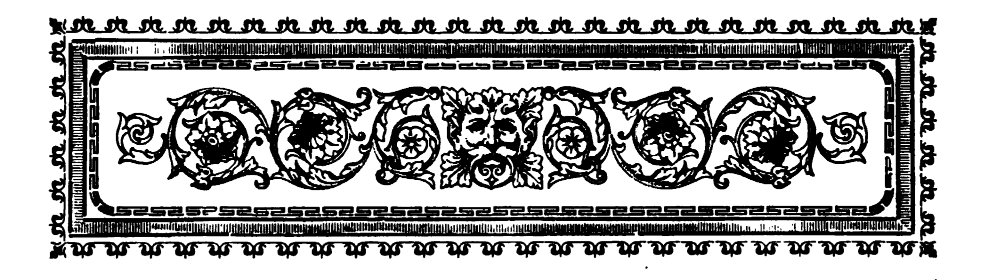
Общая таблица жертвъ и потерь (конецъ февраля 1896 года)

изъ Желтой Книги, стр. 238.

ПРОВИНЦІИ.	Населеніе.	Населеніе христіанское.	Дома разоренные.	Лавки разграбленныя.	Христіане убитые.	Мусульмане убитые.	Вынужденно обращенные въ магом.	Дома и лавки разграбленные.	Приведенные въ нищету.	Не доведенные до нищеты.
Шесть провинцій, на которыя распространяются реформы, утвержд. въ 1895 г.										
Эрзерумъ	595,500	125,700	7,500	2,600	6,715	30	5,200	1,177	55,300	28,000
Сивашъ	1,087,500	173,000	4,830	882	3,225	45	1,600	1,540	34,000	10,400
Харпутъ	524,300	81,400	10,577	915	11,584	519	12,500	16,412	41,500	8,000
Діарбекиръ	472,000	133,600	5,400	1,430	5,720	500	7,500	2,138	41,500	28,500
Битлисъ	399,000	138,700	6,050	430	1,400	3	6,500	450	50,000	11,000
Ванъ	431,500	175,200	2,900	255	463	—	3,000	365	25,000	5,000
Всего	3,509,800	827,600	37,257	6,512	29,107	897	36,300	11,812	247,300	90,900
Шесть провинцій, на которыя не распространяются реформы.										
Алепъ	410,500	46,650	1,200	850	6,600	—	1,500	700	21,500	2,000
Адана	403,500	97,500	600	40	50	32	3,000	—	10,000	10,000
Ашара	210,000	48,500	200	200	350	—	150	24	2,500	—
Трепизундъ	115,000	19,000	492	340	978	9	—	191	9,000	3,500
Всего	1,139,000	206,650	2,492	1,430	7,978	41	4,650	915	43,000	15,500
Общій итогъ	4,648,800	1,034,250	39,749	7,942	37,085	938	40,950	12,727	290,300	106,400



Надгробный крестъ-камень изъ мон. Мхитара-Гоша XII в. (Шушин. у.)



Изъ гр. А. Н. Толстаго.

* * *

Тотъ, кто съ вѣчною любовью
Воздавалъ за зло добромъ—
Избіенъ, покрытый кровію
Вѣнчанъ терновымъ вѣнцомъ;
Всѣхъ съ собой страданьемъ сближенныхъ,
Въ жизни долею обиженныхъ,
Угнетенныхъ и униженныхъ
Осѣнилъ своимъ крестомъ.

—

Вы, чьи лучшія стремленія
Даромъ гибнутъ подъ ярмомъ,
Вѣрьте, други, въ избавленье,
Къ Божью свѣту мы придемъ.
Вы, кручиною согбенные,
Вы, цѣпями удрученные,
Вы, Христу сопогребенные,
Совоскреснете съ Христомъ!

Варакскій монастырь близъ Вана (IX вѣка), раззоренный въ 1895 г.

Рѣзня въ Ванскомъ вилайетѣ

(іюнь 1896 г.).

Корреспондентъ «Арарата», бывшій очевидцемъ и свидѣтелемъ многихъ изъ описываемыхъ имъ событій въ Турецкой Арменіи, сообщаетъ подробности іюньскаго ванскаго разгрома 1896 г. Пятаго іюня, по его словамъ, начинаютъ собираться въ Ванъ оставшіеся въ живыхъ жители окрестныхъ деревень. Это преимущественно старики, дѣти, женщины, раненые, избитые, опозоренные. Число ихъ доходитъ до 15 тыс. Видъ этихъ несчастныхъ до такой степени возбуждаетъ жалость, что даже многіе изъ турокъ не въ состояніи были удержать слезъ. Всѣ они вмѣстѣ съ обездоленными недѣлю тому назадъ мѣстными жителями находятъ убѣжище въ домѣ американскихъ миссіонеровъ или же въ разоренныхъ церквахъ.

Когда же городскія власти стали успокоивать ихъ и увѣрять, что жизнь ихъ въ безопасности, тогда американскіе миссіонеры выпустили скрывающихся у нихъ армянъ, наскоро была устроена больница въ зданіи армянскаго училища, куда стали приводить раненыхъ, больныхъ и отъ страха лишившихся разсудка дѣвицъ и женщинъ. Больница быстро стала наполняться, несмотря на то, что въ день приходилось хоронить 50—60 чел. Среди этого ужасающаго зрѣлища, среди этихъ стоновъ и криковъ взоры всѣхъ обращены на своего ангела-хранителя, дѣвицу-доктора Кимбаль, которая съ чисто-материнскою заботливостью и необыкновеннымъ самоотверженіемъ ходитъ за больными, моетъ ихъ раны, перевязываетъ, утѣшаетъ, успокоиваетъ, чтобы сколько-нибудь облегчить тяжелую участь этихъ жертвъ турецкаго звѣрства.

Живущіе въ окрестностяхъ Варакскаго монастыря поселяне, числомъ около

1.000 чел., скрылись въ монастырѣ и въ сосѣднихъ горахъ. Другая часть ихъ, вышедши изъ своихъ селеній, намѣревалась перейти персидскую границу и спастись такимъ образомъ отъ смерти. 10 іюня, въ понедѣльникъ, когда армянамъ была объявлена безопасность жизни, то одновременно съ этимъ курды ширеты стали преслѣдовать бѣжавшихъ къ персидской границѣ армянъ. Не желая пропустить такого удобнаго случая угнать стада скрывающихся въ горахъ армянъ, курды бросились на Вараксую гору и произвели страшное избіеніе не только поселянъ, но и живущихъ въ монастырѣ монаховъ, учениковъ, учителей, а самый Варакскій монастырь, одинъ изъ лучшихъ монастырей въ Турецкой Арменіи, ими превращенъ былъ въ груды дымящихся развалинъ.

Такимъ образомъ число городскихъ бѣдняковъ увеличилось еще приливомъ этихъ послѣднихъ. Наконецъ курды добрались до тѣхъ, которые стремились къ границѣ. Этихъ было человѣкъ 200, хорошо вооруженныхъ. Къ нимъ же присоединились 1.000 чел. ванскихъ жителей, желавшихъ спастись въ Персію. Они думали подъ охраной 200 чел. дойти до границы; но не тутъ-то было: курды нагнали ихъ и съ помощью регулярныхъ войскъ произвели полное избіеніе. Точно такимъ же образомъ была избита другая партія въ 600 чел., также намѣревавшихся перейти границу черезъ Сару и Хотуръ. Одна только партія въ 500 — 600 чел. спаслась въ горахъ, несмотря на тщательные поиски войскъ, имѣвшихъ съ собой горныя орудія для истребленія. Когда эти не нашли никого, то они пошли къ ближайшей деревнѣ Кохнъ и разорили, въ отместку, какъ эту послѣднюю, такъ и монастырь Св. Григорія. Уже добравшіяся до границы нѣкоторыя партіи были истреблены въ борьбѣ, продолжавшейся 4 дня. Таково, по крайней мѣрѣ, правительственное сообщеніе. Изъ всѣхъ этихъ бѣглецовъ уцѣлѣло только 6 чел., которые до сихъ поръ содержатся въ центральной ванской тюрьмѣ.

Послѣ ванской рѣзни Феридъ-Саадъ-Эддинъ-паша сталъ обезоруживать армянъ, для чего призвалъ къ себѣ знатнѣйшихъ изъ нихъ съ архимандритомъ Исаакомъ и далъ на то срокъ 24 часа. Тогда между несчастными снова наступила паника. Собраны были оставшіяся въ небольшомъ количествѣ ружья, причемъ прибѣгли было къ насиліямъ, но ихъ отъ этого удержалъ одинъ сановникъ-армянинъ, нѣкто Степанъ-эфенди Меликъ, приводя весь вредъ такого образа дѣйствій. Такими же соображеніями руководствовался прежній губернаторъ, Назимъ-паша, что такъ долго удерживалъ отъ разгрома Ванскую область. Вся задача этого гуманнаго правителя заключалась въ уничтоженіи религіозной розни, ненависти, существующей между армянами и мусульманами.

Къ несчастію армянъ, да и самихъ турокъ, такая политика Назима не нашла никакого одобренія и сочувствія со стороны Стамбула, и Назимъ былъ замѣненъ жестокосердымъ Феридомъ. Этотъ же все время возбуждалъ курдовъ противъ христіанъ, поддерживалъ съ помощью высшихъ административныхъ сферъ комитеты, которые играли гнусную роль палачей въ рѣзнѣ армянъ. Вѣдь эти же комитеты, видя храброе сопротивленіе армянъ въ центральныхъ кварталахъ Вана и сравнительно большія потери со стороны турокъ, побудили чернь броситься на губернаторскій домъ, прося у Назима помощи войсками и даже заставили убить одного изъ приближенныхъ Назима, нѣкоего Гамди-бея, посланнаго для того, чтобы не допустить въ городъ шайки Шакира. Назимъ-паша,

боясь ярости черни, не рѣшался выходить изъ дома, пока не подписалъ своей отставки.

Послѣ рѣзни въ Ванѣ оказалось до 30 тысячъ обездоленныхъ людей. Помощи ни откуда. Всѣ они остались на попеченіи одного американскаго общества. Во всѣхъ почти церквахъ Ванскаго вилайета, кромѣ небольшого числа собственно городскихъ церквей, прекратились всякія церковныя службы. Очень многія изъ нихъ теперь представляютъ изъ себя груды развалинъ или магометанскія мечети. Священнослужители частью убиты, частью обращены въ исламъ. Одно уныніе, одна печаль и запустѣніе царитъ всюду. Стаи волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей, увеличивавшіяся въ послѣдніе годы, рыщутъ въ окрестностяхъ безлюдныхъ деревень, нѣкогда богатыхъ и цвѣтущихъ. Вой этихъ звѣрей перемежается съ заунывнымъ призывомъ къ молитвѣ магометанскихъ муэдзиновъ, уныло распѣвающихъ священные стихи Алкорана съ нѣкогда бывшихъ колоколенъ, теперь превращенныхъ въ минареты.

---

* *
*

Когда 3 іюня началась въ городѣ рѣзня, оффиціальныя телеграммы извѣстили объ этомъ провинціальныя власти, которыя поэтому приказали начать разгромъ.

Хотя, вслѣдствіе прекращенія путей сообщеній въ Малой Азіи вообще, нельзя въ точности въ цифрахъ выразить число убитыхъ, тѣмъ не менѣе, по нѣкоторымъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, дошедшимъ до насъ, можно предположить, что общее число убитыхъ во всемъ вилайетѣ не менѣе 20.000, а по мнѣнію другихъ и 30.000.

Самая ужасная рѣзня была произведена въ Арчетѣ, Гайоцъ-Дзорѣ, Кивашѣ и Гарчанѣ. Въ первыхъ двухъ убито 1.650 чел. и 850 во вторыхъ двухъ. Во всѣхъ деревняхъ Арчетской волости почти не осталось никакого населенія. Одинъ Дайфуръ, глава курдской шайки, какъ сообщается въ оффиціальномъ турецкомъ извѣщеніи, убилъ *150 чел.* Въ деревнѣ Нарекъ убито 200 чел., а въ Бэлу и болѣе того. Изъ всѣхъ этихъ деревень спаслось только десятеро. Два разбойника, Абдулъ-Гамидъ и братъ его, Абдулъ-Кафюръ, убили болѣе 200 чел. Въ Шахпазѣ убито 160 чел.

Деревня Арчакъ не подверглась прошлогоднему разгрому и тамъ порядокъ сохранялся отрядомъ войска въ 130 чел. Когда же началась рѣзня во всей области, то начальникъ этого отряда поклялся передъ обществомъ, что не допуститъ къ нимъ грабителей. Но это только обманъ. Вскорѣ самъ же предаетъ село грабежу и къ нему на помощь приходитъ другой, большій количествомъ отрядъ. Здѣсь было убито 200 чел., 60 — 65 молодыхъ женщинъ и дѣвицъ было обезчещено. Нѣкоторые убѣгаютъ въ курдскую деревню Мезре и тамъ принимаютъ исламъ, чтобы спастись отъ неминуемой гибели.

Магометъ-бей, одинъ изъ вліятельнѣйшихъ начальниковъ курдскаго племени Айтеранли, ни въ прошломъ году, ни теперь не захотѣлъ участвовать въ разгромахъ области Беркръ; тѣмъ не менѣе его племя, помимо его воли, произвело ужасную рѣзню.

Во всѣхъ вышеназванныхъ областяхъ, кромѣ большого числа убитыхъ, было

и много обращенныхъ въ исламъ. Причиной перехода въ исламъ было то обстоятельство, что многія области не имѣли такихъ природныхъ убѣжищъ, куда можно было бы скрыться, вслѣдствіе чего многіе прямо бѣжали въ мечети, въ дома шейховъ, муллъ, дервишей, которые подъ угрозой смерти обращали ихъ силой въ исламъ. Было и много такихъ курдскихъ бековъ, которые спасали много армянъ; но это дѣлалось не изъ человѣколюбія, а единственно вслѣдствіе того, что эти армяне находились въ нѣкоторой крѣпостной зависимости отъ бековъ, которые, конечно, изъ корыстныхъ цѣлей, не давали убивать ихъ. Одинъ только Махмудъ-Заде-Бейтуллахъ-бей, отличаясь гуманностью и человѣколюбіемъ, защитилъ отъ разгрома всю Мокскую область. Онъ хорошо знакомъ съ армянскимъ языкомъ, много читаетъ на немъ. Во время рѣзни онъ отсутствовалъ изъ своей области; ко зная, что дикіе курды воспользуются его отсутствіемъ и произведутъ избіеніе армянъ, поспѣшно прибылъ изъ Вана и, собравъ вокругъ себя 400 храбрыхъ курдовъ, разогналъ толпы курдовъ-ашеретовъ, идущихъ съ цѣлью избіенія въ Мокскую область. Этотъ же бекъ, въ прошломъ году, кромѣ оказанныхъ армянамъ многихъ услугъ, пожертвовалъ 300 лиръ въ пользу армянъ. На Варакской горѣ укрылось 5000 чел., большая часть которыхъ погибла отъ меча, пожара, голода, заразныхъ болѣзней. Много укрылось также на судахъ и бѣжало на островки Лимъ и Кутуцъ. Число ихъ простирается до 8 тыс.

Было много примѣровъ самозащиты организованными наскоро и вооруженными отрядами, тѣмъ не менѣе нигдѣ не пришлось до конца отстоять свою безопасность. Деревня Асрафъ въ прошлую рѣзню отстояла себя, теперь она совершенно уничтожена. Не менѣе храбро защищалась и деревня Банонъ; но въ концѣ пала отъ звѣрствъ Эмина-паши. Деревня Гендотнъ сдѣлалась жертвой обмана со стороны гамидіэ, потребовавшихъ, взамѣнъ безопасности жизни, оружія. Жители повѣрили и были убиты всѣ поголовно.

Болѣе всего пострадала большая деревня Шахъ-Шатахской волости, гдѣ дѣйствовалъ самый ужасный изъ курдскихъ предводителей Шакиръ-паша, человѣкъ-звѣрь въ полномъ смыслѣ этого слова. Шакиру всегда помогали власти. Вообще въ деревняхъ, вслѣдствіе малочисленности населенія, отсутствія средствъ и оружій было больше жертвъ, чѣмъ въ городахъ. Да и избіенія носили ужасный варварскій характеръ. Такъ, арчешскаго священника привязали къ *хвосту дикой лошади*; а въ деревнѣ Ганцакъ нѣкто Али-бекъ и Надыръ-оглу до 20 дѣтей и 10 старухъ бросили въ *глубокую яму*, въ которой побивали камнями этихъ несчастныхъ проходящіе до тѣхъ поръ, что яма не наполнилась камнями и два дня еще слышались оттуда стоны брошенныхъ. Въ самомъ Ванѣ женщинъ и дѣтей щадили. Напр. тамъ Халибъ-паша оберегалъ такъ дѣтей и женщинъ, что приказывалъ давать имъ воды въ то время, когда эти падали въ обморокъ, видя страданія своихъ близкихъ, причиняемыя самимъ Халибомъ. Не то было въ деревняхъ: здѣсь не разбирали ни пола, ни возраста; если и оставались въ живыхъ женщины или даже дѣти, то и ихъ обезчещивали. Чтобъ избѣгнуть этого позора, многія изъ бѣжавшихъ въ городъ женщинъ обривали себѣ голову, брови и вымазывали лицо глиной. Многія деревни подверглись двумъ, тремъ, даже четыремъ разгромамъ, такъ что ничего тамъ не оставалось, даже дверныя и оконныя рамы—и тѣ унесены.

Тѣ изъ армянъ, которые по какимъ-либо соображеніямъ спасались у магометанъ, были обращены въ исламъ. Таковы многіе изъ жителей Арчеша, Арцкея, Каваша, Карчкана, Хошана и др. Извѣстно, что еще въ прошлую рѣзню перешедшіе въ исламъ почти всѣ жители Хизана, Спаркерта, Каркара, Мамртана вотъ уже 8 мѣсяцевъ какъ хлопочутъ о переходѣ снова въ христіанство, но правительство оттягиваетъ. Число омагометанившихся въ Ванскомъ вилайетѣ доходитъ до 30.000. Въ настоящее время они въ знакъ перехода въ исламъ носятъ на головѣ бѣлую чалму, а на поясѣ—кинжалъ.

Кромѣ матеріальныхъ убытковъ, нанесенныхъ многимъ монастырямъ, уничтожена масса древностей: древней церковной утвари, очень много рѣдкихъ рукописей и т. п. Шайки курдовъ еще теперь носятъ въ города на сплавъ церковныя вещи дорогія ризы и серебряные переплеты старыхъ рукописей. Долгое время не показывавшему мѣста монастырскихъ сокровищъ архимандриту Елисею отрубили голову и бросили собакамъ, а другого священника изжарили въ печкѣ. Ужасное зрѣлище представляли разлагающіеся трупы въ городахъ и селахъ; стаи собакъ кормились ими. Воздухъ былъ зараженъ зловоніемъ, вездѣ смерть и опустошеніе и въ то же время вездѣ дикій, веселый разгулъ курдовъ.

Ванскіе армяне на жнитвѣ

Мкртичъ I Айрикъ (1889 г.)

Айрикъ [1]).

ПѢСНЯ АШУГА [2])

СЪ АРМЯНСКАГО.

Айрикъ, Айрикъ! тотъ край, гдѣ ты возросъ,
Васпураканъ [3]) родной, тебѣ доставилъ
Колючки злыя вмѣсто нѣжныхъ розъ,
И къ каждой скорби новыхъ тьму прибавилъ.

---

1) *Айрикъ* (отецъ родной)—прозвище нынѣшняго каѳоликоса Мкртича I (см. выше).

2) Ашугъ—слѣпой армянскій рапсодъ. О значеніи рапсодовъ для армянскаго народнаго эпоса см. выше статью г. Берберіана.

3) Васпураканъ—мѣстность около Ванскаго озера.

* * *

Вотъ Май приходитъ съ пѣсней соловья,
Чтобы изъ почекъ вызвать къ жизни росы,
Но, вдругъ шиповъ нагія острія
На мѣстѣ розъ увидѣвъ, пролилъ слезы.

* * *

Айрикъ сказалъ: «Мнѣ родины моей
Шипы милѣе розъ чужаго края,
И вновь пойду межъ колкихъ я вѣтвей
Искать, гдѣ скрылась роза молодая.

* * *

Изъ этихъ терній, острыхъ какъ игла,
Вѣнецъ плетите мнѣ безъ опасенья:
Красой онъ будетъ моего чела;
Оно съ восторгомъ приметъ уязвленья».

* * *

Айрикъ, Айрикъ, сроднился ужъ давно
Съ твоимъ челомъ священнымъ потъ кровавый.
Когда-жъ безвреднымъ розамъ суждено
Во всемъ цвѣту вѣнчать тебя со славой?

Ѳ. Коршъ

Мушъ (Турец. арм.).

Правда объ Арменіи *).

1.

Сухія цифры.

Необходимо, наконецъ, высказать объ Арменіи всю правду. Въ продолженіе цѣлыхъ трехъ четвертей года нѣмецкая пресса переполняется извѣстіями изъ такого источника, который отличается не только крайнею односторонностью сужденія, но и прибѣгаетъ къ невѣроятному искаженію фактовъ. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, что Германія до сихъ поръ ничего не знаетъ о происхожденіи, теченіи и слѣдствіяхъ массоваго избіенія, грабежа и принудительнаго обращенія въ магометанство цѣлаго христіанскаго народа; а германская пресса старается выставить при бенгальскомъ освѣщеніи «бунтующихъ» армянъ, какъ зачинщиковъ и виновниковъ всѣхъ безпорядковъ.

Турецкая комиссія для изслѣдованія дѣла о рѣзнѣ въ Сассунѣ (осенью 1894 г.) имѣла свое второе засѣданіе въ Мушѣ 26-го января 1895 г. Делегаты англійскаго, французскаго и русскаго консульствъ, установивъ фактъ избіенія нѣсколькихъ тысячъ христіанъ и разрушенія 27 христіанскихъ селеній при содѣйствіи турецкихъ войскъ, предложили, сообразно своимъ европейскимъ поня-

*) Изъ книги—мессіонера Лепсіуса—Armenien und Europa. Berlin. 1896.—Книга переведена на англійскій и французскій языки и переводится на русскій.

тіямъ о справедливости, произвести слѣдствіе надъ виновными. Но турецкая коммиссія хоть и признавала a priori фактъ убійствъ, однако отъ этого предложенія уклонилась. Согласно предписанію Порты, она намѣревалась произвести слѣдствіе о «преступныхъ дѣяніяхъ армянскихъ разбойниковъ». Комиссія пребывала въ Мушѣ отъ 24 января до 21-го іюля, находясь отъ пяти до десяти часовъ разстоянія отъ мѣста рѣзни. Она заботливо устраняла всѣхъ свидѣтелей христіанъ, представленныхъ ей европейскими делегатами, и въ ста восьми засѣданіяхъ выслушивала только показанія свидѣтелей турокъ, которые предварительно были научены, что именно нужно показывать. Такимъ образомъ вина «армянскихъ разбойниковъ» была вполнѣ удостовѣрена. Свидѣтели, которые осмѣливались утверждать противное, безъ долгихъ разсужденій заключались въ тюрьму. Европейскіе делегаты, наконецъ, отказались присутствовать при этой комедіи. Они удалились въ Сасунъ и, установивъ всѣмъ извѣстные возмутительные факты, признали полную невиновность мирнаго армянскаго населенія.

Мы намѣрены изслѣдовать *не одно*, а сотни убійствъ, которыя непрерывно продолжались въ Арменіи, начиная съ октября прошлаго года (1895) по настоящее время. Но мы не станемъ слѣдовать похвальному примѣру турецкой коммиссіи, а будемъ придерживаться европейскаго образа дѣйствій. Мы начнемъ съ фактовъ и будемъ затрогивать quaestio juris только тогда, когда наши читатели въ состояніи будутъ судить о quaestio facti. Итакъ, къ фактамъ!

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ великія христіанскія державы, въ особенности Англія, Франція и Россія, настаивали на томъ, чтобы обѣщанныя семнадцать лѣтъ тому назадъ реформы были, наконецъ, даны армянскимъ провинціямъ. Тогда султанъ рѣшился уступить и принять планъ реформъ, предложенный ему державами для шести армянскихъ провинцій—Эрзерума, Битлиса, Вана, Мамуретъ-уль-Азиса (Харпутъ), Діарбекира и Шиваса. Чтобы заставить замолчать угрожающій голосъ Англіи, султанъ въ письмѣ къ лорду Сальсбюри даетъ слово, что требуемыя реформы немедленно будутъ введены.

30-го сентября 1895 г. армянское населеніе Константинополя, желая придать болѣе вѣсу требованіямъ державъ, которыя настаивали на исполненіи обѣщаній, выраженныхъ въ Берлинскомъ трактатѣ, составило на имя великаго визиря петицію, въ которой были изложены жалобы и требованія армянскаго народа. Толпа армянъ въ 2.000 человѣкъ двинулась по улицамъ Стамбула къ Высокой Портѣ. Полиціи было приказано не допускать подачи петиціи; софты, вооруженные палками, и турки устроили мѣстную демонстрацію. Это повело къ схваткѣ, съ обѣихъ сторонъ обмѣнялись выстрѣлами, и полиція разсѣяла армянъ въ разныя стороны. Многіе изъ упавшихъ на землю были пристрѣлены жандармами, арестанты при полиціи заколоты штыками, армянскій кварталъ (Khaus) ночью взятъ приступомъ. 500 человѣкъ армянъ были немедленно арестованы, а всеобщая паника заставила армянское населеніе искать прибѣжища въ церквахъ.

Это возмутительное событіе было сигналомъ къ сотнямъ убійствъ. При трубныхъ звукахъ опустошались не только тѣ шесть провинцій, которыя готовились осчастливить реформами, но и остальныя четыре болѣе отдаленныя провинціи подверглись страшному разгрому. Уцѣлѣвшихъ отъ рѣзни предавали голодной смерти или принуждали къ насильственному переходу въ магометанство.

Самыя плодородныя провинціи Оттоманской имперіи, страна, равная пространствомъ Германіи, была опустошена въ конецъ и залита кровью, потоки которой должны были поглотить весь армянскій народъ.

Слѣдующій статистическій матеріалъ, далеко еще не полный, заимствованъ нами, главнымъ образомъ, изъ доклада пословъ шести великихъ державъ, который былъ поданъ 6-го февраля 1896 г. султану для ознакомленія его величества съ происшедшими событіями и дополненъ показаніями очевидцевъ-европейцевъ, консуловъ, (путешественниковъ) туристовъ, купцовъ и пр.

Рѣзня въ Трапезундскомъ вилайэтѣ.

8-го октября. Уже 4-го и 5-го октября было сдѣлано нападеніе на христіанскій кварталъ въ Трапезундѣ толпою изъ 3 тысячъ вооруженныхъ мусульманъ изъ городского и сельскаго населенія. 8-го же октября произошла настоящая рѣзня, въ которой погибло около 600 армянъ. Число убитыхъ магометанъ не превышало 20-ти. Избіеніе началось въ полдень по сигналу изъ трубы и закончилось по такому же сигналу въ 3 часа. Базаръ и армянскій кварталъ были разграблены. Убытки простираются до 4-хъ милліоновъ марокъ. Консулы прямо утверждали, что «со стороны армянъ не было никакого вызова». Что же касается до дѣйствій мусульманъ, то всѣ улики налицо, что они были начаты съ вѣдома администраціи и заранѣе подготовлены: днемъ на базарѣ было закуплено оружіе и устроенъ для него складъ. Администрація до самаго вечера терпѣливо взирала на грабежъ. Въ Трапезундѣ и его окрестностяхъ число лишившихся всякихъ средствъ къ существованію доходило до 3—4 тысячъ.

Въ сельскихъ округахъ Трапезунда, Гумушъ-Ханэ (25 и 26 октября), Самгунѣ (7 декабря) и Агдійа-Гунэй (14 и 15 декабря), было разрушено, насколько извѣстно, 34 селенія и перебито около 2.100 человѣкъ христіанъ.

Рѣзня въ Эрзерумскомъ вилайэтѣ.

Магометане открыто дѣлали свои приготовленія къ нападенію, а администрація и не думала имъ препятствовать въ этомъ, несмотря на настояніе консуловъ. 20-го октября вооруженная толпа при содѣйствіи офицеровъ и солдатъ, какъ утверждаютъ консулы, напала на армянскій кварталъ и базаръ города Эрзерума. 1.500 лавокъ и нѣсколько сотенъ домовъ были разграблены. Въ городѣ и его окрестностяхъ во время рѣзни погибло 1.200 христіанъ и 12 человѣкъ турокъ. Администрація не предприняла ничего до тѣхъ поръ, пока лавки не были окончательно разграблены, а владѣльцы ихъ перебиты. Рѣзня и грабежъ продолжались и ночью, а въ отдаленныхъ кварталахъ даже и на слѣдующую ночь.

Въ округѣ Тердіанъ было разграблено и разрушено 40 селеній и перебито безчисленное количество христіанъ. Въ округѣ Пассенъ разрушено 14 деревень и убито 140 человѣкъ армянъ. Въ округѣ Ова разрушено и разграблено 23 селенія; въ округѣ Кичи разграблено 9 селеній. Всюду безчисленное множество убитыхъ.

Въ городѣ Эрцингіанѣ во время рѣзни 21-го октября убито 700 христіанъ и ранено 400, тогда какъ турки потеряли только 7 человѣкъ.

Въ городѣ Байбуртѣ 27 октября всѣ армяне мужского пола были перебиты или заключены въ тюрьму. Число убитыхъ достигаетъ до тысячи. Въ окрестностяхъ Байбурта совершенно разграблено и разрушено 165 деревень.

Въ Нарзаганѣ убито 100, въ Ксантѣ 400, въ Баязетѣ 500 человѣкъ армянъ. Турки нигдѣ не имѣли потерь убитыми.

Кромѣ того, въ Байбуртѣ сожжено 14 женщинъ съ грудными дѣтьми, 100 женщинъ изрублено въ куски и 50 молодыхъ женщинъ, во избѣжаніе позора, умертвили себя сами.

Такъ какъ во время всѣхъ этихъ звѣрствъ было обезчещено множество женщинъ и дѣвушекъ, то мы не будемъ входить здѣсь въ дальнѣйшія подробности, тѣмъ болѣе, что къ этой главѣ намъ еще придется вернуться. Нѣсколько деревень было пощажено, благодаря данному ими откупу въ 120 турецкихъ фунтовъ (2.400 марокъ). Но вообще всѣ армянскія селенія этой провинціи были или разграблены или разрушены. Администрація ни въ чемъ не мѣшала мятежникамъ. Войска принимали участіе въ убійствахъ и грабежѣ и оставшіеся въ живыхъ всюду принуждались къ переходу en masse въ исламъ.

Рѣзня въ Битлисскомъ вилайэтѣ.

25-го октября по выходѣ изъ мечети турки напали на армянъ и притомъ, какъ видно изъ донесенія пословъ, *безъ малѣйшаго вызова со стороны послѣднихъ*. Рѣзня началась и закончилась по звуку сигнальнаго рожка. Число убитыхъ дошло до 900 человѣкъ. По донесенію турецкой администраціи при этомъ было убито 39 магометанъ.

Въ округахъ Сасуна, Талори, Муша, Зеерта, Йерума, Ширвана, Гуцель-Дэрэ, Зегьерда, Гиндьи и Дьябагъ-Фагура вооруженныя банды магометанъ разрушили безчисленное множество селеній не только армянскихъ, но и халдейскихъ, якобитскихъ и другихъ. Жители всюду были перебиты. Отвѣтственность въ этой рѣзнѣ лежитъ на администраціи.

Рѣзня въ Ванскомъ вилайэтѣ.

Лежащія предъ нами объемистыя таблицы испещрены названіями селеній и перечисленіемъ разрушенныхъ домовъ, церквей и монастырей. Всего въ 25-ти округахъ было разграблено и, по большей части, разрушено 543 селенія. Въ Ванскомъ вилайэтѣ въ отличіе отъ прочихъ провинцій убитыхъ можно считать только сотнями. Произошло это благодаря тому, что здѣсь орудіемъ правительства были курды, обращавшіе свое вниманіе главнымъ образомъ на грабежъ, тогда какъ въ другихъ провинціяхъ дѣйствовали турки, цѣль которыхъ была убійство. Это упущеніе, впрочемъ, скоро было исправлено новой рѣзней. Въ это время, по словамъ франкфуртской газеты, отъ 11-го до 22-го іюня погибло въ самомъ Ванѣ 1000 человѣкъ. Въ округахъ же убитыхъ было по меньшей мѣрѣ 20,000.

Число нуждающихся, которые безъ поддержки должны были умереть съ голоду, дошло въ городѣ въ маѣ мѣсяцѣ до 13,000, а въ округахъ—до 70,000. Сдѣлаемъ еще краткое замѣчаніе о томъ, что въ Ванскомъ вилайэтѣ и въ двухъ округахъ Битлиса было разграблено и по большей части до основанія разрушено 236 церквей и 53 монастыря; жители же 245 селеній насильственно переведены въ магометанство, а 116 церквей обращены въ мечети. Въ лежащихъ предъ нами таблицахъ перечислены разграбленныя селенія и церкви не во всѣхъ округахъ. Едва ли стоитъ упоминать, что въ разграбленіи принимали дѣятельное участіе вновь сформированные полки Гамида (иррегулярная курдская конница).

Рѣзня въ вилайэтѣ Мамуретъ-уль-Азисѣ.

Въ Харпутѣ 10-го и 11-го ноября турки, *безъ всякаго вызова со стороны мирнаго армянскаго населенія*, напали на армянскій кварталъ и перебили жителей. Изъ донесенія пословъ видно, что офицеры и солдаты принимали участіе не только въ грабежѣ, но и въ убійствахъ, для чего пускали въ ходъ ружейные и пушечные выстрѣлы. Въ одномъ изъ домовъ протестантской миссіи разорвалась граната, уничтожившая все ея достояніе—шесть домовъ и школъ. При рѣзнѣ въ Харпутѣ погибло 900 армянъ и, какъ видно изъ донесенія эрзерумскаго вали, только 12 мусульманъ. Число раненыхъ было громадно. Въ докладѣ пословъ говорится, что курды утверждаютъ, будто они дѣйствовали съ вѣдома и одобренія властей.

Болѣе 60 деревень въ окрестностяхъ Харпута были опустошены. Убитыхъ безчисленное множество, такъ какъ въ этой мѣстности христіанское населеніе очень многочисленно. Курды напали на караванъ изъ 200 человѣкъ армянъ, возвращавшихся изъ Адана на родину въ Харпутъ. 193 человѣка было убито, а сопровождавшіе ихъ жандармы, вмѣсто того, чтобы защитить ихъ, приняли участіе въ грабежѣ. Теперь на 60 деревень въ окрестностяхъ Шарпута нѣтъ ни одной церкви и ни одной школы. Уцѣлѣлъ только священникъ; все остальное населеніе или перебито или обращено въ исламъ. Даже въ самомъ Шарпутѣ 200 семействъ были принуждены принять магометанство.

Въ Арабкирѣ вооруженные турки и курды набросились на христіанъ и разграбили городъ. По донесеніямъ консуловъ грабежъ и пожары продолжались десять дней, при чемъ было разграблено 3700 домовъ и 500 лавокъ и убито 4000 армянъ. По оффиціальной статистикѣ турокъ, послѣдніе потеряли убитыми 60 человѣкъ. По окончаніи пожаровъ «полиція начала слѣдствіе, и всѣ мужчины, уцѣлѣвшіе отъ рѣзни, были брошены въ тюрьму» (донесеніе пословъ).

Нужда среди оставшихся въ живыхъ женщинъ и дѣтей вопіющая. Администрація «въ продолженіе нѣсколькихъ дней» раздавала хлѣбъ. Затѣмъ помощь прекратилась.

Городъ Эгинъ былъ пощаженъ, такъ какъ далъ въ видѣ откупа 1500 турецкихъ фунтовъ (около 30,000 марокъ). Но за эту временную отсрочку въ рѣзнѣ турки вознаградили себя въ прошломъ мѣсяцѣ (іюлѣ 1896 г?). О послѣднемъ событіи нѣтъ еще точныхъ извѣстій.

Въ г. Малатіи вооруженные турки и курды напали 4 ноября на кварталъ

христіанъ, которые вслѣдствіе паники съ 29 октября не выходили изъ своихъ домовъ. Мутессарифъ (губернаторъ) въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ допускалъ рѣзню и грабежъ и только послѣ этого взялъ подъ свою охрану армянъ-католиковъ, укрывшихся въ церкви. Рѣзня армянъ григоріанскаго вѣроисповѣданія тянулась, безъ всякаго вмѣшательства властей, шесть дней; убито 5000 человѣкъ армянъ, между прочимъ множество женщинъ и дѣтей и сожжены дотла всѣ армянскіе дома (около 1000).

Въ сельскихъ округахъ вилайэта разграблены деревни и перебито безчисленное множество армянъ. Изъ имѣющагося у насъ въ рукахъ сообщенія видно, что разорено 176 деревень и городовъ, въ которыхъ разрушено и разграблено 7542 дома и 512 лавокъ. Общее число убитыхъ въ этомъ вилайэтѣ христіанъ доходитъ, судя по извѣстіямъ, до 15,845 чел. Что же касается до людей, лишившихся всякихъ средствъ къ жизни, положеніе ихъ до того ужасно, что безъ необходимой поддержки они должны умереть съ голоду. Число ихъ, безъ преувеличенія можно сказать, доходитъ до 100,000. До марта этого (1896) года европейскіе вспомогательные комитеты снабдили средствами къ жизни 60,000 человѣкъ и роздали 11,000 тур. ф. (220,000 мар.). Но чтобы сохранить жизнь въ конецъ разореннаго народа необходимо еще по крайней мѣрѣ 100,000 тур. фун. Намъ остается добавить, что большая часть уцѣлѣвшаго въ этомъ вилайэтѣ населенія, во избѣжаніе новой рѣзни, приняла исламъ.

Рѣзня въ Діарбекирскомъ вилайэтѣ.

Утромъ 1-го ноября являются въ городъ курды, вмѣстѣ съ магометанами грабятъ базаръ, поджигаютъ его и начинаютъ избивать христіанъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Солдаты, заптіи и курды соединяются вмѣстѣ, чтобы стрѣлять въ христіанъ. Звѣрства продолжаются три дня, хотя предъ рѣзней вали (генералъ-губернаторъ) заявлялъ французскому консулу, что онъ «ручается за спокойствіе». (Донесеніе пословъ). *Утвержденіе, что христіане сами вызвали безпорядки, опровергается консулами, какъ совершенно ложное,* тогда какъ ими вполнѣ установленъ фактъ заботливаго подготовленія магометанъ къ рѣзнѣ. Даже зданіе консульства пять разъ, хотя и безуспѣшно, подвергалось нападенію курдовъ. Для того, чтобы возстановить порядокъ, вали заставилъ христіанъ разоружиться, но магометанамъ оставилъ оружіе. Въ самомъ Діарбекирѣ убито 2000 христіанъ, разграблено 1701 домъ и сожжено 2448 лавокъ. Матеріальные убытки исчисляются въ 2 милліона турец. фун. (40 милліоновъ марокъ). Всѣ окрестные округа опустошены курдами; число тѣхъ людей, которые были свидѣтелями гибели своихъ семействъ и разоренія селеній, доходитъ до 30,000. Кромѣ упомянутыхъ убитыхъ христіанъ, безъ слѣда исчезли 1000 человѣкъ городскихъ жителей и 1000 сельскихъ, пришедшихъ въ городъ на работу. Въ Сандіакѣ разграблено и сожжено 119 деревень. Та же участь постигла и остальные округа вилайэта. Въ одномъ округѣ Северекъ было уничтожено 176 деревень. Въ монастырѣ Маганай-Этцоцъ было перебито 300 человѣкъ, искавшихъ въ немъ убѣжища. Въ округахъ Селиванѣ, Гинэ и сосѣднихъ разграблены 105 церквей и обращены въ мечети; оставшееся же въ живыхъ населеніе григоріанскаго и православнаго

исповѣданія почти во всѣхъ селеніяхъ вилайэта вынуждено было принять исламъ. Большое армяно-католическое селеніе Теларменъ было въ конецъ разграблено. Городъ Мардинъ хоть и въ большой опасности, но до сихъ поръ пощаженъ. Между пострадавшими началась холера.

Рѣзня въ вилайетѣ Сивасѣ.

Въ началѣ ноября вооруженныя шайки курдовъ наводнили страну и, совмѣстно съ магометанами, все предали огню и мечу. *„Вали не можетъ добиться отъ Порты уполномочія для принятія надлежащихъ мѣръ"* (донесеніе пословъ). Рѣзня въ городѣ Сивасѣ начинается 12 ноября въ полдень и продолжается три часа; 14-го числа она опять возобновляется. Всѣ принадлежащіе армянамъ магазины предаются разграбленію, а мелкая торговля уничтожается. Число жертвъ доходитъ до 2.000. Вечеромъ муэдзины съ высоты минаретовъ возглашали, что Аллахъ благословляетъ дѣяніе магометанъ. Всѣ селенія на разстояніи 10 километровъ отъ города опустошены. 12-го ноября городъ Гурунъ осажденъ 2.000 курдовъ или, какъ утверждаютъ, редифовъ (резервное войско). По четырехдневномъ сопротивленіи городъ взятъ и обращенъ въ груду развалинъ. Тысячи армянскихъ домовъ сожжены; число жертвъ доходитъ до 2.000. *„28-го ноября, т.-е. двѣ недѣли спустя послѣ рѣзни, 1.200 труповъ еще валялись непогребенные на улицахъ"* (донесеніе пословъ).

Какъ обычное слѣдствіе рѣзни, 150 женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ забраны курдами. 5.075 человѣкъ остались безъ куска хлѣба.

Въ Шабинъ-Кара-Гиссаръ и Шарки убійства и грабежъ происходили съ 27-го по 29-е октября. 1-го ноября было убито 2.000 человѣкъ, большею частью женщинъ и дѣтей, искавшихъ убѣжища въ армянской церкви. Число жертвъ въ окрестностяхъ города выше 3.000. 30 селеній разграблено и 40—50 процентовъ населенія перебито. Изъ городовъ назовемъ еще Амазію—съ 1.000 человѣкъ убитыхъ (всѣ магазины и заведенія разграблены), Марзиванъ съ 500 убитыхъ (разграблено 300 домовъ), Циле съ 200 убитыхъ (разграблено 300 домовъ и 200 магазиновъ). Всѣ сельскіе округа вилайета опустошены, а оставшееся въ живыхъ населеніе принуждено en masse принимать исламъ, какъ наприм. въ Гасмѣ, гдѣ обращены насильно въ магометанство сразу 655 человѣкъ. Число нуждающихся въ этой провинціи доходитъ, по достовѣрнымъ извѣстіямъ, до 180.000. Само собою разумѣется, что вспомогательные комитеты могутъ весьма облегчить нужду.

Эти шесть провинцій были именно тѣ, въ которыхъ султанъ давалъ слово ввести реформы. Звѣрства коснулись однако и сосѣднихъ вилайетовъ—Алеппо, Адана и Ангоры. Въ вилайетѣ Исмидтъ, противъ Константинополя, рѣзня была устроена въ г. Акъ-Гиссарѣ еще 3-го октября (убитыхъ 50 человѣкъ; матеріальныя убытки—15.000 турец. фун. (300.000 марокъ).

Рѣзня въ вилайетѣ Алеппѣ.

Вилайетъ Алеппо, вслѣдствіе малаго избіенія, происходившаго въ Айнтабѣ, Урфѣ, Бирeджикѣ, Марашѣ и другихъ городахъ, принадлежитъ къ числу про-

винцій, которыя понесли наиболѣе потерь въ людяхъ. Мы записываемъ по числу жертвъ: Бireджикъ—96 убитыхъ; Эль-Оглу—250 убитыхъ, Албистанъ—300 убитыхъ, Іениджe-кале—600 убитыхъ, Айнтабъ—1.000 убитыхъ, Марашъ—1.390 убитыхъ, Урфа—10.000 убитыхъ христіанъ. Цейтунъ единственный городъ на всей территоріи армянской бойни, который оказывалъ всю зиму отчаянное сопротивленіе, увѣнчавшееся успѣхомъ. Въ городѣ нашли убѣжище 20.000 бѣглецовъ и, несмотря на всѣ усилія, турецкія войска не могли заставить ихъ сдаться. Наконецъ въ дѣло вступились европейскіе консулы и цейтунскимъ армянамъ была дарована амнистія. Тѣмъ не менѣе во время осады города умерло отъ голода и пало въ сраженіяхъ 6.000 человѣкъ, не считая сотенъ, погибшихъ въ горахъ. Въ довершеніе позорнаго дѣла турецкія войска окружили между Цейтуномъ и Марашемъ караванъ изъ 4.000 бѣглецовъ армянъ и перебили 3.720 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей.

Въ Урфѣ, Бireджикѣ, Зеверекѣ и Адіаманѣ, по отчетамъ консуловъ, было насильственно обращено въ исламъ 5.000 человѣкъ. Въ Бireджикѣ теперь нѣтъ христіанъ.

Число нуждающихся, которыхъ европейскіе вспомогательные комитеты должны спасти отъ голодной смерти, доходитъ до 47.000. О сельскихъ округахъ относительно еще мало извѣстно. При всѣхъ этихъ звѣрствахъ дѣло всюду шло одинаковымъ путемъ: или вооруженныя банды при подстрекательствѣ войска внезапно нападали на ничего не предчувствовавшихъ христіанъ, или же власти вѣроломнымъ образомъ лишали христіанъ оружія и всякихъ средствъ къ оборонѣ и тогда ихъ рѣзали, какъ стадо барановъ. Всѣ старанія консуловъ предупредить рѣзню разбивались о противодѣйствіе правительства. Солдаты, редифы и гамидіэ, по донесеніямъ пословъ, принимали живое участіе въ убійствахъ и грабежѣ и нападали на христіанъ подъ предводительствомъ офицеровъ.

Рѣзня въ вилайетѣ Аданѣ.

Въ этой провинціи, вслѣдствіе прибытія американскихъ и французскихъ военныхъ кораблей, уцѣлѣли города Мерсина, Тарсъ и Адана. Впрочемъ, угроза начать рѣзню повторялась трижды, но вали, благодаря личному вмѣшательству командира кораблей, не смѣлъ дать разрѣшенія на грабежъ. Но за то тѣмъ болѣе пострадали сельскіе округи: въ округѣ Адана было разграблено 20 селеній со всѣми постройками, а въ округѣ Pajas—16 селеній, въ которыхъ совершенно разрушены 1.809 домовъ со всѣми надворными постройками. Вали предпринялъ поѣздку по вилаейту, и какъ только онъ оставлялъ селеніе, тамъ тотчасъ начинался грабежъ. И тѣмъ все яснѣе онъ увѣрялъ командира французскаго крейсера «Le Linois», что порядокъ нигдѣ не былъ нарушенъ. Повсюду у христіанъ отбирали оружіе, тогда какъ магометане оставались вооруженными. Матеріальные убытки въ округѣ Pajas исчисляются въ 50.000 тур. ф. (1.000.000 мар.). Въ Таврѣ было уничтожено нѣсколько квадратныхъ миль виноградниковъ. Число нуждающихся, включая сюда 7.000 бѣглецовъ изъ другихъ округовъ, доходитъ до 17.000.

Рѣзня въ вилайетѣ Ангорѣ.

Въ вилайетѣ Ангора *безъ всякаго вызова со стороны армянъ* началась 30 ноября страшная рѣзня, въ которой убито 1.000 человѣкъ армянъ и ранено 600. 200 лавокъ на базарѣ были совершенно разграблены; было сдѣлано нападеніе на женскія бани. Въ Юцгатѣ, Чорунѣ и Хаджи-Кои тоже происходило избіеніе. Въ Юцгатѣ были перебиты всѣ жители, въ Хаджи-Кои 90 человѣкъ. 45 селеній этого вилайета были разграблены. Селенія Экрекъ съ 800 и Мундъюрзумъ съ 1.000 домовъ по избіеніи въ нихъ всѣхъ жителей были совершенно уничтожены. Власти спокойно смотрѣли на буйства черкесовъ, которые, не встрѣчая препятствій, все предавали огню и мечу. Изъ 12 мобилизированныхъ батальоновъ 8 взбунтовались и солдаты дезертировали. Одинъ изъ высшихъ офицеровъ гарнизона въ Цезареѣ говорилъ, что не будь помѣхи со стороны властей, онъ сразу могъ бы подавить возстаніе и не допустить до рѣзни. Другой сожалѣлъ, что, благодаря вмѣшательству власти, они не успѣли уничтожить всѣхъ армянъ до единаго человѣка. То обстоятельство, что во всѣхъ этихъ звѣрствахъ принимали участіе военные подъ предводительствомъ даже высшихъ чиновъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію; и этотъ фактъ бросаетъ особенный свѣтъ на происхожденіе безпорядковъ, тѣмъ болѣе, что, по свидѣтельству пословъ, *со стороны армянъ не было никакого вызова и никакого революціоннаго возстанія*. Что касается до возмущенія въ Цейтунѣ, то это случай исключительный и, при ближайшемъ разслѣдованіи, совершенно оправдываемый положеніемъ армянъ.

Нашъ отчетъ о статистическихъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ вполнѣ достовѣрнаго источника, не можетъ считаться совершенно полнымъ, такъ какъ намъ не хватаетъ цифръ изъ многихъ сельскихъ округовъ. Тѣмъ не менѣе извѣстно слѣдующее: перебито 85.000 человѣкъ, разрушено городовъ и селеній около 2.500 монастырей и церквей 568. Насильственно обращено въ исламъ все оставшееся въ живыхъ населеніе въ 559 селеніяхъ и сотни семействъ въ городахъ. Обращены въ мечети 282 церкви. Число нуждающихся около 500.000. Эти числа указываютъ только на объемъ нашего статистическаго матеріала, но не касаются фактовъ, которые при изслѣдованіи кажутся еще ужаснѣе.

Если причислить сюда тысячи убитыхъ въ селеніяхъ, еще не попавшихъ въ списки умершихъ отъ ранъ и отъ голода, безслѣдно пропавшихъ во время бѣгства, погибшихъ отъ чумы и занесенныхъ снѣгомъ въ горахъ, то число человѣческихъ жертвъ надо полагать выше 100.000.

Семья Ванскихъ армянъ-ткачей.

II.

Нѣчто для крѣпкихъ нервовъ.

Въ нашемъ первомъ отчетѣ мы коснулись дѣла только съ точки зрѣнія статистики. Мы дали однѣ сухія цифры. Читатель, пробѣгая ихъ глазами, видитъ, что убито 100 чел. или 1.000, находятся въ крайней нуждѣ 10.000 ч. или 100.000. Но что значитъ при бѣгломъ обзорѣ одинъ лишній нуль? Поэтому статистическія таблицы не могутъ произвести должнаго впечатлѣнія. Вслѣдствіе этого мы намѣрены оживить мертвый матеріалъ и хоть на нѣсколькихъ примѣрахъ показать, какая жестокая дѣйствительность стоитъ за сухими цифрами. Насъ могутъ упрекнуть въ томъ, что мы разсказываемъ о вещахъ, отъ которыхъ невольно отворачивается взглядъ, что не останавливаемся передъ описаніемъ такихъ ужасовъ, отъ которыхъ содрагается сердце; но душевное спокойствіе читателя нарушается при этомъ только нѣкоторымъ потрясеніемъ нервовъ; тогда какъ гекатомба изъ стоновъ, слезъ и крови стоила жизни сотнѣ тысячъ людей, дошедшихъ до крайнихъ предѣловъ человѣческихъ страданій. Еслибъ дѣйствительно было такъ, какъ увѣряетъ насъ наша оффиціальная пресса, что эти вопіющія позорныя преступленія, это избіеніе массъ—не что иное какъ плодъ досужей фантазіи англійскихъ дипломатовъ и газетчиковъ, желающихъ время отъ времени «угощать Европу розсказнями о новыхъ бѣдствіяхъ армянъ», то наше описаніе послужило бы лишнимъ доказательствомъ злонамѣренности англійскихъ государственныхъ людей и публицистовъ. Но если то, что мы разсказываемъ, справедливо, независимо отъ могущаго произойти отъ этого

вреда или пользы для высшей и низшей политики, то слѣдуетъ признать, что право на большое довѣріе имѣетъ тотъ, кто высказываетъ правду, а не тотъ, кто умалчиваетъ о ней.

При дальнѣйшемъ изложеніи мы просимъ читателя не упускать изъ виду, что турецкія звѣрства, стоившія жизни 100.000 человѣкъ, происходили среди мирнаго и безоружнаго народа. Все, что разсказывалось въ нашихъ газетахъ о вызывающемъ образѣ дѣйствій армянъ передъ турецкимъ правительствомъ, о ихъ бунтахъ и революціонныхъ мятежахъ, пустая выдумка отъ перваго слова до послѣдняго и можетъ относиться развѣ только къ нѣкоторымъ безпокойнымъ личностямъ въ Лондонѣ, Парижѣ, Аѳинахъ или Константинополѣ, но никакъ не ко всему армянскому народу. Но мы еще къ этому вернемся. Пока достаточно взять въ руки донесеніе пословъ. Кто незнакомъ съ самыми фактами, для того ясно говорятъ цифры. Иначе чѣмъ же объяснить тотъ фактъ, что, на-ряду съ сотнями и тысячами погибшихъ армянъ, посольскій отчетъ приводитъ самыя незначительныя цифры убитыхъ магометанъ? Послѣднія притомъ взяты изъ оффиціальной статистики турокъ, которымъ нѣтъ интереса уменьшать количество убитыхъ магометанъ. Для сравненія приводимъ пополненныя нашими справками цифры убитыхъ армянъ и цифры убитыхъ турокъ. Выводъ изъ этого предоставляемъ сдѣлать самому читателю.

	Магометанъ †	Армянъ †
Трапезунтъ	20	800
Эрзерумъ	12	900
Эрцингіанъ	7	1.000
Битлисъ	39	900
Хартутъ	12	900
Арабкиръ	60	4.000
Сивасъ	(10)	1.400
Айнтабъ	50	1.000

Дѣйствительно замѣчательно, что при столкновеніи овецъ съ волками погибло такое громадное количество первыхъ и такое незначительное число вторыхъ. Дѣло это требуетъ еще разъясненія.

Но вернемся къ рѣзнѣ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что избіеніе армянъ было для турокъ праздникомъ. Все происходило въ замѣчательномъ порядѣ и по заранѣе составленной программѣ: рѣзня начиналась по сигналу изъ трубы, заканчивалась торжественной процессіей; муллы, съ высоты минаретовъ, посылали участникамъ въ рѣзнѣ благословеніе аллаха. Редифы (регулярныя войска), заптіи (жандармы) и вновь сформированные иррегулярные курдскіе полки, носившіе имя Гамида, дѣйствовали въ братскомъ единодушіи съ толпой, которой заранѣе было выдано оружіе, и какъ на веселый праздникъ шли на кровавое дѣло. Согласіе было полное. Турецкія женщины своимъ гортаннымъ голосомъ испускали воинственные клики, поощряли храбрецовъ къ дальнѣйшимъ подвигамъ и громкими свадебными пѣснями заглушали стоны и вопли жертвъ.

Дикій кровожадный духъ овладѣлъ благороднымъ народомъ. Да и почему бы нѣтъ? Здѣсь его воодушевлялъ офицеръ: «смерть армянамъ! На то воля султана!» Тамъ поощрялъ вали: «Будьте смѣлѣе, не уставайте рѣзать, грабить и

молиться за султана!» Почему-же имъ было не молиться и не рѣзать? Награда за благочестіе у всѣхъ передъ глазами: сваленные въ кучу товары въ магазинахъ армянскихъ купцовъ, все имущество въ ихъ домахъ — бери, сколько можешь захватить, и уноси къ себѣ. При этомъ увѣренность въ полной безнаказанности за свои позорныя дѣйствія... Мало того: заботливое правительство приняло всѣ мѣры, чтобъ облегчить своимъ вѣрнымъ подданнымъ дѣло кровопролитія, не подвергая жизнь ихъ опасности, и поэтому они безопасно могли рѣзать армянъ какъ барановъ на бойнѣ.

Мужественному народу и храбрымъ солдатамъ нечего было бояться за собственную жизнь. Они могли смѣло предаваться своей звѣрской забавѣ и заканчивать это позорное дѣяніе дикой оргіей.

Вытаскивать изъ домовъ и скрытыхъ убѣжищъ сотни безоружныхъ и беззащитныхъ армянъ, рубить имъ головы, рѣзать ихъ, давить, вѣшать, убивать дубинами, топорами и желѣзными кольями—скоро надоѣло. Веселому народу понадобилось разнообразіе. Однообразное убійство прискучило, надо сдѣлать его позанятнѣй, наприм.—развести огонь и жарить на немъ раненыхъ, или вѣшать однихъ на столбахъ внизъ головою, другихъ прибивать гвоздями, или связывать по пятидесяти человѣкъ вмѣстѣ и разстрѣливать... Для чего у армянина столько членовъ, какъ не для того, чтобы ихъ по одному отрубать и этими кровавыми обрубками затыкать ему ротъ. Выкалываніе глазъ, обрубаніе носовъ и ушей сдѣлалось спеціальностью. Въ особенности священники, которые отказываются принять исламъ, не заслуживаютъ лучшей участи. Не привести ли списокъ несчастныхъ, погибшихъ такимъ образомъ. Списокъ этотъ всегда къ услугамъ желающихъ ознакомиться съ нимъ... Но это старая метода, не могущая похвалиться новизной. Вотъ петроль и керосинъ! Власти выдали ихъ, чтобы поджигать дома и уничтожать жизненные припасы и житницы. Но, разумѣется, онѣ не будутъ противъ, если изъ петроля и керосина будетъ сдѣлано болѣе полезное употребленіе. Посмотрите на этого человѣка: это—фотографъ, по имени Мардиросъ. Какая у него большая борода! Спрысните-ка ее петролемъ и подожгите! Вяжите христіанъ вмѣстѣ, поливайте ихъ керосиномъ и пока они горятъ, бросайте въ эту кучу другихъ, чтобъ они задохлись отъ ѣдкаго дыму!

Какіе роскошные волосы у этой женщины! Посыпьте-ка ихъ порохомъ,—у правительства хватитъ еще!—пусть взорветъ ей голову! Да, дѣло мастера боится! Вотъ эффенди, по имени Абдулла. Въ монастырѣ Качтцорнайятцъ онъ заставилъ молодого человѣка и молодую дѣвушку лечь другъ на друга, и когда это было исполнено, однимъ сабельнымъ ударомъ отрубилъ имъ головы.

Но дѣло иногда обходится безъ огня и желѣза. Курдскій шейхъ Джевгеръ изъ Табарса велитъ связать двухъ братьевъ и сквозь нихъ вбиваетъ въ землю колъ. Соревнованіе побуждаетъ лѣнивыхъ къ дѣйствію; является честолюбивое желаніе похвалиться числомъ головъ, отрубленныхъ одной рукой. Одинъ булочникъ изъ Кессерика, убившій 97 армянъ, въ доказательство чего приноситъ ихъ обрубленные носы и уши, заявляетъ, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится пока не дойдетъ до сотни. Но онъ находитъ счастливаго соперника въ хаджи Бегосѣ изъ Тадема, который перешагнулъ за сотню и увѣнчалъ свои героическіе подвиги тѣмъ, что разрубилъ одну женщину на четыре части, прибилъ отрубленные куски къ столбамъ и выставилъ ихъ на-показъ. Мясника въ

Айнтабѣ, который посадилъ на колъ шесть армянскихъ головъ, превзошли турки изъ Субашнгульна, рѣзавшіе армянъ какъ барановъ и вѣшавшіе ихъ вокругъ на ножахъ, употребляемыхъ мясниками. Народъ въ Трапезунтѣ прибавилъ къ дѣлу даже юмора: тамъ турки застрѣлили армянскаго мясника Адама съ сыномъ, разрѣзавъ ихъ на части; развѣсили куски и предлагали прохожимъ: «Кому нужны руки, ноги, головы? Дешево продаемъ—покупайте!»

Но невинность надо щадить! Оставляйте дѣтямъ жизнь! «Султанъ велѣлъ избивать христіанъ начиная съ семнадцатилѣтняго возраста!» Но кто послушается голоса благоразумія? Да и что станется въ жизни съ этими безполезными ребятишками, которыхъ въ страхѣ и смятеніи при поспѣшномъ бѣгствѣ потеряли ихъ родители? Эти армянскіе выводки бродятъ по пустыннымъ ущельямъ въ окрестностяхъ Муша и, подобно стаѣ уличныхъ собакъ, голодные и холодные шатаются по улицамъ. Магометане одного большого селенія близъ Мараша освободили годовалаго ребенка отъ ожидавшей его печальной участи тѣмъ, что забросили его въ огонь. Въ Байбуртѣ турки оказались до того великодушны, что сожгли грудныхъ младенцевъ вмѣстѣ съ матерями въ 14 домахъ. Богатый Оганъ Авакіанъ предлагаетъ бѣснующейся толпѣ все свое имущество, лишь бы только она пощадила жизнь его и его семьи. Онъ держалъ на рукахъ своего трехлѣтняго сына. Но имущество и безъ того не уйдетъ отъ толпы, надо только сначала расправиться съ мальчишкой, а потомъ и со старикомъ. И оба убиты на глазахъ матери и остальныхъ дѣтей. Для храбраго турка ничего не стоитъ задушить ребенка на груди матери, а солдаты Битлиса, какъ мячикъ перебрасывая штыками малютку, на глазахъ его матери, отъ одного къ другому, считаютъ это чрезвычайно веселой военной игрой. Толпа въ Эрзерумѣ ликуетъ, убивая дѣтей на обезображенномъ трупѣ отца, у котораго передъ этимъ вырѣзали куски мяса и поливали уксусомъ раны.

Но если при всѣхъ убійствахъ и гибли десятки женщинъ и дѣтей, если въ Ксантѣ и Лессонкѣ и были изрублены сто женщинъ, если среди жертвъ въ Битлисѣ и находились мальчики отъ пяти до двѣнадцатилѣтняго возраста—ученики духовной школы,—все же нужно отдать туркамъ ту справедливость, что высшія власти не всегда одобряли подобныя жестокости. Кромѣ того, въ отчетахъ приведены названія многихъ селеній и городовъ, гдѣ не щадили младенцевъ даже въ утробѣ матери. Ихъ насильственно и прежде времени извлекали на свѣтъ Божій и затѣмъ или разрубали на части и бросали въ колодцы, или же разсѣкали крестообразно и снова вкладывали въ утробу матерей. Но факты такой неслыханной жестокости могутъ считаться единичными и совершались чудовищами въ человѣческомъ образѣ. Равнымъ образомъ и то обстоятельство, что среди погребенныхъ на кладбищѣ Сиваса 450 труповъ сто женщинъ оказались съ распоротыми животами, далеко превышало инструкціи, данныя властями народу. Но во всемъ остальномъ власти не ставили никакихъ границъ звѣрствамъ толпы. Если же армяне брали надъ нею численный перевѣсъ, на подмогу являлось войско и приводило дѣло къ желанному результату. Обезумѣвшія отъ страха толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей искали убѣжища въ храмахъ, въ надеждѣ, что святость мѣста послужитъ имъ защитой и спасетъ ихъ жизнь. Но разъ рѣшено искоренить ненавистное христіанство, стоило ли обращать вниманіе на такую бездѣлицу, что сотни мужчинъ, женщинъ и дѣтей бѣ-

жали подъ кровлю храмовъ, и сотни церквей и монастырей превращались въ груду пепла со всѣми находящимися тамъ людьми. И что могло помѣшать разрушать двери храма въ Рессуанѣ и перебивать всѣхъ укрывшихся тамъ бѣглецовъ? 300 человѣкъ армянъ укрылись въ монастырѣ Магапаецвоцъ для того чтобы быть убитыми тамъ вмѣстѣ съ братіей... И кто станетъ порицать толпу за то, что церкви въ Индизѣ (округъ Лу-Шери), въ Гарбурѣ и Буссу (округъ Харпута) обрушились надъ головою христіанъ, если сами войска подавали ей примѣръ, какъ надо дѣйствовать? Въ Шабанъ Кора-Гиссаръ священному мѣсту было оказано уваженіе тѣмъ, что 2.000 укрывшихся въ храмѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей были перебиты не въ самомъ храмѣ, а у его дверей. Но читатель собственными глазами можетъ изъ II-й части убѣдиться, что въ Урфѣ воздвигнута колонна для вѣчнаго напоминанія о позорномъ участіи ислама въ рѣзнѣ.

При вопросѣ о томъ, что дѣлать съ тысячами труповъ, кровожадной фантазіи народа открылся широкій просторъ. Нечего и говорить, что здѣсь не было мѣста ни для чувства стыда предъ позорнымъ дѣяніемъ, ни для чувства страха предъ величіемъ смерти. Но въ лѣтописи исторіи необходимо занести, что трупы тысячъ убитыхъ христіанъ, цинически раздѣтые донага, ужаснѣйшимъ образомъ изувѣченные и изуродованные, валялись всюду: въ горахъ, въ деревняхъ, въ городахъ, на улицахъ, на навозныхъ кучахъ, въ помойныхъ ямахъ, въ колодцахъ... Наконецъ, при помощи ословъ и евреевъ ихъ, какъ падаль, вывезли за городъ. Въ кучѣ обезображеннаго человѣческаго мяса никто не могъ разыскать или признать своихъ погибшихъ родныхъ... Трупы или оставляли на съѣденіе собакамъ, или, обливъ излюбленнымъ петролемъ, предавали аутодафе, или закапывали въ одной огромной ямѣ...

Людямъ почетнымъ устраивались особенныя похороны. Такъ, напримѣръ, въ Буссейдѣ отрубленная голова священника Матѳея была положена между ногами трупа, который молодые турки мѣстечка ради забавы хлестали розгами. Священнику Тер-Арутюну изъ Діарбекира и другому изъ церкви въ Алипунарѣ и еще десяти священникамъ изъ округа Тадема была оказана особая честь: съ ихъ труповъ содрали кожу. Настоятелю монастыря Сурпъ-Качъ въ округѣ Кизанъ и его молодому послушнику былъ воздвигнутъ памятникъ такого рода: содранную съ нихъ кожу набили соломой и повѣсили на деревья. Поведеніе турокъ въ Арабкирѣ достойно фантазіи Нерона: они украшали свой округъ рядами столбовъ съ воткнутыми на нихъ отрубленными головами армянъ. Что же касается до начальника жандармовъ въ Байбуртѣ, онъ съ полнымъ правомъ могъ бы принять на себя званіе командира лейбъ-гвардіи Тамерлана. 29-го октября онъ взялъ съ женщинъ селенія Ксанта откупъ деньгами и драгоцѣнностями на сумму 500 тур. фунт., обѣщая за это пощадить жизнь ихъ мужей. Но черезъ нѣсколько дней одумался, собралъ въ полѣ всѣхъ женщинъ и дѣтей означеннаго селенія и велѣлъ ихъ изрубить.

Жители двѣнадцати селеній на сѣверъ и западъ отъ Мараша бросились при началѣ безпорядковъ къ мѣстечку Турнусъ, въ надеждѣ пробраться оттуда въ горы Зейтуна. Такимъ образомъ собралось около 4.000 человѣкъ. Но однажды утромъ они были внезапно окружены солдатами. Началась страшная рѣзня, отъ которой уцѣлѣло только 380 ч. женщинъ и дѣтей. По окончаніи кровопролитія солдаты погнали эту толпу, какъ стадо овецъ, къ Марашу, находящемуся на раз-

стояніи двухъ дней пути. Почему же, однако, ихъ не прикончили тутъ же? Да потому, что правительству султана надо было сохранять за собою репутацію великодушія, которое беретъ подъ свою защиту невинность. Но бѣдныя женщины не могли оцѣнить этого великодушія: въ декабрьскую стужу ихъ гнали, какъ стадо безсловесныхъ животныхъ, черезъ горы по снѣжнымъ сугробамъ; ихъ изнемогшихъ отъ усталости дѣтей бросали на дорогѣ, чтобы они не были помѣхой на дальнѣйшемъ пути, а останавливаться для отдыха не было времени О, если бъ они довели свое великодушіе до конца и перебили бы ихъ всѣхъ сразу! Какая радость оставаться въ живыхъ? Одна мать разсказывала, что она несла по дорогѣ двухъ своихъ дѣтей на рукахъ. Падая отъ усталости, она была счастлива, что солдаты позволили ей посадить ихъ на лошадей, бывшихъ при нихъ. Но при переходѣ черезъ рѣку чудовища сбросили обоихъ малютокъ въ воду...

Неужели еще мало пролито крови и слезъ? Когда же вопли истерзаннаго народа достигнутъ до слуха христіанскаго міра? И что говорятъ объ этомъ тѣ христіанскія державы, которыя въ теченіе 18 лѣтъ простирали руку на защиту армянъ и во имя Всемогущаго составляли и закрѣпляли на бумагѣ реформы для порабощеннаго народа.

Но довольно объ этомъ! Надо еще привести здѣсь листъ, покрытый описаніемъ позора, крови и слезъ. «Убивайте мужчинъ! Ихъ имущество, *жены и дочери—наши!* Вотъ лозунгъ, которымъ солдаты въ Цезаріи поощряли вооруженный народъ къ убійствамъ, грабежу и позорнымъ преступленіямъ. И лозунгу этому слѣдовали во всѣхъ сотняхъ городовъ и тысячахъ селеній, гдѣ происходили ужасы опустошенія. Солдаты были настолько безсовѣстны, что еще до рѣзни наказывали христіанскимъ матерямъ беречь ихъ дочерей, ибо, говорили они, скоро всѣ христіанскія дѣвушки въ странѣ сдѣлаются ихъ собственностью.

Въ нашемъ отчетѣ приведено число 85.000 убитыхъ. Но кто считаетъ гекатомбы подвергшихся позору и обезчещенію, тотъ считаетъ слезы тысячъ и десятковъ тысячъ погибшихъ въ горахъ, отданныхъ въ гаремы, проданныхъ на невольничьемъ рынкѣ или убитыхъ изъ любви къ искусству въ какомъ-нибудь потаенномъ мѣстѣ.

Могу ли я дать здѣсь понятіе о той массѣ преступленій, касающихся лишенія чести и позора, которому по сіе время ежедневно подвергаются тысячи женщинъ и дѣвушекъ?

Одинъ негодяй, Хаджи Бегосъ, похвалялся тѣмъ, что онъ собственноручно изрубилъ сто человѣкъ армянъ и, затѣмъ, раздѣвъ христіанскую дѣвушку совершенно донага, гонялъ ее по всѣмъ городскимъ улицамъ. Народъ въ Цезаріи, сжегши 30 армянскихъ домовъ со всѣми ихъ обитателями, произвелъ нападеніе на женскія бани какъ разъ въ часъ купанья. Можно представить себѣ, какой пріемъ получили тридцать женщинъ изъ Кошмята, бродившія совершенно нагими по горамъ и, наконецъ, попавшія въ руки солдатъ? Но въ этомъ еще нѣтъ ничего особеннаго. Ни одна рѣзня не обходилась безъ того, чтобы послѣ убійства мужчинъ не слѣдовало обезчещеніе женщинъ и дѣвушекъ. Послѣ каждаго грабежа женщины и дѣвушки продавались, обмѣнивались на лошадей иословъ или выводились на невольничій рынокъ. Каждый постой, назначавшійся въ селенія ради охраны (?) или избіенія жителей, сопровождался тѣмъ, что ага и офицеры производили дѣлежку дѣвушекъ между солдатами и заптіями.

Женщины въ собственныхъ домахъ подвергались низкимъ оскорбленіямъ на глазахъ своихъ связанныхъ мужей или же, перегоняемыя изъ дома въ домъ, лишались чести. Вотъ участь вашихъ армянскихъ сестеръ, германскія женщины! Кого же изъ нихъ вы больше пожалѣете: тѣхъ ли, которыя, потерявъ мужей или дѣтей, едва прикрытыя лохмотьями, ютятся въ какомъ-нибудь уголкѣ своего разрушеннаго дома и вздрагиваютъ при малѣйшемъ шумѣ шаговъ турка или курда, или тѣхъ, которыя, отличаясь красотою, плѣнили сердце какого-либо сластолюбиваго аги и, несмотря на стоны и вопли, увлечены въ его гаремъ, гдѣ должны принести въ жертву не только свою честь, но и религію?

Всѣ эти факты вполнѣ объясняютъ то обстоятельство, что сотни женщинъ въ Арменіи нашли исходъ въ добровольной смерти. Становится совершенно понятнымъ, что побуждало пятьдесятъ женщинъ изъ Ксанты и Лессонка бросаться въ колодцы или низвергаться въ пропасти. Можно представить себѣ, какое чувство заставило броситься въ волны Евфрата одну знатную армянку, которую гнали вмѣстѣ съ цѣлой толпой другихъ женщинъ и дѣтей и нѣсколькими мужчинами изъ Узунъ-Оба (въ 25 миляхъ на востокъ отъ Харпута). Что позоръ страшнѣе смерти—это доказали остальныя 55 женщинъ, которыя вмѣстѣ съ дѣтьми послѣдовали ея примѣру и нашли смерть въ волнахъ...

У кого не содрогнется сердце отъ жалости при чтеніи письма, которое одинъ несчастный старый отецъ пишетъ сыну, находящемуся на чужбинѣ: «О, я не смѣю тебѣ сказать!.. Они пришли и грозили убить меня, если я не выдамъ имъ твоей сестры. Они уже взяли все: одѣяла, постели, одежду, всѣ припасы и даже дрова. Потомъ пришли опять и стали требовать, чтобы я отдалъ имъ дочь. Я противился имъ, на все готовый... Но когда они поднесли мнѣ саблю къ горлу и смерть была уже близко, дочь бросилась предъ турками на колѣни съ крикомъ: Пощадите отца! Я иду за вами!

И они ее увели».

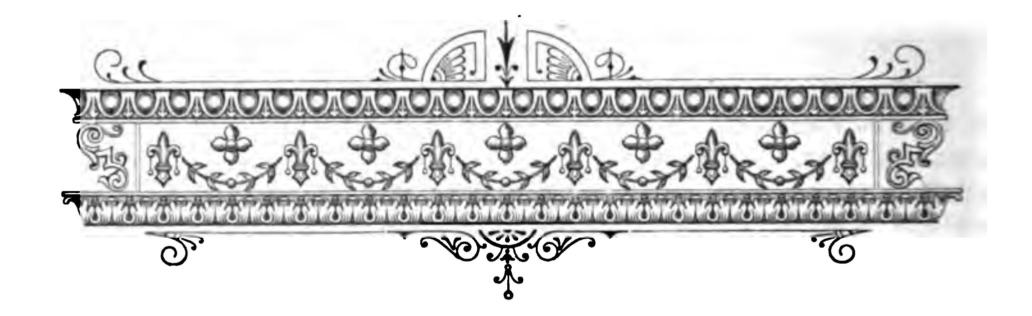
Но позорныя дѣйствія офицеровъ и солдатъ далеко превосходятъ грубость курдскихъ ордъ и цинизмъ городской толпы и заставляютъ изумляться турецкой военной организаціи и хваленой магометанской чистотѣ нравовъ. Мнѣ гадко обмакивать перо въ это море грязи, но надо же показать на что способны охранители порядка и законности, говорящіе объ «армянскихъ реформахъ».

Слѣдующій краткій отчетъ составленъ по двумъ, независящимъ одно отъ другого показаніямъ.

«Въ селеніи Гуссейникъ (въ Харпутскомъ вилайэтѣ) 600 человѣкъ солдатъ (а гдѣ солдаты, тамъ и офицеры) собрали у себя въ лагерѣ приблизительно такое же число армянскихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ. По удовлетвореніи совершенно открыто низкихъ страстей солдаты безжалостно перебили всѣхъ жертвъ своего сластолюбія.

Неужели кровь эта не вопіетъ къ небу? Неужели стоны этихъ женщинъ и дѣвушекъ не достигнутъ слуха Всемогущаго, если сильные міра сего остаются къ нимъ глухи? Но если есть Богъ на небесахъ, Онъ услышитъ ихъ.

Д-ръ Лепсіусъ.



Евангелическій союзъ о турецкихъ звѣрствахъ.

Безнадежно глухъ, какъ извѣстно, тотъ, кто не *хочетъ* слышать.

Въ такомъ именно положеніи находилась часть нашей печати, распространяя самыя дикія свѣдѣнія и сужденія по армянскому вопросу, упорно игнорируя при этомъ очевидные для всѣхъ факты. Выдавая вполнѣ доказанные факты турецкихъ звѣрствъ за выдумку англичанъ, эти рьяные туркофилы-фанатики не хотѣли видѣть, что помянутыя звѣрства удостовѣряются лицами, ничего общаго не имѣющими съ агентами англійской политики. Нѣмцевъ, кажется, трудно обвинять въ склонности поддерживать англійскіе интересы на Востокѣ, а вотъ что сообщаетъ одна изъ серьезныхъ берлинскихъ газетъ *National Zeitung* о турецкихъ звѣрствахъ надъ армянами конца 1895 г., коими такъ счастливо начало турецкое правительство эру выполненія обѣщанныхъ реформъ.

«Евангелическій союзъ сообщаетъ намъ слѣдующія *вполнѣ достовѣрныя* о турецкихъ злодѣяніяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Малой Азіи въ октябрѣ и ноябрѣ 1895 г.

1 октября. Монастырь Варакъ въ округѣ Кемахъ былъ разграбленъ.

4 октября. Монастырь Сурпанарцатъ въ Покарешѣ также разграбленъ.

12 октября. Пять монастырей въ томъ же округѣ Кемахскомъ были раззорены.

21 октября. Монастырь Коха въ томъ же округѣ былъ разграбленъ.

21—24 октября. Въ округѣ Ерзенькьянъ были разграблены восемь монастырей.

22 октября. Церковь въ Пезенау въ округѣ Ерзенькьянъ была разграблена, а священникъ и 30 человѣкъ прихожанъ, скрывшихся въ церкви, были умерщвлены на мѣстѣ.

24 октября. Во время рѣзни въ Байбуртѣ армянскимъ сельскимъ жителямъ было предложено принять исламъ подъ страхомъ смертной казни; ради спасенія жизни 4 деревни перешли въ исламъ. Въ самомъ городѣ Байбуртѣ былъ насильственно обращенъ въ магометанство архимандритъ вмѣстѣ со всѣми учениками, за исключеніемъ одного, успѣвшаго скрыться.

24 октября. Въ округѣ Тэржанъ, Эрзерумскаго вилайэта, было умерщвлено около *тысячи* христіанъ, другіе избѣгли этой участи только принятіемъ магометанства.

Многіе обращенные и между ними епархіальный епископъ были подвергнуты обрѣзанію и мусульмане настаивали на томъ, чтобы христіанскія женщины были отданы въ гаремъ въ доказательство искренности ихъ обращенія.

27—31 октября. Церковь въ д. Умудумъ была сожжена, а священникъ умерщвленъ. Церковь въ деревнѣ Девникъ была разграблена и осквернена; церковь въ Гарашѣ тоже. Церковь въ Койнигѣ была раззорена и священникъ умерщвленъ. Названныя деревни находятся на Лецеронинской равнинѣ, гдѣ одновременно раззорены были 24 деревни. Монастырь въ Ассанъ-Калѣ былъ сожженъ вмѣстѣ съ 11 своими монахами и епископомъ.

27—30 октября. Въ округѣ Караисаршарки было раззорено 27 деревень, много убито мужчинъ и много похищено молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ для отдачи въ гаремъ. Оставшіеся въ живыхъ обнищавшіе жители бѣжали къ морскому берегу, но были прогнаны назадъ турецкими войсками. Многія церкви были осквернены и раззорены. Древняя богатая церковь Сурбтагаворъ, любимое мѣсто армянскихъ паломниковъ, была окончательно раззорена, причемъ похищены были священные сосуды, книги, облаченіе, стоимостью до ста двадцати тысячъ марокъ. Точно также раззоренъ былъ монастырь Сурбкеоркъ. Два монаха и два ученика (въ томъ числѣ 1 протестантъ) были умерщвлены. Въ Пуркѣ была сожжена церковь съ людьми, укрывшимися въ ней. Въ Эндересѣ было то же самое, причемъ между укрывшимися было много женщинъ и дѣтей.

2 ноября. Два священника были умерщвлены въ Пиніанѣ, Харпутскаго округа; въ Танцикѣ, того же округа, жители спасли свою жизнь лишь путемъ обращенія въ магометанство. Въ деревнѣ Ликъ предложено жителямъ выбрать между смертью и принятіемъ ислама, но послѣдствіе еще неизвѣстно.

9 ноября. Въ Мисисѣ, въ округѣ Адана, командующій турецкими войсками въ сопровожденіи солдатъ вошелъ въ церковь во время богослуженія, сорвалъ со священника облаченіе, осквернилъ дары, вылилъ Святое міро и выбросилъ вонъ Агнца, разорвалъ Библію и богослужебныя книги, избилъ священника и изнасиловалъ его жену. Священникъ попробовалъ подать жалобу властямъ и былъ посаженъ въ тюрьму за клевету. Настоятель армянскаго монастыря Хиданъ, Ванскаго вилайэта, былъ умерщвленъ, причемъ содрана была съ него кожа, затѣмъ онъ былъ завернутъ въ солому и повѣшенъ.

5—14 ноября. Въ 53 деревняхъ Харпутскаго округа, на равнинѣ Тулева и Кузова, были разграблены церкви, а нѣкоторыя разрушены. Свѣдѣнія, полученныя доселѣ, крайне скудны, но извѣстно, что было убито нѣсколько священниковъ.

11 ноября. Въ Харпутѣ была разграблена христіанская часть города и много домовъ подожжены. Болѣе 500 мужчинъ было умерщвлено и многіе избѣгли смерти благодаря только принятію магометанства. Церкви и школы были разграблены и сожжены, многіе священники убиты послѣ ужасныхъ пытокъ. Другіе, не будучи въ силахъ вынести мученій, принимали магометанство. Протестансскій пасторъ деревни Кохъ, близъ Харпута, былъ умерщвленъ потому, что не хотѣлъ принять магометанство. Протестантскій пасторъ съ женою изъ деревни Хулакей успѣлъ освободиться отъ преслѣдованія магометанъ и прибылъ

въ городъ Харпутъ; здѣсь они были схвачены въ домѣ, гдѣ нашли пріютъ, и, такъ какъ не пожелали принять магометанство, были оба умерщвлены.

Въ Итхаѣ, около Харпута, во время рѣзни укрылись люди въ армянской церкви. Имъ разрѣшили выйти оттуда по одиночкѣ, но если кто отказывался принять магометанство, тотчасъ былъ умерщвляемъ.

Пятьдесятъ два человѣка приняли мученическій вѣнецъ, между ними достопочтенный протестантскій (армянскій) пасторъ Крикоръ. Армянская церковь теперь превращена въ мечеть, а протестантская въ конюшню. Послѣднія извѣстія, приходящія изъ Харпута, гласятъ, что въ деревняхъ многіе приняли мученическую смерть. Пять большихъ монастырей Харпутскаго округа раззорены и сожжены. Архимандритъ Папазьянъ, находившійся въ монастырѣ Папунъ, былъ подвергнутъ звѣрскимъ мученіямъ, пока наконецъ мучители не устали и не убили его.

10 ноября. Въ деревняхъ Эрзенькьянскаго округа населеніе, лишенное всякой защиты со стороны правительства, искало спасенія отъ рѣзни въ исламѣ.

18 ноября. Въ городѣ Марашъ были умерщвлены нѣсколько сотъ армянъ (григоріанскаго и протестантскаго вѣроисповѣданія) мужчинъ, женщинъ, дѣтей, причемъ войска не оказывали никакой помощи (имена 87 умерщвленныхъ протестантовъ извѣстны). Почти всѣ выдающіеся люди протестантской церкви этого города и проповѣдникъ были убиты; пасторы 2 церквей посажены въ тюрьму. Духовная семинарія американской миссіи была разграблена турецкими войсками и подожжена.

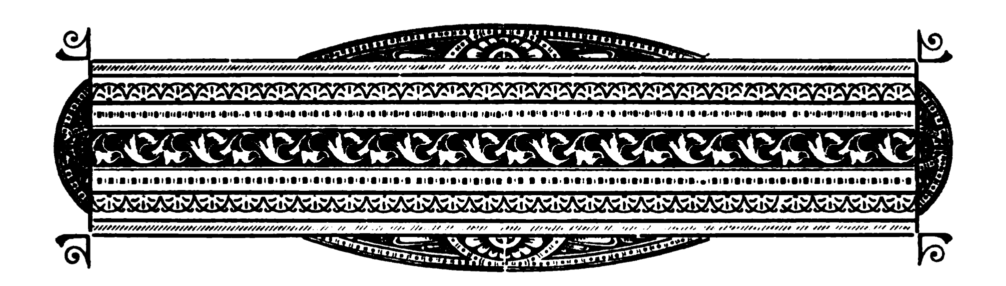
21 ноября. Въ городѣ Харпутѣ точно также духовная семинарія американской миссіи и принадлежащія ей зданія были разграблены въ присутствіи турецкихъ войскъ, не оказавшихъ никакой защиты.

30 ноября. Въ городѣ Кесареѣ было умерщвлено много христіанъ армяно-григоріанскаго исповѣданія.

Жизнь даровалась только подъ условіемъ принятія магометанства. Много женщинъ и дѣтей моложе 12 лѣтъ умерщвлялись за то, что не хотѣли отрѣчься отъ своей вѣры! Значительное число женщинъ и дѣтей было похищено мусульманами въ видѣ добычи»!!*)....

---

*) National Zeitung 24 января 1896 г., № 51.



Газета „Le Nord“ о Турціи [1]).

Въ концѣ іюля 1897 г. *Le Nord* писалъ:

«Главная причина несчастій, претерпѣваемыхъ Турціею въ продолженіе слишкомъ цѣлаго столѣтія, кроется въ ея соціальной, національной и правительственной организаціи.

«Движимая страстью, свойственной, впрочемъ, всякой дикой кочующей націи, ежеминутно мѣнять резиденцію и мѣсто жительства, туркоманская и турецкая раса, болѣе шести вѣковъ тому назадъ, покинула равнины центральной Азіи, гдѣ она предавалась постоянному грабежу, для того, чтобы наводнить страны, болѣе богатыя и плодородныя. Явившись во владѣнія Византійской имперіи, утонченная цивилизація и несмѣтныя богатства которой въ это варварское время заставляли преклоняться передъ собою народы несравненно болѣе культурные, нежели потомки орды Эртогрула, турки вообразили себя способными основаться въ качествѣ властелиновъ на развалинахъ стольких имперій. Мало-по-малу они завладѣли Византійскою имперіей и сынъ рабыни (такъ сами турки называютъ султана, ибо султаны не имѣютъ законныхъ матерей) раскинулъ свой шатеръ на томъ мѣстѣ, гдѣ когда-то красовался дворецъ великихъ цезарей. Восточно-римская имперія перестала существовать и на ея мѣстѣ въ 1453 г. возникъ султанатъ Магомета II.

«Но съ той поры и до нашихъ дней, несмотря на свое могущество въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ послѣ своего основанія на цвѣтущихъ берегахъ Босфора, Оттоманская имперія продолжала вести тотъ же образъ жизни, какой основатели ея вели на равнинахъ центральной Азіи. Не признавая иного закона, кромѣ предписаннаго Магометомъ, проповѣдующимъ разореніе и погибель невѣрныхъ, турки продолжали *оставаться дикарями*, несмотря на близкое сосѣдство христіанскихъ культурныхъ народовъ. Слушаясь только своихъ животныхъ, разрушительныхъ инстинктовъ и жажды къ пріобрѣтенію, турки смотрѣли на подвластные имъ народы какъ на рабовъ, находящихся у нихъ на оброкѣ и существующихъ исключительно для служенія грубымъ страстямъ побѣдителей.

«Со времени взятія Константинополя протекло почти четыре съ половиною столѣтія, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда цивилизаціи на потомкахъ азіатскихъ кочевниковъ. Какими они были шесть вѣковъ тому назадъ, когда существовали грабежами на горахъ и въ долинахъ Туркестана, такими же они остались и

[1]) „С.-Петербургскія Вѣд.“, 18 іюля, 1897 г. № 193.

понынѣ, когда рѣжутъ и душатъ тысячи христіанъ для того, чтобъ овладѣть ихъ имуществомъ, предаваясь самому разнузданному разврату.

«Отдѣленная отъ этихъ грабителей цѣлымъ континентомъ, Западная Европа далеко не имѣла понятія о чудовищныхъ народахъ Оттоманской имперіи. Въ своемъ невѣдѣніи, Франція поддерживала дипломатическія сношенія съ этими бандитами и въ дипломатическихъ лѣтописяхъ царствованія короля-солнца не разъ упоминается имя Солимана Великолѣпнаго, турецкаго султана. Только одна Россія имѣла точное понятіе объ этомъ преступномъ государствѣ. Прежде всего ей пришлось лишиться многихъ своихъ южныхъ провинцій, подпавшихъ подъ власть османской имперіи, а о жестокостяхъ и звѣрствахъ бывшихъ кочевниковъ она узнала отъ своихъ братьевъ по религіи, бѣжавшихъ подъ ея защиту отъ турецкихъ злодѣевъ.

«Россія первая нанесла варварскому государству нѣсколько послѣдовательныхъ ударовъ, прекратившихъ сначала всемогущество султановъ и освободившихъ затѣмъ нѣсколько милліоновъ христіанъ, стонавшихъ подъ османскимъ игомъ. Петръ Великій, Анна Іоанновна, Екатерина Великая, Александръ I, Николай I, Освободитель Греціи, и Александръ II, Царь-Освободитель, обезсмертили свое имя, нанося роковые удары живому анахронизму Европы, существующему подъ именемъ Турціи.

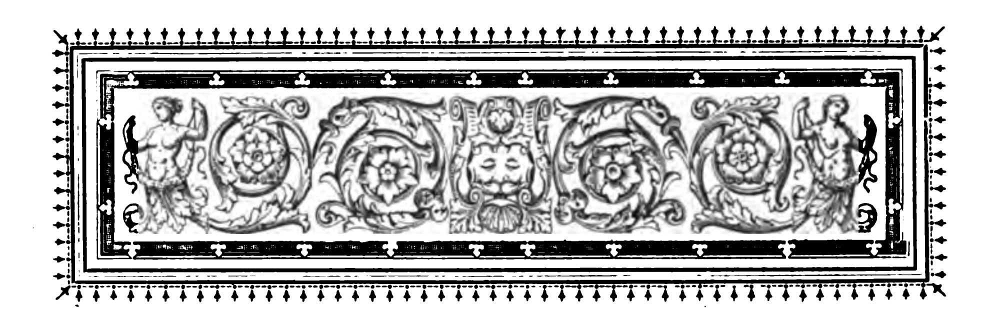
«Частые уроки, получаемые Турціею и ея султанами отъ Россіи, могли бы, кажется, поднять до европейской культуры самыхъ ужасныхъ антропофаговъ изъ Океаніи, но на Турцію они, къ сожалѣнію, не подѣйствовали! Униженная, побитая, потерявшая весьма многія изъ своихъ владѣній, Турція все не измѣнилась и осталась вѣрна прежнимъ, варварскимъ традиціямъ. Подобно старой Польшѣ, о которой историкъ говоритъ, что «она ничему не научилась и ничего не забыла», Турція въ эти послѣдніе года XIX столѣтія осталась въ томъ же соціальномъ, нравственномъ, интеллектуальномъ и правительственномъ положеніи, въ которомъ обрѣталась въ 1300 году, когда дикая орда основалась при Османѣ у Кара-Гиссара.

«Это все та же *мусульманская нація*, кровожадность которой можетъ равняться только ея *неспособности* къ цивилизаціи. Шесть вѣковъ пронеслись надъ нею безслѣдно и за нею осталась ея азіатская хитрость, удѣлъ рабовъ и народовъ, осужденныхъ на исчезновеніе съ лица земли.

«Во всемъ этомъ и простая настоящая причина тѣхъ затрудненій и промедленій, которыми государственные дѣятели Абдулъ-Гамида все время тормозили дѣятельность пословъ великихъ державъ. Министры султана разсчитываютъ своимъ азіатскимъ коварствомъ провести самыхъ умныхъ представителей европейской дипломатіи.

«Они замедляютъ ходъ переговоровъ, предполагая, что Европа раздѣляетъ вкусы главъ османлисовъ, которые, уставъ думать о серьезныхъ вещахъ, предпочитаютъ запираться въ гаремахъ, предоставляя все прочее на волю судебъ.

«Пока цивилизація не достигла высокой степени развитія, Европа терпѣла существованіе Турціи, не считая ея анахронизмомъ. Но заставить это государство продолжать въ настоящее время существовать или помѣшать ему обратиться въ прахъ—это значило бы *итти противъ судебъ человѣчества*. Рокъ осудилъ Турцію, и могила ея вырыта прежде всего ею самою, а потомъ и другими государствами.



Проф. Графъ Камаровскій объ армянскомъ вопросѣ.*)

Сборникъ «Положеніе армянъ въ Турціи» цѣлію своей имѣетъ: ознакомить нашу публику возможно всесторонне и безпристрастно съ положеніемъ и съ страданіями злополучныхъ армянъ подъ игомъ турокъ. Помѣщаемыя статьи принадлежатъ авторамъ различныхъ національностей: только одна изъ нихъ написана собственно англичаниномъ (священникомъ Макколь), другія же принадлежатъ бельгійцу (Роленъ-Жекменъ), американцу (Гринъ), ирланцу (Диллонъ, бывшему профессору Харьковскаго университета), и съ различныхъ точекъ зрѣнія изучаютъ и освѣщаютъ эти авторы свою проблему, но читатель выноситъ изъ ихъ работъ цѣльное, живое и глубоко потрясающее впечатлѣніе. Это—результатъ нетолько теплаго отношеніяупомянутыхъ авторовъ къ предмету, стоющему такого къ себѣ отношенія, это столько же плодъ правдивости всего ихъ разсказа. Авторы помѣщаемыхъ статей либо сами на мѣстахъ хорошо изучили то, о чемъ они пишутъ съ такою болью въ сердцѣ, либо почерпнули свои свѣдѣнія отъ лицъ, достойныхъ полнаго до вѣрія. Въ этомъ отношеніи не слѣдуетъ забывать, что донесенія, наприм., англійскихъ консуловъ, на которыя дѣлаются ссылки,—относятся ко времени перваго министерства Салисбюри и до такой степени они мало отвѣчали тогдашней его турко-фильской политикѣ, что даже не были тогда оглашены. Не менѣе любопытны, въ статьѣ Грина, письма американцевъ, проживающихъ въ Восточной Турціи и достовѣрность которыхъ засвидѣтельствована различными серьезными свидѣтелями. Роленъ-Жекменъ съ обычнымъ ему талантомъ освѣщаетъ армянскій вопросъ съ точки зрѣнія трактатовъ, фактовъ и политики.

Принимая все это въ соображеніе, нельзя согласиться съ тѣми, которые видятъ во всемъ этомъ лишь продуктъ революціоннаго армянско-англійскаго комитета, пребывающаго въ Лондонѣ, или средство, искуственно раздуваемое англійскою дипломатіей въ видахъ внесенія смуты въ восточныя дѣла, чтобы

*) Отзывъ авторитетнаго юриста графа Л. А. Камаровскаго, занимающаго каѳедру международнаго права въ И. Московскомъ университетѣ, былъ напечатанъ въ видѣ предисловія къ книгѣ „Положеніе армянъ въ Турціи до вмѣшательства державъ въ 1895 г.“. Она появилась въ Москвѣ въ 1896 г. 2-мъ изданіемъ. Продается у П. Карбасникова, на Моховой, цѣна 1 рубль.

спеціально повредить Россіи. Армянскій вопросъ, какъ всѣ вообще подобные вопросы объ участи христіанъ въ Турціи, періодически возвращается на сцену и будетъ волновать общественное мнѣніе и совѣсть Европы до тѣхъ поръ, пока она, къ стыду своему, будетъ терпѣть безконтрольно турецкій надъ ними режимъ, этотъ символъ насилія и лжи всякаго рода. На этотъ счетъ согласны всѣ серьезные и безпристрастные люди. «Сколько разъ,—говоритъ одинъ спокойный французскій наблюдатель передъ лицомъ Европы совершающихся нынѣ событій въ Турціи,—Порта обязывалась исправить старыя злоупотребленія, провести въ своемъ управленіи реформы и обращаться справедливѣе со своими христіанскими подданными. Сколько разъ, съ другой стороны, Европа брала на себя обязательство предъ человѣчествомъ наблюдать за выполненіемъ этихъ обѣщаній. Но что же вышло изъ всего этого? Столь неоднократно обѣщанныя улучшенія существовали лишь на бумагѣ, а въ дѣйствительности никакой не произошло перемѣны въ положеніи христіанъ въ Турціи и они все еще становятся жертвами тѣхъ притѣсненій, которыя такъ справедливо вызываютъ къ нимъ сочувствіе всего цивилизованнаго міра. Винить ли въ этомъ исключительно одну Порту и считать ея правительство аболютно неспособнымъ къ миссіи которую она на себя беретъ? Такой упрекъ намъ кажется пристрастнымъ и поспѣшнымъ, ибо отвѣтственность за все это падетъ въ значительной степени на долю и Европы. Великія державы, всегда готовыя требовать отъ султана самыя формальныя обѣщанія, позаботились ли когда-нибудь устроить надзоръ за ихъ примѣненіемъ и, чтобы привести хотя одинъ примѣръ, правительства подписавшія берлинскій договоръ, требовали ли они послѣ того отъ султана періодическихъ сообщеній о предположенныхъ имъ въ Арменіи реформахъ, какъ это категорически выражено въ ст. 61 этого договора? *Самое положеніе вещей рѣшительно требуетъ непрерывнаго контроля великихъ державъ надъ армянскими дѣлами.* Мало пользы отъ того, если, въ извѣстные критическіе моменты, онѣ вступятся, потомъ снова отдадутъ эти несчастныя населенія на произволъ ихъ притѣснителей. Необходимо, чтобы коммиссія постоянная и довольно многочисленная (для собиранія всѣхъ нужныхъ свѣдѣній) безпрерывно наблюдала за выполненіемъ договоровъ, касающихся этой страны. Турція, конечно, тому воспротивится и сошлется на принципъ независимости, но таковой не освобождаетъ ни одно государство отъ необходимости держать свое слово. Во избѣжаніе же потворства чьимъ-либо одностороннимъ, эгоистическимъ стремленіямъ, необходимо, чтобы всѣ великія державы приняли равное участіе въ этомъ дѣлѣ человѣколюбія»*). Такова самая скромная форма рѣшенія этого вопроса, но все-таки до извѣстной степени способная предотвратить въ будущемъ новые и худшіе перевороты и насилія.

Во враждебной къ армянамъ печати нерѣдко дѣлаются указанія на то, что они сами повинны въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ: въ неуплатѣ податей, въ оказаніи вооруженнаго сопротивленія властямъ, въ нападеніи даже на своихъ

*) Chronique des faits iternationaux: affaires arméniennes (въ Revue générale de proit international public. 1895, № 2, p. 256—266). Ср. еще статью *Engelhardt*: La question arménienne et les réformes prnjetées en exécution de l'article 61 du Berlin de 1878 (Ib. № 3, p. 296—306).

сосѣдей. Оставляя въ сторонѣ фактическую вѣрность того или иного подобнаго утвержденія, замѣтимъ однако, что дѣлать населенію, обреченному на рабство и невѣжество и подвергающемуся, какъ это теперь удостовѣрено, со стороны своего правительства періодическимъ избіеніямъ и разоренію? Въ Арменіи не повторилось ли недавно то же, что мы ранѣе, на всемъ протяженіи нашего столѣтія, видѣли по отношенію къ грекамъ, христіанамъ на Ливанѣ, болгарамъ и т. д. и т. д.? Горько и стыдно, но приходится сознаться, что быть-можетъ защита Европы, какъ она доселѣ практиковалась, оказалась для христіанъ Турціи не добромъ, а зломъ въ тѣхъ отношеніяхъ, что усилила ожесточеніе противъ нихъ мусульманъ и открыла послѣднимъ глаза на частую, къ сожалѣнію призрачность протеста Европы противъ всѣхъ ихъ гнусностей. Мы не дипломаты, но часто намъ приходитъ на мысль, что фактъ существованія Турціи — сплошной позоръ для христіанскихъ народовъ, и еслибъ они рѣшились, какъ слѣдуетъ, сговориться между собою, ставъ на почву нравственности, права и человѣколюбія, смогли бы быстро, безъ особыхъ потрясеній, положить конецъ этой державѣ, являющей изъ себя среди нихъ одинъ анахронизмъ и вопіющую общественную неправду.

Наше отечество всегда оказывало покровительство угнетеннымъ христіанамъ на Востокѣ. Владѣя главнымъ религіознымъ центромъ армянъ и соприкасаясь своими землями съ турецкою частію Арменіи, оно силою вещей не можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ совершающихся тамъ событій. Оно и сказало недавно свое мощное слово въ пользу притѣсняемыхъ тамъ христіанъ совмѣстно съ Англіей и Франціей. Но это не конецъ, какъ думаютъ нѣкоторые, армянскаго вопроса, а лишь первый шагъ къ нѣкоторому его упорядоченію. Статья 61 берлинскаго договора должна получить полное на пракрикѣ осуществленіе и мы только желаемъ, чтобы политическіе счеты, которые имѣетъ Россія съ Англіей, не помѣшали ея свѣтлой освободительной миссіи на Востокѣ, одному изъ великихъ завѣтовъ ея исторіи.

Изъ кн. Э. Э. Ухтомскаго.

Пускай нѣмѣетъ скорбь, пускай гнетутъ мученья,
Пускай туманный сводъ безвѣрьемъ полоненъ!
Я знаю, что мы всѣ дождемся пробужденья,
И въ ласковыхъ лучахъ святаго обновленья
Живительно сверкнетъ лазурный небосклонъ.

Письмо о Восточномъ вопросѣ.

Я родился, въ годъ, когда началась турецкая война, приведшая къ севастопольскому погрому, я пережилъ въ ранней молодости то общественное и народное движеніе у насъ, которое предшествовало и сопровождало турецкую войну 1877 г. Въ прошломъ году пришлось смотрѣть издали какъ загоралось, но не выгорѣло на Востокѣ. Чувствуется связь и хочется вникнуть въ смыслъ этихъ трехъ явленій: крымская война, война 1877 г. и армянскія и греческія дѣла 1896—97 гг. Отчего первое кончилось пораженіемъ Россіи, второе—ея, хотя не полнымъ, торжествомъ, а изъ третьяго ничего не вышло, и *небывалое* накопленіе человѣческихъ бѣдствій не разрѣшилось никакимъ историческимъ ударомъ?

Когда дѣло идетъ о восточномъ вопросѣ, который уже двѣнадцать вѣковъ тому назадъ опредѣлился исторически, какъ борьба между христіанскимъ и мусульманскимъ міромъ,—хорошо, если можно стать на такую точку зрѣнія, которая была бы понятна и для мусульманъ, и для христіанъ и притомъ нетолько для христіанъ религіозно-настроенныхъ, но и для равнодушныхъ къ религіи.

Такая точка зрѣнія есть, и на нее даже трудно не стать. Впервые она была выражена въ простой и наивной формѣ тѣми благочестивыми лѣтописцами, которые говорили, что Богъ далъ верхъ мусульманамъ *за грѣхи христіанъ*. Съ этимъ, конечно, согласится и всякій благочестивый мусульманинъ: коранъ Магомета наполненъ разсказами о народахъ и городахъ, пораженныхъ и погибшихъ за грѣхи свои. А между тѣмъ смыслъ этого взгляда можетъ быть принятъ, и постоянно принимается, самыми скептическими историками. Кто же не согласенъ, напримѣръ, въ томъ, что французская монархія погибла за грѣхи ancien règime? Нужно только не смѣшивать личную нравственную отвѣтственность съ общественною, или историческою. Эти два порядка отношеній разнообразно переплетаются между собою, но они никогда не совпадаютъ и не отождествляются вполнѣ. Конечно Людовикъ XVI былъ лично менѣе всего виновенъ въ грѣхахъ прежней французской монархіи. Точно также у насъ, хотя смутное время несомнѣнно было отвѣтомъ исторіи на режимъ Ивана IV, но разразился этотъ отвѣтъ не надъ виновникомъ, а надъ дѣтьми Бориса Годунова и множествомъ другихъ лично невиновныхъ жертвъ. Тутъ есть мудреная задача и для религіозной и для философской мысли; но трудность этой задачи, и хотя бы даже ея неразрѣшимость, нисколько не устраняетъ ни естественной солидарности собирательнаго—цѣлыхъ народовъ, государствъ,—ни естественной связи общественныхъ бѣдствій съ общественными грѣхами или неправдами.

Этимъ уже разрѣшенъ первый вопросъ объ исходѣ крымской войны. Рѣ-

шеніе это еще тогда было сразу у насъ принято всѣми — безъ дебатовъ, par acclamation. Крѣпостническій и безсудный строй русской жизни, державшійся даже противъ лучшей воли благонамѣреннаго Государя, достаточно объяснялъ и оправдывалъ ходъ событій въ глазахъ всѣхъ мыслящихъ и добросовѣстныхъ людей. Западники и славянофилы, Грановскій и Хомяковъ были тутъ единогласны. Тогда не приходило въ голову и то *кажущееся* основательнымъ возраженіе: крѣпостническій и безсудный строй русской жизни существовалъ и прежде, однако, Россія торжествовала и надъ шведами и надъ поляками, и надъ Европой Наполеона I, и надъ тѣми же турками. Но при оцѣнкѣ историческихъ явленій,—хотя бы нравственной,—нелѣпо отвлекаться отъ историческихъ условій и отъ даннаго уровня общественнаго сознанія. Въ 1709 г. и даже въ 1812 г. отъ Россіи требовалось не то, что въ 1854. Нашъ до-реформенный строй былъ сносенъ для полу-варварскаго состоянія образованности; онъ былъ бы даже недосягаемою вершиною совершенства для времени дикихъ. Но общество, произведшее Жуковскаго и Пушкина, Грибоѣдова и Гоголя, не могло безъ тяжкаго грѣха оставаться при этомъ строѣ. Младенцу прощаютъ такія безчинства, за которыя взрослыхъ выводятъ съ позоромъ. Русское общество, по крайней мѣрѣ въ верхнихъ кругахъ своихъ, было взрослымъ въ эпоху крымской войны. Оно само поняло севастопольское крушеніе какъ нравственный урокъ и покаявшись принесло плоды, достойныя покаянія За внутреннимъ исправленіемъ послѣдовали и внѣшніе успѣхи: покореніе Кавказа, Средней Азіи, освобожденіе Болгаріи. Это были побѣды столько же культурныя, сколько и военныя: Россіи Александра II было что передать этимъ варварскимъ странамъ для ихъ собственной пользы. Внѣшнее торжество было не полное, но вѣдь и внутреннее исправленіе было тоже съ грѣхомъ пополамъ: насколько заслужили, столько и получили.

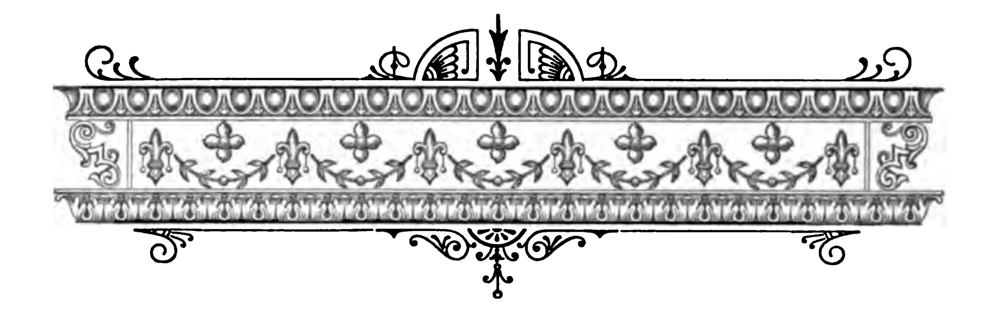
А затѣмъ—кровавая игра незрѣлыхъ школьниковъ въ революцію, 1-е марта и его естественныя послѣдствія. Что же мы заслужили за 15 лѣтъ 1881—1896? Если 1-е марта покрыто своими послѣдствіями, а эти послѣдствія оправдывались тѣмъ событіемъ, которое ихъ вызвало, то не сошелъ ли нашъ нравственный бюджетъ на круглый нуль? Кажется, что такъ. Заглядывая въ душу нашего общества, не увидишь тамъ ни яснаго добра, ни яснаго зла. Точно тѣ тѣни, которыхъ ни адъ, ни рай, ни чистилище не принимаютъ. Non raggionar di lor, ma guarda e passa! или по русски: ни Богу свѣча, ни черту кочерга. Настоящая была, здоровая чертова кочерга въ крѣпостнической и безсудной Россіи; и свѣча Божія горѣла въ эту пору ярко, хотя и подъ спудомъ. Поломали чертову кочергу преобразованія 1861—66 гг. и вынули свѣчу Божію изъ подъ спуда. А теперь ни то, ни се: кочерга поломанная лежитъ неубрана на видномъ мѣстѣ, а свѣча Божія запрятана гдѣ-то въ углу, хотя и не подъ спудомъ, а за какими-то негодными, темными ширмами, и еле-еле доходитъ отъ нея тусклый свѣтъ. Такіе тусклые моменты — отсрочка для суда исторіи. Провидѣніе какъ будто выжидаетъ и безмолвствуетъ. Вотъ почему въ прошломъ году всѣ горючіе историческіе матерьялы были какъ отсырѣлыя дрова и не могли зажечь восточнаго вопроса. Борьба христіанскаго міра съ мусульманскимъ! Но гдѣ же, въ чемъ наше христіанство?

Владиміръ Соловьевъ.

Изъ Ѳ. И. Тютчева.

Не въ первый разъ волнуется Востокъ,
Не вь первый разъ Христа тамъ распинаютъ,
И отъ «креста» луны поблекшій рогъ
Щитомъ своимъ державы прикрываютъ.
Несется кличъ: «распни, распни его!
Предай опять на рабство и на муки!»
— О Русь, ужель не слышишь эти звуки
И, какъ Пилатъ, свои умоешь руки?
Вѣдь это кровь изъ сердца твоего!

Вдова-армянка съ сиротами.



Избіеніе армянъ въ Константинополѣ.

(Отрывокъ изъ «Сварогова» Вл. Шуфа).

. . . .
Становилося темнѣй,
Но послѣдній блескъ заката
Озарялъ Стамбулъ вдали,—
Точно заревомъ объято
Было небо... тучи шли...
И, блестя въ зарѣ кровавой,
Подымались сквозь туманъ
Минареты величаво,
Точно копья мусульманъ.
Скоро на краю дороги
Всадникамъ попался трупъ.
Онъ лежалъ, раскинувъ ноги,
Синій весь... зрачокъ былъ тупъ...

XXI.

— Такъ!.. зарѣзанъ!.. молвилъ Марко,
Поправляя ятаганъ,
Зорька тоже свѣтитъ жарко...
Не пожаръ ли? Бьютъ армянъ!—
Изъ армянскаго квартала,
Кумъ-Капу, огонь блеснулъ,
И по вѣтру долетала
Перестрѣлка... смутный гулъ.
Тишина была въ Стамбулѣ,
Пустъ рядъ улицъ, но и тутъ,
Лишь въ предмѣстье повернули
Дмитрій, Марко и Мамутъ,
Въ домѣ, жавшемся въ сторонкѣ,
Женскій крикъ раздался вдругъ.

Крикъ былъ жалобный и тонкій,
Въ немъ звучали боль, испугъ...

XXII.

— Рѣжутъ женщину! угрюмо
Марко сталъ, армянскій домъ!—
Дмитрій быстро и безъ шума
Спрыгнулъ съ лошади: «войдемъ!»
— Не ходи, эффенди! робко
Звалъ Мамутъ, нельзя теперь!—
Но ужъ Дмитрій, вырвавъ скобку,
Распахнулъ ногою дверь...
Ни души... кувшинъ разбитый,
Тряпки въ комнатѣ пустой...
Дальше входъ вился открытый
Вверхъ по лѣстницѣ крутой.
Тамъ былъ шумъ, возня и стоны...
Дмитрій, вмигъ взведя курокъ,
Бросился вооруженный,
Но споткнулся о порогъ.

XXIII.

Мертвое старухи тѣло
Съ кровью въ волосахъ сѣдыхъ
На порогѣ коченѣло...
Крикъ вверху на мигъ затихъ,
Но тотчасъ раздался снова...
Дмитрій быстро вверхъ вбѣжалъ,
Марко съ нимъ, бранясь сурово,
И Мамутъ, схвативъ кинжалъ.
Стоны, схватка... тамъ, въ конуркѣ,
Били женщину втроемъ
Люди въ фескахъ—курдъ и турки
Съ исказившимся лицомъ.
Вся въ крови, она кричала
Отбивалась и рвалась...
Хохотъ, брань... вдругъ сталь кинжала,
Заблестѣвъ, ей въ грудь впилась.

XXIV.

Дмитрій выстрѣлилъ... смятенье,
Крики, шумъ, пальба и стонъ,—
Все смѣшалось на мгновенье
Въ дикій бредъ, въ безумный сонъ..

Дмитрій горло сжалъ кому-то,
Курдъ, борясь, хрипѣлъ подъ нимъ.
Вдругъ сверкнулъ кинжалъ Мамута,
И опять стонъ, шумъ и дымъ.
— Баста! хрипло крикнулъ Дмитрій,
Женщина гдѣ?—Ахъ, злодѣй!
Въ сердце ткнулъ!—Лицо ей вытри,
Дай, Мамутъ, платокъ скорѣй!—
Но въ крови, среди убитыхъ,
Хороша, нѣма, блѣдна,
Съ мертвымъ взглядомъ глазъ открытыхъ
Вѣчнымъ сномъ спала она.

XXV.

Профиль рѣзкій, рѣзки брови,
Смерти странная краса,
На лохмотьяхъ пятна крови,
Разметались волоса...
— Поздно! кличетъ Марко, ѣдемъ!
Ловко ранили меня!..
Не услышать бы сосѣдямъ:
Будетъ намъ тогда рѣзня!—
Съ лѣстницы спустившись скоро
И на сѣдла сѣвъ, они
Мчатся къ берегу Босфора
Стороной, держась въ тѣни.
Вдругъ раздался окрикъ гулкій,
И штыками цѣпь солдатъ
Путь закрыла въ переулкѣ.
Повернуть пришлось назадъ.

XXVI.

Мчатся въ сумерки ночныя,
Ближе все пальба слышна...
Вотъ за куполомъ Софіи
Медленно взошла луна.
Освѣтились минареты,
Отъ мечети тѣнь легла,
Тѣнью паперти одѣты,
Площадь дальняя бѣла...
Все слышнѣй была тревога.
Миновавъ низама постъ,
Гавань Золотого Рога
Дмитрій увидалъ и мостъ...

Конь косился безпокойнѣй...
Ужасъ былъ тутъ... здѣсь висѣлъ
Вдоль перилъ, какъ мясо въ бойнѣ,
Рядъ окровавленныхъ тѣлъ.

XXVII.

Здѣсь былъ центръ кровавой драмы,
Совершившейся въ ту ночь.
Какъ безумный, Дмитрій прямо
Черезъ мостъ помчался прочь.
За мостомъ у поворота
Были крикъ, пальба и гулъ.
Вотъ бѣжалъ, спасаясь, кто-то,
Вотъ онъ съ берега спрыгнулъ...
Рослый турокъ въ красной фескѣ
Вслѣдъ за нимъ нырнулъ въ Босфоръ.
И въ водѣ, въ борьбѣ и плескѣ,
Завязался страшный споръ.
Оба прятались въ пучину,
Появлялись вновь вдвоемъ...
Турокъ всплылъ и армянину
Голову отсѣкъ ножомъ.

XXVIII.

Всюду турки и армяне,
Всюду кровь, неравный бой.
Дмитрій видѣлъ, какъ въ туманѣ,
Смерть священника. Толпой
Окруженный, на колѣни
Онъ упалъ, избитъ, чуть живъ,
Точно въ храмѣ въ часъ моленій
Руки дряхлыя сложивъ.
Турокъ съ бранью непристойной
Старика ударомъ сшибъ,
И подъ палками, спокойный,
Онъ, какъ мученикъ погибъ.
Армянинъ, носильщикъ жалкій,
Робко жался въ сторонѣ,—
И его убили палкой,
Мозгъ разбрызгавъ по стѣнѣ.

XXIX.

Вотъ другой... въ безумьѣ дикомъ
Онъ бѣжалъ отъ двухъ солдатъ

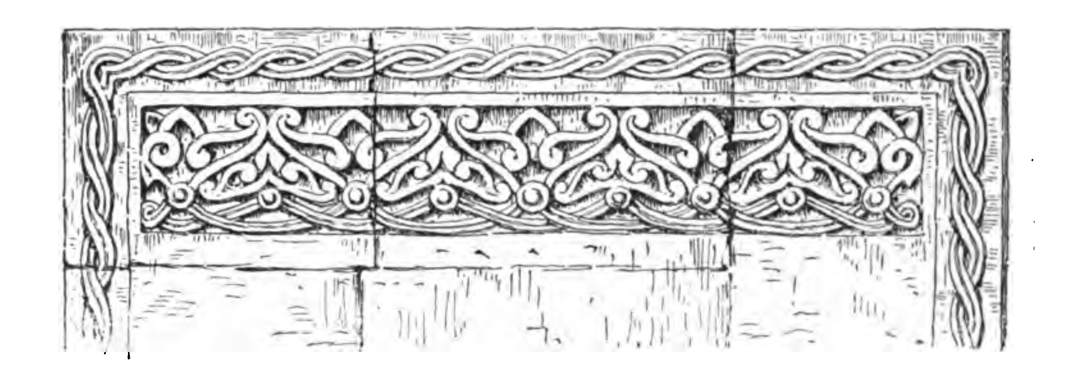
И стрѣлялъ, не цѣлясь, съ крикомъ,
Вправо, влѣво и назадъ.
Въ страшныхъ вопляхъ, въ шумѣ рати
Смерть неслась во всѣ концы...
Вдругъ у Дмитрія въ Галатѣ
Лошадь взяли подъ уздцы.
— Стой! Кто ѣдетъ?—Какъ въ стихіи
Потонувъ стѣсненъ толпой,
Дмитрій видѣлъ лица злыя,
Камни, палки предъ собой...
— Чехъ елданъ! *) онъ крикнулъ. Въ фескѣ
Подхватилъ Мамутъ: «Алла!»
И, услышавъ окрикъ рѣзкій.
Чернь, волнуясь, отошла.

XXX.

Въ улицѣ близъ Перу свалка,
Арнауты, блескъ штыковъ...
Раздавалась перепалка
Съ улицы и изъ домовъ...
Въ окна цѣлились солдаты,
Отвѣчали въ окнахъ имъ.
Крики, выстрѣловъ раскаты,
Стоны раненыхъ и дымъ.
Каждый домъ здѣсь брали съ бою...
И подъ пулями въ огнѣ
Дмитрій пролетѣлъ стрѣлою,
Наклоняясь на конѣ.
Въ Перу тихо, но въ отелѣ
Дмитрію на громкій стукъ
Дверь открыли еле-еле,—
Всюду ужасъ былъ, испугъ...

*) Чехъ-Елданъ, по-турецки, прочь съ дороги.

Армянскій крестоносецъ.



Заключительное послѣсловіе.

Передъ самымъ выходомъ въ свѣтъ настоящаго изданія «Братской Помощи» появились двѣ выдающіяся статьи, столь симпатичныя по своему содержанію, что ихъ нельзя не отмѣтить. Извѣстный публицистъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* В. А. Гольмстремъ, не разъ среди общаго равнодушія, недовѣрія и даже вражды къ армянамъ поднимавшій голосъ въ пользу безпомощныхъ армянъ, снова обращаетъ вниманіе на дѣла Востока. Указывая на то, какъ 4-хлѣтнее бездѣйствіе Европы гибельно отозвалась на армянахъ и лишь возбудило мусульманскій фанатизмъ, въ статьѣ своей *Цѣна крови* г. Гольмстремъ, подобно многимъ другимъ публицистамъ, обращаетъ вниманіе на опасности, проистекающія отъ этого дикаго фанатизма, вліяніе котораго сказалось и въ движеніи афридіевъ противъ Англіи и въ послѣднихъ кровавыхъ событіяхъ въ Андижанѣ.

Вотъ эта статья г. Гольмстрема, появившаяся въ № отъ 15 іюля 1898 г.:

I.

Цѣна крови.

„...и лишилъ Господь Навуходоносора разума и обратилъ его въ звѣря“.

«Сѣмя, зароненное въ христіанскую совѣсть турецкимъ изувѣрствомъ, сѣмя, политое кровью сотенъ тысячъ армянскихъ мучениковъ и взращенное слезами цѣлаго народа, лишеннаго своихъ лучшихъ представителей и духовныхъ вождей, сѣмя сдержаннаго негодованія и неизъяснимой, *невыразившейся* жалости къ несчастнымъ жертвамъ турецкой «политики» не заглохло въ душахъ маловѣрныхъ христіанъ нашего времени... Оно пустило глубокіе корни, которые незримо и неслышно разрастаются и крѣпнутъ; оно вытравило «больное мѣсто» въ людскихъ сердцахъ, оно залегло въ нихъ страшною тяжестью: подъ бременемъ ея выростаетъ новое поколѣніе, и, рано ли, поздно ли, теперь или со временемъ, но невинно пролитая кровь добьется отомщенія!

Турецкій государственный, или, вѣрнѣе, правительственный, режимъ является

нынѣ предъ нами во всемъ своемъ отталкивающемъ безобразіи... Если нужно было бы какое-либо доказательство того, что направляющая сила во время армянскихъ избіеній *исходила изъ ильдизъ-кіоска*, если бы изслѣдованія добросовѣстныхъ и незаинтересованныхъ людей не установили того несомнѣннаго факта, что телеграммы изъ султанскаго дворца въ Константинополѣ въ различные пункты Малой Азіи являлись какъ провозвѣстниками массовыхъ убійствъ, прекращавшихся по полученіи вторичной телеграммы по прошествіи двухъ, трехъ дней, если бы въ христіанскомъ мірѣ не сложилось убѣжденія въ причастности турецкихъ правящихъ круговъ къ армянской бойнѣ,—достаточно было бы нынѣшняго поведенія турецкаго правительства, чтобы установить солидарность его съ убійцами. Отказъ Турціи—притомъ въ грубой формѣ—отъ уплаты требуемой Франціей суммы въ возмѣщеніе убытковъ, понесенныхъ французскими подданными во время избіеній, долженъ быть принятъ какъ отстаиваніе ильдизъ-кіоскомъ правильности дѣйствій мѣстныхъ турецкихъ властей и организованныхъ шаекъ убійцъ. Этотъ отказъ означаетъ, что убійцы «прикрываются», что съ нихъ снимается всякая отвѣтственность и, болѣе того, что *политика убійствъ встрѣчаетъ поощреніе и одобреніе руководителей общеимперской политики*. Едва ли, однако, подобная откровенность окажется выгодной для турецкихъ властей. Если до сихъ поръ принципъ неприкосновенности верховныхъ правъ султана встрѣчалъ поддержку и охрану со стороны великихъ державъ, то именно въ предположеніи, что султанъ вмѣстѣ съ правами несетъ и обязанности, изъ которыхъ отвѣтственность за личность и имущество иностранныхъ подданныхъ является первымъ условіемъ участія въ международномъ общеніи. Разъ «*политика убійствъ*» признается въ Константинополѣ не подлежащей отвѣтственности, великимъ державамъ, придется установить гарантіи неприкосновенности жизни и имущества въ Турціи, твердо помня, что Константинополь и ильдизъ-кіоскъ являются главными пунктами для такого необходимаго воздѣйствія.

Цѣна крови должна быть взыскана, чтобы въ Константинополѣ научились придавать крови ея цѣну и избрали болѣе выгодную *матеріально*—если нравственныя понятія такъ притупились у правовѣрныхъ—систему дѣйствій. Притомъ, разъ отвѣтственность отрицается въ ильдизъ-кіоскѣ, то среди мѣръ для установленія нужныхъ гарантій, въ видѣ наложенія запрещенія на разные источники доходовъ, необходимо обратить вниманіе и на ту силу, которая за послѣднее время выражается столь ненормально... Idée fixe правящихъ турецкихъ круговъ—*законность пролитія крови*. Такіе примѣры бывали въ исторіи и раньше, но дѣло державъ препятствовать ихъ повторенію.

Кромѣ заботъ о воздаяніи за прошлое и объ установленіи правильныхъ условій для человѣческой жизни въ Оттоманской имперіи, пролитая въ Турціи кровь начинаетъ причинять много хлопотъ и внѣ сферы исключительно турецкаго Востока.

Мы уже не говоримъ про удивительную смѣлость турокъ и турецкихъ властей въ ихъ отношеніяхъ къ иностраннымъ подданнымъ, что выразилось, напримѣръ, въ инцидентахъ съ агентомъ австрійскаго Ллойда и съ французскимъ консуломъ-грекомъ. Эти случаи только показываютъ, что какъ правящіе турецкіе круги, давшіе такой дерзкій отвѣтъ на французскія требованія, такъ и мѣстныя

турецкія власти проникнуты однимъ и тѣмъ же настроеніемъ, побуждающимъ ихъ относиться вызывающе къ христіанамъ, подданнымъ другихъ державъ. Можно только себѣ представить, по аналогіи, что теперь продѣлывается надъ христіанами въ дебряхъ турецкихъ вилайетовъ!! Непосредственный интересъ для великихъ державъ имѣетъ отраженіе подобнаго настроенія на ихъ собственныхъ подданныхъ — магометанахъ. Англичане, желавшіе воспользоваться въ своихъ интересахъ ненормальностями турецкой государственной жизни и только давшіе больше пользы мусульманскому фанатизму, теперь, понесши существенное пораженіе на индо-афганской границѣ, съ тревогой констатировали пробужденіе и броженіе въ томъ самомъ магометанскомъ мірѣ, который они до сихъ поръ поддерживали противъ Россіи. Какъ практичные люди, англичане уже составляютъ проекты изслѣдованія этого броженія, съ цѣлью предотвращенія возможныхъ несчастій и для направленія и контролированія его. Къ сожалѣнію, они начинаютъ съ конца, ибо ихъ попытка нанести ударъ мусульманскому господству въ голову, т.-е. въ Констатинополѣ, не удалась въ виду того, что своею прошлою подобною же попыткой они воспользовались слишкомъ эгоистично.

Россія тоже недавно должна была убѣдиться, какія послѣдствія возымѣла неотмщенная армянская кровь среди населенія магометанскаго вѣроисповѣданія. Въ то время, какъ Россія прилагала усилія сдержать начавшееся разложеніе турецкаго государственнаго организма и впослѣдствіи съ этою цѣлью отнеслась отрицательно къ попыткѣ грековъ вызвать общій пожаръ на Балканскомъ полуостровѣ, — эмиссары изъ Константинополя разъѣзжали и по ея владѣніямъ, поднимая къ возстанію. Что пропаганда въ нашихъ средне-азіатскихъ владѣніяхъ была сильно развита и велась не со вчерашняго дня, не ограничивалась средой, гдѣ вращался казненный ишанъ, этому существуютъ многія доказательства. Напримѣръ, еще 4 марта нынѣшняго года въ географическомъ обществѣ въ Парижѣ г. Paul Labbé давалъ отчетъ о своей поѣздкѣ въ русскую Среднюю Азію, при чемъ заявилъ, что, объѣзжая киргизскія степи, встрѣчалъ по дорогѣ путешественниковъ, прибывшихъ изъ Туркестана, которые по пути старались фанатизировать кочевниковъ. Эти несчастные не знали о существованіи ни Франціи, ни Германіи, но говорили о турецкихъ побѣдахъ и о приближающемся торжествѣ ислама.

Были указанія на то, что и во французскомъ Тунисѣ проявлялись попытки броженія, а въ Египтѣ англичане спасаются отъ возможной бѣды отвлеченіемъ главныхъ мусульманскихъ силъ въ сторону Судана.

При наличности подобныхъ данныхъ настроеніе ильдизъ-кіоска, проявляемое имъ въ послѣднее время въ сношеніяхъ съ великими державами, получаетъ особое значеніе: *оно носитъ тотъ же отпечатокъ мусульманскаго фанатизма, который замѣчается повсюду въ магометанскомъ мірѣ.* Это—центръ, питающій фанатизмъ, дающій ему направленіе и форму, служащій для него примѣромъ. Избіеніе армянъ отозвалось избіеніемъ англійскихъ отрядовъ на границѣ Индіи и дерзкимъ нападеніемъ на русскихъ подъ Андижаномъ. Непризнаваніе за христіанскою кровью какой-либо цѣны на Босфорѣ вызываетъ такое же неуваженіе къ ней и въ другихъ областяхъ, населенныхъ мусульманами.

Съ такимъ положеніемъ дѣлъ мириться невозможно, потому что оно угрожаетъ въ будущемъ неисчислимыми бѣдами. Давленіе на турецкіе правящіе круги со стороны великихъ державъ должно быть самымъ сильнымъ и упорнымъ, чтобы дать имъ уразумѣть *цѣну крови*—и для нихъ, и для насъ. Правда, въ послѣднее время Германія, разъединивъ свои интересы отъ обще-европейскихъ, становится все болѣе и болѣе въ открытый антагонизмъ съ великими державами въ восточномъ вопросѣ и приноравливаетъ свою политику къ интересамъ Турціи (понятно — изъ чисто германскихъ побужденій). Въ сущности, это туркофильство, *дающее Портѣ возможность даже основывать свои возраженія державамъ на занятомъ нѣмцами положеніи*, является антагонизмомъ обще-европейскимъ интересамъ... Такая политика не должна бы нѣмцамъ долго удаваться, ибо ея направленіе не предвѣщаетъ ничего добраго для всей Европы.

Понятно, чтобы заставить Турцію выше цѣнить христіанскую кровь, *мы должны сами придавать большую цѣну этой крови*. Особенно *армянская кровь* должна быть намъ дорога, ибо этотъ народъ многими столѣтіями выдерживалъ трудную и несчастную по результатамъ борьбу съ турками, и все же остался силенъ духомъ и закалился въ своей преданности народности и христіанской вѣрѣ. Если мы не пожелали воспользоваться безпорядками, происходившими за послѣдніе годы на нашей турецкой границѣ, то отсюда отнюдь не слѣдуетъ, чтобы судьба не только нашихъ, но и турецкихъ армянъ насъ не интересовала, чтобы она не имѣла *жизненнаго интереса* для нашей восточной и азіатской политики. Если турки считаютъ возможнымъ вести даже пропаганду въ нашихъ владѣніяхъ, то неужели мы не должны гарантировать армянамъ въ Турціи хотя бы безопасность жизни и имущества? Отчего Турція стоитъ, въ сравненіи съ нами, въ такомъ привилегированномъ положеніи? Отчего мы не только отказываемъ въ поддержкѣ *турецкимъ* армянамъ, но даже *своимъ* армянамъ, всякими правдами и *неправдами*, вытравляемъ многовѣковой, закаленный невзгодами армянскій духъ, который могъ бы сослужить намъ службу? Отчего намъ магометане дороже христіанъ-армянъ? Мнѣ извѣстенъ случай, когда для борьбы съ «армянскимъ сепаратизмомъ» были поддѣланы статистическія данныя, выясняющія составъ населенія одного города Закавказья, при чемъ городъ былъ показанъ заселеннымъ *одними армянами,* хотя этотъ вредный сепаратизмомъ городъ былъ населенъ *на половину магометанами!*

Неужели и теперь не пробудится русская совѣсть въ вопросѣ о судьбѣ т урецкихъ армянъ, когда пролитая армянская кровь едва не сказалась и для насъ въ Андижанѣ дорогою цѣной?

Среди всѣхъ требованій, съ которыми настало теперь для великихъ державъ время обратиться къ Турціи, Россія уже формулировала свои требованія о возвращеніи армянскихъ бѣглецовъ на родину. По слухамъ, турецкое правительство согласилось на это подъ условіемъ (!) возвращенія армянъ небольшими партіями *) и безъ права на земельные участки на своемъ мѣстожительствѣ (?).

Такія условія казались очень странными, потому что, *если имѣлось въ*

---

*) По сообщенію нѣмецкихъ газетъ, первая партія будетъ въ 1,000 человѣкъ, но справедливость этихъ извѣстій ничѣмъ не подтверждается.

виду дѣйствительное возвращеніе армянъ, отказъ имъ,—земледѣльческому населенію по преимуществу,—въ средствахъ существованія только способенъ былъ бы обратить ихъ въ подонки общества, въ самый безпокойный и опасный для государства элементъ населенія.

Эти условія, поставленныя Портой, получаютъ, однако, особенно зловѣщій характеръ въ связи съ отношеніемъ ильдизъ-кіоска къ великимъ державамъ за послѣднее время,—въ связи съ проявляемымъ тамъ фанатизмомъ и отрицаніемъ всякой законной отвѣтственности въ признанной сферѣ международныхъ отношеній. Великимъ державамъ *нужно самимъ создать* гарантіи противъ этой безотвѣтственности и въ отношеніи армянъ.

Эти гарантіи должны заключаться не только въ полученіи отъ Порты *опредѣленныхъ условій поселенія* армянъ на извѣстныхъ земельныхъ участкахъ, не только въ *сопровожденіи* партій бѣглецовъ отъ границы къ мѣсту жительства *лицами консульскаго званія,* но и въ извѣстномъ *матеріальномъ* ущербѣ, съ которымъ должно быть связано для Турціи несоблюденіе установленныхъ гарантій неприкосновенности жизни и имущества ея христіанскаго населенія.

Довольно прошлыхъ уроковъ: слишкомъ дорого можетъ сказаться въ будущемъ цѣна пролитой въ Турціи крови!...»

II.

Мысли г. В. Розанова по поводу механическаго обрусенія.

Въ *Новомъ Времени* отъ 14 іюля появилась любопытная статья г. Розанова. Она касается столь обострившагося въ послѣднее время вопроса о положеніи инородцевъ въ Россіи, оказавшаго немаловажное вліяніе не только на дѣла русскихъ армянъ, но косвенно отразившагося и на участіи злополучныхъ турецкихъ армянъ, по волѣ судьбы вынужденныхъ возвратиться на родину, куда, однако, Турція не желаетъ ихъ пустить.—Г. Розановъ, чуждый столь распространенной въ нашей печати травли инородцевъ, выступаетъ рѣшительнымъ противникомъ механической или принудительной русификаціи. Не со всѣми положеніями автора можно согласиться, но они заслуживаютъ полнаго вниманія. Въ гуманныхъ мысляхъ и въ дальновидныхъ соображеніяхъ его нѣтъ ничего новаго (см. выше статьи Кавелина, Сигмы, гг. Грена, Соловьева и др.), но ново и утѣшительно, что подъ такою статьею стоитъ подпись публициста явно консервативнаго направленія и притомъ она напечатана въ газетѣ, обыкновенно проводящей совершенно иные взгляды по отношенію къ инородцамъ Россіи.—Не предаваясь черезчуръ радужнымъ иллюзіямъ, отрадно, pour la bonne bouche, отмѣтить статью г. Розанова, какъ знаменіе поворота общественнаго сознанія по армянскому вопросу на почву вѣковыхъ традицій Россіи по отношенію къ христіанамъ, отклоненіе отъ коихъ, причинивъ армянамъ неисчислимыя бѣдствія, отразилось вредно и на интересахъ Россіи. Приводимъ статью г. Розанова съ небольшими сокращеніями.

«Черненькія и бѣлыя головки дѣтей, оригинально перепутывающіяся въ Кисловодскомъ паркѣ, навели меня на мысли о современной національной перепутанности; и странно, ихъ игры завели въ лабиринтъ далекихъ политическихъ соображеній. Дѣти—всякія и вездѣ прекрасны; они вездѣ—слиты. Вотъ два черные армяненка, года по четыре каждому, ведутъ трехлѣтнюю блондинку. Сколько бережливости, чтобы, переступая черезъ дождевую канавку, она не запнулась. Съ другой стороны, около армянскихъ дѣтей—вездѣ русскія няни, здороваго и добраго московскаго типа. Я совершенно не видѣлъ около армянъ-дѣтей армянокъ-нянекъ. Вѣрно, какъ въ древности Спарта для всей Греціи давала лучшихъ кормилицъ, русскій благодушный типъ, на оцѣнку всяческихъ народностей, даетъ лучшаго пѣстуна для первыхъ безсознательныхъ и полусознательныхъ лѣтъ человѣка. И вотъ, глядя на мирную смѣшанность дѣтей всякихъ родовъ и племенъ, я вспомнилъ: «сихъ есть царство небесное», и задумался о неустроенныхъ земныхъ царствахъ.

Есть «обрусеніе» и «обрусеніе»... Политика того «обрусенія», программу коего впервые формулировали «Московскія Вѣдомости», въ сущности есть политика національнаго обезличенія, денаціонализаціи племенъ, а не универсальнаго національнаго синтеза. Оглянемся назадъ. Русь въ Кіевскій періодъ своей исторіи совершила великія культурныя и религіозныя завоеванія, почти не имѣя, по крайней мѣрѣ не формулировавъ, «программы завоеванія»; московскіе великіе «сидѣльцы», отъ Калиты до «тишайшаго» Алексѣя Михаиловича, совершили не меньшія завоеванія политическія, и также безъ замѣтнаго національнаго обостренія. Но Польша, которая всегда была полна національною и религіозною обостренностью, такъ и раскололась, и пала, не успѣвъ стесать и притупить рѣжущихъ другъ друга внутреннихъ ножей. Успѣхи Москвы и Кіева, національные и религіозные, были такъ медлительны, постепенны и «безпрограмны», что историки ищутъ и почти не находятъ документовъ о ступеняхъ, по которымъ совершилось (въ этомъ направленіи) восхожденіе русской силы. «Бѣдна русская исторія", „никакихъ яркихъ событій нѣтъ": но вотъ, посмотрите, на концѣ этой великой тысячелѣтней тишины фактъ самаго огромнаго, самаго колосальнаго, истинно тысячелѣтняго значенія: не государство, но почти міръ странъ и народовъ, между тремя океанами и почти досягающій четвертаго; первая міровая мощь; не сегодня, завтра—центръ всемірныхъ къ ней тяготѣній, центръ разыгрывающихся всемірныхъ событій.

Для этого міра странъ и народовъ, который именуется „Россіею", не бѣдна ли мыслью, не узка ли значеніемъ, не опасна ли и этою бѣдностью и тѣснотою духа программа „Моск. Вѣдомост.", какъ она была формулирована покойнымъ Катковымъ и поддерживается безъ измѣненія до сихъ поръ. Я осторожно спрашиваю; я готовъ отречься отъ сомнѣній, если мнѣ будетъ сказано твердое и доказательное «да». Филологическія ошибки бываютъ часто источникомъ ошибокъ политическихъ. Мы говоримъ „обрусеніе"; но «обрусить», т.-е. сливать съ собою до неразлучимости умѣли Кіевъ и Москва, и рѣшительно этого не умѣетъ Петербургъ. Помилуйте, чухна въ Парголовѣ, т.-е. дачномъ мѣстѣ петербуржцевъ, и 200 лѣтъ спустя послѣ „перенесенія столицы" къ нему въ сосѣдство, сохраняетъ типъ финна (лицо, языкъ, бытъ), не принявъ ни единой въ себя ниточки изъ «русскаго лица».

Фактовъ нельзя и не нужно отъ себя скрывать; и фактъ—въ томъ, что не Петербургъ отъ чухны отрываетъ дѣтей, а скорѣе чухна отъ Петербурга. Но распространите наблюденіе, и вы увидите, что Петербургъ—вѣроятно по безличности своей—вообще не имѣетъ въ себѣ ассимилирующихъ, сливающихъ, уподобляющихъ силъ. Онъ можетъ покорить; онъ совершаетъ глотокъ; но проглоченное становится въ его желудкѣ „долотомъ", отъ коего «болитъ нутро» Россіи. И эту боль отъ непереваренныхъ проглоченныхъ кусковъ мы называемъ нашими «окраинными вопросами». «Обрусить»... когда бы мы были сильны къ этому! Но это филологическая ошибка; бѣдные русскимъ сознаніемъ, русскимъ чувствомъ, «безличные» въ себѣ, мы только пытаемся снять лицо индивидуальности съ другихъ, и это зовемъ «обрусительною политикою».

Въ ней, какъ и рѣшительно во всѣхъ программахъ покойнаго Каткова (удивительно не оригинальный, не изобрѣтательный былъ умъ), мы въ сущности ужасно не оригинальны. Программа этой политики есть въ сущности программа покойной Рѣчи Посполитой, которая удалась въ Литвѣ и не удалась въ Малороссіи; программа, которая сейчасъ удается Пруссіи и не удалась въ XVIII—XIX вѣкахъ Австріи. Во всякомъ случаѣ, это не программа Кіевской Русси, Московской Руси; даже это не программа міро-владычнаго Рима. Римъ овладѣлъ міромъ (между прочимъ, и въ языкѣ овладѣлъ), никогда не вмѣшиваясь въ языкъ и нравы Трансъ-Альпійской и Цисъ-Альпійской Галліи; вездѣ проводя дороги, устраиваясь съ сосѣдями на началахъ договора и вбирая этихъ сосѣдей-«союзниковъ» («Socjes») въ себя, незамѣтно, постепенно силою, именно пищеваренія своего, но не механизмомъ глотка. Какъ ни удивительна параллель она вѣрна: Кіевъ, Москва и Римъ росли по одному закону; Петербургъ, Варшава, Вѣна, Берлинъ—по другому, гораздо болѣе узкому и, мы думаемъ, менѣе удачливому, болѣе рискованному.

Всѣ начали наблюдать, что внутреннее ядро Россіи гибнетъ, худаетъ, а окраины воскресаютъ; и это со времени и подъ вѣроятнымъ вліяніемъ именно «окраинной политики». Вглядимся въ механизмъ и средства «обрусенія», и мы кое-что поймемъ въ этомъ явленіи. Мы на окраины высылаемъ орловъ, (?) въ виду «трудныхъ и тонкихъ тамъ политическихъ задачъ», а у себя внутри довольствуемся «генералами поплоше».

Вѣдь и до сихъ поръ это же на глазахъ у всѣхъ: дѣятельнѣйшій и даровитѣйшій попечитель учебнаго округа—на Кавказѣ; выдающіеся по дарованіямъ попечители были въ Привислинскомъ краѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ. Что же сдѣлали? Вы думаете, т.-е. повидимому казалось всѣмъ, что они «обрусивали» армянъ, грузинъ, латышей. Конечно, ничего подобнаго: они дѣлали единственно то, что единственно можетъ сдѣлать даровитый человѣкъ съ спеціально отведенною ему сферою: привели ее въ цвѣтущее (?) состояніе; т.-е. они увеличили число школъ, дали имъ лучшій контингентъ учителей смягчили (?) вездѣ недостатки «уставовъ» и, при данныхъ условіяхъ, дали ученикамъ возможно наилучшее обученіе. Они создали, конечно, ни мало о томъ не думая, рядъ духовныхъ «возрожденій».

Такъ идетъ кругооборотъ политики, совершенно не по тому руслу, какъ думали нѣсколько недальновидныя «Моск. Вѣд.» 60-хъ и 70-хъ годовъ. Но

оставимъ сумрачные тенета политики, и дадимъ мѣста нѣсколько—мечтѣ. Играющіе на Кавказѣ дѣти не создали, но оживили во мнѣ одну давнишнюю политическую мечту, которую почему бы и не обсудить читателю, пусть мимолетно и какъ мимолетное впечатлѣніе. Всюду мы видимъ, за XIX вѣкъ, политическихъ «воскресающихъ Лазарей»; три дня былъ въ гробу, и уже «смердѣлъ», но пробилъ часъ и, повитый пеленами по рукамъ и ногамъ, онъ появляется изъ входа могильной пещеры, одними привѣтствуемый, другими проклинаемый. Латыши, финны, поляки, армяне, русины, чехи, раньше греки, сербы и болгары—всѣ стали или сейчасъ стоятъ на порогѣ какого-то бытія ли, небытія ли, никто пока не знаетъ; но они мучительно всѣ не хотятъ идти обратно въ гробъ и требуютъ себѣ мѣста среди живыхъ, котораго живые имъ не хотятъ или смущаются дать. Вотъ положеніе; оно—фактъ; различимъ въ этомъ фактѣ истинное, различимъ въ немъ ложное; различимъ возможное и должное.

Есть существованіе политическое, есть существованіе нравственное, которое, развѣтвляясь, имѣетъ видъ быта, характера, языка, вѣры («обличье»). Польша существовала политически и политически она сама-разрушилась. Лишь политическій щебень ея взяли себѣ сосѣди, и взяли просто какъ неудобную въ сосѣдствѣ руину: одинъ попользовался стропилами, другой—забралъ кирпичъ, третій воспользовался бревнами. Но все это взято было именно по внутренней несвязанности, какъ только этнографическій матеріалъ, безъ силъ и средствъ самостроенія, самосуществованія (политическаго). Вотъ русская половина польской истины, за коею начинается, однако, истина краковяковъ, мазуровъ, познанцевъ. Никогда и ни въ какомъ договорѣ не было написано, подписано и скрѣплено, что эти Стаси и Зоси должны стать Лизами и Иванами: начинается истина быта, языка, вѣры («обличья»), которыя никогда и ни въ какомъ договорѣ не уступались, не разрушили среди политическаго разрушенія, и отстаивая которыя поляки чувствуютъ, что они отстаиваютъ «свое», нѣкоторый остатокъ «есть» въ себѣ, нѣкоторое свое «право». Я не изъ любителей поляковъ; ихъ характеръ — мнѣ совершенно чуждъ, даже антипатиченъ; просто — я не умѣю нравственно понять ихъ, какъ вѣрно они никогда нравственно меня не поняли бы. Во мнѣ говоритъ только логика ясное чтеніе того, что написано въ договорахъ, и совершенно отчетливое сознаніе, что не можемъ же мы вписывать въ договоры, чего тамъ нѣтъ: что тутъ начинается плагіатъ, поддѣлка документовъ, но не правдивая исторія и не здравая политика.

Я упомянулъ о Польшѣ; это конечно, наиболѣе трудный уголокъ нашего политическаго бытія, всего болѣе рѣжущее «долото» въ нашемъ желудкѣ. Но ихъ нѣсколько, и это уже создаетъ трудность, которая можетъ перейти въ опасность. Безъ всякихъ подсказываній, эти окраины соединяются или завтра же соединятся сочувствіемъ: представители трехъ-четырехъ «возрожденій», разбросанные внутри Россіи, внутри Россіи служащіе и работающіе, и соединенные общимъ чувствомъ, по крайней мѣрѣ, индиферентизма къ Россіи уже образуютъ въ ней великій минусъ. Около «плохонькихъ генераловъ», оставленныхъ у насъ «дома» «для обихода», этотъ минусъ возростаетъ до огромнаго значенія и силы. Доля коренного русскаго «захуданія» должна быть отнесена какъ къ причинѣ къ этой политикѣ «русскихъ—на окраину», «окраинцевъ—внутрь»,

которую—опять не оригинально, но по примѣру Виктора Эммануила—мы практикуемъ у себя. Уничтожить эту общую трудность и возможную опасность слѣдуетъ и можно яснымъ разграниченіемъ тонко переплетенныхъ здѣсь истины и лжи.

Все ложно въ политической сторонѣ имѣющихся у насъ пяти-шести окраинныхъ «возрожееній»; и совершенно истинно все въ этихъ «возрожденіяхъ» бытовое, своеобычное, своенравное, своевѣрное. И не только истинно: все должно быть для насъ радостно. Вспомнимъ Шевченки: онъ «плоть отъ плоти нашей», и чѣмъ и какъ поправить ту огромную, ту неисцѣлимую политическую язву, какую мы нанесли себѣ, причинивъ нѣкоторыя біографическія неудобства этому русскому изъ русскихъ, на коего вздумали посмотрѣть во-истину австрійскимъ взглядомъ. Это — язва, потому что это пятно на свѣтлой русской душѣ. Вѣдь мы же повторяемъ и заставляемъ дѣтей учить въ школѣ слова Невскаго, двинувшагося на шведовъ: «не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ». Такъ развѣ сейчасъ, въ 1898 году это не такая же истина, какъ и въ XIII вѣкѣ? Россія не на день должна быть крѣпка, а на вѣка и даже—подавай Богъ — на тысячелѣтія. Сейчасъ можно успѣть силою и вѣроломствомъ; но вѣка жить, а тысячелѣтія стоять можно только правдою. Шевченку за его милыя думы на хохлацкомъ говорѣ слѣдовало наградить, дать ренту, освободить отъ крѣпостной зависимости. И въ вѣнокъ свѣта, сіяющаго надъ Россіей, вплелся бы еще лучъ, вплелся бы къ пущей ея именно политической крѣпости. Но то, что мы говоримъ, стоитъ внѣ всякихъ политическихъ цѣлей. Оно такъ хорошо, что какъ-то не хочется вплетать сюда политику. «Само приложится». Лучшія политическія побѣды—именно не програмныя.

Сущность національныхъ у насъ «возрожденій», имѣя истину въ моральной своей сторонѣ, ложно въ политической. Весьма правдоподобно, что родникъ «политиканщины» у насъ на окраинахъ лежитъ опять въ неумѣлости нашего «обрусенья». Мы наступаемъ на нравы, на языкъ, иногда и хоть чуть-чуть — на вѣру: намъ отвѣчаютъ «политикой». Мы узурпируемъ, на что не въ правѣ; и у насъ узурпируютъ то, на что въ свою очередь нѣтъ у нихъ права. Дѣло все въ томъ, что мы пытаемся «обезличить», думая, что это-то и значитъ «обрусить». Взглянемъ опять на одну частность обрусяющаго механизма: изъ нашихъ школъ выходятъ на 99 «общечеловѣковъ», «ни Господу—свѣчка, ни чорту—кочерга», одинъ «съ русскою душой» съ вѣрой отцовъ, съ центральнымъ тяготѣніемъ къ Москвѣ, Калугѣ, Рязани; и такъ, мы не умѣемъ въ русскомъ сохранить русскаго; и вотъ чрезъ тотъ же механизмъ, безъ малѣйшаго варіанта въ его устройствѣ, мы хотимъ изъ варшавянина, изъ эриванца сдѣлать... москвича? туляка? Конечно—нѣтъ и нѣтъ: мы дѣлаемъ тоже «общечеловѣка», «ни—свѣчку, ни—кочергу». Въ Соединенныхъ Штатахъ этотъ «общечеловѣкъ» занимался бы промышленностью и торговлей: тамъ $^{10}/_{10}$ человѣка ушло на это, и нѣтъ (?) въ строго-опредѣленномъ смыслѣ ни исторіи, ни религіи (національной), ни политики, какъ нѣтъ и самостоятельно и оригинально развивающейся литературы, философіи и науки. Но на европейской почвѣ всякій «общечеловѣкъ» становится немножко литераторомъ (на практикѣ или въ душѣ); немножко проповѣдникомъ и немножко политикомъ. Всякій человѣкъ, о коемъ мы думали,

что его «обрусили», проведя чрезъ Ходобая и глаголы на «мі» въ силу указанныхъ литературныхъ, проповѣдническихъ и политическихъ инстинктовъ становится дѣятелемъ мѣстнаго національнаго «возрожденія»: оно даетъ ему тему, оформливаетъ его рѣчь и мысль. Вѣдь ни одно, рѣшительно ни одно изъ пятишести нашихъ «возрожденій» не идетъ изъ населенія, отъ селъ и деревень; это—городское явленіе, и даже частнѣе—школьное, литературно-ученое.

У насъ болѣе *половины* населенія не великороссы. Россія есть именно не государство, но міръ странъ, народовъ, языковъ, религій. Задачи ея существованія и исторіи—не Варшавы, не Вѣны, не Берлины; и сапоги, въ которыхъ прошли эти чиновническія державства свои короткіе пути, износятся, да уже и износились, едва мы ступили въ нихъ нѣсколько шаговъ. Россія—другая, и все въ ней и у нея другое. И вотъ, въ предѣлахъ уже существующей у насъ національной переплетенности мнѣ хочется не развить, но дать одинъ только намекъ на возможность иной политики, мысль коей, очень давняя, какъ-то конкретно шевельнулась у меня при зрѣлищѣ играющихъ дѣтей въ Кисловодскомъ паркѣ.

Дѣти не только щадятъ „національную исключительность“: они ее культивируютъ, ее требуютъ, ее хотятъ. Вотъ странное до дикости отношеніе, при которомъ вдругъ эта исключительность теряетъ «ножъ въ себѣ», тупѣетъ, стесывается; вы около нея вращаетесь и не только не обливаетесь кровью, но испытываете какое-то ласкающее, бархатистое впечатлѣніе. Все, что по закону ненависти и на почвѣ обезличенія не только не удавалось до сихъ поръ, но и очевидно никогда не удастся,—все это по закону любви и на почвѣ культуры нравственно-народнаго лица разрѣшается само собою. Я говорю, что дѣти-армяне съ великою бережливостью ведутъ русскую дѣвочку; а русская няня, на вопросъ о способностяхъ армянскаго двухлѣтка, отвѣчаетъ: «преспособный!» И вотъ обѣихъ націй и нѣтъ въ одно и то же время, и есть онѣ, т.-е. онѣ есть, только не рѣжутся острыми краями. Края стесаны; остались закругленныя сердцевинки, которымъ не больно лежать другъ около друга. Право же, можно наблюдать и не ошибаться: сколько здѣсь, на Кавказѣ, я видалъ туземнаго привѣта въ отвѣтъ на мину же привѣта, съ которой обращаются къ человѣку, и совершенно очевидно не дѣланнаго, не притворнаго. Просто человѣкъ лучше, чѣмъ кажется; и онъ политически лучше, какъ только на минуту самъ перестаешь быть «съ политикой».

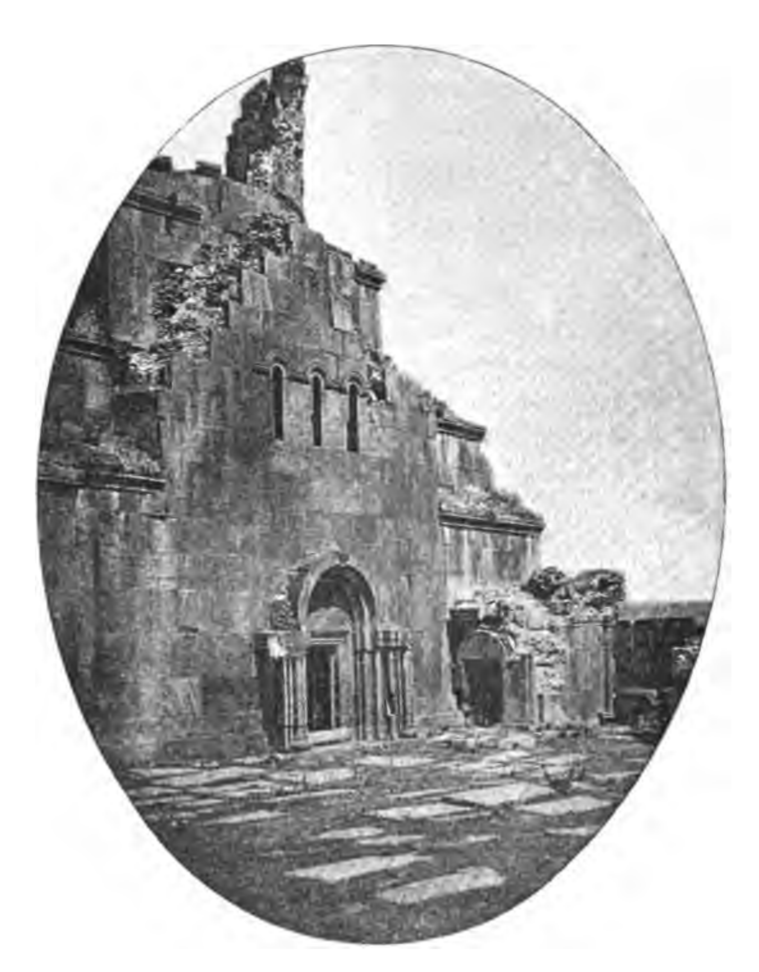
Русское ядро на всѣхъ краяхъ обложилось небольшими, но своеобразными странами ли, культурами ли, но во всякомъ случаѣ своеобличьемъ въ языкѣ, нравахъ, вѣрѣ. Могутъ онѣ стать тучами на горизонтѣ, а могутъ стать и свѣтлыми зарницами. Почему не стать Россіи на вселенскую почву, не помечтать, какъ нѣкогда она мечтала въ Москвѣ, о «третьемъ Римѣ» въ себѣ, т.-е. о третьей во времени, а сейчасъ первой и единственной правдѣ? Удивительно узки петербургскіе идеалы предъ идеалами московскихъ (?) «сидней». Мы шумимъ, бѣгаемъ; тѣ повидимому дремали, но въ ихъ дремотѣ расцвѣтали какіе великолѣпные сны! Они, эти маленькіе и безсильные народцы, «возрождаются», Лазари—предъ выходомъ изъ пещеръ; что же, растеряться ли намъ предъ этимъ зрѣлищемъ «по австрійскому» подобію, или, по примѣру Христа, не повторить ли сомнѣ-

вающимся Мареамъ: «не скорби, сестра: братъ твой не умеръ, онъ только спитъ?»—И неужели, неужели умерло благородство въ человѣческихъ сердцахъ (тогда для чего и политика»?), и неужели воскресающіе у насъ Лазари не дадутъ намъ еще героевъ какъ Багратіонъ, Барклай, какъ черноморскій *) Лазаревъ? И какое множество-множествъ еще именъ, на коихъ практически совершилось прекраснѣйшее изъ возможныхъ «сліяній центра съ окраинами»?

Я знаю, что мысли мои вызовутъ много протестовъ; что же, вѣдь я даю не программу, а почти мечту. «Не раскололась бы Россія», говорятъ ея фактическіе и недалекіе расколыватели; я же къ политическому цементу прибавляю и моральный: «послужиши всѣмъ—да и тебѣ послужатъ».

Армянка у люльки.

*) Тутъ явная ошибка: авторъ, очевидно имѣлъ въ виду „карсскаго“ Лазарева, одного изъ героевъ послѣдней турецкой, чистокровнаго армянина. (См. выше, отдѣлъ I, статью о немъ г. Потто). *Ред.*



Развалины собора св. Григорія просвѣтителя въ Дарочичагѣ (Эрив. губ.).

СОДЕРЖАНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ I.

---

* обозначены статьи и рисунки, появляющіеся впервые въ настоящемъ II изданіи.

ОТДѢЛЪ II.

I. Рисунки:

Двѣ отдѣльныя таблицы внѣ текста: Армяне-переселенцы, бѣжавшіе послѣ погрома 1896 г. изъ Турціи въ Россію:

*Группа I. . . . . . Отд. I.

*Группа II. . . . . . Отд. II.

И. К. Айвазовскій. 3 оригинальныхъ рисунка: 1) Сошествіе Ноя съ Арарата. (Отд. I, стр. 96); 2) Съ Мраморнаго моря къ ночи. (Отд. II стр. 78); 3) Выгрузка пассажировъ на Мраморномъ морѣ. (Отд. II, стр. 80); 4) * Съ картины—Избіеніе армянъ въ Трапезундѣ 1895 г. Введ. стр. XXXVII.

В. Я. Суреньянцъ. Оригинальныя заставки-иллюстраціи: 1) Еван. отъ Матѳея, глава 11, ст. 28 (стр. I введ.); 2) барельефъ Эчміадзинскаго стиля (стр. 2); 3) Апоѳеозъ поэзіи, отд. I, стр. 1); 4) Мостъ вздоховъ (стр. 3, II отд.); 5) * Семья Ванскихъ голодающихъ армянъ (обраб. фотогр. сним. стр. LXXXII. Введ.) и оригинальныя заставки въ армянскомъ стилѣ (ст. III, XXIII LXX введ.).

***Мэгдесіанъ.** Весенняя буря (стр. 427).

II. Портреты:

1) **Введ.** *Гладстонъ (стр. VI и L.); 2—3) В. А. Гольмстремъ (стр. XII); 4) Вашингтонскій епископъ Генри Саттерленъ (стр. XXXIII); 5) Б. Константинопольскій патріархъ Измирліанъ (стр. XLIV); **Отдѣлъ I.** 6) О. Шарметанъ (стр. LXXI); 7) Бѣлинскій (стр. 3); 8) Семья Бѣлинскаго (стр. 5); 9) Грановскій (стр. 17); 10) Архіеп. Айдыньянъ (стр. 176); 11) о. Леонъ Алишанъ (стр. 178); 12) Н. О. Эминъ (стр. 180); 13) К. П. Паткановъ (стр. 187); 14) Н. А. Бѣлоголовый (стр. 269); 15) графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ (стр. 271); 16) И. Д. Лазаревъ (стр. 288); 17) А. А. Тергукасовъ (стр. 302); 18) Б. М. Шелковниковъ (стр. 313); 19) Я. К. Алхазовъ (стр. 333); 20) графъ И. Д. Деляновъ (стр. 335); 21) Каѳоликосъ Геворкъ IV, основат. Эчміадзинской Духовной Академіи (стр. 389); 22); Каѳоликосъ Мкртичъ I (1893 г.) (стр. 397); 23) Депутаты армянскихъ епархій Россіи, Турціи и пр., избравшіе Мкртича I (стр. 400); 24) И. К. Айвазовскій (стр. 425); 25) П. Адамьянъ въ роли Гамлета (стр. 428); 26) Св. Варданъ Мамиконьянъ (стр. 485); 27) М. Е. Салтыковъ (стр. 498); 28) * Патріархъ Нерсесъ V (стр. 525); 29) * Л. Н. Лазаревъ (стр. 538); 30) * И. Л. Лазаревъ (стр. 540); 31) * Я. Л. Лазаревъ (стр. 542); 32) * Х. Я. Лазаревъ (стр. 543); 33) Г. И. Канановъ [† 4 іюня 1897 г. (стр. 545); 34) Архіеписк. Хоренъ Нарбей (стр. 589); 35) Рафаэль Патканьянъ (стр. 590). 36) * О. Шмавоньянъ, родонач. арм. пресевы (стр. 594). **Отдѣлъ II.** 37) Эмиль Диллонъ (стр. 11); 38) Корресп. Э. Диллонъ въ курдскомъ костюмѣ (стр. 14); 39) Гладстонъ на Ливерпульскомъ митингѣ 29 сентября 1896 г. (стр. 64); 40) Султанъ Абдулъ-Гамидъ II (стр. 66); 41) Матеосъ Измирліанъ, Константинопольскій патріархъ (1895—1896 гг.) (стр. 71). 42) Мкртичъ I Айрикъ (1889 г.) (стр. 133).

III. Виды и типы Турецкой Арменіи, Закавказья и пр.

Введеніе.

ОТДѢЛЪ I.